

9(3)
B-514

20 — $\frac{3}{238}$

801-14
1730

Ф5
K

Проф. Р. Випперъ.

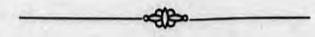
ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

ВЪ КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

IX—IV вв. до Р. Х.

Цена 3 руб.

Шифр: W $\frac{58}{128}$ 18
V $\frac{309}{79}$ K1 89

9(3)

ИСТОРИЯ ТРЕТИН

В. П. МЯГКОПЕТКОВА И ДРУГИЕ

1917-1918

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

4065-06

2005305722

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

БЕЗВРЕМЕННО ПОГИБШЕЙ

МОЕЙ МИЛОЙ ДОРОГОЙ ПОДРУГИ ЖИЗНИ

Анастасии Васильевны

ВИППЕРЪ.

1950
Уиб. Дб. 10367 1970 г.
1946

1931

985-43
1944

1956

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет продолженіе, дополненіе и переработку университетскаго курса, первая часть котораго вышла въ 1905 г. подъ заглавіемъ «Лекціи по исторіи Греціи». Изложеніе, доведенное въ «Лекціяхъ» до 404 г., продолжено теперь на слѣдующій IV вѣкъ и заканчивается паденіемъ самостоятельности Аѳинъ въ 322 году. Въ отличіе отъ первой книги, характеристики учреждений, политическихъ идей и общественныхъ настроеній на всемъ протяженіи отъ Гомера до гибели независимой Греціи дополнены изображеніемъ главнѣйшихъ фактовъ внѣшней исторіи. Кромѣ того, большая часть ранѣе имѣвшихся отдѣловъ подверглась пересмотру и измѣненію.

Составитель опредѣленно отказался отъ включенія въ книгу какъ старинной Эгейской культуры, такъ и македонско-аллинистическаго періода. Книга вышла и безъ того очень большой; а въ то же время въ ней есть данная самимъ предметомъ цѣльность, которую не хотѣлось нарушать; въ своемъ нынѣшнемъ видѣ она обнимаетъ исторію Греціи въ классическую эпоху, т.-е. за время развитія городского республиканскаго быта. По тѣмъ же двумъ соображеніямъ, чтобы не увеличивать безъ предѣла размѣровъ книги и не лишать ея однородности содержанія, составитель ввелъ явленія культурной исторіи лишь въ той степени, насколько это казалось нужнымъ для выясненія политической и общественной жизни древней Греціи.

Москва, июнь 1916 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Политико-географический очерк античной Греции 1—23. Горы Греции и внутренние границы областей 1. Кантонализм 2. Автономия греческих общин 4. Присяга граждан греческой общины 6. Обработка земли и орошение 7. Море 10. Морские пути и связи 11. Эмиграция 13. Греческий патриотизм 14. Подвижность греческого народа 15. Характеристика греков в устах их писателей 17. Скорость развития греческой народности 19. Воинственность греков 20. Греки—представители желѣзного вѣка 21. Греция и Восток 23.

II. Героический вѣкъ 24—72. Эгейская культура и гомеровский эпос 24. Оукидидь и Геродотъ о греческой старинѣ 24. Гомеровскій вопросъ въ ново-европейской наукѣ до археологическихъ открытій 28. Новые взгляды на Гомера съ конца XIX вѣка 29. Гомеровскій вѣкъ—греческое средневѣковье 31. Гомеровскія поэмы—искусственный рыцарскій эпос 32. Гомеръ—современникъ и дѣлатель героическаго вѣка 34. Историческая основа гомеровскихъ поэмъ 36. Хронологія героическаго вѣка 39. Общественное устройство по Гомеру 39. Старинная группировка общества 40. Новая военная организация 42. Характеристика аристократіи у Гомера 44. Аристократическіе роды 46. Политическій строй героическаго вѣка 48. Совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе 51. Землевлѣдѣніе героическаго вѣка 53. Низшіе классы по Гомеру 55. Рабство по Гомеру 56. Соціальная картина у Гесиода 57. Бытъ и мораль крестьянства 59. Торговля и индустрія героическаго вѣка 61. Мифологія и религія Гомера 64. Религіозныя понятія Гесиода 67. Пессимистическія пророчества Гесиода 68. Кризисъ героическаго вѣка 71.;

III. Начало городской жизни 73—117. Старинныя общины европейской Греции 73. Теократическій характеръ раннихъ общинъ 74. Старинный религіозный судъ 76. Вторженіе военного права въ жизнь общинъ 78. Начало колонизаціи 80. Планомѣрная колонизація 82. Внешнія очертанія колонизаціи 86. Изобрѣтенія въ области индустріи и торговли 88. Возникновеніе городовъ 91. Союзы торговыхъ общинъ и столкновенія ихъ 92. Синоикизмы 93. Городское управленіе 94. Борьба классовъ въ эпоху возникновенія городовъ 95. Вожди новаго городского общества 97. Внутренняя политика тирановъ 99. Низверженіе тиранніи и социальная реакція 100. Настороженіе и теорія эпохи социальныхъ столкновеній 102. Позднѣйшія сужденія грековъ о тираннахъ 103. Развитие городского суда 104. Составленіе городскихъ судебныхъ 105. Уголовные законы Драконта 106. Гражданское право Гортинскаго судейника 109. Нравственныя понятія городского общества 112. Развитие рационализма 113. Начало исторической науки 115.

IV. Спарта и Аѣны въ VI в. до Р. X. 118—168. Пелопоннесскія области 118. Источники исторіи Спарты 118. Бытовые черты старинной Спарты 120. Военно-землевлѣдѣльскій классъ въ Спартѣ 121. Политическое устройство Спарты 123. Внешняя политика Спарты 125. Отношенія Спарты къ другимъ пелопоннесскимъ общинамъ 127. Пелопоннесскій союзъ 129. Недостовѣрность аѣнской исторіи VII—VI вѣковъ 130. Начало изслѣдованія исторіи Аттики 132. Сельское и приморское населеніе Аттики 134. Борьба партій и тиранніи 137. Исторія аѣнской тиранніи въ позднѣйшемъ изображеніи 137. Соціальная реформа Солона по Аристотелю и Плутарху 139. Политическая реформа Солона по Аристотелю и Плутарху 141. Анализъ соціальной картины Аристотеля и Плутарха 143. Анализъ конструкціи политической

реформы Солона 146. Возникновеніе гипотезы о 4 классахъ 147. Подлинные классы аѣнскаго общества 149. Солонъ какъ тиранъ Аѣны 150. Законы Солона 151. Внешнія отношенія Аѣны при Солонѣ и Писистратѣ 153. Паденіе тиранніи въ Аѣнахъ 155. Клизеентъ—организаторъ сельской Аттики 157. Политическія нововведенія Клизеента 159. Соціальныя мотивы реформы Клизеента 160. Внешняя политика Аѣны послѣ реформъ Клизеента 162. Писистратъ и Клизеентъ, какъ организаторы возникающей демократіи 163. Объединенная Аттика и другія общины Греціи 166.;

V. Греко-персидскія войны 169—213. Общее строеніе персидской державы 169. Финансы персидскаго государства 171. Персидская администрація 173. Военное устройство персовъ 174. Персидская держава и малоазійскіе греки 175. Геродотъ—историкъ греко-персидскихъ войнъ 177. Ионійское возстаніе 180. Подготовка перваго похода на Грецію 183. Национальныя учрежденія грековъ. Дельфы 183. Олимпійскія игры 186. Спарта въ началѣ V вѣка 187. Аѣны въ 90-хъ годахъ V вѣка 188. Нападеніе персовъ на Эвбею и Аттику 190. Мараѣонская битва 190. Персы и Греція послѣ похода 490 года 193. Борьба партій въ Аѣнахъ и возникновеніе военного флота 194. Походъ Кееркса 197. Федерація грековъ въ борьбѣ за независимость 199. Защита Средней Греціи 202. Разгромъ Аттики и Саламинская битва 203. Остановка греческой обороны 206. Конецъ персидскаго нашествія 207. Условія пораженія персовъ 209. Оцѣнка побѣды среди самихъ грековъ 211. Черты религіозной историографіи 212.

VI. Великая аѣнская республика 214—276. Общія послѣдствія національной войны 214. Переходъ гегемоніи на морѣ къ Аѣнамъ 215. Делійская симмахія 217. Территорія союза 219. Укрѣпленіе Аѣны и Пирея 220. Возвышеніе морскаго демоса 22. Стратегія и демагогія 223. Продолженіе національной войны и первые захваты аѣнцями 226. Паденіе Фемистокла и гибель Павсанія 228. Демократическія движенія въ пелопоннесскихъ общинахъ 231. Превращеніе делійскаго союза въ аѣнскую державу 233. Героическая лирика и драма 236. Религіозная философія эпохи національной войны 237. Вожди радикальной демократіи 239. Паденіе консервативной партіи въ Аѣнахъ 242. Введеніе демократической конституціи въ Аѣнахъ 244. Юридическая охрана аѣнской демократической конституціи 246. Соціальная сторона демократической реформы 249. Оцѣнка демократической конституціи у современниковъ 252. Внешняя политика радикальной демократіи 254. Усиленіе аѣнской державы 256. Беотія до середины V вѣка 258. Египетская катастрофа аѣнцями и ея слѣдствія 260. Сокращеніе радикальной программы 262. Конецъ національной войны 263. Аѣнскія колоніи, какъ средства укрѣпленія державы 264. Конституція беотійскаго союза 267. Кризисъ завоевательной политики Аѣны 269. Соціальная и финансовая политика Перикла 271. Консервативная оппозиція и ея крушеніе 274.

VII. Торговый подъемъ Аѣны и большая междуоубная война 277—334. Колониальная предпріянія аѣнцями на западѣ 277. Возстаніе на островѣ Самосѣ 279. Восточная колонизація и торговля Аѣны 281. Единовластіе Перикла 283. Нравы аѣнской демократіи 285. Демосъ въ качествѣ влѣдителя державы 286. Культура аѣнскаго народа 289. Начало аѣнской ученой школы 292. Преслѣдованіе свободы мысли въ Аѣнахъ 293. Великая Пелопоннесская война и ея историкъ 295. Столкновеніе Аѣны и Коринва 297. Переговоры между Спартой и Аѣнами 300. Мнѣнія современниковъ о причинахъ и виновникахъ войны 302. Силы противниковъ и планы борьбы 304. Начало десятилѣтней войны 306. Паденіе Перикла 308. Аѣнская партія послѣ Перикла 309. Выступленіе пелопоннессцевъ на морѣ и возстаніе на Лесбосѣ 310. Революція на о. Коркиръ 314. Оукидидь о социальной борьбѣ въ Греціи 314. Бои въ западной Греціи и первая сицилійская кампанія 317. Успѣхи аѣнцями въ Мессеніи 320. Финансовыя затрудненія Аѣны 322. Общее положеніе въ Аѣнахъ середины 20-хъ годовъ 324. Аѣнская политическая комедія 325. Пораженіе аѣнцями въ Мессеніи и усиленіе Фивъ 328. Завоеваніе Халкидики Брасидомъ 329. Никіевъ миръ 332.

VIII. Паденіе аѣнской державы 335—404. Политическія послѣдствія большой междуоубной войны 335. Реакціонная оппозиція въ Аѣнахъ 336. Софистическое просвѣщеніе 338. Просвѣтительная дѣятельность Сократа 341. Политическія идеи сократовскаго кружка 343. Организация реакціонныхъ клубовъ. 345. Политическія мечтанія и программы реакціонеровъ 347. Демократическое воинство 350. Наступательная политика Алкивиада въ Пелопоннесѣ 351. Начало новаго возвышенія Спарты 353. Подготовка великаго похода аѣнцями на западъ 356. Большая сицилійская экспедиція 358. Процессъ гермокопидовъ 360. Измѣна Алкивиада 363. Осада

Сиракузь 365. Вторая экспедиція къ Сиракузамъ и начало Декелейской войны 367. Катастрофа афинянъ въ Сицили 368. Начало олигархическаго движенія въ Афинахъ 370. Настроенія въ Афинахъ 372. Соціальное положеніе въ Афинахъ 374. Выступленіе Спарты въ Эгейскомъ морѣ и договоры ея съ персами 376. Ионійская война 379. Подготовка олигархической революціи въ Афинахъ 380. Олигархическій переворотъ 383. Возстаніе демократическаго войска 385. Низверженіе олигархія въ Афинахъ и умѣренная конституція 388. Геллеспонтская война 390. Возстановленіе демократіи 393. Полновластіе и паденіе Алкивиада 394. Великая битва при Аргинусахъ и процессъ стратеговъ-побѣдителей 398. Катастрофа афинскаго флота и капитуляція Афинъ 401.

IX. Раздробленіе Греціи и объединеніе Сицили 405—471. Разореніе и соціальныи разладъ въ Греціи 405. Соціальныя ученія IV вѣка 408. Второй олигархическій переворотъ въ Афинахъ 409. Правленіе Тридцати 411. Паденіе олигархическаго правительства и столкновеніе трехъ партій 414. Реставрація демократіи 416. Обвиненіе Сократа 419. Общественная дѣятельность Сократа въ послѣднюю пору его жизни 422. Процессъ Сократа 427. Послѣдователи Сократа 430. Походъ Кира на Вавилонъ и отступленіе Десяти тысячъ грековъ 431. Возобновленіе греко-персидскихъ войнъ 434. Соціальныя волненія въ Спартѣ 435. Походъ Агеслала въ Азію 437. Коалиція противъ Спарты 438. Коринфская война 440. Борьба классовъ и коммунистическія ученія 441. Возрожденіе завоевательной политики Афинъ 444. Царскій миръ 447. Торжество Спарты надъ раздробленной Греціей 449. Монархическое объединеніе на окраинѣ греческаго міра 452. Колониальная политика Кароагена 453. Соціальныя условія паденія сицилійскихъ общинъ 455. Гибель сицилійскихъ городовъ и приливъ населенія въ Сиракузы 456. Паденіе сиракузской демократіи 459. Начало тиранніи Діонисія 462. Образованіе сицилійской монархіи 464. Финансы и администрація Діонисія 466. Тираннія Діонисія и общественное мнѣніе въ Греціи 469.

X. Послѣднія объединительныя попытки и упадокъ политическаго интереса въ Греціи 472—524. Покореніе Азіи—національное призваніе грековъ 472. Политика Афинъ послѣ Анталкидова мира 476. Побѣда демократіи въ Фивахъ и начало второго афинскаго морскаго союза 478. Конституція второго морскаго союза 479. Афины и Фивы въ войнѣ со Спартой 483. Крушеніе общегреческаго мирнаго конгресса 484. Побѣда Фивъ надъ Спартою и ея послѣдствія 487. Конгрессы грековъ въ Дельфахъ и при персидскомъ дворѣ 491. Колебанія афинской политикки 493. Послѣдніе успѣхи фиванцевъ 495. Паденіе Каллистрата 496. Разстройство афинскаго морскаго союза 497. Упадокъ афинской демократіи 499. Программа миролюбивой торговой республики 501. Ослабленіе интереса къ политикѣ 505. Упадокъ афинской культуры 506. Политическіе и соціальныя взгляды Платона и его школы 508. Церковно-педагогическая система Платона 511. Черты платоновской религіи и научнаго богословія 514. Соціальное ученіе Платона и консервативныя предложенія Исократы 516. Административное право общины спасенныхъ 518. Преступленіе и наказаніе по Платону 520. Общество грядущаго бюрократическаго государства 522.

XI. Гибель республиканской Греціи 525—575. Условія возвышенія Македоніи 525. Общій характеръ македонскаго государства 526. Вмѣшательство Македоніи въ греческія дѣла 528. Возникновеніе македонской партіи въ Афинахъ 530. Первые политическія выступленія Демосоена 531. Заключеніе мира между Афинами и Филиппомъ 533. Первые успѣхи Филиппа въ Средней Греціи 535. Манифестъ македонской партіи въ Афинахъ съ призывомъ къ великой восточной войнѣ 536. Общее положеніе въ Греціи 538. Возрожденіе республики въ Сицили 539. Общдѣиіе и обезлюдѣніе Греціи 542. Организаяія борьбы съ Македоніей 543. Разрывъ Афинъ съ Филиппомъ 547. Война въ проливнахъ и управленіе Демосоена 550. Херонейская битва и Коринфскій договоръ 552. Водареніе Александра и катастрофа Фивъ 556. Походъ Александра на востокъ и его греческіе противники 558. Катастрофа Спарты и колебанія Афинъ 561. Ламійская война и катастрофа Афинъ 563. Научный институтъ Аристотеля 565. Соціально-политическія воззрѣнія Аристотеля 566. Аристотель, какъ изслѣдователь въ области государственнаго права 568. Система государственнаго права у Аристотеля 570. Аристотель и Афины 573.

I. Политико-географическій очеркъ античной Греціи.

Горы Греціи и внутреннія границы областей. Греческія племена занимали южную часть Балканскаго полуострова, составляющую около $\frac{1}{4}$ всей массы его территоріи. Едва ли есть другая страна въ Европѣ, настолько обособленная, такъ мало связанная съ остальными частями материка. Строепіе горныхъ вѣтвей Греціи крайне благоприятно для защиты страны. Завоеватель, продвигающійся съ сѣвера, встрѣчаетъ неодолимые препятствія. Трудно проходимые хребты перегораживаютъ путь поперекъ, и движеніе изъ одной области въ другую идетъ по узкимъ ущельямъ и горнымъ тропинкамъ. Эти проходы возможно защищать мелкими отрядами противъ крупныхъ силъ, какъ показала знаменитая оборона Фермопилъ въ 480 г. въ большой греко-персидской войнѣ.

Западный край сѣверной Греціи, Эпиръ, совершенно неприступенъ съ суши. Лежащая на востокъ большая равнина Фессалии закрыта съ сѣвера отъ Македоніи горизонтальнымъ хребтомъ, и только у моря, черезъ низовье рѣки Пеней, между массивами Олимпа и Оссы, есть возможность проникнуть внутрь страны. При дальнѣйшемъ движеніи на югъ поднимаются новыя загородки. Въ южной части Фессалии хребетъ Отрисъ отдѣляетъ широкую долину рѣки Пеней отъ бассейна рѣки Сперхія. Изъ этой южной части Фессалии выходъ въ Среднюю Грецію (нынѣшнюю Ливадію) загороженъ массивомъ Этой, и опять проникнуть дальне возможно лишь узкой полосой вдоль моря; это и есть Фермопилы, т.-е. ворота горячихъ ключей. Западъ Средней Греціи, области Акаранія, Этолія, Фокида, двѣ Локриды и маленькая Дориды—похожи по своему строенію на Эпиръ и, благодаря крайней скудости, не представляли ничего привлекательнаго для завоевателя. Поэтому Ксерксъ, а позднѣе Филиппъ Македонскій, вслѣдъ за форсированіемъ Фермопилъ, оба повернули на востокъ и двинулись на равнину Беотіи. Между Беотіей и Аттикой опять трудно проходимый горный кряжъ Кноеронъ. Одолѣвши его и продвигаясь еще дальше на югъ,

завоеватель доходить до Истма, т.-е. перешейка, ведущаго къ Пелопоннесу, южной наиболѣе отдѣленной отъ материка, почти островной части Греціи (нынѣшняя Морея). Здѣсь, впереди этой крайней, послѣдней крѣпости Эллады, есть еще одна загородка, окаймляющая перешеекъ съ юга, горы Коринѳа. За этой линіей укрѣпленій помѣщалась самая крупная сухопутная сила Греціи, Пелопоннескій союзъ со Спартой во главѣ.

Въ свое время предки спартанцевъ и другихъ воинственныхъ дружинъ Пелопоннеса, доряне, прошли съ сѣвера всѣ пять загоронокъ въ ожесточенныхъ бояхъ и засѣли въ неприступной крѣпости юга, омываемой со всѣхъ сторонъ моремъ. Отсюда руководители военной громады пелопоннесцевъ, спартанцы, пытались нѣсколько разъ захватить господство надъ остальной Греціей; всякій разъ они должны были обезпечивать себѣ свободное движеніе на сѣверъ форсированіемъ проходовъ. Въ свою очередь противники Спарты употребляли всѣ усилія, чтобы закрыть ей выходъ изъ Пелопоннеса, и къ этимъ именно усиліямъ свелось одно изъ самыхъ упорныхъ греческихъ междоусобій, такъ наз. коринѳская война, начавшаяся въ 395 году: оиванцы, аециане и коринѳяне блокировали сѣверную сторону прохода, спартанцы старались прорваться съ юга изъ Пелопоннеса. Безыльная пробить дорогу черезъ Истмъ, Спарта должна была отозвать домой царя Агесилая, побѣдоносно двигавшагося въ глубь персидской державы.

Ни Спартѣ, ни какой-либо другой общинѣ не удалось объединить европейскихъ грековъ. Европейская Греція лишена единства; въ ней нѣтъ ничего похожего на такой центръ, откуда возможно было бы установить господство надъ другими областями (каково, напр., въ Испаніи Кастильское плоскогоріе). Хорошо защищенная отъ внѣшняго врага, страна, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря строенію горныхъ вѣтвей, раздроблена на мелкія области, совершенно разобщенныя между собою. На горныхъ склонахъ, обращенныхъ въ разныя стороны, въ небольшихъ котловинахъ, закрытыхъ съ трехъ сторонъ и имѣвшихъ выходъ только къ морю, легко могли удержать самостоятельность небольшія группы населенія. Даже рѣки, обычно соединители поселковъ, расположенныхъ вдоль ихъ теченія, въ Греціи не служили связующимъ элементомъ. Нерѣдко, напр., русло потока перерублено пополамъ горнымъ гребнемъ; рѣка убѣгаетъ въ ущелье, спертое горами, скатывается сразу внизъ на другую террасу, и верхняя долина оказывается совершенно отрѣзанной отъ сухопутныхъ сношеній съ нижней.

Кантонализмъ. Въ Греціи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь даны подходящія условія для развитія кантональнаго строя. Нигдѣ въ такой мѣрѣ физическое строеніе не содѣйствуетъ возникновенію партикуляризма, не-

ключительнаго интереса къ своимъ мѣстнымъ дѣламъ. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить съ античной Греціей средневѣковую Швейцарію. Это тоже страна разобщенныхъ долинъ и замкнутыхъ каптоновъ. Въ Швейцаріи горные проходы имѣли огромное, можно сказать, рѣшающее историческое значеніе. Швейцарскій союзъ сложился благодаря тому, что горцамъ выгодно было держать въ своихъ рукахъ альпійскіе проходы и пользоваться доходами товарнаго и пассажирскаго движенія, которое соединяло Германію и Францію съ Римомъ и Средиземнымъ моремъ. Выгоды эти заставили ихъ совместно оберегать господство надъ проходами; отсюда возникло соединеніе швейцарскихъ общинъ, ихъ союзъ. Но всѣ альпійскіе проходы лежатъ въ одной горизонтальной линіи и имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое значеніе для жителей большинства швейцарскихъ каптоновъ. Иначе въ Греціи, гдѣ они расположены вертикально, послѣдовательно отдѣляя одну область отъ другой. У грековъ не было общаго интереса для защиты каждаго барьера въ отдѣльности; всякій кантонъ думалъ лишь о ближайшей къ нему загородкѣ; чѣмъ дальше онъ былъ расположенъ отъ начала пути, тѣмъ менѣе у него было интереса къ защитѣ верхнихъ частей. Въ великой персидской войнѣ 481—79 гг. Спарта и другіе пелопоннесцы хотѣли защищать только свой «островъ» и собирались ограничиться возведеніемъ укрѣпленной стѣны на перешейкѣ; они весьма неохотно слѣдовали планамъ аецианъ и другихъ грековъ, жившихъ сѣвернѣе Истма. Въ свою очередь весь союзъ, оборонявшійся противъ персовъ и состоявшій изъ пелопоннесцевъ и средне-греческихъ общинъ, обнаружилъ такое же невниманіе къ сѣверной окраинѣ Фессаліи. Два сѣверные барьера были покинуты безъ защиты, и лишь для обороны Оермопилъ, третьяго, считая съ сѣвера, прохода, двинуты были союзныя ополченія.

Нигдѣ въ исторіи, ни раньше, ни позже нельзя указать примѣра такого кантональнаго дробленія, какъ въ древней Греціи; области, равныя самымъ мельчайшимъ единицамъ современнаго государства, можно сказать, всякій городокъ, всякая деревня искали полной самостоятельности. На одномъ классическомъ примѣрѣ видно, какъ эта жизнь выросла изъ самихъ физическихъ условій.

На сѣверномъ берегу Пелопоннеса, вдоль Коринѳскаго залива, тянется узкой полосой на протяженіи приблизительно 120 километровъ Ахайя. Ширина этой области только въ одномъ мѣстѣ доходитъ до 50 километровъ; по большей части сухопутная граница области на югѣ гораздо ближе къ морю, въ 20-ти или даже 15-ти километрахъ разстоянія отъ берега. Вся эта продольная полоса разрѣзана поперечными отрогами Аркадскихъ горъ, которыя составляютъ сухопутную гра-

ницу Ахайи, почти правильно на крошечныя поперечныя полоски въ 10—12 километровъ шириною. Общій видъ у всѣхъ этихъ полосокъ почти одинаковъ: въ серединѣ рѣчка или потокъ, сбѣгающій къ морю, по краямъ—горные отроги, загораживающіе долинку отъ двухъ сосѣднихъ, расположенныхъ справа и слѣва. Такая маленькая котловина, всюду замкнутая, открытая только къ морю, въ 80 или 100, самое большее въ 120 кв. километровъ (100 кв. верстъ), составляетъ самостоятельную *πόλις*, т.-е. общину съ городкомъ, который является иногда единственнымъ поселкомъ территоріи. Вся Ахайя состояла изъ 12 самостоятельныхъ общинъ; изъ нихъ лишь двѣ лежали не у моря; остальные десять имѣли тотъ видъ, который былъ только что описанъ.

Автономія греческихъ общинъ. Въ тѣсныхъ рамкахъ, начерченныхъ природою страны, вырабатывается особливая греческая автономія и свобода, *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία*, о которой горячо толкуетъ обыватель каждой маленькой общины и которая неизбѣжно фигурируетъ во всѣхъ соглашенияхъ, договорахъ и трактатахъ грековъ. Въ современномъ крупномъ государствѣ понятие политической свободы несравненно шире, но и гораздо менѣе опредѣленно: оно относится къ группѣ дѣйствій на большомъ просторѣ, но не къ дробнымъ территоріямъ, не къ реальнымъ маленькимъ категориямъ лицъ. У грековъ понятие свободы прежде всего своимъ остриемъ обращено на ближайшихъ сосѣдей: не зависѣть отъ нихъ—вотъ что значитъ быть свободнымъ.

Въ этомъ смыслѣ высказывается одинъ изъ персонажей драматизированной Фукидидомъ великой греческой войны. Фукидидъ рассказываетъ о столкновеніи эвванцевъ и аонянъ въ 424 г., которое кончилось крупнымъ пораженіемъ аонянъ при Делин; передъ самой битвой начальникъ беотійскаго ополченія, Пагондъ, произноситъ рѣчь, стараясь вызвать въ воинствѣ энергію сопротивления. Онъ говоритъ, между прочимъ: «какъ же вамъ не биться изо всѣхъ силъ! Вы всегда выходили на непріятели, если онъ къ вамъ вторгался. А ужъ на аонянъ надо и подавно выйти, потому что они ваши сосѣди. Въдъ это общій законъ, что не уступать сосѣдямъ, значить, вмѣстѣ съ тѣмъ быть независимымъ»¹. Сосѣди собственно названы «обитателями сосѣдняго города» (*ἀστυγείτονας*). Это совсѣмъ не то, что сосѣди въ понятіи нынѣшнихъ европейскихъ народовъ. У грековъ сосѣди—нѣчто несравненно болѣе реальное и задѣвающее. Въ концѣ-концовъ, сосѣди и есть самые величайшіе и ожесточеннѣйшіе враги. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть злѣе вражды эвванцевъ и платейцевъ, ближайшихъ между собою сосѣдей, которые принадлежали къ одному и тому же племени, говорили на одномъ и томъ же нарѣчій? Когда спартанцы, послѣ трехлѣтней осады Платей въ 427 г., взяли маленькій городъ и

уничтожили укрѣпленія его въ отместку за союзъ Платей съ Аоннами, они хотѣли все-таки пощадить сдавшихся платейцевъ; но безжалостными и непримиримыми обвинителями платейцевъ выступили эвванцы: они требовали поголовной казни геройскихъ защитниковъ Платей.

Между сосѣдями непрерывныя пограничныя ссоры и стычки. Другъ у друга отрѣзываютъ источники прѣсной воды, запахиваютъ чужія поля, отнимаютъ выгоны. Всюду въ Греціи можно указать такія полоски земли, пограничныя между двумя областями, которыя служатъ предметомъ традиціоннаго спора многихъ поколѣній, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки. Такова вѣчная ссора изъ-за выгона фокидянъ и локровъ въ средней гористой части Греціи, или споръ аонянъ и эвванцевъ изъ-за пограничнаго мѣстечка Оропоса и много другихъ. Очень характерно, что сосѣди не заключаютъ между собой окончательнаго мира, а только короткія перемирія, напр., на 10 дней, которыя они не устаютъ безконечно возобновлять, точно самое обыкновенное будничное дѣло.

Пожалуй, можно сказать, что автономія—вѣчно безпокойное состояніе. Фукидидъ, изображающій великое общее междоусобіе въ Греціи, даетъ намъ возможность заглянуть также въ жизнь мелкихъ и мельчайшихъ уголковъ раздробленной страны. Въ то время, какъ двѣ большія воюющія державы ведутъ крупныя операціи, всюду кипитъ борьба сосѣдскихъ маленькихъ общинъ; онѣ, конечно, увлечены поповолѣ въ союзъ съ Аоннами или Спартой, онѣ не могутъ сохранить нейтралитетъ благодаря давленію крупныхъ державъ, но ихъ дѣйствія въ то же время—не что иное, какъ оживленіе старыхъ, повсемѣстныхъ споровъ.

Поэтому маленькая греческая община обыкновенно вся состоитъ изъ воителей. Всѣ умѣютъ владѣть оружіемъ; въ походъ часто идутъ *πανδημίαι*, всѣмъ народомъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ набѣги на сосѣдей образуютъ правильное лѣтнее занятіе. Во время большой междоусобной войны, начавшейся въ 431 г., пелопоннесцы изъ года въ годъ направляются лѣтомъ черезъ перешеекъ на разореніе Аттики; и каждый годъ, по Фукидиду, походъ кончается одинаково, такъ что въ текствѣ постоянно встрѣчается стереотипная фраза: «когда у нихъ вышелъ весь захваченный съ собою провіантъ, они вернулись домой и разошлись по своимъ общинамъ». А относится это замѣчаніе по преимуществу къ маленькимъ городкамъ и областямъ съ населеніемъ въ 5—10 тысячъ жителей.

Автономія не ограничивается однимъ управленіемъ, она простирается на всѣ явленія жизни, на область вѣры и эстетики, на серьезное и на забаву, на предметы поклоненія и на средства развлеченія.

У каждой общины свой мѣстный патрошъ, своя святыня, обыкновенно останки героя, какая-нибудь знаменитая могила, съ охраной которой связано само существованіе общины. Изъ-за костей тоже идутъ вѣчныя усобицы; предприимчивые люди норовятъ похитить у сосѣдей чудодѣйственную святыню, забрать ее себѣ и спрятать въ свою очередь подъ десятью запорами. У каждой общины свои праздники, свой календарь, свои посты и священныя примѣты: въ Аонахъ одно, въ Спартѣ другое, въ Дельфахъ третье. Ни за что граждане не отложатъ своего праздника, не пожертвуютъ своимъ отдыхомъ, не отмѣнятъ традиціонныхъ хороводовъ, музыкальныхъ состязаній, драматическихъ плясокъ и гимнастическихъ игръ. Во время греко-персидскихъ войнъ спартапцы теряютъ драгоценное время изъ-за того, чтобы справить по всеѣмъ обычаямъ праздникъ Карней. Иногда среди похода вдругъ уходило домой ополченіе какой-нибудь общины, чтобы не пропустить наступившей праздничной поры. Въ 412 году важный стратегическій планъ разстроился благодаря неисправимой привычкѣ грековъ забывать обо всемъ въ мѣрѣ изъ-за праздника. Пелопоннесцы замыслили отправить внезапно свой флотъ отъ Коринѳскаго перешейка къ берегамъ Малой Азии, чтобы подать помощь Хіосу и другимъ членамъ морского союза, готовымъ отложиться отъ Аонинъ. Все дѣло было въ томъ, чтобы скрыть операцию отъ аонинянъ; но коринѳяне, на территоріи которыхъ шли заготовленія экспедиціи, объявили, что наступаютъ истмійскія игры: они не могутъ ни сократить праздничный періодъ, ни отмѣнить божій миръ, охраняющій всеѣхъ посѣтителей праздничнаго центра. Отплытіе пелопоннесской эскадры замедлилось, а между тѣмъ на Истмѣи, пользуясь охраной божьяго мира, прибыли аоняне и узнали о приготовленіи похода: они во-время выслали свою эскадру и загородили выходъ пелопоннесскимъ кораблямъ.

Присяга гражданъ греческой общины. Нѣтъ ничего болѣе характернаго для политическаго сознанія, развивавшагося среди тѣсныхъ кантональныхъ условій, какъ присяга, которую долженъ былъ произнести каждый гражданинъ. Въ сравненіи съ современными неопредѣленно-торжественными формулами присяга лица, вновь вступающаго въ среду греческой общины, отличалась крайнимъ реализмомъ и обстоятельностью самыхъ точныхъ и мелочныхъ обѣщаній. Въ видѣ иллюстраціи можетъ служить надпись, открытая въ Херсонѣ Таврическомъ (близъ Севастополя), которая заключаетъ въ себѣ полный текстъ гражданской присяги². Эта греческая колонія, хотя и отброшенная въ далекую варварскую страну, воспроизводила, однако, характерныя условія большей части кантоновъ европейской Греціи. Херсонъ—приморскій городъ съ небольшою полоскою земли у выхода сухопутной дороги, обла-

давшій нѣсколькими укрѣпленными пунктами на станціяхъ и перекресткахъ этой дороги. Въ колоніи кипѣла обычная борьба партій греческихъ общинъ: были заговоры политическихъ клубовъ, изгнанія побѣжденныхъ противниковъ, измѣны эмигрантовъ, исключительные законы и т. д. Поэтому присяга херсонцевъ характерна и для греческихъ городовъ вообще.

Гражданинъ обѣщаетъ въ ней «мыслить согласно съ другими о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не предавать интересовъ Херсона и его крѣпостей ни греку, ни варвару, но сохранить ихъ вѣрно народу херсонцевъ». «Я не стану нарушать демократическій строй, не буду помогать врагу и предателю этого строя, не скрою о подобномъ замыслѣ, но сообщу о немъ деміургамъ, поставленнымъ для управленія городомъ. Такъ же буду я поступать и въ качествѣ деміурга и члена совѣта. Я не передамъ тайно ни греку, ни варвару ничего такого, что можетъ повредить городу, не возьму даровъ съ этой цѣлью, не вступлю въ заговоръ ни противъ общины, ни противъ отдѣльныхъ гражданъ. Если же я съ кѣмъ-нибудь вступилъ бы въ заговоръ и связалъ себя особой клятвой, лучше мнѣ нарушить обѣтъ, чѣмъ сохранить его». Вслѣдъ за этими чисто-политическими завѣреніями идетъ обѣщаніе, также чрезвычайно конкретное, вызванное продовольственными условіями Херсона и законами о хлѣбной торговлѣ: «Я не буду продавать хлѣба, получаемаго съ полей (нашей) родины, я не стану его вывозить въ другое мѣсто, помимо Херсона». Видимо, дѣло идетъ о правильномъ обезпеченіи хлѣбомъ главнаго города и о запрещеніи свозить запасы куда-либо, кромѣ центра, чтобы власти имѣли полную возможность отдѣлать необходимую долю для продовольствія горожанъ и только излишекъ допустить къ вывозу. Это мѣсто въ присягѣ, нѣчто въ родѣ наивнаго вложенія перста въ раны, наглядно выдѣляетъ значеніе строгой продовольственной регламентаціи въ жизни греческой общины.

Обработка земли и орошеніе. Разобщенныя между собой маленькія греческія области большею частью плохо обезпечены въ смыслѣ питанія. Хлѣбопашество возможно лишь въ немногихъ равнинахъ, въ Фессалии, въ Беотіи, въ котловинѣ Лаконіи и Мессеніи. Производимаго страшной хлѣба было слишкомъ мало, и, по мѣрѣ роста населенія, необходимо было обезпечить себѣ свободный подвозъ съ иностранныхъ рынковъ. На невысокихъ склонахъ, преимущественно въ восточной Греціи, растутъ виноградъ и оливка; оливководство составляло важную основу благосостоянія старинной Аттики въ ту эпоху, когда она еще не стала на дорогу морскихъ захватовъ и широкой торговли. Но вообще на греческихъ плоскогорьяхъ мало наносной плодородной земли; мягкіе

слои почвы, получаемые от выветривания верхней коры, смываются ливнями, и твердые каменные породы выступают наружу. Тут всякая горсть земли на счету. Человеку приходится как бы создавать для себя почву, собирать ее частицами и насыпать вмѣстѣ: съ большими усилиями онъ наноситъ тонкіе слои на голые уступы, роетъ ямы для добыванія мергеля, лежащаго мѣстами подпочвой, и такимъ образомъ добываетъ себѣ почву изъ-подъ земли, перекладывая слои. Въ старинной Греціи населеніе было плотнѣе, чѣмъ въ современной, и соотвѣтственно тому садоводы и земледѣльцы были усерднѣе и тщательнѣе въ работѣ; въ большомъ ходу была обработка земли террасами, при чемъ возводили искусственно какъ бы бастионы, подпирая слои снаружи каменными стѣнками; въ различныхъ мѣстахъ, нынѣ заброшенныхъ, находятъ такіе стѣнки и валы.

Гораздо болѣе, чѣмъ въ современности, примѣнялось въ старинной Греціи искусственное орошеніе. Но и для оросительныхъ сооружений условія страны крайне невыгодны. Именно, восточная Греція, представляющая больше простора для населенія, бѣдна дождями. Рѣки и ручьи питаются горными снѣгами; всѣ они—короткіе, небольшіе потоки, низвергающіеся въ море, частью совсѣмъ пересыхающіе. Достаточно напомнить, что крупнѣйшій городъ Греціи, Афины, стоялъ на двухъ ручьяхъ, лѣтомъ совсѣмъ безводныхъ. Прѣсной воды въ Греціи поразительно мало; тутъ возможны вѣчные споры изъ-за какого-нибудь ручейка, и необходимо старательное распредѣленіе очереди для полученія воды. Въ извѣстной клятвѣ, которую приносили кантоны и племена, вошедшіе въ союзъ пилейской амфикионіи (охранявшей Дельфійское святилище), было опредѣленное обѣщаніе «не лишать общины, входящая въ составъ союза, прѣсной воды ни въ мирное, ни въ военное время». Въ Греціи свѣжая вода—словно какое-то высшее благо. Современный грекъ говоритъ на прощаніе: «добраго пути и свѣжей воды». Почти тѣми же словами провожалъ древній грекъ отомедшаго въ другой міръ. Въ этой бытовой чертѣ ясно отразилась жестокая постоянная нужда въ водѣ.

Борьба за воду выражена ярко и въ юридическихъ памятникахъ Греціи. Во всѣхъ городскихъ законодательствахъ непрѣменно есть статьи, опредѣляющія право частныхъ лицъ отводить воду, рыть каналы, копать колодцы, регулирующія всякаго рода столкновенія, которыя могутъ возникнуть при пользованіи водой изъ мѣстныхъ рѣчекъ и источниковъ. Въ Гортинѣ на о. Критѣ народъ постановилъ, чтобы отдѣльные хозяева, отводя каналъ отъ рѣчного русла, никоимъ образомъ не уменьшали основного теченія въ рѣкѣ; они должны руководиться при этомъ, въ качествѣ нормальной мѣрки, протяженіемъ городского

моста у рыночной площади³. Законы Солона точно опредѣляютъ, на какомъ разстояніи отъ публичнаго водоема частное лицо имѣетъ право вырыть колодець; но такъ какъ, въ виду крайней скудости подпочвенной воды, колодцевъ не можетъ быть много, то въ законѣ опредѣлено количество воды, которое обязанъ отпускать владѣлецъ колодца своимъ сосѣдямъ⁴. Тяжелая необходимость послужила грекамъ школой въ развитіи техники проведенія воды, и они достигли въ этомъ отношеніи немалого искусства. Въ числѣ чудесъ главнаго города на о. Самосѣ Геродотъ называетъ крупнѣйшій въ Греціи водопроводъ⁵.

Въ гористыхъ областяхъ большей половины Греціи возможно лишь скотоводство, и притомъ весьма примитивное; на склонахъ находятъ себѣ кормъ непрехотливыя овцы и особенно козы, тогда какъ крупному скоту будетъ слишкомъ голодно. Скотоводческія области лежатъ преимущественно на западѣ и въ серединѣ, чѣмъ и объясняется отсталость и бѣдность западной Греціи (Эпира, Акартанія, Этоліи, Фокиды, Аркадіи), сравнительно съ восточнымъ краемъ и югомъ, гдѣ расположены земледѣльческія и садоводческія области (Фессалія, Беотія, Аттика, островъ Эвбея, Арогида, Лаконія, Мессенія).

Но и эти лучше поставленныя земли не могли пропитать мѣстное населеніе, когда оно сильно возросло, особенно въ V вѣкѣ, въ самую цвѣтущую эпоху греческой жизни. Передъ Греціей необыкновенно остро всталъ вопросъ о подвозѣ припасовъ первой необходимости, особенно хлѣба. Пелопоннесъ существовалъ преимущественно доставкой зерна изъ своихъ западныхъ колоній, италійскихъ и сицилійскихъ. Афиняне построили въ 431 году свой планъ уничтоженія спартанской мощи на полной экономической изоляціи Пелопоннеса съ моря и въ особенности на разрѣзѣ путей сообщенія съ западными колоніями; въ 415 г., отправляя большую экспедицію въ Сицилію, афиняне замыслили тѣмъ же ударомъ лишить Пелопоннесъ подвоза жизненныхъ припасовъ. Въ свою очередь, Афины, превратившись изъ кантона въ большую морскую державу, по необходимости должны были организовать хлѣбоснабженіе изъ богатыхъ черноморскихъ областей. Отсюда жизненное значеніе для Афинъ обладанія проливами, Геллеспонтомъ и Босфоромъ; подъ конецъ отчаянной борьбы на жизнь и на смерть между Спартой и Афинами въ годы 411—405 всѣ дѣйствія сосредоточились въ проливахъ; съ ихъ потерей, съ прекращеніемъ подвоза изъ Понта, Афины, осужденныя на голодную смерть, капитулировали.

Край скудный, разбитый горами на безсильныя мелкія области, Греція вынуждена была бы оставаться на уровнѣ такихъ замкнутыхъ странъ, какъ нашъ Кавказъ, если бы не близость и, такъ сказать, повсемѣстное, глубокое проникновеніе моря.

Море. Замкнутыя другъ отъ друга, греческія области были, напротивъ, открыты для вы́шнихъ сношеній. За немногими исключеніями, онѣ большей частью имѣли выходъ къ морю. Въ Греціи необыкновенно развита береговая линія. Въ Пелопоннесѣ нѣтъ ни одного пункта, который бы отстоялъ болѣе, чѣмъ на 7 миль отъ моря, въ Средней Греціи — болѣе, чѣмъ на 8 (въ Фессалии и Эпирѣ болѣе чѣмъ на 14). Изрѣзанность Греціи можно оцѣнить по сравненію съ Пиренейскимъ полуостровомъ. Вся Греція не больше Португаліи, между тѣмъ какъ ея береговая линія больше берега всего Пиренейскаго полуострова, въ которомъ Португалія составляетъ лишь одну шестую долю.

Но береговая линія не въ одинаковой мѣрѣ развита на западѣ и на востокѣ. На западѣ, помимо глубоко вдающагося Коринскаго залива, нѣтъ бухтъ, и берегъ мало доступенъ; съ этой стороны мало острововъ; къ морю прилегаютъ большею частью дикія лѣсистыя горныя области. Ихъ населеніе стало позже вступать въ исторію, и въ концѣ-концовъ не играло важной роли. На востокѣ, напротивъ, берегъ состоитъ изъ выдавшихся впередъ полуострововъ, чередующихся съ заливами и бухтами; здѣсь цѣлый рядъ гаваней, и съ этой стороны море усѣяно островами въ необыкновенномъ изобиліи. На восточной окраинѣ Греціи больше также открытыхъ долинъ. Въ этой болѣе выгодно поставленной части и сложились важнѣйшія греческія государства, разыгралась греческая исторія.

Омывающее восточную Грецію Эгейское море — опять нѣчто исключительное. Оно необыкновенно выгодно для начала мореплаванія, для первыхъ его шаговъ, когда моряки ѣздятъ исключительно вдоль береговъ или отъ острова къ острову, никогда не упуская изъ виду суши. Въ самомъ дѣлѣ, съ любого пункта восточнаго берега Греціи виденъ другой, противоположный, или нѣсколько острововъ въ разныхъ направленіяхъ. Острова образуютъ непрерывныя цѣпи отъ европейскаго берега къ азіатскому; переѣзды между ними коротки, и благодаря этому, возможны частыя остановки; нѣтъ острова, отъ котораго другой островъ или другой берегъ отстоялъ бы болѣе, чѣмъ на 5 миль. Все это море легко обозримо; у моряка всюду передъ глазами ориентирующіе пункты. Выѣзжая черезъ Геллеспонтъ съ сѣверо-востока въ Эгейское море, онъ видитъ сейчасъ же далеко выдавшуюся въ море черную массу Аона. Аонская гора видна во всей сѣверной части Эгейскаго моря. Съ острова Хиоса, близко примыкающаго къ Малой Азіи, виденъ, поперекъ моря, край Эвбеи, въ свою очередь плотно прилегающей къ европейской Греціи. Въ болѣе широкой южной части моря есть промежуточный пунктъ: горный массивъ Ида на Критѣ виденъ съ мыса

Малеа, на окраинѣ Пелопоннеса, и съ острова Родоса, близкаго къ малоазійскому берегу.

Эгейское море похоже на большое внутреннее озеро. Оно отвѣчаетъ требованіямъ примитивнаго мореплаванія. Въ бурные осенніе и зимніе мѣсяцы греки не ѣздили вовсе; суда стояли, защищенные отъ вѣтра, въ тихихъ закрытыхъ бухтахъ. Въ болѣе спокойное лѣтнее время они пользовались правильностью теченій и вѣтровъ. Посрединѣ моря проходитъ теченіе съ сѣвера, вдоль береговъ обратныя теченія. Въ продолженіе дня дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ (этесіи), благоприятный для пловцовъ, идущихъ изъ Чернаго моря и Пропонтиды на югъ, къ Аоніамъ и къ Пелопоннесу. Къ вечеру онъ ложится, и мореходу, направляющемуся съ юга, надо пользоваться ночнымъ вѣтромъ.

Морскіе пути и связи. Если море вообще выводитъ Грецію изъ ея обособленнаго положенія, то Эгейское море сближаетъ восточную часть Греціи съ противоположащими ей берегами Малой Азіи. Греція какъ бы обращена лицомъ къ востоку; тутъ между Европой и Азіей граница сглажена, почти отсутствуетъ. Острова Эгейскаго моря составляютъ прямое продолженіе горныхъ хребтовъ восточной Греціи. Киклады тянутся замѣтными четырьмя параллельными рядами отъ выдавшихся концовъ ея, отъ Фессалии и Эвбеи, отъ Аттики, отъ Арголиды и гребня Парнона въ Лаконіи. Послѣднія звенья этихъ рядовъ нечувствительно переходятъ въ группу Спорадъ, которая въ свою очередь представляютъ продолженіе береговыхъ возвышенностей Малой Азіи. Что касается западныхъ и юго-западныхъ окраинъ Малой Азіи, то по расчлененію берега, почвѣ, климату онѣ очень напоминаютъ восточную Грецію и, напротивъ, не похожи на прилегающее къ нимъ съ востока дикое плоскогоріе середины Малой Азіи. Эгейское море связываетъ, такимъ образомъ, двѣ родственныя страны; изъ нихъ-то, соединенныхъ вмѣстѣ, и образовался историческій міръ классической Греціи въ собственномъ смыслѣ слова. Уже раннія передвиженія и предпріятія, отразившіяся въ гомеровскомъ эпосѣ, произошли внутри этихъ рамокъ. Позднѣе колонизація, которая направилась въ Черное море, въ Африку и особенно въ западную часть Средиземнаго моря, вышла изъ круга земель, охватывающихъ Эгейское море. Очень характерно, что берега южной Италіи, Сициліи и даже столь близкіе къ западной Греціи Ионическіе острова были колонизованы не съ западной окраины, а именно съ востока, изъ Мегары, Коринфеа, Эвбеи, Милета и малоазійскихъ городовъ. Колонизація пошла кругомъ Греціи, потому что исходила изъ готоваго сложившагося стараго греческаго міра, созданнаго особыми условіями Эгейскаго моря и его береговъ. Наконецъ, самая крупная

держава античной Греции, аонийская морская империя, была соединением городов и общин, окаймляющих Эгейское море и расположенных в середине его.

Море составляет настоящее спасение сдавленных горами, приютившихся на выступах и в котловинах мелких греческих племен. Морем подвозятся необходимые припасы и недостающие товары, и морем уходит избыток населения. Для маленькой греческой общины выход к морю—единственный жизненный путь. Если запретить такой выход, если заблокировать его флотом. или если враг, высадившись, выстроит на берегу крепость, население области погибло голодной смертью. Обыкновенно нет возможности уйти и в горы, потому что по ту сторону горной цепи внутренняя котловина занята таким же скудно питающимся, но крепким и воинственным населением.

Из этой географической особенности выросла совершенно своеобразная манера защиты у греков. Самый знаменитый пример ее мы видим у аонийцев в виде длинных степей, выстроенных по инициативеThemistokla и соединивших на протяжении нескольких километров главный город с его гаванью Пиреем. Эта укрепленная линия, возведенная после нашествия Ксеркса, когда пришлось покинуть Афины, отрезанная от сообщений, должна была в критические времена обеспечивать выход к морю для главной массы населения. В эпоху Пелопоннесской войны Атика была отдана на разграбление неприятелю, а масса населения, фактический состав общины, был сдвинут в одну узкую колею, ведущую к морю. Община была искусственно превращена в долину с единственным выходом наподобие степей, какие мы отметили в Ахайе, и какие можно еще в такой же типической форме наблюдать на северном побережье Крита. Хотелось сказать, что люди здесь точно повторили, продолжили и заострили наблюдаемую ими форму окружающей природы. Строители длинных степей вместе с тем как бы искусственно создали себя на суше изолированное положение в роде островного. Потом аонийцы научаются других тому же стратегическому средству. В период, когда они распоряжались в соседней Мегаре, они построили мегарянам длинные степи на соединении главного пункта с морем. Такую же укрепленную линию выстроили себе Аргос и Патры в Ахайе.

Длинные степи—словно какое-то национальное сооружение в Греции. Присматриваясь ближе, мы видим, что условия его даны физической природой. Человеческое изобретение копирует устройство поверхности; длинные степи продолжают строение горных отрогов; они довершают обособление областей; но вместе с тем они

обеспечивают жизненный нерв греческой области—сообщение ее с морем.

Эмиграция. С самых ранних времен эти скудные, тесные, открытые лишь к морю области Греции высылали во все стороны, а главным образом на восток избыток своего населения, или, впрочем, самые подвижные, беспокойные, предприимчивые его элементы. Фукидид отличил эту особенность старинной греческой истории. По его словам, с тех пор, как греки запомнят себя, нет племени, которое бы не передвигалось с места на место; более сильные вытесняли слабых. При общей небезопасности, при отсутствии торговли люди оставались в бедности; никто не старался выработать с землей больше, чем нужно было для пропитания; жили изо дня в день, и ни у кого не было имущества; поэтому они легко снимались с места и не строились особенно прочно, не укрепляли селений. Фукидид рассказывает нам⁶ о морском пиратстве, о бесконечных набегах с моря, о грабежах, о торговле захваченным добром; из этих непрерывных морских усобиц выросли постепенно большие предприятия, сложились крупные морские державы. Троянская война стоит у него в цепи этих своеобразных греческих набегов. В ней все характерные черты греческой экспедиции: выезд воинственных дружин, захват чужих запасов и, наконец, переселение на новую родину—то, что мы называем колонизацией.

В этой картинке не хватает лишь одной черты, которую Фукидид не добавляет, может быть, из национальной гордости: нет упоминания об уходе греческих наемников на чужбину, о военной службе у больших восточных держав. А между тем наемничество—старинная черта греческой жизни. Уже в VII веке до Р. Х., как только проливается некоторый свет на историю эллинских народностей, виден большой спрос на греческих воинов в разных странах: в Малой Азии, в Египте, на Евфрате.

Греческие моряки участвуют в морских операциях, предпринимаемых ассирийским царем Сеннахерибом против Элама, в нападении с моря, со стороны Персидского залива. У царей Саитской династии, у Псамметиха, Нехо, Амазиса, греки—главная военная сила: на скалах у Абу-Симбеля в верхнем Египте нацарапаны имена греческих наемников, ходивших в Нубию. Когда в середине VI века с Иранских гор надвигается завоевательная громада персов, вика с Иранских гор надвигается завоевательная громада персов, коалиция, пытающаяся им сопротивляться, выдвигает всюду греков в передние ряды борьбы: они сражаются в Лидии и в Египте против Кира и Камбиза. С водворением в Азии персов греки идут на службу к новой преуспевающей империи; у Геродота так и мель-

каютъ имена греческихъ моряковъ, офицеровъ и инженеровъ, состоящихъ на службѣ великаго царя, напр., въ большой экспедиціи Дарія противъ скивовъ.

Всѣ эти факты относятся ко времени, гораздо болѣе раннему, чѣмъ IV вѣкъ, который принято считать эпохой развитія наемничества. Дѣло въ томъ, что уходъ на чужую службу, пиратскіе набѣги, воинственная колонизація—все это и составляетъ стихію грековъ отъ начала и до конца ихъ исторіи. Греческая народность рано начинаетъ разсѣиваться въ разныя стороны; рано стали увлекать грековъ богатства восточныхъ странъ.

Переселенія образуютъ самое постоянное, самое упорное и повседневное явленіе греческой жизни. Море открываетъ обитателямъ Балканскаго полуострова сотни выходовъ для выселенія. Помимо шотландской эмиграціи, въ Греціи вслѣдствіе тѣсноты и междоусобій въ отдѣльныхъ общинахъ, накапливается множество всякаго рода бѣглецовъ и изгнанниковъ. Въ V вѣкѣ эмигранты съ острова Эгины, морскую силу которой сломали аѳиняне, пріютились въ Пелопоннесѣ. Обратнo, мессенцевъ, которые бились за свободу противъ Спарты въ 460 г., аѳиняне приняли у себя и устроили въ Навпактѣ, на сѣверномъ берегу Коринтскаго залива. Платейцы, успѣвшіе бѣжать отъ гибели своего города въ началѣ Пелопоннесской войны, находятъ убѣжище въ Аѳинахъ. Всѣ эти эмигранты—обломки непрерывныхъ бурь и жестокихъ столкновеній между племенами и общинами. Они должны строить всю жизнь заново или пробиваться на чужой сторонѣ, служить чужимъ интересамъ.

Греческій патриотизмъ. Хотя эмиграція—самое обычное явленіе греческой жизни, она не уничтожаетъ необыкновенной привязанности, которую уроженцы мелкихъ областей питаютъ каждый къ своей крошечной родной странѣ. Мы встрѣчаемся съ характерной чертой жизни греческихъ общинъ, снова напоминающей намъ о нравахъ и понятіяхъ горцевъ, задвинутыхъ природою въ тѣсныя углы и безконечно сильно, до физической боли страдающихъ отъ разлуки съ родной долиной.

У Фукидида есть по этому поводу любопытный разсказъ ⁷. Какъ извѣстно, въ началѣ великой Пелопоннесской войны Периклъ убѣдилъ всѣхъ сельскихъ жителей Атики укрыться въ аѳинскихъ стѣнахъ и предоставить спартамцамъ и ихъ союзникамъ разграбленіе Атики, такъ какъ совершенно безумно выходить въ поле противъ болѣе численнаго непріятеля, знаменитаго къ тому же своимъ сухопутнымъ боемъ, на сушѣ непобѣдимаго; предполагалось тѣмъ временемъ нанести пелопоннесцамъ гораздо болѣе вреда морскими операціями. Среди скрывавшихся въ стѣнахъ были жители самой большой сельской волости Ати-

ки, Ахарнѣ. Они сознательно присоединились къ общему рѣшенію. Но вотъ пришли спартамцы; съ высоты стѣнъ ахарнцы видятъ разореніе родныхъ полей и виноградниковъ. Они понимаютъ безуміе вылазки противъ врага, но не могутъ вынести зрѣлища; они рвутся въ бой со спартамцами, устраиваютъ частыя сходы, волнуются и близки къ возстанію. Съ другой стороны, спартамскій предводитель Архимамъ строитъ на этихъ ему знакомыхъ чувствахъ цѣлый расчетъ. Онъ знаетъ, что ахарнцы составляютъ очень значительную долю въ ополченіи; поэтому онъ раньше всего нападаетъ на ихъ сельскія владѣнія. Ахарнцы, такъ рассчитываетъ спартамскій царь, не дадутъ разорять свои земли и станутъ возбуждать къ борьбѣ другихъ, а спартамцамъ именно и надо выманить аѳиняне на открытый бой. Но если даже на этотъ разъ аѳиняне не выйдутъ въ поле, то онъ можетъ тѣмъ спокойнѣе потомъ разорить другія земли и даже подступить къ городу: дѣло въ томъ, что ахарнцы, уже лишившись всего своего достоянія, не станутъ такъ охотно биться за земли всѣхъ остальныхъ, и среди гражданъ наступитъ разладъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ этотъ разсказъ Фукидида, надо вспомнить, что Атика славилась своимъ стариннымъ синокизмомъ, т.-е. объединеніемъ, которое давно уже связало жителей отдѣльныхъ мелкихъ общинъ общими учрежденіями, совмѣстной службой и предпріятіями. И все же особенность старой самостоятельной общины Ахарнѣ сказалась; и даже врагъ строилъ на ней небезосновательные расчеты.

А вотъ разсказъ Ксенофонта (въ Анабазисѣ) о судьбѣ греческаго войска далеко за предѣлами родины; эта армія, весьма большая для того времени, набрана изъ уроженцевъ чуть ли не всѣхъ греческихъ областей: Фессалии, Аркадіи, Атики, Беотіи, Лаконіи, Элиды, есть воины съ о. Сициліи, Родоса и т. д. Они, казалось бы, могли стертаться въ одну безформенную массу подъ вліяніемъ своей чисто-коммерческой службы, въ борьбѣ за чуждое имъ дѣло; къ тому же среди нихъ было немало эмигрантовъ, озлобленныхъ противъ большинства своихъ согражданъ, которые ихъ изгнали. И однако, какъ сильно въ нихъ кантональное чувство! Ксенофонтъ при всякомъ имени офицера или солдата непременно прибавитъ, откуда онъ родомъ; земляки тѣсно держатся вмѣстѣ. Иногда люди разныхъ кантоновъ ссорятся въ лагерѣ, точно они дома въ Греціи столкнулись около перевала или рѣчки, раздѣляющей ихъ деревни; иногда только мило и остроумно пикируются. При этомъ всякій изъ нихъ чувствуетъ себя прежде всего аѳиняниномъ, или спартамцемъ, или элейцемъ, а потомъ уже грекомъ ⁸.

Подвижность греческаго народа. Народившись въ крошечныхъ долинахъ и на гористыхъ островкахъ, чувство привязанности каждаго

къ своей маленькой общинѣ можетъ потомъ жить отдѣльно отъ географической среды. Изъ факта физическаго оно становится моральнымъ явленіемъ, оно переходитъ въ общественное чувство, связывающее односельчанъ. То, о чемъ по временамъ мечтаетъ европеецъ, растворившійся въ океанѣ раздробленныхъ, какъ онъ самъ, человѣческихъ единицъ, и то, что европеецъ въ своихъ мечтахъ называетъ коммуной, здѣсь, на берегахъ Эгейскаго моря, было дано само собой.

Природа сложила рамки коммуны и воспитала ея бытъ. Но коммуна могла потомъ отдѣлиться отъ своей воспитательницы и сохранить надолго самостоятельную корпоративную жизнь. Вся греческая колонизація состоитъ въ томъ, что цѣлая община или большая часть общины передвигается въ далекіе края и остается тамъ такимъ же органическимъ связнымъ цѣлымъ, какимъ была на родинѣ. Община вся можетъ сѣсть на корабль и обратиться въ пловучій странствующій народъ. Въ этомъ смыслѣ у грековъ время отъ времени появляются своеобразные планы переселенія. Объ одномъ изъ нихъ рассказываетъ Геродотъ⁹. Въ 40-хъ гг. VI вѣка Киръ разгромилъ Лидійское царство въ Малой Азій. Слѣдомъ за этимъ завоеваніемъ персы направились на греческія общины, лежавшія на берегу Малой Азій. Начались осады, разрушенія городовъ, капитуляціи на тяжелыхъ условіяхъ. Въ отчаяніи іонійскіе греки собрались на конгрессъ и стали обсуждать положеніе. Здѣсь-то именно Біасъ изъ города Приене (упоминавшійся потомъ въ числѣ семи мудрецовъ), развилъ свой планъ совместнаго общаго переселенія. Характерны выраженія, въ которыхъ Геродотъ передаетъ объ этомъ проектѣ; въ нихъ чувствуется увлеченіе чисто-греческой идеей мудраго политика. «Біасъ, какъ мнѣ привелось выяснитъ, высказалъ мысль особенно удачную; если бы его послушались, то греки добились бы наиболѣе цвѣтущаго положенія, какое только можно представить. Біасъ предложилъ соединиться всѣмъ іонійцамъ въ одну экспедицію и плыть на островъ Сардинію съ тѣмъ, чтобы основать тамъ Іонію, центральную, общеіонійскую колонию; тамъ они будутъ избавлены отъ всякаго рабства и счастливо устроятся. Тогда, какъ оставшись на мѣстѣ въ Іоніи, они не увидятъ болѣе свободы».

Не надо считать этотъ планъ беспочвенной фантазіей. Біасъ намѣтилъ лишь въ широкихъ линіяхъ то, что постоянно и непрерывно происходило во всей Греціи. Его предложеніе лѣтъ 60 спустя было буквально повторено Ѳемистокломъ и исполнено аоніянцами. Когда Керкесъ сталъ надвигаться въ Среднюю Грецію и грозила неминуемая оккупация Аттики, Ѳемистоклъ предложилъ аоніянцамъ посадить свои семьи и движимость на корабли и попытать счастья въ мореккой

битвѣ. Что бы произошло въ случаѣ пораженія грековъ? На что шли аоніянцы, принимая предложеніе Ѳемистокла? Имъ осталось бы только уйти всей коммуной въ изгнаніе, основать себѣ новую родину гдѣ-нибудь на западѣ, гдѣ было больше свободной земли и куда еще не могла достать рука всемогущаго великаго царя Востока. Мотивъ, такъ ярко отразившійся въ планахъ Біаса и Ѳемистокла, никогда не исчезалъ изъ сознанія грековъ. Въ 413 г., когда аоніянцы потерпѣли подъ Сиракузами рѣшительное пораженіе, когда былъ уничтоженъ ихъ флотъ и совершенно отрѣзано всякое отступленіе моремъ, осталось уйти въ глубь Сициліи или къ какому-либо берегу острова. Главнокомандующій Никій, стараясь ободрить упавшее духомъ войско, раскрылъ передъ нимъ такую перспективу: «Подумайте только, какіе вы великолѣпные воины! А вѣдь куда бы вы ни ушли, гдѣ бы ни осѣли, вы тотчасъ же образуете собой новую общину!»

Въ приведенныхъ политическихъ фантазіяхъ и программахъ мы еще разъ читаемъ результаты физическаго строенія страны; ея раздробленность, ея дѣленіе на какія-то естественныя крѣпости и ея жизнь у всепроникающаго моря, которое образуетъ какъ бы гарантію свободы. Въ словахъ Біаса, Ѳемистокла и Никіи отражаются характеристичныя черты греческаго соціального быта; цѣпкость кантональнаго строя, тѣсная сомкнутость общины, чувство независимости превыше всего, и въ то же время крайняя подвижность, способность къ переселеніямъ, при чемъ во всѣхъ тревоженіяхъ судьбы и передвиженіяхъ сохраняются крѣпкія связи, образовавшіяся въ коммунальной жизни.

Характеристика грековъ въ устахъ ихъ писателей. Подвижность, непосѣдливость остаются основной чертой греческой народности на всемъ протяженіи ея исторіи. Намъ интересно отмѣтить, въ какой мѣрѣ сами греки сознавали быстроту смѣнъ въ своей жизни, вѣчный спѣхъ и порывчатость своей работы, необходимость новыхъ и новыхъ вышшихъ предпріятій. До степени лихорадочной напряженности эта подвижность доходитъ въ военно-политической дѣятельности Аонинъ въ V вѣкѣ.

Ѳукидидъ среди своихъ изумительныхъ драматическихъ характеристикъ изобразилъ намъ между прочимъ аоніянъ, этихъ греческихъ «американцевъ» въ пору ихъ наибольшаго кипѣнія. По свойственной ему манерѣ онъ влагаетъ оцѣнку аоніянъ въ уста ихъ злѣйшихъ враговъ, коринѳянъ¹⁰. Обращаясь къ слишкомъ коснымъ спартацамъ, стараясь встряхнуть ихъ отъ апатіи и побудить къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Аонинъ, коринѳяне говорятъ: «вы совсѣмъ не подумали, какъ не похожи на васъ аоніянцы и какъ своеобразны эти люди вообще. Это—новаторы, способные быстро создавать планы и настой-

чиво осуществлять то, что они разъ рѣшили; они смѣлы, готовы на рискъ и не теряются въ опасностяхъ. Они умѣютъ извлечь наибольшую пользу изъ побѣды, а въ случаѣ неудачи уступить какъ можно меньше. Они способны жертвовать собой для государства безраздѣльно, но сохраняютъ полное обладаніе всѣми силами своего духа. Никогда они не удовлетворяются достигнутымъ, а идутъ все дальше и дальше. Среди усилій и опасностей они работаютъ всю жизнь и совсѣмъ не наслаждаются владѣніемъ своимъ, такъ какъ все хлопочутъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ; нѣтъ у нихъ другого праздника, какъ исполненіе обязанности; бездѣльный досугъ кажется имъ худшимъ несчастіемъ, чѣмъ тяжелый трудъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что аѳиняне отъ природы предназначены ни себѣ, ни другимъ не давать покоя... Какъ въ искусствѣ, такъ и въ политикѣ по необходимости всегда будутъ одерживать верхъ новыя формы. Люди, развивающіе многостороннюю дѣятельность, должны думать постоянно о разныхъ усовершенствованіяхъ. Вотъ почему аѳиняне, опираясь на свой богатый опытъ, такъ много провели у себя новаго».

Едва ли есть другая страница у античныхъ писателей, которая такъ близко напоминала бы настроенія новѣйшей культуры XIX—XX вв. Вотъ, казалось бы, когда люди вѣрили въ прогрессъ! Безъ сомнѣнія, мы должны учесть въ характеристикѣ Фукидида идеализацію родного города: писатель и преувеличиваетъ кипучую дѣятельность аѳинянъ, и любитъ ея. Можно возразить, что здѣсь дѣло идетъ не о грекахъ вообще, а только объ аѳинянахъ. Но, конечно, въ словахъ коринтянъ у Фукидида заключена значительная доля общаго сужденія. Аѳиняне—не исключеніе въ греческой жизни, а только ея наибольшее напряженіе. Спартамъ дѣлается упрекъ въ косности, но Фукидидъ знаетъ хорошо и рассказываетъ самъ дальше, какую изобрѣтательность и подвижность показали въ той же войнѣ спартамцы Брасидъ и Агисъ, какъ во второй половинѣ войны спартамцы энергично бросаются въ морскую стихію, чтобы въ концѣ-концовъ превзойти здѣсь первѣйшихъ новаторовъ, аѳинянъ.

Къ тому же характеристика Фукидида вовсе не стоитъ одиноко въ греческой литературѣ. Вотъ крайне интересное замѣчаніе Геродота, свидѣтельствующее о томъ, что греки хорошо сознавали за собою только что отмѣченныя національныя черты. Богатый скиѣтъ Анахарсисъ ѣдетъ въ Грецію, чтобы получить научное образованіе. Побывавши въ разныхъ мѣстахъ, онъ разочарованно возвращается назадъ: развѣ только у спартамцевъ есть чему поучиться; они мастера ставить вопросы и давать дѣльные отвѣты; остальные греки во всемъ спѣшатъ, и у нихъ никогда нѣтъ досуга, чтобы толкомъ заняться какой-

либо наукой. Любитель анекдотовъ и остротъ, Геродотъ прибавляетъ: впрочемъ, это—шутка, придуманная самими греками ¹¹. Мы скажемъ: очень симпатичная черта грековъ, если они умѣли такъ смѣяться надъ собой, и какая же, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкая оцѣнка характернѣйшаго качества націи, одновременно, большого достоинства и большого недостатка ея.

Скороспѣлость развитія греческой народности. Мы въ правѣ прибавить еще одинъ оттѣнокъ къ характеристикамъ, даннымъ двумя выдающимися греческими историками. Греки спѣшатъ, кипятъ, волнуются, ихъ развитіе идетъ съ нервической быстротой, но въ быту и сознаніи не все одинаково поспѣваетъ, и отсюда рѣзкія противорѣчія стараго и новаго, дикарства и уточненной культуры. Не успѣли греки получить съ востока религію олимпійскихъ боговъ, какъ уже поколѣніе Гомера интимно и смѣло подошло къ образамъ небожителей, развѣнчало и почти осмѣяло ихъ.

Общины воюютъ между собой за останки героевъ, выкрадываютъ другъ у друга чудодѣйственныя изображенія боговъ, живутъ дикими представленіями старины, а въ то же время первый греческій историкъ, Гекатей изъ Милета, заявляетъ рѣзко во всеулышаніе, что, по его мнѣнію, мифъ о Гераклѣ и другіе рассказы грековъ въ этомъ духѣ составляютъ пустой вымыселъ. У одного и того же писателя, Эсхила, есть драмы, въ которыхъ онъ возвеличиваетъ кровную месть, зоветъ мстителей на искупительныя убійства, одобряемая богами, и есть произведеніе, въ которомъ онъ выступаетъ смѣлымъ борцомъ противъ произвола высшихъ силъ, защитникомъ правъ разума человѣческаго.

Греки изживаютъ торопливо одинъ моментъ за другимъ, жадно вычерпываютъ содержаніе каждой формы жизни, быстро увлекаются и быстро охладѣваютъ. Они не въ силахъ долго останавливаться на чемъ-либо, просто и непосредственно отдаваться ровнымъ и однообразнымъ впечатлѣніямъ; все подвергается критикѣ, все нужно разложить, разобрать, попробовать переставить. Фукидидъ заставляетъ однажды съ грустной ироніей сказать одного оратора аѳинянамъ: «вамъ ничего нельзя предложить и посовѣтовать; вы уже не вѣрите искренности, неспособны просто воспринимать; во всемъ вы перемудрите» ¹².

Темпъ греческой жизни въ V вѣкѣ идетъ, все ускоряясь, но тѣмъ быстрѣе она направляется къ катастрофѣ. Въ V вѣкѣ поразительно конституціонное строительство, увлеченіе политикой; сначала симпатіи интеллигенціи обращены къ демократіи; но очень скоро наиболѣе культурные умы отворачиваются отъ этой формы и принимаются столь же усердно за политическія измышленія совсѣмъ иного характера: за изобрѣтеніе монархическихъ, аристократическихъ и бюрократическихъ ком-

бинацій. И опять скоро наступает полное разочарованіе во всѣхъ формахъ государственнаго быта. Военные элементы, не находя больше занятія дома, уходятъ за границу; въ V вѣкѣ гордые и независимые демократы, они теперь, будучи включены въ большія арміи, подчиняются монархическому руководительству, образуютъ кадры слугъ крупныхъ деспотій. Интеллигентные люди бѣгутъ отъ политики, клянутъ ее, скрываются въ академическіе и философскіе кружки, т.-е. обращаются къ общенію церковному, къ стремленіямъ не отъ міра сего. Но этотъ моментъ уже выходитъ за предѣлы собственно классической эпохи греческой исторіи.

Воинственность грековъ. Начало классической эпохи застаётъ грековъ безпокойнымъ, задорнымъ, необыкновенно воинственнымъ народомъ. На зарѣ его стоитъ троянская война, большой выѣздъ греческихъ пиратовъ и колонистовъ на востокъ. Дальнѣйшая жизнь націи—воинственныя предирія, направленные во всѣ стороны и захваты-вающія большую часть береговъ Средиземнаго моря: нападенія флотовъ, вооруженная колонизація, уходъ наемниковъ. Всѣ эти передвиженія, эмиграція, военная служба на чужбинѣ привлекаютъ на родину, въ европейскую Грецію, драгоценные металлы и разные товары. Греція становится страной транзита восточныхъ продуктовъ, идущихъ черезъ ея порты дальше на западъ и сѣверъ, въ южную и среднюю Европу. Приливающее со стороны богатство не создаетъ покоя въ Греціи; напротивъ, съ появленіемъ захваченной извнѣ добычи возникаютъ антагонизмы между общинами, разгораются страсти, вспыхиваютъ междоусобія. По мѣрѣ усиленія отдѣльныхъ городовъ, усобицы разрастаются въ болѣе крупныя войны. Только на одинъ моментъ, въ виду грозной опасности персидскаго нашествія, сплочивается половина Греціи въ большой оборонительный союзъ. Но въ концѣ-концовъ защита отъ персовъ служить исходнымъ пунктомъ новыхъ болѣе острыхъ и широкихъ конфликтовъ между общинами Греціи. Слѣдомъ за героической борьбой Аѳины дѣлаютъ смѣлую попытку отхватить у великой восточной державы часть ея доходовъ, и на этой финансовой основѣ принудительно объединить весь греческій міръ.

Всѣ общины, угрожаемая этой централизаціей, сплочиваются вокругъ Спарты, которая въ свою очередь поддается соблазну предводительства (гегемоніи) и связанныхъ съ нимъ выгодъ. Изъ соперничества Аѳинъ и Спарты возникаетъ крупнѣйшее и жесточайшее междоусобіе, великая Пелопоннесская война съ ея продолженіями въ IV вѣкѣ, въ которыхъ Греція истекаетъ кровью. Изъ 122 лѣтъ самаго блестящаго періода классической Греціи, отъ изгнанія персовъ въ 477 году до распавенія второго аѳинскаго морского союза въ 355

году, большая часть, 73 года, занята междоусобными войнами и притомъ болѣе или менѣе всеобщими, и лишь 49 лѣтъ представляютъ миръ, и то не вездѣ. Съ крушеніемъ объединительныхъ попытокъ въ IV вѣкѣ появляется планъ общаго религіозно-національнаго похода грековъ на завоеваніе востока. Широко эксплуатируя силы греческихъ общинъ, берется за исполненіе этого плана посторонняя сила, Македонія. Походъ Александра открываетъ вторую большую колонизацію грековъ, вѣкъ эллинизма; онъ завершаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ классическую эпоху греческой исторіи, такъ какъ среди македонскаго объединенія разрушаются и гибнутъ основы независимой общины Греціи.

Такимъ образомъ исторія автономной кантональной и городской Греціи выдѣляется своей воинственностью, какъ нѣчто совершенно исключительное, превосходя даже исторію Рима и общинъ старинной Италиі.

Греки—представители желѣзнаго вѣка. Поскольку войны связаны съ прогрессомъ металлическаго производства, можно указать опредѣленный этапъ развитія техники, который знаменуетъ собой выступленіе грековъ. Они появляются на сценѣ исторіи въ моментъ расцвѣта желѣзной индустріи и переворота въ оружейномъ дѣлѣ. Самые ранніе литературные памятники грековъ, Гомеръ и Гесиодъ, стоятъ живыми свидѣтелями новаго желѣзнаго вѣка. Въ этомъ отношеніи греки—настоящіе сверстники современныхъ имъ страшныхъ ассириянъ великаго царства, начиная отъ Ассурназирпала въ IX вѣкѣ. Греки и ассирияне—носители и обладатели развитой желѣзной техники по преимуществу.

Среди воинственной вообще греческой народности выдѣляются, въ качествѣ первѣйшихъ мастеровъ военнаго дѣла, спартацы. Ихъ мощь зависѣла, можетъ быть, болѣе всего отъ обладанія желѣзными рудниками въ Лаконіи и поддерживалась благодаря образцовой для Греціи постановкѣ оружейнаго дѣла. Специалисты желѣзнаго производства, спартацы старались также по возможности накопить у себя побольше цѣннаго металла и принуждали къ поставкѣ его своихъ союзниковъ.

Когда мы говоримъ о желѣзномъ вѣкѣ, мы обозначаемъ время лишь именовъ металла, занимающаго центральное мѣсто въ техникѣ эпохи. Желѣзное производство не можетъ, однако, оставаться единственнымъ; странѣ необходимы другіе металлы, и остается еще очень важный вопросъ о ихъ доставкѣ. Что касается мѣди, то греки не имѣли ея, кажется, у себя дома, а получали извнѣ, добывая войной или торговлей. У Гомера есть фигура правителя «увлекающихся греблей» тафійцевъ, который везетъ въ дальнюю страну желѣзо для обмѣна на нужную ему мѣдь. Мы видимъ необычайную жадность воителей подѣ Троей до мѣди и бронзы, которую они накаплиютъ въ видѣ утвари

и доспѣховъ. Возможно, что часть мѣди они получали изъ забалканскихъ странъ тѣми путями, по которымъ они сами вышли къ побережью Эгейскаго моря.

Драгоценные металлы, золото и серебро, въ качествѣ покупательныхъ средствъ играли большую роль въ судьбахъ грековъ. Трудно сказать, откуда предшественники грековъ, старинные властители Микенъ, Орхомена, Кносса и Трои, собрали свои обильные запасы золота и серебра: лишь часть этихъ драгоценныхъ металловъ могла быть мѣстнаго происхожденія. Такъ или иначе, эльдорадо стало ихъ проклятіемъ, потому что привлекло жадныхъ и безпокойныхъ воителей съ сѣвера. Приливая все большими и большими массами къ морю, къ старымъ культурнымъ центрамъ, греки сѣли, наконецъ, у самихъ складовъ сокровищъ. Въ ходѣ своей исторіи они порядочно порастратили старые запасы, но осталось еще нѣсколько важныхъ источниковъ, которые потомъ придавали блескъ и силу ихъ владѣтелямъ.

Геродотъ много рассказываетъ о золотѣ и серебрѣ, которымъ обладалъ въ VI вѣкѣ небольшой островъ Сифносъ. Въ слѣдующемъ V вѣкѣ блеснула своимъ золотомъ община острова Фасоса, которая тянулась также къ обладанію обильной золотомъ Пангейской горы, на противоположащемъ берегу Фракіи. Фасосъ вызвалъ зависть Аоніи, и маленькій народецъ острова погибъ въ жестокихъ столкновеніяхъ съ безпощадными воителями, которые, въ свою очередь, построили свое морское могущество на добычѣ серебра въ Аттикѣ.

Жадность къ золоту составляла какой-то особенный національный недостатокъ грековъ. Они сами готовы были надъ нимъ смѣяться, и Геродотъ рассказываетъ по этому поводу забавный анекдотъ, не стѣсняясь тѣмъ, что приходится связать его съ исторіей родоначальника аонискаго дома Алкмеонидовъ, которымъ онъ вообще очень сочувствуетъ. Аонинянинъ Алкмеонъ оказалъ большія услуги посольству лидійскаго царя Креза, ѣздившему въ Дельфы, и за это былъ приглашенъ ко двору въ Сарды. Крезъ предложилъ ему, въ видѣ награды, забрать столько золота изъ кладовой, сколько онъ вынесетъ собственной персоной. Алкмеонъ надѣлъ широчайшее платье съ громаднымъ карманомъ спереди и самые просторные сапоги, какіе онъ только могъ найти. Войдя въ царскую сокровищницу, онъ такъ и набросился на кучу золотого песка, набилъ карманъ и отвороты сапоговъ, обсыпалъ волосы золотою пылью и еще набралъ полонъ ротъ золота. Въ такомъ видѣ, едва волоча ноги, похожіи на что угодно, только не на человѣка, съ раздутыми щеками и весь расплывшій, онъ вышелъ наружу. Крезъ расхохотался и подарилъ изобрѣтательному греку вдвое больше того, что онъ взялъ. Съ этой удачи пошло благополучіе Алкмеонидовъ¹³,

Греція и Востокъ. На всемъ протяженіи греческой исторіи видна тѣсная зависимость грековъ отъ Востока. Греки—завоеватели восточныхъ богатствъ и неоплатные должники восточной культуры. Первая религиозная система, которую мы застаемъ въ Греціи при свѣтѣ исторіи, культъ 12 олимпійскихъ боговъ, явно скопирована съ восточныхъ образцовъ, можетъ быть, даже принесена восточной пропагандой. Эта проповѣдь извнѣ продолжается потомъ въ ученіи орфиковъ, она приносить почитаніе бога-страдальца и богини-матери. Восточная философія просвѣчиваетъ явственно въ теоріяхъ астрономовъ и физиковъ аіонійской школы. Неисчерпаемый запасъ восточныхъ, главнымъ образомъ, египетскихъ сказокъ, новеллъ и фантастическихъ анекдотовъ широкой волной заполняетъ греческую литературу.

Но все эти вліянія не затрогиваютъ социальныхъ отношеній, права и политической жизни, которыя слагались долго подъ давленіемъ узкихъ кантональныхъ условій. Въ греко-персидскихъ войнахъ кантонально-республиканская Греція дала отпоръ огромной деспотіи, объединившей на два столѣтія весь культурный Востокъ. Греки попытались политически отгородиться и высвободиться отъ Востока; отсюда, въ культурѣ V вѣка черты націонализма. Фукидидъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ выразителей этого патріотическаго направленія: въ его глазахъ, греческая культура возникла самопроизвольно, греки ничѣмъ не обязаны постороннему вліянію. Но уже современникъ Фукидида, Сократъ, а за нимъ Платонъ въ сильной степени подчинены восточной мистикѣ. Съ отливомъ воинственныхъ колонистовъ въ эллинистическія монархіи обѣднѣвшая европейская Греція утрачиваетъ свой національный обликъ, ориентализмъ достигаетъ новаго торжества въ видѣ религиозныхъ братствъ, безчисленныхъ кружковъ и союзовъ, въ паденіи политическаго интереса и, наконецъ, въ подготовкѣ великой церковной системы.

Если признать, что догомеровская критско-эгейская культура тѣсно примыкала къ Востоку, къ Египту, Малой Азіи и Сиріи, то время классической Греціи, отъ IX до IV вв. включительно, надо считать эпохой наибольшей самостоятельности раздробленной маленькой страны и ея крошечныхъ независимыхъ кантоновъ.

¹ Оук., IV, 92, 3. ² Матеріалы по археологій Россіи изд. Имп. Археол. Ком. Спб. 1892. ³ Das Stadtrecht von Gortyn v. J. Kohler u. E. Ziebarth, Göttingen 1912, p. 39. ⁴ Плут. біогр. Солона, 23. ⁵ Герод. III, 60. ⁶ Оук. I, 2—12. ⁷ Оук. II, 20—21. ⁸ Ксеноф. Анаб. IV, 6. ⁹ Гер. I, 170. ¹⁰ Оук. I, 70. ¹¹ Гер. IV, 77. ¹² Оук. III, 43. ¹³ Гер. VI, 125.

II. Героическій вѣкъ.

Эгейская культура и гомеровскій эпосъ. Первый вопросъ при изученіи исторіи классической Греціи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить отношеніе древнѣйшей эгейско-критской культуры къ эпохѣ собственно греческой. Составляетъ ли вторая продолженіе первой, въ родѣ того, какъ римская имперія есть продолженіе республики, или онѣ совершенно раздѣлены великими катастрофами и относятся другъ къ другу, какъ имперія Карла Великаго къ имперіи Траяна и Константина, какъ испанцы, завоеватели Америки, къ инкамъ и ацтекамъ, какъ мусульмане въ Испаніи и Византіи къ своимъ предшественникамъ христіанамъ? Принадлежатъ ли гомеровскіе греки, а за ними спартапцы, аоніане и др. къ той же расѣ, что и носители старинной культуры, или нѣтъ?

Въ частности это—вопросъ объ исторической оцѣнкѣ древнѣйшаго литературнаго памятника грековъ, гомеровскихъ поэмъ. Если классическая Греція—прямое продолженіе эгейско-критской, то воспоминанія о старинѣ должны были остаться очень живыя; въ Гомерѣ тогда надо предполагать послѣдній отголосокъ старой эпохи. Если же между тѣмъ и другимъ историческимъ міромъ былъ рѣзкій и продолжительный перерывъ, тогда о древности сохранились лишь глухія воспоминанія, и Гомеръ могъ только отразить начало новаго времени на новой и совершенно иной культурной почвѣ, чуждой старинѣ.

Фукидидъ и Геродотъ о греческой старинѣ. Намъ прежде всего интересно прислушаться къ тому, что думали объ этихъ вопросахъ сами греки въ эпоху, когда у нихъ начинались историческія изслѣдованія, какъ они понимали свое прошлое. Вопросу о происхожденіи греческой культуры посвящена знаменитая Археологія Фукидида, то-есть вступительная глава (I, 1—22) его большой исторіи Пелопоннесской войны (приблиз. годы жизни Фукидида. 465—400 до Р. X.).

Для насъ теперь всего поразительнѣе въ очеркахъ Фукидида то обстоятельство, что онъ не подозреваетъ о существованіи блестящихъ

культуръ Микенъ, Крита, Трои, открытыхъ археологіей нашего времени. Согласно Фукидиду, греческая исторія начинается сравнительно недавно; первые шаги греческой народности жалки и ничтожны: бѣдные, бродячія племена, раздирающія другъ друга въ мелкихъ усобицахъ; плохая обработка земли, жизнь не въ городахъ, а въ едва сколоченныхъ деревняхъ, грабежи и набѣги разбойничьяго калибра, ротъ—его картина ранняго быта. Изъ очерка Фукидида не видно, чтобы греки смѣнили у Эгейскаго моря какую-нибудь другую, болѣе богатую и культурную народность, чтобы у нихъ осталось какое-нибудь наслѣдство. Они тутъ, на почвѣ «такъ называемой нынѣ Эллады», были первыми поселенцами. Стариннаго критскаго властителя морей, Миноса, Фукидидъ считаетъ грекомъ; въ его лицѣ впервые сдѣлана была попытка объединенія островныхъ грековъ; критяне поднялись надъ уровнемъ пиратства и выгнали иноплеменныхъ морскихъ разбойниковъ, карійцевъ¹. Слѣдующая ступень усиленія грековъ и объединенія ихъ—троянская война, описанная Гомеромъ. Такъ идетъ дальше самобытная жизнь грековъ, ничѣмъ не обязанныхъ другимъ народамъ, исключительно своими собственными средствами строящихъ политическую и матеріальную жизнь. Читая Фукидида, получаешь впечатлѣніе, какъ будто до появленія грековъ вообще не было исторической жизни.

Правда, Фукидидъ и не ставилъ себѣ цѣлью выясненіе международныхъ отношеній и культурныхъ вліяній; его главная задача была только въ томъ, чтобы показать, какъ нарастали богатства и морскія силы Греціи; правда и то, что Фукидидъ по преимуществу націоналистическій историкъ. Ни у кого, можетъ быть, такъ сильно не отразилось гордое сознаніе грековъ V вѣка, считавшихъ себя великою націей, послѣ того, какъ они побѣдоносно отразили натискъ громадной восточной державы. Въ виду этой сознательной односторонности Фукидида важно сопоставить съ его изображеніемъ старины взгляды и построенія другого историческаго изслѣдователя V вѣка, Геродота (пристроенія другого историческаго изслѣдователя V вѣка, Геродота (приблиз. годы его жизни 484—425 до Р. X.)), обладавшаго гораздо болѣе широкимъ кругозоромъ съ примѣсью космополитизма, готоваго охотно преклоняться передъ чужими древностями. Геродотъ не считаетъ греческую культуру самобытной; онъ опредѣленно признаетъ чуть не всю греческую религію заимствованіемъ изъ древняго Египта. Когда, однако, заходитъ рѣчь о греческой старинѣ, Геродотъ также не знаетъ иного начала націи, кромѣ того, которое извѣстно и Фукидиду: мифическія фигуры греческихъ сказаній, которыя онъ превращаетъ въ историческія лица, тотъ же Миносъ критскій, греческіе пираты, соперничающіе въ похищеніи женщинъ съ финикійцами,—вотъ персонажи и отношенія, которые стоятъ у него въ самой глубинѣ гре-

ческой истории². Опять ничего похожего на знакомство съ міромъ эгейско-критской культуры.

Какъ понять это поразительное невѣдѣніе грековъ относительно древнѣйшей истории своей страны? Остается думать, что носители старинной культуры принадлежали къ расѣ, чуждой грекамъ; греческія племена надвинулись варварской лавиной, которая въ нѣсколько пріемовъ истребила всѣ слѣды стариннаго эгейско-критскаго быта. Эту катастрофу нельзя себѣ представлять въ видѣ одной большой разрушительной войны; тогда должно было бы остаться больше слѣдовъ и воспоминаній о разбитой жизни. Нѣтъ, повидимому, борьба длилась вѣками; нашествія слѣдовали за нашествіями. Первые завоеватели захватили много изъ стариннаго мѣстнаго обихода и жили въ быту смѣшанномъ, полукультурномъ; ихъ смѣнили потомъ болѣе дикія племена, опрокинувшія и эту промежуточную культуру. Среди послѣдовательныхъ разрушеній стирались слѣды старины.

Можетъ быть, нѣкоторую аналогію этимъ событіямъ представляетъ завоеваніе германцами римской имперіи. Сначала въ Италію и Галлію вступаютъ готы и бургунды, уже раньше бывшіе въ соприкосновеніи съ римлянами. Теодорихъ остготскій живетъ въ прежней римской столицѣ, Равеннѣ, держитъ при себѣ римскую канцелярію. Слѣдомъ за этими первыми, болѣе мягкими и почтительными къ старинѣ завоевателями являются новые погрубѣе, франки, лангобарды. Они остаются жить въ деревняхъ, и города римскіе приходятъ въ упадокъ; вступаютъ въ силу новое право и т. д. Надо думать, что катастрофа, въ результатѣ которой погибла эгейско-критская культура, была еще основательнѣе, чѣмъ смѣна римской имперіи варварскими государствами. Греки точно начали съ какой-то бѣлой доски. Можно представить себѣ, въ какой мѣрѣ основательно потомки завоевателей забыли все, что предшествовало завоеванію, и что связано съ его ходомъ. Впрочемъ, объ одномъ изъ этаповъ завоеванія сохранилось преданіе; это именно рассказъ о *передвиженіи дорянъ въ Пелопоннесъ*. Преданіе, разумѣется, по-своему рѣзко и драматично изображаетъ приходъ завоевателей въ видѣ одного натиска; оно неправо и въ томъ отношеніи, что говоритъ о завоевательномъ движеніи только одной группы варваровъ, надвигавшихся въ европейскую Грецію. Но оно очень вѣрно передаетъ направление движенія: оно выводитъ дорянъ съ сѣвера изъ Тессаліи; нужно представить себѣ, что другія группы варваровъ, будущихъ грековъ, вышли раньше съ еще болѣе далекаго сѣвера.

Можно далѣе понять, какъ перешла въ греческую традицію фигура Миноса критскаго, хотя о самой критской старинѣ исчезла всякая память. Критская держава II тысячелѣтія до Р. Х., опиравшаяся на сно-

шенія съ Египтомъ, Сиріей, Малой Азіей, была захвачена дружинами, нагрянувшими съ европейскіхъ береговъ Греціи. Греческіе вожди, замѣнившіе старыхъ критянъ, первое время располагали большой силой на морѣ. Вотъ эти носители переходной эпохи и культуры, соединившіе элементы двухъ разныхъ народныхъ группъ, составлявшіе конецъ Древней истории Греціи и начало ея Среднихъ вѣковъ, остались въ памяти подъ именемъ Миноса. Имя Миноса считается современными учеными не греческимъ; въ немъ предполагаютъ титулъ старинныхъ критскихъ царей; знаменитое названіе властелина морей могло удержаться въ сказаніяхъ и быть присвоено греками. Вѣдь считала же легенда въ Средніе вѣка Теодориха остготскаго соорудителемъ замка св. Ангела въ Римѣ, предавши забвенію императора Адриана и обративъ его гробницу въ крѣпость.

Итакъ, мы извлекаемъ очень важные выводы изъ самого молчанія первыхъ двухъ греческихъ историковъ. Можно ли слѣдовать за ними далѣе въ ихъ попыткахъ реконструкціи старины? Мы видимъ ясно, что ихъ почти единственный источникъ—мѣны, которые они считаютъ рассказами и воспоминаніями о подлинныхъ дѣлахъ; по своей рационалистической манерѣ они считаютъ лишь необходимымъ превратить поэзію въ прозу и снять съ рассказа фантастическую оболочку. Геродотъ придаетъ, наприм., очень важное значеніе мѣну объ аргивской царевнѣ Іо, любимой Зевсомъ, превращенной, въ виду преслѣдованій Геры, въ корову, и увезенной въ Египетъ; какъ историкъ, онъ считаетъ себя въ правѣ устранить элементъ превращенія и вмѣшательства боговъ; остается похищеніе греческой дѣвушки морскими пиратами, увезшими ее въ Египетъ, характерный фактъ во взаимныхъ обидахъ и борьбѣ между азіатами и европейцами. Фукидидъ обращается къ извѣстному «каталогу» греческихъ кораблей и войскъ во II вѣснѣ Иліады за статистическими справками: по количеству судовъ, прибывшихъ подъ Трою, принимая во вниманіе ихъ вмѣстимость, онъ вычисляетъ плотность населенія въ тогдашней Греціи.

Конечно, сами пріемы изслѣдователей V вѣка кажутся намъ дѣтскими. Но можемъ ли мы отбросить, вмѣстѣ съ наивными толкованіями, источникъ, къ которому прибѣгали Геродотъ и Фукидидъ? Гомеръ въ ихъ глазахъ настоящій свидѣтель старины; онъ почти равенъ древней лѣтописи. Въ какой же мѣрѣ Гомеръ для насъ можетъ служить историческимъ источникомъ? Это значить, точнѣе говоря, какому вѣку отвѣчаютъ гомеровскія поэмы? Какъ относятся онѣ по времени къ большой народной катастрофѣ въ предѣлахъ Греціи, далеко ли онѣ отстоятъ отъ разрушенія эгейско-критской культуры? Но вопросы подобнаго рода поднимаютъ еще цѣлый рядъ другихъ: какъ смотрѣть

на гомеровскій эпосъ, составляютъ ли Илиада и Одиссея фантастическіе романы или описанія реальной исторической дѣйствительности, облеченныя лишь въ поэтическую форму? Гдѣ у Гомера кончается фантазія и теологія, и гдѣ начинается историческая хроника? Взятые вмѣстѣ, вопросы эти образуютъ великую спорную проблему о происхожденіи гомеровскаго эпоса.

Гомеровскій вопросъ въ ново-европейской наукѣ до археологическихъ открытій. Въ западно-европейской наукѣ весьма рано, уже съ конца XVII в., стали высказывать сомнѣнія въ существованіи личности Гомера, какъ создателя двухъ поэмъ. Джанбатиста Вико, предшественникъ романтизма и народничества, считалъ Гомера символомъ большой эпохи, обозначеніемъ извѣстной ступени культурнаго развитія. Къ концу XVIII в. Фридрихъ Августъ Вольфъ (въ Prolegomena ad Homerum 1795) выставилъ замѣчательную теорію происхожденія гомеровскаго эпоса, въ силу которой созданіе поэмъ является результатомъ очень продолжительнаго коллективнаго процесса. Согласно теоріи Вольфа, эпосъ не имѣлъ авторовъ въ настоящемъ смыслѣ слова; его дѣльность—фактъ позднѣйшій. Начинается эпосъ съ небольшихъ разрозненныхъ пѣсенъ, сочинителями которыхъ были гуслеры, аойды. Позднѣйшіе вѣка выдвинули декламаторовъ, рапсодовъ, которые дополнили, разработали мотивы старыхъ пѣвцовъ; между ними могъ быть особый мастеръ дѣла, Гомеръ, давшій направленіе дѣлому поколѣнію Гомеридовъ. Наконецъ, когда поэтическое творчество совѣмъ прекратилось, появились ученые собиратели и редакторы, которые впервые записали тексты, согласовали варианты и привели все въ систему. Лишь изъ рукъ этихъ кабинетныхъ людей вышли поэмы въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ потомъ сохранялись и стали извѣстны намъ.

Ученая гипотеза гениальнаго филолога была подхвачена романтической школой, которая нашла аналогию Гомеру въ эпосѣ индусскомъ, въ пѣсняхъ и былинахъ сербовъ, русскихъ, финновъ, кельтовъ, въ средневѣковой поэзіи Франціи и Германіи, подвела все эти произведенія подъ одну рубрику «народной поэзіи» и выработала представленіе о бессознательномъ коллективномъ творчествѣ народа. Романтики отрицали наличность особыхъ художниковъ и поэтовъ въ эпоху натуральной народной жизни. Въ старинной поэзіи не было, по ихъ мнѣнію, ни плана, ни намѣреннаго вымысла, ни искусственной обработки. Гомеровскій эпосъ въ ихъ глазахъ былъ истинной народной поэзіей, родившейся и выросшей органически; Гомеръ не что иное, какъ имя для всего поющего народа.

Разъ утвердилась мысль, что гомеровскій эпосъ лишень единства и дѣльности, вниманіе ученыхъ направилось на открытіе все новыхъ и

новыхъ несуразностей и противорѣчій въ поэмахъ. Анализъ ихъ преимущественно обращался въ расчлененіе и раздробленіе поэтическихъ картинъ. Гомеръ сталъ казаться безформеннымъ нагроможденіемъ вышине сшитыхъ, первоначально чуждыхъ другъ другу пѣсенъ объ отдѣльныхъ герояхъ и событіяхъ. Крайностью этого направленія можно считать теорію Лахманна (1835 г.), въ силу которой Илиада и Одиссея составляютъ механическое соединеніе приблизительно 18 пѣсенъ; каждая пѣснь внесена особой народной группой.

Правда, и въ эпоху преобладанія романтическаго взгляда не переводились сторонники единства эпоса, вѣрившіе въ личнаго Гомера. Но они не могли внести существенной поправки въ оцѣнку содержанія эпоса. И въ ихъ глазахъ Гомеръ былъ также наивнымъ поэтомъ очень ранней эпохи народнаго быта. Историки и филологи въ теченіе почти всего XIX вѣка сходились болѣе или менѣе на томъ, что культура, отраженная въ пѣсняхъ Гомера, весьма близка къ примитивной. Гомеровское общество считали долго классическимъ примѣромъ первобытнаго патриархальнаго состоянія чловѣчества. Признаковъ утонченности жизни, развитія богатства, художественнаго ремесла, торговли, придворной жизни, неравенства имуществъ и т. д., во множествѣ разсѣянныхъ въ поэмахъ, какъ бы не замѣчали. Напротивъ, преувеличивали черты грубости понятій и привычекъ, искали во что бы то ни стало указаній на первобытныя формы; напр., одно время усиленно разыскивали у Гомера первоначальную общину, предшествующую развитію индивидуальной собственности.

Такой взглядъ на Гомера находилъ поддержку въ общихъ историческихъ воззрѣніяхъ, господствовавшихъ приблизительно до 70-хъ и 80-хъ годовъ XIX вѣка. Историческіе вѣка жизни чловѣчества, казалось, не восходятъ далеко въ глубь временъ. Египетъ и Вавилонъ съ ихъ тысячелѣтной исторіей представлялись какими-то случайно выданными курьезами; одновременно съ ними Европа, а, слѣдовательно, и Греція пребывали въ младенчествѣ и еще въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х. едва просыпались для слабыхъ культурныхъ заимствованій со стороны, изъ Азіи.

Новые взгляды на Гомера съ конца XIX вѣка. Полный переворотъ въ воззрѣніяхъ произвели открытія, сдѣланныя въ двухъ совершенно различныхъ областяхъ науки, въ археологіи и этнологіи. Сначала археологи, впереди всехъ Шлиманъ (съ 1871 г.), были подъ рѣшительнымъ обяніемъ старой теоріи. Они хотѣли только иллюстрировать великую народную поэму, открытъ первобытную греческую старину, воспѣтую Гомеромъ, въ ея вещественныхъ остаткахъ. Однако то, что они открывали на мѣстахъ, наиболѣе прославленныхъ эпосомъ, въ Троѣ, въ Ми-

кенахъ, въ значительной мѣрѣ расходилось съ Гомеромъ. У Гомера умершаго сожигаютъ и на мѣстѣ костра насыпаютъ курганъ. По раскопкамъ видно было, что хоронили безъ сожженія въ землѣ или въ старательно выложенныхъ склепахъ, подобияхъ египетскихъ гробницъ, при чемъ заботились о сохраненіи тѣла, а на лицо клали золотую маску. Какъ ни старались согласовать описанія Гомера съ данными раскопокъ, все болѣе выяснялось, что они относятся къ разнымъ вѣкамъ и разнымъ культурамъ. Позади гомеровской эпохи оказывался цѣлый міръ отношений, большія царства, отдаленныя торговыя связи. Греки ли были эти предшественники гомеровскихъ героевъ, сидѣвшіе въ Микенахъ, на островахъ Эгейскаго моря и на берегу Малой Азіи во II тысячелѣтіи до Р. Х., или нѣтъ, но о первобытности гомеровскаго общества теперь не могло быть и рѣчи. Если старинные обитатели побережій Эгейскаго моря были другой расы, то греки, ихъ покорители, во всякомъ случаѣ, строились не на дѣвственной землѣ, а въ странѣ давно разработанной. Раскопки Шлимана, Дёрпфельда, Эванса и др. дали неожиданные результаты, опрокинувшіе старыя представленія историковъ. Открылась настоящая, глубокая древняя исторія. Въ отношеніи къ ней Гомеръ оказался очень позднимъ и очень новымъ явленіемъ.

Въ то же время этнологическія наблюденія совершенно разстроили укоренившееся въ наукѣ представленіе о народной поэзіи. Сказки и пѣсни народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, кратки и сухи по изложенію, характеристики ихъ блѣдны и деревянны, рассказъ полонъ скучныхъ повтореній. Какъ только народъ подымается надъ узкимъ уровнемъ замкнутой первобытной жизни, у него уже замѣтна извѣстнаго рода интеллигенція; появляются пѣвцы, сказочники, сочинители съ извѣстной литературной индивидуальностью. Развитие эпоса вовсе не представляетъ стихійнаго движенія механически примыкающихъ другъ къ другу исполнителей. Поэты, музыканты, декламаторы образуютъ особый разрядъ специалистовъ, у которыхъ слагается своего рода традиція, которые совершенствуютъ свои приемы; въ художественно-поэтической школѣ, изъ среды виртуозовъ и мастеровъ техники могутъ выдаваться гениальные изобрѣтатели, композиторы и романисты. Въ самихъ поэмахъ Гомера есть указанія на выдающееся мастерство иныхъ поэтовъ его времени. Не даромъ онъ никогда не забудетъ называть имя мѣстнаго исполнителя музыкальной декламации: таковъ у феаковъ на о. Схеріи Фемій, на о. Итакѣ слѣпецъ Демодокъ.

Новыя наблюденія надъ ранней поэзіей народовъ сдѣлали опять правдоподобной и возможной личность Гомера. И какъ раньше отыскивали ревностно всякаго рода противорѣчія и нескладницы въ Илиадѣ и

Одиссеѣ, такъ, напротивъ, теперь изслѣдователи стали выдѣлять искусство поэтическаго вымысла, цѣльность и единство выполненія, тонкую выдѣлку ситуаций, характеристикъ и описаній у Гомера. Филологи заняты въ новѣйшее время анализомъ сложной искусной техники поэмъ; все больше отмѣчаютъ они у Гомера элементъ намѣренности, рассчитаннаго эффекта, склонность поэта къ резонерству и рефлексіи, его тонкую психологическую разработку.

Гомеровскій вѣкъ—греческое средневѣковье. Съ 90-хъ годовъ XIX вѣка появляется рядъ ученыхъ работъ въ англійской, нѣмецкой, французской литературѣ, которыя развиваютъ новый взглядъ на Гомера и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ новую характеристику вѣка, среди котораго возникли эпическія поэмы грековъ. Теперь начинаютъ прилагать къ гомеровскому времени названіе греческаго средневѣковья, разумѣя подъ греческой древностью въ собственномъ смыслѣ блестящій и проникнутый восточными влияніями бытъ эгейско-критской культуры.

Когда впервые появился терминъ «греческое средневѣковье», онъ отмѣтилъ собой большой успѣхъ въ научномъ открытіи греческой старины. Но въ дальнѣйшемъ ходѣ работы онъ сталъ ненуженъ и даже повелъ къ различнымъ недоразумѣніямъ. Европейское средневѣковье вѣдь обнимаетъ десять столѣтій, отъ Хлодвига и Теодориха до открытія Америки; въ предѣлахъ этого огромнаго періода есть и Карлъ Великій, и крестовыя походы, и ранній итальянскій ренессансъ; какой же изъ этихъ эпохъ соотвѣтствуетъ гомеровскій вѣкъ?

Одно время было популярно воззрѣніе, въ силу котораго между зарожденіемъ эпоса и его окончательной разработкой и завершеніемъ прошелъ большой срокъ. Въ теченіе этого промежутка событія, отразившіяся въ эпосѣ, забылись, общество, переживавшее ихъ, давно сошло со сцены. Совсѣмъ новые люди въ измѣнившейся обстановкѣ подхватили и расцвѣтили старинные мотивы. На мысль о расхожденіи стараго зерна эпоса, примыкавшаго къ реальному факту, съ позднѣйшей разработанной поэмой наводили какъ будто нѣкоторыя странности у Гомера, нѣкоторая неровность въ нарисованной у него культурной картинѣ. Напр., военныя колесницы, упоминаемая Гомеромъ, по мнѣнію иныхъ ученыхъ, не могли быть въ ходу одновременно съ боемъ сплоченной фалангой, которая также изображена въ поэмѣ; надо думать, что въ эпоху, когда сочинялись поэмы, войны сражались нѣшіе, а слѣд., бой на колесницахъ—какой-то словесный остатокъ старины, воспоминаніе или затвердѣлый оборотъ старой пѣсни, который механически вставленъ въ поэму.

Особенное вниманіе обращали нѣкоторые изслѣдователи на то, что у Гомера говорится о металлахъ³. Дѣло въ томъ, что въ поэмахъ

замѣтно преобладаніе мѣди и бронзы надъ желѣзомъ. Къ оружію всегдашній эпитетъ—бронзовый (*χάλκεος*). Бронза вообще упоминается разъ въ 10 чаще, чѣмъ желѣзо. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ желѣзо ни разу не названо. Но въ другихъ пѣсняхъ упомянуты желѣзные инструменты; Ахиллъ ставитъ призомъ на играхъ желѣзный дискъ и выхватываетъ выставленную массу металла; кто получить дискъ, у того желѣза хватить на 5 лѣтъ; не придется ему посылать въ городъ за металломъ своего пастуха, да и пахари будутъ обезпечены (предполагается—орудіями). Изъ этого описанія и другихъ мѣстъ видно, что желѣзо очень цѣнится, что оно производитъ особенное впечатлѣніе. Когда поэтъ хочетъ указать на необычайную твердость въ переносномъ смыслѣ, онъ беретъ сравненіе отъ свойствъ желѣза и говоритъ: желѣзное сердце, желѣзныя руки, желѣзное терпѣніе. Желѣзо не получило еще широкаго распространенія; изъ него еще не дѣлаютъ оружія. О немъ говорятъ, какъ объ интересной новинкѣ, оно занимаетъ воображеніе, тогда какъ о мѣди, бронзѣ не говорятъ особливо; это вещи обыкновенныя, привычныя, общезвѣстныя.

Изъ этихъ наблюденій дѣлали слѣдующій выводъ. Упомянутыя желѣза у Гомера показываютъ, что окончательный видъ поэмы получили въ началѣ желѣзнаго вѣка; такъ какъ въ Иліадѣ желѣзо упоминается гораздо рѣже, чѣмъ въ Одиссеѣ, то послѣдняя составлена позже. Упомянутыя мѣди составляетъ слѣдъ старинной формы эпоса. Въ цѣломъ же Гомеръ состоитъ изъ наслоеній: въ немъ отложились послѣдовательныя ступени развитія индустріи и культуры. Если оставаться при опредѣленіи гомеровскаго вѣка, какъ греческаго средневѣковья, то, въ силу изложеннаго взгляда, начало эпоса принадлежитъ времени ранняго средневѣковья; что же касается окончательной выработки поэмъ, то это будетъ эпоха поздняго средневѣковья, соотвѣтствующая въ исторіи Западной Европы времени рыцарства и рыцарской поэзіи.

Гомеровскія поэмы—искусственный рыцарскій эпосъ. Приспособляясь къ такому расчлененію Гомера по культурнымъ наслоеніямъ, историки литературы выработали новую теорію происхожденія эпоса. Толчкомъ къ возникновенію эпическихъ пѣсней служитъ обыкновенно крупная историческая битва, осада, катастрофа. Такова у сербовъ Коссовъ битва, у германцевъ—большія столкновенія племенъ и борьба съ Римомъ въ V вѣкѣ, въ древней Руси борьба со степью, сосредоточивающаяся около Кіева; такова для греческаго эпоса была Троянская война. Около такихъ драматическихъ центровъ начинаются слагаться и кружить пѣсни, которыя разрабатываютъ эпизоды героическаго кризиса, дѣла отдѣльныхъ участниковъ. Самая старинная форма исполненія былины изображена въ IX вѣснѣ Иліады: Ахиллъ въ ставкѣ

поетъ, сопровождая себя, а Патроклъ сидитъ молча напротивъ и ждетъ очереди, чтобы продолжать⁴. Такъ приблизительно исполняются пѣсни у современныхъ средне-азиатскихъ народовъ. Позднѣе былины слагаютъ и исполняютъ особые поэты по ремеслу, которыхъ Гомеръ не разъ изобразилъ въ поэмахъ; они поютъ большею частью на пирахъ у царей и у знати, но также мастеръ пѣнія появляется на большомъ праздникѣ среди народнаго хора (въ XVIII пѣснѣ, въ циклѣ картинъ на щитѣ Ахилла).

Старинныя пѣвцы не шли далѣе разработки отдѣльныхъ моментовъ и эпизодовъ; извѣстныя данныя темы они вливали въ формы нѣкотораго условнаго языка. Разъ сложившіяся пѣсни застываютъ въ опредѣленныхъ формахъ и воспроизводятся потомъ механически съ сохраненіемъ непонятныхъ, часто старинныхъ, выраженій. Въ такомъ видѣ пѣсни могутъ держаться очень долго, какъ это было у русскихъ и у финновъ; онѣ могутъ вымереть совсѣмъ. Но онѣ могутъ послужить также основой для позднѣйшаго новаго творчества. Пройдетъ нѣсколько вѣковъ и въ другой географической и культурной средѣ крупный поэтъ съ яркой индивидуальностью возьмется за общую обработку большого состава сюжетовъ, которые были до тѣхъ поръ раздроблены во множествѣ отдѣльныхъ старинныхъ пѣсней. Таково въ Германіи происхожденіе поэмы о Нибелунгахъ. Въ поэмахъ упоминаются фигуры и событія V вѣка, бургунды, Аттила, Теодорихъ остготскій, отражается бурная эпоха передвиженій. Тогда же, вскорѣ послѣ событій, возникли прославляющія ихъ пѣсни. Но большая связанная поэма сложилась 7 вѣковъ спустя, въ XII вѣкѣ, ея авторъ, выдающійся поэтъ, хотя и неизвѣстный намъ по имени, воспользовался старинными пѣснями, какъ матеріаломъ, и сочинилъ крупную цѣльную вещь по оригинальному собственному плану. Въ поэмѣ рыцарской эпохи инкрустированы, благодаря этому, подлинныя старинныя куски, формы древняго языка, обороты отжитой поэзіи. Таковъ въ силу изложенной теоріи и греческій Гомеръ, подлинный поэтъ, великій мастеръ эпохи искусственнаго творчества, далеко по времени отстоящій отъ изображенныхъ имъ событій⁵.

Нѣкоторые ученые идутъ въ этомъ направленіи еще дальше, двигаютъ Гомера въ историческую эпоху, въ періодъ колонизаціи, близко къ достовѣрнымъ историческимъ фигурамъ Фалеса, Драконта и Солона. Они думаютъ, что поэтъ имѣлъ передъ собой весьма просвѣщенную аудиторію, нѣчто похожее на читателей рыцарскихъ романовъ въ Европѣ XV вѣка; общество, для котораго сочинялись поэмы, отличалось тонко развитымъ чутъемъ; оно уже было слегка затронуто скептицизмомъ, привыкло къ хитрому поэтическому изобрѣтенію, къ манерному языку. Поэты, приспособляясь къ его вкусамъ, старательно полировали

и выработывали стиль, очень далекий от живого разговорного языка; въ содержаніи было также много искусственности.

На одномъ примѣрѣ особенно наглядно выступаетъ различіе стараго и новаго взглядовъ на Гомера. Прежде, та сцена въ Одиссеѣ, гдѣ царевна Навзикая моетъ со служанками бѣлье, считалась за наивное изображеніе патриархальныхъ порядковъ старины. По мнѣнію современнаго намъ ученаго, здѣсь надо видѣть вовсе не реальную картинку быта, а сентиментальную пастораль на манеръ изображаемыхъ въ повѣстяхъ XVII вѣка принцессъ, пасущихъ овецъ⁶.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся въ ученыхъ теоріяхъ о гомеровскомъ эпосѣ съ крайностью, противоположной романтическому взгляду на Гомера, какъ продуктъ народнаго творчества. Въ крайности этой есть свои ошибки, и не такъ ужъ безусловно неправы были прежніе толкователи Гомера. Въ самомъ дѣлѣ, если бы поэмы дѣйствительно представляли столь оранжерейное творчество, какъ могли бы онѣ приобрести такую популярность именно въ народной средѣ европейской Греціи? Какъ могла бы декламация Гомера сдѣлаться важной составной частью великаго праздника Панаѳиней? По всему видно, что Гомеръ близокъ къ той средѣ, которую онъ изображаетъ. Нельзя отодвигать сочиненіе поэмъ на такой поздній срокъ, какъ VII вѣкъ до Р. X.; это время, когда начинается городская жизнь, выдвигаются торговые и индустриальные классы, общины управляются выборными, часто смѣняющимися, сановниками, между тѣмъ какъ у Гомера на первомъ мѣстѣ воинственная, подвижная аристократія, и во главѣ свитѣ и дружинѣ наслѣдственные вожди. Міръ, изображенный Гомеромъ, не можетъ быть выдуманнымъ; должна быть гораздо болѣе тѣсная связь между поэтическими картинками и дѣйствительностью. Гомеръ и его герои скорѣе всего принадлежать одному и тому же вѣку.

Гомеръ—современникъ и пѣвецъ героическаго вѣка. Въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи греческаго эпоса всегда большую роль играли сравненія съ эпическими произведеніями другихъ временъ и народовъ. Но, конечно, успѣшность въ проведеніи аналогій зависѣла отъ умѣнія найти соотвѣтствующій уровень или моментъ въ развитіи поэзіи. Рыцарская поэзія эпохи крестовыхъ походовъ явно не подходитъ для сравненія съ греческимъ эпосомъ. Больше, повидимому, способно дать сравненіе гомеровскихъ поэмъ съ ранними германскими пѣснями и стихотворными сказаніями VII—VIII вв. по Р. X.⁷ Въ содержаніи того и другого цикла есть несомнѣнное сходство: и тамъ, и здѣсь изображаются приключенія смѣлыхъ людей, «героевъ», необузданныхъ и капризныхъ характеровъ на фонѣ большихъ народныхъ столкновений; той и другой поэзіи свойственна примѣсь фантастическаго элемента

съ мало почтительнымъ отношеніемъ къ богамъ. Можно допустить, что та и другая возникли при сходныхъ обстоятельствахъ. Къ сожалѣнію, греческія поэмы стоятъ совершенно одинокимъ источникомъ эпохи; нѣтъ никакой возможности провѣрить историческую дѣйствительность тѣхъ событій и лицъ, о которыхъ онѣ передаютъ, другими параллельными изображеніями. Такая возможность имѣется для германской поэзіи, какъ отчасти, хотя въ меньшей степени, она есть и для русскихъ былинь.

Сюжеты германскихъ эпическихъ пѣсенъ относятся больше всего къ южнымъ племенамъ, остготамъ, лангобардамъ, бургундамъ, которыя выступали въ V—VI столѣтіяхъ. Въ поэзіи мелькаютъ имена, напоминающія знаменитыхъ германскихъ вождей эпохи передвиженій. О тѣхъ же самыхъ событіяхъ рассказываютъ посторонніе свидѣтели, писатели римскіе и византійскіе. Въ ихъ, хотя прозаической, передачѣ, сухой, трезвой и незаинтересованной, есть все-таки много драматическихъ элементовъ, и намъ вполне понятно, что они могли дать основу для героической поэзіи. Та же героическая основа чувствуется въ русской начальной лѣтописи; съ другой стороны, въ былинахъ появляются историческія фигуры—князь Владиміръ, Добрыня, Вольга (Олеговъ?). Отсюда видно, что событія, о которыхъ повѣствуютъ пѣвцы, въ существѣ своемъ подлинныя, а не фантастичныя; они отстоятъ не очень далеко отъ времени окончательной обработки героическихъ сюжетовъ въ поэзіи. Германскія эпическія пѣсни сохранились въ томъ видѣ, какой онѣ получили въ VII—VIII вв., т.-е. одно, два, самое большее 2¹/₂ столѣтія спустя послѣ подвиговъ и жизни людей, которыхъ онѣ прославляютъ.

Въ пѣсняхъ вѣроятно чувствуется то самое настроеніе, которое проникало людей бурнаго драматическаго вѣка. Надо думать, что уже въ ту пору, когда дѣйствовали герои, имѣлись пѣвцы, слагавшіе о нихъ былины; эти артисты пѣли въ обстановкѣ дружиннаго двора. Бродячая воинственная жизнь выдвигала среди племенъ вождей, окружавшихъ себя свитами удальцовъ. Во главѣ дружины вождь совершалъ предпріятія, набѣги и крупныя грабежи, увеличивалъ свои богатства и запасы оружія; такимъ путемъ онъ создавалъ впервые сильную, хотя и не очень прочную монархическую власть. Король держалъ блестящій, шумный дворъ, къ числу развлеченій котораго принадлежали и музыкальныя декламации героическихъ пѣсенъ. Можно далѣе думать, что уже при дворахъ самихъ воителей, бывшихъ главными участниками драматическихъ приключеній, поэты подобрали и закрѣпили любимые сюжеты и популярныя фигуры героевъ. Пѣсни распространялись отсюда дальше и были занесены странствующими сказителями къ дру-

гимъ дружиннымъ вождямъ, жившимъ въ обстановкѣ похожей; оттого онѣ встрѣчаются въ другой географической средѣ, далеко отъ ихъ первоначальной родины. Но онѣ сохраняютъ еще на себѣ всѣ оттѣнки интересовъ и вкусовъ, которые господствовали при ихъ возникновеніи. Въ нихъ та же манера, тѣ же фантастическія вставки, тотъ же условный языкъ, можетъ быть, тотъ же размѣръ. Надо думать, что ихъ окончательная редакція, въ которой онѣ до насъ дошли, очень похожа на ихъ первоначальный видъ. Есть вставки, есть нѣкоторыя измѣненія и дополненія, но все это незначительно. Въ героическомъ эпосѣ не зачѣмъ искать особыхъ наслоеній, или ступеней культуры. Онъ очень цѣлентъ и по содержанію, и по тону, и даже въ подробностяхъ.

Между бытомъ германскихъ героевъ и жизнью грековъ, отраженной у Гомера, много соприкосновеній: тѣ же передвиженія племенъ, та же беспокойная удалая жизнь, такія же дружины и пѣвцы на пирахъ, прославляющіе вождей. Аналогичныя картины у того и другого народа взаимно подкрѣпляютъ другъ друга и позволяютъ возстановить особую группу социальныхъ отношеній или особую форму культуры, къ которой весьма подходитъ названіе «героическаго вѣка». Гомеровскія поэмы такъ же, какъ германскія пѣсни VII—VIII вв., возникли среди самого героическаго вѣка; онѣ недалеко отстоятъ отъ событій и проникнуты тѣмъ же духомъ. Прежніе изслѣдователи все отыскивали въ Гомерѣ противорѣчія и объясняли ихъ тѣмъ, что Гомеръ имѣлъ въ рукахъ старый матеріалъ. Но если присмотрѣться внимательно, то картины покажутся однородными по тону. Поэтъ рисуетъ только то, что онъ видитъ передъ собой; чуждые старинные, непонятные куски ему не приходится вставлять. На поэмахъ вовсе не отразилась никакая-либо эволюція. Напротивъ, онѣ—зеркало понятій и отношеній цѣльнаго въ себѣ героическаго вѣка.

Въ свое время важнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Гомеръ составилъ изъ старыхъ и новыхъ кусковъ, считали совмѣщеніе въ поэмахъ бронзы и желѣза, двухъ металловъ, характеризующихъ два разные вѣка. Новыхъ изслѣдователей нисколько не смущаетъ это обстоятельство. Отчего бы не представить себѣ, что передъ Гомеромъ дѣйствительно была среда, которая примѣняла и тотъ, и другой металлъ, бронзу гораздо болѣе, въ особенности въ оружіи, желѣзо, какъ новинку, гораздо менѣе, при чемъ оно обрабатывалось, главнымъ образомъ, въ видѣ орудій.

Историческая основа гомеровскихъ поэмъ. Нѣкоторые ученые готовы признать, что позади поэмъ вырисовывается подлинный историческій фонъ, что была настоящая троянская война, и притомъ въ крупныхъ размѣрахъ. Царь микенскій Агамемнонъ, со своимъ братомъ

спартанскимъ Менелаемъ, собралъ своихъ союзниковъ и вассаловъ и двинулся большой экспедиціей на крупнейшаго властителя малоазійскаго побережья, царя троянскаго. Приама, вокругъ котораго также собрались его подручные. Такую же реальную оцѣнку придаютъ политико-географическимъ указаніямъ Гомера; пытаются даже набросать карту феодальной имперіи Агамемнона, охватывавшей большую часть Пелопоннеса и нѣкоторыя области восточной окраины средней и сѣверной Греціи. Между прочимъ ссылаются на необыкновенную точность географическихъ описаній Гомера: Троянскую долину съ ея быстрыми потоками могъ изобразить лишь человѣкъ, хорошо ее наблюдавшій; это умѣніе возсоздать мѣстность, эта выдержанность обстановки, казалось бы, тоже говоритъ въ пользу подлинности событій, которыя въ нее помѣщены.

Но можно привести и возраженія. Такъ, напр., трудно допустить, чтобы Микены, при своемъ положеніи въ узкой долинѣ, дѣйствительно способны были играть центральную роль въ Греціи; поэтому предводительство микенскаго царя въ общегреческомъ ополченіи, пожалуй, не что иное, какъ сказочный оборотъ. Поэмы вообще не лѣтописи, въ нихъ есть элементъ вымысла, намѣреннаго преувеличенія; весьма легко совершаются поэтомъ различныя перемѣненія. На примѣрахъ германскаго эпоса видно, до какой степени расплываются въ пѣняхъ очертанія подлинныхъ происшествій, какъ они переносятся въ другую географическую среду или за облака фантазіи, какъ подставляютъ къ подвигамъ извѣстнаго героя другія имена и т. п. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что эпосъ, хотя бы исходилъ отъ великихъ историческихъ событій, однако, въ качествѣ художественнаго произведенія, примыкаетъ къ извѣстнаго рода образцамъ идеальнаго типа, которые часто доставляются вліяніемъ чужихъ литературъ.

Греческая поэзія полна заимствованныхъ съ Востока мотивовъ. Между прочимъ, въ вавилонскомъ эпосѣ есть такой эпизодъ. Крѣпкій городъ, гдѣ сидитъ красавица-богиня, осаждается двумя героями-друзьями, изъ которыхъ одинъ трагически гибнетъ, а другой, охваченный безысходнымъ горемъ, спѣшитъ за нимъ въ преисподнюю. Этотъ поэтический сюжетъ, повидимому, извѣстенъ Гомеру и своеобразно истолкованъ имъ. Можетъ быть, въ первоначальномъ сказаніи изображались лишь бои двухъ воинствъ, безъ мотива осады города; стоитъ кстати замѣтить, что укрѣпленія Трои не играютъ никакой роли въ сраженіяхъ; городъ служить троянцамъ такимъ же лагеремъ, какъ грекамъ ихъ стоянка на берегу моря. Возможно поэтому, что мотивъ осады Трои введенъ самимъ поэтомъ для того, чтобы связать мнѡю о похищеніи красавицы Елены съ разсказами о бояхъ двухъ великихъ во-

пнствъ; по вавилонскому образцу онъ вставилъ городъ, въ который и помѣстилъ Елену. Имя Трои могло быть выбрано потому, что это былъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ городовъ старины. Любопытно, что существовалъ и другой вариантъ сказанія, по которому Елена не попала въ Трою: Парису боги дали увести только тѣнь волшебной женщины, сама же Елена оставалась все время осады въ Египтѣ.

Съ другой стороны, точность географическихъ описаній не есть свидѣтельство подлинности событій; разъ по какимъ-нибудь причинамъ въ пѣсни введена была Троя, Микены, Итака, поэты могли потомъ заняться разрисовкой упоминаемой мѣстности для того, чтобы придать своему рассказу больше правдоподобности.

Иными словами, могло вовсе не быть ни осады Трои, ни экспедиціи микенскаго царя, ни первенства въ бояхъ эссалийскаго героя (Ахилла). Имена всѣхъ участниковъ войны могли быть совершенно иныя (отмѣчаютъ, между прочимъ, что Одиссей—совсѣмъ не греческое имя). И тѣмъ не менѣе историческая основа поэтического рассказа существуетъ. Не надо только настаивать на буквѣ дѣла. Описанные въ Илиадѣ бои, можетъ быть, лишь концентрація въ одномъ мѣстѣ и на опредѣленномъ моментѣ продолжительныхъ и послѣдовательныхъ нападений греческихъ дружинъ на малоазійскій берегъ, въ результатъ которыхъ здѣсь возникли эолийскія и іонійскія колоніи. Традиція упорно выводитъ Гомера изъ Іоніи; языкъ поэмъ ближе всего къ іонійскому нарѣчію. Очень правдоподобно, что онѣ возникли именно тутъ, въ самомъ жгучемъ мѣстѣ греческой колонизаціи. Занятіе береговъ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней острововъ совершалось натисками отдѣльныхъ дружинъ и вождей; оно едва ли носило характеръ большой общей экспедиціи съ центральнымъ руководствомъ. Въ этомъ смыслѣ въ Илиадѣ есть очень реальныя указанія. Агамемнонъ, въ сущности,—типъ слабаго «лѣнливаго» короля. Онъ почти нигдѣ не выступаетъ главнокомандующимъ. Центральный эпизодъ поэмы—непослушаніе Ахилла, одного изъ подчиненныхъ вождей. Помимо этого случая формальнаго отказа участвовать въ общемъ дѣлѣ, отдѣльные вожди нисколько не стѣсняются вести самостоятельныя набѣги. Передъ нами быть разрозненныхъ дружинъ, подобныхъ норманскимъ викингамъ и ихъ свитамъ.

Воинственная аристократія, завладѣвшая берегами Малой Азіи, т.-е. основатели Милета, Фокеи, Хиоса и др., и была, повидимому, той средой, которая дала толчокъ образованію эпоса. Воители группировались около вождей, особенно искусныхъ и счастливыхъ. Общество это составилось изъ отважныхъ, бывалыхъ моряковъ, оторвавшихся отъ патріархальной почвы, въ значительной мѣрѣ свободныхъ отъ предрассудковъ родины; при маленькихъ дворахъ господствовали развитые, тре-

бовательные вкусы; герои и ихъ товарищи желали наслаждаться обстоятельнымъ рассказомъ, искусно составленнымъ романомъ о своихъ подвигахъ. На нихъ работала особая, тоже очень подвижная, интеллигентная группа артистовъ, пѣвцовъ и поэтовъ. Въ картинѣ дружиннаго двора пѣвецъ не забываетъ изобразить и себя. Вотъ какъ Одиссея рассказываетъ о появленіи виртуоза. Во дворцѣ Алкиноя вѣстникъ, т.-е. церемоніймейстеръ, вводитъ на торжественный пиръ «чтимаго въ народѣ» поэта Демодока и сажаетъ его на видное мѣсто среди гостей. Выступаетъ почетный гость, Одиссей, и въ выраженіяхъ, обличающихъ знатока этикета, произноситъ поэту цѣлый панегирикъ, говоритъ о божественномъ вдохновеніи, которое выпадаетъ на его долю, и горячо хвалитъ его за вѣрность поэтического изображенія: «ты такъ художественно рассказываешь про дѣла, приключенія и страданія ахейцевъ, точно ты самъ былъ съ ними или слышалъ отъ очевидца»⁸. Это мѣсто любопытно еще въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, въ какой мѣрѣ близко къ событіямъ стояли авторы эпическихъ пѣсенъ и рассказовъ.

Хронологія героическаго вѣка. Мы видѣли, что позже 700 года до Р. Х. нельзя сдвигать Гомера. Въ VII в. поднимаются купеческіе и ремесленные круги, начинаетъ организоваться крестьянство, и аристократія вынуждена вступить въ борьбу съ этими новыми силами. У Гомера же мы находимъ героевъ и ихъ свиты въ полномъ обладаніи власти и богатства. Но по многимъ основаніямъ, которыя уже были указаны, неудобно также относить поэмы значительно раньше указанного срока. Восьмое столѣтіе до Р. Х. (800—700 гг.), пожалуй, вѣрнѣе всего считать эпохой творчества Гомера. Если далѣе согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что Гомеръ не очень далеко отстоитъ отъ событій, которыя послужили толчкомъ къ возникновенію эпоса, и если признать самого Гомера младшимъ современникомъ героическаго вѣка, то на весь этотъ вѣкъ можно отнести два, или два съ половиной столѣтія. Слѣдовательно, троянскую войну, или группу событій, которыя были собраны подъ такимъ объединяющимъ историческимъ символомъ, мы рѣшаемся отнести приблизительно къ 950 или 1000 гг. до Р. Х. Такимъ образомъ, героическій вѣкъ въ Греціи начинается одновременно съ возвышеніемъ Израильскаго царства при Давидѣ и Соломонѣ, а его процвѣтаніе, IX столѣтіе (900—800 гг.), совпадаетъ съ возвышеніемъ Ассиріи въ эпоху такъ наз. третьяго великаго царства, открывающагося именованъ грознаго собирателя желѣза, Ассурназирпала.

Общественное устройство по Гомеру. Греческій эпосъ представляетъ обильный матеріалъ для характеристики общественнаго устройства. Нужно только дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, куда, въ какую об-

становку относятся отдѣльные черты быта, какія изъ нихъ отличаются болѣе общимъ характеромъ и какія носятъ мѣстный, специальный отпечатокъ. Вообще говоря, Одиссея отмѣчена болѣе консервативнымъ характеромъ, скорѣе отражаетъ порядки родины, европейской Греціи. Илиада открываетъ по преимуществу черты новой жизни и отчасти новыхъ воззрѣній, рисуетъ военное общество, подвижное, отдѣлившееся отъ старыхъ насиженныхъ мѣсть. Иное у Гомера имѣетъ отношеніе только къ колоніямъ, къ малоазійской военной и торговой аристократіи, другое—къ большинству областей европейской Греціи, еще не вышедшихъ изъ патріархальнаго быта. Иногда составитель поэмы своеобразно тонко отбѣиваетъ различіе между чертами архаическими и новаторскими.

Старинная группировка общества. Въ Илиадѣ есть два любопытныхъ мѣста, указывающихъ на старинное дѣленіе народа по филамъ и фратріямъ. Оба раза характерныя обозначенія встрѣчаются въ рѣчахъ патріархальнаго басилея, старика Нестора; влагая въ уста этому хранителю традицій названія старыхъ союзовъ, авторъ хочетъ указать на ихъ архаичность. Въ одномъ случаѣ старѣйшій вождь старается внушить общему начальнику Агамемнону, что для энергическаго нападенія на троянцевъ, для взятія ихъ города силой, надо распредѣлить греческое войско по филамъ и фратріямъ (*κατὰ φύλα καὶ κατὰ φρήτρας*), чтобы каждая фратрія помогала другимъ фратріямъ, а филы—филамъ. «Если ты сдѣлаешь такъ, и тебя послушаются ахейцы, ты узнаешь потомъ въ битвѣ, кто трусливъ и кто мужественъ изъ вождей и рядовыхъ, потому что они будутъ биться каждый въ своей средѣ»⁹. По мнѣнію Нестора, такъ лучше всего размѣстить воиновъ, ради ихъ одушевленія. Старикъ, повидимому, приглашаетъ къ группировкѣ, болѣе привычной въ мирное время; онъ думаетъ, что и тактически всего выгоднѣе воспроизвести на полѣ битвы существующіе общественные союзы.

Болѣе тѣсный изъ этихъ союзовъ, фратрію, тотъ же Несторъ рисуетъ намъ съ другой стороны. Послѣ неудачной битвы съ троянцами, отогнавшими грековъ въ лагерь, вожди сходятся на совѣщаніе; они готовы послѣдовать предложенію Агамемнона и бѣжать на корабляхъ домой, но Несторъ совѣтуетъ отправить посольство къ Ахиллу и просить его принять участіе въ бою. Такъ какъ предложеніе очень рискованно, и старый басилей къ тому же противорѣчитъ главному вождю, онъ говоритъ торжественно: «Я скажу рѣчь до конца откровенно и прямо, и никто не осудитъ меня. Вѣдь только тотъ, кто совсѣмъ оди-чалъ, кто внѣ фратріи, внѣ законовъ, безъ очага (*ἀφρήτωρ, ἀθέμιτος, ἀνέστιος*), можетъ любить братоубійственную войну»¹⁰. Сопоставленіе трехъ понятій въ данномъ случаѣ очень интересно. Кто не состоитъ въ

союзѣ фратріи, тотъ—внѣ права, не имѣетъ охраны, онъ—волкъ, котораго всякій можетъ убить; у него нѣтъ очага, онъ не имѣетъ осѣдлости, не можетъ жить среди людей. Въ характеристикѣ Нестора сильно звучитъ нравственное осужденіе: человѣкъ, не принятый во фратрію, исключенный изъ нея или не захотѣвшій въ нее войти,—врагъ общества, у него не можетъ быть и совѣсти, нѣтъ чувства правды, онъ не можетъ признавать ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.

Одиссея выдерживаетъ тотъ же тонъ, что Илиада, по отношенію къ старику Нестору, и мы получаемъ картину идиллическаго стариннаго быта въ маленькомъ «царствѣ» его на родинѣ. Телемахъ со своимъ наставникомъ Менторомъ прѣзжаетъ въ Пилосъ, гдѣ правитъ Несторъ съ сыновьями. На самомъ берегу гости застаютъ большой публичный народный обѣдъ. Стоятъ девять рядовъ скамей. Въ каждомъ ряду сидятъ по 500 человѣкъ, и передъ каждымъ рядомъ лежатъ 9 зарѣзанныхъ быковъ. Это—жертва и пиръ одновременно: бедра сожигаютъ въ честь морекаго бога, внутренности вкушаютъ люди. Среди собранія (*ἄγυρις*) прѣзжіе находятъ стараго царя съ сыновьями; ихъ приближенные (*ἑταῖροι*) готовятъ для нихъ ѣду, жарятъ мясо и выкаютъ на вертела. Царская семья устремляется навстрѣчу гостямъ и сажаетъ ихъ съ собою. Повидимому, собрался весь народъ общины, есть что-то патріархальное въ этомъ собраніи, гдѣ всѣ одинаково участвуютъ, и вождь сидитъ вмѣстѣ съ простыми людьми¹¹.

Здѣсь не сказано, правда, что народъ распредѣленъ по фратріямъ, но группы, обозначенныя рядами пирующихъ, похожи на позднѣйшія фратріи въ Аѳинахъ. Каждая скамья, занятая 500 сотрапезниковъ, образуетъ какъ бы особое жертвенное отдѣленіе или товарищество среди большого, приносящаго жертву и пирующаго общества. Точно такъ же каждая изъ аѳинскихъ фратріи образуетъ особый религиозный союзъ, имѣетъ свой жертвенный очагъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ почитаютъ общихъ боговъ: Зевса Фратрія и Аѳину Фратрію, и собираются осенью на общій праздникъ всѣхъ союзовъ, такъ наз. Апатурии.

Давать общественные обѣды и участвовать въ нихъ составляетъ обязанность царя и является отплатой за приношенія общины. По этому поводу въ Одиссеѣ есть такая характеристика. Одиссеей вызываетъ тѣни умершихъ изъ преисподней; когда выходитъ его мать, онъ спрашиваетъ, не расхищено ли его царское достояніе, сохранилось ли оно въ рукахъ сына Телемаха. Призракъ отвѣчаетъ: «никто не завладѣлъ твоимъ достояніемъ. Телемахъ безпрепятственно пользуется доходомъ съ царской земли (*τέμενος*), участвуя въ общихъ всенародныхъ обѣдахъ, какъ и слѣдуетъ лицу, облеченному высокимъ саномъ судьи; да и его всѣ приглашаютъ»¹². Тутъ видна взаимность. *Τέμενος*—это

земля, которую базилею выдаетъ народъ; доходъ съ этой земли идетъ частью на общественную цѣль; вмѣстѣ съ тѣмъ народъ требуетъ, чтобы базилей спускался въ его среду, участвовалъ въ общихъ пиршествахъ.

Новая военная организація. Совѣтъмъ иной характеръ носить организація греческаго общества въ Илиадѣ; иначе построена здѣсь и политическая власть.

Совѣтъ, поданный Несторомъ Агамемнону, не имѣетъ, повидимому, успѣха: не видно, чтобы войско ахейцевъ разставили по филамъ и фратріямъ, по классамъ и религиознымъ союзамъ; вообще о подобномъ распредѣленіи на войнѣ нигдѣ не упоминается. Племенные, религиозныя и мѣстныя связи не имѣютъ значенія въ гомеровскомъ войскѣ. Мирмидоны, народъ, подчиненный Ахиллу, прибыли подъ Трою на 50 корабляхъ по 50 человѣкъ, они распредѣлены между пятью второстепенными вождями (*ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες*)¹³. Простые воины, какъ видно здѣсь, раздѣлены вѣшнимъ арифметическимъ образомъ; батальоны мирмидонскаго полка и экипажъ его кораблей имѣютъ, вѣроятно, мало общаго съ домашней группировкой того же племени. Съ другой стороны, очень ясно вырисовывается вокругъ каждаго вождя его свита, или дружина; она построена на личныхъ отношеніяхъ. Дружинники носятъ разныя названія, то болѣе, то менѣе почетныя: или друзей, братьевъ, близкихъ (*ἔται, κασίγνητοι, ἑταῖροι, ἀνεψιοί*), или боевыхъ слугъ (*θεράποντες*). Эти товарищи, оруженосцы и т. д. снимаютъ съ убитаго врага доспѣхи, уводятъ захваченныхъ коней, устраиваютъ приемъ гостей, выходятъ навстрѣчу побѣдителю. Они образуютъ постоянный дворъ вождя, стерегутъ его домъ; онъ дѣлится съ ними добычей, совѣтуется, ищетъ у нихъ поддержки. Разряду *θεράποντες*, вассаловъ, отвѣчаетъ наверху составъ *ἀνακτες*, сеньеровъ.

Группировка эта основана на отношеніяхъ частнопроводимаго характера, на личныхъ связяхъ, которыя вырываютъ людей изъ среды домашнихъ организацій, тѣхъ религиозныхъ союзовъ и даже тѣхъ племенныхъ рамокъ, въ которыхъ они выросли. Вассалъ можетъ оказаться въ рядахъ, враждебныхъ тому племени, къ которому онъ принадлежитъ. Сильнѣйшими мотивами, которые привязываютъ дружинниковъ къ вождю, являются преданность ему, вѣра въ его счастливую звѣзду, иногда желаніе отомстить за какую-нибудь обиду. Примѣромъ война, отбившагося отъ роднаго племени, выросшаго при чуждомъ дворѣ и связаннаго исключительно личными узами съ вождемъ, можетъ служить Патроклъ при Ахиллѣ. Мы встрѣчаемся у Гомера съ техническими терминами, служащими для обозначенія дружинной или вассальной зависимости. Напр., есть выраженіе «слѣдовать» (*ἔπισθεσι*)¹⁴, которое обо-

значаетъ обязанность итти на войну по зову сеньера. Повинность эта имѣетъ свою матеріальную цѣну. Отъ нея можно откупиться: Агамемнонъ получилъ отъ одного изъ своихъ вассаловъ кобылу въ видѣ выкупа за его отказъ итти подъ Трою¹⁵. Иной вассалъ боится отказать главному сеньеру въ повиновеніи: придется заплатить тяжелый штрафъ (для такой уплаты за произвольное уклоненіе отъ службы есть также техническій терминъ—*θωή*)¹⁶. Покровительство со стороны сеньера—жизненный вопросъ для вассала. Могущественный сеньеръ можетъ много сдѣлать: Менелай желалъ бы имѣть Одиссея своимъ вассаломъ; онъ готовъ согнать очень многихъ съ ихъ мѣстъ для того, чтобы надѣлать Одиссея пожалованной землей¹⁷. Можно различить два разряда вассаловъ: одни состоятъ при дворѣ, составляютъ непосредственную свиту сеньера, другіе размѣщены по укрѣпленнымъ замкамъ.

Многое въ быту и понятіяхъ напоминаетъ раннее европейское средневѣковье. На первомъ планѣ очень подвижныя, воинственныя группы общества. Ярко сказывается всюду право сильнаго, кулачное право. Самое обычное явленіе у Гомера—усобица, наѣздъ, не вызванный, повидимому, ничѣмъ другимъ, кромѣ жадности и удалства: какая-нибудь дружина или шайка угоняетъ у сосѣдняго города или поселка скотъ или высаживается внезапно на чужомъ берегу, похищаетъ людей, чтобы получить за нихъ выкупъ или привести домой въ качествѣ рабовъ. «Все можно взять грабежомъ—говоритъ Ахиллъ—быковъ, тучныхъ овецъ, металлическіе котлы и коней съ золотистой гривой»¹⁸.

Между вождями постоянно личные счеты, рѣшаются вопросы чести. Въ свое время тѣ критики Гомера, которые находили его картины лишенными реальности, ссылались между прочимъ на мелочность завязки троянской войны: не могли же народы вести такую ожесточенную борьбу изъ-за похищенія Елены однимъ изъ троянскихъ принцевъ. Но если имѣть въ виду характеръ этой сеньеріальной эпохи, то мотивъ, изъ-за котораго греческое воинство прибыло подъ Трою, окажется вовсе уже не столь фантастичнымъ. Изъ-за такихъ и подобныхъ оскорбленій семейной чести предводитель дѣйствительно способенъ былъ двинуть все свое воинство, тѣмъ болѣе, что за принцессой обыкновенно числилось не малое приданое. Не фантастичны также единоборства вождей, не разъ изображенныя у Гомера, поединки, въ результатѣ которыхъ одна изъ воюющихъ сторонъ должна отступить или сдаться, или выплатить контрибуцію. Опять мотивъ взять изъ реальной жизни: отъ судьбы предводителя зависѣлъ исходъ всего предприятия; главной цѣлью похода было взять въ плѣнъ вожди или убить его; въ первомъ случаѣ

можно было ждать большой выгоды отъ выкупа плѣннаго со стороны его близкихъ.

Отмѣтимъ еще черту воинственнаго героическаго вѣка: главное самое почетное владѣніе и богатство—металлы, особенно оружіе. «Мѣдью набиты палатки твои», говоритъ Теситъ Агамемнону, желая указать на необычайное богатство главнаго вождя. Поразительна та жадность и стремительность, съ которой побѣдитель и его присные бросаются на оружіе павшаго въ бою, обираютъ его и уносятъ къ себѣ.

Грабежи, усобицы, военныя предпріятія ведутъ къ большимъ перемѣнамъ и катастрофамъ въ имущественномъ положеніи. Одни быстро разоряются, другіе быстро богатѣютъ. Одни теряютъ свободу, отрываються отъ своего мѣста и поневолѣ уходятъ бездомными рабами, другіе расширяютъ свой домъ и владѣніе, окружаютъ себя множествомъ слугъ, дворни, разныхъ зависимыхъ и обязанныхъ людей. Герой Одиссеи, нагруженный огромной добычей изъ-подъ Трои, сопровождаемый множествомъ товарищей и слугъ, теряетъ все и пріѣзжаетъ домой нищимъ. Эта превратность судьбы—чуть ли не главный мотивъ поэмы. Большая небезпечность существованія и большое имущественное неравенство—характерные результаты непрерывнаго военнаго положенія, эпохи феодальныхъ усобиць.

Характеристика аристократіи у Гомера. При всѣхъ колебаніяхъ судьбы есть извѣстный слой людей, которые удерживаютъ въ своихъ рукахъ и передаютъ своимъ семьямъ массы богатствъ. У Гомера всего богаче вожди предпріятій. Часто они носятъ титулъ βασιλῆες, что, можетъ быть, лучше передавать средневѣковымъ терминомъ «сеньеръ», чѣмъ византійскимъ «царь». Этой аристократіей и заняты, главнымъ образомъ, эпосъ; удалство, благополучіе, приключенія и развлеченія ея представителей болѣе всего интересуютъ поэта.

Въ изображеніяхъ Гомера бросается въ глаза культъ богатства, матеріалистичность вкусовъ. Вотъ, наприм., какими словами ликійскій герой Сарпедонъ, союзникъ троянцевъ, побуждаетъ своего товарища по оружію стать въ первые ряды въ бою. «Надо же оправдать тѣ преемущества, которыя предоставляетъ намъ народъ, подаривъ намъ прекрасное имѣніе на берегу рѣки и чувству насъ на обѣдахъ первымъ мѣстомъ, лучшими кусками жаркаго и полными чашами вина. Надо же намъ, басилеямъ, показать, что, поѣдая жирныхъ овецъ и выпивая сладкое вино, мы не прячемся въ неизвѣстности»¹⁹. Въ томъ же духѣ выдержаны и обычныя опредѣленія аристократіи: они «блистаютъ счастьемъ и богатствомъ», они «блаженствуютъ» (μακάριες). Вожди у Гомера называются также людьми «жирными, тучными» (ἀφύεσι, παχέσις), какъ въ средневѣковыхъ городахъ popolo grasso). Кто богатъ, тотъ хорошъ,

тотъ наилучшій (ἀριστοί, ἀγαθοί, ἀριστήεις). Оба выраженія стоятъ иногда рядомъ, точно синонимы для взаимнаго усиленія; «богатый и добрый человѣкъ»—выходитъ въ стихѣ очень складно. Еще рѣзче эта навивная дерзость сознанія оттѣняется обозначеніемъ массы небогатыхъ «худыми людишками» (κακοί, χερῆεις). Мелкій народецъ отъ природы предназначенъ служить цвѣту человѣчества. Опять все откровенно названо собственными именами. Прикидываясь бѣднякомъ, Одиссей идетъ во дворецъ предлагать свои услуги: колоть дрова, раздувать огонь, подавать ѣду и питье за столомъ, рѣзать мясо—«все, что худые дѣлаютъ для лучшихъ»²⁰.

Безъ конца любитъ Гомеръ перечислять богатства, которыми блестятъ «лучшіе». О сокровищахъ и запасахъ подробно упоминается въ похвальбѣ героевъ другъ передъ другомъ и въ переговорахъ, когда одинъ вождь склоняетъ другого къ союзу. Тутъ всегда на первомъ мѣстѣ металлы, золото, серебро, мѣдь и желѣзо въ видѣ оружія, утвари и просто въ вѣсовыхъ массахъ, затѣмъ искусныя въ работѣ рабы и особенно рабыни-мастерицы, наконецъ, стада и земля. Сама война, набѣги, плѣненіе враговъ разсматриваются подъ угломъ зрѣнія выгоды. Герои Гомера умѣютъ дѣлать предварительные расчеты, а также играть на повышеніе. Вотъ, напр., разъяренному Ахиллу попадаетъ одинъ изъ сыновей Приама, Ликаонъ, котораго греческій герой уже разъ взялъ въ плѣнъ и продалъ на островъ Лемносъ сыну аргонавта Ясона, Эвнею, за серебряную чашу, въ свою очередь пріобрѣтенную у финкійцевъ. Плѣнника перекушаетъ за большую цѣну гость Эвнея и увозитъ къ себѣ. Но Ликаону удается бѣжать въ отцовскій домъ. И вотъ подъ Троей онъ опять попадаетъ Ахиллу. Въ ужасѣ онъ падаетъ къ ногамъ героя, молить о пощадѣ, напоминаетъ, что въ свое время для выкупа представилъ сто быковъ, и обѣщаетъ дать на этотъ разъ втрое больше²¹.

Любопытную фигуру представляетъ и этотъ сынъ Ясона на островѣ Лемносѣ, не разъ упоминаемый въ Илиадѣ. Это—настоящій сеньеръ-торговецъ; торговля его питается именно войной. Онъ посылаетъ со своего острова вино ахейцамъ, стоящимъ подъ Троей, получая въ обмѣнъ желѣзо, мѣдь, быковъ, бычачьи шкуры, плѣнныхъ рабовъ, т.-е. всѣ продукты захвата на войнѣ²². Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, что перепродажей онъ увеличивалъ свои барыши отъ обмѣна. Есть еще у Гомера примѣръ басилея-купца, который, въ родѣ норманскаго викинга, самъ ѣздитъ съ товарами. Такъ находитъ для себя удобнымъ маскироваться богиня Лоина, принимая видъ вождя мореходнаго народа тафійцевъ, который везетъ куда-то далеко желѣзо для обмѣна на мѣдь²³.

Во всѣхъ описаніяхъ битвъ представители аристократіи рѣзко выдѣлены отъ остальной массы: они одни, повидимому, бьются въ полномъ металлическомъ вооруженіи. Затѣмъ они выѣзжаютъ въ битву на колесницахъ. Хотя верховая ѣзда еще мало развита—это военная повинка—, но вообще примѣненіе лошадей въ бою, обладаніе конями и холя ихъ, увлеченіе конскими играми, обширное коневодство—характерная черта аристократіи. Гомеръ описываетъ красоту коней, упоминаетъ замѣчательныхъ ихъ укротителей; въ средѣ богатыхъ постоянно встрѣчаются имена Гиппомахъ, Гипповой и т. д. Въ этомъ признакъ обладанія конемъ какъ будто наглядно обозначается социальная грань. Сказать «конный воинъ»—значитъ отмѣтить челоуѣка богатаго вышлага класса. Это обозначеніе поразительно напоминаетъ смыслъ, который придается слову всадникъ, caballarius, въ капитуляріяхъ Карла Великаго, гдѣ кабалларіямъ, конницѣ богачей, противопоставляются раупрегіогес, бѣднота.

Занимаясь усердно всякаго рода спортомъ, аристократія заботится также о формахъ этикета, старается придать себѣ извѣстнаго рода лоскъ, выработать умѣніе держаться въ обществѣ. Въ этой средѣ очень цѣнятся краснорѣчіе. Случай говорить представляется весьма часто, и среди хвалебныхъ эпитетовъ героя нерѣдко упоминается способность импровизаціи. Диомедъ славится тѣмъ, что онъ и въ бою изъ первыхъ, и въ собраніи (ἀγορῆ) одинъ изъ лучшихъ ораторовъ. Напротивъ, Ахиллъ съ досадой говоритъ, что онъ теперь (послѣ смерти Патрокла):

...земли бесполезное бремя,

Будучи въ битвѣ способнѣй другихъ аргивявъ мѣднобронныхъ,

Только въ собраніи многимъ въ искусствѣ рѣчей уступаю. ²⁴

Въ собраніяхъ, гдѣ произносятся рѣчи, господствуютъ выработанныя формы. Вотъ что говоритъ Агамемнонъ во время примиренія съ Ахилломъ:

Должно внимательно слушать и не прерывать говорящихъ.

Трудно пришлось бы тогда и тому, кто къ собраньямъ привыченъ.

Кто среди шума толпы въ состояніи слушать другого,

Иль говорить предъ другими? Смутится и громкій витія (ἀγορευτής). ²⁵

Аристократическіе роды. Вожди и сеньеры живутъ большимъ домомъ, кормятъ множество родственниковъ. Соединеніе родни вмѣстѣ—опять отличительная черта аристократіи. Старый Фениксъ, Ахилловъ спутникъ, когда-то, молодымъ принцемъ, жестоко повздорилъ съ отцомъ и рѣшилъ бѣжать изъ дому. Онъ рассказываетъ, что отецъ вызвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣщаніе. И вотъ во дворцѣ начинается шумная толчея своихъ людей и наѣхавшихъ со стороны.

Тѣсной толпой меня окружили друзья и родные,
Долго меня умоляли, чтобъ съ ними въ дворцѣ я остался.
Тучныхъ немало овецъ и тяжелыхъ быковъ криворогихъ
Въ жертву заклали они, и немало свиней утучившихъ
Было изжарено ими подъ пламенемъ яркимъ Гефеста.
Выпито было не мало вина изъ кувшиновъ отцовскихъ.
Девять ночей провели они рядомъ со мной неотступно,
Стражу держа чередой. Два огня никогда не тушились:
Въ портикѣ вѣшнемъ одинъ—передъ входомъ во дворецъ защищенный
Въ самыхъ чертогахъ другой—въ сѣняхъ, у дверей моей спальни. ²⁶

Въ описаніяхъ Гомера есть подробности, которыя относятся къ размѣщенію родственниковъ въ домѣ и характеризуютъ различное ихъ положеніе. Согласно Иліадѣ, въ домѣ Пріама живутъ, вмѣстѣ съ отцомъ, его многочисленные сыновья съ женами и замужнія дочери съ мужьями; первыхъ 50, вторыхъ 12; каждая семья въ особомъ покоѣ, тѣсно примыкающемъ къ среднему общему покою, при чемъ вторая половина, отданная дочерямъ, хуже и дальше расположена отъ середины ²⁷. Подобными же чертами въ Одиссеѣ описывается домъ старика Нестора въ Пилосѣ ²⁸. Послѣ общей трапезы женатые сыновья Нестора расходятся по комнатамъ (θάλαμοι); единственный еще не женатый сынъ не имѣетъ особаго покоя: онъ проводитъ ночь въ глубинѣ общаго помѣщенія, уступая, повидимому, свое обычное лучшее мѣсто въ первой части залы гостю. Съ другой стороны, въ семьѣ Пріама выдѣлены Гекторъ и Парисъ, два младшіе сына; у нихъ свои отдѣльныя хоромы съ оградой, подлѣ отцовскихъ. Они уже болѣе самостоятельны, приобрѣли свой достатокъ (о Парисѣ, напр., сказано, что онъ возводилъ свой домъ самъ, помогали строители Трои) ²⁹.

Несмотря на возможность такого выдѣленія, въ аристократической средѣ вообще, повидимому, новая семья не разлучается со старой, родительской, и, что характерно, эта семья привлекаетъ еще зятьевъ, родственниковъ по женской линіи. Родство понимается очень широко, агнатное и когнатное, по отцовскому и материнскому праву. Расширенная большая семья живетъ до извѣстной степени въ коммунистическомъ хозяйствѣ; оно въ то же время необходимо предполагаетъ въ основѣ скопленіе большого богатства.

Такимъ образомъ, аристократія можетъ держаться болѣе сплоченными и многочисленными группами. Это даетъ ей новое преимущество. Ея представители могутъ легче закрѣпить за своими семьями и вѣрнѣе передать по наслѣдству разъ приобрѣтенное владѣніе и вліяніе. Закрѣпленные права и преимущества магнаты стараются обосновать на генеалогіяхъ; они выводятъ своихъ предковъ отъ боговъ и героевъ. Въ виду этого, по Гомеру выходитъ, что хотя Зевсъ и отецъ всѣхъ

людей, но «лучшие», т.-е. вожди, непосредственно и по преимуществу родились от Зевса, или, по крайней мере, как выражается эпос, «вскармлиены» им.

Въ связи съ мыслью о высокомъ рожденіи создается понятіе объ особой семейной или родственной чести. Когда (въ послѣдней сценѣ Одиссеи) разъяренные сторонники и родственники убитыхъ жениховъ идутъ грозно съ толпой народа противъ дворца, Одиссей возбуждаетъ своего сына Телемаха къ бою напоминая о знаменитомъ родѣ отцовъ (*πατέρων γένος*), прославившихся на всю землю силой и храбростью; младшій потомокъ долженъ показать себя достойнымъ предковъ, не посрамить фамилии. Поэтъ увлекается тѣмъ же мотивомъ дальше и хочетъ изобразить, какъ крѣпко всѣ старшіе и младшіе члены семьи стоятъ заодно и оберегаютъ свое имя и свое прошлое, но впадаетъ въ крайность. Онъ выводитъ на первый планъ битвы Лаерта, стараго отца Одиссея, умиленнаго соревнованіемъ сына и внука, забывши, что, по предыдущему изображенію, тотъ едва волочилъ ноги; воодушевленный родственной идеей, Лаертъ бросаетъ копьѣ въ вождя оставшихся. Аина направляетъ ударъ, который рѣшаетъ дѣло: народъ, увидѣвъ гибель вождя, бѣжитъ³⁰. Эта сцена, неудачная и почти смѣшная, заканчиваетъ поэму; она, однако, не случайна и очень характерна. Авторъ поэмы, сочувствующій аристократіи, хочетъ сказать этой картиной: вотъ какъ одолеваетъ безформенную массу народа гордость и единеніе благородной семьи.

Политическій строй героическаго вѣка. Власть царя. Каждая община, племя или вообще самостоятельная группа имѣетъ во главѣ своей царя (*βασιλεύς*). Поэтъ называетъ царя «отцомъ, пастыремъ народа», часто прибавляя: «народъ слушается его (царя), какъ бога»³¹. Или есть такое выраженіе: «жизнь и сила народа (феаковъ) держится царемъ»³². Эти формулы и эпитеты производятъ впечатлѣніе чего-то стариннаго, священно-традиціоннаго; они какъ будто составляютъ отзвукъ теоріи божественнаго происхожденія власти. Титулъ *βασιλεύς* также, повидимому, указываетъ на патриархальный характеръ власти; то же имя носитъ одинъ изъ трехъ архонтовъ, т.-е. старинныхъ высшихъ сановниковъ въ Афинахъ, и такъ же называется старѣйшины древнихъ филъ, племенныхъ союзовъ Аттики (филобасилей). Традиціонный титулъ переходитъ на вождей, стоящихъ во главѣ дружинъ, на героевъ, ведущихъ по морю завоевательныя эскадры или совершающихъ опустошительныя набѣги. Но ихъ авторитетъ совершенно иного характера. Какъ уже было показано, онъ опирается на личныя связи, на военную удачу и предводительскія качества героя. Поэтому о священномъ ореолѣ военныхъ вождей не приходится говорить. Спрашивается,

что власть басилеевъ военныхъ сильнѣе или, напротивъ, слабѣе, чѣмъ правителей съ традиціоннымъ авторитетомъ на родинѣ? На этотъ вопросъ нельзя дать простой отвѣтъ.

Своихъ непосредственныхъ военныхъ слугъ и дружинниковъ отдѣльные вожди держатъ въ строгой дисциплинѣ. Экинажъ Одиссея, т.-е. воители, бывшіе съ нимъ подъ Троей, нигдѣ не выказали ему неповиновенія. Напротивъ, на родинѣ, гдѣ онъ—наслѣдственный традиціонный правитель, его никто не хочетъ признавать; поднимается общее возстаніе; приходится опять добывать власть силой. Съ другой стороны, общее верховное командованіе на войнѣ, представленное подъ Троей Агамемнономъ, оказывается довольно слабымъ. Главнаго басилея плохо слушаются, съ нимъ рѣзко препираются; на войнѣ нѣтъ общей команды; битва распадается на схватки отдѣльныхъ дружинъ и ополченій, приведенныхъ разными вождями; въ свободное время отдѣльные герои совершаютъ самостоятельныя набѣги. Иногда кажется, что Агамемнонъ—настоящій слабый король феодальнаго времени, окруженный могущественными вассалами и часто встрѣчающій ихъ нежеланіе повиноваться.

Весьма оригиналенъ способъ, которымъ Несторъ, знатокъ всякихъ формъ и традицій, старается обосновать авторитетъ главнаго вождя. Греки только что потерпѣли пораженіе, и вожди озабочены дальнѣйшей судьбой войска, лишеннаго важной помощи Ахилла, который поссорился съ Агамемнономъ. Несторъ вводитъ обсужденіе въ военномъ совѣтѣ такими словами: «Я распоряджусь разстановкою стражи на ночь (чтобы можно было спокойно собраться на почной совѣтѣ). А потомъ, ужъ ты, Атридъ, прими начальство; ты вѣдь у насъ главный царь (*βασιλεύτατος*). Устрой трапезу старѣйшинамъ. Это твоя обязанность: у тебя палатки полны вина, которое каждый день подвозятъ тебѣ изъ Фракіи; у тебя всякое есть угощеніе: вѣдь ты городами правишь»³³. Кромѣ этого комплимента царскимъ кладовымъ, Несторъ не приводитъ никакихъ аргументовъ въ пользу авторитета Агамемнона. Онъ говоритъ дальше: «много вождей собери и тому повинуйся, кто лучшій дастъ намъ совѣтъ, потому что ахейцы больше всего нуждаются въ разумномъ мнѣніи».

Еще болѣе характерны сцены второй пѣсни Иліады. Тутъ все какъ будто сходится къ одному впечатлѣнію: главный вождь неловко и неудачно повелъ свою затѣю, обнаружилось полное неповиновеніе войска, разбродъ остановленъ лишь энергіей второстепенныхъ вождей. Агамемнонъ собралъ воиновъ, чтобы двинуть ихъ рѣшительный приступъ къ Троѣ, но сначала хочетъ испытать настроеніе и для этого предлагаетъ обратный планъ—ѣхать домой. Всѣ бросаются къ кора-

блямъ. Нѣтъ никакой возможности остановить бѣгущихъ и вернуть въ собраніи порядокъ. Среди шума и мятежа воиновъ, непослушныхъ главному вождю, слова, которыя поэтъ вложилъ въ уста Одиссею, звучать почти безнадежнымъ резонерствомъ:

Мы, аргивяне, не всѣ, полагаю, здѣсь царствовать будемъ
Не хорошо многовластие. Единный да будетъ властитель,
Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ
Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобъ царить надо всѣми. ³⁴

Проповѣдь монархизма происходитъ въ очень неподходящей обстановкѣ; а къ тому же вслѣдъ за словами Одиссея начинаются ѣдки и бранныя рѣчи Тирсита, нападающаго на жадность и своекорыстіе вождей. Въ концѣ-концовъ порядокъ восстанавливаетъ не верховный вождь, а сеньеры: тотъ же самый нетактичный политическій резонеръ, Одиссей, прибѣгаетъ къ другимъ аргументамъ, начавши энергически дѣйствовать скипетромъ по спинамъ. Агамемнонъ молчитъ, грозныя рѣчи произносятъ второстепенные вожди; они же воодушевляютъ войско къ приступу на Трою, а Несторъ, напомнивъ воинамъ клятвы и обязательства, принятыя ими передъ походомъ, обращается тутъ же съ поученіемъ къ Агамемнону: «ты же, о царь, будь и самъ благомысленъ и слушай другого» ³⁵. Наставленія звучатъ сурово, какъ будто старикъ хочетъ сказать, что обѣ стороны провинились. Приведенное мѣсто интересно еще въ одномъ отношеніи. Напоминаніе о «единомъ неограниченномъ властителѣ» не только неумѣстно въ данномъ случаѣ, но оно и вообще неожиданно въ обстановкѣ, изображаемой Гомеромъ. Къ тому же «единый властитель» выражено необычнымъ терминомъ *κείρανος*. Едва ли мы ошибемся, если признаемъ въ странной идеализации монархіи вліяніе идеи восточнаго самодержавія. Приходится заключить, что гомеровская среда была подъ какимъ-то воздѣйствіемъ авторитета большого азиатскаго царя, будь это ассирійскій, или хетитскій, или мидійскій властитель. Повидимому, само слово *κείρανος*—чуждое, азиатское слово: оно похоже на *κάρανος*, титулъ, присвоенный въ концѣ V вѣка до Р. X. принцу царскаго дома, Киру, въ качествѣ верховнаго главнокомандующаго всѣхъ малоазійскихъ военныхъ силъ.

Очень характерно у Гомера приведенное выше выраженіе βασιλεύτατος. Этимъ терминомъ въ видѣ превосходной степени отъ βασιλεύς приходится обозначать главнаго вождя, потому что всякій сеньеръ уже считаетъ себя басилеемъ. Въ Илиадѣ Несторъ называетъ Агамемнона царемъ царей. Въ Одиссеѣ Алкиной, находящейся въ подобномъ же положеніи среди другихъ феакійскихъ вождей, выражается такъ: «двѣ-

наддать славныхъ владыкъ-басилеевъ править надъ народомъ; я же тринадцатый». Это—настоящій *primus inter pares*, король-сюзеренъ среди сеньеровъ-пэровъ средневѣковья.

Совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе. Царь далекъ отъ того, чтобы предпринимать единоличныя рѣшенія, а окружающіе его второстепенные вожди совѣтъ не похожи на чиновниковъ. Всѣ важныя рѣшенія принимаются послѣ обсужденія: въ поэмахъ упоминается ближайшій совѣтъ басилея, βουλή, и общее собраніе, ἀγορή; иногда они соединяются вмѣстѣ. Совѣтники часто сходятся въ домъ басилея или на войнѣ въ его палатку, при чемъ совѣщаніе соединяется съ трапезой. Тѣсная связь совѣтниковъ съ басилеемъ особенно иллюстрируется однимъ мѣстомъ Одиссеи ³⁶: въ передней палатѣ дворца стоятъ столы, уставленные кубками для сотрапезниковъ царя, которые постоянно работаютъ съ нимъ (*ἀμφεπέροντο*) и ходятъ съ нимъ на общее совѣщаніе (*θῶκος*) и въ собраніе народа (*δήμου φήμις*).

Була—старое учрежденіе; это—древнѣйшій совѣтъ старѣйшинъ. Совѣтники царя постоянно зовутся *γέροντες βουλευταί*. Есть такія соединенія, какъ *γερούσιος οἶκος* ³⁷, вино, выпиваемое старѣйшинами. Еще любопытнѣе *γερούσιος ἕρκος* ³⁸—особая присяга, принимаемая старѣйшинами, во имя всего народа. Она упоминается въ слѣдующей комбинаціи: Гекторъ предлагаетъ выплатить грекамъ выкупъ, чтобы они отступили отъ Трои; съ этой цѣлью должно обложить податью весь троянскій народъ, а въ видѣ гарантіи, что обязательство будетъ исполнено, подвести къ присягѣ стариковъ. Особенно характерно то названіе, которое члены совѣта носятъ у троянцевъ; здѣсь они—*δημογέροντες*, народные старѣйшины. Въ одномъ мѣстѣ Илиады опредѣленно сказано, что въ совѣтѣ сидятъ люди преклоннаго возраста, вышедшіе за предѣлы военной годности. Въ позднѣйшей Греціи есть только одна община, гдѣ сохранился совѣтъ стариковъ, именно Спарта, но этотъ единственный случай крайне характеренъ: Спарта была чрезвычайно консервативна; во многихъ отношеніяхъ она представляетъ настоящій музей социальныхъ и политическихъ древностей.

Но въ подвижномъ быту воинственныхъ дружинъ учрежденіе это сильно видоизмѣнилось. Совѣтники царя продолжаютъ называться *γέροντες ἀριστῆες*; ихъ семь человекъ при Агамемнонѣ, но среди нихъ только одинъ настоящій старикъ, Несторъ, остальные—герои битвъ, люди среднихъ лѣтъ или совѣтъ молодые ³⁹. Эти сильнѣйшіе и вліятельнѣйшіе люди имѣютъ мало общаго со старыми родовыми и племенными группировками; они—вожди (*ἡγήτορες ἢ δὲ μέδοντες*) очень пестраго состава смѣльчаковъ, искателей приключеній, воспитанныхъ при военныхъ дворахъ оруженосцевъ. При такой перестройкѣ общественныхъ отношеній

старѣйшины утрачиваютъ свой былой авторитетъ. Въ Одиссеѣ есть сцена, изображающая въ драматической формѣ какъ бы отступленіе стариковъ передъ властью молодого вождя. На о. Итакѣ происходитъ большое народное собраніе; появляется Телемахъ и идетъ на возвышеніе (θῶκος), гдѣ раньше сидѣлъ его отецъ; старики уступаютъ ему мѣсто ⁴⁰.

Очень старинное учрежденіе также ἀγορῆ, собраніе всего народа. У него есть свои традиціи, своя символика, свой порядокъ и приемы. Въ вышеупомянутомъ собраніи на о. Итакѣ выступаетъ въ качествѣ перваго оратора старый человекъ; онъ съ большой похвалой отзываясь объ инициаторѣ собранія, а затѣмъ ставитъ рядъ вопросовъ о мотивахъ созыва. Мы узнаемъ изъ его словъ, каковы были возможныя программы собранія: «не хотятъ ли сообщить народу вѣсти съ поля войны, не собираются ли власти оповѣстить народъ о принятой ими мѣрѣ, не предстоитъ ли публичное обсужденіе и цѣлѣый рядъ политическихъ рѣчей?» Въ собраніи сходятся люди всѣхъ возрастовъ. Тотъ же ораторъ говоритъ: «кому обязаны мы рѣдкимъ и приятнымъ случаемъ созыва народа: молодые люди оказали давленіе, или же возрастъ болѣе пожилой?» Въ собраніи всѣ сидятъ, при чемъ старѣйшины занимаютъ особое мѣсто. Ораторъ выходитъ на середину арены и беретъ у распорядителя жезлъ (σκήπτρον), принадлежность власти. Противъ правилъ приличія (сὺ κατὰ κόσμον) созывать собраніе къ закату солнца и т. п. ⁴¹.

Среди мирной жизни ἀγορῆ созывалось не часто. Согласно словамъ бывалаго старика (въ приведенной выше сценѣ собранія), на о. Итакѣ не созывали собранія въ теченіе 20 лѣтъ. Иное дѣло—общія сходки во время войны. Здѣсь, въ лагерѣ, на походѣ находятся въ сборѣ самые энергичные и дѣятельные люди племени, здѣсь больше рѣшительныхъ моментовъ, когда вождямъ важно познакомиться съ настроеніемъ массы; на войнѣ вожди постоянно на глазахъ и подъ невольнымъ контролемъ остальныхъ воиновъ. Собранія всего воинства происходятъ весьма часто. Вождь велитъ звать всѣхъ воиновъ поименно (καλῆδην): такъ распоряжается Агамемнонъ въ критическую минуту, когда Гекторъ, послѣ побѣды надъ греками, ночуетъ со своими троянцами подъ окнами греческаго лагеря ⁴². Общее собраніе воиновъ созывается для того, чтобы обсудить основной вопросъ: штурмовать ли Трою, или покинуть все предпріятіе и уѣхать на корабляхъ домой? Два раза собираютъ все воинство для того, чтобы въ его присутствіи порѣшить споръ вождей. Одно изъ этихъ собраній проходитъ въ величайшемъ возбужденіи: толпа дѣлится пополамъ на двѣ партіи; въ спорѣ воины вскакиваютъ съ мѣстъ, и собраніе разстраивается ⁴³.

Въ картинахъ народныхъ или военныхъ сходокъ мы узнаемъ ха-

рактерныя черты демократической Греціи, выступающія потомъ особенно въ Аѣнахъ, въ Сиракузахъ, въ собраніяхъ Десяти тысячъ у Ксенофонта и т. д.; волнующаяся, говорливая толпа, любопытная, жадная до новостей, нетерпѣливая, быстро мѣняющая настроеніе, чуткая и политически развитая; спорщики и мастера рѣчи, охотники послушать словесные турниры.

Каково отношеніе автора къ этимъ явленіямъ? Читая II пѣснь Илиады, можно, пожалуй, подумать, что ради своей аристократической аудиторіи авторъ-пѣвецъ изобразилъ карикатуру на толпу и ея демагога Θерсита, «самаго безобразнаго и трусливаго изъ всѣхъ воиновъ». Однако, даже среди этой насмѣшки надъ шуткомъ авторъ позволяетъ Θерситу сказать умную и ѣдкую рѣчь, затронуть самыя слабыя и больныя мѣста въ поведеніи вождей и обнаружить ихъ полную растерянность. Карикатура, впрочемъ, не распространяется на массу простыхъ воиновъ. Въ изображеніи шествія народа на собраніе Гомеръ принимаетъ даже какой-то торжественный, вдохновенный тонъ. Народъ струситъ къ собранію, заливаешь арену; онъ идетъ не безпорядочной толпой, а стройными отрядами, сплоченными группами. Среди него идетъ, «горитъ-разгорается ангелъ божій Молва (Ἵοσσα, Διὸς ἄγγελος), движущая массу» ⁴⁴.

Землевладѣніе героическаго вѣка. Прежде, когда гомеровскія поэмы считались первобытной народной поэзіей, въ нихъ искали самыхъ примитивныхъ условій быта, между прочимъ, земельной общины, коммунизма мелкихъ хозяевъ. Намъ теперь странно кажется, что ученые не замѣчали множества указаній на мобилизацію земли, развитіе неравенства и т. д. Въ гомеровскихъ картинахъ все говоритъ о существованіи отчетливаго индивидуальнаго права на землю. Постоянно упоминаются ограды полей, виноградниковъ и садовъ; на границѣ владѣній положены межевые камни; существуютъ способы правильнаго измѣренія земли, и часто даются точныя опредѣленія размѣровъ того или другого участка. Мѣстами населенію стало тѣсно, и между сосѣдями часто возникаютъ споры о владѣніи. Это явленіе настолько обычно, что поэтъ, подыскивая сравненіе для двухъ ожесточившихся бойцовъ, находитъ наиболѣе нагляднымъ уподобить ихъ двумъ землевладѣльцамъ, которые, въ горячемъ спорѣ за нераздѣленную небольшую полосу, наступаютъ другъ на друга; у нихъ въ рукахъ сажени (μέτρα) для измѣренія земли, и каждый ревниво наблюдаетъ, чтобы сосѣдъ не отхватилъ себѣ хоть на капельку больше при раздѣлѣ ⁴⁵.

Когда Гомеръ описываетъ основаніе колоніи на новомъ мѣстѣ, онъ считаетъ нужнымъ прежде всего упомянуть о надѣленіи вновь прибывшихъ земельными участками. Съ такого надѣленія началъ Навси-

оой, вождь феаковъ, поселившій свою дружину на о. Схеріи⁴⁶. Феаки, можетъ быть, — идеализація іонійцевъ, среди которыхъ сложился эпосъ. Картина образованія колоніи, со всѣми ея подробностями, хорошо была извѣстна іонійскому обществу; оно сравнительно недавно устроилось на новомъ мѣстѣ. Видимо, оно начало свою жизнь съ отчетливаго распредѣленія земель.

Первые старинные надѣлы составили, кажется, нѣкоторую норму владѣнія. Въ качествѣ знаковъ перваго распредѣленія земли лежали старые межевые камни, помѣщенные, какъ говоритъ поэтъ, людьми прежнихъ временъ. У Гомера часто и въ разныхъ комбинаціяхъ встрѣчается слово *κλήρος*; подъ нимъ разумѣли опредѣленный участокъ, домъ и небольшіе размѣры хозяйства, можетъ быть, клеръ считался нормальнымъ надѣломъ старины. Возбуждая троянецевъ къ энергическому натиску, Гекторъ ставитъ имъ на видъ, что, въ случаѣ смерти война, жена и дѣти сохранять домъ и нетронутый надѣлъ (*κλήρος ἀκήρατος*)⁴⁷. Домъ и надѣлъ (*οἶκος καὶ κλήρος*) не разъ встрѣчаются вмѣстѣ, какъ тѣсная совокупность опредѣленнаго владѣнія⁴⁸. Наконецъ, выраженія *πολύκληρος* и *ἄκληρος*, многонадѣльный и безнадѣльный, показываютъ, что въ клерѣ заключалась извѣстная норма, единица землевладѣнія, которая опредѣлилась, вѣроятно, первой нарѣзкой участковъ. Но два послѣднія выраженія и обнаруживаютъ какъ разъ, что старое распредѣленіе владѣній сдвинулось; наступила мобилизація земли. Въ одномъ мѣстѣ земля прикупается, въ другомъ дробится. Дробленіе — результатъ раздѣловъ между нѣсколькими наслѣдниками и грозить больше всего мелкому владѣльцу, крестьянину.

Такъ или иначе, отъ неудачъ, отъ плохого хозяйства, отъ раздѣловъ появляются люди съ ничтожнымъ надѣломъ или вовсе безъ надѣла. Безземельные у Гомера образуютъ пѣлый разрядъ: *ἄκληρος* стало синонимомъ бѣднаго разореннаго человѣка. Тѣнь Ахилла на вопросъ Одиссея о томъ, каково ея существованіе въ подземномъ царствѣ, отвѣчаетъ: «лучше бы мнѣ въ деревнѣ работать у безнадѣльнаго бѣдняка, чѣмъ здѣсь царить надъ умершими»⁴⁹. Въ противоположность безземельнымъ, поднимаются *πολύκληροι ἄνθρωποι*, классъ людей преуспѣвшихъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ старые мелкіе надѣлы. Этотъ терминъ встрѣчается въ очень характерномъ мѣстѣ Одиссеи. Царь вернулся на родину, но хочетъ остаться неузнаннымъ и сочиняетъ для своего инкогнито цѣлую исторію. Онъ прикидывается побочнымъ сыномъ критскаго магната; при раздѣлѣ имущества послѣ смерти отца законныя дѣти выбросили ему небольшую часть, но онъ поправилъ свои дѣла тѣмъ, что взялъ жену изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ (*γυναῖκα πολυκλήρων ἀνθρώπων*)⁵⁰. Изъ этого

разказа видно также, что земля могла свободно переходить въ наслѣдованіе женщины. А это эмансипированное положеніе женщины въ свою очередь указываетъ на большую подвижность быта, на сильное развитіе индивидуалистическаго права.

Низшіе классы общества по Гомеру. Ясно, что въ героической вѣкѣ множество людей лишилось почвы, сдвинулось съ своего первоначальнаго крестьянскаго или мелковладѣльческаго положенія. Многимъ нечего болѣе терять дома, и они идутъ на чужбину. Образовался опять-таки особый разрядъ людей, которые носятъ техническое обозначеніе, *μετανάσται*, переселенцевъ. Въ силу господствующихъ правовыхъ понятій чужаки занимаютъ въ обществѣ очень низкое положеніе: они презрѣнны (*ἀτιμητοί*) и лишены всякой защиты. Когда кто-нибудь хочетъ пожаловаться на тяжелую обиду, на попраніе всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ, то говоритъ: со мной обошлись, какъ съ метанастомъ⁵¹.

Изъ того же класса безземельныхъ образовался, вѣроятно, и другой разрядъ, рабочіе батраки (*θήτες*). Они вынуждены идти на службу подъ покровительство болѣе сильныхъ и самостоятельныхъ людей. Существуетъ форма наемнаго договора: рабочій нанимается на годъ за опредѣленную плату (*θήτευσεν μισθῷ ἐπὶ ἔτη*)⁵². Въ Одиссеѣ подробно изображается положеніе наемнаго рабочаго, нанимающагося къ богатому владѣльцу. Одинъ изъ жениховъ говоритъ Одиссею, переодѣтому нищимъ:

Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя.
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.

На это Одиссей отвѣчаетъ, что онъ можетъ показать свою силу на косебѣ въ долгіе лѣтніе дни, когда придется косить съ утра до вечера, и сумѣетъ на волахъ распахать большой участокъ⁵³. Можно думать, что безземельные далеко не всегда оставались въ положеніи вольнонаемныхъ рабочихъ, что они такъ или иначе вынуждены были брать болѣе тяжелыя обязательства и вслѣдствіе этого попадали въ кабалу. Во всякомъ случаѣ, оета часто ставятъ на одну доску съ рабомъ.

Въ Одиссеѣ есть мѣсто, гдѣ характерно выступаетъ близость оетовъ къ рабамъ, и крайне низкое положеніе сравнительно съ остальной массой свободныхъ. Женихи обезпокоены отъѣздомъ Телемаха. Они спрашиваютъ, съ кѣмъ онъ уѣхалъ, съ какой свитой: сопровождаютъ ли его военные товарищи (*κοῦροι*, что буквально соответствуетъ старо-русскимъ «отрокамъ»), набранные въ Итакѣ, или онъ взялъ толь-

ко собственных наемных и подневольных людей (*θητές τε δμῶές τε*)⁵⁴. Здѣсь проведена рѣзкая грань между военными вассалами, которые послѣдовали зову (*ἔπονταν*) сеньера, и собственными слугами, по средневѣковому выраженію, министеріалами магната. Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ оеты поставлены на ряду съ рабами.

Очень интересно также одно мѣсто Иліады, гдѣ описано беззащитное положеніе наемнаго рабочаго, приближающее его къ рабству. Дѣло идетъ собственно о службѣ у троянскаго царя Лаомедонта двухъ наказанныхъ свыше боговъ, Аполлона и Посейдона, которые должны нести на землѣ самую тяжелую работу. Поэтъ увлекается реальной картиной, забывая, что его дѣйствующія лица—лишь актеры, маски; онъ говоритъ о горѣ настоящихъ оетовъ. Боги, принявшіе видъ рабочихъ, уговорились лишь относительно платы: за господиномъ осталось право по своему усмотрѣнію назначать имъ видъ и размѣры работы: одинъ изъ оетовъ долженъ былъ пасти стадо, другой—складывать стѣны. Но владѣлецъ обманулъ ихъ ко времени расчета, и Посейдонъ съ горечью напоминаетъ своему товарищу по службѣ, какъ жестокой Лаомедонтъ выгналъ ихъ вонъ съ угрозой, что въ случаѣ, если они вздумаютъ жаловаться, онъ обрѣжетъ имъ уши и, связавши по рукамъ и ногамъ, продастъ въ рабство на одинъ изъ отдаленныхъ острововъ⁵⁵.

Удерживая обѣщанную плату, господинъ, очевидно, хотѣлъ закрѣпить рабочихъ за собой еще на слѣдующій срокъ или получить за нихъ капитальную цѣну, продавши ихъ, какъ своихъ холоповъ. Передъ оетомъ, въ виду такого насилія, было три пути: или онъ продолжалъ служить, въ надеждѣ когда-нибудь получить заработанное, и фактически переставалъ быть вольнонаемнымъ, или онъ покорно переходилъ въ разрядъ рабовъ, становился владѣмой душой, предметомъ бойкаго обмѣна, или обращался въ бродягу и подвергался риску получить отъ господина клеймо, которое навсегда должно было сдѣлать его отверженцемъ общества.

На томъ же примѣрѣ видно, что рабство шиталось, помимо захватовъ на войнѣ, еще изъ одного источника; это именно насильственное завладѣніе трудомъ наемника, превращеніе оета въ холопа.

Рабство по Гомеру. Весьма любопытно, что рабы не упоминаются въ качествѣ полевыхъ рабочихъ. Въ гомеровскомъ альбомѣ типичныхъ картинъ, которыя собраны вмѣстѣ при описаніи цита Ахилла, есть изображеніе жнивья на полѣ крупнаго владѣльца. Многочисленные жнецы названы терминомъ *ἔριθοι*, который только разъ встрѣчается у Гомера⁵⁶; ничто не указываетъ, что это были рабы, для которыхъ вообще имѣются цѣлыхъ три обозначенія: *δοῦλοι*, *οικητες*, *δμῶες*. Вѣрнѣе, что *ἔριθοι*—пришлые, наемные рабочіе. Напротивъ, рабы не разъ упоми-

наются въ качествѣ пастуховъ при обширныхъ стадахъ, принадлежащихъ магнатамъ. Но главнымъ образомъ гомеровскіе рабы—домашніе дворовые люди, челядь (*οικητες*). Какъ сейчасъ на мусульманскомъ востокѣ, какъ въ свое время римскіи нобиль, такъ гомеровскій сеньерь держалъ много лишней дворни для мелкихъ услугъ, для представительства дома.

Среди домашнихъ рабовъ можно отмѣтить одну индустриальную группу; это—мастерицы, положеніе которыхъ въ большихъ дѣвичьихъ (по 50 рабынь у Алкиноя и Одиссея) напоминаетъ гениціи, женскія мастерскія большихъ королевскихъ имѣній временъ Карла Великаго. Одна часть этихъ работницъ занята размалываніемъ зеренъ ручнымъ способомъ, другая—приготовленіемъ пряжи и тканей; онѣ обшиваютъ, повидимому, населеніе двора и готовятъ ковры, служащія для украшенія покоевъ.

Между рабами есть болѣе приближенные и привилегированные по положенію своему. Имъ поручаютъ администрацію, надзоръ за обыкновенными рабами; для должностей надзирателей есть техническій терминъ, *ἄρχαμος ἀνδρῶν*⁵⁷. Между прочимъ это выраженіе прилагается къ вѣрному Одиссееву рабу Эвмею, которому возвратившійся базилей открывается раньше всѣхъ. Эвмей выдѣленъ въ особое положеніе; у него отдѣльная изба, есть скотъ, и, что особенно любопытно, онъ самъ купилъ себѣ раба. Сознавая свои заслуги, онъ увѣренъ, что господинъ, вернувшись, дастъ ему усадьбу и полевой участокъ, а также выберетъ жену. Повидимому, у него есть мечта объ отпускѣ на волю. Этому ожиданію воплоти отвѣчаютъ слова, съ которыми Одиссеей обращается къ тому же Эвмею и къ другому пастуху, призывая ихъ на борьбу противъ жениховъ; онъ обѣщаетъ своимъ вѣрнымъ рабамъ выдѣлить и устроить каждому жену, хозяйство и домъ; они будутъ потомъ въ его глазахъ какъ бы товарищами и родными его сына, Телемаха⁵⁸. Если дѣйствительно здѣсь подразумевается отпускъ на волю, то вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлена еще одна черта, характерная для быта вольноотпущенныхъ и извѣстная изъ примѣровъ римскихъ отношеній: бывшіе холопы, получивъ личную свободу, но будучи обязаны своимъ социальнымъ положеніемъ прежнему господину, остаются въ нѣкоторой матеріальной отъ него зависимости; на это какъ будто намекаетъ выраженіе Одиссея, что онъ построитъ имъ избы въ непосредственной близости со своимъ домомъ.

Соціальная картина у Гесіода. Гомеръ лишь въ отрывочной формѣ даетъ нѣкоторыя черты быта низшихъ классовъ. Притомъ, будучи занятъ аристократическими дворами и ихъ блестящимъ шумнымъ бытомъ, поэтъ обходитъ обширный классъ людей, которые не кружатъ непо-

средственно около героев и стоять на глубокомъ заднемъ фонѣ общества того времени, именно крестьянъ, мелкихъ собственниковъ, хлѣбопашцевъ и садоводовъ, составляющихъ, однако, чуть ли не главную массу населенія. Косвенно мы, разумѣется, чувствуемъ ихъ и у Гомера, потому что изъ кого же иначе набирается масса рядовыхъ бойцовъ, λαοί, сражающихся, по его словамъ, тѣсными фалангами. Однако въ картинахъ мирной жизни у Гомера этотъ многочисленный слой общества почти не виденъ, и социальная перспектива получается не совсѣмъ правильная. Къ тому же Гомеръ почти ничего не говоритъ о настроеніи класса, который можно назвать позднѣйшимъ именемъ *геоморовъ*. Въ его картинахъ широкой блестящей вольной жизни военной аристократіи или въ его счастливыхъ идилліяхъ, раскрывающихся среди богатой обстановки замка, нѣтъ мѣста чувствамъ и представленіямъ простого люда. Для знакомства съ этимъ міромъ отношеній надо обратиться къ Гесіоду.

Поэмы Гесіода составлены немного позднѣе гомеровскихъ (мы увидимъ сейчасъ, что Гомеръ былъ извѣстенъ Гесіоду), и жилъ Гесіодъ въ области, далекой отъ Іоніи, въ Беотіи. Тѣмъ не менѣе сопоставленіе двухъ поэтовъ вполне возможно. Ко времени Гесіода черты новаго быта, беспокойныя предпріятія, обогащеніе моряковъ грабежомъ, притѣсненіе мелкаго люда, проникли изъ колонизованныхъ странъ въ области европейской Греціи. Такъ, какъ Гесіодъ принадлежитъ цѣликомъ средѣ геоморовъ, то социальный міръ представляется ему въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ пѣвцу вождей героическаго вѣка; благодаря этому, Гесіодъ даетъ важное дополненіе къ картинѣ общественной жизни, раскрывающейся у Гомера.

Представители власти носятъ у Гесіода то же названіе, что у Гомера—βασιλῆες, хотя видно, что они не военные вожди, а преимущественно судьи. Вѣроятно, таковъ и былъ старинный авторитетъ, покрывавшійся именемъ «царей». Но этихъ традиціонныхъ старѣйшинъ и правителей уже коснулось злое дыханіе воинственнаго, насильническаго вѣка; они извлекаютъ матеріальную выгоду изъ своего положенія, они, по словамъ поэта, «пожиратели даровъ», т.-е. взяточники (δωροφάγοι) ⁵⁹. Гесіодъ обращается къ басилеямъ непосредственно съ тою же раздраженною рѣчью, которая у Гомера вложена въ уста демократическаго оратора и оппозиціонера Тирсита. Но въ то время, какъ Гомеръ, изъ симпатіи къ вождямъ, готовъ смѣяться травлѣ побитаго простолюдина, Гесіодъ съ удареніемъ называетъ себя человѣкомъ изъ народа, живущаго всѣми его горестями и надеждами.

Гесіодъ знаетъ героическій эпосъ, но относится къ его составителямъ критически. Въ одномъ мѣстѣ онъ явно мѣтитъ въ Гомера,

Его музы-вдохновительницы обращаются къ сельскимъ пастухамъ, которые саркастически названы «каторжнымъ народомъ, чревоугодниками», съ такою рѣчью: «мы умѣемъ нагромождать ложь, похожую на истину, но умѣемъ также, когда захотимъ, рассказать и правду» ⁶⁰. Первая половина фразы буквально взята изъ Одиссеи; слова эти относятся тамъ къ фантастическому разсказу, который придуманъ Одиссеемъ, временно скрывающимъ отъ жены свою личность. Гесіодъ хочетъ сказать: «я не буду сочинять благозвучныхъ сказокъ, какъ Гомеръ, говорящій устами своего героя, а изображу дѣйствительность безъ прикрасть». О своемъ собственномъ поэтическомъ дарѣ Гесіодъ высококаго мнѣнія: «слушай мою рѣчь, музы научили меня пѣть пѣсни невыразимой красоты» ⁶¹.

Быть и мораль крестьянства. Для насъ особенно интересна поэма Гесіода «Труды и дни», написанная о простомъ народѣ и для него. Самъ поэтъ принадлежитъ къ этой средѣ и выражаетъ ея настроеніе и міросозерцаніе. Въ «Трудахъ» нѣтъ опредѣленнаго сюжета. Это рядъ жалобъ на неправду, царящую въ мірѣ, религиозно-философскія картины грѣхопаденія человѣчества и роста злыхъ силъ, раздражающихъ общество. Затѣмъ призывы къ труду и къ честности, наконецъ, практическіе совѣты хозяину и семьянину, нѣчто въ родѣ «Домостроя».

Внѣшней завязкой Гесіоду служить споръ о владѣніи, который онъ ведетъ со своимъ братомъ. Поэтъ не вѣритъ въ справедливость рѣшенія властныхъ людей и хочетъ обратиться противъ неправедныхъ и подкупныхъ правителей къ народу, изложить передъ нимъ свое дѣло, чтобы добиться правды. «Я разскажу басню въ поученіе басилеямъ, хотя они и сами все понимаютъ. Сильный человѣкъ похожъ на ястреба, простой—на соловья, который попался ему въ когти. Ястребъ несетъ его подъ облака и кричитъ, не даетъ окровавленному соловью даже жаловаться: «чего ты стонешь, презрѣнный! Вѣдь я безконечно сильнѣе тебя. Все равно ты будешь тамъ, куда я тебя утащу, и насколько тебѣ не поможетъ, что ты—пѣвецъ искусный. А сдѣлаю я съ тобой, что вздумается: или съѣмъ, или выпущу. Безумецъ тотъ, кто захочетъ спорить съ сильными: онъ уйдетъ разбитымъ и вдобавокъ увидитъ одинъ позоръ и муки». Такъ говорилъ быстролетный ястребъ, ширококрылая птица» ⁶².

Поэтъ предлагаетъ своему брату бросить неправильные пути насилія и послушаться совѣтовъ справедливости. Вотъ законъ, который сынъ Крона, т.-е. Зевсъ, предписалъ человѣчеству: рыбы, звѣри и крылатыя птицы могутъ пожирать другъ друга, потому что имъ извѣстна правда; людямъ же онъ далъ справедливость, высшее изъ благъ. Не трудно отдаться пороку, онъ совсѣмъ близокъ отъ насъ.

Тяжелъ и мучителенъ путь добродѣтели; въ потѣ лица добивается своей цѣли человѣкъ. Трудъ, самостоятельность жизненныхъ усилій—вотъ что рекомендуетъ Гесіодъ. Въ его морали нѣтъ мягкости, нѣтъ никакой любви къ ближнему; все сурово, практично, экономно. Надо, держать слово; у того, кто нарушилъ клятву, потомство заглохнетъ; вѣрный своему слову народитъ цвѣтущее поколѣніе. «Люби того, кто тебя любитъ, иди къ тому, кто тебя ищетъ, давай тому, кто тебѣ даетъ, не давай тому, кто не даетъ тебѣ» 63.

Практичность Гесіода въ его сельскохозяйственныхъ и домоводческихъ совѣтахъ кажется мелочной. Чувствуется тяжелая атмосфера страха за будущее своего мелковладѣльческаго двора. «Если понемногу прибавлять къ малости и часто прикладывать, скоро порядочно накопишь и избѣжишь мрачнаго Голода. Лучше имѣть нужное у себя, чѣмъ просить на сторонѣ». Нужно имѣть домъ и пару быковъ. Занимать унижительно и непрактично. Легко сказать: «дай мнѣ быковъ и телѣгу», но еще легче отвѣтить: «мои быки нужны мнѣ самому» 64. Невольно представляешь себѣ человѣка, согнувагося подъ тяжестью работы, исполненнаго ко всему глубокаго недовѣрія. «Даже, когда съ братомъ уговариваешься шутя, приведи свидѣтелей, потому что до вѣрчивость губить людей такъ же, какъ недовѣріе». «Берегись, чтобы кокетливая женщина, зарясь на твое имущество, не улестила тебя своей болтовней. Кто довѣряется женщинамъ, поручаетъ себя ворагъ». «Нужно имѣть не болѣе одного сына для поддержанія родового дома; такимъ путемъ увеличишь свое достояніе. Пусть онъ доживетъ до старости и въ свою очередь оставитъ одного наследника» 65. Наставая на необходимости работать въ потѣ лица и не покладая рукъ, Гесіодъ въ сущности не любитъ труда; онъ близокъ къ тому, чтобы считать трудъ проклятой долей человѣка.

Необыкновенно характерно отношеніе Гесіода къ мореходству. Тутъ сказывается все недовѣріе старинной сельской Греціи, съ ея патриархальными, благочестивыми и тяжеловѣсными устоями, къ дерзкой, жадной и отчаянной вольницѣ гомеровскихъ героевъ. Бросаться въ морское предпріятіе—это почти значить быть отверженнымъ Каинномъ, осужденнымъ на блужданіе. «Блаженны тѣ, кто справедливы... никогда они не испытываютъ голода... овцы несутъ имъ густую шерсть... жены родятъ имъ дѣтей, похожихъ на отцовъ; ихъ счастье ничѣмъ не омрачено, имъ не надо пускаться на корабляхъ, богатая земля родитъ имъ плоды въ изобиліи». Мореплаваніе полно страха и риска (δυσπέμφελος νηυτιλίη) 66. Самъ Гесіодъ никогда не ѣздилъ въ открытое море; разъ только онъ переѣхалъ неширокій проливъ, отдѣляющій Беотию отъ Эвбеи, чтобы побывать на играхъ, гдѣ онъ одолѣлъ въ поэтиче-

скомъ состязаніи. Но отцу его пришлось испытать всѣ превратности судьбы человѣка, отдавагося волнамъ: онъ бѣжалъ не отъ богатства и изобилія, а отъ злой бѣдности, которую ниспосылаетъ Зевсъ людямъ.

Еще допустимо выѣзжать въ море осенью. «Твой корабль не разобьется въ эту пору года и не будетъ поглощенъ волнами, если только Посейдонъ и Зевсъ нарочно не захотятъ погубить тебя». Другое, весеннее плаваніе—опасно. «Не одобряю я его, не люблю ловить минуты, когда трудно избѣгнуть бѣды. Все-таки люди рѣшаются на такое плаваніе, потому что они безразсудны; вѣдь жалкій родъ человѣчскій тинется всей душой къ деньгамъ». «Не довѣрай своего имущества кораблямъ; раздѣли его на двѣ части, и большую часть оставь на сушѣ, меньшую грузи». «Страшно погибнуть среди волнъ... страшно такъ же, какъ наложить чрезвѣрную тяжесть на телѣгу, потому что, словани ось, потеряешь весь грузъ» 67.

Торговля и индустрія героическаго вѣка. Когда въ Гомерѣ видѣли древнѣйшую народную поэзію, быть его героевъ опредѣляли какъ натуральное хозяйство; говорили о замкнутой экономической жизни отдѣльных семей и домовъ. При этомъ ссылались на мастерскія у бисилеевъ и на громадное производство пищевыхъ продуктовъ, покрывавшихъ все потребленіе двора сеньера и округи.

Здѣсь не имѣется въ виду оспаривать правильность вообще понятія натурального хозяйства; можетъ быть, многіе теперь затруднятся указать ту ступень экономической жизни, къ которой бы это понятіе подходило. Ко времени гомеровскому оно во всякомъ случаѣ не прилагивается. Изъ картинъ эпоса видно, что множество предметовъ привозится извнѣ, и въ обмѣнъ за нихъ поступаютъ мѣстные продукты. Въ Одиссеѣ есть подробный разговоръ 68 о приключеніяхъ царскаго сына на торговой галерѣ финикійцевъ; купцы стоятъ въ гавани цѣлый годъ, обывають привезенныя бездѣлушки (ἀθύρματα) и накупають жизненные припасы (βίσιτον πολύν). Для товара, перевозимаго на корабляхъ, есть, помимо только что приведенныхъ, еще другіе термины, ἰθαίλα, φέρος, и, конечно, уже это обиліе выраженій указываетъ на развитіе обмѣна. Не одни финикійцы являются купцами, есть особый разрядъ торговцевъ мѣстнаго происхожденія. Одинъ изъ борцовъ при дворѣ Алкиноя, желая оскорбить знатнаго гостя, Одиссея, говоритъ ему, что онъ не похожъ на атлета, а развѣ на привычнаго къ переѣздамъ капитана, начальника моряковъ-купцовъ (ναύται πρηνκτῆρες), который держитъ въ памяти своей количество груза и наблюдаетъ за сохранностью товаровъ (ἐπίσκοπος ἰθαίων) 69. Насколько развитъ обмѣнъ, видно изъ наличности опредѣленныхъ цѣнъ на товары. У Гомера очень часто

указана цѣна вещи; нѣкоторыя цѣны правильно повторяются, онѣ твердо установлены, напримѣръ, плата за знатнаго плѣнника, за мастера, за оружіе. Установилось соотношеніе цѣнъ, какъ видно, изъ одного мѣста Иліады, характернаго уже тѣмъ, что въ художественное изображеніе неожиданно врывается прозаическая меркантильная черта. Два противника въ бою, Диомедъ и Главкъ, вмѣсто поединка, мирятся и обмѣниваются оружіемъ. Но одинъ изъ нихъ въ великодушномъ порывѣ не замѣчаетъ невыгоды мѣны; отдавая Диомеду свой золотой щитъ, Главкъ взаменъ получаетъ бронзовый, или, какъ говоритъ Гомеръ, «даетъ сто быковъ за девять»⁷⁰. Едва ли эти цифры случайны; надо думать, что цѣна золота дѣйствительно относилась къ цѣнѣ бронзы какъ 100 къ 9, т.-е. приблизительно золото было въ 11 разъ дороже.

Гомеровскія цѣны расчислены на количество головъ рогатаго скота. Нечего и говорить, что быковъ и коровъ не надо считать реальными деньгами; это лишь мѣрка, единица расчета и уплаты, кредитный знакъ. Монеты у Гомера нѣтъ; упоминаются только золотые таланты, т.-е. вѣсовые куски драгоцѣннаго металла. Затѣмъ есть еще форма денегъ, это—металлическія орудія, топоры и металлическая утварь, котлы и треножники (т.-е. котлы на ножкахъ). Расчетъ въ послѣднемъ случаѣ былъ своеобразенъ; онъ состоялъ въ опредѣленіи цѣны не вѣсомъ металла, а вмѣстимостью сосуда⁷¹. Богатые люди хранятъ у себя большіе запасы металла для крупныхъ расчетовъ, выкуповъ и т. п.

Довольно опредѣленную картину даетъ Гомеръ и для характеристики индустрии. Та доля ремесленной работы, которая приходится на женщинъ, исполняется, какъ мы видѣли, въ домѣ крупнаго сеньера. Но для обработки другихъ предметовъ даже и большія хозяйства, не говоря о мелкихъ, нуждаются въ услугахъ постороннихъ людей, частью пришлыхъ, которые своей работой дополняютъ домашній обиходъ. Въ Одиссеѣ есть общая характеристика этихъ представителей дополнительнаго пришлаго труда. Женихи сердятся на Эвмея, стариннаго и опытнаго раба, который привелъ въ домъ новаго ѣдока (переодѣтаго Одиссея). Эвмей защищается:

Приглашаетъ ли кто челоуѣка чужога
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ
на дѣло:

Или гадателей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ.
Ихъ приглашаютъ съ охотою все земнородные люди.⁷²

«Кто нуженъ на дѣло»—*οἱ δὲ μισροὶ ἕασιν*. Деміургами въ Аѳинахъ позднѣе называли ремесленниковъ, людей всякаго труда, помимо того,

который связанъ съ обработкой земли. Этотъ самый терминъ есть уже у Гомера. Онъ означаетъ подвижной переходящій классъ людей (*κλιτοὶ βροτῶν*), живущихъ постоянной работой и не имѣющихъ собственнаго прочнаго домоводства. Обозначились въ немъ и отдѣльныя специальности; между ними есть нѣсколько интеллигентныхъ профессій: врачи, гадатели, пѣвцы, вѣстники (т.-е. распорядители сходокъ и бирючи). Затѣмъ идутъ собственно ремесленники: плотники, они же столяры, горшечники, кузнецы, они же оружейники и золотыхъ дѣлъ мастера, строители кораблей, кожевники. Но раздѣленіе труда еще не сдѣлало большихъ шаговъ. Такъ, напр., кожевникъ не только готовитъ кожу, рѣжетъ ее, ему приходится также обтягивать кожей щиты или обивать ихъ металлическими пластинками и тогда онъ уже замѣняетъ оружейника. Плотнику приходится работать надъ древеснымъ матеріаломъ вообще, т.-е. также надъ орнаментовкой, раскраской дерева въ постройкѣ; но онъ же долженъ озаботиться и самимъ приобрѣтеніемъ матеріала, т.-е. срубить деревья. Какъ мало дифференцирована работа, видно изъ примѣра Одиссея, который самъ сооружаетъ себѣ небольшой парусный корабль, а также дѣлаетъ для себя художественную кровать; въ послѣднемъ случаѣ, принимая во вниманіе разнообразіе матеріала, ему приходится приложить искусство каменотеса, столяра, шорника, мастера въ выдѣлкѣ слоновой кости и ювелира. Конечно, это поэтическое преувеличеніе, чтобы выдвинуть таланты героя, но вѣдь фантазія всегда работаетъ въ духѣ извѣстной реальности.

Приведенное выше мѣсто изъ Одиссеи даетъ нѣкоторое понятіе о положеніи деміурговъ въ аристократическомъ обществѣ; пріѣзжихъ мастеровъ приглашаютъ и берутъ на содержаніе во время ихъ работы. Нѣкоторыя ремесла или искусства въ особенномъ почетѣ; золотыхъ дѣлъ мастеръ работаетъ, вдохновляемый непосредственно божествомъ⁷³. Когда поэту приходится описывать особенно тонкую работу, напр., оружіе, онъ непременно назоветъ по имени изготовителя, хотя лицо это находится далеко отъ излагаемыхъ событій.

При всемъ томъ въ гомеровскомъ обществѣ не видно какой-либо организаціи ремесленниковъ. Они появляются всегда разрозненно, не соединенные въ группы, союзы. Не видно и другого показателя самостоятельности ремесленника, собственной мастерской; не видно, чтобы онъ приобрѣталъ матеріалъ собственными средствами. Мастеру обыкновенно выдаютъ сырой продуктъ, особенно если онъ имѣетъ нѣкоторую цѣну. Характерно въ этомъ отношеніи, что въ числѣ сокровищъ и запасовъ у богатыхъ людей упоминаются куски желѣза. Деміурги зависятъ, главнымъ образомъ, отъ заказовъ аристократіи. Въ слѣдующій періодъ, въ VII, въ VI вв., они эмансипируются, благодаря возможно-

сти вывоза въ колоніи, и составляютъ главную или, по крайней мѣрѣ, самую дѣятельную массу поднимающихся горожанъ. Въ героическій вѣкъ именно нѣтъ еще городского общества, хотя есть пункты, въ которыхъ скопилось много людей. Гомеръ говоритъ о нихъ «густонаселенные города»⁷⁴. Но это не то, что мы привыкли называть городами, разумѣя самостоятельныя общины, гдѣ тонъ задають купеческіе и художественно-ремесленные элементы. Гомеровскіе города скорѣе всего большія слободы, выросшія кругомъ замковъ, работающія на сенберовъ и питающіяся въ значительной мѣрѣ на средства, добытыя войной.

Мифология и религія Гомера. Въ гомеровскихъ поэмахъ большую роль играютъ боги. Они не только рѣшаютъ человѣческія судьбы, помогаютъ или вредятъ героямъ, но они выступаютъ лично, по временамъ въ человѣческомъ образѣ, непосредственно сносятся и сталкиваются съ людьми. Ихъ общая жизнь на Олимпѣ изображена очень яркими, вполне человѣческими чертами; въ характеристикѣ отдѣльныхъ боговъ и богинь поэтъ достигаетъ еще большей индивидуализаціи, чѣмъ въ изображеніи людей.

Долгое время въ наукѣ эти мифологическіе элементы гомеровскаго творчества принимались за объективныя документальныя данныя греческой религіозной мысли. Гомеръ казался прямымъ источникомъ исторіи религіозныхъ вѣрованій грековъ. Антропоморфизмъ его боговъ и богинь, соединеніе въ нихъ всѣхъ человѣческихъ качествъ и слабостей признавали за характерную черту вообще греческой религіи. Больше того, Гомера считали систематизаторомъ греческихъ вѣрованій, въ его поэмахъ видѣли художественно законченную теологію. Гомеръ создалъ для грековъ Олимпъ, семью боговъ, онъ объединилъ разрозненные культы и миры грековъ въ одно цѣлое, далъ грекамъ связанный религіозный міръ.

Въ правильности такого взгляда на Гомера можно сомнѣваться. Прежде всего поражаетъ та легкая, иногда ироническая манера, которую позволяетъ себѣ Гомеръ въ обращеніи съ богами. Неужели и эта черта принадлежитъ къ греческимъ вѣрованіямъ и греческой религіозной мысли вообще? Трудно допустить, чтобы вѣрующіе люди могли забавляться такими эпизодами эпоса, какъ любовь Арея и Афродиты, обнаруженная Гефестомъ, и послѣдующее публичное осмѣяніе обманутаго мужа, или ссоры Зевса съ Герою, или взаимная брань боговъ. Затѣмъ можно замѣтить, что сцены, гдѣ фигурируютъ боги, такъ же свободно скомпанованы авторомъ, какъ его рассказы о приключеніяхъ героевъ; жизнь боговъ, ихъ полеты и столкновенія, ихъ увлеченія и страсти—такой же романъ, какъ все остальное въ эпосѣ.

Значитъ ли это, обратно, что Гомеръ никакого отношенія къ гре-

ческой мифологіи и религіи не имѣетъ? Конечно, нѣтъ. Міръ боговъ не сочиненъ вѣдъ Гомеромъ отъ начала до конца; его фантазія исходила отъ извѣстныхъ распространенныхъ мотивовъ; нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ были, вѣроятно, литературными заимствованиями изъ вавилонскаго или египетскаго эпоса и вошли впервые въ обиходъ греческаго художественнаго творчества; другіе зато примыкали къ стариннымъ сказаніямъ. Нужно только имѣть въ виду, что всѣ эти мифологическіе элементы—не теологія и не предметъ вѣры; Гомеръ здѣсь только болѣе разнообразный, талантливый рассказчикъ въ ряду другихъ. Впослѣдствіи также свободно обращаются съ мифами писатели трагедій; но и у нихъ есть установившіеся рассказы и обороты, которыми они вдохновляются.

Съ другой стороны, стоитъ остановиться на фактѣ фривольнаго отношенія Гомера къ богамъ. Таковой не могла быть теологія его времени. Антропоморфизмъ, столь далеко зашедшій, уже давно разстался со всякой религіей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но, спрашивается, какова же была психологія и религія людей, которые такъ любили играть фигурами небожителей, которые сдѣлали себѣ какъ бы спортъ изъ потѣхи надъ богами? Приходитъ въ голову мысль, что Гомеръ есть начало отрицанія личныхъ божественныхъ силъ, что его пронія, его игра съ образами боговъ происходитъ отъ его крайне скептическаго отношенія къ вѣрованіямъ современниковъ; отсюда находили возможнымъ называть Гомера первымъ греческимъ рационалистомъ. Подобное сужденіе будетъ, однако, въ свою очередь крайностью. Гомеровскіе греки далеки отъ того, чтобы быть атеистами. Наоборотъ, они полны религіозныхъ страховъ и суевѣрій. Особенно боятся они подземныхъ боговъ, и стоитъ замѣтить, что божества эти не участвуютъ въ шумномъ и фривольномъ хороводѣ олимпійцевъ, нарисованномъ у Гомера. Боятся они также духовъ умершихъ; ревностно принимаются людьми всякія мѣры, чтобы избавиться отъ преслѣдованія со стороны тѣней. Затѣмъ они обращаются и къ олимпійскимъ богамъ: при заключеніи договоровъ боги призываются въ свидѣтели, ихъ молятъ о побѣдѣ.

Какъ согласить различныя противорѣчія въ отношеніи къ богамъ у Гомера? Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, особенно полезно вспомнить, что Гомеръ принадлежитъ героическому вѣку, т.-е. что онъ изображаетъ одну опредѣленную часть греческаго общества или изображаетъ это общество въ особомъ состояніи. Восточно-греческій міръ переживалъ не просто только воинственную эпоху; масса людей сдвинулась съ мѣсть и не успокоилась еще. Это передвиженіе было большимъ кризисомъ народной жизни. Ему предшествовалъ какой-то глу-

бокій разрывъ въ старыхъ патриархальныхъ общинахъ. Молодые покойныя поколѣнія вырвались изъ мелкой тѣсной жизни, направляемой традиціями и стародавнимъ обычаямъ. Дѣти ушли отъ отцовъ, мятежные и предприимчивые элементы отъ покойныхъ и косныхъ. Передъ уходомъ они осмѣяли и опрокинули своимъ отрицаніемъ старыя авторитеты, какъ земные, такъ и небесные. Они отказались повиноваться унаслѣдованнымъ властямъ, соединились вокругъ своихъ новыхъ вождей по собственному выбору и влеченію и организовались на началахъ новаго права. Это—право войны, право сильныхъ; въ немъ громко звучитъ индивидуальное начало: «что я приобрѣлъ своимъ мечомъ, то мое личное, а не общее, не божье, какъ учили старинные служители боговъ, управлявшіе ихъ имуществомъ».

Новые люди исполнены удачества, увѣренности въ своихъ силахъ, пренебреженія къ обветшалымъ формамъ и понятіямъ, которыя ими покинуты. Ихъ сопровождаетъ своя интеллигенція, которая пытается выразить новые дерзанія и вкусы. У Гомера какъ бы слышатся отзвуки ироническаго и отрицательнаго отношенія къ богамъ, чтимымъ на старой родинѣ. Эти высшія силы, которыми пугали въ свое время старики, не страшны больше удалцамъ. Человѣкъ можетъ теперь дерзать на все, даже вызывать на бой само божество, по крайней мѣрѣ, тѣхъ боговъ, которые послабѣе. Съ другой стороны, человѣкъ всегда склоненъ представлять себѣ бога по своему подобію: и тамъ, на небесахъ, онъ воображаетъ такое же, какъ онъ самъ, поколѣніе славолубивыхъ, колеблемыхъ страстями, непостоянныхъ и легко возбудимыхъ воинственныхъ существъ; такое же отсутствіе дисциплины на Олимпѣ, какъ въ войскѣ, стоящемъ подъ Троей; ту же похвальбу передъ поединкомъ, способность быстро ссориться и быстро мириться и т. д. Наконецъ, у дружиннаго общества есть большая склонность къ сказкѣ и фантастическому роману; данные традиціей образы и мотивы онъ разнообразитъ и расцвѣчиваетъ, придумываетъ все новые и новые сцены и обороты; такимъ образомъ пышно развивается мифологія, вытѣсняющая собственно религію.

Но гомеровское общество кажется антирелигіознымъ лишь по отношенію къ старинѣ, къ покинутой родинѣ и ея святынямъ. Его рационализмъ или скептицизмъ—не общій, не безусловный, а лишь частный, ограниченный. У воителей есть своя религія. Согласно ихъ вѣрѣ, человѣкъ не такъ приниженъ передъ высшими силами, онъ гораздо болѣе самостоятеленъ. Божества стоятъ къ нему несравненно ближе, они относятся къ нему очень интимно: если человѣкъ и божество разнаго пола, они могутъ вступать въ супружескія отношенія; у выдающагося героя есть свой спеціальный покровитель или покровительница

среди боговъ, и отношеніе къ такому духу-хранителю со стороны человѣка глубоко почтительное.

Далѣе, есть вѣра въ какую-то страшную міровую силу, неисповѣдимую судьбу, губящую не только людей, но налагающую свою тяжелую руку и на боговъ. Къ ней, однако, нѣтъ подступу; ее нельзя ни умолить, ни отстранить; она не составляетъ предмета культа. Наконецъ, люди героическаго вѣка крайне озабочены мыслью о загробной жизни. При изученіи гомеровскаго эпоса обратили вниманіе на сходство обычая похоронъ у грековъ и у германцевъ соотвѣтствующей эпохи. Любопытно и то обстоятельство, что сожженіе тѣла героя вмѣстѣ съ убитыми плѣнниками и слугами, съ его любимыми животными и т. д. есть довольно быстро преходящій обычай, непохожій ни на предшествующіе, ни на послѣдующіе способы погребенія. Видимо, онъ составлялъ особенность героическаго вѣка и стоялъ въ тѣсной связи съ вѣрованіями именно этого общества. Въ главныхъ чертахъ представленія гомеровскихъ грековъ о загробной жизни сводятся къ тому, что есть какое-то общее мѣсто нахождения душъ, куда онѣ улетаютъ, освободившись отъ тѣла, сожженнаго огнемъ. Загробное пребываніе не есть жизнь въ настоящемъ смыслѣ, хотя въ средѣ тѣней остается іерархія земныхъ отношеній, и герои первенствуютъ надъ остальными; но личности умершихъ какъ бы стерлись; отъ нихъ остались лишь едва уловимыя слабыя подобія ⁷⁵. Въ такой формѣ безсмертіе не утѣшаетъ героя. Онъ спѣшитъ взять отъ краткаго земнаго вѣка все, что возможно; но онъ хочетъ также жить въ памяти своей ровни, другихъ героев, онъ хочетъ, чтобы свѣтъ былъ полонъ его славы.

Гомеровское общество можно назвать свѣтскимъ, эмансипированнымъ отъ власти духовенства. Греческихъ героев, отправившихся походомъ на Трою, сопровождаетъ во всѣхъ превратностяхъ гадатель Калхасъ; онъ оказываетъ воителямъ неоцѣненные услуги своими предсказаніями, своимъ умѣніемъ пытаться волю боговъ. Но этотъ служитель боговъ не имѣетъ никакой силы надъ воителями; онъ не вмѣшивается въ ихъ споры; въ столкновеніи Агамемнона съ Ахилломъ онъ становится слѣпымъ исполнителемъ требованій главнаго вожда.

Религіозныя понятія Гесіода. Міровоззрѣніе Гесіода кажется гораздо болѣе серьезнымъ и возвышеннымъ. У него нѣтъ и намека на шутливое или ироническое отношеніе къ богамъ, которое такъ характерно для Иліады. Высшій богъ Зевсъ, который собственно является единымъ правителемъ міра, далеко отъ рода человѣческаго; онъ поручаетъ охрану людей безчисленному легіону безсмертныхъ духовъ. Эти духи, закутанные въ туманъ, блуждающіе всюду на землѣ, наблюдаютъ поступки человѣческіе, хорошіе или дурные. Есть так же

рожденная Зевсомъ Дѣва-Правда, которую чтятъ и уважаютъ боги, обитатели Олимпа. Если кто-нибудь оскорбитъ или обидитъ ее своей лживостью, она тотчасъ же возносится къ престолу своего отца, Кронода Зевса; она открываетъ ему замыслы нечестивцевъ, чтобы онъ могъ покарать весь народъ за безумную гордость его царей, которые своими кознями и неправедными рѣчами вносятъ кривду въ суды. Гесиодъ продолжаетъ далѣе въ тонѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, безстрашно обличавшихъ свѣтскихъ властителей: «Вспомните слова мои, цари, пожиратели даровъ; судите по совѣсти; никогда не постановляйте неправеднаго приговора. Кто создаетъ горе другому, приноситъ горе самому себѣ. Око Зевса все видитъ, все знаетъ; онъ смотритъ на васъ, когда того хочетъ, онъ знаетъ, какъ творится судъ въ нѣдрахъ городовъ»⁷⁶.

Въ гомеровскомъ обществѣ нѣтъ людей, которые могли бы себѣ позволить подобныя рѣчи по отношенію къ власти имущимъ. Откуда же почерпнулъ Гесиодъ право и смѣлость говорить такимъ проповѣдническимъ тономъ? Въ поэмѣ «Труды и дни» разсыпано множество изреченій, примѣтъ, наставленій, которыя могли быть усвоены Гесиодомъ исключительно въ школѣ, направляемой жрецами и гадалками. Поэтъ хорошо изучилъ религіозную мудрость своего времени; онъ сознаетъ себя какъ бы вооруженнымъ духовной властью, заимствованной у прежнихъ руководителей общества. Патріархальные авторитеты отбрасаны свѣтскими вождями, наступило торжество материалистическихъ элементовъ жизни; масса людей увлечена жаждой наживы, гонится за богатствомъ, не разбирая средствъ; порча захватила самихъ правителей. Изъ среды консервативнаго крестьянства, тѣснимаго повѣйшими формами грабительства, поднимается голосъ, напоминающій о забытой правдѣ. Проповѣдникъ знаетъ о какомъ-то старомъ золотомъ вѣкѣ невинности и счастья; земля производила тогда сама обильные плоды; безъ труда собирали ихъ люди, спокойные въ своемъ довольствѣ, богатые стадами, любезные блаженнымъ богамъ.

Сказаніе о земномъ раѣ, когда люди были благочестивы, появляется въ исторіи веоуду, какъ произведеніе жречества, отодвинутаго свѣтскими и военными вождями: это сказаніе, въ одно и то же время, злая критика на современность и возвеличеніе старины, когда правили они, духовные авторитеты.

Пессимистическія пророчества Гесиода. Жреческая философія исторіи даетъ себя знать во многихъ идеяхъ и картинахъ Гесиода. Въ его глазахъ человѣческія несчастія, потеря райскаго блаженства составляетъ результатъ дерзости человѣка и грѣхопаденія его. Дерзость выразилась въ томъ, что Прометей похитилъ съ неба огонь, раскрылъ и

передалъ на землю тайну боговъ. Въ наказаніе за этотъ обманъ всемогущій Зевсъ послалъ людямъ соблазнъ въ лицѣ очаровательной красавицы Пандоры; мы встрѣчаемся тутъ впервые съ мотивомъ, который разовьется потомъ въ злую формулу аскетическихъ святошъ: «женщина—сосудъ діавола». Несчастія и болѣзни обрушиваются на родъ человѣческій изъ-за грѣха греческой Евы; Пандора не могла превозмочь любопытства, заглянула въ ларецъ, подарокъ боговъ, и выпустила черныхъ демоновъ, которые бросились терзать людей⁷⁷.

Своеобразно сплетаются эти клерикальныя идеи съ требованіями новой жизни, которая долженъ признать Гесиодъ. Въ блаженствѣ люди не знали труда, но въ жестокой нуждѣ трудъ становится высокимъ долгомъ человѣка. Ссоры загубили людей, но разъ надо бороться за существованіе, борьба дѣлается источникомъ жизни. Поэтому Гесиодъ учитъ: на землѣ двѣ Ревности (Ἐριδεις). Одна, злая, направляетъ людей на войну и усобицы; этой Ревности никто изъ смертныхъ не любитъ, но по волѣ боговъ мы должны подчиняться тяжелому ея господству. Другая, рожденная темной ночью и помѣщенная Зевсомъ у корней земныхъ и среди людей, полезная, заставляетъ даже перадиваго работать. Эта Ревность—соперничество, которое вызываетъ у всякаго человѣка зависть къ благосостоянію другого; глядя на богатѣющаго соседа, всякій бросается на дѣло: пахать, сажать деревья, обстраивать домъ; горшечникъ соревнуетъ горшечнику, плотникъ—плотнику, нищій завидуетъ нищему, пѣвецъ—пѣвцу⁷⁸. Въ концѣ-концовъ у Гесиода превозмогаетъ пессимизмъ: въ его глазахъ злое начало въ мірѣ нарастаетъ, и все клонится къ порчѣ и гибели. Ярko и драматично развивается онъ эту мысль въ картинѣ смѣны вѣковъ.

Люди перваго, золотого вѣка жили подобно богамъ; ни горя, ни заботы не было у нихъ; не знали они старости; смерть ихъ была подобна спокойному сну. Послѣ смерти они стали духами-хранителями послѣдующихъ поколѣній. Люди втораго, серебрянаго вѣка были гораздо ниже первыхъ и силой, и умомъ; подобные большимъ дѣтми, вздорные, они ссорились и истребляли другъ друга; въ своей наглости они перестали поклоняться богамъ и отдавать имъ установленныя жертвы. Зевсъ разгнѣвался на нихъ и уничтожилъ ихъ родъ. Третье поколѣніе, созданное имъ, было бронзовое; люди эти были сильны и страшны, они любили только ужасныя и гибельныя дѣла войны; сердце ихъ было несокрушимо, какъ сталь; изъ бронзы было у нихъ оружіе, изъ бронзы инструменты; темнаго металла, желѣза, еще не существовало. Они сами перебили другъ друга и, безвѣстные, сошли въ холодную и обширную пещеру Ада. Слѣдующее, четвертое, поколѣніе (также бронзовое) было лучше: это герои, или полубоги. Они большею частью

погибли въ страшныхъ войнахъ подъ стѣнами Оивъ и у Трон, куда они отправились «изъ-за прекраснокудрой Елены на корабляхъ черезъ великую бездну морскую»; остальныхъ Зевсъ перенесъ на острова Блаженныхъ на краю свѣта.

«О, если бы мнѣ не жить среди людей пятого поколѣнія, а либо раньше умереть, или позже родиться! Теперь вѣдь вѣкъ желѣза. Никогда болѣе ни днемъ, ни ночью люди не избавятся отъ непосильнаго труда и бѣдствій. Пойдетъ разладъ между друзьями и между братьями. Стариковъ не захотятъ больше кормить и уважать. Водворится право сильнаго (δίκη δ' ἐν χερσὶ) и исчезнетъ совѣсть. Не честныхъ людей, вѣрныхъ клятвъ, будутъ почитать, а злыхъ и наглыхъ. Тогда Стыдъ и Правда, окутавши прекрасныя тѣла свои въ бѣлыя покрывала, покинутъ людей и воссоединятся съ бессмертными на Олимпѣ, на землѣ они оставляютъ лишь жестокия мученія, и не будетъ никакого излѣченія зла»⁷⁹.

Картина паденія человѣчества кажется ужасной и безнадежной, и тенденція Гесіода выступаетъ вполне ясно: бронзовый и желѣзный вѣка, по его мнѣнію, принесли войну, жестокость, насилие и уничтожили старинную патріархальность и чистоту нравовъ.

Гесіодъ только не вполне послѣдователенъ относительно героев: они стоятъ между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками, они—воители, но въ то же время они лучше другихъ представителей воинственныхъ эпохъ; часть ихъ заслужила даже бессмертіе. Какъ объяснить этотъ взглядъ? Герои—вѣдь прежде всего старинные полубоги, святые богатыри, спасавшіе человѣчество. Въ различныхъ мѣстахъ Греціи показывали ихъ останки, чтли ихъ могилы. Если была народная вѣра и народный культъ, то они болѣе всего сказывались именно въ почитаніи героевъ. Это старинное народное представленіе не потеряло еще силы для Гесіода. Но уже имѣется новая обработка рассказовъ о герояхъ, данная Гомеромъ. Авторъ эпоса въ сущности подставилъ новое содержаніе въ старинное понятіе героя, сверхъестественнаго существа, поднимающагося надъ человѣческими слабостями, неутомимаго въ подвигахъ на пользу массы людей; подъ именемъ героя выступаетъ теперь безмятежный удалой витязь, задорный, славолюбивый вожь дружины. Гомеръ перенесъ древняго подвижника въ современность, облекъ его всѣми свойствами дѣятеля суроваго бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Литературное творчество сдѣлало свое дѣло; оно закрыло старинныя фигуры и замѣнило ихъ своими реально-фантастическими созданіями. Со времени Гомера герои превратились въ басилеевъ Илиады и Одиссея, кичливыхъ, бурныхъ, живущихъ войной и приключеніями. Эпической характеристикѣ героевъ подчиняется и Гесіодъ; оттого ему пришлось

помѣстить ихъ въ воинственный вѣкъ, предшествующій собственно современности, эпохѣ желѣза. Оттого у Гесіода неувѣренность въ сужденіи о герояхъ; въ качествѣ святыхъ богатырей они заслужили бессмертіе, въ качествѣ жестокихъ бойцовъ педагяго времени они такъ же страшны, какъ мечущіеся всюду воители переживаемаго послѣдняго вѣка.

Кризисъ героическаго вѣка. Гомеръ и Гесіодъ, каждый со своей стороны рисуютъ намъ героическій вѣкъ. Они не только два разныхъ литературныхъ темперамента; они—носители двухъ разныхъ міровоззрѣній. Одно принадлежитъ новымъ подвижнымъ элементамъ греческаго общества, оторвавшимся отъ патріархальной почвы. Другое—консервативной части того же общества, оставшейся на мѣстахъ, но глубоко вскобленной воинственными передвиженіями и появленіемъ новыхъ командующихъ силъ. Сторонники старины, подобные Гесіоду, признаютъ надвинувшійся переворотъ, какъ Божью кару за грѣхи людей. Они въ такой мѣрѣ чувствуютъ неустойчивый и роковой характеръ переменъ, что у нихъ слагается философія растущаго паденія человѣчества.

Въ лицѣ Гесіода греческое общество какъ будто стоитъ на той чертѣ, до которой дошелъ іудейскій народъ эпохи конца политической самостоятельности, когда выступали со своими обличеніями послѣдніе пророки. Вслѣдъ за рѣчами Гесіода можно было бы ожидать еще большаго отчаянія, настроенія, похожего на то, какое было у писателей конца римской имперіи. Однако, въ Греціи никто не является продолжателемъ великаго пессимиста. Воинственный вѣкъ вызвалъ реакцію, но не кончился; напротивъ, онъ втянулъ новые элементы въ морскіе набѣги, въ дальнія экспедиціи, въ колонизацію чужихъ странъ. За рыцарями двинулись купцы и ремесленники, крестьяне и рабочіе. Мѣсто аристократіи заняла городская Греція. Это та же картина, какую мы видимъ въ западной германо-римской Европѣ XI и XII вв. послѣ Р. X.

¹ Оук. I, 4. ² Герод. I, 1—5; Миносъ, царь Кносса, и у Геродота — побѣдитель карійцевъ (I, 171), первый греческій властитель морей (III, 122). ³ Cauey, Grundfragen der Homerkritik 1895, гл. Kulturstufen. ⁴ Илиад. IX, 189—91. ⁵ Drexler, Homer 1903. ⁶ Bréal, Pour mieux connaître Homère 1907. ⁷ Послѣдующее изложеніе аналогіи германскихъ эпическихъ пѣсней VII—VIII вв. по Р. X. и гомеровскаго эпоса основано на книгѣ Chadwick, The heroic age 1912. Во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ Чадвика является А. Lang Homer and his age 1906 и The world of Homer 1910. Лангъ горячо высказывается за единство и цѣльность гомеровскаго эпоса; изображенный Гомеромъ вѣкъ онъ считаетъ болѣе стариннымъ, чѣмъ эпоха колонизаціи іонійскаго побережья. ⁸ Одисс. VIII, 470—98. ⁹ Или. II, 361—6. ¹⁰ Или.

IX, 63. ¹¹ Од. III, 5—39. ¹² Од. XI, 184—7. ¹³ Ил. XVI, 164 и слѣд. ¹⁴ Од. XI, 168. ¹⁵ Ил. XXIII, 296. ¹⁶ Ил. XIII, 669. ¹⁷ Од. IV, 174. ¹⁸ Ил. IX, 406—7. ¹⁹ Ил. XII, 310—21. ²⁰ Од. XV, 321. ²¹ Ил. XXI, 40; 79. ²² Ил. VII, 467—75. ²³ Од. I, 184. ²⁴ Ил. XVIII, 105—6. ²⁵ Ил. XIX, 79—80. ²⁶ Ил. IX, 464—73. ²⁷ Ил. VI, 243. ²⁸ Од. III, 400. ²⁹ Ил. IV, 314—5. ³⁰ Од. XXIV, 504—26. ³¹ Од. VII, 11. ³² Од. VI, 197. ³³ Ил. IX, 67—76. ³⁴ Ил. II, 203—6. ³⁵ Ил. II, 360. ³⁶ Од. XV, 466—8. ³⁷ Од. XIII, 8. ³⁸ Ил. XXII, 119. ³⁹ Ил. II, 404. ⁴⁰ Од. II, 14. ⁴¹ Од. II, 25—34; Ил. IX, 13; Од. III, 136. ⁴² Ил. IX, 11. ⁴³ Од. III, 137—50. ⁴⁴ Ил. II, 85 и слѣд. ⁴⁵ Ил. XII, 421—3. ⁴⁶ Од. VI, 10. ⁴⁷ Ил. XV, 498. ⁴⁸ Од. XIV, 64. ⁴⁹ Од. XI, 489—91. ⁵⁰ Од. XIV, 208—11. ⁵¹ Ил. IX, 648. ⁵² Ил. XXI, 444. ⁵³ Од. XVIII, 357. ⁵⁴ Од. IV, 643—4. ⁵⁵ Ил. XXI, 441. ⁵⁶ Ил. XVIII, 550. ⁵⁷ Од. XIV, 22. ⁵⁸ Од. XXI, 214—5. ⁵⁹ Гесиодъ, Труды 39; 262 и др. ⁶⁰ Гес. Θεογονία 26—28. ⁶¹ Гес. Тр. 662. ⁶² Гес. Тр. 210—12. ⁶³ Гес. Тр. 353—4. ⁶⁴ Гес. Тр. 453—4. ⁶⁵ Гес. Тр. 376—8. ⁶⁶ Гес. Тр. 236—7. ⁶⁷ Гес. Тр. 618 и слѣд. ⁶⁸ Од. XV, 416 и слѣд. ⁶⁹ Од. VIII, 162—4. ⁷⁰ Ил. VI, 234—6. ⁷¹ Ил. XXIII, 264. ⁷² Од. XVII, 382—6. ⁷³ Од. VI, 232—4. ⁷⁴ Ил. III, 400. ⁷⁵ Од. XI, 207—223; Ил. XXIII, 72. ⁷⁶ Гес. Тр. 267—9. ⁷⁷ Гес. Тр. 47—104. ⁷⁸ Гес. Тр. 11—26. ⁷⁹ Гес. Тр. 178—201.

Ш. Начало городской жизни.

Старинныя общины европейской Греціи. Древнѣйшій литературный источникъ греческой исторіи, Гомеръ, изображаетъ намъ общество уже сдвинувшимся съ исконнаго патріархальнаго положенія; театръ его дѣятельности большею частью за предѣлами старой родины; порядки его жизни представляютъ отчасти сознательный разрывъ съ прошлымъ. Гесиодъ до извѣстной степени возвращаетъ насъ назадъ, къ отечественнымъ формамъ быта грековъ, покинутымъ гомеровскими героями, хотя и тутъ, на родинѣ, какъ мы видѣли, пошли большія перемѣны. Гесиодова картина общества архаичнѣе, чѣмъ Гомерова, но и она не даетъ намъ чистой, непримѣсной, нетронутой старины. Мы должны, однако, попытаться возстановить эти ранніе порядки для того, чтобы лучше уяснить перемѣны, происшедшія какъ отъ ухода гомеровскихъ витязей, такъ и отъ послѣдующихъ выѣздовъ и предпріятій греческаго купечества и демиурговъ. Для возстановленія старины единственный источникъ—учрежденія, обычаи и названія, уцѣлѣвшіе въ позднѣйшемъ быту; они служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ иллюстраціей цѣпкости ранняго патріархальнаго строя.

Безъ колебанія можно сказать, что старинныя общины были гораздо мельче позднѣйшихъ. Движеніе дружинъ за море и было первымъ случаемъ болѣе крупныхъ соединеній; герои впервые командовали надъ значительными для своего времени группами людей; рамки ихъ свить были шире племенныхъ, клановыхъ и общинныхъ границъ. Дальнѣйшимъ этапомъ въ развитіи политическихъ группировокъ были большія соединенныя (синоклизированныя) общины, въ родѣ Аоинъ или Спарты, которыя въ свою очередь составились или изъ самого завоеванія, или подъ давленіемъ военныхъ набѣговъ и передвиженій.

Что такое представляла маленькая старинная община? Какъ она относилась къ древнимъ племеннымъ или клановымъ дѣленіямъ? Въ Аоинахъ впоследствии была традиція, что населеніе старинной Аттики дѣлилось на четыре филы; во главѣ каждой стоялъ филобасилей.

Можно ли признать именно въ этихъ филахъ древнѣйшія общины? Хотя фила (φύλον или φυλή) и значить племя, но весьма сомнительно, чтобы въ данномъ случаѣ филы составляли замкнутыя племенные группы. Дѣло въ томъ, что, кромѣ Атики, тѣ же четыре названія филъ встрѣчаются и въ другихъ іонійскихъ общинахъ. Едва ли эти повторенія названій объясняются тѣмъ, что іонійцы дѣлились изстари на четыре племени и что всюду, куда бы ни двинулась іонійская эмиграція, въ группѣ переселенцевъ непременно участвовали равномѣрно всѣ четыре племени; едва ли поэтому въ Атикѣ филы были первоначальными составными единицами, изъ которыхъ сложилась потомъ большая община. Вѣрнѣе допустить, что филы образуютъ сами позднѣйшее искусственное дѣленіе цѣлой общины; повтореніе однихъ и тѣхъ же названій въ разныхъ іонійскихъ поселеніяхъ, вѣроятно, — результатъ подражаній и заимствованій. Есть еще одно основаніе считать филы за произведеніе административнаго искусства: позднѣйшіе реформаторы, въ родѣ Клисеена сикіонскаго и его внука, Клисеона аонискаго, находятъ вполне возможнымъ мѣнять названія филъ, передвигать ихъ составъ или ихъ очередь по рангу, даже отмѣнять старое дѣленіе и устанавливать новыя группировки, которыя они безъ колебанія опять называютъ филами. Они явно имѣютъ дѣло съ легко сдвигаемыми единицами, которыя, въ свою очередь, установлены болѣе ранними администраторами.

Стоитъ замѣтить, что если политики не боялись видоизмѣнять филы, то никто никогда не пытался производить перестановки надъ фратріями. Видимо, во фратріяхъ мы встрѣчаемся съ союзами гораздо болѣе старинными и исконными. Фратрія буквально значить братство, слѣдовательно, возможно, что онѣ примыкали къ кланамъ, которые мы вообще въ правѣ причислять къ древнѣйшимъ организаціямъ общества. Во фратріи, въ противоположность филѣ, были какія-то внутреннія связующія начала, она составляла живую корпорацію. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, фратрія характеризуетъ у Гомера старикъ Несторъ: по понятіямъ людей патріархальнаго склада, внѣ фратріи нѣтъ гражданской жизни; надо быть членомъ братскаго союза, чтобы быть членомъ общества. Старинный гражданскій авторитетъ фратріи виденъ и въ раннемъ аонискомъ строѣ, какимъ онъ дожилъ до реформы Клисеона, т. е. до конца VI вѣка; чтобы вступить въ число гражданъ, надо было войти въ одну изъ фратрій; фратрія также узаконяла гражданскія права лицъ, родившихся въ средѣ тѣхъ семей, которыя принадлежали къ ея составу. Слѣд., больше всего основаній именно во фратріи видѣть древнюю маленькую общину.

Теократическій характеръ раннихъ общинъ. Во фратріяхъ сильно

выражено религиозное начало. Братства составляли жертвенныя товарищества, и есть основаніе думать, что они часто возникали вокругъ мѣстныхъ святилищъ, изъ которыхъ многія потомъ приобрѣли болѣе широкую популярность. Въ одномъ мѣстѣ была какая-нибудь древняя могила героя и хранились его останки; въ другомъ была священная роща или нещера, гдѣ происходили гаданья или воспринимались таинственные вѣщія голоса, и слагался понемногу постоянный оракулъ; наконецъ, въ иномъ хранилось особенно цѣнное изображеніе божества или какой-либо чудотворный его фетишь. Жившая около такого святилища группа людей могла получать отъ него немалыя матеріальныя выгоды: къ святому мѣсту направлялись богомольцы, которые платили хранителямъ святыни и вообще мѣстному населенію за продовольствіе и за доступъ къ божеству, къ творимымъ его силой чудесамъ. Недаромъ вся ранняя исторія общинъ полна усобицъ изъ-за похищенія останковъ и древнихъ идоловъ: дѣло шло о самыхъ крупныхъ въ то время богатствахъ.

Изстари, повидимому, при такихъ святилищахъ прочно утвердились семьи наиболѣе опытныхъ, особенно угодныхъ божеству почитателей или вопрошателей его: онѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ уходъ за священной могилой, куренье и жертвы, подносимыя божеству, завѣдованіе кассой богомольческихъ взносовъ и приношеній. Авторитетъ такихъ семей закрѣплялся по наслѣдству: изъ нихъ составлялись жреческіе роды. Долго еще впоследствии онѣ сохраняли свое привилегированное положеніе при извѣстныхъ старинныхъ культахъ. Въ Элевсинѣ обряды въ честь Деметры могла исполнять лишь фамилія Эвмолпидовъ. Культъ Аѳины, чтимой въ аонискомъ акрополѣ, состоялъ въ вѣдѣніи рода Бутадовъ. Можно представить себѣ, что въ раннюю пору эти жреческія фамиліи держали въ зависимости окрестное населеніе: иные разряды ремесленниковъ находили заработокъ въ исполненіи заказовъ на храмъ, въ строительныхъ, декоративныхъ и другихъ работахъ; ближніе крестьяне за благословеніе божества и волшебныя услуги его служителей обязывались взносами на святилище; при возможности жрецы присвоивали себѣ распоряженіе полевыми или лѣсными участками, объявляя ихъ священной землей и принадлежностью божества. Владѣнія бога становились вѣчнымъ и неприкосновеннымъ имуществомъ, а священники—его распорядителями. Можно опять указать остатки жреческаго хозяйства въ позднѣйшемъ быту; таковъ былъ, напримѣръ, еще въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ запретъ касаться сокровища богини Аѳины, лежавшаго въ кладовой Паронона на акрополѣ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, фратрія становилась маленькой теократіей; экономическая и религиозная зависимость массы «братьевъ» отъ

жреческаго рода, заправлявшаго имуществомъ и культомъ бога, въ ходѣ времени силою обычая закрѣплялась въ видѣ властнаго авторитета, признаваемаго всей округой. Возможно, что священная особа правителя, передававшаго свою власть по наслѣдству, уже изстари носила титуль βασιλεύς.

Повидимому, древній басилевсъ былъ жрецомъ и судьей, но не имѣлъ военной власти. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ титуловъ, которые носили члены старинной коллегіи архонтовъ въ Аѣнахъ. Второй по рангу архонтъ назывался басилевсъ; это былъ предсѣдатель религіознаго суда Ареопага; слѣдующій за нимъ, третій архонтъ назывался полемархъ (военный начальникъ). Названія должно быть, указываютъ на распредѣленіе функций въ древнія времена: если рядомъ съ басилеемъ требовалось избраніе особаго военачальника, то, очевидно, басилевсъ не могъ командовать на войнѣ. Въ качествѣ судей басилеи выступаютъ и у Гесіода, а въ его изображеніи отразились довольно старинные порядки.

Старинный религіозный судъ. Авторитетъ древнихъ духовныхъ судей былъ непохожъ на власть позднѣйшихъ свѣтскихъ сановниковъ. Въ немъ не было элемента принудительности: судьи выступали въ качествѣ посредниковъ между тяжущимися лицами, или, если имѣли дѣло съ врагомъ общества, ихъ приговоръ являлся только оракуломъ, возвѣщеніемъ воли божества. Кое-что изъ картины древняго суда осталось въ позднѣйшемъ аѣнскомъ уголовномъ процессѣ.

Прежде всего, крайне любопытно, что въ Аѣнахъ убійство судилось въ пяти разныхъ мѣстахъ. Въ центрѣ города, на холмѣ Ареопага, около котораго жили страшныя Эриніи, духи, поднимающіеся изъ пролитой крови, судили убійцъ-злоумышленниковъ. За чертой города въ Палладіи, храмѣ богини Аѣины, судили неумышленныя убійства; въ Дельфиніи, въ храмѣ Аполлона Дельфинійскаго, судили совершившихъ убійство на «законномъ основаніи», т.-е. въ самозащитѣ или при захватѣ злодѣя на мѣстѣ преступленія. Далѣе, на берегу моря у гавани Пирея, въ мѣстѣ, называвшемся Фреатто, собирались судьи, чтобы судить изгнанника, не имѣвшаго права вступить на почву Аттики и отвѣчавшаго имъ съ борта корабля. И, наконецъ, въ Пританей, т.-е. зданіи, гдѣ собирался городской совѣтъ, въ случаѣ неизвѣстности убійцы, собирався курьезный судъ, скорѣе совѣтъ волшебства, который приговаривалъ орудія убійства къ уничтоженію или удаленію изъ страны¹. Изъ этихъ мѣсть, по крайней мѣрѣ, первая три составляли несомнѣнно старинныя храмовыя убѣжища, отмѣченныя какимъ-нибудь религіознымъ событіемъ или присутствіемъ божества. Укрывшись въ часовнѣ или у алтаря, убійца искалъ спасенія отъ угрожав-

шей ему мести родственниковъ и дожидался, пока сойдутся члены религіознаго суда, т.-е. жреческая коллегія, состоявшая при данномъ убѣжищѣ.

Интересны также нѣкоторыя черты судебного процесса Ареопага, открывающія намъ картину производства древняго религіознаго суда. Дѣло начиналось съ того, что надъ обвиняемымъ произошло отлученіе (περόρησις): его выключали отъ храма и рынка. Далѣе происходило символическое и клятвенное состязаніе: убійца становился на «камень обиды», а обвинитель противъ него, на «камень непримиримости»; между ними клали разрѣзанную на-двое жертву. Оба клялись въ истинности своихъ утвержденій, и каждый призывалъ проклятіе на своего противника и на весь его родъ. Позднѣйшій ходъ дѣла въ Ареопагѣ, который былъ преобразованъ въ свѣтскій судъ и выдавалъ осужденнаго «мстителямъ», закрылъ отъ насъ первоначальную практику религіознаго судилища. Вѣроятно, старинные судьи возвѣщали волю бога, утверждали проклятіе въ случаѣ виновности и назначали обряды очищенія, если признавали убійцу невиннымъ.

Древній судъ не зналъ никакихъ матеріальныхъ наказаній. Его карательныя мѣры сводились къ отлученію, изгнанію и проклятію. Судьи-жрецы становились на ту точку зрѣнія, что пролитіе крови—грѣхъ противъ боговъ, и что убійца не можетъ приблизиться къ богамъ, участвовать въ поклоненіи имъ, пока не очистится отъ оскверненія. Они предписывали извѣстныя церемоніи, обряды примиренія съ духомъ убитаго, но, помимо покаянія, они могли также наложить извѣстнаго рода самобичеванія или работы, тяжкія и обидныя, нерѣдко предписать работу на тотъ самый храмъ, гдѣ виновный нашелъ убѣжище. Идея оскверненія пролитой кровью и возможность очиститься лишь путемъ искупленія столь сильна, что по стариннымъ понятіямъ даже боги должны подчиняться общему правилу. Богъ Аполлонъ, убивая чудовище, злого демона Пиѣона, совершаетъ подвигъ, и все же онъ долженъ очиститься, искупить грѣхъ кровопролитія. Въ смыслѣ искупительныхъ актовъ толковали ту унижительную рабскую службу, которую по мѣтамъ несетъ тотъ же Аполлонъ, затѣмъ его товарищъ по винѣ, Посейдонъ, далѣе Гераклъ и т. д. Понятіе это отразилось и въ эпосѣ. Согласно разсказу Эоіопиды, поэмы Арктина, разработавшей мотивы троянской войны, Ахиллъ, убившій Ферсита, бѣжитъ на чужбину не только для того, чтобы укрыться отъ преслѣдованій, но и для того, чтобы совершить очистительныя церемоніи и примирить съ собой боговъ.

У старинныхъ судей не было физическихъ средствъ, чтобы заставить грѣшника каяться и совершать очищенія, исполнять предписан-

ныя службы и работы. Въ случаѣ уклоненія отъ обрядовъ ему грозило отлученіе отъ религіозныхъ актовъ, а дальше, какъ крайняя мѣра,—выключеніе изъ фратріи. Послѣднее уже влекло за собой матеріальныя послѣдствія: отлученный лишался покровительства боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охраны союза, къ которому онъ принадлежалъ; его предоставляли врагамъ, какъ беззащитную жертву. Мы невольно вспоминаемъ, какъ страшно звучитъ въ устахъ Нестора ἀφρήτωρ, отлученный отъ фратріи.

Вторженіе военного права въ жизнь общинъ. Если мы вѣрно нарисовали бытъ старинныхъ маленькихъ теократическихъ общинъ, то можно себѣ представить, какимъ рѣзкимъ нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ и понятій этой тѣсной среды были выѣзды и набѣги дружинъ, предводительствуемыхъ героями. Конечно, уходъ самыхъ сильныхъ и подвижныхъ людей общины уже раньше и задолго подготавливался; уже давно молодежь плохо подчинялась наслѣдственнымъ священнымъ властямъ и собиралась вокругъ своихъ собственныхъ вождей, избранныхъ помимо утвержденія со стороны традиціонныхъ авторитетовъ. Выѣзды дружины часто, вѣроятно, составляли конецъ общины, главные силы которой исчерпывались удаленіемъ молодой вольницы; съ другой стороны, большой успѣхъ новаго вождя могъ привести къ его возврату домой, и тогда онъ предписывалъ условія нѣсколькимъ маленькимъ общинамъ заразъ, т. е. соединялъ подъ своей властью порядочную территорію.

Но могло случиться, что теократическая община находила въ себѣ самой силы для преобразования въ духъ новыхъ военныхъ условій. Она перенимала тогда у беспокойныхъ удалцовъ ихъ военную организацію и выставляла, рядомъ со своими старыми мирными должностями, новыхъ носителей власти военного типа, полемарховъ. Если судить по примѣру Аѳинъ, власть басилея сильно пострадала не только отъ водворенія конкурентной должности полемарха, но и сама по себѣ. Старинный «царь» въ Аѳинахъ былъ наслѣдственнымъ правителемъ изъ рода Пелеедовъ. Легенда говоритъ, что послѣ героической смерти царя Кодра въ столкновеніи съ напавшими на Атику дорянами было рѣшено отнѣмать наслѣдственную власть и замѣнить ее выборной, сначала пожизненной, затѣмъ срочной. Любопытно, что катастрофу царской власти преданіе именно связываетъ съ военнымъ выступленіемъ общины, отмѣчая этимъ главный мотивъ, который повелъ къ ограниченію традиціоннаго авторитета царя. Въ Аѳинахъ пошли еще дальше въ смыслѣ превращенія общины изъ теократической въ свѣтскую. Рядомъ съ двумя должностями, старой, басилея, и новой, полемарха, и до извѣстной степени надъ ними были поставлены главный

или первый начальникъ, по имени котораго потомъ считались годы (ἄρχων ἐπώνυμος). Политическая перемѣна могла принять и другой видъ: судейско-жреческій титулъ басилея могъ перейти на военнаго вождя. Такъ переименованы уже гомеровскіе герои, дѣйствующіе на окраинѣ греческаго міра. Таковы же въ метрополіи басилеи Аргоса и Спарты.

Въ жизнь общинъ глубоко вторгаются права военной среды. Самое замѣтное нововведеніе воителей, это—ихъ уголовное право, выражающееся въ кровной мести и выкупѣ. Прежде въ наукѣ выводили кровную месть изъ какой-то глубины народной патриархальной жизни и связывали съ древнимъ родовымъ бытомъ и съ культомъ умершихъ предковъ. Въ настоящее время подобные взгляды приходится покинуть. Съ одной стороны, родовой бытъ, какъ мы видѣли, вовсе не общенародное явленіе, а специальная форма весьма замкнутой аристократической среды; съ другой—культъ предковъ имѣетъ мало отношенія къ кровомщенію. Илиада ярко иллюстрируетъ происхожденіе мести изъ военного быта: Ахиллъ мститъ за Патрокла не потому, что это его родственникъ, а потому, что убитый—его товарищъ и названный братъ; они единокровны не въ силу условій рожденія, а потому, что запечатали кровное единство совмѣстной борьбой, принадлежностью къ самому тѣсному союзу, который возникаетъ именно у людей военной среды. Выкупъ, матеріальное вознагражденіе близкихъ убитаго или потерпѣвшаго, уже подавно ничего общаго не имѣетъ съ родственными чувствами или съ преклоненіемъ передъ общими предками. Это—коммерческая операція, которая возникаетъ изъ своеобразныхъ условій усобицы; иногда нападающей можетъ очутиться въ невыгодномъ положеніи, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, и тогда близкіе убитаго могутъ впасть въ соблазнъ содрать выгоду съ убійцы, удовлетворить свое корыстолюбіе насчетъ павшей жертвы.

Такъ или иначе воители навязываютъ выработавшіеся среди нихъ формы и порядки всей общинѣ. Они заставляютъ должностныхъ лицъ разбираться въ условіяхъ кровной мести и градаціяхъ выкупа. Благодаря этому, древній религіозный судъ на Ареопагѣ получаетъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ, вопрошанію боговъ и установленію очистительныхъ церемоній, еще дополнительную функцію: онъ санкціонируетъ кровную месть и передаетъ изболченного и схваченнаго убійцу въ руки тѣхъ, кто объявилъ себя мстителеми. Въ то время, какъ старый религіозный судъ отличался мягкостью, бережнымъ отношеніемъ къ жизни человѣка, новый обычай принесъ на Ареопагъ, мѣсто священнаго убѣжища и покаянія, правило войны и усобицы: око за око, зубъ за зубъ.

Къ VII вѣку теократическій строй всюду въ Греціи отънесенъ и забытъ. Тамъ, гдѣ жрецы сохранили свой авторитетъ, благодаря извѣстности святилища, оракула или культа, они вынуждены искать покровительства крупныхъ свѣтскихъ и военныхъ общинъ, становятся въ тѣнь, подчиняются имъ. Въ такое положеніе относительно большой аонической общины сталъ Элевсинъ въ Аттікѣ, знаменитый своими мистеріями въ честь подземныхъ боговъ. То же самое случилось съ Олимпіей, гдѣ установились популярнѣйшія въ Греціи игры; она должна была подчиниться большой общинѣ элейцевъ. Наконецъ, великій Дельфійскій оракулъ и заправлявшая имъ жреческая коллегія, существовали, главнымъ образомъ, поддержкой могущественной Спарты, хотя тутъ и не могло произойти территориальнаго соединенія, благодаря раздѣлявшимъ ихъ географическимъ преградамъ.

Начало колонизаціи. Гомеровскія поэмы рисуютъ быть тѣхъ греческихъ областей, которыя лежали у моря и были захвачены подвижной, безпокойной, воинственной и торговой жизнью. Въ связи съ этимъ изображеніемъ интересно отмѣтить географическій кругозоръ, которымъ располагаетъ Гомеръ: ему хорошо извѣстны всѣ берега Эгейскаго моря, онъ знаетъ проливы, ведущіе въ Черное море, ему знакомы путешествія въ Сидонъ, сношенія съ Кипромъ и Финикіей, наконецъ, извѣстенъ и Египетъ. На первый взглядъ кажется, что у Гомера нѣсколько окутаны сказочнымъ покровомъ берега и острова западной части Средиземнаго моря. Но есть изслѣдователи, находящіе, что подъ видомъ грота нимфы Калипсо, острова богини Кирки и т. д. Гомеръ далъ поразительно вѣрные описанія запада, именно Сициліи, Мальты, Балеаръ и т. д., а, слѣд., представилъ доказательство того, что греки уже посѣщали въ его время эти мѣстности². Есть даже основанія думать, что упомянутая въ каталогѣ кораблей Иліады Алиба, страна Гализоновъ, т.-е. описанныхъ моремъ, гдѣ «родится серебро»³, есть Испанія. Такимъ образомъ, гомеровскія поэмы уже намѣчаютъ тотъ обширный кругъ, который захватила колонизація грековъ. Предпріятія гомеровскихъ витязей и составляютъ первые ея шаги. Преданія не даромъ называютъ основателями колоній нѣсколькихъ героевъ троянской войны. По сказанію выходитъ, что витязь, возвращаясь, послѣ долговременной осады Трои, домой, не былъ принятъ своими единоплеменниками, вслѣдствіе чего и отправился съ дружиной отыскивать себѣ новую родину. Сказаніе, можетъ быть, и перестанавливаетъ, и удваиваетъ моменты и мотивы дѣла. Не потому уѣхалъ витязь, что его не приняли дома при возвратѣ, а съ самаго начала онъ долженъ былъ оторваться, пойти въ эмиграцію, потому что ему не было мѣста на родинѣ. Не два раза онъ выѣзжалъ изъ дому, а лишь одинъ разъ и притомъ съ той

цѣлью, которая связана, по сказанію, съ его вторымъ невольнымъ выѣздомъ.

Первоначальные мотивы эмиграціи, ухода въ колоніи, были тѣ же, что во всѣхъ странахъ и во всѣ другія времена. Они уже обрисовались передъ нами въ фигурахъ дѣятелей героическаго вѣка: недовольство стѣснительными порядками домашней среды, пробужденіе жадности къ новымъ богатствамъ, исканіе новыхъ путей жизни, усиленіе личной предпримчивости, увѣренность безпокойной молодежи въ томъ, что она сама лучше устроится на новомъ мѣстѣ. Извѣстную роль должны были сыграть племенные передвиженія, происходившія въ европейской Греціи. Преданія разсказываютъ о появленіи суровыхъ сѣверныхъ племенъ, оессалійцевъ, которые вторглись изъ Эпира въ большую сѣверо-восточную равнину Греціи, отъ нихъ получившую названіе Оессаліи, и дорянъ, которые прошли изъ Средней Греціи въ Пелопоннесъ. Тѣ и другіе вселюхнули мѣстное населеніе и заставили его сдвинуться. Оессалійцы потѣснили эолянъ, и тѣ потянулись сѣвернымъ краемъ Эгейскаго моря къ Лесбосу и Троадѣ. Доряне обрушились на іонійцевъ и лишь небольшая часть іонійскаго племени удержалась въ Аттікѣ; остальная масса передвинулась на острова Эвбею, Киклады, Хиосъ, Самось и заняла середину западнаго берега Малой Азіи, которая и получила названіе собственно Іоніи. Эпосъ въ лицѣ мореходныхъ феаковъ изображаетъ намъ колонистовъ, ушедшихъ въ чужой край отъ преслѣдованія сильныхъ воинственныхъ, соседей: феаки, вынужденные бросить свою «просторную» родину, выбираютъ, ради безопасности, островъ, удаленный отъ другихъ поселеній. Гомеръ даетъ нѣсколько реальныхъ подробностей къ основанію колоній: вождь феаковъ строитъ укрѣпленный городъ, возводитъ храмы и распредѣляетъ землю между поселенцами⁴. Сами доряне, вытѣсненные и покорившіе болѣе старинныя греческія племена, двинулись позднѣе за море въ томъ же восточномъ направленіи, которое избрали эолійскіе и іонійскіе колонисты. Дорійскіе переселенцы заняли южную окраину Эгейскаго моря, о. Киперу, Мелосъ, берега Крита, Родосъ и вытянувшіяся впереди юго-западныхъ части малоазійскаго берега, такъ назыв. Карію.

Это были только первые шаги разсѣянія народа греческаго. Изъ круга Эгейскаго моря распространеніе греческихъ поселенцевъ пошло далеко по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта. Къ тѣмъ переселеніямъ, которыя собственно считаются основаніемъ колоній, необходимо еще присоединить массовый уходъ грековъ въ качествѣ наемниковъ на службу крупныхъ восточныхъ государствъ, Ассиріи, Вавилона, Египта. Мотивы для ухода этихъ людей были тѣ же самые, что и у колонистовъ въ

собственнымъ смыслѣ. Воители продолжали подѣ чужими знаменами свое привычное ремесло. Ихъ вознагражденіе получалось изъ военной добычи, которая и составляла цѣль ихъ выѣзда. Они обыкновенно не возвращались домой, а оставались на мѣстѣ своей службы, часто получали военные надѣлы и поселялись въ качествѣ ленниковъ въ отведенныхъ имъ территорияхъ.

Различіе между наемниками и собственно колонистами состояло не въ томъ, что они руководились разными мотивами при уходѣ, а въ томъ, что переселявшіяся дружины встрѣчали на новыхъ мѣстахъ неодинаковыя условія. Тамъ, гдѣ воители высаживались въ предѣлахъ большого организованнаго государства, они могли только произвести временный разгромъ, но не въ силахъ были удержать за собою занятую территорию; тамъ между правительствомъ державы, на которую напали греки, и пришельцами устанавливалось соглашеніе, какъ потомъ между римской имперіей и германскими ордами; опаснымъ иноплеменникамъ давали порученіе защищать границу и брали ихъ на свое содержаніе. Иначе въ тѣхъ краяхъ, гдѣ греческіе переселенцы не встрѣчали сопротивления, въ областяхъ, заселенныхъ полудикими племенами, какъ это было, напр., у Чернаго моря или въ Сициліи, или на почвѣ слабыхъ кантоновъ, управляемыхъ теократіями, какъ это было въ Малой Азіи. Здѣсь возникали именно тѣ поселенія, которыя мы привыкли называть греческими колоніями. Они нигдѣ не заходили глубоко въ материковыя части. По мѣткому выраженію Цицерона, «греческій берегъ составлялъ точно кайму, припущенную къ обширной ткани варварскихъ полей»⁵.

Планомѣрная колонизація. Переселенцы типа гомеровскихъ витязей, дружины, поступавшія въ наемную службу, а также вытѣсненные съ родины эоляне и іонійцы, болѣе или менѣе рѣзко порывали связи съ метрополіей. Иной оборотъ принимало дѣло, если племя или община, выпустившая колонистовъ, сохраняла силу и авторитетъ; тогда отправляя изъ своей среды смѣлыхъ искателей, вся община постепенно втягивалась въ далекія предпріятія. Составлялся цѣлый планъ дѣйствій; метрополія снаряжала флотъ, назначала руководителя экспедиціи, погречески ойкста, которому и поручала устройство колоніи на мѣстѣ.

Мы не знаемъ тѣхъ формъ, въ которыя такая организованная систематическая колонизація облекалась въ старину, но у насъ есть крайне любопытное указаніе Фукидида относительно того, какъ колонизовали въ V вѣкѣ. Во время столкновенія между Коринѳомъ и Коркирой изъ-за Эпидамна въ 435 г. коринѳяне рѣшили поддержать тѣснимый Коркирой Эпидамнъ новой колоніей. «Они объявили призывъ къ выселенію на равныхъ и общихъ началахъ для всѣхъ колонистовъ; для тѣхъ,

кто въ данный моментъ не предполагаетъ отправиться съ экспедиціей, но желаетъ принять участіе въ устройствѣ колоніи, открыли возможность денежнаго взноса въ размѣрѣ 50 коринѳскихъ драхмъ. Оказалось очень много желающихъ какъ войти въ составъ экспедиціи и флота, такъ и содѣйствовать новой колоніи взносомъ денегъ»⁶. По всей вѣроятности, коринѳяне примѣнили способъ, который уже давно практиковался. Община вызываетъ добровольцевъ и приглашаетъ остающихся гражданъ помочь снаряженію колонистовъ своими денежными средствами. Можно представить себѣ, что и въ старину колонизаціонныя предпріятія организовывались приблизительно въ такомъ же видѣ.

Нѣкоторые города и порты, особенно удобные для отплытія, могли служить сборными пунктами для колонизаціонныхъ дружинъ и отрядовъ, сходящихся изъ различныхъ концовъ и областей Греціи. Такую роль центральной сборной станицы игралъ, кажется, Милетъ. Иначе нельзя себѣ объяснить извѣстіе о томъ, что Милетомъ основано до 80 колоній на берегахъ Понта, или Чернаго моря. Одинъ городъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не могъ самъ по себѣ основать столько колоній; явно, что Милетъ служилъ лишь посредникомъ между метрополіями, лежавшими въ разныхъ мѣстахъ, и тѣми колоніями, которыя онъ себѣ намѣтилъ. Конечно, не случайно Милетъ занялъ такое мѣсто въ колонизаціи Черноморья: послѣ того, какъ онъ выслалъ нѣсколько удачныхъ экспедицій, за нимъ утвердилась выгодная репутація умѣлаго правителя; въ его портъ стали собираться чужіе переселенцы, жаждавшіе стать подѣ руководство опытныхъ колонизаторовъ, получить отсюда ойкста. Всякая новая экспедиція, хотя бы и посторонняго Милету состава, нашедшая у него приютъ, стоянку, руководящія указанія и содѣйствіе, уже выступала подѣ его именемъ. Вѣроятно, такимъ же образомъ надо объяснить традицію о массовомъ основаніи колоній Мегарой, Коринѳомъ, Халкидой, Фокеей; всѣ эти города были, главнымъ образомъ, отправными пунктами, сборными станицами для эмиграціонныхъ волнъ, которыя шли изъ разныхъ концовъ Греціи.

Внѣшнія очертанія колонизаціи. Трудно опредѣлить то время, когда образовались самыя старинныя колоніи, эолійскія, іонійскія и дорійскія, на островахъ Эгейскаго моря и на западномъ берегу Малой Азіи. Можно только сказать, что въ VIII вѣкѣ эти колоніи настолько утвердились, что сами являются исходными пунктами новыхъ переселеній. Впрочемъ, среди нихъ эоляне сѣверо-восточной части Эгейскаго моря почти не принимаютъ участія въ дальнѣйшей колонизаціи; ихъ поселенія земледѣльческія, не торгово-индустриальныя; они не образовали значительныхъ городовъ.

Главной колонизаторской расой выступаютъ іонійцы. У нихъ впер-

вые появились настоящие городские центры, Фокея, Смирна, Милетъ, Эфесъ, Хиосъ, Самосъ. Они съ энергіей направляются на сѣверъ, къ берегамъ Эракіи (одна изъ важнѣйшихъ колоній здѣсь—богатый золотомъ о. Эасосъ), въ проливы, ведущіе къ Черному морю, и въ самый Понтъ. На черноморскомъ побережьи іонійскими колоніями были Синопъ и Трапезунтъ въ Малой Азіи, Пантикапеонъ въ Крыму и Ольвія около устья Днѣпра; на путяхъ къ Черному морю они основали Абидосъ и Лампсакъ у Геллеспонта, Перисеъ и Кизикъ у Пропонтиды (Мраморное море). Но дорійцы предупредили ихъ у Босфора, т.-е. на второмъ этапѣ, ведущемъ къ Черному морю; дорійская Мегара основала по одну сторону пролива Византию (основаніе ея считается въ 660 г.), по другую—Калхедонъ. Очень важно движеніе іонійцевъ въ противоположную сторону, къ югу, поперекъ Левантійской части Средиземнаго моря, къ берегамъ Египта. Въ большомъ количествѣ направлялись сюда греческіе воители; ихъ наемные отряды составили главную опору династіи Псамметиха, свергнувшей въ серединѣ VII вѣка господство ассирійцевъ. Въ Нильской дельтѣ основано было нѣсколько торговыхъ поселеній, изъ нихъ самый крупный городъ, заложенный милетцами,—Навкратисъ. И здѣсь на берегу чернаго материка доряне не отставали отъ іонійцевъ. На Ливійскомъ побережьи, въ нывѣншей Баркѣ, они основали Кирену (около 630 г.).

Рѣшительное преобладаніе получили доряне надъ іонійцами на западѣ. Впереди всѣхъ идетъ дорійскій Коринѣ. Пользуясь выѣздомъ черезъ глубокий заливъ, заходящій съ запада между Средней Греціей и Пелопоннесомъ, коринѣяне заняли рядъ пунктовъ въ Акарнаніи, среди нихъ Амбракію, затѣмъ колонизовали на пути къ Италіи большой островъ Коркиру. Такимъ образомъ, намѣтились этапы для переѣзда въ Италію и Сицилію. Здѣсь появились и іонійцы: они заняли Киме (близъ позднѣйшаго Неаполя), два пункта по обѣ стороны Мессинскаго пролива, Занкле (позднѣйшую Мессину) и Регій, а затѣмъ на Сициліи Наксосъ, Катану, Леонтины. Но большая часть сицилійскихъ и южно-италійскихъ колоній была основана дорьянами, выходцами изъ Пелопоннеса: въ Италіи Кротонъ, Сибарисъ и Тарентъ (основаны спартацами), въ Сициліи Сиракузы (основаны Коринѣомъ), Гела, Камарина, Акрагантъ, Селлунтъ.

Раздѣленіе греческаго міра между двумя главными, наиболѣе дѣятельными группами, іонійской и дорійской, очень замѣтно и сильно чувствуется за всю классическую эпоху Греціи. У каждой изъ двухъ расъ есть свои религіозныя традиціи, свои святыни, свои собственные внутреннія связи и взаимныя сношенія. Святилище Аполлона на о. Делосѣ высоко почитается всѣми іонійцами. Коринѣ всегда, за всю

республиканскую эпоху Греціи, готовъ помочь своей колоніи, Сиракузамъ, и капиталами, и военными средствами, и политическимъ совѣтомъ.

Но племенной раздѣлъ далеко не создаетъ безусловной противоположности. Іонійскій Самосъ сближается съ дорійскимъ Коринѣомъ, который въ свою очередь враждуетъ съ сосѣдней дорійской Мегарой; двѣ сосѣднія іонійскія общины Эвбеи, Халкида и Эретрія, ведутъ между собою почти непрерывныя войны. И т. д. Было бы совершенно неправильно видѣть въ іонійцахъ и дорьянахъ два особыхъ культурно-политическихъ типа и характера. То, что говорили часто о подвижности и демократичности іонійцевъ, о консерватизмѣ и склонности къ аристократіи дорянъ, составляетъ собственно повтореніе въ болѣе отвлеченной формѣ характеристики Аѣны и Спарты; необходимо, однако, замѣтить, что дорійскія Сиракузы были въ смыслѣ возбудимости народа, склонности къ демократическому строю, развитія политическаго краснорѣчія, очень похожи на іонійскія Аѣны и совсѣмъ не похожи на дорійскую Спарту. Опредѣленіе іонійцевъ, какъ племени невоинственнаго, склоннаго къ изгнѣженной жизни, не подходитъ вовсе къ аѣнцамъ; оно основано на замѣчаніяхъ Геродота и Фукидида относительно восточныхъ азіатскихъ іонійцевъ, жителей собственной Іоніи. Надо имѣть въ виду, однако, что ту же оцѣнку придется сдѣлать малоазійскимъ дорьянамъ; передъ нами фактъ не расоваго, а историческаго вліянія. Вообще малоазійскіе греки, близко стоявшіе къ культурнымъ народностямъ лидійцевъ и финикійцевъ, рано потерявшие политическую самостоятельность и подчинившіеся большимъ восточнымъ державамъ, скорѣе другихъ единоплеменниковъ своихъ утратили національный обликъ.

Періоды греческой колонизаціи. Разселеніе грековъ въ колоніяхъ и военно-служебныхъ постахъ представляетъ по своимъ размѣрамъ и характеру нѣчто единственное въ исторіи. Едва ли гдѣ-либо географическій районъ разсѣянія колонистовъ въ такой мѣрѣ превосходилъ ограниченный кругъ метрополи. При этомъ нужно замѣтить, что выселеніе грековъ вовсе не было порывомъ одного крупнаго историческаго момента. Оно длилось безостановочно цѣлые вѣка; европейская Греція и обращенная къ ней лицомъ малоазійская Греція выслали все новыя и новыя поколѣнія добровольныхъ и вынужденныхъ эмигрантовъ. Можно было бы сказать, что колонизація въ широкомъ смыслѣ этого слова составляетъ главный и почти непрерывный фактъ греческой исторіи. Точнѣе говоря, колониальное разсѣяніе Греціи раздѣляется на два большіе періода крупной остановкой, которая приходится на время приблизительно отъ середины VI вѣка до середины IV вѣка.

Собственно греческой колонизаціей мы привыкли обозначать только

первый из этих периодов, если можно так определить, отъ гомеровскаго Агамемнона до афинскаго Писистрата. Это движеніе, приблизительно 3 или 4 вѣковъ, остановлено было одновременно на западѣ и на востокѣ. Въ западныхъ водахъ распространенію греческихъ колонистовъ положила предѣлъ коалиція двухъ морскихъ державъ, этрусковъ въ сѣверо-западной Италіи и карагенянъ, колонизовавшихъ въ свою очередь изъ Африки Сицилію, Сардинію и берега западной части Средиземнаго моря. Въ большой морской битвѣ близъ береговъ Сардиніи (534 г.) греческій флотъ былъ разбитъ соединенными силами этрусковъ и карагенянъ. На крайнемъ западѣ сохранилась только одна изолированная греческая колонія Массалія (нынѣшняя Марсель). Около того же времени сложилась большая персидская держава, которая напятилась съ плоскогорій Ирана и Арменіи на плодородныя равнины Евфрата и Нила, а также подошла вплотную къ берегамъ Средиземнаго моря. Уже тѣмъ, что персы уничтожили самостоятельность Вавилона, Египта и Лидіи, сильно сократился притокъ греческихъ наемниковъ въ восточныя страны; осталось служить только у самого великаго царя. Съ другой стороны, персы подчинили себѣ всѣ греческія колоніи, лежавшія на западномъ и на сѣверномъ берегахъ Малой Азіи. Такимъ образомъ, раздвинувшіяся за три вѣка греческій міръ былъ сильно сдвленъ. Въ результатѣ усилились общины европейской Греціи, и послѣ успешной обороны противъ персидскаго нашествія сложилась крупная афинская держава, которая выставила впервые яркое націоналистическое знамя.

Въ IV вѣкѣ, когда персидская держава стала расшатываться, воинственная греческая эмиграція снова двинулась на востокъ. Въ походахъ Александра Македонскаго и діадховъ снова нашли примѣненіе безпокойныя дружины, которымъ не было мѣста дома. Начался второй періодъ греческой колонизаціи, который мы называемъ эпохой эллинизма. Въ одномъ отношеніи повторились явленія первой колонизаціи: греческія поселенія за предѣлами метрополиі во много разъ превзошли численностью народа и богатствомъ маленькій кругъ своей старой родины.

Соціальныя черты колонизаціи. Греческая колонизація является вѣрнымъ воспроизведеніемъ быта и дѣятельности грековъ на родинѣ. Та же способность легко сниматься съ мѣста и передвигаться со всѣмъ своимъ имуществомъ; то же чувство независимости въ маленькихъ общинахъ и группахъ, та же самостоятельность инициативы въ предпріятіяхъ каждаго отдѣльнаго колонизирующаго племени или города. Въ колонизаціи VIII и VII вѣковъ до Р. X. не было ни одной крупной экспедиціи, которая бы составила изъ союза многихъ общинъ, не

было ничего похожаго хотя бы на крестовые походы европейцевъ XII вѣка послѣ Р. X. Кантональная жизнь европейской Греціи отложилась всѣми своими характерными чертами, всѣми своими достоинствами и недостатками въ колоніальномъ разсѣяніи грековъ; на окраинахъ они не собирались въ болѣе тѣсные и крупные союзы; между сосѣдями поднимались тѣ же характерныя усобицы и соперничества, которыя составляли хроническую болѣзнь метрополиі. Примѣромъ можетъ служить ожесточенная борьба Кротона и Сибариса въ южной Италіи, которая окончилась полнымъ разгромомъ Сибариса, а также непрерывныя столкновения Леонтинъ и Сиракузь въ Сициліи, въ результатѣ которыхъ Сиракузы поглотили въ буквальномъ смыслѣ общину Леонтинъ.

Не будь колонизаціи, Греція не имѣла бы исторіи. Переселенія дали случай грекамъ войти въ сношенія съ другими народами и узнать элементы чужой культуры; первые шаги греческой науки стоятъ явно подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Вавилона и Египта. Столкновеніе со старыми развитыми культурами подстрекуло къ дѣятельности мѣстныя силы: то, что составляетъ оригинальное произведеніе грековъ, политическія формы демократіи, театр, пластическое искусство, расцвѣло только благодаря соперничеству съ чужимъ и наносимъ. Наконецъ, самый общій результатъ: та среда, которую мы въ правѣ назвать греческимъ обществомъ, сложилась лишь въ ходѣ разсѣянія народа и благодаря этому разсѣянію.

Колонизація проходитъ различныя соціальныя ступени и сама представляетъ крупный соціальный переворотъ. Судя по Гомеру, первыми переселенцами были витязи и ихъ дружины. Позднѣе колонизація ведется купцами и промышленниками, въ дѣло вступаютъ новые классы населенія, приобретающіе вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе силы. Но эта перемѣна произошла не сразу. Судьбы рыцарскихъ отрядовъ были различны. Главная ихъ масса, вѣроятно, не останавливалась на мѣстѣ высадки, а отправлялась дальше въ качествѣ наемниковъ. Часть воителей садилась въ новыхъ поселеніяхъ на берегу или вблизи него; ихъ колоніи были преимущественно земледѣльческія; таковы были эолійскія поселенія на с.-з. берегу Малой Азіи и большая часть сицилійскихъ колоній, гдѣ встрѣчается своеобразный терминъ для обозначенія господствующаго класса—*γαμῆροι*, т.-е. владѣтели земельныхъ участковъ. Въ Сициліи это названіе, повидимому, относится не къ мелкимъ владѣльцамъ крестьянскаго типа, каковы въ Атикѣ геоморы, а къ помѣщикамъ, такъ какъ въ соціальныхъ волненіяхъ эпохи Пелопоннесской войны сельская бѣдность требуетъ раздѣла земель гаморовъ. Очень правдоподобно, что они примѣняли въ своихъ помѣстьяхъ раб-

скій или крѣпостной трудъ; матеріаломъ невольничества служили имъ военнопленные, захваченные при первомъ завоеваніи; этотъ составъ пополнялся потомъ разбойничьими набѣгами колонистовъ на туземныя села. Былъ еще третій отбѣнокъ въ колонизаціи витязей, который отмѣченъ хорошо у Гомера: это были умѣлые собиратели военной добычи, ловко пускавшіе ее въ обмѣнъ и постепенно обращавшіе торговлю въ свой постоянный промыселъ. Мы видимъ потомъ во главѣ нѣкоторыхъ торговыхъ общинъ аристократическіе роды; таковы были, напр., Бакхиады въ Коринѣ, свергнутые вполнѣдствіи тираннами, которые опирались на вновь поднявшіеся классы. Это старинное купечество, вѣроятно, вело свое происхожденіе отъ героевъ гомеровскаго типа.

Изобрѣтенія въ области индустріи и торговли. Политическое раздробленіе нигдѣ и никогда не мѣшало развитію широкой и энергичной торговли. Скоро греческіе поселенцы, особенно мѣстностей отдаленныхъ, нашли выгоду въ доставкѣ метрополи пехватавшаго ей сырья: стали подвозить хлѣбъ изъ Черноморья, южной Италіи и Сициліи, лѣсъ и металлы изъ Фракіи, рыбу, кожи, скотъ опять изъ Черноморья. Въ свою очередь европейскіе греки начали вывозить въ чужія страны продукты своей работы, оливковое масло, вино, ткани, посуду, оружіе. Перевозъ въ разныхъ направленіяхъ товаровъ, сырыхъ и обработанныхъ, становится крупнымъ источникомъ пропитанія для цѣлыхъ общинъ. Эгина, небольшой скалистый островъ съ почвой скудной и неблагодарной, сдѣлалась въ эту эпоху одной изъ самыхъ сильныхъ мореходныхъ общинъ Греціи; ея значеніе выросло исключительно на торговлѣ, и притомъ, такъ какъ община не могла сама много вывозить и много потреблять, на торговлѣ транзитной, доставлявшей продукты вѣхъ средиземноморскихъ странъ въ разные концы греческаго міра.

Привозъ колоніальныхъ продуктовъ повелъ къ усиленной дѣятельности мѣстныхъ демиурговъ. Напряженность въ работѣ индустріи видна изъ факта техническихъ изобрѣтеній, приходящихся на VII—VI вв. до Р. X. Особенно значителенъ прогрессъ въ металлическомъ дѣлѣ, въ литейномъ производствѣ. Въ гомеровское время оружейникъ дѣлалъ щитъ или панцырь изъ отдѣльныхъ пластинокъ, которыя скрѣплялъ крючками и гвоздями; въ такомъ видѣ, напр., описана работа бога Гефеста надъ оружіемъ Ахилла. Въ интересующую насъ эпоху была изобрѣтена спайка металлическихъ полосъ: характерно, что изобрѣтатели способа литья и паянья были уроженцами передовыхъ общинъ на малоазійскихъ островахъ Хиосъ и Самосъ. Большіе успѣхи сдѣлала также фабрикація глиняной посуды. На ряду съ чисто-ремесленными грубыми издѣліями, идущими на внутренній рынокъ, появляется артистическая работа, художественно формированные и раскрашенные со-

суды, которые становятся предметомъ обширнаго вывоза. Образуются оживленные центры художественно-промышленной фабрикаціи посуды; сначала главный пунктъ ея—Коринѣ, потомъ, особенно съ VI в.—Аѳины. Здѣсь вырабатывается знаменитый способъ наведенія черныхъ фигуръ на блестящій красноватый фонъ, искусственно достигаемый путемъ примѣшиванія желѣзной окиси. Для этой отрасли промышленности характерно то, что сохранились имена замѣчательныхъ мастеровъ-изобрѣтателей и художниковъ-предпринимателей.

Очень важная перемена намѣтилась также въ технику торговли. Здѣсь появилось своего рода изобрѣтеніе—металлическая монета. Гомеровское общество пользовалось разнообразными способами для опредѣленія цѣны и для расчета; большую роль при этомъ играли металлы, но въ основѣ примѣненія ихъ не было самаго главнаго, что создаетъ металлическія деньги, именно, системы вѣса. Въ эпоху колонизаціи греки въ этомъ отношеніи воспользовались давнишнимъ изобрѣтеніемъ старокультурныхъ восточныхъ странъ ⁷.

У египтянъ употреблялись мѣдные деньги, которыя ходили между прочимъ въ видѣ колецъ; онѣ не были монетой въ собственномъ смыслѣ, и хотя кусочкамъ придавали опредѣленный вѣсъ, но при обмѣнѣ приходилось все-таки, ради осторожности, производить особое взвѣшиваніе. У вавилонянъ и ассиріянъ, примѣнявшихъ золото и серебро, денежный счетъ примыкалъ также къ градаціи вѣсовыхъ единицъ, при чемъ послѣдняя, въ свою очередь, входила въ составъ необыкновенно стройной общей системы мѣръ. Дѣло въ томъ, что вавилоняне примѣняли для счета времени измѣреніе водяныхъ массъ, вытекающихъ медленно изъ сосудовъ опредѣленной величины. Они замѣтили, что мѣркой съ одинаковой точностью можетъ служить высота водяного столба въ сосудѣ такъ же, какъ его объемъ, или вѣсъ той же массы воды. Отсюда у нихъ идея привести въ соотвѣтствіе мѣры длины, мѣры тяжести для взвѣшиванія твердыхъ тѣлъ и мѣры вмѣстимости для счета тѣлъ сыпучихъ и жидкихъ. Къ этой ученой системѣ, близко напоминающей современную европейскую метрическую, приспособлены были деньги, положенныя опять-таки на очень удобную арифметическую основу, въ которой соединялись десятичный и двѣнадцатичный счетъ. Высшая единица (киккаръ=30 килограммамъ, или 1 пуду 25 фунтамъ) дѣлилась на 60 минъ, мина, въ свою очередь, дѣлилась на 60 шекелей. Всѣ эти названія означаютъ собственно вѣсы или вѣсовые тяжести; цѣны опредѣлялись вѣсовымъ содержаніемъ золотыхъ и серебряныхъ плитокъ, ходившихъ въ обмѣнъ. Вавилоняне установили точное сношеніе между цѣной золота и серебра (40:3), которое усвоено было потомъ въ другихъ странахъ и долго держалось въ куль-

турномъ мірѣ. Но до чекана монеты все-таки у нихъ не дошло; точно такъ же и финикійяне до весьма поздняго времени обходились безъ чеканной монеты съ принудительнымъ курсомъ.

Не трудно понять, почему большія культурныя восточныя государства могли долго торговать безъ монеты. Имъ важнѣе было выработать обширную кредитную систему, которая могла бы регулировать сдѣлки въ предѣлахъ крупныхъ территорий; лишь при окончательныхъ сравнительно рѣдкихъ расчетахъ выступали металлическія деньги въ видѣ вѣсовыхъ группъ. Другое положеніе получалось тамъ, гдѣ товаръ въ короткій срокъ переходилъ нѣсколько политическихъ границъ, гдѣ стояли рядомъ независимые другъ отъ друга и равносильные конкуренты, и гдѣ велѣдствіе этого были необходимы немедленные и дробные расчеты. При такихъ условіяхъ каждая изъ торговыхъ силъ стремилась къ тому, чтобы имѣть собственный расчетный знакъ и въ то же время сообразовать его съ господствующими вокругъ системами.

Сколько можно судить, впервые монета появилась именно среди небольшихъ дробныхъ территорий Малой Азии. По соседству съ іонійскими колоніями грековъ на востокъ отъ нихъ лежало Лидійское государство. Страна эта занимала чрезвычайно выгодное торговое положеніе; долины ея рѣкъ представляютъ выходы къ Эгейскому морю, а съ другой стороны, отъ нихъ направляются пути въ глубину полуострова и дальше къ странамъ Передней Азии, лежащимъ восточнѣе. Лидійцы стали естественными посредниками въ весьма широкомъ обмѣнѣ между странами Эгейскаго моря, Малой Азии, Сиріи, Месопотаміи; къ транзиту они присоединили сбытъ продуктовъ своей собственной индустріи производства и окраски тонкихъ тканей, металлургіи и др. Геродотъ отмѣчаетъ одну характерную черту въ быту лидійцевъ; онъ указываетъ на то, что они первые занялись мелкой розничной торговлей, *πρώτοι κάπηλοι ἐγένοντο*⁸. Это обстоятельство онъ и ставитъ въ связь съ возникновеніемъ у нихъ чекана монеты. У лидійцевъ имѣлось еще выгодное условіе для выработки этого необходимаго средства постоянного и очень детальнаго обмѣна: въ ихъ странѣ были обильныя залежи блага золота, или электра, т.-е. натуральной смѣси золота и серебра. Изъ этого матеріала и чеканились лидійскія монеты, начиная приблизительно съ половины VII вѣка. Векорѣ потомъ чеканъ монеты начался въ соседнихъ съ Лидіей малоазійскихъ греческихъ общинахъ, въ Милетѣ и на о. Самосѣ, затѣмъ въ Фокеѣ, Митилеѣ, Кизикѣ; немного позднѣе въ городахъ европейской Греціи, въ Эгиптѣ, Халкидѣ на Эвбей, Коринѣ и Аѳинахъ.

Греки сразу воспользовались результатами длиннаго и сложнаго развитія въ вѣсовой и денежной системѣ, не проходя промежуточныхъ

ступеней. Очень вѣроятно, что однимъ изъ важныхъ посредниковъ въ данномъ случаѣ послужила Лидія. Но были, кажется, болѣе раннія и болѣе прямыя связи съ Евфратской равниной. Такъ можно думать потому, что принятые греками вѣсовые и денежные единицы воспроизводятъ вавилонскія дѣленія и даже частью восточныя названія мѣръ. Кромѣ того—что, можетъ быть, еще важнѣе—Греція заимствовала примѣнявшуюся вавилонянами метрическую систему. Только высшая денежная мѣра обозначалась стариннымъ греческимъ названіемъ вѣсовой массы, талантомъ; его шестидесятая доля называлась семитическимъ словомъ «мина» (*μῶν*=часть). Въ дальнѣйшемъ дѣленіи десятичный счетъ соединялся съ двѣнадцатичнымъ, какъ у вавилонянъ: мина дѣлилась на 50 статеровъ по 12 оболонъ, или на 100 драхмъ по 6 оболонъ. Статеръ—переводъ семитическаго слова шекель, значить вѣсы. Что касается мелкихъ единицъ, драхмы и обона, они, можетъ быть, имѣли отношеніе къ вѣсовой системѣ желѣза, введенной въ серединѣ VIII вѣка Фидономъ, басилеемъ Аргоса. Оболь, вѣроятно, произошелъ отъ *ὀβελός* (гвоздь, кончикъ коня). Изъ оболонъ или оболесковъ, желѣзныхъ прутиковъ, состоялъ вкладъ, сдѣланный Фидономъ въ храмѣ Геры въ Аргосѣ и показывавшійся еще во времена Аристотеля⁹. Можно предположить, что позднѣйшій серебряный оболь соответствовалъ по цѣнѣ желѣзному прутику того же наименованія, а драхма, равная шести оболонъ, получила изъ связки прутиковъ, которую можно было удержать въ рукѣ (драхма значить полная горсть). Тому же Фидону приписывали введеніе мѣръ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, по-гречески метретовъ и мединновъ.

Судя по даннымъ легенды, этотъ Фидонъ вообще пользовался большимъ вліяніемъ въ Греціи и располагалъ порядочными силами. Въ 748 году до Р. X. онъ отнялъ у элейцевъ руководство олимпійскими играми, и по его имени считается 8-я олимпиада. Можетъ быть, онъ господствовалъ надъ болышею частью Пелопоннеса. Во всякомъ случаѣ, въ рукахъ Фидона были морскіе пути южной части Эгейскаго моря, чрезъ которые онъ могъ поддерживать прямыя связи съ берегами Леванта.

Возникновеніе городовъ. Успѣхи торговыхъ поѣздокъ, открытіе новыхъ отдаленныхъ рынковъ, основаніе колоній въ разныхъ концахъ средиземноморскаго міра сильно подняли значеніе мореходныхъ компаній, *πρηκτῆρες ναῦται*, какъ ихъ называетъ Гомеръ. Среди странствующихъ купцовъ прежде большое мѣсто занимали финикійяне; теперь, въ эпоху колонизаціи, ихъ совершенно вытѣснили греческіе предприниматели. вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтенія въ индустріи и возможность сбыта ремесленныхъ произведеній въ дальніе края выдвинули произ-

водителей, демиурговъ. Правда, по словамъ Геродота, въ Греціи вообще невысоко ставятъ людей, обученныхъ ремесламъ (τέχνες), но все же въ промышленномъ Коринѣ званіе мастера стало пользоваться известнымъ уваженіемъ¹⁰. Какъ скоро ремесло начало работать на вывозъ, поселенія кустарей разрослись и составили цѣлыя слободы. Въ Афинахъ предмете горшечниковъ, изготовителей художественно расписанныхъ вазъ, Керамикъ, образовало большой оживленный кварталъ. Кушцы-мореходы привозятъ на родину большіе барыши, выстраиваютъ себѣ хорошіе дома. Высшіе слои промышленнаго общества составляютъ, наподобіе дружинъ, союзы и товарищества (ἐταίρησι). Какъ видно изъ законодательства города Гортина на о. Критѣ, у этихъ новыхъ гетерій есть свои судьи, независимо отъ общегородскихъ¹¹. Члены такихъ союзовъ, судя по такѣ штрафовъ, взимавшихся за нанесенныя имъ обиды, занимали привилегированное положеніе въ городѣ, цѣнились значительно выше той части гражданства, которая въ гетеріяхъ не состояла.

Изъ отдаленныхъ краевъ начинаютъ доставлять новый товаръ, невольниковъ. По греческой традиціи, привозные рабы впервые появились въ торговой общинѣ о. Хиоса. Гомеровскіе δμῶες большею частью военнопленные греки; они составляютъ домашнюю челядь или военную прислугу, сидятъ на хуторахъ, приставлены къ скотоводству. Новый составъ привозныхъ рабовъ идетъ, главнымъ образомъ, въ мастерскія; это—*χειροτέχναι*, индустриальные рабочіе. Примѣненіе ихъ привело къ существенной перемѣнѣ въ производствѣ; въ известныхъ отрасляхъ предпріятія приняли фабричный характеръ на манеръ старыхъ европейскихъ мануфактуръ.

Исходныя мѣста колонизаціонныхъ выѣздовъ, пункты, куда привозятся товары, и слободы, въ которыхъ работаютъ демиурги, образуютъ большіе поселки, города въ собственномъ смыслѣ. Таковы Милетъ, Эгина, Халкида, Мегара, Коринѣ. Въ гомеровскую эпоху не было иныхъ городовъ, кромѣ укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ жила ба-силей со своей свитой, и около которыхъ ютились въ деревняхъ зависимые люди. Съ развитіемъ морскихъ предпріятій такіе укрѣпленные городки, какъ Микены, расположенные неудобно для выѣзда и для торгова, теряютъ свое значеніе и пустѣютъ. Преуспѣвающіе города, въ родѣ Коринѣ, разрастаются около старой крѣпости, окружаютъ себя новой широкой стѣной; прежній замокъ становится кремлемъ, цитаделью при городѣ (также въ Афинахъ акрополь, въ Фивахъ—Кадмея).

Союзы торговыхъ общинъ и столкновенія ихъ. Эпоха колонизаціи въ известномъ смыслѣ отличалась еще большей воинственностью, чѣмъ героическій вѣкъ. Торговля компаніи времени возникновенія городовъ

очень предприимчивы и безпокойны; вслѣдъ за дружинами витязей онѣ сами организуютъ дальнія экспедиціи, захватываютъ опорные пункты на островахъ и берегахъ, появляются грозной принудительной силой на новыхъ рынкахъ. Между торговыми общинами возникаютъ жестокіе споры. Отдѣльные города вступаютъ въ союзы другъ съ другомъ. Коринѣ дружитъ съ Самосомъ; параллельно этой линіи коммерческой связи, идущей поперекъ Эгейскаго моря, располагается другая лига, европейской Мегары съ азиатскимъ Милетомъ. Обѣ линіи проходятъ совсѣмъ близко другъ отъ друга, и союзы сталкиваются между собою съ увеличенной яростью. Въ VII вѣкѣ торговые споры разрастаются въ общегреческую войну. Она носитъ названіе *Лелантійской*, по первоначальному предмету борьбы городовъ Халкиды и Эретрии на о. Эвбеѣ за Лелантійскую равнину. Но въ мѣстный споръ вступаютъ чуть не всѣ коммерческіе города Эгейскаго моря; образуются двѣ большія лиги, на сторонѣ Халкиды Коринѣ и Самосъ, на сторонѣ Эретрии Мегара, Эгина и Милетъ.

Въ этихъ столкновеніяхъ большое мѣсто занимали споры изъ-за мѣталла, который, съ развитіемъ техническихъ средствъ, стали усиленно разрабатывать въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Очень интересенъ разсказъ Геродота о величій и паденій острова Сифноса, судьба котораго тѣсно связана съ погоней за золотой добычей. На Сифносѣ оказались столь большія залежи золота и серебра, что въ короткій срокъ община увидела себя въ обладаніи настоящаго клада; она выдѣлила блестящій подарокъ Дельфійскому храму изъ десяти процентовъ съ дохода рудниковъ; вся прибыль, получавшаяся отъ ихъ эксплуатаціи, ежегодно распределялась между гражданами. Дельфійскій оракулъ, изъ чувства благодарности за приношеніе, предупредилъ сифнійцевъ, чтобы они боялись деревянной дружины и краснаго вѣтника, когда ихъ дума и рынокъ будутъ сіять бѣлизной. И точно оказалось, что вскорѣ послѣ того, какъ въ Сифносѣ украсили общественныя зданія бѣлымъ паросскимъ мраморомъ, на островъ напали вонтели съ о. Самоса, прибывшіе на корабляхъ (деревянная дружина), выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Последніе требовали у сифнійцевъ выкупа въ 10 талантовъ; тѣ отказали, началась осада Сифноса, богатую общину совсѣмъ разгромили и взяли съ нея 100 талантовъ¹².

Синоикизмы. Почти ни одна область не могла остаться въ сторонѣ отъ движенія. Если страна не принимала участія въ заморскихъ выѣздахъ, какъ, напр., Лаконія, Аттика, Элида, Аргосъ, ей нужно было обезпечить себя отъ нападеній со стороны предприимчивыхъ мореходовъ. Эта необходимость защиты заставила мелкія племенные группы и деревенскія общины объединиться, или, по-гречески, синоикизироваться.

Синойклизмъ значить соединеніе жилищъ, и въ дѣйствительности объединеніе принимало видъ переселенія изъ деревень въ намѣченный центральный пунктъ. Фукидидъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ соединеніе сельскихъ общинъ Аттики въ одну большую городскую общину Аѳины. «Получивъ власть, Тесей, царь умный и сильный, упразднилъ мѣстные думы и должности, устроилъ одинъ правительственный совѣтъ и одно зданіе думы, соединилъ (ξυψήμισε) всѣхъ въ нынѣшнемъ городѣ и повелѣлъ сельскимъ общинамъ признавать городомъ только Аѳины, которыя, благодаря общему къ нимъ тяготѣнію, и стали большимъ центромъ»¹³. Надо представить себѣ, что магнаты покинули свои замки и выстроили себѣ дома вблизи новаго мѣста засѣданій совѣта; далѣе переселеніе родовъ вмѣстѣ съ челядью вызывало необходимость устроить внутри разросшагося центрального поселка правильный торгъ на большой рыночной площади. Синойклизмъ, слѣдовательно, составлялъ какъ бы толчокъ къ образованію большого города, хотя основы соединенія носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ торговыхъ центрахъ.

Городское управленіе. Быть торговыхъ городовъ такъ же, какъ синойклизмы, оказался невыгоднымъ для единоличной власти вождей, которая въ свое время основывалась на перевѣсѣ одного замка надъ другими. Родовитые люди, составившіе синойклизмъ, въ новомъ общемъ городѣ чувствовали себя всѣ равными по достоинству. Мѣстами они отбѣнили вовсе наследственную монархическую власть и замѣнили ее выборными должностями. Въ Аѳинахъ династія Пелеедовъ или Кодридовъ была отбѣнена другими семьями, которыя установили между собою очередь для занятія высшихъ должностей, превратившихся вмѣстѣ съ тѣмъ изъ пожизненныхъ въ срочныя. Въ другихъ общинахъ старинныя династіи сохранили положеніе, но были сильно обрѣзаны въ своихъ прерогативахъ: таково устройство Спарты, гдѣ при синойклизмѣ оказались рядомъ двѣ царскія династіи, а для контроля надъ басилеями община выдвинула новую должность эфоровъ.

Выбираемые на краткій срокъ, должностныя лица составляли обыкновенно коллегію, въ которой у каждаго могла быть своя специальность. Въ Аѳинахъ ихъ было девять съ общимъ названіемъ архонтовъ. Коллегія составила изъ трехъ высшихъ сановниковъ, перваго, или «архонта» въ собственномъ смыслѣ, басилея, опустившагося на второе мѣсто, и полемарха, съ добавленіемъ шести бесмоетовъ, т.-е. судей, буквально толкователей или издателей права. Въ общинахъ о. Крита коллегіи состояли изъ десяти лицъ, называвшихся космоми. Среди нихъ былъ соответствующій аѳинскому полемарху *στραταγέτης*; затѣмъ былъ *κόσμος* *ξέμνος*, судившій иностранцевъ и другой, разби-

равшій процессы горожанъ (*ἀστικά δίκαια*)—два сановника, близко напоминающіе римскихъ *praefor peregrinus* и *praefor urbanus*.

Такимъ образомъ, синойклизмъ велъ къ образованію аристократическихъ республикъ; ихъ особенность, усвоенная потомъ греческой демократіей, частая, обыкновенно ежегодная смѣна должностныхъ лицъ. Въ аристократіяхъ, вѣроятно, наблюдали ревнито равномѣрность между правящими фамиліями въ замѣщеніи должностей. Сановники непрерывно совѣщались съ собраніемъ старѣйшинъ. Возможно, что они выходили изъ состава совѣта и возвращались въ его среду. Такое впечатлѣніе мы, по крайней мѣрѣ, получаемъ изъ практики аѳинскаго Ареопага, составлявшаго остатокъ аристократической старины; онъ пополнялся вышедшими изъ должности архонтами.

Борьба классовъ въ эпоху возникновенія городовъ. Въ своемъ частномъ быту аристократія сохранила черты героическаго вѣка. Въ Коринѣ правящій слой, изъ среды котораго выбирался глава государства, такъ назыв. *πρόβυς*, составилъ изъ большого разросшагося рода Бакхиадовъ. Эта аристократія замкнулась отъ остального гражданства; ея члены заключали браки только въ своей тѣсной средѣ. Попрежнему высшій слой занимается коневодствомъ, его представители отличаются на ристаніяхъ, берутъ призы на олимпійскихъ и другихъ играхъ. Въ цѣломъ рядѣ общинъ они сохранили даже свое старинное названіе всадниковъ, въ Эвбеѣ они *ἵπποβόται*, въ Атикѣ, Беотіи и Элидѣ *ἵππεις*. Обладатели власти, сосредоточенные въ тайномъ совѣтѣ на Ареопагѣ (*ἡ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλή*), они стараются не звать народъ на общія собранія.

Но авторитетъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ, подчинявшіеся имъ раньше классы, всколебленные колонизаціей, торговлей и синойклизмомъ, заявляютъ протестъ, волнуются и грозно идутъ на господскіе замки. Вмѣстѣ съ вышними антагонизмами эпохи разгорается внутренняя борьба. Въ числѣ противниковъ аристократіи отчетливо выдѣляются двѣ группы населенія, обѣ, правда, уже имѣвшіяся налицо въ пору героическаго вѣка, но теперь выступающія съ новой социальной физиогноміей.

Одна составляется изъ некрупныхъ землевладѣльцевъ; къ нимъ приложимо названіе сельской партіи, дѣйствующей въ Атикѣ VI вѣка, *γεωμόροι* (*γεωμόροι*, или *ἀγροῖχοι*). Этотъ классъ можно также назвать гоплитами, т.-е. тяжело вооруженной пѣхотой, въ такой мѣрѣ быть геоморовъ срастается съ извѣстнымъ видомъ оружія и опредѣленнымъ способомъ боя. Уже подъ Троей гомеровскіе *ἄλλοι* умѣли сражаться сплоченными фалангами; но тогда пѣхотинцы были хуже вооружены, не имѣли доспѣховъ, и, естественно, на первый планъ выступали *ἀριστῆες*,

герон, везомые конями. Въ VI и въ V вв. гоплиты, копейщики въ шлемахъ и броняхъ, вооруженные на свой счетъ, составляютъ основную силу греческой общины. Эта перемѣна и есть результатъ возросшаго ихъ соціального значенія. По своему хозяйственному положенію они иногда хлѣбопашцы (въ Беотіи), чаще—садоводы, оливководы и виноградари (на о. Хиосѣ и Самосѣ, въ Атикѣ). Предполагалось, что для гоплитскаго вооруженія надо имѣть достатокъ, позволяющій держать парную упряжку, ζεύγος, отсюда ихъ обозначеніе въ Атикѣ зевгиты. Назвать ихъ по-нашему крестьянами будетъ не совсѣмъ подходяще въ виду порядочныхъ иногда размѣровъ ихъ хозяйства. Правда, они обыкновенно сами работали на землѣ всѣмъ домоу, но нерѣдко также держали работъ или наемныхъ рабочихъ.

Геоморы, или гоплиты волнуются въ эпоху колонизаціи и развитія торговли, потому что ихъ патріархальное хозяйство сильно затронуто вторженіемъ денежныхъ расчетовъ. Поневолю они втянуты въ операціи, вынуждены занимать, съ трудомъ поспѣваютъ приладить къ судамъ и покупкамъ свое примитивное хозяйство; нерѣдко они встрѣчаются съ суровой уголовной формой личной кабалы за долги. Очень тягостны имъ процессы, заставляющіе ихъ платить штрафы и судебныя издержки. Тамъ, гдѣ произошелъ снойкизмъ, сельскому хозяйству приходится, вдобавокъ ко всему, тратиться на проѣзды въ городъ. Отсюда его желаніе имѣть свой дешевый и близкій судъ въ деревнѣ. Надо сказать, что этотъ соціальный слой, образующій потомъ наиболѣе прочную опору греческой независимой общины, не отличается вообще значительной подвижностью. Въ Атикѣ въ VI вѣкѣ только шумная предпримчивость приморскаго населенія вынуждаетъ геоморовъ выступить на политическую арену. Въ Беотіи, въ Элидѣ они появляются на сценѣ и добиваются политическихъ правъ значительно позже, лишь въ V вѣкѣ. Въ Эссалии они такъ и не могли выдвинуться, чтобы скинуть господство аристократіи-копководовъ.

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ противъ аристократіи другой классъ, который собственно и составляетъ движущій, бродящій элементъ колонизаціоннаго вѣка. Онъ образуется изъ различныхъ соціальныхъ осколковъ. Впереди всѣхъ стоятъ воинственные купцы и судовладельцы, промышленная вольница; это зерно обрастаетъ массой примыкающаго къ нимъ неосѣдлаго люда, недовольныхъ своимъ положеніемъ оетовъ, обезземеленныхъ сельчанъ, затѣмъ приморскаго населенія, рыбаковъ, лоцмановъ, перевозчиковъ, изъ которыхъ набирается экипажъ морскихъ флотилій; такъ слагается обширный классъ, получившій въ Атикѣ названіе *паралиевъ*, т.-е. приморскихъ. Къ нимъ примыкають городскіе ремесленники, гомеровскіе деміурги. Въ этой

группѣ развиваются демократическіе нравы, большая вольность мысли, но въ то же время они обнаруживаютъ склонность подчиняться единой командѣ, своего рода диктатурѣ, или даже возобновить угаснувшую царскую власть. Среди нихъ появляется характерный терминъ, *προστάτης τοῦ δήμου*, предстатель или охранитель народа¹⁴. Но настоящими вождями вольницы предпринимателей и приставаго къ ней непокойнаго бродячаго люда выступаютъ тиранны, своеобразныя политическія фигуры VII и VI вв.

Вожди новаго городского общества. Тиранны выходятъ большею частью изъ среды стариннаго высшаго общественнаго слоя, но порываютъ съ аристократіей. Такъ, напр., въ Коринѣ Кипсель, отвергнутый членъ большого древняго правящаго рода Бакхиадовъ, опираясь на сочувствіе массы, опрокидываетъ господство родовитыхъ людей, прогоняетъ Бакхиадовъ и конфискуетъ ихъ имущество. Первый афинскій тираннъ Килонъ былъ изъ стариннаго рода, знаменитаго своими конями, и самъ стяжалъ славу побѣдителя на олимпійскихъ играхъ. Невослѣдственно легко выяснитъ политическую роль тиранніи.

У Фукидида среди его сжатыхъ соціологическихъ характеристикъ есть интересное замѣчаніе о тираннахъ, которое даетъ руководящую нить для сужденія о виѣшней политикѣ тиранніи. «Когда Эллада стала могущественнѣе и съ большей энергіей, чѣмъ раньше, направила вниманіе на увеличеніе денежнаго богатства, въ общинахъ поднялись тиранны, тѣмъ болѣе, что и доходы начали возвышаться (между тѣмъ, какъ раньше были патріархальные цари, пользовавшіеся традиціонными подарками), и вотъ въ Эладѣ возникаютъ флоты, и люди все болѣе отдаются морю»¹⁵. Фукидидъ видитъ въ тиранніи возобновленіе царской власти на другой экономической основѣ. Въ его глазахъ тиранны были организаторами военно-морскихъ финансовъ; а это было необходимо потому, что они вели военно-промышленную инициативу, становились во главѣ колонизаціонныхъ флотилій и выѣздовъ, направляли экспедиціи и устраивали торговые союзы.

Тираннія была тѣсно связана съ выступленіемъ паралиевъ и деміурговъ. Въ общинахъ колониальныхъ, болѣе передовыхъ въ торговомъ отношеніи сравнительно съ метрополіей, тираннія сдѣлалась почти естественной формой политическаго устройства на продолжительное время: такъ было въ городахъ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней островахъ, въ Милетѣ, на Лесбосѣ, Самосѣ, особенно же въ городахъ Сициліи, гдѣ она остается еще въ V вѣкѣ. Болѣе ограниченное по мѣсту и болѣе преходящее явленіе образуетъ тираннія въ европейской Греціи. Она возникаетъ впервые въ Сикіонѣ, гдѣ Орагоръ въ 665 г. разгромилъ господство дорійской военной аристократіи и выдвинулъ

на первое мѣсто туземное населеніе ремесленниковъ, торговцевъ и садоводовъ. За нимъ скоро слѣдуетъ (около 660 г.) Кипсель въ Коринѣ, немного позже Феагенъ въ Мегарѣ и въ 30-хъ или 20-хъ годахъ VII в. Килонъ въ Аѣнахъ. Такимъ образомъ, тираннія распространяется съ юга на сѣверъ по линіи, раздѣляющей два главные глубоко вдавшіеся залива западнаго и восточнаго моря Греціи. Она захватываетъ тѣ общины Греціи, которыя, благодаря своему положенію, широко развили торговлю, ремесло, мореходство и колонизацію. Тираннія тѣсно связана съ коммерческимъ и колониальнымъ расцвѣтомъ этихъ общинъ.

При тираннахъ Кипселидахъ (660—583) Коринѣ разрастается въ большую морскую силу. Ихъ предшественники, Бакхіады, подъ конецъ своего правленія, уронили руководящее положеніе, которое Коринѣ приобрѣлъ на западѣ, благодаря ряду основанныхъ имъ колоній; между прочимъ, отъ метрополи отпала Коркира, крупный островъ, лежащій на дорогѣ между Коринѣскимъ заливомъ и берегами Италіи. Кипсель, свергнувшій господство Бакхіадовъ, возстановилъ торговое вліяніе Коринѣа на западѣ. У выхода изъ Коринѣскаго залива онъ основалъ рядъ колоній, между прочимъ Левкаду на полуостровѣ, связанномъ лишь узкимъ перешейкомъ съ материкомъ: для удобства сношеній съ Коркирой, коринѣяне прорыли каналъ поперекъ перешейка, и Левкада стала островомъ. Кипсель основалъ также на востокѣ у Эгейскаго моря Потидею на полуостровѣ Халкидикѣ и открылъ торговлю съ Фракіей, богатой сырыми продуктами. Еще дальше пошелъ его сынъ Періандръ (627—587), который велъ нѣсколько колониальныхъ войнъ, подчинилъ себѣ Коркиру, а также распространилъ свою власть на Эгину и Эпидавръ, лежащія на востокъ отъ Коринѣа въ Сароническомъ заливѣ: Коринѣ при немъ становится торговой и политической столицей обширнаго морскаго района, господствующей надъ обоими заливами, которые прилегаютъ къ Истму. Періандръ роднится съ другими тираннами, Ореагоридами въ Сикіонѣ, Фрасибуломъ Милетскимъ, устанавливаетъ связи съ Лидіей и Египтомъ; характерно, что его племянникъ носитъ египетское имя Псамметиха.

Мегара, при тираннахъ той же эпохи, заводитъ торговлю съ черно-морскими странами, впервые начинаетъ вывозить изъ Чернаго моря хлѣбъ въ значительномъ количествѣ и ради обезпеченія хлѣбнаго подвоза завладѣваетъ ключомъ къ Понту, основывая у Босфора Византию и Калхедонъ. Наконецъ, въ Аѣнахъ тираннъ Писистратъ занимаетъ опорные пункты въ разныхъ частяхъ Эгейскаго моря, устанавливаетъ выгодные договоры съ тираннами острововъ Самоса и Наксоса и кладетъ основу будущей большой морской державы.

Внутренняя политика тиранновъ. По нѣкоторымъ случайнымъ свѣдѣніямъ можно составить представленіе о томъ, какое положеніе занимали тиранны въ борьбѣ классовъ. Геродотъ рассказываетъ по поводу реформъ Клисѣена Алкмеоніада въ Аѣнахъ (506 г.) о его дѣдѣ по матери Клисѣенѣ сикіонскомъ (596—565), послѣднемъ изъ династїи Ореагоридовъ.

Въ Сикіонѣ было четыре филы. Изъ нихъ три были предоставлены господствующему классу дорійскаго племени, происшедшему отъ завоевателей; напротивъ, подчиненное населеніе мѣстнаго происхожденія было сбито въ одну филу Эгіалеевъ (т.-е. береговыхъ). По Геродоту, Клисѣенъ хотѣлъ принизить прежнихъ господъ, дорянъ, и поднять остальныхъ обывателей, отгнѣсненныхъ въ худшее положеніе. Съ этою цѣлью онъ повелъ сложную религіозную политику. Клисѣенъ старался разорвать связь сикіонскихъ дорянъ съ дорянами другихъ областей, особенно Аргоса; такъ какъ у всѣхъ дорянъ были общія названія филъ, онъ переименовалъ дорійскія филы въ Сикіонѣ и надѣлилъ ихъ для смѣху прозвищами свинарей, ослятниковъ и поросятниковъ, а филу туземцевъ назвалъ, напротивъ, почетнымъ именемъ ἀρχέλαοι, т.-е. господъ. Затѣмъ Клисѣенъ запретилъ сказителямъ публичное исполненіе гомеровскихъ пѣсенъ, такъ какъ въ нихъ восхвалялся Аргосъ. Въ то же время онъ принялъ мѣры, чтобы истребить культъ мѣстнаго національно-дорійскаго героя Адраста, и перенесъ весь почетъ и жертвы этого культа на злѣйшаго миѣческаго противника Адрастова, Меланиппа, останки котораго нужно было для этой цѣли перевезти издалека, именно изъ Фивъ. Наконецъ, трагическіе хоры, которые пѣлись въ честь Адраста, онъ отдалъ простонародному богу, Діонисеу¹⁶.

Въ разсказѣ Геродота много характернаго. Ясно видна тѣсная связь гомеровскаго эпоса съ бытомъ аристократіи: литература, прославляющая витязей, особенно популярна среди ихъ потомковъ, а врагъ аристократіи старается подорвать именно эту традиціонную опору. Затѣмъ интересно крайне свободное обращеніе правителя общины съ публичными культами и съ самими вѣрованіями народа: онъ вводитъ и отмѣняетъ обряды, перетасовываетъ миѣы, сочиняетъ новыя священныя имена, замѣняетъ одного святого другимъ. Можно подумать, что самъ онъ—просвѣщенный деспотъ, который ни во что не вѣритъ и распоряжается религіозными символами, какъ обыкновенными административными средствами. Наконецъ, Клисѣенъ совершаетъ важныя матеріальныя перестановки. Безъ сомнѣнія, около центровъ культа собиравсь извѣстныя жертвенныя общества; очень важно было распределеніе между ними храмовыхъ имуществъ и религіозныхъ приношеній. Если реформаторъ лишилъ одиѣ общественныя группы ихъ ста-

рыхъ привычныхъ мѣсть соединенія, а другимъ, до тѣхъ поръ, слабымъ и разрозненнымъ, далъ организацію, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ крупное перемѣщеніе силъ и капиталовъ въ обществѣ: онъ конфисковалъ имущества однихъ корпорацій и награждалъ ими другія. Все это совершалось въ интересахъ классовъ, до тѣхъ поръ отодвинутыхъ организаціей знати; ремесленники и торговцы получили почетныя обозначенія, т.-е., другими словами, организовались въ свою очередь, и ихъ корпораціи приобрѣли вліятельное положеніе въ городѣ—перемѣна, похожая на вытѣсненіе рыцарей коммунаой или патриціевъ цехами въ Средніе вѣка.

Нѣкоторыя довольно характерныя вещи мы узнаемъ также о внутренней политикѣ коринѳскихъ Клеолидовъ. Во время господства стариннаго аристократическаго рода Бакхиадовъ въ Коринѣ въ большомъ количествѣ появились привозныя рабы. Невольники составили сильную и опасную конкуренцію мѣстнымъ, свободнымъ демиургамъ. Въ качествѣ вождей городскихъ пролетаріевъ, тиранны энергично принялись защищать ихъ интересы. Періандръ запретилъ покунку рабовъ; его вниманіе направлено было на то, чтобы у ремесленниковъ и свободныхъ рабочихъ всегда были заказы; онъ организовалъ въ большихъ размѣрахъ постройки и сооруженія въ Коринѣ. Любопытна также финансовая политика Періандра; онъ держалъ большой военный флотъ, велъ войны, окружилъ себя блестящимъ дворомъ и все-таки обходился безъ прямыхъ податей, обременительныхъ для мелкаго рабочаго люда; его главные доходы составлялись изъ таможенныхъ и портовыхъ сборовъ.

Безъ сомнѣнія, тиранны не пренебрегали и внѣшними показными средствами, стараясь снискать себѣ популярность. Въ этомъ отношеніи очень характерно имя, присвоенное старшимъ братомъ Клеоена сикіонскаго, Ἰσθδηνος; оно почти буквально совпадаетъ съ прозвищемъ Egalité, которое выбралъ себѣ принцъ Филиппъ Орлеанскій во время великой революціи.

Низверженіе тиранніи и социальная реакція. Политика тиранновъ составляетъ первое въ Греціи организованное выступленіе городской демократіи. Это очень опредѣленный періодъ, приблизительно въ 150 лѣтъ, отъ 60-хъ годовъ VII в. до 20-хъ и 10-хъ годовъ VI вѣка. Во второй разъ, уже безъ монархическаго руководства, греческая демократія энергично выступаетъ лѣтъ 50—60 спустя послѣ перваго періода подъема, въ 70-хъ и 60-хъ годахъ V вѣка. Первая организація городской демократіи почти всюду потерѣла неудачу. Тиранны послѣдовательно были низвергнуты въ Сикіонѣ (вслѣдъ за смертью Клеоена въ 565 г.), въ Коринѣ, Мегарѣ и, наконецъ, въ Афинахъ (въ 510 году).

Послѣ низверженія популярныхъ вождей масса народа по большей части не въ силахъ была удержать въ своихъ рукахъ власть. Можетъ быть, нигдѣ борьба не носила такой рѣзкой формы, какъ въ Мегарѣ. Крестьяне соединились здѣсь съ городскимъ простонародьемъ, изгнали знатныя фамиліи, конфисковали ихъ имущества. Аристократы нашли себѣ пріютъ въ Халкидѣ на о. Эвбей и особенно въ Спартѣ; имъ удалось организовать на чужбинѣ и затѣмъ взять городъ Мегару приступомъ. Со своими противниками они расправились необычайно жестоко: поэтъ Теогидъ, выражающій чувства высшаго класса, не даромъ собирався «испить черной крови тѣхъ людей, которые отняли у него имущество». Съ тою же ненавистью представители древнихъ родовъ относились къ тираннамъ. Они старались собрать оставшихся отъ стариннаго блестящаго времени кліентовъ своихъ; эти обломки обширныхъ когда-то свитъ они превращали въ интимныя кружки заговорщиковъ, въ тайныя политическія клубы. Такіе союзы, организованныя аристократіей, назывались до поздняго времени стариннымъ именемъ гетерій. Безсильные одолѣть тиранновъ въ открытомъ бою, они старались напасть изъ-за угла, поразить популярнаго властителя кинжаломъ. Мало того, аристократія идеализировала потомъ участниковъ подобныхъ заговоровъ, восхваляя ихъ стойкость и вѣрность клятвѣ и особенно окружала ореоломъ мученичества тираноубійцъ. Можно сказать, что прославленіе тираноубійства составляетъ изобрѣтеніе аристократіи.

Впрочемъ, надо также признать, что аристократія сама прошла, въ борьбѣ съ тиранніей, политическую школу. Возвратившіеся къ власти представители знатныхъ родовъ были непохожи на тѣхъ людей, которые въ свое время уступили тираннамъ. Они приобрѣли большую гибкость, изворотливость, научились популярнымъ приемамъ у тиранновъ. Извѣстныя учрежденія, введенныя тираннами, аристократы должны были оставить въ силѣ. Въ Сикіонѣ, напр., послѣ низверженія Ореогоридовъ еще 60 лѣтъ держалось демократическое устройство филъ, созданное Клеоеномъ. Мѣстами аристократы вынуждены были входить въ нѣкоторый компромиссъ съ народомъ. Въ Афинахъ, послѣ изгнанія тирана Гиппия, Алкмеонидъ Клеоенъ только тѣмъ и одолѣлъ своего соперника Исагора, что привлекъ народъ на свою сторону и постарался затмить демократическую политику низвергнутыхъ тиранновъ своей собственной новой демократической организаціей. Очень любопытно выражается объ этомъ Геродотъ. «Сначала Клеоенъ и Исагоръ, два могущественные чловѣка, боролись между собой за династическую власть (ἐδυνάστευσον), но когда Клеоенъ былъ побѣжденъ, онъ постарался втянуть въ свою свиту (προσεταιρίζετο) народъ» 17.

Стараясь очернить своих побѣжденныхъ противниковъ, аристократы сами прикидывались народолюбцами. Мы видимъ, напр., что въ Аѣнахъ романическое творчество враговъ тиранніи имѣло большой успѣхъ: они сумѣли прочно водворить легенду о жестокости послѣднихъ тиранновъ изъ дома Писистратидовъ и представить заговорщиковъ, убившихъ Гишпарха, частнаго человѣка, брата правителя Гипніи, идеальными республиканцами, мучениками за освобожденіе порабощеннаго народа.

Настроенія и теоріи эпохи соціальныхъ столкновеній. Ожесточенная борьба первыхъ организаторовъ демоса съ аристократіями, полная драматическихъ эпизодовъ, оригинальная политика тиранновъ и своеобразныя фигуры ихъ оставили глубокой слѣдъ въ литературѣ. Прежде всего настроенія эпохи отразились въ политической лирикѣ. До насъ дошли отрывки возбужденной, очень субъективной поэзии, въ которой сами дѣятели вѣка тиранновъ выражали свои чувства. Сюда относятся враждебныя народу и его вождямъ пѣсни Алкея изъ Митилены и Теогида изъ Мегары. Одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній политической лирики представляютъ элегии Солона, знаменитаго реформатора и вождя аѣнскаго демоса: въ нихъ есть отзвуки начала борьбы противъ аристократіи, вызовъ врагу, и есть торжество побѣдителя, сознание важности совершающагося переворота, его оцѣнка съ высоты завоеванныхъ позицій. Въ то время, какъ Солонъ заявляетъ о необходимости дать права народу, въ стихахъ Теогида слышится непримиримость аристократа: «городъ—все тотъ же городъ, но люди въ немъ стали совѣмъ другіе. Тѣ, что раньше ничего не понимали въ правѣ и законѣ, ходили въ овчинахъ и, какъ дичь лѣсная, жили за городомъ, вотъ кто теперь, дорогой другъ, попалъ въ благородные (ἀγαθοί). А прежняя знать (ἱεῖς) сброшена въ грязь. Можно ли вынести это зрѣлище?» Поэтъ въ ужасѣ отъ наплыва въ городъ деревенщины, которую онъ по-старому зоветъ *κκχοί* (средневѣковое *vilains*); онъ возмущенъ поведеніемъ вождей, которые «развращаютъ народъ и склоняютъ приговоры въ пользу неправды, ради своей корысти или чтобы захватить власть... не долго продержится миръ въ городѣ, поднимутся мятежи и убійства; бѣда, если народу полюбится единоличный правитель (μόνυχρος)»¹⁸.

Другой слѣдъ вѣка тиранновъ въ литературѣ—это рассказы о ихъ яркой, иногда трагичной судьбѣ, біографическіе анекдоты, рисующіе ихъ то въ грозномъ, мрачномъ, то въ блестящемъ видѣ, но всегда людьми оригинальными на выдумки, находчивыми и остроумными, хитрыми и дерзкими, возвышающимися надъ толпой. Такими чертами, напр., изображался Періандръ коринѣскій, образецъ многомудраго и безпо-

щаднаго тиранна, или его учитель, Орасибулъ милетскій, который обучаетъ младшаго товарища искусству правленія, прогуливаясь съ нимъ по полю и молчаливо сшибая палкой колосья, имѣвшіе несчастье вырасти выше другихъ. Большой интересъ вызывала также личность Клизеена сикіонскаго, какъ видно изъ рассказа о немъ Геродота. Помимо своего хитраго политическаго строительства, онъ казался еще какимъ-то особеннымъ мастеромъ занимать греческое общество интересными праздниками и состязаніями; въ памяти послѣдующаго вѣка остались блестящій конкурсъ жениховъ, устроенный Клизееномъ для единственной дочери своей Агаристы. Наконецъ, много вниманія удѣляла романическая литература аѣнскому тиранну Писистрату: легенда изображаетъ его очаровательнымъ характеромъ, который легко покоряетъ сердца своихъ злѣйшихъ враговъ, ласковымъ, щедрымъ другомъ народа, въ то же время зорко слѣдящимъ, чтобы не дать народу ни тѣни самостоятельности, какимъ-то новымъ Одисеемъ, нѣсколько разъ въ изгнаніи и на краю полной гибели, въ концѣ-концовъ всегда выбирающимся счастливо, нестоимымъ на выдумки, вплоть до религиознаго маскарада въ видѣ переодѣванія сельской красавицы въ богиню Аѣину, вѣнчающую возвращеннаго съ триумфомъ тиранна.

Геродотъ заноситъ старательно въ свою исторію весь этотъ подборъ новеллъ и романическихъ анекдотовъ. Хотя они относятся къ VII—VI вѣкамъ и на 200—100 лѣтъ старше записи историка, однако мы чувствуемъ по его рассказамъ, что своеобразный литературный жанръ личныхъ характеристикъ такъ же тѣсно связанъ съ временемъ тиранновъ, какъ эпоха принадлежитъ вѣку героевъ.

Позднѣйшія сужденія грековъ о тираннахъ. Къ сожалѣнію, писатели вѣка торжествующей демократіи мало интересовались политической дѣятельностью первыхъ вождей народа и не оставили о ней почти никакихъ свѣдѣній. Фукидидъ, который могъ бы поразеказать многое о Писистратидахъ, ограничивается краткими свѣдѣніями преимущественно личнаго свойства. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда сложилась школа государственнаго права, и ученые стали интересоваться конституционными теоріями, вопросъ о политической роли старинной тиранніи занялъ видное мѣсто у историковъ и у юристовъ. Но матеріала новаго они уже не могли подобрать; конкретныя картины поэтому замѣнились домыслами и реконструкціями. Какъ всегда бываетъ, судили по современнымъ аналогіямъ; а въ первой половинѣ IV вѣка сильнѣйшее впечатлѣніе во всей Греціи производили бурныя событія Сициліи. Здѣсь кипѣла жестокая борьба классовъ, а среди нея поднимались фигуры мрачнаго военнаго деспота, Діонисія Старшаго, его ничтожнаго сына, Діонисія Младшаго, проигравшаго крупное наслѣдство отца, и въ видѣ

эпикола личность благороднаго Тимолеона, пытавшагося стать выше партій и примирить жестоко разгорѣвшіяся страсти.

По этимъ личностямъ и окружавшей ихъ обстановкѣ въ европейской Греціи судили о старинныхъ тираннахъ и той средѣ, въ которой они дѣйствовали. Историки IV в. добросовѣстно старались нарисовать социальныя отношенія прежняго времени. Они были увѣрены, что и тамъ былъ тотъ же жгучій вопросъ о землѣ и крестьянскихъ ладѣлахъ, была та же противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, земельныхъ магнатовъ-эксплоататоровъ и разоренныхъ сельскихъ пролетаріевъ, тѣ же революціонныя организаціи, такая же непримиримая ненависть социальныхъ противниковъ другъ къ другу. Среди этой борьбы выдвигались честолюбцы, которые сначала вели народъ за собой, а затѣмъ, опираясь на популярность, захватывали верховную власть; появлялись также честные и безкорыстные посредники, которыхъ враждующія стороны облакали высшими полномочіями для заключенія компромисса, мудрые законодатели и воспитатели народа. Первую изъ этихъ ролей, казалось, играли коринѣскіе Кипселиды, Писистратъ аѳинскій, вторую—Питтакъ митиленскій и Солонъ аѳинскій. Въ позднѣйшей греческой политической теоріи первые называются собственно тираннами, вторые—эсимнетами (*αἰσυμνηταί*)¹⁹, что приблизительно подходитъ къ ветхозавѣтному обозначенію «судей» и можетъ быть передано словомъ «посредникъ».

Развитіе городского суда. Эпоха возникновенія городовъ, принесшая жестокіе споры во внѣшнихъ отношеніяхъ, отличается также волненіями и борьбой во внутренней жизни общества. Усилившіяся обмѣны, частыя перестановки въ имущественномъ отношеніи вызываютъ множество споровъ между обывателями города; появленіе иностранцевъ, пріѣздъ чужихъ увеличиваетъ число столкновеній и ссоръ; можно съ увѣренностью сказать, что возросло также количество преступленій среди шума и толкотни торговой жизни, гдѣ появилось такъ много новыхъ соблазновъ. Все эти обстоятельства ведутъ къ развитію суда; въ городѣ бесконечно тянутся разныя разбирательства, и общество проявляетъ къ нимъ очень большой, можно сказать, слишкомъ нервный интересъ.

Эта черта возникающей городской жизни отмѣчена уже у Гомера. Среди цикла картинъ на Ахилловомъ щитѣ яркими красками выдѣляется изображеніе судебной тяжбы и увлеченіе ею народной массы. Большая толпа собирается на сходку. Два человѣка спорятъ о выкупѣ за убійство; одинъ увѣряетъ, что уплатилъ приходящейся съ него выкупъ и «объявляетъ о томъ народу», другой утверждаетъ, что онъ ничего не получалъ. Тяжущіеся рѣшаютъ обратиться къ посредниче-

скому приговору (*ἐπι ἵστορι*). Народъ (*λαοί*) дѣлится на двѣ партіи и криками выражаетъ сочувствіе обѣимъ сторонамъ. Пристава (*κῆρυκες*) стараются удержать массу въ порядкѣ; судьи-старцы садятся въ священныи кругъ на гладкихъ камняхъ. Они берутъ скиптры изъ рукъ приставовъ, по очереди встаютъ и произносятъ мнѣніе; въ серединѣ лежатъ два золотыхъ таланта, предметъ спора или залогъ, выставленный сторонами²⁰. Одно мѣсто Одиссеи—неожиданная прозаическая вставка среди картинъ страшнаго морского приключенія—рисуетъ намъ развитіе суда еще съ другой стороны: Одиссей, чтобы не погибнуть въ водоворотѣ, хватается за вѣтви смоковницы, растущей надъ пучиной, и виситъ надъ нею до тѣхъ поръ, пока не выплываютъ изъ бездны обломки его корабля, а это, по его разсказу, было поздно, «въ такую пору дня, когда судья, разобравъ множество тяжобъ между молодыми людьми, искавшими суда, встаетъ, чтобы уйти изъ засѣданія (*ἀγορῆθεν*) домой ужинать»²¹. Выраженія здѣсь очень характерны: судебныхъ дѣлъ, видимо, много, обыватели постоянно поднимаютъ процессы, увлекаются сутяжничествомъ, судья каждый день до поздняго вечера исполняетъ свою должность, его занятіе обратилось въ обособившуюся профессію.

Съ другой стороны, судьи теряются въ необычайномъ разнообразіи казусовъ, ихъ въ свою очередь обвиняютъ въ произвольности приговоровъ. Въ новыхъ условіяхъ жизни каждую минуту колеблются древніе обычаи, шатаются патріархальныя устои, подвергаются критикѣ установившіяся правовыя понятія. Прежній укладъ долженъ во многомъ уступить, надо допустить рядъ измѣненій, и во всякомъ случаѣ приходится заняться тѣмъ, чтобы точно выразить и закрѣпить общепризнанные законы и правила. Синоикизмъ, сосредоточеніе массы народа въ городахъ ускоряетъ реформу. Продолжая дальше картину, нарисованную Гомеромъ, мы можемъ представить себѣ, какъ собираются *λαοί*, съ шумомъ обступаютъ засѣданія старцевъ, жалуются на произволъ и неясность рѣшеній и приговоровъ и требуютъ точнаго опредѣленія дѣйствующаго права.

Составленіе городскихъ судебныхъ книгъ. Хотя на первый взглядъ кажется, что писанные законы возникли естественно изъ своеобразныхъ условій городской жизни въ Греціи, однако очень правдоподобно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ заимствованіемъ чужого изобрѣтенія. Такъ же, какъ греки взяли отъ культуры востока монету и метрическую систему, они, повидимому, усвоили изъ практики восточныхъ бюрократій форму записи права, уложенія, заключающаго въ себѣ опредѣленіе судебного процесса, и таксы взысканій. Сколько можно судить, все эти заимствованія относятся къ 750—650 гг. до Р. Х., т.-е. ко вре-

мени процвѣтанія новоассирійскаго государства, владѣвшаго берегами Леванта. Греки имѣли въ это время прямой и широкій доступъ къ обѣимъ старокультурнымъ странамъ востока, Египту и долинѣ Евфрата. Ассирійскимъ царямъ греки служили особенно усердно; засвидѣльствовано, между прочимъ, ихъ участіе въ далекой экспедиціи Сеннахериба, дѣйствовавшей въ Персидскомъ заливѣ. Въ результатѣ воители и торговцы гибкой и переимчивой греческой націи привезли съ востока рядъ новинокъ и практическихъ приспособленій, которыя быстро пошли въ ходъ въ подвижной городской жизни.

Въ греческой традиціи сильно отпечатлѣлся моментъ, когда города приступили къ составленію кодексовъ, а также запомнились имена знаменитыхъ кодификаторовъ, съ которыми связывали потомъ разныя легенды, служившія къ ихъ индивидуальной характеристикѣ. Большое впечатлѣніе оставили два законодателя, дѣйствовавшіе въ западныхъ колоніяхъ: Залевкъ въ Локрахъ (въ южной Италиі) и Харондъ въ Катанѣ (въ Сициліи). Аѣины славились тѣмъ, что ихъ городское право опредѣлили одинъ за другимъ два выдающихся реформатора, Драконтъ и Солонъ. Извѣстны были еще Питтакъ, законодатель Митилены на о. Лесбосѣ и Филолай въ Эивахъ. Реальныхъ представленій о личности законодателей, о характерѣ ихъ работы позднѣйшіе греки уже не имѣли; двое изъ кодификаторовъ, Питтакъ и Солонъ, вошли въ число мнѣическихъ семи мудрецовъ древности. Геродотъ (въ серединѣ V вѣка) зналъ о Солонѣ только легенду, которую онъ сплелъ вмѣстѣ съ романической исторіей царя Креза. Появленіе Солона въ Сардахъ историкъ объясняетъ тѣмъ, что мудрый законодатель взялъ съ согражданъ клятву исполнять его законы въ теченіе 10 лѣтъ; послѣ этого онъ отправился странствовать, будто бы для того, чтобы посмотреть свѣтъ, а въ дѣйствительности, чтобы избѣжать давленія со стороны согражданъ и не быть вынужденнымъ вносить какія-либо измѣненія въ законы ²².

Уголовные законы Драконта. Благодаря совершенно исключительному случаю, до насъ дошелъ отрывокъ аѣинскаго уголовного законодательства (*νόμοι φονικοί*), редактированнаго Драконтомъ въ 20-хъ годахъ VII вѣка. Въ 409 году, велѣдъ за низверженіемъ олигархіи, народъ аѣинскій, руководясь желаніемъ найти себѣ опору въ старинныхъ законахъ, постановилъ сдѣлать копию кодекса Драконта; сохранилась одна изъ плитъ этой копии, на которой удалось прочесть 9 статей, касающихся преслѣдованія убійства ²³. Кромѣ этихъ прямыхъ данныхъ, мы еще располагаемъ сужденіями аѣинскихъ политическихъ и судебныхъ ораторовъ IV в., которые не разъ высказывались о законахъ Драконта. Преобладающее мнѣніе клонилось къ тому, что законодательство это бы-

ло очень жестокимъ; современникъ Демосфена, Демадъ, находилъ, что законы Драконта писаны не чернилами, а кровью; другіе увѣрили, что Драконтъ назначилъ смертную казнь за множество мелкихъ проступковъ, въ томъ числѣ за воровство ²⁴. Новоевропейскіе ученые большею частью стали на точку зрѣнія противоположную. Среди нихъ распространено убѣжденіе, что Драконтовы законы составляли важный шагъ на пути развитія гуманности и прогресса; между прочимъ, Драконту приписываютъ первую попытку различенія мотивовъ убійства; въ его законахъ будто бы впервые появляются термины и категоріи *φόνος ἀκούσιος*, убійство невольное, и *φόνος ἐκούσιος*, убійство намѣренное, умышленное ²⁵.

Собственно говоря, текстъ, дошедшій до насъ, не даетъ права на такія утвержденія. Новоевропейскіе ученые подступали къ законамъ Драконта съ предвзятой теоріей, въ которой преобладала мысль о неуклонномъ движеніи общества отъ варварства къ гуманности. Мы видѣли, однако, что такой непрерывности не было; старинное религіозное право отличалось большею гуманностью сравнительно съ новымъ военнымъ; кровная месть вовсе не остатокъ дикой древности, а довольно новый, хотя и варварскій институтъ. Что же касается отношенія Драконта къ предшествующему праву, то оно вовсе не такъ просто; прогрессивнымъ его законодательство, пожалуй, можно назвать, но не въ смыслѣ успѣха гуманныхъ чувствъ, а въ смыслѣ усиленія общественной власти.

Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ есть только статьи, опредѣляющія отношеніе къ убійству неумышленному. Ни изъ чего не видно, чтобы Драконтъ впервые ввелъ различеніе убійства невольнаго и намѣреннаго. Установленіе мотивовъ преступленія, психологическій анализъ дѣла совѣсти, безъ всякаго сомнѣнія, составлялъ давнишнее занятіе религіознаго суда; вѣроятно, въ такомъ разборѣ и заключалось его главное дѣло. Напротивъ, военные люди, принесшіе кровную месть и выкупъ, относились къ мотивамъ убійства довольно безразлично. Съ другой стороны, весьма правдоподобно, что Драконтъ заимствовалъ различеніе мотивовъ убійства именно изъ религіознаго суда, потому что его зависимость отъ формъ и приемовъ этого суда вообще очень значительна. Она видна въ томъ, что законодатель сохраняетъ старинный обычай произносить надъ убійцей публичное отлученіе, въ силу котораго послѣдній лишался покровительства закона и могъ быть безпрепятственно убитъ, если бы появился на территоріи общины. Видна зависимость Драконта отъ религіознаго суда еще въ томъ, что онъ ограждаетъ невольнаго убійцу отъ преслѣдованія родственниковъ и близкихъ убитаго и присуждаетъ его къ изгнанію, типичной формѣ нака-

запія, которую практиковала старинная теократія. Наконецъ, близость Драконта къ религіозному суду видна еще въ томъ, что при отсутствіи родственниковъ къ дѣлу выкупа и примиренія съ убійцей допускаются члены фратріи, т.-е. жертвеннаго союза, къ которому принадлежалъ убитый.

Изъ дошедшихъ до насъ статей можно сдѣлать еще одинъ опредѣленный выводъ. Законодатель сталъ въ довольно строгое отношеніе къ военному праву и къ правамъ, внесеннымъ воителями. Въ кодексахъ запрещается всякаго рода самоуправство. Находящагося въ изгнаніи убійцу, разъ онъ только тщательно избѣгаетъ вступленія на территорию общины, не посѣщаетъ пограничныхъ рынковъ, игръ и праздниковъ, Драконтъ воспретилъ трогать: кто его убьетъ, подлежитъ самъ смерти въ качествѣ убійцы. Законодатель не допускаетъ также злоупотребленій выкупомъ. Такъ, напр., если осужденный за убійство оказался на территоріи общины, его можно убить, но нельзя ни лезгать, ни заставить уплатить выкупъ. Вообще, выкупъ допускается только при единодушномъ согласіи родственниковъ; достаточно протеста одного изъ нихъ, чтобы выкупъ не состоялся.

Данныя эти очень отрывочны, но открываютъ весьма существенныя черты въ строѣ новой жизни, направляемой правами и понятіями горожанъ. Очевидно, городское общество считаетъ весьма непригодными судебныя и административныя порядки, внесенныя воителями. Въ особенности оно удручено частными расправами, безконечными дуэлями и драками. Поэтому, запрещая самоуправство, законодатель отвѣчаетъ одному изъ настойчивыхъ желаній новаго гражданства. Въ параллель со статьями его закона можно привести обычныя всюду запрещенія являться вооруженнымъ въ народное собраніе. Съ другой стороны, городское общество явно протестуетъ противъ злоупотребленія выкупомъ: надо полагать, что нередко, подъ видомъ требованій выкупа, родственники убитаго тѣснили убійцу и его близкихъ вымогательствомъ. Въ борьбѣ противъ военного права городское общество возвращается къ практикѣ религіознаго суда. Оно отстраняетъ родовыя порядки, которыхъ придерживалась аристократія воителей, и вводитъ свои семейныя и общественныя понятія. Большой оравъ родственниковъ воспрещено добиваться выкупа; къ нему допускаются только самые близкіе родные убитаго. За неимѣніемъ ихъ въ выкупъ принимаетъ участіе фратрія, т.-е. религіозная корпорація, къ которой принадлежалъ убитый. Вступленіе фратріи въ данномъ случаѣ было также опредѣленной соціальной переимѣной: въ братствѣ преимущественно соединялись люди одинаковаго общественнаго положенія, въ противоположность свитамъ, окружавшимъ магнатовъ, которыя были

построены на іерархическомъ началѣ; коммунальные элементы получили перевѣсъ надъ дружинными.

Гражданское право Гортинскаго судебника. Больше всего первыя уложенія греческихъ общинъ были заняты опредѣленіемъ новыхъ частно-правовыхъ отношеній. Въ городской жизни право владѣнія и передачи имущества стало очень сложнымъ и запутаннымъ. Съ развитіемъ торговли идетъ гораздо быстрѣе мобилизація владѣній, а, съ другой стороны, разстраиваются родовыя связи, люди обособляются и обостряютъ свои личныя права и требованія. Среди этой новой матеріальной обстановки въ обращеніи появляется очень прихотливая категория владѣнія, это—живой товаръ, невольники. Старинные обычаи не давали указаній для того, чтобы регулировать пользованіе этой стороной богатства такъ же, какъ они были бессильны внести порядокъ въ разнообразныя условія перехода и передачи имущества.

Объ установленіяхъ стариннаго гражданского права греческихъ общинъ мы можемъ судить по одному большому цѣльному документу, который вовсе не упоминается въ литературѣ: именно, по кодексу города Гортина (Γορτύν) на о. Критѣ. Дошедшая до насъ запись гортинскаго права относится приблизительно къ 500 году, составляетъ новое законодательство, пересмотрѣнное и утвержденное народнымъ собраніемъ, но въ немъ, какъ можно думать, повторены въ значительной степени болѣе раннія положенія, восходящія къ началу VI или даже къ VII вѣку.

Гортинскій судебникъ былъ написанъ крупными буквами на внутренне сторонѣ большого полукружія, составленнаго изъ камней; это могла быть стѣна большой камеры суда или высокой ограды, замыкавшей площадь, на которой стояли главныя публичныя зданія. Такъ или иначе весь кодексъ былъ постоянно обозримъ для гражданъ, приходившихъ рѣшать свои тяжбы, защищать свои интересы и осуществлять свои притязанія. Фактъ выставленія дѣйствующаго права въ видѣ большой надписи говоритъ намъ очень много. Онъ показываетъ большую оборотливость и интеллигентность городскаго населенія; надо представить себѣ всеобщую или, по крайней мѣрѣ, очень распространенную грамотность. Затѣмъ видно, что судъ былъ гласный, что онъ служилъ постоянной ареной публичныхъ состязаній, что судья былъ связанъ непрерывнымъ общественнымъ контролемъ. Для характеристики правовъ въ Гортинской общинѣ очень выразительно упоминаетъ въ законѣ «камень, съ котораго говорятъ къ народу». Въ общемъ народномъ собраніи на этотъ камень становится тотъ, кто хочетъ совершить усмысленіе, призывая въ свидѣтели весь народъ; на томъ же мѣстѣ при тѣхъ же условіяхъ долженъ происходить и отказъ отъ усмысленія.

Гортинское гражданское и уголовное законодательство отличается исполнѣ свѣтскимъ характеромъ. Въ немъ имѣются лишь слабые остатки религіознаго права. Напр., законъ грозитъ порабителю свободнорожденнаго ребенка и чиновнику, который запротоколируетъ это овладѣніе личностью, проклятіемъ, «чтобы земля не приносила ему плодовъ». Вообще же всѣ наказанія матеріальнаго характера, въ судебномъ процессѣ нѣтъ никакой магіи, въ законѣ не упоминается ни о какихъ приношеніяхъ и доляхъ божества, ни о какихъ священнѣхъ имуществахъ; при усыновленіи приемный отецъ доставляетъ жертвенное животное и мѣру вина лишь своей гетеріи, т.-е. своему цеху или братству.

Гортинскій законъ нѣсколько хаотиченъ и беспорядоченъ, но въ его началѣ стоитъ важное принципиальное рѣшеніе: запрещается самоуправство, самовольный захватъ людей, обращеніе свободныхъ въ рабовъ. Всѣ эти акты должны проходить передъ судомъ; въ случаѣ уклоненія отъ суда судья долженъ слѣдить за восстановленіемъ права, опредѣлить для этого сроки и взыскать штрафы за нарушенія. Есть еще другое принципиальное постановленіе въ законѣ, опредѣляющее обязанности и права судей. «Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ судья рѣшаетъ на основаніи показаній свидѣтелей или оправдательныхъ присягъ (произносимыхъ тяжущимися или обвиняемыми), онъ рѣшаетъ согласно закону, въ другихъ случаяхъ подъ своей присягой онъ судитъ на основаніи данныхъ процесса». Выраженіе «подъ своей присягой» (*δμολύται*) можетъ быть вполне передано нашимъ «по своему убѣжденію». Комментаторы Гортинскаго закона справедливо находятъ, что здѣсь старинное греческое право показало себя съ самой блестящей стороны: оно ясно выразило великое правило, что судья долженъ рѣшать дѣла не формальнымъ путемъ, а самостоятельно взвѣсивъ всѣ выясняющіяся передъ нимъ данныя. Судьѣ поставлено также требованіе, не затягивать дѣлъ, а приступать къ ихъ разсмотрѣнію немедленно, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по прошествіи очень короткаго, точно опредѣленнаго срока.

Тѣ же первые параграфы любопытны еще въ иномъ отношеніи. Горожане для расширенія своихъ промысловъ жадно ищутъ рабочихъ-невольниковъ. Вполнѣ свободно могутъ они заирать осужденныхъ преступниковъ и должниковъ, за несостоятельность попавшихъ въ кабалу. Но, видимо, этого элемента хозяевамъ мало, и они устраиваютъ облавы на рабочихъ, перебиваютъ чужихъ рабовъ, забираютъ свободныхъ людей, дерзко объявляя ихъ своими рабами, такъ что нужны свидѣтели и большая настойчивость со стороны судьи, чтобы въ такихъ случаяхъ восстановить правду. Промышленное общество въ этомъ отношеніи усвоило себѣ военное право: недаромъ, осужденный назы-

вается въ кодексѣ «побѣжденнымъ» (*νενικχημένος*)²⁶. Большая часть параграфовъ кодекса занята вопросами о переходѣ имущества по наследству или при раздѣлахъ родственниковъ, или при разводѣ супруговъ. Раздѣлы и разводы, это—явленія, въ одно и то же время и очень частыя, обыденныя, и очень волнующія, беспокоящія общество. Для развода нѣтъ никакихъ препятствій; въ связи съ нимъ возникаютъ только матеріальные вопросы о размежеваніи капитала, недвижимости и доходовъ. Видимо, коммерческій духъ, жажда наживы бурно вторглись въ эту среду, старая семья разваливается, выступаетъ на сцену очень нервная, требовательная личность. Мобилизація имущества громадна, и въ этомъ водоворотѣ каждый хочетъ выдѣлнить свою отчетливую долю; никто не желаетъ слышать о совмѣстномъ общемъ владѣніи. Промышленный индивидуализмъ, между прочимъ, создалъ очень самостоятельное правовое положеніе женщины. Замужняя женщина сохраняетъ право собственности на присвоенное ею имущество; хотя мужъ получаетъ управленіе и пользованіе этимъ имуществомъ, но не можетъ имъ распоряжаться, ни продавать, ни отдавать его въ залогъ, ни раздѣлнить его между дѣтьми. Въ случаѣ развода женщинѣ обезпечена опять-таки хорошая доля имущества. Она можетъ даже получить половину дохода съ общаго имущества, своего и мужа, рядомъ съ половиной того имущества, которое она сама заработала, буквально «выткала» во время своего замужества. Последнее условіе очень характерно: оно показываетъ, что горожане отвыкли отъ мысли о неподвижно лежащихъ цѣнностяхъ; они не представляютъ себѣ, чтобы приданое, принесенное въ началѣ замужества, было только проѣдено или изношено; нѣтъ, оно должно было пойти въ дѣло, въ промыселъ, принести прибыль. Въ общемъ кипѣніи промышленной жизни, въ быстромъ обмѣнѣ, во всеобщемъ стремленіи къ наживѣ женщины такъ же активны, какъ и мужчины.

Общинныя власти стараются вырѣзать себѣ хорошую долю изъ столкновенія матеріальныхъ интересовъ, изъ безконечныхъ тяжбъ и судебныхъ процедуръ: параграфы гортинскаго кодекса такъ и пестрятъ штрафами, которые полагаются за разныя правонарушенія. Можно себѣ представить, что этотъ доходъ придавалъ весьма солидный видъ городскимъ финансамъ.

Меркантильный, разсчетливый, беспокойный вѣкъ глядитъ на пастъ съ этой большой гортинской надписи. Здѣсь живутъ спѣшно, старыя связи большею частью разорваны, родственники относятся другъ къ другу холодно и безпощадно. Но, какъ всюду и всегда въ Греціи, рядомъ съ явленіями крайне передовой жизни держится полудикая старина. Напр., гортинскій кодексъ узаконяетъ въ извѣстныхъ случаяхъ

подкидывание ребенка и, повидимому, не очень строго относится къ самому выбрасыванию младенца, если не оказалось отца и нѣтъ средствъ кормить новорожденного. Въ смыслѣ архаизма, среди все подрывающей капиталистической горячки, поразительно сохранение института дочерей-наслѣдницъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ старой семьи, ея хозяйственного коммунизма, ея принудительнаго общенія очень мало осталось: сынъ легко выдѣляется отъ отца, и на его личный заработокъ семья не имѣетъ права; со смертью отца наступаетъ полный и окончательный раздѣлъ имущества между наслѣдниками и, однако, среди этого торжества экономического индивидуализма, съ необычайнымъ стараніемъ проводятъ старинное правило, обязывающее единственную дочь умершаго наслѣдодателя выйти замужъ за своего старшаго дядю или его сына, при чемъ, въ случаѣ немѣня таковыхъ, устанавливается градация родственниковъ и близкихъ вплоть до членовъ фамиліи, къ которой принадлежитъ наслѣдница. Такимъ образомъ въ сферу свободныхъ перемѣнъ имущества вторгается древній принципъ, вытекающій изъ культа предковъ, принципъ религиозный, въ силу котораго мужская линія не должна прекращаться, и замужество единственной дочери-наслѣдницы составляетъ фикцію непрерывности патріархальнаго мужского рода.

Нравственные понятія городского общества. Въ городскомъ законодательствѣ необычайно ярко отразились интересы, наклонности, привычки, вкусы и требованія возникающей греческой буржуазіи. Понятія вновь сложившихся классовъ рѣзко расходятся съ моралью героевъ и ихъ дружинъ. Вотъ, напр., мы слышимъ, что рядъ законодателей (Залевкъ въ Локрахъ, Питтакъ въ Митиленѣ, Солонъ въ Афинахъ) запрещаютъ пышные похороны, которыя были въ обычаѣ у знати, хоры наемныхъ плакальщицъ, сожженіе вмѣстѣ съ умершимъ массы сокровищъ. Витязи съ ихъ случайно доставшимися неумѣренно захваченными богатствами, были склонны къ грандіозно безумнымъ, нерациональнымъ тратамъ. Организовавшіеся вновь купцы и ремесленники, напротивъ, расположены къ бережливости; въ тѣсной городской жизни вырабатывается нѣкотораго рода экономической аскетизмъ: сокращаютъ выдачи на общественные праздники, запрещаютъ хожденіе знатныхъ дамъ со свитами по улицамъ, пытаются прекратить неумѣренное питье вина. Съ другой стороны, новое городское общество не любитъ попрошайства и праздношатанія: по словамъ Геродота, Солонъ воспретилъ особымъ указомъ въ Афинахъ нищенство²⁷.

Въ индустриальной средѣ слагается свой взглядъ на воспитаніе подрастающихъ поколѣній, соответственный идеѣ труда. Онъ выразился въ рассказѣ о томъ, что будто бы Солонъ издалъ законъ, ко-

торымъ воспрещалось отцу требовать въ старости пропитанія отъ сына, разъ онъ не научилъ послѣдняго никакому ремеслу. Весьма мало правдоподобно, чтобы такой законъ стоялъ дѣйствительно въ кодексѣ; очевидно, въ число предписаній знаменитаго законодателя включили моральное требованіе, получившее большую бытовую силу: оно ярко рисуетъ настроеніе деміурговъ, столь непохожее на мечты обогащенія витязей, выраженныхъ словами Ахилла: «Все можно взять грабежомъ, быкомъ, тучныхъ овецъ, металлическіе котлы и золотистыя гривы коней». Настроеніе это, напротивъ, приближается къ трудовой и скупой хозяйственной морали Гесиода, съ той только разницей, что Гесиодъ протестуетъ пассивно противъ войны и захватовъ, тянется къ какой-то сельской тихой идилліи во вкусѣ старины; тогда какъ въ идеологій пробуждающейся греческой буржуазіи на первомъ мѣстѣ неумолимая погоня за наживой, жесткая и суровая конкуренція съ ближнимъ.

Развитіе рационализма. Тутъ склонны гораздо меньше отдавать мѣста фантазіи, игрѣ, эстетикѣ. Съ утратой вкуса къ яркой красочности, изысканной выдумкѣ появляется сухое рационалистическое отношеніе къ мифологій, которую такъ любило общество предшествовавшей эпохи. Новые поэты, слѣдуя аскетической модѣ городского общества, стараются очистить старинные эпические рассказы отъ чувственныхъ элементовъ, по ихъ мнѣнію безнравственныхъ. Стесихоръ, напр., который перерабатывалъ мифологическіе сюжеты для хоровъ, не могъ допустить мифа о похищеніи прекрасной Елены въ его гомеровскомъ видѣ. Одно изъ двухъ: или оставалось признать, что героиня была преступницей, но тогда въ сказаніи заключена безнравственная идея, или же сказаніе въ той формѣ, какъ оно передается, ложно и подлежитъ переработкѣ. И Стесихоръ даетъ сюжету другой оборотъ: очевидно, боги подарили похитителю Парису лишь обманчивый призракъ, тѣнь жены Менелая, и Елена вовсе не послѣдовала въ Трою; но ея не было и дома; она прожила время осады въ далекомъ Египтѣ. Стесихоръ отрицалъ также чудеса превращенія: богиня Артемида не могла превратить героя Актеона въ оленя, какъ рассказываетъ мифъ: она бросила на Актеона оленью шкуру, а собаки, принявъ его за звѣря, растерзали его.

Еще дальше идутъ философы, т.-е. богословы, пытающіеся внести систему и логичность въ религиозныя понятія. Ксенофанъ объявляетъ рассказы Гомера о богахъ глубоко безнравственными, считаетъ его развратителемъ народа. Народныя вѣрованія кажутся ему грубыми и материалистическими: каждое племя рисуетъ себѣ боговъ по своему человѣческому подобію. Въ особенно рѣзкое критическое отношеніе къ стариннымъ сказаніямъ становятся такъ называемые логографы, продолжатели эпоса въ прозѣ. Логографы впервые появились

въ Іоніи, родинѣ эпоса, странѣ культуры передовой благодаря своей близости къ просвѣщенному востоку. Уже составители эпоса обнаружили большой историческій и географическій интересъ: нѣкоторыя части эпоса носятъ характеръ мореходныхъ и этнографическихъ поученій; видимо, составители поэмъ путешествовали сами и въ своихъ переѣздахъ собирали всякаго рода мѣстные свѣдѣнія и сказанія, интересовались странами, племенами и происшествіями въ предѣлахъ доступнаго имъ міра. Еще большее преобладаніе получилъ географико-историческій интересъ у логографовъ. Они обращались, однако, къ нѣсколько иной публикѣ. Хотя эпическія поэмы были съ самаго начала записаны, но распространеніе ихъ совершалось, главнымъ образомъ, устнымъ путемъ. Рапсоды пѣли и декламировали публично, на большихъ пиршествахъ или на площади, среди народныхъ праздниковъ. Логографы писали въ прозѣ, слѣдовательно, къ декламации не предназначали своихъ произведеній: ихъ читатели составляли группы общества болѣе развитыя, публику избранную. Появленіе этого вида литературы въ извѣстной степени образуетъ начало разведенія общества въ умственномъ отношеніи на группу интеллигенціи и народа. Здѣсь, въ новой, болѣе тѣсной средѣ и сказывается особенно критическое отношеніе къ традиціи.

Крупнѣйшій представитель литературы логографовъ—Гекатей изъ Милета, жившій къ концу VI вѣка. Его произведенія начинались такими гордыми словами: «Я записываю то, что мнѣ представляется истиной; сказанія же эллиновъ многочисленны, и, какъ мнѣ кажется, смѣшны». Его приемы критики видны изъ слѣдующаго сохранившагося отрывка его книги. Гекатей останавливается на извѣстномъ разсказѣ о томъ, какъ Гераклъ, по приказу царя Эврисея, нисходилъ къ Аду, повелителю мертвыхъ, и притащилъ изъ преисподней страшнаго пса смерти Кербера; какъ истый изслѣдователь, Гекатей наблюдалъ на мысѣ Тенарѣ пещеру, черезъ которую Гераклъ будто бы входилъ въ подземелье. Въ глазахъ Гекатея вся исторія—сказка, переданная въ ней происшествія невозможны; онъ уже не вѣритъ въ существованіе боговъ подъ землею. Притомъ онъ сдѣлалъ эмпирическое, трезвое замѣчаніе по поводу пещеры: она не особенно глубоко вдается въ гору. Какой же его выводъ? Гекатей не отбрасываетъ всего разсказа, а перефразируетъ его и сводитъ на обыденные размѣры. Онъ принимаетъ содержаніе, но старается устранить, отбросить искажающую шелуху. Гераклъ для него—историческая фигура. Въ пещерѣ, говоритъ онъ, жила ядовитая змѣя. Такъ какъ ея укушеніе вызывало смерть, т.-е. приводило всякаго неукоснительно въ адъ, а укушеніе также напоминаетъ собакъ, змѣю прозвали адскимъ псомъ. Вотъ это опасное живот-

ное Гераклъ схватилъ живьемъ и принесъ къ Еврисею. Таково естественное событіе, которое нелѣпая народная молва, введенная въ заблужденіе названіемъ адскаго пса, обратила въ смѣшную сказку»²⁸.

Начало исторической науки. Произведеніе Гекатея не представляло лѣтописи, хронологическаго изложенія всемірной исторіи, оно было географическимъ обзорнѣмъ, при чемъ для каждой упоминаемой мѣстности или города онъ старался установить связанныя съ ней легенды, опредѣлить ея происхожденіе, разсказать любопытныя происшествія и достопримѣчательности. У логографовъ факты и замѣчанія группировались главнымъ образомъ около того, что греки называли *κτίσεις*, т.-е. основанія городовъ, и *εἰρήματα*, т.-е. изобрѣтенія. Въ послѣднюю группу отводили различные общіе вопросы, которые интересовали пробуждающуюся критическую мысль: какъ возникли техничскіе инструменты, вѣсы и деньги, виды искусства, кто ихъ изобрѣтатели. Это были вопросы историческіе и вмѣстѣ съ тѣмъ психологическіе: опредѣляя мотивы изобрѣтеній, изслѣдователи старались выяснить смыслъ человѣческихъ установленій и процессъ человѣческаго творчества. Отъ такой манеры разсказа и описанія не ушелъ въ сущности и Геродотъ. Въ большой общій разсказъ о столкновѣніяхъ азіатовъ и европейцевъ онъ вставляетъ массу частныхъ эпизодовъ, относящихся къ городамъ, областямъ и народамъ, которые приходится упоминать. По поводу острова Самоса и большого отступленія, посвященнаго ему, Геродотъ считаетъ нужнымъ оправдаться: «я останавливаюсь подробнѣе на судьбахъ самійцевъ, потому, что ихъ община обладаетъ тремя достопримѣчательностями, превосходящими все, что имѣется у грековъ: въ Самосѣ крупнѣйшій водопроводъ, громадная набережная на протяженіи всего порта и величайшій храмъ (богини Геры), построенный мѣстнымъ архитекторомъ Ройкомъ, сыномъ Филея»²⁹. Вѣроятно, Геродотъ слѣдуетъ здѣсь формамъ, которыя были приняты у логографовъ.

Постановка историко-психологическихъ вопросовъ у логографовъ обыкновенно весьма наивна, но интересно и важно то, что они подвергали обсужденію большой кругъ вопросовъ. Между прочимъ, были поставлены проблемы происхожденія человѣческаго языка и вопросъ о томъ, какой языкъ древнѣе всѣхъ, а отсюда и о томъ, какой народъ древнѣйшій на землѣ. По этому поводу есть любопытный разсказъ у Геродота, который считаетъ нужнымъ поправить болѣе старинную, какъ ему кажется, нелѣпую версію, составленную греками. Можетъ быть, старинная форма принадлежитъ Гекатею или кому-нибудь изъ его современниковъ; она состоитъ въ слѣдующемъ.

Египтяне считали себя изстари древнѣйшимъ народомъ на свѣтѣ. Но это убѣжденіе было поколеблено послѣ научнаго опыта, сдѣланнаго

царемъ египетскимъ Псамметихомъ. Царь велѣлъ взять нѣсколько дѣтей и отдать ихъ на воспитаніе женщинамъ, у которыхъ предварительно вырѣзали языки, чтобы онѣ не могли сообщить дѣтямъ рѣчи. (Вотъ эта подробность о безсловесныхъ нянькахъ не правится Геродоту, и онъ замѣняетъ ихъ пастухами, которые приходятъ кормить дѣтей, живущихъ въ полномъ одиночествѣ.) Дѣти росли до 2 лѣтъ, не слыша голоса человѣческаго. Цѣль опыта состояла въ томъ, чтобы подмѣтить первые звуки, которые они произнесутъ. Когда къ нимъ пришли въ первый разъ, дѣти стали протягивать руки, очевидно прося пищи, и кричать: бекъ, бекъ. Самъ царь провѣрилъ это явленіе и велѣлъ разслѣдовать по всѣмъ ему извѣстнымъ странамъ, не имѣетъ ли какой-либо народъ въ своемъ языкѣ похожее слово. Узнали, что у фригійцевъ βέκος значитъ хлѣбъ: отсюда царь сдѣлалъ заключеніе, что языкъ фригійцевъ ближе всего къ естественному, т.-е. первобытному языку, а затѣмъ былъ полученъ дальнѣйшій выводъ, что фригійцы, находящіеся въ обладаніи самого стариннаго языка, являются самымъ древнимъ народомъ на свѣтѣ³⁰.

Египетскій Псамметихъ въ этомъ разсказѣ, конечно, лицо вполне романическое, весь опытъ—фантазія резонирующаго греческаго рационалиста, и это тѣмъ болѣе, что фригійцы, жившіе въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи, больше занимали грековъ, чѣмъ египтянъ. На основаніи этой новеллы, такъ же, какъ вышеприведеннаго анализа міѳа у Гекатея, мы можемъ въ извѣстной степени представить себѣ бесѣды интеллигентныхъ людей греческаго общества VI вѣка и тѣ приемы просвѣтительства, которые были тогда въ ходу. Въ средѣ подвижныхъ горожанъ, разсудительныхъ, прозаичныхъ, склонныхъ къ пропіи, могли получить подготовку смѣлыя рационалистическія головы въ родѣ Клизеена сикіонскаго. Вполнѣ усвоивъ себѣ критическое отношеніе къ міѳамъ, съ которыми было связано почитаніе мѣстныхъ приходскихъ святыхъ, а также старинныя организациі политическихъ союзовъ, законодатель этой школы могъ смотрѣть на политическое устройство, какъ на соединеніе болѣе или менѣе искусно придуманныхъ механическихъ приемовъ: мало того, онъ рѣшился самъ на перестановки и оригинальныя изобрѣтенія въ области священныхъ именъ и религиозной символики.

¹ Пять аоническихъ судебныхъ мѣстъ описаны въ рѣчи Демосфена противъ Аристократа 65—79. ² Объ этомъ обширное историко-географическое изслѣдованіе V. Bérard, *Les phéniciens et l'Odyssee*, 1902—3. ³ Илиад. II, 856—7. ⁴ Одис. VI, 4—10. ⁵ Cicero de republ. II, 4. ⁶ Оук. I, 27. ⁷ Th. Reinach, *Histoire par les monnaies*, 1902; ch. II. ⁸ Герод. I, 94. ⁹ Aristot. fr. 481 ed. Rose. ¹⁰ Гер. II, 167. ¹¹ Гортинскій судебникъ изд. I. Kohler, E. Ziebarth, 1912, p. 32. ¹² Гер. III, 57. ¹³ Оук. II, 15. ¹⁴ Этотъ терминъ у Аристотеля въ очеркѣ аонической конституціонной исторіи прилагается къ выдающимся политикамъ Доинъ, начиная отъ Солона. ¹⁵ Оук. I, 13. ¹⁶ Гер. V, 67—8. ¹⁷ Гер. V, 66. ¹⁸ Theogn. elegiac, ed. Ziegler, 41—58. ¹⁹ Арист. Политика III, 9 (14). ²⁰ Илиад. XVIII, 497—508. ²¹ Одис. XII, 439. ²² Гер. I, 29. ²³ Текстъ отрывка, переводъ и комментаріи къ нему въ *Rec. d. inscript. jurid. grec. p. Dareste Haussouiller Reinach II série 1 fasc.* ²⁴ Плутарх. биограф. Солонъ 17. ²⁵ Таковъ между прочимъ взглядъ ученыхъ комментаторовъ вышепривед. изд. законовъ Драконта. ²⁶ Гортинскій судебникъ изд. Kohler Ziebarth II, 1 p. 4. ²⁷ Гер. II, 177. ²⁸ Müller, *Fragm. hist. graec.* I, 122. ²⁹ Гер. III, 60. ³⁰ Гер. II, 2—3.

IV. Спарта и Аѳины въ VI в. до Р. X.

Еще до великаго столкновѣнія греческаго міра съ персами Спарта и Аѳины были крупнѣйшими общинами Греціи. Ихъ сила и сравнительно большіе размѣры—результатъ ранняго и удачнаго объединенія. Но въ каждой изъ нихъ объединеніе носило особыя черты, и съ самаго начала Спарта и Аѳины очень непохожи другъ на друга.

Пелопоннесскія области. Спарта лежитъ среди группы военно-аристократическихъ общинъ. Въ Пелопоннесе вообще мало торговыхъ городовъ, и они расположены всѣ на краю, въ сѣверо-восточной части полуострова, поблизости Истма или на самомъ перешейкѣ, какъ Коринѳъ. Все остальное—области земледѣльческія и скотоводческія, съ бытомъ весьма примитивнымъ. Лишь двѣ изъ нихъ, Ахайя и Аркадія, обѣ раздробленныя и слабыя, имѣли мелковладѣльческое свободное населеніе. Самыя зажиточныя, наиболѣе плотно населенныя области, Лаконія, Мессенія, Аргосъ, Элида, представляли сеньеріально-крѣпостныя общины; небольшой составъ привилегированныхъ вонтелей владѣлъ лучшей землей и располагалъ барщинной многочисленнаго безправнаго крестьянства: въ Лаконіи и Мессеніи крѣпостные назывались гелотами (*ἑλωτες*), въ Аргосѣ—гимнетами. Еще одна общая черта сближаетъ названныя области, занимающія вмѣстѣ около $\frac{2}{3}$ Пелопоннеса: гражданство въ собственномъ смыслѣ составлялось лишь изъ привилегированныхъ владѣльцевъ, которые въ Аргосѣ и Спартѣ были сосредоточены въ главномъ городѣ (въ Спартѣ они даже назывались *ἀσπῶται*, т. е. горожане). Рядомъ съ гражданствомъ существуетъ довольно обширный классъ «обывателей» (въ Лаконіи они называются *περίοικοι*, въ другихъ областяхъ—*σύνοικοι*), свободныхъ людей, по занятію сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ, которые притягиваются къ военной службѣ, но не имѣютъ участія въ политической жизни.

Источники исторіи Спарты. При анализѣ историческихъ извѣстій о спартанской старинѣ необходима крайняя осторожность въ отношеніи

романтической литературы, которая работала, начиная съ IV вѣка, и отчасти дошла до насъ непосредственно въ видѣ произведеній Ксенофонта (434—359 г. до Р. X.) и Платона (428—347 до Р. X.), отчасти собрана въ биографіи Ликурга, составленной Плутархомъ (45—127 послѣ Р. X.). Въ этихъ сочиненіяхъ мы знакомимся не столько съ различными описаніями лаконскихъ порядковъ, сколько съ чаяніями и программами, бродившими въ публицистикѣ эпохи упадка Греціи. Литераторы смѣло переносятъ теоріи наилучшаго общественнаго строя и проекты реформъ въ видѣ идеальныхъ картинъ на глубокую древность и связываютъ ихъ осуществленіе съ личностью Ликурга, предполагаемаго создателя спартанскаго государства.

Ученики Сократа, Платонъ и Ксенофонтъ, восхваляли Спарту потому, что въ ея старинѣ думали найти социальнo-этическій рай чело-вѣчества. Оба они увлекались теоріей выработки чистой высокой расы людей; средствами къ созданію расовой аристократіи они считали какъ физическій подборъ, такъ и общую постановку воспитанія. Имъ казалось, что именно въ спартанскихъ учрежденіяхъ заложена мудрая социальная гигиена и педагогія, глубокой же просвѣтительный разумъ, проникающій эти здоровыя формы, восходитъ къ организаторской дѣятельности Ликурга. Въ идеализаціи Спарты принимала также участие коммунистическая школа, своеобразно соприкасавшаяся съ проектами военныхъ реформаторовъ, которые выступали въ самой Спартѣ. Вниманіе тѣхъ и другихъ, утопистовъ и военныхъ, привлекали факты образованія въ Спартѣ, къ 400 году большихъ латифундій, находившихся въ рукахъ капиталистовъ, и обезземеленія массы среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ, составлявшихъ раньше зерно военной силы Спарты. Сторонники аграрнаго равенства и военные реформаторы одинаково были готовы отобрать земли у представителей плутократіи и нарѣзать изъ нихъ надѣлы. Между проектами тѣхъ и другихъ имѣлось различіе; утописты желали надѣленія на основахъ полнаго равенства; по мнѣнію военныхъ, слѣдовало сообразовать размѣры участковъ съ видами оружія и тяжестью службы, а потому расположить ихъ въ градаціи привилегированныхъ и обыкновенныхъ леновъ. Плутархъ, всегда добросовѣстный въ собираніи свѣдѣній, сообщилъ въ биографіи Ликурга точныя цифры надѣловъ, согласно тѣмъ и другимъ проектамъ. У него выходитъ, что великій законодатель разрѣшилъ социальный вопросъ, раздѣливъ всю территорію Спарты на 9000 лучшихъ надѣловъ для спартиатовъ и 30.000 среднихъ надѣловъ для періоиковъ¹.

Историкъ поступить всего осторожнѣе, если будетъ исходить отъ извѣстій V вѣка, имѣющихся у Геродота и Фукидида, во-первыхъ, потому, что у нихъ самыя старинныя свѣдѣнія о странѣ, во-вторыхъ,

потому, что эти наблюдатели застали еще архаичную Спарту, не успевшую превратиться в плутократію подъ влияніемъ персидскаго золота.

Бытовые черты старинной Спарты. Для писателя V вѣка о Спартѣ мало есть, что разсказать. «Количественная сила спартанцевъ была неизвѣстна, говоритъ Фукидидъ ², благодаря тайнѣ ея политики». Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все было окружено секретомъ; не существовало публичныхъ дебатовъ; община относилась необычайно недоувѣрчиво къ постороннимъ, что выражалось въ обычай высылки иностранцевъ (*ξενολασία*), практиковавшейся по временамъ; надо прибавить низкій культурный уровень спартанскаго общества и отсутствіе мѣстныхъ публицистовъ, которые могли бы сообщить свои наблюденія.

Во времена Геродота организаторомъ существующаго спартанскаго порядка (*κόσμος*) считался Ликургъ, «выдающаяся личность», но самъ не царь, а лишь опекунъ одного изъ малолѣтнихъ царей. Отъ Ликурга идетъ прославленное благоустройство (*εὖνομία*) Спарты. Геродотъ сообщаетъ двѣ версіи происхожденія законовъ Ликурга: по одной онъ дѣйствуетъ подъ влияніемъ божественнаго внушенія, чуть ли не вдохновляемый непосредственно Пнѳеией, по другой, распространенной у самихъ спартанцевъ, Ликургъ заимствуетъ строй изъ Крита ³. Когда жилъ Ликургъ и давно ли существуетъ прочное устройство общины, представлялось Геродоту неяснымъ, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ не былъ склоненъ особенно далеко возводить въ старину моментъ благотворной реформы. Болѣе увѣренно говоритъ о древности спартанскаго устройства Фукидидъ, не упоминая, однако, ни о какомъ инициаторѣ: по его словамъ, Спарта не измѣняла своихъ порядковъ въ теченіе 400 лѣтъ, т.-е. онъ возводитъ спартанское устройство къ IX вѣку ⁴. Фукидидовская цифра, круглая и слишкомъ значительная, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Намъ нѣтъ, однако, нужды проверять ее. Достаточно того, что спартанскій строй представлялся постороннимъ наблюдателямъ очень стариннымъ и консервативнымъ. Фукидидъ считаетъ, что учрежденія и обычаи Спарты имѣли по преимуществу старомодный обликъ ⁵. Геродотъ подробно описываетъ тѣ устарѣлости, которыми поражала современная ему Спарта ⁶. Въ ихъ числѣ онъ изображаетъ патриархальную обстановку власти басилеевъ, передаетъ, какіе они получали подарки, взносы патурой, каковы были исполняемые на нихъ повинности. Нѣкоторые обычаи, напримѣръ, шумная изьявленія траура по умершему басилею, кажутся ему чѣмъ-то дикарскимъ, и Геродотъ вспоминаетъ извѣстные ему аналогичные обряды азіатскихъ варваровъ. Вниманіе Геродота останавливаетъ еще одна черта, которая кажется ему опять-таки не греческой, и аналогію ей онъ отыскиваетъ въ Египтѣ. Это—наслѣдственность профессій, или,

иначе говоря, кастичность общественныхъ слоевъ. Хотя сравненіе съ Египтомъ выбрано не вполне удачно, но мысль Геродота легко понять; его поразила неподвижность общественныхъ отношеній въ Спартѣ, рѣзкія преграды, поставленныя между классами.

Характеристика Геродота вполне понятна, если принять во вниманіе его увлеченіе демократическими нравами аѳинской республики, гдѣ общественныя различія легко сглаживались и стирались. Отъ того же противоположенія Спарты и Аѳинъ исходитъ консервативный авторъ анонимной брошюры объ аѳинскомъ строѣ, приписанной Ксенофону, но въ дѣйствительности вышедшей около 425 года. Враждебный аѳинскому своеволію вообще, онъ указываетъ на ту свободу, которою пользуются рабы въ Аѳинахъ, на ихъ хорошіе заработки, на то, что ихъ трудно отличить отъ гражданъ низшихъ классовъ и что они не боятся господъ. «Совѣмъ другое дѣло въ Лакедемонѣ, тамъ всѣ рабы, какъ классъ, чувствуютъ страхъ передъ господами» ⁷. Аѳинскій аристократъ втайнѣ завидуетъ спартанской соціальной іерархіи.

Рядомъ съ указаніемъ на отсталость общественнаго и политическаго строя Спарты есть свѣдѣнія о новаторской роли, которую она сыграла въ различныхъ областяхъ быта. Фукидидъ говоритъ, что спартанцы первые отказались отъ длинной роскошной старинной одежды, оближавшей грековъ съ азіатами и предрасполагавшей къ изнѣженности; они ввели костюмъ болѣе простой и гигиеничный, и вмѣстѣ съ тѣмъ выработали формы здороваго гимнастическаго воспитанія; появленіе новаго чисто-греческаго стиля жизни составляетъ ихъ заслугу ⁸. Какъ примирить эти нѣсколько противорѣчивыя на видъ черты характера спартанской общественности?

Военно-землевладѣльческій классъ въ Спартѣ. Спартанскій строй былъ дѣломъ опредѣленнаго замкнутаго класса, который ко времени Геродота и Фукидида сталъ приходить въ упадокъ. Господа (*δεσπότες*) выводили себя отъ завоевателей доріанъ, когда-то пришедшихъ съ сѣвера и подчинившихъ себѣ туземное населеніе, большая часть котораго стала крѣпостными (*οἰκέτες*). Вѣроятно, дорійскія дружины составляли большую силу, если имъ удалось занять не только долину Эвроты, но, вскорѣ также, отдѣленную отъ нея хребтомъ Тайгетомъ равнину Мессеніи,—двѣ лучшія области Пелопоннеса. Потомки припльхъ героическихъ вонтелей считались всѣ товарищами, равными другъ другу (*ἐμοίσι*). Въ свое время они получили хорошіе надѣлы, и владѣніе землей считалось непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы удержаться въ составѣ людей благороднаго званія. Отсюда забота о сохраненіи стариннаго права, въ силу котораго господскіе клеры могли переходить только по наслѣдству; всякаго рода покупка, дареніе земли

и вѣроятно также отдача въ залогъ имѣнія рѣшительно исключались. Это запрещеніе мобилизаціи земли продержалось до самаго конца V вѣка, и лишь послѣ Пелопоннесской войны законъ Эпитадея допустилъ свободный переходъ земли; въ сущности, законъ этотъ только оформилъ то, что уже происходило фактически, но именно его запоздалость показываетъ, что пришлось разрушать какой-то закоренѣлый предрасудокъ, связанный съ бытомъ благороднаго сословія.

Въ Лаконіи не развилось коневодства и не было хорошей конницы, поэтому спартанскихъ господъ было бы неумѣстно называть рыцарями. Всадники составляли только небольшую почетную группу въ средѣ гражданства. Остальная масса благороднаго воинства образовала первую въ Греціи, далеко оставляющую за собой ополченія всѣхъ другихъ общинъ фалангу гоплитовъ, тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Ихъ можно было бы назвать общегреческимъ терминомъ геоморовъ, при чемъ только не слѣдуетъ забывать растяжимость понятія «землевладѣльцевъ». Если въ Атикѣ геоморы приближались къ типу крестьянъ, то въ Лаконіи и Мессеніи, завоеванной спартанцами, къ нимъ скорѣе подошло бы обозначеніе землевладѣльцевъ-помѣщиковъ.

Главная масса завоевателей сѣла лагеремъ въ центрѣ Лаконіи, въ четырехъ деревняхъ, которыя и составляли Спарту, отсюда названіе благородныхъ «спартиатовъ». Воители такъ специализировались въ пѣхотной тактикѣ, что нѣкоторыя другія отрасли военнаго дѣла у нихъ развиты были слабо. Такъ, напр., они никогда не отличались большимъ умѣньемъ строить укрѣпленія, и Спарта оставалась за все время своей исторіи безъ окруженія стѣною. Но чрезвычайно большое вниманіе было отведено заготовкѣ оружія и поддержанію большого арсенала. Спарту можно считать классическимъ мѣстомъ желѣзнаго производства въ Греціи, и на обилии, на хорошемъ качествѣ примѣнявшагося спартанцами желѣза опиралось въ значительной мѣрѣ ихъ военное превосходство. Основу желѣзныхъ запасовъ въ Спартѣ давали мѣстные рудники; но, кромѣ того, находясь во главѣ Пелопоннесскаго союза, Спарта требовала отъ своихъ вассаловъ и союзниковъ поставокъ желѣза. Мы знаемъ, что въ 413 году, собираясь въ рѣшительный походъ на покореніе Аѳинъ, спартанцы выписали со всего Пелопоннеса усиленный подвозъ желѣзныхъ орудій⁹.

Въ связи съ этимъ преобладаніемъ желѣза въ поставкахъ на центральную общину находится установленіе желѣзныхъ денегъ (можетъ быть, въ видѣ прутьевъ, *δβελαί*). Впослѣдствіи въ Греціи смѣялись надъ неуклюжей системой денегъ, для перевоза которыхъ въ небольшой суммѣ 10 мишь нужна была телѣга и парная упряжь, а романтики придумали даже легенду, будто Ликургъ изгналъ золото и серебро

и ввелъ счетъ на желѣзо, для того, чтобы истребить роскошь¹⁰. Надо полагать, что смѣшныя въ глазахъ позднѣйшихъ литераторовъ телѣги исполняли очень реальную роль въ поставкахъ, а грузъ въ 10 мишь цѣною отвѣчалъ нормальному вѣсу, который былъ установленъ властями для провѣрки поставщиковъ.

Большое военное товарищество «равныхъ» выработало въ своей средѣ нравы и привычки, сохраненіе которыхъ считалось дѣломъ чести для всѣхъ людей благороднаго званія. Напр., хорошій тонъ въ Спартѣ требовалъ пренебреженія къ семьѣ и домашней жизни. Свои посѣщенія жены спартавецъ старался скрывать; мужчины обѣдали преимущественно за публичными столами, усаживаясь группами сотрапезниковъ (*συσκήνισι*). Спартанцы заботились о приданіи себѣ мужественнаго вида, и во времена Ксенофонта господствующая мода требовала ношенія длинныхъ волосъ и красныхъ рубашекъ. Какъ у дворянъ всѣхъ временъ, у спартанцевъ была развита большая драчливость: то и дѣло проходили дуэли и притомъ безъ всякихъ формальностей, часто при первой же встрѣчѣ на дорогѣ¹¹.

Политическое устройство Спарты. Политикой спартанское общество благородныхъ интересовалось мало, поэтому государственное устройство его оставалось весьма первобытнымъ. Въ Спартѣ сохранилась гомеровская власть наслѣдственныхъ басилеевъ; генеалогическую линію обѣихъ правящихъ династій возводили къ герою-полубогу Гераклу. Цари рѣшали важнѣйшія дѣла вмѣстѣ съ совѣтомъ старцевъ (*γερουσίαι*), и притомъ настоящихъ, не номинальныхъ только стариковъ. Старинный гомеровскій видъ сохранила и общая сходка воиновъ (*ἀπέλλαι*). Собраніе спартанцевъ не знало правильныхъ дебатовъ, и рѣшенія принимались безъ опредѣленнаго голосованія, криками общаго сочувствія или неодобренія. «Они рѣшаютъ возгласами, а не подачей камешковъ», замѣчаетъ Фукидидъ¹², сравнивая безпорядочность сходки въ Спартѣ съ точнымъ подсчетомъ партійныхъ мнѣній въ Аѳинахъ.

Единственной переменной въ Спартѣ противъ старинныхъ гомеровскихъ порядковъ можно считать учрежденіе должности 5 эфоровъ, ежегодно избираемыхъ собраніемъ спартиатовъ. Когда и по какому поводу возникъ эфоратъ, намъ судить трудно. Но характеръ учрежденія опредѣленно вырисовывается на основаніи практики V вѣка. Больше всего бросается въ глаза руководство эфоровъ въ дѣлахъ иностранной политики; къ нимъ обращаются посольства, они обсуждаютъ предложенія союза съ другими государствами; не входя въ стратегію главныхъ военныхъ начальниковъ, царей, они, однако, даютъ имъ общія инструкціи, какъ дѣйствовать. Когда въ 479 году Мардоній стоялъ въ Средней Греціи и грозилъ новымъ опустошеніемъ Атики,

пелопоннесцы работали усиленно надъ укрѣпленіемъ Истма и, повидимому, собирались предоставить Среднюю Грецію собственной участи. Аѳиняне, мегаряне и платейцы отправляютъ посольство въ Спарту съ просьбой о немедленной помощи, въ противномъ случаѣ они должны будутъ предаться персамъ. Послы обращаются къ эфорамъ и съ ними одни имѣютъ дѣло. Послѣ долгаго колебанія эфоры соглашаются на просьбу и даютъ приказъ на выступленіе пелопоннескаго ополченія¹³. Въ той же роли мы видимъ эфоровъ нѣсколько разъ въ теченіе Пелопоннеской войны въ концѣ того же вѣка. Фукидидъ передаетъ весьма любопытный документъ, договоръ между персами и спартамцами 412 г. относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ аѳинянъ. Документъ начинается словами: «Въ тринадцатомъ году царствованія Дарія, въ эфоратѣ Алексипида въ Лакедемонѣ, былъ заключенъ на равнинѣ Мэандра договоръ (ἔσθηθη) между лакедемонянами и ихъ союзниками, съ одной стороны, и Тиссаферномъ, Гераменомъ и сыномъ Фарнака, съ другой, касательно интересовъ царя и лакедемонянъ съ ихъ союзниками»¹⁴... Здѣсь не названы спартанскіе басилеи; имя эфора поставлено рядомъ съ именемъ великаго царя персидскаго; можетъ быть, даже мы имѣемъ право заключить изъ этого текста, что между пятью эфорами былъ одинъ главный, эпонимъ, который и давалъ имя году, какъ въ Аѳинахъ первый архонтъ.

Вообще эфоры болѣе авторитетны, чѣмъ басилеи. Ихъ роль, главнымъ образомъ, состоитъ въ контролѣ наслѣдственныхъ царей; они какъ бы стражи противъ злоупотребленій и покушеній на тиранію со стороны басилеевъ. Когда передъ началомъ іонійскаго возстанія, въ Спартѣ появился богатый самосецъ Мэандрій, завелъ дружбу съ царемъ Клеоменомъ и пытался ослѣпить его своими запасами золота и серебра, царь испугался, какъ бы его не стали обвинять въ измѣнѣ, и первымъ дѣломъ донесъ о поведеніи Мэандрія эфорамъ, а тѣ уже рѣшили выслать подозрительнаго иностранца¹⁵. Въ знаменитомъ дѣлѣ царя Павсанія, героя освободительной войны, обвиненнаго потомъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ персами, эфоры выступаютъ очень опредѣленно и рѣшительно: они посылаютъ въ Азію, гдѣ командовалъ Павсаній, агента съ твердой инструкціей доставить царя въ Спарту. Когда Павсаній, избѣгая ареста, успѣшилъ добровольно вернуться домой, эфоры тѣмъ не менѣе заключили его въ тюрьму. Эта мѣра не представляла ничего исключительнаго и не была превышеніемъ власти эфоровъ; Фукидидъ опредѣленно прибавляетъ: «эфоры въ правѣ такъ обращаться съ царями»¹⁶.

Иногда эфоратъ называли демократическимъ учрежденіемъ Спарты. Едва ли подобная терминологія удачна; подъ демосомъ пришлось

бы тогда разумѣть небольшую группу привилегированныхъ. Можно признать это опредѣленіе правильнымъ только въ томъ смыслѣ, что тѣсная военная община, сосредоточенная въ Спартѣ и носившая гордое имя «равныхъ», дѣйствительно сумѣла организовать въ качествѣ могущественной корпораціи, и что именно въ лицѣ эфоровъ она выдвинула форму непрерывнаго контроля надъ главными командирами. Въ этомъ направленіи спартанское воинство продолжало дѣйствовать и впослѣдствіи. Когда во время перерыва Пелопоннеской войны, при столкновеніи Спарты съ союзниками на самомъ полуостровѣ въ 418 году, царь Агисъ сталъ проявлять слишкомъ большую самостоятельность, его связали наблюденіемъ комиссіи 10, которая должна была при немъ состоять во всѣхъ его походахъ и предпріятіяхъ¹⁷.

Отъ строенія и правовъ демократіи военная корпорація «равныхъ» была далека. По словамъ Фукидида, спартанское войско состоитъ изъ начальниковъ надъ начальниками (ἄρχοντες ἀρχόντων)¹⁸, т.-е. онъ хочетъ сказать, что среди спартанцевъ сильно развито іерархическое начало. Фукидидъ передаетъ по поводу того же похода 418 года любопытныя черты быта спартанцевъ. Передъ битвой они распѣваютъ воинственныя пѣсни, чтобы поднять общее настроеніе; рѣчей, которыя такъ любили остальные греки, у нихъ не полагается. Аргивяне идутъ на спартанцевъ быстрымъ шагомъ, наступаютъ горячо (ὀργῆ). Совершенно иначе ведутъ себя спартанцы. Они подвигаются медленно, подъ музыку большого оркестра флейтистовъ, сопровождающаго войско въ походѣ; это дѣлается не ради соблюденія религіознаго обычая, а для того, чтобы войско маршировало равномерно въ тактъ (μετὰ ῥυθμοῦ), и чтобы строй не разрывался, какъ это постоянно бываетъ съ большими корпусами при наступленіи. Все, что передано у Фукидида о тактикѣ спартанцевъ, показываетъ въ нихъ признанныхъ мастеровъ военнаго дѣла. Интересно еще замѣчаніе о завершеніи битвы: спартанцы разбили врага, но, несмотря на то, что они сражались съ величайшимъ упорствомъ, они сдерживаются и не бросаются въ преслѣдованіе¹⁹.

Внѣшняя политика Спарты. Всѣ наблюдатели сходятся въ томъ, что политика Спарты отличалась устойчивостью, медлительностью и негибкостью. На чемъ же она держалась и какимъ образомъ пришли спартанцы къ организаціи самаго большого въ Греціи союза?

Старинныя надѣлы спартанскихъ воителей лежали сплошной полосой, называвшейся πολιτικὴ χώρα, землей гражданства, по долину Еврота. Это было владѣніе прочное; спартанцы были тутъ же близко сосредоточены какъ бы въ одномъ лагерѣ; опасаться возстанія крѣпостныхъ подъ самой Спартой не было основаній. Въ иномъ положеніи были помѣстья болѣе новаго происхожденія, образовавшіяся изъ надѣловъ

въ завоеванной Мессеніи. Здѣсь у господъ не имѣлось цитадели, съ высоты которой они могли бы господствовать надъ страной. Напротивъ, крѣпостныя, пользуясь абсентеизмомъ владѣльцевъ, имѣли возможность организоваться и воспользоваться почти неприступной естественной крѣпостью Иеомы, близко къ границѣ трудно проходимой Аркадіи. Отсюда крайне опасныя для самаго существованія Спарты *мессенскія войны*, т.-е. возстанія туземныхъ гелотовъ, воинственныхъ и неукротимыхъ.

Пожалуй, можно сказать, что вся внѣшняя и внутренняя политика Спарты опредѣляется, прежде всего, необходимостью охранять мессенскія владѣнія. Задача эта была особенно трудна, если принять во вниманіе количественныя отношенія между классами въ спартанскомъ государствѣ. Статистическія вычисленія вообще имѣютъ очень слабыя основы въ матеріалѣ античной исторіи, а уже о Спартѣ съ ея политическими секретами и говорить нечего. Одинъ изъ изслѣдователей предлагаетъ слѣдующій приблизительный расчетъ²⁰. По даннымъ Геродота, спартанское ополченіе, выступившее противъ персовъ въ 479 году, состояло изъ 5000 спартанцевъ, 5000 періойковъ и 35.000 гелотовъ. Получающееся здѣсь отношеніе 1:1:7 нельзя принять за вполне точное отраженіе дѣйствительной пропорціи классовъ въ спартанскомъ государствѣ, но отчасти можно имъ руководиться. Что касается періойковъ, то къ нимъ господствующій классъ относился съ довѣріемъ и усиленно притягивалъ обывателей къ военной службѣ: въ такую критическую минуту, какой было время нашествія персовъ, взяли изъ спартанцевъ и изъ періойковъ одинаково максимумъ возможнаго, а, слѣд., мы въ правѣ считать, что цифры ополченцевъ того и другого класса соотвѣтствуютъ общему ихъ составу; иначе говоря, приблизительно количество періойковъ было равно въ началѣ V вѣка количеству спартанцевъ. Иначе приходится разсуждать относительно количества гелотовъ. Господа Спарты лишь съ опаской давали имъ оружіе въ руки, а вооружать очень значительныя массы не рѣшались. Слѣд., отношеніе 1:7 между ополченскими цифрами слишкомъ мало, меньше чѣмъ дѣйствительное отношеніе между господами и крѣпостными; его по крайней мѣрѣ надо переимѣнить на 1:10. Тогда мы получили бы 1:1:10, или всего двѣнадцать долей, двѣ на свободное и десять на крѣпостное населеніе. При такомъ народномъ составѣ Лакедемона спартанцамъ было рискованно пускаться въ наступательныя войны, особенно совершать далекіе походы. У спартанскихъ политиковъ сложилось въ этомъ отношеніи какое-то суевѣрное предубѣжденіе. Геродотъ разсказываетъ, что Аристагоръ Милетскій почти совѣмъ склонилъ царя Клеомена въ пользу іонійцевъ, замышлявшихъ возстаніе противъ персовъ. По

какъ только онъ неосторожно обмолвился, что азіатской экспедиціи предстоитъ три мѣсяца пути, Клеоменъ вскочилъ съ мѣста и немедленно прекратилъ разговоръ: «гость изъ Милета, я требую, чтобы ты покинулъ Спарту до захода солнца, такъ какъ ты сдѣлалъ совершенно неприемлемое для лакедемонянъ предложеніе—отойти на три мѣсяца отъ моря»²¹.

Послѣ покоренія Мессеніи спартанцамъ не удается сдѣлать значительныя завоеванія въ Пелопоннесѣ; въ упорныхъ войнахъ съ Аркадіей и Аргосомъ, они прибавляютъ лишь небольшія территоріи къ своимъ владѣніямъ. Спарта переходитъ къ иному рода политикѣ, она начинаетъ заключать съ сосѣдями принудительные военные союзы.

Отношенія Спарты къ другимъ пелопоннесскимъ общинамъ. Прежде всего, такой образъ дѣйствій сталъ необходимъ по отношенію къ Аркадіи. Единственное спасеніе Спарты противъ этой здоровенной расы людей состояло въ томъ, что Аркадія, страна разобщенныхъ котловинъ и разорванныхъ потоковъ, не могла придти къ объединенію; ея маленькіе кантоны непрерывно ссорились между собой за выгоны, то запирали одинъ другому воду, то, напротивъ, затопляли сосѣдскую территорію. Спартѣ оставалось только мѣшать аркадскому синойкизму, поощрять усобицы, и въ особенности поддерживать вражду между двумя сильнѣйшими аркадскими общинами, Тегеей и Мантинеей. Объединенная Аркадія была бы гибелью для Спарты. Напротивъ, изъ союза съ разобщенными аркадскими кантонами Спарта могла извлечь большую выгоду. Она ставила горнымъ областямъ требованіе высылать вспомогательныя отряды и получала изъ аркадскихъ деревень съ ихъ дюжими скотоводами чуть ли не лучшихъ въ Греціи солдатъ. Господствовать надъ Аркадіей и поддерживать ея раздробленіе было крайне необходимо для Спарты еще потому, что черезъ Аркадію проходила одна изъ двухъ дорогъ, соединявшихъ Спарту съ Истомъ.

Другая изъ этихъ дорогъ проходила черезъ Аргосъ. Такъ какъ Арголида примыкаетъ непосредственно къ Истму, то въ сущности Аргосъ господствовалъ надъ концами обоихъ путей, идущихъ изъ глубины полуострова и сходящихся на перешейкѣ. Положеніе Спарты было здѣсь еще труднѣе. Аргосъ представлялъ сильный объединенный кантонъ такого же типа, какова была сама Спарта. На покореніе Аргоса у Спарты уже не хватало силъ; но не было возможности и мирно размежеваться двумъ главнымъ крѣпостнымъ общинамъ Пелопоннеса.

Спарта старалась изолировать Аргосъ со стороны восточнаго моря; она приняла въ свой союзъ приморскіе города восточной Арголиды, Эпидавръ, Трэзенъ, Герміону, позднѣе втянула и торговую Эгину. Съ другой стороны, Спарта пошла навстрѣчу аристократіямъ Сикіона, Ко-

риноа и Мегары въ ихъ борьбѣ съ тиранией; всюду она являлась на защиту возвращавшихся эмигрантовъ и для поддержанія реставраціи. Въ результатѣ эти богатія, цвѣтущія общины, располагавшія широкими торговыми связями, также вошли въ союзъ со Спартой. Благодаря такой политикѣ, Спарта получила противовѣсъ Аргосу за его спиной и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечила себѣ выходы изъ Пелопоннеса. Последнее обстоятельство имѣло большое значеніе въ виду экономическихъ особенностей Пелопоннеса; вѣроятно, уже довольно рано его населеніе стало нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ; а такъ какъ во всей южной и западной части полуострова гаваней нѣтъ, то ввозъ въ Аркадію, Лаконію и Мессенію могъ идти только черезъ города Истма; слѣд., дружба съ торговыми общинами была для Спарты вопросомъ пропитанія. Такимъ образомъ, враждѣ съ Аргосомъ Спарта обязана была заключеніемъ союза съ кантонами, по своимъ интересамъ и устройству крайне непохожими на крѣпостныя общины Пелопоннеса. Ладить вмѣстѣ военной корпораціи съ мореходными купеческими республиками было очень трудно. Союзъ съ Коринѳомъ и Мегарой имѣлъ для Спарты еще другое неудобство: торговые города Истма лежали на порогѣ Средней Греціи и замѣшаны были въ различныя комбинаціи и конфликты, посторонніе Пелопоннесу; Спарта, слѣдуя за своими новыми союзниками, должна была поневолѣ втянуться въ эти чуждыя ей дѣла.

Иначе сложились отношенія Спарты къ Элидѣ, западной окраинѣ Пелопоннеса. Элида стоитъ въ сторонѣ отъ бойкихъ большихъ дорогъ. Положеніе господствующей группы въ этой странѣ, элейцевъ, было похоже на условія, въ которыхъ находились сами спартанцы. Непосредственно элейцамъ принадлежало лишь около $\frac{1}{3}$ территоріи; остальные $\frac{2}{3}$ были заняты общинами періойковъ, и среди нихъ находилось святое мѣсто, Олимпія, гдѣ происходили столь популярныя во всей Греціи празднества. Быть господь-элейцевъ опирался на землевладѣніе и работу крѣпостныхъ, какъ въ Лакедемонѣ; отъ періойковъ требовалась военная подмога и по временамъ денежные взносы. Элейцы никогда не могли, однако, вполне подчинить себѣ періойковъ, потому что жили разсѣянно по деревнямъ и помѣстьямъ плодородной долины «глубокой Элиды», не имѣя центра, подобнаго Спартѣ. Синоикизмъ, впрочемъ, довольно вялый, произошелъ лишь послѣ греко-персидскихъ войнъ въ 471 году; тогда впервые возникъ городъ Элида. Подъ влияніемъ этихъ условій консерватизмъ элейцевъ соединился съ извѣстнаго рода общественной малоподвижностью. Элида считалась чуть ли не самой отсталой страной Греціи. Еще къ III вѣку до Р. Х. Полибій отмѣчаетъ фактъ для него поразительный: нѣкоторые элейцы такъ лю-

бятъ деревенскую жизнь, что бываютъ семьи, и притомъ зажиточныя, гдѣ два или три поколѣнія никогда не посѣщали народнаго собранія. Полибій объясняетъ эту сельскую замкнутость тѣмъ, что руководители политики въ Элидѣ позаботились о доставкѣ въ деревни всего необходимаго, и, между прочимъ, объ устройствѣ судебныхъ разбира- тельствъ на мѣстахъ, чтобы не нужно было все ѣздить въ городъ²². Это—факты, правда, поздняго времени, но по нимъ можно судить о томъ, что такое Элида представляла раньше.

Элида была настоящей страной рыцарства, зажиточныхъ копево- довъ, сохранившихъ для себя старинное землевладѣльческое право: извѣстная часть земельного владѣнія считалась обезпеченной отъ обремененія долгами²³. Въ довершеніе картины консерватизма Элиды можно прибавить, что область была полна часовенъ и святыхъ мѣсть. Элейцы очень неохотно пускались въ военныя предпріятія. Выходило такъ, что въ важныхъ случаяхъ элейцы непременно опаздывали: они пришли слишкомъ поздно въ 479 г. къ Платеямъ, когда уже дана была великая битва съ персами; не пришли они во-время и къ сраженію при Мантиней въ 418 году, когда половина Пелопоннеса соединилась противъ Спарты. Зато элейцы предпочитали, гдѣ возможно, купить территорію или получить хорошее отступное. Городъ Лепреонъ просилъ у элейцевъ помощи противъ аркадянъ и обѣщалъ уступить половину своей территоріи; элейцы помогли, но вернули лепреатамъ землю подъ условіемъ уплаты ежегодной суммы въ пользу Зевса Олимпійскаго²⁴.

Сближеніе Спарты съ Элидой объясняется своеобразнымъ соседствомъ послѣдней съ Мессеніей, а также характеромъ элейскаго рыцарства. Зависимые отъ элейцевъ періойки могли оказать поддержку мессенскимъ гелотамъ; эта опасность заставила спартанцевъ подать руку политически вялымъ элейцамъ. За участіе элейцевъ въ союзѣ спартанская аристократія помогала имъ противъ періойковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивала и себѣ спокойствіе на границѣ. Спарта получила еще одну выгоду отъ союза: гарантируя элейцамъ руководящее положеніе на Олимпійскихъ играхъ, Спарта заняла сама видное мѣсто въ большомъ національномъ торжествѣ; она являлась главной покровительницей святыни. Впрочемъ, дружба Спарты съ Элидой не заходила очень далеко; и здѣсь, какъ въ Аркадіи, спартанцы держались принципа *divide et impera*: они не давали элейцамъ совѣмъ одолѣть періойковъ, напротивъ, держали ихъ въ видѣ нѣкотораго противовѣса господамъ.

Пелопоннесскій союзъ. Изъ описанныхъ отношеній сложился Пелопоннесскій союзъ, самое крупное соединеніе сухопутныхъ общинъ въ Греціи.

Видъ союза остались: сѣверная полоса полуострова, Ахайя, страна скудная и безсильная по своей раздробленности, для Спарты не представлявшая интереса, и Аргось, злѣйшій врагъ Спарты. Союзъ состоялъ изъ самой Спарты, располагавшей непосредственно двумя южными областями, восточной Аролидой съ островомъ Эгиной, Элиды, сельскихъ общинъ Аркадіи и городовъ Коринѳа, Мегары, Сикіона и Флиунта. Аркадяне доставляли союзу «живую силу»; Коринѳъ и Элида были важны своими финансовыми средствами. Коринѳъ, Эгида, Сикіонъ ставили корабли. Союзъ не представлялъ общей взаимной связи интересовъ; Элида и Коринѳъ, напр., вовсе не были нужны другъ другу; между Аркадіей и Эгиной не было ничего общаго. Союзъ держался только тѣмъ, что каждый изъ членовъ нуждался по-своему въ поддержкѣ Спарты, а, въ свою очередь, Спарта была заинтересована въ помощи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; но сближеніе ихъ между собою совѣмъ не входило въ ея расчеты. Главнымъ правиломъ союзной политики Спарты было поддерживать болѣе слабыхъ противъ болѣе сильныхъ. Правило это выразилось и въ устройствѣ союза. Характерной особенностью конгресса союзныхъ общинъ Пелопоннеса Фукидидъ считаетъ равенство большихъ и малыхъ общинъ въ подачѣ голосовъ (*ισόψηφοι*)²⁵. На видъ обезпеченіе голоса каждому мелкому члену могло казаться либеральной конституціонной формой; въ дѣйствительности это былъ пріемъ, посредствомъ котораго Спарта раздробляла оппозицію и создавала выгодныя для себя группировки.

Къ половинѣ VI вѣка Пелопоннесскій союзъ представлялъ большую силу. Крезъ, царь лидійскій, обращается передъ столкновеніемъ своимъ съ персами къ Спартѣ, потому что она «глава Греціи» (*προστάτη τῆς Ἑλλάδος*)²⁶. Вступленіе Мегары въ союзъ пелопоннесцевъ открыло Спартѣ свободный путь въ Среднюю Грецію. Среднегреческіе города, Платей, Фивы и др., начинаютъ обращаться въ своихъ спорахъ къ посредничеству Спарты; аѳинская аристократія выпрашиваетъ у Спарты помощь противъ тиранновъ, а велѣдъ за ихъ низверженіемъ—противъ демократіи.

Недостовѣрность аѳинской исторіи VII—VI вѣковъ. При изученіи греческой исторіи VI вѣка бросается въ глаза обиліе свѣдѣній объ Аѳинахъ сравнительно съ фактами жизни другихъ общинъ. Такое богатство извѣстій сначала вызываетъ мысль о томъ, что аѳиняне стали рано заботиться о сохраненіи данныхъ для своей исторіи, и благодаря этому оставили обширную традицію послѣдующимъ поколѣніямъ. Въ дѣйствительности, подлиннаго матеріала, записей, одновременныхъ событіямъ VI вѣка, въ Аѳинахъ не было вовсе. Въ этомъ отношеніи Фукидидъ не оставляетъ въ насъ никакихъ сомнѣній.

Мы уже имѣли дѣло съ его Археологіей. Въ смыслѣ исторической композиціи этотъ очеркъ военно-экономическихъ и культурно-политическихъ отношеній—нѣчто единственное въ своемъ родѣ въ исторической наукѣ грековъ. Передъ нами тонкая работа социологическаго характера, стройно связанная общими идеями, проникнутая основнымъ материалистическимъ міровоззрѣніемъ историка. Въ глазахъ Фукидиды исторія—арена столкновенія реальныхъ интересовъ и организованныхъ силъ; распределеніе богатствъ—главный двигатель въ предпріятіяхъ и взаимной борьбѣ общественныхъ группъ. Отъ характера экономическихъ отношеній зависятъ размѣры племенныхъ и политическихъ союзовъ, ихъ военное устройство и формы управления. Движеніе хозяйственной жизни и есть основной исторической фактъ; моменты нарастанія богатства составляютъ ступени политическаго развитія. Въ ранней стадіи народъ раздробленъ на мелкія общины, разобщенныя, бѣдныя и замкнутыя. Въ послѣдующіе вѣка, когда начинается скопляться капиталъ, образуются крупныя союзы, общины-государства, развивается обмѣнъ, осѣдность и прочное пользованіе имуществомъ. Въ ряду богатѣющихъ морскихъ общинъ нескоро появляются Аѳины; первымъ великимъ по богатству и предпріимчивости городомъ Фукидидъ считаетъ Коринѳъ. О раннихъ судьбахъ Атики онъ дѣлаетъ только одно замѣчаніе: среди всѣхъ грековъ, очень безпокойныхъ, десять разъ перемѣнившихъ мѣста жизни, аѳиняне единственно осѣдлый народъ; скудость ихъ земли никогда не привлекала грабителей и завоевателей, зато въ Атику бѣжали изъ другихъ странъ переселенцы, чтобы найти безопасность; отсюда получило переполненіе области народомъ, и тогда она стала отправлять колонистовъ въ Іонію.

На чемъ построено изображеніе Фукидиды? Онъ не пользовался ни лѣтописями, ни законодательными документами, ни мемуарами, современными событіямъ. Фукидидъ не упоминаетъ объ этомъ матеріалѣ, хотя мы можемъ представить себѣ, какъ важны были бы для него такіе источники. Онъ не считаетъ возможнымъ говорить въ частностяхъ ни объ Аѳинахъ, ни о другихъ общинахъ за тѣ вѣка, которые предшествуютъ греко-персидскимъ войнамъ. Его картина старины представляетъ лишь общія очертанія, и онъ составилъ ее самостоятельно, частью по даннымъ археологическимъ и этнографическимъ, по культурнымъ остаткамъ и переживаниямъ, частью по деталямъ преданій и поэтическихъ разсказовъ, которымъ онъ даетъ рационалистическое толкованіе. Но къ существу преданій, къ устной традиціи вообще Фукидидъ относится весьма сурово. Традицію, которая въ ходу у грековъ, онъ считаетъ очень спутанной и противорѣчивой даже для такой сравнительно близкой эпохи, какъ конецъ VI вѣка, время паденія Писистратидовъ. Фукидидъ

приводить примѣры противорѣчій и недоразумѣній и жалуется на легковѣрность тѣхъ, кто безъ критики принимаетъ устные рассказы о происшествіяхъ старины. Онъ рѣзко отзывается о публикѣ, которая вѣритъ, во-первыхъ, поэтамъ, раскрасившимъ и преувеличившимъ событія, во-вторыхъ, логографамъ, «представившимъ прошлое въ формѣ болѣе пріятной для уха, чѣмъ близкой къ правдѣ, вслѣдствіе чего приходится слышать о вещахъ бездоказательныхъ и вырастающихъ въ баснословные размѣры». Очень вѣроятно, что послѣдними словами Фукидидъ хотѣлъ задѣть своего близкаго предшественника Геродота, который такъ обильно воспользовался преданіями и новеллами.

Въ этомъ отказѣ отъ всего, что не завѣрено точнымъ документомъ, что заключаетъ въ себѣ придатокъ легендарный, обнаруживается нѣсколько односторонній скептицизмъ Фукидида, убѣжденнаго послѣдователя софистической школы. Онъ пренебрежительно относится къ народной поэзіи, къ мѣну, къ тому, что мы бы назвали религіозными древностями; въ качествѣ рационалиста онъ готовъ видѣть въ нихъ суевѣріе массы или намѣренный вымыселъ рассказчика. Какъ все рационалисты, Фукидидъ непослѣдователенъ: выкидывая элементъ чудеснаго изъ старинныхъ сказаній, онъ удерживаетъ ихъ остовъ и переводитъ содержаніе на прозаическій языкъ. Эти недостатки исторической манеры Фукидида, однако, не мѣшаютъ намъ оцѣнить важность его общаго мнѣнія объ отсутствіи прочной документальной основы для возсозданія политической исторіи прошлаго; напротивъ, именно въ виду отношенія Фукидида къ источникамъ, мы увѣрены, что связанная, послѣдовательная лѣтопись, одновременная событіямъ, имѣла бы въ его глазахъ особенно важное значеніе.

Начало изслѣдованія исторіи Атики. Если послѣ Фукидида мы возьмемъ историческое изложеніе первой части Афинской Политіи Аристотеля (383—322 до Р. Х.), мы поразимся обстоятельностью фактической картины и увѣренностью сужденій относительно той самой эпохи, которая Фукидиду казалась такой сомнительной и неясной. У Аристотеля есть подробныя описанія двухъ конституцій, драконтовской и солоновской, есть характеристика партій эпохи около 600 г., изображеніе соціальной политики Писистратидовъ, сужденія о степени прочности и о тенденціяхъ стариннаго политическаго законодательства. Въ Афинской Политіи страннымъ образомъ событія и внутреннее развитіе Афинъ отъ 625 до 500 года рассказаны гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ болѣе близкій къ автору пятый вѣкъ (500—400 гг.). Откуда эти подробности въ изображеніи афинской исторіи VII—VI вѣковъ у автора, писавшаго восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Фукидида?

Не трудно замѣтить, что обстоятельная характеристика учрежденій и работы великихъ законодателей старины составляетъ результатъ ученой конструпціи весьма поздняго времени, начавшейся приблизительно съ середины IV вѣка. Мы почти можемъ установить моментъ, когда начались усиленные разысканія историковъ и юристовъ относительно древнихъ судебъ и старинныхъ установленій Афинъ. Въ 50-хъ годахъ IV вѣка вышла небольшая статья Исократъ (436—338), подъ заглавіемъ Ареопагитикъ; это патріотическое воззваніе, въ которомъ старый почти 80-лѣтній публицистъ горячо рекомендуетъ своимъ согражданамъ старинную, очень непохожую на современность, «истинную» демократію, авторомъ которой онъ считаетъ Солона. Исократу очень хочется объяснить, что такое правильная демократія, и въ чемъ величіе ея создателя. Но, къ своему сожалѣнію, онъ ничего не знаетъ о Солонѣ и даже хуже того, онъ не можетъ отличить его дѣло отъ Клизеянова. Обѣ эти личности стоятъ въ какомъ-то метафизическомъ туманѣ: Солонъ учредилъ демократію, Клизея, изгнавшій тиранновъ, возродилъ чуть ли не погибшее дѣло перваго творца демократической конституціи. Въ довершеніе курьеза оказывается, что главнымъ колесомъ истинно-демократическаго устройства былъ Ареопагъ; слѣд., Исократъ готовъ считать Солона установителемъ авторитета Ареопага.

Поневидому, во время составленія Ареопагитика работы по изученію афинской старины подвинулись недалеко. Кажется, именно въ теченіе небольшого періода, отдѣляющаго Ареопагитикъ отъ Афинской Политіи Аристотеля (а она относится приблизительно къ 330 году), были сдѣланы тѣ историческія изслѣдованія афинскихъ ученыхъ, которыя добросовѣстно воспроизвелъ знаменитый греческій энциклопедистъ. Мы еще видимъ у него приемы конструпціи и доказательства, которыя примѣнялись историками того времени; мы чувствуемъ всю ихъ шаткость и ясно замѣчаемъ отсутствіе документальнаго матеріала, который бы восходилъ къ VI вѣку. Изслѣдователи эпохи Аристотеля не могли прибавить ничего достовѣрнаго къ составу фактовъ, извѣстныхъ Фукидиду, а въ смыслѣ знанія реальныхъ древностей и переживаній они, разумѣется, далеко уступали Фукидиду.

Но если мы не можемъ послѣдовать за афинскими историками въ ихъ приемахъ и выводахъ, зато мы вполне раздѣлимъ ихъ интересъ къ вопросамъ о первыхъ шагахъ той общины, которая стала потомъ крупнейшей державой греческаго міра, соединивши въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій цвѣтъ политическаго и культурнаго генія Эллады. Намъ въ высокой мѣрѣ любопытно выяснитъ, что дала афинская старина для подготовки позднѣйшаго блестящаго вѣка; намъ хотѣлось бы понять, изъ какихъ же условій выросла эта сила, какъ разработа-

лись строй и культура Афинъ, почему этотъ городъ обогналъ другія общины, равныя ему или даже превосходившія его раньше.

Сельское и приморское населеніе Аттики. Съ самаго начала нашего собственнаго изслѣдованія мы должны отмѣтить важную характерную черту афинской общины, отличающую ее отъ всѣхъ другихъ. Есть въ Греціи рядъ сухопутныхъ общинъ, сравнительно большихъ и богатыхъ сельской территоріей, но чуждыхъ морю; таковы Спарта, Элиада, Беотія; есть подвижные торговые города безъ значительной полевой или садовой земли, какъ, напр., Коринѳъ, Милетъ, Эгина. Въ томъ и другомъ рядѣ выступаетъ односторонне или синоикизмъ деревень, или сильное торгово-колониальное развитіе. Аттика—единственный примѣръ большой общины сложнаго типа, въ которомъ совместились обѣ противоположности: тѣсный союзъ крестьянскихъ поселковъ и энергичное движеніе за море; на этомъ соединеніи основывается ея сила.

Сельская Аттика, повидимому, старше, чѣмъ морская. О ея старинномъ характерѣ лучше всего говорятъ ея праздники, образующіе два большіе цикла. Одинъ изъ нихъ составляютъ Апатуріи, Плинтери и Папаоинеи, приходящіяся на три лѣтніе мѣсяца. Праздники эти посвящены Афинѣ и связаннымъ съ ней божествамъ и героямъ, особенно ея приемному сыну Эрихтонію (хлѣбному колосу). Афина, небесная дѣва, рожденная Зевсомъ (грозой), и ея служанки (росы) покровительствуютъ земледѣлію; всѣ относящіяся сюда мифы, всѣ символическія дѣйствія и предметы культа вращаются въ кругу посѣва, возвращенія и уборки хлѣба. Второй большой циклъ праздниковъ связанъ съ Діонисомъ, т.-е. винодѣліемъ. Сюда относятся Малыя Діонисіи, праздникъ сбора винограда; Ленэи, праздникъ прессованія винограда, Анаестеріи, праздникъ пробы вина—всѣ три приходившіеся осенью; наконецъ, Большія Діонисіи, блестящій знаменитый весенній праздникъ, сопровождавшійся театральными представленіями. Всѣ эти чисто-сельскія торжества въ широкихъ размѣрахъ развѣтывались въ Афинахъ и занимали все гражданство еще и въ позднюю пору, когда городъ сталъ столицей морской державы: Афины какъ бы превращались въ большую празднующую деревню. Слѣдуетъ прибавить, что, кромѣ того, также на территоріи Аттики въ Элевсінѣ утвердились знаменитыя мистеріи вокругъ культа Деметры и Керы, земледѣльческихъ божествъ.

Выдаваясь въ море, окруженная предприимчивыми пиратами и колонизаторами, Аттика долго сохраняла замкнутый деревенскій характеръ. Но крестьяне не дали себя покорить никому изъ пришлыхъ воителей: легенда рассказываетъ, что Аттика была единственной страной, которая не пропустила дорійскихъ завоевателей, и что ея царь Кодръ погибъ героической смертью, защищая противъ грознаго воинства свою

родину. У жителей Аттики былъ еще одинъ предметъ гордости: они устроили среди всѣхъ греческихъ племенъ самый старинный и самый дружный синоикизмъ (см. выше, стр. 94). Дѣйствительно, въ Греціи нельзя найти объединенія, которое бы совершилось въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ то же время при соблюденіи наибольшаго равенства между членами объединеннаго союза общинъ. Равномѣрный и обширный синоикизмъ Аттики объясняется ея крайне опаснымъ положеніемъ на большомъ и единственномъ проходномъ пути черезъ Грецію; странѣ надо было оберегаться отъ нападений съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ сѣверо-запада и съ юго-запада. Разрозненное сопротивленіе мелкихъ общинъ было бы безсильно противъ вишняго врага, и Атикѣ пришлось бы, можетъ быть, испытать судьбу Аркадіи, стать въ зависимость отъ болѣе сильнаго сосѣда и сдѣлаться для него военнымъ рынкомъ, поставщикомъ наемниковъ. Поэтому синоикизмъ Аттики, безъ сомнѣнія, имѣлъ главной цѣлью соединить военные отряды отдѣльныхъ общинъ въ большое общее ополченіе подъ начальствомъ афинскаго полемарха. Впослѣдствіи мы не разъ встрѣчаемся съ афинскими гоплитами, лучшимъ ополченіемъ въ Греціи послѣ спартанскаго. Оно одерживаетъ знаменитую побѣду при Марафонѣ въ первомъ крупномъ столкновеніи грековъ съ персами. Оно нѣсколько разъ отъ Клисоена до Перикла одолеваетъ очень хорошее въ свою очередь ополченіе Беотіи, и только въ тяжелую эпоху Пелопоннесской войны, когда деревенская Аттика переживала глубокой гибельный для нея кризисъ, афинскіе гоплиты уступили беотійцамъ въ сраженіи при Деліи (424 г.). Поэтому, далѣе, синоикизмъ Аттики вовсе не означалъ возвышенія города Афинъ надъ областью; онъ только создавалъ въ акрополѣ цитадель и опорный пунктъ для командованія ополченіемъ.

Хотя старинный синоикизмъ Аттики и былъ объединеніемъ деревень, но фактически и прежде всего онъ привелъ къ усиленію аристократіи. Тѣ семьи, которыя вмѣстѣ съ образованіемъ одной общей думы выстроили себѣ дома въ городѣ и большую часть года проводили въ центрѣ, стали выдѣляться какъ особый классъ наилучше поставленныхъ людей; въ старинной греческой литературѣ *ἀστοί*, горожане,—значитъ лица привилегированнаго положенія; такъ Теогиридъ мегарскій называетъ свою ровню, людей благороднаго происхожденія; такъ Геродотъ называетъ господствующій классъ въ Спартѣ. Мы можемъ поэтому вполне повѣрить традиціи, утверждающей, что въ Афинахъ въ теченіе долгаго времени все правленіе было въ рукахъ эвпатридовъ, т.-е. аристократіи, сосредоточенной въ центрѣ.

Однако среди общаго колонизаціоннаго подъема Аттика не могла оставаться въ своемъ изолированномъ положеніи. Довольно рано въ

ней началось промышленное развитие и въ связи съ этимъ тяготѣніе къ морю. Сосѣднія съ нею общины на перешейкѣ и на ближнихъ островахъ, Коринѣ, Мегара, Эгина, Халкида и Эретрія, правда, обогнали Аттику въ торговомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и втянули ее въ морскія предпріятія. Трудно сказать, когда изъ Аттики начали вывозить глиняную посуду, которою она такъ славилась; но разъ мы знаемъ, что въ VI вѣкѣ аонскія вазы были въ большомъ ходу и притомъ не только въ самой Греціи, но также на Кипрѣ и въ Этруріи, несомнѣнно, вывозъ уже существовалъ въ VII вѣкѣ. Торговать въ то время значило воевать съ конкурентами. Можетъ быть, уже въ VII вѣкѣ у Аонинъ былъ военный флотъ; по крайней мѣрѣ, на старинныхъ вазахъ, относящихся къ этому времени, изображены корабли и морскія сраженія. Въ моментъ заговора Килона (въ 30-хъ или 20-хъ годахъ VII вѣка) главная власть въ Аонинахъ, по словамъ Геродота, принадлежала при- тапамъ навкраровъ²⁷; повидимому, навкрары не что иное, какъ начальники эскадры, а навкраріи, на которыя тогда дѣлилась Аттика,— «корабельные округа», т.-е. группы населенія, между которыми была распредѣлена повинность по поставкѣ судовъ. Около 600 года Аонины уже принимаютъ участіе въ борьбѣ за обладаніе проливами, ведущими къ Понту, и стараются пріобрѣсти себѣ здѣсь опорный пунктъ. Они завладѣли Сигеемъ на выдавшемся мысу Малой Азіи у входа въ Геллеспонтъ, недалеко отъ Трои. Сигей сдѣлался первой аонской колоніей, въ качествѣ форта, который долженъ былъ служить для обезпеченія сношеній съ отдаленнымъ рынкомъ. Владѣніе подобнаго рода затягивало въ свою очередь въ соперничество съ другими мореходными общинами, и Аонинамъ пришлось отстаивать Сигей противъ Митилены.

Завязывая морскія сношенія, Аттика попала въ сферу большихъ соперничествъ, раздѣлявшихъ Грецію. Близко къ ней на югѣ расположена была торговая Эгина, и Аттика приняла сначала эгинскую монетную систему, связавшую ее съ Пелопоннесомъ и дорійскимъ міромъ. Но также близко на сѣверѣ прилегали къ Атикѣ общины острова Эвбеи, составлявшія край большого іонійскаго пояса, который протянулся черезъ середину Эгейскаго моря. Сношенія съ іонійской группой стали скоро перетягивать, и при Солонѣ перевѣсъ іонизма выразился въ замѣнѣ эгинской монеты эвбейской. Въ самой Атикѣ образовались двѣ дѣятельныя партіи: 1) *παράλιοι*, береговые, соединяли мореходовъ съ демиургами и 2) *οἱ τοῦ πεδίου*, равнинные, т.-е. земледѣльцы южной Аттики. Третья группа населенія Аттики, *ὑπεράχριοι* (или *δῆκριοι*), горцы, т.-е. винодѣлы сѣверной холмистой области, держались сначала въ сторонѣ, и если вѣрить Геродоту²⁸, выступили лишь при Писистратѣ.

Борьба партій и тиранніи. Торговля соперничества, захватившія въ свой кругъ Аттику, столкновенія крестьянства и мореходовъ—все это внесло разладъ въ среду правящихъ аристократическихъ родовъ. Нѣкоторыя честолюбивыя семьи, принимая на себя популярную роль, пытаются стать во главѣ той или другой изъ вновь сложившихся народныхъ партій и захватить верховную власть. Первымъ аонскимъ тиранномъ традиція называетъ Килона, блестящаго аристократа, побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ (можетъ быть, въ 30-хъ годахъ VII вѣка). Килонъ былъ родственникомъ Оеагена, тиранна сосѣдней Мегары. Мы встрѣчаемся здѣсь съ характерной чертой быта тиранновъ: они рождаются между собой, заключаютъ династическіе союзы, поддерживаютъ взаимно другъ друга. Килонъ началъ съ того, что потомъ повторилъ тираннъ Писистратъ, съ попытки захватить аонскую цитадель. Но онъ потерѣлъ неудачу: архонтъ Мегаклъ, изъ рода Алкмеонидовъ, развѣялъ отрядъ сторонниковъ Килона. Въ свою очередь побѣдители позволили себѣ крайнія жестокости, между прочимъ оскорбили боговъ, зарѣзавъ своихъ противниковъ у алтарей, куда тѣ пытались спастись. Тогда въ свою очередь политическая неудача постигла Алкмеонидовъ: они подверглись религіозному проклятію и были изгнаны съ территоріи Аттики. Послѣ этого они въ теченіе ста лѣтъ составляютъ безпокойный элементъ политической борьбы, надвигающейся со стороны, пока въ концѣ VI вѣка Алкмеонидъ Клисеонъ не водворяется въ Аонинахъ въ качествѣ крушнѣйшаго организатора аонской демократіи.

Начиная съ неудавшейся попытки Килона, въ Атикѣ идетъ упорная борьба партій. То одна, то другая выдвигаетъ своихъ вождей; по временамъ между ними достигается соглашеніе. Среди этой борьбы надо помѣстить составленіе двухъ законодательствъ, связанныхъ съ именами Драконта и Солона. Младшій родственникъ второго изъ законодателей, Писистратъ, водворяется потомъ въ Аонинахъ въ качествѣ счастливаго тиранна; его старшій сынъ, Гишій, изгнанный въ 510 году изъ Аонинъ, уже вполне отчетливая историческая фигура: онъ—одинъ изъ совѣтниковъ персидскаго царя въ большой экспедиціи, окончившейся Марафонской битвой.

Исторія аонской тиранніи въ позднѣйшемъ изображеніи. О Килонѣ, его противникѣ Мегаклѣ и другихъ Алкмеонидахъ, о Солонѣ и Писистратѣ есть нѣсколько свѣдѣній у Геродота. Они все анекдотичны и заимствованы изъ запаса новеллъ, къ которымъ этотъ историкъ чувствовалъ такое влеченіе и которыя такъ старательно собиралъ. Тутъ еще лишній разъ можно убѣдиться въ томъ, что аонское общество V вѣка не сохранило никакихъ свѣдѣній о политической роли предшественниковъ и основателей демократіи.

Зато историки IV вѣка расцвѣтили весь періодъ отъ Килона до изгнанія сыновей Писистрата (630—510 до Р. Х.) яркими подробностями и наполнили фактами государственного-правового развитія. Главная доля этой конструктивной исторіи, составленной изъ накопленія гипотезъ, принадлежитъ такъ наз. аттидографамъ, или составителямъ Ἀττιδογράφοι, историческихъ хроникъ Аттики. Оригинальныя ихъ произведенія, кромѣ незначительныхъ отрывковъ, до насъ не дошли, но часть матеріала Аттидъ изложена въ Ἀθηναίων πολιτεία, очеркѣ афинскаго конституціоннаго строя, составленномъ Аристотелемъ. Впослѣдствіи тѣмъ же матеріаломъ пользовался Плутархъ (45—127 гг. послѣ Р. Х.) въ одной изъ самыхъ интересныхъ своихъ біографій, именно въ жизнеописаніи Солона.

Имя Аристотеля, какъ ученаго, до сихъ поръ вызываетъ нѣкоторое суевѣрное преклоненіе. Когда въ 1891 г. среди папирусовъ, хранящихся въ Британскомъ музеѣ, открыли его Афинскую Политію, одинъ нѣмецкій филологъ заявилъ въ восторгѣ, что теперь мы видимъ всю афинскую старину какъ бы при свѣтѣ солнца. Мы нѣсколько необдуманно до сихъ поръ вводимъ все почти изложеніе Аристотеля и Плутарха въ наши школьныя пособія. Пора было бы, однако, разобраться въ значеніи авторитета Аристотеля и, главнымъ образомъ, въ отношеніи предѣловъ его научной компетенціи. Сравнительно близкій къ событіямъ, которыя приходится изображать, Аристотель чуждъ ихъ пониманія: иногда хочется сказать, что наивный Плутархъ, жившій въ эпоху общественнаго сна и политическихъ сумерекъ римской имперіи, проще и объективнѣе отнесся къ своему матеріалу, чѣмъ Аристотель, который подступалъ ко всему съ кабинетными категоріями, далекими отъ реальной жизни. Аристотелю мало помогло то обстоятельство, что онъ долгіе годы прожилъ въ афинской обстановкѣ. Только во второй части Афинской Политіи, гдѣ дано описаніе дѣйствующей конституціи, выгодно сказывается непосредственное знакомство автора съ Афинами. Но что касается первой части Политіи, гдѣ изложено развитіе афинскаго строя съ древнѣйшихъ временъ до возстановленія демократіи послѣ 30 тиранновъ, то здѣсь Аристотель обнаруживаетъ недостатки историческаго чутья. Онъ цѣликомъ зависитъ отъ тенденціи своихъ источниковъ.

Среди нихъ важное мѣсто занимала публицистика сторошниковъ реакціоннаго переворота 411 года, оставшаяся въ наслѣдіе IV вѣку. Реакціонеры старались связать съ именами Драконта и Солона свои идеи и программы; они представляли древнихъ реформаторовъ создателями желательнаго имъ «правильнаго» строя. Позднѣе, среди реставрированной афинской демократіи IV вѣка, сложились новыя консер-

вативныя теченія, которыя отразились и на обработкѣ исторіи Афинъ. На первое мѣсто въ политикѣ выдвинулись блюстители торговыхъ и денежныхъ интересовъ Афинъ: не нарушая демократическихъ традицій, они искусно управляли массой народа, значительно смирившася сравнительно съ воинственнымъ демосомъ V вѣка; они старались отодвинуть въ тѣнь грандіозную и бурную эпоху державной демократіи и, напротивъ, возвеличить тихую, сдержанную общинную жизнь старинныя.

Если аттидографы, подчинившіеся этимъ политическимъ направленіямъ, строили разныя догадки относительно старинной власти Ареопага, способа выбора должностныхъ лицъ за 200 лѣтъ до ихъ времени и т. д., то Аристотель ввелъ все эти частности въ стройную систему и съ искусствомъ профессора государственнаго права изложилъ превращенія афинской конституціи въ академически отточенномъ видѣ. Онъ сосчиталъ, сколько разъ смѣнялась въ Афинахъ форма политическаго устройства, и въ своемъ историческомъ очеркѣ говоритъ увѣренно: «Драконтова конституція состояла въ слѣдующемъ». «Въ устройствѣ Солона отмѣтимъ такіе-то выдающіеся моменты», и т. д. Аристотель добросовѣстно сообщаетъ при этомъ: вотъ мнѣніе враговъ демократіи, а вотъ догадка ея защитниковъ; но онъ не задумывается надъ необходимостью провѣрить фактическую основу ихъ гипотезъ.

Соціальная реформа Солона по Аристотелю и Плутарху. Исторію Афинъ съ конца VII вѣка и до конца VI вѣка мы знаемъ только въ характеристикахъ Аристотеля и Плутарха. Долгое время ихъ картины считались точными описаніями событій и учреждений и вмѣстѣ съ тѣмъ служили цѣлямъ историко-педагогическимъ. Въ особенности фигура Солона и дѣло, имъ совершонное, сдѣлались какимъ-то классическимъ мѣстомъ для иллюстраціи старинной греческой политической мудрости. Намъ необходимо въ главныхъ чертахъ воспроизвести это изложеніе для того, чтобы разобраться въ поздней греческой композиціи, закрывшей отъ насъ дѣйствительное положеніе вещей. Лишь по устраненіи цѣлаго ряда фикцій можно попытаться возстановить нѣкоторыя, хотя и не вполне ясныя реальныя очертанія исторіи афинской тиранніи.

По Аристотелю, въ Афинахъ чередуются эсиметы, т.-е. мирные посредники, создатели компромиссовъ, законно правящіе въ силу уполномоченія отъ народа, и тиранны, т.-е. узурпаторы, устанавлиющіе одностороннее господство извѣстной партіи или фракціи. Эти дѣятели выдѣляются на фонѣ жестокой соціальной борьбы, въ которой рѣзко столкнулись богатые и бѣдные. Первымъ эсиметомъ съ цѣлью примиренія враждующихъ партій выступилъ въ Афинахъ Драконтъ. Читая Афинскую Политію Аристотеля, можно усомниться, тотъ ли самый это Драконтъ, съ именемъ котораго связаны уголовныя законы;

въ очеркѣ конституціонной исторіи о Драконѣ упоминается только какъ о политическомъ законодателѣ. Главная черта Драконтовской конституціи, по Аристотелю, введеніе имущественнаго ценза: право участія въ политическихъ дѣлахъ было предоставлено тѣмъ, кто имѣлъ средства вооружаться на свой счетъ. Смыслъ этого нововведенія, по мнѣнію афинскихъ историковъ, очевидно, состоялъ въ томъ, чтобы вдвинуть между двумя крайностями въ политикѣ, между знатью и простонародьемъ, промежуточный слой, создать искусственно средній классъ.

Но смуты продолжались, такъ какъ социальный вопросъ не былъ рѣшенъ. Плутархъ разсказываетъ въ биографіи Солона: «въ то время (около 600 года) рѣзкое неравенство между бѣдными и богатыми дошло до высшей степени, и государство было совершенно расшатано кризисомъ. Весь народъ былъ въ долгу у богатыхъ. Одни работали на поляхъ крупныхъ владѣльцевъ и должны были отдавать шестую часть урожая, откуда ихъ названіе *ἑκτημόριοι* (шестидольники), или осы; другіе, въ качествѣ неоплатныхъ должниковъ, шли въ кабалу къ кредиторамъ и служили рабами на родинѣ или были продаваемы на чужбину»²⁹. У Аристотеля тоже говорится о задолженности мелкаго люда, работавшаго на землѣ: ректеморы не въ силахъ были платить тѣ доли, при условіи отдачи которыхъ они арендовали землю, поэтому они обращались съ семьями своими въ кабальныхъ. Велѣдствіе этого аграрный кризисъ привелъ къ концентраціи земли въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣтелей³⁰. Въ отвѣтъ поднялась революція. «Самые энергичные элементы въ средѣ недовольныхъ, — говорится у Плутарха, — составили многочисленный союзъ и уговорились устранить невыносимый порядокъ; съ этою цѣлью они рѣшили освободить должниковъ, произвести раздѣлъ земли и общій государственный переворотъ».

Спасителемъ общества и государства является Солонъ, котораго Аристотель называетъ еще особымъ терминомъ *διᾶλλακτής*. О Солонѣ передавалось, что онъ происходилъ изъ древняго царскаго рода Медонтидовъ, когда-то правившаго въ Афинахъ, но былъ небогатъ и занимался торговлей. Это своеобразное срединное положеніе въ обществѣ (*μεσότης*) дѣлало его особенно пригоднымъ для роли посредника между враждующими классами и партіями. Выбранный архонтомъ и облеченный чрезвычайными полномочіями, Солонъ провелъ сначала социальный компромиссъ. Диктаторъ отклонилъ программу раздѣла земли между пролетаріями, но провелъ реформу долгового права, которая получила названіе *σεισάχθεια* (освобожденіе отъ бремени). Что такое сисахейя и почему ее надо связывать съ Солономъ, изслѣдователи IV вѣка уже не могли объяснить. Можетъ быть, существовало какое-нибудь

темное преданіе о большомъ молебствіи народа, о великой очистительной жертвѣ, которую называли «освобожденіемъ». Историки афинскіе во всякомъ случаѣ хотѣли истолковать терминъ въ какомъ-нибудь материальномъ смыслѣ. Плутархъ приводитъ мнѣніе аттидографа Андротіона, который думалъ, что Солонъ не принялъ радикальной мѣры полной кассации долговъ, а только уменьшилъ долговыя суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ провелъ монетную реформу. Впрочемъ, прибавляетъ Плутархъ, большинство все-таки считаетъ сисахейю за уничтоженіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ³¹. Историки ссылались также на слова самого Солона въ его элегіяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что освободилъ кабальныхъ, выкупилъ проданныхъ въ рабство за границу и запретилъ впредь долговую кабалу; затѣмъ, что онъ «освободилъ землю отъ рабства», приказавши снять тяготѣвшія на ней каменные плиты (*ῥροί*).

Политическая реформа Солона по Аристотелю и Плутарху. Успокоивъ общество, облегчивъ тягости однихъ и сокративъ чрезмѣрныя притязанія другихъ, Солонъ принялся за политическое переустройство Афинъ. Онъ также считалъ нужнымъ внести начало имущественнаго ценза, какъ его предшественникъ Драконъ, но развилъ общее политическое правило въ сложную систему. Солонъ раздѣлилъ все гражданство на четыре класса (*τέλη*) по оцѣнкѣ доходности (*τίμημα*) имуществъ. Цензъ первыхъ трехъ классовъ былъ опредѣленъ минимальнымъ доходомъ въ 500, 300 и 200 мѣръ (медимновъ и метретовъ) сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ. Этимъ классамъ (*πενταχοσιομέδωνοι, ἱππεῖς, ζευγίται*) было предоставлено право занятія должностей, при чемъ, какъ говоритъ Аристотель, Солонъ поставилъ въ точное соотвѣтствіе важность должности съ размѣромъ имуществъ. Цензъ послѣдняго класса (*θῦται*) былъ опредѣленъ отрицательно; къ нему Солонъ отнесъ всѣхъ, кто имѣлъ доходъ ниже 200 мѣръ; масса ихъ была впервые притянута къ публичной дѣятельности въ народномъ собраніи и въ судахъ. Такимъ образомъ, активное избирательное право было сдѣлано всеобщимъ, а пассивное ограничено состоятельными классами и подраздѣлено на ступени³².

Если вѣрить этому изображенію политической реформы, Солонъ былъ необыкновенно искуснымъ и оригинальнымъ воспитателемъ общественности. Поэтому при оцѣнкѣ дѣла, понимаемаго согласно картинамъ Аристотеля и Плутарха, новоевропейскіе историки не уставали говорить о разумной уступкѣ массамъ, объ удовлетвореніи честолюбія богатыхъ людей неаристократическаго происхожденія и о бережности по отношенію къ старымъ носителямъ власти. Ученые нашего времени пошли еще дальше Аристотеля въ придумываніи государственно-право-

выхъ категорій и окрестили Солоново распредѣленіе политическихъ правъ по градациямъ имущественнаго ценза именемъ *тимократіи*.

Ни у Аристотеля, ни у Плутарха этого слова нѣтъ; новые историки заимствовали его у Платона, хотя здѣсь произошелъ курьезъ, кажется, никѣмъ до сихъ поръ не отмѣченный. У Платона *τιμοκρατία*, или *τιμαρχία*, вовсе не обозначеніе формы правленія, а ироническое прозвище испортившейся аристократіи, члены которой лѣзутъ къ должностямъ изъ чванства; «тимократическій молодчикъ», наслушавшись отъ матери жалобъ на то, что его отецъ сплеховалъ въ чинахъ, горитъ желаніемъ поправить семейный позоръ и т. п.³³ Платоновское наемѣшливое словечко получило, такимъ образомъ, у историковъ очень почетное мѣсто въ качествѣ имени для мудраго компромисса, устроеннаго великимъ законодателемъ.

Оба древніе автора, рассказывающіе подробно о Солонѣ, настаиваютъ на томъ, что онъ положилъ основы будущей демократіи. Аристотель выдѣляетъ слѣдующіе три демократическіе момента (*δημοτικώτατα*) въ законодательствѣ Солона: 1) запрещеніе рабства за долги, 2) предоставленіе права жаловаться въ судъ лицамъ, постороннимъ потерпѣвшему, т.-е. свободу обвиненія взаимнѣ прежняго потерпѣвшей мести, и 3) апелляцію къ народу. «Послѣднее, какъ говорятъ, болѣе всего повело къ усилению массы, потому что, ставши верховнымъ судьей (*κύριος τῆς ψήφου*), народъ дѣлается неограниченнымъ властелиномъ въ государствѣ (*κύριος τῆς πολιτείας*)»³⁴. «Вещь, незначительная въ началѣ, говоритъ о томъ же самомъ Плутархъ, впоследствии приобрѣла огромную важность»³⁵.

Какъ ни прославляютъ древніе авторы, а за ними новоевропейскіе историки дѣло Солона, однако всѣ они должны признать, что борьба классовъ не была прекращена реформаторомъ. Приходится рассказывать, что послѣ мудрой и благожелательной диктатуры поднялись новыя смуты. Тутъ Аристотель вводитъ рассказъ Геродота о трехъ партіяхъ, педіеевъ, параліевъ и діакріевъ, и ихъ вождяхъ, Ликургѣ, Мегаклѣ Алкмеонидѣ и Писистратѣ. Но совершенно неожиданно къ именамъ и названіямъ Геродота у Аристотеля подставлены новыя объясненія: педіеи оказываются партіей олигархической, параліи—умѣренной, діакрии—радикально-демократической, состоящей изъ крестьянства и всякаго рода людей разоренныхъ, сбитыхъ со своего положенія. Достигнувъ власти при помощи бѣдноты, Писистратъ не забываетъ потомъ своихъ союзниковъ: по словамъ Аристотеля, тираннъ доставлялъ крестьянамъ дешевый кредитъ и назначалъ судей по деревнямъ. Аристотель объясняетъ даже мотивы послѣдней мѣры; у Писистрата былъ двойной расчетъ: освободить крестьянъ отъ лишнихъ тратъ на про-

ѣзды въ городъ, а, съ другой стороны, не давать имъ скопляться въ центрѣ и, слѣдов., удерживать разрозненный народъ въ повиновеніи³⁶.

Выходитъ, что тираннъ, укрѣпляя свою личную и династическую власть, совершилъ великій соціальныи переворотъ. До Солона было общее задолжаніе и разореніе крестьянъ, и всѣ земли перешли въ руки немногихъ. Солонъ сдѣлалъ первый шагъ къ облегченію бѣдныхъ, уничтоживъ долги и запретивъ долговую кабалу. Писистратъ открылъ прямую поддержку мелкимъ землевладѣльцамъ; при немъ наступаетъ для крестьянства настоящее царство Крона (т.-е. золотой вѣкъ).

Анализъ соціальной картины Аристотеля и Плутарха. Къ сожалѣнію, надо сказать, что во всей интересной композиціи, переданной обоими писателями, нѣтъ почти ни одной достовѣрной черты; и—что хуже—изъ множества необоснованныхъ фантастическихъ деталей составляется картина, которая въ цѣломъ неправдоподобна и фальшива.

Что касается соціально-хозяйственной характеристики Атики въ разказахъ о Солонѣ и Писистратѣ, надо прежде всего имѣть въ виду, что свѣдѣнія о распредѣленіи земли, о положеніи сельскихъ рабочихъ или мелкихъ арендаторовъ, о программахъ партій и т. д. не опираются ни на лѣтописи, ни на хозяйственные документы, ни на воспоминанія современниковъ. Единственный свидѣтель, къ которому обращаются Аристотель и Плутархъ,—элегія Солона. Но заявленія, находящіяся въ нихъ, больше рисуютъ личность и настроеніе автора. Правда, въ нихъ упоминается объ освобожденіи земли и о снятіи съ нея, по распоряженію Солона, какихъ-то столбовъ или плитъ, *ἔροι*. Новѣйшіе историки находятъ, что это могли быть знаки запрета, положеннаго на землю несостоятельныхъ должниковъ. Но такое объясненіе плохо ладится съ соціальной картиной, нарисованной Аристотелемъ. Вѣдь онъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи половниковъ или мелкихъ арендаторовъ, которые были не въ состояніи уплачивать свои доли владѣльцамъ и потому становились кабальными. Если бы столбы, упоминаемые въ элегіяхъ, были закладными знаками, то они не могли стоять на участкахъ, занятыхъ половниками. Кому и зачѣмъ сталъ бы закладывать шестидольникъ свой участокъ? Какой былъ смыслъ крупному владѣльцу допускать запретъ на участки, съ которыхъ онъ не получалъ нужной доли? Можно, конечно, допустить, что столбы стояли на землѣ задолжавшихъ мелкихъ владѣльцевъ; но и это объясненіе не сходится съ общей концепціей Аристотеля: вѣдь у него вовсе нѣтъ крестьянъ-владѣльцевъ, есть только обладатели латифундій.

Очень трудно сказать, что такое *ἔροι*, и въ какомъ смыслѣ ихъ снятіе освободило «землю, находившуюся въ рабствѣ». Можетъ быть, дѣло идетъ о заповѣдной, храмовой землѣ, съ которой снимаютъ табуальные

знаки, чтобы отдать ее на обработку. Подобного рода свѣтская реформа отобрания земель «мертвой руки» очень подходила бы къ духу промышленнаго вѣка, въ которомъ жилъ Солонъ, современникъ Клизеона сикіонскаго, подходила бы къ правамъ сухихъ, расчетливыхъ горожанъ, готовыхъ протянуть руку на старья священныя владѣнія боговъ.

Что касается раздѣленія общества на классы крупныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ пролетаріевъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло со свободной композиціей греческихъ историковъ и напрасно стали бы искать подтвержденія въ фактахъ, намъ извѣстныхъ. Аристотель не говоритъ точно, кто тѣ немногіе, кто владѣли всей землей; они только, въ его глазахъ, *γυβήριμοι*, вліятельные люди. Новоевропейскіе историки опять услужливо добавляют: то были эвпатриды, члены старыхъ аристократическихъ фамилій. Но рѣшительно ни изъ чего не видно, чтобы эвпатриды были крупными землевладѣльцами. Богатые роды аристократіи, повидимому, извлекали свои доходы изъ средствъ иного происхожденія. Большинство ихъ, по словамъ Фукидида, были иностранцы, переселившіеся изъ другихъ общинъ и получившіе въ Аѣнахъ право гражданства. Геродотъ сообщаетъ любопытный фактъ о вождѣ аристократовъ 510 г. Исгорѣ: онъ самъ и его родъ поклонялись Зевсу Карійскому, т. е. малоазійскому божеству³⁷. Нѣкоторые, очень крупные по значенію роды, напр., Алкмеониды, а также Филаиды, изъ которыхъ происходилъ Мильтиадъ, обратно, провели много лѣтъ внѣ Атики въ качествѣ аѣнскихъ эмигрантовъ. Частые выѣзды и постоянное отсутствованіе вовсе не даютъ благоприятныхъ условій для развитія землевладѣнія. Къ тому же мы слышимъ, что у Алкмеонидовъ были большіе вклады въ Дельфійскомъ храмѣ, слѣд., у нихъ имѣлась крупная движимость, которая и образовала, вѣроятно, основу ихъ благосостоянія и ихъ вліятельнаго положенія. Аристократія составляла какъ разъ наименѣ осѣдлый классъ Атики.

Аристотель нечувствительно слилъ воедино эвпатридовъ съ людьми «равнины» и сдѣлалъ послѣднихъ консервативною партіей. Геродотъ, у котораго заимствовано названіе «равнинныхъ», не даетъ никакихъ основаній для такого истолкованія; у него партіи названы по географическимъ районамъ и отчасти по занятіямъ. Подъ людьми равнины онъ могъ разумѣть просто обрабатывающихъ землю крестьянъ. Судя по тому, что въ V вѣкѣ Атика была страной мелкихъ самостоятельныхъ винодѣловъ и оливководовъ, она и въ VI вѣкѣ едва ли представляла иной характеръ въ смыслѣ картины землевладѣнія. Чтобы спасти гипотезу о крупныхъ землевладѣльцахъ, составляющихъ по Аристотелю господствующій классъ старинной Атики, остается только предположить, что мелкіе хозяева сельской Атики произошли отъ крѣпостныхъ, си-

дѣвшихъ на сеньеріальной землѣ. Но вносить въ исторію Атики факты крѣпостнаго права и послѣдующаго освобожденія крестьянъ—значить только увеличивать массу неправдоподобныхъ построеній. Крѣпостные порядки получаются обыкновенно отъ войнъ и отъ водворенія новыхъ пришельцевъ, которые подчиняютъ туземцевъ, какъ это было въ Лаконіи и Мессеніи. А между тѣмъ Атика славилась изстари между всѣми областями Греціи тѣмъ, что уберелась отъ завоеванія, и что ея жители были автохтонами, т. е. всегдашними прочными обитателями страны. Въ аѣнской общинѣ рѣшительно не видно никакихъ слѣдовъ барщины или выкупа ея.

Наиболѣе реальная черта въ картинѣ общественнаго движенія, нарисованной Аристотелемъ и Плутархомъ, это—обиліе кабальныхъ должниковъ, которыхъ Солонъ выкупилъ за границей и вернулъ на родину: онъ вѣдь самъ говоритъ о нихъ въ элегіи. Откуда они взялись? Новѣйшіе поклонники Аристотеля думаютъ, что это и есть упомянутые у него сельскіе пролетаріи, не уплатившіе помѣщикамъ половническихъ взносовъ. Такое объясненіе не логично: зачѣмъ же было продавать сельскихъ рабочихъ за предѣлы страны? Намъ кажется, болѣе правдоподобнымъ, что должники, и притомъ проданные въ рабство на чужестранномъ рынкѣ,—результатъ капиталистической горячки городской жизни и въ особенности жертвы судебныхъ процессовъ и крайне развитаго сутяжничества, разорившаго массы людей. Солонъ, занявши властное положеніе, могъ выкупить многихъ изъ нихъ, а также, въ видѣ принципіальнаго рѣшенія, запретить долговую кабалу. Въ значительной мѣрѣ выкупленные могли быть сельчане, геоморы, которые вслѣдствіе синоикизма стали въ болѣшую зависимость отъ горожанъ, обладателей капитала; крестьянство занимало у нихъ, должно и у нихъ же вынуждено было судиться, т. е. платить въ тѣ же руки и еще тратиться на проѣзды.

Въ дѣломъ, недовольство по поводу долговаго права могло быть у геоморовъ по преимуществу. Но отсюда нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно аграрнаго кризиса. Выраженія Аристотеля и Плутарха: «вся земля была въ рукахъ немногихъ», «масса рабочаго люда была въ долгу», «сельскіе пролетаріи требовали раздѣла земель» и пр., не только не опираются на какія-либо историческія свидѣтельства, но они неудачно и неумѣстно сочинены. Атика, вѣроятно, изстари была областью независимыхъ хлѣбопашцевъ и садоводовъ; строеніе ея общества было всегда демократическимъ. Аѣины не видѣли въ своей средѣ революціоннаго акта, который бы освободилъ придавленныхъ сельчанъ и сдѣлалъ сразу истощенныхъ долгами и разоренныхъ людей обезпеченными, самостоятельными гражданами. А разъ приходится отне-

стись отрицательно къ общей социальнo-хозяйственной картинѣ Атики, нарисованной историками IV вѣка, тѣмъ самымъ устраняется возможность представлять Солона и Писистрата диктаторами социальной революціи. Несомнѣнно, оба они были люди выдающіеся; не даромъ и тотъ, и другой оставили по себѣ такую яркую память. Но ихъ дѣло было чѣмъ-то совѣмъ непохожимъ на роль, приписанную имъ Аристотелемъ и Плутархомъ. Они не были освободителями и создателями крестьянства; ихъ предводительство служило другой цѣли.

Анализъ конструкціи политической реформы Солона. Первоначальный строй общины представляется аѳинскимъ историкамъ высоко-аристократическимъ. Для того, чтобы объяснить, какъ въ Аѳинахъ выработалась демократія, было сдѣлано предположеніе, что аѳинскій народъ прошелъ черезъ промежуточные формы смѣшаннаго правленія. Когда слагалось это представленіе, сократо-платоновская школа рисовала идеаль уравниовѣннаго мудреца-законодателя, который вмѣстѣ съ тѣмъ становится и воспитателемъ народной массы. У Аристотеля мы встречаемся съ соединеніемъ обѣихъ мыслей: реформу проводить величайшій мастеръ политическаго творчества; онъ видитъ ясно конечную цѣль впереди, но разумно сдерживаетъ рвущуюся къ демократіи массу и вводитъ сложную систему для поддержанія равновѣсія въ обществѣ и для смягченія крайнихъ теченій въ его средѣ: эта система опирается, главнымъ образомъ, на принципъ имущественнаго ценза.

У Аристотеля видно также, что изслѣдователи аѳинской старины колебались между Драконтомъ и Солономъ, когда надо было найти родоначальника идеи политическаго компромисса. Стараясь примирить разные взгляды, Аристотель впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ Политикѣ, теоретическомъ курсѣ государственнаго права, онъ говоритъ: «Драконтъ ввелъ только законы (разумѣются гражданскіе и уголовные) при сохраненіи прежняго политическаго строя» (πολιτεία δ' ὑπαρχούση) ³⁸. Въ Аѳинской Политіи, очеркѣ конституціоннаго развитія общины, Аристотель подробно описываетъ введенный Драконтомъ сложный политическій строй. Кажется, мы можемъ добраться до источника того историческаго вымысла, которому Аристотель довѣрился въ послѣднемъ случаѣ. Передавая содержаніе Драконтовой конституціи, онъ говоритъ, что активныя права гражданства должны были достаться тѣмъ, кто вооружается голплитомъ (латникомъ) на свой счетъ (τοῖς ἑπὶ λα παρεχόμενοις). Это выраженіе буквально напоминаетъ основное условіе умѣренной конституціи, введенной въ Аѳинахъ въ 411 году, послѣ низверженія олигархіи: въ народномъ собраніи участвуютъ лишь способные вооружиться голплитами на свой счетъ ³⁹. Видимо, были публицисты-сторонники конституціи середины, которые желали доказать, что предлагаемый

ими строй именно составлялъ отцовскій или дѣдовскій порядокъ (πάτριος νόμος или πάτριος πολιτεία), и потому приписали его легендарному Драконту. Составители политическаго міоа о Драконтѣ не позаботились привести какія-либо историческія доказательства. Аристотель, слѣдовавшій имъ въ данномъ случаѣ, также ничего не могъ прибавить отъ себя ⁴⁰.

Гораздо больше поработали аѳинскіе историки и политическіе писатели надъ обоснованіемъ роли Солона въ государственной жизни своей общины. Но такъ какъ въ законахъ Солона не было никакихъ политическихъ установленій, мысль изслѣдователя направлялась на живыя современныя учрежденія и пыталась изъ нихъ воссоздать прошлое. Идея конституціи ценза должна была получить особую популярность въ зажиточныхъ кругахъ Аѳинъ 60-хъ и 50-хъ годовъ IV вѣка, когда аѳинская демократія снова проявила воинственность и снова потерпѣла неудачу. Выписали вновь чрезвычайный военный налогъ, который долженъ былъ всей тяжестью лечь на богатыхъ. Заинтересованные въ дѣлѣ капиталисты составили неофициальный союзъ и заполнили собой коллегію совѣта, уполномоченнаго произвести раскладку военного налога. Совѣтъ постарался ликвидировать войну и фактически сдѣлался правительствомъ новыхъ Аѳинъ, мучительно переживавшихъ превращеніе большой морской державы въ мирный кантонъ, для котораго всего вѣрнѣе нейтральность. Разрушать демократію было не нужно и даже трогать ея формы опасно. Но обойти ее и поставить надъ экклесіей фактически правящій совѣтъ капиталистовъ было вполне возможно. Новымъ правителямъ очень хотѣлось увѣрить гражданство, что въ такомъ именно умѣренномъ видѣ господства ценза на широкой демократической основѣ состояло старинное отцовское устройство, введенное Солономъ.

Такъ, можетъ быть, возникла система ценовой конституціи въ ея цѣломъ и принципѣ. Что касается частныхъ, то уже здѣсь работала ученая догадка и выкладка, прицѣплявшаяся къ нѣкоторымъ существующимъ терминамъ и бытовымъ названіямъ. Слѣды разсужденій ученыхъ изслѣдователей мы еще можемъ прочитать у Аристотеля.

Возникновеніе гипотезы о 4 классахъ. Дѣленіе на 4 класса и обозначеніе ихъ пентакосіомедимнами, всадниками, зевгитами и ѳетами мы встречаемъ у Аристотеля впервые. Характеристика классовъ такова, что сразу чувствуется колебаніе и неувѣренность изслѣдователей. Аристотель приводитъ только одинъ фактъ въ подтвержденіе того, что право на должности было въ соотвѣтствіи съ имущественнымъ положеніемъ: кандидаты на должность казначея опредѣляются изъ класса пентакосіомедимновъ. Но на бѣду свою Аристотель ничѣмъ не могъ доказать, что пентакосіомедимны образуютъ именно высшій имуще-

ственный классъ: при описаніи дѣйствовавшей въ IV вѣкѣ аѳинской конституціи Аристотель признается, что пентакосіомедимномъ могъ быть человѣкъ бѣдный ⁴¹. Отсюда видно, что современники Аристотеля не имѣли уже яснаго понятія о томъ, откуда взялись пентакосіомедимны, и что такое вообще значить «человѣкъ пятисотъ мѣръ». Цифру 500 мѣръ, которую прочитали въ названіи, почему-то рѣшили считать за минимальную границу дохода богатыхъ гражданъ.

Остальные цифры, 300 мѣръ для всадниковъ и 200 для зевгитовъ, также, разумѣется, не сохранились ни въ какихъ документахъ, и опять здѣсь замѣтны колебанія изслѣдователей. Аристотель не знаетъ, какъ лучше объяснить имущественное положеніе всадниковъ: одни говорятъ, что ἰππῆς—разрядъ людей съ чистымъ доходомъ въ 300 мѣръ, а другіе находятъ, что принадлежность къ этому классу зависить отъ обладанія конемъ, при чемъ ссылаются и на терминъ «всадникъ», и на вещественные памятники: въ самомъ дѣлѣ, въ аѳинскомъ замкѣ есть статуя съ надписью, въ которой объяснено, что ее посвятилъ богамъ Анѳемій, сынъ Дифила, за то, что ему удалось изъ класса оетовъ подняться въ классъ всадниковъ; а рядомъ съ изображеніемъ человѣка стоитъ конь, очевидный знакъ его новаго званія. Это не лишено правдоподобія, прибавляетъ Аристотель, но по аналогіи пентакосіомедимновъ вѣрнѣе, что принадлежность къ всадникамъ зависѣла отъ размѣра ежегоднаго дохода. По этому разсужденію видно, что въ IV вѣкѣ и о всадникахъ не было яснаго представленія, а между тѣмъ еще въ V вѣкѣ, въ эпоху Пелопоннесской войны, всадники—почетное званіе высшаго класса, своего рода дворянство Аттики. Последнее мы знаемъ изъ Фукидида ⁴², а вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда ясно, какіе плохіе руководители въ отношеніи старины писатели IV вѣка, въ томъ числѣ Аристотель.

Что цензовую конституцію сочинили, а не вывели изъ источниковъ, видно также изъ колебаній Аристотеля по вопросу о времени ея введенія и относительно автора системы раздѣленія гражданъ на имущественные классы. Аристотель выражается довольно странно о Солонѣ: «раздѣлил (онъ) гражданъ по доходамъ на 4 класса, какъ (они) дѣлились и раньше». Затѣмъ онъ приписываетъ Солону лишь детальную разработку системы, въ силу которой должности были сообразованы съ имущественнымъ цензомъ. Когда же, спрашивается, было введено само дѣленіе по цензу, и какой цѣли оно служило раньше Солону? На эти вопросы мы не получаемъ отвѣта ни у Аристотеля, ни у Плутарха. Очевидно, на нихъ не могли отвѣтить и тѣ изслѣдователи, работу которыхъ воспроизводятъ дошедшіе до насъ писатели. Цензовое устройство придумали въ качествѣ разумнаго компромисса, удавнагося въ ста-

ршу, и приписали его знаменитому законодателю Солону. Но связать его съ другими явленіями аѳинской конституціонной исторіи не сумѣли, и вся конструкція висить на воздухѣ.

Подлинные классы аѳинскаго общества. Если намъ кажется очень поправдоподобной конституція ценза, то это не значитъ, что слѣдуетъ устранить само дѣленіе аѳинскаго общества на классы; напротивъ, за выключеніемъ пентакосіомедимновъ, чистаго создателя теоріи, мы можемъ принять остальные три, упоминаемые Аристотелемъ и Плутархомъ, въ качествѣ подлинныхъ. Всадниками еще въ V вѣкѣ назывался высшій слой гражданства. Въ свою очередь всадники—пережитокъ гомеровскаго общества. Они и были во времена Солона настоящимъ высшимъ классомъ, въ ихъ рукахъ, вѣроятно, находились должности, и они заполняли собой правительственный совѣтъ, Ареопагъ. Это преобладаніе всадничества не было результатомъ какой-либо реформы; оно осталось, какъ наслѣдіе отъ гомеровской эпохи. Впослѣдствіи оно также не было отмѣнено опредѣленнымъ закономъ и держалось весьма долго въ аѳинской политической жизни. Аристотель сообщаетъ, что въ 457 году впервые главнымъ архонтомъ сдѣлался зевгитъ ⁴³. Этому свѣдѣнію вполне можно повѣрить: фактъ вступленія перваго «мужика» въ высшую должность долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе и запомниться среди развитой политической жизни V вѣка. Слѣдовательно, исключительное положеніе всадниковъ въ политической жизни держалось вплоть до полнаго торжества крайней демократіи, наступившей лишь послѣ реформы Ареопага въ 462 году. Вполнѣ реальной классовой группой слѣдуетъ признать и зевгитовъ. Можетъ быть, только названіе «зевгитъ» не бытовое, а придуманное въ ученomъ кабинетѣ изслѣдователя IV вѣка; у писателей V вѣка, Геродота, Фукидида, анонима автора брошюры 425 г., мы этого слова не встрѣчаемъ; къ понятію зевгита, однако, вполне можно подставить мелкаго землевладѣльца, геомора, настолько зажиточнаго, что онъ въ силахъ вооружиться на свой счетъ; это масса населенія внутренней сельской Аттики. Названіе третьей группы, оеты, греческіе изслѣдователи взяли изъ жизни и притомъ изъ стариннаго быта. Оетами у Гомера называются безземельные люди, наемники, но оно до извѣстной степени тоже стало терминомъ ученыхъ; аѳинская демократія вывела это слово въ V вѣкѣ изъ употребленія: гордому простолюдину сильной морской державы, представителю верховнаго демоса, гомеровское имя бродячаго наемника казалось обиднымъ обозначеніемъ. Такъ оно осталось и въ IV вѣкѣ: Аристотель сообщаетъ, что въ современную ему эпоху никто не назвался бы оетомъ при соисканіи на должность ⁴⁴.

Надо сдѣлать только одну важную поправку къ социальному дѣ-

лению афинского гражданства VI вѣка, воспроизведенному Аристотелемъ и Плутархомъ. Они или забыли вовсе упомянуть о паралияхъ и деміургахъ, кушцахъ, судовладельцахъ и ремесленникахъ, или представляють себѣ ихъ въ низшемъ имущественномъ классѣ, разумѣя подъ остатами вѣхъ, кто не получалъ дохода съ земли. Такъ или иначе объявлять пропускъ крупной социальной группы въ картинѣ солоновскаго времени, данной писателями IV вѣка, но мы-то не должны, во всякомъ случаѣ, повторять ихъ ошибки. Деміурги, работавшіе расчищенные вазы на широкой сбытъ, конечно, имѣли самостоятельный вѣсъ въ Афинахъ начала VI вѣка. То же самое надо сказать и о паралияхъ: не внезапно же возникла ихъ партія, при Писистратѣ, а должна была играть роль уже при его предшественникѣ, Солонѣ.

Солонъ, какъ тираннъ Афинъ. Разобравшись въ классовомъ дѣленіи афинскаго общества, мы можемъ поставить вопросъ о политическомъ положеніи и дѣятельности Солона. Прислушаемся еще разъ къ элегіямъ Солона, заключающимъ въ себѣ автобиографическія признанія и манифестъ этого политическаго дѣятеля⁴⁵. Стихотворенія рисуютъ его сначала руководителемъ оппозиціоннаго движенія, потомъ властнымъ правителемъ Афинъ. Въ одномъ стихотворномъ отрывкѣ онъ говоритъ какъ бы отъ имени недовольныхъ, въ качествѣ вождя раздраженной толпы, угрожая правящимъ слоямъ: «слушайте вы, пресыщенные всякими благами, смирите свое жестокое сердце и умѣрите гордый духъ; вѣдь мы васъ не послушаемся, и не все у васъ останется въ рукахъ». Въ другомъ отрывкѣ совѣтъ иной тонъ: видно, что стихи написаны человѣкомъ, стоящимъ у власти и съ удовольствіемъ изирающимъ на совершонное имъ дѣло. Солонъ напоминаетъ о своей заслугѣ: его обѣщанія исполнены. Будучи облеченъ властью, онъ сумѣлъ разумно соединить законность съ насиліемъ; онъ можетъ дать политическіе совѣты своимъ преемникамъ. Теперь уже нѣтъ односторонности партійнаго вождя. Солонъ считаетъ, что справедливо примирилъ интересы различныхъ группъ; онъ не посылаетъ болѣе вызова крупнымъ людямъ; есть только намекъ, что они должны благодарить его за сохраненіе своего достоянія и некаютъ его дружбы. По отношенію къ массѣ, напротивъ, выраженія его довольно суровы: съ похвалой говоритъ авторъ о себѣ, что «укротилъ народъ». Въ его глазахъ люди рѣзко дѣлятся на два разряда, какъ у Гомера: благородныхъ и плохихъ (ἱσθλοὶ, κακοὶ); немислимо, чтобы тѣ и другіе на равныхъ правахъ владѣли богатой землей.

Судя по этимъ отрывкамъ, Солонъ мало отличался отъ Писистрата, своего преемника: онъ былъ настоящимъ тиранномъ Афинъ. Писистратъ какъ бы продолжалъ династію, основанную его старшимъ родственни-

комъ. Солонъ, насколько можно судить изъ элегій, шелъ вначалѣ во главѣ народнаго движенія противъ высшаго правящаго слоя, т.-е. противъ всадниковъ; онъ сумѣлъ затѣмъ провести компромиссъ между двумя борющимися группами. Чьи же интересы защищаль онъ при этомъ и какими средствами? Онъ не былъ создателемъ новой конституціи: впоследствии еще на сто лѣтъ и болѣе остаются у власти тѣ же общественные слои; до Клеомена, т.-е. еще въ теченіе 90 лѣтъ, сохраняетъ исключительное господство тотъ же старый правительственный совѣтъ, Ареопагъ. Компромиссъ состоялъ въ чемъ-то другомъ.

Законы Солона. Приходится очень пожалѣть, что Аристотель, лишенный вкуса къ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, витающій въ области отвлеченной чистой политики, ничего не передалъ намъ о гражданскихъ законахъ Солона, хотя имѣлъ къ тому полную возможность, такъ какъ въ его время плиты, содержавшія кодексъ Солона, были общедоступны. Нѣсколько постановленій о правѣ наследованія, о порядкѣ перехода земель, о залогахъ, о долговомъ правѣ и т. д. были бы для насъ несравненно болѣе цѣнны, чѣмъ пространныя и довольно безпочвенныя разсужденія Аристотеля о конституціонномъ строителствѣ древнихъ временъ. Это упущеніе Аристотеля тѣмъ болѣе курьезно, что въ своемъ автобиографическомъ признаніи, элегіяхъ, Солонъ не упоминаетъ ни о какихъ политическихъ установленіяхъ, а опредѣленно говоритъ: Θεσμοὺς ἔγραψα, записаль законы, т.-е. составилъ кодексъ, гражданское уложеніе. Болѣе чуткій историкъ, Плутархъ, постарался собрать матеріалъ для характеристики Солонова законодательства. Но изъ его изложенія видно, что онъ не имѣлъ передъ собою подлиннаго документа; онъ только слышалъ, что оригинальныя таблицы законовъ на деревянныхъ доскахъ, вставленныхъ въ четырехгранныя, вращаемыя на осяхъ призмы, хранились въ качествѣ особой реликвіи въ Пританей (зданіи городской управы); выписки Плутарха сдѣланы изъ какого-то юридическаго сборника, составитель котораго въ свою очередь страннымъ образомъ смѣшалъ цитаты изъ подлинныхъ таблицъ съ фантастическими законами, представляющими скорѣе мечтанія романтическихъ философовъ. Впрочемъ, намъ не трудно разобраться въ наивной смѣси, которую даетъ Плутархъ⁴⁶.

Прежде всего видно, что кодексъ, редактированный Солономъ, былъ довольно великъ. Плутархъ упоминаетъ 8-ой законъ 13-ой таблицы, затѣмъ таблицу 16-ую. Уголовные законы Солона считались значительнымъ смягченіемъ сравнительно съ «написанными кровью» законами Драконта, которые назначали смертную казнь за множество мелкихъ проступковъ, въ томъ числѣ за воровство. Солонъ отмѣнилъ эти

жестокія постановленія перваго кодекса, память о которыхъ еще оставалась у судебныхъ ораторовъ IV вѣка. Это очень любопытное свѣдѣніе. Конечно, мы не можемъ точно опредѣлить время Драконтовской редакціи, но все же едва ли она отстояла болѣе, чѣмъ на полвѣка отъ Солоновской. За этотъ сравнительно небольшой срокъ въ понятіяхъ городского общества должна была произойти существенная перемѣна. Сначала собственники и владѣтели капитала, горячась въ преслѣдованіи правонарушителей, пытались загородиться отъ нихъ угрозой самыхъ страшныхъ наказаній. Но, видимо, жестокость правящихъ классовъ вызвала сильный протестъ низшихъ слоевъ; можетъ быть, не разъ толпа вмѣшивалась въ дѣло юстиціи и разстраивала казнь людей, въ ея глазахъ невинныхъ. Составитель реформированнаго кодекса долженъ былъ считаться съ настроеніемъ массы; смягчая наказанія, онъ, пожалуй, поступалъ въ демократическомъ духѣ. Впрочемъ, если онъ замѣнилъ казни штрафами, то онъ не забылъ также интересовъ имущихъ. Получился компромиссъ, о которомъ Солонъ говоритъ въ элегій нѣсколько самоувѣренно: «я далъ подняться народу, но не больше, чѣмъ слѣдовало; я не позволилъ нанести обиду сильнымъ и богатымъ; я стоялъ, поднявши щитъ надъ обѣими партіями, и удержалъ ихъ въ равновѣсіи».

Меркантильныя черты, отмѣченные нами въ Гортинскомъ правѣ, сильно чувствуются также и въ Солоновомъ законодательствѣ. Плутархъ передаетъ «пелѣны», по его мнѣнію, законы Солона «относительно женщинъ» (т.-е. нарушенія женской чести). Прелюбодѣя по старому можно было убить на мѣстѣ; но можно было также ограничиться полученіемъ съ него выкупа: 100 драхмъ за похищеніе женщины, съ добавкою еще 20 за сводничество. Отцу и брату было воспрещено продавать дочерей или сестеръ, *кромя* того случая, если дѣвушку заставляли съ женщиной. Плутархъ возмущается, собственно, тѣмъ, что за одинъ и тотъ же проступокъ наказаніе положено очень строгое и очень пустое, точно это какая-то игра; но онъ не замѣчаетъ, кажется, постыдной коммерческой жилки, проникнувшей въ параграфъ о преслѣдованіи прелюбодѣйства и позволявшей мужчинамъ извлекать выгоду изъ неудачъ своихъ близкихъ родственницъ.

Очень важенъ законъ Солона, допускавшій при бездѣтности свободу завѣщанія, вмѣсто того, чтобы отдавать имущество отдаленнымъ родственникамъ. Подобнаго постановленія нѣтъ въ Гортинскомъ правѣ; оно показываетъ, что въ Афинахъ уже не считались съ родовыми понятіями, державшимися преимущественно въ средѣ аристократіи; крестьяне и люди городскихъ профессій находили для себя невыгодными стѣсненія родового права, и законъ открылъ имъ просторъ въ этомъ отношеніи.

Необыкновенно интересны постановленія кодекса, которыя опредѣляли право рыть колодцы и пользоваться колодцами сосѣдей, затѣмъ условія посадки оливокъ, смоковницъ и разныхъ техническихъ растений, устройство пчельниковъ, рытье канавъ и возведеніе загородокъ. Въ мелочныхъ предписаніяхъ о томъ, какое должно быть разстояніе между деревьями, между пчелиными роями, водоемами, межами и пр., отражается тѣсная жизнь мелкихъ хозяйствъ Аттики; въ этой необычайно интенсивно разработанной странѣ не оставалось свободнаго уголка, о пустыряхъ не было даже понятія; владѣльцы маленькихъ плантацій, страдавшіе отъ недостатка оросительныхъ средствъ, вели тяжелую борьбу съ природой и не менѣе жестоко оспаривали другъ у друга каждую пядь земли. Кодексъ долженъ былъ придти на помощь въ столкновеніяхъ, примирить интересы, сгладить рѣзко обостренныя и сшибавшіяся притязанія. Поскольку онъ регулировалъ сложныя хозяйственныя работы, вызывавшіяся характеромъ страны, и удовлетворялъ всеобщему желанію имѣть твердыя правила, онъ, дѣйствительно, выполнялъ какую-то національную задачу, и намъ представляется вполне понятнымъ, что личность его редактора должна была остаться въ памяти народа: онъ казался устройтеlemъ всеобщаго примиренія. Но, какъ же судьба партіи, обязанный тѣмъ, кто его вознесъ, Солонъ не могъ не служить опредѣленной группѣ интересовъ, и яснѣе всего эта сторона выступаетъ во вѣдѣннй политикѣ.

Внѣшнія отношенія Аѳинъ при Солонѣ и Писистратѣ. Повидимому, Солонъ болѣе всего былъ готовъ поддерживать паралиевъ. Легенда рассказываетъ, что когда Мегара отняла у Аѳинъ Саламинъ, и всѣ попытки вернуть близкій къ аѳинской гавани островъ терпѣли неудачу, Солонъ прикинулся полупомѣшаннымъ и сумѣлъ горячими стихами воодушевить аѳинянь къ новому походу, во главѣ котораго граждане поставили самого поэта. Мегара была въ седьмомъ вѣкѣ, на ряду съ Коринѳомъ, сильной колонизирующей и торговой общиной. Занявши Саламинъ, Мегара загородила главный морской выходъ Аѳинамъ, изолировала Аттику съ моря. Отнятіемъ Саламина у Мегары началось морское усиленіе Аттики; однимъ изъ инициаторовъ, если не главнымъ вождемъ въ этомъ предпріятіи былъ Солонъ. Въ смыслѣ такой вѣдѣннй политики племянникъ Солона, Писистратъ, котораго традиція называетъ тираномъ аѳинскимъ, былъ продолжателемъ своего старшаго родственника. Его первымъ военнымъ подвигомъ былъ захватъ Нисеи, гавани мегарской. Дальше Писистратъ заключаетъ союзы съ другими тиранами на островахъ Эгейскаго моря и налаживаетъ широкую мореходную политику.

О Писистратѣ, его политическихъ связяхъ и пріемахъ Геродотъ

дасть яркія и живыя свѣденія, и партійное положеніе тирана выступаетъ отчетливо ⁴⁷. По словамъ Геродота, Писистратъ въ началѣ только «для виду» держался партіи «нагорныхъ», пока ему не удалось добиться вооруженной стражи и захватить акрополь; и дѣйствительно, въ пользу виноградарей верхней Аттики онъ не принимаетъ потому никакихъ мѣръ. Вся его политика построена на разныхъ комбинаціяхъ съ другими аристократическими родами и на помощи постороннихъ капиталовъ и наемниковъ.

Интересно между прочимъ, какъ Геродотъ опредѣляетъ аристократизмъ аѳинскихъ родовъ. «Филаидъ Мильтіадъ, потомокъ героевъ, происходилъ изъ дома, который держалъ (для игръ) четверку лошадей (*οἰκίης τετραπυρομένης*)». Главные соперники Писистрата—Алкмеониды и Филаиды. Алкмеонидъ Мегаклъ пытается вновь водвориться въ Аттикѣ, сначала какъ противникъ Писистрата, потомъ какъ его союзникъ; едва успѣвши заключить дружбу съ Писистратомъ и выдать за него свою дочь, Мегаклъ опять ссорится съ тираномъ и снова удаляется изъ страны. Филаидъ Мильтіадъ не можетъ переносить тиранніи Писистрата, такъ какъ считаетъ его равней себѣ; онъ уѣзжаетъ изъ Аѳинъ и создаетъ свое собственное княжество въ Херсонесѣ на европейскомъ берегу Геллесπονта, противъ ранѣ захваченнаго аѳинянами Сигея, лежавшаго на азіатскомъ берегу. Его братъ Кимонъ, человекъ, лишенный талантовъ, тоскуя по родицѣ и желая вернуться, начинаетъ ухаживать за Писистратомъ. Четверки Кимона неизмѣнно выигрываютъ на Олимпійскихъ играхъ; однажды ему приходитъ въ голову приписать побѣду аѳинскому тиранну, и вслѣдъ за такимъ блистательнымъ комплиментомъ онъ добивается цѣли.

Особенно важны были иностранныя владѣнія и посторонняя денежная помощь, благодаря чему Писистрату удалось одолѣть постепенно всѣхъ соперниковъ и, несмотря на двукратное изгнаніе, окончательно утвердиться въ Аѳинахъ. Писистратъ владѣлъ золотыми рудниками въ Пангеѣ, около устья Стримона, воспользовался матеріальной поддержкой богатаго Лигдамида съ о. Наксоса, получилъ какимъ-то образомъ деньги отъ Фивъ и другихъ городовъ, такъ что могъ для завоеванія Аттики привести съ собой вессалійскую конницу. Позднѣ Писистратъ сумѣлъ завязать и поддержать обширныя связи по всему побережью Эгейскаго моря. Своему союзнику Лигдамиду онъ помогъ сдѣлаться тиранномъ; наиболѣе важный островъ посрединѣ Эгейскаго моря сталъ вслѣдствіе этого въ политическую зависимость отъ Аѳинъ. Въ свою очередь Лигдамидъ поддержалъ тирана Поликрата на островѣ Самосѣ. Поликратъ завелъ большой флотъ въ сто кораблей, держалъ крупный отрядъ наемниковъ, блестящій дворъ и заключилъ друж-

бу съ египетскимъ фараономъ Амазисомъ. Эти три тирана образовали взаимный союзъ и около 540 года распорядились въ Эгейскомъ морѣ. Они представляли собой силу іонійской народности, и черта племенной связи выразилась въ заботахъ Писистрата и Поликрата о возвышеніи святилища Аполлона на островѣ Делосѣ. До извѣстной степени тутъ уже были намѣчены очертанія будущаго Делійскаго союза, во главѣ котораго стали Аѳины въ 477 году послѣ отраженія персовъ.

Ясно, въ интересахъ какого класса были все эти предпріятія Писистрата, а, слѣд., ясно и то, какими слоями аѳинскаго общества онъ былъ вознесенъ на высоту власти. Это были совсѣмъ не крестьяне, которыхъ Аристотель выдвигаетъ въ качествѣ главной опоры Писистрата, а паразиты и деміурги, судовладѣльцы, мореходы и индустриалы, работавшіе на сбытъ. Политика Писистрата открываетъ выходъ ихъ предпримчивости, собираетъ и организуетъ ихъ силы, создаетъ въ Аттикѣ коммерческій и, можетъ быть, также военный флотъ.

Ни Солонъ, ни Писистратъ не были политическими реформаторами. Престія учрежденія и должности оставались при тиранахъ въ полной силѣ. Выбирались ежегодно архонты, собирался Арэопагъ, т.-е. высшій совѣтъ и главный судъ Аѳинъ. Писистратъ, а потомъ его сыновья клонотали, по словамъ Фукидида, лишь о томъ, чтобы въ коллегіи правящихъ сановниковъ былъ неизмѣнно представитель ихъ фамиліи ⁴⁸; это давало возможность постоянно слѣдить за ходомъ дѣлъ и проявлять свою инициативу въ политикѣ. Вѣроятно, рядомъ съ этимъ Писистратиды старались обезнечить себѣ большія новыя командованія въ задуманныхъ ими же предпріятіяхъ. Изъ такихъ командованій, надо думать, и возникла должность *стратеговъ*. Командирамъ приходилось собирать участниковъ экспедицій на большія совѣщанія. Отсюда оживленіе при тиранахъ народныхъ сходокъ, похожихъ на собранія воиновъ въ Пліадѣ. Можетъ быть, при воинственныхъ тиранахъ возникло и названіе *эклесія* (*ἐκκλησία*), «собраніе по публичному вызову».

Тираннія въ Аѳинахъ не была сплошнымъ правленіемъ династии. Большой перерывъ приходится между Солономъ и Писистратомъ: архонство и начало законодательства Солоня считается въ 594 году, первое водвореніе Писистрата—въ 560 году. Лишь въ 545 году Писистратъ окончательно утвердился въ Аѳинахъ; онъ умеръ въ 527 г., въ глубокой старости, передавши свое богатство и вліяніе сыновьямъ.

Паденіе тиранніи въ Аѳинахъ. Писистратиды въ теченіе полутора десятилѣтій пользовались тѣмъ положеніемъ, которое завоевалъ ихъ отецъ, но затѣмъ въ результатѣ недолгой ожесточенной борьбы они были опрокинуты и изгнаны.

Относительно причинъ паденія тиранніи въ Аѳинахъ сложился сво-

его рода романтической взглядъ. Установившаяся версія гласила, что правителемъ послѣ смерти Писистрата былъ старшій его сынъ Гиппій, который продолжалъ править согласно принципамъ своего отца. Личные враги его брата Гиппарха составили заговоръ, и двоимъ изъ нихъ, Гармодію и Аристокейтону, удалось заколотъ его. Гиппій принялъ тотчасъ же энергическія мѣры противъ заговорщиковъ; онъ сумѣлъ удержать авторитетъ, но характеръ его власти измѣнился и господство его обратилось въ произволъ. Поэтому, когда спустя 4 года послѣ убійства Гиппарха, Гиппій былъ изгнанъ, паденіе тирана стали разсматривать, какъ освобожденіе народа аѳинскаго. Согласно такой формѣ разсказа, тираннія сама ускорила свою катастрофу тѣмъ, что измѣнила народнической политикѣ и стала гнетущимъ режимомъ. Можно догадаться, что легенду о жестокихъ правителяхъ придумали враги тиранновъ, аристократы, которые также идеализировали тиранноубійць и добились постановки имъ памятника. Въ Аѳинахъ водрузили еще другой символъ какъ бы вѣчнаго осужденія тиранніи: въ акрополѣ, городскомъ кремлѣ, высилась колонна, на которой обозначили имена тиранновъ, какъ виновниковъ неправды и насилія (*ἀδικία*)⁴⁹. вмѣстѣ съ тѣмъ аристократы, приспособляясь къ демократическимъ вкусамъ, привили народу убѣжденіе, что тираннію свергъ самъ демосъ, который, наконецъ, пересталъ нуждаться въ руководителяхъ и опекунахъ.

Насъ не можетъ удовлетворить такое объясненіе. Очень ужъ подѣтки разсуждать: тираннія пала оттого, что морально испортилась. Слѣдуетъ присмотрѣться къ положенію партій и къ международнымъ сдѣланиямъ. Прежде всего положеніе Писистратидовъ пошатнулось вслѣдствіе разстройства вѣдшихъ отношеній, которыми они держались. Морской союзъ трехъ іонійскихъ правителей разбился о великую завоевательную силу персовъ. Іонія потеряла важную опору на югѣ, когда персы захватили Египетъ (525 г.). Одинъ за другимъ переходили въ руки персовъ малоазійскіе города и острова Эгейскаго моря. Изъ друзей Писистрата погибъ Поликрать самосскій, взятый въ плѣнъ малоазійскимъ сатрапомъ. Во время скиѳскаго похода персы перешли на Балканскій полуостровъ. Аѳинская тираннія была, такимъ образомъ, изолирована со стороны моря. На другомъ концѣ съ перешейка на нее также надвигался врагъ въ лицѣ Спарты, подававшей помощь аристократіи въ ея борьбѣ съ тиранніей.

Лишь при этихъ условіяхъ рѣшились выступить внутренніе враги тиранновъ, до тѣхъ поръ совершенно подавленные и безсильные. Геродотъ считаетъ главнымъ противникомъ тиранніи родъ Алкмеонидовъ, которому никакъ не удавалось утвердиться въ Аѳинахъ послѣ своего перваго изгнанія. Алкмеониды расположили въ свою пользу Дельфій-

скую жреческую коллегію, отдавши большія средства на возобновленіе сгорѣвшаго храма, или, какъ говорили въ Греціи, они подкупили прорицательницу Пифію. Съ этого времени спартанцы получали изъ Дельфъ неизмѣнно одно и то же предписаніе: изгнать изъ Аѳинъ тиранновъ⁵⁰. Первая попытка спартанцевъ занять Аѳины кончилась неудачей. Къ тираннамъ пришла на помощь ессалійская конница, оказавшая услуги еще отцу ихъ, и помогла разсѣять нѣшее ополченіе пелопоннесцевъ. Второе наступленіе, во главѣ котораго былъ самъ царь спартанскій Клеоменъ, достигло цѣли. Тираннъ Гиппій, сынъ Писистрата, со своей семьей долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ; онъ нашелъ убѣжище въ своемъ замкѣ въ Сигеѣ, около Трои (510 г.). Здѣсь Гиппій находился уже въ предѣлахъ господства персовъ. Онъ перешелъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми малоазійскими тираннами, въ число вассаловъ персидскаго царя и пытался потомъ при помощи персовъ вернуться въ Аѳины.

Между возвратившимися въ Аѳины аристократами разгорѣлась жестокая вражда. Спартанскій царь Клеоменъ оставилъ власть въ рукахъ своего ближайшаго друга Исагора, который хотѣлъ завести олигархическіе порядки. Но Исагоръ встрѣтилъ гениальнаго противника въ лицѣ Алкмеонида Клисѳена, самаго выдающагося организатора Аѳинъ, превратившагося въ сторонника демократіи. Клеоменъ еще разъ пришелъ въ Аѳины на помощь Исагору: они возобновили религіозное проклятіе, тяготѣвшее надъ Алкмеонидами, и Клисѳенъ долженъ былъ удалиться изъ Аѳинъ вмѣстѣ съ семьюстами фамиліями. Однако масса аѳинянъ оказалась на сторонѣ Клисѳена: Клеоменъ и Исагоръ были осаждены въ акрополѣ и капитулировали на условіяхъ свободнаго пропуска. Клисѳенъ вновь возвратился въ Аѳины и постарался закрѣпить свое положеніе новой организаціей гражданства (приблиз. 507—506 гг. до Р. Х.).

Клисѳенъ—организаторъ сельской Аттики. Судя по изложенію Геродота, о реформѣ Клисѳена сохранились весьма живыя воспоминанія. Любопытныя подробности добавляетъ и Аристотель⁵¹; къ нимъ можно отнести съ довѣріемъ, такъ какъ клисѳеновскія филы, триптии и демы въ мало измѣненномъ видѣ существовали и функционировали въ IV вѣкѣ. Современная археологія подтвердила эти указанія и смогла возстановить большую часть клисѳеновскихъ округовъ и волостей⁵².

Клисѳенъ уничтожилъ старыя группировки гражданства и на ихъ мѣсто ввелъ новыя. Раньше населеніе Аттики было раздѣлено на 4 филы, названія которыхъ (*Γελέωντες*, *Ὀπλιητες*, *Ἀργαῖοι*, *Αἰγιόχοι*) повторяются въ другихъ іонійскихъ общинахъ. Геродотъ говоритъ, что

имена эти происходят отъ четырехъ сыновей Иона, родоначальника ионійскаго племени. Филы дѣлились на триттіи (т.-е. трети). Клисеонъ замѣнилъ эти старыя 4 филы и 12 триттіи новыми десятью филами и 30 триттіями. Для новыхъ филъ онъ придумалъ имена мионическихъ родоначальниковъ, заимствованныя изъ старинной аонинской исторіи, да еще къ нимъ прибавилъ героя троянской войны Аякса. Эти имена были одобрены авторитетнымъ оракуломъ въ Дельфахъ.

Неизвѣстно, были ли старыя филы сплошными территоріями. Новыя филы, во всякомъ случаѣ, намѣренно были составлены изъ разрозненныхъ кусковъ. При этомъ реформаторъ исходилъ отъ дѣленія страны на три естественныя области. Онѣ у Аристотеля названы: 1) областью около города (т.-е. Аонія, *περὶ τὸ ἄστυ*), 2) береговой (*παράλια*) и 3) срединной (*μεσόγειον*). Каждая изъ этихъ трехъ территорій была теперь раздѣлена на 10 частей (всего 30 новыхъ триттіи). Для составленія филы брали по одной части (по одной триттіи) отъ каждой территоріи. Слѣдовательно, въ каждой филѣ былъ кусокъ отъ города Аонія или его окрестностей, отъ внутренней земли и отъ береговой полосы. Триттіи подраздѣлялись дальше на демы (*δῆμοι*), т.-е. общины, коммуны. Клисеоновы демы примыкають, вѣроятно, къ старымъ поселкамъ. Организаторъ, можетъ быть, сложилъ нѣсколько мелкихъ поселковъ вмѣстѣ въ немногіе болѣе крупныя. Обратнo главный городъ и его предмѣстья были раздѣлены на нѣсколько демовъ. Такимъ образомъ, Аонины не получили особаго дѣльнаго столичнаго управленія. Городъ Аонины какъ бы остался географическимъ понятіемъ: на его территоріи лишь тѣснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, лежало нѣсколько демовъ, нѣсколько самостоятельныхъ общинъ. Невольно думаешь, что раздробленіе главнаго города въ административномъ отношеніи входило въ планы реформатора: онъ не хотѣлъ давать центру возможность подавлять собой сельскіе округа, онъ старался разстроить и безъ того тѣсное естественное сплоченіе горожанъ, дающее имъ легко перевѣсъ надъ разрозненными деревнями.

Можно составить себѣ довольно ясное представленіе о жизни самой мелкой административной или земской единицы Атики. Демъ составлялъ какъ бы небольшую самостоятельную общину. Въ немъ ежегодно смѣнялся выборный староста, демархъ, который завѣдовалъ кассой, собиралъ взносы и аренду съ общинной земли, держалъ надзоръ за порядкомъ округа, руководилъ собраніемъ демотовъ (*ἄγορα*) и приводилъ въ исполненіе его приговоры; мірской сходъ провѣрялъ его правоспособность при вступленіи на должность (докимасія) и снималъ съ него отчетъ при сдачѣ должности такъ же, какъ это дѣлало общенародное собраніе при избраніи и уходѣ въ отставку главныхъ долж-

ностныхъ лицъ. Отъ дема зависѣло принятіе новыхъ лицъ въ составъ гражданства. Граждане считались прежде всего членами того или другого дема. Они и ихъ потомки обозначались именемъ того дема, въ которомъ ихъ застала реформа Клисеона. Напр., *Περικλῆς ὁ Ξανθίππου Χολαργεύς*, Перикль, сынъ Кеанѣиша, изъ дема Холарга. У демарха былъ списокъ гражданъ, а собраніе дема рѣшало тайнымъ голосованіемъ вопросъ о принятіи въ свою среду сыновей гражданъ, достигшихъ совершеннолѣтія. Точно такъ же при чрезвычайной провѣркѣ гражданскихъ правъ (*διαψήφισις*) собраніе демотовъ могло выключить изъ списковъ тѣхъ, кого признавало неправильно вошедшими въ составъ гражданства. Въ демѣ не было никакой іерархіи, не признавалось никакой аристократіи. Аристотель говоритъ по этому поводу, что кандидата на должность отнынѣ спрашивали лишь о принадлежности къ дему, для того, чтобы повопріятыя граждане не были вынуждены обнаруживать свое происхожденіе указаніемъ своего отечества.

Политическія нововведенія Клисеона. Клисеоновы демы составляли не только форму мѣстнаго самоуправленія; вмѣстѣ съ триттіями и филами они образовали основу общеполитическаго порядка. Въ V вѣкѣ два важнѣйшихъ учрежденія опирались на дѣленія и организациі Клисеона. Во-первыхъ, коллегія десяти стратеговъ, которыхъ можно назвать не только командирами ополченія и флота, но также заправителями финансовой стороны войны; стратеги выбирались общимъ собраніемъ по одному на каждую филу. Во-вторыхъ, совѣтъ 500 (*βουλή* или *οἱ πεντακόσιοι*). Должность стратеговъ могла возникнуть раньше Клисеона; реформатору принадлежитъ, можетъ быть, только приспособленіе выборовъ въ эту должность къ филамъ. Что же касается совѣта 500, то очень правдоподобно, что онъ составляетъ оригинальное нововведеніе Клисеона. Выборы въ совѣтъ происходили по демамъ; каждый демъ ставилъ число депутатовъ, пропорціональное количеству населенія. Совѣтъ былъ какъ бы представительствомъ самостоятельныхъ общинъ, на которыя распалось государство. Обыкновенно совѣтъ 500 не засѣдалъ въ полномъ своемъ составѣ. Для завѣдованія текущими дѣлами онъ былъ раздѣленъ соотвѣтственно 10 филамъ на 10 пританій, или очередныхъ сессій, по 50 человѣкъ, которые смѣняли другъ друга въ теченіе года. Когда созывалось народное собраніе, во главѣ его сажались пританы, т.-е. члены очередной десятой доли совѣта, а председатель пританіи, ежедневно смѣнявшійся *ἐπιστάτης*, становился также председателемъ народнаго собранія. Въ смѣнѣ очередей и въ томъ, что очередная сессія получала общественный обѣдъ, отражалось происхожденіе совѣта изъ интересовъ сельскаго населенія; этотъ порядокъ былъ устроенъ, очевидно, для того, чтобы пред-

ставители демовъ, не имѣвшіе по большей части постоянного жилища въ городѣ, могли прїѣзжать въ Аѣны на короткій срокъ.

Въ пятюмъ вѣкѣ въ эпоху развитой демократіи, когда экклесія собиралась очень часто и входила непосредственно во все важнѣйшія дѣла, совѣтъ Пятисотъ составлялъ какъ бы постоянную комиссію народнаго собранія. Повидимому, иную гораздо болѣе прямую политическую роль игралъ совѣтъ 500, когда онъ былъ впервые введенъ Клисѣеномъ. Надо думать, что народныя собранія созывались рѣдко вплоть до радикальной реформы 462 года, потому что до этого времени въ общинѣ преобладалъ сельскій демосъ Аттики, которому трудно было собираться изъ деревень въ городъ. При тираннахъ общія сходы вообще составляли чрезвычайное, почти революціонное явленіе, служа объединенію главнымъ образомъ участниковъ экспедицій и предпріятій. Клисѣенъ, кажется, придумалъ форму собраній, которая давала возможность демосу правильно сходиться и слѣдить за всеми важнѣйшими дѣлами: населеніе демовъ отряжало депутатовъ, которые заседали постоянно въ городѣ рядомъ съ правительственными коллегіями архонтовъ и Ареопага. Совѣтъ 500 и былъ какъ бы малымъ или постояннымъ народнымъ собраніемъ своего времени. Большое или общее собраніе всехъ гражданъ сходилось лишь для того, чтобы произвести выборы или принять какую-нибудь важную общую резолюцію (псефизму). Къ такимъ чрезвычайнымъ собраніямъ подходитъ отчасти параллель плебисцита и референдума новѣйшаго времени.

Впоследствии, во времена Перикла и Пелопоннесской войны, когда экклесія выслушивала сложные дебаты, принимала детальныя рѣшенія, клисѣеновская конституція, впервые открывшая двери народному контролю, казалась консервативной и безчуждой робкой. Но для своего времени созданіе совѣта 500 было необыкновенно рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ. Архонты и Ареопагъ, избравшіеся изъ высшаго слоя общества, привыкшіе рѣшать все дѣла въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ, увидали теперь рядомъ съ собой открытыя многочисленныя собранія людей всякаго званія, представительство, главнымъ образомъ, сельской Аттики, всю страну, которая пришла завѣдовать политикой и контролировать дѣйствія правительственныхъ органовъ.

Соціальные мотивы реформы Клисѣена. Въ свое время реформа Клисѣена произвела очень сильное впечатлѣніе, но первоначальные мотивы ея частью ускользнули отъ вниманія позднѣйшихъ судей и критиковъ. Аристотель считаетъ, что главной цѣлью Клисѣена было перемѣшать разные элементы населенія⁵³. Въ самомъ дѣлѣ, соединяя въ каждой филѣ представителей разныхъ областей, соперничавшихъ между собой, реформа Клисѣена какъ будто разстраивала старинныя

группировки (особенно дѣленіе на педіеевъ, паралиевъ и діакріевъ) и ослабляла ихъ давнишній взаимный антагонизмъ. Но объясненіе Аристотеля звучитъ слишкомъ отвлеченно: опять намъ преподносятъ организатора въ родѣ Солона, какого-то сверхчеловѣческаго соціальнаго воспитателя, дѣйствовавшаго въ духѣ равномерной нейтрализаціи всехъ соперничествъ. Клисѣенъ же, какъ дѣятель партійный, вѣроятно, поступалъ какъ разъ наоборотъ, стараясь укрѣпить союзныя съ нимъ группы и разстроить враждебныя.

Весьма реальный мотив реформы выдвигаетъ Геродотъ⁵⁴. Рассказывая о Клисѣенѣ аѣнскомъ, онъ невольно вспоминаетъ о его дѣдѣ по матери, Клисѣенѣ сикіонскомъ, и даетъ сопоставленіе обоихъ реформаторовъ. Совершенно такъ же, какъ старшій Клисѣенъ, изъ не-расположенія къ дорянамъ, отмѣнилъ въ Сикіонѣ общедорійскія названія филъ, и младшій Клисѣенъ, презиравшій іонійцевъ, уничтожилъ въ Атикѣ іонійскія названія филъ. Что же могло означать это презрѣніе Клисѣена аѣнскаго къ іонійцамъ и разрывъ съ ними номинальныхъ связей? Повидимому, здѣсь крылся очень опредѣленный поворотъ внѣшней политики. Писистратиды тяготѣли къ іонійскому міру, занимавшему острова и малоазійскіе берега Эгейскаго моря. Алкмеониды за время своего изгнанія завязали отношенія въ совершенно другой сторонѣ. Сблизившись съ дельфійскимъ оракуломъ, они, вѣроятно, получили отъ богатой жреческой коллегіи денежныя средства для возвращенія въ Аѣны. Они опредѣленно отказались отъ восточныхъ морскихъ и іонійскихъ связей и пытались даже вступитъ подъ покровительство персовъ. Геродотъ рассказываетъ, что какъ только вернулся Клисѣенъ во второй разъ, аѣняне отправили посольство въ Азію для заключенія союза съ персами. Съ персидской стороны было поставлено требованіе подданства (дать земли и воды), и аѣнскіе послы согласились на такое условіе. Геродотъ прибавляетъ, что они не имѣли на то уполномоченія отъ народа⁵⁵; но эту поправку явно внесла націоналистическая гордость аѣнянъ позднѣе, когда они побѣдили Ксеркса. Очень правдоподобно, что Клисѣенъ отправилъ пословъ именно съ предложеніемъ подданства Аѣнѣ персидской державѣ; цѣлью такого односторонняго союза было, можетъ быть, полученіе персидской субсидіи для борьбы съ европейскими врагами Аѣнѣ, которые надвигались со всехъ сторонъ.

Пожалуй, мы въ правѣ сдѣлать еще одно заключеніе изъ того обстоятельства, что Геродотъ находитъ сходство между двумя организаторами, дѣдомъ и внукомъ. Клисѣенъ сикіонскій, политикъ свѣтскаго направленія, пытался разрушить значеніе и богатство религиозныхъ корпорацій; однимъ изъ средствъ къ тому было переименованіе

филь, перестановка традиционных символов, замена их новыми, собственного изобретения. Не потому ли вспомнил о нем Геродот, что Клисеев афинский, применяя схожие приемы, также решил разорвать со святыми именами фильм, оставшимися от старины, для чего пришлось сдвинуть старые миры и заменить их искусственными историческими терминами? И не значить ли это, что у Клисеена афинского были те же противники в виде религиозных корпораций, связанных со старыми филами, а также, что у него была цель ослабить священные группировки, разстроить их и, может быть, затронуть их имущество, предоставить его на пользование вновь устроенным деревенским союзам? Какая-нибудь материальная выгода для народа была в реформе фильм; иначе трудно понять выражение Геродота, что именно включением в новые филы демов, сельских округов, Клисеев расположил к себе народ. Внимательный анализ вышних событий, следующих за реформой Клисеена, покажет нам еще ближе, в интересах каких классов действовал самый выдающийся из Алкмеонидов.

Внешняя политика Афин послѣ реформъ Клисеена. Спартанцы были очень недовольны изгнанием Исагора и демократическим переворотом, который произвел Клисеев. Къ Атике вновь двинулось большое пелопоннесское ополчение под начальством обоих спартанских царей, Клеомена и Демарата. Съ пелопоннесцами стоворились одновременно напасть на Атику еванцы и халкидяне съ острова Эвбеи. Наконец, Афинам угрожала съ моря Эгина. Ополчение Атики направилось навстрѣчу самому опасному противнику, пелопоннесцамъ, которые уже дошли до Элевсина. Афинянамъ помогли раздоры среди враговъ: царь Демаратъ поссорился съ Клеоменомъ и ушелъ домой; коринтяне отказались участвовать въ экспедиции противъ Афинъ и повернули обратно. Клеомену съ остальнымъ ополчениемъ пришлось также отступить. Афиняне обратились теперь противъ еванцевъ. Разгромивъ еванское ополчение, побѣдители въ тотъ же день переправились черезъ Эврипъ, узкій проливъ, отдѣляющій Эвбею отъ Средней Греции. Въ Халкидѣ за афинянь былъ городской демосъ, и афинянамъ удалось разбить эвбейскихъ рыцарей (*ипποβόται*). Эта побѣда имѣла очень важныя послѣдствія для Афинъ. У халкидскихъ всадниковъ отобрали землю и посадили на ней до 4 тысячъ афинскихъ клеруховъ (колонистовъ съ крестьянскими надѣлами). Завоеваніе халкидской территоріи положило начало покоренію Эвбеи; въ городѣ Халкидѣ афиняне помогли демократическому перевороту и приобрѣли въ демосѣ послушнаго союзника.

Откуда вдругъ появилось это необыкновенно дѣятельное неукро-

тимое афинское ополченіе, которое идетъ отъ успѣха къ успѣху? По-видимому, оно—результатъ широкаго союза деревень Атики, созданнаго Клисеевомъ. Въ сельской Атикѣ накопилось, вѣроятно, не малое число безземельныхъ, которые охотно пошли на завоеваніе и были вознаграждены надѣлами на Эвбеѣ, образовали первую иностранную колонію Афинъ. Ясно, что политика Клисеена, отвернувшись отъ моря и отъ іонійскихъ связей, была поворотомъ въ интересахъ сельскаго населенія: реформаторъ воспользовался подъемомъ крестьянства Атики и, въ свою очередь, укрѣпилъ этотъ классъ своей организаціей. Если держаться афинскихъ терминовъ, Клисеевъ помогъ діакріямъ и педіеямъ противъ паралиевъ, горожанъ и мореходовъ, выдвинутыхъ въ свое время іонійской политикой Писистратидовъ. Становится также понятнымъ, почему Клисеевъ разбилъ городъ Афины между нѣсколькими демами и разстроилъ возможность преобладанія города надъ деревнями: онъ велъ реформу въ пользу сельчанъ; Афины должны были остаться лишь географическимъ терминомъ, мѣстомъ засѣданій соединенныхъ делегатовъ всей Атики.

Писистратъ и Клисеевъ, какъ организаторы возникающей демократіи. Разсказавъ объ изгнаніи Писистратидовъ, Геродотъ прибавляетъ: «Афины, раньше уже бывшія крупной силой, теперь, освободившись отъ тиранновъ, стали еще сильнѣе... Итакъ, афиняне выросли и стали могучи, и обнаружилось ясно, при томъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, что за великое дѣло равноправность (*ισιγυρίη*). Если афиняне, находясь подъ властью тиранновъ, не могли одолѣть на войнѣ никого изъ своихъ сосѣдей, то, свергнувъ тиранновъ, они достигли безусловнаго первенства. Отсюда очевидно, что, будучи въ подчиненіи, они намѣренно работали плохо, потому что работали на деспота. Достигнувъ свободы, они проявили огромную энергію, такъ какъ каждый могъ съ полной силой отдаться своей дѣлѣ»⁵⁶. Горячій почитатель демократіи, близкій Алкмеонидамъ, свергнувшимъ тираннію, Геродотъ высказываетъ здѣсь сужденіе не вполне справедливое. Мы видѣли, какъ далека была вообще старая тираннія отъ деспотизма, отъ притѣсненія народа. Нѣтъ основанія говорить о какомъ-либо упадкѣ энергіи въ Афинахъ подъ режимомъ тиранновъ. Напротивъ, ихъ время было началомъ крупнаго расширенія Афинъ. Въѣствъ съ тѣмъ они подготавливали въ значительной мѣрѣ то вооруженіе афинскаго народа, которое продолжалъ потомъ Клисеевъ. Съ другой стороны, есть всѣ основанія признать Клисеена, въ свою очередь, такимъ же тиранномъ, т.-е. вождемъ и организаторомъ народныхъ массъ, какими были Писистратиды; вся разница лишь въ томъ, что ему и его послѣдователямъ удалось избѣгнуть названія тирана, сдѣлавшагося чѣмъ-то ненавистнымъ.

На нашъ взглядъ, въ политическомъ развитіи Аѳинъ каждому изъ двухъ великихъ демагоговъ, Писистрату и Клисѳену, принадлежитъ своеобразная роль: оба они собираютъ и сплочиваютъ демократическіе элементы, одинъ—городскіе и мореходные, другой—сельскіе и сухопутные. Исторія Аѳинъ складывается потомъ изъ союза и антагонизма обѣихъ демократій. Отъ каждаго изъ нихъ остались учрежденія и традиціи, которыя въ своемъ цѣломъ и составляютъ характерную особенность аѳинскаго строя V вѣка.

Сколько можно судить, Писистратиды впервые ввели большія общія голосованія, въ которыхъ масса высказывалась о программахъ политики и дѣйствіяхъ вождей. Противники тиранніи потомъ добиваются родство Писистрата *остракизмами*, т.-е. всенародными тайными голосованіями. Многие говорятъ за то, что остракизмъ, часто примѣнявшійся въ началѣ V вѣка, былъ въ это время уже чѣмъ-то привычнымъ въ Аѳинахъ, и что его завели сами тиранны, которыхъ преслѣдовали потомъ ихъ собственнымъ средствомъ. Возникновеніе остракизма становится понятнымъ, если представить себѣ обстановку старинныхъ Аѳинъ, когда въ городѣ было еще сравнительно мало народа, когда масса, рѣдко собиравшаяся на сходку, была робка. Желая устранить своего противника, вліятельнаго человѣка, окруженнаго свитой и кліентами, популярный тираннъ устраивалъ тайную подачу голосовъ и добивался двойной цѣли: давалъ возможность мелкому люду высказаться безбоязненно и вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ внушительное рѣшеніе, которое опрокидывало его врага. На долю тиранновъ приходится также отнести первую попытку вооруженія народа, а въ связи съ этимъ, вѣроятно, установленіе должности стратеговъ, замѣнившихъ стараго начальника ополченія, полемарха. Наконецъ, въ видѣ послѣдствія тиранніи, приблизительно на 100 лѣтъ, въ Аѳинахъ осталась, несмотря на демократическія формы, характерная черта монархическаго руководства. За Клисѳеномъ идетъ преобладаніе Мильтіада, потомъThemistocles, Kimon; за ними особенно продолжительное вліяніе Перикла, котораго недаромъ сравнивали съ тиранномъ Писистратомъ; послѣднимъ въ ряду этихъ демократическихъ монарховъ можно считать Алкивіада.

Клисѳенъ не отмѣнилъ учрежденій и обычаевъ тиранніи; напротивъ, онъ воспользовался всеми созданіями предшественниковъ и, при посредствѣ своей организаціи, лишь перенесъ центръ тяжести на другіе общественные элементы. Онъ создалъ представительство сельской Аттики въ видѣ совѣта 500 и поставилъ подъ его контроль правительственный центръ, средоточіе городской жизни. Разбивъ, до извѣстной степени, разстроивъ городъ въ общей массѣ демовъ и филъ, Клисѳенъ

отнялъ перевѣсъ, который получили Аѳины надъ Аттикой во время удачныхъ морскихъ и торговыхъ захватовъ тиранніи. Несмотря на то, что въ V вѣкѣ высшая исторія Аѳинъ пошла совершенно инымъ путемъ, въ духѣ морской политики, созданіе Клисѳена все-таки сохранило свою силу. Еще ко времени Пелопоннесской войны, по словамъ Оукидида, аѳиняне по большей части жили въ деревнѣ. «Аѳиняне усвоили себѣ прочно самостоятельный сельскій бытъ; несмотря на политическое объединеніе, все-таки и въ старину, и въ болѣе позднее время, большинство по привычкѣ жило всѣмъ домомъ внѣ города»⁵⁷. Эта характеристика Оукидида даетъ почувствовать всю силу клисѳеновской организаціи демовъ. Если Аттика сдѣлалась одной изъ самыхъ крупныхъ объединенныхъ общинъ Греціи, благодаря своему старинному синоикизму, скрѣпившему союзъ деревенскихъ общинъ, то Клисѳена можно назвать устроителемъ какъ бы новаго второго синоикизма Аттики. Можетъ быть, въ этомъ смыслѣ Клисѳенъ исходилъ отъ нѣкоторой общей политической мысли, распространенной въ іонійскомъ мірѣ, хотя Геродотъ и говоритъ объ его презрѣніи къ іонійцамъ. У того же Геродота есть слѣдующее любопытное извѣстіе о предложеніи, которое сдѣлалъ Фалесъ Милетскій во время завоеванія Іоніи Киромъ въ 40-хъ годахъ VI вѣка: іонійцы должны образовать одно политическое цѣлое; они создадутъ въ центральномъ пунктѣ (городѣ Теосѣ) конгрессъ, или общій совѣтъ (*βουλευτήριον*), а отдѣльныя общины, которыя будутъ посылать делегатовъ, сохранять самоуправленіе все равно, какъ бы онѣ составляли демы⁵⁸. Здѣсь Фалесъ рекомендуетъ объединеніе, пользуясь тѣми самыми терминами, которые обозначаютъ новыя учрежденія въ преобразованной Клисѳеномъ Аттикѣ, именно, совѣтъ 500 и самоуправляющіяся волости. Мысль, выраженную въ предложеніи Фалеса и осуществленную въ реформѣ Клисѳена, мы рѣшились бы назвать планомъ *федераціи на демократической основѣ*; она даетъ самое высокое понятіе о политическихъ дарованіяхъ ея инициаторовъ.

Какъ ни важны были политическія организаціи, введенныя Писистратомъ и Клисѳеномъ, но конституцію Аѳинъ, сложившуюся къ 500 году до Р. Х., нельзя назвать демократической въ полномъ смыслѣ этого слова. Оба тирана были только собирателями и устроителями демократическихъ элементовъ аѳинскаго общества; они положили фундаментъ будущей демократіи. Старый совѣтъ на Ареопагѣ сохранилъ свой прежній авторитетъ; при немъ лишь появилась вторая какъ бы нижняя палата въ лицѣ совѣта 500. Конституція, пожалуй, заслуживаетъ названія смѣшанной: по терминологіи конца V вѣка она была бы *δημοκρατία ἰσόνομος*, т.-е. политическимъ преобладаніемъ слоя за-

житочнаго гражданства на основѣ общаго равноправія. Воплѣтъ поэтому, что въ глазахъ аѳинянъ эпохи Пелопоннесской войны конституція Клисѳена казалась консервативной. Еще позже, въ IV вѣкѣ, въ аѳинскомъ обществѣ дѣло Клисѳена слилось съ Солоновымъ: уже не умѣли указать различія между Клисѳеномъ и его предшественникомъ Солономъ; оба они казались авторами патриархальной демократіи, руководимой высококонсервативнымъ Ареопагомъ.

Объединенная Аттика и другія общины Греціи. Могущество организованной даровитыми тираннами Аттики ярко сказалось въ событіяхъ конца VI вѣка; образование большой аѳинской республики сильно почувствовали всѣ общины Греціи, но болѣе другихъ Спарта. Только что включила она въ пелопоннесскій союзъ Мегару и обезпечила себѣ выходъ черезъ Истмъ въ среднюю Грецію, какъ по другую сторону перешейка сложилась воинственная община, съ большимъ сухопутнымъ ополченіемъ, всегда способная загородить пути изъ Пелопоннеса. Ослабленіе въ Атикѣ аристократіи не давало возможности спартанскимъ политикамъ опереться на родственные имъ элементы въ Аѳинахъ, и, слѣд., о сближеніи обѣихъ общинъ, о включеніи Аѳинъ въ пелопоннесскій союзъ не могло быть и рѣчи. Уже теперь, въ концѣ VI вѣка, у Спарты появился очень опасный соперникъ, который определенно шелъ на завоеванія и принудительныя присоединенія.

Въ виду этого понятна и попытка спартанцевъ посадить опять въ Аѳинахъ изгнаннаго ими же Гиппія, т.-е. разжечь междоусобія и ослабить соперника внутренними волненіями. Спартанцы вызвали Гиппія изъ его замка въ Сигеѣ, пригласили делегатовъ союзныхъ общинъ на конгрессъ и изложили здѣсь свое намѣреніе. Они встрѣтили возраженія коринѳянъ. Геродотъ влагаетъ въ уста коринѳскому делегату Созиклу рѣчь, необыкновенно торжественную. «Вотъ ужъ поистинѣ небо и земля помѣняются своими мѣстами, и люди станутъ жить въ морѣ, а рыбы заживутъ, какъ люди, если вы, лакедемоняне, начнете разрушать демократію (*ισοκρατία*) и вводить въ городахъ тиранновъ, а на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе несправедливаго и отвратительнаго, чѣмъ тираннія. Если вамъ вдругъ показалось, что очень полезно отдать общину въ управленіе тиранну, то введите прежде всего тираннію у себя самихъ, а потомъ ужъ и навязывайте ее другимъ. А то выходитъ, что сами вы не испытали тиранніи и принимаете у себя въ Спартѣ строжайшія мѣры противъ возможности ея появленія, а къ подобному же вопросу у союзниковъ относитесь совершенно равнодушно. Будь у васъ тотъ же опытъ, что у насъ, вы бы сумѣли выработать себѣ болѣе правильный взглядъ». Затѣмъ Созиклъ, т.-е. его устами Геродотъ, подробно излагаетъ исторію коринѳскихъ тиранновъ

Кипсела и Періандра, изображая ихъ мрачными и жестокими злодѣями. Въ заключеніе онъ заклинаетъ спартанцевъ всѣми эллинскими богами не вводить тиранніи ни въ одномъ городѣ⁵⁹.

Рѣчь Созикла, конечно, прежде всего любопытна для характеристики возрѣвнѣи Геродота и его времени: такъ судили о тиранніи въ средѣ позднѣйшей демократіи, эмансипированной отъ патроновъ, и притомъ въ значительной мѣрѣ подъ влияніемъ легенды, созданной аристократами. Но въ этой рѣчи есть и подлинныя элементы. Въ свое время тиранны поддерживали другъ друга, и потому для аристократіи, правившей въ Коринѣѣ, была очень непріятна перспектива водворенія тиранна поблизости, въ Аѳинахъ. У аристократіи образовалась своего рода круговая порука, и измѣна Спарты общимъ интересамъ аристократическихъ городовъ угрожала всѣмъ серьезной опасностью. Такъ или иначе попытка Спарты расширить союзъ за предѣлы Истма встрѣтила противодѣйствіе въ средѣ самихъ союзниковъ. Возникавшая вражда между Спартой и Аѳинами была остановлена общей опасностью, надвигавшейся съ востока.

Исторія Спарты и Аѳинъ въ VI столѣтіи вращается еще въ условіяхъ кантональнаго быта, но уже подготавлиетъ къ крупному размаху событій и къ большимъ организациямъ V вѣка, гдѣ обѣ эти общины играютъ главную и подавляющую роль. Ни одинъ изъ городовъ, выдвинутыхъ торговлей и колонизаціей, не смогъ создать большое военно-политическое объединеніе; именно, благодаря выѣздамъ и экспедиціямъ, силы промышленныхъ общинъ разсѣивались и дробились вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться. Наоборотъ, тѣ двѣ общины, которыя вначалѣ не приняли участія въ торговомъ и колоніальномъ движеніи, сплотились въ самыя значительныя политическія тѣла Греціи. Изъ нихъ Спарта такъ и осталась виѣ коммерческаго и морского распространенія; ея значеніе основывалось на руководительствѣ центрально-крупнаго военнаго лагеря. Аѳины, напротивъ, стали потомъ сами во главѣ торговаго развитія греческаго міра, но уже послѣ того, какъ образовался большой союзъ сельскихъ и приморскихъ элементовъ Атики, который далъ возможность не распылять силъ общины во виѣшеніи расширенія.

¹ Плут. біогр. Ликург. 8. ² Оук. V, 68. ³ Гер. I, 65. ⁴ Оук. I, 18. ⁵ Оук. I, 71. Гер. I, 66—7; VI, 52—60. ⁷ (Псевдоксенофонта) Аѳинск. полит. I. ⁸ Оук. I, 6. ⁹ Оук. VII, 18. ¹⁰ Плут. Лик. 9. ¹¹ Ксеноф. Лакед. пол. 4. ¹² Оук. I, 87. ¹³ Гер. V, III, 7—10. ¹⁴ Оук. VIII, 58. ¹⁵ Гер. III, 148. ¹⁶ Оук. I, 131. ¹⁷ Оук. V, 63. ¹⁸ Тамъ же 66. ¹⁹ Тамъ же 70—73. ²⁰ Grundy Thukydides and his age 1909, p. 215. ²¹ Гер. V, 50. ²² Полибій IV, 73. ²³ Аристотель Политика VI, 2. ²⁴ Оук. V, 31. ²⁵ Оук. I, 141.

²⁶ Гер. I, 69. ²⁷ Гер. V, 71. ²⁸ Гер. I, 59. ²⁹ Плут. Сол. 13. ³⁰ Арист. Аонн. пол. 2.
³¹ Плут. Солон. 15. ³² Арист. Ао. пол. 7; Плут. Сол. 18. ³³ Платон. Полит. VII, 545 BC
и 549 B. ³⁴ Арист. Ао. пол. 9. ³⁵ Плут. Сол. 15. ³⁶ Арист. Ао. пол. 9. ³⁷ Гер. V, 66.
³⁸ Арист. Политика II, 9 (12). ³⁹ Оук. VIII, 97. ⁴⁰ Проф. В. П. Бузескуль въ Историю
афинской демократіи 1909, стр. 44, повторяетъ свое мнѣніе, высказанное уже раньше
(въ книгѣ объ Афинской политикѣ Аристотеля), именно, что глава о конституціи Дра-
конта есть позднѣйшая вставка въ трактатъ Аристотеля и что т. о. самъ Аристо-
тель не виноватъ въ противорѣчіи относительно дѣятельности Драконта. ⁴¹ Арист.
Ао. пол. 47. ⁴² Оук. VIII, 92. ⁴³ Арист. Ао. пол. 26. ⁴⁴ Тамъ же 7. ⁴⁵ Тамъ же 6 и 12.
⁴⁶ Плут. Сол. 19—24. ⁴⁷ Гер. I, 64; VI, 35—39. ⁴⁸ Оук. VI, 54. ⁴⁹ Тамъ же 55. ⁵⁰ Гер.
VI, 62—63. ⁵¹ Гер. V, 69 слѣд.; Арист. Ао. пол. 20—22. ⁵² Клеменовы фланы, треттин
и демы возстановлены благодаря взаимно дополняющимъ другъ друга работамъ двухъ
ученыхъ: Milchhöfer Untersuch. ü. d. Demenordnung d. Kleisthenes въ Abh. Berl. Akad.
Wiss. 1892 Anhang и Löper D. Trittyen u. Demen Atikas въ Mitt. d. deutsch. Arch.
Inst. Athen. Abth. 17 (1892). ⁵³ Арист. Аонн. пол. 21. ⁵⁴ Гер. V, 69. ⁵⁵ Тамъ же 73.
⁵⁶ Тамъ же 78. ⁵⁷ Оук. II, 14—15. ⁵⁸ Гер. I, 170. ⁵⁹ Гер. V, 91—93.

У. Грекоперсидскія войны.

Въ началѣ V вѣка весь греческій міръ, такъ широко распростра-
нившійся по берегамъ Средиземнаго моря, испыталъ сильнѣйшій кри-
зисъ: это было столкновение съ великой персидскою державой.

Общее строеніе персидской державы. Исторія государства Ахеме-
нидовъ (550—330), главнаго врага греческой національности въ ея клас-
сическую эпоху, мало извѣстна. Надписей и памятниковъ самой персид-
ской державы дошло очень немного. Почти единственные свидѣтели,
передающіе извѣстія о персахъ,—греки: Геродотъ (484—425), исто-
рикъ великой войны, Ктесій, греческій врачъ, жившій при пер-
сидскомъ дворѣ въ началѣ IV вѣка, и Ксенофонтъ (434—359). Есте-
ственно, что мы узнаемъ отъ нихъ только тѣ вещи, которыя могли не-
посредственно интересовать грековъ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о
военномъ устройствѣ и затѣмъ о судьбахъ преимущественно запад-
ныхъ окраинъ державы, Малой Азіи и Египта. Что происходитъ въ
глубинѣ азіатской державы, въ ея центральныхъ и восточныхъ обла-
стяхъ, остается темнымъ и неяснымъ; о культурной жизни, о вѣро-
ваніяхъ и о религіозной политикѣ персовъ мы почти ничего не зна-
емъ. Вглядываясь въ карту Передней Азіи, мы видимъ, что персид-
ская держава состояла изъ двухъ большихъ совершенно различныхъ
географическихъ полосъ. Отъ Эгейскаго моря до Инда протянулась
непрерывная цѣпь горныхъ странъ, Малая Азія, Армения, Иранъ; онѣ
огібаютъ съ сѣвера обширной, слабо согнутой дугой равнины Месо-
потаміи и Вавилоніи и плодородные оазы Сирии, къ которой примы-
каетъ, въ свою очередь, богатѣйшая долина Нила. Ходъ образованія
персидской державы состоялъ въ томъ, что сначала мидяне, а за ними
Киръ объединили всю цѣпь плоскогорій, весь хребетъ Передней Азіи,
послѣ чего объединенныя силы горцевъ обрушились на земледѣльческій
и индустріальный южный край. Въ дальнѣйшей жизни персидскаго
государства югъ остался производителемъ и плательщикомъ, сѣверъ—
воителемъ и администраторомъ. Помимо этого общаго элементарнаго

дѣленія, въ персидской державѣ можно различить еще весьма несхожія ступени экономического и культурнаго быта. Впереди стоятъ такія плотно населенныя высокоразвитыя области, какъ Египетъ и Вавилонія. Совершенно инымъ общественнымъ типомъ были бойкіе торговые города Финикіи и Малой Азіи, державшіеся обмѣномъ съ отдаленными странами. Далѣе надо отмѣтить области мелкихъ винодѣловъ и садоводовъ, Сирію и Палестину; край садовладѣльцевъ, сеньеровъ и рыцарей, самое Персею; наконецъ, горныя и степныя области, слабо населенныя варварскими, частью кочевыми племенами, въ Закавказьѣ, Туркестанѣ, Восточномъ Иранѣ и Аравіи.

Пожалуй, можно удивляться, что при такой пестротѣ состава персидское государство продержалось такъ долго. Особаго искусства управленія со стороны персовъ мы не видимъ. Вся исторія Ахеменидовъ полна возстаній, которыя поднимаются чуть ли не во всѣхъ областяхъ, а также возмущеній намѣстниковъ противъ центральной власти. Политическимъ тактомъ персы рѣшительно не могли похвалиться. Если держава тѣмъ не менѣе не распадалась въ теченіе 200 лѣтъ, то объясненія надо искать въ большомъ скопленіи на Иранѣ хорошо организованныхъ военныхъ элементовъ и въ умѣлой финансовой политикѣ, собиравшей съ подчиненныхъ средства для поддержанія военной громады, всегда готовой двинуться со своей горной позиціи.

Персы не внесли ничего оригинальнаго въ администрацію своей имперіи; они соединили различныя формы, которыя нашли у сосѣдей и подчиненныхъ: у грековъ и лидійцевъ—чеканъ монеты, въ Египтѣ—податное устройство и натуральныя поставки, у ассириянъ—систему военныхъ колоній и постройку государственныхъ дорогъ, у вавилонянъ—письменное дѣлопроизводство и контроль царскихъ посланцевъ. Въ персидскомъ управленіи поражаетъ соединеніе очень тонкихъ приемовъ развитой государственности съ формами и дѣйствіями крайне первобытными. Такъ, напр., подъ вліяніемъ Вавилона и Ассиріи все производство въ центральныхъ учрежденіяхъ старательно протоколировалось. Всѣ рѣшенія царя и его совѣта вписывались въ дневники или лѣтописи, которыя хранили въ сокровищницахъ трехъ столицъ: Сузы, Экбатаны и Вавилона. Въ сраженіи при царѣ состояли секретари, чтобы заносить въ списокъ «благодѣтелей», т.-е. государственныхъ пенсіонеровъ, имена людей отличившихся¹. Возможно, что отъ блистательныхъ имперій Двурѣчья, предшественницъ персидской, былъ заимствованъ не только обычай письменнаго производства, но и составъ чиновниковъ, обученныхъ искусству быстрого занесенія и копированія актовъ; персы не выставили никакихъ признаковъ оригинальнаго письма и, можетъ быть, пользовались чужими услугами въ этой области.

Другой замѣчательной чертой персидской администраціи было введеніе Даріемъ монетной системы и основаннаго на ней податнаго устройства.

Финансы персидскаго государства. До реформы Дарія, монета чеканилась на всемъ протяженіи огромнаго государства только въ Малой Азіи, въ области греческихъ городовъ и тѣсно къ нимъ примыкавшей Лидіи. Въ большомъ кругу обмѣна, который охватывалъ Египетъ и Переднюю Азію, т.-е. Сирію и Двурѣчье, какъ мы видѣли, вовсе не было монеты, для оцѣнки товаровъ и для значительныхъ уплатъ примѣнялись куски драгоцѣннаго металла, которые при обмѣнѣ приходилось свѣшивать: они не имѣли государственнаго штемпеля.

Монетная реформа Дарія состояла во введеніи государственной золотой валюты. Царь отнялъ у подчиненныхъ общинъ и князей право золотого чекана и обратилъ его въ государственную регалію². Новая общегосударственная монета, золотой дарейкъ, съ изображеніемъ царя на колѣняхъ, пускающаго стрѣлу, была приспособлена къ старой вавилонской вѣсовой системѣ, усвоенной уже за болѣе чѣмъ 100 лѣтъ лидійцами и греками; дарейкъ составлялъ $\frac{1}{3000}$ таланта (по нынѣшней вѣсовой цѣнѣ золота=11 рублей). Въ этой государственной монетѣ принимались всѣ уплаты въ казну и производились всѣ выдачи изъ казны.

Благодаря монетѣ, персы получили возможность систематически организовать податное устройство. Для каждой изъ 20 сатрапій, т.-е. большихъ намѣстничествъ, Дарій опредѣлилъ годовую сумму въ деньгахъ, которыя должны были платиться съ земли. Обложеніе основывалось на кадастрѣ, а правильная оцѣнка земли въ свою очередь была государственно-финансовымъ приемомъ, очень разработаннымъ у ассириянъ. Геродотъ передалъ размѣры взносовъ по отдѣльнымъ сатрапіямъ³. Больше всего платили плотно населенныя западныя области: впереди всѣхъ стоитъ Вавилонія, несмотря на послѣдовательныя разоренія, все еще богатѣйшая область, со взносомъ 1000 серебряныхъ=100 золотыхъ таланта (около $3\frac{1}{2}$ милл. рублей по современной стоимости золота), затѣмъ Египетъ съ Киреной, вносившіе 70 золотыхъ талантовъ (2 милл.). Слѣдующее мѣсто занимали небольшія по размѣрамъ, но зажиточныя торговыя области малоазійскаго побережья (греческія и ликійскія общины, Лидія съ Мизіей), платившія 50 талантовъ. Гораздо меньше платили слабо населенныя, низкоккультурныя восточныя и сѣверныя области. Въѣсть со всѣхъ сатрапій, по Геродоту, шло въ казну 11.200 серебряныхъ или 1.120 золотыхъ талантовъ (около 36 милліоновъ рублей). Это очень большая сумма, если принять во вниманіе, что мы вынуждены дѣлать переводъ на современную вѣсовую стоимость золота, между тѣмъ какъ оно представляло несравненно болѣешую покупательную цѣну въ то время.

Но одной этой цифры недостаточно, чтобы судить о тяжести обложения в персидском государстве. Дело в том, что Геродот сообщает лишь те суммы, которые шли прямо в «царскую казну», только «чистый доход» царя. Он не мог привести цифры, определяющие содержание войсковых частей, расположенных по провинциям, затем содержание наместника с его штатом. По всей вероятности, у наместников были свои собственные кассы, и немалые, если, напр., малоазийские сатрапы в эпоху Пелопоннесской войны могли выплачивать субсидии союзным с ними грекам. Далее у нас нет никаких данных, чтобы судить о количестве населения, как во всем персидском государстве, так и в отдельных областях, и, след., мы не имеем делителя, который позволил бы вывести, как частное, среднюю цифру обложения, приходившуюся на голову. Из рассказов Геродота видно, что персы были чрезвычайно изобретательны относительно всяких сборов пошлин, выкупных сумм и т. п. Между прочим в одной из восточных областей (около нынешней Хивы) была обширная хлебородная равнина, орошаемая пятью рукавами большой реки, которые прорываются из гор пятью ущельями. В ущельях издавна были сделаны шлюзы, заграждающие пути воды; персы держали эти шлюзы на запоры; так как летом в стране нет дождей, то от заграждения воды ей грозит неурожай и голод. И вот каждый год все население края направляется в столицу, становится у ворот дворца и поднимает великий стон и плач. После этой драматической церемонии царь велит, по мѣрѣ поступления взносов, по очереди отпирать шлюзы тем, кому всего нужнее вода, и потом опять закрывать ⁴.

На ряду с искусной системой податного обложения, мы встречаем необычайно первобытный бюджет расходов. Греков поражило обилие драгоценного металла в царских казнохранилищах. При ликвидации персидского наследства Александр Македонский нашел в Сузе почти 50.000 серебряных талантов (около 170 милл. рублей), в Персеполье—120.000 (болѣе 400 милл.), и это несмотря на то, что последний царь персидский, Дарий III, истратил в войну огромные суммы и во время бѣгства своего на восток захватил из персидских сокровищниц много запасного золота. Масса стекавшего из областей золота и серебра так и оставалась в запасах мертвым капиталом. Геродот передает характерную черту о способе хранения богатств ⁵. Царь приказывает растоплять металл и заливать его в глиняные сосуды; когда сосуд наполнится, глиняную оболочку разбивают и снимают. Если царю нужны деньги, он велит отколоть от слитков, сколько требуется. Страбон рассказывает по

старинным свидѣніям ⁶, что каждый из царей строил себе в замке особый дом и особую сокровищницу, в которой хранились отчеты о полученных им взносах. Золото и серебро большей частью были переработаны в посуду, и лишь незначительная часть металла переплавлена в деньги; в видѣ вещей было удобнее хранить драгоценности, удобнее было в них дѣлать подарки.

Система денежных сборов во всяком случае перевѣшивала государственные военные потребности. Можно прибавить, что она не нужна была и для персидского двора, который в обстановкѣ империи сохранил старинные номадные привычки и кочевал громадным лагерем из одной столицы в другую. Страстующему царскому поселку были гораздо нужнее деньги натуральные поставки. Геродот сообщает и в этом отношении любопытные данные. Горная Каппадокія (сѣверо-восточная часть Малой Азии) ставила 1.500 лошадей, 2.000 муловъ, 50.000 овецъ; Лидія, такое же плоскогорье,— вдвое больше. В сущности государственная монета проходила по верхамъ экономической жизни общества; весь ежедневный оборот совершался помимо государственной платежной единицы; всюду оставалась в ходу мѣновая торговля, всюду преобладали натуральные повинности. Только в тѣх случаях, когда производились крупные расчеты, при окончательной ликвидации в купеческих отношеніях или при выдачѣ из казны содержания солдатамъ и чиновникамъ, вступало государственное золото в качествѣ удобнѣйшей формы для перевоза барыша или для сбереженія.

Персидская администрація. Довольно первобытно было устроено и управленіе подчиненных областей. Персидское правительство так же, как римское время республике, ограничивалось присылкой наместника со штабомъ. Сатрапы (кшатрапаванъ) были или родственниками царя, или приближенными двора, и назначеніе было собственно формой награды, средством кормленія. Сатрапъ не входилъ в контроль мѣстнаго управленія, не назначалъ подчиненных чиновниковъ. Персидскій администраторъ лишь оказывалъ свое давленіе на отношенія мѣстных партій; напр., в Иудеѣ давалось официально покровительство священнической іерархіи, которая управляла храмовым имуществомъ и должна была гарантировать спокойствіе населенія; в греческих городах оказывалась поддержка тираннамъ, которые управляли уже в качествѣ персидских вассаловъ. В иных областях персы оставили мѣстных старых правителей, напр., в Киликии, гдѣ князь носилъ особый титулъ, по-гречески произносившійся *Σύνηγορος*. Такимъ образомъ управленіе не требовало отъ персовъ никакихъ тратъ и усилий.

Къ намѣстникамъ царское правительство имѣло мало довѣрія. Одинъ изъ способовъ контроля состоялъ въ томъ, чтобы прислать къ заподозренному сатрапу его врага и претендента на то же мѣсто и дать послѣднему возможность расправиться съ конкурентомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, выслать опального ко двору. Правительство примѣняло еще другую форму надзора за чиновниками въ провинціяхъ, похожую на административные приемы поздней римской имперіи: дѣла управленія раздѣлялись между двумя главными начальниками—военнымъ, который наблюдалъ, чтобы отряды были въ полномъ составѣ и боевой готовности, чтобы въ крѣпостяхъ имѣлось достаточно запасовъ, и гражданскимъ, который вѣдалъ общественныя работы, барщины земледѣльцевъ въ царскихъ имѣніяхъ и налоги; при этомъ оба администратора должны были зорко слѣдить другъ за другомъ и докладывать двору о замѣченныхъ въ чужой области неисправностяхъ и злоупотребленіяхъ ⁷.

Военное устройство персовъ. Наибольше сильной стороной персидской державы было ея войско, по крайней мѣрѣ, въ первое столѣтіе ея существованія, когда именно приходятся бои съ греками. Повидимому, въ иранскомъ населеніи накопилось много военноспособныхъ и безпокойныхъ элементовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій отъ Кира до Ксеркса искали выхода въ завоеваніяхъ и военной колонизаціи. Цари держали большую армию при себѣ и размѣщали отряды по провинціямъ. Насколько значительны были эти мѣстные корпуса, можно судить по тому, что ихъ собирали на ежегодные смотры (по-гречески *σύλλογοι*), при чемъ провѣрку производилъ или самъ царь, или особые ревизоры. На смотрѣ должны были являться все воины данной области, кромѣ тѣхъ, которые безотлучно находились въ крѣпостяхъ. Подлежавшіе явкѣ на смотрѣ дѣлились въ свою очередь на два разряда: 1) солдатъ на жалованьи и 2) тѣхъ, которые были обязаны вооружаться на свой счетъ и пользовались лишь дополнительнымъ содержаніемъ. Надо предполагать, что вторая категория состояла изъ военныхъ поселенцевъ, испомѣщенныхъ землей. Объ устройствѣ нѣкоторыхъ военныхъ колоній мы знаемъ доподлинно. Напр., близъ Вавилона еще во времена Ксенофонта (около 400 г.) владѣли военными надѣлами потомки колонистовъ, посаженныхъ Киромъ (т.-е. за полтора вѣка до того) ⁸. Были около рѣки Галиса въ Малой Азіи военные поселенцы, владѣвшіе горными пастбищами; они первые поспѣли къ Сардамъ, захваченнымъ возставшими іонійскими греками ⁹. Когда при Даріи I началось покореніе Балканскаго полуострова, азіатскихъ воиновъ поселили во Оракин; послѣ пораженія большого войска Ксеркса персидскіе отряды оракійской военной границы еще въ теченіе

многихъ лѣтъ упорно держались противъ грековъ; они бились, вѣроятно, за свои надѣлы, лежавшіе въ этомъ краю.

Войско составлялось далеко не изъ одной господствующей народности иранцевъ. Персы забрали всюду, гдѣ можно было, мѣстные военные элементы, сохранивши за ними характерное ихъ вооруженіе. Египтяне, вавилоняне, малоазійцы, сирійцы продолжаютъ биться въ панцыряхъ, закрываясь металлическими щитами, дѣйствуя копьемъ и мечомъ; ассирійцы попрежнему въ своихъ остроконечныхъ мѣдныхъ каскахъ. У персовъ, мидянъ и другихъ иранцевъ, составляющихъ главное ядро арміи, преобладаетъ конница и стрѣлки изъ лука, т.-е. тотъ видъ оружія, которому они обязаны были побѣдами въ Азіи. Нѣтъ основанія особенно низко цѣнить эту персидскую армию; для рукопашнаго боя иранцы были недостаточно вооружены, и отсюда ихъ неудачи противъ тяжело-вооруженныхъ гоплитовъ въ Греціи, гдѣ въ свою очередь конницѣ и стрѣлкамъ трудно было развернуться. Въ другихъ условіяхъ та же самая армія могла сладить съ греками, какъ, напр., въ 453 г. въ Египтѣ, гдѣ былъ уничтоженъ аонскій экспедиціонный отрядъ, помогавшій возстанію.

Персидская держава и малоазійскіе греки. Персы столкнулись съ греческимъ міромъ въ самомъ началѣ образованія великой державы. Еще до завоеванія Вавилона Киръ покорилъ лидійское царство (около 545 г.), а вслѣдъ за этимъ потребовалъ подчиненія малоазійскихъ грековъ, которые состояли въ союзѣ съ Лидіей, или въ зависимости отъ нея. Самые богатые и населенные города берега и острововъ, іонійскіе, пытались образовать федерацію для совмѣстной борьбы ¹⁰. Делегаты ихъ собрались на конгрессъ у Паніоніона, т.-е. общеоіонійскаго храма Посейдона на мысѣ Микале, противъ о. Самоса. Здѣсь Біасъ изъ Пріены предложилъ выселиться всей Іоніей въ Италію (см. выше, стр. 16), а Фалесъ милетскій рекомендовалъ объединиться въ союзъ демократіи (см. выше, стр. 165), но греки не успѣли организовать общее сопротивленіе, и персы быстро стали забирать одинъ за другимъ греческіе города; нѣкоторые были при этомъ въ конецъ разрушены, напр., Пріена. Многие изъ іонійцевъ, жители Фокеи и Теоса, предпочли эмигрировать. Только Милетъ успѣлъ во-время заключить соглашеніе съ Киромъ, и за городомъ были оставлены права и положеніе, которое онъ занималъ при лидійскомъ господствѣ. Отъ остальныхъ персы потребовали поставки кораблей, вспомогательныхъ отрядовъ и уплаты дани. По своему обыкновенію, персы не вмѣшивались въ управленіе греческихъ городовъ; однако, они нашли выгоднымъ для себя всюду посадить тиранновъ, такъ какъ единоличный правитель болѣе гарантировалъ повиновеніе гражданства, чѣмъ аристократія или правленіе народа.

Не одни только греки оказались свободолюбивы; персидскій завоеватель встрѣтилъ храброе сопротивление у ихъ сосѣдей на юго-западномъ берегу Малой Азии, у карійцевъ и ликійцевъ; жители Ксантоа, главнаго города Ликии, все погибли въ борьбѣ геройской смертью. Очень трудно далось персамъ покореніе этого края, гораздо труднѣе, чѣмъ все другія ихъ приобрѣтенія. Дарій образовалъ потомъ изъ западной окраины Малой Азии двѣ сатрапіи: первую, которая охватывала Карію и греческіе города (по-персидски Яуна, т.-е. іонійцевъ), и вторую, заключающую въ себя прежнее лидійское царство. Центръ второй сатрапіи, Сарды, получили очень важное значеніе въ государствѣ: намѣстникъ, находившійся здѣсь, большею частью имѣлъ верховное начальство надъ другими сосѣдними; въ качествѣ главнокомандующаго большой малоазійской арміи онъ носилъ особый титулъ, который греки произносили *κέρκυρα*.

Съ этого времени персы широко пользовались военной повинностью грековъ. При завоеваніи Египта въ 525 г. съ моря оперировалъ флотъ, состоявшій изъ малоазійскихъ грековъ, кипріотовъ и финикійцевъ. Большія услуги царю Камбизу, завоевателю Египта, оказалъ уроженецъ Галикарнасса, Фанесъ, главный начальникъ греческихъ наемниковъ на службѣ Египта, передъ самой войной внезапно перешедшій на сторону персовъ. Вслѣдъ за покореніемъ Египта персы захватили сосѣднюю съ нимъ на западѣ африканскую греческую колонію Кирену. вмѣстѣ съ прежними завоеваніями персы владѣли теперь приблизительно $\frac{1}{4}$ греческой территоріи. Въ то же время персидское государство сдѣлалось морской державой; въ его распоряженіи былъ финикійскій и малоазійскій флотъ, что вмѣстѣ составляло богатую морскую силу. Въ руки персовъ перешла вся длинная береговая линія отъ Трапезунта въ восточной части Чернаго моря и до залива Сирта въ Африкѣ, т.-е. около $\frac{1}{3}$ всего протяженія береговъ Средиземнаго моря.

Персы надвигались на западъ безостановочно. Ко времени похода Дарія I на скивовъ въ подчиненіи у царя была Византія, а также оракійскій Херсонесъ; слѣд., персы уже перекинулись черезъ проливы въ Европу. Въ самой экспедиціи Дарія греки играли очень важную роль; уроженецъ Самоса Мандроклъ построилъ Дарію мостъ черезъ Дунай; обереганіе его было поручено греческимъ тираннамъ Геллеспонта и Малой Азии, между прочимъ Гистіею милетскому и Мильтіаду, владѣтелю Херсонеса, принадлежавшему къ аоническому роду Филандовъ. Геродотъ рассказываетъ, что между греками, обязанными сторожить переправу, возникъ споръ; Мильтіадъ, будущій побѣдитель персовъ при Марафонѣ, предлагалъ сломать мостъ и погубить этимъ персидское войско. Гистіей же настоялъ на сохраненіи моста и спасъ Дарія ¹¹.

Персидскій царь узналъ объ измѣнительскихъ замыслахъ среди подвластныхъ грековъ и жестоко расправился съ городами, лежавшими у проливовъ. Походъ на скивовъ, несмотря на неудачу, былъ поводомъ къ новымъ завоеваніямъ на западѣ. Персы захватили острова Лемносъ и Имбросъ, лежащіе противъ выхода изъ проливовъ. Мегабазъ, самый довѣренный изъ генераловъ Дарія, оставленный имъ во Фракіи, прошелъ вдоль берега до устья Хебра (нынѣшней Марицы), выстроилъ крѣпость въ Дорискѣ и подчинилъ приморскіе греческіе города. Македонскій царь, къ владѣніямъ котораго стали придвигаться персы, призналъ себя вассаломъ Дарія. Одновременно персы завладѣли Палгейскимъ горнымъ кряжемъ (около устья Стримона), который славился богатѣйшими золотыми и серебряными рудниками. Изъ своихъ европейскихъ владѣній они образовали новую, 21-ую сатрапію. Къ европейской военной границѣ персидскій царь двинулъ свои лучшія войска, подъ начальствомъ особыхъ командировъ, которыхъ Геродотъ называетъ *ὑπαρχοι*.

Греческій міръ по частямъ переходилъ къ восточному властелину: иранцы, казалось, шли неудержимо на захватъ юго-восточной Европы. Но они плохо знали свободолюбивое племя, населявшее берега Эгейскаго моря. Персы были увѣрены въ повиновеніи тѣхъ городовъ, гдѣ ими были посажены тиранны. Они рассчитывали подчинить себя европейскихъ грековъ при помощи бѣжавшихъ въ Азію эмигрантовъ, въ родѣ аоническаго тирана Гиппія. Они ошиблись даже относительно малоазійскихъ грековъ, пробывшихъ около полувѣка въ подчиненіи. Въ 500 или 499 г. внезапно началось возстаніе въ Іоніи.

Геродотъ—историкъ греко-персидскихъ войнъ. Войны съ европейскими греками, развившіяся изъ іонійскаго возстанія, имѣютъ своего лѣтописца, который родился незадолго до похода Ксеркса (484 г.?). Геродотъ пишетъ объ іонійскомъ возстаніи, пользуясь лѣтописью одного изъ участниковъ борьбы, историка (*λογοποιός*) Гекатея милетскаго. Можетъ быть, у этого патріота своего города Геродотъ перенялъ эпитетъ Милета—«перлъ Іоніи». Но въ изображеніи послѣдующихъ событій, разыгравшихся въ европейской Греціи (Мараонской битвы, похода Ксеркса), у Геродота не было предшественниковъ: онъ составилъ свой рассказъ, на основаніи устныхъ преданій, при чемъ старался разыскать и выспросить личныхъ свидѣтелей великихъ событій 490—479 гг.; затѣмъ онъ прочиталъ знаменитые документы эпохи (надписи въ честь оермопильскихъ бойцовъ, посвященіе добычи Дельфійскому храму и т. п.) и посѣтилъ мѣста, ознаменованныя важными происшествіями.

Для своего времени Геродотъ исполнилъ громадную работу, замѣ-

чательную по добросовѣстности и настойчивости въ собираніи матеріала и еще болѣе поразительную по искусству обработки разнообразныхъ и пестрыхъ данныхъ въ большое связанное цѣлое. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи¹², говоря о культурѣ Египта, онъ различаетъ два метода своей работы: 1) иное онъ пишетъ, пользуясь повѣствованіями (λόγοι) своихъ предшественниковъ, 2) другое на основаніи личныхъ наблюденій, разсужденій и изслѣдованій (ἔψις τε ἐμῆ καὶ γνῶμη καὶ ἱστορίη). Въ большей части своего труда Геродотъ работаетъ этимъ вторымъ методомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ излагаетъ борьбу персовъ съ европейскими греками. Нельзя забывать то обстоятельство, что мы не имѣемъ другой картины греко-персидскихъ войнъ, кромѣ той, которая создана Геродотомъ. Въ ней немало недостатковъ, но, прежде чѣмъ говорить о слабыхъ сторонахъ его труда, надо напомнить, что онъ—рѣдкій мастеръ великолѣпнаго эпического разсказа, переливающегося яркими и наглядными подробностями, и въ то же время выдержаннаго по большимъ линиямъ цѣльнаго плана, а этотъ планъ составляетъ художественное изобрѣтеніе писателя. Близкая по времени къ исторіку борьба грековъ съ персами образуетъ въ его глазахъ только крупнѣйшій моментъ длинной цѣпи вѣковыхъ столкновеній Европы и Азии. Если угодно, это—цѣлая философія исторіи, впервые открывающаяся намъ у Геродота. Очень вѣроятно, что общая идея борьбы Запада и Востока бродила въ сознаніи греческаго общества, но Геродоту тѣмъ не менѣе принадлежитъ умѣніе претворить неясныя общія мысли въ плоть и кровь связаннаго, глубоко интереснаго изложенія.

Пристрастія и сознательныя цѣли Геродота не трудно замѣтить. Уроженецъ малоазійскаго Галикарнасса, дорійской колоніи, проникнутой іонійской культурой, Геродотъ мало симпатизируетъ своей полу-греческой, полувосточной родинѣ. Его не трогаютъ возстаніе іонійцевъ противъ персидскаго царя; не свободолюбіе видитъ онъ въ этомъ движеніи, а скорѣе соединеніе мелкихъ, низменныхъ мотивовъ, которые преобладали у тиранновъ и вообще среди руководящихъ слоевъ въ малоазійскихъ городахъ. Геродотъ выросъ въ эпоху великихъ успѣховъ Аоніи на морѣ, когда европейская республика сплотила почти все побережья Эгейскаго моря въ большой союзъ и втянула въ кругъ своего вліянія все дѣятельныя элементы островныхъ и малоазійскихъ общинъ. Геродота увлекало обаяніе аоніской жизни, и онъ охотно сталъ служить интересамъ Аоніи; есть извѣстіе, что Геродотъ получилъ по официальному предложенію вѣжкого Анита и на основаніи постановленія народа аоніскаго большую сумму въ 10 талантовъ. Услуги Геродота, оказанныя Аоніамъ, относятся къ эпохѣ преобладанія Перикла, и можно предполагать личную близость между историкомъ и ру-

ководящимъ политикомъ Аоніи. Геродотъ не забылъ прибавить къ исторіи Клеоена преданіе о вѣщемъ снѣ, который привидѣлся его племянницѣ, Агаристѣ, матери Перикла и жегѣ Ксанопша, во время ея беременности: ей снилось, что она родитъ льва. Геродотъ горячо привѣтствовалъ одно изъ созданій Перикловою политики на западѣ, именно основаніе общегреческой колоніи Оуріи въ южной Италіи; онъ поспѣшилъ записаться въ число ея гражданъ, и назывался съ тѣхъ поръ Геродотъ Оурійскій. Мы не удивимся поэтому, что разсказъ Геродота о борьбѣ съ персами проникнутъ глубокимъ преклоненіемъ передъ за-слугами Аоніи: «Я вынужденъ высказать мнѣніе, которое, безъ сомнѣнія, большинству грековъ непріятно слышать, но такъ какъ я вижу въ немъ истину, я и не хочу скрывать его». Если бы аоніяне побоились надвинувшейся грозы и покинули свою страну или сдались Ксерксу, то не было бы и вообще никакой борьбы съ персами на морѣ. А изъ сопротивленія на сушѣ ничего не вышло бы; къ чему сооруженія стѣны на Истмѣ, которой придавали такое значеніе спартанцы, къ чему послужило бы геройство самихъ спартанцевъ! Они или погибли бы, или сдались, разъ царь господствовалъ надъ моремъ. «Поэтому правъ будетъ тотъ, кто аоніянъ назоветъ спасителями Эллады. Всѣ должны были склониться на ту сторону, куда стали они. Имъ принадлежитъ рѣшеніе биться за свободу Эллады; они пробудили энергію въ остальныхъ эллинахъ, которые еще не успѣли перейти на сторону персовъ, и они, если не говорить о богахъ, своими силами отбили великаго царя. Ихъ не удержали грозныя предостереженія Дельфійскаго оракула, которыя должны были вызвать ужасъ, они не покинули Эллады, а остались, чтобы встрѣтить натискъ враговъ»¹³.

Геродотъ передаетъ аоніскую версію побѣды надъ персами и высказываетъ очень несправедливое сужденіе объ остальныхъ грекахъ, выдержавшихъ грозную опасность Ксерксова нашествія. Онъ неправъ и во многихъ частностяхъ, напр., въ отношеніи Коринѳа, который геройски бился въ 480 году, а у Геродота представленъ общиной трусливой и нерѣшительной: дѣло въ томъ, что Геродотъ составлялъ главы о нашествіи Ксеркса и о Саламинской битвѣ въ то время, когда Коринѳъ, придавленный торговымъ развитіемъ Аоніи, жестоко поессорился съ великой морской республикой и для своего спасенія поднялъ противъ Аоніи Пелопоннескую войну. Несправедливъ Геродотъ также и въ отношеніи вѣжоторыхъ дѣятелей эпохи національной войны, напр., Фемистокла, заслугъ котораго въ созданіи аоніскаго могущества онъ не хочетъ признавать: здѣсь сказывается опять близость историка къ Агамеонидамъ, наследникамъ которыхъ былъ Периклъ: въ свое время Агамеониды жестоко враждовали съ Фемистокломъ, и въ традиціяхъ

рода осталась зависть и недоброжелательство къ основателю морской державы Аоний, хотя Перикль въ сущности продолжалъ его политику.

Геродотъ не былъ, впрочемъ, безусловнымъ и слѣпымъ поклонникомъ аонинской политической системы. Онъ явно не одобрялъ стремленія Аоний къ насильственному объединенію Греціи, и вся эта борьба за власть между главными общинами Греціи была ему непривлекательна. Вотъ замѣчаніе его по поводу землетрясенія на о. Делосѣ, происшедшаго въ 490 году во время нападенія Датиса на Эвбею и Аттику: «по словамъ дельійцевъ, это землетрясеніе было первое на ихъ островѣ и послѣднее, вплоть до моего времени. И, конечно, это было знаменіе, которымъ Богъ хотѣлъ возвѣстить людямъ грядущія бѣдствія; вѣдь при Даринѣ, сынѣ Гистаспа, его сынѣ Кееркѣ и его внукѣ Артаксеркѣ, въ эпоху этихъ трехъ поколѣній на Элладу обрушилось больше бѣды, чѣмъ въ теченіе 20 поколѣній, предшествовавшихъ Дарию, и притомъ бѣды, созданной какъ персами, такъ и тѣми главными державами, которыя воевали между собой изъ-за власти (*κορυφαίων περί τῆς ἀρχῆς πολεμούντων*)»¹⁴.

Помимо этого несочувствія принудительному объединенію, въ воззрѣніяхъ Геродота можно отмѣтить еще одну симпатичную черту. При всемъ своемъ увлеченіи дѣяніями грековъ и ихъ характеромъ онъ далекъ отъ націонализма. Нигдѣ у Геродота нѣтъ ничего похожего на слѣпыя, догматически звучащія утвержденія слѣдующаго вѣка о превосходствѣ греческой культуры надъ варварами. Плутархъ не даромъ зоветъ его *φιλοβαρβάρος*, варварофиломъ. Побывавши въ Египтѣ, Финикіи, Палестинѣ, Аравіи, Вавилонѣ, у Чернаго моря, Геродотъ замѣтилъ, насколько болѣе старинна культура многихъ странъ сравнительно съ Греціей. Онъ безъ колебанія указываетъ на техническія и научныя заимствованія, сдѣланныя греками у египтянъ и вавилонянъ; больше того, онъ склоненъ думать, что Египетъ со своей вѣковой мудростью составляетъ источникъ вѣрованій и сказаній, распространенныхъ въ Греціи. Геродотъ не устаеетъ рассказывать объ этой странѣ чудесъ; онъ побывалъ во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ Египта, въ городахъ Дельты, въ Мемфисѣ, въ оазѣ Файюмѣ, ѣздилъ вверхъ по Нилу; не зная языка, онъ старался при посредствѣ переводчиковъ и туземныхъ греческихъ колонистовъ получить объясненіе выдающихся памятниковъ, узнать о праздникахъ, обрядахъ и обычаяхъ, понять технику обработки страны и т. п. Въ особенностяхъ его интересовали взгляды и толкованія египетскихъ священниковъ, которыхъ онъ считалъ хранителями многихъ тайнъ, еще не раскрытыхъ грекамъ.

Іонійское возстаніе. По Геродоту возстаніе малоазійскихъ грековъ составляло собственно результатъ междоусобій колониальныхъ общинъ,

вѣчно ссорившихся другъ съ другомъ. На островѣ Наксосѣ народъ изгналъ состоятельныхъ людей, и они нашли себѣ пріютъ у тирана милетскаго Аристагора, ставленника персовъ и родственника Гистіея, который жилъ при дворѣ въ Сузѣ. Аристагоръ возмѣлялъ планъ завоевать богатый островъ при помощи персовъ. Онъ отправился въ Сарды къ сатрану малоазійской провинціи Артаферну, брату царя Дарія; самъ царь одобрилъ предпріятіе, въ которомъ Аристагору, впрочемъ, пришлось играть подчиненную роль. Большой персидскій флотъ въ 200 кораблей двинулся къ Наксосу, но потерпѣлъ здѣсь полную неудачу. Аристагоръ испугался за послѣдствія своего несчастливаго совѣта и рѣшилъ искать спасенія въ возстаніи противъ персовъ.

Средство къ объединенію іонійцевъ онъ нашелъ въ политической революціи. Аристагоръ сложилъ съ себя власть и объявилъ Милеть демократической республикой (*ισονομίη*)¹⁵; точно такъ же и другимъ городамъ онъ помогъ скинуть тиранновъ, которые всѣ были вассалами персовъ. Та легкость, съ которой тираннъ обратился въ демагога, показываетъ, что онъ въ сущности демагогомъ былъ съ самаго начала. Іонійскія демократіи представляли собой еще очень слабыя, несамостоятельныя организаціи; народъ шелъ пассивно за своими вождями. Такой, вѣроятно, надо себѣ вообразить и аонинскую республику временъ Писистратидовъ. Іонійцы рѣшили отложиться отъ персовъ и обратились за поддержкой къ метрополи. Спарта, первенствующая община тогдашней Греціи, отказала; аониняне прислали на помощь своимъ единоплеменникамъ 20 кораблей; по всей вѣроятности, это было дѣломъ партіи паралиевъ, враждебной политикѣ Клисена. «Эти корабли были началомъ всѣхъ золъ для грековъ, какъ и для варваровъ», говоритъ Геродотъ¹⁶, не сочувствующій возстанію іонійцевъ, потому что отъ него, какъ ему кажется, пошли безконечныя войны, раздирающія Грецію вплоть до его времени.

Вмѣстѣ съ аонинянами іонійцы успѣли проникнуть до Сарды и сожгли этотъ городъ. Персы, впрочемъ, быстро отгѣснили нападеніе; аониняне вернулись домой и не принимали участія въ дальнѣйшемъ ходѣ возстанія, къ которому примкнула Византія, Кипръ и карійцы. Съ переменнымъ успѣхомъ война тянулась нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, персы собрали большія сухопутныя и морскія силы и напали на центръ движенія, Милеть. Въ виду крайней опасности іонійцы вернулись къ проекту Фалеса образовать большую федерацію и отправили делегатовъ (*προβούλους*) на конгрессъ въ Паніоніонъ. Общимъ совѣтомъ рѣшено было выписать военные корабли отъ всѣхъ общинъ; но въ стратегическомъ отношеніи не было никакого единства дѣйствій. Нѣкто Діонисій, командиръ маленькой эскадры фокейцевъ, попробовалъ

уражиять союзниковъ въ маневрированіи на морѣ; но скоро онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе экипажа кораблей, выставленныхъ другими, болѣе крупными общинами. Такъ подошелъ моментъ рѣшительнаго столкновения, которое произошло при островкѣ Ладе, близъ милетской гавани (495 г.). Персы имѣли большой численный перевѣсъ (по Геродоту, 600 триеръ, т.-е. трехпалубныхъ кораблей противъ 353); у возставшихъ не было общей команды, во время самой битвы измѣнила эскадра съ о. Самоса. Греческій флотъ потерпѣлъ жестокое пораженіе; послѣ этого персы осадили главный очагъ возстанія, Милеть. Геродотъ рассказываетъ съ увлеченіемъ о томъ, какъ спасся отъ гибели при Ладе героическій морякъ Діонисій, превратившійся затѣмъ въ легендарнаго разбойника: со своими тремя кораблями онъ захватилъ нѣсколько вражескихъ, кинулся въ Финикію, потопилъ массу купеческихъ судовъ и, захвативъ съ нихъ добычу, утвердился на берегу Сициліи; отсюда онъ выѣзжалъ на морскіе грабежи, но будто бы никогда не трогалъ грековъ, а всюду крушилъ только иноплеменниковъ, кароагенянъ и этрусковъ¹⁷.

Взятіе Милета сопровождалось полнымъ разгромомъ на восточный манеръ: городъ разрушили и сожгли до тла, женщинъ и дѣтей продали въ рабство; плѣнныхъ милетцевъ отвели въ глубину Азіи и поселили въ качествѣ крѣпостныхъ около Сузы. Всюду, въ другихъ городахъ, въ Каріи, на островахъ расправа съ возставшими была очень жестокая. Край разорили въ конецъ. Очень любопытны мѣры, которыя были приняты потомъ персами для возстановленія порядка и упроченія казенныхъ доходовъ въ разоренной ими же странѣ. Сатрапъ Артафернъ вызвалъ къ себѣ делегатовъ отъ іонійскихъ городовъ и потребовалъ отъ нихъ прекращенія взаимныхъ усобицъ; они должны были уговориться относительно поддержанія порядка общими силами. Такимъ образомъ персы выступили инициаторами объединенія, которое не могли осуществить іонійскія общины въ эпоху своей самостоятельности. Затѣмъ сатрапъ произвелъ измѣненіе земли; сообразно земельной описи были установлены налоги, и Геродотъ увѣряетъ, что Артафернова расцѣпка и система податей сохранилась вплоть до его времени (т.-е. съ конца 90-хъ до 30-хъ годовъ V вѣка). Другой персидскій администраторъ, Мардоній, близкій родственникъ царя Дарія, отгнѣнилъ въ іонійскихъ городахъ тиранию и ввелъ всюду демократію. По этому поводу Геродотъ напоминаетъ о своемъ болѣе раннемъ рассказѣ, гдѣ передавалось, что среди персовъ есть сторонники демократической республики, и прибавляетъ: «опять многіе греки мнѣ не повѣрятъ»¹⁸. Политика Мардонія вызывала, очевидно, нѣкоторое изумленіе среди грековъ. Вѣроятно, она объясняется тѣмъ, что демократію въ ослаблен-

ныхъ общинахъ казались персамъ менѣе опасными, чѣмъ тиранны; «республика—гарантія мира»,—вотъ заключеніе, къ которому пришелъ персидскій администраторъ, правда, одинъ изъ самыхъ способныхъ. Перемѣна, которую онъ произвелъ въ устройствѣ іонійскихъ городовъ, показываетъ, что персы начали внимательно приглядываться къ греческимъ порядкамъ и что они могли искусно воспользоваться внутренними факторами, дѣйствовавшими въ греческихъ общинахъ. Тѣмъ опаснѣе было положеніе европейскихъ грековъ, среди которыхъ имѣлось не меньше трений и соперничества, чѣмъ въ Іоніи.

Подготовка перваго похода на Грецію. Мардоній, главный направи- тель завоевательной политики персовъ, повелъ энергически свой планъ нападенія на европейскихъ грековъ въ 492 г. Онъ долженъ былъ пройти черезъ Фракію и Македонію въ Грецію, при поддержкѣ флота, который слѣдовалъ вдоль береговъ. Но персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе около мыса Аэона, и Мардоній долженъ былъ вернуться назадъ. Персидскій царь мало, повидимому, смущенный этой неудачей, измѣнилъ планъ дѣйствій и сталъ готовить походъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Всѣмъ приморскимъ городамъ персидской державы было предписано снарядить военные корабли и держать наготовѣ транспортныя суда для перевозки кавалеріи. Флотъ долженъ былъ собраться у кликійскаго берега и принять на палубу сухопутное войско. Отъ труднаго и длиннаго пути вдоль берега Фракіи и Македоніи персы рѣшили отказаться; ихъ цѣль была теперь въ томъ, чтобы проѣхать прямо поперекъ Эгейскаго моря, минуя опасный Аэонскій мысъ, напасть на Эретрію и Аионы, имѣвшія дерзость помогать іонійцамъ, и этимъ способомъ занять прочное положеніе въ самомъ центрѣ Греціи.

Въ началѣ 491 года Дарій разослалъ по всей Греціи вѣстниковъ съ требованіемъ земли и воды въ знакъ покорности. Почти все острова, вообще незащищенные отъ нападенія съ моря, и многія сухопутныя общины поспѣшили признать верховенство великаго царя. Среди тѣхъ, кто выразилъ покорность, была Эгина, въ то время первая морская сила Греціи. Страхъ грековъ былъ весьма понятенъ: на глазахъ у всехъ царь велѣлъ разгромить, послѣ неудачи Мардонія, общину золотопромышленнаго острова Фасоса, потребовавши у нея выдачи всехъ кораблей и разрушенія городскихъ стѣнъ. Въ этотъ моментъ должно было обнаружиться, въ какой мѣрѣ Греція представляла національное единство и насколько элементы единенія среди европейскихъ грековъ могли повліять на устройство реального союза противъ персидскаго нашествія.

Национальныя учрежденія грековъ. Дельфы. Къ началу V вѣка у грековъ было очень ясное національное самосознаніе. Они отдѣляли

себя отъ другихъ народовъ въ качествѣ эллиновъ и выработали для отдѣльныхъ племенъ генеалогическое древо, въ которомъ всѣ народныя группы возводились къ единому родоначальнику Эллину, сыну Девкаліона, отца возрожденнаго послѣ потопа человечества. Въ распространеніи идеи эллинства сыгралъ извѣстную роль Дельфійскій храмъ, обладавшій самымъ знаменитымъ въ Греціи оракуломъ (между прочимъ, Геродотъ по поводу присылки Крезомъ посольства въ Дельфы перечисляетъ другіе извѣстные оракулы въ Греціи: въ мѣстечкѣ Абы, недалеко отъ Дельфъ, въ эпирской Додошѣ, затѣмъ оракулы Амфіараа и Трофонія въ Пелопоннесѣ и, наконецъ, оракулъ Бранхидовъ, около Милета) ¹⁹.

Судьба Дельфійскаго храма Аполлона связана съ развитіемъ своеобразнаго учрежденія, *пилейско-дельфійской амфиктіоніи* ²⁰. Первоначально амфиктіонія была союзомъ лишь мелкихъ эессалійскихъ и среднегреческихъ племенъ, которыя группировались около важнѣйшаго въ Греціи Оермопильскаго прохода; священнымъ мѣстомъ, гдѣ происходили празднества и собирались делегаты отъ союзныхъ племенъ, была Анеела у Оермопилъ; составлявшіе союзный совѣтъ делегаты носили характерное названіе пилаторовъ, т.-е. охранителей вратъ. Вѣроятно, старинная администрація была союзомъ горцевъ, охранявшихъ свои селенія и желавшихъ эксплуатировать въ свою пользу движеніе по единственному проходу, который соединялъ сѣверную и среднюю Грецію. Они принимали рядъ взаимныхъ обязательствъ, сводившихся къ тому, чтобы смягчать усобицы и не доводить ихъ до полного истребленія побѣжденнаго противника. Въ извѣстный трудно опредѣлимый моментъ подъ покровительство союза горныхъ племенъ сталъ Дельфійскій храмъ, расположенный на выходѣ горныхъ дорогъ, идущихъ отъ Оермопилъ къ Коринѣскому заливу. У амфиктіоніи были важныя основанія въ пользу принятія Дельфъ: богомолья къ храму увеличивали сборы, которые взымались горцами съ проходившихъ по ихъ дорогамъ путниковъ. Совѣтъ пилаторовъ сталъ собираться дважды въ году, весной и осенью, въ двухъ мѣстахъ, кромѣ Анеелы, еще въ Дельфахъ; учрежденныя близъ храма пилейскія игры быстро приобрѣли популярность по всей Греціи. Къ обязательствамъ, которыя принимали члены союза, прибавилось новое условіе: соблюдать миръ во время празднествъ въ Дельфахъ и признавать неприкосновенность направляющихся къ храму богомольцевъ. Это установленіе «божьего мира» оплачивалось даяніями и взносами въ амфиктіонію кліентовъ и почитателей Дельфійскаго храма, а ихъ масса непрерывно возрастала.

Со вступленіемъ Дельфъ характеръ амфиктіоніи сталъ измѣняться. Жреческая коллегія, заправлявшая дѣлами оракула и святилища, по-

вела очень искусную политику. Распространяя въ Греціи культъ Аполлона, она сумѣла заинтересовать въ судьбѣ храма очень далекіе круги, и аѳинянгъ, и Сикіонгъ, и Эвбею, и Аргосъ, и, что было особенно важно, спартанцевъ. Опираясь на этихъ союзниковъ, Дельфы въ такъ называемой первой священной войнѣ (современной Солону аѳинскому) освободились отъ подчиненія сильной Крисѣ, на территоріи которой помѣстился храмъ; больше того, почитатели и союзники Дельфъ разгромили Крису и стерли ее съ лица земли. Въ благодарность за эту услугу Дельфы приняли защитниковъ въ составъ амфиктіоніи въ качествѣ новыхъ членовъ. Это расширеніе амфиктіоніи было проведено въ странныхъ архаическихъ формахъ. Количество номинальныхъ членовъ не должно было превышать священнаго, разъ установленнаго въ древности числа 12. Для того, чтобы включить всѣхъ союзниковъ, пришлось произвести разныя хитрыя группировки; священническая коллегія при этомъ оперировала не реальными политическими единицами, а примѣняла заглохшія полумионческія обозначенія племенъ, такъ что, напр., Аѳины и Спарта выступали подъ именемъ іонійцевъ и дорянъ. Въ свою очередь члены амфиктіоніи лелѣжали отношенія къ Дельфамъ. Аѳиняне старательно поддерживали большую дорогу, которая изъ Атики вела къ храму Аполлона Пилейскаго, Πυθιάς ὁδός. Гавань Киры у Коринѣскаго залива, мѣсто высадки богомольцевъ, направлявшихся въ Дельфы, была объявлена свободнымъ портомъ: съ пріѣзжихъ не взымали никакихъ таможенныхъ или иныхъ сборовъ.

Въ своемъ расширенномъ видѣ пилейско-дельфійская амфиктіонія не измѣнила своей задачи: она попрежнему только служила охранѣ національнаго святилища, но не сдѣлалась національнымъ союзомъ; она не устранила усобицъ между отдѣльными членами, даже не пыталась выдвинуть что-нибудь похожее на третейскій судъ въ случаѣ столкновеній между ними. Амфиктіонія не создавала въ Греціи ни федераціи, хотя бы въ очень слабомъ видѣ, ни даже новаго международнаго права. Совѣтъ амфиктіоніи не могъ принимать никакихъ рѣшеній, обязательныхъ для отдѣльныхъ членовъ, кромѣ только того, что касалось имущества храма, празднества и т. д. Его политическая компетенція, насколько можно вообще говорить о таковой, скорѣе сократилась; если для учредителей-горцевъ имѣла значеніе защита близкаго имъ всѣмъ горнаго прохода, то теперь эта цѣль отступила на задній планъ, такъ какъ далеко живущіе новые сочлены вовсе не были въ ней заинтересованы.

Дельфы, можно бы сказать, взяли очень много отъ національной идеи и національнаго чувства, но ничего не дали націонализму. Умная и политичная коллегія, заправлявшая святилищемъ, крайне интере-

совалась ви́шними и внутренними дѣлами греческихъ общинъ. Геродотовское изложеніе прямо нестрить фактами обращенія отдѣльныхъ городовъ къ дельфійской прорицательницѣ Пифіи, и притомъ по вопросамъ политическимъ: вести ли войну съ такимъ-то врагомъ, какъ обезпечить побѣду, правильны ли такіе-то законы или реформы; правительства искали въ Дельфахъ узаконенія или одобренія. Кажется, что ко времени персидскаго нашествія политическій авторитетъ Дельфъ достигъ высшей точки. Но какого рода были совѣты, исходившіе отъ Дельфъ? Очень многіе отвѣты, особенно при столкновенияхъ общинъ, памѣренно уклончивы или двусмысленны. Гдѣ Дельфы не были прямо заинтересованы, оракулъ старался не подвергать риску довѣріе къ своимъ предсказаніямъ. Иногда, впрочемъ, вопрошателей разбирало нетерпѣніе, и они выбирали въ совѣтѣ Пифіи только то, что имъ подходило. Когда у аонянъ возникло рѣзкое столкновение съ Эгиной, они спросили въ Дельфахъ, что дѣлать. Пришелъ такой совѣтъ: посвятите участокъ герою Эаку и выждите, не воюйте въ теченіе 30 лѣтъ. Аоняне посвятили участокъ Эаку, но не стали ждать 30 лѣтъ, а немедленно начали войну съ Эгиной²¹. Другіе отвѣты опредѣленно пристрастны и давали поэтому обиженной или отстраненной партіи основаніе говорить о подкупности Пифіи. Особенно благоволила жреческая коллегія Спартѣ. Она охотно одобряла внутреннія мѣры спартакаго правительства, а также предпріятія иностранной его политики. Ни одно законодательство въ Греціи не получило такого блистательнаго утвержденія, какъ Ликургово устройство. Въ войнѣ спартанцевъ съ Тегеей оракулъ довелъ свое пособничество Спартѣ до того, что посоветовалъ похитить съ вражеской территоріи останки героя Ореста, которые должны были обезпечить побѣду²². Но мы не знаемъ ни одного совѣта Дельфъ, который былъ бы направленъ къ сплоченію грековъ, къ выработкѣ общественной организаціи. Во время великой національной опасности въ 481 году оракулъ растерялся и совѣтовалъ грекамъ покориться завоевателю.

Олимпійскія игры. Другое учрежденіе, связанное съ національной идеей грековъ, олимпійскія празднества, также ничего не давало въ смыслѣ реального укрѣпленія связей между отдѣльными общинами. И здѣсь, какъ въ пифійскихъ играхъ, религиозно-административная коллегія ограничивалась объявленіемъ божьяго мира, т.-е. остановки усобицъ во время празднествъ и обѣщаніемъ неприкосновенности для богомольцевъ, отправлявшихся въ Олимпию. Но роль олимпійскихъ собраний, несмотря на громкое названіе ихъ руководителей, ἐλλανοδίκαι, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ Дельфійской амфиктіоніи или самихъ Дельфъ. Собранія происходили въ большіе промежутки, разъ въ 4

года; комиссія делегатовъ отъ общинъ Греціи при нихъ не было. Олимпійскія празднества совершались на территоріи союзника Спарты, элейцевъ, близко къ Спартѣ и подъ ея постояннымъ давленіемъ или наблюденіемъ; они служили, такимъ образомъ, односторонней политикѣ.

Вообще идейныя и религиозныя связи, выражавшіяся въ общихъ паломничествахъ, въ стеченіи разноплеменныхъ лицъ на большія празднества, въ нѣкоторыхъ понятіяхъ общеэллинскаго права (*κοινὰ τῶν Ἑλληνῶν νόμιμα*) не создавали вовсе реальной основы для общей защиты территоріи отъ нападенія ви́шняго врага, для образованія національной федераціи грековъ. Въ моментъ великаго столкновения съ персами, все зависѣло отъ соотношеній свѣтскихъ, чисто-политическихъ силъ.

Спарта въ началѣ V вѣка. Крупнѣйшимъ соединеніемъ греческихъ общинъ къ 500 г. былъ Пелопоннесскій союзъ со Спартой во главѣ; но при попыткѣ распространить свое вліяніе на Среднюю Грецію онъ встрѣтился съ организаціей Аттики. На первый взглядъ могло казаться, что персидская политика извлечетъ выгоду изъ этого ясно памѣчавшагося соперничества двухъ сильнѣйшихъ общинъ Греціи. Персы могли разсчитывать также на рядъ второстепенныхъ общинъ, такъ или иначе враждовавшихъ со Спартой или Аонинами. Внутренняя исторія Аонинъ и Спарты въ первое десятилѣтіе V вѣка намъ мало извѣстна, чуть ли не меньше, чѣмъ послѣднія десятилѣтія VI вѣка; но то, что мы знаемъ, ясно показываетъ, что обѣ главныя общины Греціи были ослаблены внутренними волненіями.

Царь Клеоментъ, безпокойный умъ Спарты, предпринялъ рѣшительный походъ на Аргосъ (495 г.). Онъ выписалъ морскія эскадры Спикіона и Эгины, на союзныхъ корабляхъ обогнулъ Арголиду и высадился съ сѣверной стороны Аргоса. Вышедшее ему навстрѣчу аргивское ополченіе сначала потерѣло неудачу въ битвѣ, а потомъ, загнанное въ священную роццу, которую спартанцы подожгли, погибло цѣликомъ въ количествѣ 6000 человекъ. Послѣ этого выдающагося успѣха Клеоментъ, однако, не взялъ Аргоса, какъ этого ожидали, а распустилъ свое войско и вернулся домой. Его обвинили въ подкупѣ; другой царь, Демарать, съ которымъ Клеоментъ былъ въ ссорѣ еще со времени аонинскаго похода, настаивалъ на осужденіи своего коллеги, но Клеоменту удалось контръ-интригой добиться смѣщенія Демарата и доставить царское достоинство своему преданному стороннику Леотихиду. Демарать скоро бѣжалъ изъ Спарты и, послѣ разныхъ приключеній, окольными путями пріѣхалъ ко двору персидскаго царя Дарія. Великій царь принялъ бѣглеца очень милостиво и назначилъ ему со-

держаніе въ видѣ дохода съ трехъ городовъ; Демарать потомъ принималъ участіе въ походѣ Ксеркса.

Разладъ въ Спартѣ на этомъ не остановился. Сторонники изгнаннаго Демарата стали вскрывать неблаговидные приемы, къ которымъ прибѣгъ Клеомень для сверженія соперника, и Клеомень нашелъ болѣе безопаснымъ для себя скрыться бѣгствомъ. Онъ отправился въ Аркадію и сталъ подстрекать горцевъ къ отпаденію отъ Спарты. Эмигрантская политика Клеомена создала необычайное безпокойство правящимъ кругамъ въ Спартѣ. Повидимому, боялись общаго движенія подчиненныхъ классовъ во всемъ Пелопоннесѣ и въ особенности возстанія гелотовъ въ Лаконіи и Мессеніи. Эти страхи были такъ велики, что безпокойному царю готовы были просить все его прегрѣшенія и цѣной любыхъ уступокъ водворить его опять въ Спартѣ.

Аѣины въ 90-хъ годахъ V вѣка. Большая вражда партій наблюдается въ это время и въ Аѣинахъ. По всемъ видимостямъ, Писистратиды, часть которыхъ осталась въ Атикѣ, опять получили большое вліяніе въ городѣ; въ 495 г. одинъ изъ нихъ прошелъ въ архонты. Вѣроятно, они свергли господство Алкмеонидовъ (личной судьбы Клеомена и времени его смерти мы не знаемъ). Писистратиды клонили къ примиренію съ персами, больше того, они шли во главѣ персофильской партіи, на которую и рассчитывалъ восточный завоеватель, собиравшійся водворить Гипію въ Аѣинахъ. Какъ держали себя Алкмеониды въ отношеніи къ персамъ, мы уже видѣли; при нападеніи персовъ въ 490 г. Алкмеониды находились въ сильномъ подозрѣніи измѣны. Наслѣдники Клеомена, повидимому, совершенно запутались въ своей политикѣ. Но уже во время іонійскаго мятежа успѣла себя заявить партія національная, настаивавшая на рѣшительномъ выступленіи противъ персовъ: она добилаеь отправки эскадры на помощь возстанію. Въ 493 г. былъ выбранъ главнымъ архонтомъ вождь воинственныхъ националистовъ,Themistokles, наиболѣе оригинальный и смѣлый политикъ и организаторъ Аѣинъ. Его вліяніе замѣтно, прежде всего, въ сооруженіи новой гавани Пирея взамѣнъ стараго открытаго рейда Фалера. Пирей расположенъ въ глубокой закрытой бухтѣ; только въ такой гавани могли помѣщаться крупные военные корабли, для которыхъ требовалось къ тому же устройство доковъ и арсеналовъ. Съ тѣмъ же моментомъ совпадаетъ постановка знаменитой политической трагедіи Фриниха «Взятіе Милета». Пьеса изображала только что совершившуюся въ Азіи печальную катастрофу іонійскаго возстанія, которому аѣиняне оказали слишкомъ слабую поддержку. Въ трагедіи заключался тяжелый упрекъ народу, и поэтому она вызвала такое волненіе среди публики, что поэта присудили къ большому штрафу за

нарушеніе праздничнаго настроенія и оскорбленіе бога. Драматургъ былъ, вѣроятно, своего рода союзникомъ Themistokles въ пропагандѣ морскихъ сооружений.

Задача Themistokles была очень трудна. Дѣло шло о крупной перемѣнѣ виѣшней политики Аѣинъ и въ связи съ этимъ о новомъ распределеніи повинностей. Военная служба въ гоплитскомъ ополченіи составляла натуральную поставку со стороны гражданъ. Созданіе флота и морскихъ сооружений предполагало образованіе бюджета и, слѣд., ту или иную форму обложенія, а къ этому виду повинностей греческое гражданство было очень чувствительно. Реформа военной обороны, замышлявшаяся Themistoklesомъ, имѣла также политическую сторону. Устройство большого флота неизбежно должно было вести къ усиленію паралии, прибрежнаго портаваго населенія, занятаго въ торговлѣ и мореходствѣ, и выдвинуть тотъ классъ, который называли потомъ *ναυτικὰς ἄρχας*, корабельной чернью. Такое возвышеніе паралии не могло не безпокоить сельскіе классы, поставленные на первое мѣсто клеоменовской конституціей. Ихъ вождемъ выступилъ Аристидъ, съ этого момента постоянный противникъ Themistokles.

На первыхъ порахъ Themistokles потерпѣлъ неудачу, тѣмъ болѣе, что гоплитство Атики получило новаго выдающагося вождя. Въ годъ его архонтства въ Аѣины прибылъ одинъ изъ крупнѣйшихъ магнатовъ Атики, Мильтиадъ (младшій) изъ рода Филаидовъ. Фамилія эта, какъ мы видѣли, составила себѣ во второй половинѣ VI вѣка княжеское положеніе виѣ предѣловъ общины. Въ качествѣ владѣтеля Херсонеса у Геллеспонта Мильтиадъ состоялъ вассаломъ персидскаго царя, служилъ Дарію въ его походѣ на скиѣовъ, но не поладилъ въ концѣ-концовъ съ персами. Онъ явился въ Аѣины съ большой свитой, съ наемнымъ отрядомъ въ 500 человекъ, со всеми приемами владѣтельской особы. Такое поведеніе Мильтиада открыло возможность обвинить его въ тиранническихъ замыслахъ; вѣроятно, въ числѣ враговъ Мильтиада былъ и Themistokles, потому что появленіе лица со столь вліятельнымъ положеніемъ опрокидывало его собственную политическую карьеру. Мильтиадъ оправдался отъ обвиненій, и во время нападенія персовъ въ 490 г. мы видимъ его въ качествѣ руководителя аѣинской политики.

Не будь внутреннихъ затрудненій въ Спартѣ и Аѣинахъ, эти общины ни за что не сблизились бы между собой въ 490 году. Теперь же произошло нѣчто неожиданное. Сторонники войны въ Аѣинахъ принесли Спартѣ жалобу на эгинетовъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ общегреческому дѣлу. Спартацы захватили нѣсколько вліятельныхъ людей Эгинны и отдали ихъ въ качествѣ заложниковъ аѣинянамъ. Такимъ

образомъ, спартанцы пожертвовали однимъ изъ членовъ своего собственного пелопоннесскаго союза, оказывая вмѣстѣ съ тѣмъ существенную услугу Аѳинамъ; въ теченіе 15 лѣтъ тянулась вражда Аѳинъ и Эгинъ, морская община маленькаго острова напала на беззащитные берега Аттики, и аѳиняне были безсильны противъ этихъ набѣговъ; теперь они держали Эгину въ своихъ рукахъ.

Нападеніе персовъ на Эвбею и Аттику. При такомъ положеніи вещей въ Греціи произошло первое нападеніе персовъ. Дарій, недвольный Мардоніемъ, удалилъ его отъ должности главнаго начальника и поставилъ во главѣ большого транспортнаго флота въ 600 кораблей Датиса, а къ нему прикомандировалъ еще своего племянника Артаферна; съ экспедиціей вмѣстѣ поѣхалъ старикъ Гиппій. Дарій двинулся отъ острова Самоса, поперекъ Эгейскаго моря, захватилъ островъ Наксосъ и для того, чтобы привлечь симпатіи іонійцевъ, принесъ богатые жертвы греческимъ божествамъ на островѣ Делосѣ. Затѣмъ персы высадились на Эвбей и осадили большой городъ Эретрію. Аѳиняне предполагали сначала двинуть Эретрін на помощь клеруховъ, занимавшихъ участки пососѣдству на халкидской землѣ; но колонисты, ссылаясь на то, что въ Эретрії есть партія, готовая передать городъ персамъ, покинули Эвбею и поспѣшили присоединиться къ общему ополченію Аттики. Геродотъ признается, что паника въ Греціи передъ восточнымъ завоевателемъ была жестокая ²³.

Событія развертывались чрезвычайно быстро. Персы взяли Эретрію благодаря измѣнѣ и разрушили городъ. Затѣмъ сухопутное войско переправилось черезъ проливъ въ сѣверную Аттику, при чемъ высадкой руководилъ Гиппій; по его же указанію была выбрана Мараонская равнина, гдѣ могла развернуться конница, самый блестящій видъ персидскаго оружія. Аѳиняне послали спѣшнаго гонца въ Спарту за помощью; характерно для греческихъ путей и средствъ сообщенія, что гонецъ, Фидишидъ, имя котораго перешло даже въ исторію—такъ имъ гордилась традиція,—былъ не всадникъ, а скороходъ; онъ уже на второй день прибылъ въ Спарту (разстояніе между Аѳинами и Спартой болѣе 200 верстъ). Спартанцы стали собирать ополченіе, но не поспѣли во-время; аѳинянамъ пришлось сражаться однимъ, при содѣйствіи лишь 1000 ополченцевъ пограничнаго съ Аттикой беотійскаго города Платей; платейцы присоединились къ Аѳинамъ потому, что въ случаѣ побѣды персовъ имъ грозила участь быть выданными головою Оивамъ.

Мараонская битва. Въ обстоятельствахъ знаменитой битвы при Мараонѣ (въ сентябрѣ или октябрѣ 490 года) много неяснаго, и рассказъ Геродота ²⁴ не даетъ возможности хорошо въ нихъ разобраться.

Больше всего представляется непонятнымъ то, что историкъ передаетъ о коллегіи 10 стратеговъ. Мильтиадъ, одинъ изъ десяти, среди которыхъ команда переходила ежедневно по очереди, не можетъ добиться нужнаго большинства, чтобы былъ принятъ его планъ нападенія на персовъ; тайно онъ склоняется на свою сторону архонта полемарха Каллимаха, находящагося при войскахъ и подающаго голосъ на совѣщаніи въ качествѣ одиннадцатаго. Когда въ новомъ собраніи стратеги принимаютъ планъ Мильтиада, онъ совсѣмъ не спѣшитъ съ исполненіемъ, напротивъ, дожидается очереднаго дня своего командованія, хотя всѣ другіе уступаютъ ему каждый свою очередь. Получается нѣчто совершенно невозможное: персы стоятъ неподвижно ровно столько дней, сколько нужно для того, чтобы аѳинскіе стратеги могли проявить свои рыцарскія чувства. Рассказъ Геродота показываетъ, что въ Аѳинахъ ему могли передать лишь нѣсколько анекдотовъ о Мараонской битвѣ, но уже не представляли себѣ ясно организаціи военныхъ властей въ ту эпоху.

Надо думать, что во время Мараонской битвы въ коллегіи стратеговъ едва ли имѣлось то равенство между отдѣльными командирами и та очередь командованій, которую изображаетъ Геродотъ. Повидимому, Мильтиадъ пользовался рѣшительнымъ авторитетомъ передъ другими; можетъ быть, онъ уже имѣлъ то положеніе, которое обозначалось впоследствии титуломъ *στρατηγὸς ἀποκράτωρ* и приблизительно соответствуетъ римской диктатурѣ. Все поведеніе аѳинянъ при Мараонѣ и послѣ этой битвы свидѣтельствуетъ о большомъ единствѣ въ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Вѣроятно, Мильтиадъ въ моментъ нашествія персовъ былъ особенно популяренъ среди ополченія аѳинскихъ голпитовъ. Если представить себѣ въ Аѳинахъ большую военную сходку, то здѣсь Мильтиадъ легко склонилъ мнѣніе въ пользу своего плана: не ждать врага позади аѳинскихъ стѣнъ, а выйти ему навстрѣчу, загораживая пути къ городу. Аѳинское войско остановилось на высотахъ, господствующихъ надъ Мараонской равниной. Нѣсколько дней прошло во взаимномъ ожиданіи: греки не хотѣли спускаться въ равнину, чтобы не быть атакованными конницей, персы не рѣшались штурмовать позиціи грековъ на холмахъ. Неясно, что заставило персовъ напасть на аѳинское ополченіе: можетъ быть, слухъ о приближеніи спартанцевъ. Непонятно также, гдѣ была во время битвы персидская конница. Мильтиадъ вытянулъ греческую линію для того, чтобы обогнуть персовъ съ фланговъ; онъ далъ врагу прорвать свой центръ и разбилъ его натискомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Аѳиняне преслѣдовали персовъ до кораблей и даже пытались помѣшать посадкѣ солдатъ на суда.

Датисъ сдѣлалъ еще попытку обогнуть на корабляхъ Аттику и напасть съ юга на незащищенные Аѳины; съ одной изъ высотъ какіе-то измѣнники сигнализировали персамъ посредствомъ блестящаго щита; впоследствии говорили, что не безъ участія въ этихъ темныхъ дѣлахъ были Алкмеониды. Но Мильтиадъ предупредилъ планъ Датиса и успѣлъ отвести своихъ гоплитовъ назадъ къ Аѳинамъ; персы доѣхали до гавани Фалера, но, увидавши своихъ побѣдителей, отказались отъ нападенія на Аѳины, и на этомъ кончилась экспедиція.

Геродотъ говоритъ о Мараѳонской битвѣ: «аѳиняне, схватившись въ рукопашной съ варварами, бились достойно удивленія. Вѣдь они первые среди эллиновъ, сколько мы знаемъ, напали на врага бѣговымъ натискомъ (*δρόμος*), первые выдержали видъ мидійскаго вооруженія и людей, одѣтыхъ по-мидійски, а до тѣхъ поръ одно имя мидягъ вызывало ужасъ среди эллиновъ» (*Μῆδοι*: называлась у грековъ персидско-азиатская сила вообще). Геродотъ очень хорошо передалъ моральное впечатлѣніе Мараѳонской побѣды: аѳиняне первые не убоялись персовъ и сумѣли показать превосходство греческаго оружія надъ азиатскимъ. Но съ военной точки зрѣнія сужденіе Геродота неудовлетворительно. Его рассказъ о томъ, что аѳиняне пробѣжали 8 стадій, которыя отдѣляли ихъ отъ врага, и, не останавливаясь, падали на персовъ, невозможно принять: на что были бы похожи запыхавшіеся солдаты въ своихъ тяжелыхъ доспѣхахъ, добѣжавшіе до линіи непріятеля разстроенными рядами? Подобный приемъ составлялъ бы нарушение основного правила боя гоплитовъ, выдвигавшагося не только спартапцамъ, но и всѣмъ другимъ греческимъ ополченцамъ: стоять и двигаться тѣсно сомкнутымъ строемъ. Вѣдь принципъ неразрывности фаланги считался настолько важнымъ, что вошелъ даже въ клятву аѳинскаго гражданина: «не покину сосѣда по строю (*τὸν παραστάτην*), съ которымъ мнѣ вмѣстѣ идти».

Весь интересъ Мараѳонской битвы заключается въ томъ, что Мильтиадъ сумѣлъ впервые использовать перевѣсъ грековъ въ бою на близкомъ разстояніи. Греческіе гоплиты, латники и конейщики, превосходили вооруженіемъ иранскія и месопотамскія войска, которыя состояли, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ и конницы. Но въ тактикѣ гоплитовъ былъ свой недостатокъ. Тяжелую фалангу грековъ было трудно обойти въ открытомъ мѣстѣ, и тогда она становилась безпомощной; персы поэтому искали по возможности равнинъ и старались выманить къ нимъ греческіе отряды. Искусство Мильтиада сказалось въ томъ, что онъ не дался на маневръ персовъ. Его фаланга стояла въ оборонительномъ положеніи у тѣснаго выхода, примыкая боками къ высотамъ; когда потерявшій терпѣніе врагъ бросился на нее, фа-

ланга сдѣлала навстрѣчу короткій разбѣгъ (вотъ и весь *δρόμος*, восхваленный у Геродота) и обрушилась на персовъ всей силой своихъ несокрушимыхъ рядовъ. Мильтиадъ примѣнилъ тактику единственно правильную при пользованіи стѣною желѣзныхъ неповоротливыхъ воиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно приспособленную къ естественнымъ условіямъ страны. Онъ открылъ въ Греціи настоящій національный способъ веденія войны.

Персы и Греція послѣ похода 490 года. Мараѳонская битва была крупнымъ пораженіемъ персовъ. Руководители персидской политики, самъ старый царь Дарій и его сотрудники, Мардоній, Артабанъ и др., окружавшіе потомъ его преемника Ксеркса, хорошо поняли, съ какимъ упорнымъ и опаснымъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Они пришли къ заключенію, что необходимо вооружить всѣ силы державы, чтобы совладать съ Греціей. Вооруженія персовъ затянулись, тѣмъ болѣе, что имъ пришлось встрѣтиться съ большимъ возстаніемъ въ Египтѣ. Дарій сосредоточилъ все вниманіе свое на подавленіи мятежа въ богатѣйшей провинціи имперіи и прекратилъ всякія предпріятія въ области Эгейскаго моря. Послѣ его смерти въ 485 г., сынъ его, Ксерксъ, рѣшилъ одновременно повести войну на обоихъ флангахъ, но въ подготовкѣ новой европейской экспедиціи прошло еще четыре года.

Въ какой мѣрѣ приготовились греки за это время къ неминуемому новому нашествію? Въ Спартѣ внутреннія смуты крайне ослабили политическую предпримчивость, общины «равныхъ». Замѣнившіе Демарата и Клеомена цари Леотихидъ и Леонидъ были люди малоподвижные и недаровитые. Въ Аѳинахъ, казалось, гораздо больше энергіи. Герой Мараѳона, Мильтиадъ, пріобрѣлъ вліяніе неограниченное. Онъ предложилъ снарядить флотилію въ 70 кораблей, дать ему солдатъ и денегъ. Не указывая цѣли своей экспедиціи, онъ только обѣщалъ «доставить аѳинянамъ величайшія богатства, если они за нимъ послѣдуютъ, такъ какъ онъ поведетъ ихъ въ страну, гдѣ они легко добудутъ себѣ массу золота». Со своей эскадрой Мильтиадъ напалъ на островъ Паросъ и потребовалъ съ него контрибуцію въ 100 талантовъ. Паросцы отказали, и Мильтиадъ началъ осаду укрѣпленнаго города. Не добившись ничего, самъ раненый, онъ вернулся домой. Послѣдовала жестокая перемѣна въ настроеніи народа, которой воспользовались политическіе враги Мильтиада; его обвинили «въ обманѣ народа», а во главѣ обвинителей выступилъ Ксанонійгъ, женатый на племянницѣ Клеомена Агаристъ, т.-е. родственникъ и сторонникъ Алкмеонидовъ. Для рода Алкмеонидовъ, заподозрѣннаго во время кампаніи 490 года, теперь открылся случай поправить свою репутацію нападеніемъ на новаго тирана Аѳинъ. Противники добивались осужденія

Мильтіада на смерть; но судьи ограничились наложеніемъ большого штрафа, выплаченнаго потомъ сыномъ Мильтіада, Кимономъ. Самъ Мильтіадъ, котораго принесли въ судъ на носилкахъ разбитымъ, скончался отъ своей раны.

Вся исторія похода и процесса Мильтіада очень характерна для аѳинянъ. Мы уже тутъ видимъ ихъ бурный, переменчивый нравъ, ихъ способность внезапно переходить отъ неограниченнаго слѣпонаго довѣрія къ жестокой расправѣ надъ недавнимъ идоломъ и любимцемъ при первой же его неудачѣ—качество, которое дѣлало такой тяжелой, нерѣдко глубоко-трагичной судьбу тѣхъ, кто служилъ этому народу. Но въ исторіи Мильтіада открывается еще другая темная черта аѳинянъ. Онъ взялъ ихъ картиной эльдорадо, которое имъ предстоитъ завоевать. Возможно, что Мильтіадъ, увлекая аѳинянъ добычей золота, ставилъ своей конечной цѣлью захватъ рудниковъ на островѣ Фасосѣ и особенно въ Пангейской горѣ, лежащей противъ Фасоса на берегу Фракіи. Именно въ эту пору въ Пангеѣ были открыты богатѣйшія залежи драгоцѣннаго металла, и около рѣдкостной мѣстности такъ и кружили разные авантюристы, въ родѣ Гистіея и Аристагора, а также персидскіе командиры, особенно Мардоній. Мильтіаду показался очень удобнымъ моментъ послѣ разгрома персидской эскадры, чтобы пробить аѳинянамъ путь къ золотому краю, а Паросъ долженъ былъ дать средства для организаціи завоеванія.

Вѣрна или нѣтъ догадка относительно Пангея²⁵, но во всякомъ случаѣ ясно настроеніе аѳинянъ: герои освободительной борьбы на другой день послѣ славной побѣды совершаютъ грабительскій набѣгъ. Впослѣдствіи, въ эпоху великой морской державы, Аѳины не задумывались разорять подчиненные имъ города тяжелыми поборами; къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, что въ этой чертѣ отразилась лишь позднѣйшая порча, и что Аѳины были въ какую-то раннюю пору свободны отъ недостатка капиталистической жадности и склонности къ вымогательству. У этого даровитаго народца все идетъ вмѣстѣ: изобрѣтательность, гибкость, энергія, безстрашіе поразительныя, и рядомъ съ этимъ авантюризмъ, жажда господства надъ другими и неприкрытая погоня за денежнымъ богатствомъ. Или иначе, согласно характеристикѣ Фукидида, аѳиняне рождены были для того, чтобы ни себѣ, ни другимъ не давать покоя.

Борьба партій въ Аѳинахъ и возникновеніе военнаго флота. Послѣ смерти Мильтіада борьба партій не стихаетъ, а еще обостряется. Это видно изъ ряда остракизмовъ, которые никогда не были такъ часты, какъ въ этотъ промежутокъ времени²⁶. Одинъ за другимъ подверглись изгнанію сначала Писистратидъ Гиппархъ, потомъ одинъ изъ

Алкмеонидовъ и слѣдомъ за нимъ близкій къ Алкмеонидамъ Ксанѳиппъ; наконецъ, нѣсколько времени спустя, Аристидъ, дѣятель, также выдвинувшійся въ союзѣ съ Алкмеонидами. Если присоединить сюда паденіе Филаидовъ въ лицѣ Мильтіада, то окажется, что въ короткій промежутокъ разрушилось вліяніе трехъ крупныхъ родовъ въ Атикѣ, еще сохранившихъ свое значеніе отъ предшествующаго періода господства аристократіи и правившихъ городомъ по очереди отъ 600 до 483 года. Вѣроятно, всякій разъ, вплоть до послѣдняго остракизма, Аристидова, составлялась коалиція, которая низвергала партію, оставшуюся въ одиночествѣ. Судя по конечному результату, торжеству Ѳемистокла, онъ участвовалъ во всѣхъ коалиціяхъ. Подъ конецъ остались двѣ рѣзко очерченныя партіи, представленныя Аристидомъ и Ѳемистокломъ. Отношенія между ними были необычайно обострены: Аристидъ признался однажды, послѣ ожесточенныхъ дебатовъ въ экклесіи, что для народа нѣтъ другого спасенія, какъ бросить ихъ обоихъ съ Ѳемистокломъ въ баратронъ, пропасть, куда кидаютъ злодѣевъ и преступниковъ²⁷.

Программу Ѳемистокла мы хорошо знаемъ изъ послѣдующихъ событій: онъ добивался морского вооруженія Атики, образованія большого морского корпуса, въ который, какъ можно было ожидать, устремятся неимущіе классы, особенно безземельные люди, и въ качествѣ необходимой основы кружнаго военнаго флота—образованія бюджета, постоянной государственной кассы. Вѣроятно, послѣдній пунктъ вызывалъ болѣе всего возраженій въ средѣ садоводовъ, хлѣбопашцевъ, а также ремесленниковъ Атики; людямъ достатка приходилось платить прямой налогъ, а собранныя суммы должны были пойти на содержаніе неимущихъ, нанятыхъ на государственную службу. Притомъ военный флотъ представлялся еще довольно сомнительнымъ средствомъ обороны, тогда какъ сухопутное гоплитское ополченіе, вооружаемое безъ государственныхъ тратъ и безъ отягощенія страны налогами, показало себя испытанной великолѣпной силой. По этимъ возраженіямъ можно представить себѣ программу Аристида: продолжая политику Клеиоена, онъ защищалъ интересы педіеевъ и діакріевъ противъ паралинъ.

Хотя мы и согласимся съ Фукидидомъ признать геніальную прозорливость Ѳемистокла, однако ясно также, что онъ никогда не добился бы цѣли, если бы не два случайныхъ обстоятельства: открытіе новыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Атикѣ, которое доставило аѳинянамъ бюджетъ помимо необходимости отягощать гражданство налогами, и двукратное жестокое разореніе Атики персами (въ 480 и 479 гг.), которое обезсилило массу сельскаго населенія и силою вещей заставило ее броситься на морскія предпріятія и корабельную службу. Первое

изъ этихъ событій относится къ 483 году. Аѳиняне обладали въ Лаврійской горѣ на крайней юго-восточной оконечности Аттики серебряной рудой, которая издавна разрабатывалась. Изъ лаврійскаго серебра чеканилась монета, которая имѣла довольно широкое распространение въ Греціи и создавала аѳинянамъ большую покупательную силу. Въ исторіи лаврійскихъ рудниковъ данный моментъ представляетъ нѣчто выдающееся. Въ мѣстности, называвшейся Маронеей, были открыты новыя жилы, исключительно богатая серебромъ²⁸. Впечатлѣніе въ Аѳинахъ отъ огромной добычи серебра было какое-то особенное, ослѣпляющее. О немъ можно судить по характеристикѣ аѳинянь въ «Персахъ» Эсхила, гдѣ совершенно неожиданно въ патетическую картину врывается материалистичный стихъ. Персидская царица-мать Атосса, дожидаясь возвращенія сына Ксеркса и встревоженная мрачнымъ сномъ-предчувствіемъ, спрашиваетъ старцевъ: «Гдѣ, скажите, лежитъ городъ Аѳины?»—«Далеко на западѣ, гдѣ заходитъ вечерняя заря».—«Зачѣмъ же сыну моему пужно завладѣть этимъ городомъ?»—«Тогда вся Эллада подчинится царю».—«Развѣ такъ много воиновъ у этого народа?»—«Да, вѣдь ихъ-то войско и создало столько несчастія людямъ!»—«Но скажите, что еще есть въ этомъ краю? Много богатства?»—«Серебро течетъ въ горныхъ жилахъ, вотъ сокровище этой страны»²⁹. Доходъ казны, получавшійся изъ арендныхъ взносовъ пользователейъ рудниковыми участками, сразу необычайно возросъ. По старинному обычаю, чрезвычайный излишекъ полученій подлежалъ раздѣлу между гражданами. НоThemistocle склонилъ народъ не раздроблять этой суммы, а употребить ее цѣликомъ на постройку военныхъ кораблей.

Предлогомъ для военно-морской реформы послужила необходимость покончить затянувшуюся войну съ маленькой Эгиной, которая до тѣхъ поръ имѣла безусловный перевѣсъ на морѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность въ бояхъ съ Эгиной дать аѳинскому флоту школу упражненій. Въ 480 году, при столкновеніи съ персами, Аѳины выставляютъ морскую силу, первую по величинѣ и по искусству маневрированія.

Въ какой моментъ произошло изгнаніе Аристиды, который болѣе всего долженъ былъ противиться бюджетной и морской реформѣ, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, въ 481 г., когда заключался союзъ между Аѳинами и Спартою, и въ 480 г., во время рѣшительныхъ дѣйствій противъ персовъ, Themistocle управлялъ дѣлами неограниченно безъ соперниковъ. Сближеніе со Спартою было также его дѣломъ. Вожди сельской Аттики, гордой своимъ ополченіемъ, несогласны были вступать въ пелопоннесскій союзъ; они считали Аѳины равносильными Спартою, поэтому дружба со Спартою у нихъ не налаживалась. Для Themistocle

стокла вопросъ стоялъ иначе. Вооруженная на морѣ Аттика пока нигдѣ не сталкивалась со Спартою, напротивъ, онѣ служили отличнымъ дополненіемъ другъ къ другу. Въ случаѣ новаго нападенія персовъ они могли дѣйствовать въ двухъ разныхъ областяхъ. Въ планѣ защиты Themistocle былъ, впрочемъ, одинъ недостатокъ, общій всѣмъ греческимъ политикамъ того времени. На сушѣ ровно ничего не дѣлалось для цѣлей обороны. У пелопоннессцевъ упорно застѣла мысль, что они загородятся на Истмѣ и укроются въ своихъ горныхъ котловинахъ; изъ общинъ Средней Греціи только Аттика не собиралась сдаваться персамъ, но и здѣсь были собственно готовы только планъ всеобщаго бѣгства и выселенія на корабляхъ на случай новаго и болѣе страшнаго нашествія.

Походъ Ксеркса. Греки проявили, въ десятилѣтіе между Мараономъ и Фермопилами, поразительную беспечность. Тѣмъ болѣе грозной представляется надвигавшаяся на независимую Грецію опасность. При персидскомъ дворѣ собралась вліятельная партія съ Мардоніемъ во главѣ, которая настаивала на большой экспедиціи; видное мѣсто въ ней занимали греческіе эмигранты, Писистратиды, Демарать и др., надѣявшіеся при помощи персовъ вернуть себѣ власть на родинѣ. У Писистратидовъ былъ въ Сузѣ своеобразный агитаторъ: ихъ придворный поэтъ Ономакрить, собиратель старинныхъ изреченій и пророчествъ, старался попадаться какъ можно чаще на глаза Ксерксу и занимать великаго царя предсказаніями, будто бы извлеченными изъ древнихъ авторовъ, то касательно наведенія моста черезъ Геллеспонтъ, то другихъ частностей похода; все, что въ греческихъ стихахъ было непочтительнаго въ отношеніи варваровъ, Ономакрить благоразумно обходилъ молчаніемъ³⁰. Были также прямые призывы, исходившіе отъ европейскихъ грековъ. Правящая династія Алевадовъ въ оессалійской Лариссѣ разсчитывала съ помощью персовъ завладѣть всей Тессаліей; послы Алевадовъ въ Сузѣ вели себя такъ, какъ будто они представляютъ всю Тессалію, и Ксерксъ остался въ убѣжденіи, что вся эта богатая и обширная страна готова ему подчиниться.

Вѣроятно, по предложенію Мардонія, было рѣшено возобновить планъ похода 492 года, переправить армію черезъ Геллеспонтъ и двинуть ее по Фракіи, Македоніи и Тессаліи, между тѣмъ, какъ военный и транспортный флотъ пойдутъ вдоль береговъ; чтобы не подвергать корабли опасности обѣзда кругомъ бурнаго мыса Аѳона, начали копать каналъ черезъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ Акте съ материкомъ. Геродотъ находитъ, что въ этой работѣ не было нужды: перешеекъ настолько узокъ и поверхность его такъ равна, что вполнѣ возможно было бы перетянуть черезъ него корабли; заставляя рыть

землю у Аэона, персидскій царь руководился только чванствомъ и желаніемъ оставить потомству памятникъ³¹. Каналь былъ оконченъ черезъ три года; тѣмъ временемъ подвозили матеріалъ для наведенія мостовъ черезъ Геллеспонтъ и большія рѣки Эракіи. Въ различныхъ пунктахъ Эракіи и Македоніи были устроены огромные магазины, въ которые свозили провіантъ для арміи, большія партіи скота и кормъ для транспортныхъ животныхъ обоза. Всѣ сатрапы старались непрерывно доставить наилучше вооруженные отряды, чтобы заслужить награды, обѣщанныя царемъ. Геродотъ подробно рассказываетъ о крупныхъ земляныхъ, строительныхъ и перевозочныхъ работахъ, исполненныхъ по требованію царя. Его видимо поражаетъ необычайное роскошество издержекъ, на которое совершенно неспособны были греки по отсутствію финансовыхъ средствъ и раздробленности своей кантональной жизни.

Для того, чтобы начать походъ со свѣжими силами весной намѣченнаго (480) года, отдѣльные отряды изъ различныхъ областей уже съ лѣта предшествующаго года стали направляться къ Криталлѣ въ Каппадокіи, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Сюда прибылъ самъ Ксерксъ; во главѣ арміи онъ двинулся въ Сарды и здѣсь провелъ зиму. Затѣмъ начался переходъ черезъ Геллеспонтъ.

Въ традиціи о великомъ нашествіи Ксеркса установилось предположеніе, будто небольшая кучка грековъ сражалась противъ громадныхъ полчищъ азіатовъ. Основаніе для этого преувеличенія далъ Геродотъ своими непомѣрными цифрами; по его исчисленію контингентовъ персидской арміи и всѣхъ сопровождавшихъ ее людей выходитъ, что однихъ воиновъ было 1.700.000, а всего съ обозомъ, матросами, слугами, женщинами и т. д. на Грецію надвигалось 5 милліоновъ³². Seriously разбираться въ этихъ невѣроятныхъ цифрахъ, конечно, нѣтъ нужды. Достаточно указать на слѣдующій недосмотръ Геродота. Послѣ морскаго пораженія при Саламинѣ Ксерксъ, покидая лично Грецію, оставляетъ тамъ армію Мардонія въ 300.000 человекъ. Объ отправкѣ въ Азію остальныхъ корпусовъ ничего не упоминается. Слѣд., согласно Геродоту, армія Мардонія и есть главная масса персидскаго войска, приведенная Ксерксомъ въ Грецію. Куда же дѣвались 1.400.000 человекъ? Собственно говоря, даже и та цифра, которую Геродотъ даетъ для арміи Мардонія, слишкомъ велика. Трудно представить себѣ, какъ подобное количество людей могло бы умѣститься въ скудномъ и тѣсно ограниченномъ краѣ европейской Греціи.

Новѣйшая критика въ своемъ скептицизмѣ ударила въ противоположную крайность. Нѣкоторые ученые исходятъ изъ предположенія, что количественно персидское и греческое войско были при-

близительно равны; затѣмъ уменьшаютъ количество греческихъ ополченцевъ; Греція будто бы не могла выставить болѣе 40.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Наконецъ, допуская, что у персовъ было больше обозныхъ, слугъ и т. д., общую массу азіатовъ принимаютъ въ 60 или 70 тысячъ³³. Трудно согласиться въ свою очередь съ такимъ преуменьшеніемъ. Если бы количество нападающихъ азіатовъ было равно оборонѣ грековъ, въ Греціи не получалось бы такой паники. Равенство силъ, можетъ быть, имѣлось въ первой войнѣ, при Марафонѣ. Тогдашній опытъ, вѣроятно, убѣдилъ персовъ, что при равныхъ количествахъ греки сильнѣе, и царское правительство рѣшило перебросить въ Европу армію, значительно болѣе численную; не даромъ же персы готовились къ новой войнѣ 10 лѣтъ. Если допустить, что Ксерксъ переправилъ черезъ Геллеспонтъ 150.000 человекъ, это войско все же будетъ крупнѣйшей сухопутной арміей древности. Не всѣ корпуса двинутаго въ Европу войска дошли до Греціи, надо предполагать, что цѣлый рядъ гарнизоновъ былъ оставленъ во Эракіи и Македоніи для того, чтобы беречь сообщенія съ Азіей. Очень велико было также число военныхъ кораблей персидскаго флота, поставленныхъ финикіянами, кипріотами, киликійцами, малоазійскими и островными греками; по Эсхилу (въ трагедіи «Персы») оно равнялось тысячѣ. Круглая цифра похожа нѣсколько на поэтическое преувеличеніе. Но если принять во вниманіе, что греки сумѣли собрать около 300—400 тріеръ и все-таки боялись численнаго перевѣса непріятели, то можно допустить, что персидскихъ кораблей было 500—600. На судахъ, кромѣ собственно морскаго экипажа, была многочисленная пѣхота копейщиковъ и стрѣлковъ. Если считать приблизительно по 200 человекъ на корабль (обычный составъ на греческой военной тріерѣ), то получится опять очень большая цифра въ 100—120 тысячъ солдатъ.

Итого Ксерксъ направилъ изъ Азіи 250—270 тысячъ человекъ однихъ воителей, не считая массы нестроевыхъ, значить, въ цѣломъ болѣе 400.000 человекъ. Если принять во вниманіе состояніе дорогъ и перевозочныхъ средствъ того времени, предпріятіе персидскаго царя придется признать изумительнымъ по широтѣ замысла и энергіи выполненія. Другого равнаго ему не знаетъ древняя исторія: даже римской имперіи, превосходившей ресурсами государство Ахеменидовъ, никогда не удавалось собрать такую военную массу.

Федерация грековъ въ борьбѣ за независимость. Положеніе грековъ въ 481 году было очень невыгодно. Дипломатія персовъ достигла одного важнаго успѣха: они заключили противъ грековъ союзъ съ Карфагеномъ. Греческая нація была чрезвычайно раздроблена; иныя колоніи, напр., италійскія или Массалія въ южной Галліи, отстояли такъ

далеко от метрополи, что не могли принять участие в борьбѣ и даже мало были въ ней заинтересованы. Только одно сравнительно крупное греческое государство, основанное въ Сициліи сиракузскимъ тиранномъ Гелонемъ, могло помочь балканскимъ грекамъ. Именно, для того, чтобы устранить участие наиболѣе значительной силы колониальной Греціи, персы направили противъ нея постоянного соперника сицилійскихъ грековъ, Карвагенъ. Гелонъ, занятый борьбой съ карвагенянами, не могъ оказать никакой помощи грекамъ. Греческій міръ подвергался нападенію съ двухъ концовъ.

Въ метрополи наблюдалась крайняя разрозненность какъ между отдѣльными общинами, такъ и между классами внутри общинъ. Близкіе сосѣди находились въ рѣзкомъ конфликтѣ: Спарта съ Аргосомъ, Локны съ Эгиной, беотійскіе города Феспія и Платея съ Оивами. Въ иныхъ городахъ правящей группѣ грозила революція, и аристократія готова была искать поддержки у національнаго врага. У персовъ было множество сторонниковъ и открытыхъ, и тайныхъ, которые скоро обнаружались. Фессалія, Оивы и Аргосъ сначала остались только нейтральными; съ приходомъ персовъ первыя двѣ области присоединились къ врагу. Аргосъ не могъ сдѣлать то же самое лишь потому, что былъ окруженъ патристически настроенными общинами. По словамъ Геродота, «одни выразили полную покорность персамъ и разсчитывали, что имъ вреда не будетъ отъ варваровъ; другіе хотя и не сдались, но находились въ большомъ страхѣ, во-первыхъ, потому, что, по ихъ мнѣнію, у грековъ флотъ былъ меньше и корабли были хуже, во-вторыхъ, потому, что большинство отступалось отъ войны и съ полной готовностью примыкало къ азіатамъ» (*μηδίζοντες προθύμως*)³⁴. Богатая община острова Коркиры, обѣщавшая крупную морскую помощь національному союзу, въ рѣшительную минуту задержала свои корабли: коркирейцы были увѣрены, что грековъ постигнетъ катастрофа. Въ сущности и Гелонъ сиракузскій занялъ выжидательное положеніе. Онъ отправилъ къ Дельфамъ своего довѣреннаго Кадма съ тремя большими кораблями и поручилъ ему крупную сумму денегъ; отецъ Кадма, Скопъ, пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ Дарія, и черезъ своего посредника Гелонъ всегда въ нужную минуту могъ завязать отношенія съ персидскимъ царемъ: въ случаѣ побѣды персовъ Кадмъ долженъ былъ передать Ксерксу деньги и выразить вѣрноподданническія чувства Гелона; въ противномъ случаѣ немедленно вернуться со своей суммой.

Страхъ грековъ выразился между прочимъ въ совѣтахъ Дельфійскаго оракула, находившаго, что надо смириться передъ неминуемой судьбой и подчиниться. А вотъ выраженія мегарскаго поэта-аристо-

крата, въ которыхъ отражаются и сомнѣнія относительно возможности борьбы, и узкій партикуляризмъ гражданина маленькой общины: «Фебъ, ты самъ оградилъ этотъ городъ стѣнами, защити насъ отъ персидскаго войска, чтобы мы могли опять справлять празднества въ честь тебя; страхъ меня разбираетъ, когда я погляжу на неразуміе и губительный раздоръ между эллинами; охрани же, милостивецъ, нашъ городъ»³⁵.

Число тѣхъ общинъ, которыя рѣшили сопротивляться персамъ, было невелико; сюда принадлежали все пелопоннесцы, кромѣ Ахайи и Аргоса, а изъ Средней Греціи только Локны, Мегара, Феспія и Платея. Патриоты (*οἱ ἀμείνω φρονέοντες*, буквально «честно мыслящіе») составили симмахію, союзъ, который является первой попыткой широкой организаціи національнаго характера. Неясно, отъ кого исходилъ починъ созыва національнаго конгресса (*συνέδριον*). Официально Спарта вызвала делегатовъ (*πρόβουλοι*) отъ общинъ, согласившихся войти въ союзъ; они сошлись осенью 481 года въ храмѣ Посейдона на перешейкѣ и присягнули въ вѣрности союзу. Въ случаѣ счастливаго окончанія союзники обязались собрать съ измѣнниковъ общегреческому дѣлу десятину и принести въ даръ дельфійскому богу. По надписи на принесенномъ впоследствии побѣдителями священномъ подаркѣ въ Дельфахъ, число союзныхъ общинъ (*οἱ συνωμόται τῶν Ἑλλήνων*) было 31. Пробыли рѣшили прежде всего приостановить все внутренніе споры и тяжбы между союзниками. Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ о верховномъ начальствѣ на войнѣ (*ἡγεμονία*). Рѣшено было передать гегемонію спартамъ, какъ наиболѣе выдающимся по силѣ. Любопытна была при этомъ историческая ссылка, которую выдвинули спартацкіе басилеи; они требовали себѣ главнаго начальства надъ всеми греками въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ Агамемнона, бывшаго общимъ вождемъ подъ Троей. Въ союзномъ флотѣ аоняне далеко превосходили всехъ количествомъ своихъ кораблей; въ виду этого они заявили притязаніе на главное начальство на морѣ, но, встрѣтивъ общій протестъ, отступились; главнымъ адмираломъ былъ назначенъ спартавецъ; получилось странное явленіе, что командовалъ флотомъ лишенный опыта представитель сухопутной державы, почти не выставившей кораблей. Союзники не опредѣлили, повидимому, количества отрядовъ и кораблей, которые должны быть поставлены въ союзное войско и флотъ, и ограничились только обѣщаніемъ содѣйствовать общему дѣлу въ мѣру силъ; была собрана со всехъ общинъ извѣстная сумма и уплачена спартамъ въ качествѣ военнаго налога (*ἀποφορά*); установленіе долей въ этомъ взносѣ для отдѣльныхъ общинъ было поручено аонянину Аристиду, какъ особому специалисту; его возвра-

щение изъ изгнанія показываесть, что въ Аѳинахъ въ виду нашествія была объявлена амнистія. Конгрессъ пробуловъ на Истмѣ носилъ характеръ лишь предварительнаго совѣщанія. Онъ разошелся, какъ только собрались военныя силы, и больше о его дѣятельности въ теченіе всей войны ничего не слышно. Составился другой чисто-военный совѣтъ стратеговъ, начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ и флотилій, который установилъ планъ военныхъ операцій, затѣмъ образовались двѣ особыя организаціи, два совѣта стратеговъ, сухопутный и морской, которые вырабатывали уже самостоятельно свои рѣшенія ³⁶.

Несовершенство этихъ формъ бросается въ глаза; онѣ ярко отражали общій разладъ интересовъ. Передъ каждой крупной операціей поднимался споръ по существу, и всякій разъ обнаруживалась неохота Спарты и другихъ пелопоннесцевъ выступать со всей силой за предѣлы своего полуострова.

Защита Средней Греціи. Планъ сухопутной обороны грековъ, внушенный устройствомъ поверхности страны, былъ очень простъ. Греція защищена съ сѣвера рядомъ поперечныхъ горныхъ загоронокъ, и синедрионъ, собравшійся на Истмѣ, рѣшилъ послать отрядъ въ 10.000 человекъ для обороны самаго сѣвернаго горнаго прохода, отдѣляющаго Тессалию отъ Македоніи. Этотъ корпусъ, однако, скоро отступилъ, ссылаясь на ненадежность тессалийцевъ и трудность обороны горныхъ путей около Олимпа. Ксерксъ занялъ поэтому безпрепятственно самую богатую долину сѣверной Греціи, получивши возможность укрѣпиться въ ней и хорошо продовольствовать свою армію. Въ это время греческій флотъ, будучи вдвое меньше количествомъ персидскаго, отступалъ, слѣдуя извилинамъ берега и стараясь избѣгнуть столкновенія въ открытомъ морѣ. Греки сдали первую линію своихъ естественныхъ укрѣпленій. Вопросъ стоялъ теперь о защитѣ второй, труднѣе одолимой загоронки, отдѣлявшей горцевъ Тессалии отъ среднегреческихъ областей. Къ Термопильскому проходу двинуть былъ отрядъ, составленный изъ пелопоннесцевъ и беотійцевъ, на этотъ разъ подъ начальствомъ одного изъ спартанскихъ царей, Леонида. На высотѣ Термопиля, у мыса Артемисія, сѣверной оконечности Эвбеи, остановился и флотъ греческій, готовый встрѣтить персидскую эскадру.

Сраженія при Термопилахъ и Артемисіи произошли одновременно, и результатъ ихъ состоялъ въ томъ, что греки отдали и вторую линію защиты своей страны. При Термопилахъ у Леонида было около 4000 человекъ, изъ нихъ 300 спартіатовъ и 700 періойковъ; все зависѣло отъ защиты одновременно Термопильскаго прохода и горныхъ тропинокъ, по которымъ персы могли обойти термопильскую позицію. Въ горахъ было поставлено мѣстное ополченіе фокидянъ; въ рѣшитель-

ную минуту они отступили и предали гибели отрядъ Леонида, который успѣлъ отпустить только часть своихъ солдатъ. Геройская защита потерянной позиціи у Термопиля и безцѣльная отдача на жертву спартанцевъ въ этой битвѣ всегда вызывала недоумѣнія изслѣдователей. Почему Спарта не отправила болѣе значительнаго войска, которое могло бы долѣе удерживать Термопили. и въ то же время не дать обойти себя со стороны горъ? Въ основѣ вѣроятно лежало все то же нежеланіе пелопоннесцевъ рисковать сразу всѣмъ изъ-за областей Средней Греціи. Однако, во вниманіе къ настоятельнымъ требованіямъ аѳинянъ, которые, со взятіемъ Термопиля, остались бы вполне незащитными, далѣе изъ-за того, чтобы не толкнуть фокидянъ и беотійцевъ прямо въ руки персовъ, Спарта рѣшила что-нибудь сдѣлать; но послали недостаточно силъ, и въ результатѣ получилась потеря, и притомъ весьма цѣнной части ополченія. Та же смѣлость, которую греки проявили при Термопилахъ, характеризуетъ морское сраженіе при Артемисіи, и также въ немъ сказалась рознь пелопоннесцевъ и аѳинянъ. Навархія, т.-е. верховное командованіе на морѣ, была въ рукахъ спартанца Эврибиада, человекъ малоспособнаго и безхарактернаго; онъ постоянно колебался между двумя крайностями, которыя представляли коринѳянинъ Адеймантъ, желавшій избѣгнуть битвы до отступления къ Пелопоннесу, иThemistocle, сторонникъ рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій. Сначала Эврибиадъ отдалъ приказъ къ отступленію: флотъ греческій отбѣжалъ къ Халкидѣ, въ проливѣ между Эвбеей и Средней Греціей; въ это время Леонидъ еще стоялъ подъ Термопилами и, слѣд., эскадра бросила его на произволъ судьбы. Но послѣ жестокой бури, разбившей много кораблей въ персидскомъ флотѣ, греки снова отважились двинуться къ Артемисію. Увидѣвъ громадное количество персидскихъ кораблей, пелопоннесцы опять дрогнули, и опять Themistocle стоило великихъ усилій удержать Эврибиада и Адейманта. При Артемисіи ожесточенно бились въ теченіе двухъ дней. Наконецъ, греки, также пострадавшіе отъ большой бури, отступили. Между тѣмъ произошла термопильская катастрофа, и въ результатѣ двухъ неудавшихся оборонительныхъ битвъ Средняя Греція была отдана на произволъ персидскому нашествію.

Разгромъ Аттики и Саламинская битва. Повидимому, Аѳины переживали минуты необыкновенно сильнаго кризиса. Аѳиняне никогда не могли просить пелопоннесцамъ, что тѣ бросили Аттику безъ защиты; «нашего города уже не существовало, — говорятъ они въ очеркѣ своихъ патріотическихъ заслугъ у Фукидида ³⁷, — когда мы двинулись въ бой, и наша община вообще висѣла на волоскѣ». Жителямъ Аттики пришлось слѣшно спасаться. Они воспользовались близостью къ берегу

своихъ кораблей и перевезли при ихъ помощи семьи и имущество, какое можно было захватить, въ Трѣзенъ на берегъ Арголиды и на острова Саламинъ и Эгину. Всѣ, способные владѣть оружіемъ, поневолѣ должны были взойти на военные триеры. Подъ вліяніемъ этихъ принудительныхъ обстоятельствъ получило полное торжество политикиThemistocles. Гражданство должно было совершенно оторваться отъ территории, всѣ отличія профессіи и званія стерлись, всѣ преимущества осѣдлыхъ земледѣльцевъ исчезли, и народъ превратился въ массу бездомныхъ пролетаріевъ, по-гречески oetovъ, которымъ осталось только попробовать послѣдняго счастья на морѣ; безъ сомнѣнія, флотъ получилъ значительное подкрѣпленіе, такъ какъ моряками сдѣлались теперь очень многіе педіи и диакрии. Одинъ изъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ сочинилъ очень правдоподобный анекдотъ, чтобы символически представить социальный переломъ, вызванный въ аѣннской жизни необходимостью отдать судьбу всего народа морю. Когда наступила минута исполнить давнишній совѣтъThemistocles, многіе аѣнныя все еще колебались, но вотъ на улицахъ аѣнскаго предмѣстья Керамика показала своеобразная процессія: блестящій кавалеристъ и представитель высшаго сословія всадниковъ, молодой Кимонъ, сынъ Мильтіада, шелъ пѣшкомъ, окруженный группой товарищей, помахивая конскою уздой; они направлялись, торжественно, бодро настроенные, въ акрополь, къ храму Аѣны, богини-покровительницы города. Здѣсь Кимонъ оставилъ узду, посвятивши ее божеству; со словами «теперь спасеніе не въ коняхъ, а на корабляхъ», онъ схватилъ одинъ изъ щитовъ, висѣвшихъ въ храмовой ризницѣ, и направился къ морю. Примѣръ его самоотверженія сильно подѣйствовалъ на массу людей, до тѣхъ поръ нерѣшительныхъ, и увлекъ ихъ всѣхъ также на военные суда³⁸.

Слѣдомъ за очищеніемъ Аттики въ аѣнской гавани Фалерѣ появились персидскіе корабли, а самъ Кееркъ занялъ во главѣ сухопутнаго войска большую аѣнскую равнину. Отступившій въ Сароническій заливъ флотъ грековъ состоялъ изъ 300 триеръ слишкомъ; изъ нихъ около половины принадлежало аѣнцамъ (тогда какъ спартанцы, имѣвшіе гегемонію, выставили лишь 16 кораблей). У персидскаго флота не было теперь того перевѣса, которымъ онъ обладалъ до Артемиды, но все же персы превосходили грековъ численностью судовъ³⁹. Кееркъ пощадилъ въ Беотіи общины, которыя, по указанію македонскаго царя Александра, сочувствовали персамъ, разрушилъ патріотическіе города Феспіи и Платей и жестоко опустошилъ Аттику. На акрополѣ въ Аѣнахъ персы ограбили храмы и сожгли ихъ.

Въ это время греческіе морскіе стратеги собрались на совѣщаніе

по вопросу о томъ, гдѣ ожидать врага, и гдѣ дать ему рѣшительную битву. Опять обнаружилась рознь между пелопоннесцами и аѣнцами, но теперь она проявилась въ особенно рѣзкой формѣ и грозила опасностью полнаго распада національной обороны. Первые хотѣли отступить къ самому Пелму, послѣдней защитѣ Греціи, гдѣ собрано было все ополченіе Пелопоннеса и гдѣ работали надъ возведеніемъ крѣпостной стѣны поперекъ перешейка. Themistocles требовалъ битвы подъ Саламиномъ, чтобы не отдавать беззащитными аѣнскія семьи, перевезенныя въ Мегару, Эгину и Саламинъ. Онъ приводилъ, впрочемъ, важное техническое соображеніе: у персовъ больше гребцовъ и болѣе подвижные корабли, слѣд., греки будутъ въ узкомъ проливѣ у Саламина поставлены выгодиѣ противъ врага, чѣмъ въ открытомъ заливѣ у Пелма. Синедрионъ стратеговъ большинствомъ рѣшилъ противъ Themistocles отступить. Однако Themistocles удалось склонить главнаго наварха Эврибиада отсрочить рѣшеніе и созвать синедрионъ еще разъ на другой день. Для Геродота это случай опять развить популярную въ мореходной Греціи мысль о томъ, что община, сѣвши на корабли, найдетъ себѣ легко второе отечество. Исчерпавъ всѣ доводы и не добившись цѣли, Themistocles высказалъ будто бы угрозу: «война теперь исключительно опирается на флотъ. Если будетъ рѣшено избѣгнуть битвы, мы беремъ на корабли всѣхъ нашихъ земляковъ и отправляемся въ италійскую колонію Сирісъ, которая съ давнихъ поръ наша, да и въ пророчествахъ предназначена быть нами заселенной. А вы, утративши такихъ союзниковъ, вспомните мои рѣчи»⁴⁰. Настойчивость аѣнцевъ и ихъ стратега рѣшила дѣло. При Саламинѣ произошло сраженіе, составившее поворотный моментъ всей кампаніи. Геродотъ ограничивается лишь общей его характеристикой: «греки сражались, выстроившись правильными рядами, варвары же и не успѣли размѣститься въ порядкъ, и вообще въ ихъ дѣйствіяхъ не было разсудительности, а потому съ ними случилось то, что и должно было произойти»⁴¹.

Въ словахъ Геродота сказываются позднѣйшія соображенія людей, которые склонны были выдвигать черты плановѣрности и прозорливости въ дѣйствіяхъ знаменитыхъ борцовъ 480 г. Иначе смотрѣли современники. Эсхиль, самъ участникъ Саламинскаго боя, въ трагедіи «Персы» далъ чрезвычайно яркую картину этого сраженія. У него нѣтъ ни малѣйшаго намека на безразсудство или безтолочь персовъ; онъ отмѣчаетъ только затрудненіе, въ которое попала масса кораблей персидскаго флота, благодаря тѣснотѣ узкаго пролива (прибавимъ, что персы значительно испортили дѣло своимъ финкійскимъ морякамъ тѣмъ, что набили въ корабли много ненужныхъ и бесполезныхъ на морѣ

людей и между прочимъ представителей блестящей иранской знати). Горячо восхваляя храбрость грековъ, Эсхилъ, однако, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о предусмотрительности ихъ плана; побѣда представляется ему почти необъяснимымъ чудомъ, результатомъ вмѣшательства божественныхъ силъ. Во всякомъ случаѣ, побѣдители при Саламинѣ сами не вѣрили своему успѣху: они ожидали на другой день новаго нападенія персовъ, сосредоточенныхъ въ афинской гавани Фалерѣ, и были очень удивлены, когда врагъ отступилъ со всемъ своимъ флотомъ.

Остановка греческой обороны. Саламинская битва произвела полную деморализацію среди персовъ. Финикійскіе моряки, убоявшись жестокаго гнѣва великаго царя, воспользовались наступившей темнотой, покинули Фалерскую гавань и бросились къ роднымъ берегамъ. На военномъ совѣтѣ Ксерксу представили всю необходимость немедленнаго отступленія; главнымъ мотивомъ послужило опасеніе, что греческій флотъ двинется къ Геллеспонту, разобьетъ наведенные тамъ мосты и отрѣжетъ отступленіе. Ксерксъ приказалъ еще той же ночью плыть къ Геллеспонту и охранять мосты⁴². Самъ онъ удалился въ Азію, оставивъ большую армію (можетъ быть, все приведенное сухимъ путемъ войско) въ Средней Греціи подъ начальствомъ Мардонія. Слѣдствіемъ отъѣзда Ксеркса въ Азію объясняется, можетъ быть, также необходимостью борьбы съ опаснымъ возстаніемъ въ Вавилонѣ, гдѣ выступилъ халдейскій претендентъ Тарзія, вѣнчавшійся на царство въ храмѣ стариннаго мѣстнаго бога Бель-Мардука. Возможно, что пришлось отвлечь въ середину государства часть силъ, дѣйствовавшихъ противъ грековъ.

Затѣмъ повторилось нѣчто въ родѣ эпилога Марафонской побѣды. Узнавши, что флотъ персидскій бѣжалъ, греки бросились его преслѣдовать. Они доплыли только до острова Андроса, южнаго продолженія Эвбеи. Афиняне требовали дальнѣйшаго преслѣдованія, пелопоннесцы — возвращенія домой. Сошлись на томъ, чтобы взыскать съ Андроса добычу подъ видомъ штрафа за присоединеніе къ персамъ. Но андрійцы отказались платить, и союзники начали блокаду острова; ничего не добившись, они вернулись домой; мысль о продолженіи войны на морѣ была брошена. Результаты большой неожиданной побѣды при Саламинѣ свелись, такимъ образомъ, къ нулю. Вѣроятно, здѣсь главную роль сыграла борьба партій среди афинской общины, о которой, впрочемъ, мы можемъ лишь догадываться, такъ какъ источники ни единымъ словомъ не упоминаютъ о ней. Афинскіе педіеи и діакрии, юнцовъ ставшіе моряками, не могли примириться съ разореніемъ Атики и винили въ этомъ несчастіи пелопоннесцевъ, отказавшихъ имъ

въ сухопутной помощи, а также ихъ союзникаThemistocles, который посоветовалъ бросить землю на произволъ судьбы. Ихъ раздраженіе выразилось въ томъ, что на слѣдующій (479) годъ они выбрали въ стратеги не Themistocles, а его злѣйшихъ враговъ, Аристиду и Ксаноппа. Themistocles совершенно исчезаетъ съ политическаго горизонта на цѣлый годъ, именно на годъ, который отмѣченъ рѣшительной битвой при Платеяхъ. Его морская программа явно отброшена; афиняне выставляютъ флотъ гораздо меньшій сравнительно съ 480 годомъ; на морѣ они не проявляютъ особой дѣятельности; все вниманіе ихъ сосредоточено на восстановленіи Атики и на организаціи новой сухопутной обороны страны, на привлеченіи всей массы пелопоннескаго ополченія въ Среднюю Грецію.

Между тѣмъ Мардоній, перезимовавшій въ Тессалии, вторгнулся опять въ Среднюю Грецію и приближался къ Атикѣ. Онъ хорошо зналъ разногласія между греками и пытался разстроить союзъ; въ Афинахъ появился въ качествѣ уполномоченнаго персовъ Александръ, царь македонскій, и предложилъ полное прощеніе всѣхъ обидъ, нанесенныхъ царю афинянами, автономію города, увеличеніе территории и восстановленіе разрушенныхъ персами домовъ и храмовъ. Возможность отпаденія Афинъ встряхнула, наконецъ, Спарту изъ ея апатіи. Руководители ея политики привели въ дѣйствіе тяжеловѣсный механизмъ пелопоннескаго союза и вызвали ополченія зависимыхъ общинъ. Афиняне должны были, однако, до прихода пелопоннесцевъ очистить во второй разъ свою область. На слухъ о выступленіи большой арміи пелопоннесцевъ Мардоній покинулъ Атику, которую онъ успѣлъ уже опустошить, и занялъ укрѣпленный лагерь въ равнинѣ Беотіи. Противъ него, на склонахъ Киоерона, господствующаго надъ дорогою къ Истму, расположились пелопоннесцы, къ которымъ присоединилось афинское ополченіе; верховное командованіе принялъ Павсаній, регентъ при малолѣтнемъ царѣ Плейстархѣ, заступивши мѣсто убитаго подъ Оермопилами Леонида. Греки выставили самое большое войско, которое когда-либо собиралось въ теченіе ихъ исторіи (по Геродоту, до 110.000); количествомъ оно, однако, уступало персидскому и, кромѣ того, не имѣло конницы. Павсаній поэтому боялся спускаться съ высотъ, и оба войска довольно долго простояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга. Наконецъ, Мардонію удалось вызвать грековъ на бой, и въ окрестностяхъ Платей произошло сраженіе, оказавшееся роковымъ для всего персидскаго нашествія и для самого Мардонія, который нашелъ въ немъ смерть.

Конецъ персидскаго нашествія. Разсказъ Геродота о великой Платейской битвѣ⁴³ окрашенъ явно недоброжелательствомъ въ отношеніи

Спарты и особенно ее царя. Павсаний почему-то медлит, колеблется; перед лицом врага он производит ненужные передвижения, утомляя даром своих солдат; у него нет авторитета, вследствие чего второстепенный начальник, спартаец Амифарет, не слушается команды царя и остается на месте, когда данъ приказъ отступить; сама битва лишена всякаго единства, распадается въ сущности на три совершенно самостоятельныя сраженія. Если принять это изображение, побѣда грековъ окажется совершенно непонятной; а вѣдь она рѣшила всю кампанію, и только она избавила Грецію отъ персидскаго нашествія. Надо, очевидно, отвергнуть Геродотову характеристику Павсанія и признать за нимъ большой талантъ, тѣмъ болѣе, что ему впервые пришлось орудовать большимъ и очень пестрымъ по составу войскомъ, которое окончательно сформировалось лишь за нѣсколько дней до битвы.

Павсаний примѣнилъ тактику, испробованную Мильтиадомъ, на этотъ разъ въ значительно болѣе широкомъ размѣрѣ, и съ воинскимъ матеріаломъ, менѣе податливымъ и послушнымъ. Нѣкоторыя общины Пелопоннесса, напр., элейцы и большая часть аркадянъ, задержали присылку ополченія; видимо, они неохотно принимали участіе въ походѣ; можно было опасаться, что и тѣ отряды, которые явились во-время, способны, при затяжкѣ кампаніи, отступить и уйти домой. Павсаний сумѣлъ удержать разнородныя и капризныя группы въ повиновеніи, поставить всѣхъ и каждаго на подходящія мѣста и, такимъ образомъ, извлечь изъ гражданскихъ ополченій все, что они могли дать, когда сражались въ своеобразной, знакомой имъ обстановкѣ, среди пересѣченной мѣстности, въ ущельяхъ, придвинувшихъ къ скалистымъ склонамъ и напирая своей непроницаемой, щетинистой, желѣзной стѣной.

Разсказъ Геродота открываетъ намъ, несомнѣнно, большіе недостатки въ политикѣ и въ положеніи Спарты, но только совершенно иного рода. Пелопоннесскій союзъ не только не сплотился войной, но, видимо, сталъ расшатываться къ ее окончанію. Съ другой стороны, наученные горькимъ опытомъ съ предприимчивымъ Клеоменомъ, эфоры боялись дать царямъ слишкомъ большія силы подъ команду. Вѣроятно, этимъ объясняется слабость и нерѣшительность спартанской инициативы въ 480 году. Въ 479 году пришлось поневолѣ выйти изъ косности, и почти немедленно руководители спартанской политики встрѣтились со старыми затрудненіями: въ лицѣ Павсанія опять появился честолюбивый талантливый вождь, который вдали отъ стѣснительнаго контроля эфоровъ, опираясь на блестящую побѣду и расположенное къ нему войско, готовъ былъ вести политику на свой рискъ и по своему усмотрѣнію.

Насколько великъ былъ одно время авторитетъ Павсанія, видно

изъ его дѣйствій непосредственно послѣ битвы при Платеяхъ. Павсаний созываетъ на большой площади Платей военное собраніе, и здѣсь именемъ союзниковъ принимается рядъ постановленій: во-первыхъ, о признаніи Платей, за особенныя заслуги города передъ общей родиной грековъ, нейтральной и неприкосновенной территоріей съ обязательствомъ всѣхъ союзниковъ охранять автономію маленькой общины; въ Платеяхъ должны были происходить Элевѳеріи, праздникъ въ память освобожденія отъ персовъ. Затѣмъ было рѣшено, что союзъ противъ персовъ сохраняетъ свою силу; всѣ союзные города ставятъ отряды и корабли въ общее ополченіе и общій флотъ изъ 10.000 гоплитовъ, 1000 всадниковъ и 100 триеръ. Наконецъ, было предположено посылать ежегодно пробуловъ и теоровъ, т.-е. делегатовъ отъ союзныхъ общинъ, на конгрессъ въ Платеяхъ⁴⁴. Хотя это постановленіе и не имѣло видимыхъ послѣдствій, но въ принципѣ оно чрезвычайно любопытно для тогдашней Греціи. Учрежденія, намѣтившіяся въ 481 году, предварительный конгрессъ пробуловъ на Иетмѣ и совѣтъ стратеговъ потеряли всякую силу и даже просто исчезли со сцены. Рѣшаетъ дальнейшую судьбу союза побѣдоносное войско, и притомъ не обращаясь за утвержденіемъ своихъ дѣйствій къ отдѣльнымъ общинамъ; во главѣ его вознесенный тою же побѣдой счастливый командиръ, который у себя дома связанъ по рукамъ и по ногамъ, а теперь располагаетъ фактически диктатурой надъ союзной арміей.

Отъ Платейскаго пораженія спасся лишь небольшой отрядъ персовъ подъ начальствомъ Артабаза, бѣжавшій черезъ Фессалію и Македонію во Фракію. Гораздо меньше значенія, чѣмъ Платейская битва, имѣло одновременное съ нею сраженіе при мысѣ Микале въ Іоніи. Въ этомъ дѣлѣ также не видно рѣшенія какого-либо союзаго учрежденія или общинъ, входившихъ въ союзъ; это—самостоятельное выступленіе флота, къ которому обратились іонійцы съ острова Хиоса. Когда флотъ подъ начальствомъ Леотихида приблизился къ о. Делосу, появились делегаты Самоса, прося принять персовъ. Передъ натискомъ греческаго флота персидскіе корабли, остатокъ эскадры 480 года, отступили къ полуострову Микале, подъ прикрытіе своего сухопутнаго войска. Персы вытащили суда на берегъ и окопались около нихъ. Греки высадились вѣдѣ за ними и взяли укрѣпленія приступомъ.

Условія пораженія персовъ. О возобновленіи похода на Грецію не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что борьба противъ мятежнаго Вавилона тоже затянулась, отвлекая вниманіе персовъ отъ западной окраины. Большое предпріятіе Ксеркса, планомѣрно задуманное, проводившееся настойчиво и послѣдовательно, разбилось о дѣйствія слабой, ли-

шенной единства федерации грековъ, силы которыхъ къ тому же и численно уступали персидскимъ. Этотъ результатъ, на первый взглядъ странный, объясняется въ значительной мѣрѣ стеченіемъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ особенно важно возстаніе, кипѣвшее въ самомъ сердцѣ большого государства, въ его главной житницѣ и на узлѣ торговыхъ и военныхъ дорогъ. Одновременная неудача персовъ въ Европѣ и вавилонскій мятежъ отмѣчаютъ вообще кризисъ въ державѣ Ахеменидовъ. Она явно не въ силахъ была распространять дальше свою завоевательную политику. Но, съ другой стороны, на исходѣ Ксерксова предпріятія отразились естественныя условія, заключавшіяся въ строеніи Греціи и въ характерѣ населявшаго ее народа.

Персы хотѣли пройти шагъ за шагомъ всю Грецію и поддержать свою сухопутную армію флотомъ. Въ томъ и другомъ движеніи они встрѣтили большія затрудненія. На сушѣ мѣшали послѣдовательно пересѣкающіе дорогу кряжи горъ, которые позволяли лишь медленно перебираться изъ одного кантона въ другой; персы съ трудомъ пробивались въ Среднюю Грецію, но такъ и не рѣшились напасть на послѣднюю загородку, пересѣкающую перешеекъ. На морѣ они имѣли дѣло съ бесконечно извилистой линіей береговъ, которая давала возможность греческимъ кораблямъ ускользнуть отъ подавляющей массы персидскаго флота и вновь собираться для сопротивленія. Иранцы явились на чуждую имъ почву, и все чуждое соединилось противъ нихъ: незнакомыя внѣшнія условія и жившаяся въ нихъ своеобразная культура. Главной особенностью этой культуры была необыкновенно напряженная жизнь самостоятельныхъ мелкихъ общинъ, составъ которыхъ не превышалъ въ среднемъ десятка или полудесятка тысячъ гражданъ. Маленькая община Платей, выставивъ ополченіе въ 1000 человекъ, отправивъ въ бой все свое гражданство. Этотъ платейскій отрядъ, а также ополченіе сосѣднихъ Феспій бились въ 479 году почти у самыхъ стѣнъ своихъ городовъ. Въ 490 году афиняне дали битву въ полуднѣ пути отъ своего города. Всѣ они защищали свою автономію, а поддержаніе автономіи составляло группу очень реальныхъ и сильныхъ чувствъ: здѣсь соединялась привязанность къ своей маленькой, старательно обработанной землицѣ, гордость при видѣ своихъ стѣнъ, оберегающихъ гражданство отъ подчиненія посторонней силѣ, и готовность каждаго члена общины защищать свой домъ. Эти непокорные земледѣльцы и садоводы, ремесленники и торговцы не сдавались даже въ крайне отчаянномъ положеніи, когда территорію захватывалъ врагъ. Они уходили въ сосѣднія горы или, какъ афиняне въ 480 году, обращались въ пловучій народъ-островъ, готовые броситься на поиски по-

вой родины; автономія тогда замыкалась внутри кораблей, но товарищеская сплоченность общины оставалась попрежнему живой силой. Персы могли бы добиться успѣха въ Греціи только при полномъ истребленіи поднявшихся противъ нихъ общинъ.

Оцѣнка побѣды среди самихъ грековъ. Впослѣдствіи, въ вѣкъ рационализма, существовали два, до извѣстной степени противоположныхъ взгляда, отразившихся одинъ у Геродота, другой у Фукидида. Геродотъ, поклонникъ афинской демократіи, выдвигаетъ на первое мѣсто предусмотрительность афинянъ, ихъ несокрушимую энергію и неослабывающую предприимчивость; Греція имъ обязана своимъ спасеніемъ. Фукидидъ, болѣе холодный наблюдатель, принимаетъ другое сужденіе: «извѣстно, — говоритъ онъ устами коринтянъ, — что варваръ потерпѣлъ неудачу, главнымъ образомъ, отъ собственныхъ ошибокъ»⁴⁵. Въ силу этого взгляда неудача персовъ была только счастливой случайностью для Греціи, а не слѣдствіемъ ударовъ, нанесенныхъ военнымъ гениемъ грековъ.

Взгляды участниковъ самой войны были не такъ отвлеченно-разсудочны, какъ заключенія историковъ слѣдующихъ поколѣній. Ярko отразились они въ пьесѣ Эсхила «Персы», поставленной на сценѣ въ десятилѣтіе, ближайшее къ нашествію азіатовъ. Эсхиль влагаетъ мораль своей патріотической драмы въ уста умершаго врага Дарія, который представляется ему великимъ и разумнымъ устроителемъ громаднаго государства. Въ рѣчи Дарія мы находимъ, къ нашему изумленію, прежде всего, очень благоприятную оцѣнку персидскихъ царей и въ особенности Кира, отличавшагося «мягкостью». О предпріятіи сына Ксеркса Дарій говоритъ, какъ о юношеской безумной выходкѣ. «Но какъ спасти намъ персидскій народъ отъ дальнѣйшихъ страданій?» спрашиваетъ хоръ стариковъ. Духъ Дарія отвѣчаетъ: «Никогда болѣе не помышляйте идти походомъ на равнины Эллады, хотя бы войско ваше было еще громаднѣе числомъ; вѣдь съ ними въ союзѣ сражается ихъ родная земля». — «Что за слово сказалъ ты? Какъ это имъ помогаетъ земля?» — Дарій: «Она поражаетъ голодомъ всѣхъ, кто занесся въ гордынѣ непокорной»⁴⁶. Далѣе Дарій изображаетъ предстоящую гибель персовъ при Платеяхъ (время дѣйствія въ «Персахъ» непосредственно послѣ Саламинской битвы). За что обрушивается на нихъ столь ужасная катастрофа? «За то, что они осквернили алтари греческихъ боговъ, ограбили и сожгли храмы. Боги произнесутъ надъ ними свой справедливый приговоръ и накажутъ ихъ за высокомеріе».

Воля боговъ, могущество высшихъ силъ — вотъ основной двигатель въ великомъ столкновеніи. Эсхиль, правда, не забываетъ сказать комплиментъ республиканскому духу афинянъ: «они никому не подчинены,

они не рабы какого-либо властелина». Но все-таки человеческія условія, въ глазахъ драматурга, ничтожны въ сравненіи съ стихіями, которыя помогали грекамъ; гибель персовъ—результатъ приговора міровой справедливости, произнесеннаго и выполненнаго провидѣніемъ боговъ.

Черты религіозной историографіи. Въ приведенныхъ словахъ Эхила выражается господствующее настроеніе эпохи. Греція времени національной войны полна религіозныхъ страховъ и предчувствій, религіознаго восторга и ожесточенія. Геродотъ въ своемъ разсказѣ сохранилъ много характерныхъ въ этомъ отношеніи черточекъ.

Вотъ, напр., встрѣча скорохода Фидиппида, аонскаго гонца, посланнаго въ Спарту, съ богомъ Паномъ въ дикой горной мѣстности Аркадіи. Панъ зоветъ скорохода по имени, останавливаетъ его и спрашиваетъ съ изумленіемъ: отчего аоняне не отдають ему почестей, между тѣмъ, какъ онъ всегда имъ помогалъ? Узнавши объ этой таинственной встрѣчѣ, аоняне выстраиваютъ Пану храмъ у подножія акрополя и учреждаютъ праздникъ съ факельной процессіей⁴⁷. Или вотъ разсказъ о странномъ поведеніи великаго марафонскаго героя, когда онъ пускается въ роковое для него предпріятіе на о. Паросѣ. Мильтиадъ, этотъ рѣшительный и умный стратегъ, не зная, какъ приняться за осаду города, вдругъ готовъ слѣдовать совѣту какой-то служительницы при храмѣ подземныхъ боговъ: ночью онъ поднимается одинъ на холмъ, гдѣ стоитъ храмъ богини Деметры, забирается въ самое святилище; здѣсь его охватываетъ страхъ, и онъ бѣжитъ назадъ, спрыгиваетъ съ высокаго вала и получаетъ роковую рану въ ногу, которая и приноситъ ему скоро смерть. По поводу этого происшествія паросцы посылають потомъ въ Дельфы особую миссію, чтобы узнать, какъ поступить съ женщиной, открывшей Мильтиаду тайны священныхъ храмовъ; Пноія предлагаетъ пощадить предательницу, такъ какъ черезъ нее боги покарали врага⁴⁸.

Очень любопытенъ разсказъ о послѣднемъ совѣщаніи Мардонія съ командирами передъ битвой при Платеяхъ. Персидскій главнокомандующій приглашаетъ греческихъ стратеговъ, находящихся съ нимъ въ союзѣ, и сообщаетъ имъ, что ему извѣстно пророчество (*λόγιον*), въ силу котораго персы, придя въ Грецію, ограбятъ Дельфійскій храмъ и послѣ этого преступленія все погибнуть. «Зная это предостереженіе, мы, говоритъ онъ, не пошли въ Дельфы и не ограбили храма. Поэтому мы будемъ живы, и вы увѣруйте съ нами въ побѣду». Къ этому эпизоду Геродотъ неожиданно прибавляетъ свой комментарий: «Пророчество (*χρησμός*), приведенное Мардоніемъ, какъ мнѣ извѣстно, не относится къ персамъ. А вотъ есть другія предсказанія (Бакида и

Мусей), которыя прямо имѣють въ виду участь персовъ, но они остались неизвѣстны Мардонію»⁴⁹. Изъ этого разсказа видно, что существовало цѣлое построеніе исторіи національной войны въ видѣ ряда старинныхъ пророчествъ и ихъ исполненія. Ко всякому событію старались подыскать *λόγιον* или *χρησμός*, при чемъ возникали споры и недоумѣнія о томъ, какія пророчества вѣрно переданы и какія неправильно, какъ должны быть толкуемы и т. д. Подобная обработка исторіи національнаго кризиса въ такой мѣрѣ была популярна, что еще Геродотъ не могъ уклониться отъ ея манеры и отъ введенія въ свой трудъ самыхъ эффектныхъ мотивовъ религіозной историографіи.

¹ О персидскихъ официальныхъ лѣтописяхъ Дюдоръ (по Ктесію) II, 32; о спискахъ пенсионеровъ Герод. VIII, 85. ² Гер. IV, 166. ³ Гер. III, 89—96. ⁴ Тамъ же 117. ⁵ Тамъ же 96. ⁶ Страб. XV, 3—21. ⁷ Ксеноф. Домострой 4. ⁸ Ксеноф. Киропедія VIII, 4. ⁹ Гер. V, 102. ¹⁰ Гер. I, 170. ¹¹ Гер. IV, 137. ¹² Гер. II, 99. ¹³ Гер. VII, 139. ¹⁴ Гер. VI, 98. ¹⁵ Гер. V, 37. ¹⁶ Гер. V, 97. ¹⁷ Гер. VI, 17. ¹⁸ Тамъ же 42—43. ¹⁹ Гер. I, 46. ²⁰ Bürgel Die pyläisch-delphische Amphiktyonie 1877. ²¹ Гер. V, 89. ²² Гер. I, 67—8. ²³ Гер. VI, 112. ²⁴ Тамъ же 103—117. ²⁵ Такъ думаетъ Perdrizet въ статьѣ о Skaptesyte (т.-е. нагорномъ лѣсѣ Пангея) Klio 1910, I. ²⁶ Арист. Ао. пол. 22. ²⁷ Плут. Аристид. 3. ²⁸ Арист. Ао. пол. 22; см. изслѣдов. Ardaillon Les mines de Laurion 1897. ²⁹ Эсх. Персы 227—34. ³⁰ Гер. VII, 6. ³¹ Гер. VII, 24. ³² Гер. VIII, 113. ³³ Delbrück Geschichte d. Kriegskunst I, 7—90; съ нимъ почти соглашается Ed. Meyer въ Geschichte des Altertums т. III., стр. 376—7. ³⁴ Гер. VII, 138. ³⁵ Theogn. eleg. 773—82. ³⁶ Гер. VII, 132, 139, 145, 175; Плут. Арист. 24. ³⁷ Эук. I, 74. ³⁸ Плут. Ким. 5; Геродотъ не знаетъ этого эпизода. ³⁹ Гер. VIII, 42—48 подробно перечисляетъ эскадры всѣхъ патристически настроенныхъ общинъ, которыя принимали участіе въ великой морской битвѣ. ⁴⁰ Тамъ же 62. ⁴¹ Тамъ же 86. ⁴² Тамъ же 97, 107. ⁴³ Гер. IX, 59—75. ⁴⁴ Эук. II, 71. ⁴⁵ Эук. I, 69. ⁴⁶ Эсх. Перс. 768—80. ⁴⁷ Гер. VI, 106. ⁴⁸ Гер. VI, 134—5. ⁴⁹ Гер. IX, 42—43.

VI. Великая афинская республика.

Общая послѣдствія національной войны. Борьба съ персами дала могущественный толчокъ двумъ крупнымъ фактамъ греческой исторіи V вѣка: образованію большой морской державы Афинъ и развитію дѣятельной воинственной демократіи. Оба явленія тѣсно связаны между собой.

Война прежде всего замѣтно передвинула общественныя отношенія въ Греціи. Въ большей части общинъ, до столкновенія съ персами, господствовали аристократическія группы, которыя только что успѣли отбить первый натискъ городской демократіи, шедшей подъ предводительствомъ тиранновъ; даже въ Афинахъ, несмотря на организацію Клисѳена, сохранили большое вліяніе старинныя богатые роды. Во время борьбы съ персами аристократія почти всюду проиграла свое положеніе: во многихъ общинахъ она оказалась подъ подозрѣніемъ мидизма, т.-е. сочувствія персамъ, или, по крайней мѣрѣ, готовности войти съ ними въ соглашеніе; въ Афинахъ, помимо Писистратидовъ, потеряли кредитъ Алкмеониды. Возстановить разъ поколебленный авторитетъ было очень трудно. Другое обстоятельство, невыгодное для старыхъ правящихъ слоевъ, состояло въ томъ, что пришлось вооружить низшіе классы, не привлекавшіеся раньше къ военной службѣ. Появилась новая сила, хорошо сознававшая свое положеніе въ государствѣ; надвинулся большой демократическій переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ. Въ Афинахъ массы, впервые вооруженныя, спасавшія отечество, потребовали себѣ участія въ правительственныхъ рѣшеніяхъ, а также доли въ раздачѣ финансовыхъ излишковъ и приобрѣтеній, сдѣланныхъ на войнѣ. Мало заинтересованные въ сельскомъ хозяйствѣ, въ судьбѣ деревенскихъ территорій, вновь поднявшіеся городскіе классы стали увлекаться дальними экспедиціями, торговыми захватами и колониальными войнами.

Семидесятые и шестидесятые годы V вѣка составляютъ время новаго, второго подъема демократіи: не только въ передовой, крайне

подвижной аонической общинѣ, но и въ другихъ, болѣе отсталыхъ областяхъ, Беотіи, Аргосѣ, Элидѣ, Аркадіи, обнаруживается демократическое движеніе. Національная война еще въ одномъ отношеніи помогла демократіи. Раздѣленіе греческихъ общинъ на патріотическія и мидизирующія повело къ новымъ раздорамъ и къ усиленію междоусобій. Жизнь стала особенно небезопасной и непокойной; вслѣдствіе этого всюду начали возводить новыя городскія стѣны: Греція оцѣтилась крѣпостями. Въ укрѣпленные города устремились многіе состоятельные жители деревень; вліяніе горожанъ, торговцевъ, ремесленниковъ, поставщиковъ, агентовъ, работавшихъ на правящіе слои, усилилось, въ иныхъ общинахъ впервые возникла городская толпа, шумная и притязательная.

Въ связи съ внутренними переменами быстро стали перестраиваться внѣшнія отношенія. Энергія воинствующей демократіи создаетъ скоро державное могущество Афинъ. Въ свою очередь выступленіе низшихъ классовъ въ видѣ внушительныхъ военныхъ организацій отражается невыгодно на старомодной малоподвижной Спартѣ, политика которой построилась на взаимной поддержкѣ аристократіи. Въ свое время первая по силѣ община Греціи, Спарта утрачиваетъ руководящее положеніе ¹.

Переходъ гегемоніи на морѣ къ Афинамъ. Уже въ 479 году обнаружилась неспособность спартанцевъ къ предводительству на морѣ. Союзный флотъ, послѣ побѣды при Микале, отступилъ къ о. Самосу. Островитяне Самоса, Хиоса и Лесбоса безъ колебанія приняли въ союзъ; но спартанцы были въ большомъ затрудненіи, какъ поступить съ береговыми іонійцами; для охраны ихъ отъ притѣсненія персовъ надо было бы держать близъ береговъ Малой Азіи эскадру, а пелопоннессцамъ хотѣлось поскорѣе домой. Ихъ стратеги предложили поѣхать въ Іонію на произволъ варваровъ, а населеніе ея перевезти въ Грецію и водворить на мѣсто тѣхъ европейскихъ грековъ, которые измѣнили національному дѣлу. Афиняне воспротивились такому способу распоряжаться съ городами, которые они считали своими колоніями. Тогда было рѣшено поручить іонійцевъ защитѣ афинянъ, а это значило признать за Афинами право на руководительство въ іонійскихъ дѣлахъ.

Союзный флотъ направился затѣмъ къ Геллеспонту, чтобы перерѣзать линію сношеній персовъ съ Европой. Здѣсь Леотихидъ и пелопоннессцы покинули афинянъ, къ которымъ въ то же время присоединились островитяне. Новый составъ союзаго флота напалъ на сильно укрѣпленный Сестъ въ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта. Персы оказали храброе сопротивленіе, и осада крѣпости затянулась на зиму 479/8 года.

Вслѣдствіе этого замедленія подѣ Сестомъ разыгрался эпизодъ,

очень наглядно показавшей аониянам новую, неожиданно возникшую перед ними задачу заморской войны. До тех пор походы были краткими передвижениями гражданского ополчения; войны служили во время экспедиции на свой счет, и голифы даже должны были захватить из дому провизию на три дня для себя и для своих слуг. Теперь, впервые посланные в дальнюю кампанию, не дававшую никакой добычи, аонские ополченцы замечали свои траты; они потребовали поэтому возвращения домой. В ответ на шумные заявления воинства, стратеги объявили, что пока они не смещены аонскими властями, они не уйдут, не взявши города. Скоро Сестъ сдался, и войны были удовлетворены богатой добычей. Захваченные добычи аоняне разделили с союзниками и этим способом скрѣпили свои отношения с ними; послѣ этого все разѣхались по своимъ домамъ. По всей вероятности, уже послѣ этого перваго опыта дальнейшей экспедиции в Аоннахъ рѣшено было платить ополченцамъ жалованье во время похода в видѣ суточного довольствія.

Въ Спартѣ не сразу рѣшили выпустить изъ рукъ предводительство и инициативу дѣйствій. Весной 478 г. въ Эгейскомъ морѣ появился подъ предводительствомъ Павсанія новый флотъ изъ 20 пелопоннесскихъ триеръ и 30 аонскихъ. Греческая эскадра бросилась сначала на одинъ изъ фланговъ персидскихъ морскихъ позицій, покорила Кипръ, а затѣмъ напала на другомъ краю на Византію, чтобы освободить проливъ къ Черному морю. Въ память о взятіи Византіи, Павсаній посвятилъ храму Посейдона у выхода Босфора къ морю большую металлическую чашу съ характерной надписью: «Павсаній, верховный начальникъ обширной Эллады»². Выраженіе ἀρχὸν Ἑλλάδος сразу показываетъ, какіе планы были въ головѣ Павсанія. Вырвавшись на свободу изъ-подъ гнетущаго надзора эфоровъ, упоенный побѣдами, превеличавая авторитетъ свой надъ союзными греками, спартанскій царь задумалъ, при помощи персовъ, захватить тираннію надъ всей Греціей. Онъ завелъ тайную переписку съ персидскимъ дворомъ; азиатскіе обычаи оказывали на него, видимо, чарующее дѣйствіе, онъ выходилъ въ восточной одеждѣ, держался высокомерно и недоступно. Поведеніе Павсанія немало помогло аониянамъ привлечь къ себѣ симпатіи новыхъ союзниковъ, іонійцевъ и геллеспонтекскихъ грековъ: рядомъ съ нимъ выгодно выдѣлялась республиканская простота аонскихъ стратеговъ, особенно Аристида; при осадѣ Сеста аоняне заявили себя умѣлыми и энергичными руководителями, тогда какъ дѣйствія Павсанія послѣ взятія Византіи стали внушать подозрѣнія въ измѣнѣ.

Все эти обстоятельства побудили островныхъ и малоазійскихъ грековъ зимой 478—477 года обратиться къ аониянамъ съ просьбой за-

щитить ихъ отъ произвола спартанскаго вождя и принять надъ ними гегемонію. Между тѣмъ Павсаній, вызвавшій недовольство въ самой Спартѣ, былъ отозванъ домой и отданъ подъ судъ. Присланному вмѣсто него новому спартанскому стратегу союзники уже не хотѣли подчиняться. Спартанское правительство примирилось съ положеніемъ: морская война, очевидно, тяготила консервативные круги Спарты; во всякаго рода дальнихъ порученіяхъ они видѣли только соблазнъ для своего гражданства и случай уклоненія отъ старой дисциплины; поэтому они готовы были отдать аониянамъ опасное въ ихъ глазахъ преимущество.

Делійская симмахія. Аоняне взяли за организацію морскаго союза необыкновенно энергично. Цѣль союза (*συνμαχία*) казалась совершенно ясной: продолжать войну съ персами, а для этого составить федерацію на началахъ равноправности входящихъ въ нее членовъ. Согласно этой общей задачѣ, все общины, образовавшія вмѣстѣ союзъ, должны были остаться автономными въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; все онѣ получили черезъ делегатовъ голосъ въ конгрессѣ (*κοινὴ συνέδρις*), который долженъ былъ собираться на о. Делосѣ у стариннаго іонійскаго святилища Аполлона.

Въ этомъ смыслѣ делійская симмахія воспроизводитъ формы болѣе раннихъ союзовъ: пелопоннесскаго, сложившагося въ VI вѣкѣ подъ главенствомъ Спарты, и чрезвычайнаго общегреческаго, составившагося въ 481 году противъ персовъ. Но въ новомъ союзѣ имѣлась одна особенность, которая сразу выдѣлила его отъ прежнихъ организацій. Надо было вести морскую войну въ крупномъ стилѣ, а она требовала поддержанія въ постоянной готовности крупнаго флота (не менѣе 200 триеръ, какъ показываетъ примѣръ ближайшихъ десятилѣтій). Для общаго дѣла было бы крайне невыгодно распределить поставку кораблей натурой по всемъ общинамъ союза, въ томъ числѣ и самымъ малымъ, и собирать по мелочамъ разношерстную, невученую на общихъ маневрахъ эскадру. Съ другой стороны, самимъ маленькимъ общинамъ, не имѣвшимъ до техъ поръ военныхъ кораблей, было бы очень трудно работать надъ ихъ сооруженіемъ, въ виду того, что на большей части острововъ и береговъ Греціи не хватало строевого дѣса. Поэтому на синодѣ съ общаго согласія было рѣшено, чтобы корабли въ союзную эскадру ставили наравнѣ съ Аонями лишь крупные острова Эгейскаго моря, Лесбосъ, Хиосъ, Самосъ, Наксосъ и Эососъ, владѣвшіе уже раньше флотами. Остальныя общины, составлявшія подавляющее большинство въ союзѣ, согласились платить соотвѣтствующій ихъ средствамъ взносъ (*φύρος*) и предоставить постройку и снаряженіе кораблей на счетъ этихъ денегъ аониянамъ. Общая казна

должна была храниться на о. Делосѣ, мѣсто собранія конгресса. Такимъ образомъ въ устройствѣ дельйскаго союза на первое мѣсто выдвинулась финансовая организація, тогда какъ она отсутствовала въ союзахъ предшествующей эпохи.

Раздѣленіе общинъ на поставщицъ кораблей и плательщицъ налога внесло съ самаго начала рѣзкое неравенство въ строй союза и дало рѣшающій перевѣсъ въ немъ Аѳинамъ. Началось съ того, что опредѣлить размѣры взносовъ отдѣльныхъ общинъ было предоставлено аѳинскимъ вождямъ. Начальникъ аѳинской эскадры, Аристидъ, совершилъ объѣздъ по всѣмъ общинамъ, и установленныя имъ цифры были приняты всюду въ качествѣ нормы. Фукидидъ сообщаетъ, что годовой приходъ дельйскаго кассы равнялся 460 талантамъ (1.080.000 рублей) ³.

Откуда взялась эта цифра? Исслѣдователь финансовой исторіи Аѳинъ V вѣка думаетъ ⁴, что она вовсе не представляетъ суммы множества мелкихъ слагаемыхъ въ видѣ взносовъ тѣхъ многочисленныхъ общинъ, которыя платили форокъ. По его мнѣнію, 460 талантовъ—число огульное, полученное изъ слѣдующаго вычисления: надо держать эскадру въ 200 триеръ (трехпалубныхъ кораблей) въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ году, уплачивая экипажу изъ 200 человекъ на триеру по два обола въ день (въ предположеніи, что моряки были менѣе требовательны, чѣмъ потомъ, въ Пелопоннесскую войну, когда имъ платили по три обола за сутки); изъ соединенія этихъ множителей получается нѣчто, очень близкое къ цифрѣ 460 талантовъ. Далѣе, историкъ аѳинскихъ финансовъ предполагаетъ, что Аристидъ распредѣлилъ эту общую сумму по всѣмъ общинамъ пропорціонально ихъ платежной способности. Подобнаго рода финансовый планъ представляется намъ въ высокой мѣрѣ искусственнымъ. Въ исторіи, думается, нѣтъ примѣровъ примѣненія такой системы. Къ тому же проведеніе ея создало бы невѣроятныя трудности; оно совсѣмъ не вяжется съ картиной единственнаго и недолгаго объѣзда, въ теченіе котораго Аристидъ исполнилъ свою задачу, очевидно, не очень хитрую. Все указываетъ, что аѳинскій стратегъ воспользовался чѣмъ-то готовымъ, и мы безъ труда вспоминаемъ, что передъ его глазами была вполне выработанная система—именно, привычныя для островныхъ и береговыхъ общинъ взносы, которые онѣ платили въ качествѣ подданныхъ персидскаго царя. Достаточно было при объѣздѣ узнать размѣры этихъ взносовъ, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, сдѣлать небольшія скидки; тогда понятно, что Аристидъ быстро исполнилъ свое порученіе и еще заслужилъ названіе Справедливаго. Это значитъ, однако, что, устраивая впервые бюджетъ, вступая на почву денежно-хозяйственной организаціи государства, аѳиняне не открыли ничего оригинальнаго, а воспользо-

вались чужимъ изобрѣтеніемъ, налаженнымъ у персовъ бюджетнымъ и податнымъ механизмомъ. Впослѣдствіи они очень мало прибавили со своей стороны къ финансовой организаціи, а жили почти до конца своей державы персидской рутинной.

Для независимой Греціи, однако, введеніе подати было новизной; само слово *φόρος* звучало, видимо, рѣзко для греческаго уха, и это чувствуется еще въ рассказѣ Фукидида. Передавая объ учрежденіи должности «общегреческихъ казначеевъ» (*ἑλληνοταμίαι*), которымъ поручалось собирать форокъ, онъ прибавляетъ: «такъ называли въ то время взносъ денегъ» ⁵. Недаромъ же впослѣдствіи, въ IV вѣкѣ, когда послѣ крушенія аѳинской морской державы возникъ новый союзъ на равныхъ началахъ, первымъ дѣломъ устранили ненавистное слово *φόρος* и замѣнили его болѣе нейтральнымъ или благозвучнымъ *σύνταξις* (что приблизительно значитъ доля, товарищескій взносъ). И не только въ принципѣ, не только по прецедентамъ форокъ заключалъ въ себѣ опасность для товарищескаго равенства въ союзѣ, а также по существу. Эллинотамія были не уполномоченными конгресса, а бюрократіей, назначавшейся односторонне Аѳинами и обязанной отчетомъ не передъ союзнымъ собраніемъ, а лишь передъ аѳинянами. Далѣе, уплачивая дань для сооруженія аѳинской эскадры и не имѣя собственныхъ кораблей, общины-плательщицы становились въ зависимость отъ аѳинянъ; отсюда до вмѣшательства въ ихъ автономію былъ одинъ шагъ. Мало помогало имъ и право голоса, въ которомъ ни одной общинѣ не было отказа. На конгрессѣ мелкія общины, чтобы удержаться противъ крупныхъ, должны были искать поддержки Аѳинъ и за это подавать свои голоса въ согласіи съ руководящей общиной. Лишь немногія крупныя общины были достаточно авторитетны и независимы, чтобы возражать аѳинянамъ на спнодѣ; въ свою очередь онѣ оставались въ меньшинствѣ противъ остальныхъ, фактическихъ вассаловъ Аѳинъ. Сама многочисленность голосовъ (*πολυψηφία*) и пестрота собранія были источникомъ его слабости и полного преобладанія Аѳинъ въ союзѣ. Съ самаго начала собраніе имѣло скорѣе номинальное значеніе. О его дѣятельности вообще извѣстно очень мало; а съ 50-хъ годовъ оно вовсе прекращаетъ существованіе. Конгрессъ не могъ играть существенной роли уже потому, что союзъ не опирался на взаимное соглашеніе входившихъ въ его составъ общинъ. Аѳиняне заключали съ каждымъ городомъ договоръ въ отдѣльности, и хотя договоры были почти тождественны, но юридически такое положеніе вещей означало отсутствіе конституціи союза, какъ цѣлаго.

Территорія союза. Союзъ охватывалъ почти все острова и большую часть береговъ Эгейскаго моря. Изъ острововъ только Критъ, немногія

юго-западные Киклады близъ Пелопоннеса, а въ числѣ Спорадъ острова, начиная отъ Родоса къ юго-востоку, не входили въ составъ союза. На побережьи европейской Греціи къ союзу принадлежали Аттика и Эвбея, т.-е. большая часть доступнаго берега; на сѣверѣ въ союзъ вошли рядъ городовъ Халкидики, большого полуострова, расположеннаго между Македоніей и Фракіей, а скоро были присоединены важные пункты на оракійскомъ берегу. Затѣмъ, подъ названіемъ геллеспонтскихъ городовъ въ союзъ вступили все общины, лежавшія на европейскомъ и на азіатскомъ берегу Геллеспонта, Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Босфора. Наконецъ, на востокѣ—вся линія берега Малоазійскаго полуострова до загиба къ югу, т.-е. эоійскія, іонійскія и дорійскія колоніи. Въ положеніи союзной территоріи очень важно было то, что греческій флотъ располагалъ двумя выходами изъ Эгейскаго моря: юго-восточнымъ между Критомъ и Малой Азіей, который велъ къ Кипру, Сирию и Египту, и сѣверо-восточнымъ, выходившимъ черезъ проливы къ Понту (Черному морю). Такъ какъ въ длинной извилистой линіи проливовъ все важные пункты входили въ составъ союза, то аонинской симмахіи принадлежалъ весь путь, по которому направлялся ввозъ хлѣба въ Грецію и которымъ обратно шель греческій экспортъ въ черноморскія страны. Благодаря своему транзитному положенію, геллеспонтскіе города были богаче другихъ и давали въ казну самые крупные взносы. Въ сравненіи съ ними гораздо бѣднѣе были іонійскіе города, сильно пострадавшіе за время господства персовъ и во время національныхъ войнъ, когда съ нихъ обѣ стороны тянули и денежныя, и натуральныя повинности. Ихъ главное значеніе для союза состояло въ томъ, что занятая ими полоса малоазійскаго берега загораживала персидскому государству доступъ къ греческому морю.

Въ цѣломъ владѣнія союза образовали замкнутую въ себѣ, компактную и очень выгодно поставленную морскую державу. Размѣромъ территоріи, количествомъ населенія и ресурсами она превосходила остальную Грецію. Можно себѣ представить, какой переворотъ въ настроеніи аонинянъ долженъ былъ создать этотъ необыкновенный успѣхъ внѣшняго могущества, наступившій всего черезъ два года послѣ того, какъ община ихъ была на волосокъ отъ полной гибели!

Укрѣпленіе Аонинъ и Пирея. Ходъ національной войны и образованіе великаго морскаго союза отразились крупными перемѣнами въ строѣ аонинской республики и въ жизни города. Тотчасъ же по очищеніи греческой территоріи персами, осенью 479 г., аониняне вернулись со своими семьями въ разрушенный городъ и начали быстро и энергично обстраивать его. Но особенное значеніе народъ придавалъ возстановленію городскихъ стѣнъ. По мыслиThemistocle, который съ

478 года опять занялъ вліятельное положеніе, Аониняне должны были сдѣлаться неприступной крѣпостью, чтобы на случай новаго нашествія съ суши аонинянамъ уже не надо было бѣжать со своей территоріи, напротивъ, чтобы городъ могъ принять въ свои стѣны массы сельскихъ жителей.

Спѣшное возведеніе крѣпостной стѣны, опоясывающей Аониня, крайне обезпокоило спартанцевъ. Они понимали хорошо, что укрѣпленіе Аониня сдѣлаетъ городъ вполне независимымъ отъ помощи пелопоннесцевъ и создастъ Спартѣ могущественнаго соперника за Истмомъ. Спарта потребовала остановки работъ на томъ основаніи, что ли одинъ городъ на сѣверѣ отъ перешейка не долженъ быть крѣпостью, чтобы не служить опорой для персовъ въ случаѣ новаго нашествія. Themistocle разыгралъ въ этомъ трудномъ положеніи роль хитраго и настойчиваго дипломата, отправился самъ въ Спарту, затянулъ дѣло, добился отпращиванія въ Аониня спартанскихъ пословъ, которые были удержаны въ качествѣ заложниковъ, и когда получилъ извѣстіе, что въ Аониняхъ стѣны доведены до порядочной высоты, объявилъ спартанцамъ, что аониняне болѣе не нуждаются въ ихъ совѣтахъ. Спартанцамъ пришлось принять совершившійся фактъ.

Еще важнѣе, чѣмъ возведеніе аонинскихъ стѣнъ, представлялось Themistocle укрѣпленіе новой гавани Пирея. Разъ Аониня обратились въ морскую державу первой величины, необходимо было обезпечить для ея флота хорошо защищенный портъ. Хотя память Themistocle потому была затемнена его бѣгствомъ въ Азію и службой у персидскаго царя, но Фукидидъ тѣмъ не менѣе сохранилъ его программу внѣшней политики и даже въ словахъ, которыя приблизительно отражаютъ подлинныя рѣчи Themistocle. По словамъ Фукидида, Themistocle настаивалъ на продолженіи крѣпостныхъ работъ въ Пирей, начатыхъ еще въ годъ его архонтства (слѣд., съ 493 г. въ теченіе болѣе 15 лѣтъ эти работы стояли безъ движенія), такъ какъ онъ думалъ, что мѣсто съ его тремя естественными гаванями (собственно Пирей, Зей, Мунихія) очень удобно, и что сдѣлавшись морскимъ народомъ (*ναυτικός*), они получаютъ огромное преимущество для созданія державы (*δύναμις*). Онъ первый рѣшился сказать, что надо держаться морской политики. Стѣны Пирея были лишь начаты при Themistocle; вполнѣдствіи ихъ не довели до той высоты и толщины, какія считалъ нужными самъ Themistocle. «А онъ хотѣлъ достигнуть такихъ размѣровъ, чтобы можно было не опасаться никакихъ нападений; въ гарнизонѣ достаточно было бы сохранить небольшой составъ самыхъ слабыхъ и непригодныхъ людей, а все остальные должны будутъ взойти на корабли. Больше всего онъ направлялъ вниманіе на флотъ, потому что, какъ мнѣ ка-

жется, онъ видѣлъ, что войску царскому легче осуществить нападеніе съ моря, чѣмъ съ суши; Пирей же онъ считалъ болѣе важнымъ, чѣмъ верхній городъ (т.-е. Аѣины), и не разъ онъ ставилъ на видъ аѣинянамъ, что въ случаѣ новаго натиска съ суши, имъ слѣдуетъ спуститься въ Пирей и дать врагу рѣшительную битву на корабляхъ»⁶.

Изъ этой знаменитой характеристики, которой, въ сущности, мы и обязаны настоящимъ представленіемъ о замыслахъ Эемистокла, можно заключить, что соединеніе Пирея съ Аѣинами посредствомъ Длинныхъ стѣнъ составляло продолженіе плановъ великаго организатора, а, можетъ быть, даже было намѣчено имъ самимъ.

Возвышеніе морского демоса. Большія строительныя работы, а также превращеніе Аѣинъ въ столицу морской державы совершенно измѣнили физіогномію города. До національной войны Аѣины были главнымъ индустриальнымъ мѣстомъ Аттики, рынкомъ для крестьянскихъ закупокъ и правительственнымъ центромъ, куда собирались представители со всего кантона. Теперь, ставши во главѣ большого морского союза, который пробилъ себѣ важные торговые выходы къ Черному морю и къ Леванту, Аѣины дѣлаются притягательнымъ пунктомъ для множества пріѣзжихъ иностранцевъ всякаго рода: рабочихъ, которые рассчитывали на усиленную стройку, купцовъ и судовладельцевъ, привлеченныхъ новой ролью города въ транзитной торговлѣ, гражданъ союзныхъ общинъ, которымъ по дѣламъ нужно было обращаться къ суду или къ союзнымъ властямъ. Если эти посторонніе элементы заживались въ Аѣинахъ, ихъ заставляли вступать въ классъ *метойковъ* (обывателей): это значило выбрать себѣ патрона (*προστάτης*) изъ числа гражданъ и платить взносъ, такъ называемый метойкіонъ. Эемистоклъ держался политики открытыхъ дверей по отношенію къ эмиграціи метойковъ. Когда понадобилось большое число каменщиковъ для сѣйшаго возведенія стѣнъ и крѣпостныхъ башенъ, Эемистоклъ настоялъ на освобожденіи метойковъ отъ всякихъ взносовъ за время усиленныхъ работъ⁷.

Съ развитіемъ морского могущества и широкой внѣшней политики существенно измѣнились повинности гражданъ и служба ихъ. Аѣины должны были теперь держать наготовѣ большой флотъ и правильно пополнять убыль и порчу ежегоднымъ спускомъ новыхъ кораблей. Государство своеобразно раздѣлило эту обязанность съ частными лицами, устроивъ нѣчто въ родѣ прогрессивнаго обложенія натурой (*λιτοσυργία*). Богатые люди въ качествѣ тріерарховъ (капитановъ) должны были снаряжать тріеру, къ которой государство доставляло корабельный корпусъ и паруса; тріерархи обязаны были набрать и обучить гребцовъ, а также поддерживать корабль въ полной готовности. Облагая бога-

тыхъ весьма значительной повинностью, государство притягивало бѣдныхъ на морскую службу, которая, въ отличіе отъ своекоштной сухопутной военной службы, съ самаго начала стала вознаграждаться деньгами. Въ моряки шли преимущественно ѡеты, т.-е. безземельные, черно-рабочіе. Аѣинскій пролетаріатъ, впрочемъ, вовсе не безъ разбора устраивался въ морскую службу. Массу гребцовъ и матросовъ на корабль составляли метойки, иностранные наемники и рабы; аѣиняне занимали должности шкиперовъ, кормчихъ и лоцмановъ, начальниковъ гребныхъ командъ, десятниковъ въ артеляхъ корабельныхъ строителей и т. д. Такъ какъ флотъ сталъ очень великъ и постоянно пополнялся новыми кораблями, этихъ должностей было очень много; низшій классъ находилъ себѣ все новыя и новыя занятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его значеніе въ государствѣ, его увѣренность въ себѣ. Авторъ олигархическаго памфлета, составленнаго около 425 г., жалуется, что «демосъ водить корабли и потому доставляетъ мощь государству: всѣ эти кормчіе, лоцманы и мелкіе корабельные начальники гораздо больше доставляютъ мощи государству, чѣмъ голлиты, да знатные, да приличные граждане». Аристотель также передаетъ заключеніе о неизбежной перемѣнѣ, создавшейся въ политической жизни, которое, къ большой досадѣ для себя, должны были сдѣлать высшіе классы. «Корабельная чернь (*ναυτικὸς ἔχλος*), пользуясь тѣмъ, что ея силами была одержана побѣда при Саламинѣ и благодаря этому основано морское главенство и могущество Аѣинъ, утвердила господство демократіи»⁸.

Стратеги и демагоги. Организациія морской силы, а также возвышеніе притязательнаго класса моряковъ отразились существенно на строеніи высшихъ политическихъ властей. Во вновь возникшемъ союзномъ строѣ появилась крупная должность элленотаміевъ, которые, однако, избирались изъ аѣиняиъ и въ аѣинскомъ народномъ собраніи. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ широкихъ задачъ внѣшней политики, преобразовалась и получила совершенно новый видъ прежняя должность стратеговъ. Раньше стратеги были начальниками ополченій, представляемыхъ филлами, и, можетъ быть, выбирались въ отдѣльныхъ филлахъ. Со времени національной войны и образованія морского союза стратеги получили въ свои руки совѣтъ другія, гораздо болѣе сложныя дѣла: командованіе большимъ, сначала аѣинскимъ, а потомъ союзнымъ флотомъ, а также экспедиціонными войсками, участіе въ союзныхъ совѣщаніяхъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ среды стратеговъ нерѣдко приходилось выдѣлять одного, наиболѣе авторитетнаго и способнаго, который и становился главнокомандующимъ на сушѣ и на морѣ, а также уполномоченныхъ Аѣинъ въ совѣтъ союзныхъ командировъ (въ моменты особенно трудныя и отвѣтственные такой стратегъ

получать чрезвычайныя полномочія и титуль *ἀποκράτωρ*). Выборы стратеговъ естественно приняли иной характеръ: теперь ихъ стали избирать въ общемъ народномъ собраніи, а такъ какъ и въ филахъ, и въ общей экклесіи голосовало воинство, это значитъ, что стратеговъ избирали не отдѣльныя войсковыя части, а вся соединенная армія. Свое скромное прежнее занятіе, командованіе отрядомъ филы, стратеги должны были передать второстепеннымъ начальникамъ, таксіархамъ, а сами составили коллегію высшаго военного совѣта.

Въ качествѣ новой, какъ бы имперской и притомъ военно-финансовой должности стратеги становятся первыми сановниками въ государствахъ и совершенно отбрасываютъ старинную узко-городскую и гражданскую должность архонтовъ. Паденіе архонства ярко выразилось въ томъ, что (съ 487 г.) эту должность стали замѣщать не прямыми выборами опредѣленныхъ лицъ, а по жребію изъ многихъ и притомъ незначительныхъ кандидатовъ. За архонтами остался только почетъ: по-прежнему именовъ перваго архонта продолжали обозначать годъ.

Въ возвышеніи стратеговъ отражается воинственный наклонъ аѳинской общины, которая перестала быть обыкновеннымъ кантономъ, а сразу сдвинулась на положеніе руководящей силы въ большомъ кругу фактически подчиненныхъ ей общинъ. Все, что связано было съ новой широкой политикой, сосредоточилось теперь въ вѣдѣніи стратеговъ. На нихъ перешла, въ сущности, дипломатія: они вели переговоры съ иностранными державами, заключали капитуляціи и перемирія и вносили на обсужденіе народа и совѣта международные трактаты; въ качествѣ уполномоченныхъ они скрѣпляли принятыя народомъ договоры своей присягой. Стратеги должны были озаботиться всеми приготовлениями къ войнѣ и къ защитѣ территоріи Аѳинъ, доставленіемъ городу провіанта, наборомъ солдатъ, утвержденіемъ триерарховъ, а также, когда выписывался чрезвычайный военный налогъ (*εἰσφορά*), организаціей его сбора. По вопросамъ дипломатическимъ и финансовымъ стратегамъ приходилось постоянно сноситься съ совѣтомъ 500. Они имѣли свободный доступъ въ совѣтъ и право доклада въ его засѣданіяхъ; если совѣтъ принималъ докладъ стратеговъ, они вносили свое предложеніе потомъ въ народное собраніе отъ имени своего и совѣта. Стратеги могли потребовать чрезвычайнаго засѣданія совѣта или созыва особаго народнаго собранія.

Несмотря на возрастаніе авторитета стратеговъ, ясно чувствовалась ихъ зависимость отъ массы воинства, которая со времени національной войны составляла сплоченную организацію, заполнявшую народное собраніе. Помимо того, что выборъ ихъ и переизбраніе на короткій срокъ исключительно зависѣли отъ народа, стратеги еще обязаны были по-

дробнымъ отчетомъ при сложеніи своей должности. Далѣе, всегда оставалась возможность внезапной провѣрки дѣятельности стратега въ концѣ каждой изъ 10 пританій, на которыя раздѣлялся годъ: посредствомъ открытаго голосованія поднятіемъ рукъ (*ἐπιχειροτονία*) народъ могъ выразить свое недовольство; въ результатѣ стратегъ терялъ должность и отдавался подъ судъ.

Возможность такого неожиданнаго вмѣшательства и внезапнаго прекращенія службы заставляла первыхъ должностныхъ лицъ республики обращаться къ демагогии, т.-е. прибѣгать къ различнымъ способамъ вліянія на народную массу, разъ уже сложилось такое безпокойное, недовѣрчивое отношеніе къ вождямъ. Демагогія выражалась особенно наглядно во всякаго рода раздачахъ по отношенію къ народу. Большое впечатлѣніе въ Аѳинахъ производила щедрость богатаго Кимона, сына Мильтіада, выступившаго въ 70-хъ годахъ опаснымъ соперникомъThemistocle. Аристотель изображаетъ Перикла продолжателемъ Кимона въ смыслѣ раздачъ народу, но, слѣдуя реакціоннымъ характеристикамъ, находитъ глубокую противоположность въ источникахъ и манерѣ раздачъ того и другого изъ двухъ политическихъ дѣятелей: Кимонъ, ласковый, тароватый, выдавалъ изъ собственныхъ средствъ, а Периклъ, холодный, скупой, устроилъ раздачу изъ казенныхъ достояній⁹. Можетъ быть, разница характеровъ дѣйствительно вѣрно схвачена и передана у Аристотеля, но для насъ не то важно, что Кимонъ былъ симпатичнѣе Перикла, а то, что съ теченіемъ времени притязанія массы крайне возросли, и такъ какъ никакими частными средствами (впрочемъ, получавшимися все изъ той же военной добычи) невозможно было ихъ удовлетворить, то, слѣд., оставалось только организовать правильную раздачу общественныхъ суммъ, которая составлялись изъ излишковъ отъ военныхъ пріобрѣтеній. Другое средство, необходимое для успѣшной демагогии, сводилось къ постоянному воздѣйствію на массу въ большихъ народныхъ собраніяхъ. Судя по вышеприведенному отрывку рѣчиThemistocle (у Фукидида), онъ первый заявилъ себя мастеромъ демагогическихъ обращеній къ народу, по крайней мѣрѣ, онъ былъ первымъ, о рѣчахъ котораго дошла память. Въ искусствѣ демагогическаго воздѣйствія, кажется, никто не превзошелъ Перикла: во всякомъ случаѣ, никто такъ долго не удерживался на зыбкой поверхности аѳинской политической жизни съ ея непрерывными отчетами, провѣрками стратеговъ, постоянной возможностью внезапной катастрофы, нетерпѣливыми и острыми запросами, выходившими изъ среды народнаго собранія.

При этихъ условіяхъ политическая борьба въ Аѳинахъ, и безъ того достаточно жестокая, должна была еще болѣе обостриться. Выборы въ стратеги стали ежегоднымъ смотромъ силъ для борющихся партій.

Побѣдителямъ было, однако, мало провалить противника на выборахъ; имъ угрожала еще опасная демагогія низверженнаго стратега; чтобы отдѣлаться отъ нея, его старались вовсе устранить съ политическаго поля, а для этого примѣняли оставшееся отъ тиранніи средство остракизаціи. Съ конца 70-хъ годовъ на протяженіи десяти-двѣнадцати лѣтъ мы встрѣчаемъ два политическихъ изгнанія, сначалаThemistocles, потомъ его главнаго противника Кимона, и одну политическую смерть, убійство Эфиальта, продолжателя политики Themistocles (къ смерти Эфиальта, можетъ быть, близко примыкаетъ остракизмъ Дамона, «учителя» Перикла, одного изъ организаторовъ радикальной партіи).

Продолженіе національной войны и первые захваты аѳинянъ. Создавшійся въ Аѳинахъ строй носитъ всѣ черты своего происхожденія изъ освободительной войны, которая немедленно превратилась въ большое империалистическое предпріятіе. Главный организаторъ Аѳинъ на пути этого быстрого переворота, Themistocles, испыталъ на себѣ первый ударъ этой нервически дѣятельной, безпокойной, смѣлой и тираннической народной организаціи. Послѣ Саламина Themistocles уже не является болѣе во главѣ военныхъ силъ. Несмотря на его дипломатическія заслуги и важную роль въ стратегическомъ укрѣпленіи Аѳинъ и Пирея, народъ при распредѣленіи командованій отдаетъ предпочтеніе его противникамъ, Аристиду и Кимону.

Въ 476 г. Кимонъ былъ поставленъ во главѣ аѳинской эскадры и получилъ своеобразное порученіе: изгнать изъ Византіи спартанскаго царя Павсанія, который успѣлъ оправдаться на родинѣ отъ взведенныхъ на него обвиненій и теперь вернулся опять на мѣсто своей прежней дѣятельности, хотя и безъ официальныхъ полномочій. Павсаній опредѣленно работалъ въ пользу персовъ: его ближайшаго сторонника Гонгила, удержавшаго Византію для персовъ, великій царь наградилъ нѣсколькими городами на западномъ побережьи Малой Азіи. Любопытно, что тотъ спартанскій измѣнникъ былъ помѣщенъ пососѣдству съ другимъ эмигрантомъ, бывшимъ царемъ Демаратомъ. Еще позднѣе близъ той же мѣстности персы устроили самаго выдающагося изъ греческихъ бѣглецовъ, Themistocles. Персы проводили послѣдовательно извѣстную систему: по ихъ расчету, эмигранты должны были составить опорные пункты противъ своихъ единоплеменниковъ, независимыхъ грековъ европейскихъ кантоновъ. Политика персовъ не оправдалась: хотя для грековъ возникъ великій соблазнъ въ видѣ службы у національнаго врага, однако ни одинъ изъ бѣжавшихъ вождей не могъ перетянуть за собой большую свиту послѣдователей; за границей, внѣ соприкосновенія съ общинами, изъ которыхъ они вышли, всѣ эти греческіе дѣятели быстро утрачивали вліяніе.

Кимонъ оказался необыкновенно искуснымъ и энергичнымъ вождемъ открывшейся на востокѣ войны. Онъ хорошо понялъ новыя задачи предпріятія и удачными реформами приспособилъ къ нимъ организацію союза. Для отвоеванія береговъ у персидской державы нужно было вести сразу морскую и сухопутную войну, а для послѣдней цѣль подвозить на тріерахъ крупный десантъ. Старыя военныя суда въ томъ видѣ, какой они имѣли еще при Саламинѣ, вмѣщали очень немного воиновъ; на нихъ не было сплошной палубы, и вооруженные пѣхотинцы могли стоять лишь на носу и на кормѣ. Кимонъ устроилъ покрытие по всему кораблю и получилъ возможность заирать на тріеру по 200 солдатъ; соответственно пришлось расширить борта кораблей и значительно увеличить число гребцовъ. Эти новыя Кимоновы тріеры и составили потомъ морскую славу Аѳинъ. Во главѣ союзнаго флота Кимонъ завоевалъ вновь Византію и Сестъ и очистилъ путь черезъ проливы, который при посредствѣ Павсанія опять было перегородили персы. Аѳинскій стратегъ бросился затѣмъ на оракійское побережье, гдѣ еще держались персидскіе гарнизоны и военные поселенцы. По виду это было продолженіе національной войны. Но какъ всегда аѳиняне преслѣдовали еще специальную завоевательную цѣль. Они считали особенно важнымъ утвердиться въ устьѣ рѣки Стримона, близъ богатой драгоценнымъ металломъ Пангейской горы, на выходѣ изъ хлѣбородной и лѣсистой страны, откуда можно было получать зерно и матеріалъ для постройки кораблей. Кимонъ взялъ послѣ многихъ усилій Эѳонъ на Стримонѣ, истребилъ персидскій гарнизонъ и продалъ въ рабство туземное населеніе; на ихъ мѣсто были направлены аѳинскіе клерухи (475 г.). На возвратѣ домой Кимонъ сдѣлалъ еще одно завоеваніе уже внутри греческаго міра: онъ захватилъ островъ Скиросъ, лежащій на дорогѣ къ новымъ оракійскимъ владѣніямъ аѳинянъ, подтѣмъ предлогомъ, что его жители занимаются морскимъ разбоемъ. Аѳиняне опять поступили безпощадно: все населеніе Скироса было продано въ рабство, а на его мѣсто такъ же, какъ въ Эѳонѣ, водворены аѳинскіе колонисты. Покореніе Скироса доставило Кимону особенную популярность; онъ открылъ на островѣ могилу великана, въ скелетѣ котораго признали останки національнаго аѳинскаго героя Тесея, по преданію погибшаго на Скиросѣ. Съ большимъ торжествомъ привезъ Кимонъ свою находку въ Аѳины, и аѳиняне отпраздновали возвращеніе стариннаго патрона города на родину.

Можетъ быть, ко времени успѣховъ Кимона относится устройство въ сѣверной части Эгейскаго моря огненнаго телеграфа, о которомъ такъ подробно и съ такимъ увлеченіемъ рассказываетъ Эсхилъ въ трагедіи «Агамемнонъ»¹⁰. Судя по его изображенію, сигнальные огни

зажигались одинъ за другимъ на извѣстныхъ высотахъ, поднимающихся на мысахъ и островахъ, и вѣсть быстро доходила отъ Геллеспонта до Аонія: первая станція помѣщалась на горѣ Идѣ, недалеко отъ гомеровской Трои, на Эолийскомъ полуостровѣ; затѣмъ передаточными пунктами служили о. Лемносъ и Афонская гора на полуостровѣ Акте; отсюда сигналъ передавался на большомъ разстояніи къ высотѣ Макиста на о. Эвбеѣ, далѣе къ возвышенности, господствующей надъ Эврипомъ, т.-е. проливомъ, который отдѣляетъ Эвбею отъ Беотіи, и, наконецъ, на Киѳеронъ, кряжъ, пограничный между Беотіей и Аттикой. Этимъ способомъ аоніяне слѣдили за тѣмъ, что происходило въ недавно отвоеванныхъ проливахъ, готовые при грозящей опасности двинуть туда свою эскадру.

Къ нашему сожалѣнію, событія второй половины 70-хъ годовъ, и особенно все, что связано съ паденіемъ крупнѣйшаго дѣятеля національной войны,Themistokla, весьма неясны.

Паденіе Themistokla и гибель Павсанія. Въ Аоніахъ противъ Themistokla сложилась сильная коалиція, въ которой принимали участіе Филаиды и Алкмеониды, прежній ихъ соперникъ Аристидъ и еще архибогатый владѣлецъ рудниковъ (*λακκώπλορος*) Каллій. Можно сдѣлать лишь косвенное заключеніе о той политической программѣ, которой держался выдающійся организаторъ новоаонискаго государства и которая вызвала его низверженіе. И Кимонъ, и Каллій были филолаконами, т.-е. сторонниками Спарты. Отсюда можно вывести, что Themistoklъ, наоборотъ, настаивалъ на разрывѣ со Спартой; такъ какъ въ это время Спарта переживала тяжелый кризисъ, онъ, видимо, совѣтовалъ воспользоваться волненіями въ Пелопоннесѣ, подъемомъ демократическаго движенія, возстаніями крѣпостныхъ и нанести рѣшительный ударъ старому союзнику патриотической кампаніи 480—79 гг. Намъ извѣстно еще, что немного позже, уже послѣ своего изгнанія, Themistoklъ пытался сплотить союзъ демократій въ Пелопоннесѣ противъ Спарты; его обвиняютъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Павсаніемъ, который собирался волновать гелотовъ. Наконецъ, именно въ направленіи, враждебномъ Спартѣ, старалась потомъ вести внѣшнюю политику радикальная аониска демократія, а эта партія продолжала традиціи Themistokla. Такимъ образомъ, помимо личныхъ отношеній, Themistoklъ вызвалъ вражду партійную въ качествѣ организатора общей коалиціи демократій и велѣдствіе этого рѣшительнаго противника Спарты. Въ свою очередь его враги сплотились на защиту Спарты, потому что боялись у себя дома торжества радикальныхъ элементовъ: Спарта была для нихъ опорой консервативныхъ порядковъ. Въ 473 г. Themistoklъ былъ изгнанъ остракизмомъ и отправился въ Пелопоннесъ.

Спарта переживала въ это время тяжелый кризисъ. Въ эпоху побѣды Кимона спартанскіе политики, раздраженные потерей гегемоніи на морѣ, попытались взять реваншъ на сушѣ. Въ Эссалию былъ отправленъ на корабляхъ экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ царя Леотихида; на знамени этого похода стояла расправа съ Алевадами за то, что они въ моментъ великаго нашествія персовъ передались врагу; въ дѣйствительности спартанцы, угрожаемые вновь возникшей силой Аонія, ставшихъ на порогѣ ихъ сношеній черезъ Истмъ, собирались утвердиться въ сѣверной Греціи, по другую сторону Аттики. Экспедиція въ Эссалию пошла очень удачно, но спартанскій царь не уберегся отъ чисто-греческаго грѣха и далъ Алевадамъ подкупить себя; онъ не успѣлъ или не сумѣлъ укрыть обильное серебро, доставленное въ его лагерь. Леотихида тотчасъ же отозвали въ Спарту и приговорили къ смертной казни; онъ спасся бѣгствомъ на территорію союзной Теген. Заочно его объявили свергнутымъ, замѣнили его внукомъ Архидамомъ и разрушили его домъ. Къ скандалу съ однимъ царемъ прибавился еще горшій съ другимъ, Павсаніемъ. Хотя уже въ 477 г. была совершенно ясна его измѣна, однако, у него оказалось много друзей, и царской власти его не лишили. Эфоры даже допустили его самовольный новый отъѣздъ на востокъ. Теперь, однако, Павсанія стали подозрѣвать въ вещахъ гораздо болѣе опасныхъ для самой спартанской общины, именно въ тайныхъ сношеніяхъ съ гелотами и въ подготовкѣ возстанія въ ихъ средѣ¹¹. Говорили, что царь обѣщалъ имъ свободу и гражданскія права, если они сплотятся вокругъ него. Слухи о революціонныхъ замыслахъ Павсанія вызывали сами по себѣ большую тревогу въ Спартѣ; еще страннѣе казались они въ связи съ поднимавшимся всюду въ Пелопоннесѣ антиспартанскимъ движеніемъ.

Для внутренней политики Спарты вообще и для тяжелаго положенія ея крайне характерны тѣ опасныя обходные приемы, которые примѣнили при расправѣ съ Павсаніемъ. Пока не было прямыхъ уликъ, его не рѣшались схватить; среди эфоровъ у него были даже сторонники. Враги Павсанія пошли на хитрости, устроили черезъ провокатора свиданіе, гдѣ эфоры получили возможность подслушать нѣсколько неосторожныхъ словъ царя. Но и послѣ этого эфоры хотѣли избѣгнуть казни: одинъ изъ нихъ совѣтовалъ Павсанію бѣжать подъ покровительство храма мѣдноостѣнной Аонны. Въ храмѣ замуровали двери и сняли часть крыши, чтобы наблюдать за положеніемъ заключеннаго. Когда замѣтили, что онъ близокъ къ голодной смерти, его вывели наружу, и онъ тотчасъ же скончался почти у подножія храма (въ 471 г.). Несмотря на все эти отталкивающія мѣры предосторожности, спартанцы нарушили право убѣжища и оскорбили божество. Дельфійскій оракулъ далъ имъ со-

вѣтъ вполнѣдствіи похоронитъ тѣло Павсанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ кончился, и поставить для искупленія гнѣва божества двѣ металлическія статуи.

Въ катастрофу Павсанія былъ затянутъ и Оемистоклѣ, который находился въ сношеніяхъ съ революціоннымъ спартанскимъ царемъ и поддерживалъ въ Пелопоннесѣ агитацію противъ консервативнаго правительства Спарты. Спартанцы принесли на него жалобу аоніанамъ, настаивая на его мидизмѣ, т.-е. измѣнѣ національному дѣлу. Въ Аоніахъ Кимонъ, Каллій и другіе враги Оемистокла жадно схватились за случай расправиться окончательно со своимъ гениальнымъ противникомъ. Весь послѣдующій процессъ по дѣлу отсутствовавшаго Оемистокла производитъ странное впечатлѣніе. Оемистоклѣ былъ изгнанъ съ территоріи Аттики и временно лишень защиты своихъ правъ; тѣмъ не менѣе его привлекли къ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ (такой судъ назывался *εἰσαγγελία*), и за нимъ послали судебныхъ приставовъ (*κρίτους*), чтобы арестовать обвиняемаго на чужой территоріи. Оемистоклѣ успѣлъ бѣжать, съ большими трудностями перебрался сначала въ западную Грецію, скрывался у полудикаго царя Молоссовъ въ Эпирѣ, горными путями достигъ Эгейскаго моря, на транспортномъ кораблѣ не узанный переѣхалъ въ Іонію, при чемъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ аоніанамъ, осаждавшимъ въ это время Наксосъ. Въ Аоніахъ народное собраніе объявило надъ бѣглецомъ оналу: все его имущество было конфисковано, всякому предоставлялось убить его безнаказанно, и родина отказала ему въ правѣ быть погребеннымъ на своей территоріи (въ 470 г.).

Оемистоклѣ прожилъ еще 7—8 лѣтъ послѣ прибытія въ Азію, но вліянія его на греческія дѣла уже незамѣтно. Онъ отправился къ персидскому двору въ Сузу и былъ принятъ очень милостиво преемникомъ Ксеркса, царемъ Артаксерксомъ. Изгнанникъ просилъ срока, чтобы выучиться персидскому языку, и по прошествіи года былъ снова принятъ Фукидидъ разсказываетъ: «Онъ занялъ такое высокое положеніе, какъ еще никто изъ грековъ до него, отчасти благодаря своей прежней извѣстности, отчасти влѣдствіе вызванной имъ въ персахъ надежды, что при его посредствѣ будетъ покорена Греція, а главнымъ образомъ потому, что на опытѣ онъ далъ цѣлый рядъ доказательствъ своего великаго разума». Историкъ продолжаетъ затѣмъ свою замѣчательную характеристику Оемистокла въ такихъ словахъ: «Оемистоклѣ показалъ несомнѣннѣйшимъ образомъ силу своего генія и въ этомъ отношеніи достоинъ удивленія болѣе всѣхъ другихъ; по своимъ природнымъ дарованіямъ, не получивъ особой подготовки и даже не дополнивъ позднѣе образованія своего, онъ способенъ былъ, съ одной

стороны, къ самымъ быстрымъ и правильнымъ заключеніямъ въ вопросахъ даннаго момента, съ другой—къ поразительно мѣткимъ расчетамъ во всемъ, что касалось будущаго. Въ томъ, что попадало въ его руки, онъ умѣлъ легко найтись и управиться, для дѣлъ, которыя были ему новы или далеки, онъ тотчасъ же находилъ правильное сужденіе: среди неясныхъ очертаній будущаго онъ отлично видѣлъ впередъ, гдѣ надо искать пользы или вреда. Словомъ сказать, выдавался мощью своего таланта и быстрымъ натискомъ въ подготовкѣ дѣлъ, этотъ человѣкъ былъ первымъ мастеромъ импровизировать все, что только требовалось»¹².

Царь далъ Оемистоклу три города въ Малой Азіи, близъ берега моря: Магнезію на Мэандрѣ, которая приносила 50 талантовъ дохода, на хлѣбъ, Лампсакъ на вино и Міунтъ на закуску. Послѣдніе два города, собственно, входили въ составъ дѣлійской симмахіи и находились во власти аоніянъ; слѣд., царь явно ставилъ Оемистокла въ положеніе непосредственнаго противника своихъ сородичей. Въ Аоніахъ потомъ, когда смолкли личныя нападки на него, никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность реальной измѣны родинѣ величайшаго врага персовъ; поэтому утвердилась легенда о насильственной смерти Оемистокла: онъ принялъ будто бы ядъ, чтобы не служить персамъ противъ своей родины. И даже аоніяне вѣрили, что, несмотря на строжайшій запретъ, какимъ-то таинственнымъ образомъ въ Аттику былъ привезенъ прахъ великаго человѣка, точно для того, чтобы успокоить его тѣнь. Фукидидъ, которому принадлежитъ честь реабилитаціи Оемистокла, пораженъ совпаденіемъ и сходствомъ въ катастрофѣ Павсанія и Оемистокла, двухъ «самыхъ знаменитыхъ» грековъ того времени. И правда, оба крупнѣйшіе дѣятели національной войны, которые открыли наиболѣе дѣйствительные способы борьбы съ персами и пробили этимъ пути къ расширенію Греціи, кончили одинаково трагически, одинаково преступно противъ родины, подъ одинаковымъ чарующимъ воздѣйствіемъ богатаго, блестящаго Востока. Но въ политическомъ поведеніи того и другого есть еще одна общая черта: они выступаютъ вождями и организаторами большого демократическаго движенія, поднявшагося во время національной войны и въ связи съ этой войной.

Демократическія движенія въ пелопоннесскихъ общинахъ. Смерть Павсанія и изгнаніе Оемистокла не избавили Спарту отъ опасности демократическаго движенія, охватившаго почти весь Пелопоннесъ. Оемистоклѣ имѣлъ больше всего связей съ общиной Аргоса, гдѣ послѣ разгрома 495 г. произошла большая перемѣна. Потерявъ свое старинное ополченіе благородныхъ, Аргосъ, подъ давленіемъ бѣды, долженъ былъ разстаться и съ аристократической исключительностью строя: чтобы

пополнить страшную убыль, въ гражданство были приняты въ большомъ числѣ періойки. Отсюда съ неизбежностью начались и демократическія реформы. Мы не знаемъ точно, когда онѣ были введены, но въ нихъ чувствуется вліяніе аѳинской демократіи, и притомъ даже во внѣшнихъ формахъ. Въ Аргосѣ было въ послѣдствіи народное собраніе и народный судъ, большая буле рядомъ со стариннымъ совѣтомъ 80 (какъ въ Аѳинахъ совѣтъ 500 рядомъ съ Ареопагомъ), и даже, что особенно характерно, существовалъ обычай остракизма. Демократизованный Аргосъ пылалъ къ Спартѣ не меньшей враждой, чѣмъ раньше, но оказался пожалуй болѣе опаснымъ для нея, чѣмъ въ свою аристократическую эпоху; дѣло въ томъ, что демократія была всюду новымъ синоикизмомъ, т.-е. централизаціей силъ и людей въ одномъ пунктѣ, которая сопровождалась истребленіемъ самостоятельности и часто разрушеніемъ всякой жизни въ другихъ пунктахъ. Въ Аргосѣ были два старинные города, знаменитые своимъ историческимъ прошлымъ, Тиринъ и Микены; они находили опору въ Спартѣ и представляли извѣстный противовѣсъ Аргосу. Теперь новое правительство Аргоса рѣшило покончить съ ихъ автономіей. Одна за другой были взяты голодомъ обѣ неприступныя крѣпости (Тиринъ въ 472 г., Микены въ 464 г.). Оба города, окруженные старинными стѣнами, сравняли съ землей, оставшіеся въ живыхъ люди бѣжали и были обращены въ крѣпостныхъ. Въ большой аргосской долигѣ остался только одинъ городъ, остальные поселки сдѣлались ничтожными, зависимыми отъ него деревнями.

Движенія подобнаго же характера происходили во многихъ общинахъ, принадлежавшихъ къ составу Пелопоннескаго союза, и, слѣд., уже прямо угрожали Спартѣ, въ свое время построившей господство на раздробленіи союзниковъ и на сближеніи съ аристократіями. Въ Элидѣ демократическое движеніе прямо примыкаетъ къ національной войнѣ. Въ 479 г. элейское ополченіе опоздало къ сраженію при Платеяхъ и въ результатѣ лишилось участія въ богатой добычѣ, взятой съ персовъ остальными союзниками. Крайне этимъ раздраженное, воинство возмутилось противъ своихъ вождей, принадлежавшихъ къ правящему классу, и подвергло ихъ изгнанію. Въ сущности это и было началомъ демократическаго переворота. Элейская демократія взяла себѣ за образецъ Аѳины. Рѣшили учинить синоикизмъ, замѣнили старые самостоятельные сельскіе округа (*δαμοι*, т.-е. *δῆμοι*) новымъ административнымъ дѣленіемъ на 10 филъ (та же цифра, что въ клисееновскомъ стробѣ), устроили такое же общее представительство филъ и въ томъ же составѣ въ видѣ совѣта 500 и помѣстили это общее правительство въ новомъ, искусственно воздвигнутомъ городѣ, именемъ Элида (472 г.).

Наконецъ, зашевелились и отсталые раздробленные маленькіе кантоны Аркадіи. Между прочимъ, соединились въ одинъ укрѣпленный лагерь пять деревенскихъ поселковъ, составлявшихъ кантонъ Мантиней. Объединенная Мантиней также стала демократіей и немедленно потянулась къ союзу съ Аргосомъ противъ Спарты.

Спартѣ это движеніе грозило большой опасностью: элейцы почти отпали отъ союза, аркадяне возстали открыто, и въ союзѣ съ Аргосомъ надвигались на самую Спарту. Затрудненія Спарты дали необыкновенно выгодные шансы Аѳинамъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ аѳинская республика, не опасаясь никакихъ ударовъ и противодѣйствій съзади, торжествуетъ свои величайшіе успѣхи въ борьбѣ съ персами и одновременно закрѣпляетъ свое господство въ морской державѣ надъ союзниками.

Превращеніе дѣйскаго союза въ аѳинскую державу. Послѣ побѣды Кимона въ Геллеспонтѣ и во Фракіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на морѣ было тихо. Между тѣмъ персы стали готовить большой флотъ для новаго нападенія на Грецію. Предупреждая персидскую экспедицію, аѳиняне въ 468 г. двинули навстрѣчу ей крупную эскадру подъ начальствомъ испытаннаго на морѣ Кимона. Аѳинскій адмиралъ направился къ Книду на юго-западномъ углу Малоазійскаго полуострова; отсюда онъ поѣхалъ вдоль берега дальше на востокъ и склонилъ къ отпаденію отъ персовъ цѣлый рядъ негреческихъ городовъ Каріи и Ликіи. Это расширеніе морской державы аѳинянъ было закрѣплено блестящей двойной побѣдой Кимона при устьѣ Эвримедонта въ Памфилии, гдѣ онъ окончательно разгромилъ большой финикійскій флотъ персидскаго царя и затѣмъ, высадившись на берегъ, разбилъ сухопутное войско персовъ. Битва при Эвримедонтѣ представляетъ въ сущности конецъ національной войны въ смыслѣ обороны греческаго міра отъ персидскаго завоеванія; Эгейское море опять стало греческимъ; малоазійскія колоніи вышли изъ подчиненія персамъ. Можно сказать, что задачи союза, образовавшагося въ 478—477 году подъ руководствомъ Аѳинъ, были исчерпаны: онъ могъ бы разойтись. Но именно въ этотъ моментъ ясно обнаружилось, что руководящая община совершенно иначе понимаетъ смыслъ и назначеніе союза; аѳиняне видѣли въ контингентахъ и взносахъ союзниковъ подчиненную себѣ военную и финансовую силу, которую вольны направлять въ любыя предпріятія, не только оборонительныя, но и всякаго рода завоеванія; въ то же время они считали союзъ уже не добровольнымъ соединеніемъ городовъ, согласившихся вести только освободительную борьбу, а принудительной связью, которая не подлежитъ болѣе расторженію. Со всею безпощадностью, на какую Аѳины были способны, они показали свое

пониманіе условій союза въ двухъ случаяхъ, которые приходится, одинъ передъ самой экспедиціей Кимона, а другой нѣсколько позднее побѣды при Эвримедонтѣ.

Во время приготовления персидскаго царя къ нападенію на Эгейское море, отъ федерации отложился богатый островъ Наксосъ, можетъ быть, въ надеждѣ на помощь персовъ. Аоніане тотчасъ приняли энергичныя мѣры, осадили главный городъ острова, принудили его къ сдачѣ и отняли у общины автономію. Съ этой поры она платила подать. Еще рѣзче поступили аоніане съ общиной острова Фасоса, въ которомъ они видѣли своего опаснаго соперника по эксплуатаціи металлическихъ рудниковъ близъ устья Стримона. Около Пангейской горы съ ея залежами золота и серебра вообще крутился дикій вихрь соперничества: къ обладанію ея рудниками стремились и полудикіе аракійскіе князья, и царь македонскій, подвигавшійся внизъ по Стримону къ морю, и аоніане, которые старались утвердиться въ Эйонѣ близъ устья рѣки, и островъ Фасосъ, отдѣленный отъ берега лишь небольшимъ проливомъ. Аоніане придавали огромное значеніе колонизаціи аракійскаго края при устьѣ Стримона: нѣсколько разъ, несмотря на жестокія потери, поселяли они здѣсь своихъ клеруховъ. Въ 465 году Фасосъ, угрожаемый новой крупной колоніей, высланной аоніанцами, рѣшился возстать въ расчетъ на то, что спартанцы отвлекутъ силы ихъ нападеніемъ на самое Атику. Но спартанцы, слишкомъ поглощенные своими затрудненіями въ Пелопоннесѣ, предоставили Фасосъ собственной участи. Передъ его стѣнами появился герой національной войны, Кимонъ, только что изгнавшій послѣдніе остатки персидскихъ гарнизоновъ и поселенцевъ съ европейскаго побережья близъ Геллеспонта. Аоніане произвели самую суровую расправу: потребовали уступки материковыхъ владѣній Фасоса вмѣстѣ съ ихъ рудниками, разрушенія городскихъ стѣнъ, выдачи военныхъ кораблей и уплаты контрибуціи; Фасосъ перешелъ на уплату дани и обратился въ подчиненную общину.

Эти экзекуціи достаточно освѣщаютъ то новое направленіе, въ духъ котораго аоніане стали управлять союзомъ. Вдобавокъ ко всему, мы не слышимъ о какомъ-либо участіи союзнаго собранія въ рѣшеніи вопроса объ отпавшихъ. Аоніане дѣйствуютъ въ обоихъ случаяхъ совершенно самостоятельно, въ полномъ сознаніи своего исключительнаго авторитета, не справляясь съ мнѣніемъ другихъ союзниковъ. Еще въ другомъ отношеніи Аоніане стали замѣтно отступать отъ первоначальныхъ условій союза. Хотя веѣмъ общинамъ была гарантирована автономія, однако руководящій городъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь союзниковъ. Началось съ естественнаго тяготѣнія демократіи въ союзныхъ общинахъ къ аоніанскому демосу и его руководите-

лямъ. Идя навстрѣчу этому движенію, аоніане помогаютъ демократическимъ революціямъ и установленію демократическихъ конституцій. Особенно рѣзкій случай такого рода представляетъ введеніе аоніанцами конституціонныхъ реформъ въ городѣ Эрриоры на малоазійскомъ берегу. Мы узнаемъ изъ сохранившейся надписи, что аоніанское народное собраніе опредѣлило для Эрриоръ способъ избранія (жребіемъ) членовъ городского совѣта, а также ихъ количество, затѣмъ ввело аоніанскій способъ провѣрки (докимасію) при избраніи и установило текстъ присяги для эрриорейцевъ; въ этой присягѣ заключалось обѣщаніе вѣрности Аоніанамъ и союзу. Но этого мало. Такъ какъ въ Эрриорахъ происходили, повидимому, большія волненія и пришлось отправить аоніанскій оккупационный отрядъ, то выборы въ союзномъ городѣ были поставлены подъ надзоръ командира (*φρούραρχος*) присланнаго изъ Аоніи гарнизона. Этотъ аоніанскій офицеръ получилъ полномочіе и впродъ ежегодно вмѣстѣ съ совѣтомъ, уходящимъ въ отставку, производить выборы новаго состава совѣта и, слѣд., могъ оказывать сильнѣйшее давленіе на управленіе общины¹³. Есть еще случаи присылки изъ Аоніи въ союзныя общины гражданскихъ чиновниковъ, такъ наз. *ἐπισκοποι*.

Подчиненію союзныхъ общинъ всего болѣе содѣйствовало развитіе судебного авторитета главнаго города. Веѣ процессы, касавшіеся союзнаго строя, разбирались аоніанскимъ народнымъ судомъ: измѣна союзу и отпаденіе отъ него, сношенія съ врагами, нарушеніе союзническихъ обязанностей, всякіе столкновенія и споры между Аоніанцами и союзными общинами, всякіе жалобы и споры по уплатѣ союзныхъ взносовъ. Во веѣхъ этихъ случаяхъ судъ былъ односторонній, исключительно направляемый господствующимъ городомъ. Но этого мало: Аоніанцы старались въ подчиненныхъ городахъ забрать внутренній судъ; веѣ процессы по болѣе тяжкимъ проступкамъ, за которые грозила смерть или изгнаніе и лишеніе гражданскихъ правъ, должны были итти на разбирательство въ Аонію. Центральная община стала распорядиться средствами союза въ качествѣ прямыхъ своихъ доходовъ и принадлежащихъ ей повинностей. Аоніанцы начали требовать вспомогательныхъ отрядовъ у союзниковъ для различныхъ предпріятій, которыя уже не касались союза и стояли внѣ его сферы, при нападеніи на персовъ въ Египтѣ и даже въ войнѣ съ другими греческими общинами. Значительная часть экипажа аоніанскаго флота стала набираться изъ населенія союзныхъ городовъ.

Въ союзномъ строѣ произошла коренная перемѣна. Оставаясь лишь по имени аоніанскимъ союзомъ (*ἡ Ἀθηναίων σὺμμαχία*), организація на дѣлѣ стала аоніанской державой; Аоніанцы обратились въ столицу большого морскаго государства (*ἡ ἀρχὴ ἡ Ἀθηναίων*).

Героическая лирика и драма. Къ началу шестидесятихъ годовъ вымерло или ушло со сцены поколѣніе участниковъ національной войны (Арпегидъ умеръ вскорѣ послѣ остракизма Ѳемистокла). Настроенія и взгляды этой генераціи нашли себѣ яркое выраженіе въ поэзіи Эхила, Симонида и Пиндара. Они все отдають дань воинственному патриотизму. На разные лады и каждый наиболѣе ему доступными способами прославляютъ они національныя побѣды и отдѣльныхъ борцовъ: Эхилъ въ драмѣ «Персей», поставленной въ 472 г. и увѣковѣчившей сраженіе при Саламинѣ, Симонидъ и Пиндаръ въ одахъ на славныхъ бойцовъ, начиная отъ Марафона и кончая Платеями. Симонидъ выдѣлился еще особеннымъ жанромъ патриотической поэзіи, небольшими эпиграммами, кратко схватывающими характеръ тѣхъ или другихъ вонтелей, напр., 300 спартацевъ, павшихъ вмѣстѣ съ Леонидомъ при Фермопилахъ, коринѳянина Адейманта и др. Извѣстность его была такъ велика, что, по изгнаніи персовъ, чуть ли не со всей Греціи къ нему слали заказы на эпитафіи для павшихъ ополченцевъ или на стихотворныя надписи къ вновь воздвигаемымъ національнымъ памятникамъ. Всего труднѣе было наладиться на тонъ воинствующаго национализма оиванцу Пиндару, тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ близко къ аристократическимъ кругамъ, которые во время войны держались опредѣленно мидизма, но и онъ долженъ былъ послѣдовать за общимъ теченіемъ, привѣтствовать Аѳины въ качествѣ «крѣпкой опоры Греціи» (*Ἐλλάδος ἔρεισμα*)¹⁴.

Пиндаръ и Эхилъ расходятся въ политическихъ симпатіяхъ. Пиндаръ поглощенъ интересами своихъ высоко аристократическихъ друзей, династовъ и знатныхъ молодыхъ побѣдителей на играхъ, которыхъ онъ воспѣваетъ въ Пнѳійскихъ и Олимпійскихъ одахъ. Въ общемъ онъ цѣнитъ больше всего твердый законный порядокъ, богобоязненность и миролюбіе гражданъ, качества, охраняющія отъ мятежа и распущенности. Эхилъ время отъ времени произноситъ комплиментъ независимому праву и республиканизму аѳинянъ. «Нѣтъ участи хуже подчиненія тиранну», говоритъ у него хоръ гражданъ. Въ драмѣ *Ἰκέτιδες* (Умоляющія о защитѣ) Эхилъ такъ описываетъ аѳинскую еклесію словами старика-иностранца: «Помолодѣло сердце мое, когда я увидалъ этотъ единоплеменный народъ, торжественно поднявшій кверху правыя руки свои, когда задрожалъ воздухъ отъ тысячи дружныхъ голосовъ». «Нерушимо всенародное рѣшеніе (*δημόπρακτος μία ψήφος*),—говорителю дальше въ драмѣ,—пусть оно не вырѣзано на камнѣ, пусть не связано въ грамотѣ печатью, но еще крѣпче оно запечатлѣно свободнымъ словомъ»¹⁵.

Въ поэтическихъ образахъ Пиндара и Эхила есть, однако, общая черта, навѣянная временемъ. Оба они ищутъ героическихъ натуръ,

приподнятыхъ настроеній, какого-то рыцарства священнаго долга. Особенно поразительны въ этомъ отношеніи пьесы Эхила Агамемнонь—Хоэфоры—Эвмениды, вмѣстѣ составляющія трилогію «Орестейя». Въ основу положенъ мифъ объ обогрѣнномъ кровью родѣ Пелопидовъ, въ которомъ преступленія идутъ непрерывной цѣпью: тутъ отцу подаютъ отвратительное блюдо изъ зарѣзанныхъ дѣтей его, одинъ братъ убиваетъ другого, жена—своего мужа, сынъ—свою мать. Въ этихъ потокахъ крови, въ нагроможденіи злодѣяній, порождаемыхъ одно изъ другого, поэтъ занимаетъ мотивъ мести, который ему глубоко симпатиченъ, и воплощается особенно въ молодомъ Орестѣ, героѣ двухъ послѣднихъ драмъ, убивающемъ свою мать Клитемнестру въ отмщеніе за убитаго ею отца Агамемнона. Эхилъ въ обилии приводитъ выраженія старыхъ религиозныхъ проклятій: «кровь убитаго кричитъ и жаждетъ новаго пролитія»; «кто совершилъ кровавое убійство, долженъ умереть той же кровавой смертью»; «возмездіе равнымъ за равное—законъ, положенный въ священныхъ заповѣдяхъ отцовъ». Боги неумолчно напоминають о немъ людямъ и вдохновляють мстителей. Пророчица Кассандра предвидитъ злую участь Агамемнона и свою собственную близкую гибель; она молить всевидящее солнце только объ одномъ: подяить мстителя, который причинилъ бы ей убійцѣ тѣ же муки, что суждены ей. Что такое месть? Это—правда, и даже высшая правда (*Δίκη*). Самъ Аполлонъ предписываетъ месть Оресту и потомъ беретъ подъ свое покровительство матерубійцу, очищаетъ его отъ проклятія. Хоръ женщинъ, плачущихъ надъ могилой Агамемнона, глубоко сочувствуетъ Оресту: «какъ мнѣ назвать его, убійцей, или, скорѣе, спасителемъ?» Наконецъ, этотъ самосудъ, вмѣсто того, чтобы быть отвергнутымъ со стороны настоящаго правильнаго суда, получаетъ въ Ареопагѣ, учрежденномъ Аѳинами, торжественное оправданіе.

Для насъ все это очень странно звучить, но явно, что Эхилъ, построивъ на мотивахъ мести и кровавой усобицы трагическую завязку, считалъ сюжетъ возвышеннымъ, способнымъ захватить интимныя чувства человѣка. Психологія вендетты, которая, говорятъ, сейчасъ еще жива въ Корсикѣ, въ Греціи могла заинтересовать широкую публику театра, и поэтъ видѣлъ въ ея изображеніи рядъ красивыхъ, благородныхъ и патетическихъ положеній.

Религиозная философія эпохи національной войны. У Эхила есть еще одна любопытная драма, въ которой героическое начало человеческой природы находитъ себѣ совершенно иное выраженіе. Это—«Скованный Прометей».

Старый мифъ о богѣ-другѣ людей, похитившемъ у небесъ огонь и наказанномъ за это отъ руки верховнаго бога Зевса, преобразованъ

у Эсхила. Прометей виноватъ только въ одномъ—въ безконечной любви къ людямъ (*φιλάνθρωπος τρέπος*). Онъ лишенъ, по Эсхилу, качествъ и силъ бога, у него нѣтъ никакой вѣншей мощи; но онъ гениально прозорливъ и изобрѣтателенъ; онъ поднялъ пригнетенное къ землѣ тупое и беспомощное животное и сдѣлалъ его человѣкомъ, вдохнулъ въ него сознание и разумъ, открылъ ему всѣ тайны техники, науки и искусства. Иначе говоря, Прометей и есть гений человѣка, его культурная сила и творчество, онъ—олицетвореніе трудящагося, разумнаго, энергичнаго, изобрѣтательнаго человѣчества. Вотъ это пробужденіе человѣка, гордый подъемъ его духа, и есть вина въ глазахъ боговъ; они гонятъ и мучатъ Прометея, они ввергаютъ его въ адъ только за освобожденіе ума, за «познаніе добра и зла», и поступаютъ они такъ только изъ зависти и въ силу грубаго произвола, въ силу вѣншняго перевѣса, который имъ данъ. Въ столкновеніи человѣчества съ божествомъ моральная правда на сторонѣ перваго, и протесту несправедливо страдающаго человѣка дано рѣзкое и сильное выраженіе. Изъ новѣйшихъ произведеній мы невольно больше всего вспоминаемъ по этому поводу байроновскаго Каина. Въ Прометей горитъ независимый гордый духъ яснаго сознанія, онъ не смирится передъ вѣншей силой, онъ еще рѣзче подниметъ голосъ противъ произвола и неправды: онъ носитъ въ себѣ самомъ законъ справедливости и въ торжествующихъ богахъ не хочетъ признать господъ и разумныхъ мироправителей. Прометей «ненавидитъ всѣхъ боговъ за то, что, блаженствуя наверху, они несправедливо мучатъ его»; боги—«зазнавшіеся новички, только что свѣніе у власти и жаждущіе безпечальнаго существованія въ своихъ чертогахъ».

Развязка глубоко трагична для человѣческаго гения, но опять въ ней—осужденіе боговъ. Зевсъ боится неизвѣстной таинственной участи; онъ посылаетъ Гермеса вывѣдать у Прометея будущее, узнать тайну о грядущемъ мстителѣ, который его, Зевса, низвергнетъ. Но Прометей ничего не скажетъ, несмотря на угрозы еще горшими мучками; пусть будетъ онъ брошенъ въ тьму кромѣшную, пусть сердце его будетъ клевать чудовищный хищникъ; съ гордымъ вызовомъ небеснымъ деспотамъ онъ гибнетъ, погружается въ бездну отъ удара молніи вмѣстѣ со скалой.

Въ драмѣ Эсхила есть извѣстная гордыня протеста ума противъ унаслѣдованныхъ началъ религіи. Поэтъ-философъ не отрицаетъ боговъ, личныхъ могучихъ силъ, дѣйствующихъ во вселенной; но въ его глазахъ моральная жизнь человѣка, его интеллектъ и воля не подчинены этимъ силамъ; человѣческая справедливость велика сама по себѣ, безъ одобренія свыше и даже она можетъ возставать противъ миропорядка, правдъ враждебнаго.

Иного характера религіозныя воззрѣнія Пиндара. Онъ консерваторъ и оптимистъ, онъ ищетъ примиренія съ божественными силами. Есть на свѣтѣ «высшій правящій законъ, царь смертныхъ и бессмертныхъ»¹⁶. Никакое нарушеніе его, никакая дерзость человѣка не остаются безъ возмездія. Природа неодинаково раздѣлила между людьми свои дары; но истиннаго добра и славы человѣкъ можетъ достигнуть лишь при помощи боговъ. Высшій предѣлъ человѣческаго счастья—слава и богатство, добытыя честностью и храбростью, вмѣстѣ съ познаніемъ того, что предстоитъ на томъ свѣтѣ. Воззрѣнія Пиндара на жизнь загробную весьма характерны для эпохи. Пиндаръ былъ посвященъ въ элевсинскія мистеріи и воспринялъ здѣсь ученіе такъ наз. орфиковъ о переселеніи душъ. Блаженъ тотъ, кто видѣлъ священныя дѣйства, ибо ему вѣдомы начало и конецъ жизни. Тѣло подчиняется смерти, но душа, будучи божественнаго происхожденія, остается жить вѣчно. Нечестивцы несутъ кару уже на землѣ, но имъ предстоитъ еще страшный судъ въ преисподней, а за нимъ жестокія муки и казни. Души благородныхъ и благочестивыхъ людей будутъ жить на томъ свѣтѣ подъ вѣчнымъ сіяніемъ солнца, свободные отъ земной работы, отъ страданій и слезъ. А тѣхъ, кто три раза совершилъ страствованіе души на этомъ и на томъ свѣтѣ, и кто сумѣлъ уберечься отъ всякой неправды, боги примутъ въ свою среду; Зевсъ унесетъ ихъ на островъ блаженныхъ, окуриваемый ладаномъ жертвъ, освѣжаемый морскимъ вѣтромъ, гдѣ среди цвѣтущихъ луговъ и райскихъ деревьевъ они будутъ отдаваться невиннымъ играмъ и музыкѣ.

Вожди радикальной демократіи. Подавленная ростомъ демократіи въ Пелопоннесѣ, Спарта не могла помѣшать усиленію аѳинской державы и гибели автономіи греческихъ общинъ, подчинившихся Аѳинамъ. По мѣрѣ того, какъ росли успѣхи Аѳинъ на морѣ, усиливалась радикальная партія, въ свое время организованная *Θεμιστοκломъ*. Въ концѣ 60-хъ годовъ ея вождемъ былъ *Эфіальтъ*; рядомъ съ нимъ впервые выдвинулся *Периклъ*, сынъ *Ксанопша* и *Агаристы*, племянницы *Клисеена*, главный наслѣдникъ политики *Алкмеонидовъ*. Объ *Эфіальтѣ*, рано сошедшемъ съ политической сцены, сохранилось мало свѣдѣній. Консерваторы ненавидѣли его: въ комедіи, враждебной демократіи, говорилось, что подъ вліяніемъ рѣчей *Эфіальта* народъ сорвалъ узду, какъ бѣшеный конь, а по *Платону*, *Эфіальтъ* «опиолъ демосъ неумѣренной свободой». Видимо, *Эфіальтъ* былъ очень горячимъ и рѣзкимъ демагогомъ. При всемъ раздраженіи противъ него консерваторы должны были признать его неподкупность и политическую честность¹⁷.

Для характеристики *Перикла* у насъ матеріалъ весьма обильный. Прежде всего важно сужденіе *Фукидида*, который засталъ *Перикла* въ

живыхъ, не разъ слушалъ его рѣчи и видѣлъ непосредственно его политическую дѣятельность. Фукидидъ изображаетъ Перикла въ началѣ исторіи Пелопоннесской войны въ видѣ идеальнаго вождя народа и организатора, который все предусмотрѣлъ въ подготовкѣ войны и намѣтилъ для Аѳинъ единственно вѣрную политику, къ сожалѣнію, потомъ покинутую аѳинянами на вѣрную свою гибель. Историкъ рисуетъ фигуру Перикла на фонѣ тѣхъ ошибокъ и несчастій, въ которыя впади потомъ Аѳины; Периклъ—последній руководитель республики, его преемники уже не въ силахъ были направлять и сдерживать массу. Отсюда характеристика Перикла: «въ мирное время управлялъ умѣренно... могущественный по своему авторитету и разумному взгляду на вещи, онъ правилъ народомъ независимо и скорѣе велъ его, чѣмъ позволялъ ему вести себя; такъ какъ его вліяніе не опиралось на сомнительные источники, онъ никогда не льстилъ народу, а перѣдко, зная о личномъ уваженіи, которымъ пользуется, рѣзко ему возражалъ. Какъ только онъ замѣчалъ, что аѳиняне некстати заражались дерзкой самоувѣренностью, онъ старался своею рѣчью повергнуть ихъ въ страхъ; когда, напротивъ, у нихъ поднимались неосновательныя опасенія, онъ снова вызывалъ въ нихъ спокойную увѣренность. Такимъ образомъ, по имени была (въ Аѳинахъ) демократія, а на дѣлѣ монархія перваго (по значенію) человѣка»¹⁸. Легко замѣтить все преувеличеніе въ оцѣнкѣ Фукидида, и очень хорошо видны мотивы, которые привели его къ подобной идеализаціи. Притомъ это сужденіе историка относится, главнымъ образомъ, къ концу дѣятельности Перикла; что касается его перваго выступленія, его ранней программы и манеры, то у Фукидида они совершенно лишены ясныхъ очертаній. И все-таки изъ характеристики Фукидида можно сохранить нѣчто весьма существенное. Независимость сужденій, самообладаніе и спокойная увѣренность выступленій, своеобразное вліяніе на кипящую страстями, колеблемую аффектами аѳинскую массу—вотъ качества, которыми выдѣлялся Периклъ и которыя неизгладимыми чертами врѣзались въ память его величайшаго поклонника, увѣковѣчившаго его личность въ своемъ великомъ историческомъ трудѣ.

Гораздо разностороннѣе, но и гораздо дальше отъ оригинала стоитъ характеристика Перикла въ біографіи, составленной Плутархомъ. Предполагаютъ, что въ основѣ этой біографіи лежитъ работа Теофона, историка середины IV вѣка. Здѣсь собрано много мелочнаго, все, что можно было добыть изъ нападокъ комедій, изъ злословія памфлетистовъ и составителей скандальныхъ мемуаровъ. Но біографія Плутарха прибавляетъ не много новаго къ политической физиогноміи Перикла, нарисованной Фукидидомъ. И мы также собственно ничего не узна-

емъ характернаго о ранней порѣ дѣятельности Перикла, когда онъ примыкалъ къ группѣ самыхъ радикальныхъ политиковъ Аѳинъ. Впрочемъ, въ Плутарховой біографіи Перикла выдѣляется одна любопытная черта. Намъ говорятъ, что крупнѣйшій дѣятель аѳинской демократіи выросъ и сложился въ кружкѣ умственной аристократіи, что у него были выдающіеся учителя и вдохновители, между прочимъ, астрономъ и физикъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ въ Малой Азій, и особенно аѳинянинъ Дамонъ, сынъ Дамонида, изъ округа Ойя. Впослѣдствіи Дамонъ слылъ за человѣка глубоко разумныхъ взглядовъ въ политикѣ, философски образованнаго, за авторитетъ въ теоріи искусства и великолѣпнаго педагога. Злые языки утверждали, что все оригинальное въ программѣ Перикла, собственно, принадлежитъ Дамону, напр., введеніе платы за участіе гражданъ въ судѣ, которое составило начало большой системы раздачъ¹⁹.

Какъ понимать роль этихъ идеальныхъ вдохновителей и учителей политической техники? Съ одной стороны, здѣсь есть доля литературнаго вымысла и преувеличенія. Впослѣдствіи, въ эпоху «просвѣщеннаго деспотизма» въ Греціи, при политическомъ дѣятелѣ полагался философъ, идеальный направитель или истолкователь, ученый секретарь или популяризаторъ большого пракческаго дѣла. Профессоръ, въ родѣ Платона, отправлялся ко двору царя или тирана, желая занять подобную роль при немъ; въ то же время правитель для блеска, иногда для реабилитаціи своей насильственной политики, заводилъ себѣ учено-философскую канцелярію. При составленіи біографіи Перикла нашли нужнымъ перенести на его эпоху ту же обязательную комбинацію великаго политика-практика съ мудрецами-теоретиками. Какъ всегда, добавляя античныхъ писателей, новоевропейцы нарисовали даже, на основаніи отрывочныхъ данныхъ Плутарха, картину блестящаго высокоинтеллигентнаго общества художниковъ, литераторовъ, ученыхъ Греціи, собиравшагося въ домѣ Перикла, гдѣ царила куртизанка, впослѣдствіи его жена, Аспасія. Представленіе о салонѣ Аспасіи, разумѣется, очень шатко, но свѣдѣнія о близости Перикла къ физіку Анаксагору, исторіку Геродоту, софисту Протагору, художнику-реформатору Фидію, все же весьма цѣнны. Изъ нихъ видно, что великій демагогъ стоялъ на уровнѣ высшаго образованія своего времени. Очень характерно, что никто не упоминаетъ объ ученой школѣ, пройденной Мильтиадомъ, Аристидомъ, Эмистокломъ, Павсаниемъ или Кимонемъ, хотя послѣдній уже близокъ по времени къ Периклу. И Эмистоклъ, и Кимонъ были люди, завѣдомо лишенные теоретическаго образованія, ихъ краснорѣчіе было природное, не выработанное технически. Поэтому извѣстія о политическомъ воспитаніи Перикла заслу-

живають вниманія: они показываютъ, что въ общественной жизни явились нѣкоторые требованія, политика стала сложной системой знаній и приемовъ; кто хотѣлъ выдвинуться въ Афинахъ, какъ стратегъ, долженъ былъ заготовить свѣдѣнїями по финансамъ и администраціи, кто желалъ съ успѣхомъ выступать передъ большими и чуткими политическими аудиторїями, долженъ былъ озаботиться литературной и риторической обработкой своихъ публичныхъ обращеній. Перикль дѣйствительно могъ быть однимъ изъ первыхъ въ дѣлѣ систематической подготовки къ дѣятельности администратора и демагога въ афинской республикѣ; онъ бралъ еще только уроки на дому; впоследствии для выработки специалистовъ политики возникли школы, и появился профессоръ; мы хорошо знаемъ ихъ подъ именемъ софистовъ. Сознаніе необходимости подобной подготовки показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ большихъ политическихъ собранїяхъ появился новый слой публики, который можно назвать интеллигенціей: она вносила свои вкусы, ставила свои законы произнесенію рѣчей и веденію дебатовъ.

Паденіе консервативной партіи въ Афинахъ. Эфіальтъ и Перикль выступили рѣшительно въ моментъ возвращенія Кимона изъ побѣдоносной кампаніи во Фракіи и послѣ расправы надъ мятежнымъ Фасосомъ. Въ 463 году Перикль предъявилъ Кимону обвиненіе въ томъ, что онъ далъ себя подкупить македонскому царю, союзнику оасійцевъ, и упустилъ отрѣзать территорію. Не легко было свалить Кимона, очень популярнаго среди широкихъ круговъ афинскаго общества: онъ умѣлъ наполнять золотомъ, захваченнымъ на войнѣ, городскую казну, доставлять заработокъ и добычу массѣ оетовъ, служившихъ во флотѣ; на его счетъ начаты были такія важныя сооруженія, какъ новый храмъ богини Афины на акрополѣ и Длинныя стѣны, которыя должны были соединить городъ Афины съ его портами въ одну большую крѣпость. Кимону удалось легко оправдаться. Онъ достигъ еще большаго, убѣдилъ афинянъ послать помощь совершенно подавленной Спартѣ.

Въ 464 году въ Спартѣ произошло сильное землетрясеніе; рушилась большая часть зданій, погибло много спартанцевъ, и гражданство растерялось тѣмъ болѣе, что гелоты, давно уже волновавшіеся, воспользовались тяжелымъ моментомъ для всеобщаго возстанія. Присутствіе духа сохранили, однако, царь Архидамъ, который быстро возстановилъ порядокъ послѣ катастрофы, приказавши дать военный сигналъ и выстроивши спартанцевъ въ боевые ряды. Гелоты надвигались уже большой массой. Для спартанцевъ было крайне важно то, что перїоики остались имъ вѣрны; гелоты были разбиты въ большомъ сраженіи и отступили въ Мессенію въ укрѣпленный лагерь на горѣ Иеомѣ. Здѣсь укрѣпки спартанцевъ остановились; они не умѣли брать укрѣ-

пленій и обратились за помощію къ афинянамъ, специалистамъ фортификаціи. Кимонъ высказался настойчиво въ смыслѣ немедленной поддержки Спарты. «Не надо допускать, чтобы Эллада охромѣла и чтобы Афины тянули повозку безъ другого коня». Онъ потребовалъ отправки вспомогательнаго отряда въ Мессенію и вызвался быть его предводителемъ. Экспедиція Кимона, однако, кончилась неудачей: спартанцы, недовольные затяжкой въ осадѣ Иеомы, выразили афинянамъ недовѣріе и отослали ихъ обратно. Это опозореніе афинянъ повело къ паденію Кимона и крушенію консервативной партіи въ Афинахъ. Еще въ отсутствіе Кимона была проведена рѣшительная демократическая реформа (въ 462 г.). Когда онъ возвратился въ Афины, радикальная партія обвинила его въ сочувствіи спартанцамъ и враждѣ къ народу (*ὅς φιλολάκωνας καὶ μισόδημον*)²⁰. Въ большомъ тайномъ голосованіи народное собраніе высказалось противъ Кимона, и онъ ушелъ въ изгнаніе.

Въ борьбѣ за рѣшительную реформу политическаго строя вожди радикальной демократіи сосредоточили свои усилія на разрушеніи твердыни стараго порядка, Ареопага. Политика радикаловъ становится понятной, если имѣть въ виду, что клисеевская конституція, по которой Афины жили съ 506 года, сохранила за Ареопагомъ очень важное положеніе. Система политической жизни была двухпалатной; большое общее народное собраніе, повидимому, созывалось рѣдко; его постоянный малый составъ, въ видѣ совѣта 500, не могъ предложить эkkлeсiи ни одной резолюціи, чтобы не встрѣтиться съ предварительнымъ пересмотромъ дѣла въ верхней палатѣ, представленной старымъ совѣтомъ на холмѣ богини мести. Опираясь на традиціонный религіозный авторитетъ, Ареопагъ выступалъ часто со своимъ veto. Консерваторы въ немъ прочно утвердились. Ареопагъ составлялся изъ бывшихъ архонтовъ, а такъ какъ до 487 г. въ эту должность выбирались люди видныхъ старинныхъ фамилій, то къ 60-мъ годамъ тамъ были сосредоточены преимущественно элементы стараго афинства кантональной эпохи, враждебнаго возвышенію «корабельной черни» и вообще новому широкополитическому курсу. Ареопагитскіе старики были убѣждены, что безъ ихъ строгаго надзора въ Афинахъ наступила бы полная распущенность и разстройство дѣлъ: только имъ вѣдь обязана община своимъ спасеніемъ въ 480 г., во время полнаго разгрома Афинъ отъ нашествія Керкса. Крестьянская Аттика, преобладавшая въ общинѣ отъ Клисеева до нашествия персовъ, по своему консерватизму и нѣкоторой малоподвижности, вѣроятно, относилась довольно терпимо къ тяжеловатому стариковству Ареопага. Иначе—параллель, обратившіеся въ морскую демосъ, одержавшіе блистательныя побѣды въ борьбѣ со страш-

нымъ иноземнымъ врагомъ и создавшіе послѣ этого могущество великихъ Аѳинъ. Въ ихъ глазахъ старики, выросшіе въ свое время на мелкихъ усобицахъ европейской Греціи, ничего не понимали въ финансахъ, въ новой морской техникѣ, въ организаціи крупныхъ внѣшнихъ предпріятій! Теперь морской демосъ созивалъ себя настоящимъ рѣшителемъ судебъ государства и не хотѣлъ выносить контроля со стороны учрежденія, члены котораго не подлежали прямому народному избранію. Естественно, что выразители чувствъ новой нетерпѣливой и властной демократіи, радикалы, устремились къ тому, чтобы сбросить социальную-аристократическую сдержку и опеку высоко-консервативнаго учрежденія и провести полное и послѣдовательное верховенство народа въ Аѳинахъ.

УжеThemistocle старался подорвать вліяніе Ареопага. Его рѣчи противъ консервативнаго учрежденія, нерѣдко мѣшавшаго его смѣлымъ новаторскимъ планамъ, вѣроятно, хорошо запомнились въ Аѳинахъ. Потомъ сложилась легенда, что политикъ, спеціальностью котораго считалась бесконечно изобрѣтательная хитрость, принималъ участіе въ низверженіи Ареопага, подставивъ ловушки слишкомъ довѣрчивымъ старикамъ,—легенда, не имѣющая никакой почвы подъ ногами, такъ какъ въ 462 году Themistocle, вѣроятно, не было въ живыхъ, не говоря уже о томъ, что съ 471 года онъ не могъ и появиться въ Греціи²¹.

Введеніе демократической конституціи въ Аѳинахъ. Свѣдѣнія наши о реформѣ 462 года очень скудны, и представление о ея существѣ скорѣе приходится составлять косвеннымъ путемъ, заключая по различнымъ мѣропріятіямъ и измѣненіямъ, относящимся приблизительно къ тому же времени. Главный виновникъ реформы, Эфιάльтъ началъ нападеніе на Ареопагъ съ ряда процессовъ противъ отдѣльныхъ ареопагитовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ подкупности и утайкѣ государственныхъ денегъ; повидимому, онъ хотѣлъ подорвать нравственный вѣсъ Ареопага. Другой предварительной мѣрой было предложеніе Перикла ввести вознагражденіе обыкновеннымъ гражданамъ за участіе въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ: оно имѣло цѣлью привлечь сочувствіе массы бѣдныхъ людей, такъ какъ съ отнятіемъ ряда дѣлъ у Ареопага должно было послѣдовать чрезвычайное расширеніе дѣятельности широко-демократическаго народнаго суда.

Сама реформа состояла, повидимому, въ томъ, что народное собраніе отняло у Ареопага рядъ функций, при посредствѣ которыхъ онъ велъ надзоръ за государственнымъ управленіемъ и наблюдалъ за исполненіемъ законовъ. Въ области уголовного суда Ареопагъ утратилъ кругъ самыхъ важныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ, разбирательство въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ были проступки, касавшіеся всей общины или ея

сановниковъ, гдѣ были противозаконныя дѣйствія должностныхъ или частныхъ лицъ; онъ потерялъ также право налагать наказанія и штрафы противъ нарушителей общественнаго порядка. Такъ мы заключаемъ изъ того, что все дѣла подобнаго рода появляются въ компетенціи совѣта 500 или новыхъ народныхъ судовъ. Ареопагу оставили лишь религіозныя дѣла, а поэтому также въ его рукахъ остался уголовный процессъ по убійству, которое по-старинному считалось оскорбленіемъ боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляло случай произнесенія проклятія или отлученія. Ограниченіе власти Ареопага и сокращеніе его дѣятельности повело непосредственно къ расширенію демократическихъ учреждений. Разбирательство по множеству дѣлъ, которыя вѣдалъ до сихъ поръ Ареопагъ, было поручено комиссіямъ (*δικαστήρια*) присяжныхъ судей; для ихъ заполнения (по жребію) ежегодно составляли обширный списокъ, при чемъ принимали всѣхъ гражданъ не моложе 30 лѣтъ, которые выражали желаніе вступитъ въ число судей. Общая масса присяжныхъ считалась какъ бы корпораціей гражданства, равной верховному собранію народа, и носила имя, присвоенное общему народному собранію (*ήλιαια*). Въ то же время послѣ отмѣны верхней палаты участіе большія народныя собранія, и очень расширилась дѣятельность демократическаго совѣта 500.

Реформа 462 года была какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ клисеевскаго устройства, впервые создавашаго совѣтъ 500 въ качествѣ представительства демъ. Теперь совѣтъ делегатовъ отъ демъ, эмансипированный отъ старой верхней палаты, занялъ центральное мѣсто въ управленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ политической строй Аѳинъ отклонился рѣшительно отъ того компромисса между старымъ и новымъ, на которомъ остановился Клисеевъ. Въ послѣдующую пору Клисеево устройство стало уже казаться не демократичнымъ, а лишь «близкимъ къ старинному строю Солона»²². Совѣтъ 500 занялъ теперь иное отношеніе къ эkkлeсiи. Съ одной стороны, рядомъ со своей распорядительной, административной ролью совѣтъ долженъ былъ взять на себя функціи подготовительной комиссіи къ народному собранію, которое стали собирать гораздо чаще. Совѣтъ заготовлялъ къ дебатамъ въ народномъ собраніи обстоятельный проектъ (*προβούλευμα*), похожій на современныя намъ предложенія парламентской комиссіи. Пробулевма не связывала дальнѣйшаго рѣшенія народа; ея параграфы могли быть измѣнены, замѣнены, переставлены; но проектъ совѣта служилъ руководящей основой преній. Иногда эkkлeсiя поручала совѣту составить предварительно направленіе и общіе пункты. Съ другой стороны, за отмѣной veto Ареопага, совѣтъ 500 становился въ положеніе если не юридической, то фактической сдержки дѣйствій народнаго собранія, ко-

торыя могли быть слишком поспѣшны и внушены извѣстными аффектами. Съ этой поры общенародныя постановления принимались обыкновенно въ слѣдующей формулѣ: «рѣшилъ совѣтъ и народъ» (ἔδοξε τῆ βουλῆ καὶ τῷ δήμῳ, какъ въ Римѣ *senatus populusque Romanus*).

Если принять во вниманіе всѣ перемѣны, связанныя съ отмѣной власти Ареопага и усиленіемъ народныхъ учреждений, то надо признать, что реформа 462 года представляетъ вступленіе въ жизнь новой чисто-демократической конституціи. Въ Аѣнахъ прочно установился строй, который продержался въ существенныхъ чертахъ около 140 лѣтъ самаго цвѣтущаго времени города (если не считать небольшого перерыва въ 411 году). Враги демократіи заклеили его именемъ охлократіи, разумѣя непосредственное господство толпы. Консерваторы эпохи Аристотеля считали отмѣну верхней палаты въ 462 году грубымъ нарушеніемъ разумныхъ государственныхъ традицій, а въ управленіи Ареопага за послѣднія 17 лѣтъ его существованія (послѣ нашествія Ксеркса) видѣли политическій рай аѣнскаго народа²³; послѣ гибели великаго учрежденія наступила, по ихъ мнѣнію, распушенность и царство произвола. Но съ нашей исторической точки зрѣнія было бы большой ошибкой согласиться съ такимъ сужденіемъ. Аѣнская радикально-демократическая конституція была обставлена чрезвычайно неукусно извѣстнаго рода гарантіями, которыя обеспечивали ея прочность и вмѣстѣ служили закономѣрному и правильному теченію дѣлъ. Эта система гарантій допускаетъ сравненіе съ конституціями Новаго времени.

Юридическая охрана аѣнской демократической конституціи. Если мы вемотримся въ строеніе конституціонныхъ и республиканскихъ государствъ, то вездѣ увидимъ, рядомъ съ провозглашеніемъ народнаго верховенства, попытку поставить извѣстныя сдержки или ограниченія высшему рѣшающему органу въ государствѣ. Такой сдержкой по отношенію къ парламенту, представляющему собой народъ, служитъ veto старой королевской власти или «верхней» палаты. Другимъ видомъ сдержки является выдѣленіе извѣстной группы вопросовъ, особенно важныхъ, которые могутъ быть рѣшаемы лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, при наличности значительнаго большинства голосовъ въ верховномъ собраніи. Или составляются «основные законы», систематическая конституція, т.-е. предварительное ограниченіе, въ силу котораго извѣстныя учрежденія и законы должны будутъ считаться неприкосновенными или же хотя и подлежащими измѣненію, но только при особенныхъ, трудно достижимыхъ условіяхъ. Всѣ ограниченія такого рода—прежде всего наслѣдіе самихъ старинныхъ учреждений, доли власти, удержанная консервативными силами общества. Съ другой стороны, они появляются въ результатъ желанія организаторовъ

новаго строя укрѣпить только что созданныя учрежденія, устранить возможность скороспѣлыхъ случайныхъ рѣшеній, которыя могли бы опрокинуть основанный ими порядокъ.

Ареопагъ былъ до 462 г. верхней палатой, которая пользовалась правомъ veto въ отношеніи совѣта 500 и народнаго собранія. Съ уничтоженіемъ контроля Ареопага провозглашалось народное верховенство, по-гречески *ισονομία*, или *ισοκρατία*. Мы съ интересомъ спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ организаторы полной и послѣдовательной демократіи въ Аѣнахъ обдумали средства къ обезпеченію новаго конституціоннаго порядка, какое они нашли противоядіе опаснымъ политическимъ колебаніямъ?

Въ Аѣнахъ V в. не выработали ни писаной конституціи, ни основныхъ нерушимыхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе существовало своеобразное учрежденіе, которое представляло сдержку по отношенію ко всякимъ революціоннымъ попыткамъ (по-гречески *υπερσιμός*) или возможности вообще ниспроверженія дѣйствующаго политическаго порядка. Это—*γραφή παρανόμων*, процессъ по обвиненію въ противозаконности предложеній, сдѣланныхъ въ народномъ собраніи. Все значеніе этого учрежденія выступаетъ въ переворотѣ 411 г., когда олигархи попытались опрокинуть демократическую конституцію. Ихъ первымъ дѣломъ было отмѣнить графе параномонъ, въ качествѣ главной опоры этой конституціи и препятствія провести государственный переворотъ въ законныхъ формахъ. Мы не имѣемъ извѣстія о томъ, когда установлена была эта форма процесса, но очень правдоподобно, что гарантію въ такомъ видѣ ввели въ связи съ отмѣной veto Ареопага²⁴.

Само учрежденіе состояло въ слѣдующемъ. Всякій гражданинъ могъ послѣ народнаго голосованія или до него сдѣлать заявленіе подъ присягой, что онъ поднимаетъ обвиненіе въ «противозаконности» противъ инициатора законодательнаго предложенія. Это заявленіе имѣло прежде всего тотъ результатъ, что рѣшеніе народа приостанавливалось впродъ до судебного приговора. Судъ происходилъ подъ предѣлательствомъ 6 низшихъ архонтовъ, такъ наз. есмосетовъ. Во время преній обвинители имѣли право выяснять вредный, по ихъ мнѣнію, характеръ того народнаго рѣшенія, которое они оспаривали. Но, собственно говоря, формально обвиненіе должно было указать только противорѣчіе между даннымъ законопроектомъ и существующими законами, или же установить, что при проведеніи закона были нарушены тѣ или другія внѣшнія формы. Слѣд., это была настоящая судебная охрана конституціи съ предоставленіемъ обвинительной инициативы частнымъ лицамъ. Графе параномонъ представляло серьезное обвиненіе: обвиняемаго могли осудить на болѣе или менѣе тяжелый штрафъ или приговорить даже къ смерт-

ной казни въ особенно тяжкихъ случаяхъ. Тотъ, кто троекратно подвергался осужденію, утрачивалъ право вносить предложенія въ народное собраніе.

До извѣстной степени въ параллель съ графе параномонъ можно поставить еще одну группу гарантій противъ скороспѣлыхъ рѣшеній. Мы узнаемъ изъ позднѣйшей практики, что подъ страхомъ тяжкихъ наказаній запрещалось предлагать въ народномъ собраніи нѣкоторыя финансовыя мѣры, какъ-то: требовать введенія подоходнаго налога (*εισφορά*) или использованія неприкосновеннаго фонда, лежавшаго въ сокровищницѣ богини Афины. Нужно было, чтобы народъ въ особомъ собраніи вотировалъ заранѣе неприкосновенность (*ᾤδειν*) тому оратору, который сдѣлаетъ подобное предложеніе. Можно допустить, что подъ такой охраной находились еще нѣсколько государственныхъ учреждений или обычаевъ. И есть все основанія думать, что практика запретовъ и примѣненія чрезвычайной обстановки при ихъ отмѣнѣ вошла въ жизнь вмѣстѣ съ графе параномонъ, около момента реформы 462 года. Все подобныя мѣры составляли своеобразныя средства обезпеченія прочности новаго демократическаго порядка и законности теченія политической жизни. Хотя въ 462 г. въ Афинахъ установилось неограниченное господство народа, однако демократія вовсе не сдѣлалась несдержаннымъ правленіемъ общихъ сходовъ, нерѣдко случайныхъ по своему составу.

Въ системѣ охраны конституціи чувствуется изобрѣтеніе выдающихся политиковъ, тѣмъ болѣе замѣчательное, что греческая жизнь не давала въ этомъ отношеніи никакихъ прецедентовъ, и мы должны именно такими гениальными изобрѣтателями признать организаторовъ радикальной демократіи, Дамона, Эфиальта и Перикла. На ихъ долю слѣдуетъ отнести также постановку контроля должностныхъ лицъ, который такъ характеренъ для афинской демократіи. По дѣламъ о нарушеніи законовъ сталъ судить совѣтъ 500. Онъ слѣдилъ за дѣятельностью финансовыхъ чиновниковъ, привлекалъ ихъ къ отвѣту въ случаѣ злоупотребленій и налагалъ наказанія. Всякій гражданинъ могъ внести въ совѣтъ обвиненіе противъ чиновника въ несоблюденіи имъ закона. Совѣтъ принималъ обвиненіе по дѣламъ, въ которыхъ были затронуты интересы казны, гдѣ предполагалось присвоеніе казенныхъ имуществъ, нарушеніе торговыхъ и таможенныхъ постановленій; затѣмъ онъ участвовалъ въ процессѣ по тяжелымъ государственнымъ преступленіямъ (*εισαγγελία*). Наконецъ, совѣтъ 500 производилъ провѣрку, или оцѣнку (*δικυμυσία*) кандидатовъ, указанныхъ выборами. Совѣтъ даннаго года провѣрялъ составъ коллегіи архонтовъ и составъ совѣта будущаго года. Такимъ образомъ онъ имѣлъ большое вліяніе на подборъ своихъ преемниковъ. Другая часть дѣлъ, относившихся къ политическому надзору Ареопага,

отошла къ народнымъ судамъ и къ различнымъ коллегіямъ выборныхъ судей. Таковы были отчеты чиновниковъ, выходившихъ въ отставку, главнымъ образомъ въ отношеніи финансовой стороны администраціи. Провѣрки были обставлены необыкновенно тщательно. Отчеты разсматривались въ теченіе 30 дней особой ревизіонной комиссіей 30 избранныхъ по жребію *λογισταί*. Въ случаѣ, если открывались нарушенія или возникали сомнѣнія, вышедшіе со службы призывались къ отвѣту; тогда противъ нихъ выступали въ качествѣ судебныхъ истцовъ или адвокатовъ также опредѣляемые по жребію *συνήγοροι*. При этомъ представлялось также и частнымъ лицамъ вносить обвиненіе противъ бывшихъ чиновниковъ. При обвиненіи со стороны ли ревизіонеровъ или постороннихъ лицъ дѣло шло на разсмотрѣніе присяжныхъ какой-либо сессіи народнаго суда. Наказаніемъ былъ штрафъ, при утайкѣ или подкупѣ равный десятикратной стоимости той суммы, которая значилась въ обвинительномъ актѣ. Помимо этихъ судебныхъ провѣрокъ, происходило еще общій допросъ, такъ наз. *εῦθυναι*. Его производили тридцать *εῦθυνοί*, которыхъ, по три отъ филы, совѣтъ выбиралъ изъ своей среды, и опять при этомъ частныя лица, отдѣльные граждане могли вносить письменныя жалобы.

Все эти учрежденія, развившіяся послѣ реформы 462 г., показываютъ, въ какой степени элементъ контроля былъ развитъ въ афинской политической жизни. Афинская демократія не довольствовалась частой смѣной должностныхъ лицъ, избираемыхъ не долѣе, какъ на одинъ годъ. Она держала ихъ подъ перекрестнымъ огнемъ предварительныхъ провѣрокъ, послѣдующихъ отчетовъ и всегда возможныхъ судебныхъ процессовъ. Все, что было связано со службой государству, составляло порядокъ очень сложный, тонкій, осмотрительно выработанный. Мы уже отмѣтили бурный переменчивый нравъ афинскаго народа, создававшій нерѣдко весьма опасныя положенія для политическихъ вождей, и притомъ какъ разъ наиболѣе предприимчивыхъ и выдающихся. Тѣмъ выше придется оцѣнить тѣ конституціонныя ограниченія, которыми обставляла свою дѣятельность та же самая кипучая демократія, ту дисциплину ежедневной политической жизни, которую старался проводить нервный безпокойный афинскій демокръ.

Соціальная сторона демократической реформы. Реформа 462 г. была подготовлена установленіемъ платы за участіе въ судѣ въ видѣ суточныхъ денегъ присяжнымъ. Въ то же время реформа передавала множество дѣлъ въ руки народныхъ судовъ, и количество лицъ, привлекаемыхъ въ качествѣ присяжныхъ, должно было чрезвычайно увеличиться. Въ эпоху развитія морской державы Афинъ, когда въ главномъ городѣ разбиралось множество процессовъ по дѣламъ союзниковъ, въ

спискѣ присяжныхъ насчитывали до 6000 гражданъ. Содержаніе, получаемое гражданами за участіе въ судебныхъ сессіяхъ, было началомъ цѣлой системы уплатъ и выдачъ изъ казны, развившихся въ эпоху управленія Перикла.

Мѣра, принятая Перикломъ въ 462 г., была рассчитана на привлеченіе массы малодостаточныхъ гражданъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что суточные деньги за участіе въ судѣ были очень незначительны, всего два оболы; лишь во время большой Пелопоннесской войны выдачи были увеличены еще на одинъ оболъ. Этого судебного жалованья (*μισθός δικαστικός*) едва хватало на дневное прокормленіе. Суточные, выдаваемые изъ казны, были ниже обычнаго заработка ремесленника (напр., вдвое ниже выручки каменщика); она была также значительно ниже дневной оплаты военной службы въ арміи и во флотѣ. Крестьянину она далеко не могла возмѣстить потери рабочаго дня; притомъ крестьянамъ отдаленныхъ округовъ приходилось еще неизбѣжно терять изъ-за однодневной судебной сессіи двое, трое сутокъ. Отсюда получилось важное фактическое ограниченіе въ составѣ присяжныхъ. Къ записи въ число судей тѣснились большею частью бѣдные граждане главнаго города и близкаго къ Аѳинамъ Пирейскаго порта, у которыхъ заработки были незначительны и которые, живя на мѣстѣ, не теряли времени на передвиженія. При такихъ условіяхъ для нихъ судебная плата могла служить приманкой, тѣмъ болѣе, что занятіе было не обременительно и интересно. Люди съ извѣстнымъ достаткомъ «изъ приличнаго общества», какъ говорили враги демократіи, напротивъ, большею частью чуждались участія въ судахъ. Поэтому въ результатѣ судебной реформы получился новый демократическій приливъ, еще большее участіе низшаго класса въ политической жизни. И въ то же время перевѣсъ въ активной политикѣ сталъ еще болѣе склоняться къ городскому населенію, хотя численное преобладаніе въ общинѣ продолжало оставаться за деревней.

Судебныя деньги были началомъ цѣлой системы выдачъ. Периклу же приписывали въ качествѣ агитаціонной мѣры противъ Ареопага введеніе театральнаго пайка (*θεαρχιδόν*), который долженъ былъ дать бѣднымъ возможность отдохнуть и развлечься въ праздники. Сначала давали театрикъ въ размѣрѣ драхмы лишь на три дня праздника Діонисіи, когда давались трагедіи. Потомъ стали платить театрикъ ко всѣмъ большимъ празднествамъ. Затѣмъ были введены суточные деньги булевтамъ (*μισθός βουλευτικός*), т.-е. членамъ совѣта Пятисотъ, который, въ качествѣ важнѣйшаго центральнаго органа въ разросшейся аѳинской державѣ, сталъ сходиться гораздо чаще въ своемъ полномъ составѣ. Эта выдача стала необходимостью со времени замѣны прямого избранія булевтовъ по филамъ ихъ отборомъ по жребію изъ большаго списка

желающихъ. Опять, какъ въ составѣ присяжныхъ, и здѣсь нужно было обезпечить доступъ людямъ недостаточнымъ, чтобы сдѣлать учрежденіе вполне демократическимъ. На жалованіе перешли по большей части и административныя должности, между прочимъ архонтство. Къ выдачамъ изъ казны надо присоединить жалованье, которое платили служащимъ въ арміи и во флотѣ. Уже съ самаго основанія союза, когда открылись крупныя и сложныя морскія операціи, надолго отвлекавшія гоплитовъ и моряковъ отъ дома, была введена продовольственная плата для солдатъ. Но помимо того, государство брало на себя вооруженіе извѣстной части воиновъ, а затѣмъ и прямой наемъ на службу большаго числа гражданъ. Плутархъ передаетъ, что въ управленіе Перикла ежегодно выпускали въ море флотилію въ 60 триеръ (съ экипажемъ приблизительно въ 12.000 человекъ); она исполняла сторожевую службу, и въ то же время занятые въ ней граждане упражнялись въ морскомъ дѣлѣ; въ теченіе 8 мѣсяцевъ плаванія они получали жалованье, считаясь наймитамъ (*ἐμισθοί*). Надо полагать, что и на эту наемную службу преимущественно шли люди малодостаточные.

Въ этой связи становится понятнѣе извѣстіе Аристотеля, помѣщенное подъ 457 годомъ, а именно, что впервые архонтомъ былъ выбранъ зевгитъ, т.-е. человекъ одного изъ низшихъ имущественныхъ разрядовъ²⁵. Это допущеніе не было результатомъ новой реформы. Никакого закона о пониженіи ценза въ Аѳинахъ не принимали. Но фактически низшіе классы были до сихъ поръ выключены отъ занятія должностей. Уплаты и выдачи уравнивали для гражданъ разнаго достатка возможность участвовать въ администраціи. Надо замѣтить впрочемъ, что должность архонта въ эту пору утратила реальное политическое значеніе. О занятіи же важной должности стратеговъ простолюдинами мы ничего не слышимъ. Напротивъ, вотъ что говоритъ авторъ брошюры, вышедшей въ 425 г. и приписанной ложно Ксенофону (Псевдоксенофоновой Аѳинской Политіи)²⁶. «При нынѣшнихъ обстоятельствахъ представляется справедливымъ, чтобы всѣ одинаково могли занимать должности, замѣщаемыя жребіемъ или открытыми выборами, а также чтобы всѣмъ и каждому изъ гражданъ была предоставлена свобода слова. (Однако мы видимъ, что) масса народа вовсе не желаетъ занимать тѣ должности, которыя могутъ принести народу спасеніе, если онѣ въ хорошихъ рукахъ, и опасность, если онѣ въ дурныхъ: такъ, народъ не примѣняетъ жребія къ должностямъ стратеговъ и начальниковъ конницы и этимъ устраняетъ себя отъ ихъ занятія; народъ вѣдь очень хорошо понимаетъ, что ему гораздо больше пользы не занимать этихъ должностей, а представлять ихъ крупнымъ лицамъ. Народъ ищетъ только тѣхъ мѣстъ, которыя приносятъ жалованіе и даютъ доходъ въ хозяйство».

Это замѣчательное мѣсто изъ описанія, составленнаго современнымъ наблюдателемъ, вообще необыкновенно острымъ и оригинальнымъ, показываетъ, что въ Аѳинахъ V вѣка, демократія была полной и послѣдовательной лишь въ принципѣ, но не на практикѣ. Напротивъ, самыя отвѣтственные должности, которыя требовали таланта и специальной подготовки, предоставлялись очень небольшому числу опредѣленныхъ лицъ, выдававшихся своимъ влїаніемъ, вѣроятно, и своимъ богатствомъ, и хорошо извѣстныхъ народу. Можно говорить о настоящемъ политическомъ *нобилитетѣ* въ Аѳинахъ. По сравненію съ римскимъ нобилитетомъ аѳинскій былъ не такъ многочисленъ и свободнѣе поставленъ: въ Аѳинахъ не было ограниченія относительно переизбираемости, напр., на должность стратега, одно и то же лицо могло быть избираемо на ту же должность въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ показываетъ примѣръ Кимона (во время его походовъ 468—464 г.), Перикла (особенно съ 446 по 430 г.) и Алкивиада (въ 410—07 гг.).

Оцѣнка демократической конституціи у современниковъ. Сказанное только что нисколько не умаляетъ огромнаго значенія демократическаго переворота 462 года. Современники видѣли въ этихъ событіяхъ рѣшительное выступленіе на политическую сцену плебейства. Консервативные слои по всей Греціи были охвачены негодованіемъ, которое нѣсколько напоминаетъ возмущеніе бароновъ и высшаго клира XII вѣка по Р. X. въ виду возвышенія коммунъ. Новизна и «возмутительность» явленія, раздраженіе аристократіи, вызванное наплывомъ мѣщанства, чувствуются еще очень сильно у анонимнаго автора Псевдоксенофоновой Политіи. Народъ, по его словамъ, отлично понялъ выгоды своего положенія. На казенный счетъ онъ выстроилъ бани, гимнастическіе дома и т. д. гораздо лучше, чѣмъ могутъ себѣ завести богатые люди на свои частныя средства, но пользуется этими великолѣпными учрежденіями гораздо больше черныя людъ (*ἄλλοι*), чѣмъ немногія лица порядочнаго общества (*οἱ ὀλίγοι ἢ οἱ εὐδαίμονες*). А вотъ соображенія автора, отражающія чувства «порядочныхъ людей» (*βέλτιστοι*), отчужденныхъ отъ дѣлъ и лишенныхъ влїанія въ демократизованномъ государствѣ. Во всемъ свѣтѣ лучшіе элементы враждебны демократіи; насколько они сдержанны, справедливы и добросовѣстны, настолько народъ полонъ невѣжества, необузданъ, низокъ. Бѣдность—школа порока, и отъ недостатка средствъ большинство пребываетъ въ грубости и темнотѣ. Нечего и пробовать дѣльному и порядочному человѣку выступать съ рѣчами и совѣтами передъ народомъ. У демоса своего рода круговая порука; бѣдность и простолюдины слушаютъ только своихъ ровней или людей, которые говорятъ въ ихъ духѣ. Народъ вовсе не хочетъ быть въ подчиненіи среди благоустроеннаго государства, онъ хочетъ свободы и власти.

Нѣтъ никакой возможности примиренія лучшихъ элементовъ общества съ господствующей толпой. Надо разъ навсегда отказаться отъ надежды на соглашеніе. «Всѣ законы, которые кажутся вамъ дурными, именно и составляютъ силу и свободу демоса; если бы вы захотѣли ввести хорошіе законы, вамъ надо было бы доставить правленіе въ руки лучшихъ, а демосъ принизить и запугать».

Признанія анонимнаго автора аристократической брошюры особенно цѣнны потому, что они высказаны откровенно, безъ всякихъ умолчаній и смягченій. Мы видимъ достаточно ясно, какъ ожесточилась побѣжденная въ 462 г. партія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ представляла высшіе общественные слои. Это ожесточеніе выразилось въ такихъ актахъ личнаго мщенія, какъ убійство изъ-за угла Эфіальта, и еще болѣе въ томъ, что консерваторы готовы были на измѣну родному городу, на выдачу своихъ политическихъ противниковъ вѣншему врагу, какъ это видно во время столкновенія со спартапцами въ 457 г.

Если мы очень отчетливо можемъ представить себѣ идеологію консервативныхъ слоевъ общества, то не менѣе ясно рисуются намъ программныя рѣчи представителей радикальной демократіи. Партія, во главѣ которой шли Эфіальтъ и Периклъ, выставила формулу, которая звучала для своего времени, вѣроятно въ родѣ *liberté égalité fraternité* великой французской революціи: это—слова *ἰσονομία ἰσηγορία ἰσοκρατία*, равенство передъ закономъ, свобода слова для всѣхъ, равное участіе всѣхъ въ политической жизни. Великій поклонникъ демократическихъ Аѳинъ, Геродотъ въ своемъ горячемъ панегирикѣ народоправству считаетъ равенство правъ и свободу рѣчи высшимъ политическимъ благомъ и самый звукъ слова *ἰσονομία* ласкающимъ ухо. «Господство народнои массы (*πληθὸς ἄρχον*) уже тѣмъ хорошо, что носить возвышенное названіе равноправности. Въ демократіи должности распределяются по жребію, носители ихъ подлежатъ отвѣтственности, и всѣ рѣшенія зависятъ отъ общей воли (*τὸ κοινόν*). Масса народа составляетъ одно цѣлое, которое все собой охватываетъ» ²⁷.

Фукидидъ влагаетъ въ уста Перикла подробное развитіе той же формулы. Нашъ строй, говоритъ ораторъ народу, стѣбитъ названія демократіи, потому что управленіе отдано не въ руки меньшинства, а массы (*ἐς πλείονας*). По законамъ въ отношеніи общегражданскихъ штеперсовъ всѣ имѣютъ одинаковыя права, что же касается степени влїанія и значенія въ государствѣ, то каждый можетъ быть призванъ къ политической дѣятельности по своимъ дарованіямъ; важно не то, чтобы онъ принадлежалъ къ извѣстному классу (*μέρος*), а именно то, чтобы онъ выделялся личными достоинствами; если же бѣдный человѣкъ способенъ оказать услугу государству, ему нисколько не помѣшаетъ низкое обще-

ественное положеніе»²⁸. Эта рѣчь Перикла, отнесенная у Оукидида къ 431 году, не составляетъ цѣликомъ композиціи историка, онъ могъ слышать оратора и замѣтить подлинныя выраженія. Оукидидъ, передавая ее, хотѣлъ привести характеристику уже совершившагося факта, равноправія, установленнаго закономъ и обычаемъ. Мы могли бы попытаться перевести торжественныя формулы стараго министра и парламентарскаго лидера на болѣе бурный языкъ еще не исполненныхъ желаній и представить ихъ себѣ въ видѣ программы требованій 70-хъ и 60-хъ годовъ того же вѣка; тогда мы получили бы нѣчто похожее на агитационныя рѣчиThemistocles, Эфиальта и самого Перикла въ его молодые годы. Они приблизительно говорили такъ: долой преимуществу рожденія и соціальнаго положенія; откройте дорогу всеѣмъ талантамъ; дайте возможность всякому сказать свое слово въ политикѣ. Въ общемъ дѣлѣ простой и бѣдный человекъ можетъ быть также полезенъ своимъ мнѣніемъ и работой, какъ и высокорожденный. Равенство лежитъ въ природѣ человѣческихъ отношеній; разъ весь народъ призванъ къ власти, не должно быть никакихъ перегородокъ; пусть слово «самодержавіе народа» будетъ и дѣломъ.

Внѣшняя политика радикальной демократіи. Одновременно съ осуществленіемъ крупныхъ демократическихъ реформъ радикальная партія повела крайне энергичную внѣшнюю политику, которую можно было бы назвать имперіалистической: дѣло шло о расширеніи морскаго могущества, о завоеваніяхъ на счетъ персидскаго государства и въ то же время о соединеніи всей Греціи подъ верховенствомъ Аѳинъ. Никогда, ни раньше, ни послѣ аѳинская политика не отличалась такой широтой размаха, какъ въ десятилѣтіе, слѣдующее за торжествомъ демократіи, т.-е. въ 50-хъ годахъ V вѣка. Воинственность радикальной демократіи объясняется ея происхожденіемъ и ея составомъ. Партія, достигшая торжества въ 462 году, соединила элементы паралии, которые въ свое время пытались организовать Писистратъ и Themistocles. Съ образованіемъ аѳинской державы количество людей, жившихъ интересами моря, крайне возросло, составило точно цѣлый городъ, вновь созданный войной. Въ его средѣ не трудно различить два слоя: высшій, какъ бы штабъ арміи, заключавшій въ себѣ торговыхъ предпринимателей, судовладельцевъ, кораблестроителей, и низшій, собственно массу рядовыхъ моряковъ, заполнявшихъ Пирей, гребцовъ и лоцмановъ, рабочихъ на верфяхъ, носильщиковъ на докахъ и т. д., по аѳинской терминологіи, оетовъ. Тѣ и другіе, каждый классъ по-своему, были заинтересованы въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, тѣ и другіе все больше разгорались жаждой добычи: для вождей коммерческаго и морскаго дѣла открывались новые рынки, новыя торговыя стціи, для рядового мелкаго

гражданства—выгодная служба въ походѣ и, при удачѣ предпріятія, хорошая доля въ военныхъ трофеяхъ.

Вовсе не надо думать, что аѳинскіе богачи, обложенные повинностью тріерархін, т.-е. постройки и снаряженія кораблей, попали въ какое-то рабство къ демократической массѣ; въѣ эти тріерархи становились потомъ капитанами кораблей и командовали набраннымъ собственными усиліями экипажемъ; можно думать, что они и были главными предпринимателями, выѣзжавшими на манеръ старинныхъ гомеровскихъ вождей лично въ военно-торговую поѣздку; свои траты на снаряженіе выѣзда они съ лихвой покрывали приобрѣтеніемъ цѣнностей на войнѣ, затѣмъ перевозомъ товарныхъ грузовъ или платой за военную охрану транспорта, а часто также установленіемъ прочныхъ торговыхъ связей съ мѣстами своихъ стоянокъ. Что же касается массы воинства, его выгоды ярко освѣщаются слѣдующимъ анекдотомъ, который передаетъ историкъ-мемуаристъ Іонъ изъ Хиоса²⁹. Въ молодости своей ему выпало счастье обѣдать вмѣстѣ съ знаменитымъ командиромъ Кимонъ. Когда за столомъ у собесѣдниковъ развязались языки, все стали просить Кимона рассказать о такомъ дѣлѣ, которое онъ самъ считаетъ самой искусной и удачной изъ своихъ выдумокъ, и онъ рассказалъ слѣдующее. Подъ Сестомъ и Византіей было взято много персидскихъ плѣнниковъ; Кимонъ велѣлъ имъ снять свои дорогія платья и украшенія и предложилъ союзникамъ выбрать изъ двухъ частей добычи ту, которая имъ больше нравится: цѣнности или самихъ плѣнниковъ, людей. Союзники безъ колебаній выбрали цѣнности, предоставляя аѳинянамъ голыхъ людей. Сначала надъ простотой Кимона вздумали смѣяться, но скоро изъ сосѣднихъ съ берегомъ областей Фригіи и Лидіи появились родственники и друзья плѣнниковъ и предложили за нихъ выкупныя суммы по усмотрѣнію побѣдителя. Въ результатѣ у Кимона оказались въ рукахъ средства, чтобы содержать свой флотъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ, да еще не мало онъ привезъ золота въ аѳинскую казну.

Можно себѣ представить, сколько у Кимона было завистниковъ и подражателей среди аѳинскихъ стратеговъ, и сколько возникало новыхъ проектовъ дальнѣйшихъ завоеваній по всему громадному протяженію берега, находившагося въ обладаніи персовъ и въ предѣлахъ досягаемости для аѳинскихъ тріеръ. Теперь, когда создалась большая державная система, казалось, она уже не можетъ оставаться спокойной, а требуетъ примѣненія все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Отсюда непрерывная и неутолимая воинственность Аѳинъ въ пору господства радикальной демократіи. Сравнительно съ предшествующей эпохой она внесла новую цѣль: не покидая борьбы на востокѣ, обратить оружіе противъ общинъ европейской Греціи, частью тѣся ихъ, частью за-

ставляя вступать въ союзъ съ Аоніями съ тѣмъ, чтобы въ конечномъ результатѣ забрать въ греческомъ мірѣ торговую и финансовую монополію.

Усиленіе аонинской державы. Аонинская демократія начала съ рѣзкого нарушенія той системы международнаго права греческихъ общинъ, которая опиралась на отношенія эпохи національной войны и была, такъ сказать, освящена ея славными традиціями: пользуясь затрудненіями спартанцевъ, занятыхъ подавленіемъ мессенскаго возстанія, Аонны объявили разрывъ союза, заключеннаго за 20 лѣтъ до того противъ національнаго врага, и вошли въ договоръ съ противниками Спарты, Аргосомъ и Тессалией, которые въ 480 году стояли въ рядахъ «мидизирующихъ» непатріотическихъ общинъ. Между тѣмъ гелоты капитулировали (въ 459 г.). Спартанцы позволили возстанцамъ уйти съ семьями на томъ условіи, что они никогда не будутъ селиться въ Пелопоннесѣ. Аоніане извлекли выгоду изъ эмиграціи мессенцевъ. Они поселили изгнанниковъ въ Навпактѣ, приморскомъ городѣ, лежащемъ на границѣ Этолии и Локриды въ самомъ узкомъ мѣстѣ проѣзда къ Коринѣскому заливу. Навпактѣ далъ аоніанамъ ключъ господства надъ заливомъ; они могли теперь серьезно угрожать торговлѣ Коринѣа. Еще тяжелѣе для Коринѣа былъ другой ударъ. Коринѣвъ тѣснилъ Мегару, и такъ какъ Мегара не получала помощи отъ Спарты, то она вышла изъ пелопоннесскаго союза и примкнула къ Аоніамъ. Тотчасъ же аоніане заняли Мегару и ея гавань Пегі у Коринѣскаго залива. Для облегченія сношеній Мегары съ моремъ они выстроили Длинные стѣны на соединеніе города съ гаванью. Такимъ образомъ, они придвинули свою власть къ самымъ границамъ Коринѣа и угрожали всей западной торговлѣ Коринѣа. А въ то же время занятіемъ Мегары аоніане перегородили пелопоннесцамъ путь черезъ Истмъ и сношенія со Средней Греціей. Для Коринѣа положеніе было нестерпимо, и торговый городъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы побудить Спарту и пелопоннесскій союзъ къ войнѣ съ Аоніями. Несмотря на неминуемое столкновеніе въ самой Греціи, аоніане рѣшились на очень крупную, отдаленную экспедицію, которая должна была отвлечь ихъ силы.

Весь Египетъ отпалъ въ это время отъ персидскаго царя. Возстаніе было вызвано жестокимъ вымогательствомъ персовъ, обременившихъ богатую страну тяжелыми налогами. Египтяне признали царемъ своимъ ливійца Инара, который наwerbовалъ наемниковъ и обратился за помощью къ Аоніамъ. Незадолго до того большой флотъ изъ 200 аонинскихъ и союзническихъ тріеръ направился къ Киру. Предложеніе египтянъ казалось въ высшей степени заманчивымъ. Съ отпаденіемъ Египта отъ персовъ аонинская держава могла ожидать господства для

себя на новомъ рынкѣ, при полномъ вытѣсненіи своихъ конкурентовъ, финикійянъ. Съ другой стороны, Египетъ представлялъ интересъ, какъ богатѣйшая хлѣбная житница. Наконецъ, Египетъ былъ важенъ въ качествѣ опорнаго пункта для дальнѣйшей борьбы съ персами. Аоніане не поколебались отправить весь флотъ, стоявшій у Кипра, въ Египетъ. Ко времени его прибытія Инаръ одержалъ блестящую побѣду при Папремисѣ надъ сухопутнымъ войскомъ персовъ и умертвилъ ихъ предводителя Ахемена, дядю царя Артаксеркса. Аонинскій флотъ, находившійся подъ предводительствомъ Хармантита, влѣхалъ въ Нильскіе рукава, разгромилъ большую часть персидской эскадры и присоединился къ египтянамъ, осаждавшимъ Мемфисъ, гдѣ заперлись персы. Взять Мемфисъ, однако, союзники не могли, и война затянулась.

Между тѣмъ, пелопоннесцы открыли военныя дѣйствія противъ Аоніи въ самой Греціи (войну 459—446 гг. называютъ иногда *первой пелопоннесской*). Несмотря на то, что лучшія силы аоніянъ были отвлечены въ Египетъ, они вездѣ имѣли успѣхъ: сначала разбили флотъ коринѣянъ и эпидаврійцевъ, затѣмъ уничтожили всю эскадру Эгины, своей давнишней соперницы, и осадили самый городъ Эгину. Далѣе въ Аоніяхъ вооружили самыхъ молодыхъ и самыхъ старыхъ поколѣнія голпитовъ, и это ополченіе подъ начальствомъ Миронида разбило коринѣянъ, вторгнувшихся въ Мегару на сушѣ. Одновременно аоніане успѣли принять оборонительную мѣру большой важности: они спѣшно достроили Длинные стѣны на соединеніе Аоніи съ морскимъ берегомъ въ видѣ большой неприступной крѣпости. Раньше уже были проведены двѣ стѣны, одна отъ Аоніи къ Пирею, другая отъ Аоніи къ старой гавани Фалеру; но въ этой трапеціи былъ слабый пунктъ, именно незащищенный открытый берегъ между Пиреемъ и Фалеромъ; теперь въ качествѣ необходимаго восполненія укрѣпленій провели третью стѣну, которая шла близко къ западному пирейскому колѣну и должна была охранять дорогу къ порту на всемъ ея протяженіи. Сооруженіе преслѣдовало, кромѣ стратегической, еще и политическую цѣль: аонинскимъ радикаламъ нужно было поддерживать непрерывное общеніе съ главной опорой своей, морской демократіей, сосредоточенной въ Пирей.

Успѣхи аоніянъ заставили, наконецъ, выступить Спарту. Большое войско подъ начальствомъ спартанскаго регента Никомеда переправилось черезъ Коринѣскій заливъ въ Среднюю Грецію. Аоніане загородили ему обратный путь, выславши въ Коринѣскій заливъ эскадру и укрѣпивъ высоты, господствующія надъ проходами черезъ Мегару. Тогда спартанцы рѣшили выждать время въ Беотіи. Они использовали свое пребываніе здѣсь для политическаго шага большой важности: подъ ихъ давленіемъ беотійскіе города должны были признать верховенство

Эввъ. Такимъ образомъ, Спарта въ свою очередь нарушила патріотическія традиціи національной войны, сблизившись съ «измѣннической» эвванской общиной. Фукидидъ добавляетъ, что спартанцы разсчитывали на группу людей въ Аѣнахъ, которые «готовы были соединиться съ врагомъ, чтобы опрокинуть демократію и помѣшать сооруженію Длинныхъ стѣнъ»³⁰. Это извѣстіе вскрываетъ намъ самое слабое мѣсто тогдашняго положенія Аѣнъ. Консерваторы, побѣжденные въ 462 г., изъ ненависти къ демократіи готовы были на предательство. Въ Аѣнахъ ихъ намѣренія вызвали большую панику, тѣмъ болѣе, что спартанское войско остановилось лагеремъ въ Танагрѣ, на разстояніи всего только одного дня пути отъ Аѣнъ. Чтобы предотвратить соединеніе измѣннической группы съ врагомъ, аѣняне спѣшно двинули все свое ополченіе вмѣстѣ съ вспомогательными отрядами аргивянъ и ѳессалійцевъ навстрѣчу спартанцамъ. Недовѣріе къ консерваторамъ было такъ велико, что когда появился Кимонъ, считавшійся въ политическомъ изгнаніи, ему не позволили стать въ ряды своей филы.

Битва при Танагрѣ (457 г.)—одно изъ крупнѣйшихъ и упорнѣйшихъ сраженій греческой исторіи. Спартанцы выиграли его, отчасти благодаря измѣнѣ ѳессалійской конницы, но понесли такія большія потери, что не рѣшились напасть на Аѣны, а спѣшно ушли черезъ Истмъ домой. Аѣны находились, однако, въ тяжеломъ положеніи, особенно въ виду вновь созданной спартанцами эвванской гегемоніи надъ Беотіей. Произизошло примиреніе партій; по предложенію Перикла, Кимона вернули изъ изгнанія и тотчасъ же, въ качествѣ друга спартанцевъ, его отправили въ Спарту для заключенія перемирія. Перемиріе состоялось лишь на срокъ 4 мѣсяцевъ; но аѣняне воспользовались этимъ временемъ, чтобы разстроить эвванскую гегемонію. Аѣнское ополченіе подъ начальствомъ Миронида разбило беотійцевъ при Энофитахъ. Аѣняне разрушили стѣны Танагры, ближайшаго къ Атикѣ города, и подчинили себѣ большую часть беотійской территоріи, кромѣ Эввъ. Столь рѣшительный и быстрый разгромъ одной изъ самыхъ населенныхъ греческихъ областей можетъ быть объясненъ только крайнею неорганизованностью Беотіи.

Беотія до середины V вѣка³¹. Косность и малоразвитость беотійцевъ вошла у грековъ въ поговорку. Между прочимъ. Беотія была классической страной культа могилъ и почитанія останковъ героевъ и святыхъ. Отсталость страны объясняется ея положеніемъ. Не обладая морскими выѣздами, загороженная отъ моря другими, болѣе предприимчивыми общинами, Беотія представляла сходство съ Аркадіей. Но, благодаря своимъ равнинамъ, Беотія была несравненно богаче и населеннѣе, чѣмъ горные кантоны Аркадіи; это страна тучныхъ нивъ и обиль-

ныхъ виноградниковъ. Въ старину Беотія обладала, можетъ быть, еще болѣе богатой культурой: около Орхомена, который считался столицей легендарныхъ миѣйцевъ, населенія догреческой поры, найдены слѣды канализаціонной сѣти; она, вѣроятно, служила осушенію болотъ, получавшихся отъ скопленія воды въ естественной котловинѣ сѣверо-западной Беотіи, а съ другой стороны—поддержанію системы искусственнаго орошенія. Позднѣйшіе поселенцы, т.-е. историческіе беотійцы, повидимому, утратили тайну древней техники и не умѣли воспользоваться внутреннимъ бассейномъ для дренажа; они запустили опять болото, которое и образовало большое Конаидское озеро. Впрочемъ, и при новыхъ пріемахъ земледѣлія, болѣе пассивныхъ, чѣмъ была работа старины, беотійцы жили недурно, въ большинствѣ составляя классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, тотъ самый классъ, отъ имени котораго говорить Гесіодъ.

Вслѣдствіе этого Беотія дожила до греко-персидскихъ войнъ въ быту весьма архаичномъ. Во главѣ общинъ остались крупныя фамиліи коневодовъ, выдвинувшіяся своимъ блескомъ въ давнія гомеровскія времена: на праздникѣ Памбеотіи они открывали по-старинному состязанія всадниковъ. Эта аристократія, или, по выраженію Фукидида, «династіи» (т.-е. могущественныя фамиліи), была особенно сильна въ самыхъ крупныхъ пунктахъ Беотіи, въ Эввахъ, ѳеспіяхъ, Орхоменѣ. Города эти совсѣмъ не похожи на Коринѳъ, Милетъ или даже Аѣны; это были соединенные замки потомковъ гомеровскаго рыцарства. Господствующій слой не давалъ хода тому многочисленному классу беотійскихъ земледѣльцевъ, которыхъ можно поставить наравнѣ съ геоморами Аттики; вслѣдствіе этого Беотія далеко не успѣла добраться до строя, который въ Аѣнахъ восторжествовалъ уже при Клеоменѣ; и во время нашествія персовъ въ 480 г., и еще ко времени первой пелопоннесской войны въ странѣ были порядки, которыхъ Атика держалась во времена досолоповскія. На круговой порукѣ «династій» отдѣльныхъ городовъ основывался старый малосильный беотійскій союзъ; его слабѣйшей стороной было военное устройство: вѣроятно, не существовало точныхъ и строго соблюдаемыхъ обязательствъ поставки военныхъ контингентовъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Оттого старое беотійское ополченіе, плохо сплоченное и мало упражняемое въ совмѣстныхъ маневрахъ, постоянно терпитъ пораженіе отъ аѣнянъ вилотъ до своей реформы, когда наступаетъ обратное явленіе (объ этомъ немного ниже).

Лишенная вліянія въ Греціи, Беотія была еще болѣе принижена, когда, съ приближеніемъ персовъ, правящій слой ея общинъ; и особенно эвванская аристократія ударилась въ «мидизмъ». Измѣна на-

циональному дѣлу имѣла еще то невыгодное послѣдствіе, что побѣдители-греки, сражавшіеся за независимость, стали распоряжаться въ Беотіи, какъ въ странѣ завоеванной: своими рѣшеніями, принятыми въ Платеяхъ, возвеличеніемъ самихъ героическихъ платейцевъ Павсаній какъ бы закрѣпилъ ихъ отдѣленіе отъ Беотіи и, такимъ образомъ, помогъ раздробленію страны. Спартацы потомъ скоро должны были сообразить, что политика національно-патріотическаго направленія, проводимая ими въ Беотіи, крайне невыгодна для нихъ самихъ: она толкнула Платей на союзъ съ Аѣнами и тѣмъ самымъ отрѣзала Беотію отъ пути къ Истму, а, слѣд., Спарта лишилась свободнаго сообщенія со Средней Греціей и важной опоры нѣ съверѣ по ту сторону перешейка. Въ 457 году спартацы попытались поправить положеніе и создать въ лицѣ Оивъ противодѣйствіе Аѣнамъ. Но для усиленія Оивъ, какъ городского центра, не было подходящихъ условій. Аѣняне быстро уничтожили только что слаженную спартацами новую организацію Беотіи и принесли свою систему, продиктованную цѣлями радикальной демократіи и основанную на принципахъ ихъ общей державной политики. Они стали выдвигать демось, мелкій людъ въ городахъ, такъ же, какъ они дѣлали это въ союзныхъ общинахъ; съ другой стороны, они заботились о поддержаніи раздробленности въ странѣ и ради этого содѣйствовали сепаратизму мелкихъ общинъ противъ централизма большихъ. Такъ же, какъ въ предѣлахъ своей морской державы, они требовали отъ беотійцевъ поставки военныхъ отрядовъ для различныхъ своихъ предпріятій, хотя бы ведомыхъ и вѣдъ европейской Греціи.

Побѣда надъ беотійцами необычайно усилила положеніе аѣнянъ въ Средней Греціи; сосѣдняя съ Беотіей Фокида и сѣверная Локрида должны были войти въ союзъ съ Аѣнами. Въ то же время пала Эгина; побѣжденная община обязалась разрушить стѣны, выдать военные корабли и платить дань. Аѣняне не только вернули себѣ положеніе, которое они занимали до битвы при Танагрѣ, но они рѣшились теперь перенести свои операціи въ Пелопоннесъ; съ Эгины они перенесли свои силы въ Арголиду и заняли городъ Трѣзень. Аѣнскій флотъ подъ начальствомъ Толмида вошелъ въ лаконскій заливъ, напалъ на спартацкую гавань Гнѣей и сжегъ здѣсь корабельныя верфи. Продолжая набѣгъ, Толмидъ обогнулъ Пелопоннесъ, вступилъ въ Коринскій заливъ и сдѣлалъ попытку захватить Сикіонъ (455 г.).

Египетская катастрофа и ея слѣдствія. На этомъ остановились успѣхи аѣнянъ, такъ какъ послѣдовала гибель ихъ флота и войска въ Египтѣ. Персидскій царь собралъ большую армію въ Сиріи и двинулъ ее къ низовьямъ Нила; въ то же время эскадра финикійскихъ и киликійскихъ тріеръ появилась съ моря. Аѣнское войско, опериро-

вавшее вмѣстѣ съ мятежными египтянами около Мемфиса, было разбито, флотъ аѣнянъ персы загнали въ каналъ около острова Просопитиды, образованнаго рукавами Нила. Послѣ полуторогодовой осады персы отвели воду изъ канала, и аѣнскіе корабли очутились на сушѣ. Уцѣлѣвшая часть большой экспедиціонной арміи аѣнянъ сдалась врагу. Въ Аонсахъ ничего не знали о разыгравшихся событіяхъ, и уже послѣ капитуляціи въ Просопитидѣ, въ низовьяхъ Нила появилась вспомогательная эскадра, которая также была немедленно уничтожена персами и финикійцами. Въ общемъ аѣняне потеряли въ Египтѣ болѣе 200 тріеръ и около 35.000 солдатъ, преимущественно контингенты союзническихъ городовъ. Египетская катастрофа 454 года была страшнымъ ударомъ для аѣнской державы. Второе пораженіе такой же силы, гибель сицилійской экспедиціи въ 413 году, послужило къ окончательному паденію аѣнскаго морскаго государства. Объ египетскомъ походѣ у насъ нѣтъ такого подробнаго и драматичнаго разсказа, какъ о сицилійскомъ. У Фукидида о пораженіи аѣнянъ на Нилѣ говорится сравнительно кратко во введеніи къ исторіи Пелопоннеской войны, но характерно его опредѣленіе египетскаго предпріятія, какъ «великаго похода (*μεγάλη στρατεία*) аѣнянъ и союзниковъ»³².

Ближайшій результатъ катастрофы состоялъ въ томъ, что Аѣны лишились флота для охраны Эгейскаго моря; можно было опасаться вторженія побѣдоносной эскадры персидскаго царя въ самую середину аѣнской морской державы. Подъ впечатлѣніемъ этого страха аѣняне перевели союзную кассу, помѣщавшуюся со времени образованія симмахіи на о. Делосѣ, при храмѣ Аполлона, въ Аѣны. Можно было далѣе опасаться серьезныхъ потрясеній внутри самой державы и отпаденія союзниковъ, такъ какъ аѣнская эскадра служила постоянной угрозой быстрой экзекуціи, а теперь ее не было налицо. Аѣняне очень хорошо взвѣсили этотъ моментъ и постарались облегчить финансовое бремя, лежавшее на союзникахъ: во многихъ городахъ союза фороסף, т.-е. дань, была уменьшена на $\frac{1}{3}$ или на $\frac{1}{2}$.

Всего поразительнѣе то, что аѣняне не пріостановили военныхъ дѣйствій въ самой Греціи. Подъ начальствомъ Перикла они повторили экспедицію Толмида въ Коринскій заливъ. Еще разъ была сдѣлана попытка овладѣть Сикіономъ; затѣмъ аѣняне потребовали, чтобы въ союзъ съ ними вошли города ахайскаго побережья; теперь имъ принадлежала большая часть гаваней Коринскаго залива, и они безусловно господствовали надъ единственнымъ западнымъ выходомъ изъ европейской Греціи. Эти новыя пріобрѣтенія Аѣнъ объясняются только крайней слабостью ихъ противниковъ, особенно Спарты, которая не проявляла никакой инициативы.

Экспедиція Перикла составляла, однако, послѣднее наступательное дѣйствіе аѳинянь. Они были слишкомъ истощены войной на всѣхъ фронтахъ, чтобы продолжать дѣло съ прежней энергіей. Опять при посредствѣ Кимона было заключено пятилѣтнее перемиріе со Спартой; помирился со Спартой также Аргосъ (453 г.).

Сокращеніе радикальной программы. Конецъ 50-хъ годовъ представляетъ важный внутренній кризисъ въ Аѳинахъ. Радикальная партія, съ такой энергіей развернувшая свою программу, подъ впечатлѣніемъ неудачъ, должна была сдать цѣлый рядъ своихъ требованій. Въ особенности ярко это сокращеніе программы выразилось въ законѣ объ ограниченіи состава гражданства, который былъ принятъ, по предложенію Перикла, въ 451 или 450 году³³.

Въ свое времяThemistokles, основатель радикальной партіи, настаивалъ на широкому привлеченіи въ Аѳины иностранцевъ; одно время въ составъ гражданства легко допускали селившихся въ городѣ метойковъ. Съ другой стороны, однако, радикальная демократія своей политикой возвышала цѣну правъ гражданства. Въдѣ ея программа имѣла въ виду не одно отвлеченное равенство, не одну декларацию свободы, но также извѣстное социальное обезпеченіе массы, фактическое уравненіе гражданъ въ смыслѣ предоставленія всѣмъ и всякому возможности активно участвовать въ государственной жизни. Эта социальная сторона крайней демократіи выразилась въ самыхъ различныхъ мѣрахъ и средствахъ: въ системѣ вознагражденія за службу и занятіе должностей, въ раздачахъ, въ доставленіи казенной работы, въ устройствѣ гражданскихъ колоній (*κληρονομήσις*) и предоставленіи бѣднымъ земельныя участки. Такимъ образомъ, принадлежность къ гражданству стала огромной преміей именно благодаря господству радикальной партіи.

Чѣмъ болѣе развивалось значеніе Аѳинъ, какъ столицы державы и большого торговаго центра, тѣмъ больше былъ наплывъ въ городъ чужого элемента, тѣмъ многочисленнѣе становились прочно осѣдавшіе метойки, а также вольноотпущенные. Для государства въ смыслѣ несенія повинностей эти классы были очень важны, ихъ привлекали къ морской службѣ, а затѣмъ стали брать и въ сухопутное гоплитское ополченіе; съ нихъ собирали особую подать за право жительства и нѣкоторыя лигургіи. Но для стараго гражданства возникла крайне невыгодная перспектива дѣлиться преимуществами и утрачивать то самое положеніе, которое достигнуто было цѣной такихъ жертвъ. Сама радикальная партія, если она хотѣла сохранить свое вліяніе, должна была провести ограниченіе состава гражданства въ интересахъ стараго ядра аѳинства.

Повидимому, раньше въ Аѳинахъ признавали законными браки съ чужестранками, а дѣти отъ такихъ браковъ хотя считались «неравнорожденными» (*νόθοι*), но все-таки допускались къ гражданскимъ правамъ. Въ средѣ аристократіи такіе браки были даже очень распространены; отъ полугражданскихъ браковъ произошли Клисѳенъ,Themistokles, Кимонъ. Теперь было рѣшено признавать аѳинскими гражданами только тѣхъ, кто имѣлъ родителями гражданъ съ отцовской и материнской стороны. Въ этомъ смыслѣ и былъ проведенъ Перикломъ законъ 450 года. Въ силу него дѣти гражданъ, происходившія отъ неравныхъ браковъ, сыновья матерей чужестранокъ, исключались отъ права гражданства, признавались незаконнорожденными. Эта мѣра значительно ограничила число конкурентовъ въ полученіи раздачъ и потому приобрѣла популярность среди стараго гражданства. Новый законъ замѣтно и даже рѣзко сказался въ жизни. Принятіе въ гражданство происходило по демамъ: по достиженіи 18 лѣтъ сынъ гражданина, вступая на военную службу, приписывался въ составъ гражданъ дема. При этомъ происходила провѣрка его правъ, и ему могли отказать въ принятіи. На отказъ дема можно было жаловаться въ судъ; если судъ рѣшалъ не въ пользу жалобщика, его могли продать въ рабство. Очень характерно обиліе такихъ процессовъ и осужденій лѣтъ шесть спустя послѣ закона 450 года, когда африканскій князь Псамметихъ прислалъ аѳинянамъ большой грузъ хлѣба, и когда его стали распределять между гражданами въ видѣ казенной выдачи.

Въ законѣ 450 года демократія достигаетъ извѣстнаго предѣла развитія, такъ же, какъ дальше не идетъ расширеніе внѣшняго могущества Аѳинъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ законъ представляетъ и правственный кризисъ демократіи. Она стала сама исключительнымъ замкнутымъ кругомъ, подобно тѣмъ политическимъ и социальнымъ формамъ, противъ которыхъ она выступала во имя принципа свободы и равенства.

Конецъ національной войны. Во внѣшней политикѣ также необходимо было сократиться. Въ Аѳинахъ еще не перевелись сторонники войны съ персами, и у нихъ былъ признанный всегда счастливый вождь въ лицѣ Кимона, который къ тому же былъ готовъ на предпріятія общенациональныя, только бы не враждовать со Спартой. Перспективой добычи въ восточной войнѣ можно было увлечь также тѣ круги аѳинскаго гражданства, которые разорились отъ войны ближней, принесшей гибель торговли съ Пелопоннесомъ. Партіи персидской войны удалось добиться снаряженія большого флота въ 200 триеръ, аѳинскихъ и союзническихъ; во главѣ экспедиціи былъ поставленъ Кимонъ. Весною 449 года онъ отправился къ Кипру, навстрѣчу персидско-финикійскому флоту. Кимонъ заболѣлъ и умеръ въ самомъ началѣ похода при осадѣ

Китона на Кипрѣ. Передъ смертью онъ еще успѣлъ дать приказъ къ отступленію, такъ какъ стало ясно, что положеніе аонянъ у Кипра крайне невыгодно. Уже на возвратѣ аонскій флотъ встрѣтился на высотѣ города Саламина, лежащаго на сѣверо-восточной сторонѣ острова, съ неприятельскимъ флотомъ. Произошло ожесточенное сраженіе; аоняне разбили финикійскую эскадру и преслѣдовали персовъ на сушѣ, куда они было спаслись съ кораблей. Несмотря на эту блестящую двойную побѣду, рѣшено было не возобновлять экспедиціи и предоставить Кипръ, гдѣ со времени первой войны 478 года утвердились, подъ покровительствомъ Аонинъ, греческіе князья, собственной участи. Въ результатѣ персы и финикіяне жестоко и безпощадно истребили греческій элементъ на островѣ.

Въ Аонинахъ явно исчезло настроеніе, благоприятное для національной войны. Теперь открыто выступили сторонники мирнаго соглашенія съ персами, тѣмъ болѣе, что противная сторона была также утомлена войной, и царь далъ малоазійскимъ сатрапамъ порученіе открыть мирные переговоры. Аонны отправили въ Сузу посольство, съ Калліемъ во главѣ, и дали ему неограниченныя полномочія.

Не вполне ясно, каково было содержаніе такъ наз. Калліева мира 449 года. Представляется мало правдоподобнымъ, чтобы между великимъ царемъ и аонскимъ народомъ былъ заключенъ формальный договоръ; между прочимъ очень странно, что у Фукидида объ этомъ мирѣ вообще нѣтъ ни звука. Конечно, дѣло объясняется тѣмъ, что миръ 449 г. и связанный съ нимъ отказъ отъ великихъ національныхъ задачъ представлялъ страницю, совсѣмъ не почетную въ исторіи аонской политики. Однако какое-то соглашеніе произошло. Должно быть, оно не имѣло вида трактата, въ которомъ признавались точныя границы и опредѣленные территоріальныя приобрѣтенія или уступки; въдѣ персидскій царь никогда не отказывался формально отъ городовъ западнаго края Малой Азии. Вѣроятно, онъ ограничился обѣщаніемъ, что военные корабли не будутъ появляться на западъ отъ Фазелиса (въ Ликии), т.-е. въ водахъ Эгейскаго моря; въ свою очередь аоняне обѣщали не предпринимать вторженій въ области, принадлежащія царю. Къ такимъ взаимнымъ обязательствамъ сводилось соглашеніе, которое было, однако, очень важно для обѣихъ сторонъ и котораго держались въ теченіе болѣе 35 лѣтъ до крушенія аонской державы.

Аонскія военныя колоніи, какъ средства укрѣпленія державы. Примиреніе съ персами развязывало аонянамъ руки въ Греціи. Однако они были такъ истощены борьбой на нѣсколько фронтовъ, что уже не могли извлечь выгоды отъ высвобожденія массы своихъ силъ, занятыхъ на востокѣ. Напротивъ, ихъ позиціи въ Средней Греціи рушились одна за

другой, а въ то же время пошатнулось ихъ положеніе въ морской державѣ. Заключая миръ съ персами, Аонны явно признавали этимъ свою слабость. Наглядно для всѣхъ, и особенно для союзниковъ, сказались послѣдствія мира въ томъ, что произошло сокращеніе территоріи союза: аоняне покинули Кипръ и не заявляли болѣе притязаній на далекіе берега Каріи и Ликии. Съ другой стороны, союзники, понесшіе столько тяжелыхъ жертвъ въ борьбѣ противъ національнаго врага, разсчитывали теперь, когда борьба окончилась, на прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, на облегченіе своихъ повинностей. Такъ или иначе, среди союзниковъ начались волненія; весьма серьезно было возстаніе олигарховъ въ Милетѣ, которые пытались отдѣлиться отъ Аонинъ. Аоняне своеобразно отвѣчали на движенія среди союзниковъ. Всюду они уменьшали податные взносы; въ 446 году они повторили мѣру, уже принятую ими разъ въ 450 году. Но въ то же время аоняне старались закрѣпить свое господство въ союзѣ устройствомъ въ разныхъ пунктахъ военныхъ колоній, или клерухій.

Образованіе военныхъ поселеній вѣдѣ предѣловъ Аттики было давнишней мѣрой, которая примѣнялась еще до греко-персидскихъ войнъ: въ 506 году на ближней Эвбеѣ были розданы клеры побѣдителямъ халкидскихъ рыцарей, при чемъ колонисты были, вѣроятно, изъ числа избыточныхъ членовъ крестьянскихъ семей, не находившихъ себѣ земли въ Атикѣ. Количество безземельныхъ и вообще разоренныхъ людей должно было чрезвычайно возрасти въ республикѣ вслѣдствіе тяжелыхъ войнъ, которыя съ небольшими перерывами тянулись отъ греко-персидскаго нашествія до замиренія съ пелопоннесцами въ 446 году. Радикальная партія, державшая власть въ своихъ рукахъ, не могла оставить безъ вниманія эти массы обѣднѣвшаго гражданства, такъ какъ онѣ составляли ея главную опору. Отсюда политика надѣленія неимущихъ участками земли. Съ задачей соціальной старались соединить политическую и военную. Клеры нарѣзывали часто изъ земли, отобранной у наказанныхъ союзниковъ; колонистовъ устраивали въ пунктахъ, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи. Въ годы, слѣдующіе за заключеніемъ Калліева мира, были выведены слѣдующія колоніи: 1) на геллеспонтскомъ Херсонесѣ, гдѣ до греко-персидскихъ войнъ были владѣнія аонскихъ Филаидовъ; эти клерухіи служили къ охранѣ крайне важнаго для аонянъ пути въ Черное море; 2) на о. Лемносѣ и Имбросѣ, на полдорогѣ къ Геллеспонту; 3) близъ устья Стримона (колонія Бреа) для того, чтобы обезпечить постоянную связь съ богатой естественными продуктами оракійской территоріей; 4) на о. Наксосѣ и Эвбеѣ (колонія Гистіэя, занимающая сѣверную оконечность большого острова), въ территоріяхъ, гдѣ были возстанія: аонскіе клерухи вознаграждались

на счет побѣжденных мятежниковъ и служили здѣсь гарнизонами для поддержанія порядка.

Колонистовъ выводили въ опредѣленную мѣстность сразу цѣлымъ отрядомъ, и ихъ устройство имѣло видъ настоящей военной экспедиціи. Поэтому командованіе клерухами передавалось выдающимся стратегамъ: въ Херсонесъ ихъ выводилъ Перикль, на о. Эвбею и Наксосъ—Толмидъ.

Формы устройства и жизни клерухій составляютъ своеобразное право. Изъ земли, конфискованной или купленной у чужихъ (покупка у союзниковъ принимала видъ пониженія дани), выдѣлялась часть на долю боговъ, иногда часть государству, сдаваемая потомъ въ аренду. Остальное разбивалось на участки, которые выдавались по жребію гражданамъ, предварительно подавшимъ заявленія. Народъ учреждалъ особую комисію распределителей земли (геономовъ). Община, повидимому, сохраняла за собою право собственности на участки, по крайней мѣрѣ, клерухи не могли ими свободно распоряжаться. Колонистъ большею частью обязанъ былъ жить на своемъ участкѣ и не имѣлъ права сдавать его въ аренду. На немъ лежала военная повинность, владѣніе должно было обезпечить его службу. Судя по доходу клеровъ на о. Лесбосѣ (выданныхъ послѣ подавленія возстанія 427 г.), равнявшемуся 200 драхмамъ, участокъ былъ достаточенъ для того, чтобы съ него кормился съ семьею воинъ гоплитскаго вооруженія.

Клерухіи составляли настоящіе мѣры внутренняго завоеванія, которое позволяли себѣ аѳиняне въ предѣлахъ греческаго міра. Военныя колоніи, разумѣется, еще болѣе содѣйствовали превращенію союза въ державу, подвластную Аѳинамъ. Но стоитъ замѣтить, что это подчиненіе было далеко отъ формъ, примѣнявшихся самодержавными бюрократіями. Аѳинской демократіи и въ устройствѣ провинцій такъ же, какъ въ своихъ общинныхъ дѣлахъ, было свойственно обставлять учрежденія и права личныя судебными гарантіями. Одинъ случай устройства подвластной общины представляется особенно разительнымъ для юридической сдержки аѳинянъ, потому что дѣло идетъ о признаніи правъ за гражданствомъ возставшей и только что наказанной общины. Въ 446 году противъ Аѳинъ возстали халкидскіе рыцари на о. Эвбей (объ этомъ мятежѣ будетъ сказано немного ниже); вслѣдъ за изгнаніемъ олигарховъ и устройеніемъ на ихъ землѣ аѳинскихъ колонистовъ еkkлeсiя верховной общины ставитъ подчинившимся халкидянамъ условія и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ имъ защиту ихъ правъ. Халкидское гражданство обязуется платить форось, который аѳиняне положить *по выслушаніи заявленій самихъ халкидянъ*; оно обязуется хранить вѣрность народу аѳинскому словомъ и дѣломъ, помогать ему противъ враговъ и вообще быть вѣрнымъ союзникомъ. Взамѣнъ аѳиняне обязуются оставить

въ цѣлости городъ Халкиду и не изгонять никого изъ гражданъ, въ чемъ приносятся присягу отъ имени аѳинскаго народа совѣтъ и судьи. Ни одинъ халкидскій гражданинъ не можетъ быть арестованъ или наказанъ безъ суда, и только аѳинскій народъ въ цѣломъ составѣ можетъ постановлять подобные приговоры, но не иначе какъ послѣ приглашенія къ разбирательству халкидской делегаціи³⁴.

Конституція беотійскаго союза. Если аѳиняне смогли подавить оппозицію своей политикѣ на островахъ и въ колоніальныхъ городахъ Малой Азіи, то въ Средней Греціи они оказались безсильны. Политика ихъ въ Беотіи не была особенно счастливою и тактичною. Аѳинскіе организаторы, принадлежавшіе къ радикальной партіи, оттолкнули отъ себя многочисленный классъ беотійскихъ геоморовъ, хотя онъ стоялъ такъ близко къ большинству сельскаго населенія Аттики, и это потому, что въ самихъ Аѳинахъ слои, выдвинутые Клисѳеномъ, были оттѣнены городской демократіей. Въ партійной политикѣ Аѳинъ были къ тому же противорѣчія: аѳиняне поддерживали городской демось Беотіи, сравнительно слабый и немногочисленный, а въ то же время, ради содѣйствія сепаратизму, они давали ходъ мѣстнымъ аристократіямъ: оба покровительствуемые класса плохо ладили другъ съ другомъ, а къ тому же послѣдній былъ весьма сомнительнымъ союзникомъ Аѳинъ и въ рѣшительную минуту перекинулся на сторону оппозиціи.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда аѳиняне были отвлечены своими восточными дѣлами, подготовилось возстаніе въ Беотіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возникла новая беотійская федерація. Этотъ строй выступаетъ какъ-то внезапно въ готовомъ законченномъ видѣ; о его устройтеляхъ мы не имѣемъ никакого понятія. Кажущаяся загадочность внезапной организаціи беотійскаго союза нѣсколько разсѣивается при внимательномъ анализѣ новаго устройства: оно напоминаетъ во многихъ чертахъ строй Клисѳена, тѣмъ болѣе, что главные участники федераціи, беотійскіе геоморы, аналогичны клисѳеновскимъ сельскимъ демотамъ. Хотя мы знакомимся съ федеральною конституціей Беотіи впервые изъ описанія историка IV вѣка, который рассказываетъ объ этомъ порядкѣ подъ 395 годомъ³⁵, но нѣтъ сомнѣній, что она возникла именно въ изображаемое нами время. Ее можно бы назвать конституціей 447 года, такъ какъ въ этотъ годъ она впервые выступаетъ, выдерживая блестящую пробу въ столкновеніи съ аѳинянами.

Согласно конституціи 447 г. Беотія (кромѣ Платей, оставшихся въ союзѣ съ Аѳинами) распадается на 11 *μέρη*, т.-е. округовъ, или волостныхъ единицъ, которыя распределены между общинами пропорціонально ихъ размѣрамъ. Самая большая по территоріи и населенію община, Фивы, охватываетъ 4 округа, на слѣдующія по величинѣ,

Орхомень и Феспии, приходится по 2 округа. Танагра образует 1 округ; затѣмъ мелкія общины соединяются вмѣстѣ: одинъ округъ составляютъ Галиартъ, Левадія и Коронея, и одинъ образуютъ Акрайфюнь, Копы, Херонея. Каждый округъ ставитъ одного беотарха въ коллегію 11 высшихъ сановниковъ и 60 членовъ совѣта въ общій составъ 660 совѣтниковъ беотійскаго конгресса. Каждый округъ платитъ одинаковую долю взноса на военныя нужды союза и получаетъ одинаковую долю военной добычи. Наконецъ, каждый округъ ставитъ въ союзное ополченіе 1.000 голлитовъ и 100 всадниковъ, такъ что въ цѣломъ получается 11.000 пѣхотинцевъ и 1.100 всадниковъ. Полноправными гражданами союза были, повидному, признаны тѣ, кто могъ вооружиться на свой счетъ для союзаго ополченія: историкъ IV вѣка называетъ ихъ «зажиточными» людьми; ихъ основную массу составили геоморы, средній классъ Беотіи, оставшейся страной еще вполне сельской. Во времена Клизеена такой строй могъ бы назваться демократіей; но теперь, когда въ Аѳинахъ политическія права получила вся масса народа, когда верховенство перешло къ низшимъ слоямъ (то, что потомъ называли *δημοκρατία ἰσχυράτη*), беотійское ограниченное равноправіе казалось совѣтмъ не демократичнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что мелкіи люди въ городахъ были исключены отъ политическихъ правъ; у Фукидида для него имѣется любопытное названіе: *ἀδύνατος ἰσότητος*³⁰.

Беотія попрежнему медленно поспѣвала за развитіемъ передовыхъ общинъ Греціи; лишь теперь дошла она до строя, который въ Аѳинахъ установился за 60 лѣтъ до того. Но зато въ ея устройствѣ имѣются любопытныя особенности, которыя въ свою очередь оказали вліяніе на противниковъ демократіи въ Аѳинахъ. Отдѣльныя общины Беотіи сохранили автономію, но федеральная конституція предписала имъ держаться общихъ политическихъ началъ въ соотвѣтствіи съ союзнымъ строемъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ общины должны были ввести у себя цenzъ; затѣмъ во всѣхъ общинахъ установилось строеніе властей, одинаковое съ союзнымъ: какъ большой конгрессъ былъ раздѣленъ на 4 совѣта (*τέσσαρες βουλαι*), такъ и высшій органъ каждой общины дѣлился на 4 очереди. Историкъ IV вѣка передаетъ, что предварительное обсужденіе дѣлъ происходило въ очередной части совѣта; затѣмъ высказанное ею мнѣніе переходило къ другимъ частямъ и получало окончательную силу лишь съ согласія всѣхъ.

Остается неяснымъ, въ какіе сроки и насколько часто собирался конгрессъ всей Беотіи. Но изъ послѣдней подробности можно заключить, что дѣлопроизводство какъ въ отдѣльныхъ общинахъ, такъ и въ конгрессѣ всей Беотіи было очень медлительно. Союзное устройство носило характеръ тяжеловѣсный и малоподвижный. Тѣмъ не менѣе

федеративная конституція 447 г., привлекая къ политической жизни широкіе классы населенія и главнымъ образомъ создавая большое беотійское ополченіе, сразу выдвинула Беотію въ качествѣ вліятельной политической единицы въ Греціи. Съ возникновеніемъ объединенной Беотіи пришелъ конецъ давленію на страну Аѳинъ. Въ качествѣ строя, который соединялъ автономію съ принципомъ пропорціональности взносовъ, правъ и обязательствъ, беотійская конституція вызвала большое впечатлѣніе въ Греціи. По всей вѣроятности, враги демократіи охотно ссылались на нее въ видѣ нагляднаго укора централистическимъ пріемамъ аѳинской крайней демократіи. Во всякомъ случаѣ аѳинскіе реакціонеры усердно копировали ее въ 411 году, когда на короткій моментъ имъ удалось сорвать демократическій строй.

Кризисъ завоевательной политики Аѳинъ. Сигналомъ къ движенію противъ Аѳинъ въ европейской Греціи послужили событія, связанныя съ судьбой Дельфъ. Спартанцы явились на призывъ жреческой общины, когда Дельфы захватили фокидяне: они освободили Дельфы и дали священному городу автономію, получивъ въ награду промантію, т.-е. право преимущественнаго вопроса оракула. Велѣвъ за уходомъ спартанцевъ на помощь фокидянамъ пришли аѳиняне подъ начальствомъ Перикла и, согласно ранѣе заключенному между ними договору, возвратили Дельфы Фокидѣ; они также выговорили себѣ промантію и даже велѣли выгравировать надпись объ этомъ, рядомъ со спартанской, на большой статуѣ священнаго волка въ Дельфахъ.

Эта «священная война», въ которой аѳиняне не рѣшились прямо сразиться со Спартой, еще разъ обнаружила ихъ слабость. Тотчасъ же началось возстаніе въ Беотіи. Противъ мятежниковъ, занявшихъ сѣверную часть страны, выступилъ съ недостаточными силами Толмидъ; при Коронѣ аѳиняне были разбиты, погибъ самъ Толмидъ и нѣсколько аѳинянъ старинныхъ семей, между ними Клейній, отецъ Алкивиада. Неудачи слѣдовали теперь быстро одна за другой. Аѳинамъ пришлось выпустить Беотію изъ своихъ рукъ, предоставить ея городамъ автономію, отдать обратно заложниковъ; съ утратой пути черезъ Беотію они покинули также Фокиду и Локриду. Но въ тотъ же моментъ вспыхнуло возстаніе въ Эвбеѣ, гдѣ поднялись владѣльцы, раздраженные недавней военной колонизаціей аѳинянъ, наконецъ, отложились Мегара. Повидному, всѣ эти движенія въ областяхъ, окружавшихъ Аттику, были результатомъ совмѣстнаго соглашенія олигарховъ, а нити ихъ союза сходились въ Спартѣ.

Аѳины вынуждены были раздѣлить силы: часть ополченія двинулась къ Мегарѣ, другая, подъ начальствомъ Перикла, переправилась на Эвбею. Въ это время пелопоннесская армія подъ начальствомъ несовер-

шеннолѣтняго царя Плейстоанакта и его руководителя Клеандрита прошла Истмъ, отрѣзала аѳинянь, запертыхъ у Коринѳскаго залива, и вступила въ Аттику, жестоко опустошая все на своемъ пути. Периклъ спѣшно вернулся изъ Эвбеи, но не рѣшился дать пелопоннессцамъ сраженіе. Однако и спартанцы не продолжали своего наступленія: по причинамъ непонятнымъ они вернулись домой; въ Спартѣ вождей предпріятія обвинили въ подкупѣ, и оба они бѣжали подъ страхомъ смертной казни.

Аѳиняне постѣжили начать переговоры со Спартой, которые привели къ такъ наз. Тридцатилѣтнему миру (446/5 г.). Всѣ свои вновь приобретенныя владѣнія на пелопоннесской территоріи, Ахайю и Трѣзень, а также Мегару, они должны были отдать, и сохранили за собою только Эгину и Навпактъ. Въ остальномъ стороны признали наличныя владѣнія и обязались каждая не принимать въ свой союзъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ чуждому союзу, а также не оказывать содѣйствія мятежникамъ въ области чуждаго вліянія. Въ договорѣ аѳинская морская держава поставлена была наравнѣ съ пелопоннесскимъ союзомъ; двѣ крупнѣйшія общины Греціи размежевались въ сферахъ своего господства въ качествѣ равноправныхъ силъ. На случай какихъ-либо недоразумѣній договорились не прибѣгать къ оружію въ теченіе тридцатилѣтняго срока, а передавать споръ на рѣшеніе безпристрастнаго суда³⁷. Спарта вполнѣ удовлетворилась устраненіемъ аѳинянь изъ Пелопоннеса и въ особенности съ Истма; поэтому она готова была предоставить Эвбею собственной участи, хотя въ свое время эвбейскіе рыцари искали спартанской помощи и примкнули къ общему союзу олигархій. Въ свою очередь аѳиняне могли, не нарушая постановленій только что заключеннаго мира, безпрепятственно возстановить въ Эвбѣе свой прежній авторитетъ, такъ какъ островъ входилъ въ признанную сферу ихъ владычества. Снова на Эвбею переправился Периклъ, покорилъ буйтовавшія общины и посадилъ въ крупнѣйшемъ городѣ острова, Халкидѣ, аѳинскихъ колонистовъ.

Тридцатилѣтній миръ знаменуетъ собою начало паденія аѳинской державы. Аѳины болѣе не могли вернуть себѣ того могущества, которымъ они обладали въ началѣ 50-хъ годовъ. Это было не только пораженіе собственно аѳинской республики, но также большого союза демократій, сложившагося въ 60-хъ годахъ и принужденнаго капитулировать передъ таковымъ же союзомъ олигархій. Въ борьбѣ олигархій обнаружилось больше взаимной солидарности, чѣмъ демократіи, которыя въ сущности имѣли значительный численный перевѣсъ людей. Въ свою очередь большее согласіе олигархій объясняется тѣмъ, что ихъ глава и центръ, Спарта, менѣе затрогивала автономію отдѣльныхъ общинъ.

Напротивъ, интересы мелкихъ демократій и ихъ вождя, великой демократіи аѳинской, расходились очень замѣтно, такъ какъ у Аѳинъ слишкомъ сильно былъ выраженъ мотивъ централизма, подчиненія себѣ союзниковъ въ торговомъ и часто финансовомъ отношеніи. Мегара должна была очень скоро замѣтить всѣ преимущества своего положенія въ пелопоннесскомъ союзѣ сравнительно съ зависимостью отъ Аѳинъ. Ничѣмъ не сумѣли аѳиняне привлечь на свою сторону широкіе слои Беотіи, а также общины Ахайи. Во внѣшней политикѣ аѳинская демократія не обнаружила широкаго либерализма; сама по себѣ одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій политическаго генія грековъ, она не служила притягательнымъ центромъ для другихъ демократій.

Соціальная и финансовая политика Перикла. вмѣстѣ съ крушеніемъ великой объединительной программы 60-хъ годовъ потерпѣла уронъ и радикально-демократическая партія. Выдвинутые ею стратеги, Хармантидъ, Миронидъ, Толмидъ, погибли въ войнахъ; еще раньше ушли изъ жизни ея выдающіеся организаторы, Эфіальтъ и Дамонъ; изъ поколѣнія, выступившаго въ 60-хъ годахъ, остался только Периклъ, и, кажется, у него болѣе не имѣлось способныхъ и энергичныхъ товарищей. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Периклъ долженъ былъ приспособиться, пойти на уступки и сокращеніе крупныхъ замысловъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ то же время Периклъ становится все болѣе направителемъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Онъ выступилъ опредѣленно инициаторомъ закона 450 г.; почти несомнѣнна его первенствующая роль въ заключеніи мира съ персами. И, наконецъ, въ событіяхъ 446 г., при столкновеніи со Спартой и устроеніи Тридцатилѣтняго мира, Периклъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: не даромъ впоследствии сложилась легенда, что онъ именно подкупилъ спартанскихъ вождей, а когда пришлось давать отчетъ народу, скрылъ назначеніе суммы, выплаченной спартанцамъ, и сказалъ таинственно: «это была необходимая выдача»³⁸.

Периклу выпала очень трудная задача: примирить демосъ, ставшій необыкновенно воинственнымъ, съ новымъ положеніемъ, а въ то же время напитать и занять разоренные войной классы общества. Въ аѳинской практикѣ имѣлся цѣлый рядъ средствъ для устроенія пеннущихъ гражданъ. Объединившіе геоморы охотно шли въ военныя колоніи и тѣснились къ организаціи, выдававшей заморскіе клеры, которые открывали каждому возможность возстановить себѣ хорошій хозяйскій дворъ. Для массы вѣтовъ, преимущественно уходившихъ во флотъ, заработкомъ являлось участіе въ учебной эскадрѣ, которую ежегодно отправляли въ морское плаваніе на сторожевую службу. Множество бѣдныхъ находили себѣ пропитаніе въ качествѣ геліастовъ, присяжныхъ судей, и

для этой цѣли составъ судебныхъ комиссій увеличивали до 500, 600 и даже 1000 человекъ. Всѣ эти формы раздачь, наградъ и жалованья, учрежденныхъ со времени реформы 462 года, примѣнялись теперь, послѣ мира 446 года, особенно усиленно.

Но ихъ было недостаточно, и социальный вопросъ вставалъ въ Аѣнахъ въ весьма острой формѣ. Периклу удалось отчасти утолить его, во всякомъ случаѣ, отвлечь скопленіе грозныхъ общественныхъ настроеній организаціей обширныхъ публичныхъ работъ въ Аѣнахъ. Политическій вождь искусно воспользовался характернымъ національнымъ свойствомъ аѣнскаго демоса, именно, его горячимъ, самоотверженнымъ и щедрымъ благочестіемъ, которое уживалось въ этомъ удивительномъ народцѣ съ жадностью къ добычѣ, съ расчетливой и сухой требовательностью къ союзникамъ, вообще съ рационалистической и хозяйственной складкой ихъ ума. Аѣняне любили богато обставлять свои праздники и не жалѣли подарковъ для боговъ; особенно щедръ и внимателенъ были они къ богинѣ-покровительницѣ города, къ Дѣвѣ Аѣинѣ. Послѣ своего возвращенія въ городъ въ 479 году они рѣшили, безъ колебанія, выстроить богинѣ Аѣинѣ новый большой храмъ на акрополѣ взамѣнъ сожженнаго Ксерксомъ. Въ первые же годы существованія союза они стали откладывать большія доли добычи, получаемой отъ войны, на построеніе великаго храма; но лишь въ 447 году удалось приступить къ исполненію грандіознаго плана и заложить зданіе Парѣнона, внутри котораго должна была помѣститься колоссальная статуя богини-Дѣвы, приготовленная изъ золота и слоновой кости. Одновременно предполагалось обстроить старинный аѣнскій замокъ другими святилищами и соорудить къ нему блестящій входъ (Пропилеи) для дефилированія праздничныхъ процессій. Периклу принадлежитъ инициатива въ объединеніи всѣхъ этихъ предпріятій, горячо занимавшихъ аѣнскій народъ; онъ сумѣлъ также поставить дѣло благочестиваго украшенія Аѣинѣ въ рамки какого-то національнаго общегреческаго интереса; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ широкій заработокъ массѣ незанятыхъ людей въ Аѣнахъ.

Введеніемъ къ большой организаціи работъ послужила попытка Перикла созвать въ Аѣнахъ національный конгрессъ грековъ. По его предложенію, аѣняне отправили во всѣ греческія общины, европейскія и азіатскія, большія и малыя, приглашеніе прислать делегатовъ въ Аѣны на общегреческій съѣздъ (σύλλογος) для совѣщанія по такой программѣ: возстановленіе сожженныхъ и разрушенныхъ персами святиль и храмовъ; организація жертвоприношеній и благодарность богамъ за побѣду надъ національнымъ врагомъ; общее замиреніе греческаго моря и истребленіе общими силами морскаго пиратства³⁹.

Предложенный аѣнянами національный конгрессъ не удался. Спарта постаралась отклонить большую часть греческихъ общинъ отъ отправки делегатовъ. Очень хорошо была понята цѣль Аѣинъ обновить для себя общегреческій авторитетъ, войти въ сношенія со всѣми частями греческаго міра. Въ отказѣ ясно обнаружилось недовѣріе и вражда къ Аѣинамъ, вызванная завоевательной и колонизаторской политикой послѣдняго времени. Но извѣстнаго результата Перикль все-таки добился. Если греки не пожелали общими силами строить національныя святилища, то великую задачу берутъ на себя аѣняне, которые украсятъ свой городъ, имѣющій за себя болѣе всего заслугъ въ освобожденіи Эллады. Получился великолѣпный мотивъ для возвеличенія самаго центра морской державы. У Фукидида Перикль выражаетъ эту цѣль въ такихъ словахъ: (мы хотѣли), чтобы нашъ городъ сдѣлался культурной столицей Греціи (τῆς Ἑλλάδος παίδευσις)⁴⁰. Возможно, что это—подлинныя слова Перикла, сказанныя въ одномъ изъ его торжественныхъ выступленій передъ народомъ.

Правдоподобно, что изъ Перикловой же рѣчи взято слѣдующее разсужденіе, приведенное Плутархомъ: «Разъ городъ достаточно снабженъ всѣмъ, что нужно для военной обороны, слѣдуетъ направить богатства на такія цѣли, исполненіе которыхъ принесетъ государству вѣчную славу, а въ данную минуту доставитъ гражданамъ прямую выгоду, т.-е. на сооруженія, требующія участія всѣхъ видовъ искусствъ и техники; такъ какъ при этомъ будутъ привлечены всѣ мастерства и заняты всѣ рабочія руки, то въ сущности все гражданство будетъ занято на службу, и весь городъ будетъ изукрашенъ и получить пропитаніе». Далѣе Плутархъ даетъ картину широкой и многосторонней дѣятельности въ связи съ большими сооруженіями въ Аѣнахъ. «Массы неорганизованныхъ ремесленниковъ (ἀσύντακτος καὶ βάνυτος ὄχλος) получили работу; плотники, каменщики, скульпторы, литейщики, маляры, ювелиры, мастера въ слоновой кости, живописцы, граверы, вышиватели тканей, затѣмъ поставщики и перевозчики строительнаго и художественнаго матеріала, т.-е. на морѣ купцы, корабельщики, лоцманы и матросы, на сушѣ—экипажные фабриканты, содержатели лошадей, извозчики, производители веревокъ, полотна и кожи для упаковки, дорожные мастера, горнорабочіе. Каждое изъ этихъ ремеселъ и занятій въ свою очередь, подобно военному штабу, командующему войскомъ, распорядилось массой поденщиковъ, носильщиковъ и чернорабочихъ, превращенной въ стройно дѣйствующіе органы большихъ коллективныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ люди всякаго возраста и званія принимали участіе въ трудѣ и заработкѣ»⁴¹.

Расходы на приобрѣтеніе матеріала, его перевозъ и вознагражденіе

рабочихъ были очень велики. Въ Афинахъ ходило словечко Фукидида, сына Мелесія ⁴², противника Периклова, что главный управитель народа афинскаго ставить образа боговъ и храмы цѣною въ тысячи талантовъ. Говорить нечего, что на этотъ чрезвычайный бюджетъ совершенно не хватало обычныхъ доходовъ города, которые составлялись изъ таможенныхъ и портовыхъ сборовъ, аренды казенныхъ угодій, сбора съ продажи рабовъ и т. п. Правда, у богини была своя особая казна, которая составила изъ военной добычи, изъ подарковъ отъ гражданства и, наконецъ, изъ особыхъ отчисленій (*ἀπαρχαί*) въ размѣрѣ 60-ой части ежегодной суммы взносовъ союзныхъ городовъ. Но и этихъ средствъ было далеко не достаточно для оплаты «украшенія» города и его святыхъ. Перикль предложилъ поэтому воспользоваться большой кассой, въ которую поступали союзническіе взносы. Хотя уже давно афиняне распоряжались самовластно такъ наз. союзнической казной и даже символически закрѣпили свой финансовый авторитетъ перенесеніемъ ея въ Афины въ 454 г., но все-таки предложеніе Перикла было новизной. До тѣхъ поръ оставалась, по крайней мѣрѣ, видимость, что союзническія деньги тратятся на нужды всей державы, на ея защиту или расширеніе. Теперь совершенно открыто предлагалось перевести эти суммы на фортификацію главнаго города и на эстетическія его притязанія, т.-е. вещи, не имѣвшія никакой связи съ интересами союзниковъ. Иначе говоря, въ Афинахъ установили сліяніе общинной и имперской казны; онѣ были объединены на почвѣ бюджета расходовъ, управляемаго односторонними рѣшеніями афинскаго народа. Такимъ образомъ финансовая политика Перикла была вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательнымъ порабоженіемъ союзниковъ интересамъ афинскаго гражданства.

Консервативная оппозиція и ея крушеніе. Новые принципы отношенія къ союзникамъ и финансовое управленіе Перикла давали много основаній для критики. Этимъ слабымъ мѣстомъ въ политикѣ господствующей партіи воспользовалась оппозиція, которая сложилась въ видѣ опасной силы ко времени заключенія Тридцатилѣтняго мира. Само выступленіе оппозиціи консерваторовъ и реакціонеровъ составляетъ результатъ и продолженіе большихъ неудачъ радикальной партіи. Недовольныхъ было много и раньше—мы видѣли возможность соглашенія афинскихъ олигарховъ со Спартой въ 457 г.—но до наступленія крупныхъ внѣшнихъ неудачъ оппозиція не рѣшалась заявлять себя открыто въ публичныхъ дебатахъ. Теперь она чувствовала себя силой и выдвинула такіе вопросы, о которыхъ раньше не смѣли громко говорить въ Афинахъ.

Во главѣ оппозиціи становится даровитый Фукидидъ, сынъ Ме-

лесія. Въ противоположность своему предшественнику и родственнику Кимону, онъ не былъ военнымъ дѣятелемъ, но зато оказался мастеромъ организовать партію, превосходнымъ ораторомъ и серьезнымъ соперникомъ Перикла въ эkkлeсiи. Стараясь сплотить разбѣянные элементы оппозиціи, Фукидидъ вернулся къ старинной формѣ гетерій, которая въ Греціи всюду начинаетъ служить реакціи высшихъ классовъ противъ демократіи. Гетеріи консерваторовъ усвоили себѣ религіозную таинственность и благодаря этому обратились въ замкнутые кружки скрытыхъ противниковъ существующаго строя, въ союзы заговорщиковъ. Возстановленіе гетерій было очень важно для консерваторовъ, потому что въ Афинахъ послѣ кليسѣновской реформы общественные слои, недовольные демократіей, чувствовали себя затерянными и раздробленными среди представительства демовъ въ совѣтѣ, а также въ массѣ народнаго собранія. У вождя афинской оппозиціи было много сторонниковъ въ городахъ большой симмахіи, и онъ пользовался во многихъ союзныхъ общинахъ вліяніемъ. Онъ искусно внесъ въ свою программу мотивы недовольства союзниковъ и защиту ихъ интересовъ. Онъ говорилъ, что афиняне совершаютъ грубый актъ произвола надъ единоплеменниками, употребляя на удовлетвореніе своихъ интересовъ излишки денегъ, которыя платятся для цѣлей общей защиты. Городъ пріобрѣтаетъ дурную репутацію; на глазахъ всей Греціи растрачиваются союзныя деньги въ то время, какъ Афины, въ родѣ тще-славной кокетки, обвѣшивающей себя золотомъ и драгоценными камнями, украшаются миллионными статуями и храмами ⁴³.

Вѣроятно, защита интересовъ союзниковъ была только наиболѣе эффектнымъ пунктомъ обвиненій, исходившихъ отъ оппозиціи; сама организація гетерій заставляетъ предполагать еще рядъ другихъ партийныхъ разногласій по внутреннимъ вопросамъ. Вѣроятно, сплоченные Фукидидомъ кружки «порядочныхъ людей» (*καλοὶ καγαθοὶ*) возражали противъ системы раздачи, противъ содержанія бѣдныхъ гражданъ на счетъ казны и требовали возвращенія къ безвозмездной службѣ, т.-е. фактически отнятія у низшихъ классовъ политическихъ правъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи у олигарховъ, преемниковъ партіи Фукидида, этотъ пунктъ стоялъ на первомъ мѣстѣ. Можно думать, что къ группѣ Фукидида тянули обширные сельскіе элементы Аттики, которые были также недовольны новымъ курсомъ политики, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ мирнаго времени, они не имѣли болѣе участія въ большихъ раздачахъ изъ общественной казны. Безъ ихъ поддержки гетеріи не рѣшились бы на открытую борьбу съ радикалами и Перикломъ.

Послѣ 445 года отношенія партіи обострились все болѣе: «скрытая

полость въ желѣзѣ обратилась въ глубокую трещину»⁴⁴. Перикль и его сторонники приложили все усилія, чтобы избавиться отъ опасной организованной оппозиціи. Они предложили народу выходъ, примененный въ послѣдній разъ въ 462 году въ спорѣ между Кимономъ и Эфіальтомъ: сдѣлать выборъ между двумя вождями и удалить одного изъ нихъ остракизмомъ, чтобы дать полный просторъ политикѣ другого. На рѣшающее собраніе (въ 443 или 442 году), въ которомъ должны были голосовать не менѣе 6000 гражданъ, обѣ партіи постарались привести какъ можно больше сторонниковъ. Это было состязаніе сельской и городской Аттики. Послѣдняя перетянула числомъ голосовъ, и Эукидидъ пошелъ въ изгнаніе. Послѣ этого его политическая карьера уже не возобновлялась больше.

¹ Источники эпохи такъ наз. Пятидесятилѣтія (480—430 гг.) собраны у С. F Hill Sources for greek history between the persian and peloponnesian war, Oxford 1897. ² Стихотворную надпись на чашѣ передаетъ историкъ Нимфій изъ Гераклеи fr. 15 у Müller Fragm. hist. graec. III. ³ Эук. I, 96. ⁴ Cavaignac Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V siècle 1908. ⁵ Эук. вышепр. мѣсто. ⁶ Эук. I, 93. ⁷ Дюдор. XI, 43. ⁸ Аристот. Политика V, 3, 1304a (см. переводъ проф. С. А. Жебелена Спб. 1911, стр. 218). ⁹ Арист. Афин. пол. 27. ¹⁰ Ст. 272—302. ¹¹ Эук. I, 132. ¹² Тамъ же 138. ¹³ CIA (Corp. inscr. attic.) I, 9 = Dittenberger Sylloge 2. ¹⁴ Pindari carmina ed. Bergk fr. 76. ¹⁵ Ст. 607—8 и 942. ¹⁶ Пинд. f. 169. ¹⁷ Такое сужденіе объ Эфіальтѣ сохранилъ Аристотель въ Афин. пол. 25. ¹⁸ Эук. II, 65. ¹⁹ Плут. Перикл. 4; Арист. Ао. пол. 27. ²⁰ Плут. Пер. 9. ²¹ Свѣдѣніе объ участіиThemistocle въ низверженіи Ареопага передаетъ Арист. въ Афин. пол. 25; этотъ странный анахронизмъ показывается, какъ слаба вообще работа Аристотеля въ качествѣ историческаго изслѣдованія. ²² Арист. Ао. пол. 29. ²³ Тамъ же 23. ²⁴ О графе параномонъ, какъ главной опорѣ демократической конституціи, говорить Эук. VIII, 67. Учрежденіе описано у Демосвена въ рѣчи противъ Тимократа §§ 17—18. Впервые указалъ на связь установленія графе съ реформой 462 г. G. Grote History of Greece (1845—49) V, ch. XLVI, гдѣ вообще дана блестящая характеристика демократической конституціи. ²⁵ Арист. Ао. пол. 26. ²⁶ Текстъ и комментарий Псевдоксенофоновой политія въ изд. E. Kalinka, Leipzig, 1913. ²⁷ Гер. III, 80; эти слова вложены по капризу автора въ уста перса, одного изъ семи вельможъ, свергнувшихъ Лжемердеса, при обсужденіи въ ихъ собраніи вопроса о наилучшей формѣ правленія. ²⁸ Эук. II, 57. ²⁹ Плут. Кимон. 9. ³⁰ Эук. I, 107. ³¹ С. Дурье Беотійскій союзъ. Спб. 1914. Къ сожалѣнію, авторъ этой интересной работы распредѣлилъ матеріалъ не по эпохамъ развитія Беотія, а по судьбамъ учреждений, вслѣдствіе чего проходитъ въ каждой почти главѣ снова исторію Беотія. ³² Эук. I, 110. ³³ Арист. Ао. пол. 26. ³⁴ Надпись въ CIA IV, 27a = Dittenberger 10. ³⁵ Конституцію беотійскаго союза мы знаемъ изъ отрывка греческой исторіи на такъ наз. Оксиринхскомъ папирусѣ. Большинство ученыхъ считаютъ авторомъ этого сочиненія историка второй половины IV вѣка, Теопомпа. Текстъ отрывка и изслѣдованіе о немъ Ed. Meyer Theopomp's Hellenica. Halle, 1909. ³⁶ Эук. III, 62. ³⁷ Эук. I, 145. ³⁸ Плут. Пер. 23. ³⁹ Тамъ же 17. ⁴⁰ Эук. II, 41. ⁴¹ Плут. Пер. 12. ⁴² Отчество прибавляется, чтобы отличить его отъ историка Эукидида, сына Олора. ⁴³ Плут. Пер. 12. ⁴⁴ Тамъ же 11.

VII. Торговый подъемъ Аѳинъ и большая междуусобная война.

Колоніальныя предпріятія Аѳинъ на западѣ. Послѣ вынужденныхъ мировъ 449 и 446 года Аѳинамъ нельзя было думать о новыхъ завоеваніяхъ; первое время не легкимъ дѣломъ казалось даже удержать въ повиновеніи подданныхъ державы. Смирившаяся радикальная партія, и во главѣ ея Перикль, должна была измѣнить свою внѣшнюю политику. Потергивъ крушеніе на попыткѣ прямого захвата торговыхъ путей въ европейской Греціи, руководящіе круги Аѳинъ направили вниманіе на приобрѣтеніе новыхъ коммерческихъ позицій внѣ державы, за ея окраинами. Тутъ стояли на очереди самые насущные вопросы въ жизни Аѳинъ: надо было обезпечить источники питанія для возросшаго населенія города, надо было открыть новые рынки для вывоза аттической индустріи. Но, помимо того, руководители мореходной державы разсчитывали косвенными средствами вернуться къ своей старой и основной задачѣ—экономическому подчиненію Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удалось овладѣть транзитной торговлей, направлявшейся черезъ порты европейской Греціи, особенно тѣ, которые лежали у Истма, если бы аѳиняне, опираясь на свой большой флотъ, устранили всѣхъ конкурентовъ изъ области морей, окружающихъ Грецію, то вся метрополія оказалась бы въ полной зависимости отъ Аѳинъ. Въ этомъ смыслѣ очень важны попытки аѳинянъ, начиная съ 40-хъ гг., укрѣпиться на западѣ, въ южной Италіи и Сициліи.

Издавна Аѳины направляли продукты своей индустріи, особенно художественно-разрисованную посуду, къ берегамъ Италіи, въ Этрурію и Адриатическимъ моремъ къ долинѣ рѣки По. Въ свою очередь, Аттика получала изъ Италіи и Сициліи важные предметы питанія, между прочимъ хлѣбъ и скотъ, изъ Караегаена—матеріи. Однако аѳиняне не имѣли колоній и опорныхъ пунктовъ въ Италіи. Уже Themistocle обращалъ вниманіе на западное побережье Средиземнаго моря и строилъ какіе-то планы; должно быть, онъ не даромъ назвалъ своихъ дочерей, одну Италіей, другую Сибарисъ. Теперь, по предложенію

Перикла, Аонины взяли на себя руководящую роль въ устройствѣ новой колоніи Оурій на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса.

Колонизація Оурій (443 г.) представляетъ вообще любопытное предпріятіе въ смыслѣ систематической попытки поселенія на общенациональной основѣ и съ примѣненіемъ новыхъ раціональныхъ приемовъ. Въ новооснованномъ городѣ должны были сойтись и основать одну общину колонисты изъ всѣхъ частей Греціи. Въ этомъ духѣ отъ аонянъ было составлено воззваніе къ греческимъ городамъ. На него откликнулись выдающіеся люди разныхъ общинъ: софисты Эмпедокль изъ Акраганта въ Сициліи и Протагоръ изъ Абдеры во Фракіи, принявшій на себя редактированіе городского права Оурій; историкъ Геродотъ изъ Галикарнасса въ Малой Азіи; архитекторъ Гипподамъ изъ Милета, извѣстный своими планами новыхъ и гигиенически возводимыхъ городовъ, строитель Пирей, набросавшій проектъ и для Оурій; наконецъ, эмигранты, между ними спартаецъ Клеандридъ, осужденный на родинѣ за лоспѣшное отступленіе изъ Атики въ 446 году. Всѣ эти лица приняли горячее участіе въ устройствѣ новой колоніи и записались въ число ея гражданъ¹. Увлеченіе, охватившее нѣкоторые круги греческаго общества, можно сравнить приблизительно съ тѣми чувствами, какія въ концѣ XVIII вѣка вызывала у европейцевъ свободная республиканская Америка, образовавшаяся изъ эмигрантовъ разныхъ европейскихъ странъ. Въ Греціи многіе, повидному, были увѣрены, что на новой почвѣ, безъ мѣстныхъ традицій, вѣтъ старыхъ связей и соперничества, въ средѣ гражданъ, составившейся изъ перемѣшанныхъ разнородныхъ элементовъ, удастся создать болѣе здоровое нормальное общество и провести прямо въ жизнь раціональнаго просвѣтительнаго начала. Впрочемъ, на ряду съ раціонализмомъ при основаніи Оурій, заявила себя старая суевѣрная Греція. Въ Аоннахъ надо было побѣдить рядъ предубѣждений и какъ разъ въ средѣ демоса. За это взялся человекъ, близкій къ Периклу, извѣстный какъ богословъ и толкователь оракуловъ, Лампонъ. Самъ Лампонъ былъ, можетъ быть, всего болѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы доставить Элевсинскому храму новыя приношенія отъ предполагаемой италійской колоніи. Онъ сумѣлъ отыскать нѣсколько подходящихъ изреченій Дельфійскаго оракула, благоприятныхъ основанію колоніи въ Италіи; далѣе, при своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Дельфамъ, онъ добылъ новый оракулъ, который прямо предписывалъ заложить городъ тамъ, гдѣ поселенцы будутъ пить воду въ мѣру, а хлѣбъ ѣсть въ обилии (плодородіе низины Сибариса вошло въ поговорку). Всѣ эти религиозные доводы имѣли большой успѣхъ въ Аоннахъ. Самъ Лампонъ отправился въ Италію, какъ членъ комиссіи, которой было поручено руководить предпріятіемъ

и произвести раздѣленіе земли; специально ему, какъ толкователю, выпало на долю досмотрѣть, чтобы все было сдѣлано согласно предписанію оракула.

Участіе Лампона очень характерно для тогдашнихъ Аоннъ. Мы видимъ наглядно, что новое просвѣщеніе непосредственно встрѣчается съ консервативной религіей; видимъ, до какой степени сильны традиціонныя вѣрованія въ аонскомъ обществѣ. Очень любопытна и близость Лампона къ Периклу. На основаніи біографіи Плутарха Перикла любилъ изображать окруженнымъ просвѣтителями и самого проникнутымъ новымъ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ; при этомъ настаивали на его интимномъ знакомствѣ съ Анаксагоромъ и Протагоромъ. Въ сущности о теоретическихъ воззрѣніяхъ Перикла говорить трудно; но, можетъ быть, этотъ вопросъ и не представляетъ большого интереса, если принять во вниманіе, что для практическаго политика, какимъ былъ Периклъ, и богословъ Лампонъ, и раціоналистъ Протагоръ являлись каждый въ своемъ родѣ очень нужными союзниками въ проведеніи опредѣленныхъ цѣлей; а жизнь въ Греціи, торопливая и нервная, сама давала нерѣдко такое соединеніе противорѣчій.

Возстаніе на островѣ Самосѣ. Вскорѣ послѣ основанія Оурій, которое должно было открыть пути аонскому вліянію на западѣ, вспыхнуло большое возстаніе внутри державы. Рѣчи Оукидида, сына Мелесія, въ защиту угнетенныхъ произвели большое впечатлѣніе на союзниковъ; можетъ быть, даже его оппозиція была предвѣщаніемъ и подготовкой обширнаго движенія недовольныхъ членовъ союза, которые видѣли въ Оукидидѣ своего вождя. Между тѣмъ аоняне нисколько не думали о смягченіи своего режима и даже приняли рядъ демонстративныхъ мѣръ, которыя должны были показать союзникамъ, что ихъ трактуютъ, какъ подданныхъ, лишенныхъ всякаго права голоса. Между прочимъ аоняне раздѣлили всю область союза на 5 административныхъ округовъ, совсѣмъ какъ сатрапію. Аонскій демосъ постановилъ около того же времени требовать отъ союзниковъ принесенія въ даръ Элевсинскому храму первыхъ плодовъ. Очень требовательные и настойчивые, аоняне мало заботились о привлеченіи на свою сторону демократическихъ слоевъ въ союзныхъ городахъ, по крайней мѣрѣ, обращались слишкомъ поздно къ этому средству. Они просмотрѣли, что олигархи различныхъ общинъ успѣли войти между собой въ обширное соглашеніе.

Главнымъ полемъ возстанія сдѣлался Самосѣ. Правящая на островѣ олигархія отказалась принять посредничество Аоннъ въ спорѣ Самоса съ Милетомъ. Въ виду такого неповиновенія Периклъ бросился съ небольшою эскадрой въ 40 кораблей, всѣмъ, что было наготовѣ, къ

Самосу, свергъ олигархію, ввелъ демократическій строй и отпавилъ представителей знатныхъ семей на островъ Лемносъ въ качествѣ заложниковъ, подъ стражу тамошнихъ аонскихъ клеруховъ (440 г.). Послѣ этого Перикль вернулся домой, считая дѣло поконченнымъ. Но часть олигарховъ успѣла бѣжать на берегъ Малой Азіи и уговорилась съ персидскимъ сатрапомъ Писеутномъ, которому, можетъ быть, обѣщана была уступка Самоса. Съ помощью персовъ они набрали отрядъ наемниковъ, переправились на островъ, затѣмъ, войдя въ соглашеніе со своими единомышленниками, ворвались въ главный городъ и опрокинули демократовъ; имъ удалось также увести заложниковъ, водворенныхъ на Лемносѣ. Тотчасъ же отпала отъ союза Византія, бывшая колонія Мегары; мятежъ показался также въ городахъ Халкидскаго полуострова; наконецъ, очень подозрительна была позиція, занятая лесбійцами и хіосцами. Положеніе получалось для Аоніи чрезвычайно опасное: можно было ожидать вмѣшательства Спарты и Персіи. Ходили слухи о томъ, что съ юга приближается финикійская эскадра на помощь возставшему Самосу. Спарта созвала конгрессъ пелопоннесскихъ общинъ, чтобы обсудить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оказать содѣйствіе самійцамъ.

Аоніяне не теряли времени. Перикль захватилъ всю учебную эскадру—видимо, у Аоніи не имѣлось наготовѣ другихъ кораблей—и потребовалъ подкрѣпленій отъ Хіоса и Лесбоса для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обезоружить и пресѣчь возможность ихъ присоединенія къ мятежу. Затѣмъ онъ заперъ флотъ самійцевъ въ гавани и обложилъ городъ съ суши. На слухъ о приближеніи финикійской эскадры Перикль устремился противъ нея съ главнымъ контингентомъ своего флота; его отсутствіемъ воспользовались самійцы, разбили аоніянъ, оставленныхъ у осажденнаго города, и прорвали оцѣпленіе. Перикль, повидимому, такъ и не встрѣтился съ финикійцами, по въ результатѣ грозившаго нападенія аоніяне безвозвратно потеряли нѣсколько городовъ Каріи на южномъ краю малоазійскаго побережья. Осаду Самоса пришлось повести снова въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Постепенно аоніяне сосредоточили подъ Самосомъ до 200 триеръ. Лишь на девятый мѣсяць осады самійцы сдались (439 г.). Условіями капитуляціи была выдача военныхъ кораблей и уплата большой военной контрибуціи, которую аоніяне разматривали, какъ возвратъ богицъ Аоніи суммы, взятой взаймы изъ ея сокровища для подавленія возстанія; Самосъ долженъ былъ выдать заложниковъ, многие олигархи пошли въ изгнаніе, въ городѣ была восстановлена демократія. Теперь въ державѣ остались только двѣ автономныя общины, Лесбосъ и Хіосъ².

Послѣ подавленія мятежа въ Самосѣ и сдачи Византіи аоніяне

нѣсколько не смягчили своего режима. Напротивъ, въ финансовомъ отношеніи они еще болѣе натянули требованія своей империалистической системы. Чтобы возмѣститъ уменьшеніе взносовъ, получившееся отъ потери городовъ Каріи, аоніяне подняли суммы фѳороса въ тѣхъ городахъ, которые казались ненадежными. Финансовые приемы ихъ приняли характеръ ухищреній; такой видъ, напр., имѣла ἀπότρυξις, т.-е. выдѣленіе зависимой общины въ автономное положеніе, для того, чтобы брать съ нея особый взносъ.

Восточная колонизація и торговля Аоніи. Большое возстаніе 440—439 годовъ прервало торговыя предпріятія аоніянъ, но, съ подавленіемъ мятежа, они опять возобновились. Среди своихъ широко раскинутыхъ плановъ аоніискій народъ вернулся къ одной изъ колонизаціонныхъ затѣй, намѣченныхъ еще при Кимонѣ въ 465 г. Дѣло шло о приобрѣтеніи опорнаго пункта на нижнемъ Стримонѣ близъ рудоноснаго Пангейскаго кряжа. Аоніяне воспользовались ослабленіемъ македонскаго государства и основали въ 436 г., немного выше старой колоніи Эйонъ, новый городъ Амфиполь. Колонія была устроена у выхода рѣки Стримона изъ богатаго лѣсомъ и металлами оракійскаго края; она составляла опасную конкуренцію для соседнихъ городовъ Халкидики, входившихъ въ составъ морской державы; отсюда ихъ возрастающая вражда къ Аоніямъ и отпаденіе большей ихъ части во время Пелопоннесской войны. Амфиполь не былъ аоніиской клерухіей. Подобно Оуриямъ, составъ поселенцевъ въ немъ былъ чрезвычайно смѣшанный, и аоніяне составляли лишь небольшую долю колонизаціи³. Этотъ фактъ показываетъ, въ какой мѣрѣ уменьшилось населеніе Аттики: въ 60-хъ, 50-хъ и еще 40-хъ годахъ страна могла выпустить цѣлый рядъ клерухій; теперь въ непрерывныхъ войнахъ составъ аоніискаго гражданства сильно порѣдѣлъ.

Около времени основанія Амфиполя Перикль предпринялъ большую экспедицію въ Понтъ. Когда образовался морской союзъ для борьбы съ персами и приморскія общины отдѣлились отъ персидской державы, для Аоніи особенное значеніе получили города, лежавшіе вдоль проѣзда къ Черному морю, т.-е. по Геллеспонту, Пропонтидѣ и Босфору. Обладаніе этимъ проѣздомъ было важно вслѣдствіе общей экономической роли Черноморья, усѣяннаго греческими колоніями: изъ черноморскихъ странъ направлялись на аоніискій рынокъ различные сырые продукты, скотъ, рыба, соль, кожи, строительное дерево, деготь, ленъ и пенька, но главнымъ образомъ хлѣбъ; понтійскій хлѣбъ составлялъ около половины общаго хлѣбнаго привоза въ Аттику. Въ свою очередь, въ греческія колоніи Понта и въ варварскія земли скивовъ и оракійцевъ стали ввозить аоніискіе фабрикатъ. По временамъ, когда варвары Ски-

они начинали тѣснить понтійскихъ грековъ, аѳинская торговля испытывала непрятные толчки и перерывы; поэтому въ интересахъ Аѳинъ было поддержать тамошнія колоніи и закрѣпить свое положеніе въ Черномъ морѣ.

Перикль, во многихъ чертахъ продолжатель политики Писистратидовъ, положившихъ начало обладанію проливами, настоялъ на отправкѣ въ Понтъ морской экспедиціи. Во главѣ флота онъ отправился самъ въ Черное море съ тѣмъ, чтобы «выразить сочувствіе» грекамъ, а варварскимъ царямъ и князьямъ «показать величіе аѳинской мощи, увѣренность и смѣлость, съ которою аѳиняне плаваютъ, гдѣ имъ угодно, и держать въ своемъ распоряженіи все море»⁴. Очень возможно, что послѣднія выраженія, носящія характеръ торжественныхъ формулъ, принадлежатъ программной рѣчи Перикла, въ которой онъ старался оправдать и расхвалить понтійское предпріятіе. Аѳиняне укрѣпились на двухъ противоположныхъ берегахъ Чернаго моря: въ Синопѣ, гдѣ была основана аѳинская колонія, и въ Нимфеѣ, около Пантикалеи, у Керченскаго пролива. Послѣднее приобрѣтеніе у входа въ Босфоръ Киммерійскій (Азовское море) сдѣлало ихъ прямыми хозяевами большей части хлѣбной торговли, шедшей съ сѣвера.

Возвышеніе Пирея. Съ развитіемъ торговыхъ связей аѳинская гавань Пирей становится первымъ и крупнѣйшимъ портомъ Греціи. Сюда начинаютъ сходитья товары не только со всѣхъ концовъ греческаго міра, но также изъ отдаленныхъ чужихъ странъ, Египта, Финикіи, Кипра, Фригіи и Лидіи, изъ Италіи и Карфагена. Аѳинскій портъ дѣлается посредникомъ между западной Европой и тропическими странами Востока, Аравіей и Сиріей. Въ самой Аттикѣ Пирей получилъ привилегированное положеніе передъ другими гаванями: подъ страхомъ тяжелаго наказанія было запрещено аѳинскимъ гражданамъ и метойкамъ везти хлѣбъ куда-либо, кромѣ большого порта въ Пиреѣ; позволялось кредитовать деньги лишь подъ залогъ тѣхъ кораблей, которые обязались привезти въ портъ обратный грузъ. Усиленный обмѣнъ, происходившій въ Пиреѣ, давалъ не только много дохода частнымъ лицамъ, владѣльцамъ судовъ, негодантамъ, служащимъ въ конторахъ и складахъ, носильщикамъ и рабочимъ; выигрывала также община, благодаря увеличенію таможенныхъ сборовъ.

Въ разросшемся портѣ, гдѣ стоялъ подъ защитой укрѣпленій весь военный флотъ аѳинскій, были возведены крупныя сооруженія: крытые доки для кораблей, морской арсеналъ, магазины для склада хлѣба (ἀλαφιτόπωλις), товарная биржа (δεδίμα), гдѣ пріѣзжіе купцы выставляли образцы продаваемыхъ товаровъ, и гдѣ заключались сдѣлки. Пирей украсился большими каменными набережными и молами, просторной

рыночной площадью. Весь примыкающій къ порту городъ былъ перестроенъ по плану просвѣщеннаго архитектора Гипподама. Въ противоположность тѣснымъ кривымъ улицамъ Аѳинъ, которыя стали называть «верхнимъ городомъ» или просто «городомъ» (ἄστυ), Пирей состоялъ изъ широкихъ проспектовъ, пересекающихся подъ прямыми углами. Въ Греціи V вѣка это было новостью, и Пирей послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ большихъ приморскихъ городовъ эллинистической эпохи, Родоса, Александріи и др. На пирейскомъ населеніи, которое составляло особый демъ, лежалъ отпечатокъ шумной подвижности: оно считалось болѣе демократично настроеннымъ сравнительно съ гражданствомъ стараго города⁵.

Единовластіе Перикла. Державное положеніе Аѳинъ и расцвѣтъ Пирея создали въ гражданствѣ большую и разнообразную группу людей, воплотивъ довольныхъ политикой момента. Впослѣдствіи противники демократіи составили списокъ тѣхъ гражданъ, которые были заинтересованы матеріально въ господствѣ Аѳинъ надъ союзниками и, такъ сказать, жили на счетъ имперіи. Въ силу этого обвинительнаго акта выходило, что отъ взносовъ, пошлинъ, штрафовъ и всякаго рода сборовъ съ союзниковъ, въ Аѳинахъ кормится больше 10.000 человекъ, при чемъ считали присяжныхъ судей, получавшихъ пайки, членовъ совѣта, должностныхъ лицъ въ Аѳинахъ, чиновниковъ, посылавшихся на мѣста (тѣхъ и другихъ списокъ насчитывалъ по 700), командировъ и солдатъ гарнизонныхъ и экзекуціонныхъ отрядовъ, государственныхъ пенсіонеровъ и т. д.⁶; другими словами на иждивеніи государства въ эпоху Перикла состояло около половины всего гражданства.

Въ сущности, если перебирать круги «удовлетворенныхъ» въ Аѳинахъ, то слѣдуетъ прибавить купеческіе слои, судовладѣльцевъ, индустриаловъ и банкировъ, и даже, можетъ быть, придется признать, что эти группы особенно были довольны финансовой политикой Перикла: въ самомъ дѣлѣ, обереганіе державы, оплата крупной военной силы, все это осуществлялось безъ всякаго отягощенія высшихъ слоевъ гражданства прямыми налогами. Перикль чрезвычайно искусно ввелъ обычай дѣлать въ крайнихъ случаяхъ займы у богини и, такимъ образомъ, обходился безъ обращенія къ ненавистой εἰσφορὰ, налогу на доходы. Мало того, послѣ подавленія возстанія на Самосѣ, показавшаго ненадежность общаго положенія и возможность разрыва съ Пелопоннесскимъ союзомъ, Перикль предложилъ откладывать въ казну богини резервный фондъ, изъ котораго можно было бы покрывать расходы въ случаѣ войны. Ко времени начала великой Пелопоннесской войны накопленный Перикломъ фондъ равнялся 6.000 талантовъ, и онъ рѣшился сказать въ экклесіи, что Аѳины будутъ въ силахъ выдержать

борьбу на свои сбережения (*περὶ οὐσίαν*)⁷. Богатые слои не могли не испытывать благодарности руководящему политику за столь бережное отношение къ ихъ интересамъ при условіи широкаго развитія въ то же время торговых сношеній, создававшихъ усиленный притокъ капиталовъ въ Аѣны; они готовы были охотно оплачивать всѣ эти выгоды большими «добровольными» взносами на общественныя нужды, нести всякаго рода литургіи, тѣмъ болѣе, что траты ихъ на празднества и на снаряженіе кораблей создавали имъ блескъ и популярность въ городѣ. Наконецъ, за политику момента и за ея вождя стояла масса простыхъ гражданъ, особенно участниковъ экспедицій и походовъ, въ которыхъ Периклъ пользовался неизмѣннымъ счастьемъ, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Климона, Миронида и Толмида у него не было соперниковъ, которые могли бы сравняться съ нимъ по таланту и популярности.

Соединеніемъ этой суммы разнообразныхъ интересовъ объясняется прочность политическаго положенія Перикла въ 30-хъ годахъ. Господствующіе классы столичнаго и мореходнаго гражданства безгранично довѣряли своему вождю. Начиная съ эвбейскаго похода 446 года, народное собраніе непрерывно, въ теченіе 16 лѣтъ, переизбирало Перикла на должность стратега, въ важныхъ случаяхъ назначая его стратегомъ-автократоромъ, т.-е. поручало ему полномочное веденіе флота, войска и финансовъ. Повидимому, за весь этотъ періодъ вплоть до паденія Перикла въ 430 году аѣнскій народъ не требовалъ отъ главнокомандующаго и въ то же время отвѣтственнаго министра финансовъ подробныхъ отчетовъ. Лишь въ 430 году, во время процесса, свергнутому диктатору пришлось отвѣтить относительно исчезновенія въ 446 году суммы, которую онъ передалъ спартанскому командиру, чтобы побудить его уйти изъ Аттики. Вслѣдствіе такого преобладанія Перикла въ Аѣнахъ получается положеніе совершенно исключительное, небывалое со времени паденія тиранніи; Фукидидъ выражаетъ его въ словахъ, уже приведенныхъ выше: «по имени была демократія, а на дѣлѣ монархія перваго по значенію человѣка». Въ самомъ дѣлѣ, послѣ изгнанія Фукидида, сына Мелесія, никакой оппозиціи въ собраніи больше не слышно, никакихъ колебаній въ вопросахъ международныхъ, финансовыхъ, союзническихъ больше нѣтъ. И самъ Периклъ далеко не тотъ, что былъ раньше. Онъ не испытываетъ необходимости искать расположенія у толпы; онъ управляетъ ею свободно, какъ выразился Фукидидъ. Онъ рѣдко выступаетъ передъ экклесіей и заставляетъ дѣйствовать своихъ друзей, т.-е. второстепенныхъ, подручныхъ людей. Комедія зоветь его громовержцемъ, олимпійцемъ. Его сравниваютъ съ тиранномъ Писистратомъ, его ближайшихъ сторонниковъ называютъ Писистратидами, и въ самомъ дѣлѣ многое напоминаетъ популярную тираннію.

Нравы аѣнской демократіи. Помимо появленія въ Аѣнахъ подобія тиранніи, строгая политическая конституціонность нарушается еще въ другомъ отношеніи. Въ народномъ собраніи нѣтъ свободы слова, нѣтъ того, что сами аѣняне называли *ιστηγορία*. Демось не терпитъ, чтобы затрогивали установившійся строй. Вплоть до олигархической революціи 413—411 гг. критиковать открыто демократическія учрежденія и обычаи считается опаснымъ. Не только на подобныя вещи не рѣшается ни одинъ ораторъ, но нѣтъ также смѣлой оппозиціонной публицистики. Интересная брошюра или рѣчь олигарха, извѣстная подъ именемъ Псевдоксенофонтовой политіи, не увидѣла свѣта; она была произнесена въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ и расходилась анонимно по рукамъ.

Въ перикловскихъ Аѣнахъ дѣло дошло даже до законодательства, напоминающаго законы объ оскорбленіи величества. Въ самомъ дѣлѣ, во время большого возстанія на о. Самосѣ 440—439 гг., угрожавшаго существованію державы, когда въ средѣ союзниковъ господствовало сильное возбужденіе, аѣнскій народъ принялъ постановленіе, которое можно сравнить съ современными намъ ограниченіями печати: были воспрещены личныя нападки въ комедіи, носившей вообще по преимуществу политическій характеръ. Можно предполагать, что законъ воспретилъ выводить на сценѣ и осмѣивать опредѣленныхъ дѣятелей подъ ихъ собственнымъ именемъ и въ соответствующей маскѣ. Народъ не допускалъ осмѣянія избранныхъ имъ должностныхъ лицъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ подрывъ своего державнаго авторитета. Запрещеніе это было отмѣнено съ окончаніемъ возстанія. Но извѣстнаго рода ограниченія сохранились. Такъ, напр., остался въ силѣ запретъ осмѣивать архонта, руководящаго Діонисіями⁸. Правда, не было въ Аѣнахъ прямого закона, который бы воспрещалъ критиковать въ комедіяхъ демось, но, по замѣчанію современнаго наблюдателя, весьма остраго и компетентнаго, аѣняне не любили, чтобы демось подвергался осмѣянію или порицанію въ комическихъ пьесахъ и чтобы, такимъ образомъ, о немъ распространялась дурная репутація; напротивъ, очень охотно допускали на сценѣ частныя сплетни и нападки на лицъ неслужащихъ, такъ какъ подобныя удары обрушивались на богатыхъ, родовитыхъ или вообще видныхъ людей, стороннихъ народу. Въ виду этихъ условій, авторъ долженъ былъ соблюдать осторожность, чтобы не затронуть государство или народъ, или кого-нибудь изъ должностныхъ лицъ, избранныхъ народомъ, въ особенности если пьеса ставилась во время праздника Діонисіи, когда въ Аѣнахъ собиралось множество иногороднихъ и чужихъ людей; иначе онъ рисковалъ быть отданнымъ подъ судъ совѣта 500 по обвиненію въ оскорбленіи народа (*ἀδικεῖν τὸν δῆμον*).

Очень чувствительный ко всякаго рода критикѣ, аѳинскій демосъ жадно выслушивалъ комплименты себѣ и, повидимому, обязывалъ драматурговъ, готовившихъ пьесы на большіе всенародные праздники, вставлять подробныя восхваленія демократическаго строя. Впечатлѣніе такой вставки, исключительно рассчитанной на то, чтобы угодить демосу, производить слѣдующая сцена изъ эврипидовскихъ *Ἰκέτιδες* (Умоляющихъ о защитѣ).

Къ аѳинскому царю Тесею обратились съ мольбой о помощи матери героевъ, убитыхъ подъ Фивами и оставленныхъ безъ погребенія. Тесей идетъ грозной силой на Фивы и на пути встрѣчаетъ еиванскаго посла. Эта встрѣча не имѣетъ никакого значенія для хода дѣйствія; она инсценирована только для того, чтобы на вызывающія слова еиванца Тесей могъ развить гордую демократическую программу Аѳинъ. *Εἰβανεύς*: Кто правитель (*κύριος*) земли этой?—*Τεσείη*: Живыми словами начинаешь ты свою рѣчь; нѣтъ единого правителя надъ этимъ свободнымъ городомъ. Народъ здѣсь царствуетъ, смѣняя ежегодно должностныхъ лицъ и равняя богатыхъ въ правахъ съ бѣдными.—Словесный турниръ продолжается, и еиванецъ подстрекаетъ защитника демократіи рѣчью, полной обидныхъ замѣчаній: по его мнѣнію, въ республикѣ, гдѣ правитъ чернь (*ἄλλος*), выступаютъ вредные, своекорыстные льстецы, добываясь темныхъ цѣлей; народъ не способенъ самостоятельно разбираться въ дѣлахъ. Бѣдный человѣкъ, копающійся въ полѣ, хотя бы онъ даже получилъ образованіе, развѣ можетъ оторваться отъ своего тяжелаго труда и подняться до пониманія общественнаго блага? И, наконецъ, не обидно ли порядочнымъ людямъ видѣть, какъ пробирается въ важную должность ничтожный человѣкъ, поднявшійся изъ грязи и угодившій народу своимъ краснобайствомъ? Въ отвѣтъ на это Тесей гремитъ горячей апологіей: «Нѣтъ хуже тиранна для общины. При его господствѣ нѣтъ равнаго для всѣхъ права, властвуетъ тотъ, кто овладѣлъ закономъ. Другое дѣло, когда законъ утверждёнъ и записанъ: слабый и богатый тогда равны передъ судомъ, и даже слабый можетъ выступать обвинителемъ сильнаго. Главный признакъ свободы, это—право cadaго гражданина выступать публично со своимъ мнѣніемъ. Тамъ, гдѣ народъ властелинъ земли (*δῆμος ἀθύρατος*), сохраняется цвѣтъ молодежи, хочется работать и копить богатства; напротивъ, тираннъ губитъ молодое поколѣніе, при немъ небезопасно и нѣтъ охоты собирать богатства»⁹.

Демосъ въ качествѣ властителя державы. Къ концу 30-хъ годовъ, благодаря колонизаціоннымъ предпріятіямъ, развитію коммерческихъ связей, усиленію транзитной торговли, Аѳины становятся крупнымъ центромъ товарнаго и денежнаго обмѣна. Казалось, демократія возвратила

себѣ всѣ тѣ матеріальныя выгоды, которыя она потеряла отъ военныхъ и дипломатическихъ неудачъ 40-хъ годовъ. Очень характерны для оцѣнки положенія вещей въ Аѳинахъ тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ авторъ Псевдоксенофонтовой Полити. Закоренѣлый олигархъ и врагъ народа, онъ, однако, не можетъ удержаться отъ восторга при видѣ морскаго могущества Аѳинъ и связаннаго съ нимъ обладанія богатствомъ, которое сходится со всѣхъ концовъ свѣта.

Онъ начинается съ изображенія военныхъ основъ мощи Аѳинъ и переходитъ къ промышленнымъ. Союзныя и подчиненныя общины, входящія въ аѳинскую державу, разъединены; онѣ нигдѣ не могутъ собрать вмѣстѣ крупныя силы. Вѣдь между ними въ серединѣ море, а повелители моря (*θλαπτοράτορες*) все держатъ въ своихъ рукахъ. Они быстро могутъ появиться въ любомъ мѣстѣ и нанести вредъ, запретить сообщенія врагу, и притомъ даже болѣе сильному, чѣмъ они сами; имъ также легко въ случаѣ необходимости отступить. Несравненно труднѣе и рискованнѣе всякаго рода сухопутныя предпріятія; пѣшія войска медленно идутъ, ихъ трудно продовольствовать, и они могутъ передвигаться только черезъ союзныя территоріи. Для всѣхъ тѣхъ, кто господствуетъ на морѣ, нѣтъ этихъ затрудненій. Они могутъ выморить голодомъ любого противника; всякій городъ вѣдь держится торговлей и долженъ одно вывозить, другое ввозить къ себѣ. Общее продовольствованіе въ сухопутной странѣ несравненно хуже поставлено, чѣмъ въ морской. Первая можетъ пострадать отъ неурожая; для второй такія явленія безразличны. Вѣдь не на всей земной поверхности одновременно бываетъ неурожай. А оттуда, гдѣ въ данный моментъ изобиліе, владѣтели моря вывезутъ нужные имъ припасы. «Если говорить о вещахъ менѣе важныхъ, то аѳиняне пользуются для своихъ обѣдовъ лакомствами со всѣхъ концовъ: изъ Сициліи, Италіи, Кипра, Египта, Лидіи, Понта, Пелопоннеса; все это открыто имъ благодаря власти ихъ надъ моремъ». Здѣсь авторъ не можетъ удержаться отъ ироніи. «Забирая отовсюду товары, аѳиняне слышатъ всѣ языки и отъ всѣхъ что-нибудь заимствовали. Всѣ греки говорятъ на чистыхъ своихъ нарѣчіяхъ; у аѳинянъ перемѣшались всѣ говоры и обычаи, и греческіе, и варварскіе». Но онъ опять серьезно продолжаетъ: «Богаты между всѣми греками и варварами только аѳиняне. Это—результатъ опять-таки ихъ господства на морѣ. Если есть области, изобилующія строительнымъ матеріаломъ, кому онѣ его продадутъ, какъ не владыкѣ моря? Точно такъ же области или общины, богатые полотномъ, желѣзомъ и мѣдью, воскомъ и т. д.? Вотъ я, не трудясь ни сколько надъ землей, и получу все моремъ». И ни одна община не выдержитъ сравненія съ нашей мореходной, съ гордостью заявляетъ

афинскій олигархъ; производство всюду носить односторонній характеръ; а мы все сосредоточиваемъ у себя. Такимъ образомъ, морское развитіе Аѳинъ создало въ сознаніи большинства аѳинянъ извѣстнаго рода догматы виѣшней политики, которые совершенно раздѣляетъ даже врагъ демократіи. Характерно въ его рѣчахъ еще другое. Онъ говоритъ такъ, какъ будто сельской территоріи не существуетъ, или она вовсе не идетъ въ счетъ; есть только «городъ», всепоглощающая столица, которая надо всѣмъ командуетъ, все можетъ себѣ закупить и до всего добратся.

Брошюра олигархическаго автора даетъ намъ еще нѣсколько цѣнныхъ чертъ для изображенія афинской жизни времени полного расцвѣта морской державы. Конечно, авторъ постоянно склоненъ къ преувеличеніямъ, къ подчеркиванію темныхъ сторонъ, къ карикатурѣ, но онъ ничего не сочиняетъ, онъ передаетъ факты, только извѣстнымъ образомъ поднесенные публикѣ.

Въ Аѳины, по его словамъ, тянется непрерывная вереница прибывающихъ по своимъ дѣламъ союзниковъ; главнымъ образомъ, они прѣзжаютъ судиться и защищать свои интересы въ афинскихъ судахъ. Выгоды аѳинянъ отъ этого наплыва союзниковъ въ столицу несомнѣны. Во-первыхъ, они получаютъ цѣлый годъ судебный паекъ изъ платы за судебныя издержки. Затѣмъ, спокойно оставаясь дома, не выѣзжая на корабляхъ, демосъ имѣетъ возможность руководить союзными городами: на судѣ онъ беретъ подъ свою защиту простолюдиновъ и осуждаетъ противниковъ народа; а если бы судъ находился въ рукахъ самихъ союзниковъ, они, будучи раздражены противъ аѳинянъ, старались бы уничтожить какъ разъ тѣхъ изъ своей среды, кто наиболѣе расположенъ къ афинскому демосу. Кромѣ того, демосъ афинскій получаетъ еще другія выгоды отъ того, что союзники ведутъ въ Аѳинахъ свои процессы: во-первыхъ, возрастаетъ 10% портовой сборъ (*ἐκκ-τστῆ*), собираемый въ Пирей, во-вторыхъ, выгодно владѣльцамъ наемныхъ помѣщеній, далѣе извозчикамъ и хозяевамъ носильщиковъ, наконецъ, больше заработка приставамъ и курьерамъ (*κίρρηες*). Опять авторъ не можетъ удержаться отъ насмѣшливыхъ замѣчаній. Если бы союзники не ѣздили на процессы въ Аѳины, они почитали бы лишь тѣхъ аѳинянъ, которые выѣзжаютъ на корабляхъ, т.-е. командировъ, капитановъ и дипломатическихъ агентовъ; а теперь каждый изъ союзниковъ долженъ ухаживать за народомъ афинскимъ, такъ какъ хорошо понимаетъ, что онъ прѣхалъ въ Аѳины судиться именно у народа, а не у кого другого: и онъ долженъ въ судѣ падать на колѣни, а какъ только кто войдетъ изъ аѳинянъ, ловить его за руку. Поэтому союзники скорѣе всего могутъ быть названы рабами народа афинскаго.

Слышу я, говоритъ авторъ брошюры, какъ аѳинянъ обвиняютъ въ томъ, что нерѣдко совѣтъ и народъ оставляли нерѣшеннымъ иное дѣло, хотя заинтересованное лицо просидѣло цѣлый годъ въ Аѳинахъ; это происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ множества дѣлъ и невозможности во всѣхъ нихъ разобраться. Да и какъ тутъ на все успѣть, когда аѳинянамъ приходится справлять столько праздниковъ, сколько ни въ одномъ греческомъ городѣ (а въ праздники нельзя заниматься общественными дѣлами), затѣмъ рѣшать по такому множеству частныхъ жалобъ, государственныхъ процессовъ, служебныхъ отчетовъ, что, пожалуй, столько дѣлъ не разсудятъ все люди на свѣтѣ; а совѣтъ долженъ обсудить цѣлый рядъ вещей, касающихся войны, поступленія платежей, законодательства, городскихъ нуждъ, союзническихъ дѣлъ, приѣма податей, заботы о корабельныхъ верфяхъ и о святилищахъ. Развѣ можно тутъ удивляться, что подъ давленіемъ такой массы дѣлъ аѳиняне не въ состояніи все рѣшить и всѣмъ дать отвѣтъ?

Какія характерныя признанія со стороны недоброжелателя демократіи! Онъ дѣлаетъ злостный намекъ на возможность подкупа аѳинскихъ судей, но считаетъ все же, что демократическіе суды въ Аѳинахъ наиболѣе обеспечиваютъ справедливость и непристрастіе рѣшеній. Онъ признаетъ непрерывный судебный контроль, повсемѣстную и неотступную провѣрку путемъ судебного разбирательства самой замѣтной особенностью афинской политической жизни. Что касается союзниковъ, ихъ подчиненія аѳинянамъ, превращенія ихъ въ «подданныхъ» или «рабовъ афинскаго народа», по выраженію автора, то это фактъ общепризнанный и не прикрываемый никакими благозвучными фразами: «аѳиняне любятъ, чтобы союзники за ними ухаживали». Въ Аѳинахъ постоянная толчая просителей, ходатаевъ, тяжбщиковъ, огромный прѣздъ иногороднихъ гостей и дѣловыхъ людей. Отъ возрастающаго административнаго значенія столицы выигрываютъ частныя интересы афинскаго гражданства. И, наконецъ, еще одна черта афинской жизни, которая вызываетъ проницательную усмѣшку автора, принадлежащую къ порядочному обществу: аѳиняне очень любятъ праздники, и въ Аѳинахъ ихъ необычайное обиліе. Авторъ относится къ праздникамъ, какъ къ чему-то для него постороннему: это—забавы и развлеченія все того же демоса, самоувѣреннаго, не прошедшаго школы, занятаго только собой и отлично устроившагося на общественный счетъ.

Культура афинскаго народа. Насмѣшливыя замѣчанія автора олигархической брошюры направляютъ насъ къ своеобразному строенію умственной жизни афинскаго общества. Авторъ, пишущій около 425

года, принадлежить къ кружкамъ интеллигенціи, рѣзко отдѣляющей себя отъ народной массы. «По всему свѣту лучшіе элементы враждебны демократіи; а у лучшихъ преобладаетъ скромность и чувство справедливости, совѣстливое отношеніе къ дѣлу и соревнованіе во всемъ хорошемъ и благородномъ, тогда какъ народу свойственно совершенное отсутствіе образованія и дисциплины и крайняя низменность; причиной того, что чернь склонна ко всему дурному, съ одной стороны, бѣдность, съ другой—недостатокъ воспитанія и образованія, а это опять вызвано отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ». Авторъ гордится технической выучкой, специальными знаніями людей своего круга, интеллигенціи, и отрицаетъ всякую просвѣщенность за массой народа. Намъ придется существенно разойтись съ его мнѣніемъ и дать приведенному имъ факту противоположности интересовъ интеллигенціи и народа другое толкованіе. И какъ разъ аѳинскіе праздники послужатъ намъ особенно яркимъ матеріаломъ.

Аѳинскія празднества состояли, главнымъ образомъ, изъ большихъ драматическихъ представленій, исполненія диопрамбическихъ хоровъ, массовыхъ плясокъ и художественныхъ процессій въ костюмахъ. Въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ собственно не было профессиональныхъ актеровъ. Играли, пѣли и танцевали граждане разныхъ званій; все это были, говоря по-нашему, любительскіе спектакли и постановки. Надо имѣть въ виду, что любительское усердіе не ограничивалось однимъ исполненіемъ; заготовленіемъ костюмовъ, масокъ, декораций, театральныхъ машинъ (само наше слово машина, *μηχανή*, идетъ изъ аѳинскаго театра), занимались также обыватели, не профессионалы, между своимъ обычнымъ дѣломъ. А усердіе и увлеченіе требовалось очень большое! Въ Аѳинахъ не любили повторять пьесы, къ каждому празднику требовались новинки. Ежегодно разучивалось по нѣскольку большихъ постановокъ къ каждому изъ двухъ главныхъ драматическихъ праздниковъ, Діонисіямъ и Ленэямъ; кромѣ того, заготавливались въ еще большемъ количествѣ диопрамбы, массовыя хоровыя пѣсни. Въ цѣломъ ежегодно выступало до 2.000 исполнителей, т.-е. около одной десятой взрослога населенія гражданства. Въ Аѳинахъ очень цѣнили хорошее исполненіе. Изъ гражданства выбирали присяжныхъ судей, которые давали сравнительную оцѣнку представленныхъ пьесъ и присуждали преміи. Выставлять хоры было повинностью филъ, корпоративныхъ группъ, на которыя дѣлилось гражданство. Между филами происходило въ этомъ отношеніи своего рода состязаніе: наилучше обученные хоры, имѣвшіе наибольшій успѣхъ въ представленіи, получали почетную награду въ силу публичнаго приговора и признанія.

Всѣ эти декламаторы и музыканты, заучивавшіе массу стиховъ,

исполнявшіе все новыя и новыя мелодіи, двигавшіеся стройными хороводами, были мелкіе винодѣлы, лавочники, разносчики, ремесленники, моряки и т. п. Надо признать, что такая музыкальная и поэтическая развитость народа—нѣчто совершенно исключительное и нигдѣ больше не повторившееся; притомъ способность къ художественному исполненію предполагаетъ еще одно необходимое условіе, *всеобщую грамотность*, явленіе тѣмъ болѣе для насъ поразительное, что мы ничего не слышимъ о начальныхъ школахъ для бѣдныхъ классовъ и не можемъ себѣ отчетливо представить, какъ происходило обученіе грамотѣ. Самый же фактъ засвидѣтельствовать слѣдующимъ мѣстомъ у Аристофана. Писатель хочетъ въ комедіи «Всадники» представить въ лицѣ торговца колбасой верхъ невѣжества и ограниченности простолюдина; поэтому колбасникъ признается: «не знаю я никакихъ наукъ и искусствъ, кромѣ одной грамоты, да и ее съ грѣхомъ пополамъ»¹⁰. Отсюда видно, что безграмотнаго даже въ сатирѣ нельзя было выводить, такового не было; достаточно смѣшно было показать человѣка, музыкально и поэтически не развитаго. Просвѣщенность рядового аѳинянина стоитъ внѣ сомнѣнія. Но она не похожа на то, что мы привыкли разумѣть подъ образованностью, и что разумѣлъ авторъ олигархической брошюры, не признававшій школы и воспитанности за аѳинской толпой. Это не была школьная, специальная выучка, это не была замкнутая въ учебники и пособія премудрость, преподанная на урокахъ. Такого рода наука ученыхъ теоретиковъ, наука педагоговъ появилась въ Аѳинахъ сравнительно поздно, позднѣе, во всякомъ случаѣ, чѣмъ въ колоніяхъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Аѳины Кимоновской эпохи еще совсѣмъ чужды науки, и даже аристократы того времени, какъ показываетъ примѣръ Кимона, отличались той самой «необразованностью» и «невоспитанностью», которую олигархъ 425 г. считаетъ недостаткомъ аѳинскаго демоса. Периклъ чуть ли не первый прошелъ специальную школу, риторскую и софистическую, какъ бы сказали позднѣе. Кажется, однако, эта сторона генія Перикла производила мало впечатлѣнія на аѳинскій демосъ, судя по тому, что подъ конецъ его политической карьеры его сталъ затмевать Клеонъ, совсѣмъ неученый ораторъ, приходившійся очень по сердцу аѳинянамъ. Да и жалобы олигархическаго автора на невниманіе демоса къ воспитанности и солидности знаній «лучшихъ» подтверждаютъ то же самое. У аѳинскаго народа была своя культура, находившая величайшее торжество въ Діонисіяхъ; ею онъ увлекался и мало вникалъ въ заграничныя новинки въ видѣ ли астрономическихъ и физическихъ теорій, или красота сицилійскаго краснорѣчія.

У него былъ въ Перикловскую эпоху свой любимый поэтъ, чисто-

аеинскій драматургъ Софокль, авторъ 123 драмъ. Этотъ «Гомеръ драмы» черпалъ изъ богатаго источника мифологій, искусно драматизировалъ сказанія, не задавался просвѣтительными цѣлями, не старался разъяснять ни природы боговъ, ни характера Провидѣнія, ни міровыхъ загадокъ вообще, былъ далекъ отъ какихъ-либо разрушительныхъ мыслей. Онъ искалъ въ драмѣ лишь трогательнаго, зналъ лишь столкновенія человѣческой воли съ несповѣдимой судьбой. Софокль долженъ былъ считаться съ сильнымъ отрицательнымъ направленіемъ своего времени. Но онъ отгородилъ себя отъ вольнодумцевъ. Въ одной изъ его пьесъ, есть такія слова: «я утверждаю, что данное положеніе и вообще все, что испытываютъ люди, составляетъ дѣло боговъ; кто не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, пусть остается при своемъ, а я при своемъ»¹¹. Въ самой личной жизни Софокла есть черты, которыя относятъ насъ къ самому глухому и патриархальному почитанію мѣстныхъ героевъ. Онъ былъ жрецомъ бога-цѣлителя Амина, имѣвшаго часовню у подножія аеинскаго акрополя. Въ качествѣ такового Софокль хлопочетъ о допущеніи на тотъ же священный участокъ чужого героя, цѣлителя Асклепія, когда въ 420 г. его культъ переносится изъ Эпидавра въ Аеины. Въ свою очередь самого Софокла послѣ его смерти въ награду за это водвореніе божества причли къ святымъ патронамъ околотка, подъ именемъ героя Дексіона, т.-е. «воспріемника», и ежегодно чтли жертвой и молебствіемъ.

Начало аеинской ученой школы. Сравнительно долго Аеины считались въ кругахъ ученыхъ просвѣтителей городомъ неинтереснымъ, невоспримчивымъ къ культурѣ. Одинъ изъ типичныхъ странствующихъ профессоровъ середины V вѣка, Эмпедокль, въ своихъ далекихъ и разнообразныхъ поѣздкахъ такъ и не удосужился посѣтить Аеины. Но ко времени торговаго развитія столицы большой морской державы просвѣтители, ученые, художники, поэты устремляются въ Аеины, невзирая на провинціальныи и сурово-воинственный видъ, который до сихъ поръ показывалъ городъ. Иные пріѣзжали, какъ ходатаи по дѣламъ общинъ, къ которымъ они принадлежали: таковъ былъ Горгій изъ Леонтии въ Сициліи, и благодаря его появленію аеинское общество познакомилось съ знаменитой сицилійской риторикой. Въ новую столицу стремились тѣ изъ союзниковъ, которые почему-нибудь пострадали или не могли устроиться на родинѣ; въ такомъ положеніи былъ Геродотъ, уроженецъ Галикарнаса въ Каріи, аристократъ по происхожденію, бѣжавшій отъ тирании въ своемъ родномъ городѣ, убѣжденный поклонникъ Аеинъ, демократіи и Перикла. Иные надѣялись встрѣтить въ Аеинахъ разнообразную интернаціональную публику, передъ которой они могли прочесть курсъ лекцій; таковъ былъ «софистъ» Протагоръ, повидимому, не столько

самостоятельный ученый, сколько блестящій популяризаторъ въ разнообразныхъ отрасляхъ знанія. Скоро у этихъ заѣзжихъ преподавателей, ученыхъ специалистовъ и лекторовъ, теоретиковъ и виртуозовъ образуется своя аудиторія въ Аеинахъ. Въ одномъ изъ раннихъ діалоговъ Платона, «Протагоръ», изображено въ необыкновенно яркихъ краскахъ, что значитъ пріѣздъ въ городъ знаменитаго профессора, какъ осаждаются съ утра до вечера домъ богатаго Каллія, гдѣ остановился Протагоръ, какъ его окружаетъ толпа почитателей и слушателей, какъ онъ сначала ведетъ бесѣду, прогуливаясь по обширной галлерей внутри помѣщенія Каллія, какъ, по желанію большинства аудиторіи, лекторъ произноситъ связную рѣчь на модную тему о происхожденіи общезжитія и сущности государства и какъ, наконецъ, завязывается споръ съ однимъ изъ мѣстныхъ мастеровъ діалектики, Сократомъ. Въ результатѣ лекцій, бесѣдъ и споровъ, принесенныхъ въ Аеины чужестранцами, тутъ образуется своя интеллигенція, появляются свои ученые, писатели, лекторы, усвоившіе вполне новое просвѣтительное направленіе: драматургъ Эврипидъ, историкъ Фукидидъ, философъ Сократъ. всѣ одного поколѣнія, вступающаго въ жизнь въ 30-хъ годахъ V вѣка, для Аеинъ люди новой складки.

Пріѣзжавшіе въ Аеины просвѣтители и ученые естественно высказывались благоприятно о демократіи. Это понятно: они прибывали въ городъ, гдѣ демократія дѣйствительно могла сослаться на большіе успѣхи и образцовый порядокъ, притомъ къ одобренію демократіи обязывала простая деликатность. Съ другой стороны, только искреннимъ сторонникамъ демократіи стоило появляться въ Аеинахъ. Но совершенно иначе оказывалась настроенной ихъ аудиторія въ Аеинахъ; здѣсь поклонниками новаго просвѣщенія становились преимущественно люди оппозиціи, скрытые или явные олигархи. Наука, по крайней мѣрѣ, первое время, пошла преимущественно на пользу политической реакціи. Вожди олигархическаго движенія 411 года были ученики софистовъ и философовъ. Съ появленіемъ новаго просвѣщенія связанъ еще одинъ фактъ политической реакціи—религіозные процессы, изъ которыхъ образуется пѣчто въ родѣ инквизиціи въ Аеинахъ.

Преслѣдованіе свободы мысли въ Аеинахъ. Въ средѣ ученыхъ сложились направленія весьма различныя, и, какъ водится, между ними закипѣла ожесточенная борьба. Ко времени начала Пелопоннеской войны большой успѣхъ имѣли отрицатели и раціоналисты. Скептикъ Протагоръ училъ о сомнительности существованія боговъ и о томъ, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей. Пессимистъ Диагоръ отрицалъ вообще существованіе божества въ мірѣ на томъ основаніи, что на землѣ нѣтъ справедливаго возмездія людямъ. Смѣлѣе всѣхъ, можетъ быть, оказался

Эврипидъ, рѣшившійся (около 430 года) поставить на аѳинской сценѣ пьесу, которая представляетъ настоящее ниспроверженіе старыхъ священныхъ авторитетовъ, полную религиозную революцію. Въ его «Беллерофонтѣ», по идеѣ похожемъ на байроновскаго Каина, изображенъ борецъ за человѣческія права, бурно vzdymающійся противъ небесъ; онъ хочетъ притянуть боговъ къ отвѣту за ихъ правленіе; онъ горько упрекаетъ ихъ за то, что они даютъ счастье и удачу жестокимъ и вѣроломнымъ тираннамъ и въ то же время бросаютъ безъ помощи благочестивыя общины, которыя гибнутъ отъ руки злодѣевъ. «И послѣ этого говорятъ, что на небѣ есть боги? Ихъ нѣтъ тамъ, ихъ нѣтъ, если только люди не хотятъ безумно вѣрить старымъ сказкамъ!»¹².

Ученые консервативнаго толка, безсильные въ теоретической борьбѣ съ рационалистами и отрицателями, обратились къ тому орудію, которое имъ помогало во все время, — къ свѣтскому мечу. Знатокъ священныхъ древностей и толкователь оракуловъ, Діопейосъ внесъ въ народное собраніе предложеніе весьма своеобразное, которое повлекло за собой очень тяжелыя послѣдствія. Діопейосъ предлагалъ судить процессомъ эйсангелии (примѣнявшимся къ важнымъ государственнымъ преступленіямъ) всѣхъ тѣхъ, кто будетъ обвиняться въ отрицаніи божественныхъ силъ міра или въ изложеніи какихъ-либо астрономическихъ теорій. Пунктъ, касающійся астрономіи, обличаетъ опредѣленную личную нападку. За предложеніемъ Діопейоса послѣдовалъ рядъ доносовъ и обвиненій противъ святотатцевъ (ἀσεβῶντες) и между ними процессъ Анаксагора; въ ученіи послѣдняго популярное мнѣніе больше всего выдѣляло именно ту мысль, что солнце не одухотворено живой божественной силой, а образуетъ раскаленную каменную массу. Діопейосъ, можетъ быть, мѣтилъ не столько въ астрономію, сколько въ даннаго астронома. Анаксагоръ съ трудомъ избѣгъ осужденія на смерть; онъ долженъ былъ выплатить большой штрафъ и уйти въ изгнаніе¹³. Предложеніе Діопейоса создало для ученыхъ и лекторовъ въ Аѳинахъ очень опасное положеніе. Всякаго рода теоріи о строеніи міра, о роли божественнаго начала и т. п. пользовались теперь лишь фактической терпимостью — до перваго частнаго доноса и обвиненія въ святотатствѣ (ἀσεβείας), которое могъ внести любой гражданинъ. Хуже всего было то, что предложеніе Діопейоса перенесло религиозные процессы на политическую почву. Передъ аѳинскими присяжными обвинитель не могъ приводить сложные ученые аргументы и развивать теоретическія доктрины, рядовому обывателю-геліасту все это было бы неинтересно, непонятно и неубѣдительно; обвиненіе избирало наиболѣе легкій для себя путь, открывая вопросъ о гражданской благонадежности подсудимаго. Отсюда получились самыя нелѣпыя формы обвиненія. Такъ, напр., «атенста» Диагора осудили заочно на смерть,

какъ преступника противъ общины, равнаго тираннамъ и сторонникамъ персовъ; опаль его придали общенациональный характеръ; было послано приглашеніе пелопоннесцамъ, чтобы и они приняли участіе въ его преслѣдованіи.

Политическая нетерпимость аѳинскаго демоса, такъ ярко обнаружившаяся во время возстанія на Самосѣ, еще усилилась благодаря появленію процесса по святотатству. У гражданъ создалась привычка и, такъ сказать, дурной вкусъ чутъ всюду измѣну отечеству въ видѣ оскорбленія боговъ. Было бы несправедливо говорить о какомъ-то особенномъ религиозномъ фанатизмѣ народа аѳинскаго. Инквизиція здѣсь, въ Аѳинахъ, такъ же какъ потомъ въ средневѣковой Европѣ, составляла вовсе не результатъ народнаго суевѣрія, а сознательное, злостное созданіе ученой братіи, которая во взаимной борьбѣ пользовалась предразсудками народа, не раздѣляя ихъ, но стараясь увеличить ихъ разрушительную силу.

Великая Пелопоннеская война и ея историкъ. При заключеніи Тридцатилѣтняго мира стороны, повидимому, серьезно думали о пріостановкѣ всякой вражды и успокоеніи Греціи: большое междоусобіе 459—446 гг., нанесло слишкомъ много вреда всѣмъ и слишкомъ истощило всѣ участвовавшіе въ войнѣ кантоны. Но что касается Аѳинъ, этой сдержки хватило на короткій срокъ. Снова сказала война за войной, и неустойчивая демократія Пелопоннесцы, гораздо болѣе пассивныя, скоро увидѣли, что Аѳины возобновляютъ свою политику империализма, хотя и нѣсколько другими средствами и съ другого конца. Факты говорили здѣсь какъ нельзя болѣе отчетливо. Аѳиняне безусловно завладѣли выходомъ въ Черное море, а понтійскія области были очень важны для хлѣбоснабженія греческихъ странъ вообще; въ частности этотъ захватъ затрогивалъ интересы одного изъ членовъ пелопоннескаго союза, Мегары, которая была метрополіей Византіи. Между тѣмъ аѳиняне приступили къ задачѣ болѣе важной для ихъ объединительной программы, къ овладѣнію западными путями въ Италію и Сицилію. Непосредственно они задѣвали другую пелопоннескую общину, богатый торговый Коринѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грозили охватить своей торговой монополіей весь полуостровъ. Новая политика Аѳинъ была опаснѣе для Пелопоннеса, чѣмъ открытыя нападеныя 50-хъ годовъ, въ томъ смыслѣ, что Аѳины дѣлали пріобрѣтенія, не нарушая договоровъ, а общины, связанныя съ Спартой, и сама Спарта ничего не могли противопоставить равнаго: онѣ не обладали ни такой сосредоточенной силой, ни финансами, ни великолѣпной новой морской техникой Аѳинъ, ни ихъ энергіей и предприимчивостью. Безсильные вести коммерческую войну, но сознавая, что Аѳины все болѣе стягиваютъ вокругъ нихъ желѣзное кольцо, пелопоннесцы силою вещей вынуждены были идти

на открытую подлинную войну. Трудно было для этой цѣли раскачать тяжеловѣсный аппаратъ Пелопоннесскаго союза, а также нелегко вызвать Аѳины на новую войну, и мы видимъ, что около двухъ лѣтъ (433—431) уходитъ на усилія пелопоннеспцевъ создать casus belli, привести очевидныя для всей Греціи доказательства нарушенія аѳинянами договоровъ 446 года.

Едва ли есть въ исторіи война, подготовку къ которой мы такъ хорошо знаемъ, какъ въ данномъ случаѣ. И ни одной войнѣ вообще такъ не посчастливилось въ смыслѣ литературнаго изображенія. Она имѣетъ своего лѣтописца, одного изъ крупнѣйшихъ гениевъ историческаго мастерства. Великія переживанія Пелопоннесской войны, можно сказать, сформировали умъ и талантъ Фукидида; въ свою очередь историкъ создалъ смыслъ и связь событій важнѣйшей борьбы, происходившей въ греческомъ мірѣ. Вѣдь то, что мы называемъ двадцатисемилѣтней Пелопоннесской войной (431—404), очень явственно распадается на двѣ большія войны 431—421 гг. и 415—404 гг., раздѣленные перемиремъ и остановкой враждебныхъ дѣйствій между Спартой и Аѳинами; и только благодаря Фукидиду, который считаетъ событія промежуточныя (421—415 гг.) продолженіемъ борьбы, тѣсно скрѣпляющимъ оба періода, только благодаря его историческому построению, мы усвоили и повторяемъ условный терминъ одной великой Пелопоннесской войны. Подъ впечатлѣніемъ колебаній и трагическихъ событій этой борьбы возникла Фукидидова философія исторіи. Все въ его трудѣ глубоко интересно: его общее построеніе греческой исторіи, его изображеніе роста аѳинской державы, его разсужденія о ближайшихъ поводахъ и отдаленныхъ причинахъ войны, его соображенія о силахъ и шансахъ противниковъ, его характеристики, въ особенности, когда дѣло идетъ о личности и политикѣ Перикла, драматическія картины отдѣльных эпизодовъ войны и затѣмъ моральнаго состоянія общества, вызваннаго войной, наконецъ, его своеобразная манера влагать свои собственные сужденія и оцѣнки въ уста дѣйствующихъ лицъ и распредѣлять ихъ между монологами, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ единственнымъ въ своемъ родѣ стилемъ рельефныхъ противоположеній, незабываемыхъ оукидидовскихъ чеканенныхъ словъ. Фукидидъ глубоко любитъ свои Аѳины, но онъ не сторонникъ демократіи. Сложность аѳинской культуры, первное напряженіе, увлеченіе театромъ и политическимъ краснорѣчіемъ, сила мысли и горячность слова, характерныя для этой бурной поры аѳинскаго общества, ни въ комъ не отразились такъ ярко, какъ въ немъ.

Вся предшествующая исторія Греціи (I, 2—20) кажется Фукидиду какъ бы подготовкой аѳинской державы съ ея господствующимъ на моряхъ флотомъ, крупной финансовой силой и широкимъ размахомъ

предпріятій. Онъ разсказываетъ (I, 88—118) о ростѣ аѳинской мощи послѣ греко-персидскихъ войнъ, о политикѣ ея организаторовъ,Themistocles и Перикла, о неизбѣжности подчиненія Аѳинамъ союзныхъ общинъ для того, чтобы притти къ историческому выводу, въ которомъ заключено вмѣстѣ истинное и вѣрнѣйшее *основаніе* (πρόφασις) войны: аѳинская держава стала такъ сильна, что, внушая страхъ Спартѣ, вынудила эту общину, при всей ея косности, организовать Аѳинамъ отпоръ. Это сужденіе современнаго наблюдателя и участника событій для насъ необыкновенно интересно. У Фукидида нѣтъ ни пристрастія къ родному городу, ни близорукаго исканія ближайшихъ виновниковъ войны. Столкновеніе было неизбѣжно, и оно задолго подготовлено вѣтвѣмъ ходомъ вещей. Фукидидъ прибавляетъ, что выдвинутое имъ главное основаніе (*причина* войны, какъ мы бы сказали) по большей части не высказывалось, оставалось скрытымъ. Другое дѣло непосредственныя *поводы* (αίτια) борьбы; они были видны современникамъ, но историкъ считалъ нужнымъ изложить ихъ подробно для того, чтобы потомкамъ уже не приходилось съ трудомъ наводить изслѣдованіе о началѣ крупнѣйшей войны въ Греціи¹⁴.

Всѣ эти общія различія и опредѣленія у Фукидида великолѣпны и не оставляютъ желать ничего лучшаго отъ историка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, какъ онъ понималъ свою задачу и свое положеніе: онъ первый пишетъ исторію современности, его произведеніе основано «не на свѣдѣніяхъ, добытыхъ у случайныхъ лицъ и взятыхъ на вѣру, а либо на собственныхъ переживаніяхъ, либо на разсказахъ другихъ современниковъ, проверенныхъ со всею тщательностью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изслѣдованіе было трудно, потому что свидѣтели отдѣльныхъ происшествій не одинаково о нихъ разсказывали, смотря по своей симпатіи къ той или другой сторонѣ, или сообразно тому, что у кого осталось въ памяти. Лишенный всякой фантастичности, мой разсказъ покажется для слушателя (мы бы сказали «для чтенія») мало занятнымъ. Но мнѣ достаточно того, что это изложеніе найдутъ полезнымъ всѣ тѣ, кто захочетъ познать достовѣрное прошлое и также будущее, а оно, согласно законамъ человѣческаго бытія, должно сложиться или одинаково, или близко похоже на пережитое. Моя книга сработана, чтобы быть вѣчнымъ приобрѣтеніемъ, а не блестящей злободневной картиной для удовольствія слушателей».

Столкновеніе Аѳинъ и Коринѳа¹⁵. Ближайшими причинами войны Фукидидъ считаетъ двѣ группы событій, разыгравшихся въ западныхъ водахъ Греціи и на сѣверѣ въ Халкидикѣ.

У Коринѳа на западѣ былъ цѣлый рядъ колоній, Амбракія на берегу Акарнаніи, островъ Коркира и совмѣстно съ Коркирой основан-

ный на эпирскомъ берегу Эпидамнъ (теперь Дураццо въ Албаніи). Сильная флотомъ Коркира давно отдѣлилась отъ Коринѳа. Въ срединѣ 30-хъ годовъ Коркира поссорилась съ Коринѳомъ изъ-за Эпидамна, гдѣ народъ изгналъ олигарховъ, при чемъ они искали помощи у Коркиры, а демосъ обратился къ Коринѳу. Коринѳъ выслалъ къ Эпидамну флотъ, который былъ разбитъ коркирейцами. Несмотря на побѣду, Коркира оказалась въ критическомъ положеніи, такъ какъ Коринѳъ, которому угрожала потеря всей торговли съ западомъ, сталъ готовить новое нападеніе. Коркира вынуждена была обратиться къ Аѳинамъ и просить о принятіи ея въ морской союзъ. Одновременно съ делегатами отъ Коркиры въ Аѳины прибыли послы Коринѳа. Въ качествѣ общины чисто-торговой Коринѳъ избѣгалъ войны до послѣдней степени. Надо замѣтить, что раньше Коринѳъ, несмотря на всякія тренія, всегда старался держаться добрыхъ отношеній съ Аѳинами. Въ сущности Коринѳу Аѳины обязаны были тѣмъ, что на конгрессѣ пелопоннессцевъ въ 440 году было рѣшено не подавать помощи возставшимъ самійцамъ.

Дебаты, происходившіе лѣтомъ 433 года въ аѳинскомъ народномъ собраніи по вопросу о принятіи Коркиры въ союзъ, были очень продолжительны и бурны. Въ нихъ обнаружилось, насколько сильно коллѣктивно, хотя и не организована, оппозиція импералистической политикѣ Перикла. Сельская Атика не хотѣла войны и боялась ея, такъ какъ теперь, послѣ отдачи Мегары въ 446 г., страна была изолирована и не защищена. Сначала народное собраніе, очевидно, подъ давленіемъ этой партіи, отклонило просьбу Коркиры. Но импералисты, строившіе планы овладѣнія западными путями, добились новаго собранія, и здѣсь, вѣроятно, подъ давленіемъ Перикла, было рѣшено принять Коркиру въ союзъ; для того, чтобы формально сохранить миръ съ Пелопоннесомъ и не нарушить условій договора 446 года, съ Коркирой заключили только эпимахію, оборонительный союзъ. Въ сущности, однако, это рѣшеніе аѳинской еkkлeсiи опредѣлило начавшуюся два года спустя Пелопоннесскую войну.

Послѣ долгихъ приготовленій Коринѳъ двинулъ на Коркиру очень крупный флотъ, 170 триеръ; аѳиняне ограничились присылкой въ западныя воды небольшой наблюдательной эскадры. При Сиботскихъ островахъ, близъ Коркиры и берега Эпира, произошло сраженіе, по словамъ Фукидида, самая большая изъ битвъ, бывшихъ до тѣхъ поръ между греками. Коринѳяне и коркирейцы бились старыми способами; ни тѣ, ни другіе не умѣли маневрировать кораблями по приемамъ, выработаннымъ въ послѣднее время аѳинянами; оба противника, помѣстивъ на свои суда стрѣлковъ и копейщиковъ, сдѣлывались бортами и бились, какъ на сушѣ. Коринѳяне, болѣе многочисленные, навербовав-

шіе лучшихъ гребцовъ, между прочимъ въ приморскихъ общинахъ аѳинскаго союза, одержали полную побѣду; но въ рѣшительный моментъ вмѣшалась аѳинская эскадра и принудила коринѳянъ къ отступленію, не давши имъ разгромить Коркиру. Аѳиняне не преслѣдовали коринѳскаго флота, между кораблями тѣхъ и другихъ не было прямого столкновенія, и формально пелопоннессцы не могли считать себя затронутому. Но по существу Аѳины создали великій ущербъ Коринѳу, сдѣлавши сами важное приобрѣтеніе. Быстро на западѣ открывалась одна перспектива за другой; Аѳины заключили союзъ съ полудикими акарнанцами, которые желали вытѣснить утвердившихся на ихъ берегу коринѳскихъ колонистовъ. Затѣмъ города Леонтины въ Сициліи и Регіи на южной оконечности Италіи, у Мессинскаго пролива, опасаясь объединительныхъ стремленій Сиракузъ, заключили съ Аѳинами оборонительный союзъ. Аѳины протягивали цѣпь своего господства на самый край западной Греціи. И опять это былъ ударъ по сферѣ коринѳскаго вліянія, такъ какъ Сиракузы составляли колонию Коринѳа, всегда находившуюся въ близкихъ отношеніяхъ съ метрополіей.

Стараясь отомстить Аѳинамъ, Коринѳъ воспользовался затрудненіями, возникшими въ самомъ слабомъ мѣстѣ державы, именно въ Халкидикѣ, граничившей съ Македоніей и Фракіей. Здѣсь на перешейкѣ, соединяющемъ выступъ Паллене съ большимъ полуостровомъ Халкидикой, расположена была Потидея, колонія Коринѳа. Потидея служила посредникомъ для торговли Коринѳа съ Македоніей и сохраняла тѣсныя связи съ метрополіей, откуда присылали даже главнаго сановника города, эпидеміурга; въ то же время Потидея, въ качествѣ общины, принадлежавшей аѳинской державѣ, платила форось. Около времени битвы при Сиботахъ аѳиняне, подозрѣвая невѣрность Потидеи, потребовали, чтобы городъ разорвалъ связь съ Коринѳомъ, отослалъ назадъ эпидеміурга, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ заложниковъ и сломалъ стѣну, защищавшую его со стороны перешейка и моря, т.-е. предоставилъ себя въ полное распоряженіе Аѳинъ. Вмѣсто того Потидея рѣшила отложиться. Ея послы появились въ Спартѣ и получили обѣщаніе, что въ случаѣ возстанія пелопоннессцы вторгнутся въ Атику и отвлекутъ силы Аѳинъ отъ Халкидики. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Коринѳъ снарядили въ помощь колоніи большой отрядъ добровольцевъ. Аѳиняне двинули къ Потидеѣ флотъ и войско. Имъ удалось разбить пелопоннессцевъ и залереть ихъ въ стѣнахъ Потидеи, а также обложить городъ и отрѣзать отъ моря; но сама осада затянулась. Коринѳъ, правда, создалъ Аѳинамъ большое затрудненіе, однако въ то же время не могъ не испытывать безпокойства за своихъ согражданъ, заключенныхъ въ стѣнахъ Потидеи.

Къ двумъ ближайшимъ поводамъ великой войны, которые приводятъ Фукидидъ, надо прибавить еще третій. Со времени уступки Мегары въ 446 году Аѳины старались вернуть себѣ влияние въ этой небольшой, пограничной съ Атикой, области: она была важна и какъ путь изъ Пелопоннеса въ Среднюю Грецію, и какъ прямой выходъ въ Коринѳскій заливъ, избавляющій отъ необходимости объѣзжать кругомъ Пелопоннеса. Чтобы оказать давление на Мегару, аѳиняне закрыли свой рынокъ ея продуктамъ; другимъ постановленіемъ они еще усилили свой запретъ, закрывши Мегарѣ доступъ ко всеѣмъ союзнымъ городамъ. Маленькому кантону, существовавшему огородничествомъ и выдѣлкой шерстяныхъ матерій, грозилъ полный экономическій банкротъ и голодъ. Для Коринѳа получилась новая опасность уже совсѣмъ близко: если Мегара сдастся Аѳинамъ, могущественная держава подвинется къ самымъ стѣнамъ Коринѳа и окончательно загородитъ ему всю торговлю съ западомъ.

Коринѳяне, мегаряне, а вмѣстѣ съ ними эгинеты, которыхъ тѣснили аѳиняне, бросились съ жалобами къ главѣ Пелопоннесскаго союза, Спартѣ, стараясь поднять малоподвижную, консервативную общину противъ безпокойнаго, быстро усиливающагося врага.

Переговоры между Спартой и Аѳинами ¹⁶. Фукидидъ подробно передаетъ дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе объявленію войны, и мы читаемъ любопытнѣйшія страницы греческаго международного права, узнаемъ, можетъ быть, одну изъ самыхъ своеобразныхъ сторонъ античной культуры вообще. Мы видимъ, какъ въ теченіе очень долгаго времени идетъ споръ о правѣ; точно на судѣ разбирается вопросъ объ истинномъ характерѣ международныхъ договоровъ, о томъ, произошло ли нарушеніе ихъ, и о томъ, кто первый нарушитель. Вотъ ужъ, дѣйствительно, народъ-законникъ передъ войной разыгрываетъ по всей формѣ судебное состязаніе! Ни одна сторона не хочетъ взять на себя почину въ объявленіи войны, такъ какъ война представляется, прежде всего, въ видѣ разрыва договора 446 года: каждый изъ двухъ противниковъ старается доказать, что въ такомъ разрывѣ виновать другой. И, наконецъ, весь этотъ процессъ происходитъ среди полной публичности; вся Греція составляетъ аудиторію, присутствующую на судѣ; дипломатическіе вопросы рѣшаются и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ на общихъ собраніяхъ всеѣхъ гражданъ. При всемъ томъ сколько адвокатской казуистики, какое большое мѣсто отдается турнирамъ краснорѣчія, разнымъ судебнымъ эффектамъ, внезапнымъ выпадамъ, рассчитаннымъ на впечатлѣніе въ посторонней публикѣ!

Лѣтомъ 432 года въ Спартѣ собрались представители многихъ союзныхъ городовъ. Громко жалуясь на аѳинянь, коринѳяне, мегаряне и

эгинеты старались доказать, что Аѳины нарушили трактатъ 446 года и побудить Спарту къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Спартѣ сторонники и противники войны приблизительно дѣлились поровну. Эфоры созвали общее собраніе спартиатовъ и пригласили делегатовъ Пелопоннесскаго союза, а также аѳинскихъ пословъ, которые въ это время находились въ Спартѣ. Аѳиняне доказывали, что договоры не нарушены, что Спартѣ не надлежитъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ союза, а, впрочемъ, предлагали третейскій судъ по спорнымъ дѣламъ, какъ было предусмотрено въ трактатѣ 446 года. Вслѣдъ за рѣчами сторонъ, удаливъ всеѣхъ иногороднихъ, и аѳинянь, и пелопоннесцевъ, спартиаты начали совѣщаніе. Консерваторы, и во главѣ ихъ старый царь Архидамъ, герой событій 464 года, были за отсрочку рѣшительныхъ дѣйствій; если война неизбежна вообще, то въ виду подавляющей силы Аѳинъ на морѣ, ихъ техники и огромныхъ средствъ Архидамъ совѣтовалъ раньше заняться обширной подготовкой и вооруженіемъ Пелопоннеса. Новаторы, преимущественно военная молодежь, настаивали на немедленномъ вмѣшательствѣ Спарты. Эфоръ Сѳенеладъ приступилъ къ голосованію. По обычаю спартиаты отвѣтили на его вопросъ крикомъ. Но эфоръ заявилъ, что не можетъ рѣшить на слухъ, на чьей сторонѣ большинство; онъ вновь поставилъ вопросъ, и притомъ въ такой формѣ: нарушенъ ли договоръ и виновны ли аѳиняне въ его нарушеніи? Онъ предложилъ участникамъ собранія разойтись на двѣ стороны, и тутъ обнаружился перевѣсъ воинственной партіи. Однако, война не была объявлена; дипломатическія сношенія съ Аѳинами продолжались, частныя дѣла и поѣздки происходили также безъ всякихъ затрудненій.

Медлительность Спарты совсѣмъ не удовлетворяла коринѳянь; они стали агитировать среди пелопоннесцевъ и добились созыва общаго конгресса союзныхъ общинъ въ Спартѣ. Здѣсь аркадіяне высказались противъ войны; они считали затронутыми интересы лишь однихъ приморскихъ городовъ и не хотѣли за нихъ биться. Тогда коринѳяне поставили имъ на видъ, что безъ приморскихъ городовъ внутреннія области пропали; куда онѣ доставятъ свой урожай, и откуда онѣ получать необходимый привозъ, какъ не черезъ приморскіе города? Коринѳяне искусно ввели еще болѣе общій мотивъ: всей Элладѣ грозитъ тираннія одного города; надо общими силами напасть на Аѳины и смирить ихъ; тогда союзники сами обезпечатъ себѣ миръ и спокойствіе и освободятъ поработенныхъ нынѣ грековъ.

Хотя конгрессъ высказался за войну и къ его голосу присоединился Дельфійскій оракулъ, Спарта все еще не рѣшалась дѣйствовать: подъ влияніемъ консерваторовъ она еще разъ попробовала путь пере-

говоровъ. Требования ея, однако, поразительны и на первый взглядъ кажутся бредомъ фантазіи среди столкновения реальнѣйшихъ интересовъ. Не упоминались ни Потидея, ни Мегара; спартанцы настаивали на изгнаніи изъ Аѳинъ лицъ, на которыхъ тяготѣетъ проклятіе за святотатственное убійство Килона и его свиты, происшедшее за 200 лѣтъ до того: разумѣлись Алкмеониды, т.-е. Периклъ. Здѣсь, подъ видомъ религіозно-дипломатической демонстраціи, крылся очень опредѣленный расчетъ. Въ это время въ Аѳинахъ противники Перикла организовали противъ близкихъ ему людей, его жены Аспаси, ученаго Апаксагора и художника Фидія, рядъ процессовъ по обвиненію въ безбожіи; по-видимому, они добивались до самого всемогущаго демагога, и вотъ имъ-то подавали спартанцы руку въ надеждѣ на внутренній переворотъ и сверженіе Перикла. Рядомъ съ этимъ. новое посольство, прибывшее изъ Спарты, выставило дѣловую программу: спартанцы требовали снять осаду Потидеи, освободить Эгину и отмѣнить запретъ торговли съ Мегарой; въ концѣ-концовъ они настаивали только на послѣднемъ. Дебаты въ аѳинскомъ народномъ собраніи и вращались около этого пункта. Периклъ доказывалъ, что отмѣнить мегарскую псефизму (рѣшеніе народа) совершенно невозможно; это значитъ открыть путь для новыхъ требованій враговъ, а главнымъ образомъ—обнаружить слабость Аѳинъ передъ союзниками и подданными. Рѣшеніе аѳинянъ было опять въ духѣ тогдашней дипломатіи: въ отвѣтъ на требованіе объ изгнаніи святотатцевъ. они предложили спартанцамъ наказать убійцъ Павсанія, нарушившихъ права священнаго убѣжища. По существу это было отклоненіе спартанскихъ требованій и готовность воевать. Можно думать, что война была рѣшена голосами промышленныхъ предпринимателей, судовладельцевъ, моряковъ и городской демократіи, говоря по-старому, паралии и деміурговъ, противъ геоморвъ, массы сельского населенія, которому грозило непосредственно нашествіе сильнаго на сухопутьѣ врага въ незагороженную съ перешейка Аттику.

Мнѣнія современниковъ о причинахъ и виновникахъ войны. И въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ имѣлась сильная партія сторонниковъ мира; ихъ влияніемъ объясняется долгая затяжка переговоровъ, не разъ подававшихъ надежду на полюбовное соглашеніе. Собственно рѣшеніе исходило отъ Аѳинъ; здѣсь военная партія съ Перикломъ во главѣ была относительно сильнѣе, чѣмъ соотвѣтствующая ей группа въ Спартѣ. Каковы были ея мотивы?

Современниковъ очень занималъ вопросъ, на кого падаетъ отвѣтственность за гибельное для всей Греціи междоусобіе. Великій противникъ войны, Аристофанъ, бросаетъ Периклу прямое обвиненіе; по его

словамъ, вслѣдъ за процессомъ Фидія, Периклъ, страшась народнаго гнѣва, чтобы избѣгнуть отвѣтственности, метнулъ малую искру мегарской псефизмы, чѣмъ и повергъ городъ въ великій пожаръ; онъ раздулъ военное пламя, дымъ котораго развѣлъ людямъ глаза и наполнилъ ихъ слезами¹⁷. Еще шире развиваетъ эту мысль Плутархъ, ссылаясь на мнѣнія «многихъ» современниковъ войны: религіозно-политическіе процессы послужили какъ бы предостереженіемъ Периклу; угрожаемый внутренними врагами, онъ сталъ искать спасенія въ военной авантюрѣ. Плутархъ, впрочемъ, прибавляетъ: что здѣсь правда, остается неизвѣстнымъ. Повидимому, мы имѣемъ дѣло въ этихъ сужденіяхъ съ неправильной перестановкой фактовъ. Въ дѣйствительности не процессы заставили Перикла добиваться войны, а, напротивъ, его воинственная политика принудила противниковъ, олигарховъ и вождей сельской партіи, искать средствъ, чтобы свергнуть его. Периклъ и его сторонники должны были хорошо понимать, что политическая система, направленная къ торговому охвату и экономическому подчиненію Пелопоннеса, грозитъ вызвать войну. Сами они, разумѣется, не хотѣли ускорять вооруженное столкновеніе: «мирныя пріобрѣтенія» были, безъ сомнѣнія, выгоднѣе, и слѣдовало стараться вести ихъ какъ можно дольше. Но поскольку дѣло шло о мегарскомъ вопросѣ, господствующая партія не могла и уступить; это была не пустая придирка противниковъ и не «малая искра». Запретъ, положенный на Мегару, составлялъ начало большой торговой войны, задуманной противъ Пелопоннеса. Можетъ быть, расчеты Перикла состояли въ слѣдующемъ. Подъ давленіемъ экономической пужды Мегара должна будетъ сдать Аѳинамъ; тогда откроется прямой выходъ изъ Аттики къ Коринескому заливу; аѳиняне перегорядятъ Спартѣ сообщеніе черезъ Истмъ со Средней Греціей и, слѣдовательно, выиграютъ стратегическое положеніе до открытія военныхъ дѣйствій.

Если такое объясненіе вѣрно, вопросъ о виновникахъ войны получаетъ иное освѣщеніе. Намъ не столько любопытно выяснить мотивы, которые двинули руководителей аѳинской политики къ объявленію войны, сколько опредѣлить степень ихъ увѣренности въ конечной побѣдѣ Аѳинъ, когда они рѣшались на открытіе военныхъ дѣйствій. Фукидидъ въ этомъ смыслѣ не имѣетъ колебаній. Периклъ, по его мнѣнію, предусматривая неизбежность войны, превосходно заготовилъ все, что нужно было, для осторожнаго и упорнаго ея веденія. Неудачный поворотъ войны, по мнѣнію историка, получился оттого, что преемники Перикла не исполнили одного изъ важнѣйшихъ совѣтовъ организатора: они слишкомъ спѣшили съ нападеніями, слишкомъ разбрасывали силы аѳинской державы¹⁸. Мы увидимъ потомъ, что Фукидидъ былъ неправъ,

и что поражение Афинъ было обусловлено не ошибками политиковъ, слѣдовавшихъ за Перикломъ, такъ какъ они въ сущности продолжали его планы, а выступленіемъ новыхъ неожиданныхъ враговъ, обновленной воинственной Спарты, вновь организованныхъ Сиракузъ и, наконецъ, персидскаго государства. Но если мы не можемъ согласиться съ общей характеристикой афинскихъ политиковъ у Фукидида, для насъ остаются крайне интересными его соображенія о перевѣсѣ Афинъ надъ врагами въ начальный моментъ войны. Къ его обзорѣню силъ и шансовъ обоихъ противниковъ надо прибавить лишь нѣсколько словъ о международныхъ отношеніяхъ.

Силы противниковъ и планы борьбы. Съ дипломатической стороны Спарта имѣла рѣшительный перевѣсъ. Какъ только выяснилась неизбежность войны, Спарта заключила дружбу со среднегреческими областями, Беотіей, Локридой и Фокидой, и онѣ вступили въ Пелопоннесскій союзъ. Афины остались совершенно изолированы въ европейской Греціи, и Атика грозилась опасностью съ обоихъ сухопутныхъ фланговъ. Далѣе, Спарта выставила знамя освобожденія грековъ отъ афинской тиранинн; у нея былъ звучный идеалистическій кличъ борьбы, а къ тому же еще прямые виды на возможность возмущенія среди союзниковъ афинской державы.

Матеріальныя средства и организація противниковъ великолѣпно охарактеризованы у Фукидида, по обыкновенію, въ нѣсколькихъ рѣчахъ, которыя вложены въ уста дѣятелей и участниковъ войны. Спартанскій царь Архидамъ—у Фукидида въ данномъ мѣстѣ актеръ, произносящій драматическій монологъ,—указываетъ спартамцамъ на то, что Атика далеко превосходитъ все другія области плотностью населенія и богатствомъ запасовъ. Онъ развиваетъ дальше мысль, не очень подходящую къ мировоззрѣнію спартамца: война не столько дѣло вооруженія, сколько финансовъ¹⁹. Еще обстоятельнѣе излагаетъ матеріальные расчеты Перикль въ программной рѣчи передъ народомъ. Вся она построена на сравненіи остальныхъ общинъ Пелопоннеса, пребывающихъ въ экономической косности, и высоко развитаго въ финансовомъ отношеніи афинскаго государства. Пелопоннесцы, говоритъ ораторъ, живутъ работой рукъ своихъ, у нихъ нѣтъ денегъ, нѣтъ сбереженій ни у частныхъ лицъ, ни въ казнѣ; они поэтому не только неспособны къ далекимъ и продолжительнымъ войнамъ, но даже, вслѣдствіе бѣдности, они вынуждены иногда грабить другъ друга. Расходы на войну имъ приходится иногда прямо вырѣзывать изъ своего имущества, между тѣмъ ясно, что запасы гораздо лучше помогаютъ выдержать войну, чѣмъ чрезвычайные, насильственно взываемые налоги (*αὐ βίλοι ἐσφορὰι*). Это мѣсто рѣчи формулируетъ какъ бы гарантію, данную Перик-

ломъ богатому классу, что война не грозитъ ему обремененіемъ. Ораторъ думаетъ, что люди, которые живутъ въ натуральномъ хозяйствѣ, и войну ведутъ охотнѣе натурой, лично, чѣмъ на счетъ имущества своего. Но если бы они даже стали собирать деньги, то у нихъ нѣтъ соответствующаго устройства; все это пошло бы медленно и неуверенно, а война не ждетъ. Перикль указываетъ еще одинъ важный факторъ, централизацию афинской державы, тѣсно связанную съ возможностью быстро и полномочно распоряжаться финансами. У пелопоннесцевъ нѣтъ единого авторитетнаго собранія, которое бы энергично и скоро направляло все дѣйствія. Напротивъ, у нихъ слабая федерація; каждая изъ разношерстныхъ общинъ имѣетъ равный съ другими голосъ и защищаетъ настойчиво свой частный интересъ; а изъ этого не можетъ получиться ничего цѣлаго и законченнаго. Наконецъ, Перикль ссылается на высокій культурно-техническій уровень афинянъ, который даетъ имъ громаднй перевѣсъ въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ и особенно въ морскомъ дѣлѣ. Если есть отрасль, требующая искусства и систематическаго упражненія, такъ это мореходство; имъ нельзя заниматься между прочимъ, надо отдаться ему цѣлкомъ, а остальные пелопоннесцы на это неспособны²⁰.

По изложенію Фукидида можно составить себѣ ясное понятіе о стратегическомъ планѣ афинянъ, который былъ въ сущности продолженіемъ ихъ системы изоляціи Пелопоннеса и экономического охвата всей европейской Греціи. Смыслъ его можно изложить слѣдующимъ образомъ. Сельская территория Атики приносится въ жертву, какъ во времена персидскаго нашествія. Афины превращаются въ большую неприступную крѣпость, какъ бы островъ, свободно сообщающійся моремъ со всеми имперскими владѣніями. Въ Афинахъ и Пиреѣ, двойной огромной крѣпости, сосредоточены все военныя и финансовыя средства: ополченіе, флотъ, верфи для постройки кораблей, складъ оружія, казна и денежные запасы. Изъ этого огромнаго военнаго центра совершается нападеніе; такъ какъ сухопутныя силы противника несравненно больше афинскихъ, то встрѣчи на сушѣ надо избѣгать; на морѣ, напротивъ, господство должно быть безусловно удерживаемо. Афины сохраняютъ весь свой подвозъ и доступъ къ подчиненнымъ общинамъ; въ качествѣ главной и непосредственной военной цѣли надо поставить блокаду Пелопоннеса, которая должна служить вымариванію противника до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ просить мира. Проведеніе этого плана было связано съ крупнѣйшимъ кризисомъ въ жизни самой Атики. Надо было заставить сельское ея населеніе бросить свои земли и сады на разграбленіе врагамъ и переселиться внутрь Афинъ, Пирея и Длинныхъ стѣнъ. Фукидидъ изображаетъ картину разоренія страны,

какъ изъ деревень увозятъ семьи, всю нужную утварь, сдираютъ съ домовъ деревянную обшивку, отсылаютъ на острова мелкій скотъ и выючныхъ животныхъ; переселеніе очень тяжело отозвалось на аеинянахъ, такъ какъ они по большей части привыкли жить въ деревнѣ; въ этомъ отношеніи аеиняне съ древнѣйшихъ временъ выдѣлялись передъ всѣми другими; передвиженіе вызвало у нихъ поэтому крайнее раздраженіе; покидая дома и святыни, которые въ силу стариннаго строя казались точно родовыми ихъ владѣніями, мѣняя весь свой обиходъ, они какъ будто утрачивали свою родину. Виноградари и оливководы должны были идти на полное разореніе и притомъ безъ надежды на скорую поправку, даже съ заключеніемъ мира. Надо имѣть въ виду, что врагъ, опустошая страну, прежде всего срубалъ оливки, а эти деревья при новой посадкѣ начинали давать сколько-нибудь стоящій вниманія сборъ плодовъ лишь на 16-ый или 18-ый годъ. Деревня подчинялась необходимости, перебиралась въ городъ, но ходъ кампаніи, ежегодныя вторженія пелопоннесцевъ сдѣлали сельскую Аттику злѣйшимъ врагомъ войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточеннымъ противникомъ городской демократіи, которая, напротивъ, отъ войны ничего не теряла, но могла ожидать всякихъ выгодъ. Такимъ образомъ, планъ войны составлялъ дальнѣйшее развитіе морекоей Аттики, какъ оно было намѣчено Темистокломъ, и окончательное приниженіе Аттики сельской.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ открывалась война, вопросы продовольствія получали для Аеинъ первостепенное значеніе. Обладая проливами, аеиняне держали въ рукахъ всю черноморскую торговлю. Для того, чтобы одновременно закрыть доступъ понтійскаго хлѣба въ Пелопоннесъ и направить его въ Аттику, учредили комиссію «стражей пролива» (Ἐλλεσποντοφύλακες), которая заняла наблюдательный постъ въ Византіи. Весь хлѣбъ, проходившій черезъ Византію изъ Чернаго моря, долженъ былъ направляться въ Пирей; въ аеинской гавани отбирали $\frac{2}{3}$ для главнаго города, и только $\frac{1}{3}$ могла пойти на вывозъ въ союзные города. Особая «хлѣбная охрана» (σιτοφύλακες) была поставлена для того, чтобы вести контроль надъ хлѣбо-торговцами и удерживать низкія цѣны²¹.

Начало десятилѣтней войны. Война началась съ нападенія оиванцевъ на Платей. Этотъ небольшой городъ былъ единственной общиной, не присоединившейся къ беотійскому союзу и крѣпко примкнувшей къ Аеинцамъ. Нападеніе на Платей составляло хорошо рассчитанный и важный шагъ: укрѣпленный пунктъ господствовалъ надъ узломъ путей, ведущихъ изъ Беотіи въ Аттику и Мегару: взятіе Платей открыло бы дорогу оиванцамъ въ Аттику и освободило бы сношенія между пелопоннесцами и ихъ среднегреческими союзниками. Опе-

рація, однако, не удалась. Оиванцы попробовали взять Платей хитростью, войдя въ городъ въ бурную темную ночь по соглашенію съ платейскими олигархами, которые открыли имъ ворота; но платейскій демосъ успѣлъ собраться на улицахъ; вторгнувшись оиванцевъ частью перебили, частью взяли въ плѣнъ. Оивы предложили Платеямъ миръ на условіи дарованія жизни плѣннымъ; несмотря на то, что они обмѣнялись клятвами, ожесточившійся платейскій народъ поспѣшилъ казнить захваченныхъ и лишилъ себя самъ драгоцѣнныхъ заложниковъ. Нападеніе на Платей было рѣзкимъ нарушеніемъ не только опредѣленныхъ договоровъ, но и вообще международнаго права грековъ, если вспомнить, что городъ за свое геройство противъ персовъ получилъ въ 479 году гарантію неприкосновенности отъ національнаго союза всего эллинизма. Кровавый отвѣтъ платейцевъ какъ бы опредѣлилъ общій тонъ дальнѣйшей войны. Кипѣніе злобы, непримиримость, нарушеніе клятвъ и договоровъ характеризуютъ великое греческое междоусобіе.

Весною 431 года собрались на Истмѣ пелопоннесцы, по $\frac{2}{3}$ ополченія каждой изъ союзныхъ общинъ, и подъ начальствомъ стараго царя Архидамы приблизились къ границѣ Аттики. Война все еще не была объявлена; спартанскій царь отправилъ парламентаря въ Аеины съ ультимативными предложеніями. Но спартанскаго вѣстника не допустили въ городъ и потребовали, чтобы въ теченіе сутокъ онъ покинулъ территорію Аттики. Народъ въ Аеинахъ былъ въ необычайно возбужденномъ настроеніи; между прочимъ оно выразилось въ террористическомъ постановленіи, касавшемся Мегары: стратеги при своемъ избраніи обязаны были дать клятву, что они два раза въ году, при какихъ бы то ни было условіяхъ, совершать опустошительный набѣгъ на Мегару; для хода военной кампаніи эти нападенія, конечно, не имѣли смысла.

Первые годы десятилѣтней (431—421) войны вызывали у большинства историковъ недоумѣніе. Послѣ того, какъ въ обоихъ лагеряхъ такъ долго готовились къ войнѣ, дѣло шло очень вяло, съ той и другой стороны какъ будто бы не видно планомѣрныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій. Пелопоннесцы приходятъ два лѣта подъ рядъ (431 и 430 гг.) въ Аттику, опустошаютъ ее, во второй разъ особенно основательно, не встрѣчаютъ сопротивленія, но и не рѣшаются напасть на аеинскія укрѣпленія. Когда по истеченіи мѣсяца или полутора у нихъ выходитъ провіантъ, они отступаютъ за Истмъ, и отдѣльныя ополченія расходятся по домамъ, каждое въ свой городъ. Не дожидаясь окончанія нашего шествія, аеиняне отправляютъ въ море эскадру, которая объѣзжаетъ кругомъ Пелопоннеса, мѣстами пытается производить высадки, опусто-

шать маленькіе городки и ловить встрѣчающіяся на пути торговья суда. Но ни первая, ни вторая, болѣе значительная эскадра не достигли выдающихся успѣховъ, не взяли ни одной крѣпости и далеко не осуществили ничего похожего на блокаду Пелопоннеса.

Паденіе Перикла. Во второй годъ войны на Аѣны обрушилось бѣдствіе, которое, при болѣе рѣшительномъ натискѣ противниковъ, могло бы повести къ совершенному разгрому морской державы. Въ Пирей, а оттуда въ столицу, была занесена съ моря чума; въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, при скученности спертаго осадой населенія, болѣзнь стала жестоко свирѣпствовать. Чума унесла большую часть военной силы Аѣнъ и создала тяжелое нервное состояніе въ городѣ. Въ своемъ отчаяніи аѣняне отправили даже посольство въ Спарту съ мирными предложеніями, которыя, впрочемъ, были отвергнуты. Въ это время вернулись от Потидеи слабые остатки посланной незадолго до того экспедиціи: масса десанта была уничтожена чумой, которую на корабляхъ завезли изъ Аѣнъ. Раздраженіе народа выразилось въ жестокихъ нападкахъ на Перикла, какъ главнаго виновника войны. Уже отправка посольства въ Спарту была предвѣстіемъ его паденія, такъ какъ Периклъ настаивалъ на продолженіи войны и невозможности уступокъ. Не дожидаясь окончанія года, народъ лишилъ его должности стратега. Затѣмъ одинъ изъ противниковъ Перикла, Драконтидъ, предложилъ подвергнуть его суду за подкупъ и растрату и притомъ въ особенной обстановкѣ, на акрополѣ близъ храма богини-покровительницы, съ алтаря которой судьи должны взять камешки для баллотировки; обвиняемому угрожалъ смертный приговоръ. Сторонникамъ Перикла удалось добиться только отстраненія устрашительной вѣщности процесса. Присяжные въ количествѣ 1.500 человекъ признали Перикла виновнымъ въ злоупотребленіи властью и въ растратахъ, но смягчили наказаніе и приговорили его къ высокому штрафу въ 50 талантовъ. Какими стеченіями обстоятельствъ, какими партійными перестановками можно объяснить паденіе Перикла послѣ диктатуры, продолжавшейся 12 или 13 лѣтъ?

Фукидидъ, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ необычайно кратокъ. У Плутарха нѣтъ никакой послѣдовательности, не видно связи процессовъ противъ друзей Перикла и противъ него самого съ событіями войны. Но у Плутарха есть важное указаніе на участіе среди обвинителей Клеона²²; это обстоятельство ведетъ насъ къ заключенію, что Периклъ былъ свергнутъ случайной коалиціей олигарховъ и сельской партіи, съ одной стороны, а съ другой—радикалами, болѣе крайними, чѣмъ онъ самъ, при чемъ Клеонъ выступалъ отъ имени городского демоса, раздражившагося противъ своего стараго вождя. Кле-

онъ, повидимому, нападалъ на Перикла въ смыслѣ, прямо противоположномъ консерваторамъ, порицалъ за медлительность, требовалъ болѣе рѣшительнаго нападенія.

Паденіе Перикла произошло осенью 430 года. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ началѣ 429 года, его опять возстановили въ должности стратега; но скоро, осенью того же года его сломила уже подстерегавшая злая болѣзнь. Сверженіе Перикла представляетъ фактъ, очень характерный для новаго политическаго настроенія аѣнскаго народа. Сдавленная осадой, наполненная массой людей разоренныхъ и безсильныхъ поправить свое положеніе, аѣнская демократія становится менѣ устойчивой, менѣ послѣдовательной и болѣе нервной. Съ осужденія Перикла начинаются непрерывные почти процессы стратеговъ, вызываемые подозрительностью демоса; чуть не каждый походъ завершается уголовно-политическимъ процессомъ, и лучшие адмиралы Аѣнъ, Форміонъ, Пакхъ, Эвримедонтъ, кончили свою карьеру судебной катастрофой.

Аѣнскія партіи послѣ Перикла. Не будучи побѣдой одной определенной партіи, сверженіе Перикла не повело къ установленію новой политической системы. Но въ партійныхъ отношеніяхъ тѣмъ не менѣе обозначилась съ его смертью извѣстная перемѣна. Периклъ внушалъ довѣріе богатымъ слоямъ гражданства и соединялъ своей программой какой-то центръ изъ разнообразныхъ элементовъ справа и слѣва. Его гибель ускорила намѣченное войной расхожденіе по двумъ крайнимъ лагерямъ элементовъ, которые до тѣхъ поръ колебались. Очень многіе изъ сторонниковъ Перикла перешли въ партію мира и усилили ее. Партія мира, съ Никіемъ во главѣ, чередуется теперь въ управленіи и въ должностяхъ стратеговъ съ партіей войны. Съ другой стороны, и партія военная, руководителемъ которой становится Клеонъ, пріобрѣтаетъ болѣе рѣзкое направленіе. Оборона въ глазахъ Клеона рѣшительно должна была смѣниться наступленіемъ; въ финансовой политикѣ онъ стоитъ за обложеніе имущихъ гражданъ, за усиленіе взносовъ союзниковъ и напряженіе податной тиранніи Аѣнъ. Благодаря этому, часть богатаго класса, особенно землевладѣльцы и рабовладѣльцы, менѣе заинтересованные въ колоніальныхъ предпріятіяхъ, отклоняются отъ военной программы; ея сторонниками остаются индустріалы и купцы, которые, въ родѣ самого Клеона, преимущественно дорожили связями съ далекими окраинами державы; главной же опорой военной партіи все болѣе становится масса бѣдныхъ гражданъ, которая, не участвуя въ сооружеціяхъ, кормилась войной.

Никій и Клеонъ по своему темпераменту и поведенію до извѣстной степени типичны для двухъ большихъ партій, борющихся между собой въ 20-хъ годахъ. Никій, изъ старинной фамилии, съ большимъ

капиталомъ (считали до 100 талантовъ), но безъ промышленнаго дѣла, главнымъ образомъ, извлекалъ прибыль изъ покупки рабовъ и отдачи ихъ внаймы на работы, особенно горнопромышленныя. Биографъ сообщаетъ между прочимъ о забавномъ соединеніи у него промышленнаго расчета и религіознаго суевѣрія: капиталъ Никія лежалъ, главнымъ образомъ, въ серебряныхъ рудникахъ Лаврія, а это дѣло было полно риска и превратностей; чуть не каждый день приходили къ нему предсказатели, и онъ гадалъ съ ними о возможной выручкѣ. Стронникъ мира, Никій, по необходимости, чтобы руководить дѣлами, долженъ былъ добиваться стратегіи и выполнять большія военныя за-тѣи аонискаго народа. Безъ охоты выступать въ народномъ собраніи, безъ всякихъ данныхъ къ демагогіи, Никій предпочиталъ прятаться отъ общественной жизни и откупаться отъ всякихъ нападковъ. Обладая связями въ Спартѣ, какъ вообще люди его круга, Никій могъ бы гораздо болѣе сдѣлать для замиренія, если бы не его вѣчная перѣшительность. Клеонъ, крупный кожевенный заводчикъ, первый плебей въ ряду аонискихъ демагоговъ, самый видный изъ «династіи торговцевъ»²³, напротивъ, необычайно ретиво бросался на политическія дѣла, проводилъ настойчиво и безпощадно свою воинственную программу, охотно говорилъ въ экклесіи и со своимъ бурнымъ, нѣсколько вульгарнымъ краснорѣчіемъ пользовался огромнымъ успѣхомъ у аонискаго демоса. Крайне самоувѣренный и торопливый, Клеонъ выставлялъ себя постоянно на общественный судъ; зато комедія не давала ему покоя. Въ свою очередь, онъ вѣчно воевалъ съ противниками, и, напр., Аристофанъ немало пострадалъ отъ его преслѣдованій. Эукидидъ, принадлежавшій къ тому же кругу, что Никій, коротко характеризуетъ демагога словами: «не было между гражданами челоуѣка болѣе склоннаго къ насилію, но и не было другого болѣе популярнаго среди народа»²⁴. Надо отдать справедливость Клеону: при всѣхъ своихъ недостаткахъ это былъ вѣрный и честный слуга демоса, неутомимо избличавшій всякіе заговоры клубовъ противъ демократіи.

Выступленіе пелопоннесцевъ на морѣ и возстаніе на Лесбосѣ. Годы 429—427 были несчастливы для Аонинъ: великая демократія не выходила изъ положенія обороны. Въ 429 году не было обычнаго нападенія пелопоннесцевъ на Атику. Царь Архидамъ повелъ свое ополченіе на Платеи и приступилъ къ систематическому обложенію важной крѣпости. Въ концѣ того же года сдалась, наконецъ, Потидея послѣ долгой осады, но аониняне извлекли мало пользы отъ этого завоеванія. Городъ былъ срытъ до основанія, и остатку жителей позволили высесть; но скоро аонискій отрядъ, оперировавшій въ Халкидикѣ, былъ разбитъ мятежниками другихъ халкидскихъ городовъ (при Спартолѣ),

и Аонинамъ не удалось возстановить свое вліяніе въ сѣверо-западномъ краю державы.

Хуже всего казалось то, что врагъ осмѣлился выступить на морѣ, въ собственной сферѣ аонинянъ. Снарядивъ большой флотъ, пелопоннесцы рѣшили форсировать проходъ въ Коринѣскій заливъ, загороженный аониской флотиліей, которая стояла въ Навпактѣ. Планъ этотъ, однако, совершенно не удался, благодаря блестящимъ дѣйствіямъ лучшаго аонискаго адмирала Форміона. Со своими 20 тріерами онъ напалъ на втрое сильнѣйшій флотъ пелопоннесцевъ, приблизившійся съ запада, со стороны открытаго моря, и отбилъ его съ большими потерями. Пелопоннесцы увеличили свою эскадру до 77 кораблей, и хотя прорвались на этотъ разъ черезъ узкій каналъ въ глубину Коринѣскаго залива, но Форміонъ заперъ имъ обратный выходъ. Въ битвахъ подъ Навпактомъ оправдалась знаменитая морская техника аонинянъ, результатъ ихъ многолѣтнихъ упражненій и подготовки. Авторитетъ аонинянъ на морѣ былъ возстановленъ, но опасность не прошла, и результаты потрясенія державы сказались въ двухъ возстаніяхъ на окраинахъ, на Лесбосѣ и въ Коркирѣ.

Во время большого возстанія на о. Самосѣ. Митилена, главная община лесбійцевъ, сохранила вѣрность Аонинамъ. Но правившій въ Митиленѣ высшій классъ былъ очень ненадеженъ и теперь рѣшилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Аонинъ. Не объявляя прямо выхода изъ союза, митиленцы приступили къ синоикизму всего острова, т.-е. уничтоженію самостоятельности другихъ лесбійскихъ городовъ и подчиненію себѣ всей территоріи; вмѣстѣ съ тѣмъ они стали дѣятельно вооружаться. Аониняне немедленно отправили въ Лесбосъ эскадру, которая готовилась къ обычному опустошительному объѣзду Пелопоннеса. На требованіе сломать стѣны и выдать корабли митиленцы отвѣтили отказомъ, и началась война (428 г.). Спартанцы были готовы поддержать возстаніе на Лесбосѣ и созвали по этому поводу конгрессъ своихъ союзниковъ, предполагая заинтересовать ихъ въ новомъ дѣлѣ освобожденія подданныхъ морской державы; на конгрессъ явились послы митиленцевъ и просили о принятіи ихъ въ пелопоннесскій союзъ. Для Аонинъ, казалось, наступилъ очень опасный моментъ. На состояніи флота сильно отразилось опустошительное дѣйствіе первыхъ лѣтъ войны, и въ особенности результаты страшной эпидеміи. Вслѣдствіе большой потери людей верфи работали слабо: Аонины не могли восполнить убыль своего флота и довести его до прежней численности; къ этому прибавилась гибель множества еетовъ, составлявшихъ обычно экипажъ военныхъ кораблей, такъ что для снаряженія флота не хватало гражданъ. Критическое положеніе Аонинъ ободрило Спарту къ измѣненію

стратегического плана. Рѣшено было напасть на Аѣны одновременно съ суши и съ моря, а для послѣдней цѣли переправить въ Сароническій заливъ черезъ Истмъ корабли, стоявшіе въ бездѣйствіи близъ Коринѣа послѣ того, какъ ихъ заперъ здѣсь Форміонъ. Но военное устройство пелопоннескаго союза оказалось непригоднымъ для такихъ сложныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Прошло лѣто, обычное время набѣга, а крестьяне не хотѣли собираться въ походъ, ссылаясь на предстоящую жатву; коринѣяне послѣ опыта морскихъ сраженій 429 года вовсе не чувствовали расположенія встрѣчаться съ аѣинянами.

Въ Аѣинахъ успѣли снарядить 100 тріеръ, и когда этотъ внушительный флотъ появился у Истма, пелопоннесцы бросили свой планъ и ушли съ перешейка. Между тѣмъ, командованіе въ лесбійской экспедиціи было поручено энергичному Пахесу. Военный составъ аѣинскаго гражданства такъ сократился, что посланные съ этимъ командиромъ 1.000 гоплитовъ должны были сами грести на тріерахъ. Пахесъ обложилъ Митилену широкой осадной стѣной, и городу угрожалъ конецъ. Лишь теперь двинулись спартацы на помощь возставшимъ; однако адмиралъ Алкидъ оказался такимъ боязливымъ медлителемъ, что эскадра не успѣла доѣхать до Делоса, какъ пришло извѣстіе о капитуляціи Митилены. Сдача произошла отъ причинъ внутреннихъ, очень характерныхъ для соціальнаго положенія во многихъ общинахъ того времени. Спартацкій офицеръ Салэотъ, руководившій обороной Митилены, рѣшилъ произвести общую вылазку и вооружилъ гоплитами просто-народье. Получивъ въ свои руки оружіе, демосъ потребовалъ у олигарховъ раздачи хлѣбныхъ запасовъ, грозя въ противномъ случаѣ передать городъ аѣинянамъ. Тогда олигархи посигънили войти въ переговоры о сдачѣ.

Пахесъ выслалъ въ Аѣины множество арестованныхъ митиленцевъ, которыхъ онъ считалъ особенно виновными въ организаціи возстанія. Въ самомъ началѣ 427 года созвано было народное собраніе, гдѣ выступилъ Клеонъ; въ качествѣ политика-матеріалиста онъ говорилъ, что могущество Аѣинъ держится лишь на повинностяхъ союзниковъ, и что только беспощадная строгость можетъ удержать союзъ; нечего поддаваться ложной чувствительности или слѣпому добродушію. Это были обычные доказательства сторонниковъ террора. Подъ вліяніемъ Клеона экклесія рѣшила казнить не только присланныхъ митиленцевъ, но и все мужское населеніе города, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Народъ собирался совершить не только дикую жестокость, но также крайнюю несправедливость по отношенію къ митиленскому демосу, въ сущности державшему сторону Аѣинъ. Такъ какъ аѣинскія партіи были приблизительно равны по силѣ, то умѣреннымъ уда-

лось добиться созыва на другой день новаго собранія для пересмотра страшнаго приговора; предложеніе умѣренныхъ заключалось въ томъ, чтобы судить народнымъ судомъ только тѣхъ митиленцевъ, которые были присланы въ Аѣины, остальное населеніе не трогать, не изгонять и не наказывать²⁵. Оно было принято незначительнымъ большинствомъ, но такъ какъ въ это время со всѣми дѣлами нервно торопились, то приказъ объ исполненіи перваго приговора уже былъ отосланъ Пахесу; снарядили новую тріеру, и митиленцы, находившіеся въ Аѣинахъ, вмѣстѣ со своими аѣинскими друзьями похлопотали о томъ, чтобы гребцы догнали первый корабль, и чтобы новая вѣсть помѣшала начать рѣзню.

Въ этомъ фактѣ характерно еще одно обстоятельство; оно показываетъ, въ какой мѣрѣ война развила непосредственное вмѣшательство экклесіи во всѣ шаги и повороты политики, какъ неуклонно слѣдило народное собраніе за дѣйствіями командировъ. Оно не только давало общія указанія и общія полномочія, не только вело общій контроль и снимало отвѣтственность; въ его средѣ происходила теперь также непрерывная критика дѣйствій стратеговъ; отсюда посылали прямые, точные до мелочей приказы, которые могли парализовать ихъ дѣло, внезапно измѣнить направленіе военныхъ операцій и т. д. Такъ какъ народъ слѣдовалъ при этомъ за своими постоянными совѣтниками, демагогами, которые каждый день могли направлять его мнѣнія, то отсюда и развился своеобразный антагонизмъ между демагогами и стратегами, тогда какъ въ предшествующій періодъ, со времени Мильтіада и кончая Перикломъ, демагогія и стратегія большею частью соединялись въ лицѣ однихъ и тѣхъ же дѣятелей.

На Лесбосѣ города, кромѣ Меѣимны, сохранившей вѣрность Аѣинамъ, потеряли автономію; Митилена выдала военные корабли и должна была допустить разрушеніе городскихъ стѣнъ. На митиленцевъ пала новая повинность: ихъ земли раздѣлили на 3.000 участковъ, изъ которыхъ 300 были отписаны богамъ, остальные 2700—аѣинскимъ клерухамъ. Старые хозяева остались на своей землѣ, но должны были выплачивать по двѣ мины въ годъ за каждый участокъ новымъ владѣльцамъ. Эти клерухи были непохожи на прежнія колоніи аѣинянъ; скорѣе онѣ составляли синекуры аѣинскихъ гражданъ, какъ бы въ награду за разореніе, которое они претерпѣли на родинѣ. Съ окончаніемъ лесбійскаго возстанія совпала новая неудача для Аѣинъ въ европейской Греціи: произошло паденіе Платей, которымъ аѣиняне такъ и не рѣшились подать помощь. Когда припасы стали приходиться къ концу (женщины и дѣти были при первомъ же нападеніи отосланы въ Аѣины), часть осажденныхъ ночью бѣжала; остальные сдались спартацамъ, но

тѣ передали платейскихъ измѣнниковъ ихъ смертельнымъ врагамъ, онванцамъ, и герои четырехлѣтней обороны были казнены. Онванцы разрушили городъ до основанія. Вслѣдъ затѣмъ въ Коркирѣ началось жестокое междоусобіе, грозившее отдать островъ въ руки противниковъ Аѳинъ.

Революція на о. Коркирѣ. Возвратившіеся изъ коринтскаго плѣна коркирскіе олигархи обвинили главу демократической партіи, Пейѳіа, въ томъ, что онъ хочетъ отдать Коркиру въ рабство аѳинянамъ. Пейѳіа оправдался и въ свою очередь притянулъ къ суду 5 самыхъ богатыхъ членовъ олигархической партіи. Процессъ этотъ очень характеренъ, поскольку обвинитель воспользовался религіознымъ мотивомъ для финансоваго разоренія своихъ политическихъ противниковъ. Пейѳіа обвинялъ подсудимыхъ въ томъ, что они срѣзали въ священной рощѣ Зевса и Алкиноя палки для виноградниковъ, и требовалъ за каждую палку высокаго штрафа. Вождь демократіи выигралъ процессъ, но вслѣдъ за этимъ олигархи совершили вопіющее насиліе, ворвались въ засѣданіе Думы и перебили 60 человекъ совѣтниковъ, въ томъ числѣ самого Пейѳіа. Олигархи собирались звать на помощь Спарту; тогда простонародье въ свою очередь вооружилось и заняло акрополь; олигархи укрѣпились около рынка и гавани, гдѣ находились склады товаровъ, арсеналъ и большею частью дома богатыхъ купцовъ. Обѣ стороны призвали на помощь рабовъ, обѣщая имъ свободу. Въ кровопролитныхъ схваткахъ на городскихъ улицахъ демосъ взялъ верхъ; начался пожаръ, истребившій склады.

Между тѣмъ появились двѣ эскадры, маленькая въ 12 кораблей, аѳинская, и большая, въ 53 тріеры, пелопоннесская. Снова аѳиняне, какъ за два года до того въ Коринтскомъ заливѣ, показали свою изумительную морскую тактику и спасли отъ разгрома коркирскій флотъ. Пелопоннесцы спѣшно удалились, услыхавъ о приближеніи новыхъ морскихъ силъ изъ Аѳинъ. Теперь паника, пережитая коркирскимъ демосомъ, превратилась въ жестокое безпощадное мщеніе и расправу надъ олигархами; семь дней продолжались убійства, преслѣдуемыхъ отрывали отъ алтарей, гдѣ они искали спасенія. Среди кровопролитія погибли крупные торговцы и судовладельцы Коркиры; лишь немногимъ удалось бѣжать. Торговля совершенно замерла, подвозъ остановился, въ городѣ наступилъ жестокой голодъ. Коркира обратилась въ жалкія развалины.

Фукидидъ о соціальной борьбѣ въ Греціи. Событія на Лесбосѣ и Коркирѣ образуютъ осложненіе междоусобной войны большихъ греческихъ союзовъ соціальной борьбой классовъ внутри отдѣльныхъ общинъ. Эта борьба далеко не случайный спутникъ внѣшнихъ столк-

новеній. Все время она идетъ параллельно войнѣ. Въ самомъ началѣ платейскіе олигархи выдаютъ демосъ своего города внѣшнему врагу, онванцамъ. Борьба классовъ захватываетъ постепенно одну общину за другой, принимаетъ особенно рѣзкія формы на о. Самосѣ, наконецъ, обнаруживается въ большихъ городахъ, Аѳинахъ и Сиракузахъ. Гражданскія смуты разыгрывались со всею безпощадностью и жесточе-ніемъ внѣшней войны: массы людей погибали въ казняхъ и ссылкѣ вслѣдствіе партійной розни, διὰ τὸ στασιάζειν, какъ гласитъ греческій терминъ у Фукидиды. Чего стоитъ одинъ 427 годъ, на который приходится умерщвленіе нѣсколькихъ сотенъ коркирскихъ олигарховъ, казнь всего оставшагося въ живыхъ гарнизона вѣрныхъ Аѳинамъ Платей и рѣшеніе аѳинской эkkлeсiи вырѣзать все мужское населеніе возставшей Митилены!

Дикія сцены коркирскихъ столкновеній вызываютъ у Фукидиды его знаменитую характеристику общественнаго одичанія Греціи ²⁶. Историкъ считаетъ обостреніе классовой борьбы результатомъ большой общей войны. Вожди демоса (οἱ δήμου προστάται) и высшій классъ (οἱ ὀλίγοι) во время мира не имѣли ни повода, ни склонности звать на помощь аѳиняны или спартанцевъ, а теперь, когда между тѣми и другими разразилась вражда, каждая сторона легко впадала въ соблазнъ обращенія къ внѣшней силѣ, желая ослабить своего домашняго противника; очень желанной оказывалась посторонняя помощь и для революціонеровъ (τοῖς νεωτερίζειν τι βουλομένοις). Невольно хочется дополнить объясненіе греческаго историка. Острый характеръ внутренней борьбы имѣлъ, безъ сомнѣнія, свои особыя основанія, помимо толчковъ, принесенныхъ большой Пелопоннесской войной. И можно обратнo сказать, что война не была бы такой упорной и жестокой или она и вовсе не разразилась бы, если бы не рѣзкія столкновенія соціальныхъ группъ внутри общинъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляли въ послѣдней трети V вѣка отношенія между «немногими» и народомъ, кто такие были ὀλίγοι или δυνατοὶ и изъ кого состоялъ δῆμος? Старая аристократія, опиравшаяся на религіозныя традиціи, давно растворилась въ городской жизни, и олигархи были теперь люди капитала или представители новой интеллигенціи. Въ торговыхъ общинахъ, какова, напр., была Коркира, они держали въ своихъ рукахъ торговлю и судоходство, были владѣтелями большихъ оптовыхъ складовъ, коммерческихъ галерей, а также банкирами, ссужавшими деньги подъ разныя предпріятія. Масса людей средняго состоянія, лавочники, ремесленники и въ особенности крестьяне, очутились скоро у нихъ въ долгу, разореніе свело ихъ затѣмъ на положеніе пролетаріевъ. Демосъ, разоренный, озлобленный, сталъ не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ еще въ эпоху греко-персидскихъ

войнѣ. Можно думать, что во многихъ мѣстахъ сильно пошло на убыль крестьянское землевладѣніе; городскіе капиталисты скупали мелкіе участки, округляли ихъ въ большія имѣнія, а бывшихъ хозяевъ или сводили на положеніе батраковъ, или вытѣсняли на случайныя городскія занятія. Такое заключеніе позволяетъ сдѣлать намъ любопытная программа народной партіи, выставленная въ 20-хъ годахъ V вѣка въ Леонтинахъ: демось собирался здѣсь подѣлать всю землю (τῆν γῆν ἀναδάσασθαι); эти революціонные замыслы заставили зажиточныхъ людей бѣжать въ Сиракузы и искать тамъ помощи противъ своихъ согражданъ. Безъ сомнѣнія, идея «чернаго передѣла» могла явиться только въ средѣ недавнихъ владѣльцевъ земли, горячо стремившихся къ возвращенію того, что было у нихъ отнято; аграрная революція была отвѣтомъ на вытѣсненіе крестьянства съ земли капиталомъ. Не трудно представить себѣ также программу чисто-городскихъ группъ демоса; они добивались распорядженія казной, распредѣленія общественныхъ суммъ въ видѣ пайковъ и раздачъ. Были также прямыя нападенія на частный капиталъ въ видѣ требованія кассации долговъ (χρεῶν ἀποκοπή) и еще въ видѣ разоренія богатыхъ людей судебными штрафами, примѣръ чего представляетъ религіозный процессъ, поднятый Пейсіемъ въ Коркирѣ.

Всѣ эти послѣдствія роста денежнаго капитала и его разоряющей силы успѣли сказаться раньше, чѣмъ разразилась большая междоусобная война; но Фукидидъ почти не упоминаетъ о социальныхъ столкновѣніяхъ, его интересуетъ только роль войны, какъ фактора, обострившаго конфликтъ. Въ партійной борьбѣ, говоритъ онъ, общины испытывали самыя тяжелыя бѣдствія, которыя, впрочемъ, всегда возникаютъ и всегда будутъ возникать, пока природа человѣка останется одна и та же, только по временамъ они становятся рѣзче или, напротивъ, тише, смотря по обстоятельствамъ. Ужасно моральное паденіе общества, создаваемое междоусобной войной: умы изощряются въ новыхъ и новыхъ планахъ, дьявольскихъ злоумышленіяхъ и во всякихъ видахъ мщенія. Всѣ понятія, всѣ нравственныя оцѣнки опрокинуты въ обществѣ: отчаянная дерзость, хитрая злоба—вотъ новыя добродѣтели; сдержанность, осторожность, умѣренность, напротивъ, считаются качествами преступными. Перестаютъ вѣрить какимъ-либо клятвамъ; о страхѣ Божиемъ нѣтъ и рѣчи въ отношеніяхъ между партіями; наилучшей репутаціи добивается тотъ, кто подъ приличнымъ видомъ совершаетъ самыя ненавистныя дѣянія. Всѣ виды порока процвѣли въ жестокомъ междоусобіи грековъ, а искренность и тѣсно съ нею связанное благородство стали казаться смѣшными и вовсе исчезли.

Въ этой характеристикѣ общественныхъ нравовъ, данной Фукиди-

домъ, интересны нѣкоторыя реальныя черты. «Кровныя связи,—говоритъ онъ,—ослабѣли, чтобы дать мѣсто союзному началу (τὸ ἑταίρικόν), такъ какъ участники союзовъ значительно превосходили родственныя соединенія въ дерзости своихъ поступковъ. Подобные союзы (ξύνοδοι) вовсе не являлись поддержкой законнаго порядка, напротивъ, служили подрыву существующаго строя. А члены, вступавшіе въ новыя соединенія, закрѣпляли между собою связь не божественнымъ закономъ, а общими преступлениями». Не будучи сторонникомъ существующей демократіи, Фукидидъ высказывается, однако, очень рѣзко о реакціонныхъ клубахъ и тайныхъ обществахъ своего времени: союзы, заступившіе мѣсто патріархальныхъ соединеній, работали, по его мнѣнію, исключительно во вредъ политическому и общественному порядку; ихъ дѣятельность расцвѣла также благодаря общей и повсемѣстной войнѣ. Другое замѣчаніе Фукидида носитъ какъ будто личный характеръ: безпартійные, нейтральные люди въ средѣ гражданства (τὰ μέισα τῶν πολιτῶν) испытывали жестокое угнѣсеніе со стороны обѣихъ враждующихъ группъ; ихъ громили или за то, что они не участвуютъ въ борьбѣ, или изъ зависти за то, что имъ удалось уцѣлѣть.

Бои въ западной Греціи и первая сицилійская экспедиція. Первые три года войны (431—429 гг.) принесли тяжелое разочарованіе Аѣинамъ, которыя приняли вызовъ въ увѣренности изморить Пелопоннесъ блокадой. Четвертый и пятый годы войны (428—27) въ свою очередь должны были привести въ отчаяніе противниковъ: ни разореніе Атики, ни отпаденіе союзниковъ не сломали энергіи Аѣинъ, флотъ пелопоннескій нигдѣ не могъ выдержать борьбу съ аѣинскимъ, держава сохранила господство на моряхъ, и войнѣ не предвидѣлось конца. На шестой годъ (426) Аѣины замѣтно начинаютъ поправляться. Чума, еще нѣсколько разъ возвращавшаяся, прекратилась вовсе; въ рядахъ городской демократіи снова замѣтно воинственное настроеніе. Партія войны выдвинула новыя планы наступательныхъ дѣйствій: занятіе острововъ близъ Пелопоннеса и опорныхъ пунктовъ на самомъ полуостровѣ, нападеніе на Беотию, чтобы освободить Атику съ фланга, и, наконецъ, въ качествѣ возобновленія плановъ Перикла, вооруженное вмѣшательство въ дѣла Сициліи. Къ сожалѣнію для Аѣинъ, громадная энергія, неистощимая изобрѣтательность парализовались раздробленіемъ командованія, которое вошло въ обычай послѣ паденія Перикла. Народъ не довѣрялъ своимъ избранныкамъ стратегамъ, боясь тиранніи, подобной преобладанію Перикла. Вслѣдствіе этого такіе даровитые командиры, какъ Форміонъ или Демосѣенъ, выдвинувшійся съ 426 г., не могли развернуться. Самое блестящее дѣло Демосѣена, занятіе Пилоса, едва не рушилось изъ-за того, что вначалѣ въ его распоряденіи были ничтожныя силы.

Необыкновенная живучесть Аѳинъ и особенно повсемѣстное торжество на морѣ державы, только что пережившей жестокой кризисъ, произвели въ Спартѣ сильное впечатлѣніе. Осторожная традиционная стратегія, представленная старымъ царемъ Архидамомъ, явно утратила смыслъ. По традиціи спартапцы совершали лѣтніе набѣги на Аттику, но нашествіе 425 года было послѣднимъ, тѣмъ болѣе, что въ опустошенной странѣ больше нечего было разорять. Въ Спартѣ стала выдвигаться партія болѣе рѣшительной войны, среди нея энергичный и способный Брасидъ. По спартапскимъ обычаямъ, крупное командованіе поручалось лишь пожилымъ офицерамъ, но сознание необходимости внести свѣжія силы въ дѣло, нашло себѣ выходъ въ практикѣ назначенія молодыхъ въ штабъ къ старымъ командирамъ: такимъ образомъ Брасидъ появляется въ качествѣ совѣтника при главнокомандующемъ въ рядѣ новыхъ морскихъ предпріятіи, въ Коринѳскомъ заливѣ въ 429 г., у Коркиры въ 427 г., и знакомится съ аѳинской тактикой. Вліяніе новыхъ людей сказывается и въ стратегіи Спарты. Здѣсь чувствуютъ необходимость вырваться изъ того изолированнаго положенія, въ которое Пелопоннесъ поставленъ войной, а съ этой цѣлью приобрести опорные пункты въ Средней Греціи, втянуть полудикія горныя племена въ борьбу и перерѣзать линіи сношеній аѳинянь черезъ Тессалію съ сѣверомъ и черезъ Акарнанію съ западомъ. Въ этихъ видахъ спартапцы основали близъ Термопиль по ту сторону перевала колонію Гераклею: городъ сыгралъ потомъ нѣкоторую роль въ походѣ Брасида на сѣверъ (424 г.)— предпріятіи по своей смѣлости для спартапцевъ неслыханномъ. Съ другой стороны, спартапцы начали оперировать отъ Дельфы, вооружая горныя племена локровъ; цѣлью ихъ было взять Навпактъ и совместно съ ополченіемъ коринѳской колоніи Амбракіи овладѣть путями аѳинянь къ Коркирѣ и вообще къ западному морю.

Въ цѣломъ, при различныхъ превратностяхъ, планы спартапцевъ относительно запада не удались. Здѣсь впервые выступилъ Демосѳенъ: разбитый сначала, въ незнакомыхъ условіяхъ горной мѣстности, легковооруженной пѣхотой этолянъ, онъ спасъ, однако, Навпактъ и въ результатѣ очень искусныхъ дѣйствій въ Акарнаніи разгромилъ амбракіотовъ и вспомогательный отрядъ пелопоннесцевъ. Этолійскіе и акарнанскіе бои представляютъ своеобразный интересъ. Передовыя, культурно развитыя общины Греціи втянули въ свои споры отсталыя, въ сущности жившія мирно, полудикія племена сѣверо-западной окраины и перенесли войну на ихъ территорію, въ ихъ далеко отодвинутыя отъ бойкаго обмѣна глухія горныя деревни. Здѣсь знаменитая тактика гоплитской фаланги, помощью которой греки отстаивали свободу противъ азіатскаго врага, потерпѣла крушеніе отъ натиска подвижныхъ легко-

вооруженныхъ пращниковъ, метателей короткихъ копій и стрѣлковъ. Въ свою очередь Демосѳенъ, которому вслѣдъ за пораженіемъ аѳинскихъ гоплитовъ въ Этоліи пришлось командовать надъ ополченіями акарнанскихъ дикарей, воспользовался ихъ способомъ боя и внесъ ихъ приемы въ качествѣ новинки въ греческую военную практику.

Одновременно съ борьбой въ западной Греціи аѳиняне сдѣлали первую попытку наступленія въ крупныхъ размѣрахъ: такимъ походомъ была экспедиція въ Сицилію (426—5 г.). Сицилійскія предпріятія Аѳинъ нельзя считать какой-то безпощадной фантазіей; это были очень планомерныя дѣйствія, неудавшіяся въ концѣ-концовъ по причинамъ характера случайнаго. Къ прежней Перикловой политикѣ расширенія торговыхъ сношеній въ Италиі и Сициліи война присоединила другую задачу: перервать линію сношеній между дорійскими колоніями, особенно Сиракузами, и Пелопоннесомъ, обрѣзать подвозъ жизненныхъ припасовъ Спартѣ, Коринѳу и другимъ общинамъ полуострова и такимъ образомъ завершить блокаду, въ которой аѳиняне видѣли главную цѣль войны. Поводомъ для вмѣшательства Аѳинъ служили сицилійскія междуусобія. Самая сильная изъ общинъ Сициліи, Сиракузы, стремилась къ объединенію всей греческой части острова. Тиранинъ Сиракузъ особенно боялись такъ наз. халкидскіе, т.-е. іонійскіе города, лежавшіе на восточномъ берегу Сициліи и въ южной Италиі, Наксосъ, Катапа, Леонтинъ, Регій. Отъ Леонтинъ, съ которыми еще въ 433 году былъ заключенъ оборонительный союзъ, пріѣхалъ въ 427 году въ Аѳины въ качествѣ уполномоченнаго знаменитый софистъ, учитель краснорѣчія Горгій. Аѳиняне отправили въ сицилійскія воды сначала одну эскадру въ 20 тріеръ, потомъ другую въ 40. Они заняли очень выгодную позицію у пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италиі, укрѣпившись въ Регій и въ противоположащей Мессанѣ. Большихъ успѣховъ аѳиняне, однако, не добились. Сухопутныхъ силъ для десанта было взято слишкомъ мало, приходилось ограничиваться морскими набѣгами и демонстраціями. Лишь когда они потеряли Мессану, рѣшено было послать новое значительное подкрѣпленіе. Но вспомогательный флотъ на пути былъ отвлеченъ для важнаго предпріятія, затѣяннаго въ самомъ Пелопоннесѣ, именно для завоеванія Пилоса. Между тѣмъ сицилійскіе греки, враждовавшіе между собой, заключили миръ, и аѳинской эскадрѣ, за неимѣніемъ дѣла, пришлось вернуться домой. Въ концѣ-концовъ неудача первой сицилійской кампаніи отражаетъ общій недостатокъ всей аѳинской стратегіи со времени паденія Перикла: въ Аѳинахъ не было ни главнокомандующаго съ продолжительнымъ и безусловнымъ авторитетомъ, ни постоянного военнаго совѣта съ соответствующими полномочіями: война велась безъ общаго плана, силы раздроблялись между

отдѣльными стратегами и тѣми отдѣльными не связанными между собой предпріятіями, которыя эти стратеги выполняли то по порученію народа, нерѣдко вызванному предложеніемъ самого командира, то на свой собственный страхъ и рискъ. Въ качествѣ предпріятія послѣдняго рода началось самое блестящее въ эту войну дѣло аѳинянь—занятіе Пилоса.

Успѣхи аѳинянь въ Мессеніи. Къ эскадрѣ, отправленной въ Сицилію, былъ прикомандированъ прославившійся въ Акарнаніи Демосеенъ, который получилъ позволеніе занять на пути флотъ для любой экспедиціи въ Пелопоннесѣ. Демосеенъ открылъ свой таинственный планъ уже въ дорогѣ. По указанію мессенцевъ изъ Навпакта, онъ захватилъ Пилосъ на юго-западномъ берегу Пелопоннеса въ ихъ старой родинѣ, Мессеніи, подвластной спартанцамъ. Этотъ пунктъ представлялъ естественную крѣпость и господствовалъ надъ бухтой (нынѣшней Наваринской), закрытой со стороны моря островомъ Сфактеріей. Изъ Пилоса аѳиняне могли начать агитацію среди мессенскихъ гелотовъ и организовать опасное для Спарты возстаніе. Среди спартанцевъ началась паника: царь Агисъ, находившійся съ ополченіемъ въ Атикѣ, спѣшно отступилъ черезъ Истмъ, къ Пилосу былъ стянуть весь пелопоннескій флотъ, начались атаки на Пилосъ, и съ этою цѣлью островъ Сфактерію заняли 420 голплитовъ, изъ нихъ около половины спартіаты лучшихъ фамилій. Въ свою очередь аѳиняне отзывали эскадру, находившуюся на пути въ Сицилію; аѳинскій флотъ разбилъ пелопоннесскій и вошелъ въ гавань; теперь въ свою очередь спартанцы на Сфактеріи оказались въ осадѣ.

Уже побѣды Демосеена въ Акарнаніи вызвали въ Спартѣ сильное теченіе въ пользу мира. Сторонники примиренія съ Аѳинами добились возврата и восстановленія на престолѣ царя Плейстоанакта, свергнутаго въ 445 году за отступленіе изъ Атики. Въ 426 году въ Аѳины отправили посольство съ предложеніемъ вернуться къ порядкамъ Тридцатилѣтняго мира при единственномъ условіи возвращенія Аѳинами Эгипта; великую идеалистическую задачу освобожденія эллинизма Спарта была готова вовсе покинуть. Теперь, въ 425 году, занятіе Пилоса и опасность, которой подверглись на Сфактеріи лучшіе воины, цвѣтъ и безъ того таявшей спартанской аристократіи, составили для Спарты фактъ столь уничтожающаго свойства, что было рѣшено немедленно просить мира. Эфоры отправились сухимъ путемъ къ Пилосу; здѣсь они предложили аѳинскимъ стратегамъ перемиріе съ тѣмъ, чтобы начать мирные переговоры съ народомъ аѳинскимъ; на время перемирія они согласились отдать, въ видѣ залога, весь пелопоннесскій флотъ, 60 триеръ. Спартанскихъ пословъ повезли въ Аѳины на аѳинскомъ кораблѣ. Они предложили

за свободный пропускъ осажденныхъ на Сфактеріи условія болѣе выгодныя, чѣмъ годъ тому назадъ: отдавали Мегару и Эгину, и кромѣ того готовы были на заключеніе дружественнаго союза съ Аѳинами на основѣ совмѣстнаго господства надъ Греціей.

Несмотря на чрезвычайную выгодность этихъ условій для Аѳинъ и крайне усилившееся желаніе мира въ аѳинскомъ обществѣ, военная партія, съ Клеономъ во главѣ, взяла верхъ въ народномъ собраніи: Клеонъ поставилъ требованія невозможныя для Спарты: предварительную выдачу осажденныхъ на Сфактеріи, а затѣмъ возвращеніе Аѳинамъ тѣхъ пунктовъ въ Пелопоннесѣ, которые были отданы по Тридцатилѣтнему миру. Совершенно сознательно онъ сорвалъ переговоры и сталъ настаивать на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ у Пилоса. Дальнѣйшій ходъ дѣла въ экклесіи открываетъ весьма своеобразныя отношенія стратеговъ къ народу. Клеонъ требовалъ, чтобы къ Пилосу отправили съ подкрѣпленіями Никія, бывшаго въ это время стратегомъ, и въ горячности сказалъ, что онъ самъ немедленно приступилъ бы къ штурму, если бы имѣлъ командованіе. Никіи не только возражалъ противъ предпріятія, но и отклонилъ отъ себя лично участіе въ этой экспедиціи; поймавъ Клеона на словѣ, онъ предложилъ политическому противнику своему взяться за дѣло самому²⁷. Если принять во вниманіе совершенную неопытность Клеона въ военномъ дѣлѣ,—а онъ самъ до сихъ поръ въ сознаніи своего недостатка избѣгалъ должности стратега—то предложеніе Никіи звучало въ родѣ дурной шутки. Но оно было гораздо хуже того: Никіи былъ увѣренъ въ провалѣ Клеона и, повидимому, нисколько не стѣснялся, что неминуемая въ его глазахъ неудача самозваннаго стратега будетъ пораженіемъ Аѳинъ. Какъ бы то ни было, Клеонъ получилъ командованіе рѣшеніемъ того же самаго собранія, въ которомъ дебатировался вопросъ. Ему повезло неожиданное счастье тѣмъ болѣе, что искусный Демосеенъ все подготовилъ для штурма Сфактеріи. Аѳиняне высадились на островъ, окружили пелопоннесцевъ и заставили ихъ сдаться: среди 298 плѣнныхъ было 120 спартіатовъ. Впечатлѣніе получилось громадное во всемъ греческомъ мірѣ. Въ первый разъ сдались несокрушимые спартанцы вмѣсто того, чтобы умереть въ бою. Матеріальный разгромъ Спарты былъ также великъ. Аѳиняне, подъ предлогомъ нарушенія спартанцами условій, удержали весь, находившійся у нихъ въ залогѣ, пелопоннесскій флотъ. Въ Пилосѣ была возведена настоящая крѣпость; мессенцы, привезенные изъ Навпакта, начали совершать изъ нея грабительскіе набѣги; изъ имѣній спартіатовъ то и дѣло убѣгали гелоты, и можно было ожидать возстанія крѣпостныхъ. Спартанцы слали въ Аѳины одно за другимъ предложенія о мирѣ, но теперь они отвергались безъ разсмотрѣнія.

Они должны были отказаться отъ набѣговъ на Аттику, такъ какъ аѳиняне заявили, что при новомъ опустошеніи ихъ страны плѣнники будутъ казнены.

Клеонъ достигъ вершины популярности. Народъ присудилъ ему величайшія гражданскія почести: пожизненный общественный обѣдъ въ пританеѣ (думѣ) и первое мѣсто въ театрѣ. Подъ его вліяніемъ приступили къ широко задуманнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Новая эскадра направилась къ Сициліи. Никій былъ отряженъ къ захвату важнаго острова Клеверы, лежащаго у юго-восточнаго края Пелопоннеса. При участіи неутомимаго Демосфена было рѣшено взять Мегару и затѣмъ комбинировать съ двухъ сторонъ, отъ Коринтскаго залива и отъ границы Аттики, нападеніе на Беотію. Аѳины, повидимому, покинули осторожную стратегію Перикла и вернулись къ кипучей программѣ 50-хъ годовъ. Всѣ эти рѣшительныя дѣйствія 425 и первой половины 424 года создали необычайное напряженіе финансовъ. Непозбѣжны стали реформы, представлявшія въ свою очередь отклоненіе отъ финансовой политики Перикла.

Финансовыя затрудненія Аѳинъ. Въ началѣ войны стараніями Перикла былъ отложенъ въ храмѣ богини значительный фондъ въ 6.000 талантовъ, изъ нихъ 1.000 неприкосновенной суммы на самый крайній случай. Ежегодные военные расходы были вдвое и втрое больше поступленийъ въ кассу союза (равныхъ около 600 талантовъ). Въ первые же годы осады Потидеи стоила 2.000 талантовъ. Приблизительно около 1.000 талантовъ уходило ежегодно на флотъ: одно жалованіе, получаемое экипажемъ и солдатами каждой тріеры, равнялось ежемѣсячно таланту. Пришлось дѣлать займы изъ запасной суммы. Уже на пятый годъ войны, она, однако, была почти исчерпана. Аѳинамъ грозилъ полный кризисъ; близка была потеря того ресурса, въ которомъ Периклъ видѣлъ рѣшительное преимущество державы передъ ея противниками; конечно, всякія активныя дѣйствія должны были бы прекратиться, если бы предстояло перейти къ натуральнымъ повинностямъ.

Въ виду этого во время осады Митилены прибѣгли къ средству чрезвычайному и назначили впервые, по словамъ Фукидида²⁸, прямой налогъ на имущество (*εἰσφορὰ*). Насколько эта мѣра считалась сама по себѣ критической, видно изъ того, что инициатору соответствующаго предложенія нужно было предварительно вотировать неприкосновенность (*ἄδεια*). Взиманіе чрезвычайнаго налога сопровождалось множествомъ фискальных процессовъ по взысканію различныхъ недоимокъ, недоплатъ въ арендахъ, утанванію имущества и по дѣламъ о подкупахъ. Въ этихъ процессахъ впереди всѣхъ дѣйствовалъ Клеонъ въ качествѣ энергичнаго и безопаднаго защитника казны. Въ оппозиціонныхъ ко-

медіяхъ Аристофана отразилось жестокое раздраженіе противъ него богатыхъ классовъ, которые такъ щадилъ Периклъ. Въ «Осахъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ рассказываетъ сонъ: «чудится ему собраніе, гдѣ сидятъ бараны въ плащахъ и съ тростями въ рукѣ (костюмъ и принадлежность аѳинскихъ судей); жадная акула (Клеонъ) визгливо выкрикиваетъ свою рѣчь: она готовится снять жиръ съ народа и развѣшать по размѣру кусковъ (т.-е. по имущественнымъ разрядамъ)»²⁹. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было взыскать недоимки также съ союзниковъ, и съ этой цѣлью изъ Аѳинъ вышла реквизиціонная флотилія (*ναῖες ἀρχυρολόγοι*). Инициаторомъ этой мѣры опять-таки былъ, повидимому, Клеонъ. Она составляла только прологъ къ новой обширной финансовой реформѣ, которую поставила на очередь наступательная война, ведомая радикальной демократіей. Дѣло шло о возвышеніи союзническихъ взносов.

Аѳиняне нѣсколько разъ повышали и понижали форосъ со времени его установленія Аристидомъ, но эти колебанія не измѣняли существа дѣла. Взносы составляли не процентъ съ доходовъ, а заранее опредѣленную цифру съ каждой общины. За 50 слишкомъ лѣтъ многіе города расширили свои торговые обороты и платили соответственно гораздо меньшую долю со своихъ доходовъ, чѣмъ прежде. Новая реформа состояла въ пересмотрѣ таксы взносовъ и въ ихъ измѣненіи соответственно развившейся производительности; фактически она повела къ возвышенію взносовъ вдвое слишкомъ³⁰. Между отдѣльными общинами прошла значительная разница: одгѣ остались почти при прежнемъ размѣрѣ, другія стали платить въ четыре и въ пять разъ больше. Аѳиняне рассчитывали получить въ цѣломъ около 1.200 талантовъ въ годъ, благодаря новой расцѣнкѣ. Хотя въ пользу финансовой реформы можно было привести экономическія соображенія, и хотя она не приносила въ собственномъ смыслѣ чрезмѣрнаго отягченія, но въ политическомъ отношеніи она явилась въ данный моментъ чрезвычайно рискованнымъ шагомъ. Аѳиняне создавали въ средѣ своихъ и безъ того мало надежныхъ союзниковъ основанія для сильнаго протеста и подготавливали этимъ кризисъ своей державы. На финансовой реформѣ союза обнаруживается тѣсная связь радикальной демократіи съ империализмомъ. Эта связь наглядно выступаетъ въ одномъ мелкомъ фактѣ аѳинской жизни: повидимому, одновременно съ усиленнымъ взиманіемъ возвышенной подати съ союзниковъ Клеонъ поднялъ въ Аѳинахъ суточную плату присяжнымъ въ судахъ (съ двухъ оболовъ на три). На морской державѣ и ея ресурсахъ держалось все зданіе демократіи. Изъ-за того, чтобы сохранить имперію, аѳиняне бросились въ войну; обратно, веденіе войны потребовало напряженія платежныхъ средствъ

подданныхъ. Имперіализмъ неизбежно осложнялся воинственной политикой, и аонскій демосъ послѣдовательно и настойчиво проводилъ ее, не забывая въ то же время брать съ нея прямую выгоду.

Въ какой мѣрѣ прочнымъ представлялся современникамъ демократическій строй Аонія и насколько сильна была оппозиція въ данный моментъ?

Общее положеніе въ Аоніяхъ середины 20-хъ годовъ. Есть много основаній относить именно къ 425 году анонимную (Псевдоксенофонтону) Аонскую Политію, которую мы уже не разъ привлекали для характеристики аонскаго строя. А если мы вѣрно опредѣляемъ время ея написанія, то ея главная тенденція и нѣкоторыя частности служатъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ общаго въ то время признанія несокрушимости аонскаго строя. Составитель Политіи—аонянинъ, сторонникъ олигархіи и рѣзкій противникъ существующаго строя. Онъ пишетъ не воззваніе и не памфлетъ, обращенный къ большой публикѣ; его рѣчь направлена къ небольшому кругу единомышленниковъ, вынужденныхъ молчать, можетъ быть, къ друзьямъ аонскихъ олигарховъ за границей; его цѣль—показать, что ненавистный демократическій строй чрезвычайно силенъ, что онъ тѣсно связанъ со всѣмъ существованіемъ государства, и что на его низверженіе почти нѣтъ надежды.

Демократія, въ глазахъ анонимнаго олигарха, повидимому, чловѣка немолодого и видѣвшаго правленіе Перикла,—форма безусловно плохая: въ ней вмѣсто достойныхъ и дѣльныхъ людей господствуетъ ничтожество. Но она устроена вполне послѣдовательно. Демосъ забралъ себѣ всѣ выгоды и преимущества державнаго положенія, завелъ наилучшія учрежденія для своей пользы и зорко оберегаетъ свое состояніе. Морское могущество Аонія, тѣсно связанное съ демократіей, неодолимо. Войной нельзя донять Аонія, слишкомъ великъ перевѣсъ на морѣ; а на сушѣ отъ разоренія земли страдаютъ лишь сельскіе хозяева и богатые; демосъ къ этому равнодушенъ. Есть только одно несовершенство во виѣшнемъ положеніи Аонія: будь городъ на островѣ, онъ остался бы совсѣмъ недосыгаемъ для нападенія; теперь же можетъ случиться, что Аонія предастъ меньшинство, открывши ворота врагамъ (на островѣ это невозможно, увѣряетъ авторъ); или произойдетъ возмущеніе немногихъ противъ демоса, и они будутъ разсчитывать на соединеніе съ врагомъ, который придетъ съ суши (опять на островѣ эта возможность исключена). Авторъ открываетъ намъ тайну олигарховъ своего времени: у нихъ тотъ же самый планъ предательства, какъ и въ 457 году во время битвы при Танагрѣ; ничего лучшаго они не придумали. Это одно показываетъ, что дѣла партіи плохи, что силы ея ничтожны. Можетъ быть, мы даже въ правѣ заключить, что пар-

тія совсѣмъ не организована, что есть только штабъ ея, только вожди, но нѣтъ рядовыхъ. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе получается при чтеніи анонимной брошюры 425 года; авторъ съ какой-то грустью озирается кругомъ въ средѣ аонскаго общества. Сколько лицъ, имѣющихъ основаніе быть недовольными демократіей! И родовитые, и богатые люди, и земледѣльцы, и, наконецъ, тѣ, кого авторъ называетъ неопредѣленно «приличные люди» (βέλτιστοι), т.-е. члены хорошаго общества, получившіе образованіе, прошедшіе школу. Но всѣ эти элементы разрознены и молчатъ: они могли бы стать сильной оппозиціей, но именно этого какъ разъ и нѣтъ налицо.

Передъ нами мысли непримиримаго врага демократіи, вынужденнаго, по необходимости, скрываться. Рядомъ слышится, однако, реальная оппозиція существующему порядку, но болѣе умѣреннаго свойства: ея органъ—комедія.

Аонская политическая комедія. Такъ наз. старая комедія—необыкновенно своеобразное явленіе аонской жизни. Она представляетъ какой-то литературный метеоръ, чрезвычайно недолговѣчный: ея существованіе заключено между 445 и 405 годомъ, т.-е. какъ разъ приходится на періодъ самой развитой и напряженной жизни демократіи. Послѣ кризиса 404 года, изъ котораго демократія вышла урѣзанной и смиреншеюся, политическая комедія уже не возродилась болѣе; ее замѣнила бытовая пьеса (такъ наз. средняя комедія). Въ старой комедіи бьетъ ключомъ тотъ же самый горячій интересъ къ публичнымъ дебатамъ, та же страсть шумной критики, словеснаго натиска, жестокаго изобличенія противника, что и въ экклесіи: не даромъ у Аристофана сцена происходитъ на томъ же Пниксѣ, гдѣ собирается демосъ слушать ораторовъ и постановлять рѣшенія, или въ народномъ судѣ; появляются послы иностранныхъ державъ, выступаютъ адвокаты сторонъ, тяжущихся въ публичныхъ процессахъ,—все сюжеты современной животрепещущей политики, непрерывно волновавшіе гражданство. Комедіи приходится въ Аоніяхъ жить среди довольно трудныхъ цензурныхъ условій; эти препятствія не мѣшаютъ прорываться вольности слова, въ свою очередь созданной аонской политической обстановкой. Старѣйшій изъ комиковъ, Кратинъ, рѣшался называть Перикла въ эпоху его безусловнаго авторитета сыномъ революціи (στράτις) отъ вѣхаго отца Крона, величайшимъ тиранномъ. Аристофанъ выводилъ въ карикатурѣ не только популярнаго Клеона, но изобразилъ также (во «Всадникахъ») аонскій народъ въ видѣ выжившаго изъ ума старикашки, которому знахарствомъ возвращаютъ молодость времени греко-персидскихъ войнъ.

Интересамъ какихъ партій служить комедія? Господствующему по-

литическому течению она враждебна, и это понятно: ее жизнь—политический скандал и политическая сатира. Нѣтъ, однако, основанія считать комедию безусловно реакціонной. У афинской комедіи есть опредѣленная консервативная симпатія, но не больше. Комики 20-хъ годовъ нерѣдко взываютъ къ великой почтенной старинѣ для сравненія съ современной ничтожностью. «Обращаюсь я къ вамъ,—говоритъ Евюлисъ,—къ вамъ, великіе господа наши, Мильтиадъ и Периклъ; не допускайте больше, чтобы распутные молодцы получали должности и за большой ростъ свой награждались стратегіей». «Грустно мнѣ,—говорится въ той же пьесѣ,—когда я смотрю на нашу политическую жизнь. Не такъ мы, старики, въ наше время управляли государствомъ; нѣтъ, прежде всего, стратеги у насъ были изъ великихъ домовъ, первые по богатству и по рожденію; мы на нихъ молились, какъ на боговъ, да такими они и были. Оттого мы жили въ безопасности; теперь мы выбираемъ въ стратеги послѣднихъ людей и подъ ихъ начальствомъ приходится выступать въ поле»³¹. Самый даровитый изъ комиковъ, Аристофанъ, начиная съ пьесы «Вавилоняне», поставленной весною 426 года, выступаетъ противъ безпокойной политики и воинственной демагогіи. Въ этой комедіи, извѣстной лишь по отрывкамъ, хоръ состоялъ изъ союзниковъ, которые были представлены рабами («вавилонянами»), изнывающими въ каторгѣ у господина демоса; затронуть былъ и главный демагогъ Клеонъ, состоявшій въ то время казначеемъ союза. Смѣлое нападеніе Аристофана должно было въ Афинахъ показаться непатріотичнымъ, такъ какъ на праздникъ Діонисій, когда давалась пьеса, присутствовало много иногороднихъ, въ особенности депутаты отъ союзниковъ, привезшіе обычную ежегодную дань. Клеонъ потянулъ автора комедіи на судъ совѣта 500: въ обвиненіи (эйсангеліи) значилось, что Аристофанъ оиозорилъ городъ въ присутствіи чужестранцевъ и оскорбилъ народъ въ лицѣ избранныхъ имъ сановниковъ, т.-е. предусматривалось тяжкое государственное преступленіе.

Въ слѣдующей пьесѣ, «Ахарнцы» (весною 425 г.), Аристофанъ, горячо выступая опять въ пользу скорѣйшаго заключенія мира, долженъ былъ принять предосторожность: не затронгивать никого изъ должностныхъ лицъ, не выводить на сцену опредѣленныхъ дѣятелей. Въ третьей комедіи, «Всадники» (весною 424 г.), Аристофанъ опять осмѣлился и, обходя запретъ, представилъ, подъ очень прозрачной маскировкой, не называя только именъ, Клеона, Никія и Демосеена; онъ позволилъ себѣ еще большую дерзость, далъ карикатуру самого демоса. Въ буффонадахъ Аристофана много злыхъ и мѣткихъ выпадовъ противъ демократіи, ее нравовъ и политическихъ привычекъ: высмѣивается жадность афинскихъ простолюдиновъ до всякаго рода выдачъ изъ казны,

страсть къ сутяжничеству и обиліе жалобщиковъ и доносчиковъ (сикофантовъ), увлеченіе далекими и беспочвенными авантюрами, тщеславіе афинской толпы, передъ которой распинаются иностранные послы, легковѣрность, съ которой народъ принимаетъ самыя дикія и фантастическія предсказанія и т. п. Между прочимъ, во «Всадникахъ» крикливые демагоги устраиваютъ какъ бы аукціонъ, надбавляя все выше свои обѣщанія. Довольно неожиданно встрѣчаемся мы тутъ со слѣдующими мелодіями. *Пафлагонецъ* (маска Клеона): Есть у меня, демось, крылатый оракуль, какъ ты сдѣлаешься орломъ и воцаришься надъ всей землей. *Колбасникъ*: И у меня не хуже предсказаніе, что будешь ты и надъ всей землей царить, и надъ Краснымъ моремъ, и въ Экбатанѣ станешь творить судъ, да еще закусывая широгомъ.—Изъ этого мѣста видно, что старая восточная метафора о царственномъ орлѣ, какъ символѣ господства надъ міромъ, производила чарующее впечатлѣніе и на афинскій демось³².

Аристофанъ ищетъ союзниковъ себѣ и защитниковъ въ средѣ недовольныхъ слоевъ афинскаго гражданства: въ «Ахарнцахъ», въ качествѣ хора, онъ выводитъ крестьянъ знаменитаго Ахарискаго дема, тѣхъ самыхъ, что, по разсказу Фукидида, такъ рвались въ бой, глядя со стѣнъ афинскихъ на разореніе своихъ полей. спартанцами: теперь они, давно разлученные съ родной деревней, усталые, разстроенные, тянутся всей душой къ замиренію и съ восторгомъ слушаютъ Дикэополиса, олицетвореніе здраваго смысла афинскаго, который, вопреки всѣмъ крикунамъ и вонтелямъ, заключаетъ миръ со Спартой, допускаетъ мегарянъ и беотійцевъ къ афинскому рынку, устраиваетъ опять веселый сельскій праздникъ и т. п. Во «Всадникахъ» хоръ состоитъ изъ главныхъ лицъ; это—афинская денежная аристократія, изъ среды которой набирается привилегированный отрядъ конницы, спортсмены-коневоды, вѣроятно, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ снобизма. Аристофанъ сильно льститъ тому и другому классу и, можно думать, покупаетъ этимъ важныхъ покровителей, такъ какъ если послѣ тяжелаго осужденія, понесеннаго въ 426 году за «Вавилонянъ», ему удалось провести рѣзкую сатиру на Клеона во «Всадникахъ», то онъ былъ обязанъ помощи богатой, вліятельной корпораціи афинскихъ кавалеристовъ. Надо думать, что всѣ сторонники мира и противники господствующей демократіи въ свою очередь обращались къ великому комическому таланту въ надеждѣ найти въ немъ энергичнаго борца за свое дѣло. Но Аристофанъ былъ союзникъ нѣсколько ненадежный. Въ вихрѣ карикатурныхъ изображеній онъ легко переходитъ всякую мѣру, буффонство увлекаетъ его до забвенія цѣли, сатира его не щадитъ ни чужихъ, ни своихъ. Бѣсъ насмѣшки не даетъ Аристофану пройти спокойно мимо

фигуръ своихъ собственныхъ друзей и сторонниковъ. Онъ не можетъ себѣ отказать въ удовольствіи представить главу партіи мира, Никія, въ видѣ глуповатаго раба при старикѣ Демосѣ, трусящаго всякой примѣты, полнаго суевѣрія, идіотской вѣры во всевозможные оракулы. Его Дикэополисъ («Правдословъ») послѣ смѣлыхъ поступковъ, приводящихъ къ миру, вдругъ оказывается обыкновеннымъ грязнымъ развратникомъ. Блага мира нарисованы у Аристофана такими пошлыми чертами, что картины общественнаго успокоенія можно принять за издѣвательство также и надъ партіей мира.

Какъ бы то ни было, комедіи Аристофана служатъ яркимъ признакомъ нарастанія въ Аоніяхъ партіи мира. Одновременно съ усилившимся протестомъ аоніянне терпятъ одну за другой крупныя неудачи, которыя грозятъ не только опрокинуть результаты Пилосской операціи, но и вообще рѣшительно повернуть всю войну противъ Аоніи. Первую изъ этихъ неудачъ аоніянне испытали въ Беотіи.

Пораженіе аоніянъ въ Беотіи и усиленіе Фивъ. Большое греческое междоусобіе принесло цѣлый рядъ выгодъ Фивамъ. Спартанцы помогли имъ уничтожить ближайшаго противника, Платей; сокрушенъ былъ оплотъ аоніянъ на беотійской территоріи, крѣпость, стоявшая точно бѣльмо на глазу у Фивъ; къ тому же оиванцы получили платейскую землю. Война давала имъ также много текущей прибыли. Вслѣдъ за крупными грабителями, пелопоннессцами, приходившими дѣломъ въ Аттику, появлялись оиванцы въ качествѣ мелкихъ разбойниковъ, добирали остальное влооть до деревянныхъ балокъ и кирпичей, которые они тащили съ заброшенныхъ аоніянами сельскихъ домовъ; наконецъ, они уводили скоть и перехватывали бѣлыхъ рабовъ. Благодаря всему этому, Фивы выросли на счетъ Аоніи.

Какъ только аоніянне избавились отъ постоянной угрозы пелопоннесскихъ нашествій, рѣшено было использовать ополченіе, бездѣятельно сидѣвшее въ стѣнахъ города, противъ крупнѣйшаго среднегреческаго союзника Спарты. Аоніянне, повидимому, слишкомъ пренебрежительно судили о врагѣ, который уже однажды при Коронѣ въ 446 г. нанесъ имъ чувствительное пораженіе. Они рассчитывали на медлительность беотійцевъ, которые, при своемъ союзномъ устройствѣ, не скоро могли собрать отряды ополченія, поставляемые отдѣльными городами. Были у аоніянъ и политическіе союзники въ нѣкоторыхъ беотійскихъ общинахъ, особенно въ Орхоменѣ и Феспіяхъ, гдѣ оиванскій эмигрантъ Птѣодоръ задумалъ произвести переворотъ и устроить демократію на подобіе Аоніи. Предполагалось напасть на Беотію съ двухъ сторонъ, съ моря, отъ Коринскаго залива, и съ суши, отъ сѣверо-западной границы Аттики, гдѣ аоніянне заняли укрѣпленное мѣстечко Делій, при

храмѣ Аполлона, близъ переправы на Эвбею. Беотійцы приняли вовремя пужныя мѣры для защиты своей единственной гавани у Коринскаго залива, и атака съ моря, порученная Демосеону, не состоялась. Вся масса беотійскаго ополченія, съ оиванцами во главѣ, двинулась противъ аоніиской арміи, наступавшей съ суши. Аоніянне, подъ начальствомъ Гиннократа, вышли *πρὸς ἄκρην*, т.-е. вывели въ поле все свое гражданское ополченіе (7.000 гоплитовъ). Они не ожидали столь стремительнаго движенія; вдобавокъ у врага оказался выдающійся вождь въ лицѣ оиванскаго беотарха Пагонда. Беотійцы загородили аоніяннѣмъ отступленіе и принудили ихъ къ битвѣ. Въ сраженіи, самомъ кровопролитномъ за всю войну, оиванскій вождь примѣнилъ тактику фланговаго натиска густыми колоннами, ту самую, при помощи которой вполсѣдствіи, въ 371 г., Эпаминондъ побѣдилъ спартанцевъ при Левктрѣ: очевидно, этотъ способъ боя составлялъ специальное изобрѣтеніе беотійцевъ. Аоніянне были разбиты на-голову и потеряли значительную часть своего гражданства.

Послѣдствія, правда, не соответствовали тяжести удара. Беотійцы не преслѣдовали разбитаго войска и отказались отъ нападенія на Аттику: повидимому, ихъ ополченіе, вскорѣ послѣ битвы при Деліи, разошлось по домамъ. Но для Аоніи навсегда закрылась возможность завоеванія Средней Греціи; пришлось также покинуть всякія надежды на покореніе Мегары и овладѣніе Петмомъ. Фивы выиграли отъ побѣды всячески. Между прочимъ при Деліи изъ беотійскаго ополченія особенно пострадалъ отрядъ города Феспій, погибъ цвѣтъ ихъ гражданства, какъ выражается Фукидидъ. Фивы, давно обвинявшіе феспійцевъ въ атикизмѣ, т.-е. сочувствіи къ Аоніямъ, воспользовались ослабленіемъ соперника, сломали стѣны Феспій и уничтожили автономію города. Послѣ гибели Платей это былъ второй крупный успѣхъ Фивъ на пути насильственнаго объединенія Беотіи.

Одновременно съ беотійской неудачей начался знаменитый походъ Брасида во Фракію, угрожавшій одной изъ самыхъ важныхъ территорій аоніиской державы.

Завоеваніе Халкидики Брасидомъ. Способнѣйшій изъ спартанскихъ офицеровъ задумалъ это предпріятіе на свой страхъ и рискъ. Пелопоннессцы не имѣли болѣе военнаго флота, и аоніянне съ моря были совершенно неуязвимы; Брасидъ поэтому возымѣлъ мысль добратъ до фракіискихъ владѣній державы сухимъ путемъ, пройдя всю Грецію отъ Петма до Олимпа. Спартанское правительство отказалось отъ прямого участія въ экспедиціи Брасида. Ему не дали настоящихъ спартанскихъ воиновъ, позволили только вооружить гоплитами нѣсколько сотъ гелотовъ. Брасидъ присоединилъ къ нимъ наемные отряды пелопоннессцевъ,

быстрыми маршами прошелъ черезъ Беотию, Оермопилы, Фессалию и Македонію къ Халкидскому полуострову, гдѣ аѳинянамъ все еще не удалось достигнуть полнаго замиренія.

Брасидъ оказался не только даровитымъ командиромъ, но также хорошимъ ораторомъ и ловкимъ дипломатомъ. Онъ заключилъ союзъ съ македонскимъ царемъ Пердиккой, но особенно искусно повелъ политику въ отношеніи общинъ, недовольныхъ господствомъ Аѳинъ. Брасидъ объявлялъ всюду, что спартапцы пришли освободителями грековъ отъ тираниі Аѳинъ, и общалъ городамъ, готовымъ къ отпаденію, полную автономію. Реально говоря, автономія означала прекращеніе взносовъ, а такъ какъ налоги преимущественно лежали на зажиточномъ классѣ, то на сторону Брасида легко склонялась олигархія; демосъ, напротивъ, сохранялъ къ нему холодное или даже враждебное отношеніе. Городъ Аканонъ, лежавшій у входа къ восточному Аѳонскому выступу полуострова, первый открылъ Брасиду ворота и присоединился къ пелопоннесскому союзу. Смѣлымъ движеніемъ направился спартанскій вождь къ новой полуаѳинской колоніи Амфиполю. Онъ предъявилъ городу чрезвычайно выгодныя условія: всѣ граждане, согласные на капитуляцію, въ томъ числѣ аѳинскіе колонисты, могутъ сохранить имущество и права, нежелающимъ предоставляется выселиться въ теченіе 5 дней. Амфиполь сдался, прежде чѣмъ успѣлъ на выручку аѳинскій стратегъ, командовавшій небольшою эскадрой во ѳракійскихъ водахъ, а этимъ неудачливымъ стратегомъ, немедленно получившимъ отставку и осужденнымъ на изгнаніе, былъ самъ знаменитый историкъ войны, Фукидидъ, сынъ Олора.

Авторитетъ аѳинявъ среди ѳракійскихъ союзниковъ былъ сильно поколебленъ. Брасидъ рѣшилъ воспользоваться положеніемъ и, укрьпившись въ Амфиполѣ, завоевать весь Халкидскій полуостровъ. Онъ уже захватилъ Торону на Сиѳоніи, среднемъ выступѣ полуострова, какъ пришло извѣстіе о заключеніи перемирія между двумя главными воюющими силами, Аѳинами и Спартой (весной 423 года). Обѣ стороны были заинтересованы въ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Аѳиняне поняли, какая великая опасность грозитъ имъ на сѣверѣ, и хотѣли выиграть время для подготовки силъ къ обратному завоеванію городовъ ѳракійскаго округа. Спарта смотрѣла на перемиріе, какъ на введеніе къ давно желанному миру. Въ аѳинскомъ плѣну находились люди самыхъ вліятельныхъ спартанскихъ фамилій; ихъ родство и сторонники, заинтересованные прежде всего въ освобожденіи плѣнниковъ, видѣли въ успѣхахъ Брасида только помѣху своей цѣли; даровитый командиръ казался опаснымъ косной средѣ спартанской аристократіи; ему завидовали, его готовы были взять подъ контроль.

Перемиріе было заключено на одинъ годъ при условіи сохраненія обѣими сторонами владѣній даннаго момента. Такъ какъ пелопоннесскій военный флотъ болѣе не существовалъ, Аѳины остались въ безусловномъ обладаніи моря: пелопоннесцы должны были согласиться на сильное ограниченіе своего торговаго судоходства. Однако перемиріе было невозможно провести во ѳракіи. Брасидъ, не справлявшійся вообще съ видами своего правительства, продолжалъ брать одинъ городъ за другимъ; Скіона и Менда на западномъ Палленейскомъ выступѣ Халкидики открыли ему ворота. Въ свою очередь аѳиняне послали экспедицію для отвоеванія мятежныхъ городовъ: имъ удалось занять Менду и осадить пелопоннесскій отрядъ въ Скіонѣ. Тогда и Спарта стала считать перемиріе необязательнымъ для района ѳракіи. Туда былъ посланъ вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ спартапца Псехагора; впрочемъ, онъ не столько долженъ былъ помочь Брасиду, сколько контролировать дѣятельность слишкомъ самостоятельнаго командира и забрать сдѣланныя имъ пріобрѣтенія подъ власть спартанскаго правительства. Надо сказать, что поведеніе враговъ Брасида, устроившихъ эту миссію, было въ политическомъ отношеніи шагомъ крайне неуклюжимъ: они не хотѣли признавать обѣщанной Брасидомъ автономіи халкидскихъ городовъ и прислали для управленія ими комиссаровъ. Мы впервые встрѣчаемся здѣсь со спартанскою бюрократіей на чужой почвѣ: такіе чиновники имѣлись до сихъ поръ въ Лаконіи для управленія надъ общинами періойковъ; ихъ названіе, *ἀρμοσταί* (буквально «исправники»), перешло потомъ и на гражданскихъ комиссаровъ на чужихъ территорияхъ. Фукидидъ сообщаетъ еще одну любопытную черту, относящуюся къ миссии Псехагора: въ качествѣ чиновниковъ для назначенія по городамъ онъ привезъ съ собою совсѣмъ молодыхъ спартиатовъ, что было противно обычаю (*παρρηγόμωσ*)³³. Появленіе на политической сценѣ молодыхъ нетерпѣливыхъ юношей (*οἱ νεώτεροι*) замѣтно около того же времени и въ Аѳинахъ. Здѣсь они готовы опрокинуть установившійся порядокъ службы, дающій мѣсто людямъ пожилымъ; вообще недовольная честолюбивая молодежь явно враждебна демократіи, ея системѣ выборовъ и частой смѣны должностныхъ лицъ; судя по опытамъ переустройства, на которые идутъ новички въ 411 г., они вырабатываютъ другой строй, гдѣ нѣтъ счета возрасту, гдѣ вмѣсто выборовъ преобладаетъ кооптация (привлеченіе самой коллегией новыхъ лицъ въ свою среду) и прямое назначеніе. Мы до известной степени присутствуемъ при зарожденіи греческой бюрократіи, идущей на смѣну автономнымъ формамъ.

Такъ какъ перемиріе во ѳракіи не признавалось ни той ни другой стороной, то оно почти нечувствительно перешло въ войну. Въ Аѳинахъ,

впрочемъ, переходъ былъ очень замѣтенъ, такъ какъ вмѣстѣ съ истеченіемъ срока перемирія взяла верхъ радикальная партія: лѣтомъ 422 года Клеонъ прошелъ въ стратеги. По его предложенію народъ рѣшилъ отправить войско во Фракію; Клеонъ въ такой мѣрѣ увѣровалъ въ свои военныя способности, что принялъ на себя командованіе. Ни въ чемъ, можетъ быть, не отражается такъ ярко склонность аонскаго демоса поддаваться аффектамъ вмѣстѣ съ недостаткомъ административнаго чутья, какъ въ этомъ выборѣ командира. Конечно, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ борьба съ талантливымъ и энергичнымъ Брасидомъ, нуженъ былъ стратегъ въ родѣ Демосеена; посылая Клеона, народъ смѣшалъ довѣріе къ личности демагога съ вѣрой въ его умѣніе побѣждать и этимъ заранѣе опредѣлилъ роковой исходъ всего дѣла. Солдаты экспедиціоннаго отряда, впрочемъ, не раздѣляли чувствъ народа; уваженія къ Клеону въ войскѣ не было, и онъ самъ сталъ сознавать непрочность своего положенія. Клеонъ высадился около устья Стримона и направился къ Амфинолю. Брасидъ внезапно изъ засады напалъ на аонскій отрядъ, не давши ему построиться въ боевомъ порядкѣ. Аоняне обратились въ бѣгство, Клеона убили. Но результаты блестящей побѣды были почти уничтожены смертью самого Брасида, сражавшагося въ переднихъ рядахъ.

Никіевъ миръ. Съ той и другой стороны погибли главные направиатели ожесточенной войны, создавшей въ Греціи общее утомленіе. Потребность мира сказалась теперь съ неустойчивой силой. По словамъ Фукидида, аоняне подъ впечатлѣніемъ неудачъ при Деліи и при Амфинолѣ жалѣли, что отвергли раньше мирныя предложенія Спарты. Они безпокоились, что пораженія уронятъ ихъ престижъ у союзниковъ и вызовутъ отпаденія. Спартанцы, какъ говоритъ Фукидидъ³⁴, въ свою очередь разочаровались въ своей первоначальной надеждѣ сломить въ короткій срокъ силу Аоніи; для нихъ тяжелой незаживающей раной было занятіе врагомъ Пилоса и Киоеры; помимо того, что отсюда совершались грабительскіе набѣги, эти опорные пункты привлекали перебѣжчиковъ изъ среды гелотовъ, и можно было каждую минуту ожидать большого общаго возстанія крѣпостныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнулось и общее положеніе Спарты среди пелопоннесскаго союза; къ тому же приближался срокъ окончанія мира съ вѣчнымъ соперникомъ Аргосомъ, и Спартѣ надо было скорѣе заключить миръ, чтобы развязать себѣ руки въ ближайшемъ сосѣдствѣ. На предварительныхъ совѣщаніяхъ уговорились, что обѣ стороны выдадутъ захваченныя во время войны территоріи. Затѣмъ аонскіе послы, среди нихъ Никій и Демосеонъ, отправились въ Спарту, куда въ свою очередь были вызваны делегаты пелопоннесскаго союза. Беотійцы, элейцы, коринѣяне и мега-

рые отвергли условія мира; но большинство союзниковъ голосовало вмѣстѣ со Спартой.

Мирный трактатъ 421 года (въ исторіи за нимъ осталось имя Никіева мира) очень любопытенъ уже по своей формѣ. Онъ начинается съ объявленія автономіи общегреческаго святилища въ Дельфахъ и взаимнаго обѣщанія примиряющихся сторонъ предоставить каждому свободное безпрепятственное посѣщеніе Дельфійскаго храма и оракула. Миръ между Спартой, Аоніями и союзниками той и другой державы заключенъ на 50 лѣтъ и долженъ соблюдаться «безъ хитрости и вреда, на морѣ и на сушѣ». Недоразумѣнія могутъ быть разрѣшаемы справедливимъ (третейскимъ) судомъ въ формахъ, принятыхъ по соглашенію. Цѣлый рядъ специальныхъ условій опредѣляетъ положеніе фракійскихъ городовъ. Спарта обязуется ихъ выдать; они снова будутъ платить взносы, установленныя при Аристидѣ, но сохранять автономію. Аоніи въ свою очередь должны выдать Пилосъ и Киоеру.

Что касается выполненія условій, положеніе Аоніи было менѣе выгодно, чѣмъ Спарты: Пилосъ и Киоеру аоняне держали въ своихъ рукахъ и, слѣд., могли отдать по договору; фракійскіе города находились собственно внѣ сферы досягаемости для Спарты; большею частью они примкнули по собственному желанію къ пелопоннесскому союзу, и поэтому условіе отдать ихъ назадъ было неисполнимо. Но разъ Спарта не выдавала Амфиноля, аоняне считали себя въ правѣ удержать Пилосъ. Въ цѣломъ, несмотря на громадныя потери, Аоніи вышли благополучно изъ кризиса: противникамъ не удалось пресѣчь въ корнѣ развитіе аонской морской монополіи, и прежняя опасность продолжала угрожать Пелопоннесу. Споры греческихъ общинъ, затянувшіеся съ 433 года, не были рѣшены и въ 421 году. Но Никіевъ миръ важенъ не только для взаимоотношеній греческихъ кантоновъ. Косвенно онъ имѣлъ очень большое значеніе для общаго положенія греческаго міра. Ожесточенная внутренняя борьба такъ ослабила Грецію и въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи, что теперь для персовъ, которыхъ аоняне держали въ извѣстномъ страхѣ, опять открылась возможность вмѣшательства въ греческія дѣла. Когда аоняне въ 415 году отвлекли главныя свои силы въ большое предпріятіе на отдаленномъ западѣ, эта возможность еще значительно возросла.

¹ Плут. Перикл. 20; Дюд. XII, 11 и 35. ² Пл. Пер. 25—8; Дюд. XII, 27—28; Оук. I, 115—117. ³ Оук. IV, 102, 106, 108. ⁴ Пл. Пер. 20. ⁵ Исократ. Ареопагит. 27; Схолія къ Аристоф. Миру 145; Ксеноф. Греч. ист. V, 1. ⁶ Арист. Ае. под. 24. ⁷ Оук. I, 141. ⁸ Схолія къ Аристоф. Ахарид. 67 и къ Облак. 31. ⁹ Эврип. Умоляющія 403—56. ¹⁰ Аристоф. Всадн. 188—9. ¹¹ Соф. Лянт. 1036. ¹² Эврип. фрагм. 293. ¹³ Пл. Пер. 32—33. ¹⁴ Оук. I, 23. ¹⁵ Оук. I, 24—66. ¹⁶ Оук. I, 67—87. ¹⁷ Аристоф. Миръ 600—6. ¹⁸ Оук. II, 65. ¹⁹ Оук. I, 83. ²⁰ Оук. I, 140—4. ²¹ C J A I, 40 = Dittenberger Sylloge 32. ²² Оук. II, 65; Пл. Пер. 24—26. ²³ Аристоф. Всадн. 129 и слѣд. ²⁴ Оук. III, 36. ²⁵ Оук. III, 37—49, одно изъ самыхъ захватывающихъ мѣстъ въ разсказѣ историка. Въ качествѣ противника Клеопова авторъ выводитъ Діодота, но мы чувствуемъ, что устами этого оратора экклесія говоритъ самъ Оукидидъ, жалуясь на нетерпѣливость и придирчивость аѳинскаго демоса, на невниманіе его къ совѣтамъ искреннихъ и разсудительныхъ людей. Въ той же рѣчи развита тема, не имѣющая отношенія къ Лесбосу и вообще мало подходящая для дебатовъ въ экклесіи, но крайне характерная для гуманнаго міровоззрѣнія Оукидида; Діодотъ говоритъ о постепенномъ развитіи жестокости въ уголовномъ правѣ и въ практикѣ администраціи; всю систему новой устрашительной политики онъ считаетъ бесполезной и недѣйствительной. ²⁶ Оук. III, 82—84. ²⁷ Оук. IV, 28. ²⁸ Оук. III, 19. ²⁹ Аристоф. Осы 31 и слѣд. ³⁰ Cavaignac Et. s. l'hist. financ. d'Athènes, p. 129. ³¹ Въ пьесѣ Δῦρε: стр. 100 и 117. ³² Аристоф. Всадн. 1087—89. ³³ Оук. IV, 132. ³⁴ Оук. V, 14.

VIII. Паденіе Аѳинской державы.

Политическія послѣдствія большой междоусобной войны. Въ серединѣ V вѣка демократическія формы жизни—предметъ всеобщаго восторга или всеобщей зависти. Демократической республикѣ выпадаютъ на долю наибольшіе успѣхи внѣшней политики, демосъ превосходно устраиваетъ свои интересы во внутреннихъ дѣлахъ. Олигархическіе круги, т.-е. землевладѣльцы, негоціанты, банкиры, должны ухаживать за народомъ, т.-е. крестьянствомъ, ремесленниками, моряками. Въ литературѣ на очереди прославленіе народнаго верховенства, или «господства массы», какъ говорилъ Геродотъ.

За время большой общегреческой войны намѣтился тяжелый кризисъ демократіи. Эту катастрофу народоправства создало само междоусобіе. Въ теченіе войны демократія начинаетъ глубоко видоизмѣняться. Все болѣе и болѣе она превращается въ массу разоренныхъ людей, лишившихся правильнаго дохода и заработка и поэтому обращающихся къ захвату добычи на сторонѣ. Свое домашнее обнищаніе и скудость вонтели стараются поправить контрибуціями и усиленными налогами. Бремя податей и повинностей ложится все тяжеле на богатые и зажиточные классы, въ то время, какъ бѣдняки, оеты, ничего не теряютъ отъ войны, напротивъ, живутъ ея изживденіемъ. Такимъ образомъ, война рѣзко раздѣлила интересы имущихъ и немущихъ: первые становятся противниками войны и вслѣдствіе этого противниками демократіи. Въ видѣ дополненія къ войнѣ между общинами и продолженія ея разгорается борьба классовъ внутри общинъ. Въ небольшихъ кантонахъ эти явленія выступаютъ ярче и грубѣе и называются раньше, чѣмъ въ крупной аѳинской республикѣ: уже въ первые годы войны въ Митилентѣ и на Коркирѣ рознь классовъ раздражается жестокой взаимной рѣзней. Общественное мнѣніе начинаетъ поворачиваться противъ демократіи: литераторы и публицисты принимаютъ критиковать народную форму правленія, находятъ въ ней волюющіе недостатки; растетъ и усиливается оппозиція, которая ставитъ своею цѣлью сокрушить демократію.

Реакціонная оппозиція въ Аѳинахъ. Ни одинъ изъ античныхъ историковъ не далъ намъ того, что мы называемъ исторіей общества, но матеріала для нея у греческихъ писателей разбросано много, и восстановить социальную картину эпохи Пелопоннесской войны вполне возможно.

Въ числѣ недовольныхъ демократіей на первомъ мѣстѣ богатый слой гражданъ, οἱ δυνατοὶ τῶν πολιτῶν, какъ ихъ называетъ Фукидидъ. Демократическая система финансовъ вообще состояла въ прогрессивномъ обложеніи; на людяхъ, сильныхъ капиталомъ, лежали наибольшія повинности, особенно по снаряженію кораблей и по устройству празднествъ вмѣстѣ съ театральными представленіями; въ эпохи сравнительно спокойныя богатая часть гражданства мирилась съ тяжестью налоговъ и поставокъ, потому что возмѣщала всѣ вычеты прибылью отъ торговли и отъ политическаго господства Аѳинъ. Во время войны выгоды какъ чисто-экономическаго свойства, такъ и тѣ, которыя получались отъ великодержавнаго положенія, очень сократились, а между тѣмъ отъ людей состоятельныхъ требовались все новыя и новыя жертвы на оборону, на экспедиціи и т. д. Понятно, что въ сознаніи богатыхъ они-то именно казались «самыми обиженными судьбой»¹. Въ Аѳинахъ высшій имущественный слой до извѣстной степени покрывается военнымъ понятіемъ всадниковъ (ἵππιται), но не вполне: всадники—всѣ люди богатые, но въ то же время это званіе наследственное, почетное, своего рода нобилитетъ, или дворянство. Мы уже видѣли всадниковъ въ качествѣ консервативной силы, къ которой обращался со слезной мольбой врагъ войны и воинственной демократіи Аристофанъ. Повидимому, они сдѣлали еще одинъ шагъ дальше, примкнули къ олигархическимъ клубамъ, работавшимъ надъ низверженіемъ демократіи: въ 411 году во время переворота золотая молодежь изъ класса гиппеевъ выступаетъ въ качествѣ гвардіи на службѣ вождей олигархической революціи².

Если обозначать классы видомъ оружія, то дальше за гиппеями, въ числѣ противниковъ демократіи слѣдуетъ назвать гоплитовъ. Оппозиція гоплитовъ выясняется изъ слѣдующихъ фактовъ. На гоплитовъ противъ моряковъ (т.-е. преимущественно оетовъ) пытались въ 411 г. опереться умѣренные олигархи (особенно Θераменъ), когда рушился планъ управленія замкнутаго тайнаго совѣта. Гоплитовъ считали въ то время въ Аѳинахъ около 5.000 человекъ; строемъ Пяти тысячъ и былъ названъ порядокъ, составленный изъ смѣшенія олигархій и демократіи, который Фукидидъ считаетъ наилучшей конституціей Аѳинъ³. Пастари гоплитами были преимущественно мелкіе зажиточные землевладельцы Аттики. Они жестоко пострадали отъ пелопоннесскихъ на-

шествій первыхъ шести лѣтъ большой войны; едва они вернулись къ мирному воздѣлыванію полей, едва начали заѣчивать разореніе своихъ хозяйствъ, какъ безпокойный морской демосъ сталъ затѣвать новыя и новыя экспедиціи, и уже гоплитамъ приходилось выступать не по близости родины въ борьбѣ съ сосѣдями, а выѣзжать въ далекіе походы. Разладъ между сельской и городекой демократіями становился все сильнее, и первая оттѣснялась все больше въ оппозицію.

Помимо этихъ обширныхъ слоевъ недовольнаго гражданства, надо назвать еще одинъ элементъ: въ обычной характеристикѣ партій его забываютъ отмѣтить особо, но это та группа, которая составляетъ какъ бы руководящій штабъ оппозиціонной арміи и служить спайкой различныхъ входящихъ въ нее частей. Въ самомъ дѣлѣ, недовольные землевладельцы и садоводы, капиталисты и люди средняго достатка никогда не могли бы образовать такихъ компактныхъ партій, никогда не могли бы такъ рѣшительно идти къ цѣли низверженія радикальной демократіи, если бы во главѣ ихъ не стала интеллигенція, которая дала имъ программы, аргументы, идеологію и публицистику. Интеллигентный слой выработалъ особое понятіе «порядочныхъ людей» (καλοὶ καγαθοὶ) въ видѣ противоположности народной черни. Авторъ анонимной брошюры объ аѳинскомъ строеѣ даетъ очень отчетливое опредѣленіе людей порядочнаго общества; въ качествѣ признаковъ этой группы не упоминается ни богатство, ни родовитость; говорится только о военнотанности, образованіи, выучкѣ, дисциплинѣ и технической добросовѣстности, тогда какъ у плебейства характерно невѣжество и отсутствіе выдержки. Опредѣленіе это явно создано въ средѣ людей, прошедшихъ извѣстную школу и гордыхъ своей школьной выучкой. Для Аѳинъ 30-хъ годовъ V вѣка интеллигенція, какъ особый общественный слой,—еще нѣчто новое. Десять-пятнадцать лѣтъ спустя она составляетъ замѣтную силу и обладаетъ весьма опредѣленной физиогноміей. Въ глазахъ Фукидида, одного изъ самыхъ тонкихъ и изящныхъ умовъ этой среды, Аѳины—наиболѣе оживленный притягательный центръ для всѣхъ жаждущихъ знаній, художественныхъ и научныхъ наслажденій. Въ своемъ увлеченіи Аѳинами, какъ законодательницей вкусовъ и уметвенныхъ направленій, онъ заставляетъ Перикла назвать городъ «культурной школой всей Эллады»⁴. Для перикловскаго времени это обозначеніе нѣсколько преждевременно и у Фукидида объясняется тѣмъ, что все хорошее онъ старается возвести къ идеальному демагогу Аѳинъ. Другое дѣло—последняя треть V вѣка. Къ этой порѣ интеллигенція въ Аѳинахъ не только выросла количественно, но—что главное—она овладѣла новой группой пріемовъ и свѣдѣній, она усвоила уроки новой школы, которую принято называть *софистичкой*.

Софистическое просвѣщеніе. Ученые популяризаторы, преподаватели и лекторы послѣдней трети V вѣка, обыкновенно называемые софистами, занимались всѣми вопросами знанія, но на первомъ мѣстѣ для нихъ стояли юридическія теоріи, и особенно ученія государственноп-правовыя, этико-политическія. Теоретическіе споры по этимъ вопросамъ примыкаютъ прямо къ политической борьбѣ. Понятно, что въ демократической республикѣ, гдѣ особенно сильно развились публичные дебаты, государственное право должно было по преимуществу расцвѣсти. Ученая среда вырабатываетъ новое понятіе «естественнаго права». Она ставитъ на очередь вопросъ объ отношеніи между тѣмъ, что можно назвать «голосомъ природы» (*φύσις*), и положительнымъ правомъ, или закономъ (*νόμος*). Здѣсь мнѣнія рѣзко раздѣляются.

Протагоръ учитъ, что общество возникло изъ потребности отдѣльныхъ людей сплотиться въ борьбѣ за мѣсто на землѣ среди другихъ физически лучше вооруженныхъ существъ. Человѣческій умъ направился не только на технику, но и на выработку тѣсныхъ формъ общенія. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершенствуются эти формы, и въ современномъ государствѣ мы видимъ, людей наиболѣе скрѣпленными чувствомъ солидарности; въ каждомъ человѣкѣ заложена основа политической честности (*πολιτικὴ ἀρετή*), или преданности общему дѣлу; необходимо лишь развить это качество, вложенное самой природой, въ сознательное убѣжденіе, надо воспитывать гражданъ къ пониманію тѣхъ условій, на которыхъ держится общежитіе⁵. Протагора можно назвать утилитаристомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ этотъ старѣйшій изъ софистовъ является консерваторомъ въ сравненіи съ послѣдующими теоретиками государственнаго права. Для него принципы идеальнаго или естественнаго права примиряются съ существующими формами государства, собственности и семьи; онъ даетъ идеалистическое оправданіе демократіи, какъ государственной формѣ, воплотившей въ себѣ право.

Въ видѣ рѣзкаго возраженія Протагору, выступаютъ другіе ученые теоретики, примыкающіе къ болѣе пессимистическому взгляду на природу человѣка. Они учатъ, что въ основѣ общежитія лежитъ взаимная борьба людей за существованіе. Установившійся порядокъ—всюду результатъ побѣды сильныхъ элементовъ надъ слабыми. Сообразно тому, какъ устроены силы, достигающія торжества, видоизмѣняются и государственныя формы: въ тиранніи господствуетъ одна выдающаяся личность, въ аристократіи—группа богатыхъ и могучихъ людей, въ демократіи—масса неимущихъ, которые въ отдѣльности очень слабы, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ способны сплотиться въ большую коллективную силу. Право есть только механической результатъ фактическихъ отношеній. Общій законъ въ международной жизни тотъ же, что въ

столкновеніяхъ внутреннихъ партій: господство силы. Вотъ принципъ международнаго права, который откровенно высказывается дипломатіей: «всѣмъ хорошо извѣстно, что о правѣ говорятъ только тогда, когда спорящія стороны находятся въ одинаково принудительныхъ условіяхъ; какъ только есть перевѣсъ на одной сторонѣ, сильные позволяютъ себѣ все, что только достижимо имъ, а слабые подчиняются имъ». Въ человѣкѣ заложено природой неудержимое влеченіе къ господству; само собою понятно, что онъ стремится къ обладанію тѣмъ, что только въ силахъ захватить⁶. Школа, выдвинувшая столь реалистическую теорію, заявила себя въ Афинахъ, повидимому, промче, чѣмъ болѣе ранняя консервативная. Даже официальные руководители демократіи, когда заходила рѣчь о положеніи афинянъ въ державѣ, о власти ихъ надъ союзниками, готовы были признавать открыто культъ силы. У Фукидида одинаково и умѣренный Перикль, и радикальный Клеонъ считаютъ, что господство афинянъ надъ союзниками есть произволь, но если таково неизбѣжное положеніе вещей, всѣ усилія афинянъ должны быть направлены на удержаніе разъ сложившейся тиранніи. Однако разсужденіемъ о естественномъ правѣ, какъ правѣ силы, могли воспользоваться и противники демократіи. Въ ихъ глазахъ временное торжество организаціи слабыхъ надъ выдающимися и могучими, истинно сильными людьми ничего не доказываетъ. Демократія, попирая естественное неравенство, созданное природой, составляетъ форму несправедливую и противоестественную. Во имя права личности, въ цѣляхъ возстановленія органически предудказаннаго порядка, слѣдуетъ бороться съ тиранніей немогущихъ. Въ этой борьбѣ за право, которое единственно согласно съ природой, допустимы всѣ средства, и такимъ образомъ естественное право служитъ оправданіемъ олигархической революціи.

При всемъ глубокомъ расхожденіи юридическихъ теорій, выставленныхъ софистами, онѣ заключаютъ въ себѣ одну общую черту: всѣ онѣ совершенно игнорируютъ божественныя или вообще какія-либо сверхъестественныя и мистическія силы. Въ глазахъ представителей софистическаго просвѣщенія мѣръ человѣческихъ отношеній управляется исключительно чувствами, влеченіями и мнѣніями людей.

Въ эпоху Пелопоннесской войны теоріи, выдвинутыя софистами, волновали публику необыкновенно живо и остро; относящіяся сюда вопросы дебатировались непрерывно въ различныхъ кругахъ; отъ прѣзжаго лектора ожидали прежде всего доклада на тему о положительномъ правѣ и его отношеніи къ праву естественному. Въ народномъ собраніи ораторы старались вставить въ свои рѣчи особенно эффектные формулировки общихъ вопросовъ, развить нѣсколько общихъ разсужденій. Разъ эта мода юридическихъ построеній и аргументацій сдѣ-

далась столь распространенной и заразной, появился спрос на техническую подготовку къ чтенію лекцій, изложенію докладовъ, составленію рѣчей и веденію споровъ, иначе говоря, появилась потребность риторическаго и діалектическаго обученія. Практика судовъ, состязаніе частныхъ обвинителей и защитниковъ, заставляла систематически работать надъ словомъ; что касается эллисовъ, то она въ сущности являлась тоже большой судебной ареной, гдѣ публика привыкла взвѣшивать искусство аргументаціи спорящихъ сторонъ и куда скоро также провикли вкусы софистическихъ аудиторій. Искусство риторическихъ построений и діалектическихъ оборотовъ и выпадовъ вырабатывалось у иныхъ софистовъ и ихъ учениковъ до виртуознаго умѣнья. Мастеръ слова готовъ былъ и самъ любоваться на свои приемы. Примѣромъ такого увлеченія софистическимъ искусствомъ служить Фукидидъ. Онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи вставить въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи параллельныя рѣчи, при чемъ главная цѣль сочинителя какъ будто состоитъ въ томъ, чтобы развить съ одинаковою убѣдительною двѣ радикально противоположныя точки зрѣнія. Фукидидъ постоянно работаетъ надъ составленіемъ замысловатыхъ антитезъ, симметрически красивыхъ сопоставленій, придумываетъ особенно выразительныя слова, оттачиваетъ сентенціи. Архитектура его рѣчи иногда кажется слишкомъ затѣливой и перегруженной; но по временамъ приходишь въ невольный восторгъ отъ великолѣпныхъ изобрѣтеній его стили; не забудемъ, что это и есть стиль ученой софистики. У Фукидида можно найти интересный панегирикъ неустойчиво сильной, убѣдительно мощной рѣчи; онъ говоритъ какъ-то, что люди обыкновенно склонны отдаваться нерасчетливому надеждамъ, но, когда имъ не правится ожидаемое стеченіе обстоятельствъ, они умѣютъ отдѣлаться отъ неприятныхъ мыслей самодержавнымъ словомъ (*λογισμὸς ἀυτοκράτορι*)⁷.

Съ рационализмомъ въ юридическихъ, политическихъ и моральныхъ ученіяхъ обыкновенно идетъ объ руку эмпиризмъ естественно-научнаго мышленія; если между той и другой группой воззрѣній и нѣтъ прямой логической связи, то несомнѣнно имѣется сильное взаимное тяготѣніе. Руководители софистическаго просвѣщенія въ Греціи распространяли, вмѣстѣ съ теоріей естественнаго права, также новѣйшія астрономическія и физическія ученія. Ихъ ученики, сколько можно судить, были матеріалистами, атеистами, агностиками или сторонниками религіи разума.

Пропаганда новаго просвѣщенія внесла элементъ рѣзкихъ столкновений въ аонское общество, какъ бы расколола его на части. Трудно отыскать болѣе жестокую литературную вражду, чѣмъ та, которая раздѣляетъ Аристофана и Эврипида. Въ качествѣ защитника староза-

вѣтной культуры Аонъ комикъ яростно нападаетъ на драматурга-модерниста за его сантиментальную раздражительность во вкусѣ избалованной публики, а также за его наклонность къ софистической диалектикѣ и къ рискованнымъ новѣйшимъ теоріямъ. Но еще глубже ненависть Аристофана, судя по его знаменитой комедіи «Облака», къ философу Сократу, котораго онъ считаетъ отцомъ зла, главнымъ руководителемъ аонской разрушительной софистики и наставникомъ оппозиціонной молодежи. Въ какой мѣрѣ правъ Аристофанъ?

Просвѣтительная дѣятельность Сократа. Обычная характеристика Сократа, какъ «учителя правды», презрѣвшаго космическіе и физиологическіе вопросы ради моральныхъ, ради познанія души человѣческой, не можетъ не казаться намъ теперь дѣтски безпомощной и составленной по трафарету весьма грубаго школьнаго поученія. Это пониманіе Сократа лишь отчасти опирается на изображенія, составленныя двумя его учениками, Платономъ и Ксенофонтомъ. Оба они писали значительно позже смерти Сократа, писали съ цѣлью восстановленія памяти и оправданія любимаго учителя, о многомъ существенномъ умолчали, многое идеализировали, украсили и преувеличили. Но и они не въ такой ужъ мѣрѣ виноваты въ аляповатой моралистической баснѣ о Сократѣ, и они разсказываютъ о немъ много живаго и реальнаго. Однако очень трудно выдѣлать достоверное какъ въ Диалогахъ Платона, такъ и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта, пока не найдешь опоры у современнаго свидѣтеля.

Такимъ современникомъ именно можетъ служить Аристофанъ, несмотря на жестокую ненависть къ Сократу и наклонность къ карикатурѣ. Въ концѣ-концовъ нетрудно разобрать, гдѣ у него кончается изображеніе дѣйствительности, и гдѣ начинается необузданный вымыселъ. Корзинка, въ которой виситъ астрономъ-Сократъ между небомъ и землей, грубая символическая мистификація, продѣлываемая учеными шарлатанами надъ довѣрчивымъ прозелитомъ школы, балаганная теорія, въ силу которой дѣти могутъ бить родителей со ссылкой на міръ животныхъ,—все это, конечно, буффонады Аристофана. Но глобусъ въ лабораторіи Сократа, геодезическіе инструменты тамъ же, проблема измѣренія земли, рѣшаемая въ ученой школѣ, наконецъ, самый фактъ интереса учителя молодежи къ метеорологическимъ вопросамъ, который такъ ярко выдѣленъ въ комедіи «Облака»,—все это явно подхваченныя изъ жизни явленія. Для насъ не можетъ быть сомнѣнія, что Сократъ стоялъ во главѣ кружка, увлекавшагося физическими изслѣдованіями и, слѣд., былъ очень далекъ отъ презрѣнія къ естественнымъ наукамъ; очевидно, это увлеченіе было настолько ярко, что на немъ комикъ рѣшился построить всю свою пародію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы по-

лучаемъ возможность провѣрить любопытный разсказъ Платона о своемъ учителѣ. Въ «Федонѣ» говорится, что Сократъ въ свои ранніе годы занимался проблемой формы земли и рѣшалъ вопросъ, о томъ, имѣетъ ли она плоскую или шаровидную форму⁸. Не отрицая факта интереса Сократа къ астрономическимъ теоріямъ, Платонъ старается представить эти занятія въ качествѣ юношескаго увлеченія. Но Аристофанъ служигъ порукой, что еще въ концѣ 20-хъ годовъ V вѣка, т.-е. когда Сократу было подѣ 50 лѣтъ, онъ продолжалъ заниматься космографіей и даже руководить въ этой области занятіями цѣлой группы младшихъ коллегъ.

У Аристофана есть еще другое очень цѣнное указаніе. Въ его изображеніи ученый институтъ Сократа не только астрономическая и метеорологическая обсерваторія, но также школа діалектики и эристики, т.-е. искусства вести споръ. Аристофанъ очень не любитъ этой новой повадки въ Аѣнахъ, этого злого искусства, въ его глазахъ фиглярскаго и мошенническаго; во всѣхъ почти комедіяхъ онъ обращается къ изображенію софистическаго кляузничества, а въ «Облакахъ» хочетъ нарисовать какъ бы главный очагъ заразы, свившей себѣ гнѣздо въ Аѣнахъ. Можно отвергнуть цѣликомъ оцѣнку софистики, данную Аристофаномъ, но нельзя не принять его фактическаго указанія: Сократъ былъ мастеромъ спора, и, вѣроятно, у него учились діалектикѣ и эристикѣ. Свидѣтельство Аристофана позволяетъ намъ опять воспользоваться для реальной характеристики Сократа однимъ изъ раннихъ діалоговъ Платона—«Протагоромъ». Здѣсь Сократъ представленъ блестящимъ противникомъ Протагора и какъ разъ именно онъ, мало до тѣхъ поръ извѣстный аѣнининъ, забиваетъ заѣзжаго профессора своимъ діалектическимъ талантомъ. Въ діалогѣ Платона настоящій софистъ новаго направленія, это—Сократъ; Протагоръ, напротивъ, представитель отсталой манеры тяжеловѣснаго изложенія мыслей въ видѣ странной лекціи. Яркій и живой разсказъ Платона какъ бы отражаетъ впечатлѣніе большого словеснаго турнира, дѣйствительно разыграннаго въ Аѣнахъ и очень памятнаго аѣнской интеллигенціи. Результатъ его въ сознаніи мѣстныхъ кружковъ можно было бы кратко выразить въ такихъ словахъ: «у насъ въ Аѣнахъ есть свой геній софистики, и онъ едва ли не лучший во всей Греціи!»

На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ можно не только установить кругъ интересовъ Сократа, но также выяснитъ характеръ его ученаго направленія. Видимо, аѣнскій софистъ не замыкался въ узкой специальности, не былъ изслѣдователемъ въ одной опредѣленной научной области. Его познанія носили скорѣе энциклопедическій характеръ, его умъ отличался широтой и разнообразіемъ, и лучше всего Сократа

можно было бы опредѣлить, какъ живого и талантливаго популяризатора въ различныхъ областяхъ знанія.

Политическія идеи сократовскаго кружка. Все тотъ же Аристофанъ даетъ нѣсколько намековъ для выясненія политической фізіогноміи Сократа. Въ «Птицахъ», поставленныхъ черезъ восемь лѣтъ послѣ «Облаковъ», говорится о новомъ увлеченіи интеллигентскихъ кружковъ: «вѣ были помѣшаны на законизмѣ, на спартанскихъ модахъ, носили длинныя локоны, упражнялись въ перенесеніи голода, изображали изъ себя сократовъ, расхаживали съ дубинками»⁹. Этотъ коротенькій отрывокъ необычайно любопытенъ. Прежде всего, въ немъ отмѣчено спартаофильство извѣстной группы аѣнинянъ, а эта черта даетъ чрезвычайно опредѣленный политическій обликъ: друзья и подражатели спартанцевъ всегда враги демократіи. Далѣе ясно, что аскетическая повадка Сократа и нѣкоторыхъ его учениковъ не столько вытекала изъ моральнаго ученія о самоотреченіи, сколько была гигиенической модой аристократическаго отѣнка. Наконецъ, характерно, что имя Сократа стало нарицательнымъ для обозначенія людей, не сочувствующихъ демократіи. Указанія Аристофана заставляютъ насъ обратить вниманіе на тѣ мѣста Воспоминаній Ксенофонта, гдѣ Сократъ выступаетъ недоброжелателемъ демократіи. Вотъ, напр. Сократъ ободряетъ молодого Хармида, собирающагося говорить передъ экклесіей и очень смущеннаго отъ предстоящей встрѣчи лицомъ къ лицу съ требовательнымъ верховнымъ демосомъ. «Кого ты боишься? — иронизируетъ Сократъ. — Неужели этихъ шертоботивовъ, портныхъ, столяровъ, слесарей, крестьянъ, лавочниковъ, торгашей, которые норовятъ купить дешевле, продать дороже? Вѣдь изъ этого сброда и состоитъ наша экклесія». Между прочимъ Ксенофонтъ, вообще довольно наивный и неглубокій, сохранилъ намъ великолѣпный образчикъ сократовской политической критики. Въ кружкѣ Сократа доставляли себѣ удовольствіе маленькой фантазіей, въ которой подвергался осмѣянію ни кто иной, какъ великій Периклъ. Воображаемый діалогъ¹⁰ стоитъ привести потому, что онъ представляетъ иллюстрацію діалектической манеры софистовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Перикла, у котораго подѣ опекой Алквивада въ эпоху наибольшей политической славы знаменитаго вождя демократіи. Способный и ядовитый мальчишка урываетъ у вѣчно занятаго политика минутку досуга и въ качествѣ *enfant terrible* донимаетъ его вопросами. «Ради Бога, научи меня, что такое законъ? Я постоянно слышу, что хвалятъ извѣстныхъ людей за соблюденіе законовъ, но вѣдь я думаю, подобная похвала незаслужена, если не знаешь, что такое законъ». — «Это очень нетрудно, — отвѣчаетъ Периклъ. — Все, что народъ въ своемъ общемъ собраніи призналъ правильнымъ и утвердилъ въ каче-

ствѣ предписаній, составляетъ законъ».—«А что онъ предписываетъ: добро или зло?»—«Ну конечно, добро, какъ же иначе?»—«А если при олигархическомъ строѣ постановять что-нибудь немногіе власть имущіе, что это будетъ?»—«Все, что предпишетъ верховная власть въ общинѣ, зовется закономъ».—«Такъ что и предписанія тиранна составляютъ законъ?»—«И предписанія тиранна въ качествѣ верховной власти составляютъ законъ».—«Ну, а что же такое насиліе и беззаконіе? Не дать ли намъ такое опредѣленіе: если сильнѣйшій заставляеть слабѣйшаго, противъ убѣжденія, дѣлать то, что ему, сильному, угодно?»—«Вѣрно», говоритъ Перикль, не замѣчая поставленной западни.—«Значить, приказы тиранна, принуждающаго къ чему-нибудь гражданъ противъ ихъ убѣжденія, составляютъ произволь и беззаконіе?»—«Конечно,—говоритъ Перикль,—и я долженъ взять назадъ свое опредѣленіе, что приказы тиранна тоже суть законы». Перикль уже попался; его опредѣленіе не выдержало первой діалектической перестрѣлки. Но на этомъ не кончается издѣвательство. Алкивиадъ спрашиваетъ дальѣ: «Значить и то, что олигархія постановить противъ убѣжденія народа,—вовсе не законъ, а беззаконіе, произволь?»—«Да, разумѣется».—«Но и то, что народъ въ демократическомъ государствѣ, гдѣ за нимъ сила, постановить противъ убѣжденія богатыхъ, скорѣе произволь, чѣмъ законъ?» Теперь автору фантастическаго разговора остается дать Периклу послѣдній ударъ изъ милости, и онъ такъ заканчиваетъ діалогъ. «Конечно, ты правъ,—говоритъ совершенно сбитый и пристыженный великій демагогъ своему молодому собесѣднику,—и мы тоже, когда были въ твоемъ возрастѣ, мастерски вели подобныя споры; мы все разсуждали и добились толку въ томъ самомъ, что и тебя теперь занимаетъ».—«Желалъ бы я видѣть тебя, когда ты былъ непобѣдимый мастеръ на такія вещи», говоритъ Алкивиадъ съ иронической усмѣшкой.

Посрамленіе Перикла придумано сократовцами съ очень опредѣленной цѣлью: вожди народа всегда утверждали, что демократія—правовое государство; а вотъ самъ прославленный величайшій дѣятель Аѣннъ долженъ признать, что демократія—такое же господство силы, какъ и всякая другая власть, несколько не лучше тиранніи. Въ тѣхъ же кругахъ ходили еще болѣе рѣзкія сужденія о демократіи. Вотъ, напр., объясненія, которыя, по словамъ Фукидида, будто бы далъ спартацкому правительству Алкивиадъ, бѣжавшій въ 415 году отъ смертной казни, присужденной ему аѣнской демократіей, Алкивиадъ аттестуетъ себя давнишнимъ другомъ Спарты; вмѣстѣ съ другими аѣнскими своими единомышленниками онъ былъ вынужденъ скрывать свои убѣжденія и подчиняться демократіи; но вѣдь правленіе народа—общепризнанная безмыслица (*ἀνολογοσύνην ἔχεις* 11). Видимо Алкивиадъ произ-

носить словечко, установившееся прочно въ той средѣ, гдѣ онъ вращался, а онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Сократа; очень правдоподобно, что выраженіе и придумано главнымъ духовнымъ направителемъ оппозиціоннаго движенія.

Можно ли найти въ школѣ Сократа, помимо критики и отрицанія демократіи, извѣстныя положительныя политическія воззрѣнія? Оба ученика, нарисовавшіе образъ Сократа, Платонъ и Ксенофонтъ, развиваютъ, каждый на свой ладъ, одну очень опредѣленную мысль учителя, сущность которой можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Политика вовсе не дѣло толпы; политическое пониманіе не дается всѣмъ и каждому. Что же касается до искусства управленія, то оно составляетъ удѣлъ лишь очень немногихъ. Платонъ наираетъ на вдохновеніе свыше, на природныя дарованія, необходимыя для правителей; Ксенофонтъ, болѣе прозаическій,—на специальную техническую выучку; одинъ говоритъ, что править могутъ только философы, гениальные умы, благородная каста высокоинтеллигентныхъ людей, другой—, что политика—дѣло методической подготовки, технического совершенствованія, а потому править должны военные, инженеры, дипломаты, администраторы, прошедшіе специальную школу. Вѣроятно, въ ученіи Сократа были оба отбѣнка, и каждый изъ учениковъ обратилъ вниманіе только на то, что было ему самому сродни. Но общая мысль остается совершенно ясной: народное правленіе должно быть замѣнено формой олигархической, а правительство должно состояться изъ наиболѣе даровитыхъ, наилучше подготовленныхъ и обученныхъ людей страны, изъ цвѣта ея интеллигенціи. Роль Сократа въ образованіи аѣнской оппозиціи—лишь очень обща и, если можно такъ выразиться, волиѣ отвлеченна. Онъ далъ теоретическія основы новаго политическаго міровоззрѣнія и научилъ своихъ слушателей діалектическому фехтованію, вооружилъ ихъ технически для борьбы съ демократіей. Составлять политическія программы вовсе не было его дѣломъ; еще дальѣе отклонялся онъ отъ какой-либо дѣятельности въ клубахъ; и, наконецъ, безусловно враждебно относился Сократъ ко всякимъ попыткамъ ниспроверженія существующаго демократическаго строя. Можно волиѣ повѣрить его апологетамъ, что на практикѣ и въ личной жизни онъ былъ вѣрнымъ традиціямъ, консервативнымъ гражданиномъ Аѣннъ: ни въ 411 году, ни въ 404 онъ не выступаетъ ни въ какомъ смѣлѣ союзникомъ олигарховъ. Но если считать, что софистическая діалектика и критика дала оружіе противъ демократіи, то Сократъ, въ качествѣ гениальнаго аѣнскаго софиста, болѣе всего посодѣйствовалъ этой разрушительной работѣ.

Организація реакціонныхъ клубовъ. Въ смыслѣ практической подготовки антидемократическаго движенія всего больше, повидимому, сдѣ-

лаль Антифонть. По мнѣнію Фукидида, это былъ человѣкъ огромныхъ дарованій, настоящій изобрѣтатель новыхъ идей и удивительный мастеръ облекать ихъ въ соотвѣтствующія формы рѣчи. Въ демократіи Антифонть занялъ своеобразное положеніе: онъ избѣгалъ выступать въ народномъ собраніи и вообще въ публичныхъ дебатахъ, но всѣ боялись могущества его слова, и народъ считалъ его особенно опаснымъ врагомъ своимъ. Въ то же время Антифонть чрезвычайно охотно консультировалъ людей, которые готовились въ выступленіямъ въ судѣ и въ экклесіи, и никто болѣе его не могъ быть полезенъ политическимъ ораторамъ (разумѣется, враждебнымъ демократіи) ¹².

Это поведение выдающагося реакціонера очень характерно для людей его направленія. Условія аѳинской политической жизни не давали оппозиціи возможности выступать открыто и заставляли ее организоваться въ небольшіе замкнутые кружки. Частные союзы недовольныхъ впервые стали, повидимому, возникать, какъ орудіе самообороны противъ демократіи и ея придирчивыхъ вождей, постоянно подозрѣвавшихъ всюду измѣну и заговоръ. «Друзья» (φίλοι) связываютъ себя круговой порукой, чтобы обезпечить личную безопасность среди вѣчной тревоги демократіи. Гетерія (союзъ товарищей) принимаетъ форму орденскаго соединенія, члены ея даютъ взаимныя клятвы, образуютъ заговоръ. Нечувствительно эти союзы взаимной защиты переходятъ въ орудіе нападенія. Фукидидъ называетъ гетеріи эпохи Пелопоннесской войны *ξυνομοσία ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς* ¹³, т.-е. союзами на присягѣ для взаимной поддержки въ судѣ и при выборахъ. Это обозначеніе можно понять въ томъ смыслѣ, что враги демократіи силачивались на выборахъ для того, чтобы провести своего единомышленника или провалить нежелательнаго кандидата. Еще шире они могли примѣнить свою организацію на судѣ. Въ Аѳинахъ за отсутствіемъ прокуратуры былъ открытъ большой просторъ частному обвиненію, и это создало характерное явленіе аѳинской жизни, сикофантію: составила особая группа обвинителей и доносчиковъ, у которыхъ политическая тяжба обратилась до извѣстной степени въ промыселъ. Достигнувъ извѣстной силы, гетерія могла выбирать опредѣленную жертву, нанимать доносчиковъ; члены ея соединяли на судѣ свои показанія и оказывали давленіе на присяжныхъ. Съ возрастаніемъ роли гетерій такіе процессы стали служить односторонней травлѣ и истребленію политическихъ дѣятелей, стоявшихъ за демократію.

Демократія боится заговорщиковъ и преслѣдуетъ ихъ; Аристофанъ изображаетъ Клеона въ вѣчной и непримиримой борьбѣ съ членами тайныхъ организацій (*ξυνομόται*); вездѣ ему чудится заговоръ. Безпокойство Клеона далеко не есть ложная тревога: составляя тайны,

запрещенныя закономъ соединенія, клубы сознательно становятся на почву антигосударственную, враждебную дѣйствующему праву демократической республики. Осмѣливаясь все больше и больше, соединяя разрозненныя усилія, они, наконецъ, готовятъ насильственный переворотъ съ цѣлью низверженія народнаго правленія (*ξυνομοσία ἀντινομῶν πραγμάτων καὶ δήμου καταλύσεως*) ¹⁴. Выраженіе Фукидида въ данномъ случаѣ звучитъ какъ бы официальной формулой обвиненія, предъявляемаго заговорщикамъ и революціонерамъ. Возбужденное отношеніе демоса къ неуловимымъ заговорщикамъ весьма понятно: они страшны не только своими цѣлями, но и своимъ настроеніемъ, тѣмъ, что они руководятся какимъ-то сектантскимъ фанатизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, революціонеры, становясь въ непримиримое отношеніе къ существующему строю, создаютъ для себя новое право, которое можно назвать религіознымъ. Они скрѣпляютъ свой союзъ особой клятвой, и въ этой присягѣ весь ихъ законъ. Какъ озлобленные, преслѣдуемые еретики, они жестоко обрушиваются на сочлена, измѣнишаго союзу: нарушеніе взаимной клятвы—это величайшее преступленіе въ ихъ глазахъ, больше того, единственный смертный грѣхъ. Религіозный характеръ гетерій располагаетъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ принятію новыхъ культовъ, въ особенности чужихъ, привозныхъ.

По нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ можно опредѣлить составъ, по крайней мѣрѣ, руководящихъ дѣятелей въ клубахъ. Замѣчательно то обстоятельство, что среди дѣятелей революціи 411 года нѣтъ ни одного военнаго таланта. Θерамень и Фринихъ—весьма посредственные стратеги, а Писандръ, Антифонть и др. отличаются въ гражданскихъ профессіяхъ; большинство олигарховъ—ораторы, адвокаты, публицисты, дипломаты. Военные элементы, по причинамъ, которыя мы сейчасъ увидимъ, крѣпко держались существующаго строя демократіи; переворота добивались, если такъ можно выразиться, чисто-гражданскіе честолюбцы, общественные дѣятели, уклонявшіеся отъ активнаго участія въ войнѣ, искавшіе иного приложенія своихъ дарованій.

Политическія мечтанія и программы реакціонеровъ. У Фукидида есть любопытное мѣсто, на которое мало обращали вниманія, гдѣ изображены желанія и расчеты олигархической партіи ¹⁵. Историкъ рассказываетъ о паникѣ, охватившей сиракузянъ въ 415 году при извѣстіи о приближеніи аѳинской эскадры; по этому поводу онъ выводитъ на сцену мѣстнаго демагога Аѳинагора (личность, можетъ быть, вымышленную, такъ какъ мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній) и заставляетъ его неожиданно говорить на чисто-аѳинскіе мотивы. Ораторъ напоминаетъ, что онъ непрерывно боролся съ олигархами, постоянно изобличалъ ихъ, слѣдилъ за всѣми ихъ шагами. Онъ спрашиваетъ теперь самымъ

определенным образом: «Чего же хотите вы, молодые люди? Может быть, уже теперь занять должности? Но это незаконно; и закон поставлен именно потому, что вы еще неспособны (по своему возрасту), а вовсе не ради того, чтобы отстранять вас, если бы вы оказались способны. Или вы не хотите быть на равных правах со всей массой народа (*μη μετὰ πολλῶν ἰσόνομεῖσθαι*)? Но разве не требует справедливость, чтобы все люди данной среды пользовались одинаковыми правами? Я слышу возражение, что демократия—далеко не разумный и не справедливый строй, но что капиталисты наилучше способны к управлению. На это я отвечаю: во-первых, имя народа охватывает целое, а олигархией называется часть его; во-вторых, правда, что вблизкими сберегателями финансов являются богатые, но, с другой стороны, наилучший совет подають умнейшие, а правильные всего рѣшают, по выслушаніи мнѣйшіи, масса; притомъ все эти разряды людей, какъ въ отдѣльных группахъ, такъ и въ целомъ, пользуются въ демократіи одинаковымъ положеніемъ (*ἰσομορφεῖν*). Что же касается олигархій, то она предоставляет массѣ народа участіе лишь въ опасностяхъ, въ выгодахъ же она присвоиваетъ себѣ лучшую долю, больше того—она беретъ все и ничего не уступаетъ другимъ. Вотъ къ чему стремятся крупные люди изъ вашей среды и вы, молодежь, но въ большомъ городѣ подобное положеніе вещей не можетъ удержаться».

Оукидидовскій Афинагоръ открываетъ намъ программу и составъ олигархической партіи: она состоитъ преимущественно изъ молодыхъ людей, недовольныхъ условіями службы и порядкомъ занятія должностей въ демократической республикѣ: дѣйствующіе законы и обычаи даютъ мѣсто болѣе пожилымъ элементамъ, народъ не довѣряетъ неопытнымъ юнцамъ и выскочкамъ; они видимо начинаютъ ополчаться противъ самой выборной системы, которая мѣшаетъ имъ выдвинуться. Афинагоръ обращается къ противникамъ демократіи со словами: «могущественные люди въ вашей средѣ и вы, молодежь», какъ будто разумѣя магнатовъ и ихъ свиту, незрѣлыхъ оруженосцевъ. Весьма вѣроятно, что враги демократіи мечтали о такомъ устройствѣ, при которомъ наверху у власти становятся крупные люди и затѣмъ назначаютъ на мѣста совѣтниковъ и на второстепенные посты нетерпѣливую молодежь, вынужденную, при демократическомъ порядкѣ выборовъ, дожидаться своей очереди. Въ 413—411 г. олигархи дѣйствовали буквально по этой программѣ: они замѣнили выборную систему бюрократическимъ назначеніемъ; ихъ постоянно окружала гвардія золотой молодежи. Другой пунктъ олигархической программы—отмѣна демократическихъ раздачъ и переходъ финансоваго управленія въ руки плутократіи. Сквозь возраженія Афинагора можно разобрать аргументы олигархической оппо-

зиціи: она осуждала демось за расточительность, за неумѣнье орудовать финансами, она требовала управленія специалистовъ, а такими знатоками въ денежныхъ дѣлахъ признавала банкировъ и вообще капиталистическій классъ. Демагогъ вскрываетъ тайну ихъ дальнѣйшихъ замысловъ; они мечтають отдать казну въ безконтрольное пользованіе коллегіи крупнѣйшихъ обладателей капитала. Лѣтъ 60 спустя, въ IV вѣкѣ, афинское правительство дѣйствительно заполняется представителями крупнаго капитала; въ проектахъ оппозиціи 10-хъ годовъ V вѣка мы впервые встрѣчаемся съ идеей передачи финансовъ въ руки плутократіи.

Противники демократіи искали, помимо того, опоры въ болѣе широкихъ слояхъ населенія, но все съ тѣмъ же основнымъ мотивомъ, чтобы отстранить отъ политики бѣдноту и неимущихъ. Появляется ученіе, что самымъ надежнымъ элементомъ государства служить средній слой гражданства (*τὰ μέσα τῶν πολιτῶν*), люди зажиточные, наиболѣе солидные по своимъ привычкамъ, наиболѣе разсчетливые въ своихъ дѣлахъ и вслѣдствіе этого отличающіеся особенно покойнымъ настроеніемъ¹⁶. Средній классъ пытаются опредѣлить въ эту эпоху непрерывныхъ войнъ по степени военноспособности. Зажиточнымъ считаютъ того, кто можетъ на свой счетъ приобрести тяжелое вооруженіе (*ὄπλα παραζόμενοι*). Отсюда дальнѣйшая мысль о реформѣ государства въ видѣ установленія имущественнаго ценза и передачи активныхъ политическихъ правъ гражданамъ-гоплитамъ.

Въ политикѣ историческія ссылки всегда играли важную роль. Вожди и панегиристы демократіи въ свое время увѣряли, что Атика искони обладала демократическими формами устройства; ея областной героиней и святой Тесей, въ ихъ глазахъ, былъ чисто-народнымъ правителемъ; дѣло объединенія страны онъ осуществилъ на условіяхъ общаго равноправія. Сторонники олигархій пытались теперь въ свою очередь доказать, что старинное устройство Афинъ было господствомъ зажиточныхъ, что въ немъ было проведено начало ценза. Одни изъ ученыхъ противниковъ демократіи выяснили, что создателемъ конституціи, гдѣ активное избирательное право передавалось гоплитамъ, былъ Драконъ. Другіе склонялись къ тому, чтобы связать введеніе имущественнаго ценза съ именемъ Солона. Тому или другому законодателю принадлежала благодѣтельная реформа, но важенъ былъ, по мнѣнію ученыхъ реакціонеровъ, результатъ; при господствѣ ценза жизнь Афинъ приняла устойчивость; благодаря этому именно строю Афины стали велики. Клисеевъ еще не затронулъ разумаго порядка; расшатало государство лишь бурное господство неуравновѣшенной массы. Необходимо вернуть Афины къ ихъ старому нормальному строю, къ конституціи отцовъ (*πάτριος πολιτεία, πατρίαι νόμοι*).

Демократическое воинство. Большимъ несчастіемъ для афинской демократіи было отклоненіе интеллигенціи въ сторону ея враговъ. Послѣ Клеона у афинскаго демоса нѣтъ больше способныхъ и знающихъ вождей. И уже на примѣрѣ Клеона видно, какъ недостаточна была вѣрность и преданность интересамъ демоса, если она не соединялась со специальными дарованіями и техническими свѣдѣніями. Слабость подготовки и безсиліе въ борьбѣ съ искусными и образованными противниками сознается самими демагогами. Въ этомъ смыслѣ Фукидидъ заставляеть Клеона, въ качествѣ типичнаго оратора по вкусу афинской массы, формулировать цѣлую философію политической полезности невѣжества и вреда критицизма. «Необразованность въ связи съ самообладаніемъ,—говоритъ онъ¹⁷,—благотворнѣе, чѣмъ умъ, соединенный съ отсутствіемъ дисциплины, и въ сущности государствомъ лучше правятъ простые люди, чѣмъ умники; дѣло въ томъ, что послѣдніе непременно хотятъ быть умнѣе законовъ, направляютъ всѣ политическія рѣшенія по своему усмотрѣнію и губятъ государство, между тѣмъ, какъ первые, не довѣряя собственной проницательности, охотно признаютъ свое ничтожество передъ существующими законами; оттого они несравненно лучше служатъ порядку и берегутъ государство».

Что представляла собой демократія въ виду возрастающей опасности? Со времени самаго своего возникновенія морская демократія была силой очень воинственной и склоной къ захватамъ; военная добыча служила для раздачи среди народа; контрибуціи, взятія съ побѣжденныхъ, составляли прямую прибыль «корабельной черни». Въ теченіе десятилѣтней войны это положеніе сдѣлалось хроническимъ, масса людей разорилась, лишилась правильнаго заработка, а утоленіе домашней нужды посредствомъ захватовъ со стороны обратилось въ ежедневное нормальное явленіе; афинскіе граждане стали постояннымъ войскомъ, непрерывно занятымъ въ экспедиціяхъ, походахъ и осадахъ. Съ заключеніемъ мира воинство осталось безъ дѣла и безъ полученій; многие не могли уже вернуться къ прежнимъ занятіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ солдатъ выработалась большая притязательность; они сознавали себя корпораціей, ставили командиру всякаго рода требованія. Главнокомандующій сицилійской экспедиціи 415 г., Никій, пишетъ въ официальномъ донесеніи афинскому народу, что дисциплина въ войскѣ крайне расшаталась: «всего болѣе тягостно для меня то, что въ качествѣ главнаго начальника, я ничего не могу подѣлать: трудно вѣдь управлять вашими непокорными натурами»¹⁸. Въ концѣ своего посланія Никій повторяеть замѣчаніе о капризномъ характерѣ афинянъ, которые требуютъ благопріятныхъ донесеній съ поля войны, а, когда получаютъ отъ этого нежелательные результаты, поднимають обвиненіе

противъ вождей». Получается впечатлѣніе, что Никій приноситъ жалобу на солдатъ народу, а въ народѣ находитъ тѣ же самыя качества, что въ воинствѣ. Онъ невольно отождествляетъ ту и другую среду: солдаты перенесли въ лагерь всѣ повадки и права гражданства верховной еkkлесіи, а, съ другой стороны, огромная масса гражданства состоитъ изъ служащихъ въ активной арміи или готовыхъ къ отплытію въ какую-либо новую экспедицію.

Эту массу уже нельзя занять дома. Приходится придумывать новыя и новыя предпріятія, собственно не вызванныя прямыми потребностями государства, исключительно для того, чтобы отвлечь безпокойное воинство. Таковъ, напримѣръ, въ 416 году разгромъ острова Мелоса (въ юго-западной части Эгейскаго моря), державшагося нейтрально за время десятилѣтней войны; единственнымъ основаніемъ для нападенія на Мелосъ служило то обстоятельство, что община не примкнула къ морской державѣ Афинъ. Въ значительной мѣрѣ такимъ же предпріятіемъ является большая сицилійская экспедиція 415 года. Конечно, этотъ походъ имѣлъ за собой извѣстныя традиціи и примыкалъ къ предшествующей политикѣ Афинъ на западѣ; но, съ другой стороны, онъ представлялъ совершенно явно для самихъ инициаторовъ громадный рискъ. Если рѣшились броситься въ эту головокружительную авантюру, то, очевидно, имѣлись принудительныя основанія для нея въ домашнихъ условіяхъ: а они и заключались въ безпокойномъ состояніи пролетарскаго воинства. Не одни солдаты готовы были на отдаленныя кампаніи, набѣги и завоевательныя операціи. Въ Афинахъ создался за время войны корпусъ офицеровъ; одни и тѣ же лица возвращались постоянно къ командованію; они пріобрѣтали опытъ, совершенствовали технику морского, осаднаго и полевого дѣла, становились профессиональными мастерами въ своемъ ремеслѣ. Разъ отказавшись отъ всякаго другого занятія, они уже не знали, куда приложить свои силы и знанія, когда наступили мирныя условія; для нихъ участіе въ новой войнѣ было совершенно необходимо, иначе пришлось бы уходить на службу въ родной общины. Выдвинутые воинственной политикой демократіи, стратеги обратны крѣпко держатся за правленіе народа, которое даетъ имъ службу, доходъ и славу.

Наступательная политика Алкивіада въ Пелопоннесѣ. Въ 421 году при заключеніи мира Афины занимали очень выгодное положеніе. Если не считать Халкидики, которая въ сущности была почти потеряна въ началѣ войны, республика сохранила свою державу; она удержала безусловное господство на морѣ и разорила своего единственнаго конкурента въ торговлѣ, Коринѣ. Вдобавокъ Афины выиграли еще на затрудненіяхъ Спарты. Союзники Спарты, Оивы, Коринѣ, Элида,

не соглашались принять мирныя условія 421 года и открыто поднялись против руководящей общины Пелопоннеса. Боясь потерять свой авторитет, Спарта предложила Аѳинамъ заключеніе дружественнаго союза. Казалось, что двѣ самыя сильныя общины раздѣлять между собой господство надъ всею Греціей и прикончатъ автономію мелкихъ кантоновъ. Но эта возможность мелькнула только краткимъ преходящимъ моментомъ. Прочный миръ со Спартой означалъ бы прекращеніе всякихъ экспедицій, набѣдовъ и захватовъ, обращеніе аѳинскаго воинства къ обычнымъ занятіямъ. Ни бѣты, ни корпусъ командировъ не могли приспособиться къ формамъ жизни, отъ которыхъ они отвыкли за 10 лѣтъ передвиженій, походовъ и существованія на счетъ добычи. Оставшіеся безъ дѣла военные элементы стали соединяться около Алкивіада, который къ 421 году достигъ возраста политической зрѣлости (род. въ 452 году) и выступилъ кандидатомъ въ стратеги. Алкивіадъ, изъ стариннаго рода Эватридовъ, родственникъ Алкмеонидовъ, одинъ изъ участниковъ сократовскаго кружка, лично очень близкій къ Сократу, съ самаго начала своей карьеры опредѣленно идетъ къ военной диктатурѣ. Онъ старается воспользоваться всѣми выгодами, которыя даетъ корпоративность воинства, онъ ставитъ одну за другой заманчивыя цѣли новыхъ завсѣваній. Его повадки какъ будто готовятъ къ новому придворно-монархическому быту: грандіозные кутежи въ Аѳинахъ и непомѣрные долги, точно онъ молодой принцъ, о прихотяхъ котораго долженъ говорить весь городъ; блестящій парадъ на олимпійскихъ играхъ, къ которому первый поэтъ того времени, Эврипидъ, пишетъ по заказу поздравительное стихотвореніе; все это—разсчитанные эффекты, а для враговъ Алкивіада отличный поводъ обвинить его въ оскорбительномъ нарушеніи демократическихъ правовъ¹⁹. У Алкивіада были, впрочемъ, и другія болѣе крупныя качества: широкій кругозоръ и сильная политическая фантазія, изобрѣтательность въ дипломатическихъ планахъ и комбинаціяхъ, большой даръ быть убѣдительнымъ и, если нужно, очаровательнымъ, гибкость и умѣнье сходиться съ людьми разныхъ лагерей, направленій и даже разныхъ національностей, наконецъ, выдающіяся военныя дарованія. Никогда не была республика такъ близка къ превращенію въ военную тиранию, какъ въ эпоху двукратнаго преобладанія этого политическаго дѣятеля 420—415 и 410—407.

Въ то время, какъ Никій хлопотала объ укрѣпленіи дружбы со Спартой, Алкивіадъ выработалъ планъ комбинаціи, которая должна была нанести старой соперницѣ рѣшительный ударъ. Его стараніями была устроена коалиція бывшихъ союзниковъ Спарты, Элиды и аркадской Мантиней, затѣмъ Аргоса и Аѳинъ. Союзъ четырехъ противъ

Спарты, заключенный въ 420 году, образуетъ явленіе весьма примѣчательное. Всѣ четыре общины были демократіями, Элида, Мантиней и Аргосъ въ противоположность морской аѳинской—сельскими; никогда еще не составлялось въ Греціи такого сильнаго демократическаго союза, притомъ съ такими значительными, разнородными военными силами и въ такой выгодной комбинаціи. Враги стояли у самаго порога Спарты, ихъ территоріи были расположены поясомъ, замыкавшимъ съ сѣвера выходы изъ долинъ Эвроты; у нихъ были крупныя гоплитскія ополченія; при своевременномъ нападеніи съ моря аѳинскаго флота Спарта могла быть сдавлена съ двухъ сторонъ. Алкивіадъ успѣлъ привить въ Пелопоннесѣ нѣкоторыя изобрѣтенія аѳинянъ: онъ посовѣтовалъ Аргосу построить Длинные стѣны на соединеніе города съ морской пристанью; такія же Длинные стѣны онъ предложилъ выстроить городу Патры въ Ахайѣ, около узкаго горла Коринтскаго залива, гдѣ аѳиняне собирались снова загородить выходы флоту коринѳянъ.

Казалось, наступаютъ послѣдніе дни Спарты: она находилась какъ бы въ осадѣ на собственной территоріи. Элейцы были въ такой мѣрѣ увѣрены въ побѣдѣ, что выключили Спарту отъ участія въ олимпійскихъ играхъ, а руководители игръ оскорбили публично одного изъ прибывшихъ на праздникъ знатныхъ спартанцевъ. Однако Спарта вышла благополучно изъ кризиса. Прежде всего ей помогли внутреннія тренія въ союзныхъ общинахъ: отодвинутые отъ дѣлъ олигархи, особенно въ Аргосѣ, не только не желали войны со Спартой, но, напротивъ, искали ея поддержки, чтобы съ ея помощью опрокинуть у себя дома ненавистную демократію. Въ Аѳинахъ сильная партія мира парализовала неистовый натискъ Алкивіада, и въ результатѣ поступили безъ всякой энергіи и послѣдовательности: пелопоннескимъ союзникамъ было послано недостаточное подкрѣпленіе, а главное—аѳиняне не поддержали ихъ съ моря. Спартанцы могли безпрепятственно собрать вѣрныхъ имъ союзниковъ и развернуть свои силы; войско, двинутое въ 419 году подъ начальствомъ царя Агиса, сына Архидамы, по мнѣнію Фукидида, было «лучшей арміей, которая когда-либо собиралась въ Элладѣ»²⁰. Главнокомандующій оказался искуснымъ дипломатомъ и стратегомъ; онъ достойно примыкаетъ къ той группѣ даровитыхъ спартанскихъ дѣятелей, которыхъ выдвинула война, начиная съ Брасида и кончая Гилиппомъ и Лисандромъ.

Начало новаго возвышенія Спарты. Выступленіе спартанцевъ произвело такое впечатлѣніе на противниковъ, что Аргосъ предложилъ миръ на выгодныхъ для Спарты условіяхъ, и Агисъ ушелъ домой, распустивъ войско. Алкивіаду еще разъ удалось вооружить силы четверного

союза. Снова Агисъ появился въ Аркадіи. Лѣтомъ 418 года произошла большая битва между спартапцами и арміей союза четырехъ при Мантиней; Агисъ одержалъ блестящую побѣду. По этому поводу Фукидидъ описываетъ строй спартанскаго войска, очень непохожій на ополченія демократическихъ республикъ. У спартапцевъ штабъ не составляетъ коллегіи, какъ у аѳинянъ; приказы, исходящіе отъ главнокомандующаго-царя, быстро передаются по ступенямъ служебной лѣстницы, сначала полемархамъ, потомъ лохагамъ, пентеконтерамъ, наконецъ, эномотархамъ, начальникамъ отдѣльныхъ взводовъ. Фукидидъ считаетъ іерархическое строеніе спартанскаго войска особенно пригоднымъ для быстрыхъ согласованныхъ дѣйствій на войнѣ²¹.

Въ спартанской политикѣ намѣчается что-то новое. Община, до тѣхъ поръ медлительная и консервативная, начинаетъ развѣрживать широкую программу военныхъ дѣйствій, направленную къ вытѣсненію аѳинскаго империализма и замѣнѣ его спартанскимъ. Перемѣна вѣшной политики въ значительной мѣрѣ—результатъ внутренняго переворота въ Лаконіи. Число полноправныхъ гражданъ въ теченіе V вѣка идетъ послѣдовательно на убыль. Въ 480 году ко времени нашествія Ксеркса спартиатовъ насчитывали до 8.000; въ Платейской битвѣ они выступаютъ большимъ корпусомъ ополченія въ количествѣ 5.000 человекъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, ко времени Пелопоннесской войны они образуютъ лишь небольшую отборную гвардію; 120 спартиатовъ, плѣненныхъ при Сфактеріи, составляли такой большой процентъ гражданства, что община почувствовала себя пораженной въ самомъ существѣ своемъ и немедленно стала просить мира у Аѳинъ. Уменьшеніе военного состава въ центрѣ заставило Спарту прибѣгать къ усиленному вызову ополченій отъ союзныхъ общинъ. Сохраняя типъ и задачи военного государства, спартанская аристократія стала вести свои предпріятія преимущественно посторонними силами, между прочимъ наемниками, къ которымъ назначались спартанскіе офицеры (ξενυχοί). По всей вѣроятности сокращеніе состава спартиатовъ было не столько вымираніемъ сословія, сколько послѣдствіемъ экономическаго его паденія. Уменьшилось количество землевладѣльцевъ, и земли сосредоточились въ рукахъ немногихъ. Правда, въ Спартѣ запрещена была свободная мобилизація надѣловъ, не допускалась покупка участковъ, но концентрація земли въ рукахъ немногихъ богачей происходила тѣмъ не менѣе безпрепятственно путемъ обходнымъ, посредствомъ дареній, приданыхъ, боковыхъ наследованій и т. д. Для тѣхъ, у кого хозяйство приходило въ упадокъ или кто вовсе лишился надѣла, получались очень опредѣленные результаты: обѣдѣвшіе спартиаты не могли поддерживать общественное положеніе, необходимое для столичнаго гражданства, не могли принимать

участіе въ товарищескихъ кружкахъ и переходили изъ состава полноправныхъ (δμοιοι) въ разрядъ «худшихъ» (υπομειονες).

Съ другой стороны, въ Спартѣ сложилась настоящая олигархія крупныхъ земельныхъ собственниковъ; среди нихъ, повидимому, очень выдавались своими владѣніями обѣ царскія династіи. Земельные магнаты уже не желали болѣе служить рядовыми, хотя бы и въ гвардіи: они считали достойнымъ себя лишь званіе высшихъ офицеровъ, командировъ, намѣстниковъ, пословъ, членовъ штаба, комиссаровъ и т. д. Ихъ не удовлетворяли болѣе мелкія порученія и командованія въ предѣлахъ Пелопоннеса или вообще европейской Греціи; они естественно стали глядѣть по линіямъ широкой политики, созданной аѳинянами, стремиться къ тому, что называлось въ Греціи общей гегемоніей. Помимо вождѣлннй магнатства, Спарту вела къ той же империалистической программѣ необходимость занять многочисленные элементы общества, сбитые со своего положенія, и прежде всего устроить какъ-нибудь обезземеленныхъ бѣдныхъ спартиатовъ, въ паденіи которыхъ больше всего виновата была сама господствующая группа. Разоренное дворянство, неспособное перейти къ какимъ-либо промышленнымъ занятіямъ, частью примыкало къ дворамъ магнатовъ, кормилось у нихъ въ качествѣ свиты; другіе готовы были искать наемной службы за границей. Задорное, вольнолюбивое, негодное къ мирному труду сословіе представляло опасный элементъ для правительства земельной олигархіи: при недостаткѣ вѣшнихъ отвлеченій оно поднимало заговоры и волненія внутри государства.

Въ Спартѣ, такимъ образомъ, имѣлся рядъ условій, толкавшихъ на завоевательную широкую политику; жадное до мѣсть высшее офицерство и чиновничество, свиты его вассаловъ, большія группы незанятыхъ военныхъ элементовъ. Не было одного—финансовой системы, подобной аѳинской. Этотъ недостатокъ поставилъ скоро Спарту въ зависящее отношеніе отъ персидской державы.

Мантинейская битва повела къ совершенному разстройству союза четырехъ и къ крушенію вообще пелопоннесскихъ демократій. Въ Аргосѣ взяла верхъ олигархія, которая и помирилась со Спартой. Побѣда Агиса смыла позоръ, нанесенный сдачей Сфактеріи въ 424 г., и снова возродила репутацію спартанской непобѣдимости. Авторитетъ ея въ Пелопоннесѣ былъ восстановленъ. Представители военной партіи въ Спартѣ ждали теперь случая перенести дѣйствія за Истмъ; открывалась перспектива завоеванія гегемоніи надъ всей Греціей и вытѣсненія державнаго положенія Аѳинъ. Но настоящая возможность явилась, лишь когда аѳиняне сами отвлекли въ сторону свои главные силы.

Подготовка великаго похода аѳинянъ на западъ. Въ Аѳинахъ крушеніе воинственной политики Алкивіада подняло шансы партіи мира и сторонниковъ умѣренности съ Никіемъ во главѣ. Въ то же время вождь радикальной демократіи, Гипербольтъ, по своему званію богатый фабрикантъ лампъ, возымѣлъ планъ отдѣлаться отъ безпокойнаго претендента на военную монархію. Народу было предложено высказаться тайнымъ голосованіемъ относительно лица, подлежащаго удаленію изъ города. Алкивіадъ ловкимъ шагомъ отклонилъ ударъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ членами олигархическихъ клубовъ, а затѣмъ вступилъ въ переговоры со своимъ соперникомъ Никіемъ. Алкивіадъ представилъ Никію, что народъ будетъ выбирать между ними обоими, и опасность грозитъ имъ одинаково; поэтому лучше имъ примириться и соединить свои голоса противъ автора предложенія, Гипербола. Никій былъ настолько слабъ, что пошелъ на компромиссъ, и въ результатѣ народное собраніе большинствомъ голосовъ высказалось за изгнаніе Гипербола. Исходъ остракизма крайне раздражилъ народъ. Старинное, повидимому, испытанное средство для политическихъ конфликтовъ оказалось негоднымъ, а демагоги въ борьбѣ съ претендентами показали полное безсиліе. Враги демократіи могли вдоволь насмѣяться надъ ея опозореніемъ. Клеонъ, хочетья неволью думать, не попался бы на такую ловушку. А демагоги становятся одинъ ничтожѣе другого. Преемники Клеона съ 421 по 405 г., Гипербольтъ, Андроклъ, Клеофонъ, лишены таланта и широкаго кругозора.

Сорвавшись на пелопоннесской политикѣ, Алкивіадъ схватился за организацію новаго отдаленнаго предпріятія, которое открывало чрезвычайно широкія перспективы. Въ Аѳины пріѣхало въ 416 г. посольство изъ сицилійскаго города Эгесты просить помощи противъ тѣснившаго его Селинунта, позади котораго стояла крупнѣйшая община Сициліи, Сиракузы. Эгестяне ссылались на старинный свой договоръ съ Аѳинянами; они указывали на опасность, которую представляютъ для аѳинянъ сами Сиракузы, и на необходимость для Аѳинъ вмѣшаться въ дѣла Сициліи. Въ самомъ дѣлѣ, Сиракузы, казалось, находятся на пути къ объединенію всѣхъ сицилійскихъ грековъ. Какой видъ можетъ принять это объединеніе, показывалъ примѣръ сосѣднихъ съ Сиракузами Леонтинъ. Когда леонтинскій демосъ задумалъ произвести передѣлъ земли, олигархи города обратились къ Сиракузамъ. При помощи сиракузянъ простонародье Леонтинъ было побѣждено и подверглось изгнанію. Территорію Леонтинъ присоединили къ Сиракузамъ, а леонтинскіе олигархи вступили въ число сиракузскихъ гражданъ и остались жить въ принявшей ихъ общинѣ. Мелкое землевладѣніе въ Леонтинахъ уступило мѣсто крупному; вмѣстѣ съ тѣмъ область запустѣла, а на ея счетъ выросло

населеніе Сиракузъ. Въ свою очередь Аѳины не остались бы безъ союзниковъ въ Сициліи: они могли здѣсь опереться на группу іонійскихъ родовъ, т.-е. Накосъ, Катану и Мессану, а также разсчитывать на туземное населеніе Сициліи, задвинутое греческими колонистами въ глубь страны и готовое отвоевать себѣ берега при помощи посторонней силы.

Когда докладъ о сицилійскихъ дѣлахъ былъ сдѣланъ въ совѣтѣ и въ экклесіи, аѳиняне прежде всего заинтересовались состояніемъ финансовъ Эгесты: можетъ ли городъ поддержать на свои средства аѳинскую экспедицію, если она будетъ послана въ Сицилію? Особая комисія отправилась въ Эгесту, чтобы убѣдиться въ наличности крупныхъ запасовъ золота и серебра. Здѣсь не обошлось безъ обмана. Эгестяне развили показной блескъ; между прочимъ они таскали по разнымъ домамъ, гдѣ обѣдали аѳинскіе послы, одну и ту же посуду изъ драгоценнаго металла; затѣмъ они прислали въ Аѳины 60 талантовъ серебра въ качествѣ мѣсячнаго содержанія экипажа на 60 тріерахъ. Предпріятіе, до тѣхъ поръ вызывавшее сомнѣнія, стало все болѣе увлекать умы аѳинянъ. Народное собраніе рѣшило послать въ Сицилію 60 военныхъ кораблей и отдать командованіе Никію, Алкивіаду и Ламаху. Порученіе состояло официально въ томъ, чтобы экспедиція помогла возстановленію Леонтинъ, поддержала Эгесту противъ Селинунта и вообще устроила сицилійскія дѣла на справедливыхъ основаніяхъ. Но въ широкихъ кругахъ аѳинскаго общества распространялись гораздо болѣе грандіозные замыслы, и ихъ-то особенно развивалъ Алкивіадъ: имѣлось въ виду овладѣть Сиракузами и сдѣлать Сицилію опорой въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, итти потомъ къ захвату Италіи, а также Карфагена и Африки съ тѣмъ, чтобы доставить Аѳинамъ господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Никія провели въ противовѣстъ Алкивіаду, но собственно Никій былъ противникомъ всей затѣи. Уже послѣ того, какъ былъ порѣшенъ походъ, онъ попытался выступить съ настоячивыми возраженіями въ народномъ собраніи. Опять мы встрѣчаемся въ аѳинской жизни съ тѣмъ фактомъ, что важнѣйшія постановленія народа вновь подвергаются пересмотру. Никій очень правильно указывалъ на ненадежность положенія Аѳинъ, на необходимость укрѣпить позиціи въ самой Элладѣ, прежде чѣмъ протягивать руку за далекой добычей. Онъ надѣялся далѣе отклонить народъ отъ опасной войны на отдаленномъ театрѣ, представивъ всѣ ея трудности: по его мнѣнію, успѣхъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если будутъ снаряжены силы несравненно большія. Онъ достигъ противоположнаго результата, и лишь еще болѣе воспламенилъ массу. Рѣшено было увеличить эскадру, собрать еще больше ополченія. Проектъ Алкивіада заинтересовалъ людей разныхъ классовъ; капиталисты охотно жертвовали значительныя

суммы на снаряженіе кораблей, экипировку воинства, снабженіе экспедиціи провіантомъ. Съ военнымъ флотомъ собирались выѣхать торговья суда, владѣльцы которыхъ мечтали о непосредственномъ приступѣ къ коммерческимъ операціямъ въ западныхъ водахъ. Такимъ образомъ аѳинская паралія, въ лицѣ своихъ богатѣйшихъ представителей, еще не остыла къ мысли о колоніальныхъ захватахъ; она какъ будто переживала новый порывъ героическаго империализма.

Сицилійская экспедиція. Эскадра, выѣхавшая лѣтомъ 415 г., состояла изъ 134 триеръ, среди нихъ 100 собственно аѳинскихъ; на транспортахъ везли армію въ 6¹/₂ тысячъ воиновъ, между ними немалое количество гоплитовъ изъ зажиточнаго аѳинскаго гражданства; морской экипажъ состоялъ изъ 25.000 человекъ; отправилось около 1/3 всего класса ѳетовъ. Весь городъ, вся масса народа, граждане и чужестранцы, спустились въ гавань, кто проводить своихъ близкихъ, кто поглядѣть на «грандіозное и невѣроятное предпріятіе. До сей поры ни одинъ городъ никогда не выпускалъ военнаго флота, который бы стоилъ такъ дорого и былъ такъ великолѣпно снаряженъ»²². Въ составѣ экспедиціоннаго корпуса были каменщики и плотники, специалисты по возведенію укрѣпленій. Эта подробность открываетъ намъ своеобразный планъ аѳинской стратегіи. Во время десятилѣтней войны Аѳины блестяще выдержали *ἰπταύχους*, крѣпостную защиту. Считая себя первоклассными мастерами въ этомъ способѣ боя, аѳиняне заранѣе предполагали примѣнить къ Сиракузамъ и другимъ городамъ Сициліи крѣпостную войну въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ себѣ отводили роль нападающихъ: Никій потомъ занялъ сооруженіемъ вокругъ Сиракузъ громадной стѣны съ фортами, которая должна была изолировать и запереть городъ съ суши.

Фукидидъ видитъ главную ошибку аѳинянь въ томъ, что они отступили отъ осторожныхъ традицій перикловской политики, потянулись за далекимъ приобрѣтеніемъ, не развязавъ себѣ рукъ дома, не обезпечивъ своего положенія въ Элладѣ. По мнѣнію историка, аѳиняне задумали подчинить Сицилію, не имѣя истиннаго представленія ни о размѣрахъ острова, ни о количествѣ его населенія, эллинскаго и варварскаго, и не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что начатая ими война по трудности не уступаетъ только что выдержанной борьбѣ съ пелопоннесцами²³. Можно ли согласиться съ историкомъ въ томъ, что эта экспедиція была въ дѣйствительности столь опрометчивой, неразумной затѣей? Или Фукидидъ дѣлаетъ только обратное заключеніе отъ несчастливаго исхода къ необдуманности замысла?

Въ сицилійскомъ предпріятіи 415 года есть обстоятельства, вызывающія недоумѣніе. Почему аѳиняне не пытались возобновить гораздо

болѣе близкія задачи, почему они покинули мысль о возвращеніи городовъ ѳракійскаго побережья, почему не старались обезопасить себя со стороны Пелопоннеса, хотя можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій Спарты, почему вмѣсто всего этого они бросились въ отдаленную кампанію, полную риска? Одинъ отвѣтъ напрашивается самъ собой: такова была обычная психологія аѳинянь, сложившаяся въ своего рода національный характеръ. Не разъ въ своей великодержавной исторіи они дѣлаютъ ту же роковую ошибку: принимаются за нѣсколько крупныхъ дѣлъ сразу, тянутся за далекимъ, когда не рѣшено близкое, при чемъ разсчитываютъ силой широкаго размаха разрубить все ближайшія непосредственныя затрудненія. Въ этомъ смыслѣ на сицилійскую экспедицію похожъ египетскій походъ 459 года, предпринятый въ то время, когда надъ Аѳинами также грозно висѣла война съ пелопоннесцами. Въ египетскомъ походѣ, казалось, даже несравненно болѣе риска; вѣдь тогда аѳиняне нападали на самого великаго царя въ его владѣніяхъ, боролись противъ его неисчерпаемыхъ силъ. Въ Сициліи они имѣли дѣло съ одной, правда, круной, но плохо вооруженной общиной. Взятіе Сиракузъ не представляло ничего невѣроятнаго. Лѣтомъ 414 года Никій стѣнилъ осажденный городъ въ такой мѣрѣ, что предстояла почти неминуемая его капитуляція; неудачи аѳинянь начались съ момента, когда совершенно неожиданно въ Сиракузы прибыл Гилиппъ съ вспомогательными силами. Извѣстно далѣе, что въ Сиракузахъ имѣлась партія, готовая передать городъ въ руки аѳинянь. Можетъ быть, это обстоятельство имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Въ Сиракузахъ существовала демократія, во многомъ похожая на аѳинскую. Не было ли нѣкотораго взаимнаго тяготѣнія между аѳинскими ѳетами и сиракузскимъ простонародьемъ? Если возможна была круговая порука олигархій, то отчего не допустить возникновенія мысли о подобномъ же союзѣ низшихъ классовъ, и именно въ средѣ тѣхъ общинъ, гдѣ эти классы понемногу превращались въ пролетарское корпоративное воиство? Въ меньшихъ размѣрахъ такая коалиція осуществилась потомъ между демосомъ Аѳинъ и Самоса.

Какъ бы ни были сильны мотивы подобнаго рода, они не оставили слѣда въ литературѣ, и это понятно. Интеллигенція отошла отъ массы, и у демократіи не было своей публицистики, не было вообще органа для выраженія своихъ настроеній. Нѣкоторое представленіе о мечтахъ аѳинскаго народа этого времени даетъ комедія Аристофана «Птицы», поставленная въ самый разгаръ великихъ надеждъ, связанныхъ съ сицилійскимъ предпріятіемъ. Тутъ изображены аѳиняне, которые безпокойно блуждаютъ, неудовлетворенные своей тѣсной родиной; раздобывши себѣ крылья, они отдѣляются отъ жалкой земной юдоли и со-

здають въ буквальному смыслѣ воздушный замокъ между небомъ и землею; тамъ они блаженствуютъ, оттирають людей отъ боговъ, и въ концѣ-концовъ вождь новыхъ окрыленныхъ Аонинъ требуетъ себя отъ напуганныхъ небожителей въ жены молодую красавицу-богиню Басплею, т.-е. царственность. Ядовитый комикъ опять тонко подмѣтилъ слабость демоса и закрѣпилъ ее ловко придуманнымъ словечкомъ. Его карикатуру не трудно перевести на реальный языкъ. Въ головахъ смѣлыхъ аонинскихъ моряковъ, которые за время долгой войны какъ бы оторвались вовсе отъ почвы, бродили фантастическія идеи, слагавшіяся въ какой-то бредъ о «господствѣ надъ міромъ царственного народа». Руководители народа и карьеристы, въ родѣ Алкивіада, строившіе на подвижности массы свои планы, были не въ силахъ совладать съ напиравшимъ на нихъ воинствомъ, которое, въ свою очередь, не могло приспособиться къ условіямъ мирной жизни. Для того, чтобы утолить горячее воображеніе народа неутомимыхъ плавателей, имъ оставалось только разрисовать широкія перспективы покоренія далекаго западнаго края, лежавшаго у предѣла доступнаго тогда міра.

Процессъ гермокопидовъ. Отплытіе сицилійской экспедиціи, неходъ которой имѣлъ такое роковое значеніе для Аонинъ, совершалось среди сильной политической тревоги. Нервное настроеніе народа дошло до паники подъ впечатлѣніемъ крупнѣйшаго религіозно-политическаго процесса, какой только видѣли Аонины.

За нѣсколько дней до выхода флота въ море оказались изуродованными ночью такъ наз. гермы, т.-е. старинныя религіозныя статуи, стоявшія на улицахъ. Въ народѣ было и безъ того много мрачныхъ предчувствій, усилившихся еще болѣе подъ впечатлѣніемъ разныхъ предсказаній; понятно, что происшествіе это вызвало необыкновенный страхъ. Было рѣшено передать совѣту 500 чрезвычайныя полномочія для веденія слѣдствія по розыску виновныхъ въ нарушеніи святости и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать доносы отъ людей всѣхъ званій, въ томъ числѣ рабовъ, уже не ограничиваясь дѣломъ о гермахъ, а также по всякому иному оскорбленію религіи. Народъ считалъ, какъ говоритъ Фукидидъ, что дѣло служить дурнымъ предзнаменованіемъ для предпринимаемаго морскаго похода; съ другой стороны, подозрѣвали здѣсь руку тайнаго общества, направленаго къ насильственному ниспроверженію демократіи²⁴. Нѣкоторые метойки и слуги показали, что видѣли кутящую молодежь за предѣлками подобнаго рода; называли Алкивіада, жизнь котораго вообще представлялась несоотвѣтствующей демократическимъ обычаямъ; его, правда, обвиняли не въ уродованіи гермъ, а въ томъ, что онъ пародировалъ въ одномъ частномъ домѣ таинства Элевсинскихъ священнодѣйствій, или мистерій. Процессъ гермокопи-

довъ, т.-е. уродователей гермъ, и соединенное съ нимъ обвиненіе въ оскорбленіи мистерій вскрываетъ интересныя черты религіознаго настроенія аонинскаго народа, которое было бы иначе невидно намъ за шумными и драматичными событіями вѣдшей исторіи.

Необычайное возбужденіе массы аонингъ по поводу разбитыхъ гермъ объясняется приливомъ особенно горячей и нервной религіозности въ народѣ. Такое возбужденное благочестіе видно и въ другихъ фактахъ. Въ послѣдніе годы большой войны, когда не было ни средствъ на крупныя постройки, ни досуга, казалось бы, для такихъ занятій, среди отчаяннаго положенія всѣхъ дѣлъ, аониняне съ величайшей ревностью, какъ никогда, возводятъ святилища и алтари, украшаютъ храмы статуями, одаряють своихъ боговъ и святыхъ, возстановляютъ забытые культы. Понятно, что эта суевѣрная, напуганная, усердно молящаяся толпа стала необыкновенно чувствительной ко всему, что затрогивало ее религіозные вкусы и привычки, и сдѣлалась одновременно нетерпимой до крайности. Надо признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ повышенной консервативной религіозностью встрѣтилось религіозное новаторство, столкнулась пропаганда какихъ-то чужихъ обрядныхъ формъ и теологическихъ понятій. Едва ли оскорбленіе традиціонныхъ образовъ было обыкновеннымъ безчинствомъ кутиль. Да и почему бы они напали именно на такой способъ дурной шутки? Въ уродованіи гермъ сказала, повидимому, система, замыселъ. Правда, трудно допустить, съ другой стороны, что въ дѣлѣ участвовали настоящіе фанатики-иконоборцы; скорѣе произошла симуляція иконоборства, поддѣлка подъ фанатическій актъ. Такъ или иначе, принимать ли уродованіе гермъ и пародированіе мистерій за мальчишество, или за провокацію, все равно видно, что въ Аонинахъ распространялись въ это время религіозныя понятія, расходившіяся съ господствующимъ культомъ. Приблизительно вѣрно опредѣляли и людей, прикосновенныхъ къ религіознымъ новшествамъ. Ихъ искали среди клубовъ и тайныхъ обществъ, въ которыхъ соединялась недовольная, злившаяся на демократію интеллигенція. Очень возможно, что нѣкоторыя гетеріи возникали подъ прямымъ воздѣйствіемъ извѣстной религіозной идеи. Во всякомъ случаѣ, образованные, напитанные философій участники клубовъ были склонны къ усвоенію новыхъ рационалистическихъ или мистическихъ теорій. Недаромъ также и Алкивіада подозрѣвали въ пародированіи мистерій. Незадолго до того Эвполисъ представилъ въ комедіи «Балты» (окунатели) Алкивіада и его компанію въ качествѣ ревностныхъ поклонниковъ дикой оргіастической еракійской богини Котитто.

Не надо удивляться этимъ негреческимъ чертамъ аонинской жизни. Именно Аонины, благодаря широкой торговлѣ и отдаленнымъ сношеніямъ,

стали средоточіемъ не только иностранныхъ модъ, повадокъ и космополитическихъ кушаний (надъ чѣмъ смѣется авторъ олигархической Политіи), но также религиозныхъ ученій, притекавшихъ съ Востока, изъ Египта и варварскихъ странъ Европы. Весьма возможно, что среди запесенныхъ обрядовъ и богословскихъ теорій появилось теченіе пуританское, враждебное культу иконъ, тѣмъ болѣе, что въ семитскомъ мірѣ оно какъ разъ получило къ этому времени значительную силу. Это теченіе могло придтись очень по вкусу сократовскому кружку, хотя разные характеры по различному реагировали: серьезный Сократъ сталъ учить о великомъ Эросѣ, проникающемъ мировую жизнь²⁵, о взаимномъ тяготѣннн элементовъ силой вселенской любви; разгульный, фривольный Алкивиадъ доставлялъ себѣ удовольствіе пародіями на грубоватыя, наивныя старинныя мистеріи.

Какое мѣсто занимаетъ въ дѣлѣ гермокопидовъ и пародированнн мистеріи политической элементъ? Со временъ Діопейѳа въ Аѳинахъ такъ повелось, что нарушитель традиціонной религіи непременно долженъ былъ поднать обвиненію въ политической неблагонадежности. Въ тревожный моментъ отправки сицилійской экспедиціи партіи не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для обвиненія своихъ противниковъ. Если вѣрно, что уродованіе гермъ было симуляціей, то провокаторы, довидимому, исходили изъ среды олигархическихъ клубовъ и цѣлью ихъ было создать панику въ народной массѣ. Одинъ изъ арестованныхъ по дѣлу гермокопидовъ, выдающійся судебный ораторъ Андокидъ, признался, что гетерія, къ которой онъ принадлежалъ, виновна въ злонамѣренномъ оскорбленнн святыни. Въ свою очередь и демагоги, среди которыхъ въ то время выдавались Писандръ и Андроклъ, старались овладѣть положеніемъ и запутать своихъ враговъ, т.-е. олигархическіе клубы и Алкивиада. Когда было названо имя Алкивиада, онъ потребовалъ немедленнаго разслѣдованія и суда до своего отъѣзда въ экспедицію. Но противники опасались его популярности и непосредственнаго обаяннн его личности среди массы; они добились отсрочки процесса, и флотъ отправился въ далекій путь. Процессъ гермокопидовъ, со своими колоссальными доносами, нервными, рѣзкими поворотами настроеннн, знаменуетъ вообще упадокъ политическаго сознаннн въ Аѳинахъ. Демагоги ополчаются противъ политической комеднн за ея оппозицію и критику. Въ томъ же или слѣдующемъ году проходитъ въ народномъ собраннн предложеннн демократа Сиракозія, запретившее личныя нападкн и политическія пароднн на сценѣ. Запретъ уничтожилъ въ сущности политическую комедію въ Аѳинахъ послѣ недолгаго періода ея процвѣтаннн, а вмѣстѣ съ нею, можно сказать, окончила свои дни свобода слова, столь прославленная Геродотомъ *ιστορίαι*.

Измѣна Алкивиада. Аѳинскій флотъ безпрепятственно доѣхалъ до Сициліи и засталъ полную неорганизованность тамошнихъ грековъ. Въ Сиракузахъ, правда, вождь олигархической партнн Гермократь настаивалъ на энергичной оборонѣ и даже предлагалъ предупредить появленнн аѳинской эскадры встрѣчнымъ нападеннмъ на морѣ. Но его предложеннн не встрѣтили сочувствнн. Сиракузяне не успѣли выстроить военные корабли, и даже оставили незащищенной гавань. Города, враждебные Аѳинамъ, не позаботились объ устройствѣ союза и организацин взаимной помощи. Мнѣннн трехъ аѳинскихъ стратеговъ раздѣлились. Никій думалъ ограничиться исполненнмъ официальнаго порученнн, только помочь Эгестѣ и Леонтинамъ; Ламахъ настаивалъ на немедленной атакѣ противъ Сиракузъ; восторжествовало среднее мнѣннн Алкивиада, который предложилъ утвердиться въ дружественныхъ городахъ, постараться сначала изолировать Сиракузы и Селинунтъ и лишь послѣ этихъ предварительныхъ мѣръ приниматься за рѣшительныя военные операціи.

Когда аѳинскій флотъ вошелъ на стоянку въ гавань Катаны, изъ Аѳинъ прибылъ государственннй корабль Саламинія съ приказомъ арестовать Алкивиада: въ отсутствнн его противники добились цѣли и доказали его виновность. Алкивиадъ не рѣшился оказать сопротивленнн и не подумалъ апеллировать къ воинству; аѳинскіе голлиты и моряки не поддержали бы такой попытки тиранническаго возмущеннн противъ демократнн. Но на дорогѣ Алкивиадъ бѣжалъ въ Пелопоннесъ; тотчасъ же онъ былъ приглашенъ въ Спарту, гдѣ легко поняли, какую цѣнную силу можно прнобрѣсти въ этомъ гениальномъ измѣнникѣ. Алкивиадъ сошелся съ партіей войны, особенно съ царемъ Агисомъ.

Измѣну Алкивиада принято разсматривать, какъ рѣзкій примѣръ разрушительнаго дѣйствнн новой морали софистовъ, безпредѣльнаго критицизма ихъ школы и въ особенности, какъ ужасающнн результатъ индивидуалистической теорнн, объявлявшей право сильнаго верховнымъ закономъ. Разсуждая такъ, новѣйшіе европейскіе ученые въ сущности повторяютъ построеннн Платона. Философъ греческой реакціи, разсорившись со своими учителями, софистами, далъ драматическую картину аѳинской республики, допустившей разнузданную свободу интересовъ, раздѣдаемой ученнми лжефилософовъ и неспособной сдержать вырастающаго въ его нѣдрахъ будущаго тиранна. Демократія, организацин слабыхъ, старается заглушить естественное право искусственно придуманнымъ закономъ; съ этой цѣлью она хитро обставляетъ общественное воспитаннн. Тѣхъ, кто отъ природы обладаетъ сильнымъ умомъ и волей, стараются, какъ молодыхъ львовъ, дисциплинировать съ юности, пока натура еще гибка и податлива, обмануть всякими фикціями и вос-

питать въ духѣ признанія общей равноправности. «Но разъ появился человекъ, у котораго природа сильна и неискоренима, онъ въ извѣстный моментъ стряхнетъ съ себя все пугы, разорветъ все грамотки, чары и заговоры, которыми его окружили, какъ волшебнымъ кругомъ, такъ же, какъ все противоестественные законы, и нашъ рабъ становится деспотомъ, окружая ослѣпительнымъ свѣтомъ фактъ естественнаго права сильнаго»²⁶. Драма, сочиненная Платономъ, очень красива и сильна, но слишкомъ наивна, чтобы быть исторіей. По мнѣнію философа, демократія сама выработала въ себѣ тотъ ядъ, отъ котораго погибла; бѣда была провозглашать устами софистовъ естественное право, отъ этого рухнулъ весь карточный домикъ демократическихъ фикцій. Подобный взглядъ преувеличиваетъ вліяніе на жизнь теорій и признаетъ, какъ бы полезнымъ держать самыя опасныя мысли подъ запоромъ. Безъ сомнѣнія, Алкивиадъ и олигархи-революціонеры умѣли искусно вставлять въ апологію своей политики аргументы современной критической философіи, но не потому же они бросились подрывать общественный строй роднаго города, что ихъ вдохновилъ разрушительный жаръ учения о естественномъ правѣ.

Политическія измѣны, подобныя тѣмъ, среди которыхъ прошла жизнь Алкивиада, его сближеніе съ персами, все это—явленія не новыя въ Греціи; примѣры ихъ есть въ Аѳинахъ и въ Спартѣ за 100 лѣтъ до того, въ эпоху національной войны, среди общаго подъема патріотизма, когда измѣной завершили свою карьеру два талантливѣйшихъ грека,Themistocles и Павсаний. Ново въ исторіи Алкивиада только одно: возможность такъ долго и съ такимъ успѣхомъ лавировать между враждующими силами, Аѳинами, Спартой и персами. И Themistocles, и Павсаний очутившись за предѣлами родной общины, оказались политически безсильными, лишенными всякихъ средствъ для приложенія своихъ талантовъ. Ко времени Алкивиада произошла существенная перемѣна въ мѣръ греко-персидскихъ отношеній. Въ споры грековъ вступилъ новый факторъ, финансовая сила персовъ, при посредствѣ которой самая консервативная община Греціи, Спарта, быстро превратилась въ плутократію и стала располагать не меньшими ресурсами, чѣмъ аѳинская держава. Алкивиадъ сумѣлъ найти доступъ къ этому источнику и стать посредникомъ между новыми союзниками. На томъ же сдѣленіи интересовъ основана международная дипломатія другого политика, въ своемъ родѣ похожаго на Алкивиада, именно Лисандра, побѣдителя Аѳинъ. Вообще за полвѣка отъ катастрофы Themistocles до бѣгства Алкивиада кантональныя формы жизни сильно расшатались и ослабли: ополченія начинаютъ вытѣсняться наемниками, Греція все болѣе заполняется эмигрантами, рассыпающимися во все стороны. Гибели общинныхъ

связей много содѣйствовала суровая централизація Аѳинъ, а, съ другой стороны, притягательная роль новаго культурнаго и промышленнаго центра Эллады. Но аѳиняне и сами, развивши въ себѣ империалистическую жадность, утратили свой старый мелко-общинный обликъ, и Алкивиадъ—настоящій продуктъ новой аѳинской интернациональной сутолоки, промышленной и военной ненасытности; для него не существуетъ роднаго города, потому что городъ этотъ самъ обратился въ лабораторію безпредѣльныхъ затѣй, въ арену кипящихъ страстей, въ мѣсто дѣлежа чужихъ, захваченныхъ силой, богатствъ. Не теоріи же, наконецъ, создали этотъ новый греческій адъ!

Осада Сиракузъ. Послѣ отозванія и бѣгства Алкивиада сицилійское предпріятіе пошло безъ прежней энергіи. Никій удачно высадился подъ Сиракузами и разбилъ городское ополченіе, но вслѣдъ за этой побѣдой отъѣхалъ опять къ Катанѣ. Всю зиму 415—414 г. аѳиняне не предпринимали никакихъ новыхъ военныхъ операцій. Здѣсь много значить то обстоятельство, что далекій походъ былъ плохо финансированъ, и что армію предоставили собственной участи, не организовавъ снабженія ея припасами и средствами изъ центра державы. Эскадра и войско должны были сами добывать себѣ пропитаніе грабительскими набѣгами на плохо защищенные мѣстечки; однажды аѳиняне напали на туземный сицилійскій городокъ Гиккару, захватили все населеніе въ плѣнъ и выручили изъ продажи его въ рабство 120 талантовъ. Все это дѣлало пребываніе аѳинянъ на островѣ крайне непопулярнымъ. Съ другой стороны, они потеряли много драгоценнаго времени и дали возможность врагу организовать защиту. По предложенію Гермocrates, сиракузяне, въ ожиданіи осады города, расширили линію его укрѣпленій, вмѣсто дробной системы 15-ти стратеговъ назначили 3-хъ командировъ и принялись обучать свое многочисленное, но не дисциплинированное ополченіе. Далѣе было отправлено посольство въ Пелопоннесъ съ просьбой о помощи; наибольшій успѣхъ оно имѣло у коринѳянъ, съ 433 г. заклятыхъ враговъ Аѳинъ. Спарта сначала колебалась выйти изъ нейтралитета; рѣшительное воздѣйствіе на ея политику оказала Алкивиадъ, который представилъ всю опасность побѣды аѳинянъ надъ Сиракузами: Аѳины завладѣютъ богатыми средствами Сициліи, наберутъ на западъ солдатъ и сдавятъ своей арміей и флотомъ Пелопоннесъ; тогда наступитъ конецъ Спарты. Онъ предложилъ послать въ Сиракузы опытнаго военнаго организатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ начать войну съ Аѳинами въ самой Греціи и съ этой цѣлью образовать въ гористой части Аттики постоянный укрѣпленный лагерь; въ качествѣ наиболѣе подходящаго мѣста Алкивиадъ указалъ Декелею.

Между тѣмъ въ началѣ лѣта 414 г. Никій и Ламахи подступили

къ Сиракузамъ съ суши и начали обширныя работы по возведенію осадной стѣны, чтобы отрѣзать городъ отъ сношеній съ остальной Сициліей; аѳинскій флотъ безпрепятственно въѣхалъ въ гавань Сиракузъ и загородилъ сообщеніе съ моря. Всѣ попытки сиракузянъ выбить аѳинскую армію изъ ея позицій и разтронуть вновь возведенныя укрѣпленія окончились неудачей. Въ Сиракузахъ началась паника; стали волноваться рабы, граждане отчаялись въ своихъ командирахъ и смѣстили Гермократа; находившіеся въ аѳинскомъ лагерѣ сиракузскіе эмигранты завели сношенія со своими сторонниками въ городѣ о сдачѣ; часть патриотовъ, въ виду безнадежности защиты, готова была также на капитуляцію.

Въ ту минуту, когда создано было уже народное собраніе въ Сиракузахъ для того, чтобы обсудить условія сдачи города, пробилась въ гавань маленькая коринѳская эскадра, и ея предводитель Гонгиль сообщилъ, что въ Сицилію направляется спартанскій инструкторъ Гиллиппъ. Выборъ командира оказался необычайно удачнымъ. Сынъ Клеандриды, въ свое время пострадавшаго за расположеніе къ Аѳинамъ, чистѣйшій типъ сухого, требовательнаго и терпѣливаго спартанца, Гиллиппъ пробрался въ Сицилію черезъ южную Италію, составилъ въ Гимерѣ небольшое войско и, пользуясь тѣмъ, что аѳиняне не успѣли докончить осадной стѣны, прошелъ въ Сиракузы. Здѣсь онъ взялъ на себя главное командованіе и немедленно принялся атаковать аѳинскія укрѣпленія. Гиллиппъ сумѣлъ подчинить своей твердой спартанской манерѣ бурливое и беспорядочное сиракузское ополченіе. Въ короткое время онъ загналъ аѳинявъ за линію ихъ фортовъ и обратилъ изъ осаждающей стороны въ осажденную. Между тѣмъ въ гавань Сиракузъ проникли вспомогательные корабли; блокада съ моря была также прорвана, аѳиняне и здѣсь должны были перейти къ оборонѣ.

Аѳинскихъ силъ было теперь явно недостаточно для продолженія наступательныхъ дѣйствій. Никій, за смертію Ламаха оставшійся единственнымъ стратегомъ, написалъ въ этомъ смыслѣ докладъ аѳинской еkkлeсiи. По его мнѣнію, надо было или бросить экспедицію и отозвать всю аѳинскую армію, или послать на помощь свѣжія силы, флотъ и войско, а также хорошія денежныя средства; въ виду своей болѣзни онъ просилъ назначить другого верховнаго командира. Въ 414 году демократическая партія имѣла рѣшительный перевѣсъ въ Аѳинахъ. Было рѣшено безъ колебаній отправить въ Сицилію новую экспедицію и поставить во главѣ ея лучшаго стратега Аѳинъ, Демосѳена, героя Акарнаній и Пилоса. Увѣренные въ своихъ успѣхахъ, аѳиняне опустили берега Лаконіи и этимъ нарушили открыто миръ со Спартой. Открылась опять всеобщая война въ Греціи.

Вторая сицилійская экспедиція, и начало декелейской войны. Если для перваго сицилійскаго похода 415 г. есть извѣстныя оправданія съ военной и политической точки зрѣнія, то вторая экспедиція, отправленная весной 413 г., была рѣшительной и тяжелой ошибкой зарвавшейся аѳинской демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, аѳиняне бросали одно временно вызовъ Пелопоннесу и клали на вѣсы военнаго счастья въ Сициліи всѣ свои силы, не оставляя дома почти никакихъ резервовъ. Этого нельзя было дѣлать и въ болѣе спокойные моменты, меѣе всего теперь, когда, по указаніямъ Алкивіада, спартанцы готовились напасть на Аттику и примѣнить новую систему ея блокады съ суши. Притомъ аѳиняне уже не имѣли былого перевѣса техники надъ своими противниками. Это показалъ какъ нельзя болѣе ярко слѣдующій случай, позволяющій наглядное сравненіе съ прежними временами. Вновь назначенный стратегъ Кононъ былъ отправленъ въ Навпакту, чтобы загородить пелопоннесцамъ выходъ изъ Коринѳскаго залива и не допустить посылки подкрѣпленій Сиракузамъ изъ Коринѳа. Это было буквально то же самое порученіе, которое получилъ за 11 лѣтъ до того лучшій адмиралъ Аѳинъ, Форміонъ, и у Конона было ровно столько же кораблей—20 тріеръ. Но въ свое время Форміонъ не побоялся напасть на эскадру въ 77 пелопоннескихъ кораблей и даже разбилъ ее; теперь Кононъ не рѣшался атаковать 25 коринѳскихъ тріеръ и не могъ исполнить своей миссіи. Ореоль необходимости аѳинявъ на морѣ быстро исчезалъ. По своей драматической манерѣ Фукидидъ влагаетъ въ уста Гермократу разоблаченіе безсилія аѳинявъ. Сиракузскій вождь старается ободрить своихъ согражданъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ на морѣ, чтобы выбить аѳинскій флотъ, стоящій въ гавани. «Развѣ аѳиняне какіе-нибудь исключительные, наслѣдственно отъ природы одаренные моряки?—говоритъ онъ.—Нисколько; они поневолѣ, благодаря персидскому нашествію, обратились къ морю, а, слѣд., и вы, сиракузяне, пожавши въ такую же нужду и сдѣлавши усиліе, добьетесь одинаковыхъ успѣховъ»²⁷.

Почти одновременно, весной 413 года, выступаютъ спартанцы подъ начальствомъ Агиса на занятіе Декелеи, и вызъжаетъ въ море вторая сицилійская экспедиція подъ начальствомъ Демосѳена. Занятіе Декелеи рѣзко измѣнило положеніе Аѳинъ сравнительно съ прежними ежегодными лѣтними нашествіями пелопоннесцевъ. Спартанцы потребовали отъ своихъ союзниковъ поставки желѣза, захватили въ походъ рабочихъ и быстро возвели въ Декелеѣ укрѣпленный лагерь. Теперь Аѳины превратились въ осажденную крѣпость; изъ страха нападенія врасплохъ граждане должны были день и ночь сторожить на стѣнахъ. Въ Атикѣ прекратилась хозяйственная жизнь. Гарнизонъ Декелеи жилъ опусто-

пительными набѣгами; враги загубили весь скотъ, вырубили большую часть оливковыхъ деревьевъ, обширныя пространства превратились въ дикія пустоши. Приостановилась разработка серебряныхъ рудниковъ въ Лавріи. Закрылась значительная часть промышленныхъ заведеній; болѣе 20.000 рабовъ, преимущественно занятыхъ въ мастерскихъ (*χειροτέχων*), перебѣжали къ врагу. Особенно невыгодно для Аѳинъ было то, что декелейскій лагерь загорался сообщеніемъ съ Эвбеей, доставлявшей жизненные припасы. Приходилось теперь везти продукты не краткимъ путемъ черезъ узкій проливъ, а длиннымъ объѣздомъ по морю, вокругъ Сувійскаго мыса. Къ тому же, отрѣзанные отъ Эвбеи, аѳиняне потеряли власть надъ этой обширной зависимою землею; каждую минуту грозило вспыхнуть на островѣ возмущеніе. Несмотря на тяжелыя условія момента, аѳиняне продолжали сицилійскую войну. По этому поводу Фукидидъ еще разъ говоритъ объ изумительной энергіи аѳинскаго народа²⁸. Всѣ ожидали полного крушенія Аѳинъ еще отъ первыхъ нашествій пелопоннесцевъ послѣ 431 г., никто не допускалъ, что Аѳины просуществуютъ болѣе 3 лѣтъ; а вотъ теперь тянулася уже семнадцатый годъ войны, пелопоннесцы стояли въ самой серединѣ страны, и все же Аѳины, хотя ослабленныя предшествующими потерями, предпринимали новую кампанію, не уступавшую по размѣрамъ прежней, пелопоннесской. Наибольшая трудность, по мнѣнію Фукидида, заключалась въ страшномъ разстройствѣ аѳинскихъ финансовъ. Расходы, вызываемые войною, не только не оставались на прежнемъ уровнѣ, но все росли, а доходы жестоко сокращались. Финансовый кризисъ заставилъ аѳинянъ предпринять крупную реформу: они замѣнили обычный *φόρος*, прямой налогъ, взимаемый съ подданныхъ, двадцати-процентнымъ сборомъ со всѣхъ провозимыхъ по морю товаровъ. Фукидидъ говоритъ, что этимъ способомъ надѣялись получить больше денегъ. Возможно однако, что финансовая реформа 413 г. была вызвана еще и политическимъ мотивомъ: косвенный налогъ, какъ менѣе замѣтный, не такъ раздражалъ подданныхъ морской державы, а ихъ вѣрность, въ виду затрудненій, переживаемыхъ аѳинянами, подвергалась большому риску.

Катастрофа аѳинянъ въ Сициліи. Ко времени отправления эскадры Демосѳена положеніе аѳинянъ подъ Сиракузами очень ухудшилось. Гиллиппъ рѣшился напасть на аѳинскій флотъ и выбить его изъ стоянки у входа въ гавань: Сиракузы открыли себѣ свободный выѣздъ къ морю, аѳинянъ же, напротивъ, задвинули въ тѣсный рейдъ, угрожая запретить имъ выходъ. Появленіе новой эскадры въ 73 триеры съ войскомъ и экипажемъ въ 20.000 человекъ, казалось, измѣнило положеніе въ пользу аѳинянъ. Демосѳенъ рѣшилъ тотчасъ же возобновить нападеніе на

городъ съ суши. Ночью аѳиняне предприняли атаку и потерпѣли жестокое пораженіе. Тогда Демосѳенъ потребовалъ немедленнаго отъѣзда со всѣми силами домой, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, жизнь массы гражданъ. Никій выставилъ противъ возвращенія чисто-политическіе доводы, ярко отражающіе аѳинскіе порядки и зависимость стратеговъ отъ экклесіи, т.-е. своего собственного воинства. Онъ говорилъ, что уѣхать и бросить предпріятіе, не дождавшись формальнаго приказа аѳинскаго народа, значить подпасть жестокому обвиненію; народъ не станетъ слушать разумные доводы, а поддастся на клевету демагоговъ. Нечего довѣрять и тѣмъ воинамъ, что теперь громко кричатъ о необходимости отъѣзда; возвратившись домой, они яростно поднимутся на стратеговъ и осудятъ ихъ, какъ подкупленныхъ измѣнниковъ.

Почти мѣсяцъ провели аѳиняне въ бездѣятельности, а Гиллиппъ тѣмъ временемъ стянулъ подкрѣпленія къ Сиракузамъ. Когда они сдѣлали попытку прорваться на корабляхъ къ выходу въ море, произошла жестокая битва. Сиракузяне примѣнили боевое изобрѣтеніе Коринея, косые корабельные тараны, которыми они разбивали борты триеръ; спертые на узкомъ пространствѣ, аѳиняне не могли маневрировать; ихъ лучшій флотъ, ихъ искусная техника сокрушились подъ напоромъ грубыхъ приемовъ сшибанія кораблей. Въ этомъ послѣднемъ бою ряды сражающихся совершенно разбились, отдѣльныя суда сдѣлались другъ съ другомъ и экипажъ вступалъ въ рукопашную; за трескомъ ломающихся кораблей, неистовыми возгласами бойцовъ никто не слышалъ словъ команды, сами командиры не видѣли ничего дальше схватки, окружавшей ихъ. По словамъ Фукидида, аѳиняне никогда не переживали болѣе драматичнаго момента. «Казалось, то они—совсѣмъ близко къ спасенію и выходу въ море, то—на волосокъ отъ гибели; пока битва оставалась перѣшительной, въ войскѣ аѳинскомъ слышались заразъ стоны отчаянія, призывные крики, возгласы побѣждающихъ и побѣжденныхъ, все, что бушуетъ въ великой арміи, находящейся въ жестокой опасности»²⁹.

Сиракузяне уничтожили часть аѳинской эскадры, отогнали остальные корабли къ берегу и обратили въ бѣгство занимавшій ихъ экипажъ. Аѳинянами овладѣла паника; Демосѳенъ настаивалъ на новой попыткѣ прорыва, но моряки, покинувшіе корабли, не хотѣли болѣе повиноваться. Остался только одинъ выходъ—отступитъ сухимъ путемъ въ глубину острова. Аѳинянъ и союзниковъ было около 40.000, очень большая армія для тогдашней Греціи. Отступленіе въ послѣдній моментъ еще задержалось вслѣдствіе луннаго затменія, въ которомъ Никій усмотрѣлъ дурное предзнаменованіе. Когда аѳинское войско, деморализованное и уставшее, покинувъ массу больныхъ и раненыхъ, двинулось, наконецъ, въ путь, сиракузяне приготовились къ преслѣдованію. Имъ

удалось через нѣсколько дней разъединить Демосфена и Никія и принудить одного за другимъ къ сдачѣ на милость побѣдителя. Въ Сиракузахъ народное собраніе, похожее по характеру и настроеніямъ на аѳинскую экклесію, рѣшило, среди шума и возбужденія, казнить вождей. Плѣнные аѳинскіе воины были сначала брошены въ латоміи, т.-е. каменоломни, гдѣ ихъ держали нѣсколько недѣль какъ бы въ колоссальной тюрьмѣ, потомъ проданы въ рабство; вся Сицилія наполнилась невольниками изъ гражданъ Аѳинъ и подвластныхъ державъ общинъ.

Аѳины потеряли въ Сициліи 216 лучшихъ тріеръ и около 10.000 гражданъ, что составляло большой процентъ всего полноправнаго населенія общины, т.-е. значительную часть какъ сухопутныхъ военныхъ сословій, всадниковъ и гоплитовъ, такъ и морского класса оетовъ. Катастрофа осени 413 года составляетъ поворотный пунктъ всей войны. Она рѣшила участь аѳинской державы; дальнѣйшая девятилѣтняя борьба до полной капитуляціи Аѳинъ въ 404 году была уже безнадежной обороной, долгой агоніей. Тѣмъ болѣе изумительной представляется цѣпкая энергія бойцовъ: городъ держался до тѣхъ поръ, пока не погибла почти вся раса неутомимыхъ и безпощадныхъ моряковъ, создавшая персидской войной и имперіей, выросшей изъ освободительной войны.

Начало олигархическаго движенія въ Аѳинахъ. Когда въ Аѳины пришло извѣстіе о гибели великой экспедиціи, народъ долго не хотѣлъ вѣрить, и даже его не могли убѣдить бѣглецы, успѣвшіе спастись отъ катастрофы въ Сициліи. Наконецъ, когда нельзя было болѣе сомнѣваться, аѳиняне обрушились на тѣхъ ораторовъ, которые настаивали на отправкѣ морской экспедиціи, и на предсказателей, убѣждавшихъ народъ въ томъ, что Аѳины завоюютъ всю Сицилію. Всѣхъ охватило горе и страхъ: каждая семья оплакивала свою потерю, а государство въ цѣломъ утратило основную военную силу, особенно же цвѣтущее молодое поколѣніе, которому уже не было замѣны. Въ верфяхъ осталось очень немного кораблей, даже для обороны; вслѣдствіе гибели большой части оетовъ не имѣлось кормчихъ, лоцмановъ и рулевыхъ и вообще опытныхъ на службѣ моряковъ; казна была совершенно истощена. При этихъ условіяхъ аѳиняне стали отчаяваться въ своемъ спасеніи; они были увѣрены, что сицилійцы, одержавшіе столь рѣшительную побѣду, немедленно нападутъ на Пирей, что враги подступятъ съ удвоенными силами на сушѣ и на водѣ, что къ нимъ присоединятся подданные державы, которымъ нечего больше бояться аѳинскихъ экзекуцій.

Фукидидъ не любитъ демократіи, но отдаетъ должную дань ея энергіи въ 413 году. Аѳинскій демосъ рѣшилъ нарочь всѣ силы, снарядить новый флотъ во что бы то ни стало, собравши всѣ наличныя

суммы и строительный матеріалъ, затѣмъ принять мѣры къ обезпеченію постороннихъ владѣній, и особенно Эвбеи. «Народъ разумно ограничилъ многіе расходы и выбралъ правительственную комиссію изъ стариковъ, которымъ было поручено предварительное обсужденіе всѣхъ дѣлъ, вызываемыхъ даннымъ положеніемъ. Словомъ, подъ страхомъ висящей бѣды народъ былъ готовъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, подчиниться дисциплинѣ во всемъ непосредственно необходимомъ»³⁰. Такой благоприятной оцѣнкой сопровождается Фукидидъ рѣшеніе аѳинскаго демоса образовать новый правительственный органъ 10 пробуловъ. При политическихъ возрѣвнѣяхъ историка это сужденіе понятно: онъ былъ врагомъ нервныхъ и бурливыхъ дебатовъ въ экклесіи, не любилъ ея переменчивыхъ настроеній и, сколько можно судить по нѣкоторымъ намекамъ, желалъ реформы въ смыслѣ образованія тѣснаго совѣта свѣдущихъ людей для предварительнаго обсуждения дѣлъ.

Нельзя не признать введеніе пробуловъ важной конституціонной переменной въ Аѳинахъ. Собираясь для предварительнаго обсуждения важнѣйшихъ дѣлъ въ вопросахъ войны и финансовъ, пробулы замѣнили совѣтъ 500, и эта замѣна была очень существенна. Совѣтъ 500 составлялъ многочисленную палату со смѣной очередныхъ отдѣленій; ему было трудно выступать въ качествѣ самостоятельной силы рядомъ съ народнымъ собраніемъ. Совѣтъ другое дѣло—комиссія пробуловъ, которая, при ограниченности своего состава и при извѣстномъ подборѣ членовъ, могла легко замкнуться въ тайный совѣтъ. Учрежденіе пробуловъ было несомнѣннымъ успѣхомъ сторонниковъ реакціоннаго переворота; между прочимъ въ комиссіи сидѣлъ Гагнонъ, отецъ Терамена, извѣстный своей симпатіей къ олигархіи. Реакціонеры вырвали у народа эту уступку въ критическій моментъ, когда демократія, лишившаяся подъ Сиракузами половины своихъ самыхъ энергичныхъ силъ, находилась въ извѣстнаго рода онѣмнѣніи. Иначе нельзя понять, какъ аѳинскій демосъ допустилъ учрежденіе, вносившее столь чуждый демократической практикѣ элементъ. Впрочемъ, олигархи дѣйствовали крайне осторожно: они старательно сохранили декорумъ демократіи и въ способѣ избранія пробуловъ, и въ опредѣленіи ценза для избираемыхъ: «старшіе граждане» (*πρεσβύτεροι*) звучало весьма прилично, безъ нарушенія принципа равенства, который могъ быть затронутъ, напр., выдѣленіемъ богатыхъ; напротивъ, если принять во вниманіе, что въ олигархическихъ клубахъ преобладала нетерпѣливая молодежь (*νεώτεροι*), то, казалось, старые пробулы служатъ хорошей гарантіей противъ вторженія честолюбцевъ изъ молодыхъ новичковъ.

Помимо этого успѣха, сторонникамъ олигархіи удалось весною 412

года провести на мѣста стратеговъ, рядомъ съ демократами, своихъ кандидатовъ, между ними Фриниха, искуснаго интригана, бывшаго въ молодости пастухомъ и выдвинувагося въ качествѣ сикофанта на службѣ демократіи. Цѣлый рядъ такихъ подозрительныхъ демагоговъ, среди нихъ Писандръ, обвинитель олигарховъ въ процессѣ гермокопидовъ, вступили теперь въ антидемократическіе клубы, сохраняя по видимости прежнюю политическую повадку.

Настроеніе въ Аѣинахъ. Шумныя и рѣзкія политическія событія способны иногда создавать иллюзію, будто бы все общество подѣлено на партіи, тогда какъ въ дѣйствительности количество людей нейтральныхъ можетъ быть очень велико. Какъ разъ ко времени, предшествующему катастрофѣ демократіи, у насъ есть любопытное свидѣтельство для характеристики настроенія массы безпартійныхъ въ Аѣинахъ. Это — курьезная по формѣ, но, можетъ быть, самая глубокая по содержанію комедія Аристофана, «Лисистрата».

Аристофанъ вообще перемѣнился, начиная съ комедіи «Птицы». Оставаясь, какъ раньше, буффономъ, карикатуристомъ, онъ становится серьезнѣе по существу; въ немъ слышатся настоящія патриотическія и гуманныя чувства, боль за истекающее кровью отечество, жалость къ гражданамъ, утратившимъ человѣческое существованіе. И еще мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что Аристофанъ дѣлается защитникомъ *правъ женщинъ*. Между прочимъ любопытно отмѣтить, что изъ одиннадцати дошедшихъ до насъ его комедій три посвящены женскому вопросу: «Лисистрата», «Участницы Тесмофорій» и «Женщины въ экклесіи». Последняя изъ этихъ пьесъ относится къ 392 году, и о ней мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Что касается первыхъ двухъ, то онѣ принадлежать именно 411 году.

Въ «Участницахъ Тесмофорій» Аристофанъ беретъ на себя комическую защиту женщинъ противъ Эврипида, слышаго за женоненавистника, но по настоящему мы присутствуемъ при забавномъ состязаніи двухъ своеобразныхъ апологетовъ существа женщины и ея человѣческихъ правъ. Эврипидъ въ дѣломъ рядъ своихъ драмъ, въ «Медѣ», въ «Федрѣ» и др., изображаетъ трагическое развитіе страстей, данныхъ женщинѣ природой; его интересуетъ страданіе женщины, онъ защищаетъ ея право на счастье и бросаетъ упрекъ міру мужчинъ, которые готовы видѣть въ женщинахъ низшія существа. Аристофану не нравится вообще раздирательность и сантиментализмъ Эврипида, въ частности ему не по сердцу всѣ эти сцены женской ревности, мести, неутолимой любви; но Аристофанъ осуждаетъ Эврипида не потому, что хотѣлъ бы вернуть женщину къ старому прозаическому и подчиненному положенію въ кухнѣ и дѣтской, а потому что онъ цѣнитъ въ ней тонкій и благо-

родный умъ, глубокий здравый смыслъ, чуть правды, — качества, которыя по большей части потеряли мужчины, ушедшіе съ головой въ дикую борьбу за существованіе. Въ глазахъ Аристофана, Эврипидъ наклеветалъ на женщину, изобразивъ ее жертвой страстей, а между тѣмъ въ женской натурѣ заложено нѣчто гораздо лучшее, она и есть настоящій жизнесохраняющій элементъ общества.

Въ «Лисистратѣ» Аристофанъ съ неожиданной смѣлостью и силой изображаетъ протестъ женщинъ, поднявшихся противъ истребительной войны. Сходятся аѣинянки, спартанки, беотійки; организуетъ движеніе аѣинская гражданка Лисистрата, умница, неутомимо-твердая, чудесный, спокойный характеръ; въ ея изображеніи Аристофанъ не позволилъ себѣ ни малѣйшей ироніи. Дѣйствіе въ комедіи основано на обычномъ буффѣ: женщины рѣшаютъ донять мужчинъ отказомъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей; получается рядъ забавныхъ положеній, но дѣло не въ этомъ. Аристофанъ хочетъ сказать, что только у женщинъ остался еще разумный взглядъ на вещи. Онъ помѣстилъ въ пьесу почти невѣроятный въ смыслѣ политическаго дерзанія діалогъ, гдѣ предводительница женщинъ пристыжаетъ своей простой и возвышенной рѣчью пробула, въ данный моментъ полномочнаго правителя Аѣинъ.

Женщины заняли акрополь и завладѣли казной. Пробуль, туповатый, самоувѣренный политикъ, недоумѣваетъ, зачѣмъ онѣ это сдѣлали? *Пробуль*: Что вы понимаете въ управленіи деньгами? *Лисистрата*: А кто же управляетъ домашней казной? *Пробуль*: Да вѣдь это совѣтъ другія деньги, онѣ для войны. *Лисистрата*: А вотъ мы войну-то и прекратимъ... *Пробуль*: Развѣ вы способны распутать всѣ сложныя затрудненія Греціи, примирить всѣ противорѣчивыя желанія? *Лисистрата*: Намъ научило искусство распутывать шерстяные клубки. *Пробуль*: И вы надѣетесь тяжелое дѣло государственности разрѣшить своимъ шерстянымъ и клубочнымъ мастерствомъ? *Лисистрата*: Да, вотъ слушай. Сначала надо сырую сръзанную шерсть вымыть, согнать весь соръ и грязь съ народа, выколотить изъ него проклятую нечисть, которая въ немъ загнилась, всѣ шипы и колючки. Потомъ надо разбить то, что комьями прилипло къ государственнымъ должностямъ, растянуть по волоскамъ и обрѣзать имъ концы. Чесать шерсть надо гребнемъ свободнымъ и мягкимъ и вплетать въ нитку всѣхъ, и метойковъ, и союзниковъ, и чужестранцевъ, кто вамъ преданъ, и всѣхъ задолжавшихъ государству, и всѣ города, что на востокъ и на западъ основаны землей нашей, что лежатъ раскиданными, какъ клочья шерсти, оторвавшіеся отъ насъ. Все соберите старательно, принесите и сплетите вмѣстѣ; будетъ большой клубокъ, изъ него сотките народу плащъ.

Пробуль: Не глядѣли бы глаза мои, какъ вы тутъ стираете и чешете, а вѣдь война васъ совсѣмъ не касается! *Лисистрата*: Какъ, жалкіи негодяи, мы вдвойнѣ отъ нея страдаемъ; мы, родившіе сыновей нашихъ въ мукахъ, отдаемъ ихъ на жертву войны! ³¹.

Подъ конецъ пьесы Лисистрата зоветъ спартанцевъ и аѳинянъ на общее примиреніе. Она учитъ богиню мира, какъ взять раздражительныхъ драчуновъ мягко за руку, и когда они становятся передъ ея трибуной, Лисистрата говоритъ имъ спокойно и твердо: «Слушайте рѣчь мою. Я женщина, но разумъ у меня есть, я получила его отъ матери моей, а въ молодыхъ годахъ слышала много мудраго отъ отца и дѣльныхъ людей. Хочу я васъ строго пробрать, какъ вы того стоите: всѣ вы одной крови, всѣ одинаково молитесь въ Олимпіи, Дельфахъ, Ѳермопилахъ и множествѣ другихъ мѣсть, и вы несете войну и гибель сыновьямъ Эллады, городамъ эллинскимъ, а вѣдь сколько на свѣтѣ варваровъ». Лисистрата напоминаетъ, какъ «благородный» Кимонъ водилъ большое ополченіе на помощь погибавшей Спартѣ, и какъ спартанцы пришли выгнать изъ Аѳинъ тиранновъ, освободить аѳинянъ, ходившихъ въ овчинахъ, отъ рабской службы и вернуть имъ снова гражданскій обликъ. Обѣ стороны должны вспомнить это и объединиться въ общемъ согласіи и дружбѣ ³².

Комедія кончается безъ обычныхъ гаерскихъ выходовъ, какъ бы торжественнымъ гимномъ. Благородный призывъ вложенъ въ уста женщины, и пьеса звучитъ прославленіемъ не только мира, но и величія женщины, спасающей общество.

Соціальное положеніе въ Аѳинахъ. Въ призывахъ Аристофана есть и соціальный отгѣнокъ. Какъ раньше, во время десятилѣтней войны, такъ и теперь онъ говоритъ отъ имени большинства зажиточнаго класса. Съ укрѣпленіемъ спартанцевъ въ Декелеѣ у этой части гражданства появилось новое и важное основаніе желать скорѣйшаго мира, именно огромная потеря въ составѣ рабовъ.

Относительно положенія аѳинскихъ рабовъ мы имѣемъ необычайно любопытную страницу въ олигархической брошюрѣ 425 года. Помечтавъ о томъ, какъ хорошо было бы при «благоустроенномъ порядкѣ» обратиться демось въ рабство, авторъ обращается въ раздраженномъ тонѣ къ аѳинской дѣйствительности. «Что касается рабовъ и метойковъ, то въ этомъ отношеніи въ Аѳинахъ царитъ величайшая распущенность. Тутъ нельзя раба ударить безнаказанно, да и рабъ ни за что не уступить дороги на улицѣ. Я объясню, почему выработались у насъ такіе обычаи. Если бы позволялось бить рабовъ или метойковъ и вольноотпущенныхъ, много ударовъ досталось бы аѳинянамъ, потому что ихъ принимали бы за рабовъ: простой народъ похожъ на рабовъ и обыва-

телей и одеждой, и всѣмъ своимъ обликомъ. Если же кого-нибудь удивить, что рабы въ Аѳинахъ жирѣютъ и живутъ на широкую ногу, то, по-моему, и это допущено не с проста, и я готовъ объяснить, въ чемъ дѣло. Въ морской державѣ необходимо держать рабовъ на денежномъ оброкѣ: приходится предоставлять имъ свободу дѣйствій и ограничиваться лишь полученіемъ съ нихъ прибыли. А гдѣ рабы богатѣютъ, уже невыгодно, чтобы мой рабъ боялся тебя, какъ въ Лакедемонѣ, гдѣ такая боязнь рабовъ передъ чужими господами существуетъ; вѣдь страхъ рабовъ передъ господами можетъ повести лишь къ тому, что они станутъ для спасенія жизни откупаться деньгами (и разоряться). Вотъ почему мы завели свободу слова (*ισχυρία*) даже для рабовъ, въ совершенно равной мѣрѣ со свободными; и для метойковъ точно такъ же, какъ для гражданъ, потому что они крайне необходимы общинѣ и по своему индустриальному значенію, и по участию въ морскомъ дѣлѣ» ³³.

Въ этой характеристикѣ рядомъ съ насмѣшкой и преувеличеніями есть удивительно тонкія и вѣрныя замѣчанія, напр., о неизбѣжности перевода рабовъ на денежный оброкъ въ быту подвижной морской державы, о вытекающей отсюда свободѣ въ положеніи рабовъ, о возможности ихъ обогащенія и нежелательности пугать ихъ строгостью и т. д. Человѣкъ порядочнаго общества, ненавидящій мѣщанство и мужицкій характеръ Аѳинъ, брезгливый къ черному люду, отъ котораго нѣтъ прохода, возмущается больше всего тѣмъ, что нельзя сорвать свой гнѣвъ даже на толкающемся на улицѣ рабочемъ; здѣсь онъ не преувеличиваетъ, такъ какъ въ Аѳинахъ вѣкъ дома рабъ находился подъ охраной закона и могъ жаловаться въ судъ на личное оскорбленіе. «Свободу слова» надо, конечно, понимать въ смыслѣ обычной проны автору, которому смѣшны демократическіе права и учрежденія вообще. Но что рабы держали себя безъ стѣсненія въ Аѳинахъ, видно также изъ множества сценъ въ комедіяхъ Аристофана.

Аѳинскіе рабы, довольно многочисленные, представляли по отношенію къ ѳетамъ, свободнымъ бѣднымъ гражданамъ, какъ бы разрядъ низшихъ рабочихъ; они были заняты въ рудникахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, служили гребцами во флотѣ, составляли главную массу ремесленниковъ въ большихъ мастерскихъ, гдѣ часто работали независимыми артелями на скупщиковъ; лишь нѣкоторые отрасли труда оставались привилегіей свободныхъ, особенно строительное дѣло. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, рабы имѣли своего рода перевѣсъ надъ свободными пролетаріями, поскольку власти нанимали ихъ на государственную службу въ качествѣ писцовъ, полицейскихъ и т. п. Сравнительно выгодныя условія, въ которыхъ находились аѳинскіе рабы, устранили

для гражданъ опасность рабскаго возстанія во время войны, тѣмъ болѣе, что рабы всѣ были привозные, иноплеменные, въ значительной части негреческаго происхожденія и, слѣд., почти исключалась возможность ихъ соединенія въ общую организацію, какъ это, напротивъ, всегда могли сдѣлать крѣпостные Мессеніи и Спарты.

Но война дала себя знать въ другомъ направленіи. Когда масса сельскихъ жителей со всѣми своими домочадцами сбилась подъ защитой аѳинскихъ укрѣпленій, рабы попали въ условія несравненно худшія, чѣмъ граждане. Если вообще санитарное положеніе осажденныхъ было плохо, то рабы, о которыхъ никто не заботился, по преимуществу страдали отъ тѣсноты и дурнаго питанія; процентъ ихъ смертности отъ чумы былъ навѣрно гораздо больше, чѣмъ въ средѣ гражданъ. Повидимому, при устройствѣ продовольственнаго дѣла рабовъ не принимали въ счетъ, имъ предоставлялось кормиться, какъ придется. Этимъ надо объяснить массовое бѣгство рабочихъ невольниковъ съ самаго начала Декелейской войны. Вскорѣ то же явленіе повторилось на о. Хиосѣ, когда эта богатая рабовладѣльческая община отложила отъ аѳинской державы; аѳиняне заняли на островѣ положеніе, подобное спартанскому лагерю въ Декелеѣ, и рабы начали перебѣгать къ нимъ; очевидно, дѣйствовалъ тотъ же мотивъ, что въ Атикѣ, они бѣжали отъ голодной смерти.

Вслѣдствіе бѣгства аѳинскихъ рабовъ прекратились работы въ Лаврійскихъ рудникахъ, закрылись многія мастерскія: всѣ тѣ, кто жилъ оброками невольниковъ, оказались въ затруднительномъ положеніи. Отъ этой перемены вѣты, свободные пролетаріи ничего не теряли, напротивъ, выигрывали; во всякомъ случаѣ, руководящіе политики должны были хлопотать о доставленіи имъ занятій и заработка. Въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны, несмотря на общее истощеніе, въ Аѳинахъ происходитъ усиленная стройка, особенно воздвигаютъ храмы: главной цѣлью этихъ предпріятій было доставить пропитаніе бѣдной части гражданства, поскольку она не находила занятія въ военной службѣ. Для богатыхъ людей новая задача была сопряжена съ усиленіемъ литургіи, или «добровольнаго» пожертвованія, такъ какъ въ государственной казнѣ денегъ больше не имѣлось. Понятно ихъ желаніе взять въ свои руки управленіе и отстранить заинтересованную въ продолженіи войны массу простого народа.

Выступленіе Спарты въ Эгейскомъ морѣ и договоры ея съ персами.

Если Аристофанъ могъ такъ горячо говорить о мирѣ, то, очевидно, въ Аѳинахъ имѣлось множество людей, сочувствовавшихъ этой идеѣ. Они могли составить хотя пассивную, но очень сильную опору олигархамъ, которые обѣщали добиться соглашенія съ врагами. Но прямыхъ

результатовъ теченіе въ пользу мира не дало, и это потому, что совершенно переменялись роли во внѣшней политикѣ. Наступательной стороной становится Спарта, Аѳины задвинуты въ положеніе обороны. Дѣло идетъ о самомъ существованіи державы, на которую заявляетъ притязаніе Спарта. Аѳины уже не могутъ отдѣлаться небольшими уступками; у нихъ нѣтъ теперь свободы выбора, какъ передъ сицилійской экспедиціей; осталось только воевать, чтобы сохранить господство на морѣ и не пасть на степень безсильнаго кантона.

Въ самой Спартѣ, къ которой перешла инициатива войны, намѣтились крупныя перемены. Центральный военный штабъ, который представляла Спарта, выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія и косности. Рѣшаютъ давать командирамъ на мѣстахъ болѣе широкія полномочія, не связывать ихъ дѣйствія необходимостью вѣчно справляться съ правительствомъ въ Лаконіи. Въ этомъ смыслѣ царь Агисъ, оперировавшій въ Атикѣ, получилъ чрезвычайную власть; пользуясь своимъ новымъ положеніемъ, онъ выстроилъ въ водахъ Тессаліи флотъ для того, чтобы овладѣть Эвбеей. Самой любопытной чертой спартанской военной организаціи становится рѣшительное обращеніе къ морю. Въ спартанской стратегіи наиболѣе важнымъ постомъ дѣлается должность наварха, т.-е. адмирала, такъ какъ въ Спартѣ поставлена цѣль—вырвать у Аѳинъ гегемонію на морѣ и вступить въ обладаніе островами и малоазійскими общинами. Рѣшено вмѣстѣ съ тѣмъ выстроить соединенными средствами Пелопоннеса крупный флотъ, который могъ бы помѣряться съ аѳинской морской силой. Навархію никогда не поручаютъ царямъ; для назначенія командировъ на морѣ усваиваютъ принципъ, выработанный въ демократіи, именно ежегодную смѣну и даже съ ригористическимъ прибавленіемъ, воспреещающимъ вторичное избраніе на эту должность. Навстрѣчу широкой программѣ въ спартанской политикѣ шли недовольные союзники и подданные аѳинской державы. Делегаты Лесбоса и Эвбеи явились къ Агису, представители Хиоса и Эрпюръ обратились непосредственно въ Спарту. Можно было ожидать еще дальнѣйшихъ отпаденій: Милета, Эфеса, Родоса. Впрочемъ, въ средѣ островныхъ и малоазійскихъ общинъ только правящіе олигархическіе круги искали сближенія со Спартой, демось стоялъ за Аѳины. Поэтому олигархическое правительство Хиоса скрыло свои переговоры отъ народа.

Война, предпринятая Спартой противъ Аѳинъ, была по идеѣ своей и по официальной формулировкѣ «освободительной». Союзники и подданные аѳинской державы искали поддержки Спарты для того, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ налоговъ и реквизицій, собираемыхъ Аѳинами, и рассчитывали стать автономными. Каковы бы ни были замыслы

отдѣльныхъ политиковъ Спарты, но обложеніе освобождаемыхъ въ пользу спартанскаго оружія было бы совершенно невозможно. А между тѣмъ снаряженіе и поддержаніе большого флота, безъ котораго нельзя было сломить аѳинскую державу, требовало финансовой основы. Спарта не имѣла таковой. Этотъ существенный недостатокъ бросилъ Спарту въ руки персовъ. Благодаря связямъ Алкивіада, Спарта вошла въ союзъ съ персидской державой и стала получать персидскую субсидію. Персидское правительство очень хорошо уловило моментъ для вмѣшательства въ дѣла Греціи и для возвращенія своихъ прежнихъ позицій у Эгейскаго моря. Въ 412 году царь Дарій II прислалъ въ Малую Азію двухъ ловкихъ и энергичныхъ намѣстниковъ, Тиссаферна въ Лидію, т.-е. поблизости іонійскихъ городовъ, и Фарнабаза во Фригію, по соседству съ Геллеспонтомъ. Оба получили широкія полномочія для веденія переговоровъ и уплаты суммъ противникамъ аѳинской державы, которой такъ боялись персы со времени побѣдъ Кимона. Тиссафернъ и Фарнабазъ отправили агентовъ въ Спарту и предлагали наперерывъ свои услуги: они готовы были поддерживать целопоннескій флотъ, одинъ въ Іоніи, другой въ проливахъ. Спарта рѣшилась въ пользу Тиссаферна, у котораго, казалось, больше силъ и средствъ. Алкивіадъ самъ отправился вмѣстѣ со спартанской комиссіей въ Іонію для того, чтобъ склонить города ея къ отпаденію, и для личнаго свиданія съ Тиссаферномъ. Онъ выучился персидскому языку (если не зналъ его раньше); въ сношеніяхъ съ персами онъ обнаружилъ опять изумительную гибкость, какъ въ свое время въ Спартѣ; ему удалось пріобрѣсти сильное вліяніе на Тиссаферна.

Лѣтомъ 412 года состоялся договоръ между правительствомъ великаго царя и Спартой. Для персовъ договоръ былъ необычайно выгоденъ. Въ немъ признавалось прежде всего право царя на тѣ земли и города, которыми владѣли его предки; это значитъ, не только малоазійскіе города отдавались въ распоряженіе царя, но признавались также притязанія персовъ на острова, Эракію, Македонію и Фессалію. Затѣмъ царь, спартанцы и союзники ихъ обязывались общими силами противодѣйствовать тому, чтобъ аѳиняне собирали съ нихъ какіе-либо налоги или другія суммы. Они обязывались совместно вести войну противъ аѳинянъ и заключить миръ лишь съ согласнаго общаго рѣшенія. Кто отпадетъ отъ царя, считается врагомъ спартанцевъ и ихъ союзниковъ; въ свою очередь, кто отъ нихъ отпадетъ, считается врагомъ царя.

Для греческаго національнаго сознанія и условія, и само существо договора съ персами составляли фактъ огромной важности и, можно сказать, уничтожающаго значенія. Все, чѣмъ такъ гордились

независимые греки со времени великой освободительной войны, было вычеркнуто установителями соглашенія. Спартанское правительство запуталось въ безвыходномъ противорѣчій: оно брало деньги отъ персовъ для освобожденія греческихъ городовъ отъ аѳинскаго ига и платило за это уступкой персамъ тѣхъ же самыхъ греческихъ городовъ. Впрочемъ, въ Спартѣ имѣлась партія патриотовъ, которые находили возможнымъ обойтись безъ персидской субсидіи и считали позоромъ все соглашеніе. Въ виду ихъ протеста приходилось посылать все новыя комиссіи изъ Спарты въ Малую Азію для переговоровъ съ персидскимъ намѣстникомъ; люди независимые, въ родѣ спартанца Лихаса, вступали въ рѣзкія пререканія съ Тиссаферномъ и давали чувствовать персамъ непріятныя стороны греческаго республиканскаго темперамента. Въ теченіе одного года три раза измѣняли текстъ и условія договора, ограничивали параграфы относительно притязаній царя на греческія территоріи, и все же въ извѣстныхъ кругахъ Спарты продолжало оставаться недовольство³⁴.

Іонійская война. Ближайшая цѣль Спарты была достигнута. Въ Пелопоннесѣ собрался флотъ, прибыла эскадра изъ Сиракузъ, и когда эти силы появились у береговъ Іоніи, Тиссафернъ взялъ на себя уплату вознагражденія морякамъ и сухонутной арміи, которую привезли въ Азію. Спарта перенесла центръ военныхъ дѣйствій въ самую богатую и доходную часть аѳинской державы. Навархъ Астіохъ выбралъ главной стоянкой для флота гавань Милета; отсюда онъ получилъ возможность поддерживать общины Хиоса, Родоса и др., готовые отпасть отъ Аѳинъ. Когда въ Аѳины пришло извѣстіе объ измѣнѣ Хиоса, самой крупной іонійской общины, положеніе казалось столь критическимъ, что народъ рѣшилъ взять 1000 талантовъ запаснаго фонда, отложеннаго для послѣдней крайности; были отменены наказанія, грозившія тому, кто предложитъ затронуть заповѣдную сумму³⁵. На эти средства аѳиняне снарядили большой флотъ. Но когда аѳинская эскадра прибыла къ берегамъ Іоніи, почти ничего не оставалось спасать. Отложились всѣ города малоазійскаго побережья и всѣ острова, кромѣ Самоса и Лесбоса.

Въ 412 году во время переговоровъ Спарты съ персами, на Самосѣ произошло жестокое столкновеніе классовъ. Въ качествѣ олигархій выступили геоморы, землевладѣльцы, демократію представляли горожане. Угрожаемые союзомъ геоморовъ, оставшихся на Самосѣ, и эмигрантовъ, удалившихся на малоазійскій берегъ, демократы поднялись, перебили до 200 геоморовъ, 400 изгнали и раздѣлили между собой ихъ земли. Самійскій переворотъ напоминаетъ буржуазныя революціи средневѣковой Флоренціи: у прежнихъ землевладѣльцевъ были

отняты политическія права, запрещались браки между геоморами и горожанами ³⁶. Для того, чтобы порвать окончательно съ прошлымъ, демось разрушилъ старинную религіозную организацію и замѣнилъ братскіе и родственные союзы арифметическимъ дѣленіемъ гражданства. Благодаря революціи, Самось не только остался вѣренъ Аѳинамъ, но даже сдѣлался особенно надежной опорой аѳинянь за весь послѣдующій періодъ вплоть до катастрофы 405 года.

Аѳиняне утвердились въ гавани Самоса противъ центральной позиціи пелопоннесцевъ въ Милетѣ. Война пошла съ переменнымъ успѣхомъ. Аѳиняне заняли укрѣпленіе на берегу Хиоса и начали опустошительные набѣги на благоустроенные сады, виноградники и пашни острова, не видѣвшаго у себя врага съ незапамятныхъ временъ. Зато на югѣ у Книды, на Родосѣ, аѳиняне не могли помѣшать отпаденію союзниковъ и потеряли нѣсколько неудачъ. Большая морская держава, несомѣнно, распадалась, но все же положеніе не было такъ убійственно для Аѳинъ, какъ ожидали враги. Несмотря на персидскую субсидію, на помощь сиракузянь, которые съ особенной энергіей ринулись противъ Аѳинъ, дѣло, затѣянное Спартой, плохо двигалось впередъ. Морская война не давалась пелопоннесцамъ, навархъ Астіохъ былъ слишкомъ медлителенъ и трусливъ. Пользуясь этими условіями, аѳинская эскадра высадила войско близъ Милета, разбила пелопоннесцевъ, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держала ихъ въ блокадѣ. У береговъ Малой Азіи получилось какое-то равновѣсіе; на немъ стали строить замыслы Алкивіадъ, который поссорился со Спартой и очень желалъ вернуться въ Аѳины. Алкивіадъ сблизился съ Тиссаферномъ и представилъ ему, что персамъ нѣтъ никакой выгоды отъ замѣны аѳинской гегемоніи спартанской, напротивъ, въ ихъ интересахъ ослабить обѣ воюющія стороны и этимъ способомъ вернуться къ обладанію Эгейскимъ моремъ. Тиссафернъ сталъ задерживать уплату жалованья пелопоннесскимъ морякамъ и бесконечно затягивать вызовъ обѣщанной финикійской эскадры, появленіе которой могло бы, повидимому, нанести аѳинянамъ уничтожающій ударъ.

Подготовка олигархической революціи въ Аѳинахъ. Политика Алкивіада очень скоро выяснилась и для аѳинскихъ партій. Черезъ своихъ друзей онъ далъ понять, что можетъ добиться расположенія великаго царя и персидской субсидіи, если только аѳиняне откажутся отъ демократіи. За предложеніе Алкивіада прежде всего схватились тѣ члены клубовъ и сторонники олигархіи, которые занимали мѣста командировъ въ войскѣ и флотѣ, стоявшихъ подъ Самосомъ. Ихъ первымъ дѣйствіемъ было объединить всѣ частные союзы въ одинъ большой заговоръ (ξυνομοσία). По этому поводу мы узнаемъ нѣкоторыя черты

ихъ организаціи. Они собираются въ тѣсныя, какъ бы комитетскія, совѣщанія, а для важныхъ рѣшеній созываютъ пленарныя собранія всѣхъ посвященныхъ (τοῦ ἐταίρικοῦ τὸ πλεόν) ³⁷. Послѣ совѣщанія съ Алкивіадомъ олигархи уговорились представить массѣ воинства, что царь персидскій готовъ войти съ аѳинянами въ дружбу и платить имъ субсидію, если они вернутъ опять Алкивіада и откажутся отъ демократіи. Неприятно затронутая послѣднимъ условіемъ, масса, однако, не выказала недовольства въ виду перспективы царскаго жалованья: видимо, недостатокъ средствъ давалъ себя сильно чувствовать въ аѳинскомъ войскѣ, а полученіе денегъ отъ персовъ пелопоннесцами сильно деморализовало аѳинское войско. Съ другой стороны, для олигарховъ ожидаемая денежная помощь персовъ играла роль очень важную и представлялась прямо необходимой въ цѣляхъ ихъ внутренней политики. Дѣло въ томъ, что клубы, поскольку они представляли оппозицію богатыхъ, хотѣли прежде всего устранить тягостную для имущихъ классовъ финансовую политику демократіи, состоявшую, какъ извѣстно, въ прогрессивномъ обложеніи; они хотѣли далѣе уничтожить систему публичныхъ раздачъ и вознагражденій за службу, чтобъ замѣнить ее распредѣленіемъ государственныхъ суммъ въ своей собственной замкнутой средѣ. Для той и для другой цѣли надо было найти посторонній финансовый источникъ и забрать его исключительно въ свои руки.

Олигархи находились въ сущности между двухъ огней: демократическое воинство поддавалось ихъ планамъ только изъ-за блестящаго имени Алкивіада, въ свою очередь Алкивіадъ явно не годился въ олигархическую компанію и смотрѣлъ на нихъ только какъ на временный мостъ, ведущій его къ диктатурѣ. Эти соображенія откровенно высказалъ въ собраніи заговорщиковъ Фринихъ, самый дальновидный изъ всей группы дѣятелей переворота. Онъ точно поставилъ себѣ задачей разрушить всѣ идилліи, рисовавшіяся воображенію олигарховъ. Персы, по его мнѣнію, никогда не пойдутъ на разрывъ со Спартой и дружбу съ Аѳинами, слѣд., обѣщанія Алкивіада не имѣютъ почвы подъ ногами. Нечего также обольщаться относительно дружбы съ олигархіями союзныхъ и подвластныхъ городовъ. Уничтоживши въ Аѳинахъ демократію и поддерживая въ другихъ городахъ олигархію, все-таки не удастся возстановить державу и сохранить ее въ цѣлости: вѣдь тѣмъ городамъ безразлично, будутъ ли они рабами при олигархическомъ или демократическомъ строѣ; имъ важно при любомъ устройствѣ добиться независимости. Круговая порука олигархій, ихъ соединенное господство—мечта, которая должна разлетѣться при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Фринихъ остался, однако, въ одиночествѣ со своими возраженіями. Не удались также его предательскіе планы выдать Алкивіада спартанцамъ.

Заговорщики рѣшили отправить въ Аѳины комиссію съ Писандромъ во главѣ для того, чтобъ изложить въ эkkлeсiи планъ, который уже готово было принять воинство, находившееся въ Самоѣ. Они повторили передъ народомъ въ Аѳинахъ ту же тактику, что въ Самоѣ: безъ Алкивіада и помимо отмѣны демократіи, нѣтъ спасенія, и невозможно добыть персидскую субсидію. На ропотъ и недовольство сторонниковъ демократіи они отвѣчали, что вѣдь политическая перемѣна будетъ лишь временной; никто не мѣшаетъ потомъ снова измѣнить все, что не понравится. Мы получаемъ такое впечатлѣніе отъ этихъ дебатовъ въ Аѳинахъ, какъ будто демагоговъ вовсе нѣтъ налицо, и заговорщики встрѣчаютъ возраженія не политическихъ ораторовъ, а случайныхъ обывателей. Фактъ отклоненія интеллигенціи отъ народа сказанъ съ полной силой; у демоса въ рѣшительную минуту нѣтъ вождей, нѣтъ профессиональныхъ защитниковъ.

Аѳинскій народъ рѣшилъ отправить обратно комиссію 10 лицъ съ Писандромъ во главѣ, давши ей полномочіе заключить условіе съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ. Передъ отъѣздомъ Писандръ посѣтилъ всѣ тайные союзы, существовавшіе въ городѣ, предложилъ имъ сплотиться вмѣстѣ и держать все наготовѣ для переворота. Переговоры съ Тиссаферномъ, при посредствѣ Алкивіада, потерпѣли полную неудачу. Тиссафернъ боялся аѳинянъ даже олигархической партіи; аѳинская держава попрежнему казалась персамъ опасной завоевательной силой. Чувствуя свое безсиліе, Алкивіадъ убѣдилъ его поставить аѳинянамъ неисполнимыя требованія—не только уступку царю Юніи, но и позволеніе персамъ безпрепятственно водить свой флотъ вдоль малоазійскихъ береговъ, и послы въ крайнемъ раздраженіи покинули персидскую территорію.

Собственно этотъ разрывъ переговоровъ съ персами осуждалъ на полное крушеніе всю попытку олигархической революціи: шансы ея на успѣхъ только и заключались въ полученіи субсидіи и возвратѣ Алкивіада. Однако олигархи дошли до своей ближайшей цѣли, можно бы сказать, силою инерціи разъ начатаго движенія. Члены клубовъ, находившіеся въ арміи, рѣшили обойтись безъ Алкивіада; согласно своему прежнему плану они отмѣнили, гдѣ могли, въ приморскихъ и островныхъ общинахъ, демократію и отправили неутомимаго Писандра снова въ Аѳины. Здѣсь онъ нашелъ въ свою очередь почву подготовленной своими единомышленниками. Золотая молодежь, составлявшая дружину олигарховъ, перерѣзала наиболѣе видныхъ демократовъ, между прочимъ Андрокла, одного изъ виновниковъ изгнанія Алкивіада въ 415 году. Въ городѣ создалась паника; никто не чувствовалъ себя безопаснымъ, обыватели боялись жаловаться другъ другу и выражать свои страхи,

чтобы не попасть въ какую-нибудь ловушку: чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывалось тайныхъ участниковъ клубовъ, и притомъ такихъ людей, о приверженности которыхъ къ олигархіи никому и въ голову бы не пришло. Олигархи и теперь еще не рѣшались говорить о полной отмѣнѣ демократической конституціи. Они выработали программу, популярную въ глазахъ зажиточныхъ круговъ, преимущественно ставившихъ голпитовъ; отмѣна всякихъ выдачъ изъ казны, кромѣ жалованія находящимся на службѣ; предоставленіе активнаго участія въ политикѣ тѣмъ изъ гражданъ, которые служатъ болѣе всего государству какъ своими средствами, такъ и личной повинностью; такихъ гражданъ предполагалось въ общинѣ около 5.000 человекъ.

Олигархическій переворотъ. Возвратившись въ Аѳины, Писандръ и его спутники предложили избрать комиссію 10 съ неограниченными полномочіями для выработки новой конституціи (*ἔνυμφραξίς ἀποκράτορας*³⁸). Къ опредѣленному дню они должны были представить народу письменный проектъ наилучшаго конституціоннаго устройства (лѣтомъ 411 года). Въ назначенный день народное собраніе было созвано но въ весьма необычномъ мѣстѣ: не на холмѣ Пниксѣ среди Аѳинъ, а въ Колонѣ, у храма Посейдона, въ 10 стадіяхъ разстоянія отъ города, слѣд., на виду у спартацевъ, стоявшихъ лагеремъ въ Декелеѣ, и до известной степени подъ давленіемъ вѣншей опасности. Никакого проекта конституціи комиссія 10 не представила; она ограничилась только требованіемъ отмѣны *γραφῆ παρανόμων*. Новое положеніе было какъ разъ обратно порядку, установленному въ 462 году: теперь признали свободу за каждымъ гражданиномъ вносить любое конституціонное предложеніе и, больше того, установили наказаніе за всякую попытку нарушить это право.

Устранивъ такимъ образомъ главное препятствіе къ измѣненію конституціи, дѣятели переворота предложили установить новое правительство. Опять-таки они поступили очень радикально; по ихъ мнѣнію, надо было отмѣнить всѣ должности, согласныя съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ порядкомъ, прекратить всѣ существовавшія выдачи жалованія и составить новый совѣтъ 400, и притомъ слѣд. образомъ: немедленно избираются пять старѣйшихъ (*πρόεδροι*), которые назначаютъ 100 человекъ, а изъ этихъ 100 каждый кооптируетъ еще по три человека. Эти Четыреста займутъ Думу (*βουλευτήριον*) и получать полномочія править по усмотрѣнію и созывать собраніе 5.000, когда найдутъ нужнымъ. Созванная въ Колонѣ эkkлeсiя, составъ которой, по всей вѣроятности, постарались подобрать, не выразила никакого протеста и приняла всѣ вышеназванныя предложенія. Тутъ же составилъ совѣтъ 400, очевидно по списку, заранѣе заготовленному членами клубовъ, и Четыреста

прямо направились къ Думѣ. Все дѣлалось чрезвычайно быстро. Новое правительство не дало себѣ труда извѣстить прежній правительственный совѣтъ 500 о совершившейся перемѣнѣ. Олигархи воспользовались отсутствіемъ массы рядовыхъ гражданъ, разошедшихся на сторожевую службу и по укрѣпленіямъ городскихъ стѣнъ; вооруженные кинжалами, держа въ резервѣ свою свиту, молодыхъ людей, которыхъ Фукидидъ называетъ здѣсь «эллинскими юношами», они вошли въ залу засѣданія совѣта, предложили Пятистамъ покинуть свои мѣста и выплатили имъ жалованье за все оставшееся время года. Они не встрѣтили протеста; очень возможно, что среди 500 сидѣли уже члены новаго правительства, обозначенные въ олигархическомъ спискѣ, слѣд., старый совѣтъ былъ дезорганизованъ и не могъ собраться для какого бы то ни было сопротивленія.

Совѣтъ 400, по словамъ Фукидида, немедленно отклонился отъ порядка демократіи и сталъ править деспотически: цѣлый рядъ гражданъ, которые казались подозрительными, были казнены, брошены въ тюрьму, изгнаны; о созывѣ 5.000, о какомъ-либо контролѣ со стороны гражданъ, признанныхъ полноправными, не поднималось и рѣчи. Фукидидъ считаетъ главными дѣятелями революціи 411 года Антифонта, идейнаго отца всего движенія, Писандра, наиболѣе яраго разрушителя демократіи, а также Фриниха и Ферамена. По его мнѣнію, это были умнѣйшіе и даровитѣйшіе люди тогдашнихъ Аѣннъ. «Нечего удивляться, что дѣло, задуманное рядомъ выдающихся личностей, несмотря на свои крупные размѣры, удалось: потому что трудно было лишить свободы аѣннскій демосъ въ сотый годъ послѣ низверженія тиранновъ (510—411), народъ, который не только самъ не былъ въ подчиненіи, но въ теченіе долгаго періода привыкъ господствовать надъ другими»³⁹. Удивительный для историка фактъ объясняется цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: главная опора радикальной демократіи, моряки и пролетаріи, находились далеко подлѣ Самосомъ, въ Аѣнинахъ преобладало зажиточное гоплитство, которое мечтало объ умѣренной демократіи для себя и примирилось съ олигархами именно на обѣщаніи такой демократіи; въ Аѣнинахъ у противниковъ переворота не было ни вождей, ни организаціи, ничего похожаго на средоточіе для обороны. Намъ скорѣе кажется удивительнымъ другое явленіе, не отмѣченное историкомъ. Захвативши правленіе въ Аѣнинахъ врасплохъ, водворивъ въ Думѣ соединенный союзъ клубовъ, опираясь на сочувствіе гоплитовъ, олигархи не сумѣли продержаться болѣе трехъ мѣсяцевъ. Правительственная программа, политическія идеи этихъ «умнѣйшихъ людей» въ Аѣнинахъ, несмотря на то, что они такъ долго работали въ тиши и на досугѣ, оказались очень скудными и жалкими. Они побоялись выйти на публичность и остались при своихъ

заговорщическихъ, таинственныхъ приемахъ. Аристотель, въ своей конституціонной исторіи Аѣннъ не сумѣвший ничего сообщить о крупнѣйшей демократической реформѣ 462 г., почему-то подробно останавливается на неисполненныхъ планахъ 411 года⁴⁰. Въ нихъ цѣликомъ отражаются порядки и обычаи, выработавшіеся въ тайныхъ клубахъ. Высшій правительственный совѣтъ составляется по усмотрѣнію предварительнаго комитета; изъ среды совѣта и по его указанію замѣщаются всѣ главнѣйшія должности. Совѣтъ, по образцу беоійскаго устройства, раздѣляется на 4 очереди. Гражданство тоже раздѣляется на 4 части, вѣроятно для того, чтобы властямъ было удобнѣе слѣдить за его настроеніемъ.

Особенно неудачной оказалась внѣшняя политика олигарховъ, такъ рѣзко отличавшаяся отъ умѣренной, послѣдовательной и твердой системы демократіи. Согласно своему плану, Писандръ и компанія, еще въ бытность въ Іоніи, начали входить въ соглашеніе съ олигархіями союзныхъ городовъ: они подготовили все необходимое для олигархической революціи въ Самосѣ и на возвратномъ пути въ Аѣнины уничтожили, гдѣ могли, демократію. Немедленно сказались и результаты, совершенно противоположные ихъ ожиданіямъ: община о. Фасоса, получивъ вмѣстѣ съ олигархическимъ строемъ автономію, вышла изъ союза съ Аѣнинами и вступила въ соглашеніе со Спартой. Ничего не вышло также изъ попытки олигарховъ заключить миръ съ врагами Аѣннъ. Правительство 400 отрядило посольство къ Агису въ Декелию съ мирными предложеніями. Но спартанскій царь отнесся къ нимъ очень недовѣрчиво: отправилъ пословъ въ Спарту, а самъ остался въ выжиданіи, готовый каждую минуту напасть на Аѣнины, которыя, казалось ему, отдастъ въ его руки усобица, разрывающая гражданство.

Возстаніе демократическаго войска. Олигархи понимали, что самой трудной задачей будетъ соглашеніе съ демократическимъ воинствомъ, находившимся въ Самосѣ. Между прочимъ агентамъ, отправленнымъ изъ Аѣннъ въ Самосъ, было поручено увѣрить армію, что олигархія введена не для ущерба города и гражданъ, а ради спасенія всего общественаго строя. Собственно никакой отмѣны демократіи не произошло; вѣдь верховный народъ будетъ представленъ Пятью тысячами; а развѣ при постоянныхъ походахъ и отлучкѣ массы гражданъ за границей когда-нибудь сходитесь больше пяти тысячъ въ экклесіи?⁴¹ Однако подобные доводы нисколько не показались убѣдительными аѣннскому воинству въ Самосѣ. Армія и флотъ не хотѣли и слышать объ олигархіи. Въ средѣ солдатъ и моряковъ обнаружилась необыкновенная подвижность и очень стойкая организація. Олигархи своими ошибками ускорили катастрофу. Еще въ началѣ движенія, когда дѣло шло о при-

влечені Алкивіада, Писандръ обвинилъ въ Аѳинахъ Фриниха, его отрѣшили отъ должности и на его мѣсто назначили Леонта и Діомедонта, двухъ стратеговъ, преданныхъ демократіи. Но не эти высшіе офицеры опредѣлили дѣйствіе военной массы, а второстепенные начальники и люди изъ самой толпы, особенно Эрасибулъ, одинъ изъ триерарховъ (капитановъ), и Эрасиль, простой гоплитъ. Подъ ихъ руководствомъ аѳинскіе солдаты, соединившись съ самійской демократіей, разстроили олигархическій заговоръ 300, который былъ организованъ на островѣ при содѣйствіи аѳинскихъ клубовъ: нѣсколько человѣкъ были казнены, другихъ отправили въ изгнаніе.

Побратавшись съ самійской демократіей, аѳинское воинство въ упореніи своей побѣды и все еще не подозрѣвая о событіяхъ въ Аѳинахъ, посылаетъ туда государственный вѣстовой корабль, знаменитую Πύραλος, съ рапортомъ о томъ, что произошло. Экипажъ Паралы, повидимому, составлялъ особую почетную морскую гвардію, которая славилась своей приверженностью къ демократіи. Аѳинскіе олигархи хотѣли поскорѣе отдѣлаться отъ неудобныхъ параліевъ и послали ихъ на сторожевую службу въ Эвбею, но одному изъ нихъ, Хереасу, удалось бѣжать на Самосъ. Этотъ простой морякъ оказался искуснымъ агитаторомъ: со своимъ бурнымъ, нѣсколько первобытнымъ, краснорѣчіемъ, онъ изобразилъ на собраніи солдатъ въ преувеличенно яркихъ краскахъ деспотическій режимъ Четырехсотъ, поруганіе женщинъ и избіеніе дѣтей, а также злое намѣреніе олигарховъ перебить и заключить въ тюрьму всѣхъ близкихъ людей воинства, стоящаго въ Самосѣ.

Самые ярые изъ крайнихъ бросились тогда на сторонниковъ олигархін, и могла бы произойти жестокая рѣзня, если бы не остановили столкновенія многочисленныя умѣренные элементы. Очевидно, въ войскахъ имѣлись всѣ три политическіе отгѣнка тогдашнихъ Аѳинъ, олигархи, средніе круги и радикалы, преимущественно опиравшіеся на оетовъ, но заключавшіе въ своихъ рядахъ также богатыхъ судовладѣльцевъ, каковымъ былъ, напр., Эрасибулъ. У радикаловъ оказались очень искусныя политическіе вожди, впереди всѣхъ Эрасибулъ и Эрасиль, пока еще воины среднихъ и низшихъ чиновъ. Они представили всю неразумность и опасность взаимнаго истребленія предъ лицомъ врага; наставляя на единствѣ, они привели все воинство къ торжественной присягѣ: крѣпко держаться демократіи, довести войну съ непопонесцами мужественно до конца, быть непримиримыми врагами Четырехсотъ и не вступать съ ними ни въ какіе переговоры. вмѣстѣ съ аѳинской арміей принесло ту же присягу воинство Самоса, которое такимъ образомъ побраталось съ аѳинянами. Затѣмъ солдаты устроили и провели настоящее народное собраніе съ выборами, дебатами и резолюціями.

Рѣшительность, политическая опытность и выдержка руководителей собранія на Самосѣ рѣзко отличается отъ пассивности и растерянности, царившихъ въ то время въ Аѳинахъ. Экклесія воинствъ въ Самосѣ отстранила всѣхъ подозрительныхъ стратеговъ и назначила новыхъ; среди вновь избранныхъ были Эрасибулъ и Эрасиль. Фукидидъ передаетъ общее содержаніе рѣчей, произнесенныхъ импровизированными ораторами въ этомъ достопамятномъ собраніи. Если все это и не было въ точности именно такъ сказано, то во всякомъ случаѣ историкъ замѣчательно вѣрно передаетъ настроеніе аѳинскаго воинства ⁴².

«Не мы отъ Аѳинъ отпали,—говорилось между прочимъ въ собраніи,—а Аѳины отъ насъ: меньшинство отдѣлилось отъ большинства, притомъ это большинство обладаетъ значительнымъ перевѣсомъ въ средствахъ и силахъ; вѣдь разъ у насъ вся морская мощь, мы можемъ принудить всѣ подвластные города къ уплатѣ денегъ, какъ будто бы приказъ пришелъ изъ Аѳинъ. Обладая флотомъ, мы лучше обеспечены припасами, чѣмъ тѣ, которые остались въ Аѳинахъ. Только благодаря нашей позиціи въ Самосѣ, населеніе Аѳинъ располагаетъ свободнымъ вѣздомъ въ Пирей, а если тамъ не возстановятъ прежняго демократическаго устройства, то мы можемъ отрѣзать ихъ отъ моря. Городъ ничѣмъ не можетъ помочь намъ въ борьбѣ съ врагомъ, онъ не посылаетъ намъ денегъ, солдаты сами ихъ достаютъ, онъ не можетъ дать разумныхъ политическихъ указаній, въ силу которыхъ община вообще управляетъ войсками. Но и въ этомъ отношеніи они сбились съ пути, разрушивъ конституцію отцовъ, между тѣмъ, какъ мы ее сохранили и постараемся заставить ихъ возстановить ее. Слѣд., и умѣлые совѣтники въ политическихъ дѣлахъ у насъ не хуже, чѣмъ тамъ. Наконецъ, что всего важнѣе: если всюду будетъ неудача, наша огромная морская сила откроетъ намъ возможность завладѣть въ любомъ мѣстѣ новыми городами и новой территоріей». Въ послѣднихъ словахъ опять слышится знакомый, можно сказать, вѣчный греческій мотивъ, посредствомъ котораго ещеThemistocles старался ободрить и утѣшить гражданство, бѣжавшее съ родной земли на корабли. Остальное—чисто-аѳинскія идеи: сознаніе морской мощи Аѳинъ, крѣпко засѣвшее въ головахъ солдатъ и моряковъ, ихъ убѣжденіе, что они одни составляютъ истинныя Аѳины, что они призваны возродить и исправить измѣнившійся политической правдѣ городъ, наконецъ, наивная увѣренность, что демократія—исконный отцовскій строй Аѳинъ, все это мысли эпохи большой борьбы за первенство, и все это великолѣпно формулировалъ въ своей исторіи умнѣйшій ученый великой погибающей республики.

Демократическіе дѣятели въ арміи рѣшили повернуть въ свою

пользу всю комбинацію съ Алкивіадомъ и персидской субсидіей, затѣянную олигархами. Эрасибулъ отправился въ Сарды и передалъ Алкивіаду постановленіе «аѳинскаго демоса», т.-е. арміи, о возвратѣ изгнанника и отмѣнѣ угрожавшихъ ему наказаній. Прибывши въ Самосъ, Алкивіадъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ сталъ говорить о своемъ вліяніи на Тиссаферна, о предстоящемъ разрывѣ переговъ со Спартой и обѣщаніи Тиссаферна платить аѳинянамъ субсидію. Армія выбрала Алкивіада верховнымъ главнокомандующимъ и облекла его неограниченными полномочіями. Алкивіадъ проявилъ большую самостоятельность и искусство среди борьбы аѳинскихъ партій. Онъ отказался вести войско на Пирей для низверженія 400, но въ то же время объявилъ комиссіи, присланной изъ Аѳинъ, что не признаетъ олигархическаго правительства и согласенъ имѣть дѣло только съ умѣренной демократіей 5.000.

Низверженіе олигархіи въ Аѳинахъ и умѣренная конституція. Положеніе, занятое арміей въ Самосѣ и ея новымъ вождемъ, избранымъ солдатами помимо аѳинскаго правительства, рѣшило судьбу олигархіи. Отъ крайнихъ приверженцевъ правленія клубовъ отдѣлилась цѣлая группа, во главѣ съ Эраменомъ и Аристократомъ; въ свое время, они ревностно помогали разрушенію демократіи и водворенію тайнаго совѣта 400; теперь въ виду заявленія Алкивіада они стали громко говорить о необходимости признанія 5.000 и установленія той конституціи, которая была обѣщана въ началѣ переворота. Крайние олигархи дискредитировали себя окончательно тѣмъ, что начали строить укрѣпленіе Этетіонію у вѣзда въ гавань Пирея; официально говорилось, что это—крѣпость для защиты отъ аѳинскаго демократическаго воинства; Эрамень и его партія стали увѣрять, что у олигарховъ предательскіе планы впустить въ Пирей пелопоннесцевъ. Когда показался въ виду берега Аттики пелопоннесскій флотъ, направлявшійся къ Эвбеѣ, голлиты вдругъ поднялись, арестовали своего начальника, преданнаго олигархіи, и начали спѣшно разрушать Этетіонію. Дѣло крайнихъ было совсѣмъ проиграно; къ тому же одного изъ самыхъ дѣятельныхъ вождей, Фришиа, убили на улицахъ Аѳинъ; Писандръ, Антифонъ и еще нѣсколько человекъ бѣжали въ спартанскій лагерь, Эрамень сталъ открыто во главѣ средней, или голлитской, партіи. Голлиты ведутъ себя приблизительно, какъ демократическая армія въ Самосѣ: сходятся на собранія, принимаютъ политическія резолюціи, выбираютъ должностныхъ лицъ. Собравшись на большую экклесію въ театрѣ Діониса въ Пирей, они идутъ затѣмъ сомкнутымъ строемъ въ Аѳины и требуютъ къ отвѣту правительство 400. Въ это время приходитъ извѣстіе объ отпаденіи Эвбен. Спѣшно снаряжаютъ наличные военные ко-

рабли и сажаютъ, кого пришлось, большею частью неумѣлыхъ людей. Для аѳинянь ясно одно: они теряютъ въ Эвбеѣ самое цѣнное свое владѣніе. Однако въ войнѣ отсутствіе общаго руководительства и даже вообще всякой команды жестоко мститъ за себя. Посланная въ Эвбею эскадра терпитъ пораженіе отъ пелопоннесцевъ, и островъ остается потеряннымъ для Аѳинъ.

По мнѣнію Эукидида, этотъ моментъ внутреннихъ раздоровъ, осложненный утратой важнѣйшей провинціи державы, могъ бы принести Аѳинамъ немедленную гибель, если бы враги, т.-е. спартанцы, было болѣе дѣятельны, если бы на ихъ мѣстѣ были, напр., сиракузяне, похожіе на аѳинянь по энергіи и находчивости. Благодаря медлительности Спарты, Аѳины вышли изъ кризиса, который по тяжести своей не уступалъ сицилійской катастрофѣ⁴³.

Послѣ неудачи подъ Эвбеей, правительство 400 капитулировало безъ всякаго сопротивленія. Въ большомъ собраніи, созванномъ по-старому на Пниксѣ, была принята конституція 5.000. Она соотвѣтствовала политической программѣ Эрамена, которую этотъ дѣятель самъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: «я осуждаю тотъ видъ крайней демократіи, гдѣ дѣло доходитъ до того, что рабы и бѣдные граждане, готовые продать отечество за драхму, принимаютъ участіе въ правленіи, но я также противникъ олигархіи, въ которой немногіе могущественные люди притѣсняютъ остальное гражданство. Я всегда считалъ наилучшимъ то устройство, гдѣ полноправными гражданами являются своекоштные всадники и голлиты»⁴⁴. Эукидидъ считаетъ основой умѣренной конституціи голлитскій цензъ и отмѣну жалованія за должности. Одной весьма существенной стороны конституціи 5.000 мы совсѣмъ не знаемъ: какъ согласно новому устройству была организована правительственная власть? Вѣроятно, возстановили совѣтъ 500 и притомъ по старому способу избранія, такъ какъ Четыреста были немедленно распущены. Эукидидъ передаетъ только одну любопытную подробность. Учредили комиссію номоетовъ, т.-е. составителей или редакторовъ законовъ. Повидимому, это была форма охраны конституціи взаимнѣν γρηφή παρανόμων. Для того, чтобы устранить опасность случайныхъ законодательныхъ резолюцій и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не было нужды поднимать сложный аппаратъ судебного процесса для доказательства противозаконности новыхъ предложеній, было рѣшено передавать внесимые въ экклесію законопроекты номоетамъ; эта комиссія обязана была разсматривать ихъ съ точки зрѣнія соотвѣтствія существующимъ законамъ.

Врагъ крайней демократіи и господства морской черни, Эукидидъ произноситъ панегирикъ конституціи 5.000: «По моему мнѣнію, аѳин-

няне впервые теперь получили наилучшее устройство; будучи разумнымъ смѣшеніемъ олигархическихъ и демократическихъ элементовъ, оно помогло вывести государство изъ самой тяжелой бѣды»⁴⁵. Приходится здѣсь внести поправку къ сужденію великаго греческаго историка: спасла Аѳины въ 411—410 гг. не умѣренная конституція, а блестящая побѣда демократическаго воинства и его стратеговъ.

Геллеспонтская война. Внѣшнее положеніе Аѳинъ въ концѣ 411 года было самое критическое. Къ потерѣ Эвбеи присоединилось также отпаденіе ряда городовъ въ проливахъ, ведущихъ къ Черному морю. Еще во время подготовки олигархической революціи спартанцы возобновили сношенія съ Фарнабазомъ, прерванныя въ свое время въ пользу Тиссаферна; отрядъ пелопоннесцевъ, подъ начальствомъ спартанца Деркилида, прошелъ отъ побережья Іоніи внутренними путями къ Геллеспонту и склонилъ къ отпаденію отъ Аѳинъ Абидосъ и Лампсакъ, важные по своему положенію въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива; спартанецъ Клеархъ съ эскадрой проѣхалъ черезъ проливы, и въ результатѣ отъ аѳинской державы отпала Византія. Помимо потери большой доли дохода съ податей геллеспонтскаго округа, Аѳины утратили еще торговлю съ Понтомъ; всего же опаснѣе было прекращеніе подвоза жизненныхъ припасовъ изъ Черноморья. Около времени паденія 400 произошла смѣна спартанскаго наварха, и новый командиръ Миндаръ, болѣе рѣшительный, чѣмъ Астіохъ, двинулся со всемъ флотомъ изъ Іоніи къ Геллеспонту, чтобъ нанести аѳинянамъ окончательный ударъ. Перемена театра войны объясняется не только личными качествами спартанскаго вождя, но также настроеніемъ его войска. Во время продолжительныхъ кампаній второй половины Пелопоннеской войны во всехъ греческихъ арміяхъ такъ же, какъ уже давно это произошло въ аѳинской, вырабатывается корпоративное сознание, появляется своя особая организація, независимая отъ начальства, назначеннаго общиной: солдаты и моряки обсуждаютъ самостоятельно положеніе и критикуютъ дѣйствія вождей, нерѣдко весьма подозрительно относятся къ новымъ командирамъ, присланнымъ съ родины. Напр., когда сиракузскій отрядъ, сражавшійся вмѣстѣ съ пелопоннесцами у береговъ Малой Азіи, узналъ, что народное собраніе въ Сиракузахъ отрѣшило популярнаго Гермократа и назначило другихъ начальниковъ, воины вынесли резолюцію о неправильности дѣйствіи демоса; лишь съ большими усиліями удалось Гермократу убѣдить войско подчиниться рѣшенію народа и принять новыхъ командировъ⁴⁶. Предшественникъ Миндара, Астіохъ, едва былъ въ силахъ сдерживать своихъ солдатъ, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ не пускаютъ въ бой, а держать въ полной бездѣятельности въ гавани. Въ пелопоннеской арміи утверждали, что

Тиссафернъ обманываетъ спартанцевъ, что его обѣщанія привести финикійскую эскадру—пустыя слова; надо немедленно броситься на аѳинянь, пользуясь тѣмъ, что они ослаблены раздоромъ партій. Безъ сомнѣнія, пускаясь въ новую геллеспонтскую кампанію, Миндаръ въ значительной мѣрѣ уступалъ настояніямъ своего войска.

Борьба въ Геллеспонтѣ представляетъ, можетъ быть, самую блестящую страницу аѳинской военной исторіи. Обратная сторона аѳинскихъ побѣдъ состояла въ томъ, что герои войны всякій разъ для того, чтобъ подготовить нападеніе, должны были произвести гдѣ-нибудь болѣе или менѣе систематическій грабежъ: и самъ главнокомандующій, Алкивиадъ, и подчиненные ему командиры, Эрасибулъ, Эрасиль, Эерамень и др., не разъ отправлялись *ἀργυρολογεῖν*, собирать серебро, т.-е. грозить приморскимъ городамъ разрушеніемъ, если они не заплатятъ выкупа. Солдаты въ Самосѣ были правы, говоря, что они ничѣмъ не связаны съ Аѳинами; община не имѣла болѣе финансовъ и предоставляла флоту своему жить пиратствомъ. Война эта замѣчательна еще тѣмъ, что противники сравнились въ своей техникѣ: пелопоннесцы бьются на морѣ, возводятъ укрѣпленія и производятъ осадныя работы не хуже аѳинянь, аѳиняне покидаютъ, послѣ морскаго сраженія, корабли и мѣряются съ врагомъ въ сухопутномъ бою.

Почти одновременно съ паденіемъ 400 Эрасибулъ и Эрасиль разбили Миндара въ большомъ сраженіи при мысѣ Киносемѣ, противъ Абидоса, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Эта побѣда, первая послѣ столькихъ неудачъ, имѣла большое моральное значеніе. Фукидидъ говоритъ, что пелопоннесцы начали уже презирать аѳинянь, какъ противника на морѣ, и сами аѳиняне стали бояться встрѣчи съ врагами; теперь они снова ободрились, въ Аѳинахъ окрѣпло убѣжденіе, что при настойчивомъ веденіи войны можно будетъ ее выдержать⁴⁷.

Разсказомъ о битвѣ при Киносемѣ обрывается великій трудъ Фукидида. Его продолжатель, Ксенофонтъ, начинаетъ свою Греческую исторію (*Ἑλληνικά*) безъ всякаго введенія, прямо съ запятой, на которой остановилось перо Фукидида. Повидимому, онъ преклонялся предъ талантомъ своего предшественника и старался, какъ умѣлъ, сохранить его лѣтописную манеру, иллюстрируя выдающіеся моменты рѣчами дѣйствующихъ лицъ. Но у Ксенофонта совсѣмъ другой темпераментъ, нѣтъ драматической изобразительности Фукидида, нѣтъ его глубокихъ философско-историческихъ и политическихъ сужденій. Къ его разсказу, интересному и ясному, нѣтъ комментарія умнѣйшаго современника, а съ этимъ обстоятельствомъ тѣмъ труднѣе примириться, что Фукидидъ несомнѣнно прожилъ до конца войны, и его замѣчанія о послѣднихъ семи годахъ борьбы были бы необыкновенно цѣнны для насъ.

Побѣда Эрасибула и Эрасила заставила Миндара стянуть въ Геллеспонтъ подкрѣпленія; въ свою очередь на новый театръ войны прибылъ Алкивиадъ, покинувъ стоянку на Самосѣ. Осенью 411 года и весною 410 произошли новые упорные бои подъ Абидосомъ и дальше, въ Пропонтидѣ, подъ Кизикомъ у малоазійскаго берега. Пелопоннесцамъ дѣятельно помогалъ сатрапъ Фарнабазъ, который подъ Абидосомъ лично принялъ участіе въ сраженіи и даже въ пылу увлеченія захватилъ на конѣ въ волны морскія. Въ томъ и другомъ бою Алкивиадъ одержалъ полную побѣду и разгромилъ весь пелопоннескій флотъ; Миндаръ погибъ, его секретарь отправилъ въ Спарту депешу, перехваченную аѳинянами: «корабли потеряны, Миндаръ убитъ, воины голодаютъ, не знаемъ, что дѣлать». Такимъ образомъ, аѳиняне опять, несмотря на вмѣшательство въ войну персовъ, вернули себѣ господство на морѣ. Одновременно и Агисъ призналъ безуспѣшность войны, которую онъ въ теченіе 3 лѣтъ велъ изъ-подъ Декелея. Отбитый отъ аѳинскихъ стѣнъ, онъ заявилъ, что нѣтъ возможности одолѣть городъ, пока не захвачены тѣ мѣстности, откуда аѳиняне получаютъ подвозъ.

При этихъ условіяхъ Спарта рѣшилась предложить Аѳинамъ миръ на основѣ фактическаго положенія, но съ условіемъ, чтобъ аѳиняне очистили Пилосъ, а спартанцы Декелею. Во главѣ посольства стоялъ извѣстный въ Аѳинахъ и близкій къ Алкивиаду бывший эфоръ Эндій. Умѣренные готовы были принять предложенія Спарты. Это значило, собственно, согласиться на раздробленіе державы, уступку Іоніи и Эвбеи, а также отказаться отъ понтійскаго подвоза, такъ какъ побѣдоносный аѳинскій флотъ очистилъ лишь Геллеспонтъ, что же касается Византіи и Калхедона, ключей къ Босфору, то они были въ рукахъ враговъ, спартанцевъ и персовъ, и, слѣд., въѣздъ въ Понтъ оставался закрытымъ. Какъ бы ни была настроена господствующая партія въ Аѳинахъ, на предложенныя Спартой условія ни за что бы не согласилось войско и его счастливый предводитель, и они были совершенно правы въ томъ смыслѣ, что, разъ не возстановилась финансовая основа аѳинской державы, она не могла содержать своей арміи и флота. Въ самихъ Аѳинахъ продолженію войны и возстановленію финансовъ должны были сочувствовать бѣдные классы, лишившіеся по конституціи 5.000 всякихъ выдачъ изъ казны. Представителемъ ихъ интересовъ и сторонникомъ войны, направляемой непобѣдимымъ Алкивиадомъ, выступилъ демагогъ Клефонть, фабрикантъ лиръ. Онъ предложилъ рѣшеніе въ духѣ Клеона: потребовать у Спарты возврата отпавшихъ союзныхъ общинъ, Хіоса, Милета, Родоса, Эвбеи и Византіи. На этомъ неисполнимомъ для Спарты требованіи сорвались мирные переговоры.

Возстановленіе демократіи. Крушеніе мира вмѣстѣ съ тѣмъ было торжествомъ крайней демократіи въ Аѳинахъ. Мы не знаемъ момента, когда капитулировало правленіе 5.000; можетъ быть, онъ совпадаетъ съ отверженіемъ мирныхъ условій, предложенныхъ Спартой. Во всякомъ случаѣ, конституціи умѣренныхъ наступилъ теперь конецъ. Расколъ между городомъ и воинствомъ прекратился, обѣ доли Аѳинъ воссоединились. Реставрація демократіи не была вполнѣ мирнымъ переворотомъ. Демосъ находился въ большомъ возбужденіи и припомнилъ своимъ врагамъ нанесенныя ему обиды. Тотчасъ же начались судебныя преслѣдованія участниковъ правительства 400, а также тѣхъ, кто служилъ имъ и занималъ при нихъ какія-либо должности. Цѣлый рядъ лицъ былъ осужденъ экклесіей на смерть или на изгнаніе, многіе приговорены къ тяжелымъ штрафамъ. Права политическія были отняты у тѣхъ воиновъ, которые до конца остались вѣрны правительству 400, слѣд., у многихъ гоплитовъ и у большинства всадниковъ. Возстановленная демократія руководилась чувствомъ мщенія и создала себѣ въ высшихъ классахъ еще горшихъ враговъ, чѣмъ раньше.

Интересны конституціонныя новшества, внесенныя подъ влияніемъ испытаннаго переворота. Демократія сохранила законодательную комиссію, введенную правленіемъ 5.000, замѣнивъ только названіе *νομοθέται* терминомъ *συγκρατεῖς*. Но она считала учрежденіе это недостаточной гарантіей устойчивости конституціи. Поэтому, во-первыхъ, приступили къ составленію систематической писанной конституціи; была образована еще комиссія *ἀναγκρατεῖς*, которымъ поручили записать дѣйствующіе политическіе законы и привести ихъ въ согласіе между собою. Во-вторыхъ, приняли рядъ резолюцій, которыя должны были обезпечить верховенство народа въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ и зависимость отъ него совѣта Пятисотъ. Очевидно, боялись, чтобы въ совѣтѣ не завелась опять олигархія; вожди демократіи придумали курьезныя правила, опредѣлявшія порядокъ занятія мѣстъ въ засѣданіяхъ совѣта ⁴⁸.

Свое возрожденіе демократія отмѣтила рядомъ торжественныхъ демонстрацій. Лѣтомъ 410 г. было принято предложеніе Демофанта, въ силу котораго всякій, кто будетъ участвовать въ уничтоженіи демократіи или займетъ должность послѣ ея паденія, объявляется врагомъ аѳинянъ, подлежащимъ смерти; имущество его достается государству, десятая часть—богинѣ. Всѣ аѳиняне, раздѣлившись по филамъ и демамъ, принесли присягу передъ праздникомъ великихъ Діонисій въ томъ, что, оберегая демократическое устройство словомъ и дѣломъ, голосованіемъ и физическимъ воздѣйствіемъ, они будутъ истреблять и преслѣдовать враговъ демократіи; убійца врага демократіи будетъ считаться

свободнымъ отъ кровавой вины и получить половину имущества убитаго; если же самъ пострадаеть, то его памяти и его дѣтямъ будутъ воздаваться почести, какъ тиранноубійцамъ Гармодію и Аристогейтону. Согласно этому рѣшенію, убійцѣ Фриниха, иностранцу, дали право аѳинскаго гражданства и присудили золотой вѣнокъ⁴⁹. Всѣ эти клятвы и проклятія въ сущности составляли изобрѣтеніе заговорщиковъ, но произвели сильное впечатлѣніе и на демократическіе круги; сначала большую взаимную присягу принесло воинство въ Самосѣ, затѣмъ послѣдовало гражданство въ Аѳинахъ—тѣ и другіе въ увѣренности, что этимъ магическимъ средствомъ будетъ обезпечена прочность устанавливаемого порядка.

Демократія вернулась со всѣмъ своимъ привычнымъ аппаратомъ: снова было введено прогрессивное обложеніе богатыхъ гражданъ для устройства праздниковъ и снаряженія судовъ, снова возстановили выдачи присяжнымъ и всѣмъ служащимъ и даже, въ виду бѣдственнаго положенія массы гражданъ, по предложенію Клеофонта, стали производить особую суточную выдачу, такъ наз. діобелію (два обола—15 коп.). Специально назначенная коммиссія наблюдала за правильной уплатой суммъ, предназначенныхъ бѣднымъ; какъ только въ кассѣ появлялись деньги, ихъ тотчасъ забирали для выдачи діобелій. Опять народъ отдался приливу благочестія и возобновилъ постройку на акрополѣ храма въ честь своего мѣстнаго патрона Эрехея. Опять начали справлять шумные, полные художественности и тароватости, большіе праздники. Народъ не вѣрилъ, что надвигается катастрофа.

Полновластіе и паденіе Алкивіада. Послѣ побѣды при Кизикѣ инициатива военныхъ дѣйствій перешла къ аѳинянамъ. Они рѣшились раздѣлить свои силы и, продолжая борьбу въ проливахъ, направить экспедицію подъ начальствомъ Эрасила для отвоеванія Іоніи. Однако они встрѣтились со своеобразной коалиціей. Угрожаемый въ своей сатрапій аѳинскимъ отрядомъ, Тиссафернъ обратился къ малоазійскимъ грекамъ съ призывомъ помочь Артемидѣ, великой богинѣ Эфеса. Собралось нестрое войско изъ эфесскихъ грековъ, персидскихъ полковъ Тиссаферна и стоявшихъ у береговъ Іоніи сиракузянъ; аѳинскій десантъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Почти одновременно съ этой неудачей аѳиняне потеряли Пилосъ, а вмѣстѣ съ этимъ пунктомъ важную угрозу противъ Спарты; у нихъ не было болѣе залога въ Пелопоннесѣ на случай мирныхъ переговоровъ.

Но въ проливахъ, гдѣ дѣйствовалъ Алкивіадъ, успѣхи аѳинянъ продолжались. Одинъ за другимъ захватывали они города на азіатскомъ и на европейскомъ побережьи Пропонтиды (Мраморнаго моря). У входа въ Босфоръ въ Хрисополѣ (нынѣшней Скутари) Алкивіадъ устро-

илъ аѳинскую таможену для взиманія десятипроцентнаго сбора со всѣхъ товаровъ, провозимыхъ изъ Чернаго моря. Предстояло самое важное— овладѣть Калхедономъ и Византіей, которые составляли ворота Босфора. Оба города отпали отъ аѳинской державы и приняли спартанскихъ гармостовъ съ отрядами пелопоннесцевъ. Калхедонъ считался принадлежащимъ къ персидской сатрапій Фарнабаза, и, кромѣ всего, аѳиняне встрѣтились здѣсь съ персами. Алкивіадъ дѣйствовалъ, однако, столь успѣшно, что Фарнабазъ отступился отъ Калхедона, выразилъ согласіе на возвращеніе города аѳинской державѣ и заплатилъ ей долгъ Аѳинамъ; не менѣе существеннымъ казалось то, что онъ взялся провозжать аѳинское посольство, отринутое для заключенія союза съ великимъ царемъ.

Персамъ удивительно везло на греческихъ междоусобіяхъ: теперь никто уже въ Греціи не помышлялъ о національныхъ задачахъ, о независимости отъ азіатскаго деспота, напротивъ, всѣ наперерывъ искали его дружбы и особенно его денегъ: поступить къ персамъ на службу, чтобы уничтожить своего врага. Персамъ приходилось только выбирать, кто изъ наемниковъ менѣе опасенъ; пока они рѣшительно склонялись на сторону спартацевъ, все-таки болѣе медлительныхъ и, во всякомъ случаѣ, менѣе освоившихся съ моремъ. Благодаря этой конкуренціи въ ухаживаніи за персами аѳиняне встрѣтились въ своей миссіи со спартанцами: въ одной и той же компаніи, провозжаемые персами, ѣхали къ царю послы аѳинскіе, спартанскіе и еще Гермократь сиракузскій, чтобы добыть денегъ для своей далекой родины.

Послѣ Калхедона наступила очередь Византіи. Несмотря на энергичную оборону, которую велъ спартаецъ Клеархъ, Алкивіадъ заставилъ городъ капитулировать и, передавши власть въ руки демократической, т.-е. расположенной къ Аѳинамъ партіи, воссоединилъ его опять съ державой. На очереди теперь было отвоеваніе Іоніи. Но Алкивіадъ отложилъ стратегическую задачу въ пользу политической. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ стоялъ во главѣ побѣдоносной арміи, считался въ союзѣ съ демократіей, получалъ изъ Аѳинъ утвержденіе въ командованіи, но не появлялся въ городѣ. Онъ все еще не былъ увѣренъ въ прочности симпатій къ нему народа. Послѣ завоеванія богатаго геллеспонтскаго округа, послѣ возстановленія торговли съ Понтомъ, въ виду перспективы союза съ персами, наконецъ, обремененный большой добычей, онъ, казалось, могъ рассчитывать на полную реабилитацію въ Аѳинахъ; у него, видимо, были цѣли добиться еще большаго—тиранніи. Лѣтомъ 408 года Алкивіадъ прибылъ въ Аѳины. Враги его отмѣтили обстоятельство, которое невыгодно отразилось въ настроеніи суевѣрныхъ аѳинянъ: адмиральскій корабль его вошелъ въ

гавань Пирея въ праздникъ Плинерій, когда выносили изъ храма старинное изображеніе богини Аѳины для того, чтобъ омыть его въ морскихъ волнахъ; въ этотъ день молитвенной тишины всѣ дѣла въ городѣ пріостанавливались. Алкивіаду пришлось считаться съ нервной религиозностью своихъ согражданъ, разившейся особенно во время войны. Фривольный вольнодумецъ, обвинявшійся за семь лѣтъ до того въ осмѣяніи мистерій, долженъ былъ самъ прикинуться благочестивымъ и помочь аѳинянамъ отпраздновать по-старинному великій праздникъ Элевсинскихъ мистерій. За время занятія спартанцами Декелеи аѳиняне не могли пользоваться священной дорогой въ Элевсинъ; руководители мистерій и богомольцы отправлялись моремъ. Алкивіадъ провелъ процессію подъ охраной своего войска сухимъ путемъ и заставилъ аѳинянь какъ бы забыть о тяжеломъ осадномъ положеніи.

Въ глазахъ многихъ онъ теперь казался человѣкомъ, единственно способнымъ возстановить прежнее могущество Аѳинъ. Въ тѣсномъ союзѣ съ радикальной демократіей Алкивіадъ занялъ совершенно небывалое положеніе въ республикѣ. Актъ его возвеличенія народомъ превосходитъ все, что когда-либо допускалось въ Аѳинахъ: ему передали верховное командованіе и неограниченныя полномочія для веденія всѣхъ государственныхъ дѣлъ (*ἀναρχηθεὶς ἀπάντων ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ*)⁵⁰.

Когда осенью 408 г. Алкивіадъ направился во главѣ флота къ берегамъ Іоніи, положеніе дѣлъ на востокѣ рѣзко измѣнилось. Аѳинскіе послы не добрались до персидскаго двора: ихъ останоило въ дорогѣ извѣстіе о дипломатическомъ успѣхѣ Спарты при царскомъ дворѣ. Спартанцы пожаловались царю Дарію II на уклончивую политику Тиссаферна, и царь, отвѣчая на ихъ желанія, назначилъ своего младшаго сына Кира начальникомъ (*χάρανος*) всей прибрежной малоазійской арміи, выдавши ему большую сумму въ 500 талантовъ для содержанія спартанскаго войска. Киръ велѣлъ немедленно задержать аѳинскихъ пословъ, находившихся въ Азіи, чтобы они не могли сообщить никакихъ свѣдѣній на родину. Въ это время спартанское правительство назначило главнокомандующимъ въ Азію Лисандра. Навархъ стянулъ всѣ морскія силы пелопоннесцевъ въ гавань Эфеса. Отсюда онъ могъ наблюдать дѣйствія аѳинянь у Хиоса и Самоса, а также удобно сноситься съ Киромъ, имѣвшимъ резиденцію въ Сардахъ. Лисандръ уступалъ въ военныхъ талантахъ Алкивіаду, но рѣшительно выдавался, какъ дипломатъ и администраторъ. Онъ наладилъ отношенія съ Киромъ, вошелъ въ такое довѣріе у персовъ, какъ никто изъ его предшественниковъ, и добился высокой платы для своихъ солдатъ, стремясь вызвать деморализацію въ рядахъ аѳинянь, которые должны были жить грабежомъ. Если на закрѣпленіе дружбы съ персами можно смотрѣть, какъ на счастливую

случайность его карьеры, то прямымъ созданіемъ Лисандра слѣдуетъ назвать организацію олигархій, которую онъ сталъ проводить въ малоазійскихъ и островныхъ общинахъ. Лисандръ превосходно постигъ политическую пригодность тайныхъ обществъ; онъ сумѣлъ пойти дальше, чѣмъ дѣятели аѳинскихъ гетерій 411 года, устроилъ въ колоніальныхъ общинахъ союзъ союзовъ и забралъ руководство этой организаціей въ свои руки; поощряя всюду дѣятельность клубовъ, онъ вызывалъ къ себѣ въ Эфесъ ихъ представителей и давалъ общее направленіе ихъ дѣйствіямъ.

Лисандръ обладалъ въ высокой мѣрѣ искусствомъ терпѣливо выжидать момента, когда противникъ сдѣлаетъ промахъ или ослабитъ свою бдительность. Алкивіадъ выставилъ противъ Эфеса у мыса Нотія наблюдательную эскадру, строго приказавъ ея командиру Антиоху не вступать въ битву съ пелопоннесскимъ флотомъ, а самъ направился покорять города сѣверной Іоніи. Антиохъ не послушался, вызвалъ Лисандра на бой и потерялъ 15 тріеръ. Когда Алкивіадъ съ главною частью флота подѣхалъ на помощь, Лисандръ уже былъ опять въ гавани Эфеса и не принялъ боя. Пораженіе при Нотіи рѣшило участь Алкивіада. Послѣ преувеличенныхъ упованій, которыя на него возлагали, его теперь считали во всемъ виноватымъ; онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія, вмѣстѣ съ нимъ его близкій другъ Фрасибулъ, усиліями котораго главнымъ образомъ состоялся возвратъ Алкивіада въ 411 г. Опять, какъ въ 415 г. въ Сициліи, Алкивіадъ, несмотря на свою популярность въ войскѣ, не рѣшился на возмущеніе; аѳинскіе солдаты, видимо, не стали бы поддерживать его въ попыткахъ захватить монархическую власть. Алкивіадъ былъ, однако, теперь не простымъ бѣглецомъ, какъ въ 415 г.; у него имѣлись замки на высотахъ Херсонеса, господствующихъ надъ Геллеспонтомъ, и онъ отправился туда въ качествѣ настоящей владѣтельной особы на аѳинской тріерѣ (весною 407 г.).

Въ Аѳинахъ въ связи съ отрѣшеніемъ Алкивіада вообще паступила реакція противъ самодержавства единого главнокомандующаго. Во главѣ флота и войска поставили 10 стратеговъ, равныхъ между собою по власти; всѣ они были изъ партіи враждебной Алкивіаду; бывшіе его сотрудники, Ферамень и Фрасибулъ, служили подъ ними въ качествѣ простыхъ капитановъ. Между тѣмъ произошла смѣна наварха въ Спартѣ. Лисандръ вызвалъ на родинѣ большое недовольство, особенно въ кругахъ, близкихъ къ царю Павсанію; говорили, что счастливый командиръ готовитъ внутренній переворотъ и собирается устранить наследственную власть царей, чтобы стать на ихъ мѣсто; онъ, казалось, медлитъ и затягиваетъ войну, чтобы укрѣпить свое властное положеніе. Обвиненіямъ придали идеалистическую форму: Лисандръ,

говорили его враги, изменили старинному спартанскому идеалу независимости, онъ слишкомъ ухаживаетъ за персами. Противная ему партія провела въ навархи Калликратиды, молодого человѣка съ прямой и рѣзкой повадкой. Новый командиръ заявилъ, что его цѣль—какъ можно скорѣе окончить кампанію и установить примиреніе съ Аонинами.

Великая битва при Аргинусахъ и процессъ стратеговъ-побѣдителей.

Калликратиды не хотѣлъ поддерживать сношенія съ клубами, которымъ такъ благоприятствовалъ Лисандръ. Съ персами гордый навархъ также не сумѣлъ поладить. Киръ заставилъ его ждать въ своей передней въ Сардахъ; тогда Калликратиды обратился къ богатому Милету и другимъ отпавшимъ отъ Аонигъ союзникамъ, предлагая имъ субсидировать войну во имя общегреческаго интереса для того, чтобы не было больше нужды обращаться къ помощи персовъ. Ему удалось быстро увеличить свой флотъ до 170 тріеръ; ближайшей цѣлью онъ ставилъ отвоеваніе у аонянъ Лесбоса. Аонинскій адмиралъ Кононъ поспѣшилъ отъ своей стоянки въ Самосѣ на защиту угрожаемаго острова, но Калликратиды загналъ его въ гавань Митилены, уничтожилъ 30 тріеръ и загородилъ выходъ остальнымъ 40 кораблямъ; высадившись на островѣ, онъ началъ осаду Митилены съ суши; припасовъ въ городѣ было мало, и Конону грозила неминуемая капитуляція.

Аонины находились въ отчаянномъ положеніи. Флота больше не имѣлось, нечѣмъ было высвободить Конона, а съ нимъ вмѣстѣ въ Митиленѣ было заперто единственное войско, какое выставили Аонины. Гибель Конона немедленно должна была повлечь за собой сдачу самихъ Аонигъ. Никогда за всю свою исторію аоняне не проявляли такой изумительной энергіи: они набрали съ разныхъ концовъ старыхъ тріеръ, починили ихъ, достроили спѣшно новыхъ и въ теченіе мѣсяца снарядили 110 кораблей; для того, чтобы найти нужное число капитановъ, шкиперовъ, солдатъ и гребцовъ, пришлось забрать гражданъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ классовъ, между прочимъ многихъ всадниковъ, а, съ другой стороны, также большое количество рабовъ, обѣщавши послѣднимъ свободу и гражданскія права. Почти все мужское населеніе Аттики, способное къ бою, было двинуто на корабляхъ, какъ въ дни Саламинской битвы; оставили только необходимый контингентъ для защиты стѣнъ, такъ какъ спартанцы продолжали стоять въ Декелеѣ.

По прибытіи въ Самосъ аонинская эскадра увеличилась до 150 кораблей и двинулась къ Лесбосу. Калликратиды, оставивъ заслонъ противъ Конона, рѣшилъ атаковать аонянъ съ 120 тріерами. Обѣ эскадры встрѣтились у Аргинусскихъ острововъ, въ проливѣ между Лесбосомъ и материкомъ. Все, что связано съ этой «величайшей битвой

между греками», полно трагическаго интереса. Въ отчаянную борьбу людей словно вмѣшиваются стихіи: жестокая буря свирѣпствуетъ передъ самымъ сраженіемъ и тотчасъ послѣ него. Флотъ пелопоннескій былъ малочисленнѣе аонинскаго, но превосходилъ его качествомъ кораблей и искусствомъ маневрированія. Аоняне покинули свою прежнюю тактику и рѣшили биться сомкнутымъ строемъ, опасаясь, чтобы враги не разъединили ихъ тріеръ, т. е. не примѣнили противъ нихъ стариннаго знаменитаго ихъ собственнаго приѣма. Въ аонинскомъ флотѣ имѣлся еще одинъ своеобразный недостатокъ сравнительно съ пелопоннесскимъ: въ немъ не было единства команды. Восемь стратеговъ раздѣлили между собою поровну составъ эскадры и на общемъ совѣтѣ согласились дѣйствовать по определенному плану. Страшная гроза и буря не дала нетерпѣливому Калликратиду напасть на аонянъ до разсвѣта. При столкновеніи кораблей Калликратиды упалъ за бортъ и утонулъ въ волнахъ, и съ нимъ вмѣстѣ погибла послѣдняя тѣнь идеалистическаго налета, который еще сохранился среди растущаго ожесточенія разрушительной междоусобной войны. Долго колебался успѣхъ, пока битва не окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ пелопоннесцевъ. Они потеряли 70 тріеръ, около $\frac{3}{5}$ своего флота. Видимо, все аонинское войско сверху до низу, отъ коллегіи стратеговъ, этого штаба безъ главы, и отъ капитановъ до послѣдняго матроса и гребца, сдѣлало какія-то нечеловѣческія усилія. Аоняне понесли въ свою очередь великія жертвы: потонуло и сбито было 25 тріеръ, и весь ихъ экипажъ посылся въ волнахъ (лѣтомъ 406 г.).

Для завершения побѣды необходимо было преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, а въ моральномъ смыслѣ еще нужнѣе было подать помощь многочисленному экипажу пострадавшихъ аонинскихъ тріеръ, не говоря о гражданскомъ долгѣ подобрать убитыхъ. Стратеги распорядились сдѣлать то и другое, но вновь разыгралась жестокая буря и не позволила кораблямъ выйти въ открытое море. Послѣ громаднаго напряженія, которое предшествовало высылкѣ экспедиціи, аонинскому народу показалось, что стратеги слишкомъ легко отнеслись къ своимъ обязанностямъ и виноваты въ гибели множества гражданъ. Ихъ вызвали въ Аонію къ отвѣту, но еще до прибытія они были отрѣшены отъ должности; народъ снова вернулся къ системѣ трехъ стратеговъ, какъ было при Алкивіадѣ, и выбралъ въ ихъ число Адейманта, человѣка, близкаго къ Алкивіадѣ. Въ качествѣ обвинителя оставленныхъ стратеговъ выступилъ Фераментъ, капитанъ одного изъ кораблей, которые должны были выйти въ море, чтобы подобрать пострадавшихъ. Во всемъ дѣлѣ дала себя знать интрига Алкивіадовой партіи. Въ составѣ высшаго офицерства въ эту критическую для Аонигъ минуту произошелъ расколъ, а народъ своею

нервною помощью двумъ фракціямъ военныхъ людей взаимно истребить другъ друга.

Изъ восьми стратеговъ, вызванныхъ на судъ, двое бѣжали, явились въ Аѳины шестеро: Периклъ (сынъ великаго Перикла), Диомедонтъ, Лисій, Аристократъ, Эрасилъ (еще раньше разошедшійся съ Алкивиадомъ) и Эрасинидъ. Процессъ аргинусскихъ побѣдителей очень характеренъ для погибающей демократіи. Онъ проходитъ весь на большихъ общенародныхъ сходкахъ; народъ рѣшаетъ форму суда, ставитъ обвинительные пункты, опредѣляетъ видъ наказанія и произноситъ вердиктъ, при чемъ все дѣлается подъ впечатлѣніемъ аффекта и съ необыкновенной поспѣшностью, какъ бы перепрыгивая черезъ естественныя ступени въ ходѣ дѣла. Совѣтъ 500, очевидно, связанный правилами конституціи 410 года, дѣйствуетъ вяло и робко.

Въ первой экклесіи по этому дѣлу стратегамъ, обвиненнымъ въ измѣнѣ гражданскому долгу, предоставили слово защиты, но не дали срока приготовиться. Они ссылались на непогоду, помѣшавшую подобрать убитыхъ и подать помощь утопающимъ. Изъ среды собранія многіе предлагали внести за нихъ залогъ и освободить отъ ареста. Наступилъ вечеръ, и стало такъ темно, что нельзя было сосчитать число рукъ, поднятыхъ въ пользу обвиняемыхъ. Дѣло отложили на нѣсколько дней и поручили совѣту 500 составить мнѣніе, какова должна быть форма суда надъ стратегами. Между тѣмъ подошелъ праздникъ Апатурій, т. е. родственныхъ союзовъ; масса гражданъ появилась въ траурныхъ одеждахъ, оплакивая погибшихъ на войнѣ. Орамень убѣдилъ ихъ придти въ народное собраніе въ траурѣ и выдать себя за родственниковъ моряковъ, утонувшихъ при Аргинусахъ. Въ совѣтѣ 500, по наущенію Оерамена, нѣкто Калликсентъ предложилъ представить народу слѣдующій проектъ (*προβούλευμα*): «такъ какъ аѳиняне уже выслушали обвиненіе и защиту стратеговъ, то имъ предстоитъ въ голосованіи по филамъ произнести приговоръ. Изъ двухъ урнъ въ одну положить камешки тѣ, кто считаетъ, что стратеги провинились противъ народа аѳинскаго, въ другую—тѣ, кто иного мнѣнія. Въ случаѣ признанія вины наказаніемъ для всѣхъ одинаково будетъ смертная казнь и конфискація имущества». Совѣтъ принялъ этотъ изумительный по своей юридической неправильности проектъ и представилъ его въ народное собраніе. Въ экклесіи нѣсколько лицъ, между ними Эвриптолемъ, родственникъ обвиняемаго Перикла, заявили протестъ въ виду противозаконности проекта. Но въ народѣ закричали, что преступно (*δεινόν*) мѣшать демосу дѣлать то, что онъ хочетъ. Поднялся никому невѣдомый Ликискъ и потребовалъ, чтобъ и самихъ протестующихъ судили вмѣстѣ со стратегами. Тогда нѣсколько притановъ рѣшились

повторить протестъ; масса народа шумно потребовала немедленной отдачи ихъ подъ судъ; пританы подчинились, за выключеніемъ Сократа, заявившаго, что онъ не сойдетъ съ почвы закона. Еще разъ Эвриптолемъ попытался повернуть дѣло; онъ предложилъ судить стратеговъ по такъ наз. псефизмѣ Каннона, которая допускала защиту каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Его предложеніе сначала прошло; снова выступилъ какой-то случайный ораторъ и потребовалъ вторичнаго голосованія (*διαχειροτονία*). На этотъ разъ прошло предложеніе совѣта, велѣдъ за нимъ голосовали по существу о виновности, осудили всѣхъ 8 стратеговъ, и шестеро бывшихъ налицо были немедленно отведены на казнь.

Ксенофонтъ, вообще сухой и краткій, даетъ чрезвычайно обстоятельный разсказъ о процессѣ аргинусскихъ побѣдителей и живо рисуетъ возмущеніе народа⁵¹. Его главный мотивъ, конечно, выставить непоколебимость Сократа, и даже онъ влагаетъ въ уста своего учителя длинную рѣчь, которая составляетъ явно композицію автора. Но помимо того, разсказъ Ксенофонта даетъ почувствовать, что вся исторія аргинусскаго процесса сознавалась въ аѳинскомъ обществѣ, какъ моментъ остраго и тяжелаго кризиса. Народъ ожесточается противъ своихъ спасителей, совершившихъ почти невѣроятный подвигъ, убиваетъ свою послѣднюю надежду, но кишитъ онъ потому, что и самъ истекаетъ кровью. Народъ во все входитъ, все самъ разбираетъ; въ эти послѣднія минуты своего державнаго существованія онъ помнитъ всего острѣе о своемъ верховенствѣ. У демократіи уже нѣтъ вождей; выступаютъ безвѣстные ораторы, эфемерные совѣтчики, но историкъ запомнилъ ихъ имена, страшная картина народной расправы стоитъ передъ нимъ во всѣхъ деталяхъ, точно это случилось всего вчера. Какъ будто въ видѣ эпилога трагическаго романа разсказываетъ онъ о раскаяніи, охватившемъ народъ годъ спустя при вѣсти о гибели при Эгоспотамахъ флота, порученнаго ничтожностямъ послѣ славныхъ аргинусскихъ побѣдителей: демосъ потребовалъ осужденія тѣхъ, кто «его обманулъ», въ особенности Калликсена, автора проекта юридическаго убійства. Ксенофонтъ не забылъ прибавить, что, когда бѣжавшій изъ тюрьмы Калликсентъ вернулся потомъ въ силу общей амнистіи, онъ умеръ среди всеобщаго презрѣнія съ голоду.

Катастрофа аѳинскаго флота и капитуляція Аѳинъ. Побѣда при Аргинусахъ спасла Аѳины отъ непосредственной гибели, но вернуть хода войны она не могла. У аѳинянъ не было никакихъ средствъ поддержать свой большой флотъ, тогда какъ спартанцы легко могли возстановить потери при помощи персидскаго золота. Тѣмъ не менѣе спартанцы предложили опять миръ и опять его отвергла аѳинская радикальная демократія: для нея внѣ морской имперіи не было жизни. Оже-

сточеніе достигло крайнихъ предѣловъ: въ Аѳинахъ приняли террористическое рѣшеніе отсѣкать у плѣнныхъ правыя руки.

Между тѣмъ въ Іоніи собрался съѣздъ олигархическихкихъ друзей Лисандра; они отправили въ Спарту посольство и просили снова о назначеніи незамѣнимаго командира. Дѣйствительно, для окончанія войны спартанцамъ необходимо было послать Лисандра, тѣмъ болѣе, что и Киръ только съ нимъ хотѣлъ имѣть дѣло. Пришлось обойти законъ, не допуская вторичнаго назначенія одного и того же лица павархомъ; номинальнымъ главнокомандующимъ сдѣлали совершенно незначительнаго Арака, а Лисандра присоединили къ нему въ качествѣ секретаря (ἑπιστολεὺς), но съ полномочіями адмирала флота. Лисандръ отправился въ свою прежнюю главную квартиру Эфесъ, возобновилъ связи съ олигархическими клубами, побывалъ у Кира, получилъ отъ него крупныя суммы, изъ которыхъ уплатилъ недоимки солдатамъ, и уговорился съ нимъ относительно дальнѣйшаго плана. Между прочимъ персидскій принцъ убѣждалъ Лисандра не бросаться въ битву съ аѳинянами—аргинусская побѣда, очевидно, нагнала страха на всѣхъ—а выждать: отсутствіе финансовъ у Аѳинъ и нестоимость персидскихъ средствъ сдѣлаютъ свое дѣло. Лисандръ доставилъ своимъ олигархическимъ друзьямъ полное удовлетвореніе. Въ Милетѣ при Калликратидѣ партіи вынуждены были установить между собой примиреніе. Лисандръ помогъ олигархамъ устроить погромъ и жестокое избиеніе своихъ противниковъ-демократовъ.

Стянувши въ Эфесъ все, что оставалось отъ пелопоннескаго флота, увеличивъ его контингентами отъ Хиоса и Родоса, Лисандръ внезапно двинулся въ Геллеспонтъ. Это было повтореніе плана Миндара отъ 411 г. Аѳиняне послѣдовали за нимъ изъ-подъ Самоса. Въ то время, какъ Лисандръ занялъ выгодное положеніе въ защищенной гавани богатаго запасами Лампсака, аѳинскій флотъ остановился на противоположномъ берегу у Эгоспотамъ (козыхъ рѣкъ), далеко отъ рынковъ и въ открытомъ рейдѣ. Каждый день экипажъ сходилъ съ кораблей и разсѣивался по берегу. Алкивиадъ, жившій въ своемъ замкѣ вблизи стоянки аѳинскаго флота, обратилъ вниманіе стратеговъ на опасность положенія и совѣтовалъ стать въ гавани города Сеста; но аѳинскіе начальники попросили его уйти и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Лисандръ наблюдалъ внимательно за аѳинянами; увидя моментъ, когда корабли были покинуты, онъ выѣхалъ со своей эскадрой и забралъ безъ боя всѣ аѳинскія тріеры, кромѣ 8, которыя успѣлъ увести Кононъ, бѣжавшій въ Кипръ (осенью 405 г.).

Побѣда безъ сраженія при Эгоспотамыхъ рѣшила войну. У Лисандра въ рукахъ былъ, прежде всего, путь хлѣбоснабженія Аѳинъ;

въ короткое время онъ могъ выморить городъ; онъ даже отпускалъ аѳинскихъ плѣнниковъ, но не иначе, какъ по дорогѣ въ Пирей, чтобы они еще увеличили число голодающихъ. Затѣмъ, Лисандръ сталъ безпрепятственно забирать всѣ заморскія владѣнія Аѳинъ одно за другимъ: Византія и Калхедонъ открыли ему ворота и выдали аѳинскіе гарнизоны; достаточно было небольшой эскадры, чтобы отнять у Аѳинъ оракійскій округъ; легко было занять и Лесбосъ, гдѣ Лисандръ ввелъ дорогую для него олигархію. Только въ Самосѣ господствующая демократія, для которой не существовало примиренія съ побѣдителемъ, осталась вѣрна Аѳинамъ. Лисандръ мстилъ аѳинской демократіи, истребляя безъ пощады все, что отъ нея исходило: онъ казнилъ стратеговъ, взятыхъ въ плѣнъ при Эгоспотамыхъ, изгонялъ отовсюду съ острововъ аѳинскихъ клеруховъ.

Въ Аѳинахъ рѣшили сопротивляться до послѣдней степени. Демосъ объявилъ всеобщую амнистію, вернулъ политическія права осужденнымъ за приверженность къ олигархіи, кромѣ тѣхъ, кто измѣнилъ родицѣ и ушелъ къ врагу. Демократію Самоса, сохранившую непоколебимую вѣрность Аѳинамъ, рѣшили принять въ составъ аѳинскаго гражданства. Всѣ эти мѣры, однако, запоздали, разъ Лисандръ сталъ безусловнымъ властителемъ моря (θαλαττοκράτωρ). По своему обыкновенію, онъ не сгнѣшилъ и не тратилъ даромъ силъ. Подѣхавъ со своимъ флотомъ къ Пирею, онъ загородилъ весь подводъ. Послѣ полутора мѣсяцевъ блокады, когда голодъ сильно далъ себя знать, въ Аѳинахъ заговорили о мирѣ. Спартанскіе эфоры потребовали, въ качествѣ непремѣннаго предварительнаго условія, брешы въ Длинные стѣнахъ, на разстояніи 10 стадій (около 1½ версты). Радикальная демократія не хотѣла и слышать о такомъ условіи: Клеофонъ заявилъ, что всякому, кто займется о мирѣ, онъ отрубитъ голову. Между тѣмъ въ Аѳинахъ стали сплочиваться оппозиціонные элементы; ихъ представителемъ выступилъ опять гибкій и перемѣнчивый Θерамень. Онъ взялся ѣхать для переговоровъ въ Спарту. Около трехъ мѣсяцевъ провелъ онъ тамъ и сговорился съ аѳинскими изгнанниками относительно политическаго плана: дѣло шло о ликвидаціи демократіи. Только съ олигархическими Аѳинянами Спарта согласна была мириться. Въ Аѳинахъ олигархи тѣмъ временемъ овладѣли вліяніемъ въ совѣтѣ 500, притянули на судъ Клеофонта и совершили надъ нимъ юридическое убійство. Официальное посольство, съ Θераменомъ во главѣ, отправилось снова въ Спарту, чтобы выслушать рѣшеніе созваннаго туда же конгресса пелопоннесцевъ. Коринѳяне и беотійцы требовали полнаго разрушенія Аѳинъ и отдачи населенія въ рабство. Но спартанцы считали сохраненіе Аѳинъ очень важнымъ, чтобы имѣть противобѣсъ своимъ среднегреческимъ со-

юзникамъ; въ лицѣ Аѳинъ, перестроенныхъ въ олигархію, они разсчитывали приобрести вѣрнаго вассала. По обыкновенію, свое мнѣніе они облекли въ идеалистическую форму: они не позволяютъ обращать въ рабство городъ, который оказалъ Элладѣ такія великія услуги.

Условія мира были таковы: разрушеніе Длинныхъ стѣнъ и укрѣпленій Пирея, отказъ отъ всѣхъ заморскихъ владѣній, кромѣ острововъ Лемноса, Имброса и Скироса, отдача военныхъ кораблей, возвращеніе изгнанниковъ и полное подчиненіе политикѣ Спарты. Погибавшее отъ голода аѳинское населеніе приняло эти условія и капитулировало (весною 404 года).

---

¹ Оук. VIII, 48. ² Тамъ же 92. ³ Тамъ же 97. ⁴ Оук. II, 41. ⁵ Платона Протагоръ 322А—328А. ⁶ Эту теорію Оукидидъ (V, 89 и 105) влагаетъ въ уста аѳинянь, ведущихъ диалектическій споръ съ гражданами общины о. Мелоса, на который Аѳины напали въ 416 г. ⁷ Оук. IV, 108. ⁸ Плат. Федонъ 97Д. ⁹ Аристоф. Итны 1282—4. ¹⁰ Ксен. Воспомн. I, 2, 40—46. ¹¹ Оук. VI, 89. ¹² Оук. VIII, 68. ¹³ Тамъ же 54. ¹⁴ Оук. VI, 27. ¹⁵ Тамъ же 36—40. ¹⁶ Эврипидъ въ пьесѣ „Умолняющій о защитѣ“ 238—45 обвиняетъ богатыхъ въ эгоизмѣ, бѣдныхъ—въ безпокойной зависти, средней же слой гражданства объявляетъ настоящей опорой народной республики. ¹⁷ Оук. III, 37. ¹⁸ Оук. VII, 14. ¹⁹ Оук. VI, 28. ²⁰ Оук. V, 60. ²¹ Тамъ же 66. ²² Оук. VI, 31. ²³ Тамъ же 1. ²⁴ Оук. Тамъ же 27. ²⁵ Плат. Пиръ 195А—197Е. ²⁶ Плат. Горцій 484А. ²⁷ Оук. VII, 21. ²⁸ Тамъ же 28. ²⁹ Тамъ же 71. ³⁰ Оук. VIII, 1. ³¹ Арист. Лисистрата 565—90. ³² Тамъ же 1114—56. ³³ Псевдоксеноф. Аѳ. пол. I, 10—12. ³⁴ Три договора Спарты съ персами Оук. VIII, 18; 36—37; 43; 57—58. ³⁵ Тамъ же 15. ³⁶ Тамъ же 21. ³⁷ Тамъ же 48. ³⁸ Тамъ же 67. ³⁹ Тамъ же 68. ⁴⁰ Аристот. Аѳ. пол. 30. ⁴¹ Оук. VIII, 72. ⁴² Тамъ же 76. ⁴³ Тамъ же 96. ⁴⁴ Ксеноф. Греч. ист. II, 3. ⁴⁵ Оук. VIII, 97. ⁴⁶ Ксеноф. Греч. ист. I, 1. ⁴⁷ Оук. VIII, 107. ⁴⁸ Схоліи къ Аристоф. Богатству 972. ⁴⁹ Андокидъ въ рѣчи о мистеріяхъ 96. ⁵⁰ Ксеноф. Греч. ист. I, 4. ⁵¹ Тамъ же I, 7.

IX. Раздробленіе Греціи и объединеніе Сициліи.

Разореніе и социальный разладъ въ Греціи. Великія историческія катастрофы никогда не разрываютъ эпохъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Многіе годы еще по инерціи бьются поколѣнія людей за цѣли и принципы, давно и безнадежно опрокинутые. Въ человѣческомъ существѣ, видимо, заложены какіе-то запасы физической и моральной энергіи, которые сказываются еще долго послѣ того, какъ исчезла направляющая ее сила.

Такъ было въ Греціи послѣ разрушительнаго междуусобія Пелопоннесской войны. Миръ 404 года не сломилъ окончательно суровыхъ бойцовъ трагическаго конца эпохи. Еще на 15 лѣтъ растягивается какъ бы эпилогъ Пелопоннесской войны: снова возгораются ея жестокія страсти, обостряются ея непримиримыя противоположности, опять споръ за гегемонію, и даже, для довершенія иллюзіи, въ борьбѣ выступаютъ живые представители, обломки великой эпохи, Лисандръ, Эрасибулъ, Кононъ. Опять передъ воображеніемъ аѳинянь носится мечта Алкивиада о возрожденіи державы при помощи персидскаго золота. Опять начинается шумѣть требовательная демократія, добивается снова системы раздачъ, опять проявляетъ религіозную нетерпимость и осуждаетъ на смерть изъ-за вопросовъ вѣры одного изъ даровитѣйшихъ сыновъ своихъ, софиста Сократа. Но уже чувствуется, что жизнь готова покинуть эти ослабѣвшіе организмы, работающіе силой укоренившихся привычекъ, еще не сознавшіе внутренняго переворота, отъ котораго они разрушаются. Въ интересахъ и понятіяхъ общества тѣмъ временемъ происходитъ глубокая перемѣна.

Всюду, гдѣ прошла война,—а она не пощадила почти ни одного уголка Греціи—разорились земледѣльцы, садоводы, виноградари, оливководы; самыя цвѣтушія, самыя производительныя области, какъ, напр., Хіосъ, Аттика, Мессенія, особенно пострадали и, можетъ быть, никогда уже больше не смогли подняться на прежнюю высоту. Въ Атикѣ, кажется, въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто разрушенныхъ садовъ и плантацій,

которые создавались прилежной работой ряда поколѣній, появилось лѣнливое, довольно первобытное скотоводческое хозяйство. Въ сильной мѣрѣ разстроилось и ремесло, во-первыхъ, отъ гибели мастеровъ въ ополченіяхъ, затѣмъ отъ бѣгства рабовъ, служившихъ рабочими въ мастерскихъ, при чемъ для привоза и найма новаго персонала предприниматели уже не имѣли средствъ. Мы узнаемъ изъ «Воспоминаній» Ксенофонта, что въ Атикѣ накопилось чрезвычайно много людей свободнаго происхожденія, потерявшихъ всякія средства существованія и часто не умѣвшихъ найти себѣ заработка. Въ особенности замѣтно было обиліе женщинъ, вдовъ и сиротъ, непривычныхъ ни къ какой работѣ. Одинъ изъ друзей Сократа жалуется горько, что у него въ домѣ столпотвореніе и вѣчные скандалы отъ напыла родственницъ, сестеръ, племянницъ и свояченицъ, воспитанныхъ по-благородному и неспособныхъ ничѣмъ заняться. Сократъ даетъ ему практическій совѣтъ присадить всю эту ворчливую и неугодную компанію за ручныя ремесла и обратиться свой домъ въ мастерскую кустарнаго производства¹. Въро-ятно, такой возвратъ отъ фабричной системы къ домашней индустріи былъ очень замѣтнымъ явленіемъ эпохи.

Говоря очень обще, пострадали болѣе всего зажиточные средніе классы, самостоятельные мелкіе хозяева, сельскіе и городскіе. Въ обществѣ образовался глубокий провалъ между обладателями капитала и массой пролетаріевъ всякаго типа, начиная отъ интеллигентныхъ профессій и до чернорабочихъ. Въ «Воспоминаніяхъ» Ксенофонта есть слѣдующій выразительный разговоръ: «Что такое демось?»—спрашиваетъ Сократъ одного изъ учениковъ.—«Демось, это—бѣдность!»—отвѣчаетъ тотъ безъ колебанія². Экономистъ можетъ сказать, что въ Греціи двинулось впередъ капиталистическое развитіе, такъ какъ натуральныя поставки и службы, преобладавшія въ V вѣкѣ, замѣнились денежными. Историкъ долженъ будетъ, однако, предостеречь его отъ оптического обмана: вѣдь усиленіе денежнаго хозяйства въ данномъ случаѣ несколько не означало прибавленія богатства, а, напротивъ, было показателемъ оскудѣнія. Деньги остались единственнымъ видомъ имущества, который можно было укрыть при контрибуціяхъ, реквизиціяхъ и взаимныхъ грабежахъ, характеризующихъ особенно конецъ большого греческаго междоусобія. Общее количество капитала въ Греціи пошло на убыль, и убыль жесточайшую: увеличились только запасы золота и серебра въ сундукахъ, во вкладкахъ и сбереженіяхъ. Увеличилось число трапезитовъ, т. е. банкировъ и ростовщиковъ.

Картина финансоваго разоренія Греціи станетъ еще рѣзче, если вспомнить, откуда взялись суммы, вращавшіяся въ греческихъ кантонахъ съ конца V-го вѣка. Это было преимущественно персидское золото. На

персидскія деньги сооружались флоты Спарты, Сиракузъ и малоазійскихъ грековъ въ войнѣ противъ Аѳинъ; потомъ, когда произошелъ разрывъ со Спартой, персы открыли кредитъ ей противникамъ. Персы содержали на своей службѣ греческихъ наемниковъ, а потомъ платили за право вербовки солдатъ на греческой территоріи. Въ самой гордой Спартѣ, получившей, наконецъ, гегемонію надъ всеми греками, очень скоро исчезъ всякій стыдъ передъ позаймствованіемъ царскихъ денегъ. Лисандръ, по окончаніи похода, привезъ, кромѣ контрибуцій съ покоренныхъ городовъ, еще остатокъ отъ жалованья, выданнаго Киромъ на содержаніе войска; сумму эту, подлежащую въ сущности выдачѣ назадъ, преспокойно взяли себѣ спартанскіе политики, сидѣвшіе дома, и такое полученіе казалось чѣмъ-то совершенно естественнымъ³. Половина Греціи перешла на пенсіи и жалованье отъ персидской державы. Послѣ смѣлаго и самоувѣреннаго подъема національной самостоятельности, длившагося менѣе 70 лѣтъ, греки обратились въ денежныхъ кліентовъ великаго царя и его сатраповъ. Непзбѣжнымъ результатомъ этой зависимости было раздробленіе Греціи и уступка восточной державѣ греческихъ городовъ малоазійскаго берега. Чужой восточный капиталъ, разъ вторгнувшись въ обезсиленную, истощенную, обѣдѣвшую Грецію, продолжалъ и дальше свое разрушительное дѣйствіе. Ни одна сколько-нибудь крупная военная экспедиція, ни одинъ походъ IV вѣка уже не могли осуществиться безъ займа у персовъ. Даже въ отдаленной Сициліи появляются въ борьбѣ партій персидскія деньги. Глава сиракузскихъ консерваторовъ, Гермократь, въ свое время организаторъ борьбы противъ аѳинянъ, долженъ былъ потомъ бѣжать изъ Сиракузъ отъ восторжествовавшей тамъ демократіи. Онъ побывалъ въ Малой Азіи, запаса съ сатрапа Фарнабаза субсидіей и вернулся съ нею домой; деньги предназначались какъ будто бы для организаціи военной защиты противъ новаго виѣшняго врага, надвигавшихся съ запада кароагенианъ, но также и для борьбы съ политическими противниками Гермократа.

Притокъ чужого богатства рѣзко отразился на социальномъ и политическомъ строеніи Греціи. Суммы, предназначенныя для займовъ и подкуповъ, естественно направлялись въ распоряженіе немногихъ политиковъ, захватившихъ власть, или въ замкнутые клубы, руководившіе дѣлами. Ни въ Спартѣ, ни въ малоазійскихъ общинахъ, которыя къ ней примкнули, никто не контролировалъ полученій, и никто не слѣдилъ за распредѣленіемъ поступающихъ суммъ. Организаторы союза съ персами, дипломаты и члены тѣсныхъ правительственныхъ совѣтовъ получали депозиты и безъ затрудненія становились какъ бы директорами-распорядителями вновь образовавшагося фонда, превращались въ банкирскую компанію. Вся община поневолѣ втягивалась въ ихъ кліен-

туру. Съ одной стороны, къ нимъ должны были обращаться всѣ тѣ, кто искалъ выгоды отъ новой службы въ интересахъ переселенцевъ; съ другой— къ нимъ вынуждены были примыкать люди, желавшіе спасти свое достояніе; приходилось нести свои сбереженія все туда же и укрѣплять водворившуюся въ общинѣ денежную фирму. Въ этомъ простомъ, но неустранимомъ фактѣ заключалась тайна успѣха олигархій, которыя всюду вырастали, какъ грибы, по мановенію Лисандра. Въ каждомъ изъ организованныхъ имъ городовъ создавался сразу благодаря персидской субсидіи, любезно устроенной спартанскимъ посредничествомъ, банкирскій домъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ захватывалъ въ свои руки всѣ политическія дѣла. Болѣе всего хлопотали вновь сѣвшіе у власти олигархи объ устраненіи всякой публичности, слѣд., не только объ уничтоженіи народныхъ собраний, но также о закрытіи сколько-нибудь численныхъ по составу думъ и совѣтовъ. По этой элементарной программѣ была также построена дѣятельность знаменитыхъ Тридцати въ Афинахъ.

Чѣмъ прочнѣе утверждалась на мѣстѣ маленькая кучка денежной олигархій, тѣмъ болѣе непостояннымъ элементомъ становился многочисленный пролетаріатъ, образовавшійся изъ людей, согнанныхъ съ земли, лишенныхъ привычнаго заработка въ ремеслѣ, такъ или иначе разстроенныхъ войной. Масса бездомнаго незанятаго люда эмигрируетъ, многіе ищутъ спасенія въ томъ самомъ элементѣ, который ихъ загубилъ, въ войнѣ, изъ невольныхъ ополченцевъ обращаются въ волонтеровъ-наемниковъ. Для этой группы воинственныхъ эмигрантовъ безразлично мѣсто службы и назначеніе ея; они готовы идти къ великому царю и его намѣстникамъ, но готовы также участвовать въ возстаніяхъ противъ царя. Если въ самой Греціи поднимается междоусобіе, они выбираютъ ту сторону, которая хорошо оплачиваетъ услуги; придется ли биться за демократію или за олигархію, это въ IV вѣкѣ кажется безразличнымъ; политическіе принципы не одушевляютъ болѣе людей.

Масса пролетаріевъ, остающихся дома, образуетъ собою какъ бы непрерывно угрожающую революцію. Въ тѣсной обстановкѣ греческихъ общинъ, гдѣ всѣ въ лицо знаютъ другъ друга, гдѣ случайное обогащеніе какого-либо обывателя вызываетъ у сосѣда необыкновенно острое раздраженіе, страсти кипятъ и хлопочутъ, какъ въ котлѣ, и борьба классовъ принимаетъ самыя ожесточенныя формы. Если низшему классу удастся взять верхъ, то компромиссамъ нѣтъ мѣста; происходитъ рѣзня, грабительскій захватъ капитала и дѣлежъ добычи, какъ послѣ набѣга разбойниковъ.

Соціальныя ученія IV вѣка. Среди пролетаріевъ много интеллигентныхъ людей софистической и риторической выучки. Они стараются придать движенію идейный характеръ: во имя справедливости они тре-

буютъ равенства и коммунизма, громить эгоизмъ капиталистовъ, вооружаютъ революціонную массу воззваніями и программами. Коммунистическое ученіе, въ качествѣ требованія естественнаго права и формулы высшей моральной правды, пріобрѣтаетъ большую популярность и особенно увлекаетъ женщинъ, въ средѣ которыхъ, какъ мы видѣли, появилось много безсемейныхъ и безработныхъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе упадка мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Противъ революціонныхъ ученій высшіе классы выставляютъ совершенно откровенно теорію деспотическаго государства, до тѣхъ поръ въ Греціи неслыханную. По мнѣнію такихъ политическихъ мыслителей, какъ Ксенофонтъ и Платонъ, не можетъ быть и рѣчи не только о правленіи массы, но и вообще о какомъ-либо участіи народа въ политикѣ. Человѣческое стадо, согласно ихъ ученію, нуждается въ пастухахъ и погонщикахъ, будучи же предоставлено само себѣ, оно погибнетъ въ дикомъ взаимномъ истребленіи. Власть должна быть въ рукахъ немногихъ просвѣщенныхъ лицъ или даже одного лица съ неограниченнымъ авторитетомъ. Управление должно стоять совершенно внѣ свободнаго обсужденія; оно сводится къ дисциплинѣ и командѣ; приказы властителей исполняются беспрекословно, орудіями власти служатъ обученные, специально подготовленные чиновники.

Между двумя крайностями, революціонной теоріей и крѣпостнической, стоитъ третья группа воззрѣній, одинаково чуждыхъ той и другой, которыя можно назвать мирно-анархическими. Въ Греціи всѣ ступени культурнаго развитія достигаются съ первическою быстротой. Послѣ живого горячаго интереса къ политическимъ вопросамъ, который такъ ярко чувствуется въ литературѣ V вѣка, у Геродота, Фукидида, Эврипида, Аристофана, наступаетъ въ широкихъ кругахъ греческаго общества бѣгство отъ политики, разочарованіе въ ней или даже полное презрѣніе къ ея проблемамъ. Анархизмъ катится все дальше и дальше: появляются киники, сектанты монашескаго типа, доводящіе свой протестъ противъ всякаго вида хозяйственной дѣятельности, всякаго производительнаго труда до аскетизма, добровольной бѣдности и отказа отъ личной и общественной жизни.

Революціонныя, реакціонныя и анархическія ученія—показатели того, что жизнь греческихъ общинъ, еще недавно такая интенсивная, полная сосредоточенной и гибкой энергіи, начинаетъ разлаживаться, идти вразбродъ. Всего ярче намѣченныя явленія сказались въ Афинахъ, которыя въ послѣднюю четверть V вѣка успѣли сдѣлаться настоящимъ нервнымъ узломъ греческаго міра.

Второй олигархическій переворотъ въ Афинахъ. Капитуляція Афинъ и миръ со Спартой были вмѣстѣ съ тѣмъ низверженіемъ демократіи.

Спартанцы считались во время переговоров о мирѣ и при сдачѣ города только съ Θераменомъ и членами клубовъ. Правда, Спартѣ не вмѣшивалась прямо въ дѣла внутренняго устройства, но она совершенно ясно игнорировала одну сторону, демократовъ, и въ случаѣ нужды готова была поддержать другую сторону, реакціонеровъ. Побѣжденная вдвойнѣ демократическая партія очень хорошо понимала положеніе. Нѣкоторые изъ ея искреннихъ приверженцевъ, преимущественно военные люди, для которыхъ миръ означалъ конецъ ихъ карьеры, пытались организовать оппозицію противъ заключенія мирнаго договора, сознавая, что срыгнѣ Длинныхъ стѣнъ и укрѣпленій Пирея приведетъ къ разрушенію народнаго правленія. Но клубы, чувствуя себя силой въ виду близости спартанцевъ, воспользовались доносомъ нѣкоего Агората, обвинявшаго демократическихъ стратеговъ и таксіарховъ въ составленіи измѣническаго заговора, и добились казни обвиняемыхъ ⁴. Другіе демократы, между ними Анигъ, будущій обвинитель Сократа, и Θрасибулъ, славный соратникъ Алкивиада, предпочли бѣжать изъ Аттики. Большинство бѣглецовъ нашло себѣ пріютъ въ Эпвахъ.

При заключеніи мира реакціонные клубы предложили выдѣлить изъ своей среды временную распорядительную комиссію 5 эфоровъ; и цифра и названіе ясно указываютъ на ихъ лаконофильство: изъ ихъ устъ постоянно слышалась похвала спартанской конституціи, какъ наилучшей въ свѣтѣ. Въ составѣ комиссіи былъ вернувшійся изъ изгнанія Критій, сравнительно молодой человѣкъ изъ кружка сократовцевъ, даровитый и вполне безсовѣстный агитаторъ. Еще недавно онъ, будучи эмигрантомъ, пытался организовать въ Θессалии демократическую революцію и вооружить съ этой цѣлью мѣстныхъ крѣпостныхъ (пенестовъ). Въ Аѣнахъ онъ сразу заявилъ себя непримиримымъ олигархомъ.

Эфоры 404 г. напоминаютъ пробуловъ 413 г., подготовившихъ первый олигархическій переворотъ. И въ дальнѣйшемъ ходѣ событій повторяется во многихъ чертахъ. Олигархи и теперь, какъ за 7 лѣтъ до того, хотѣли укрѣпить свое положеніе санкціей народа, хотя бы фиктивной. Какъ тогда, и теперь народное собраніе было созвано въ Колонѣ на окраинѣ города; между тѣмъ какъ въ 411 г. народъ заставили голосовать въ виду спартанскаго войска, стоявшаго лагеремъ подъ стѣнами, теперь экклесія находилась подъ еще болѣе непосредственнымъ давленіемъ спартанцевъ. Реакціонеры пригласили въ Аѣны Лисандра, осаждавшаго въ это время Самось, послѣдній остатокъ великаго морскаго союза. Лишь въ присутствіи грознаго главнокомандующаго рѣшились они обратиться къ народу. Собраніе открылось предложеніемъ Драконтида избрать комитетъ 30 *συγγραφεῖς* съ неограниченными законодательными полномочіями для пересмотра конституціи. Тотъ же комитетъ

долженъ былъ получить въ свои руки временное правленіе и назначить новыхъ должностныхъ лицъ. Несмотря на мѣры устрашенія, которыя были приняты клубами, въ собраніи поднялся протестъ. Тогда Лисандръ, присутствовавшій при дебатахъ, объявилъ, что будетъ разсматривать всякую проволочку въ рѣшеніи какъ нарушеніе условій мирнаго договора, потому что аѣняне еще не исполнили требуемаго разрушенія стѣнъ. Часть гражданъ ушла изъ собранія, оставшіеся согласились принять предложеніе Драконтида. Затѣмъ былъ составленъ комитетъ Тридцати тѣмъ своеобразнымъ способомъ, который ввели олигархические клубы. Только 10 человѣкъ намѣтило само собраніе изъ присутствующихъ; другихъ 10 предложили эфоры и еще 10—устроитель мира со Спартой, Θерамень.

Въ составъ комитета «законодателей» вошли: авторъ предложенія Драконтидъ, затѣмъ самъ Θерамень, изъ комиссіи эфоровъ Критій и Эратосеень. Хотя въ свое время реакціонеры очень много говорили о восстановленіи стариннаго патріархальнаго строя (*πατριος πολιτεία*), но чрезвычайный комитетъ и не думалъ заниматься пересмотромъ конституціи. Олигархи считали политическій переворотъ поконченнымъ. Тридцать составили по своему усмотрѣнію списокъ полноправныхъ гражданъ, всего въ 1.000 человѣкъ. Изъ этой тысячи они отобрали составъ новаго совѣта 500 и назначили должностныхъ лицъ. Аѣнская гавань Пирей, извѣстная своимъ демократическимъ духомъ, была выдѣлена въ особый отъ Аѣны административный округъ и подчинена надзору спеціальной комиссіи 10. Какъ будто бы въ видѣ грандіозной иллюстраціи разрыва новыхъ Аѣнъ съ прошлымъ морской демократіи, рѣшили разрушить корабельныя верфи Пирея; ихъ отдали на сломъ за 3 таланта, тогда какъ ихъ сооруженіе въ свое время обошлось въ 1.000 талантовъ. Уничтожили народные суды, наиболѣе активное и характерное учрежденіе демократіи, и предоставили судъ совѣту 500.

Правленіе Тридцати. Въ сущности была вовсе отмѣнена всякая конституція. Началась неограниченная тираннія комитета олигархическихъ клубовъ, который для символическаго и реальнаго увѣнчанія своей власти окружилъ себя стражей изъ 300 полицейскихъ, вооруженныхъ нагайками. Водворился самый злой терроръ, среди котораго исчезло всякое подобіе неприкосновенности личности и собственности. Пошли массовые аресты и казни безъ суда, за ними слѣдовало отобраніе имущества казненныхъ. Безпощадныя конфискаціи производились также у опальныхъ, которымъ удавалось бѣжать отъ расправы. Въ началѣ могло казаться, что это месть вырвавшихся на свободу, до тѣхъ поръ скрытыхъ враговъ демократіи, ненависть эмигрантовъ, которымъ удалось сѣсть у власти: Тридцать первымъ дѣломъ арестовали и каз-

нили сикофантовъ, т.-е. частныхъ обвинителей и доносчиковъ, которые въ свое время на службѣ демократіи разыскивали клубистовъ и заговорщиковъ. Но крайне скоро за политической будто бы горячностью обнаружилось очень прозаичные и коммерческіе расчеты: стали казнить людей совершенно безразличныхъ и нейтральныхъ, но зато послѣдовательно выбирали очень богатыхъ; среди нихъ, напр., былъ схваченъ Никератъ, сынъ Никія, погибшаго въ Сициліи, изъ семьи, державшейся всегда самыхъ умѣренныхъ воззрѣній, но въ то же время принадлежавшей къ числу наиболѣе крупныхъ капиталистовъ въ Аѳинахъ. Казни были явно приспособлены къ финансовой системѣ, и Критій не постѣснился обозначить свою политику настоящими словами: «мы хотимъ составить себѣ капиталъ (πλεονεκτητέιν)»⁵.

Новый ростовщическій банкъ Тридцати, работавшій примитивными приемами обыкновенныхъ разбойниковъ, не чувствовалъ себя, однако, въ безопасности безъ посторонней поддержки. Опять обратились къ любезности Лисандра, и онъ поддержалъ своихъ друзей: выхлопоталъ для нихъ назначеніе спартанскаго гармоста, т.-е. намѣстника, въ лицѣ Каллибія и присылку гарнизона изъ пелопоннесцевъ. Опираясь на эту помощь, олигархи стали очищать городъ отъ лишнихъ, по ихъ мнѣнію, элементовъ. Критій съ обычной ловкостью придумалъ аргументы въ оправданіе новой политики умаленія и сокращенія великой аѳинской общины⁶. «Вездѣ, гдѣ происходятъ революціи,—говорилъ онъ—гибнетъ масса народа. Но нигдѣ новое правительство не могло бы встрѣтить столько враговъ себѣ, какъ въ самомъ населенномъ городѣ Греціи, и притомъ въ городѣ, гдѣ демосъ привыкъ за долгое время пользоваться неограниченной свободой. Мы должны расправляться съ многочисленными сторонниками демократіи не только изъ-за нашихъ кровныхъ интересовъ, но и въ благодарность спартанцамъ за ихъ помощь, потому что именно они спасли насъ отъ демоса, а они хорошо знаютъ, что демосъ никогда не будетъ имъ другомъ. Мы произвели переворотъ въ полномъ согласіи со взглядами спартанцевъ». Однако поддержка Спарты обходилась правительству Тридцати слишкомъ дорого. Гарнизонъ, присланный изъ Пелопоннеса, съѣдалъ немалыя суммы тѣмъ болѣе, что олигархи должны были за нимъ очень ухаживать. Такъ какъ съ гражданъ взяли все, что только было возможно, была придумана новая мѣра ограбленія: каждый изъ членовъ правительства долженъ былъ взять на свою долю группу метойковъ и такъ или иначе обобрать ихъ.

Вдохновляемая главнымъ образомъ Критіемъ, террористически-коммерческая политика продолжалась недолго. Отовсюду поднимались враги крайнихъ олигарховъ. Старый боецъ Пелопоннесской войны, неутомимый Эрасибуль, тронулся изъ Оивъ съ маленькимъ отрядомъ въ 70 чело-

вѣкъ, и эта дружина демократовъ заняла пограничную крѣпость Аттики, Филу. Внутри самихъ Аѳинъ начиналось движеніе зажиточныхъ, всадниковъ и гоплитовъ. Въ этомъ отношеніи отчасти повторились событія 411 года. Демократію удалось опрокинуть исключительно благодаря соединенію крайнихъ олигарховъ съ умѣренными средними элементами. Но союзъ двухъ партій могъ удержаться лишь на одинъ моментъ. Средніе слои желали только отмены раздачъ и ограниченія всеобщаго избирательнаго права. Они добивались ценза, предполагая сохранить конституціонныя учрежденія, контролируемыя должности, публичность дебатовъ и т. д. Замкнутое правленіе тиранническаго банкирскаго дома было имъ такъ же ненавистно, какъ демократамъ. Они съ искреннимъ убѣжденіемъ выбирали комитетъ для выработки патріархальнаго строя, а въ число важнѣйшихъ обязанностей «законодателей» относили составленіе списка полноправныхъ гражданъ. Въ 411 году такой списокъ заключалъ въ себѣ 5.000 человекъ; теперь умѣренные могли ожидать заполненія списка приблизительно въ томъ же количествѣ, или развѣ только немного менѣе.

Въ лицѣ Эерамена выступилъ защитникъ интересовъ умѣреннаго гражданства среди самого правительства 30. Эерамень велъ свою линію политики такъ же, какъ въ 411 году. Вначалѣ вѣрный союзникъ клубовъ, онъ разошелся съ коллегами послѣ того, какъ была одержана побѣда. Такъ же, какъ въ 411 году, онъ потребовалъ введенія настоящей конституціи ценза. Умѣренные были и теперь сильнѣе и многочисленнѣе крайнихъ, но ихъ организація была хуже и личное положеніе Эерамена гораздо болѣе шатко, чѣмъ за 7 лѣтъ до того. Сначала Критіи и его сторонники сдѣлали уступку и согласились расширить свой списокъ 1.000 гражданъ до 3.000. Эерамень сталъ возражать противъ этой цифры, какъ слишкомъ малой, и вообще противъ численнаго ограниченія полноправнаго гражданства: по его мнѣнію, въ составъ активныхъ гражданъ должны войти все люди, удовлетворяющіе цензу. Для того, чтобы подкрѣпить свои требованія, онъ угрожалъ возможностью союза своей партіи съ такими видными эмигрантами, какъ Алкивиадъ, Эрасибуль, Анить. Эти угрозы заставили Критія, еще недавно дружившаго съ Эераменомъ, дѣйствовать рѣшительно и безъ промедленія. У всѣхъ гражданъ, кромѣ трехъ тысячъ, намѣченныхъ изъ числа ярыхъ клубистовъ, было отобрано оружіе; Эерамень не имѣлъ теперь той поддержки организованной гоPLITСКОЙ дружины, которая дала ему возможность опрокинуть въ 411 г. правительство Четырехсотъ. Критій и его единомышленники захватили Эерамена врасплохъ въ совѣтѣ 500. Клубы командировали въ засѣданіе золотую молодежь, вооруженную кинжалами; подъ этимъ давленіемъ совѣтъ принялъ два

предложенія Критія, направленные противъ Оерамена: передать Тридцати неограниченную власть надъ жизнью и смертию всѣхъ обывателей, не принадлежащихъ къ списку 3.000, и одновременно выключить изъ этого списка тѣхъ, кто въ 411 году противодѣйствовалъ правительству 400. Примѣняя тутъ же на мѣстѣ оба постановленія, Критіи потребовалъ немедленнаго ареста и казни Оерамена.

Паденіе олигархическаго правительства и столкновеніе трехъ партій. Крайніе олигархи, повидимому, слишкомъ разсчитывали на Лисандра, но не приняли во вниманіе сильной оппозиціи его политикѣ въ самой Спартѣ. Между тѣмъ натискъ демократовъ развивался неудержимо. Олигархи сдѣлали попытку выбить Орасибула изъ его позиціи въ Филѣ, но потерпѣли неудачу; послѣ этого дружина демократическаго вождя стала быстро увеличиваться. Орасибулъ разбилъ конницу и отрядъ спартанцевъ, вышедшіе изъ Аѳинъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ и складомъ оружія, прошелъ въ Пирей, захватилъ гавань и отрѣзалъ Аѳины отъ моря. Въ новой неудачной атакѣ противъ демократовъ погибъ глава олигархіи Критій (весною 403 года). Положеніе Тридцати пошатнулось: они рѣшили уйти изъ Аѳинъ и для отступленія выбрали Элевсинъ и о. Саламинъ. Чтобы очистить себѣ мѣсто въ новой территоріи, имъ пришлось начать съ террора: всѣ, кто былъ имъ подозрителенъ, подверглись аресту и казни. Несмотря на то, что олигархи такъ усердно сокращали гражданство, противъ нихъ возсталъ очищенный ими составъ 3.000, образовалъ враждебную имъ экклесію и отрѣшилъ отъ власти комитетъ 30. Бывшіе олигархическіе правители, числомъ 25, вмѣстѣ со своими сторонниками ушли въ Элевсинъ, а на ихъ мѣсто Три тысячи выбрали новую комиссію 10, по одному отъ филы.

Получилось положеніе, необыкновенно характерное для соціальной борьбы въ греческихъ городахъ: три партіи раздѣлились по тремъ общинамъ, до извѣстной степени превратились въ три враждующія общины: крайніе олигархи засѣли въ Элевсинѣ, умѣренные, сторонники ценза, держали въ своихъ рукахъ Аѳины, демократы, вѣрные прежнимъ принципамъ аѳинскаго строя, расположились въ Пирей. Историкъ, рассказывающій о столкновеніяхъ партій, приводитъ ихъ какъ бы официальные названія: люди въ главномъ городѣ (*οἱ ἐν ἄστει*), люди въ Пирей (*οἱ ἐν Πειραιεῖ*) ⁷. Такое разьединеніе стараго кантона на особія, специально замкнутыя общины наблюдается въ различныхъ мѣстахъ Греціи. Незадолго до того одна изъ іонійскихъ колоній въ Малой Азіи, Клазомены распалась на двѣ общины: демосъ занялъ, въ качествѣ новаго города, укрѣпленный островъ противъ берега; аристократія осталась въ старомъ городѣ на берегу; между ними происходили непрерывныя усобицы.

Самой неопредѣленной и колеблющейся изъ трехъ соціальныхъ пар-

тій была средняя, которая осталась въ Аѳинахъ. Новоизбранная комиссія 10, еще тянувшая къ олигархамъ, боялась демократовъ, занявшихъ Пирей, и обратилась за новой помощью къ Спартѣ. Но значительная часть гражданства, составлявшая его умѣренные элементы, хотѣла примиренія съ демократами; они свергли комиссію 10, замѣнили ее новыми Десятью и завязали съ людьми въ Пирей переговоры. Все зависѣло отъ рѣшенія и вмѣшательства Спарты, и аѳинянь спасло разногласіе спартанскихъ партій. Сначала Лисандръ, желая помочь своимъ друзьямъ, олигархамъ, настоялъ на томъ, чтобы его самого назначили гармономъ въ Аѳины и дали ему средства для найма солдатъ; Лисандръ требовалъ, чтобы его брату дали команду надъ флотомъ, и собирався занять аѳинскую гавань и отрѣзать всякій подвозъ припасовъ. Атикѣ грозила новая голодовка, и снова казалась возможной окончательная катастрофа Аѳинъ. Въ этотъ моментъ выступилъ базилей Павсаній, смертельный врагъ Лисандра, и добился у эфоровъ отстраненія его отъ намѣстничества и сухопутной команды. Главное начальство надъ большимъ союзнымъ ополченіемъ, двинутымъ черезъ Истмъ, было поручено самому Павсанію. Прибывъ въ Аѳины, спартанскій базилей опредѣленно отказался отъ всякой экзекуціи и вообще отъ вмѣшательства въ усобицу; онъ занялъ между «людьми въ городѣ» и «людьми въ Пирей» посредствующее положеніе. Той и другой сторонѣ было предложено отправить делегатовъ въ Спарту; въ свою очередь спартанцы прислали своихъ уполномоченныхъ, и при ихъ содѣйствіи былъ заключенъ миръ между враждующими партіями.

Хотя переговоры происходили между аѳинской и пирейской партіями, т.-е. между средней умѣренной группой гражданъ и демократіей, но въ заключительный трактатъ были введены также элевсинскіе олигархи, и даже взаимоотношенія между этими послѣдними, съ одной стороны, и воссоединенными аѳинянами и пирейцами, съ другой, составляютъ главную сущность договора. Мирный договоръ 403 года представляетъ крайне любопытную страницу греческаго права. Первое мѣсто въ немъ занимаютъ различныя очень детальныя частно-правовыя положенія, которыя должны были размежевать двѣ раздѣлившіяся общины, Элевсинъ и Аѳины. Сторонникамъ элевсинскихъ олигарховъ былъ предоставленъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго они могли уйти изъ Аѳинъ съ сохраненіемъ своего имущества; при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей они могли приобрести новое имущество въ Элевсинѣ. Въ совмѣстномъ обладаніи обѣихъ общинъ было оставлено только старинное святилище Элевсина, связанное съ великими мистеріями, которыя ежегодно посѣщались всѣмъ аѳинскимъ гражданствомъ. Въ остальномъ обѣ общины были совершенно раздѣлены; каждая составляла

выполнѣ самостоятельную политическую единицу. Въ качествѣ автономныхъ кантоновъ и Аиины, и Элевсинъ одинаково входили въ составъ Пелопоннескаго союза, подъ гегемонію Спарты; та и другая сторона вносили самостоятельно свои доли.

Такъ расщепилась та община, которая гордилась своей давнишней сплоченностью и тѣсной объединенностью. Греческій партикуляризмъ, всегда и всюду сильный подъ давленіемъ природныхъ условій страны, теперь еще болѣе развился вслѣдствіе партійной и соціальной борьбы.

Реставрація демократіи. Мирный договоръ 403 года регулировалъ также отношенія внутри собственно аинской общины. Здѣсь надо было помирить гражданъ, оставшихся «въ городѣ», съ людьми, пришедшими «изъ Пирея». Для установленія соглашеній выбрали отъ каждой группы по 10 делегатовъ въ общую примирительную комиссію. Самое существенное условіе заключалось въ принятіи всеобщей и взаимной амнистии. Было рѣшено, что никто не будетъ поднимать обвиненій и преслѣдовать по дѣламъ, совершеннымъ во время правленія 30 и во время междоусобной войны. Выключались только нѣкоторыя высшія должностныя лица, члены правительства 30, члены первой комиссіи 10, затѣмъ 10 администраторовъ Пирея, назначенныхъ реакціонерами, и еще комиссія 11 исполнителей смертныхъ приговоровъ. Но и выключенные отъ амнистии могли рассчитывать на охрану личности въ случаѣ, если согласятся дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вообще предположено было снять отчетъ со всѣхъ лицъ, занимавшихъ правительственныя должности въ Афинахъ и Пиреѣ за время междоусобія. При этомъ все еще соблюдалось раздѣленіе отнынѣ примиренныхъ двухъ группъ гражданства. Какъ деньги, занятые той и другой стороной на военныя цѣли, оставались раздѣленными неконсолидированными долгами каждой изъ нихъ, такъ точно должностныя лица, выбранныя въ Пиреѣ демократіей, были обязаны отчетомъ не предъ всѣмъ народомъ, а только передъ возвратившейся изъ Пирея демократической партіей. Въ этихъ заботахъ о возстановленіи отчетности, въ этой процессуальной публично-судебной постановкѣ администраціи можно узнать характерную черту аинской демократіи V вѣка. Ни въ чемъ такъ ярко не отражалось правовое сознаніе и выдержка аинскаго народа, какъ въ обычаѣ εἰθυσία, т.-е. постоянной провѣркѣ административныхъ дѣйствій публичнымъ судебнымъ допросомъ и публичной же оправдательной рѣчью. Аиняне какъ бы открывали теперь возстановленіе прежняго демократическаго режима большимъ судебнымъ процессомъ, сложнымъ обмѣномъ отчетностей.

Характерныя черты аинскаго политическаго строя съ добавленіемъ

опыта послѣднихъ лѣтъ сказались еще въ одномъ важномъ актѣ демократической реставраціи. Дѣятели примиренія были очень озабочены тѣмъ, чтобъ ввести политическую жизнь въ русло законѣрности. Они исходили отъ представленія о законѣ, какъ высшей силѣ, которая хотя создается народной волей, но стоитъ выше, чѣмъ отдѣльныя случайныя рѣшенія народа. Гарантію политической устойчивости они видѣли теперь въ письменной редакціи конституціи, и прежде всего въ записи основныхъ законовъ. Въ 403 году въ реставраціонное архонтство Эвклида были проведены по предложенію Тисамена слѣдующіе законы, заслуживающіе названія «основныхъ»⁸.

1. *Должностныя лица ни въ какомъ дѣлѣ не должны примѣнять иного закона, кромѣ писаннаго.*

2. *Никакое постановленіе совѣта или народа не должно становиться выше закона.* (Ἡ φρεσινὰ δὲ μηδὲν μήτε βουλῆς μήτε δήμου νόμου κυριώτερον εἶναι.) Или иначе: основные законы выше отдѣльныхъ рѣшеній народа.

3. *Воспрещается издавать какіе-либо исключительные законы, направленные противъ отдѣльныхъ лицъ; всѣ рѣшенія о правахъ распространяются не иначе, какъ на всѣхъ гражданъ.* Къ этому закону—характерное ограниченіе: допускается традиціонное тайное голосованіе 6.000 гражданъ съ цѣлью остракизма. Здѣсь видна какая-то дань старинѣ; въ дѣйствительности, впрочемъ, сколько извѣстно, остракизмъ не примѣнялся послѣ 403 года.

4. *Опредѣляется, съ какого срока будутъ считаться въ силѣ законы и судебныя рѣшенія. Законы, начиная съ архонтства Эвклида, безъ обратнаго дѣйствія, безъ примѣненія ихъ къ дѣламъ и случаямъ предшествующей эпохи. Судебныя же рѣшенія старой демократіи сохраняютъ всю силу.* (Τὰς δὲ δίκας καὶ τὰς δικίτας κυρίας εἶναι, ὅποσαι ἐν δημοκρατουμένῃ τῇ πόλει ἐγένοντο.)

Въ приведенныхъ постановленіяхъ крайне любопытно отмѣтить прежде всего благоговѣйное отношеніе возстановителей демократіи къ ея великому прошлому, даже къ такому явно отжившему учрежденію, какъ остракизмъ. Но рядомъ съ этимъ видно настойчивое стремленіе избѣгнуть ошибокъ и увлеченій прежней демократіи, въ особенности поставить преграду послѣднимъ и противорѣчивымъ рѣшеніямъ народа. Намъ поражаетъ эта юридическая выдержка дѣятелей примиренія, особенно, если принять во вниманіе, что между ними не было выдающихся государственныхъ умовъ. Тѣмъ болѣе приходится оцѣнить значеніе политической школы старой демократіи, которая была способна выработать въ гражданствѣ такое твердое сознаніе права. Но, помимо воспитательнаго характера демократической практики, надо при-

знать также великую роль ученой теории и научного преподавания права, созданных Протагором и другими софистами и нашедших себя самую благодарную почву именно в Афинах; не даром этих странствующих профессоров так тянуло в столицу морской державы, несмотря на все превратности судьбы и бури, которые их здесь ждали. Обыкновенно, когда говорят о влиянии софистической школы на умы, то приводят примѣры таких высокоталантливых разрушителей и нигилистов, как Алкивиадъ и Критий. Мы напомнимъ съ своей стороны дѣятели реставраціи 403 г., радикала Анига, умѣреннаго Ринона, много поработавшихъ надъ дѣломъ примиренія партій, Тисамена, автора предложенія объ основныхъ законахъ, менѣ блестящихъ по дарованіямъ, но зато представляющихъ примѣры положительнаго воспитанія софистической академіи. Всего правильнѣе было бы о софистической школѣ судить такъ же, какъ о наукѣ всѣхъ временъ. Наука не отвѣчаетъ за всѣхъ, кто пользуется ея техникой, и не виновата въ злоупотребленіи ея орудіями: хирургическимъ ножомъ искусный операторъ спасаетъ жизнь человѣка, а злодѣй тѣмъ же ножомъ губитъ жизнь. Юридическая, діалектическая и риторическая техника, выдвинутая софистами, ихъ система идей и знаній составляла великій шагъ греческой культуры. Учителя не виноваты въ томъ, что нѣкоторые ученики ихъ бросились душировать своихъ товарищей при помощи школьныхъ пособій.

Видоизмѣненіе демократической конституціи Афинъ не шло, однако, слишкомъ глубоко. Въ афинскомъ государствѣ выработались традиціи, которыя не могли быть сдвинуты, повидимому, никакими событіями. Демократія оживала въ той особой послѣдовательной и замкнутой формѣ, какъ она сложилась въ срединѣ V вѣка. Ни реакціонно-ограничительная, ни радикально-расширительная программа не могли добиться успѣха.

Въ качествѣ преемника Терамена и представителя бывшей «городской» партіи Формисій предложилъ ограничить активное избирательное право одними землевладѣльцами. Въ сущности это былъ проектъ «патріархальнаго строя», возвращеніе къ порядкамъ демократіи кليسеновской, предшествовавшей образованію морской державы. Предложеніе Формисія, грозившее выключить отъ политическихъ правъ до 5.000 человѣкъ, около половины тогдашняго гражданства, не прошло въ народномъ собраніи. Но также не прошло и противоположное радикальное предложеніе Эрасибула, которому принадлежала главная заслуга восстановления демократіи. Эрасибулъ настаивалъ на томъ, чтобы расширили кругъ гражданства, принявши въ его составъ всѣхъ, кто съ демократами вмѣстѣ вернулся въ Афины изъ Пирея: многихъ рабовъ, метойковъ, а также незаконнорожденныхъ, каковыми считались проне-

шедшіе отъ неравныхъ браковъ, гражданъ съ неполноправными. Эта программа расширенія гражданства повторяла попытку, сдѣланную Эмистокломъ и Эфиальтомъ при первомъ патискѣ радикальной демократіи въ 70-хъ и 60-хъ годахъ V вѣка. Но такъ же, какъ тогда, и теперь, болѣе полувѣка спустя, при реставраціи демократіи, либеральная политика открытыхъ дверей республики, широкаго допущенія въ ея составъ новыхъ элементовъ вызвала протестъ. Эрасибулу возражалъ его же товарищъ по эмиграціи, одинъ изъ самыхъ горячихъ борцовъ за демократію, Аристофонъ. Съ нимъ согласилось большинство гражданъ, не желавшее поступиться своими привилегіями. При первомъ требованіи радикаловъ борьба закончилась принятіемъ ограничительнаго закона 451 года. Теперь, послѣ реставраціи демократіи, рѣшено было вернуться къ прежнему строгому разбору въ составѣ гражданства и возстановить законъ Перикла.

Послѣ долгаго междоусобія, послѣ тяжелой катастрофы и общаго истощенія силъ, послѣ массовой потери людей афинская республика возстановилась во всей своей характерной индивидуальности со всѣми своими достоинствами и недостатками въ томъ же составѣ, въ тѣхъ же пропорціяхъ. Опять проводится послѣдовательно принципъ полнаго равенства въ средѣ гражданства, и опять оно замыкается въ видѣ привилегированной группы отъ остальнаго населенія. Еще развѣ только одну черту можно прибавить къ социальной картинѣ реставрированныхъ Афинъ. Городское общество послѣ войны омѣщанилось. Погибли многія старинныя фамиліи, выдававшіяся на службѣ государствѣ, и въ IV вѣкѣ уже немного осталось представителей афинскаго нобилитета. Новые верхи общества, денежные магнаты, часто выскочки неизвѣстнаго званія, мало цѣнили знатность рода. Ксенофонъ, который самъ ушелъ изъ плебейскихъ Афинъ, не безъ ироніи рассказываетъ, какъ новые правители Афинъ охотно отослали спартамцамъ на службу въ Азію отряды афинскихъ благородныхъ всадниковъ изъ бывшихъ сторонниковъ Тридцати, считая, что удаленіе и гибель этой ненужной декорациі принесетъ выгоду народу⁹.

Прошло всего два года послѣ замиренія 403 года, какъ возстановилась въ своемъ прежнемъ видѣ объединенная Атика. Когда олигархи, устроенные въ Элевсинѣ, стали набирать наемниковъ, афиняне двинули на нихъ гражданское ополченіе и заставили элевсинцевъ присоединиться къ центральной общинѣ (401—400 г.).

Обвиненіе Сократа. Внутренняя жизнь Афинъ отъ момента реставраціи до появленія брошюры Псократа, освѣщающихъ афинскія настроенія съ 380 года, намъ почти неизвѣстна. Особенно неясно десятилѣтіе, предшествующее попыткѣ возрожденія морской державы, т.-е.

годы 403—394. Среди этой темной полосы вырывается ярким, точно молниеносным эпизодом процесс Сократа в 399 г. На первый взгляд в нем все кажется загадкой, в такой мѣрѣ мы чувствуемъ беспомощность истолковать изолированный фактъ.

Если Сократа собирались судить какъ первоучителя олигархіи, то непонятно, почему его не привлекли къ обвиненію немедленно послѣ паденія олигархическихъ правительствъ в 411 г. или в 403 г.; почему онъ оказался особенно опаснымъ в 399 г.? Съ другой стороны, в моментъ примиренія партій в 403 г. аѳинскій народъ рѣшилъ амнистировать бывшихъ враговъ демократіи; представляется мало вѣроятнымъ, чтобъ демократическіе политики нарушили обѣщаніе и притянули на судъ безоружнаго и, повидимому, политически уже безвреднаго старика по какому-либо партійному обвиненію. У насъ есть къ тому же указанія на значительную терпимость, установленную в реставрированной демократіи; такъ, мы знаемъ, что Андокидъ, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ гетерій, обвинявшійся в 415 году в связи съ процессомъ гермокопидовъ, послѣ амнистіи вернулся в Аѳины, реабилитировалъ себя отъ обвиненія и настолько поднялся в довѣріи демоса, что уже в 392 году могъ выступить в посольствѣ, отправленномъ в Спарту. По всему видно, что обвиненіе, предъявленное Сократу, исходило не отъ партійно-политическихъ мотивовъ. Но оно вообще звучитъ странно: Сократъ обвинялся «въ пренебреженіи къ богамъ своей родины, во введеніи новыхъ боговъ и въ развращеніи юношества». Это—формула религіозно-политическаго процесса в томъ духѣ, какъ его построилъ Діонейоъ для преслѣдованія софистовъ и ученыхъ. Сократъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ просвѣтителей и диалектиковъ послѣдней трети V вѣка. Но вѣдь эпоха его опасныхъ матеріалистическихъ популяризацій давно миновала. Если Сократа не притянули на судъ послѣ «Облаковъ» Аристофана в 422 году, то какое основаніе было обвинять его в 399 г., когда и Сократъ ушелъ отъ физики, и, съ другой стороны, само аѳинское общество перестало быть такимъ національно-исключительнымъ в религіи, допустило въ свою среду много новыхъ вѣрованій и обрядовъ и къ тому же—что весьма важно—заклало въ себѣ множество совѣтъ невѣрующихъ людей? Явно, старая инквизиціонная формула покрыла что-то совѣтъ постороннее, имѣющее мало общаго съ просвѣтительной дѣятельностью Сократа.

Всмотрѣвшись внимательно в источники, излагающіе намъ дѣло Сократа, мы, можетъ быть, окажемся уже не в столь затруднительномъ положеніи. Передъ нами выяснится не только основаніе самаго суда надъ великимъ аѳинскимъ софистомъ, но и его общественно-полити-

ческая обстановка. Если только не поддаваться обычнымъ отвлеченнымъ и выспреннымъ фразамъ о томъ, что в 399 г. невѣжественная и завистливая толпа засудила міровую правду, то выясненіе реальныхъ обстоятельствъ, лежащихъ в основѣ процесса, можетъ пролить свѣтъ и на глубокія внутреннія настроенія аѳинскаго общества, и тогда обратно перестанетъ рѣзать насъ своею загадочностью и само дѣло Сократа.

Прежде всего необходимо дать себѣ отчетъ в характерѣ дошедшихъ до насъ апологій Сократа. Оба ученика, взявшіе на себя его защиту, Платонъ и Ксенофонтъ, пишутъ значительно позже процесса; нѣкоторыя подробности успѣли потерять остроту интереса, забыться. Они пишутъ оба (Платонъ в «Апологій», Ксенофонтъ в «Воспоминаніяхъ») не прямой отчетъ о ходѣ дѣла, сколько оно было имъ извѣстно, а отвѣчаютъ на литературное обвиненіе памяти учителя: отсюда новый рядъ умолчаній и нѣкоторое уклоненіе в сторону, вызванное полемикой. Наконецъ, они пишутъ, обращаясь къ тому самому аѳинскому обществу, которое осудило Сократа, и цѣль ихъ—опять водвориться в этомъ обществѣ, примирить его со своимъ ученіемъ и внушить ему свое пониманіе учителя. Дѣло в томъ, что тотчасъ же послѣ смерти Сократа в его школѣ произошелъ намѣчавшійся уже раньше расколъ между бѣдными и богатыми, между двумя группами, которыя обратились потомъ в секты киниковъ и платониковъ. Высоко-аристократическій Платонъ, исполненный пренебреженія къ пролетарію Антисѳену, не забываетъ вставить в «Апологію» Сократа, будто бы произнесенную передъ судьями, стрѣлу, которая направлена противъ этого соперника, «лжеученика» Сократова. Ксенофонтъ, правда, не занимается такой полемикой съ плебеями, но старается представить Сократа в общеніи съ самымъ приличнымъ свѣтскимъ обществомъ, в томъ числѣ съ богатой куртизанкой Теоодотой; что же касается черни, то Сократъ будто бы смотрѣлъ на нее свысока. Къ нашему большому сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одной строки, ни одного звука о Сократѣ изъ школы киниковъ; приходится довольствоваться двумя изображеніями писателей, пристрастныхъ вѣ одномъ и томъ же направленіи.

Платонъ поступаетъ чрезвычайно рѣшительно. В «Апологій» Сократа онъ поднимается надъ всѣми вопросами политической дѣйствительности и произноситъ моральную проповѣдь: вы, аѳиняне, не замѣтили, что среди васъ жила совѣсть ваша в лицѣ умнѣйшаго учителя Аѳинъ; вы не стерпѣли этого врага лицемѣрія и чванства, этого безпощаднаго критика общественныхъ нравовъ, в которомъ горѣло чувство правды, который всегда зналъ вѣрный путь, подсказанный ему внутреннимъ голосомъ. Сократъ—мученикъ за непонятую массой великую идею, пророкъ, посланный аѳинянамъ на ихъ спасеніе, носитель боже-

ственной миссии, вдохновленный самим Дельфийским оракулом; по своему самоотречению, готовности на все жертвы ради друзей и духовных дѣтей своих онъ поднимался выше человѣческой натуры, онъ былъ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Несравненный мастеръ романтической идеализации, Платонъ больше всего виноватъ въ томъ, что потомство вплоть до нашего времени не можетъ разобраться въ обстоятельствахъ процесса Сократа; хотя надо признаться, что новоевропейскіе историки и философы пошли еще гораздо дальше Платона въ разрисовкѣ ореола, окружающаго Сократа, и въ превращеніи человѣческаго образа великаго афинянина въ блѣдное пятно.

Гораздо ближе къ дѣлу практичный Ксенофонтъ, и мы очень многимъ обязаны его указаніямъ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ не опровергаетъ прямо обвиненія Сократа въ «пренебреженіи къ богамъ родного города и въ развращеніи юношества». Избѣгая характеристики общаго направленія мыслей учителя, Ксенофонтъ старательно устраняетъ подозрѣніе въ томъ, что будто бы Сократъ слишкомъ много интересовался науками о мировыхъ явленіяхъ, астрономіей или физикой; нѣтъ, онъ предпочиталъ заниматься вопросами практической жизни, тѣмъ, что непосредственно полезно человѣку. Въ «Воспоминаніяхъ» осторожно подобраны разговоры Сократа на самыя разнообразныя темы житейскія; цѣль автора—показать, что ничего не было противообщественнаго въ дѣятельности учителя. У Сократа не даромъ было много искреннихъ друзей; онъ хлопоталъ только о томъ, чтобы каждаго поставить на свое мѣсто, открыть таланты, дать вѣрное направленіе природнымъ силамъ каждаго, научить работать основательно и добросовѣстно. Все какъ будто хорошо укладывается въ демократической обстановкѣ Аѳинъ; только тамъ и сямъ проскакиваетъ ядовитая стрѣла противъ аѳинскаго мѣщанства, отточенная въ аристократическомъ кружкѣ, который льнулъ къ Сократу, и тутъ всегда видно, что среднему уму Ксенофонта не додуматься было до тонкой проны учителя: въ такихъ случаяхъ онъ передаетъ черты высоко-подлинныя. Въ интересахъ защиты, конечно, было бы выгодно умолчать о прямыхъ выходкахъ Сократа противъ демократіи. Но въ концѣ-концовъ даже остальные разговоры, составляющіе большую часть книги, разговоры на темы какъ будто бы нейтральныя, выдаютъ политическое мировоззрѣніе Сократа.

Общественная дѣятельность Сократа въ послѣднюю пору его жизни.

Необходимо прежде всего выяснитъ, что такое эта «добродѣтель», о культивированіи которой идетъ постоянно рѣчь въ бесѣдахъ Сократа, и кто такое его разнообразные «друзья».

Въ одномъ мѣстѣ Воспоминаній есть прямой отвѣтъ на эти во-

просы. Многочисленные участники кружка искали наставленія у Сократа не для того, чтобы подготовиться къ общественно-политической дѣятельности, стать ораторами народнаго собранія или адвокатами на судѣ (*δημιγορικοί ή δικανικοί*), но для того, чтобы стать порядочными людьми (*καλοί καγαθοί*)¹⁰. Послѣдній терминъ намъ хорошо извѣстенъ изъ литературы предшествующаго времени. Такъ любила именоваться аристократія, противопоставляя себя «подлой черни». Въ другомъ мѣстѣ ясно сказано, что порядочнымъ людямъ слѣдуетъ уклоняться отъ политическихъ должностей и жить лишь частными интересами своихъ тѣсныхъ кружковъ¹¹. Затѣмъ изъ цѣлага ряда разговоровъ видно, что добродѣтель понимается въ смыслѣ выработки аристократическихъ качествъ, навыковъ и повадки, недоступной необразованной толпѣ.

Хотя ксенофонтовскій Сократъ любитъ говорить объ умѣренности (впрочемъ, только въ ѣдѣ и питьѣ, но не въ эротическихъ дѣлахъ), однако ясно, что проповѣдь аристократизма рассчитана исключительно на людей состоятельныхъ: только имъ можно было совѣтовать учиться спеціальнымъ наукамъ и упражняться въ разныхъ видахъ спорта. Но система жизни, раскрывающаяся въ «Воспоминаніяхъ», не ограничивается совѣтами воспитанія, гигиены тѣла и развитія техническихъ знаній. Сократъ идетъ гораздо дальше. Аристократамъ не только слѣдуетъ уклоняться отъ служенія массѣ народа, отъ вульгарной политики, гдѣ должностныя лица являются просто рабами толпы, но они необходимо должны сплочиваться въ тѣсныя группировки. Въ разговорѣ съ космополитомъ Аристиппомъ¹², который хочетъ всюду жить гостемъ-иностранцемъ, вдали отъ борьбы партій, Сократъ не возражаетъ по существу. Онъ только оспариваетъ способы, предлагаемые Аристиппомъ: если хочешь жить виѣ политики, нельзя устраиваться одиноко, это слишкомъ опасно; надо сплотиться съ подобными себѣ, надо примкнуть къ какой-либо частной организаціи «друзей». Сократъ не устаетъ проповѣдовать о необходимости приобрѣтенія друзей; онъ и самъ—мастеръ устраивать ассоціаціи: по крайней мѣрѣ, за нимъ установилась слава «охотника на порядочныхъ людей»¹³, и его просятъ оказать помощь, когда надо соорудитъ кружокъ. Въ разговорѣ съ Критобуломъ, можетъ быть, самымъ реалистическомъ во всей книгѣ¹⁴, Сократъ настаиваетъ на важности частныхъ коалицій для охраны матеріальныхъ интересовъ; люди состоятельные должны соединять свои выгоды, устанавливая круговую поруку; богатый человѣкъ сдѣлаетъ очень хорошо, если окружитъ себя свитой преданныхъ друзей.

Друзья, φίλοι, разумѣются въ двухъ разныхъ смыслахъ: или это ровни по званію, товарищи, тогда ихъ взаимность есть мѣстѣ съ тѣмъ лѣкоторая коммуна (*κοινωνία*); или это соединеніе патрона и клиента,

тогда ихъ дружба состоитъ изъ услугъ и покровительства, службы и вознагражденія. Между прочимъ послѣдній видъ комбинаціи облегчается тѣмъ, что есть масса свободныхъ обѣднѣвшихъ и безработныхъ людей, которые не знаютъ, куда дѣваться, не особенно расположены брать черную работу или даже индустриальное занятіе, но очень охотно принимаютъ на себя всякаго рода факторство, побѣгушки и ходатайства по дѣламъ богатыхъ людей или администрацію въ ихъ домѣ, надзоръ за работами и пр. Сократъ оказывается и въ этомъ отношеніи необыкновенно практичнымъ и умѣлымъ совѣтникомъ. Онъ направляетъ нѣскольکو растерявагося богача Критона на поиски частнаго повѣреннаго, агента по всякимъ дѣламъ, между прочимъ по дѣламъ клеузнаго свойства. Совмѣстными усиліями они добываютъ нѣкоего Архедема, пролетарія, когда-то выдавнаго вида, бойкаго на языкъ, не человѣка, а кладъ для процессуальной грызни съ сикофантами, и Сократъ потомъ еще подробно учитъ Критона, какъ обходиться со своимъ фактотумомъ, какъ расположить его къ дому, то приглашая обѣдать, то посылая ему провизію изъ своего имѣнія и пр.¹⁵ Конечно, такимъ друзьямъ была очень опредѣленная матеріальная цѣна, и мы встрѣчаемся въ «Воспоминаніяхъ» съ довольно забавной таксой на «дружбу». «По-моему—говоритъ одинъ изъ учениковъ Сократу—есть друзья, которыхъ я бы оцѣнилъ въ двѣ мины, есть другіе, на которыхъ я бы нестратилъ и полмины; есть и такіе, за которыхъ не жалко отдать десять минъ, и, наконецъ, за иныхъ я бы готовъ постоять всеми богатствами и доходами своими». «Истинная правда», соглашается Сократъ¹⁶.

Воспоминанія Ксенофонта рисуютъ очень ярко афинскую жизнь въ концѣ V вѣка, какъ она сложилась въ результатъ долгой изнурительной войны. Мы видимъ разореніе, бѣдствія и безработицу въ средѣ гражданъ; видимъ, какъ богатые люди стараются укрыть свои капиталы отъ государства, какъ въ виду этого они отворачиваются отъ политики, несущей въ себѣ столько риска, какъ образуютъ тѣсные союзы и кружки для преслѣдованія личныхъ коммерческихъ интересовъ; какъ они принимаютъ на свою частную службу безработныхъ пролетаріевъ, оттягивая этихъ лакеевъ, агентовъ и факторовъ отъ общей массы демоса, когда-то гордившагося своей независимостью, когда-то грознаго передъ кучкой порядочныхъ людей, а теперь разсынавагося въ прахъ передъ ними. Среди общественнаго разброда, широкаго развитія патроната и кліенты Сократъ играетъ очень видную роль: онъ—умѣлый организаторъ новаго антидемократическаго уклада жизни, и къ тому же онъ успѣваетъ создавать для него очень благозвучное теоретическое оправданіе.

Къ картинѣ развала афинскаго строя, нарисованной Ксенофонтомъ,

надо добавить еще одну черту: самъ авторъ, какъ многіе изъ его сверстниковъ, въ эту именно пору, вскорѣ послѣ реставраціи демократіи, ушелъ изъ Аѳинъ, не находя здѣсь приложенія своихъ силъ, не желая служить демократіи. Одинъ за другимъ рушились все устои афинской жизни: исчезалъ патріотизмъ въ самомъ элементарномъ своемъ видѣ. Правда, когда Ксенофонтъ собирался на службу къ персамъ, для участія въ экспедиціи Кира Младшаго, въ 401 г., Сократъ успокоилъ его сомнѣнія ссылкой на то, что въ предпріятіи нѣтъ ничего вреднаго для роднаго города¹⁷. Но это утѣшеніе звучитъ очень формально. А развѣ уходъ взрослыхъ, сильныхъ и талантливыхъ людей въ добровольную эмиграцію не составлялъ шага чрезвычайно вреднаго для афинской политической жизни? Въ «Воспоминаніяхъ» можно отыскать мотивировку бѣгства изъ Аѳинъ именно той части молодежи, которая увлекалась военнымъ дѣломъ. Говорится о томъ, что афиняне пренебрегаютъ упражненіемъ конницы и вообще забросили этотъ видъ оружія; говорится, что афиняне не извлекаютъ выгоды изъ своего сухопутнаго положенія, не укрѣпляютъ своей границы противъ Беотіи, границы, состоящей изъ горъ съ немногими узкими проходами. Не дѣлаютъ этого афиняне потому, что они лѣнливы, капризны, недисциплинированы. Изъ этой критики ясно видно, что авторъ не одобряетъ морской политики Аѳинъ и въ особенности ненавидитъ нравы морской черни; но Ксенофонтъ тутъ говорить не отъ своего имени, онъ скрывается за спиной Сократа и любезно подсовываетъ учителю воинственные планы молодежи, ея увлеченіе дисциплиной «настоящаго» войска, находящагося подъ строгой единой командой, отлученнаго отъ своеволія, значить, спартанскаго или персидскаго или какого угодно, только не афинскаго. Ученикъ приписываетъ учителю еще одинъ планъ: будто бы Сократъ вдохновляетъ Перикла-сына на завоеваніе Беотіи¹⁸. Конечно, все эти стратегическіе и тактическіе уроки Сократа весьма мало правдоподобны, но что онъ одобрялъ молодежь, устремляющуюся въ завоевательныя авантюры и не желавшую служить оборванному демосу ремесленниковъ и лавочниковъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Ксенофонтъ объяснилъ намъ все или почти все въ возникновеніи процесса Сократа. Только одно еще добавленіе слѣдуетъ сдѣлать къ его характеристикѣ. Мы не должны забывать, что, кромѣ аристократической группы, представленной въ литературѣ Платономъ и Ксенофонтомъ, къ Сократу примыкала еще другая, нищенствующая, монашеская съ Антисоеномъ во главѣ. Сократовское социальное ученіе было шире и растяжимѣе, чѣмъ его изображаетъ Ксенофонтъ: учитель и организаторъ не только внушалъ устраивать патронатные богатые союзы, но его совѣтами и теоріями вдохновлялись также братскія аскетиче-

скія общежитія. Плебей и бѣднякъ Антисѣенъ увлекся Сократомъ не менѣе, чѣмъ тонко чувствующій аристократъ Платонъ. Уже въ зрѣлыхъ годахъ, находясь во главѣ школы послѣдователей, Антисѣенъ горячо отдается руководительству Сократа. Сущность социальнаго ученія Сократа, повидимому, состояла не въ томъ, что онъ шелъ навстрѣчу желаніямъ опредѣленнаго класса, аристократическаго или пролетарскаго, а въ томъ, что онъ проповѣдовалъ политическій анархизмъ, отрицаніе государства, уходъ отъ городекой жизни въ частные союзы, въ сектантскія замкнутыя общины.

Если таковы были настроенія значительной части аѳинскаго общества, то можно себѣ представить отчаяніе организаторовъ и вождей возстановленной демократіи, Эрасибула, Анита, Тисамена и др.: были налицо демократическія учрежденія, но не хватало демократовъ, была республика безъ республиканцевъ. Въ извѣстномъ смыслѣ дѣло обстояло для искреннихъ друзей демократіи хуже, чѣмъ во время прямой и открытой борьбы съ олигархами и реакціонерами; теперь врагъ былъ неуловимъ и почти не виденъ, а бѣда состояла въ томъ, что собственная армія дезертировала и притомъ со дня на день все больше и больше. Взгляды демократическихъ дѣятелей, которымъ приходилось бороться съ ужасающимъ паденіемъ гражданскихъ чувствъ, отразились, между прочимъ, въ одной интересной политической мечтѣ, занесенной въ легенду о Солонѣ и потомъ воспроизведенной въ биографіи древняго законодателя аккуратнымъ собирателемъ Плутархомъ. Будто бы мудрый устроитель Аѳинъ предписалъ, чтобъ во время политическихъ столкновеній всякій гражданинъ непременно выбиралъ себѣ партію, а не оставался нейтральнымъ, иначе ему грозитъ позорное наказаніе. Фантастическій законъ своеобразно мотивированъ: (Солонъ) хотѣлъ, очевидно, добиться, чтобы граждане не относились безразлично къ общественнымъ интересамъ, чтобы они не вздумали, *выдѣливъ и спрятавъ свои личныя средства* (ἐν ἀσφαλίῃ θέμενον τὰ ἰκίεῖα), взирать съ злорадствомъ на несчастія отечества, а, напротивъ, присоединились къ той партіи, дѣло которой считаютъ болѣе справедливымъ, несли бы съ нею жертвы и опасности и не дожидались въ сторонкѣ исхода борьбы¹⁹. Мотивъ этотъ звучитъ точно возраженіе сократовекому анархизму и политической апатіи; повидимому, Солоновъ законъ составляетъ выдумку республиканскаго историка или публициста разбираемой нами эпохи, имѣвшаго передъ собою угрожающій фактъ роста сектантскихъ круговъ; остріе ея направлено противъ политическаго безразличія, которое поборнику гражданскихъ чувствъ и политической чести казалось худшимъ изъ всѣхъ золъ.

Подчеркнутыя выше слова показываютъ, что политики, уstraшен-

ные успѣхами сектантства и анархизма, усматривали не только нравственную, но и матеріальную опасность въ уклоненіи гражданъ отъ политики; безпартійные, по ихъ мнѣнію, будутъ прятать свои капиталы, община лишится всякой пользы отъ принадлежащихъ имъ матеріальныхъ средствъ. Сократу пришлось серьезно считаться съ обвиненіемъ въ политическомъ безразличіи; онъ долженъ былъ объяснять судьямъ, почему уклонился отъ политики, и доказывать, что въ поведеніи его не было ничего новаго и неожиданнаго, что въ теченіе всей жизни такой образъ дѣйствій подсказывался ему глубокимъ внутреннимъ голосомъ.

Процессъ Сократа. Намъ вполне понятны два вражескихъ лагеря, обогчавшихся другъ противъ друга, понятна невозможность примиренія, понятенъ, слѣд., и общій мотивъ процесса Сократа, который былъ ареной борьбы за политическую цѣльность аѳинской общины и составлялъ первое обвиненіе сектантской, церковной, антигосударственной общины. До сихъ поръ все ясно и логично, потому что историку приходится разбираться пока въ самыхъ общихъ и отдаленныхъ условіяхъ явленій. Но какъ только онъ переходитъ къ прямымъ дѣйствіямъ живыхъ людей и въ особенности къ ихъ словамъ, онъ наталкивается на несообразности, на уродливыя заключенія челоѳеческой психологіи, на уклоненія и скачки, которые часто приводятъ къ злымъ, дикимъ и нелогичнымъ теоріямъ.

Первая и крупнѣйшая несообразность демократическихъ дѣятелей, желавшихъ спасти Аѳины, состояла въ томъ, что они олицетворили великое общественное бѣдствіе въ одномъ челоѳкѣ, увѣрившись, что именно въ Сократѣ заключенъ корень зла: устранить искуснаго организатора, заставить замолчать опаснаго вдохновителя разрушительныхъ ученій—и Аѳины опять воспрянуть. Итакъ, надо сосредоточить усилія, чтобъ притянуть на судъ вреднаго софистическаго анархиста; но какъ это сдѣлать? Въдѣ законъ Солона, осуждающій политическую нейтральность, есть именно мечта воображенія, а гдѣ же тѣ статьи, подъ которыя подойдетъ неуловимая дѣятельность Сократа?

Совершается новая нелѣпность; политики роются въ старомъ архивѣ инквизиціонныхъ процессовъ и достаютъ оттуда ржавыя, полузабытыя формулы, по которымъ въ свое время охваченный паникой народъ засудилъ ученыхъ, Анаксагора, Протагора и другихъ. Аѳинскимъ присяжнымъ еще и въ 399 г. можно было предъявить такого рода обвинительный актъ: «Сократъ училъ превратно, оскорблялъ боговъ—покровителей роднаго города, значитъ, подорвалъ благосостояніе всей общины и отдѣльныхъ гражданъ». Но невозможно допустить, чтобъ обвинявшіе Сократа представители аѳинской интеллигенціи, политическій дѣятель

Анить, поэтъ Ликонъ, риторъ Мелеть, серьезно принимали эти старья бредни; они явно совершали актъ великаго лицемѣрія, если пытались народу внушить вредъ ученія Сократа именно съ точки зрѣнія условнаго религіознаго патріотизма. Вѣдь все они были учениками софистовъ, читали Протагора, слышали со сцены просвѣтительную проповѣдь Эврипида и стояли, вѣроятно, на одинаковомъ съ Сократомъ уровнѣ воззрѣній. Уже процессъ гермокопидовъ показалъ, какъ много было въ Аѣнахъ икоборцевъ, т.-е. отрицателей старой религіи; Платонъ говорить потомъ о сплошномъ почти невѣрїи интеллигентныхъ круговъ. Обвинители Сократа могли быть, чѣмъ угодно, рационалистами, агностиками, вѣрующими въ Провидѣніе, но только не почитателями старыхъ боговъ. Ихъ самихъ можно было съ одинаковымъ успѣхомъ судить по дикобразной инквизиціонной формулѣ объ оскорбленіи боговъ роднаго города. Къ тому же Сократъ отличался, сколько можно заключить по «Воспоминаніямъ» Ксенофонта, большою осторожностью въ своемъ вѣдѣніи поведеніи; демонстративно исполнялъ все требуемые обряды, рекомендовалъ друзьямъ своимъ богомолья къ дальнимъ святынямъ (правда, больше изъ гигиеническихъ соображеній), и т. д.

Во всякомъ случаѣ обвинителямъ было очень трудно поддерживать первый пунктъ составленнаго ими акта: ихъ положеніе было фальшиво, они не могли привести никакихъ точныхъ данныхъ въ доказательство вредной будто бы проповѣди Сократа. Разъ вступивши на путь религіознаго лицемѣрія, приходилось дѣлать новыя натяжки, накоплять ложь на ложь. Въ формулѣ обвиненія значилось, что Сократъ вводитъ *κρυπὰ δαιμόνια*. Передавая эти слова выраженіемъ «новыя божества», мы не вполне отбѣняемъ намѣренную туманность и загадочность термина «демоническій», который внесень обвинителями. Дѣло вѣдь идетъ не о «богахъ», т.-е. ясныхъ, опредѣленныхъ существахъ съ отчетливымъ культомъ, «введеніе» которыхъ и не могло быть актомъ частныхъ лицъ, а было осуществимо лишь распоряженіемъ государства; нѣтъ, обвинители намекали на обращеніе Сократа къ новымъ неуловимымъ силамъ, культъ которыхъ скрытъ, невидимъ для непосвященныхъ, составляетъ опасное тайное волшебство. Почти безъ сомнѣнія можно сказать, что общество, собиравшееся около Сократа, имѣло и особую интимную религію. Гетерїи вообще питали склонность къ религіозной замкнутости, къ принятію новыхъ ученій, къ почитанію своихъ особыхъ божественныхъ патроновъ; тѣмъ болѣе союзъ, который, подобно сократовскому, составлялъ настоящую церковную секту, отдѣлявшую себя отъ государства. Но для того, чтобы представить сократовскій демоніонъ, Верховное Существо, чтимое въ его кружкѣ, опасной колдовскою силой, надо было нагородить дѣлюю систему фальши, и обвинители Сократа, интеллигентные люди,

не постыдились, для этой цѣли, использовать разныя сплетни и темныя слухи объ интимныхъ разговорахъ.

А между тѣмъ обвиненіе звучало страшно. Мы видимъ изъ защиты Ксенофонта и Платона, какъ трудно было Сократу отстранить его. Ксенофонтъ сводитъ демоніонъ на оракулы и другія дозволенные внушенія боговъ, Платонъ пытается истолковать демоніонъ, какъ внутренній голосъ, повелительно направлявшій Сократа въ его поведеніи, и предохранявшій его отъ ложныхъ и вредныхъ шаговъ²⁰. Какъ въ дѣйствительности оправдывался на судѣ Сократъ, остается неяснымъ. Еще болѣе скрыто отъ насъ то, что говорили обвинители. Можетъ быть, ихъ рѣчи были умѣе, чѣмъ формула обвинительнаго акта; возможно, что большинство присяжныхъ очень хорошо понимало, что волшебство и «новыя божественныя силы» притянуты къ процессу насильно и что дѣло идетъ о сектѣ, объявившей непримиримую войну свѣтской республикѣ.

На другой сторонѣ также можно отмѣтить непоследовательность и ненужное упорство: гибель Сократа обусловлена отчасти ошибками, совершенными имъ самимъ, но онъ-то именно и составляютъ великое достоинство этого человѣка и оправдываютъ его въ глазахъ тѣхъ, кто не можетъ сочувствовать его дѣятельности. Ученики Сократа увѣряютъ, что онъ имѣлъ полную возможность уйти изъ Аѣны до суда, какъ только возникло обвиненіе. Они рассказываютъ, что Сократъ могъ свободно бѣжать изъ тюрьмы, когда исполненіе смертнаго приговора неожиданно затянулось вслѣдствіе религіозныхъ соображеній на цѣлый мѣсяць. Но великій старикъ не хотѣлъ ни того, ни другого. Онъ былъ человѣкомъ исключительнаго мужества и стойкости. И еще, онъ былъ настоящимъ аѣнскимъ патріотомъ, гораздо большимъ, чѣмъ его ученики: этотъ вѣрный сынъ Аѣны и дня не могъ бы прожить въ изгнаніи. Передъ нами героизмъ и несообразность.

Еще другую нелогичность можно поставить въ вину Сократу, и на нее указывали даже его безусловные защитники. Ксенофонтъ увѣряетъ, что Сократъ могъ бы легко склонить на свою сторону присяжныхъ, если бы захотѣлъ: надо было только говорить немного помягче, не задѣвать судей гражданъ, избалованныхъ обычной лестью и моленіями о пощадѣ со стороны подеудимыхъ²¹. Присяжные, въ составѣ болѣе 500 человѣкъ, признали виновность Сократа незначительнымъ большинствомъ 5 голосовъ. Предстояло особое голосованіе по вопросу о смертной казни, которой требовали обвинители. Еще разъ слово было предоставлено Сократу: осужденный имѣлъ право выставить свое предложеніе о наказаніи. Но онъ точно задался цѣлью устранить все, что могло вести къ облегченію его участи. Сначала онъ отказался говорить вовсе;

потомъ, точно насмѣхъ, опредѣлить себѣ штрафъ въ размѣрѣ одной мины, а когда присутствовавшіе на судѣ друзья стали предлагать заплатить за него, сколько угодно, поднявъ цифру до 30 минъ. Это была явная проіяя подсудимаго. Присяжныхъ она крайне раздражила; въ ихъ мнѣніяхъ произошелъ поворотъ, и за смертную казнь получилось гораздо болѣе голосовъ, чѣмъ за признаніе виновности. Опять нелогичное упрямство Сократа, опять роковой моментъ, и опять какая прекрасная гордость души, за которую все прощаешь, потому что выше ее и нѣтъ ничего въ человѣческомъ существѣ!

Послѣдователи Сократа. Мы не знаемъ въ точности, какіе результаты имѣлъ процессъ Сократа для основанныхъ имъ кружковъ и союзовъ; но о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ можемъ догадываться. При жизни Сократа его школа распалась на два крыла, представители которыхъ едва выносили другъ друга; послѣ его смерти они немедленно раздѣлились на два жестоко враждующихъ лагеря. Республика, осудившая первоучителя, неодинаково отнеслась къ двумъ группамъ его послѣдователей. Антистоицизмъ и община бѣдныхъ остались въ городѣ. Аристократы и богатые, въ томъ числѣ Платонъ, должны были бѣжать изъ Аѳинъ въ Мегару. Еще въ 392 г., когда вышла въ свѣтъ его Апологія, Платонъ не смѣлъ появиться въ Аѳинахъ. Устами Сократа, въ его защитѣ передъ судьями, выражено предсказаніе: «слѣдомъ за мной поднимутся молодые люди, у которыхъ много досуга, потому что они изъ богатѣйшихъ семей». Между прочимъ, это выраженіе показываетъ, какъ сильно въ процессѣ выступали матеріальные вопросы и какъ беспокоило аѳинскихъ республиканцевъ отдѣленіе отъ государства, если можно такъ выразиться, богатой церкви. Та же самая характеристика эмигрантовъ даетъ косвенное объясненіе факту терпимости демократіи къ группѣ Антистоиена: конечно, это были очень плохіе, даже совсѣмъ нигде негодные граждане, но что же можно было взять съ аскетовъ, юродивыхъ, опустившихся людей! Прямой опасности государству они не составляли.

Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о такъ наз. школѣ книжковъ, т.-е. о сектѣ монашествующихъ, хотя это одно изъ важнѣйшихъ явленій греческой общественной жизни. Про Антистоена и Диогена, двухъ выдающихся проповѣдниковъ, бродившихъ по улицамъ Аѳинъ, рассказываетъ только плоскіе анекдоты Диогенъ Лаэртій, писатель донельзя мелкій и недогадливый: читая его, можно подуматъ, что имѣешь дѣло съ какими-то брюзгливыми юродивыми, циническими островами, потѣшавшими себя и публику. Однако изъ его замѣчаній, обрывочныхъ и часто безтолковыхъ, можно выяснитъ и виѣшній видъ странствующихъ учителей, не стригшихъ бороды, одѣтыхъ въ грубые плащи безъ нижняго

платья, съ посохомъ въ рукахъ и нишенской сумой, и отчасти ихъ ученіе: они отрицали работу и вообще систематическія усилія, планомерность жизни, находили, что полная независимость дается только отсутствіемъ потребностей и заботъ, отвергали гражданскій порядокъ и смыслъ политической дѣятельности, считая вселенную единственно правильной формой государства (*μόνην τὴν ὀρθὴν πολιτείαν εἶναι τὴν ἐν κόσμῳ*). Нищенствующая братія составляла, повидимому, общегитія на коммунистической основѣ, при чемъ общность владѣнія они оправдывали своеобразнымъ физическимъ и мистико-богословскимъ ученіемъ: матеріальные элементы постоянно переходятъ одинъ въ другой, между живыми существами и предметами непрерывно происходитъ невидимый обменъ, вслѣдствіе чего окружающій человѣка міръ образуетъ неразрывное органическое цѣлое; истинные мудрецы дружатъ съ богами, а у друзей все общее; божество неотдѣлимо отъ матеріальнаго міра, оно постоянно и всюду присутствуетъ.

Съ аристократической группой сократиковъ мы еще встрѣтимся. Въ 90-хъ годахъ IV вѣка ей не было мѣсто въ Аѳинахъ. Процессъ Сократа былъ извѣстнаго рода побѣдой партіи Аѳиты и другихъ реставраторовъ демократіи; лѣтъ черезъ пять, шесть послѣ этого Аѳины опять находятся въ большемъ воинственномъ націоналистическомъ возбужденіи: повидимому, дѣйствіе сократовской проповѣди уклоненія отъ политики ослабло.

Походъ Кира на Вавилонъ и отступленіе Десяти тысячъ грековъ. Виѣшнія событія заставляютъ насъ на нѣсколько лѣтъ вернуться назадъ. Въ 404 г. Спарта обязана была своей побѣдой надъ Аѳинами исключительно помощи персовъ и ихъ безграничнаго богатства. Персидскій принцъ Киръ сыпалъ полными пригоршнями золота, помогая главному покровителю восточной политики Спарты, Лисандру, только бы уничтожить аѳинскую державу и захватить господство надъ берегами Эгейскаго моря. Лисандръ въ свою очередь, вѣроятно, далъ обязательство самаго широкаго свойства. Опираясь на обѣщанія такого рода, Киръ потребовалъ у Спарты помощи въ крупный авантюръ, которая составляла цѣль его давнишнихъ желаній: онъ готовилъ большой походъ въ центръ персидскаго государства съ тѣмъ, чтобы свергнуть старшаго брата Артаксеркса, и рассчитывать на военныя силы своихъ греческихъ союзниковъ. Въ тотъ моментъ, когда прибыла миссія Кира, Лисандръ не было въ Спартѣ. Враждебная ему партія воспользовалась недочетами въ управленіи одного изъ помощниковъ всемогущаго главнокомандующаго и, хотя на о. Самосѣ олигархи уже успѣли его прославить богомъ, Лисандръ былъ вынужденъ пріѣхать домой для оправданія; замѣтивъ, что въ виду господствующаго настроенія въ

Спартѣ будетъ всего безопаснѣе уйти временно отъ дѣлъ, онъ предпочелъ отправиться на богомолье въ Египеть, будто бы во исполненіе давнишняго своего обѣта.

Теперь спартанскому правительству, въ которомъ преобладали противники Лисандра, предстояло выпутаться изъ затрудненій, получившихся отъ династическаго спора въ персидскомъ государствѣ: нельзя было отказать Киру въ помощи, съ другой стороны, было опасно ссориться съ самимъ великимъ царемъ. Спарта рѣшила поддержать Кира неофициально: ему было позволено наwerben въ Греціи, особенно въ Пелопоннесѣ, солдатъ, и, кромѣ того, въ качествѣ главнокомандующаго отряда наемниковъ ко двору Кира отпустили спартаца Клеарха, въ свое время неудачнаго противника Алкивиада въ Византіи, разжалованнаго потомъ самими эфорами за произвольныя дѣйствія въ качествѣ гармоста. У Кира набралось до 13.000 грековъ, аркадянъ, ахейцевъ, элейцевъ, эссалийцевъ; былъ небольшой отрядъ аонянъ, среди нихъ Ксенофонтъ, который потомъ описалъ походъ. Изъ осторожности Киръ договорился съ каждымъ изъ разноплеменныхъ континентовъ въ отдѣльности, и солдаты не знали объ истинной цѣли предпріятія. Свое большое войско, въ которомъ было болѣе 100.000 азіатовъ, Киръ двинулъ сначала для отвода глазъ въ глубину Малой Азіи. Когда греческіе наемники очутились далеко отъ роднаго моря, на неизвѣстной дорогѣ, Киръ открылъ свое намѣреніе: послѣ нѣкотораго колебанія и короткой вспышки возмущенія противъ Клеарха, посвященнаго въ планы персидскаго принца, греки согласились идти дальше. Киръ форсировалъ знаменитые киликійскіе проходы, при чемъ князь Киликіи Сиенезисъ, уступилъ подъ давленіемъ пелопоннескаго флота, приблизившагося къ берегамъ Леванта; затѣмъ войско претендента безпрепятственно прошло черезъ Сирію и Месопотамію и, слѣдуя теченію Евфрата, приблизилось къ Вавилону. Здѣсь при Кунакѣ Киръ встрѣтился съ громадною арміею, которую успѣлъ набрать во внутреннихъ областяхъ его братъ, царь Артаксерксъ, предупрежденный смертельнымъ врагомъ Кира, Тиссаферномъ.

Ходъ сраженія подъ Вавилономъ показываетъ, какой великолѣпной тактической силой были греки, и въ то же время какъ трудно было подчинить ихъ общей командѣ. Клеархъ велъ свое дѣло блестяще, но безъ вниманія къ общему направленію битвы; вмѣсто того, чтобы подать помощь Киру въ центрѣ, онъ сталъ преслѣдовать разбитое неприятельское крыло; тѣмъ временемъ Киръ, неустово бросившійся на самого царя, былъ изрубленъ его свитой. Хотя азіатскіе отряды Кира разбѣжались, однако греки снова отразили атаку царскаго войска и остались въ обладаніи поля битвы. На одинъ моментъ казалось, что

они—господа положенія; греческіе командиры даже предложили переу Аріэю корону. Персы были въ большомъ затрудненіи, что дѣлать съ этой опасной силой, занесенной въ самое сердце имперіи. Тиссафертъ прибѣгъ къ хитрости, вступилъ въ переговоры съ Клеархомъ и другими командирами, заманилъ ихъ къ себѣ и велѣлъ перебить. Греческій корпусъ вовсе не былъ, однако, разстроеномъ этимъ маневромъ. Хотя греки сошлись случайно изъ разныхъ общинъ, притомъ такихъ, которыя ожесточенно бились между собою дома въ Элладѣ, по здѣсь на чужбинѣ они почувствовали себя сынами одной родины и даже воспроизвели у себя идеальный порядокъ эпохи патриотическаго подъема: выбрали новыхъ командировъ и во главѣ поставили спартаца Хирисофа, гражданина первой военной общины Греціи; его помощникомъ, какъ бы начальникомъ штаба, былъ избранъ аонянинъ Ксенофонтъ, со-вѣтъ, какъ въ эпоху греко-персидскихъ войнъ и вопреки недавней жестокости распрѣ двухъ главныхъ державъ. Сказалась въ этой корпоративно-крѣпкой арміи еще другая черта, слѣдъ демократическаго воспитанія: и выборы, и общія рѣшенія принимались въ большихъ собраніяхъ голосованіемъ солдатъ-гражданъ послѣ основательныхъ дебатовъ, гдѣ ораторы должны были изощряться въ искусствѣ краснорѣчія. Ксенофонтъ, вообще презирающій плебсъ и брезгливый къ республиканскому строю, рассказывая объ этомъ, какъ будто не замѣчаетъ, что большая доля успѣха его собственнаго и его коллегъ основана была на своеобразной культурѣ демократіи, оказавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшей дисциплиной въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Греки, которыхъ осталось немного болѣе 10.000, отвергли предложеніе о сдачѣ и рѣшили отступать. Прежнимъ путемъ они уже не могли возвращаться, такъ какъ ихъ могли легко окружить большія силы враговъ на широкой равнинѣ Евфрата. Они двинулись на сѣверъ по направленію къ восточному краю Чернаго моря и пошли долиной Тигра, придерживаясь его лѣвой нагорной стороны, гдѣ въ виду пересѣченной мѣстности персамъ трудно было вести преслѣдованіе. Новыя препятствія получились отъ этого движенія по горамъ, черезъ страны, скудныя припасами и населенныя воинственными племенами. Особенно трудно было идти областью кардуховъ (нынѣшнихъ курдовъ). Грекамъ пришлось обзавестись конницей, которой у нихъ не было, для развѣдокъ и для отраженія летучихъ отрядовъ противника. Ксенофонтъ, обладавшій большимъ военнымъ чутьемъ, хорошо запомнилъ этотъ урокъ и потомъ въ своей Киропедіи, представляющей какъ бы программу завоеванія Азіи, настойчиво рекомендуетъ формированіе большихъ конныхъ полковъ и основательное упражненіе конницы на маневрахъ. Въ горахъ Арменіи греки избавились, наконецъ, отъ преслѣдо-

ванія персовъ. Послѣ восьмимѣсячнаго отступленія они добрались до моря у Трапезунта; Ксенофонтъ передаетъ намъ моментъ чисто-греческаго восторга, который охватилъ солдатъ, увидавшихъ съ высоты горнаго перевала родную стихію и привѣтствовавшихъ ее возгласами: *Θάλαττα, Θάλαττα!*

Возобновленіе греко-персидскихъ войнъ. Отнынѣ знаменитые, 10.000 перебрались на корабляхъ къ Босфору, но на первыхъ порахъ встрѣтились съ очень недружелюбнымъ отношеніемъ къ себѣ соотечественниковъ: Спарта боялась гнѣва великаго царя, съ которымъ официально она продолжала оставаться въ союзѣ. Скоро, однако, персы сами вывели спартанское правительство изъ затрудненія. На мѣсто Кира въ Малую Азію явился Тиссафертъ; онъ потребовалъ податей отъ греческихъ городовъ побережья и сталъ тѣснить сѣверныя эолийскія общины. Тѣ обратились къ спартанцамъ, какъ призваннымъ вождямъ и защитникамъ греческаго имени. У власти еще находилась партія, враждебная Лисандру; она склонилась въ пользу новой политики, въ которой какъ бы возрождалась гордая націоналистическая программа, когда-то блестяще выполнявшаяся аѳинянами; но если мотивы могли казаться идеалистическими, то въ дѣйствительности этого совѣмъ не было. Повидимому, походъ греческаго корпуса въ глубь Азіи, его замѣчательныя побѣды и еще болѣе замѣчательная оборона произвели сильное впечатлѣніе въ Греціи: спартанскимъ политикамъ борьба съ персами стала казаться дѣломъ не труднымъ. Притомъ надо имѣть въ виду, что преемники Лисандра не располагали широкими планами и готовы были ограничиться мелкими задачами разгрома ближнихъ малоазійскихъ областей. Въ 399 г. въ Эолю отправили спартанца Эиброна, съ небольшими сравнительно силами; къ нему скоро присоединилась большая часть Десяти тысячъ, которые казались неопѣненнымъ матеріаломъ для азіатскаго похода. Но операціи Эиброна, такъ же, какъ его преемника Деркиллида, прозваннаго «хитрецомъ Сизифомъ», были безцѣльными и ничтожными набѣгами. Оправдывая свое прозвище, Деркиллидъ проявилъ необыкновенное мастерство въ отыскиваніи кладовъ и сокровищницъ, которыми такъ богата была Малая Азія, и Ксенофонтъ въ восторгѣ передаетъ продѣлки оборотливаго спартанца, сопровождаемая эффектами внезапныхъ появленій и разбойническихъ шутокъ, точно заимствованныхъ изъ уголовно-романической литературы²².

Возрожденная греко-персидская война производила самое жалкое впечатлѣніе. Она остановилась на перемиріи, которое заключилъ Деркиллидъ съ обоими сатрапами, Тиссаферномъ и Фарнабазомъ. Причина неудачи малоазійскаго похода, которая должна была разочаровать всѣхъ поклонниковъ Спарты, заключалась отчасти во всегдашней пассивно-

сти ея правительства, отчасти въ тѣхъ крупныхъ внутреннихъ затрудненіяхъ, которыя переживала спартанская община именно въ моментъ своего величайшаго вишняго торжества.

Соціальныя волненія въ Спартѣ. Намѣтившійся въ послѣдней четверти V вѣка соціальныи кризисъ въ Спартѣ все больше и больше обострялся. Бывшая сила спартанской общины, мелкое дворянство ея, составлявшее военное товарищество, совѣмъ разорилось. Лишившись земли и доходовъ съ нея, благородный воитель не могъ больше поддерживать свое соціальное положеніе въ городѣ и выбывалъ изъ состава полноправныхъ. Настоящихъ спартиатовъ, или «равныхъ» (*ἴσοι*) становилось все меньше и меньше. Земельныя владѣнія сосредоточились въ рукахъ немногочисленной плутократіи; она состояла изъ обѣихъ царскихъ династій и нѣсколькихъ семей, которыя поставляли эфоровъ, наварховъ и членовъ совѣта. Почти какъ въ Аѳинахъ комиссія Тридцати, такъ и спартанское правительство образовало комитетъ финансовъ, державшій въ своей власти всѣ капиталы, притекавшіе въ страну. Одинъ изъ «бывшихъ» спартанцевъ, Кинадонъ, о заговорѣ котораго будетъ сейчасъ рѣчь, составилъ слѣдующую статистическую выкладку: позвавши своего товарища на большую рыночную площадь во время торга, онъ предложилъ пересчитать полноправныхъ спартиатовъ; стали по пальцамъ считать царей, эфоровъ, геронтовъ и другихъ и оказалось 40 человекъ на 4.000 остального народа, или 1 спартиатъ на 100; Кинадонъ прибавилъ, что таково же будетъ отношеніе между господами и неполноправными въ любомъ мѣстѣ страны, помимо самой Спарты. Правящая спартанская плутократія была, по словамъ того же Кинадона, совершенно изолирована и вызывала всеобщую ненависть; въ случаѣ чего противъ нея готовы были подняться: *ὑπομείνας*, т.-е. разоренные бывшіе спартанцы благороднаго званія, неодамоды (вольноотпущенные), перійки и гелоты. Къ тому же внутри тѣснаго правительственнаго круга были свои тренія и антагонизмъ. Лисандръ, считавшій себя создателемъ спартанскаго могущества, замышлялъ опрокинуть наследственную царскую власть и сдѣлаться единоличнымъ правителемъ Спарты; послѣ его смерти въ его архивѣ нашли произведеніе нанятаго имъ публициста, въ которомъ оправдывалась такая «тираннія достойнѣйшаго». Лисандръ, повидимому, приближался къ своей цѣли путемъ вмѣшательства въ династическіе споры: въ 397 г., послѣ смерти царя Агиса, онъ помогъ отстранить сына умершаго и провелъ къ царскому сану пожилого брата Агисова, Агесилая, хромого, невзрачнаго и, какъ казалось Лисандру, тихаго, послушнаго.

Вскорѣ послѣ воцаренія Агесилая царю и эфорамъ былъ сдѣланъ важный доносъ относительно обширнаго заговора, составленнаго Кина-

дономъ. Очень характерно положеніе самого инициатора заговора. Повидимому, родомъ изъ старо-спартанской семьи, но потерявшій социальное положеніе, Кинадонъ, еще совѣтъ молодой человѣкъ, примкнулъ въ качествѣ кліента къ плутократическимъ кругамъ; какъ смѣлый и ловкій охотникъ, онъ получалъ не разъ отъ властителей Спарты опасныя порученія, въ особенности по части выкрадыванія людей изъ союзныхъ городовъ, между прочимъ красивыхъ куртизанокъ, сводившихъ съ ума старыхъ и молодыхъ спартанцевъ. Въ чемъ состояла цѣль заговора, мы не знаемъ въ точности. Ксенофонтъ передаетъ только мало-содержательную фразу, которую будто бы произнесъ Кинадонъ на допросѣ: «я не хотѣлъ никому подчиняться въ Спартѣ»²³. Судя по вышеприведеннымъ выкладкамъ Кинадона и перечисленію противниковъ существующаго режима въ Спартѣ, предполагалось, вѣроятно, въ условленный моментъ окружить небольшую кучку представителей плутократіи и перебить ихъ. Только одну любопытную подробность узнаемъ мы относительно подготовки возстанія: Кинадонъ предполагалъ для вооруженія инсургентовъ произвести реквизицію желѣза въ большомъ кузнечномъ кварталѣ Спарты, и притомъ забрать, кромѣ оружія, всякіе земледѣльческіе и ремесленные инструменты. Повидимому, Спарта еще не потеряла славы богатѣйшей обладательницы желѣза. Изъ какихъ общественныхъ слоевъ Кинадонъ и его товарищи думали въ дальнѣйшемъ организовать правительство, какія произвести раздачи, какъ распорядиться съ землей и т. д., остается совершенно неяснымъ. Едва ли у бывшихъ спартиатовъ, стоявшихъ во главѣ движенія, имѣлись широкіе демократическіе планы; недавно согнанные съ земли, они, вѣроятно, прежде всего разсчитывали нарѣзать себѣ хорошіе помѣщичьи надѣлы: такой дѣлежъ земли могъ представляться современникамъ Кинадона чѣмъ-то въ родѣ возстановленія древняго строя, учрежденнаго Ликургомъ, создателемъ идеальной спартанской общины; очень возможно, что къ этому времени относятся первыя попытки приписать мудрому законодателю древности раздѣленіе земли въ Спартѣ и установленіе нормальныхъ участковъ для представителей военнаго класса.

Заговоръ Кинадона сорвался на недостаткѣ организаціи у революціонеровъ благороднаго званія: они не представляли ничего цѣлаго, а были развиты своей личной службой по домамъ магнатовъ; поэтому заговоръ удалось потушить руками самихъ заговорщиковъ. Одинъ изъ ближайшихъ сообщниковъ выдалъ планъ заговора; Кинадонъ былъ схваченъ своими ровнями во время секретной миссіи, въ которую его отправили эфоры. Онъ во всемъ признался, самъ выдалъ сотоварищей, но предательство не спасло его. Спартанская плутократія расправилась

надъ врагами своими съ рѣдкой жестокостью: Кинадона и его сообщниковъ забили въ колодки и провели по всѣмъ улицамъ Спарты, встѣзая пагайками и колыями, пока они не пали мертвыми.

Походъ Агесилая въ Азію. Чуть ли не среди расправы надъ заговорщиками пришло тревожное извѣстіе, переданное съ береговъ Финикіи, что персы готовятъ большой военный флотъ въ 300 триеръ. Впоследствии выяснилось, что главную роль въ этомъ предпріятіи игралъ аонскій эмигрантъ Кононъ, одинъ изъ командировъ 405 г., спасшійся отъ пораженія при Эгоспотамахъ и нашедшій себѣ пріютъ у Эвагора, греческаго тирана на о. Кипрѣ. Кононъ предложилъ черезъ Фариабаза свои услуги противъ спартанцевъ царю Артаксерксу, и въ результатѣ сложилась небывалая еще комбинація: аонянину поручили команду надъ персидской эскадрой. Лисандръ всполошился; всѣ приобрѣтенія, сдѣланныя имъ на востокѣ, были поставлены на карту. Онъ настоялъ на томъ, чтобы въ Азію послали Агесилая, и записался въ число 30 спартиатовъ, образовавшихъ тѣсный совѣтъ царя. Войско Агесилая состояло изъ 6.000 пелопоннесцевъ и 2.000 неодамодовъ; въ Спартѣ нашли, можетъ быть, выгоднымъ услать подальше изъ дому массу вольноотпущенныхъ, среди которыхъ только что обнаружилось опасное броженіе. Одновременно было рѣшено усилить пелопоннесскій флотъ у береговъ Малой Азіи, назначивши навархомъ родственника Агесилая, Писандра. Литературные льстецы предсказывали Агесилаю большой триумфъ надъ изнѣженной Азіей, и самъ спартанскій царь, вообразивъ себя новымъ Агамемнономъ, отправляющимся на великую восточную войну, рѣшилъ отплыть непременно изъ Авлиды въ Беотію, гдѣ по преданію отчалилъ легендарный завоеватель Трои.

Спартанская экспедиція застала Тиссаферна, главнокомандующаго персидскими силами, врасплохъ. Онъ предложилъ продлить перемиріе, заключенное еще съ Деркиллидомъ, на условіи предоставленія автономіи малоазійскимъ греческимъ городамъ. Агесилаемъ согласился и расположилъ свою главную квартиру въ Эфесѣ. Здѣсь онъ внезапно и рѣшительно сбросилъ съ себя опеку Лисандра. Благодушный протѣжъ оказался не только упрямымъ и настойчивымъ, но еще проявилъ какую-то язвительность къ своему покровителю: все дѣлалъ нарочно наперекоръ совѣтамъ Лисандра, а для потѣхи назначилъ его распорядителемъ придворныхъ обѣдовъ. Бывшій властелинъ дѣлъ на востокѣ не стерпѣлъ обиды и уѣхалъ домой. Скоро Тиссафернъ получилъ подкрѣпленія и, можетъ быть, въ расчетѣ на поддержку флота, который готовилъ Кононъ въ Каріи и Ликии, началъ войну. Дѣла Агесилая и спартанцевъ сначала шли недурно. Предводитель пелопоннескаго отряда извлекъ пользу изъ уроковъ, вынесенныхъ командирами Десяти

тысяч (кажется, в это именно время Ксенофонтъ поступилъ на службу къ Агесилаю): завели конницу, которая до сихъ поръ не была сильной стороной греческаго войска, но оказалась чрезвычайно пригодной на равнинахъ запада Малой Азіи. Близъ Сардъ Агесилай одержалъ рѣшительную побѣду надъ персидскими конными полками Тиссаферна. Побѣда грековъ стоила жизни Тиссаферну; царь Артаксерксъ повѣрилъ навѣтамъ враговъ сатрана и велѣлъ его казнить, какъ изменника. Между тѣмъ пелопоннескій флотъ заперъ Конона съ его эскадрой, пока еще небольшой и неготовой, въ одномъ изъ портовъ Каріи.

На этомъ, однако, успѣхи Спарты остановились. Спартанское правительство, слѣдуя политическимъ совѣтамъ Лисандра, удѣлило слишкомъ много вниманія восточнымъ дѣламъ и упустило изъ виду серьезныя осложненія, которыя готовились въ самой Греціи. Здѣсь на Спарту ополчились ея бывшіе союзники.

Коалиція противъ Спарты. Въ своей политикѣ по отношенію къ союзнымъ общинамъ Спарта всегда держалась опредѣленнаго принципа: опираться на слабыхъ противъ сильныхъ, а для этого сохранять раздробленіе, не давая консолидироваться мелкимъ общинамъ въ болѣе крупныя союзы, не допускать централизаціи деревень въ города и господства крупныхъ городовъ надъ малыми. Эта политика покрывалась понятіемъ защиты автономіи и казалась въ глазахъ маленькихъ идеалистической, а на взглядъ большихъ и среднихъ, которымъ Спарта мѣшала поглощать малыхъ, тираннической. Съ окончаніемъ Пелопоннеской войны рѣзкая противоположность интересовъ, получавшаяся отъ автономистской политики Спарты, достигла особеннаго напряженія. Болѣе крупныя ея союзники, Коринѣ, Беотія, Элида, были крайне недовольны тѣмъ, что Спарта не хотѣла съ ними дѣлиться выгодами побѣды. Коринѣ, главный возбудитель войны противъ Аѳинъ, принесшій столько жертвъ для обузданія своего грознаго торговаго конкурента, далеко не вернулъ своихъ прежнихъ позицій; Спарта не дала ему утвердить вліяніе въ своихъ колоніяхъ, Коркирѣ и Сиракузахъ, освобожденныхъ отъ Аѳинъ въ значительной мѣрѣ усилиями коринѣянъ. Эвванцамъ Спарта рѣшительно не давала объединить Беотію. Наконецъ, съ Элидой, большой и богатой областью, спартанцы задумали расправиться заблаговременно, пока она не стала имъ поперекъ дороги. Еще до столкновенія Спарты съ персами у элейцевъ потребовали: разбить централизацію, отдать автономію зависимымъ городамъ на югѣ (Лепреону и др.) и освободить своихъ періоиковъ. Когда Элида отказала, спартанцы двинули на нее царя Агиса, командира Декелейскаго лагеря и специалиста по части опустошенія греческихъ террито-

рій; въ союзѣ съ маленькими кайтонами Ахайи и Аркадіи онъ два года грабилъ Элиду, насаждая автономію и поощряя жадность мелкихъ горныхъ племенъ, которыя при нормальныхъ обстоятельствахъ должны были бы сидѣть тихо въ своихъ гнѣздахъ.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ актовъ произвола противъ Спарты стала составляться обширная коалиція. Во главѣ ея идутъ Эивы, вновь выросшій городъ, руководимый талантливымъ политикомъ Именіемъ; эвванцы—настоящіе организаторы кампаніи, начавшейся въ 395 году. Изъ бывшихъ союзниковъ Спарты примыкаетъ Коринѣ. Легко удалось склонить всегдашняго антагониста Спарты, Аргосъ. Особенно удачнымъ ходомъ эвванской дипломатіи было привлеченіе въ коалицію Аѳинъ. Эвванская народная партія дѣйствовала черезъ посредство Фрасибула, котораго въ свое время въ 404 году пріютила у себя вмѣстѣ съ аѳинской демократической эмиграціей. До тѣхъ поръ Аѳины лояльно исполняли обязанности вынужденнаго союзника и вассала Спарты: лишенный Длиныхъ стѣнъ, отрѣзанный отъ моря, приниженный несчастіями, городъ соблюдалъ великую осторожность. Если Аѳины рѣшились теперь выйти изъ повиновенія Спарты, то, очевидно, открылись какія-то неожиданныя перспективы, дававшія надежду на возрожденіе былой морской силы. Литературные источники говорятъ о появленіи въ Греціи персидскаго золота: персидскій сатрапъ, преемникъ Тиссаферна, прислалъ въ Грецію, черезъ посредство родосца Тимократа, 50 золотыхъ талантовъ, которые и пошли въ руки вліятельныхъ политиковъ Эивъ, Аргоса и Аѳинъ. Но греческіе историки не упоминаютъ о широкихъ планахъ образованія союза между антиспартанской коалиціей и цѣлымъ рядомъ приморскихъ и островныхъ общинъ Малой Азіи, Родоса, Самоса, Книда, Эфеса и др. Этотъ интересный фактъ вскрывается исключительно благодаря догадкамъ, построеннымъ на изученіи монетъ. Прослѣдить кругъ общинъ, захваченныхъ союзомъ, можно на основаніи помѣтки ΣΥΝ, неизмѣнно изображенной на монетахъ его участниковъ. Ясно выступаетъ руководящая роль Эивъ, новаго преуспѣвающаго городского центра: на всѣхъ монетахъ союза—изображеніе Геракла-младенца, придушающаго змѣй, символъ, который составлялъ какъ бы изобрѣтеніе эвванцевъ. Съ другой стороны, въ предѣлахъ союза чеканяты серебряную монету, которая составляетъ приспособленіе денежныхъ знаковъ Родоса къ вѣсовымъ единицамъ, примѣнявшимся въ Эивахъ²⁴. Отсюда видно, что намѣчается большой торговый союзъ между греками метрополи и восточныхъ колоній. Аѳины, не успѣвшія оправиться отъ приниженія, не играютъ замѣтной роли въ образованіи этого союза. Выступаютъ новыя силы, на одномъ концѣ Эивы, до тѣхъ поръ община съ политикой исключительно сухопутной,

на другомъ Родосъ, незадолго до того (въ 410 г.) объединившіяся изъ трехъ малыхъ общинъ, между которыми былъ раздѣленъ островъ.

Безъ персидскаго золота коалиція не могла бы и шагу ступить: восточныя деньги нужны были для оплаты службы наемныхъ солдатъ и для возведенія укрѣпленій. Въ IV вѣкѣ рѣдко выступаютъ ополченія гражданъ; причина не столько въ томъ, что они морально испортились и не хотятъ сами защищать свою родину, сколько, что они не могутъ вооружаться на свой счетъ; наемничество развивается отъ бѣдности, а питается притокомъ чужихъ суммъ.

Коринская война. Можно догадываться, что у союзниковъ въ 395 г. былъ комбинированный широко задуманный планъ: въ то время, какъ персидско-финикійскій флотъ задерживаетъ пелопоннесскую эскадру у береговъ Малой Азии и этимъ отрѣзываетъ отступление массъ спартанскаго войска, находящейся подъ начальствомъ Агесилая, европейскіе греки, оиванцы, аоняне, Коринъ и Аргосъ, обрушиваются на самое Спарту въ ея пелопоннесской твердынь.

Въ Спартѣ на опасность посмотрѣли сначала довольно легко. Въ Среднюю Грецію для нападенія во флангъ оиванцамъ былъ посланъ Лисандръ; съ Истма его долженъ былъ поддержать царь Павсаній. Но Лисандръ погибъ въ первой же стычкѣ; Павсаній потребовалъ выдачи его тѣла, но встрѣтилъ отказъ и вынужденъ былъ отступить передъ превосходными силами оиванцевъ. Теперь въ свою очередь союзники двинулись на Пелопоннесъ; близъ Коринна, у Немейскаго ручья, произошло большое столкновение, въ которомъ спартанцы одержали верхъ. Но они не могли воспользоваться своей побѣдой и пробить себѣ путь черезъ перешеекъ; союзники загордели самое узкое мѣсто Истма стѣной и палисадами. Для Спарты война обратилась въ «коринскую», поскольку все усилія сосредоточились на форсированіи прохода въ Среднюю Грецію. Въ глазахъ Аоня война могла бы назваться *третьей пелопоннесской*.

Спартанское правительство, сознавая опасность положенія, вызвало назадъ Агесилая и его экспедицію. Басилей уже не могъ вернуться моремъ и пошелъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, далекимъ окружнымъ путемъ по Фракіи и Фессалии. Когда онъ встрѣтился при Коронѣ въ Беотіи съ войскомъ союзниковъ, ему доставили извѣстіе о великой морской побѣдѣ противника: при Книдѣ Кононъ, командуя персидскимъ флотомъ, разсѣялъ пелопоннесскую эскадру; въ сраженіи погибъ спартанскій адмиралъ Писандръ. Въ моментъ полученія вѣсти произошло солнечное затменіе; опасаясь, какъ бы среди солдатъ не началась паника, Агесилай скрылъ отъ нихъ истину положенія подъ Книдомъ и рѣшительно повелъ атаку на непріяеля. Битва при

Коронѣ была опять полной побѣдой спартанцевъ. Но и она не доставила имъ обладанія перешейкомъ: Агесилай не осмѣлился идти черезъ Истмъ, а переправилъ свое войско въ Пелопоннесъ на судахъ черезъ Коринскій заливъ.

Между тѣмъ Кононъ шелъ отъ одного успѣха къ другому. Съ нимъ вмѣстѣ во флотѣ находился Фарнабазъ, который везъ новыя запасы персидскаго золота. Кононъ предложилъ сатрану объѣхать малоазійскія общины и повыгнать отовсюду спартанскихъ намѣстниковъ; чуть ли не все сдвинутые съ мѣстъ спартанскіе чиновники бѣжали въ городъ Абидосъ у Геллеспонта. Кононъ рекомендовалъ Фарнабазу мягкое отношеніе къ грекамъ; пусть переы возьмутъ на себя роль освободителей греческаго имени; онъ указывалъ на чувствительность грековъ и предостерегалъ, что малѣйшее уклоненіе и обида могутъ все испортить. Фарнабазъ хотѣлъ энергичнаго нападенія на Спарту; онъ двинулся съ флотомъ къ берегамъ Пелопоннеса, произвелъ опустошенія, затѣмъ появился у Истма, чтобъ поощрить союзниковъ къ наступленію и снабдить ихъ денежными суммами. Но Кононъ спѣшилъ повернуть всю экспедицію на пользу родного города. Онъ, повидимому, обладалъ чисто-аонискимъ даромъ очаровывать иностранцевъ, на манеръ Алкивиада: по его совѣту, Фарнабазъ предоставилъ ему распоряжаться персидскимъ флотомъ для возобновленія господства аонянъ надъ островами. Кононъ убѣдилъ сатрана, что теперь всего нужнѣе возродить Длинные стѣны Аоня; это будетъ наилучшимъ отмщеніемъ Спартѣ, потому что уничтожитъ плоды всѣхъ ея прежнихъ усилій, а въ то же время обяжетъ аонянъ персамъ. Фарнабазъ склонился на все убѣжденія и уѣхалъ въ свою сатрапію. Кононъ немедленно приступилъ къ возстановленію знаменитыхъ Перикловыхъ укрѣпленій, соединявшихъ главный городъ съ Пирейской гаванью. Интересно, что и эта фортификаціонная работа не могла осуществиться безъ поддержки персидскаго золота; плотники и каменщики получили плату изъ субсидіи, оставленной Фарнабазомъ.

Борьба классовъ и коммунистическія ученія. Большое междоусобіе, разгорѣвшееся въ Греціи съ 395 года, было не только столкновеніемъ между главными общинами; въ немъ сильно сказалась социальная борьба того времени. Если водвореніе олигархіи въ 405—404 гг. было торжествомъ денежныхъ капиталистовъ, то, обратно, ихъ сверженіе въ Аоннахъ (403 г.) и въ малоазійскихъ общинахъ (394 г.) не могло не сопровождаться реакціей пролетаріевъ, которые требовали кассации долговъ, раздѣла имущества и раздачь изъ государственной казны. Реставраторамъ аонинской демократіи, которые, какъ мы видѣли, были политиками необычайно искусными, удалось предотвратить социаль-

ную революцію. Но, очевидно, осталось сильное брожение въ массахъ; приходилось придумывать новыя мѣры для удовлетворенія матеріальныхъ требованій простонародья; въ числѣ ихъ была война противъ Спарты съ ея прежними выгодами для островъ. Повидимому, не только Аѳины, но также Эфвы, Аргосъ и Коринѳъ бросились въ войну по тѣмъ же самымъ мотивамъ, т.-е. чтобы занять, отвлечь и удовлетворить свой домашній пролетаріатъ.

Въ Коринѳѣ соціальныя столкновения своеобразно осложнились, благодаря стратегическому положенію города, получившемуся во время этой войны. Союзники выстроили длинную стѣну отъ Коринѳа къ заливамъ, чтобы загородить спартанцамъ проходъ черезъ Истмъ, и заняли позиціи къ сѣверу отъ стѣны, предоставляя южную большую часть коринѳской территоріи разорительнымъ набѣгамъ непріятеля. Хотя коринѳскимъ землевладѣльцамъ предложили перевести свой скотъ и движимость за оборонительную загородку, но ихъ убытки все же были столь чувствительны, что они стали склоняться къ миру со Спартой. Постепенно они заняли угрожающее положеніе, вооружились и нагнали панику на правившую въ Коринѳѣ плутократію, которая только что получила отъ персовъ субсидію. Правители рѣшили предупредить друзей Спарты, вооружили простолюдиновъ и выпустили въ городъ аргивянь. Въ Коринѳѣ произошла жестокая рѣзня зажиточныхъ людей; большая часть землевладѣльческой партіи успѣла, однако, бѣжать къ спартанцамъ. Въ результатъ переворота коринѳская олигархія банкировъ оказалась въ зависимости отъ аргивянь, которые такъ существенно ей помогли: пришлось воссоединить Коринѳъ съ Аргосомъ въ одну нераздѣльную общину, и даже, по увѣренію Ксенофонта, Коринѳъ потерялъ свое собственное имя ²⁵.

Соціальная революція находила себѣ теоретическое оправданіе въ проповѣди коммунизма. Девяностые годы IV вѣка были временемъ развитія коммунистическихъ ученій: естественное право истолковывалось коммунистами въ смыслѣ общаго равенства людей (въ томъ числѣ рабовъ), равноправности женщинъ съ мужчинами и равнаго для всѣхъ права на богатства природы и на запасы капитала; въ обществѣ будущаго представляли себѣ уничтоженной не только частную собственность, но также семью, какъ источникъ эгоизма и опору накопленія, ведущаго къ неравенству; поэтому коммунисты настаивали на общности женъ и публичномъ воспитаніи дѣтей. Требованія послѣдняго рода явно примыкали къ быту пролетаріевъ, которымъ было не по средствамъ содержать семью: не даромъ они стоятъ въ программѣ киниковъ, философовъ, возвеличивавшихъ бѣдность. Но коммунистическія ученія оказывали воздѣйствіе на очень широкіе круги: имъ отдають дань высоко-

аристократическій Платонъ. О степени ихъ популярности свидѣтельствуетъ комедія Аристофана «Женщины въ экклесіи» (*Ἐκκλησιαστικὰ*), представленная въ 392 г.

Сюжетъ комедіи напоминаетъ Лисистрату, вышедшую за 20 лѣтъ до того. Опять рѣчь идетъ о спасеніи общества мудростью женщинъ, опять онѣ захватываютъ верховную власть, опять женщинѣ выпадаетъ возвышенная роль прочитать соціальную проповѣдь мужчинамъ. Только содержаніе рѣчей иное: героиня пьесы, Праксагора («проповѣдница дѣла»), развиваетъ коммунистическую теорію. Она общается аѳинянамъ соціальную реформу, въ силу которой исчезнетъ бѣдность и нищета, не будетъ больше обмана и завидованія чужому счастью, не будетъ злобной борьбы партій. «Не мѣшайте мнѣ развить мою рѣчь, пока вы не поймете весь планъ реформы въ цѣломъ. Какъ мнѣ кажется, все должно стать общимъ достояніемъ, и всякій долженъ быть въ правѣ имъ пользоваться. Прочъ порядокъ, въ которомъ одинъ богатъ, другой нищій, одинъ владѣетъ обширными имѣніями, а у другого нѣтъ мѣста даже для могилы, у одного цѣлая армія рабовъ, а у другого нѣтъ ни одной служащей души. Нѣтъ, пусть всѣ раздѣляютъ одинаковую участь, пусть всѣ живутъ настоящей общиной. Прежде всего я обращаю въ общее достояніе поля, а затѣмъ деньги и остальные виды владѣнія. Изъ этой общей сокровищницы *мы, женщины, будемъ кормить и одѣвать васъ, мужчинъ*, мы будемъ управлять старательно и бережливо и во всемъ давать отчетъ». Обыватель, слушающій коммунистическую проповѣдь, возражаетъ Праксагорѣ: «Что вы сдѣлаете, если богатъ скроетъ отъ васъ золото и серебро, не дастъ его въ общую казну? Вѣдь и сейчасъ съ нихъ ничего не получишь!». Пропагандистка отвѣчаетъ: «Да, такъ было до реформъ; но съ проведеніемъ коммунизма, утаиваніе частныхъ средствъ станетъ невыгоднымъ. Вѣдь не будетъ бѣдныхъ, и никто изъ-за бѣдности не станетъ служить другому, у всѣхъ будетъ всего вдосталь». Праксагора учитъ дальше, что общность имущества приведетъ къ уничтоженію семьи, къ общности женъ. «Но какъ же тогда узнавать дѣтей своихъ?», спрашиваетъ обыватель. «Это и не нужно,—отвѣчаетъ пропагандистка.—Всѣ люди старшаго поколѣнія будутъ считаться отцами поколѣнія младшаго». Она предполагаетъ, что въ обществѣ будущаго между людьми одного возраста будетъ больше солидарности, чѣмъ теперь, когда они разединены индивидуальными интересами своихъ узкихъ семейныхъ кружковъ ²⁶.

Можно спорить о томъ, сочувствовалъ ли Аристофанъ коммунизму. Мы хотѣли бы только обратить вниманіе на то, что новое соціальное ученіе—не случайный придатокъ пьесы, а ея центръ, ея самый жгу-

чий пунктъ. Глумленія надъ коммунизмомъ у Аристофана, вообще склоннаго къ пародіямъ, не видно. Если во время распаленія жестокой вѣдшней войны, Аристофанъ не боялся проповѣдовать миръ, то отчего не допустить, что и въ данномъ случаѣ, среди дикаго столкновенія классовъ, онъ надѣялся найти выходъ въ видѣ широкой мирной соціальной реформы. Но оставимъ даже въ сторонѣ вопросъ о симпатіяхъ Аристофана; остается несомнѣнный фактъ его великаго интереса къ соціальному вопросу и затѣмъ его важное свидѣтельство въ пользу того, что коммунизмъ болѣе всего захватывалъ женщинъ. Это обстоятельство не удивитъ насъ послѣ того, что мы знаемъ о паденіи индивидуальных хозяйствъ, о разстройствѣ семейнаго быта, о необходимости для женщинъ искать самостоятельнаго заработка. Масса женщинъ очутилась теперь лицомъ къ лицу съ общественной жизнью, отъ которой онѣ были загорожены дѣятельностью мужчинъ и хозяйственной, и политической. Но имъ пришлось выступить въ моментъ тяжелаго общественнаго кризиса, среди разоренія и упадка энергій, когда часть мужской интеллигенціи была захвачена разочарованіемъ и ударились въ апатію, сонный аскетизмъ и тихое бродяжничество. Женщины, пришедшія на арену соціальной борьбы со свѣжими силами и неиспорченной фантазіей, скорѣе были способны отдаться идеалистической программѣ коммунизма и увѣрять въ ея спасительность.

Возрожденіе завоевательной политики Аѳинъ. Коммунисты явно располагали множествомъ сторонниковъ въ Аѳинахъ и сумѣли сильно возбудить демось. Въ виду ихъ успѣха правящимъ демагогамъ, принадлежавшимъ къ классамъ состоятельнымъ, приходилось искать все новыхъ и новыхъ средствъ противъ грозящей соціальной революціи. Въ то время, какъ въ Коринѣ, Аргосѣ и другихъ общинахъ то и дѣло вспыхивали кровавыя столкновенія, аѳинскіе политическіе вожди, поддерживая славу своего искусства, успѣвали провести государственныя корабль среди бушующихъ соціальныхъ стихій. Въ самый годъ представленія комедіи Аристофана прошла реформа Агиррія, который ввелъ *μισθὸς ἐκκλησιαστικὸς*, т. е. плату за посѣщеніе народнаго собранія, настоящее жалованіе пролетаріямъ²⁷. Выдача пайковъ за участіе въ экклесіи показываетъ мѣру обѣднѣнія аѳинскаго демоса: ремесленнику, лавочнику, моряку, садоводу и пр. нельзя было отрываться даромъ отъ своихъ обычныхъ занятій даже для голосованій въ общихъ собраніяхъ; такъ плохи стали заработки. Въ свою очередь банкирамъ и коммерческимъ людямъ, державшимъ въ рукахъ фактически управленіе, эта выдача помогала сохранять демократическое приличіе и разставлять декорачіи народнаго верховенства.

Возвращеніе къ бюджету раздачъ неизбежно влекло за собой не-

обходимость возобновленія богатой казны, т. е. энергичнаго веденія прежней вѣдшней политики Аѳинъ. Въ это время въ Коринской войнѣ выдвинулся талантливый аѳинскій стратегъ Ификратъ, принадлежавшій къ молодому поколѣнію. Ификрату пришлось командовать пестрымъ составомъ наемниковъ, набранныхъ частью въ полудикихъ мѣстностяхъ западной Греціи. Они приходили съ луками и дротиками, безъ латъ, а для вооруженія ихъ гоплитами не хватало средствъ у нанимателей. Ификратъ, приспособляясь къ этой нуждѣ, создалъ военную реформу; онъ выработалъ изъ своихъ солдатъ особый строй пелтастовъ, далъ имъ небольшой круглый щитъ (*πέλιτα*) вмѣсто стараго тяжелаго, легкую защитную обувь для быстрыхъ передвиженій и снабдилъ длинными копьями. Свою легкую инфантерію онъ приучилъ къ дѣйствіямъ изъ засады и быстрымъ фланговымъ атакамъ, которыя приводили въ разстройство тяжеловѣсныхъ пелопоннесскихъ гоплитовъ.

Коринскіе эмигранты помогли спартамцамъ прорвать загражденіе на Истмѣ. Агесилай появился съ большимъ пелопоннесскимъ войскомъ, занялъ коринскую гавань Лехей у западнаго залива и готовился уже осадить Коринѣ. Совершенно неожиданно Ификрату удалось окружить и уничтожить цѣлый отрядъ спартанскаго ополченія; Агесилай долженъ былъ отступить въ Пелопоннесъ. Побѣда Ификрата—повтореніе Сфактеріи: въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—произвела сильное впечатлѣніе во всей Греціи. Побѣдитель возымѣлъ широкіе планы: онъ собирався утвердиться на Истмѣ и сдѣлать Коринѣ передовой позиціей расширенной аѳинской территоріи. Но въ Аѳинахъ съ этой политикой не были согласны, можетъ быть, не одобряли чрезмѣрной самостоятельности молодого командира: Ификрата смѣстили и отозвали домой. Спартамцы пришли въ отчаяніе отъ неудачъ: они рѣшили бросить гордый націоналистическій планъ завоеванія Азіи, предоставить малоазійскихъ грековъ ихъ собственной участи и по-старому сблизиться съ персами. Съ цѣлью вести переговоры въ этомъ смыслѣ въ Азію былъ отправленъ Анталкидъ, оказавшійся чрезвычайно искуснымъ дипломатомъ. Союзники, Аѳины, Фивы, Аргосъ, Коринѣ, послали въ свою очередь делегатовъ для того, чтобы парализовать спартанскую миссію; во главѣ посольства стоялъ неутомимый Кононъ.

Обѣ делегаціи встрѣтились у сатрапа Тирибаза, главнокомандующаго персидскихъ войскъ въ Малой Азіи. Кеенофонтъ драматизируетъ положеніе, влагая въ уста Анталкида рѣчь, которая дѣйствительно хорошо выражаетъ суть спартанской политики. «Я предлагаю отъ имени своей державы миръ, и притомъ въ формѣ, какой уже давно желаетъ великій царь. Лакедемоняне болѣе не будутъ оспаривать его притязаній на греческіе города Малой Азіи, на *автономію* же островныхъ

и вообще всѣхъ остальныхъ греческихъ общинъ они *согласны*. А разъ таковы наши намѣренія, зачѣмъ же грекамъ возставать противъ насъ, зачѣмъ царю воевать съ нами и тратить деньги даромъ? Вѣдь въ свою очередь царю нечего опасаться войны ни со стороны аонянъ, разъ мы ихъ не станемъ поддерживать, ни съ нашей, разъ мы *добьемся автономіи* всѣхъ общинъ»²⁸. Тирибазу очень понравилась рѣчь Анталкида, но она крайне неприятна была посламъ противной стороны. При объявленіи общей автономіи аонянамъ угрожала не только потеря вновь приобретенныхъ позицій на островахъ и въ проливахъ, но даже утрата Лемноса, Имброса и Скироса, которые были гарантированы миромъ 404 года; еиванцамъ грозилъ конецъ ихъ господства надъ городами Беотіи; Аргосъ долженъ былъ разойтись съ Коринѳомъ. Дѣйствительно, рѣчь Анталкида—нѣчто классическое: пользуясь идеальнотгреческимъ словечкомъ «автономія», онъ доводитъ это понятіе до крайности и превращаетъ его въ орудіе полного раздробленія Греціи и въ средство приниженія ея общинъ подъ команду Спарты. Персы въ свою очередь были въ восторгѣ отъ великолѣпной формулы, которая открывала имъ возможность свободно распоряжаться въ греческихъ отношеніяхъ. Ни аоняне, ни еиванцы не могли предложить имъ ничего подобнаго. Для персовъ поэтому не было выбора; кромѣ того, сказалось и традиціонное недовѣріе къ Аоніанамъ. Тирибазъ отложилъ отвѣтъ до рѣшенія великаго царя, а пока бросилъ Конона въ тюрьму, откуда герою аонискаго возрожденія не суждено было болѣе выйти.

При дворѣ великаго царя не рѣшались нѣкоторое время на сближеніе со Спартой. Но аоняне сами испортили свои отношенія съ персами; они стали поддерживать Эвагора кипрекаго въ его возстаніи противъ царя. Пользуясь тѣмъ, что въ Эгейскомъ морѣ не было значительнаго флота противника, аоняне впервые рѣшились на морскую экспедицію; во главѣ аонискихъ кораблей сталъ послѣдній боецъ великаго вѣка Аонія, Эрасибулъ, который внесъ въ колониальную войну всю энергію и разносторонность, заключенную въ его талантъ. Эрасибулу, собственно говоря, было дано порученіе подать помощь демократіи Родоса, возставшей противъ Спарты; онъ повелъ, однако, экспедицію на свой рискъ въ совершенно другую сторону въ духѣ предпріятій Алкивиада, съ которымъ блистательно прошелъ кампанію 411—408 годовъ. Эрасибулъ двинулся вдоль береговъ Фракіи къ Геллеспонту и подчинилъ Аоніамъ одну за другой всѣ станціи проѣзда черезъ проливы, острова Эасосъ и Самоэракію, берега Херсонеса и, наконецъ, оба важные пункта у входа въ Босфоръ, Византію и Калхедонъ. Аонянамъ опять былъ обезпеченъ свободный провозъ хлѣба изъ Чернаго моря. Еще важнѣе было то, что Эрасибулъ возстановилъ въ Визан-

тіи аонискую таможенную, взимавшую пошлину со всѣхъ товаровъ, которые проходили проливъ; такимъ образомъ, Аоняны опять получили источникъ доходовъ, составлявшій немалую долю ихъ бюджета въ эпоху Пелопоннесской войны. Эрасибулъ отправился дальше на югъ, привлечь на сторону Аонія о. Лесбосъ, города Клазомены и Галикарнассъ у побережья Малой Азіи: онъ какъ бы возстановлялъ вѣхи прежней аониской державы. Всюду онъ поддерживалъ демократическую партію, опрокидывалъ олигархію, опиравшіеся на спартанскую помощь, и выгонялъ гармостовъ. Но приходилось также прибѣгать къ новымъ для аонянъ и довольно пестрымъ приемамъ. На Лесбосѣ, чтобы имѣть поддержку крупнаго города Митилены, Эрасибулъ обѣщалъ митиленцамъ уничтоженіе автономіи другихъ городовъ—программа, прямо противоположная поведенію аонянъ въ эпоху ихъ старой *ἀρχή*. На Лесбосѣ, въ качествѣ противниковъ Спарты, Эрасибулъ засталъ множество эмигрантовъ изъ разныхъ общинъ Греціи; всѣмъ имъ онъ обѣщалъ возстановленіе въ правахъ на родинѣ.

Этотъ аонянинъ стараго закала старался воскресить прежнюю державу съ ея одностороннимъ господствомъ центральной общины, правящей безъ союзнаго конгресса, примѣняющей взносы союзниковъ на свои собственные цѣли. Эрасибулъ производилъ всюду реквизицію денегъ, и только на эти средства существовала его эскадра. вмѣстѣ съ возрожденіемъ широкихъ завоевательныхъ плановъ оживали бурные нравы аониской экклесіи. Попрежнему сталъ вспыхивать раздуваемый демагогами зловѣщій огонекъ зависти толпы къ счастливымъ и слишкомъ самостоятельнымъ стратегамъ: Эрасибула успѣли обвинить въ тиранническихъ замыслахъ, въ утайкѣ денегъ, и ему предстоялъ процессъ, когда при высадкѣ на берегу Памфилии, куда онъ явился за деньгами, его убили. Кажется, обвиненіе противъ Эрасибула выдвинулъ демагогъ Агиррій, потому что, слѣдомъ за смертью знаменитаго стараго стратега, команду поручили именно ему. Сподвижники Эрасибула, Эргоклъ и Тимократъ, были вызваны домой на судъ и подверглись казни (389 г.). Аоняны не могли удержать завоеваннаго положенія; главная причина заключалась въ ничтожествѣ ихъ флота. Мало того, что не хватало средствъ для построенія кораблей; бѣда была въ томъ, что аоняне безвозвратно потеряли свое техническое превосходство на морѣ. Пелопоннесскіе моряки безнаказанно нападали теперь на берега Аттики и довели свою дерзость до того, что ворвались однажды въ Пирей.

Царскій миръ. Упорная война, тянувшаяся около 8 лѣтъ, не приносила рѣшенія. Выходъ былъ найденъ, наконецъ, благодаря дипломатическому искусству спартанцевъ. Авторъ мирныхъ предложеній

390 г., Анталкидь, получилъ назначеніе быть навархомъ, но предпочелъ покинуть на время свой постъ для того, чтобы съѣздить въ Сузу ко двору великаго царя. Онъ привезъ оттуда миръ, вполнѣ согласный съ программой, которая была представлена въ свое время Тирибазу: малоазійскіе города отходятъ къ персамъ, Спарта сохраняетъ все свои владѣнія и права на господство въ Греціи, противники должны разоружиться по принципу автономіи. Анталкидь достигъ очень важнаго результата, получивши поддержку персидскаго царя, но предстояло не менѣе крупное дѣло заставить Аѳины принять миръ. Спартѣ помогъ новый дипломатическій успѣхъ: она заручилась содѣйствіемъ давнишняго врага Аѳинъ, Діонисія Сиракузскаго, у котораго именно теперь развязались руки съ окончаніемъ борьбы противъ Карфагена. Діонисій прислалъ эскадру въ 20 кораблей, присоединившуюся въ Геллеспонтѣ къ пелопоннесцамъ. Съ этими силами Анталкидь загородилъ аѳинскому флоту выходъ въ Эгейское море и отрѣзалъ сообщеніе съ Аѳинами. Получилось положеніе, похожее отчасти на 405 г., когда Лисандръ, завладѣвъ проливами, задержалъ подвозъ хлѣба и угрожалъ Аѳинамъ голодовкой. Слабый флотъ аѳинянь не могъ и думать о прорывѣ; оставалось принять мирныя предложенія тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ они не грозили полнымъ разгромомъ Аѳинъ: Спарта сама не хотѣла доводить противника до крайности.

Миръ, заключенный въ 387 г. (или 386 г.), извѣстенъ въ исторіи, какъ Анталкидовъ, по имени своего инициатора. Но его официальное названіе, подъ которымъ онъ и слытъ у современниковъ—*ἡ βρασιλείας εἰρήνη*, царскій миръ. Это необычное названіе выдѣляетъ ярко новый фактъ въ исторіи Греціи, именно властное вмѣшательство восточнаго самодержца, который пользуется равновѣсіемъ ослабленныхъ воюющихъ сторонъ и выступаетъ не только посредникомъ, но прямо рѣшающей, приспосабающей инстанціей.

Мирный трактатъ имѣлъ видъ договора царя съ греками и гласилъ слѣдующее: «Царь Артаксерксъ считаетъ справедливымъ, чтобы города азійскаго берега остались за нимъ, а изъ острововъ Клазомены и Кипръ; другіе же греческіе города, малые и большіе, должны получить автономію, кромѣ Лемноса, Имброса и Скироса, остающихся, согласно старинному порядку, за Аѳинами. Все тѣ, кто не примутъ этого мира, будутъ имѣть дѣло со мною: я буду съ ними воевать, опираясь на помощь добровольныхъ союзниковъ, на сухомъ пути, на морѣ, посредствомъ флота и денежныхъ субсидій»²⁹.

Прежде всего замѣчательнъ тонъ этого официального документа. Такъ еще не говорилъ съ греками персидскій владыка съ тѣхъ поръ, какъ устами Ксеркса персы требовали отъ нихъ земли и воды. Въ

сравненіи съ договорами 412 и 411 года, заключавшими важныя уступки царю, трактатъ 387 г. рѣзко выдѣляется въ худшую для грековъ сторону. И тогда царю отдавались азійскія греческія общины, но въ томъ случаѣ спартанцы и царь договаривались, какъ равныя силы; теперь царь выступалъ съ одностороннимъ рѣшеніемъ, одинаково обиднымъ для всехъ грековъ, спартанцевъ такъ же, какъ и остальныхъ. Окончательная потеря большой греческой территоріи была неминуемымъ результатомъ положенія вещей, которое такъ драматично выразилось въ самомъ текстѣ договора. Только крупная объединенная сила большой части греческихъ общинъ могла оспаривать у персидской державы обладаніе моремъ и всеми окружающими море берегами; такой силы не имѣли въ 387 г. ни Спарта, ни ея противники.

Царскій миръ представляетъ не только побѣду персидской политики, онъ также, хотя косвенно, но очень существенно возстановляетъ первѣтъ Спарты въ Греціи, именно объявленіемъ автономіи. Реально говоря, оно означало расторгненіе всехъ объединеній: прежде всего возстановленной морской державы Аѳинъ, затѣмъ объединенной Беотіи подъ главенствомъ Фивъ, наконецъ, соединенія Коринѳа и Аргоса. Безъ сильныхъ сами объединить грековъ и держать ихъ силой оружія подъ своимъ началомъ, спартанцы хотѣли, по крайней мѣрѣ, имѣть передъ собой раздробленныхъ, распыленныхъ противниковъ, чтобы справиться съ ними поодиночкѣ. Расторгненіе связи между Коринѳомъ и Аргосомъ открывало имъ свободный путь черезъ Истмъ; уничтоженіе верховенства Фивъ надъ Беотіей обезпечивало имъ вліяніе въ Средней Греціи; наконецъ, разрушеніе морскихъ и колониальныхъ опоръ Аѳинъ освобождало Спарту отъ опасности блокады Пелопоннеса; оно дѣлало Эгейское море нейтральнымъ. Только съ Аѳинами, которыя успѣли оправиться послѣ кризиса 404 г., Спарта должна была считаться; отсюда уступка острововъ сѣверной части Эгейскаго моря, составлявшихъ защитныя станціи аѳинской торговли съ Черноморьемъ,—уступка тѣмъ болѣе возможная, что коммерческій расцвѣтъ Аѳинъ безъ военнаго флота былъ не опасенъ для Спарты.

Торжество Спарты надъ раздробленной Греціей. Спартанское правительство успѣло выместить свой гнѣвъ на невѣрныхъ или подозрительныхъ союзникахъ. Оно произвело цѣлый рядъ расправъ въ духѣ раздробленія объединенныхъ общинъ; эти расправы были въ то же время торжествомъ реакціонныхъ олигархическихъ партій надъ демократами.

Въ Беотіи спартанцы усердно содѣйствовали кучкамъ денежныхъ людей забрать власть въ свои руки, въ случаѣ нужды отправляя на помощь своихъ гармостовъ и гарнизоны. Такъ, они водворили господство

олигархическихъ клубовъ въ Феспіяхъ и Орхоменѣ. Относительно Фивъ спартанцы рѣшили выждать болѣе удобнаго момента; пока они ограничили возобновленіемъ разрушенныхъ стѣнъ Платей, стараго соперника фиванцевъ. Возрожденныя Платей призваны были играть въ отношеніи Аѳинъ роль, не похожую на прежнюю: городъ образовалъ передовую постъ спартанцевъ въ Средней Греціи, вбитый клиномъ между Фивами и Аѳинами, чтобы мѣшать ихъ соединенію.

Особенно характеренъ разгромъ Мантиней въ Аркадіи. Въ свое время, пользуясь затрудненіями Спарты, демократы маленькаго горнаго кантона произвели синоикизмъ нѣсколькихъ деревень и обвели свой новый городъ Мантинеею крѣпкой стѣной. Спартанцы потребовали теперь срытія укрѣпленій и, получивши отказъ, приступили къ осадѣ; скоро Мантиней вынуждена была сдаться, и тогда произошло дѣйствіе, обратное синоикизму, *дйоклизмъ*, т.-е. расселеніе по деревнямъ. Ксенофонтъ, враждебный демократамъ, рассказываетъ объ этомъ такъ: «раздѣхалась (*διφκίσθη*) Мантиней на четыре части, какъ въ старину жили. Въ первую минуту мантинейцы едва могли перенести мысль, что придется ломать дома и опять строить новые. Но потомъ они утѣшились: вѣдь теперь, вернувшись въ деревни, они были ближе къ своимъ имѣніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они отдѣлались отъ несносныхъ демагоговъ и ввели у себя аристократическій порядокъ»³⁰. Ясно, въ чемъ тутъ дѣло и какимъ мантинейцамъ доставилъ удовольствіе дйоклизмъ. Землевладѣльцы, напуганные организаціей демоса въ городѣ, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ и рабочихъ, рѣшили отказаться отъ выгодъ большого рынка, стать подъ протекторатъ сосѣдняго государства и пожертвовать независимостью, только бы спасти свои имѣнія; и они разрушили свой политическій бытъ. Интересна еще одна подробность мантинейскаго разгрома, передаваемая Ксенофонтомъ. Сдавшіеся Спартѣ демократы боялись, что побѣдители выдадутъ ихъ олигархической партіи, которая немедленно подвергнетъ ихъ казни. Они встрѣтили покровительство въ лицѣ изгнаннаго царя Павсанія, проживавшаго вблизи, и получили позволеніе выйти изъ города; въ числѣ 60 они прошли сквозь строй спартанскихъ солдатъ, которые, говоритъ Ксенофонтъ, удержались отъ всякаго выраженія злобы, но совсѣмъ не такъ повели себя «лучшіе граждане» Мантиней; такимъ образомъ вѣншіе враги охранили эмигрантовъ отъ ихъ собственныхъ согражданъ, распаленныхъ партійной ненавистью.

Самой крупной экзекуціей со стороны спартанцевъ былъ ихъ походъ на дальній сѣверъ для раздробленія большого Халкидскаго союза. Начало объединенія халкидянъ относится ко времени экспедиціи Брасида, когда дѣло шло объ освобожденіи городовъ полуострова отъ

Аѳинъ; одновременно имѣлось въ виду обезпечить себя со стороны македонскихъ царей, подбиравшихся къ берегу моря. Объединеніе состояло въ томъ, что отдѣльные города отказывались отъ финансовой самостоятельности, отъ чекана монеты и т. п. и допускали свободу заключенія браковъ и передачи имущества между гражданами разныхъ общинъ. Главнымъ городомъ сталъ Олинѣъ, который очень выросъ въ качествѣ складочнаго пункта, порта и правительственнаго центра; сюда перебравшись, вѣроятно, часть жителей другихъ городовъ, примкнувшихъ къ союзу. Халкидское объединеніе носило названіе *κοινόν*, что можетъ быть передано средневѣковымъ *commune*. Въ 383 году въ Спартѣ появились делегаты двухъ халкидскихъ общинъ, Аполлоніи и Аканѳа, не присоединившихся къ союзу, и принесли жалобу на Олинѣъ. Большая объединенная община грозитъ, по ихъ словамъ, всѣмъ: Олинѣъ притянулъ къ себѣ даже Пеллу, ближній городъ Македоніи; царь македонскій Аминта боится за участь своихъ владѣній; когда объединенные халкидяне овладѣютъ Потидеей, въ ихъ рукахъ будетъ весь большой полуостровъ; они создадутъ флотъ, начнутъ добывать золото изъ ѳракійскихъ рудниковъ и составлять себѣ силу изъ ѳракійскихъ наемниковъ; если Спарта не допускаетъ объединенія Беотіи, то неужели она потерпитъ образованіе на сѣверѣ несравненно болѣе крупной державы.

Спарта очень охотно согласилась на разгромъ Олинѣа. Для организаціи дальняго похода она перешла на денежное хозяйство: союзники обязались доставить вмѣсто ополченцевъ по статеру (или двѣ драхмы) въ день на человѣка; это составило недурное жалованье для уплаты наемникамъ; безъ сомнѣнія, не малая доля осталась въ рукахъ правящей плутократіи. Пелопоннесскій отрядъ направился черезъ Среднюю Грецію, Фессалію и Македонію къ Халкидикѣ. Олинѣская война затянулась на три года. Спартѣ пришлось посылать одну за другой нѣсколько экзекуціонныхъ армій. Сосѣдніе варвары, ѳракійцы и македоняне, усердно помогали дѣлу разрушенія силами, Олинѣъ сдался; раздѣленные халкидскія общины вынуждены были вступить въ пелопоннесскій союзъ. Отъ приниженія Олинѣа выиграла больше всего Македонія: расположенные на македонскомъ берегу греческіе города лишились охраны великой халкидской общины и легко достались варварскому царю.

Во время олинѣскихъ походовъ на долю Спарты выпалъ еще одинъ успѣхъ. Начальникъ втораго отряда, направлявшагося на сѣверъ, Фебидъ, проходя по Беотіи, задержался у Фивъ и, по соглашенію съ фиванскими олигархами, привелъ въ исполненіе давнишній планъ своего правительства. Въ это время высшія должности полемарховъ въ Фивахъ

вахъ занимали Исменій и Леонтиадъ, представители двухъ враждующихъ партій. Леонтиадъ отправился къ Фебиду и предложилъ ему занять цитадель Оивъ, Кадмею, въ то время, какъ все мужское население будетъ отвлечено праздничной процессіей. Когда спартанцы вступили въ замокъ, Леонтиадъ созвалъ собраніе совѣта и отдалъ приказъ арестовать Исменія; сторонники послѣдняго, захваченные врасплохъ, бѣжали изъ города въ числѣ 300 человекъ. Въ Спартѣ переворотъ, устроенный Фебидомъ, вызвалъ одобрение; правительство лицемѣрно приговорило командира за самоволіе къ денежному штрафу, но и не подумало взыскивать денегъ, а главное—оставило его распоряжаться въ Оивахъ. Къ одной политической лжи Спарта прибавила еще другую. Надо было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Исменія. Составили какъ бы междуобщинный судъ изъ трехъ спартанцевъ и нѣсколькихъ союзниковъ: Исменія обвинили въ томъ, что онъ сочувствовалъ варварамъ, поддерживалъ ихъ ко вреду грековъ, заключилъ тѣсный союзъ съ великимъ царемъ, бралъ у послѣдняго деньги и вообще виноватъ во всѣхъ смутахъ, раздирающихъ Грецію. Любопытно, что спартанцы приписали всѣ свои дѣла, увѣчанныя миссией Анталкида, беззащитному политическому противнику, попавшему въ ихъ руки; при этомъ они не постыдились принять націоналистическую позу и очернить его словечкомъ βαρβαρίζειν³¹, т.-е. обвинить въ «сочувствіи варварамъ»; этотъ терминъ остался единственнымъ воспоминаніемъ отъ эпохи возрожденія общегреческой патриотической программы 399 года, и въ партійныхъ спорахъ его продолжали перебрасывать другъ другу въ качествѣ ходячаго упрека. Исменій былъ казненъ, и въ Оивахъ водворилась олигархія, по греческому выраженію *δυναστεία*.

Монархическое объединеніе на окраинѣ греческаго міра. Въ то время, какъ метрополія дошла до послѣдней степени раздробленности, одна изъ большихъ колониальныхъ областей, Сицилія, напротивъ, успѣла объединиться. По поводу этого объединенія, и особенно въ связи съ послѣдующей объединительной ролью Македоніи, въ наукѣ XIX вѣка очень много говорилось о политической неспособности грековъ, о слабости націоналистической идеи въ республикахъ, о важности монархическаго начала для консолидаціи народа и т. п. Новѣйшіе монархисты, въ особенности въ классической странѣ преклоненія передъ самодержавіемъ, въ Германіи, находили въ событіяхъ IV вѣка наглядные уроки въ пользу своей политической программы. Собственно спорить противъ того, что упорная привязанность грековъ къ автономіи мѣшала объединенію, и далѣе, что объединеніе удалось монархамъ, не приходится, но вѣдь положенія эти недалеки отъ простой тавтологіи; они ничего не объясняютъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ понять,

отчего въ извѣстныхъ условіяхъ автономія держалась дольше, въ другихъ скорѣе пала; затѣмъ уяснить, какія обстоятельства вели къ образованію монархій, и, наконецъ, опредѣлить, какая была реальная цѣна всѣмъ этимъ объединеніямъ и бюрократизаціямъ бывшихъ греческихъ республикъ. Событія, развернувшіяся на западной окраинѣ греческаго міра, дають очень ясный и обстоятельный отвѣтъ на наши вопросы.

Въ 415—413 гг. во время борьбы между Аонинами и Сиракузами рѣзко обнаружилась разъединенность сицилійскихъ грековъ. Хотя было совершенно ясно, что въ случаѣ успѣха подъ Сиракузами аонияне предпримуть завоеваніе всего острова, однако даже дорійскіе единоплеменники Сиракузъ, большіе города южнаго побережья, Селинунтъ, Акрагантъ, Гела, Камарина, не поддерживали крупнѣйшей общины Сициліи во время опаснаго кризиса, который она переживала. Сиракузы отбили аониянъ почти исключительно своими силами и скорѣе при нѣкоторомъ содѣйствіи европейскихъ грековъ, чѣмъ ближнихъ островитянъ. Еще поразительнѣе было разъединеніе интересовъ въ средѣ сицилійскихъ грековъ, когда слѣдомъ за аониской опасностью надъ Сициліей разразился кризисъ несравненно болѣе тяжелый—нашествіе карфагенскихъ наемныхъ войскъ.

Колониальная политика Карфагена. Хотя исторія Карфагена не входитъ въ нашу задачу, но нѣсколько словъ о завоевательномъ движеніи большой финикійской республики необходимо сказать. Карфагенское правительство, по существу синдикатъ крупныхъ торговцевъ, вообще вело войны неохотно. Оно старалось главнымъ образомъ воевать въ обмѣнъ войны неохотно. Оно старалось главнымъ образомъ воевать въ обмѣнъ все новыя и новыя страны западной части Средиземнаго моря. Въ торговый кругъ Карфагена постепенно вошли побережья Африки, нумидійское и мавританское, южная часть Пиренейскаго полуострова, берегъ Италіи, обращенный къ Тирренскому морю и острова, Балеары, Корсика, Сардинія и западный край Сициліи. Только въ южной части Италіи и на Сициліи карфагеняне встрѣтились съ греками. Вопросы собственно коммерческіе, кажется, не могли бы здѣсь повести къ непримиримымъ столкновеніямъ. Съ греческими общинами африканскіе финикійцы обмѣнивались не безъ выгоды. Напр., Акрагантъ, большой городъ, размѣрами превосходившій Аонны, вывозилъ въ Карфагенъ хлѣбъ, оливковое масло, вино, получая взамѣнъ золото и слоновую кость изъ Африки.

Воинственныя выступленія Карфагена являются скорѣе косвеннымъ произвольнымъ результатомъ мирной политики торговаго капитала. Дѣло въ томъ, что, забираясь въ глубь некультурныхъ странъ, выскивая ихъ богатства, карфагеняне поднимали жадность въ средѣ полудикихъ племенъ, жившихъ до тѣхъ поръ сонной пассивной жизнью вбли-

зи своихъ непочатыхъ сокровищъ; благодаря обмѣну съ прїѣзжими туземцы научились цѣнить золото и серебро; около рудниковъ, къ усиленной эксплуатаціи которыхъ понуждали чужіе коммерсанты, поднялась настоящая горячка. Мѣстами разрозненныя племена соединялись въ воинственныя группы, чтобъ вытѣснить иностранныхъ эксплуататоровъ и взять предприятия, затѣянныя ими, въ свои руки; съ другой стороны, возникали дружины удальцовъ, готовые двинуться по путямъ, открытымъ чужими предпринимателями, но въ обратномъ направленіи, и мечтавшіе добраться до сказочнаго хранилища богатствъ, собранныхъ ими. Искусные и энергичные купцы подняли легионъ воинственныхъ духовъ, съ которыми они не знали, какъ и справиться. Исходъ былъ одинъ: примѣнять взбудораженныхъ воителей на службѣ своихъ интересовъ гдѣ-нибудь вдали отъ родины; отсюда у Карфагена массы наемниковъ, ливійцевъ, нумидійцевъ, мавровъ изъ Африки, иберовъ съ Пиренейскаго полуострова, кельтовъ изъ прїальпійскихъ странъ и кампанцевъ изъ южной Италіи. Лучшими ихъ организаторами и вождями становились намѣстники карфагенскихъ колоній, приходившіе въ столкновение съ воинственными туземцами. Купеческая республика крайне нуждалась въ ихъ услугахъ; они являлись посредниками въ наймѣ и обученіи колоніальныхъ солдатъ; черезъ ихъ посредство Карфагенъ откупался отъ безпокойныхъ дружинъ, съ другой стороны, бывшему командиру, который въ колоніи пользовался неограниченнымъ вліяніемъ, потомъ не сидѣло дома. Отсюда предпримчивость Ганнибаловъ, Гамилькаровъ и Магоновъ карфагенской исторіи, которые большею частью начинали новыя колоніальныя войны на свой страхъ и рискъ, какъ свое частное дѣло, и заставляли торговую республику лишь поневолѣ втягиваться въ свои крупныя авантюры: они покоряли большія территории, а для этой цѣли водили кельтовъ и мавровъ въ Испанію, иберовъ и кампанцевъ—въ Сицилію и т. п.

Эти предприятия карфагенскихъ конкистадоровъ составляютъ войны особаго типа. Полудикія племена приносили свое оружіе и свои способности боя; вожди должны были примѣняться къ навязаннымъ имъ пестрымъ приемамъ тактики, но, съ другой стороны, они сами извлекали для себя много новаго въ смыслѣ военной техники: создавалась африканско-финикійская школа, выставившая за два столѣтія рядъ талантливыхъ вождей. Разноплеменными массами наемниковъ было трудно орудовать; они, правда, готовы были идти куда угодно, не такъ, какъ ополченцы, только и глядѣвшіе назадъ домой, но зато требовали скорого и громаднаго вознагражденія: командиръ долженъ былъ предоставлять имъ страну и особенно города на полное разграбленіе. Онъ не могъ долго задерживать жадныхъ наемниковъ на осадахъ: отсюда изб-

рѣтеніе крупныхъ для того времени стѣнбитныхъ орудій, большихъ подвижныхъ башенъ, подкатываемыхъ къ стѣнамъ города; отсюда пріемы отчаянныхъ штурмовъ, въ которыхъ для достиженія конечной цѣли жертвовали массой солдатъ и которые еще болѣе ожесточали и безъ того грубыхъ и безжалостныхъ наемниковъ; послѣ взятія города приступомъ къ грабежу жителей присоединялась страшная рѣзня. По своей жестокости, по вызванной ими паникѣ карфагенскія войны далеко оставляютъ за собой все то, что сицилійцы испытали до тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ между собой и съ другими греками, включая и большое нападеніе афинянъ въ 415 году.

Соціальныя условія паденія сицилійскихъ общинъ. Завоеваніе Сициліи облегчалось своеобразными общественными порядками, которые установились ко времени появленія карфагенянъ. Въ отношеніи иныхъ греческихъ общинъ, напр., тѣхъ, которыя лежали на южномъ берегу, мы ничего не слышимъ ни о сопротивленіи сельскихъ жителей, ни даже о ихъ бѣгствѣ въ города наподобіе перемѣщенія деревенской Аттики за стѣны Афинъ и Пирея въ 431 г. Можно думать, что Селиунтъ и Акрагантъ и не имѣли значительной сельской территоріи; что же касается многочисленнаго городского населенія этихъ торговыхъ республикъ, то оно не отличалось воинственностью. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ общинами юго-востока, Гелой, Камариной и особенно Сиракузами. Здѣсь сельскія территоріи были болѣе значительны и населеніе деревенское сильнѣе количествомъ; но по ихъ областямъ прошелъ кризисъ, невыгодный для военной защиты края. По причинамъ, которыя намъ не вполне ясны, можетъ быть, вслѣдствіе развитія городского капитала, геоморы, мелкіе и средніе землевладѣльцы, частью были вытѣснены съ земли; новые владѣльцы стягиваютъ небольшіе участки въ немногія крупныя имѣнія, для обработки которыхъ начинаютъ ввозить рабовъ.

Собственно говоря, ни одинъ изъ современныхъ писателей не далъ прямого изображенія въ этомъ смыслѣ. Но есть косвенныя указанія на такой аграрный переворотъ. Прежде всего можно замѣтить, что вскорѣ послѣ нашествія карфагенянъ, въ эпоху тиранніи Діонисія, крупное землевладѣніе занимаетъ очень видное мѣсто въ соціальному строѣ Сициліи. Спрашивается, когда же именно подобный порядокъ сложился? Еще въ 20-хъ годахъ V вѣка демократическая партія Леонтинъ, со-сѣднихъ съ Сиракузами, требовала общаго раздѣла земель; такимъ передѣломъ могли интересоваться только незадолго до того изгнанные съ земли мелкіе владѣльцы, которые хотѣли возвратить свои прежніе участки. Значитъ, латифундіи стали возникать именно въ концѣ V вѣка. Съ другой стороны, въ литературѣ IV вѣка есть очень отчетливая картина земельныхъ порядковъ, которая, будучи явно списана съ ка-

кой-то действительности, не имѣть, однако, подходящаго оригинала въ европейской Греціи; мы помнимъ изображеніе старинной Аттики у Аристотеля и отмѣтили ея неумѣстность въ исторической связи, представленной авторомъ (гл. IV). Откуда взялъ писатель IV вѣка обширныя имѣнія, жалкихъ сельскихъ рабочихъ, ожесточенныхъ своимъ положеніемъ, соединяющихся въ революціонныя организаціи и требующихъ передѣла земель? Почти нѣтъ сомнѣнія, что онъ описывалъ социальную исторію Сициліи.

Если наша догадка правильна, то получается еще важное объясненіе быстрыхъ успѣховъ карфагенскаго завоеванія. Въ сицилійскихъ общинахъ было мало матеріала для гражданскихъ ополченій; здѣсь не имѣлось тѣхъ массъ голлитовъ, которые составляли главный воинственный элементъ и самый надежный оплотъ общинъ европейской Греціи; что же касается массы обезземеленныхъ, то они и въ военнотехническомъ, и въ политическомъ смыслѣ едва ли могли считаться хорошими патриотами.

Гибель сицилійскихъ городовъ и приливъ населенія въ Сиракузы. Нашествіе карфагенянъ на сицилійскихъ грековъ началось черезъ три года послѣ катастрофы аѳинянъ подъ Сиракузами. Съ большими сухопутными силами, поддерживаемый военнымъ и транспортнымъ флотомъ, двинулся Ганнибалъ изъ карфагенскихъ владѣній западной окраины острова и напалъ на Селинунтъ, въ свою очередь крайній къ западу греческій городъ южнаго побережья. Греки оказались совершенно не готовы къ этому стремительному нападенію; вооруженіе Селинунта было слабо, подкрѣпленіе изъ Сиракузъ не успѣло къ нему подойти. Несмотря на отчаянную защиту селинунтцевъ, стѣны города пали подъ натискомъ еще неслыханнаго африканскаго штурма. Гибель Селинунта показала грекамъ, что такое эти новые завоеватели: часть населенія была вырѣзана, другая—продана въ рабство, городъ жестоко разграбленъ и обращенъ въ развалины. Лишь немногимъ семьямъ удалось бѣжать и найти пристанище въ Акрагантѣ, ближайшемъ къ Селинунту большомъ городѣ южнаго побережья (409 г.). Несмотря на это испытаніе, сицилійскіе греки не сгѣшили съ организаціей защиты. Причины отчасти заключались въ невоинственности общинъ, напр., богатаго Акраганта, отчасти въ соперничествѣ и взаимномъ недоверіи городовъ; всѣ они обращались за помощію къ Сиракузамъ, какъ самой крупной общинѣ, но въ то же время всѣ боялись ея гегемоніи и не соглашались стать подъ ея начало. Въ Сиракузахъ сказывалась, можетъ быть, и старая безпечность, которая принесла столько вреда при столкновеніи съ Аѳинами; тамъ долго не хотѣли понять, что карфагеняне надвигаются неудержимо и что съ паденіемъ сицилійскихъ городовъ, ближ-

нихъ на очереди, изолированныя Сиракузы не въ силахъ будутъ держаться.

Второе нападеніе Ганнибала послѣдовало на Гимеру, городъ сѣвернаго побережья Сициліи, единственную крупную колонію грековъ въ этой части острова. Къ Гимерѣ во-время подошелъ отрядъ сиракузянъ, предназначенный въ свое время для Селинунта, и подѣхалъ флотъ, только что освободившійся въ восточной греческой войнѣ, гдѣ онъ оперировалъ противъ аѳинянъ. Однако сиракузскій командиръ Діокль, подъ давленіемъ какой-то паники, отказался отъ сопротивленія Ганнибалу и предложилъ жителямъ Гимеры покинуть свой городъ и переѣхать на его корабляхъ въ Сиракузы. Часть населенія Гимеры успѣла бѣжать, городъ на другой же день былъ взятъ штурмомъ, и карфагенскій вождь повлекъ массу плѣнниковъ, до 3.000, къ тому мѣсту, гдѣ за 70 лѣтъ назадъ палъ его дѣдъ Гамилькаръ (въ сраженіи при Гимерѣ 480 г. противъ Гелона сиракузскаго); всѣ они подвергнуты были жестокимъ истязаніямъ и смертной казни.

Въ 406 году Ганнибалъ началъ новую сицилійскую кампанію, на этотъ разъ направленную на Акрагантъ. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ обильнымъ провіантомъ и, благодаря этому, могъ выдержать осаду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но внезапно его пришли защитники, между ними кампанскіе наемники (кампанцы были и въ карфагенскомъ лагерѣ), недовольные вознагражденіемъ, рѣшили уйти. Тогда акрагантинцы немедленно покинули защиту стѣнъ и рѣшили всѣмъ городомъ уѣхать на корабляхъ въ Сиракузы. Карфагеняне захватили въ Акрагантѣ громадную добычу и двинулись вдоль берега дальше на востокъ. Подъ Гелой и Камариной повторилсь тѣ же явленія, что видѣлъ Акрагантъ. Вспомогательныя войска, въ томъ числѣ сиракузяне, бились неохотно, населеніе, опасаясь судьбы Селинунта и Гимеры, покинуло стѣны родного города, отдавъ его на произволь судьбы, и перебралось на корабляхъ съ имуществомъ, какое можно было захватить, въ восточную часть острова, которая казалась безопасной отъ карфагенскаго нашествія. Греческая колонизація въ большей части Сициліи была въ буквальномъ смыслѣ слова стерта съ лица земли.

Бѣгущее населеніе приливало къ Сиракузамъ, частью поселялось на сельской территоріи большой общины и внутри стѣнъ города; частью бѣженцевъ водворили въ области Леонтинъ, города, капитулировавшаго передъ Сиракузами. Происходилъ принудительный синоикизмъ въ громадныхъ размѣрахъ, очень выгодный для главнаго города. Въ пользу Сиракуз постарался вышній врагъ, уничтожившій автономію другихъ греческихъ городовъ. Война обезличила и разсыпала граждан-

ство уничтоженныхъ общинъ, лишила ихъ корпоративной цѣлости и погнала ихъ населеніе въ видѣ разрыхленнаго матеріала къ одному центру; масса бѣжавшихъ естественно попала въ худшее социальное положеніе, напр., многіе были вынуждены идти въ сельскіе рабочіе на чужой владѣльческой землѣ. Сиракузы выиграли всячески: городъ освободился отъ соперниковъ въ торговлѣ, получилъ въ свое распоряженіе новыя платежныя и военныя силы; въ его области собралась половина населенія Сициліи.

Но въ неожиданномъ объединеніи были также свои опасности. Явленія, созданныя войной, отразились и на внутреннемъ бытѣ централизованной общины. Приращеніе, полученное Сиракузами, было весьма своеобразно: городъ расширился, правда, но не отъ того, что выслали новыхъ колонистовъ или ввелъ въ свой составъ новыя земельныя приобрѣтенія и новыя владѣльческія группы. Территорія осталась та же, но прибыли во множествѣ разоренные, сдвинутые съ земли, лишеныя привычныхъ занятій люди; увеличились различныя бродячіе элементы. Въ поискахъ заработка и приложенія своихъ силъ часть ихъ, по крайней мѣрѣ, готова была броситься въ военный промыселъ, разъ уже вообще война сбила ихъ съ мѣста, лишила осѣдлости и профессіи. Въ Сиракузахъ получился новый огромный матеріалъ для наемничества. Въ свою очередь безъ примѣненія наемниковъ въ крупныхъ размѣрахъ нельзя было обойтись. Въ войнѣ съ Каррагеномъ, которая все разрасталась на островѣ, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ Сиракузамъ, не хватило бы однѣхъ силъ гражданскаго ополченія, набиравагося изъ стараго народнаго состава; съ другой стороны, некуда было дѣвать и нечѣмъ занять многочисленныя пришлыя неосѣвшія группы новаго населенія.

Въ то же время наемники получили въ Сициліи такой перевѣсъ надъ гражданствомъ, какъ нигдѣ. Въ метрополіи группы эмигрантовъ, разоренныхъ бродячихъ людей, никогда не скоплялись въ такомъ количествѣ, чтобъ поставить въ тѣнь и отодвинуть гражданство. Кромѣ того, въ Сициліи преобладаніе военныхъ элементовъ надъ гражданскими получило еще новую окраску. Необходимость вести войну противъ Каррагена въ очень крупныхъ, небывалыхъ до того, размѣрахъ заставила брать на службу, кромѣ грековъ, много постороннихъ, горцевъ внутренней Сициліи (сикановъ и сикеліотовъ), италикъ (особенно кампанцевъ) и даже переманивать къ себѣ каррагенскихъ наемниковъ (напр., иберовъ). Чѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе становился ихъ составъ, тѣмъ болѣе они удалялись отъ интересовъ гражданства. Въ общинѣ накоплялся грозный матеріалъ для социально-политическаго переворота. Программа его получалась также весьма опредѣленная: захватъ городской

казны и раздѣлъ земель; послѣдній пунктъ былъ особенно понятенъ той части наемниковъ, которые въ свою очередь образовались изъ согнанныхъ съ земли геоморовъ. Появленіе крупныхъ военныхъ силъ, грозившихъ социальной революціей, выдвинуло на первое мѣсто въ политикѣ командировъ, и тому изъ нихъ, кто сумѣлъ наилучше организовать громаду наемниковъ, открылась возможность захватить верховную власть и прикончить республику. Начиная съ 406 года, всѣ эти явленія съ классической отчетливостью развертываются въ Сиракузахъ.

Паденіе сиракузской демократіи. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ объ учрежденіяхъ и политическихъ правахъ Сиракузъ. Фукидидъ говоритъ, что сиракузяне были очень похожи на аѳинянь своей первой подвижностью³². Изъ частности мы видимъ, что сиракузская демократія, существовавшая съ 466 года, присматривалась внимательно къ аѳинскому строю и вводила у себя чисто-аѳинскія установленія: таковы петализмъ, тайное голосованіе (на листкахъ оливки) для выключенія тиранновъ, вполне совпадающій съ остракизмомъ, порядокъ выбора должностныхъ лицъ по жребію, коллегія номоетовъ, т. е. составителей систематической и нерушимой конституціи, раздробленіе командованія между многими стратегами и т. п. Особенно усердно въ Сиракузахъ заимствовали аѳинскія формы вельдѣ за отраженіемъ аѳинскаго нашествія; сиракузское гражданство необыкновенно высоко оцѣнило законодательную дѣятельность Діокла, прославленнаго мудрымъ Солономъ Сициліи, а между тѣмъ, сколько можно судить, Діоклъ именно спѣшилъ перенести въ Сиракузы всѣ тѣ учрежденія, которыя казались особенно характерными въ строѣ великаго, только что побѣжденнаго соперника.

И, однако, Сиракузы пошли политическимъ путемъ, очень отличнымъ отъ Аѳинъ. Несмотря на введеніе образцовыхъ конституціонныхъ учреждений, общество здѣсь оставалось политически невоспитаннымъ. То и дѣло пытались захватить власть авантюристы, опираясь на организаціи безпкойной молодежи (*небѣтоси*). Они находили очень удобную почву для себя въ своеобразной политической апатіи, которую стали проявлять какъ разъ самые богатые и вліятельные люди въ Сиракузахъ. Діодоръ (приблиз. годы жизни 85—15 до Р. X.), очевидно, слѣдуя какому-то историку, хорошо наблюдавшему сиракузскія отношенія, приводитъ въ связь петализмъ и уклоненіе богатыхъ отъ политики; по его мнѣнію, страхъ передъ политическимъ изгнаніемъ заставлялъ крупныхъ и видныхъ гражданъ прятаться въ частной жизни и заботиться о наилучшемъ помѣщеніи капиталовъ внѣ превратностей политической борьбы³³. Такимъ образомъ всѣ старанія демократіи искоренить тиранническія затѣи были мимо цѣли; обширные слои гра-

жданства уклонялись отъ службы республикъ и устраивали свои дѣла путемъ частныхъ организацій; они и не думали, разумѣется, помогать демократіи, когда для нея наступила опасность, а только спѣшили поскорѣе приспособиться къ новому режиму и новымъ властителямъ положенія.

Первую попытку военной тиранніи сдѣлалъ самъ организаторъ защиты Сиракузъ противъ аѳинянъ, Гермократь. Во время іонійской войны Гермократь, командовавшій сиракузской эскадрой на востокѣ, получилъ неожиданно отставку. вмѣсто того, чтобы вернуться, по требованію демоса, въ Сиракузы, Гермократь повелъ политику на свой страхъ. Сблизившись съ персами, онъ получилъ отъ Фарнабаза субсидію. Въ Сицилію онъ прибылъ вскорѣ послѣ паденія Гимеры и сталъ на восточныя деньги вербовать наемниковъ; къ нему пристали между прочимъ 1.000 лишенныхъ крова гражданъ Гимеры. Съ этими силами Гермократь повелъ самостоятельную войну противъ кареагенянъ и началъ съ возстановленія укрѣпленій Селинунта; чтобы вернуть себѣ расположеніе согражданъ, онъ отправилъ въ Сиракузы тѣла погибшихъ подъ Гимерой ополченцевъ, оставшихся непогребенными. Наконецъ, горя нетерпѣливымъ желаніемъ водвориться въ родномъ городѣ, Гермократь двинулся со своими наемниками къ воротамъ Сиракузъ; онъ самъ сгѣшилъ въ передовой кучкѣ, по встрѣченннй своими противниками, демократами, погибъ у входа въ городъ. Оставшихся въ живыхъ его единомышленниковъ народъ подвергъ изгнанію въ качествѣ пособниковъ тиранна. Только одинъ изъ друзей Гермократа, Діонисій, не подошелъ подъ это постановленіе, потому что его считали убитымъ. Но Діонисій оправился отъ ранъ и ко времени паденія Акраганта выступилъ въ народномъ собраніи съ рѣзкими обвиненіями противъ стратеговъ. То, что произошло далѣе, рисуеъ намъ порядки сиракузской демократіи, гораздо менѣе устойчивой и послѣдовательной, чѣмъ была аѳинская.

Діонисій настаивалъ на измѣнѣ командировъ, продавшихся Кареагену и виновныхъ въ паденіи Акраганта; онъ требовалъ немедленнаго наказанія ихъ, не дожидаясь обычнаго срока, положеннаго для производства слѣдствія. За такой призывъ гражданъ къ нарушенію закона председатель собранія приговорилъ Діонисія уплатить штрафъ. Но возстановить порядокъ въ экклесіи не удалось: поднялся богатый Филистъ и объявилъ, что заплатитъ какъ за Діонисія, такъ и за всѣхъ другихъ, кто въ данный день подвергнется штрафу. Власти не нашлись, какъ выйти изъ затрудненія, и Діонисій продолжалъ безпрепятственно свои обвиненія. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ бралъ демагогическій тонъ, отклоняясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ партіи, къ которой до сихъ

поръ принадлежалъ: по его мнѣнію, нечего болѣе выбирать стратеговъ изъ числа богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ, надо искать командировъ среди истинныхъ демократовъ, хотя бы и бѣдныхъ людей. Его рѣчь имѣла громаднй успѣхъ. Народъ рѣшилъ смѣстить стратеговъ и выбралъ новыхъ, среди нихъ самого Діонисія, хотя ему было всего 25 лѣтъ. Продолжая свою популярную роль, Діонисій добился у народа амнистіи всѣхъ политическихъ изгнанниковъ; это былъ искусный шагъ, такъ какъ въ лицѣ эмигрантовъ въ городъ приливали безпокойные элементы, готовые на всякій переворотъ. Въ качествѣ стратега Діонисій держался поодаль отъ коллегъ, дѣлая попрежнему видъ, что онъ самъ единственный вѣрный другъ народа, остальные же подозрительны. Въ Гелѣ, куда его отправили съ подкрѣпленіями для защиты города отъ кареагенянъ, Діонисій произвелъ социальную революцію: онъ обвинилъ гелойскую аристократію въ измѣнѣ и потребовалъ немедленнаго осужденія и смерти богатыхъ людей. Конфискованныя имущества аристократовъ пошли на раздачи гелойскому демосу, но часть богатствъ удержалъ Діонисій и употребилъ на уплату усиленнаго жалованья наемникамъ, въ томъ числѣ кампанцамъ изъ южной Италіи.

Демагогія Діонисія отличалась быстротой и рѣшительностью: онъ объявлялъ себя защитникомъ бѣдныхъ и вождемъ социальной революціи; подъ Гелой онъ беззащѣчиво отстранилъ своего коллегу Дексиппа, позвалъ его солдатъ и выплатилъ имъ вознагражденіе изъ добычи отъ рѣзни гелойскаго гражданства. Воинство и бѣднота были завоеваны въ его пользу. Вовсе не занятый войной съ кареагенянами, Діонисій послѣдовалъ назадъ въ Сиракузы. Здѣсь въ народномъ собраніи онъ выступилъ съ новыми обвиненіями противъ своихъ коллегъ: въ то время, какъ кареагеняне готовятъ страшное нападеніе на Сиракузы, стратеги, по его словамъ, ничего не дѣлаютъ; они забираютъ казенныя суммы и оставляютъ солдатъ безъ вознагражденія; самъ онъ не желаетъ быть въ коллегіи, состоящей изъ измѣнниковъ, и слагаетъ должность. На другой день сторонники Діонисія воспользовались паникой, охватившей народъ, и предложили назначить его верховнымъ и единственнымъ стратегомъ всѣхъ сиракузскихъ силъ (406 г.)³⁴. Если мы видимъ, что избраніе одного стратега-автократора практиковалось не разъ въ Аѳинахъ и не вело къ тиранніи, то въ Сиракузахъ, при слабости демократіи, появленіе Діонисія въ роли главнокомандующаго съ неограниченными полномочіями, оказалось катастрофой народнаго правленія. Демократія рушилась подъ напоромъ многочисленныхъ, безпокойныхъ, не гражданскихъ элементовъ, созданныхъ непрерывно-военнымъ положеніемъ; она какъ бы торжественно капитулировала передъ ихъ умѣлымъ организаторомъ и вождемъ.

Начало тиранніи Діонисія. Первые самостоятельныя дѣйствія Діонисія подъ Гелой и Камариной были неудачны; онъ вынужденъ былъ сдать эти города карфагенянамъ одинъ за другимъ. Перевозъ гражданъ Гелы и Камарины, о которомъ уже было сказано выше, состоялся по его распоряженію: тираннъ рассчитывалъ приобрести новый составъ обязанныхъ ему кліентовъ. Капитуляція двухъ большихъ городовъ и приближеніе врага къ Сиракузамъ вызвали большое раздраженіе сиракузянъ противъ Діонисія; поднялись всадники и зажиточные, та самая партія, къ которой онъ принадлежалъ раньше. Мятежники пытались окружить тиранна тамъ же, гдѣ за три года до того нашелъ смерть Гермократь и тяжело раненый лежалъ среди труповъ самъ Діонисій. Но у тиранна были теперь лучшіе защитники, чѣмъ у его предшественника; за него постояли наемники, перебившіе сиракузскихъ всадниковъ; Діонисій произвелъ ночью обыскъ по всѣмъ домамъ и выслалъ множество гражданъ, которыхъ считалъ подозрительными. Онъ рѣшилъ послѣ этого укрѣпиться со своей стражей и наемниками на островѣ Ортигги, лежавшемъ въ серединѣ сиракузской гавани и соединенномъ съ городомъ узкимъ молотомъ. На сторонѣ, обращенной къ сушѣ, онъ укрѣпилъ островъ высокой стѣной и башнями, позади которыхъ расположились склады оружія, магазины съ провіантомъ и казармы для наемниковъ; все мѣстное населеніе было удалено съ Ортигги. Для того, чтобъ привязать къ себѣ солдатъ еще болѣе, Діонисій отобралъ земли у зажиточныхъ владѣльцевъ и нарѣзалъ изъ нихъ военные надѣлы; это былъ тотъ самый γῆς ἀναδασμῶς, черный передѣлъ, который стоялъ въ программѣ революціонныхъ пролетаріевъ; но земля досталась не тѣмъ, кто на ней работалъ, не батракамъ, которые составляли бывшее мѣстное крестьянство, а пришлымъ, частью негреческимъ элементамъ.

Черезъ годъ зажиточные и средніе классы сиракузскаго гражданства вновь возстали противъ тиранна и осадили его въ укрѣпленномъ замкѣ Ортигги. Они назначили высокую плату за голову Діонисія и пытались переманить на свою сторону его наемниковъ. Тираннъ нашелъ спасеніе все въ томъ же элементѣ пришлыхъ бродячихъ людей; чтобъ увеличить свою воинскую силу, Діонисій переманилъ къ себѣ часть кампанцевъ, составлявшихъ ближнюю военную колонію Карфагена. Послѣ того, какъ наемники разсѣяли возстаніе, Діонисій выдалъ кампанцамъ богатое вознагражденіе: они ушли на западъ, вырѣзали мужское населеніе города Энтеллы, захватили себѣ женщинъ и засѣли колоніей на новомъ мѣстѣ. Занятый укрѣпленіемъ своей власти, Діонисій не имѣлъ достаточныхъ силъ для продолженія борьбы съ карфагенянами. Въ свою очередь карфагенское войско, надвигавшееся къ Сиракузамъ, жестоко пострадало отъ чумы. Обѣ стороны готовы были заключить

миръ. Трактатъ 404 г. представляетъ моментъ наибольшаго расширенія карфагенскаго господства надъ Сициліей; онъ открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ задачи африканской политики на островѣ. Согласно его условіямъ, вся западная половина Сициліи и большая часть южнаго берега отходятъ къ Карфагену. Изъ двухъ туземныхъ народностей сиканы остаются въ сферѣ вліянія карфагенянъ, сикеліоты восточной половины, т.-е. сосѣди Сиракузъ, объявляются свободными. Всѣ жители Селинунта, Гимеры, Акраганта, Гелы и Камарины получаютъ право вернуться на свои мѣста, но съ обязательствомъ не возводить укрѣпленій и уплачивать подать Карфагену. Наконецъ, на восточномъ побережьи, единственномъ, которое осталось въ рукахъ грековъ, Леонтины и Мессана объявлены свободными, Сиракузы признаются за Діонисіемъ. Мирный договоръ былъ заключенъ помимо сиракузскаго гражданства; силою его Діонисій какъ бы получилъ отъ Карфагена признаніе своей власти.

Политика, которую въ ближайшіе за миромъ годы ведетъ Діонисій въ предоставленной ему восточной части острова, чрезвычайно характерна. Тираннъ послѣдовательно уничтожаетъ греческія автономныя общины. Накосъ взятъ измѣной, его стѣны и дома разрушены, населеніе обращено въ рабство; городъ съ этихъ поръ не существуетъ болѣе. Гражданство Катаны подверглось той же участи, но строенія остались; Діонисій поселилъ здѣсь драгоцѣнныхъ для него наемниковъ-кампанцевъ. Отъ населенія Леонтинъ Діонисій потребовалъ покорности: жители должны были перебраться въ Сиракузы, т.-е., иными словами, ихъ корпоративности и автономіи пришелъ конецъ; въ городѣ была поселена колонія ветерановъ. Иначе держался Діонисій въ отношеніи сикеліотовъ, довольствуясь признаніемъ съ ихъ стороны его верховенства; города оставались нетронутыми, видимо, ихъ политической бытъ отличался гораздо большей инертностью, чѣмъ у грековъ. Сиракузскій тираннъ повторилъ съ общинами восточнаго побережья то самое, что вѣднѣй врагъ, карфагеняне, сдѣлали съ городами южнаго берега; военная централизація активно dokonчила то упраздненіе греческихъ автономныхъ кантоновъ на островѣ, которое пассивно началось подъ давленіемъ иноземнаго нашествія. Все идетъ на пользу Сиракузъ: «Діонисій,—говорится очень удачно у Платона,—съ великимъ искусствомъ собралъ въ одномъ городѣ всю Сицилію». Но ростъ этого единственнаго города также скорѣе представляется болѣзненнымъ раздутіемъ, чѣмъ торжествомъ внутренней силы.

Укрѣпивши свое господство надъ восточной половиной острова, Діонисій сталъ готовиться къ войнѣ съ Карфагеномъ. Справедливо учитывая возможность новаго нападенія на Сиракузы, онъ началъ съ обширныхъ

работъ для защиты города. Въ 414 году афиняне чуть не взяли Сиракузы благодаря тому, что могли укрѣпиться на высотахъ западной части города, называвшейся Эпиполы; Діонисій рѣшилъ возвести стѣну на самихъ высотахъ и включить предметъ въ составъ огромной общесиракузской крѣпости. Раздвигая городскія укрѣпленія, онъ какъ бы выполнялъ въ широкомъ размѣрѣ стратегическую идею Фемистокла и Перикла, соединившихъ Афины съ Пиреемъ въ большую общую крѣпость. Военная задача, однако, совпала у Діонисія съ его внутренней политикой: неприступная колоссальная крѣпость Сиракузы съ цитаделью Ортигѣй нужны были тиранну, какъ оплотъ, въ которомъ, опираясь на свою наемную армию, онъ могъ защищаться отъ гражданства, отъ независимыхъ элементовъ греческаго колоніальнаго міра.

Сѣверная часть стѣны была возведена съ какой-то эффектной поспѣшностью: Діонисій нагналъ до 60.000 рабочихъ, преимущественно сиракузскихъ свободныхъ пролетаріевъ, перевезъ на 6.000 повозокъ матеріалъ изъ каменоломенъ, распредѣлил между группами каменщиковъ участки и заставилъ всѣ группы рабочихъ строить одновременно; вся стѣна, говорятъ, была готова въ 20 дней. Картина эта даетъ извѣстное понятіе о ресурсахъ Діонисія, которые были очень велики благодаря контрибуціямъ съ городовъ и конфискаціямъ съ мѣстныхъ гражданъ, а также о большомъ количествѣ безработныхъ, составившемся изъ бѣженцевъ, согнанныхъ съ земли и т. п. Обиліе пролетаріата создавало возможность работъ, небывалыхъ по своимъ размѣрамъ: Діонисій сталъ строить громаднѣйшій флотъ, впервые пустилъ въ ходъ высокія пентеры, судна съ пятью этажами гребцовъ; затѣмъ открылъ заводы по изготовленію оружія. При составленіи арміи техниковъ и рабочихъ Діонисій не разбиралъ національностей; у него служили инженеры съ разныхъ концовъ Греціи и даже были мастера, выписанные изъ Карфагена. Подъ вліяніемъ карфагенскихъ усовершенствованій сиракузскій тираннъ сдѣлался реформаторомъ военнаго дѣла: ему приписываютъ изобрѣтеніе катапульты, дальнобойнаго метательнаго орудія. Наконецъ, для веденія войны въ новыхъ крупныхъ размѣрахъ очень важна была постановка продовольственнаго дѣла, и съ этой стороны также Діонисій успѣлъ много сдѣлать въ смыслѣ постройки большихъ складовъ, организаціи подвоза питанія и подготовки большого транспортнаго флота.

Образованіе сицилійской монархіи. Война, начатая Діонисіемъ въ 399 году противъ карфагенянъ, отличалась размахомъ, до тѣхъ поръ невиданнымъ въ предѣлахъ греческаго міра. Тираннъ рассчитывалъ, повидимому, на полное вытѣсненіе карфагенянъ съ острова, чтобы командовать на окружающихъ моряхъ и монополизировать всю торговлю Сициліи. Война была отчасти продиктована соображеніями внутренней

политики, необходимою отвлечь въ сторону вниманіе сиракузскихъ и другихъ грековъ, недовольныхъ правленіемъ Діонисія; въ этой подвижной средѣ, не успѣвшей помириться съ лишеніемъ автономіи, кипѣло и бурлило; многіе готовы были лучше эмигрировать на карфагенскую территорию, чѣмъ подчиниться порядкамъ военной диктатуры. Съ другой стороны, нельзя было долго держать безъ занятія и безъ добычи громадную наемную армию, которую Діонисій собралъ подъ Сиракузами.

Кампанія началась удачно для Діонисія: онъ отвоевалъ всю половину острова и взялъ штурмомъ лучшую крѣпость карфагенянъ, Мотию; захвативъ здѣсь грековъ, находившихся на карфагенской службѣ, Діонисій, самъ равнодушный въ національномъ вопросѣ, рѣшилъ, ради популярности, подвергнуть плѣнниковъ жестокой казни за измѣну родной странѣ, а казнь состояла въ перенятіи у карфагенянъ распятіи на крестѣ. Карфагенъ, однако, далеко не сдалъ своихъ позицій въ Сициліи. По обыкновенію торговая республика долго готовилась къ походу, и, наконецъ, на островѣ появился Гимильконъ съ силами, значительно превышавшими армию и флотъ Діонисія (396 г.). Гимильконъ двинулся на этотъ разъ сѣвернымъ берегомъ Сициліи; въ виду дурнаго состоянія сухопутныхъ дорогъ на островѣ, флотъ долженъ былъ слѣдовать за войскомъ и снабжать его провіантомъ, такъ же, какъ это происходило въ походѣ Ксеркса. Діонисій отступилъ къ востоку на защиту Сиракузъ. Карфагеняне взяли Мессану у пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италіи, обогнули сѣверо-восточную оконечность острова, разбили флотъ Діонисія противъ вулкана Этны и осадили его самого въ Сиракузахъ. Въ городѣ подняла голову оппозиція, которая винила тиранна во всѣхъ неудачахъ. Коринѣяне поддерживали республиканцевъ, тогда какъ Спарта, подружившаяся съ Діонисіемъ благодаря Лисандру, стала на сторону тиранна. Спартянцы прислали ему на помощь эскадру и позволили наберовать наемниковъ въ Пелопоннесѣ. Между тѣмъ въ карфагенскомъ лагерѣ началась опустошительная чума. Діонисій воспользовался паникой врага, уничтожилъ его флотъ и вынудилъ къ отступленію сухопутное войско. Въ сущности онъ могъ бы также истребить карфагенскую армию, какъ это сдѣлали Гилиппъ и сиракузяне въ 413 году съ афинянами, но предпочелъ не доводить дѣло до крайности; карфагенскимъ гражданамъ была дана возможность бѣжать, лучшихъ изъ вражескихъ наемниковъ, иберовъ, Діонисій переманилъ на свою службу. Діонисій удержался отъ полнаго истребленія карфагенянъ, чтобы не наживать себѣ непримиримаго врага; изгнать ихъ съ острова представлялось несущественной задачей, а зато всякая неудача въ борьбѣ съ ними грозила новымъ возмущеніемъ въ Сиракузахъ. Практич-

нѣе казалось раздѣлить съ ними сферу вліянія, заняться укрѣпленіемъ своей власти въ центрѣ и распространеніемъ вліянія въ восточныхъ водахъ.

Въ 392 году Каррагенъ заключилъ миръ съ Діонисіемъ и призналъ его власть надъ большей частью Сициліи, уступивъ Гимеру на сѣверѣ и весь южный берегъ съ Камаринной, Гелой, Акрагантомъ и Селинунтомъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на какихъ условіяхъ были установлены греческіе города; можно быть увѣреннымъ, что Діонисій не далъ имъ автономіи; бывшія общины стали теперь административными долями Сиракузъ, въ свою очередь изъ республики превратившихся въ монархію. Всѣ свои силы, освободившіяся на западѣ, Діонисій перенесъ теперь на востокъ, на покореніе южно-италійскихъ греческихъ городовъ. Здѣсь опять такъ же, какъ въ вопросѣ объ укрѣпленіи Сиракузъ, какъ въ примиреніи съ Каррагеномъ, задачи внутренней политики у Діонисія сплетались съ внѣшними. Въ общинахъ южной Италіи, особенно въ Регіи, у самага пролива противъ сицилійской Мессаны, собралась сиракузская оппозиція: сокрушить эмигрантовъ Діонисію нужно было для того, чтобъ чувствовать себя безопаснымъ въ своей столицѣ; съ другой стороны, только ихъ уничтоженіе открывало пути вліянія на берегахъ Италіи. Регій и соединенный съ нимъ Кротонъ были сильными общинами, и Діонисій совладалъ съ греческими республиками опять лишь при помощи иноплеменниковъ. Онъ привлекъ на свою службу воинственныхъ лукановъ, сосѣдей южно-италійскихъ греческихъ городовъ, захватилъ рядъ опорныхъ пунктовъ на берегу моря и заставилъ Регій капитулировать и выдать свой флотъ. Вся южная оконечность Италіи (нынѣшняя Калабрія) перешла въ руки Діонисія. Моментъ его наибольшаго успѣха приходится на 387 годъ и совпадаетъ съ торжествомъ Спарты, его неизмѣннаго союзника, въ греческой метрополіи; въ свою очередь, какъ мы видѣли, благоприятнымъ оборотомъ дѣлъ при заключеніи царскаго мира Спарта была въ значительной мѣрѣ обязана сиракузскому тиранну.

Послѣдующія двадцать лѣтъ до смерти Діонисія въ 367 году внесли немного измѣненій въ территоріальный составъ его державы; не измѣнился до конца и характеръ его политики. Была новая война съ Каррагеномъ, и Діонисію пришлось уступить Селинунтъ. Зато онъ расширилъ свои предпріятія въ Италіи, посылая экспедиціи въ Адриатическое и въ Тирренское море, къ устью По и къ Этруріи. Не разъ вмѣшивался Діонисій въ дѣла метрополіи, всегда принимая сторону Спарты и не безъ расчета утвердиться на западномъ берегу Греціи, въ Эпирѣ и на островахъ Коркиръ и Закинѣ.

Финансы и администрація Діонисія. Новѣйшіе поклонники объеди-

нительной политики сиракузскаго тиранна воображаютъ, что завоеванія принесли благосостояніе странѣ, подняли ея производство и расширили торговлю. Интересно, однако, присмотрѣться къ характеру предпріятій Діонисія, особенно у италійскихъ береговъ; они позволяютъ видѣть, что тираннъ мало думалъ о выгодахъ экономического расширенія Сициліи. Мы все слышимъ о выгодахъ экономического расширенія Сициліи. Мы все слышимъ о томъ, что его эскадры производятъ грабидозные грабежи, особенно захватываютъ храмовыя сокровища. Діонисій—необычайный мастеръ обирать боговъ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, сопровождая свои захваты казарменными шутками въ родѣ того, что у Зевса надо снять золотой плащъ, въ которомъ зимой холодно, а лѣтомъ жарко, и замѣнить шерстянымъ, и т. п. Между прочимъ Діонисій принималъ участіе въ набѣгѣ эпиротскаго царька на Додону, рассчитывая получить долю отъ грабежа стариннѣйшаго въ Греціи богатаго храма додонскаго Зевса. Мы получаемъ впечатлѣніе, что цѣлью Діонисія вовсе не было созданіе большой торговой державы наподобіе Перикловыхъ Аѳинъ или современнаго ему Каррагена. Въ дальнихъ морскихъ экспедиціяхъ у береговъ Италіи и западной Греціи дѣло шло не о пріобрѣтеніи опорныхъ пунктовъ для обмѣна; скорѣе операціи Діонисія напоминали политику Рима въ эпоху пуническихъ войнъ. Сицилійская держава была и осталась чисто-военнымъ государствомъ, большимъ лагеремъ наемниковъ. Все вниманіе ихъ организатора было направлено на то, чтобъ постоянно имѣть въ казніѣ свободную наличность для раздачъ. Отсюда пріемы внутренне-финансовой политики, недалеко ушедшіе отъ системы внѣшнихъ грабежей. Аристотель сообщаетъ, что налоги на имущество въ государствѣ Діонисія могли исчерпать капиталъ въ 5 лѣтъ, т.-е. равнялись 20 процентамъ³⁵. Надо, конечно, предполагать, что извѣстіе это или крайне преувеличено, или относится къ какому-нибудь чрезвычайному налогу, такъ какъ ежегодно грабить населеніе въ буквальномъ смыслѣ слова было бы очень нерасчетливо. Но свѣдѣніе Аристотеля все-таки важно, потому что указываетъ на крайнюю напряженность налоговой системы у Діонисія. Рассказы о его финансовыхъ фокусахъ, при всей ихъ анекдотичности, также имѣютъ цѣну: очевидно, Діонисій былъ неистощимъ по части всякаго рода вымогательства, штрафовъ, принудительныхъ займовъ, внезапныхъ аукціоновъ и т. д.

Весьма правдоподобно, что Діонисію принадлежитъ также организациія взиманія податей и пошлинъ посредствомъ ихъ сдачи на откупъ большимъ компаніямъ ростовщиковъ. Эту форму мы встрѣчаемъ потомъ въ Сициліи, когда она сдѣбалась римской провинціей; римляне, повидимому, нашли ее настолько превосходной, что оставили откупа въ рукахъ мѣстныхъ банкирскихъ обществъ; съ большой вѣроятностью

можно сказать, что именно по сицилийскому образцу они организовали потомъ сборъ налоговъ у себя въ Италіи и въ другихъ провинціяхъ. Да и дѣйствительно откупная система чрезвычайно подходила къ общему характеру импровизированнаго военнаго государства, организаторамъ котораго не было времени заниматься устройствомъ гражданской бюрократіи. Являясь новаторомъ въ дѣлѣ финансовъ на греческой почвѣ, Діонисій вовсе не былъ изобрѣтателемъ новыхъ формъ. Система откуповъ существовала въ большихъ военныхъ государствахъ Передней Азіи; переходя на западъ, она должна была миновать кантональную, автономную Грецію; при первомъ же принудительномъ объединеніи въ широкихъ размѣрахъ, театромъ котораго была Сицилія, она опять вступила въ силу. Діонисій—ея пионеръ на западѣ и посредникъ въ передачѣ откуповъ римскому военному государству.

Допустима еще одна догадка. Въ Римѣ съ появленіемъ императорства немедленно устанавливается форма большихъ доменовъ, личныхъ земельныхъ владѣній государя и его родственниковъ; эта система династическихъ приобрѣтеній и округленій развивается съ какой-то настойчивостью и увѣренностью, заставляющей подозрѣвать въ ней давно выработанный порядокъ, перешедшій изъ среды, гдѣ монархія уже раньше была связана съ подобными учрежденіями. Многое говоритъ въ пользу того, что и въ этомъ отношеніи сицилійское императорство (по-гречески архонтство) Діонисія подготовило пути римскимъ династіямъ. Тиранны не ограничились устройствомъ большой центральной кассы, находившейся въ его безконтрольномъ пользованіи; онъ старался обезпечить себя и свое родство большими латифундіями, разработка которыхъ была связана съ примѣненіемъ значительныхъ группъ рабочихъ, свободныхъ и невольниковъ. Между прочимъ бросается въ глаза тотъ фактъ, что Діонисій, среди своихъ причудъ, рѣшилъ завести себѣ двухъ женъ; можетъ быть, и въ этомъ султанскомъ капризѣ заключалась доля политики, поскольку браки помогали увеличить количество родственниковъ, а чрезъ нихъ расширить область домена, находившагося въ личномъ пользованіи тиранна. Если догадка наша правильна, получается своеобразная социальная картина: диктаторъ, совершающій черныя передѣлы земель и благодаря этому вдохновившій школу греческихъ теоретиковъ коммунизма, въ ходѣ вещей сталъ самъ крупнѣйшимъ земельнымъ магнатомъ и возстановилъ для своей династіи тотъ самый порядокъ, разрушеніемъ котораго онъ напиталъ свое пролетарское и иноплеменное воинство.

Трудно нарисовать ту степень разгрома и приниженія общественной жизни, которая получилась въ результатъ военно-бюрократическаго управленія Діонисія. Съ уничтоженіемъ народныхъ собраній и засѣданій

Большого совѣта неминуемо должно было придти въ упадокъ политическое краснорѣчіе, а вмѣстѣ съ этимъ закрылись когда-то знаменитыя сицилійскія риторскія школы. Свободной литературѣ не было больше мѣста въ Сиракузахъ; за какое-нибудь неосторожное выраженіе, задѣвшее властителя, поэтъ рисковалъ попасть на каторгу въ каменоломни. Тиранны стянули болѣе податливыя писательскія силы къ своему двору, держалъ исторіографа, составителя одъ и т. д.; гости должны были выслушивать и хвалить бездарнѣйшія произведенія его собственнаго творчества. Для того, чтобы слѣдить за общественнымъ настроеніемъ громаднаго города, Діонисій завелъ обширное шпионство, среди котораго видное мѣсто занимали агенты женскаго пола (*ποταγωγίδες*).

Тираниія Діонисія и общественное мнѣніе въ Греціи. Военная держава, основанная Діонисіемъ, составляла фактъ крупнѣйшей важности и для греческой метрополіи. Прежде всего въ прямомъ смыслѣ, поскольку Діонисій вмѣшивался въ дѣла на востокѣ, помогая реакціоннымъ силамъ въ европейской Греціи, поддерживалъ черезъ Спарту греческое раздробленіе. Если Лоннамъ не удалось возстановить прежнюю морскую державу, несмотря на героическія усилія своихъ ветерановъ, Конона и Эрасибула, то одной изъ главныхъ причинъ надо считать политику Діонисія. Но и въ теоретическомъ отношеніи, въ качествѣ примѣра, успѣхи сиракузскаго тиранна чрезвычайно волновали общественное мнѣніе Греціи.

Взгляды и чувства республиканскихъ круговъ Греціи выразилъ афинскій ораторъ Лисій въ рѣчи, составленной для Олимпійскаго праздника (можетъ быть, въ 388 г. до заключенія Анталкидова мира, судя по тому, что авторъ находитъ возможнымъ обратиться съ патриотическимъ призывомъ къ Спартѣ). Лисій, самъ сиракузянинъ по происхожденію, оплакиваетъ гибель свободы въ одной изъ важнѣйшихъ греческихъ общинъ. Онъ обращаетъ вниманіе слушателей своихъ на опасныя успѣхи двухъ деспотовъ, царя персидскаго и тиранна сиракузскаго, которые готовятъ съ двухъ концовъ поработеніе греческаго міра. Первый подчинилъ себѣ много греческихъ городовъ, второй также много ихъ опустошилъ. «Почему вы, эллины, не слѣдуете примѣру своихъ предковъ, которые одолѣли варвара, вторгавшагося къ нимъ, и изгнали изъ своей страны тиранновъ? Особенно дивлюсь я вамъ, лакедемоняне, что, будучи вождями Греціи, вы позволяете пожару разрушать общую родину. Вы должны положить конецъ произволу царя и тиранна, чтобъ не дошелъ велѣдъ за другими и до насъ чередъ и мы не стали ихъ добычей». Лисій предлагалъ народу, собравшемуся въ Олимпіи, сорвать великолѣпные золототканые шатры, которые были выставлены Діонисіемъ на праздникъ, и руководители игръ съ трудомъ удержали толпу отъ

такого разгрома. Лисий предлагал, кроме того, не допускать лошадей и повозки безбожного тиранна къ состязанію въ бѣгахъ и къ награждѣ, но и здѣсь не имѣлъ успѣха. Діонисію, впрочемъ, на этотъ разъ судьба показала свою иронію. Его блестящія повозки, запряженныя лучшими конями, въ бѣгѣ разбились другъ о друга, и онъ не получилъ приза; заодно къ несчастью потерялся кораблекрушеніе праздничная триера, которая везла обратно Діонисіеву миссію изъ-подъ Олимпіи. Греческое остроуміе нашло себѣ удовлетвореніе въ шуткѣ, будто бы еказанной спасшимися изъ воды моряками: во всемъ виноваты плохіе стихи тиранна, объ его поэмы расшиблось не только искусство рапсодовъ, но и повозки и корабль.

Впрочемъ, одна часть греческой интеллигенціи, напротивъ, жадно устремилась ко двору Діонисія, и это были именно сократовцы, отвергавшіе республиканскія формы Греціи. При Діонисіи проживалъ Аристиппъ, великосвѣтскій философъ, космополитъ, считавшій своей спеціальностью «наблюденіе людей и нравовъ» и за гостепримство тиранна готовый стерпеть издѣвательство его шутковъ, однажды окатившихъ мудраго наблюдателя холодной водой. Затѣмъ ко двору Діонисія съ необыкновенной настойчивостью стремился другой ученикъ Сократа, считавшій себя самымъ правдолюбивымъ въ этой школѣ, Платонъ.

О поѣздкѣ Платона въ Сиракузы (повторенной потомъ при преемникахъ тиранна, его сынѣ Діонисіи II и зятѣ Діонѣ), есть собственное свидѣтельство Платона въ его «Письмахъ». Эти письма составлены философомъ въ глубокой старости, приблизительно 30 лѣтъ спустя послѣ перваго визита въ Сиракузы, относящагося, можетъ быть, къ 387 или 386 г.; въ нихъ отражаются мотивы втораго пребыванія при сиракузскомъ дворѣ, когда Платонъ могъ говорить свободнѣе съ менѣе страшными, чѣмъ Діонисіи, наследниками его и защищать передъ ними права греческой національности въ Сициліи, предлагать возстановленіе старыхъ эллинскихъ общинъ на мѣстѣ инородческихъ военныхъ колоній³⁶; едва ли философъ рѣшился бы предложить такую программу самому великому тиранну, да еще въ моментъ наибольшаго развитія его военно-наемнической системы. У Платона въ болѣе ранніе годы была нѣкоторая склонность къ коммунистическимъ идеямъ: онъ еще чувствуются въ его крупнѣйшемъ произведеніи, въ книгѣ «О государствѣ». Коммунизмъ Платона во всякомъ случаѣ былъ не республиканскій; предполагалось, что справедливыя формы равенства и взаимной солидарности введетъ авторитарная «мудрая» власть, вдохновляемая философией, т.-е. направленная интеллигенціей. Весьма правдоподобно, что философъ, не допускавшій возможности для человѣка порядочнаго (καλὸς καγαθὸς) участвовать въ жалкихъ дѣлишкахъ греческихъ

республикъ, считалъ вполне подходящимъ соединиться съ тѣмъ монархомъ, который рѣзко разбилъ старый несправедливый общественный строй и проводилъ государственннй коммунизмъ путемъ своихъ грандіозныхъ земельныхъ раздачъ. Какую же роль предназначалъ себѣ Платонъ и какъ понимать высокопарныя фразы о томъ, что онъ пытался направить тиранна на путь добродѣтели? Вѣроятно, онъ надѣялся быть ученымъ секретаремъ при монархѣ, къ которому его такъ привлекалъ широкій размахъ предпріятій и организацій. Платонъ охотно сталъ бы составлять торжественныя воззванія, возвышенные манифесты, въ которыхъ онъ готовъ былъ объяснять широкой публикѣ идейный смыслъ общественнаго переворота, совершеннаго ко благу массъ «царственнымъ мужемъ» (ἀνὴρ βασιλικός).

Встрѣтившіеся въ 387 г. два дѣятеля были оба очень умные люди, каждый въ своей сферѣ, но слишкомъ разнаго темперамента; для совмѣстной работы они не годились. Діонисію Платонъ былъ во всякомъ случаѣ не нуженъ; недовѣрчивый къ людямъ, циникъ, часто окруженный очень подозрительной компаніей, тираннъ съ презрѣніемъ относился къ благозвучнымъ теоріямъ ученаго аристократа и вдобавокъ очень не взлюбилъ его высокомерную манеру. Діонисій велѣлъ выслатъ философа изъ своей столицы и со свойственнымъ ему сарказмомъ поручилъ продать въ рабство очень много возмниваго о себѣ философа.

¹ Ксен. Воспом. II, 7. ² Тамъ же IV, 2, 37. ³ Ксен. Греч. ист. II, 3, 8—9. ⁴ Лисий, рѣчь противъ Агората (обвинителя демократическихъ стратеговъ) § 55 и слѣд. ⁵ Ксен. Греч. ист. II, 3, 16. ⁶ Тамъ же 24. ⁷ Аристот. Аэ. пол. 38. ⁸ Объ основныхъ законахъ 403 года мы случайно знаемъ изъ рѣчи Андокида περί πολιτείας §§ 82—87, которая произнесена ораторомъ, обвинявшимся въ 415 г. по дѣлу гермокопидовъ и затѣмъ бѣжавшимъ изъ Аѳинъ, въ 399 году. У Аристотеля (Аэ. пол. 34—40) очень подробный разсказъ о событіяхъ 404—3 гг., но вовсе не упомянуто о замѣчательномъ законодательствѣ реставрированной демократіи. ⁹ Ксен. Греч. ист. III, 1, 4. ¹⁰ Ксен. Воспом. I, 2, 48. ¹¹ Тамъ же II, 6, 24. Все разговоры II части Воспоминаній представляютъ большой интересъ для характеристики дѣятельности Сократа по устроению частныхъ кружковъ и пропагандѣ сектантскихъ идей. ¹² Тамъ же II, 1. ¹³ Тамъ же 9. ¹⁴ Тамъ же 6. ¹⁵ Тамъ же 9. ¹⁶ Тамъ же 5. ¹⁷ Анабаз. III, 1. ¹⁸ Ксен. Восп. III, 5. ¹⁹ Плут. Сол. 20. ²⁰ Платонъ Апологія 31 СД. ²¹ Ксен. Восп. IV, 4. ²² Кс. Греч. ист. III, 1. ²³ Тамъ же III, 3, 11. ²⁴ Holm, Griech. Gesch. 1891, III, 54. ²⁵ Ксен. Греч. ист. IV, 4. ²⁶ Аристоф. Женщины въ экклесіи 565—600. ²⁷ Схолиа къ Аристоф. Женщ. въ эккл. 102. ²⁸ Ксен. Греч. ист. IV, 8. ²⁹ Тамъ же V, 1. ³⁰ Тамъ же V, 2, 7. ³¹ Тамъ же V, 2, 35. ³² Оук. VIII, 96. ³³ Діодоръ XI, 87 о петализмѣ, XIII, 34—35 о демократическомъ законодательствѣ Діокла, введенномъ послѣ отраженія аѳинянъ. ³⁴ Діод. XIII, 91. ³⁵ Аристот. Политика V, 9, 5. ³⁶ Платонъ Письма III 315 E и 319 C.

Х. Послѣднія объединительныя попытки и упадокъ политическаго интереса въ Греціи.

Покореніе Азій—національное призваніе грековъ. Въ 380 году въ Аѣинахъ вышло небольшое публицистическое произведеніе Исократъ подѣ заголовкомъ «Панегирикъ»; оно передаетъ очень характерныя настроенія не только аѣинскаго общества, но и вообще широкихъ круговъ тогдашней Греціи.

Выпуская время отъ времени брошюры, въ которыхъ развивалась какая-нибудь важная очередная политическая тема, Исократъ (436—338) умѣлъ улавливать вкусы и потребности публики. По вѣншности его литературныя статьи сохраняютъ форму рѣчи, произнесенной передъ большой аудиторіей, но рассчитаны онѣ уже на кругъ читателей, а не слушателей. Причина этого превращенія оратора въ писателя заключается не въ однихъ личныхъ качествахъ Исократъ, человѣка со слабымъ голосомъ и застѣнчиваго; здѣсь гораздо важнѣе то обстоятельство, что съ упадкомъ политической жизни потеряло въ значительной мѣрѣ силу публичное слово: вмѣсто того, чтобы идти въ большое собраніе, люди предпочитаютъ на досугѣ спокойно прочесть написанную рѣчь. Подѣ влияніемъ такой перемѣны выработался особый стиль и манера изложенія: читатель искалъ въ статьѣ историческихъ ссылокъ и параллелей; ему пріятно было встрѣтить немножко ученаго аппарата въ занятомъ доступномъ изложеніи.

Авторъ «Панегирика» дѣлаетъ видъ, что передъ нимъ большое общегреческое праздничное собраніе, *πανήγυρις*, въ родѣ Олимпійскихъ игръ. Сущность рѣчи—призывъ къ великому общему походу противъ персовъ; во главѣ національнаго предпріятія должны стать Спарта и Аѣины. Постепенно въ ходѣ изложенія Исократъ какъ бы забываетъ о Спартѣ и сосредоточивается на доказательствѣ естественнаго и заслуженнаго первенства въ Греціи Аѣинъ. Вождемъ большого національнаго похода должны стать Аѣины, такъ какъ этотъ городъ—родона-

чальникъ всѣхъ благъ просвѣщенія и человѣчности, которыми пользуется Греція. Чтобы доказать это положеніе, Исократъ набрасываетъ культурно-историческій очеркъ развитія Аѣинъ съ самой отдаленной старины. Аттика—страна, которую на зарѣ временъ благословила богиня земледѣлія Деметра, нашедшая здѣсь пріютъ послѣ своихъ блужданій. Аѣины были первой просвѣщенной общиной въ Греціи, откуда другіе греки заимствовали начала науки, права и законодательства. Аѣины имѣли уже законы и конституціонныя учрежденія, представляли собой благоустроенное государство въ то время, когда кругомъ господствовала дикость, когда сосѣди нуждались или въ помощи для установленія порядка, или въ ободряющемъ примѣрѣ. Въ движеніи отъ варварства къ культурѣ Исократъ считаетъ важнымъ фактомъ замѣну кровной мести правильнымъ судебнымъ разбирательствомъ по уголовнымъ дѣламъ: первымъ законодательствомъ въ этомъ смыслѣ были постановленія аѣинянина Драконта, остальные греки заимствовали у Аѣинъ уже выработанное право. Эта часть статьи Исократъ любопытна, прежде всего, какъ показатель вкусовъ аѣинскаго общества: авторъ сознавалъ необходимость угодить ему культурно-исторической идеализаціей родного города. Затѣмъ она свидѣтельствуетъ о новомъ направленіи научнаго интереса сравнительно съ вѣкомъ софистики; къ работѣ юридической школы, выдвигавшей на первое мѣсто принципиальные вопросы о происхожденіи закона, о естественномъ правѣ и т. д. присоединилось изученіе реальной мѣстной старины. Одновременно съ Исократомъ появляются составители аѣинской ученой лѣтописи, аттидографы, которые стараются возстановить черты древнихъ учреждений, содержаніе ранняго законодательства Аттики; Исократъ популяризируетъ изъ этихъ работъ то, что годится въ качествѣ введенія къ его общей темѣ.

На ряду съ фактомъ исконной правовой и конституціонной традиціи Аѣинъ панегиристъ выдвигаетъ промышленную роль своей родины. По его словамъ, уже съ давнихъ поръ Аѣины развивали торговлю, искусства и ремесла, которыя частью они сами изобрѣли, частью приложили у себя на опытѣ и сообщили другимъ. Въ своей гавани, Пирей, Аѣины имѣютъ среди Греціи товарный рынокъ и складочное мѣсто; расположенный на скрещеніи дорогъ, городъ служитъ посредникомъ крупнаго обмѣна, беретъ у однихъ излишекъ и заполняетъ скудость другихъ. Исократъ въ сущности повторяетъ мысль, которую выражалъ еще въ V вѣкѣ анонимный противникъ демократіи, авторъ олигархическаго памфлета, а именно, что Аѣины своей обширной международной торговлей, своимъ далеко проникающимъ сбытомъ и подвозомъ товаровъ изъ отдаленныхъ краевъ достигли первенства въ гре-

ческомъ мірѣ. Публицистъ IV вѣка добавляетъ, что нѣтъ города, который бы въ такой мѣрѣ, какъ именно торговый, былъ пригоденъ для руководящей роли, потому что онъ для всѣхъ открытъ и доступенъ, онъ свободенъ отъ всякихъ стѣснительныхъ политическихъ мѣръ, въ родѣ спартанской ксенеласи (изгнанія иностранцевъ), потому что отъ непрерывнаго тренія противоположностей въ немъ смячаются рѣзкости, накапливается разнообразный и пестрый опытъ. Такой городъ представляетъ всѣ выгоды для объединенія и сближенія греческихъ общинъ, подобно періодически повторяющимся національнымъ праздникамъ, гдѣ забывается всякая рознь и выступаетъ только чисто-культурное соперничество. Аѳины въ своихъ стѣнахъ соединяютъ блескъ такихъ зрѣлищъ съ выдающимися произведеніями художественной рѣчи и умственного просвѣщенія. Въ городѣ постоянно имѣется все, что содѣйствуетъ подъему и развитію общегреческаго сознанія, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ вѣчнымъ праздничнымъ собраніемъ. Исократъ заканчиваетъ это восхваленіе тонкой общественности родного города замѣчательными словами, которыхъ и не ожидаешь найти у писателя, вообще средняго, не отличающагося чеканеннымъ слогомъ. «Нашъ городъ въ такой мѣрѣ оставилъ позади себя остальные въ искусствѣ рѣчи и мысли, что уже теперь имя эллиновъ перестало относиться только къ народу, а означаетъ духъ эллинскій, и уже теперь эллинами скорѣе называютъ тѣхъ, кто посвященъ въ нашу образованность, а не тѣхъ, кто съ нами одной крови»¹.

Исократъ ссылается затѣмъ на великія заслуги Аѳинъ въ спасеніи Греціи отъ нашествія персовъ; образованная ими потомъ морская держава обезпечила всѣмъ общинамъ союза спокойную торговлю; господство аѳинянъ на морѣ и не могло бы такъ долго продержаться, если бы подчиненныя общины не чувствовали себя удовлетворенными. Исократъ рѣшается сказать, нѣсколько погрѣшая противъ дѣйствительности, что аѳиняне мало вмѣшивались во внутреннія дѣла, въ борьбу партій у союзниковъ. Если же Аѳины по временамъ помогали демократическимъ партіямъ, то это, въ глазахъ Исократа, было патріотическимъ дѣломъ; сближаясь съ демократіями, аѳиняне создавали единодушное общее отечество, тогда какъ изгоняемые ими олигархіи держали остальныхъ гражданъ въ безправномъ положеніи, правили тираннически и этимъ вносили въ общины расколъ. Исократъ заканчиваетъ похвалой старой демократіи: «намъ не нужно особливо славить народное правленіе, потому что въ теченіе тѣхъ 70 лѣтъ, когда мы пользовались его благодѣяніями, мы не видѣли во всей Греціи ни тиранновъ, ни подчиненія иноземному господству, ни междоусобій, мы жили въ мирѣ со всѣми».

Национальная война противъ восточнаго врага мотивируется у Исо-

крата очень горячо. Зачѣмъ она пужна? Чтобы покончить внутреннія усобицы, чтобы напитать опять обѣднѣвшую страну. Родина наша стала пустыней, «и одни погибли на своей же землѣ отъ насилія, другіе на чужбинѣ скитаются со своими семьями, многіе изъ страха голодной смерти вынуждены проливать кровь свою въ интересахъ нашихъ враговъ и идти противъ своихъ братьевъ грековъ. Италия обезлюдѣла, Сицилія порабощена, многіе города отданы варварамъ, остальная Греція въ величайшей пуждѣ. Здѣсь горькая бѣдность, которая разлучаетъ друзей, дѣлаетъ врагами людей, между собой близкихъ, а тамъ насъ ждетъ богатая, роскошная страна, тамъ мы можемъ добыть счастье, приволье и избытокъ, вмѣстѣ же съ богатствомъ вернется въ дома и въ общины единодушіе и согласіе». Всѣ эти чрезвычайно откровенные, реалистическіе мотивы необходимо было, однако, украсить возвышенной идеологіей, придумать красивое знамя для завоеванія и захвата. И вотъ оказывается, что война вытекаетъ изъ религіозныхъ и моральныхъ обязанностей грековъ: персы—варвары, они осквернили въ свое время греческія святилища, должна слѣдовать священная месть. Авторъ спѣшитъ добавить, что персы къ тому же еще и слабы: въ большой державѣ непрерывные мятежи, постоянно отпадаютъ цѣлыя области. «Отъ Книды до Синопы греки населяютъ кайму Азіи, и ихъ нечего даже возбуждать къ войнѣ, достаточно только не удерживать». Все предпріятіе соединенныхъ грековъ противъ персидской державы будетъ похоже скорѣе на священное шествіе или богомолье (θεωροία)², чѣмъ на походъ. «Это единственная война, которая лучше, чѣмъ миръ, потому что она оставитъ насъ въ спокойномъ обладаніи своего достатка и общаетъ приобрѣтеніе большихъ богатствъ на чужбинѣ». «Перенесемъ войну въ Азію, а счастье Азіи къ себѣ».

Призывъ Исократа, соединяющій въ себѣ религіозно-патріотическіе и матеріально-захватные мотивы, удивительно напоминаетъ исторіку приглашенія папъ XI и XII вв., когда они звали западное воинство на покореніе богатаго, разрушающагося и въ то же время грѣшнаго, невѣрнаго Востока; если позволено анахронистическое выраженіе, хочется сказать, что и здѣсь передъ нами программа крестоваго похода.

Итакъ, воинственное богомолье противъ персовъ—вотъ выходъ изъ всѣхъ золь, раздирающихъ Грецію. Исократъ не считаетъ пужнымъ перечислять ихъ, да это было бы и мало тактично. Но намъ не трудно возстановить то, о чемъ умолчалъ публицистъ. Несмотря на похвалы, расточаемыя демократіи, онъ—человѣкъ умѣренно-консервативныхъ воззрѣній; его очень занимаютъ интересы капитала, зажиточныхъ классовъ, нуждающихся въ спокойствіи, обезпеченіи кредита и т. п. Между

тѣмъ въ Греціи нѣтъ покоя отъ волненій пролетаріата, отъ бродячихъ всюду эмигрантовъ и отъ людей военной профессіи, которые ищутъ столкновеній и усобицъ, чтобы найти себѣ занятіе и заработокъ. Нѣтъ лучшаго, болѣе соблазнительнаго отвлеченія для всѣхъ этихъ противогражданскихъ элементовъ, какъ большой походъ на востокъ. Такое предпріятіе не только дастъ занятіе безработнымъ, удовлетворитъ жадность военныхъ, но оно также доставитъ великія выгоды остающимся дома. «Перенесемъ счастье Азіи къ себѣ», т.-е. оживимъ восточными капиталами нашу промышленность, перетянемъ къ себѣ запасы Азіи, ея богатства; пусть одушевленное патриотической идеей воинство сдѣлаетъ Грецію обладательницей неисчерпаемыхъ финансовыхъ силъ Востока, центромъ мірового обмѣна.

Предводительство въ національной войнѣ должно принадлежать двумъ крупнѣйшимъ общинамъ, Спартѣ и Аѳинамъ, но авторъ не скрываетъ, что истиннымъ идейнымъ и дѣловымъ руководителемъ предпріятія будутъ Аѳины. Что же останется Спартѣ, и зачѣмъ она нужна? Исократъ, очевидно, предполагаетъ, что между двумя общинами будетъ тѣсный союзъ съ отчетливымъ распределеніемъ ролей: Спарта въ качествѣ общепризнаннаго военнаго штаба возьметъ на себя соединеніе солдатскихъ массъ и исполненіе стратегическихъ операцій, Аѳины же выступятъ въ качествѣ настоящей культурно-промышленной силы, образуютъ руководящій центръ, душу всего дѣла. Въ дальнѣйшей организаціи роль Аѳинъ должна будетъ возрасти еще болѣе, особенно въ виду того, что за ними великій опытъ и славныя традиціи; истиннымъ объединителемъ Греціи, конечно, могутъ быть только Аѳины.

Политика Аѳинъ послѣ Анталкидова мира. Предлагаая Аѳинамъ идти объ руку со Спартой во главѣ великаго національнаго предпріятія, авторъ Панегирика, видимо, вовсе не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ крупныя общины еще недавно находились въ рѣзкой взаимной враждѣ, и что Анталкидовъ миръ, похоронившій надежды Аѳинъ на возрожденіе морской державы, оставался неотмщенной обидой. Дѣло въ томъ, что въ Аѳинахъ уже раньше подготавливалась перемѣна настроенія, и назрѣвало сознаніе невозможности широкой завоевательной политики въ стилѣ V вѣка. Рѣшительная неудача 387 года многимъ въ Аѳинахъ выяснила положеніе, и теперь могла выступить открыто партія, которая предлагала покинуть традиціонную политику и стремиться къ соглашенію со Спартой. Во главѣ новаго направленія стоялъ Каллистратъ, племянникъ радикальнаго демагога Агиррія, блестящій ораторъ, гибкій политикъ, сумѣвшій приспособиться къ новымъ обстоятельствамъ и перевести Аѳины на уровень второстепенной державы, сохраняющей свои торговыя позиціи и свое вліятельное положеніе среди

другихъ морскихъ общинъ. Новая партія, зерно которой состояло изъ крупныхъ торговцевъ, судовладельцевъ и банкировъ, испытывала немалыя трудности. Руководящіе въ экономической жизни круги желали вновь объединить приморскую Грецію, но при этомъ перенести явно непосильную для Аѳинъ военную организацію на плечи спартанцевъ; однако они ничего не могли проводить помимо демоса, у котораго имѣлись свои, очень крѣпкія традиціи, особенно въ финансовой политикѣ, въ дѣлѣ раздачъ. Капиталисты были поэтому вынуждены держаться политическаго радикализма, и Каллистратъ, въ качествѣ своего рода Перикла IV вѣка, въ теченіе двухъ съ половиной десятилѣтій находилъ возможнымъ лавировать среди крайностей и примирять интересы класса богатыхъ и класса бѣдныхъ. Другое затрудненіе вытекало изъ вышнихъ обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ Аѳинъ. Новая политика могла быть построена только на взаимности со стороны Спарты, а между тѣмъ ея плутократическіе круги не чувствовали желанія уступать львиную долю аѳинскому капиталу, въ расчетѣ сохранить исключительную гегемонію въ Греціи и поорудовать собственными средствами. Склонить спартанцевъ къ коалиціи съ Аѳинами могъ бы только какой-нибудь очень серьезный ударъ въ самой Греціи, который не въ силахъ была преодолѣть Спарта. Такимъ толчкомъ оказалась оиванская революція 379 года.

Положеніе запуталось, однако, тѣмъ, что по ходу обстоятельствъ оиванскому перевороту, затѣянному демократической партіей, не могли не помочь аѳиняне, пріютившіе у себя оиванскихъ демократовъ. Мало того, возмущеніе Эивъ противъ Спарты оказало аѳинянамъ большую услугу въ другомъ направленіи: къ Аѳинамъ устремились островныя общины, и, благодаря этому, возникъ въ 378—377 году новый морской союзъ подъ предводительствомъ Аѳинъ. Поддержка, оказанная Оивамъ, поссорила Аѳины со Спартой, планы Каллистрата на сближеніе были отброшены назадъ. Въ свою очередь, однако, между новой оиванской демократіей и Аѳинами не могло получиться прочной дружбы. Преобразованная оиванская община не согласна была исполнять въ пользу Аѳинъ роль, которую аѳинскіе капиталисты собирались отдать Спартѣ. Въ лицѣ демократическихъ Эивъ скоро поднялась держава, похожая на Аѳины 50-хъ годовъ V вѣка, т.-е. съ притязаніями какъ на сушъ, такъ и на моръ, съ программой вмѣшательства въ дѣла всѣхъ общинъ и Тессаліи, и Средней Греціи, и Пелопоннеса, и въ то же время съ широкой задачей установленія господства въ Эгейскомъ морѣ. Такія Эивы не могли ужиться съ Аѳинами. Напротивъ, для Аѳинъ союзъ со Спартой теперь являлся единственной возможностью обороны противъ неожиданно выросшаго рядомъ соперника. Цѣль пар-

тіи Каллистрата, правда, осуществилась, но слишком поздно для того, чтобы принести Афинам желательный успѣхъ. Въ 70-хъ и 60-хъ годахъ IV вѣка въ Греціи были три крупныя державныя общины, Спарта, Афины, Фивы; ни одна изъ нихъ не могла сладить съ двумя другими, соединенными вмѣстѣ; въ свою очередь онѣ не могли все ужиться мирно рядомъ и размежевать сферы своего вліянія. Ихъ столкновения составляютъ большую междоусобную войну (378—362), послѣднюю для эпохи самостоятельной городской Греціи.

Побѣда демократіи въ Фивахъ и начало второго афинскаго морскаго союза. Столкновения начались съ переворота въ Фивахъ, разразившагося среди полного затишья въ 379 году. Фиванскіе эмигранты партіи, низвергнутой въ 383 году, нашли себѣ пріютъ въ Афинахъ такъ же, какъ въ свое время при господствѣ Тридцати въ 404 г. афинскіе демократы были приняты въ Фивахъ. Отсюда небольшая ихъ группа, имѣя во главѣ Меллона и Пелопида, двинулась къ родному городу и проникла внутрь стѣнъ ночью по тайному соглашенію со своими единомышленниками; заговорщикамъ удалось перебить главныхъ вождей противной партіи, въ томъ числѣ полемарха Леонтиада, и низвергнуть «династію», которая держалась помощью спартанцевъ. Побѣдители апеллировали къ фиванскому демосу, обѣщая ему господство надъ всею Беотіей, тогда какъ олигархи обратились къ другимъ беотійскимъ городамъ, Платеямъ и Теспіямъ; но помощь послѣднихъ не успѣла подойти, а въ то же время два афинскихъ стратега, друзья фиванскихъ демократовъ, на свой страхъ поддержали фиванцевъ. Въ результатѣ спартанскій гарнизонъ долженъ былъ покинуть Фивы. Царь Клеомбротъ подступилъ къ Фивамъ, но, не встрѣтивъ желанія фиванцевъ биться и не имѣя средствъ на осаду, удалился назадъ въ Пелопоннесъ; только въ Теспіяхъ онъ оставилъ гармоста Сфодрія съ гарнизономъ.

Въ Афинахъ сначала не рѣшались нарушить дружественный спартанцамъ нейтралитетъ; больше того, стратеговъ, дѣйствовавшихъ подъ Фивами безъ уполномоченія отъ народа, осудили на смерть; одинъ изъ нихъ былъ казненъ, другой успѣлъ бѣжать. Но спартанцы сами испортили дѣло: Сфодрій попытался напасть на Аттику и захватить Пирей; афиняне успѣли извѣстить объ этомъ фиванцевъ, и настроеніе въ Афинахъ быстро перемѣнилось. Теперь рѣшили войти въ союзъ съ Фивами. Ко времени соглашения съ Фивами Афины подготовили рядомъ частныхъ договоровъ, обходя условія Анталкидова мира, большой союзъ морскихъ общинъ; они опять надѣялись на возстановленіе державы въ духѣ попытокъ Конона и Фрасибула; партія Каллистрата могла рассчитывать на то, что новый морской союзъ мирно размежуется со Спартой.

Диверсія Сфодрія и необходимость помочь Фивамъ измѣнили пер-

воначальные планы афинянь. Теперь они должны были придать союзу совѣтмъ иной видъ—общегреческаго соединенія для защиты автономіи и свободы общинъ отъ деспотизма Спарты, слѣд., по необходимости обратиться къ условіямъ Анталкидова мира. Это значило, прежде всего, отказаться отъ всякихъ мечтаній о священномъ національномъ походѣ на востокъ въ духѣ, проповѣданномъ Исократомъ; нельзя было и думать о включеніи въ союзъ общинъ малоазійскаго берега, уступленныхъ въ свое время персидскому царю. Напротивъ, въ виду слабости союза слѣдовало заручиться нейтралитетомъ или даже поддержкой персовъ для ближайшей своей задачи; поэтому въ условіяхъ, которыя заключали между собой общины, опредѣленно выговаривались права и верховенство великаго царя надъ малоазійскими городами.

Вслѣдствіе этого территорія и границы союза, образовавшагося въ 378 г., были гораздо меньше сравнительно съ прежней афинской державой. Въ немъ нѣтъ азіатскихъ общинъ на всемъ протяженіи берега отъ Босфора до края Каріи на югъ, въ немъ нѣтъ всего сѣвернаго берега Эгейскаго моря, т.-е. городовъ Халкидскаго полуострова и Фракіи. Въ союзъ вошли даже не все острова Эгейскаго моря. Главные его участники—Родосъ, Хиосъ, города Лесбоса, города Эвбеи, затѣмъ Византія и Перинезъ у пролѣза къ Черному морю. Скоро присоединились по другую сторону европейской Греціи Коркира и Закинѣтъ. Новый союзъ не представляетъ сплошной замкнутой группы владѣній, какъ это было въ державѣ V вѣка. Если, однако, всмотрѣться внимательно въ карту, то можно замѣтить, что союзныя общины расположены цѣпями, которыя образуютъ линіи главныхъ морскихъ и торговыхъ сношеній, и притомъ въ трехъ направленіяхъ, соответствующихъ тремъ выходамъ изъ Эгейскаго моря: на сѣверъ—къ Черному морю, на югъ—къ Кипру, Сиріи и Египту и на западъ—къ Италіи и Сициліи. Въ этомъ смыслѣ союзъ IV вѣка все-таки копія перваго могущественнаго союза, копія, если такъ можно выразиться, не всего тѣла, а лишь его скелета.

Конституція второго морскаго союза. Въ 378 году въ Афинахъ собрался конгрессъ делегатовъ отъ общинъ, желавшихъ вступить въ союзъ, *κοινὸν συνέδριον τῶν συμμάχων*. Объ основныхъ учрежденіяхъ союза мы узнаемъ изъ замѣчательной надписи³, передающей постановленіе афинской еkkлeсiи, согласно предложенію Аристотеля изъ Марафона: съ большой вѣроятностью можно принять, что народное собраніе утвердило въ данномъ случаѣ резолюцію конгресса. Псефизма афинскаго народа открываетъ доступъ въ союзъ всемъ желающимъ, грекамъ и варварамъ, кромѣ подданныхъ царя. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ ограниченій, которыя принимаютъ на себя афиняне въ виду недоволь-

ства, вызваннаго ихъ политикой въ первомъ союзѣ. Они отказываются отъ вмѣшательства въ дѣла внутренняго устройства общинъ, отъ навязыванія имъ аѳинскихъ гарнизоновъ и чиновниковъ, отъ захвата земель и всякаго вида владѣній, какъ со стороны государства, такъ и со стороны частныхъ лицъ, и отъ помѣщенія клеруковъ на союзной территоріи; не будетъ взиматься и односторонняя подать въ распоряженіе Аѳинъ, называвшаяся *φόρος*; устраняется самое слово, ставшее ненавистнымъ, и вводятся (опредѣляемые синедріономъ) *συντάξεις*, взносы въ союзную казну.

Изъ послѣдующей практики видно, что союзъ выработалъ своеобразную конституцію. Онъ состоялъ изъ двухъ равносильныхъ корпорацій, которыя постоянно раздѣльно упоминаются: Аѳины и всѣ остальные союзники. Союзныя общины посылаютъ делегатовъ на конгрессъ, зѣдѣающій въ Аѳинахъ; число представителей отъ каждой общины безразлично, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ лишь по одному голосу. Аѳиняне не участвуютъ въ этомъ представительномъ собраніи. Синедріонъ является, строго говоря, органомъ совѣщательнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ стоялъ наравнѣ съ аѳинскимъ совѣтомъ Пятисотъ, который подготавливалъ дѣла и выработывалъ проекты для народнаго собранія. Обыкновенно, синедріонъ предлагалъ свою резолюцію, *δόγμα*, аѳинскому совѣту. Если совѣтъ былъ согласенъ съ синедріономъ, то вводилъ его рѣшеніе въ свое *προβούλευμα*, т.-е. проектъ, представляемый народному собранію. Если былъ несогласенъ, то вносилъ два предложенія раздѣльно, свое *προβούλευμα* и *δόγμα* союзниковъ. Аѳинскій совѣтъ могъ также предоставить синедріону непосредственно войти со своимъ *δόγμα* въ народное собраніе. Во всякомъ случаѣ, верховной рѣшающей инстанціей выступала аѳинская экклесія. Въ этомъ пунктѣ особенно рѣзко сказывались односторонность строенія союза и первѣсть Аѳинъ: народныя собранія союзныхъ общинъ ни въ совокудности, ни отдѣльно не вводились вовсе въ союзныя дѣла.

Въ качествѣ совѣщательнаго органа, мѣстѣ котораго служило основной рѣшеній союза, синедріонъ имѣлъ широкую компетенцію. Онъ разсматривалъ вопросы войны и мира, заключалъ договоры, принималъ участіе въ допущеніи новыхъ членовъ союза, вводилъ представителей своихъ въ посольства, рѣшалъ размѣры взносовъ на военные издержки и, наконецъ, составлялъ судъ по дѣламъ о нарушеніи правъ союзниковъ. Статьи, касающіяся суда, весьма обстоятельны. Въ случаѣ, если аѳиняне позволятъ себѣ захватъ земельного владѣнія или какого-либо вида имущества въ союзной общинѣ, приносится жалоба въ синедріонъ; на незаконно пріобрѣтенное владѣніе налагается арестъ, и оно присуждается наполовину жалобщику, наполовину въ пользу союзниковъ.

Конституція союза, принятая при заключеніи договора, считается неприкосновенной и ограждается параграфомъ уголовного содержанія: лицо, которое предложитъ измѣненіе въ союзномъ устройствѣ или доведетъ подобное предложеніе до голосованія, судится въ качествѣ нарушителя союза и измѣнника; его судятъ аѳиняне и союзники и могутъ наказать смертью или изгнаніемъ, лишеніемъ правъ и конфискаціей имущества.

Постановленія, принятія при учрежденіи союза въ 378—377 гг., открываютъ намъ нѣкоторыя стороны греческаго *федеральнаго права*. Само это право сложилось подъ давленіемъ нужды, созданной Анталкидовымъ миромъ, который гарантировалъ свободу и автономію всѣмъ греческимъ общинамъ, малымъ и большимъ. Конгрессъ 378 г. требовалъ включенія въ конституцію формулы, въ свое время составлявшей основу договора 387 г.: «для поддержанія свободы и автономіи и во исполненіе присяги, заключенной между царемъ, Спартой, Аѳинами и другими греками». Безъ этого условія слабыя общины не рѣшались вступать въ союзъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ понятіе равноправности всѣхъ членовъ союза, независимо отъ размѣра общинъ. Оно выражается въ томъ, что на конгрессѣ всѣ общины имѣютъ по одному голосу (*ισοψηφία*). Собственно, здѣсь примѣненъ старый принципъ, существовавшій еще въ Пелопоннесскомъ союзѣ и въ свое время осужденный, отъ имени аѳинскихъ централистовъ, Фукидидомъ за непрактичность. Въ союзѣ 378 года принципъ равнаго представительства всѣхъ членовъ былъ проведенъ, повидимому, еще болѣе послѣдовательно, чѣмъ раньше у пелопоннессцевъ: онъ былъ распространенъ на международныя отношенія и на участія въ посольствахъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, мы получаемъ, сравнивая образъ дѣйствій двухъ союзовъ, стараго пелопоннесскаго и новаго аѳинскаго, на конгрессѣ въ Спартѣ въ 371 году; спартанцы присягнули и подписались подъ текстомъ договора за себя и за своихъ союзниковъ, между тѣмъ какъ аѳиняне и ихъ союзники присягали и подписывались отдѣльно, и притомъ союзники не выступали одной цѣльной группой, а слѣдовали своими подписями поименно.

Двумя новыми пунктами въ федеральной конституціи можно считать условія относительно неприкосновенности территоріи и имущества общинъ, входящихъ въ составъ союза, а также признаніе полной самостоятельности каждой общины въ устроеніи своихъ внутреннихъ дѣлъ (*πολιτευομένη πολιτείαν ἑν ἑν βούληται*). Впрочемъ, новыми ихъ придется считать лишь въ формальномъ смыслѣ, поскольку учредители нашли нужнымъ закрѣпить ихъ въ текстѣ основнаго договора; эти условія конечно, всегда входили въ понятіе автономіи, но въ V вѣкѣ въ эпоху аѳинской державы ихъ было бы бесполезно формулировать въ виду

властнаго положенія Аѳинъ, гдѣ подъ конецъ не стѣнялись называть ἀρχὴν тиранническимъ господствомъ. Теперь изъ осторожности и во вниманіе къ гарантіямъ, установленнымъ Анталкидовымъ миромъ, аѳиняне сами должны были поспѣшить съ завѣреніями, что они готовы безусловно уважать свободу и автономію союзниковъ.

Что касается финансоваго устройства союза, здѣсь опредѣленно выставленъ принципъ самообложенія. Опять подъ впечатлѣніемъ тяжелаго опыта державы V вѣка постарались ввести въ федеральную конституцію статьи отрицательнаго свойства: не должно быть односторонняго назначенія взносовъ властью сильнѣйшей общины; налоги въ пользу союза образуютъ товарищескіе взносы (συντάξεις). Но для насъ остается неяснымъ, какимъ способомъ устанавливался размѣръ налога съ каждой общины, принадлежала ли какая-нибудь принудительная власть конгрессу, существовала ли какая-либо распределительная финансовая коммисія и т. п. Можетъ быть, согласно принципу автономіи, каждая община устанавливала у себя самостоятельно военный налогъ и затѣмъ сообщала конгрессу о размѣрѣ предполагаемаго взноса, или своей σύνταξις. Во всякомъ случаѣ, финансы союза составлялись не изъ отчисленія известной доли обычныхъ доходовъ общины, а именно изъ сбора чрезвычайнаго налога; такъ приходится заключать изъ того факта, что въ Аѳинахъ одновременно съ устройствомъ союза былъ введенъ прямой налогъ, εἰσφορά, который вообще допускался лишь въ случаяхъ экстренной необходимости.

Очень важенъ и весьма любопытенъ пунктъ, касающійся ненарушимости федеральной конституціи. «Негибкость» разъ введеннаго устройства есть вообще характерная черта федерацій всѣхъ временъ, и это вполне естественно. Въ союзной конституціи, выработанной въ 378—377 г., данный принципъ выраженъ въ крайне рѣзкой формѣ: за одно предложеніе измѣнить союзное устройство грозитъ уголовное преслѣдованіе, при чемъ конгрессъ превращается въ верховный федеральный судъ. Конституція не предусматриваетъ законныхъ формъ, при соблюденіи которыхъ она сама могла бы быть измѣнена.

Не вполне яснымъ представляется вопросъ о томъ, въ правѣ ли отдѣльные члены союза выходить изъ его состава. Но статья о неприкосновенности союзнаго устройства позволяетъ сдѣлать объ этомъ косвенное заключеніе. Въдѣ принадлежность такихъ-то и такихъ-то общинъ къ союзу есть важнѣйшая составная часть конституціи; если былъ положенъ рѣзкій предѣлъ всякой попыткѣ измѣнить союзное устройство, то едва ли могли признавать допустимость выхода изъ союза кого-либо изъ членовъ, присягнувшихъ на вѣрность общему дѣлу.

Въ федеральномъ устройствѣ 378 года есть одинъ пунктъ, который

долженъ показаться нашему современному сознанію грубымъ дефектомъ: таковъ порядокъ утвержденія проектовъ и резолюцій союзнаго конгресса, порядокъ, при которомъ выступала лишь аѳинская эkkлeсія, но не было обращенія къ народнымъ собраніямъ союзныхъ общинъ. Въ качествѣ нѣкотораго оправданія можно было бы привести фактъ крайней пестроты политическаго устройства въ разныхъ общинахъ союза: въ иныхъ не было вовсе народныхъ собраній; можно думать, что нерѣдко въ качествѣ делегатовъ на конгрессѣ сидѣли члены правительственныхъ коммиссій данныхъ общинъ. Но, разумѣется, это очень слабое оправданіе; суть въ томъ, что ратификація постановленій конгресса союзными общинами считалась ненужной. Мы имѣемъ дѣло съ явнымъ нарушеніемъ федеративнаго принципа, которое составляло уступку старой властной державной аѳинской демократіи, такъ же, какъ приравненіе Аѳинъ совокупности остальныхъ союзниковъ, такъ же, какъ созывъ конгресса въ Аѳинахъ въ непосредственной близости эkkлeсіи, верховнаго органа аѳинскаго демоса.

Аѳины и Фивы въ войнѣ со Спар.ой. Несмотря на образованіе союза со включеніемъ въ него Фивъ, Аѳины первое время держались въ сторонѣ отъ военныхъ столкновеній. Агесилай вторгся въ Беотію и выбралъ въ качествѣ опорнаго пункта Феспіи, самый крупный послѣ Фивъ городъ Беотіи, находившійся во враждѣ съ Фивами. Изъ Феспій спартапцы блокировали Фивы и старались загородить подвозъ хлѣба, который былъ необходимъ, такъ какъ фиванцы не могли обрабатывать свои поля. Съ другой стороны, и фиванцы, сознавая свою неподготовленность, не рѣшались выступать въ открытомъ полѣ, а загородились валомъ и рвами отъ непріятеля. Такъ тянулось дѣло около двухъ лѣтъ. Союзники Спарты предложили искать выхода въ морскихъ операціяхъ, чтобы обезоружить Аѳины, главную опору фиванцевъ. Спартапцы выслали эскадру, которая задержала корабли съ хлѣбомъ, направлявшіеся изъ Понта къ Пирею; въ отвѣтъ на это аѳиняне снарядили флотъ подъ командой Хабріа. У острова Наксоса въ 375 г. произошла весьма крупная битва, въ которой Хабріи одержалъ блестящую побѣду—первый успѣхъ аѳинянъ на морѣ послѣ большой Пелопоннесской войны. Вскорѣ послѣ этого другой аѳинскій командиръ Тимофей, сынъ Конона, доплылъ во главѣ новой эскадры въ западныя воды и склонилъ къ вступленію въ союзъ Коркиру. Аѳиняне сообразовались въ данномъ случаѣ съ требованіемъ федеральной конституціи о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла общины, принимаемой въ союзъ; Коркира сохранила свое олигархическое устройство. Казалось, опять для Аѳинъ возвращалась возможность установленія торговыхъ связей съ западно-греческимъ миромъ.

Между тѣмъ въ Беотіи происходили событія, создавшія крайне невыгодное положеніе для Аѳинъ. Пользуясь отвлеченіемъ пелопоннесскихъ силъ отъ Средней Греціи, оиванцы приступили къ насильственному объединенію Беотіи; они двинулись на Ѳеспіи и другіе города, гдѣ спартанцами были установлены «династіи», разрушили во второй разъ Платей; бѣднота изъ этихъ городовъ устремилась въ Ѳивы⁴; надо думать, что для пролетаріевъ нашлась работа особенно по возведенію новыхъ укрѣпленій; возможно, что Ѳивы въ это время рѣшили по образцу Аѳинъ и Сиракузъ окружить себя обширной фортификаціонной линіей. Достигнутый усиленіемъ престопаго состава общины, новый оиванскій синоикизмъ повелъ къ преобразованію Ѳивъ въ демократію, впервые за всю исторію этого города. По своимъ послѣдствіямъ это была перемѣна очень важная. Руководители оиванской политики должны были сдѣлаться демагогами, обезпечить народу раздачу, заняться вопросомъ о снабженіи выросшаго городского центра продовольствіемъ, т.-е. о приобрѣтеніи выхода къ морю и созданіи флота. Такимъ образомъ объединенная Беотія съ Ѳивами во главѣ стремится сдѣлаться также морскою державой, сравняться въ этомъ отношеніи съ Аѳинами; впрочемъ, морская политика Ѳивъ не была внезапнымъ енуженіемъ новой демократіи: какъ мы видѣли, надъ созданіемъ морского союза, въ которомъ Ѳивы должны были объединиться съ Родосомъ и другими островами малоазійскаго побережья, работалъ уже Иеменій въ 90-хъ годахъ того же вѣка.

Аѳины со страхомъ видѣли это усиленіе Ѳивъ. Официально ихъ союзникъ съ 378 года, Ѳивы ничѣмъ не помогли Аѳинамъ во время трудной морской борьбы противъ Спарты, которая къ тому же стоила аѳинянамъ большихъ финансовыхъ жертвъ; оиванцы принимались за расширеніе Беотіи, принуждая подчиниться своихъ сосѣдей, фокидянъ; они грозили основать въ Средней Греціи общину болѣе крупную, чѣмъ Аттика, и обзавестись для себя портомъ у Эгейскаго моря; наконецъ, въ Аѳины обращались со слезными мольбами эмигранты изъ Платей и Ѳеспій, лишенныхъ автономіи и разгромленныхъ оиванцами. Все это были основанія для Аѳинъ воспѣшить съ заключеніемъ мира, а особенно постараться о сближеніи со Спартой, чтобы найти противовѣсъ возрастающей силѣ Ѳивъ.

Крушеніе общегреческаго мирнаго конгресса. Въ 371 году въ Спартѣ собрались делегаты отъ всѣхъ воюющихъ общинъ для веденія переговоровъ о мирѣ. Послы явились съ большими полномочіями, что дало имъ возможность составить настоящій мирный конгрессъ. На съѣздѣ были представлены посторонніе: тиранъ Сиракузъ, царь македонскій, ѳессалійскій тагосъ и великій царь. Въ числѣ аѳинскихъ пред-

ставителей былъ Каллистратъ, давнишній сторонникъ сближенія со Спартой. Ксенофонтъ приводитъ его рѣчь, будто бы публично сказанную въ большомъ собраніи въ Спартѣ; Каллистратъ предлагалъ официально возвѣстить автономію, а въ дѣйствительности подѣлить между Аѳинами и Спартой сферы вліянія въ Греціи; одна будетъ господствовать на морѣ и надъ островными общинами, другая—на сушѣ, вмѣстѣ же онѣ составятъ неодолимую силу⁵. Конечно, такія вещи не говорятся открыто; но въ тайныхъ переговорахъ несомнѣнно нѣчто подобное предлагали аѳинскіе политики. У нихъ былъ также рядъ специальныхъ желаній: добиться признанія за Аѳинами Амфиполя и Херсонеса у Геллеспонта.

Въ текстѣ предложеннаго конгрессу мирнаго договора, разумѣется, говорилось объ иныхъ вещахъ. Объявлялась со ссылкой на царскій миръ автономія всѣхъ греческихъ общинъ. Спартанцы обязались удалить своихъ гармостовъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они еще находились, а также вывести гарнизоны и сторожевыя эскадры. Въ случаѣ нарушения кѣмъ-либо автономіи предоставлялось желающимъ выступить на помощь обиженной сторонѣ, хотя такое выступленіе и не было признано обязательнымъ. Послѣднее условіе означало, что Спарта отказывается отъ права принуждать своихъ союзниковъ къ походамъ съ цѣлью экзекуцій. Съ другой стороны, косвенно и молчаливо признавалась законность морского союза аѳинскаго, поскольку онъ сохранилъ начала автономіи. Напротивъ, объединеніе Беотіи Ѳивами было также молчаливо признано незаконнымъ въ виду того, что политика оиванцевъ нарушала торжественно и много разъ провозглашенную автономію. Оиванцы, конечно, должны были понимать, что мирный трактатъ направленъ противъ нихъ и клонится къ уничтоженію введенной ими централизаціи въ Беотіи. Но на конгрессѣ ихъ делегаты, среди которыхъ находился будущій побѣдитель Спарты, Эпаминондъ, не рѣшились прямо протестовать противъ принятой всѣми формулировки мирныхъ условій и подписались подъ ними: *оиванцы*. Они попробовали затѣмъ исправить юридическое положеніе свое, явились на другой день и просили измѣнить свою подпись въ *беотійцевъ*. Это значило: Ѳивы уже поглотили другіе беотійскіе города, и въ Беотіи только одна великая автономная община, отъ которой они—единственные представители. Но Агесилай заявилъ имъ, что не согласится на такое измѣненіе, разъ протоколъ составленъ и подписанъ; если они не хотятъ быть включенными въ договоръ, ихъ имя будетъ вычеркнуто. Всѣ остальные присоединились къ его словамъ, и даже аѳиняне остались въ убѣжденіи, что съ оиванцевъ возьмутъ обычный штрафъ уплаты десятины на Дельфійскій храмъ за измѣну общему дѣлу. Во всякомъ случаѣ работа конгресса пропала даромъ, и замиреніе не состоялось.

Объединение сѣверной окраины Греціи. Въ разсказъ о переговорахъ, предшествовавшихъ конгрессу, Ксенофонтъ вставляетъ одинъ эпизодъ, какъ будто не имѣющій прямой связи съ передаваемыми событіями, но, по мысли автора, явно заключающій въ себѣ политическую мораль къ этимъ событіямъ⁶.

Историкъ начинаетъ говорить нѣсколько неожиданно о предстоящемъ объединеніи Фессаліи подъ властью Ясона изъ города Феръ. Этотъ Ясонъ, удачливый командиръ большого наемнаго войска, подчинилъ себѣ цѣлый рядъ фессалійскихъ городовъ. Дѣло идетъ теперь о включеніи въ сферу его вліянія крупнѣйшаго города области, Фарсала, и тогда Ясонъ добьется признанія его диктаторомъ (*ταυρός*) всей Фессаліи. Ясонъ предпочитаетъ излишней войнѣ мирное соглашеніе и вступаетъ въ переговоры съ Полидамомъ, своего рода тиранномъ Фарсала, который держитъ въ своихъ рукахъ цитадель города и арендуетъ всѣ налоги и полученія общины, распоряжаясь неограниченно ея финансами. Ясонъ развиваетъ передъ Полидамомъ тотъ взглядъ, что объединеніе Фессаліи подъ монархической властью превратитъ ее въ сильнѣйшую державу Греціи. Объединенная Фессалія немедленно заставитъ себѣ подчиниться окружающіе племена и народы. Всѣ греки будутъ искать ея дружбы; съ Беотіей она уже въ союзѣ, добиваться ея расположенія начнутъ и Спарта, и Аионы. Ресурсы Фессаліи неисчерпаемы; это обширная, плодородная и богатая страна. Затѣмъ устами Ясона продолжаетъ говорить аинянине Ксенофонтъ, который съ грустью думаетъ о слабости своей родины. «Разъ мы (фессалійцы) будемъ господствовать надъ Македоніей, откуда Аионы получаютъ корабельный лѣсъ, мы выстроимъ несравненно больше кораблей, чѣмъ эта община. Экипажъ для своего флота мы тоже гораздо скорѣе наберемъ, такъ какъ у насъ масса трудолюбивыхъ крѣпостныхъ (*πενέσται*). А ужъ прокормить моряковъ намъ несравненно легче въ нашей плодородной землѣ, откуда приходится вывозить излишекъ, чѣмъ аинянамъ, у которыхъ зерна вовсе нѣтъ, такъ что приходится покупать хлѣбъ. У насъ гораздо обильнѣе финансы (*χρήματα*), потому что мы не зависимъ отъ полученій съ маленькихъ острововъ, а можемъ брать съ племенъ, живущихъ на материкѣ, и какъ только объединится Фессалія подъ властью тагоса, все кругомъ понесетъ ей свою дань». Совершенно неожиданно монологъ поворачивается на тему, для грека представляющую особенно горячій интересъ. «Ты вѣдь знаешь,—обращается Ясонъ къ Полидаму,—что великій царь богаче всѣхъ на свѣтѣ, именно благодаря своимъ доходамъ съ материковыхъ народовъ, ему не нужны эти островки; такъ вотъ слушай: завоевать его владѣнія мнѣ станетъ еще легче, чѣмъ покорить Грецію. Вѣдь тамошніе люди всѣ, кромѣ одного, при-

выкли пресмыкаться, и достаточно было небольшихъ силъ у Кира и у Агесилая, чтобы привести въ трепетъ царя». Полидамъ идетъ на соглашеніе съ Ясономъ, и послѣдняго выбираютъ тагосомъ всей Фессаліи. Диктаторъ производитъ тотчасъ же наборъ военныхъ отрядовъ по городамъ, и получается внушительная сила въ 8.000 кавалеристовъ и 20.000 тяжело вооруженной пѣхоты, не говоря о большомъ количествѣ пелтастовъ.

Мораль разсказа Ксенофонтова очень понятна. Онъ хочетъ сказать: «вы, греки, упустили моментъ ринуться на востокъ, вы продолжаете свои усобицы, раздробляете свои силы, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ сложилось единое большое государство, которое способно подчинить всю Грецію и использовать исключительно для себя выгоды похода на персидскую державу».

Побѣда Фивъ надъ Спартой и ея послѣдствія. Политика Фивъ въ Беотіи была рѣзкимъ нарушеніемъ основнаго условія Анталкидова мира, еще разъ подтвержденнаго конгрессомъ въ Спартѣ. Можно пожалуй вообще сказать, что фиванскій унитаризмъ, очень запоздавшій сравнительно съ аѳинскимъ и спартанскимъ, несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ объединеніе Халкидики Олиномъ, разрушалъ возможность федеративныхъ формъ въ Греціи. Спарта рѣшила положить конецъ фиванской державности, не изъ сочувствія, конечно, къ автономіи, а больше по традиціи, чтобы не потерять свой престижъ. Лишенная, однако, драгоцѣнныхъ субсидій съ Востока, Спарта не могла снарядить большого войска; Агесилай остался въ Пелопоннесѣ, а противъ фиванцевъ поручили дѣйствовать другому царю, Клеомброту, уже стоявшему въ среднегреческой области Фокидѣ съ небольшими сравнительно силами. Въ Спартѣ были голоса, предостерегавшіе отъ такого рискованнаго шага; было мнѣніе, что сначала слѣдуетъ собрать взносы союзниковъ и обработать кассу въ Дельфійскомъ храмѣ; на эти средства только можно вести настоящую войну съ фиванцами. Однако спартанцы понадѣялись на себя и слишкомъ низко оцѣнили противника; Клеомбротъ получилъ приказаніе сразиться съ фиванцами.

Битва при Левктрѣ въ 371 г. не только обнаружила извѣстныя уже раньше боевыя качества фиванцевъ, но также показала новые большіе успѣхи, сдѣланные ими въ военномъ дѣлѣ. Составъ ихъ войска былъ старый, ополченскій, а не наемническій; но главнокомандующій Эпаминондъ сумѣлъ придать гражданской арміи, обыкновенно неуклюжей и не очень послушной, подвижность и дисциплинированность, которыя до тѣхъ поръ наблюдались только у наемниковъ. Кромѣ того, фиванцы проявили какой-то особенный воинственный жаръ: иначе трудно понять, откуда взялась «священная дружина» (*ἱερός λόχος*), органи-

зованная другомъ Эпаминонда и однимъ изъ заговорщиковъ 379 г., Пелопидомъ. Фиванская тяжело вооруженная пѣхота вообще нападала густымъ строемъ, при Делии она состояла изъ 25 рядовъ. Эпаминондъ построилъ колонну еще глубже, въ 50 рядовъ, и пробилъ при нападѣнн, точно клиномъ, спартанскій флангъ. Царь Клеомбротъ палъ въ битвѣ, съ нимъ вмѣстѣ 400 спартиатовъ изъ 700. Спартацы просили о перемиріи для погребенія павшихъ и этимъ признали себя побѣжденными; но они удержали за собой лагерь, и фиванцы не рѣшились на него напасть. Далѣе, при посредничествѣ Ясона, вессалійскаго тагоса, была заключена капитуляція, и спартанское войско получило свободный пропускъ домой. Побѣда фиванцевъ была вовсе не такой блестящей, и на первыхъ порахъ ничего не измѣнила въ общемъ положеніи вещей. Но моральное впечатлѣніе, произведенное ею въ Греціи, было громадно; слава непобѣдимости Спарты на сушѣ была навсегда разрушена, побѣдители, фиванцы, неожиданно выступили первыми воевателями Греціи. Аѣниане были весьма недовольны успѣхами фиванцевъ; когда прибыли въ Аѣны фиванскіе послы съ извѣщеніемъ о побѣдѣ и въ ожиданіи поздравленій, аѣнскій совѣтъ не только не пригласилъ ихъ на общественный обѣдъ, но и вообще не удостоилъ отвѣта. Аѣны попытались еще разъ созвать конгрессъ для заключенія мира и пригласили делегатовъ къ себѣ; этотъ призывъ къ миру не имѣлъ никакого результата. Споръ между Фивами и Спартой разгорался все больше; всѣ недовольные или обиженные Спартой поднялись открыто и обратились за поддержкой къ фиванцамъ.

Изъ Пелопоннеса ихъ позвали аркадяне. Подъ начальствомъ Эпаминонда собралось большое войско съ участіемъ среднегреческихъ племенъ, жившихъ кругомъ Беотіи; подошли ополченія съ о. Эвбеи, которая въ данномъ случаѣ отдѣлилась отъ аѣнскаго союза и дѣйствовала самовольно. Произошло нѣчто неслыханное: Эпаминондъ прошелъ черезъ Истмъ и, присоединивъ отряды аркадянъ и аргивлянъ, проникъ въ долину Эвроты; они собирались разгромить самое Спарту (369 г.). Такого нападенія на свою цитадель спартацы не испытали за все время своей исторіи. Ксенофонтъ передаетъ любопытную бытовую подробность о спартанкахъ, рисующую ихъ чувствительность и привередливость: никогда не видѣвшія врага, спартанскія женщины не могли переносить дыма вражескихъ костровъ. Спартѣ пришлось прибѣгнуть къ рискованному средству и призвать къ оружію гелотовъ. Но господа испугались, увидавъ большой корпусъ вооруженныхъ своихъ крѣпостныхъ; они успокоились лишь, когда подошли подкрѣпленія союзниковъ въ количествѣ, превышавшемъ отрядъ гелотовъ⁷. Агесилай съ трудомъ отбилъ нападеніе фиванцевъ. Изъ всего пелопоннескаго со-

юза вѣрными Спартѣ остались лишь общины сѣверной полосы полуострова: Ахайя, Фліунтъ, Сикіонъ, Коринѣъ. Отпали Элида и вся Аркадія; но особенно тяжелымъ ударомъ для Спарты была утрата ея лучшей зависимой провинціи, Мессеніи. Эпаминондъ объявилъ свободу мессенскихъ крѣпостныхъ, призвалъ мессенскихъ эмигрантовъ, жившихъ колоніями въ Навпактѣ и на о. Кефалленіи, и принялся строить новый укрѣпленный городъ Мессену, въ горной мѣстности, возлѣ Иоомы, въ свое время прославленной геройской защитой мессенскихъ возстанцевъ.

Аркадія, страна мелкихъ деревенскихъ кантоновъ, благодаря своей раздробленности такъ долго служившая Спартѣ сырымъ матеріаломъ для ополченій, попыталась теперь объединиться. Въ консолидаціи Аркадіи виденъ не только чужой примѣръ, но и посторонняя рука, именно воздѣйствіе фиванцевъ, которые сами недавно объединились въ качествѣ централистической демократіи. Рѣшено было устроить большой приудительный синоикизмъ на демократической основѣ: 39 общинъ утрачивали самостоятельность въ пользу одной центральной. Но такъ какъ не хотѣли создавать центръ въ одной изъ старыхъ аркадскихъ общинъ, то устроили искусственное средоточіе. Изъ стратегическихъ соображеній былъ избранъ юго-западный уголъ Аркадіи, вблизи освобожденной Мессеніи, и здѣсь заложенъ новый крупный городъ съ отвлеченнымъ именемъ Мегалополя («великой общины»). Въ немъ должна была засѣдать правительственная коллегія *δξιοπολιται*, и сходиться большое общеаркадское народное собраніе *μύριοι*, т.-е. десяти тысячъ. Аркадское объединеніе рѣшили закрѣпить въ яркомъ символѣ: въ среднѣй города стали строить огромную крытую залу для экклесіи, такъ наз. Ферсилейонъ. Предполагалось организовать взносы съ общинъ, вошедшихъ въ общеаркадскій союзъ, и на средства союзной кассы содержать ополченіе, чтобы не отдавать болѣе на сторону людей въ качествѣ наемниковъ.

Принудительные синоикизмы Беотіи и Аркадіи въ малыхъ размѣрахъ напоминаютъ то, что произошло въ Сициліи: Фивы и Мегалополь въ видѣ внезапно раздувшихся центровъ похожи на Сиракузы. Можно замѣтить въ нихъ дѣйствіе одинаковыхъ соціальныхъ переменъ. Велѣдствіе непрерывныхъ войнъ въ деревняхъ становится небезопасно; доходы землевладѣльцевъ разстраиваются. Масса сельскихъ жителей хочетъ загородиться въ крѣпости и переселяется за городскія стѣны. Перебраться, впрочемъ, могутъ не всѣ, создается привилегированное положеніе тѣхъ, кто укрылся, и въ свою очередь недовольство тѣхъ, кто вынужденъ остаться на мѣстѣ. Далѣе, передвиженіе влечетъ за собой административныя и политическія переменны, которые далеко не всякая

община может осилить. Особенно труден вопрос продовольствования новаго состава городских жителей, среди которыхъ оказывается много безработныхъ. Выходъ къ морю и подвозъ припасовъ издалека при этихъ условіяхъ необходимъ; отсюда попытки морской политики у Эввъ и неизбежная неудача объединенія Аркадіи, такъ какъ область эта не имѣла доступа къ морю.

Опасность полнаго разгрома Спарты повлекла за собой окончательную перемѣну аѳинской политики. Партія Каллистрата добилась теперь отправки военной помощи спартамцамъ подъ начальствомъ лучшаго командира Аѳинъ, Ификрата. Подъ давленіемъ аѳинянъ Эпаминондъ долженъ былъ отступить въ Беотию. Но Истмъ остался въ рукахъ эвванцевъ, и ничто не помѣшало Эпаминонду пройти на другой годъ опять въ Пелопоннесъ. При этомъ положеніе Аттики стало чуть ли не хуже, чѣмъ бывало во времена силы пелопоннескаго союза, когда спартамцы могли безпрепятственно пройти черезъ перешеекъ и задѣть аѳинскую территорію; теперь эвванцы, пользуясь той же дорогой въ обратномъ направленіи, доставляли аѳинянамъ еще больше безпокойства, такъ какъ Эввы были совсѣмъ близко отъ Аѳинъ.

Одновременно съ пелопоннеской политикой эвванцы пробовали расширить свое вліяніе на сѣверъ. Когда опасный для Греціи объединитель, Ясонъ изъ Феръ, былъ убитъ, эвванцы отправили Пелопида на помощь ѳессалійской аристократіи, враждебной тиранну и его наследникамъ. Пелопидъ пытался также распространить вліяніе Эввъ изъ ѳессаліи въ Македонію. Судя по далеко раскинутымъ порученіямъ, исполнявшимся эвванскими стратегами и дипломатами, возникшая въ 379 году демократія проявила большую энергію и дѣятельность. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о внутренней жизни Эввъ за этотъ періодъ, кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ біографіи Пелопида, составленной Плутархомъ. Здѣсь упоминается въ качествѣ соперника Пелопида и Эпаминонда демагогъ Менеклидъ, одинъ изъ заговорщиковъ, совершившихъ вмѣстѣ съ Пелопидомъ переворотъ 379 года. Такъ какъ біографія Пелопида носитъ характеръ узкаго мѣстно-патріотическаго прославленія военнаго героя (Плутархъ—уроженецъ беотійской Херонеи), то она изображаетъ Менеклида развращенной, мелкозавистливой натурой, хотя даже по этому пристрастному изображенію видно, что демагогъ былъ очень даровитымъ человѣкомъ и между прочимъ великолѣпнымъ ораторомъ. Мы узнаемъ только, что послѣ пелопоннескаго похода 369 г. Менеклидъ призвалъ къ отвѣту Пелопида и Эпаминонда за то, что они незаконно продолжили свое командованіе на 4 мѣсяца, не получивъ уполномоченія отъ народа. Обоимъ командирамъ безъ труда удалось оправдаться, и даже потомъ Пе-

лопидъ въ свою очередь притянулъ на судъ Менеклида и добился осужденія его на тяжелый штрафъ⁸. Очевидно, въ Эввахъ образовалась та же противоположность стратеговъ и демагоговъ, какая была въ Аѳинахъ эпохи Пелопоннеской войны; при отсутствіи демократической практики и строго-конституціонныхъ традицій военные люди, импонируя толпѣ, легко брали верхъ.

Конгрессы грековъ въ Дельфахъ и при персидскомъ дворѣ. Всѣ общины Греціи были затянуты въ междоусобія, но рѣшительнаго перевѣса не имѣла ни одна изъ двухъ большихъ спорившихъ группъ. Положеніе нѣсколько напоминало моментъ 387 г. передъ заключеніемъ Анталкидова мира, и опять для великаго царя открылась возможность вмѣшательства въ споры грековъ. Въ качествѣ дипломатическаго представителя персидскихъ интересовъ въ Грецію явился нѣкто Филискъ, уроженецъ Абидоса у Геллеспонта, получившій отъ сатрапа Арибарзана порядочную сумму денегъ. Агентъ персидскаго правительства пригласилъ грековъ собраться на конгрессъ въ Дельфы; сюда явились эвванцы, спартамцы и члены аѳинскаго союза. Делегаты, какъ говоритъ Ксенофонтъ, вовсе не стали спрашивать бога о способахъ замиренія Греціи, а начали совѣтоваться между собою. Филискъ отъ имени царя потребовалъ, чтобы Мессенія была возвращена Спартѣ, но эвванцы не согласились, и конгрессъ разстроился; Филискъ могъ исполнить только часть своего порученія—нанять на персидскую субсидію вспомогательный отрядъ для Спарты.

Ободренные сочувствіемъ великаго царя, спартамцы отправили къ нему въ Сузу посольство, надѣясь получить еще болѣе реальную помощь. Тогда эвванцы рѣшили обратиться къ той же инстанціи и послали ко двору Артаксеркса Пелопида. Стѣдомъ за нимъ туда же послали делегаты отъ Аѳинъ, Аркадіи и Элиды. Въ Сузѣ собрался настоящій конгрессъ грековъ, ожидавшій властнаго рѣшенія отъ царя. Теперь уже представители республиканскихъ общинъ не стѣснялись ухаживать за царемъ, принимать его подарки, выпрашивать его милостивое слово по поводу своихъ чисто-греческихъ мѣстныхъ дѣлъ. Пелопидъ усиленно выхвалялъ традиціонныя отношенія Эввъ къ персамъ, ихъ всегдашнюю взаимную дружбу и вѣрность эвванцевъ царю; изъ двухъ аѳинскихъ пословъ одинъ, Тимагоръ, поддакивалъ Пелопиду и зато получилъ второе мѣсто по степени почета и подарковъ. Когда царь спросилъ эвванскаго посла, чего они, собственно, добиваются, Пелопидъ отвѣтилъ: свободы Мессеніи и удаленія аѳинскихъ кораблей (подразумѣался отказъ Аѳинъ отъ Амфиполя и невмѣшательства аѳинянъ въ дѣла Македоніи). Артаксерксъ охотно согласился вписать въ текстъ договора желанія своихъ друзей, эвванцевъ, но когда объ этомъ его

рѣшеніи узнали другіе делегаты, второй аѳинскій посоль Леонъ воскликнулъ: «Говорю передъ Богомъ, что намъ, аѳинянамъ, придется искать, вмѣсто царя, другого союзника!» Артаксерксъ заинтересовался выходкой горячаго аѳинянина и просилъ перевести его слова; узнавши, въ чемъ дѣло, онъ велѣлъ прибавить для утѣшенія аѳинянъ къ тексту грамоты: «если аѳиняне сумѣютъ указать болѣе справедливыя условія, пусть сообщать ихъ царю». Ему, очевидно, очень понравилась роль постоянного третейскаго судьи во всѣхъ греческихъ дѣлахъ (367 г.).

Возвратившись домой, послы высказались о персахъ въ мѣру испытанныхъ при сузскомъ дворѣ милостей. Леонъ обвинилъ Тимагора въ измѣнѣ, и аѳинскій народъ присудилъ подкупленнаго делегата къ смертной казни. Элейскій посоль былъ въ восторгѣ отъ персовъ, потому что царь поставилъ Элиду выше Аркадіи, а аркадскій посоль Антиохъ, силачъ и борець, не получившій ни гроша, острилъ, что у царя много поваровъ, кондитеровъ, виночерпѣвъ и лакеевъ, зато не видно людей, которые могли бы сразиться съ греками; а знаменитое золотое древо у царскаго трона не даетъ тѣни даже стрекозѣ.

Если въ Сузѣ такъ легко было делегатамъ забыть республиканскія традиціи, то въ самой Греціи дѣло обстояло нѣсколько иначе. Фиванцы очень скоро получили урокъ отъ своихъ же союзниковъ, которыхъ вызвали къ себѣ для выслушанія новаго царскаго мира. Въ собраніи выступилъ персъ, привезшій грамоту съ царской печатью; онъ показалъ печать, торжественно вскрылъ ее и прочиталъ текстъ договора; фиванцы предложили со своей стороны союзникамъ присягнуть въ соблюденіи выговоренныхъ въ немъ условій, но делегаты объявили, что явились только выслушать сообщенія, а не для ратификаціи; съ послѣднею цѣлью должно обратиться къ самимъ общинамъ, какъ автономнымъ силамъ. Особенно непріятныя вещи пришлось выслушать фиванцамъ отъ депутатовъ Аркадіи, страны, которой они помогли возродиться къ политической жизни: аркадянинъ Ликомедъ заявилъ, что союзному собранію (*σύλλογος*) вовсе не мѣсто въ Фивахъ; оно должно быть тамъ, гдѣ кипитъ война, въ Пелопоннесѣ. Фиванцы пробовали остановить его рѣчь и сказали, что онъ портитъ имъ союзниковъ; тогда Ликомедъ и съ нимъ всѣ остальные аркадяне покинули засѣданіе. Пришлось посылать договоръ по отдѣльнымъ общинамъ; первый же городъ, получившій текстъ царскаго мира, Коринѳъ, объявилъ, что не станетъ присягать, потому что не имѣетъ ничего общаго съ царемъ; отказались и другіе. «Такъ рушилась воображаемая держава (*τῆς ἀρχῆς περιβολῆς*) Пелопида и фиванцевъ»⁹.

Послѣднее замѣчаніе Ксенофонта, безъ сомнѣнія, внушено традиціонной ненавистью и насмѣшкой аѳинянъ въ отношеніи фиванцевъ;

но въ немъ заключенъ до извѣстной степени общегреческій приговоръ надъ политикой Фивъ. Среди общаго истощенія и разстройства Греціи выдвинулась съ притязаніемъ на первую роль грубоватая, отсталая Беотія. Она сумѣла выставить крупный военный талантъ Эпаминонда и показала себя лучшимъ греческимъ войскомъ IV вѣка; оригинальна была и ея программа иностранной политики. Но съ дипломатической и политической стороны она заявила себя средой бездарной и лишенной всякой чуткости. Въ сущности Фивы своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Македоніи и Фессаліи открыли македонскимъ царямъ пути въ Грецію. Фиванцы воображали, что могутъ всего достигнуть лестью и ухаживаніемъ за великимъ царемъ; въ деликатныхъ вопросахъ федеральнаго права, въ искусствѣ сношеній съ автономными общинами они обнаружили полную неспособность. Въ самой Беотіи фиванцы ознаменовали свою объединительную дѣятельность экзекуціями и разрушеніями; они воспользовались заговоромъ орхоменскихъ рыцарей, чтобы окончательно разгромить стариннѣйшій городъ Беотіи, разрушить стѣны Орхомена, продать въ рабство его населеніе и присоединить къ Фивамъ его территорію.

Впрочемъ, большая перемѣна видна и въ аѳинянахъ, которые были въ прежнее время такими мастерами политическаго искусства; теперь они обнаруживали отсутствіе сдержки, суетливость и непослѣдовательность, непрерывно нарушали выработанное при участіи самихъ же Аѳинъ новое федеральное право и затѣмъ срывали свой гнѣвъ на дипломатахъ и командирахъ, которымъ не удавалось поспѣть за нервическими поворотами настроеній.

Колебанія аѳинской политики. Положеніе руководящихъ дѣятелей въ Аѳинахъ было не менѣе трудно, чѣмъ въ эпоху Пелопоннеской войны. Надо удивляться еще, какъ долго удавалось Каллистрату сохранять свое вліяніе. Среди очень трудныхъ обстоятельствъ онъ лавировалъ между Спартой и Фивами, а въ орудованіи морскимъ союзомъ— между централизмомъ и автономіей. Компромиссы, къ которымъ онъ прибѣгалъ, составляли результатъ необходимости удовлетворять одновременно интересы двухъ противоположныхъ группъ: консервативно-умѣренной, состоявшей изъ аѳинскихъ капиталистовъ, и радикально-демократической, опиравшейся на сельскую и городскую бѣдноту. Первая всячески желала избѣгнуть войны, поскольку война была связана съ усиленными налогами на имущество; поэтому она старалась соблюдать федеральныя условія и не раздражать союзныя общины нарушеніемъ автономіи. Въ ея интересы входила дружба съ посторонними воинственными силами, Спартой, македонскимъ и фракійскимъ царьками, а также полученіе субсидій отъ великаго царя (очень вѣроятно, что

угодивший Артаксерксу Тимагоръ принадлежалъ къ консервативной партіи); такая помощь со стороны была нужна для того, чтобы приобрести и удерживать торговля станции по возможности безъ выплатъ изъ аѳинскихъ капиталовъ. Напротивъ, радикальная демократія клонила къ старымъ приемамъ централистической политики въ духъ V вѣка: въ ея программѣ оставались энергичное веденіе войны, чрезвычайные финансовыя сборы, большая добыча, опорные военные пункты и военныя колоніи за границей.

Соглашеніе между обѣими группами было возможно, пока все шло гладко и удачно, пока между Фивами и Спартой еще было равновѣсіе и пока аѳиняне пользовались свободой на морѣ; но послѣ битвы при Левктрѣ въ 371 году положеніе измѣнилось. Эвбейскіе города нашли для себя выгоднымъ примкнуть къ фиванцамъ и грозили выйти изъ состава морского союза. Становилось необходимымъ усилить наблюденіе за Эвбеей. Но какъ разъ въ это время отъ Аѳинъ отпалъ Оропосъ, пограничный съ Беотіей городъ, мѣсто переправы на Эвбею черезъ узкій проливъ Эвринтъ. Появленіе передъ отпавшимъ городомъ эскадры изъ аѳинскихъ и союзническихъ кораблей не помогло дѣлу. Между прочимъ союзники, опираясь, очевидно, на положенія федеральнаго договора, отказались участвовать въ осадѣ Оропоса. Въ Аѳинахъ народъ пришелъ въ большое волненіе. Неудачей воспользовались политическіе противники Каллистрата, чтобы обвинить его самого и выдающагося стратега Хабрія въ небрежности (365 г.). Каллистратъ, великолѣпный ораторъ (δεινός λέγειν)¹⁰, вышелъ съ честью изъ этого процесса. Его оправданіе, впрочемъ, объясняется, вѣроятно, не столько его искусствомъ, сколько тѣмъ, что аѳинскій демосъ былъ съ лихвой вознагражденъ большими успѣхами въ проливахъ, въ сѣверной и восточной части Эгейскаго моря. Героемъ ихъ былъ Тимоѳей, сынъ Конона. Сначала посланный на помощь одному изъ малоазійскихъ сатраповъ, Тимоѳей служилъ у него въ качествѣ наемника, вмѣстѣ съ Агесилаемъ, которому на старости лѣтъ тоже пришлось наниматься, чтобы наколотить денегъ своей обѣдѣвшей родинѣ. Среди операцій въ Геллеспонтѣ Тимоѳей улучилъ моментъ и напалъ на Самосъ, захваченный другимъ персидскимъ сатрапомъ: вмѣсто того, чтобы присоединить Самосъ къ союзу въ качествѣ автономной общины, аѳинскій стратегъ согласился на изгнаніе мѣстныхъ жителей съ острова; на ихъ мѣсто отправили одну за другой двѣ большія партіи клеруховъ, устраивая такимъ способомъ безземельную аѳинскую бѣдноту. Аѳиняне нарушили самымъ рѣзкимъ образомъ федеральную конституцію, вызывая этимъ прежде всего негодованіе и страхъ ближайшихъ островныхъ сосѣдей, Хиоса и Родоса. Между тѣмъ Тимоѳей шелъ отъ одного успѣха къ

другому: онъ захватилъ въ Халкидикѣ Потидею и предоставилъ ее также аѳинскимъ колонистамъ; у Геллеспонта онъ завоевалъ рядъ пунктовъ на еракійскомъ Херсонесѣ и обезпечилъ господство Аѳинъ у проливовъ. Самъ занимая мѣсто среди высшихъ слоевъ аѳинскаго общества, Тимоѳей приобрѣлъ необыкновенную популярность у демоса. Но Аѳины потеряли репутацію защитника морскихъ общинъ, установившуюся въ 377 году.

Послѣдніе успѣхи фиванцевъ. Эпаминондъ рѣшилъ воспользоваться положеніемъ. У фиванцевъ былъ теперь удобный выходъ въ море черезъ Оропосъ: они снарядили большой флотъ, съ которымъ Эпаминондъ отправился по направленію «къ Азіи и къ островамъ». Сохранилось одно характерное выраженіе изъ его программной рѣчи въ пользу морской политики: «вы, фиванцы, будете покойны, лишь когда перенесете Пропилеи аѳинскаго акрополя къ стѣнамъ Кадмеи»¹¹. Эпаминондъ проѣхалъ проливы и добрался до Византіи. Если у фиванцевъ была мысль объединить островныя общины, какъ они уже пытались сдѣлать это въ 395 году, то на ряду съ нею возникла другая—отбить у аѳинянъ путь хлѣбнаго подвоза изъ Понта.

Фиванцамъ не удалось добиться значительныхъ успѣховъ на морѣ, такъ какъ обстоятельства опять отозвали Эпаминонда въ Пелопоннесъ. Здѣсь кипѣли междоусобія, и вліяніе Фивъ было въ упадкѣ. Объединенные аркадяне бросились на Элиду, добрались до Олимпіи, захватили въ свои руки празднованіе игръ и отобрали большую храмовую кассу; на священныя деньги рѣшено было содержать ополченіе. Землевладѣльческая партія воспользовалась случаемъ и протестовала противъ насильственной финансовой мѣры; аркадское ополченіе разстроилось, и вся Аркадія распалась на двѣ группы; демократы позвали фиванцевъ, ихъ противники обратились къ Спартѣ. Каллистратъ отправился въ Пелопоннесъ и пытался привлечь Аркадію къ союзу съ Аѳинами, но потерпѣлъ неудачу. Эпаминондъ появился въ Аркадіи съ большимъ войскомъ въ 30.000 человекъ; спартанцы, къ которымъ пришли на помощь аѳиняне, выставили лишь 20.000. При Мантинейѣ произошла битва, въ которой греки въ послѣдній разъ рѣшали свои споры помимо посторонняго участія. Эпаминондъ снова построилъ войско, какъ при Левктрѣ, клиномъ, чтобы разбить непріятельскую линію. Фиванцы уже были близки къ побѣдѣ, когда Эпаминондъ получилъ смертельную рану; часть его войска не исполнила порученнаго ей движенія, и сраженіе осталось нерѣшеннымъ (362 г.).

Послѣ смерти Эпаминонда фиванцы не продолжали его пелопоннескихъ предпріятій. Великодержавная политика Фивъ вообще окончилась; они покинули также свои притязанія въ Фессаліи и на морѣ. Но краткій

(371—362 гг.) подъем аианскаго могущества сыгралъ свою роль въ разрушеніи другихъ греческихъ силъ. Противники аианцевъ были жестоко ослаблены. Спарта такъ и не могла вернуть себѣ Мессенію; о возобновленіи пелопоннескаго союза нельзя было и думать. Аианяне терпѣли одну неудачу за другой. Эракійскій царекъ Котисъ захватилъ часть аианскихъ владѣній у Геллеспонта. Византіійцы и калхедонцы останавливали суда съ хлѣбомъ, ѣхавшіе въ Пирей. На западѣ отъ морскаго союза отпалъ важный островъ Коркира. Аианскій флотъ былъ такъ слабъ, что не могъ прекратить пиратскихъ набѣговъ, которые предпринималъ въ Эгейскомъ морѣ Александръ, тираннъ города Феръ, замѣтившій Ясона. Мало того: каперы Александра разбили аианскую эскадру, находившуюся подъ начальствомъ Леосѳена, затѣмъ бросились на незащищенный Пирей и захватили всю наличность, находившуюся въ мѣняльныхъ лавкахъ.

Паденіе Каллистрата. Такъ же, какъ послѣ потери Оропсеа, и теперь въ Аианхъ притянули къ суду стратеговъ и политиковъ, которыхъ считали виновными въ неудачахъ. Сначала осудили на смерть Леосѳена, но онъ успѣлъ бѣжать. Затѣмъ гроза собралась надъ головою Каллистрата (361 г.). Наши свѣдѣнія объ этой эпохѣ такъ разрознены¹², что хорошенько нельзя выяснитъ, въ чемъ обвинялся дѣятель, которому удавалось въ теченіе 25 лѣтъ сохранять руководящее положеніе въ политикѣ. Его главные противники были люди такъ наз. аианской партіи; они подняли голову теперь, когда Эивы болѣе не представляли опасности; вѣроятно, они особенно настаивали на бесполезности устроеннаго Каллистратомъ союза со Спартой, впавшей въ ничтожество, между прочимъ, на неудачѣ его послѣдней миссіи въ Пелопоннесѣ. Такъ какъ Каллистратъ считался главнымъ устройтелемъ морскаго союза 378—377 года, то на него старались звалить всю вину за неудачи союзной политики.

Въ процессѣ Каллистрата участвовали также мотивы внутренней политики, но въ нихъ еще труднѣе разобраться. Во главѣ враждебной ему партіи стоялъ старый радикальный дѣятель Аристофонтъ, участникъ демократической реставраціи 403 года. Но изъ дальнѣйшаго видно, что ко власти придвигалась группа капиталистовъ, сторонниковъ мирнолюбивой политики; они, повидимому, воспользовались радикалами лишь какъ орудіемъ, чтобы низвергнуть неудобнаго имъ политическаго вождя. Каллистратъ, въ началѣ своей карьеры, въ 80-хъ годахъ, представлялъ отклоненіе отъ старой воинственной политики поколѣнія Эрасибула и Конона; теперь, къ концу 60-хъ годовъ направленіе Каллистрата само стало казаться слишкомъ воинственнымъ. Главная, хотя и не сознаваемая причина этой новой оцѣнки политики состояла въ

неудержимомъ паденіи вышнихъ силъ Аианъ. Мастерство Каллистрата именно заключалось въ томъ, что онъ долго находилъ возможность приспособляться къ факту растущаго упадка; въ концѣ-концовъ и онъ сорвался. Если дѣятель, выдающійся по таланту и гибкости, не успѣлъ за событіями, то было бы трудно ожидать отъ массы гражданъ быстрого примиренія съ новымъ положеніемъ вещей. Прежде чѣмъ понять общую причину затрудненій, аианскій народъ бурлилъ и кипѣлъ, искалъ личныхъ виновниковъ, расправлялся съ воображаемыми злодѣями.

Каллистратъ не рѣшился на этотъ разъ выдерживать защиту, какъ за пять лѣтъ до того, и бѣжалъ, не дождавшись приговора. Безпокойный умъ и горячій патріотъ, онъ не долго вытерпѣлъ въ изгнаніи: запасшись совѣтомъ Дельфійскаго оракула, неизвѣстно на что уповая, онъ вернулся въ Аианы и бросился къ алтарю 12 боговъ: но противники настигли его и добились исполненія смертнаго приговора.

Съ 360 года Аианы терпятъ одну неудачу за другой: разбились всѣ попытки вернуть Амфиполь, эракіецъ Котисъ отобралъ почти всѣ владѣнія аианянъ въ Херсонесѣ, за всякимъ пораженіемъ слѣдовалъ процессъ стратеговъ. Одного изъ командировъ казнили за неуспѣхъ дѣйствія противъ Амфиполя и невыгодное для Аианъ соглашеніе съ македонскимъ царемъ, другого присудили къ тяжелому штрафу за бездѣйствіе въ Херсонесѣ; третьяго опять осудили на смерть за потерю Сеста, составлявшаго ключъ Геллеспонта въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Съ истощеніемъ финансовъ стало вообще невыгодно служить аианскому народу. Лучшіе аианскіе командиры, Хабрій, Ификратъ, занимались на сторонѣ, Хабрій принялъ участіе въ возстаніи Египта противъ великаго царя, Ификратъ сталъ помогать эракійскому царьку и даже породнился съ нимъ. Немудрено, что граждане одной и той же общины могли встрѣтиться въ качествѣ военныхъ противниковъ. Со смертью Артаксеркса II начались мятежи по всей западной окраинѣ персидской державы. Аианяне вошли въ союзъ съ самымъ вліятельнымъ изъ взбунтовавшихся малоазійскихъ сатраповъ, Оронтомъ, и поручили своимъ стратегамъ двинуть ему на помощь флотъ, стоявшій подъ Лесбосомъ: они вступили на берегу Малой Азіи въ борьбу съ аианскимъ же командиромъ Аианодоромъ, который нанялся на службу къ великому царю.

Вышняя политика Аианъ находилась рѣшительно въ слабыхъ рукахъ послѣ осужденія и бѣгства Каллистрата. Разбрасывая силы между Коркирой, Амфиполемъ, Херсонесомъ и малоазійскимъ возстаніемъ, аианяне не замѣтили, какъ подготовилось большое возстаніе союзниковъ.

Разстройство аианскаго морскаго союза. У союзниковъ было много основаній недовольства. Союзъ составилъ для охраны торговыхъ

интересовъ общинъ, находившихся на островахъ Эгейскаго моря, а между тѣмъ аѳиняне примѣняли союзный флотъ и финансы для предприятий, направленныхъ къ ихъ собственному усилению, не говоря о такихъ вопіющихъ нарушеніяхъ, какъ посылка аѳинскихъ колонистовъ на союзническую территорию; въ то же время у нихъ не хватало силъ помѣшать развитію пиратства во внутреннихъ водахъ греческаго міра; кромѣ разбойничьяго флота Александра Ферскаго, на самомъ Херсонесѣ въ непосредственной близости аѳинскихъ владѣній образовалось гнѣздо морскихъ калперовъ, которые не только тревожили торговые суда, но высаживались на островахъ, захватывали въ плѣнъ людей и продавали въ рабство. Въ существованіи союза теперь явно не было смысла; тѣмъ болѣе возмущало союзниковъ появленіе аѳинскихъ стратеговъ, съ угрозами собиравшихъ такъ назыв. товарищескіе взносы общинъ.

Недовольные островитяне нашли поддержку у могущественнаго князя Каріи, Мавсола, который сначала принималъ участіе въ возстаніи сатраповъ, а затѣмъ отсталъ отъ нихъ и сблизился опять съ великимъ царемъ. Мавсолъ выбралъ своей столицей греческій городъ Галикарнасъ; отсюда онъ завелъ сношенія съ Хіосомъ и Родосомъ и отправилъ имъ на помощь флотъ и наемниковъ. вмѣстѣ съ этими островами отложились отъ Аѳинъ могущественная Византія, а также сосѣдніе съ нею города Перинѳъ и Селимбрія; всѣ они отказали въ уплатѣ взносовъ и образовали свой частный союзъ. Аѳины сохранили власть лишь надъ городами Эвбеи и Лесбосомъ.

О союзнической войнѣ (357—355) мы знаемъ очень немного, по отрывочнымъ намекамъ у нѣкоторыхъ ораторовъ; а между тѣмъ это была крупнѣйшій кризисъ въ исторіи аѳинскаго паденія. Намъ надо постараться уяснить смыслъ явленій. Въ Аѳинахъ явно брала верхъ партія консервативная, партія мира и отказа отъ крупныхъ задачъ, но она не рѣшалась сразу прямо и открыто выступить. Сначала выслали противъ отпавшихъ союзниковъ большой флотъ; снаряженная эскадра была самой крупной изъ всѣхъ, которая оперировала послѣ Пелопоннесской войны; посланы были и лучшіе командиры республики, Ификратъ и его сынъ Менесей, Хабрій и Тимофей. Всѣ они, повидимому, были въ соглашеніи съ группой умѣренныхъ и сторонниковъ мира; но радикально-воинственная партія провела въ качествѣ главнокомандующаго своего человѣка, Хареса.

Въ моментъ рѣшительнаго столкновенія съ флотомъ союзниковъ Харесъ не встрѣтилъ поддержки своихъ сотоварищей и долженъ былъ отступить. Въ образѣ дѣйствій Ификрата и Тимофея (Хабрій погибъ въ небольшой стычкѣ) явно сказалось давленіе партіи мира: они не рѣ-

пились рисковать послѣдними военными силами, заняли выжидательное положеніе и вступили въ переговоры съ отпавшими союзниками. Въ свою очередь эта сдержка съ необходимостью вытекала изъ условій снаряженія послѣдняго флота Аѳинъ. Потребовалось огромное финансовое усиліе. Въ виду этого произошла реформа въ поставкѣ кораблей, вмѣсто старой триерархін, т.-е. добровольныхъ взносовъ со стороны отдѣльныхъ богатыхъ людей, былъ введенъ налогъ на весь имущій классъ; плательщиковъ раздѣлили на симморіи, податныя группы съ круговой порукой. По виду это была демократическая мѣра, проведенная въ духѣ прогрессивнаго налога, съ большимъ давленіемъ на богатыхъ и въ интересахъ массы бѣдныхъ, оставшихся вмѣстѣ платевой повинности. Но та же реформа выдвинула богатыхъ въ управленіи: во главѣ симморій стали 300 крупнѣйшихъ по достатку гражданъ; между ними была разложена отвѣтственность, на нихъ легла тяжелая повинность, но они же получили руководящую роль въ дѣлахъ. Они стали назначать триерарховъ, т.-е. капитановъ военныхъ кораблей, и фактически команда обратилась въ составъ офицеровъ, зависимыхъ отъ высшей финансовой коллегіи. Поставленные во главѣ дѣлъ, обладатели капитала не могли позволить загубить военныя и морскія силы, снаряженные на ихъ счетъ, для того, чтобы потомъ опять нести тотъ же разорительный налогъ.

Въ результатѣ финансовой реформы, создавшей негласный, но все-таки сильный правительственный комитетъ, война остановилась, а другого средства вернуть къ подчиненію отпавшихъ союзниковъ не было: Аѳинамъ приходилось отступать съ позиціи великой державы. Послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ побѣжденной радикальной демократіи былъ процессъ знаменитыхъ аѳинскихъ стратеговъ; Харесъ донесъ народу о преступномъ бездѣйствіи коллегъ, ихъ вызвали на судъ въ Аѳины. Ификратъ и Тимофей держали себя во время процесса высокомерно и потѣшались надъ своими обвинителями, людьми гражданскаго званія и несмыслищими въ военномъ дѣлѣ. Ификратъ былъ оправданъ, Тимофея присудили къ большому штрафу, оба они покинули Аѳины. Харесъ получилъ отъ народа исключительныя полномочія, но и онъ не въ силахъ былъ дать войнѣ лучшей оборотъ.

Оставалось примириться съ необходимостью. Теперь консервативная партія выступила открыто и добилась мира: отпавшимъ союзникамъ предоставили полную автономію; у Аѳинъ остались только острова съ-верной части Эгейскаго моря, т.-е. владѣнія, признанныя еще въ 403 г.

Упадокъ аѳинской демократіи. Миръ 355 года составлялъ ясное признаніе конца державной политики. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ активной демократіи въ старомъ смыслѣ, концомъ дѣйстви-

тельного вліянія широкихъ слоевъ, низшихъ классовъ общества. Правда, народныя собранія, контроль должностныхъ лицъ и другія формы, выработанныя въ прошломъ, остались, но онѣ обратились теперь скорѣе въ декорацію, въ парадъ демократіи. Собиравшаяся въ экклесіи масса народа была непохожа на воинственныхъ, острыхъ и притязательныхъ гоплитовъ и ѳетовъ V вѣка. Аѳины вели теперь не только сухопутныя, но и морскія войны наемными силами, и граждане не упражнялись въ маневрахъ, не водили военныхъ триеръ, какъ въ героическія времена аѳинской державы; это были люди мирныхъ профессій, гораздо менѣе способные вникать въ частности военнаго дѣла, за которыми такъ внимательно слѣдилъ демосъ V вѣка. Гораздо слабѣе сталъ также контроль финансовъ, которому гражданство державной эпохи посвящало такъ много времени и заботы. Демосъ склоненъ былъ теперь довѣрять большіе отдѣлы управленія въ постоянное завѣдованіе опредѣленнымъ лицамъ, которыя разъ заслужили его довѣріе.

Декоративность традиціонныхъ учрежденій демократіи получила какъ бы символическое выраженіе; новые руководители аѳинской политики сохранили и даже расширили одинъ изъ видовъ раздачи народу, именно теоріки, т.-е. билеты на посѣщеніе театра и другихъ публичныхъ зрѣлищъ. Систему широкой раздачи теоріка вводитъ Эвбуль, вліяніе котораго особенно замѣтно съ 355 года, момента окончанія союзнической войны. Эвбуль занимаетъ своеобразную должность, впервые въ это время появившуюся въ Аѳинахъ: онъ—управитель кассы теоріковъ (*ὁ ἐπὶ τῷ Θεωρικῶν*)¹³. Въ качествѣ такового онъ получаетъ контроль надъ всѣмъ финансовымъ дѣломъ, надъ общественными работами и даже военнымъ снаряженіемъ. И Эвбуль, и другой начальникъ праздничной кассы Діофантъ выдѣлились своей щедростью, и ихъ тароватость сохранилась въ памяти народа.

Историку интересно отмѣтить, что въ Аѳинахъ IV вѣка уже есть многое, что потомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ повторилось въ Римѣ подъ конецъ республики. Такъ точно въ Римѣ запомнились народу Помпей, Цезарь и Октавіанъ, поразившіе массу своими щедротами; въ тотъ моментъ, когда императоры построили великолѣпныя залы для народныхъ собраній, эти собранія, фактически безсильныя, замолкли, и весь демократическій парадъ переселился въ циркъ. Въ Аѳинахъ народъ-государь получалъ по-старому почетъ и лучшія мѣста на праздникахъ; самодержцу въ отставку выдавали очень хорошую пенсію. Руководящія группы общества были настолько тактичны, что не тронули старыхъ символовъ, не стали спорить за каждую статью бюджета, разъ только избавились отъ гнета прогрессивнаго налога, вызывавшагося великодержавной политикой. Довольно курьезна еще слѣ-

дующая черта Аѳинъ IV вѣка, сближающая великую греческую республику съ Римомъ въ эпоху наступленія императорства. Въ свое время гордый демосъ допускалъ у себя лишь изваяніе тиранноубійць въ качествѣ первыхъ республиканскихъ героевъ; теперь городъ сталъ увѣковѣчивать славу иного рода: большая рыночная площадь украсилась статуями Эвагора, кипрскаго тиранна, оказавшаго услуги Аѳинамъ, счастливыхъ командировъ Конона, Хабрія и Тимофея, передъ успѣхами которыхъ масса преклонялась тѣмъ болѣе, что они избавили ее отъ необходимости вооружаться и лично воевать.

Мы видѣли, что развязка большой аѳинской драмы, въ которой такъ тѣсно сплелись державная политика и активная демократія, обошлась не безъ трагическихъ эпизодовъ: моральное состояніе аѳинскаго народа въ моментъ паденія республики ярко отражается въ лихорадочныхъ снаряженіяхъ изъ послѣднихъ силъ, въ нетерпѣливыхъ смѣнахъ командировъ, въ политическихъ процессахъ демагоговъ и стратеговъ,—процессахъ, которые превращались въ акты распаленной мести.

Программа миролюбивой торговой республики. Намъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстна радикальная публицистика эпохи паденія большого морского союза, и только самый фактъ ея существованія остается несомнѣннымъ, какъ можно заключить изъ дѣятельности Демосѳена, этого несравненнаго таланта, выставленнаго погибающей республикой; онъ не могъ не имѣть предшественниковъ и вдохновителей. Что же касается публицистики консервативной, то она дошла до насъ въ видѣ двухъ очень любопытныхъ произведеній, авторы которыхъ поставили себѣ задачей примирить высшіе слои общества съ новымъ положеніемъ вещей и даже открыть въ немъ своеобразныя выгоды.

Одно изъ нихъ есть брошюра неутомимаго Исократы, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, сохранилъ весь пылъ журналиста, стремящагося непрерывно освѣщать и направлять общественное мнѣніе. Статья носитъ заглавіе *Συμμαχικός ἢ περί εἰρήνης* и написана въ самый разгаръ союзнической войны въ 357 или 356 году. По господствующему въ ней тону она приблизительно противоположна программѣ, которую за четверть вѣка до того развивалъ тотъ же авторъ въ «Панегриркѣ». Тогда онъ призывалъ къ большой войнѣ, къ широкой организаціи подъ предводительствомъ Аѳинъ; теперь дѣло идетъ о сокращеніи задачъ и расходовъ, объ отказѣ отъ того, что Исократъ считаетъ обидимъ и упорнымъ аѳинскимъ предрасудкомъ. Народъ хочетъ большого союза, безусловнаго единства дѣйствій всѣхъ союзниковъ, послушныхъ его руководству, хочетъ настойчиваго веденія войны; Исократъ требуетъ неограниченной свободы для всѣхъ союзниковъ, не только для возставшихъ, но и для остальныхъ, хочетъ мира во что бы

то ни стало, какой бы то ни было цѣной. Аѳины должны отказаться отъ власти надъ другими. Вѣдь ихъ предводительство возникло въ результатъ добровольнаго признанія, оно не опиралось на какое-либо несомнѣнное право. Великодержавная политика уже довела однажды общину до края гибели. Исократъ видитъ въ этой старой политикѣ «безумство», ненасытную жажду до чужого добра, досадное вмѣшательство во всѣ греческія дѣла. Надо заключить миръ съ возставшими, отказаться отъ великодержавнаго самолюбія, предоставить всѣмъ свободу и автономію, и надо разоружиться самимъ; только тогда можно обезпечить себѣ полный и вѣчный миръ.

Очень характерно, что Исократъ можетъ вполне откровенно высказывать подобныя мысли; одно это показываетъ, какъ далеко зашла перемѣна настроенія въ Аѳинахъ. Исократъ рисуетъ затѣмъ заманчивую картину новой жизни въ богатствѣ и довольствѣ, имѣющей наступить вслѣдъ за умиротвореніемъ. «Война у насъ все отняла, сдѣлала насъ бѣдными, принесла опасности и создала намъ дурную репутацію у грековъ. Когда мы заключимъ миръ и проведемъ измѣненія, которыхъ потребуютъ договоры, мы будемъ покойно жить въ нашемъ городѣ, свободные отъ войны, опасности и волненій; каждый день будетъ увеличивать наше богатство. Освободившись отъ военныхъ налоговъ, триерархій и поборовъ, мы возстановимъ наше земледѣліе, будемъ ѣздить по морю и вести свои дѣла, разстроенныя войной; мы отдѣлаемся отъ худшаго сорта людей, отъ наемниковъ, и увидимъ, какъ городъ наполнится купцами, иностранцами и метойками, которые теперь покинули его. Тогда у насъ всѣ люди на свѣтѣ будутъ добровольными союзниками». Исократъ увѣренъ, что мирныя сношенія, дипломатія дадутъ больше, чѣмъ давала война.

Кажется, какъ будто авторъ воззванія даже готовъ отказаться отъ всякихъ крупныхъ цѣлей—въ такой мѣрѣ велико желаніе мира, сбереженій, спокойной выгоды. Пусть, говоритъ онъ, демосъ перестанетъ подражать тиранническимъ царямъ, пусть предоставитъ имъ объявлять всѣмъ вражду, подозрѣвать своихъ же друзей, довѣрять свою жизнь наемникамъ, которыхъ они никогда въ глаза не видѣли. Что за выгода въ томъ, что Эссалия велика и богата, если она не имѣетъ покоя; насколько счастливѣе маленькая Мегара, у которой нѣтъ ни полевой земли, ни гавани, ни серебряныхъ рудниковъ, но которая, благодаря непрерывному миру, выстроила себѣ самые крупные дома во всей Греціи. Вслѣдъ за этимъ мелко-мѣщанскимъ реалистическимъ мотивомъ идетъ выпадъ противъ аѳинскаго радикализма: «трудно понять подобныя истины народу, у котораго такіе плохіе совѣтчики; онъ слѣдуетъ во всемъ указкѣ дурныхъ ораторовъ и демагоговъ, послѣдніе же въ каче-

ствѣ царей каюедры обратились въ патროновъ-кормильцевъ всей массы, которая живетъ судомъ и народнымъ собраніемъ, получаетъ съ этого доходъ и чувствуетъ большую благодарность оратору за всякій процессъ и всякій доносъ». «На головы этихъ сикофантовъ падаетъ отвѣтственность за нужду бѣдныхъ и отягощеніе богатыхъ, которыхъ тѣснятъ всѣми этими литургіями, симморіями, поборами такъ, что люди имущіе ведутъ болѣе печальную жизнь, чѣмъ тѣ, кто всегда оставался въ бѣдности». Изъ этого грустнаго размышленія о тяжелой участи богатыхъ въ демократіи ясно, что Исократъ считаетъ народное правленіе, связанное съ широкимъ государственнымъ хозяйствомъ, невыгоднымъ для имущихъ.

Новая политическая программа капиталистовъ развивается вполне откровенно. Исократъ раздѣляетъ все общество на два класса: «резвыхъ», которые своими деньгами охраняютъ государство, и «опьяненныхъ», расточающихъ государственное достояніе. Онъ указываетъ на дурную привычку, существующую въ Аѳинахъ,—обрушиваться на сторонниковъ мира и сбереженій. У насъ привыкли осуждать защитниковъ мира и видѣть въ нихъ олигархическую партію, а къ пропагандистамъ войны относиться благосклонно, потому что они считаются приверженцами демократіи. Но этому превратному взгляду долженъ быть положенъ предѣлъ; надо, наконецъ, послушаться резвыхъ, и лишь тогда Аѳины, а вмѣстѣ съ ними и Эллада достигнутъ счастья. Въ заключеніе, чтобы у читателя не оставалось сомнѣній, къ какому классу примыкаетъ самъ авторъ, Исократъ прибавляетъ личное замѣчаніе: «вмѣстѣ съ общей перемѣной улучшится и положеніе ученыхъ» (*τὰ τῶν φιλοσόφων πρᾶγματᾶ*)¹⁴. Себя, чловѣка ученой профессіи, писателя, преподавателя, онъ отдѣляетъ отъ демоса и спѣшитъ включить въ консервативные имущіе слои общества.

Эта аристократическая повадка интеллигенціи, весьма многочисленной въ Аѳинахъ, очень характерна. Она явилась въ результатъ своеобразной эволюціи. Въ концѣ V вѣка люди умственной дисциплины и технического образованія въ лицѣ Сократа, его учениковъ и др. требовали себѣ особаго положенія въ государствѣ, какъ бы увѣренные въ своей способности стать спеціальными совѣтчиками общины; къ числу ихъ принадлежалъ, повидимому, Фукидидъ, который считалъ возможнымъ примиреніе вліятельной роли интеллигенціи съ демократическимъ строемъ. Послѣ двукратнаго государственнаго переворота, въ которомъ интеллигенція соединилась съ реакціонерами, послѣ процесса Сократа философы и техники по большей части разрываютъ съ демократіей. Многіе спеціалисты военнаго дѣла, въ родѣ Ксенофонта, уходятъ въ эмиграцію; на чужую службу стремятся также гражданскіе эле-

мейты интеллигенции, судя по Платону и его ученикамъ; немного позднѣе тѣ же кружки склоняются къ уходу въ созерцательную, церковную жизнь, въ мистическій академизмъ. Недалеко отъ послѣдняго направленія стоитъ Исократъ. Его мирная политика трезвенныхъ людей есть очень сокращенная политика, почти уходъ отъ политики. Публицистика стражаетъ тѣ же явленія, какія наблюдаются въ жизни: замиреніе республиканизма, торжество мелкихъ частныхъ и мѣстныхъ интересовъ и обращеніе къ отвлеченной кружковой жизни. Но горячіе проповѣдники мира вовсе не хотятъ отказываться отъ блестящихъ перспективъ, отъ преобладанія Аѳинъ въ греческомъ мірѣ; имъ кажется, что все потерянное вслѣдствіе отказа отъ державной политики можно вернуть другимъ путемъ, и сузившаяся маленькая община опять приобрѣтетъ первенство и богатство въ силу различныхъ естественныхъ условій; надо только сумѣть использовать новые источники доходовъ.

Послѣдному вопросу посвящена другая брошюра той же эпохи, находящаяся, по недоразумѣнію, въ собраніи сочиненій Ксенофонта и озаглавленная «о доходахъ» (*περί προσόδων*). Неизвѣстный авторъ очень обстоятельно рисуетъ новую торговую и финансовую программу, при исполненіи которой Аѳины должны достигнуть процвѣтанія; при этомъ точно перечисляются группы людей, заинтересованныхъ въ перемѣнѣ политики. «Кому только не нуженъ покой и миръ? Развѣ не нуженъ онъ хлѣботорговцу, а за нимъ вообще судовладельцу и купцамъ? А виноторговцу? А виноградарю? Что вы скажете о владѣтеляхъ большихъ оливковыхъ плантацій, о крупныхъ садовладельцахъ? А развѣ не нуждаются въ мирѣ тѣ, кто извлекаетъ выгоду изъ духовнаго капитала? Мастера въ ремеслахъ, учителя (*σοφισται*) и ученые (*φιλόσοφοι*), поэты и артисты, тѣ, кто изслѣдуетъ или создаетъ произведенія искусства для религиозныхъ и свѣтскихъ цѣлей? Наконецъ, не заинтересованы ли въ мирѣ всѣ, кто получаетъ пользу отъ непрерывной покупки и перепродажи? Не будетъ ли всѣмъ этимъ людямъ легче добиваться своихъ цѣлей въ (реформированныхъ) Аѳинахъ?»

Авторъ возвращается исключительно въ области финансовыхъ вопросовъ, и его совѣты очень любопытны. Онъ описываетъ естественныя богатства и географическое положеніе Аттики и высказываетъ мысль, что самой природой Аѳины поставлены въ положеніе всемірнаго рынка. Въ торговомъ смыслѣ здѣсь какъ бы пупъ земли (*κόμβου τόπος*)¹⁵, и городъ соединяетъ всѣ выгоды островнаго и материковаго положенія.

Въ Аѳинахъ долженъ образоваться силою вещей огромный товарный и денежный оборотъ, въ которомъ примутъ участіе и греки, и варварскія народности. Огромный обмѣнъ создастъ богатство частныхъ лицъ, а отъ этого косвенно выиграетъ и община. Затѣмъ указывается

рядъ средствъ для усиленія государственныхъ доходовъ. Надо обложить новыми налогами метойковъ, а зато освободить ихъ отъ досадныхъ мелкихъ повинностей, главное же—отъ военной службы (это требованіе совпадаетъ съ общей программой разоруженія). Полноправное гражданство окончательно должно будетъ устроиться на счетъ обывателей, элемента приплагю. Много мѣста въ статьѣ занимаетъ проектъ, какъ использовать Лаврійскіе серебряные рудники, которые представляются автору безграничнымъ кладомъ. Въ данное время они слабо эксплуатируются отъ недостатка рабочихъ рукъ. Государство должно придти на помощь частнымъ лицамъ: приобрѣсти большое число рабочихъ невольниковъ, съ расчетомъ приблизительно по три человѣка въ среднемъ на cadaго гражданина, и затѣмъ, раздѣливъ рудники на участки, предоставить гражданамъ нанимать у него рабочихъ; доходъ долженъ получиться неимоვნю большой. Еще одно финансовое средство указываетъ авторъ: надо создать большой торговый флотъ. Транспортъ товаровъ, идущихъ какъ въ Аѳины, такъ и изъ Аѳинъ, въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ онъ могъ бы быть, что происходитъ отъ недостатка судовъ. Авторъ предлагаетъ организовать постройку флота на международныхъ наяхъ; онъ увѣренъ, что, кромѣ греческихъ республикъ, въ дивидендахъ захотятъ принять участіе цари, тираны и сатрапы. Онъ затрогиваетъ при этомъ область внѣшней политики: Аѳины должны создать въ Греціи союзъ для соблюденія мира; но они будутъ сдерживать нарушителей не вооруженной силой, а дипломатическимъ вмѣшательствомъ.

Итакъ, консервативная партія мечтала о распредѣленіи товарнаго и денежнаго рынка при нейтралитетѣ и даже помощью нейтралитета. Но все дѣло въ томъ, что нейтралитетъ не получается самъ собою, какъ даръ небесъ; и мы увидимъ, какъ скоро разлетѣлись оптимистическія ожиданія аѳинскихъ консерваторовъ.

Ослабленіе интереса къ политикѣ. Открытыя и рѣшительныя выступленія консервативныхъ высшихъ слоевъ въ Аѳинахъ были бы невозможны, если бы не глубокое паденіе политической чуткости въ массѣ демоса. Въ свою очередь разъ такъ обстояло дѣло въ Аѳинахъ, старомъ крѣпкомъ оплотѣ демократіи, то чего же можно было ожидать отъ другихъ общинъ. Какъ ни плохо мы знаемъ внутреннюю исторію общинъ въ IV вѣкѣ, но достаточно и немногихъ отрывочныхъ фактовъ, чтобы судить объ упадкѣ республиканизма въ Греціи. Мѣстами появляются своеобразныя фигуры самозванныхъ администраторовъ, которые, съ согласія притихшаго народа, упраздняютъ его правленіе и забираютъ всѣ дѣла въ свои руки. Мы уже видѣли въ такой роли Полидама, откупившаго всѣ налоги и общественные доходы Фарсала и, бла-

годари этому, сдѣлавшагося полнымъ господиномъ общины. Нѣчто подобное происходитъ въ Сикіонѣ въ эпоху еванеекихъ нашествій на Пелопоннесъ¹⁶. Выступаетъ Эвфронъ, богатѣйшій человекъ Сикіона, и предлагаетъ врагамъ Спарты, Аркадіи и Аргосу, помочь ему оторвать Сикіонъ отъ пелопоннескаго союза: для этого надо скинуть традиціонное правленіе (*κατὰ τοὺς ἀρχαίους νόμους*) сикіонской аристократіи. Затѣмъ, какъ по командѣ, Эвфронъ устраиваетъ въ Сикіонѣ демократическій парадъ, выпускаетъ въ городъ аркадскихъ и аргивскихъ солдатъ и въ ихъ присутствіи созываетъ народъ. Объявляется торжественно политическое равноправіе (*πολιτείας ἰσομένης ἐπὶ τοῖς ἴσοις καὶ ὅμοιοις*); но это только краткая демонстрація, нужная для того, чтобы провозгласить самого Эвфрона и его присныхъ стратегами. Больше народъ не нуженъ этому Діонісію въ миниатюрѣ; онъ смѣщаетъ начальника наемнаго отряда, ставитъ на его мѣсто своего сына, выгоняетъ подъ предлогомъ симпатій къ Спартѣ богатыхъ людей и забираетъ ихъ капиталы, затѣмъ безцеремонно захватываетъ всю городскую кассу, храмовыя деньги и сбереженія, принанимаетъ новыхъ солдатъ и водворяется въ Сикіонѣ самодержцемъ.

Съ политическимъ упадкомъ народа объ руку идетъ культурный, и въ концѣ-концовъ трудно отдѣлать одинъ рядъ явленій отъ другого. Здѣсь Аѳины, блиставшія своеобразной развитостью демоса, даютъ самую краснорѣчивую картину.

Упадокъ аѳинской культуры. Говорятъ, что Агиррій, вводя плату за посѣщеніе народнаго собранія и желая наскрести денегъ откуда бы то ни было, обрѣзалъ гонорары, получаемые поэтами за публичныя представленія сочиненныхъ ими пьесъ¹⁷. Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Демагогъ добываетъ средства, чтобы заставить народъ ходить въ собранія, которыя стали ему не интересны; онъ обижаетъ, ради своей политической цѣли, художниковъ слова, драматурговъ, работающихъ на демократію. Правда, большая скаредность возрожденной демократіи имѣетъ свое оправданіе въ истощеніи общинныхъ финансовъ и еще въ томъ обстоятельстве, что новые поэты куда хуже сравнительно съ Эврипидомъ и Аристофаномъ. Но вѣдь и само паденіе театра въ тѣсной связи съ общимъ обѣднѣніемъ жизни и въ частности опять съ малымъ интересомъ народа къ публичнымъ дебатамъ, къ общимъ вопросамъ, къ крупной драмѣ жизни. Поэты вовсе не были такъ виноваты; вдохновеніе только кажется внутреннимъ даромъ, силой, идущей изъ глубины души; въ дѣйствительности его не можетъ быть безъ общественнаго увлеченія, какъ нѣтъ лектора безъ волнующей и подстрекающей его аудиторіи. Трагедія V вѣка была велика тѣмъ самымъ огнемъ, который горѣлъ въ политическихъ собраніяхъ

эпохи; ея высокій стиль подходилъ какъ нельзя болѣе къ вкусу общества, цѣннѣйшаго публичную декламацию; когда народъ сталъ отъ нея отворачиваться, поэты разучились говорить языкомъ ораторовъ и софистовъ. Комедія пострадала еще болѣе по существу. Въ послѣднюю треть V вѣка, среди горячей борьбы партій, она была насыщена политикой, и, несмотря на запрещенія или, можетъ быть, благодаря необходимости бороться съ затрудненіями, она кипѣла политическимъ остроуміемъ. Теперь въ IV вѣкѣ стѣсненій не было, наступила свобода, но у комиковъ не было ни задора, ни охоты возиться съ гражданскими мотивами. Аристофановы «Женщины на сходкѣ» 392 г., были послѣдней политической комедіей. Его преемники занялись скандалами, любовными интригами, мелкими пороками буржуазнаго быта; содержаніе комедіи IV вѣка (такъ назыв. средней)—бытовое въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Одновременно происходитъ большая перемѣна и въ постановкѣ пьесъ. вмѣсто любителей, постоянно смѣнявшихся, начинаютъ играть профессиональные актеры, а это обстоятельство, въ связи съ ухудшеніемъ литературной цѣнности пьесъ, ведетъ къ пониженію уровня образованія въ аѳинской массѣ, которая прежде въ своемъ большинствѣ дебютировала на сценѣ, и глядѣла, и давала оцѣнки драмѣ. Не мудрено, что вкусъ падаетъ очень быстро среди публики, которая стала гораздо болѣе пассивной къ театру. Въ 369 году, въ управленіе Каллистрата, въ исторіи аѳинской сцены произошла скандальная катастрофа, возможность которой въ прежнія времена была бы совершенно исключена: ради союза съ Діонісіемъ сиракузскимъ аѳиняне допустили на сцену пьесу тиранна, вообразившаго себя великимъ художникомъ, и увѣнчали произведеніе этого кропателя преміей; очень характерно, что вмѣстѣ съ утратой вкуса аѳинская публика потеряла и чувство собственнаго достоинства.

Намъ слѣдуетъ вспомнить, что театръ, судъ и экклесія были важнѣйшими образовательными учрежденіями аѳинской демократіи. Авторъ олигархической брошюры 425 г. пытался смѣяться надъ неученостью народа, но долженъ былъ признать, что этотъ народъ и толковъ, и уменъ, и зорко наблюдаетъ свои интересы, не забывая о духовныхъ развлеченіяхъ и объ эстетикѣ. Теперь публичныя собранія, сцена и каеэдра давали народу гораздо меньше поученія; талантливые люди не старались болѣе угодить когда-то требовательной большой аѳинской публикѣ. Поэты, ученые, историки писали для своей особой группы поклонниковъ, сочиняли и отдѣлывали для далекаго, разсѣяннаго, невиднаго имъ читателя; литература стала книжной и аристократической, интеллигенція окончательно отдѣлилась отъ народа.

Умственная аристократія начинаетъ вообще поглядывать поверхъ стѣнъ аѳинскихъ. У Платона, у Исократъ, какъ руководителей ученыхъ занятій, ведется переписка и личная дружба со знатными и коронованными иностранцами, съ еракійскими и македонскими принцами, съ тиранами Кипра, Сиракузъ и Геракленъ Понтійской. Греческіе художники начинаютъ усиленно работать на сатраповъ и малоазійскихъ князей. Въ Аѳины приливаютъ въ большомъ количествѣ учащіеся и просто любопытствующіе иностранцы, привозятъ свои вкусы и привычки. Аѳинская толпа постепенно утрачиваетъ свой яркій своеобразный національный обликъ; особенно быстро растворяется она въ портовой, нижней части города, въ Пирей, гдѣ такъ велика толча прѣзжихъ купцовъ и моряковъ. Все больше и больше вступаютъ въ аѳинскую жизнь восточные оттѣнки. Иностранцы привозятъ своихъ боговъ, и скоро аѳиняне начинаютъ сами увлекаться новыми для нихъ культами. Въ IV вѣкѣ въ Пирей есть святилище Афродиты Кипрской, т.-е. безъ сомнѣнія, Астарты финикійской, есть храмъ египетской Пзиды. Но больше всего успѣха имѣли божества тѣхъ странъ, которыя примыкаютъ къ Геллеспонту и Черному морю, гдѣ проходила главная артерія аѳинской торговли. Мы видѣли уже около 415 г. вторженіе буйнаго культа еракійской богини Котитто. Скоро послѣ этого аѳиняне официально ввели у себя культъ другой еракійской богини, Артемиды Бендидской¹⁸. Въ IV вѣкѣ религиозный интересъ направляется въ сторону почитанія бога-страдальца и богини Матери: аѳиняне открываютъ гостеприимно просторъ культу Адониса и фригійской Великой богини; въ качествѣ слугителей этихъ новыхъ для Греціи боговъ появляются метрапирты, нѣчто въ родѣ нищенствующихъ дервишей, въ свою очередь близкіе къ мѣстнымъ греческимъ киникамъ.

Политическіе и соціальные взгляды Платона и его школы. Всѣ характерныя черты аѳинской жизни IV вѣка отразились въ ученіи Платона и основанной имъ школы: и упадокъ политическаго интереса, и сильное влеченіе къ восточнымъ мотивамъ, и гибель свободныхъ и яркихъ направленій въ искусствѣ, изъ которой теоретикъ вывелъ право и обязанность строгого пуританскаго очищенія всѣхъ созданій художественнаго творчества. Зажиточная часть интеллигенціи рѣзко отдѣляется себя отъ пролетаріевъ-киниковъ; она осуждаетъ все, что въ свое время выросло въ демократіи, и захватываетъ въ мрачной безгласности еще гораздо дальше вглубь греческой традиціи, но хочетъ сохранить особый уголокъ культуры для людей приличнаго общества.

Въ 90-хъ гг. IV в., пока живы были Кононъ и Эрасибулъ, пока не совѣмъ померкла старая демократія, Платонъ не могъ появиться или, по крайней мѣрѣ, открыто выступить въ Аѳинахъ. Положеніе

измѣнилось въ 80-хъ и особенно въ 70-хъ гг., когда въ управленіе Каллистрата началось сближеніе Аѳинъ со Спартой и все громче стали заявлять себя сторонники консервативныхъ взглядовъ, безразличные или враждебные къ демократіи. Для того, чтобы удержаться на политической поверхности, Каллистратъ дѣлалъ дальнѣйшія уступки въ томъ же направленіи: въ 60-хъ гг. въ Аѳины получили доступъ многіе старые эмигранты, между прочимъ Ксенофонтъ, сыновья котораго сражались въ аѳинскомъ отрядѣ при Мантиней. Въ этой очень измѣнившейся обстановкѣ Платонъ могъ спокойно систематизировать свои антидемократическія ученія и готовить среди республики школу ея разрушителей; какъ нельзя болѣе ярко сказывается въ этомъ фактѣ упадокъ энергіи и сознательности въ самой аѳинской демократіи, потому что ея терпимость къ ученикамъ осужденнаго Сократа вовсе не была результатомъ новыхъ политическихъ принциповъ, а составляла только признакъ растущей пассивности въ политикѣ.

Вражда къ демократической республикѣ, къ политической борьбѣ, къ началамъ равноправія составляетъ самую ясную черту міровоззрѣнія Платона. Всѣ принципы греческой автономіи и свободы, весь обиходъ демократической республики кажется Платону чѣмъ-то ребяческимъ, непригоднымъ, возмутительнымъ; старанія республиканцевъ обезпечить неприкосновенность конституціи вызываютъ лишь его насмѣшку. Гораздо труднѣе опредѣлить его положительное ученіе. Главное затрудненіе получается вслѣдствіе того, что почти нельзя найти связи между крупнѣйшимъ сочиненіемъ Платона, Политіей, и свѣдѣніями о практической дѣятельности его, къ которой имѣется комментарий въ Письмахъ. «Политія»—значитъ государство, но книга подъ этимъ заглавіемъ составляетъ трактатъ объ устройствѣ церковной общины; она дышетъ глубокимъ презрѣніемъ ко всему политическому. Между тѣмъ упорное влеченіе Платона къ сицилійскому двору Діонисія, его двукратная поѣздка въ Сиракузы, его сближеніе съ зятемъ тирана Діономъ и попытка обучить Діонисія Младшаго философіи государственной науки, все это показываетъ, что у аѳинскаго ученаго и его послѣдователей было великое политическое честолюбіе, громадное желаніе играть роль именно въ государственной жизни. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить глубокаго противорѣчія между основнымъ настроеніемъ Политіи и главной задачей, поставленной въ другомъ крупномъ сочиненіи Платона, Законахъ, которое считается обыкновенно его старческой работой. Въ Политіи Платонъ отстраняетъ всякое законодательство, какъ нѣчто ненужное для общества, воспитаннаго въ здравыхъ началахъ и замкнутого въ рамки строгой теократической дисциплины; въ Законахъ онъ необыкновенно усердно разрабатываетъ подроб-

ности гражданского и уголовного права и судопроизводства, составляет обстоятельный и до мелочей проникающий сводъ положеній по административному праву.

Искать примиренія этихъ противорѣчій—занятіе совершенно бесплодное. Объяснить же ихъ можно тѣмъ, что въ школѣ Платона имѣлись два направленія и что разобраться въ нихъ не успѣлъ самъ учитель до конца дней своихъ. Одно представляло уходъ и даже бѣгство отъ политики: люди мечтали о какомъ-то монастырѣ, тихой общинѣ, гдѣ можно отдаваться отвлеченной наукѣ, созерцанію и молитвамъ, т.-е. разговорамъ съ самимъ собою. Академія Платона, его загородная вилла съ тѣнистымъ садомъ, была именно попыткой устроить такой церковный рай внѣ политики. Но въ самомъ наставникѣ и въ большинствѣ его учениковъ кипѣли мірскія желанія править и властвовать. Отсюда въ тѣхъ же людяхъ другое направленіе, устремленное къ работѣ специальныхъ свѣдѣній, техническихъ умѣній, которыя можно было бы приложить въ государствѣ, только бы оно устроилось иначе, чѣмъ возмутительная демократическая республика съ ея началами равенства и всеобщей свободы. Понятно, что у тѣхъ, кто мечталъ о дѣятельности подобнаго рода, возникло влеченіе къ военно-бюрократическому государству, а также интересъ къ полицейскому праву, единственной формѣ публичной дѣятельности, которая допускается въ самодержавномъ строѣ.

Если для почитателей Платона больно увѣриться въ наличности жестокаго противорѣчія, раздрающаго цѣльность школы, то имъ можно напомнить, что таково было вообще свойство этого изумительнаго таланта, отдавнагося интересамъ реакціи и разрушенія греческой республики. Когда смотришь на ученіе Платона въ цѣломъ, то больше всего въ немъ видится хаосъ, созданный умомъ дикимъ, необузданнымъ, но необычайно богатымъ фантазіей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не изумительно, что ученикъ пострадавшаго за свободу мысли Сократа, котораго онъ идеализировалъ, какъ жертву инквизиціоннаго процесса, оказывается самъ величайшимъ инквизиторомъ, беспощадно карающимъ не только направленія рационалистической мысли, но и всякаго рода еретическія отклоненія вѣры, что философъ внезапно превращается въ гнѣвнаго іерарха! Развѣ не изумительно противорѣчіе между его моральнымъ ученіемъ и его уголовнымъ правомъ: можно ли было въ одно и то же время проповѣдовать всеблагость Бога, осуждать взглядъ на божество, какъ виновника зла, и обрушиваться на демократію за мягкость въ отношеніи преступниковъ, требовать въ своемъ кодексѣ тяжелыхъ наказаній за малые проступки, на каждомъ шагѣ грозить смертной казнью, вообще возводить застрачиваніе въ систему охраненія

общественности! И, наконецъ, еще одна, можетъ быть, самая поразительная изъ платоновскихъ несообразностей: самъ оригинальный поэтъ, мнѣотворецъ, неистощимый сочинитель яркихъ аллегорій, Платонъ заявляетъ себя яростнымъ врагомъ всякой красочной поэзіи, оставляя въ своемъ идеальномъ общежитіи мѣсто только монотоннымъ религіознымъ гимнамъ.

Примирить эти противорѣчія нельзя такъ же, какъ невозможно найти гармонию въ грудѣ рухнушаго великолѣпнаго зданія: Платонъ—продуктъ разрома греческой культуры, въ немъ все ея прекрасныя и богатыя свойства, но не въ дружной совмѣстной работѣ, а въ жестокой взаимной схваткѣ, поднявшіяся горой другъ противъ друга.

Церковно-педагогическая система Платона. Большой діалогъ, посвящій заголовкомъ «о государствѣ» (*περὶ πολιτείας*), не имѣетъ никакого отношенія къ государственному праву. Можно удивляться, что до сихъ поръ система Платона фигурируетъ во всѣхъ сочиненіяхъ по исторіи политическихъ ученій. Въ дѣйствительности Политія Платона есть трактатъ о воспитаніи и обученіи высшей породы людей. Новое церковно-аристократическое общество выступаетъ на фонѣ очень опредѣленнаго государственнаго строя, но Платонъ предполагаетъ этотъ строй уже готовымъ и не теряетъ ни одной минуты на объясненіе, какъ такое государство могло произойти. Не трудно замѣтить, что государство и общество Политіи составляетъ буквальное повтореніе браминскаго строя въ Индіи; очень вѣроятно, что Платонъ былъ знакомъ съ дальневосточнымъ оригиналомъ и старательно скопировалъ его характерныя черты, для которыхъ греческій міръ не давалъ никакихъ реальныхъ основаній. Платоновское государство—кастическое; въ немъ профессіи раздѣлены навѣки между сословіями, права и занятія переходятъ по наслѣдству и становятся неразрывной долей человѣческой природы. Оно знаетъ тѣ же три породы людей, какъ и браминская Индія: рабочихъ, воиновъ и священниковъ (у Платона *χρηματιστικόν*, *ἐπικουρικόν* и *φιλαικικόν*, или *βουλευτικόν γένος*)¹⁹. Дѣленіе на касты Платонъ оправдываетъ странной на нашъ взглядъ параллелью общества и человѣческаго организма, которую онъ не устаетъ вставлять кстати и некстати. Три сословія отвѣчаютъ тремъ качествамъ человѣческой природы, его грубымъ матеріальнымъ потребностямъ, его аффективной жизни и его отвлеченной мысли; какъ умъ управляетъ тѣломъ, чувства двигаютъ его, низшіе органы питаютъ, такъ же и въ обществѣ должны быть строго распредѣлены функціи между тремя соотвѣтствующими классами людей; какъ несоединимы органическія качества человѣческаго существа, такъ же должны быть строго раздѣляемы группы общественнаго тѣла. Эту своеобразную психо-физиологію Платонъ, вѣроятно, также заимствовалъ изъ восточной мистики.

Авторъ нисколько не интересуется судьбами рабочаго класса: ремесленники, торговцы, хлѣбопашцы, землекопы, плотники, каменщики, носильщики и пр. въ его глазахъ не граждане, почти не люди; о нихъ пускай заботится Господь Богъ. Лишь два высшея класса занимаютъ Платона. Они сливаются въ сущности въ одинъ аристократическій слой «стражей общества»; всѣ они въ молодые годы проходятъ военную школу; изъ самыхъ даровитыхъ воиновъ, и притомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, образуется высшій слой, собственно «стражей», или «философовъ». Платонъ только принимаетъ видъ, будто бы собирается описать ихъ политическую правительственную дѣятельность. Въ дѣйствительности онъ говоритъ о томъ, какъ вырастить и воспитать чистую расу, т.-е. составляетъ главы по антропологии и гигиенѣ, затѣмъ изображаетъ спортивные занятія юношества и другихъ возрастовъ и, наконецъ, набрасываетъ очертанія научнаго курса, проходимаго въ высшей школѣ. Изъ Полити не видно, какимъ дѣломъ будутъ заниматься стражи общества, и даже нельзя хорошо понять, почему они собственно называются стражами. Для того, чтобы эти люди бѣлой кости могли отдаваться самоусовершенствованію, кругомъ должна кипѣть работа: кто-то долженъ пахать, торговать, таскать тяжести, варить ѣду и чистить гимнастическія площадки, и еще кто-то долженъ держать въ строгомъ порядкѣ всю трудовую машину, т.-е. управлять государствомъ. Философы платоновскаго общества принимаютъ крѣпостной трудъ, какъ должное, но, видимо, предоставляютъ другимъ сильнымъ рукамъ командовать и нагонять страхъ на подчиненный рабочій классъ.

Платонъ подхватилъ рядъ популярныхъ теорій своего времени и своеобразно переработалъ ихъ на пользу и для украшенія идеальнаго общества. Его стражи живутъ въ полной коммунѣ какъ относительно женъ, такъ и въ смыслѣ имущественномъ. Семейное начало подлежитъ полному истребленію въ аристократической средѣ, описанной Платономъ. У стражей не должно быть денегъ, нѣтъ частныхъ жилищъ; они обѣдаютъ большими компаніями, товариществами. Они не могутъ вступать въ постоянные браки; всѣ соединенія временны, и даже принимаются мѣры, чтобы не образовалось прочной привязанности между опредѣленными лицами разныхъ половъ. Мало того, не должно возникать никакой любви между матерью и ребенкомъ: ради этого въ идеальномъ обществѣ будетъ устроенъ большой родильный домъ, въ которомъ женщины остаются кормилицами, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не могли узнавать собственныхъ дѣтей.

Соціализмомъ такой порядокъ никакъ нельзя назвать: о справедливомъ вознагражденіи за трудъ или вообще о распредѣленіи богатствъ

сообразно общественнымъ заслугамъ у Платона нѣтъ рѣчи. Его радикальное уничтоженіе семьи вытекаетъ изъ теоріи созданія и усовершенствованія чистой расы,—теоріи, которая, очевидно, была принята вообще въ Сократовой школѣ, потому что мы находимъ ее также у Ксенофонта. Правда, Платонъ выдвигаетъ на первое мѣсто заботу объ истребленіи эгоизма въ сословіи стражей; въ виду того, что они готовятся къ исключительно самоотверженному служенію обществу, у нихъ надо отнять всѣ соблазны и всякія частныя привязанности. Но Платонъ не послѣдователенъ: лучшіе, наиболѣе храбрые воины будутъ вознаграждаемы любовью болѣе красивыхъ женщинъ, и притомъ болѣе частымъ удовлетвореніемъ своей страсти. Да и вообще мораль всюду уступаетъ гигиенѣ и расовой дисциплинѣ, заимствованной изъ области животноводства; вѣдь Платонъ истребляетъ семью вовсе не изъ этическихъ соображеній: соединенія наиболѣе сильныхъ и красивыхъ индивидовъ никоимъ образомъ не должны сопровождаться психическимъ влеченіемъ ихъ другъ къ другу; это—слученія самцовъ и самокъ, находящихся подъ строгимъ надзоромъ предрержащихъ властей, которыя будутъ обладать высшими антропологическими свѣдѣніями.

Изъ числа господствующихъ передовыхъ теорій вѣка Платонъ заимствуетъ идею эмансипаціи женщинъ. Онъ считаетъ женщинъ вполне пригодными для той же физической и умственной дисциплины, которую должны проходить мужчины, но, конечно, только женщинъ аристократическаго слоя: въ безпечальной спортивной и спекулятивно-кабинетной жизни, которую ведутъ «стражи», отчего же и ихъ подругамъ не равняться съ ними! Женщины могутъ быть и врачами, и философами, и даже вчительницами, но, разумѣется, онѣ будутъ во всемъ слабѣе мужчинъ. У Платона нѣтъ настоящаго уваженія къ существу женскаго ума и характера. Въ Законахъ, гдѣ повторено требованіе совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ, указывается на особые грѣхи женскаго существа, неискренность и вороватость (*γένος λαθραϊότερον καὶ ἐπικλοπώτερον*)²⁰, вслѣдствіе чего законодатель долженъ поставить женщинъ подъ опеку болѣе твердаго пола и, напр., не допускать замужнихъ къ свидѣтельству на судѣ. Невольно приходится думать, что уравненіе женщинъ въ правахъ на высшее образованіе и на занятіе общественныхъ функцій (кромѣ собственно правительственныхъ, которыя остаются монополіей мужчинъ) вытекаетъ у Платона не столько изъ общаго признанія въ женщинѣ челоуѣческаго достоинства, а изъ его вѣры въ совершенствованіе породы посредствомъ подбора, наслѣдственной передачи качествъ и постоянной дисциплины; въ большомъ питомникѣ и университетѣ аристократіи женщины не должны отставать отъ мужчинъ, для того, чтобы закрѣпить расовыя свойства.

Черты Платоновской религии и научного богословия. Идеальное общество Платона не только питомник, не только школа, а также церковь, теократическая община спасающихся истинной вѣрою и истиннымъ знаніемъ. Прежде чѣмъ говорить о гигиенѣ, гимнастикѣ, наукахъ и пр., Платонъ заводитъ рѣчь о религиозномъ воспитаніи, о соблюденіи чистоты вѣры, о строгомъ направленіи религиознаго воображенія. И сразу строитель общества будущаго оказывается жесточайшимъ пуританиномъ. Вторая книга Политиі заключаетъ въ себѣ настоящій индексъ, какъ будто бы составленный для большого цензурнаго вѣдомства, а также для справокъ инквизиторамъ. Тутъ летитъ на костеръ чуть ли не вся поэтическая литература грековъ, начиная съ Гомера и кончая великими трагиками V вѣка; гибель и анаѰема всѣмъ сказочникамъ, сочинителямъ эпическихъ пѣсней, драматургамъ, истребленіе всей мифологіи, всего антропоморфическаго, всякаго рода очеловѣченія боговъ, олицетворенія силъ природы; но также прочь эротическую лирику, прочь изображеніе человѣческихъ страстей, которымъ такъ любила заниматься «подражательная» поэзія, долой вся литература, которая волнуетъ людей раздраженіемъ въ нихъ симпатическихъ чувствъ, воспаленіемъ ихъ аффективной жизни. Въ идеальномъ обществѣ допускатся только гимны богамъ и восхваленія великихъ людей, а чувственная муза изгоняется навсегда.

Соотвѣтствующія страницы Платона особенно тяжело читать: здѣсь наглядно видишь, какая буря прошла по чудесному саду греческой культуры, какъ пусто и жутко стало, если одинъ изъ талантливѣйшихъ поэтовъ Греціи самъ, въ непонятномъ ослѣпленіи, бросился доламывать немногія цвѣтущія растения, пощаженныя временемъ и пережившія упадокъ вкуса. Колоссальное ауто-да-фе должно расчистить почву для религиознаго воспитанія новаго общества. Въ чемъ же состоитъ правильная вѣра, чистое богопочитаніе и возвышающій человѣка культъ?

Въ опредѣленіи обязательныхъ религиозныхъ нормъ Платонъ рѣзко заявляетъ свое аристократическое высокомеріе. Его интимныя воззрѣнія можно назвать деизмомъ. Для себя и для людей своего круга онъ признаетъ единаго Бога, всеблагаго и всевѣдущаго, строителя вышняго міра, служащаго образцомъ міру земному, признаетъ Провидѣніе, направляющее міръ въ цѣломъ, но не входящее въ частности, среди которыхъ господствуетъ случай и капризъ мелочныхъ влеченій. Онъ рационалистически разбирается въ догматахъ и не апеллируетъ для утвержденія ихъ къ вѣрѣ отцовъ, къ религиозной традиціи. Совсѣмъ другое дѣло, когда дѣло идетъ объ установленіи публичнаго культа и обязательныхъ для народа вѣрованій. Платонъ считаетъ необходимымъ

организовать государственную церковь, притомъ очень строгую и не допускающую отклоненій; нужно соединить традиціонные элементы съ полезными новыми ученіями для того, чтобы держать массу народа въ порядкѣ и повиновеніи. Онъ предлагаетъ обратиться къ авторитету Дельфійскаго оракула, расположеннаго въ пупѣ земли, и просить его объ установленіи культа для членовъ идеальной общины. Старое многобожіе полезно удержатъ. Въ почитаніи высшихъ существъ надо будетъ различать три категоріи, изстари признанныя: боговъ, духовъ и святыхъ (θεοί, δαίμονες, ἕρωες)²¹. Чрезвычайно важно вселить въ головы правильное представленіе о загробной жизни, странствованіи душъ, страшномъ судѣ и возмездіи за добрыя дѣла и грѣхи. Политиі заканчивается разсказомъ о путешествіи въ потустороннемъ мірѣ лѣгого армянина Эра, уроженца Памфиліи, видѣвшаго тайны загробнаго міра: на его глазахъ происходило переселеніе душъ и вступленіе ихъ въ новыя тѣла; совершался божественный судъ, въ силу котораго души праведныхъ возносились на небеса, а души нечестивцевъ спускались въ преисподнюю; огненные дьяволы мучили и истязали самыхъ преступныхъ злодѣевъ. Разсказъ производитъ впечатлѣніе аллегорической проповѣди, сочиненной Платономъ на основѣ какой-то восточной мистической новеллы; цѣль его въ томъ, чтобы дать ученикамъ образчикъ въ руководство при постановкѣ религиознаго воспитанія.

Большой интересъ представляетъ также организациія высшаго преподаванія въ Политиі. Кругъ научныхъ дисциплинъ, допущенныхъ въ церковную общину, весьма тѣсно ограниченъ. Физическія науки отсутствуютъ, если не считать астрономіи, которая у платониковъ имѣетъ важное богословское назначеніе; ея факты и выводы должны служить доказательствомъ бытія Божія. Нѣтъ и того, что мы называемъ науками общественными. Платоновскіе философы не интересуются ни отечествовѣдѣніемъ, ни міровѣдѣніемъ; прошлое человѣческой культуры, хотя Платонъ и объявляетъ его весьма длительнымъ, не заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Двѣ науки господствуютъ въ обязательномъ курсѣ, и обѣ онѣ поставлены очень высоко: математика и діалектика. Можно допустить, что изученіе математики дѣйствительно было очень серьезно въ Платоновской Академіи; но также несомнѣнно, что среди нея была развита символическая игра чиселъ, математическая мистика. При сравненіи политическихъ формъ мы неожиданно узнаемъ, что положеніе царя въ 729 разъ лучше положенія тирана; по какому капризу мысли оказался тутъ кубъ девяти, очень трудно понять.

Что касается діалектики, Платонъ поетъ ей гимны: она вѣнчаетъ другія науки, она единственное средство для полнаго познанія міра идей. Ни въ чемъ такъ сильно не обнаруживается происхожденіе Пла-

тоновской школы изъ нѣдръ столь осуждаемой имъ софистики: вѣдь это пристрастіе къ развертыванію словесныхъ рядовъ, эта вѣра, что въ словѣ можно вычитать истину, и составляетъ именно характерную черту тѣхъ «лжефилософовъ», которыхъ Платонъ бичуетъ всюду, какъ враговъ истины. Мы чувствуемъ встрѣчу двухъ богословскихъ школъ, примѣняющихъ одни и тѣ же приемы, раздѣленныхъ тонкой перегородкой, не видной и непонятной для постороннихъ, яростно сшибающихся на почвѣ діалектическихъ споровъ, въ которыхъ побѣда должна остаться за самымъ искуснымъ словоборцемъ.

Соціальное ученіе Платона и консервативныя предложенія Исократы. Читателю діалоговъ Платона обыкновенно не легко выбраться изъ волшебнаго лѣса, куда его завелъ великій мастеръ литературнаго очарованія, не легко дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что же такое ему рисовали, воздушные замки или реальную жизнь? Когда Платонъ презрительно отзывается о всѣхъ существующихъ формахъ, изображаетъ кружокъ своихъ единомышленниковъ высоко парящимъ надъ жалкой земной юдолюю, очень и очень многіе готовы вѣрить ему и считать его мечтанія исполнѣнными отъ жизни. Однако подобное заключеніе весьма ошибочно. Платонъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду окружающей дѣйствительности, и всѣ его будто бы отвлеченности немедленно могутъ и должны быть переводимы на самый реальный языкъ. Въ Афинахъ было въ 60-хъ и 50-хъ годахъ IV вѣка множество людей, сочувствовавшихъ церковно-олигархическимъ идеямъ Политія, по выражавшихъ соотвѣтствующія желанія лишь въ нѣсколько иной формѣ. Особенно близко къ Платоновской Политіи стоитъ брошюра Исократы подъ заглавіемъ *Ареопагитикъ*, вышедшая въ свѣтъ скоро послѣ мира 355 года. Нѣтъ нужды выяснять, кто у кого заимствовалъ, и вѣрнѣе ли Исократу назвать платоникомъ, или Платона исократикомъ: они оба—провозвѣстники широко распространенныхъ консервативныхъ желаній тѣхъ зажиточныхъ слоевъ общества, которые надѣялись замѣнить воинственный капитализмъ мирнымъ, сохраняя при этомъ свое господство надъ массой.

Исократъ отмѣчаетъ крайнее равнодушіе консервативныхъ слоевъ гражданства къ политикѣ; эти люди сидятъ въ дѣловыхъ конторахъ и мастерскихъ (*ἐργαστήρια*) и только сокрушаются тому, что все плохо идетъ, а сами не принимаютъ никакихъ мѣръ; онъ беретъ на себя задачу встряхнуть общество и заставить его задуматься о необходимости своего спасенія (*περὶ σωτηρίας*). Самое страшное явленіе современности—зависть бѣдныхъ къ богатымъ, необезпеченность кредита, небезопасность вообще обладанія капиталомъ; все происходитъ отъ ложнаго ученія о равенствѣ, отъ господства неограниченной демокра-

тіи. Исократъ умоляетъ не считать его сторонникомъ олигархіи; нѣтъ, онъ всегда былъ другомъ демократіи, но только демократіи разумной, правильно установленной. Афины уже разъ обладали такимъ идеальнымъ устройствомъ; имъ нужно лишь вернуться къ созданіямъ Солона и Клисеена. Подъ видомъ патріархальной республики Исократъ изображаетъ желательные консерваторамъ порядки. Въ старинныхъ Афинахъ къ должностямъ не допускали безразлично всѣхъ и каждого, а выбирали самыхъ достойныхъ и способныхъ гражданъ. Между классами не было борьбы и розни, потому что всякій зналъ и соблюдалъ свое мѣсто. Богатые помогали бѣднымъ, находя имъ всякія занятія, то въ отдачѣ земли за умѣренную аренду, то въ торговой службѣ, то въ другихъ дѣловыхъ порученіяхъ; охотно также *они давали деньги въ ростъ*. Исократъ хочетъ сказать: вотъ и теперь надо создать обширную систему кліентства, надо организовать демось въ качествѣ массы рабочихъ и служащихъ, зависимыхъ отъ капиталистовъ.

Интересны другія предложенія Исократы, клонящіяся къ фактическому упраздненію демократіи и всѣхъ ея традицій. Зачѣмъ эти роскошныя траты на праздники, это мотовство народа? Зачѣмъ непрерывное политическое строительство и законодательство? Чѣмъ больше пишутъ законовъ, тѣмъ больше порчи и преступленій. Для того, чтобы гражданство жило правильно, нужны не мелочныя предписанія, а общее разумное воспитаніе. Такой гражданской педагогіей въ старину завѣдовалъ *Ареопагъ*; глубокоумудрый совѣтъ этотъ направлялъ и взрослымъ, и молодежь, съ которой такъ трудно стало орудовать въ послѣднее время. *Ареопагъ* зналъ, какъ распредѣлить людей по ихъ достаткамъ, чтобы никто не тянулся выше своего званія; онъ опредѣлялъ бѣдныхъ юношей на такія занятія, какъ земледѣліе, ремесло, между тѣмъ какъ богатымъ открывалась охота, ѣзда верхомъ и занятія философіей.

Ареопагитикъ хочется назвать Платоновской Политіей, переведенной на языкъ прозы. Тутъ все есть, что характерно для Платона: и дѣленіе на неподвижные классы, и правленіе достойнѣйшихъ, и осужденіе бѣдности на вѣчную зависимую работу, и замѣна гражданскихъ установленій педагогической системой, и даже провозглашеніе философіи специальнымъ занятіемъ денежной аристократіи. Пожалуй, можно сказать, что роль *Ареопага*, распредѣлявшаго будто бы занятія и профессіи, не менѣе фантастична, чѣмъ управленіе Платоновскихъ «стражей». Наконецъ, Исократъ такъ же, какъ Платонъ, считаетъ нужнымъ раскланяться слегка передъ коммунизмомъ. Онъ объявляетъ всю систему кліентства, когда капиталисты нанимали бѣдныхъ, сужали ихъ деньгами, отдавали имъ земли въ аренду и оказывали другія подобныя

любезности, тѣмъ справедливымъ порядкомъ, при которомъ богатства находятся *въ общемъ обладаніи всѣхъ нуждающихся*.

Сравненіе съ Исократомъ помогаетъ установить конкретную подкладку соціальныхъ фалтазій Платона. Но и самъ Платонъ въ Законахъ выступилъ изъ мистическаго тумана, оставилъ мысль о достиженіи идеала справедливости путемъ построенія божьяго государства и далъ очень обстоятельное и реалистическое описаніе новаго желательнаго и достижимаго общественнаго устройства.

Административное право общины спасенныхъ. Не все согласны признать Законы произведеніемъ самого Платона. Многимъ кажется, что если эта книга и написана имъ, то отражаетъ старческія воззрѣнія философа, усталаго, лишенаго прежней убѣжденности и былого подъема. По внѣшности поразительно, что въ Законахъ нѣтъ фигуры Сократа, устами котораго Платонъ высказываетъ обычно свои взгляды. Не похожа на другіе діалоги и манера изложенія Законовъ; вмѣсто пространнаго свободнаго развитія общихъ идей, вмѣсто блестящихъ картинъ и аллегорій здѣсь сухой и утомительный переборъ прозаическихъ статей городского кодекса. Но, съ другой стороны, все время чувствуется глубокий фонъ церковнаго міровоззрѣнія Платона; когда дѣло доходитъ до опредѣленія проступковъ противъ религіи, просыпается горячность іерарха-философа; онъ широкими мазками набрасываетъ очертанія системы правовѣрія, которое слѣдуетъ охранить всеми мѣрами уголовного права. Помимо того, мы встрѣчаемся и съ другими идеями Платона, знакомыми изъ Полити: пуританизмомъ въ отношеніи искусства и литературы, сочувствіемъ ограниченной эмансипаціи женщинъ, неопредѣленными уступками социализму, увѣренностью, что воспитаніе замѣняетъ необходимость всякихъ искусственныхъ политическихъ сдержекъ, затѣмъ возвеличеніемъ математики, какъ пути къ богочитанію, и т. п. Если не считать Платона авторомъ Законовъ, то надо признать, что книга вышла изъ его школы, находится подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, вдохновляется желаніемъ приложить платоновскіе принципы къ жизни. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Законы—чрезвычайно любопытное произведеніе; оно даетъ какъ бы комментарий къ общему идеалу Полити, досказываетъ то, что тамъ оставалось не вполне выясненнымъ.

Прежде всего Законы открываютъ намъ съ особенной силой то настроеніе, которое можно было бы назвать страхомъ жизни у Платона и его школы. Глубокое и безнадежное отчаяніе проникаетъ изображеніе современнаго быта и понятій общества. Все расшаталось, нѣтъ никакихъ устоевъ, все раздѣдено скептицизмомъ своевольнаго распущеннаго поколѣнія. Началась порча отъ чрезмѣрной свободы искусства,

особенно театральнаго. Почти не осталось вѣрующихъ людей; множество впадо въ атеизмъ, по соображеніямъ ли отвлеченно-теоретическимъ, или моральнымъ. Жажда наживы, зависть къ чужому достатку—господствующій стимулъ жизни. Такое общество надо спасать героическими мѣрами. «Законы» составляютъ проектъ устройства общины спасенныхъ при помощи искусственной изоляціи ихъ отъ остальнаго міра. Первое и основное требованіе—устроить новую общину подалеже отъ моря и широкаго обмѣна: поэтому выбирается одна изъ замкнутыхъ долинокъ на о. Критѣ. Членовъ общины не слѣдуетъ, вообще говоря, выпускать за границу; сношенія съ иностранными краями опасны для правотъ благоустроеннаго государства»²². Только пожилымъ людямъ будутъ выдаваться иностранные паспорта; можно посылать ихъ группами на общегреческія празднества. Не мѣшаетъ время отъ времени отправить въ путешествіе умнаго старика для научной цѣли: узнать чужіе порядки, повидать тѣхъ немногихъ хорошихъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ. По возвращеніи изъ командировки онъ долженъ дать отчетъ законоохранительной коллегіи, въ которой сидятъ судьи, стражи законовъ, начальникъ учебнаго вѣдомства и его предшественники по должности. Если высокая коллегія найдетъ отчетъ удовлетворительнымъ, посылаемому за границу высказывается одобреніе. Если же получилось впечатлѣніе, что командированный испортился отъ путешествія, ему воспрещаютъ преподаваніе и вообще какія-либо бесѣды съ согражданами. Бѣда послушаться запрета цензурно-инквизиторской власти: нарушителю такого грозитъ «за не дозволенное вмѣшательство въ воспитаніе гражданъ и законодательство города» смертная казнь!²³

Всюду вступаютъ въ силу разныя ограничительныя нормы. Такъ, напр., устанавливается неподвижное число гражданъ; лучше всего остановиться на цифрѣ 5040, потому что это число можетъ служить кратнымъ многихъ дѣлителей. Чужихъ, по возможности, лучше совсѣмъ не принимать въ гражданство. Гражданамъ запрещаются займы, денежные сдѣлки, вообще примѣненіе денегъ и какія-либо торговыя сношенія; вся торговля должна быть въ рукахъ пришлыхъ людей, временно пребывающихъ въ общинѣ. Запрещается крупная индустрія, не должно быть индустриальныхъ рабовъ, желательно держать гражданъ въ умѣренномъ достаткѣ.

Авторъ дѣлаетъ признаніе въ пользу теоретической правильности ученія о равенствѣ имущества. На практикѣ онъ считаетъ возможнымъ провести идею соціально-экономическаго равенства только въ отношеніи земельной собственности. Надо воспользоваться тѣмъ, что въ новоучреждаемой общинѣ земля еще не подѣлена; тогда можно безъ всякихъ конфискацій, которыя вызываютъ обыкновенно столько раздраженія,

надѣлать всѣхъ участками одинаковаго размѣра. Что касается подвижности, онъ отказывается отъ уравненія; равнять капиталы—вещь неосуществимая; напротивъ, тутъ надо дать мѣсто началу ценза; граждане раздѣляются на 4 класса; лишь высшіе имущественные разряды могутъ быть допущены къ должностямъ.

Кажется, непослѣдовательность эту можно такъ объяснить. Равенство земельныхъ участковъ составляетъ гарантію неподвижности строя; оно лучше всего обезпечиваетъ сохраненіе разъ установленнаго числа гражданъ. Съ другой стороны, такъ какъ въ Атикѣ нѣтъ особенно развитой крупной землевладѣнія, но есть капиталисты, обладатели крупной подвижности, то авторъ Законовъ, ни на минуту не упускающій изъ виду свой родной городъ, можетъ быть увѣренъ, что онъ не затронетъ ничѣмъ самолюбія «порядочныхъ людей» въ средѣ своихъ согражданъ. Общей социалистической теоріи высказанъ комплиментъ, такъ какъ подобныя признанія требуются модой. Для консервативныхъ круговъ сдѣлана вмѣстѣ съ тѣмъ очень важная оговорка; равные надѣлы возможны, разумѣется, только на неподѣленной землѣ, на дѣвственной почвѣ; о конфискаціи существующихъ владѣній не можетъ быть и рѣчи. Соціализмъ принять въ принципѣ и совершенно обезвредить на практикѣ.

Преступленіе и наказаніе по Платону. Ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ страхъ жизни и связанная съ нимъ реакціонная забота, какъ въ уголовномъ законодательствѣ, начертанномъ для идеальной общины. Автору Законовъ кажется, что у людей необычайно сильны порочныя наклонности, и сдержатъ злодѣйства можно только непрестаннымъ надзоромъ и постоянной угрозой жестокихъ каръ. Уголовный кодексъ такъ и пестритъ упоминаніемъ смертной казни; вотъ ужъ подлинно «кровавые законы»! Смертная казнь положена за воровство, за укрывательство политическаго изгнанника, за взятку, нечего и говорить о проступкахъ болѣе тяжелыхъ. Авторъ сознаетъ необходимость теоретическаго оправданія столь жестокой кары, и вотъ что онъ говоритъ. Смертная казнь должна быть присуждаема въ томъ случаѣ, если нѣтъ надежды на исправленіе преступника, потому что «для такого человѣка хуже остаться въ живыхъ; кромѣ того, уничтоженіе его приноситъ другимъ двоякую пользу, во-первыхъ, давая устрашительный примѣръ, во-вторыхъ, освобождая общину отъ бремени такихъ злодѣевъ»²⁴. Важна не только смерть преступниковъ, но и зрѣлище смерти, какъ средство устрашенія: въ извѣстныхъ случаяхъ тѣло казненнаго выбрасываютъ въ поле нагимъ. Истязанія, бичеванія тоже должны быть часто примѣняемы не только къ рабамъ, для которыхъ это повседневное явленіе, но и къ свободно рожденнымъ.

Наиболѣе грустное впечатлѣніе производить въ Законахъ тотъ отдѣлъ, который можно назвать инквизиціоннымъ процессомъ²⁵. Мы уже видѣли сужденія автора о современности. Онъ находитъ общество погруженнымъ въ невѣріе и равнодушіе къ религіи. Господствующимъ міровоззрѣніемъ, по мнѣнію Платона, сталъ физическій материализмъ, объясняющій явленія міровой жизни дѣйствіемъ слѣпо напорающихъ силъ. Такъ плохо стало насчетъ вѣры, что уже почти нельзя никого подводить къ присягѣ²⁶. Но... тѣмъ хуже для атеистовъ, они будутъ искоренены всѣми возможными мѣрами. Во-первыхъ, къ должностямъ можно допускать только вѣрующихъ, и притомъ вполне правовѣрныхъ. Литература поступаетъ подъ строжайшій надзоръ властей; все, что способно волновать страсти, изгоняется изъ государства. Законодатель принимаетъ на себя обязанности богослова и проповѣдника: онъ устанавливаетъ неопровержимо, между прочимъ посредствомъ астрономическихъ доводовъ, существованіе единого Высшаго существа, правящаго міромъ и держащаго судъ праведный надъ людьми; эти основные догматы составляютъ вступленіе къ ряду уголовныхъ статей, цѣль которыхъ—безопасное преслѣдованіе несогласно мыслящихъ.

О всякаго рода словахъ или дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ презрѣнія къ богамъ, должно быть доносимо властямъ; уличенный немедленно заключается въ тюрьму. Затѣмъ надо различать двѣ категоріи атеистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые не скрываютъ своихъ убѣжденій и честно отрицаютъ существованіе боговъ или не признаютъ боговъ праведными судьями надъ человѣчествомъ, но сами не совершили никакихъ дурныхъ поступковъ, подлежатъ тюремному заключенію въ теченіе пяти лѣтъ; за это время ихъ посѣщаютъ лишь члены духовной коллегіи, той самой, которая снимаетъ отчетъ съ командированнаго за границу; эти духовники стараются въ бесѣдахъ вернуть заблуждающагося на путь истины и спасти его душу (*ἐπὶ τῆ τῆς ψυχῆς σωτηρίᾳ ἐμιλοῦντες*)²⁷. Если провинившійся не исцѣлился отъ своихъ заблужденій или послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы вновь сталъ соблазнять другихъ своимъ примѣромъ, то ничего не остается иного, какъ его казнить. Въ другую категорію надо отнести тѣхъ, кто скрываетъ свои атеистическія воззрѣнія, но эксплуатируетъ въ свою пользу вѣрующихъ людей и ихъ простоту; такихъ надо заключать въ особую одиночную тюрьму, выстроенную въ дикой пустынной мѣстности, гдѣ они будутъ совершенно лишены всякихъ сношеній со свободными людьми, а пищу будутъ получать изъ рукъ рабовъ. Послѣ смерти тѣла этихъ лицемѣровъ и преступниковъ выбрасываются за границу; тотъ, кто вздумаетъ ихъ похоронить, самъ будетъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи боговъ. Безопасно строгъ законодатель и къ тому, что

онъ считаетъ суевѣриемъ. Въ главѣ о врачбномъ искусствѣ онъ начинаетъ вдругъ въ очень грозномъ тонѣ говорить о примѣненіи ядовъ и сильно дѣйствующихъ лѣкарствъ (*φαρμακείαι*); тутъ же оказываются подъ большимъ подозрѣніемъ всякаго рода магическіе и знахарскіе приемы; въ заключеніе онъ грозитъ смертною казнью за всякую попытку вѣдовства со стороны предсказателей и толкователей примѣтъ.

Надо представить себѣ, что въ результатѣ примѣненія всѣхъ этихъ статей уголовно-полицейскаго кодекса должна была возникнуть масса неслыханныхъ дотошъ процессовъ, количество которыхъ грозило далеко превзойти дѣятельность обыкновенныхъ судовъ. Судя по озлобленному тону Законовъ, мрачный клерикализмъ надвинулся вплотную на интеллектуальный міръ Греціи и повисъ надъ нимъ тяжелой тучей; всѣ аргументы позднѣйшей инквизиціи, вся психологія вѣдовскаго процесса уже даны Платономъ. И когда читаешь эти поистинѣ страшныя страницы Законовъ, невольно вспоминается одно выраженіе автора, которымъ онъ сопровождаетъ правила, регулиующія эстетическую жизнь въ идеальной общинѣ: «трагедія (намъ) не нужна, трагедію замѣнить устройство государства; само государство составляетъ трагическую пьесу высокаго стиля»²⁸. Благочестивый пессимистъ, онъ не замѣтилъ, какой злой шуткой надъ его собственной системой государственной опеки общества звучатъ эти слова.

Общество грядущаго бюрократическаго государства. Одно обстоятельство не можетъ не вызвать смущенія у внимательнаго читателя Законовъ. Спрашивается, откуда духовные судьи возьмутъ столько помощниковъ, доносчиковъ, обвинителей, тюремщиковъ, палачей? Кто вообще дастъ внѣшнюю опору, «свѣтскій мечъ», на поддержку ихъ авторитета? Выбранныя гражданами хотя бы изъ стариковъ и капиталистовъ должностныя лица не въ силахъ одни сладить со всей массой преступниковъ, нарушителей, подозрительныхъ и уклоняющихся. Мы рѣшаемся думать, что выходъ изъ этого затрудненія заключается въ слѣдующемъ. Въ Законахъ описана вовсе не самодовлѣющая община, вовсе не автономный греческій кантонъ, а лишь небольшая доля крупнаго государства. Вотъ почему въ Законахъ нѣтъ никакой политики, а есть только статьи каноническаго и полицейскаго права, религиозный процессъ и городское благоустройство. Тутъ нѣтъ описанія настоящихъ властей, потому что онѣ предполагаются гдѣ-то далеко въ видѣ общаго фона; но безъ нихъ въ свою очередь не мыслимо представить себѣ существованіе и дѣятельность городскихъ властей и духовныхъ коллегій. Платонъ уже воображаетъ себя среди большого бюрократическаго государства, въ которое вошла также и официально признанная церковь; городъ, описанный имъ, только по внѣшности и по воспоми-

наніямъ своимъ, примыкаетъ къ старой греческой автономной общинѣ; но отъ примѣтовъ и понятій вольнолюбивой республики въ немъ осталось очень мало; этотъ городъ—административная единица въ томъ стилѣ, какъ онъ устроенъ потомъ въ эллинистическихъ монархіяхъ и въ римской имперіи. Можетъ показаться непонятнымъ, гдѣ же въ Греціи Платонъ нашелъ примѣры такихъ общинъ. Но, не говоря о томъ, что малоазійскіе города, находившіеся во власти персидской державы, и сицилійскія общины, подчиненныя сиракузскому тирану, вполне подходили для приложенія полицейскаго права Законовъ, надо хорошо взглянуть въ условія жизни общинъ европейской Греціи, чтобы увидѣть въ нихъ всюду почти рамки административнаго устройства въ духѣ Платона. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть городовъ представляли олигархіи капиталистовъ и землевладѣльцевъ, обремененныхъ борьбой съ пролетаріатомъ; правящій слой тянулся къ опеке большого государства и готовъ былъ поступиться ради этого своей автономіей. Въ самыхъ демократическихъ по виду Афинахъ была сильная партія, которая съ 50-хъ годовъ настойчиво стремилась стать подъ охрану македонскаго царя и воспользоваться его опорой. Въ 338 году, послѣ Херонейской битвы и съ основаніемъ Коринѣскаго союза, греческія олигархіи получили желаемое; если не юридически, то фактически онѣ потеряли автономію и стали административными долями большой военной монархіи.

Платонъ составляетъ уложеніе для сокращенной, лишившейся автономіи общины. Онъ беретъ за образецъ старые городскіе кодексы, законы Солона, правды, подобныя Гортинской и т. д., но, какъ мы видѣли, онъ обогащаетъ ихъ содержаніе цѣлымъ отдѣломъ религиозно-уголовнаго права. Это право новаго происхожденія. Въ Афинахъ оно родилось наканунѣ великаго междоусобія, въ псефизмѣ Діопейоа, и также знаменуетъ начало своего рода истребительной войны. Арена борьбы здѣсь весьма далека отъ того, что можно назвать общенародными интересами; сраженія и губительные процессы разыгрываются исключительно въ предѣлахъ интеллигентскихъ кружковъ и взаимныхъ счетовъ ученой и литературной братіи. Къ ужасу и сокрушенію своему мы видимъ, что со времени Діопейоа взаимное раздраженіе въ средѣ интеллигенціи не ослабѣвало, а, напротивъ, все нарастало, отъ чрезвычайныхъ нападеній переходило къ непрерывной войнѣ, пока не выразилось у Платона въ цѣломъ аппаратѣ догматовъ правовѣрія, въ индексѣ запрещенной литературы и въ сложной постановкѣ религиознаго процесса.

Эти жестокія схватки ученыхъ и литераторовъ идутъ рука объ руку съ возрастаніемъ количества людей, занятыхъ въ интеллектуаль-

ныхъ профессіяхъ; взаимное ожесточеніе до извѣстной степени объясняется фактомъ перепроизводства интеллигенціи, которое въ свою очередь сопровождается большимъ разореніемъ страны. Влеченіе къ наукѣ составляетъ лишь незначительную долю въ кругу мотивовъ, создающихъ эту среду. Политія Платона показала намъ, какъ ограниченъ кругъ собственно ученыхъ интересовъ въ сектахъ. По всей вѣроятности, ряды греческой философствующей интеллигенціи пополняются въ IV вѣкѣ въ большой мѣрѣ сбитыми съ мѣста и положенія, незанятыми, неуравновѣшенными, часто непригодными къ жизни элементами, настоящими «лишними людьми». Они дѣлятся на секты и толки, которые яростно бросаются другъ на друга и, будучи безсильны истребить противника, обращаются, наконецъ, къ содѣйствію свѣтской власти.

XI. Гибель республиканской Греціи.

Передъ самымъ началомъ союзнической войны аѳиняне встрѣтились впервые съ врагомъ необычайно искуснымъ и настойчивымъ; это былъ воцарившійся въ 359 году 23-лѣтній царь Македоніи Филиппъ.

Условія возвышенія Македоніи. Двѣ большія области сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова, Фракія и Македонія, общими рамками своими значительно превышаютъ территорію городской Греціи. Ихъ полудикое воинственное населеніе долго не представляло опасности для грековъ, будучи отрѣзано отъ моря греческими же колоніями, расположенными по всему извилистому сѣверному побережью, отъ Термейскаго залива, т.-е. угла, гдѣ сходятся Эссалія и Македонія, и до восточной оконечности Фракіи у Босфора и Чернаго моря. Колонисты вывозили нужные имъ продукты изъ гористыхъ материковыхъ мѣстностей, въ особенности строевой лѣсы, кожи и мѣха, пользовались богатствами рудниковъ, но старались не вводить въ эту торговлю самихъ македонскихъ и фракійскихъ варваровъ: дороги оставались въ первобытномъ состояніи, среди туземнаго населенія не было класса купцовъ, никто не устраивалъ складовъ и запасовъ продовольствія. Вслѣдствіе этого фракійскіе и македонскіе вожди въ V вѣкѣ не могли организовать никакого большого предпріятія. Очень характерны происшествія 429 года среди осложненій большой Пелопоннесской войны. Союзникъ Аѳинъ, фракійскій царь Ситалкъ, нагналъ огромную кучу своихъ вассаловъ къ Халкидикѣ противъ македонскаго царя, поддерживавшаго мятежныя халкидскія общины; сначала эта чуть ли не полторастатысячная орда вызвала жестокую панику на всемъ побережьи; но до настоящей цѣли похода, до нападенія на Македонію, дѣло такъ и не дошло; тучи фракійцевъ, быстро налетѣвшія подобно саранчѣ, также быстро разсѣялись, потому что имъ нечѣмъ было кормиться, а продовольственное дѣло совѣтъ не было устроено въ арміи Ситалка.

Однако греки сами выпустили изъ рукъ все свои выгоды на сѣверѣ, когда съ образованіемъ аѳинской державы между крупными об-

¹ Исокр. Панегир. 13. ² Тамъ же 48. ³ С J A II, 17 = Dittenberger 63. ⁴ Ксеноф. Греч. ист. V, 4, 46. ⁵ Тамъ же VI, 3. ⁶ Тамъ же VI, 1. ⁷ Тамъ же VI, 5, 28. ⁸ Плут. Пелоп. 25. ⁹ Ксеноф. Греч. ист. VII, 1, 40. ¹⁰ Къ сужденію Демосоена о Каллистратѣ (рѣчь о лжепосольствѣ 297) схолиастъ прибавилъ: „Каллистратъ былъ могучимъ ораторомъ, и именно вслѣдствіе мощи рѣчи своей онъ подвергся преслѣдованію“. ¹¹ Слова Эпаминонда передаетъ Эхинъ 2, 105. ¹² Пятидесятые годы IV вѣка представляются намъ весьма неяснымъ періодомъ. Греческая исторія Ксенофонта останавливается на Мантинейской битвѣ 362 г. Рѣчи Демосоена начинаются лишь съ самаго конца 50-хъ гг. Единственнымъ источникомъ остается Діодоръ, сообщаящій краткія не связанныя свѣдѣнія на основаніи Эфора и Феопомпа, историковъ второй половины IV вѣка. ¹³ Эхинъ противъ Ктесиф. 25. ¹⁴ Это — послѣднія слова статьи, гл. 48. ¹⁵ (Псевдоксеноф.) о доходахъ, гл. I. ¹⁶ Ксеп. Греч. ист. VII, 1. ¹⁷ Вышеприв. мѣсто изъ Схол. къ Аристоф. Женщин. въ эккл. 102. ¹⁸ О встрѣчѣ новой богини рассказано въ начальной сценѣ Политія Платона. ¹⁹ Плат. Пол. IV 434 С и 441 А. ²⁰ Плат. Законы VI, 21. ²¹ Плат. Пол. IV 427 В. ²² Плат. Зак. XII, 5. ²³ Тамъ же 6. ²⁴ Тамъ же IX, 6. ²⁵ Плат. Зак., гл. IX и X. ²⁶ Тамъ же XII, 4. ²⁷ Тамъ же X, 15. ²⁸ Тамъ же VII, 19.

щинами возникли жестокие антагонизмы. Особенно выиграла от греческих междоусобий Македония, расположенная на самом пороге европейской Греции. Царь Пердикка II с большим вниманием следила за борьбой Афин с мятежными общинами Халкидики; он становился то на сторону недовольных подданных державы, советовал им объединиться, то на сторону Афин, общая свое содействие против возстания¹. Его преемник Архелай также очень интересовался греческими отношениями: придвинул свой двор поближе к морю, перенес резиденцию из Эги в Пеллу, почти на выходе реки Лудия, охотно принимал греческих эмигрантов, звал к себе художников и ученых, между прочим увлек Эврипида, разочаровавшегося под конец жизни в Афинах². Но очень большого результата эти два македонянина не достигли. Вслед за вытеснением Афин с Халкидики произошло объединение общин полуострова с Олином во главе, и Македония опять увидела себя отрезанной от моря. Споры греческих общин снова помогли Македонии выдвинуться; во исполнение условий Анталкидова мира Спарта разгромила халкидский союз и подорвала силу Олиноа. Афины приветствовали ослабление Олиноа, тем более, что со времени похода Брасида у них не остывало желание захватить Амфиполь, расположенный на выходе большой еракийской реки Стримона близ Пангейских рудников. Однако, разстроив местную организацию греческих колонистов, две большие общины метрополи не приобрели сами опорных пунктов на македонском и еракийском берегах. Это выгодное положение вещей и заставило царя Филиппа.

В данной книге нет места истории македонян. Нам важно только напомнить, чем оказалась Македония для европейских греков, в каком смысле натиск полуварварской монархии довершил социальные и политические перемены европейской Греции, знаменовавшие конец автономной республиканской жизни.

Общий характер македонского государства. Македоняне считались греческим племенем, а цари македонские выводили себя от той самой линии Гераклидов, к которой принадлежали цари Аргоса. Когда обладание Грецией считалось важнейшей целью македонской политики, цари постарались скрепить многологические нити, связывавшие их с греками; Филипп предпринял даже особый археологический визит в Аргос. Но по существу связи Македонии с Грецией не имеют почти никакой цены, весь строй жизни северно-балканской народности очень далек от республиканской городской Греции, далек, пожалуй, настолько же, как и восточная держава персов. В свою очередь македоняне во многом напоминают персов. Вся их история

проходит в тесной связи с персидской; сначала они состоят у персов в подчинении, потом стараются усердно им подражать, наконец, поднимаются, чтобы вытеснить и замкнуть персов на восток. В политико-географическом смысле македонская держава — естественное продолжение персидской: македоняне и персы расположены на двух крайних концах длинного плоскогорья, которое прерывается только узким проливом Геллеспонта и Босфора; сначала всю группу земель, прилегающих к этому плоскогорью, объединили персы, потом с противоположного конца ту же задачу пытались осуществить македоняне; в том и другом случае важным средством объединения служили культурные и технические силы греков и, наконец, сам человеческий материал Греции.

Македония долго составляла группу почти независимых друг от друга сенберий; всюду имелся многочисленный военный класс, опиравшийся на работу зависимых крестьян. Царь был окружен большой дружиной (ἐταῖροι); ее товарищеские традиции долго сохранялись, потому, с превращением Македонии в империю, несмотря на все усилия вождей окружить себя блеском восточного божественного ореола. В известных случаях ἐταῖροι составляли корпоративное собрание, и оно выступало, напр., в качестве высшего военного суда. Еще во время походов Александра есть σύλλογος τῶν ἐταῖρων, который в значительной мере связывает царя; и даже потом у его преемников на восток имеется συνέδριον τῶν φίλων. Конная служба благородных воинов вознаграждалась, как в средневековой Европе, выдачей земельных ленов. Македонская аристократия обладала обширными имениями. Греческий историк Теопп, современник царя Филиппа, сделал статистическое вычисление, в силу которого оказывается, что у 800 дружинников царских земли было больше, чем у 10.000 греков из наиболее зажиточного класса. Возможно, что в Македонии получился избыток мелкого военного люда, для которого не хватало надельных, и что наличность его послужила толчком к завоеваниям, при чем цари рассчитывали на приобретение новых территорий для устройства ленов.

Нигде в Македонии нет ничего похожего на типичные для Греции формы народных собраний, выборных должностей, подлежащих публичному контролю, и вообще тех учреждений, которые тесно связаны с бытом автономных городов. Главный город Македонии, Пелла, далек от характера греческих городов и больше всего напоминает Сузу, как местопребывание двора и дружины. По своим нравам Македония стояла очень далеко от гуманной (φιλόζυφος)

республиканской Греции. Македонские цари, в том числе Филипп и Александр, были многоженцы. Дикія попойки обоих завоевателей в кругу «друзей» производили на греков отталкивающее впечатлѣніе. Ни одно воцареніе не обходилось без кровавой расправы и истребленія большей части родственниковъ новаго царя. Объединитель Греции, Филиппъ, проявлялъ всюду неслыханную до тѣхъ поръ жестокость, жегъ и разрушалъ завоеванные города, вырѣзывалъ массы плѣнныхъ.

Вмѣшательство Македоніи въ греческія дѣла. Царь Филиппъ выступилъ въ моментъ, очень выгодный для Македоніи. Сосѣдняя Эссалия была объята пожаромъ общаго междоусобія, открывавшимъ удобный случай для появленія посторонней силы. Двѣ крупнѣйшія общины Средней Греции, Эивы и Аѣины, основательно перессорились между собою и готовы были обратиться къ чужой помощи, чтобы рѣшить свои взаимные счеты. Притомъ Аѣины, единственная сила, имѣвшая авторитетъ въ Эгейскомъ морѣ, затянулись въ тяжелую войну съ союзниками, которая занимала весь флотъ республики.

Филиппъ направилъ свое вниманіе сначала на ближайшіи къ Македоніи Халкидскій полуостровъ и области около устья Стримона и Пангейской горы. Самымъ значительнымъ городомъ здѣсь былъ Олинъ, несмотря на разгромъ 380 года. Филиппъ воспользовался рознью Олинъ и Аѣинъ и провелъ свои планы путемъ одиночныхъ соглашеній съ той и другой общиной. Не трудно было замѣтить, что греческіе города тяготеютъ самостоятельнымъ веденіемъ войны при посредствѣ наемныхъ отрядовъ и охотно предоставляютъ варварскимъ князьямъ за деньги воевать въ ихъ пользу. Македонскій царь попробовалъ такой способъ дѣйствій сначала съ Аѣинами, потомъ съ Олинъ и всякій разъ съ большой выгодой для себя. Въ отношеніи къ аѣинянамъ предложенія его состояли въ томъ, что онъ завоеуетъ для нихъ Амфиполь, если они согласятся ему предоставить Пидну. Такъ какъ аѣинскій флотъ былъ цѣликомъ занятъ въ восточной части Эгейскаго моря, Филиппу удалось взять и удержать за собой оба важные города, лежащіе у двухъ заливовъ, которые омываютъ съ запада и востока Халкидскій полуостровъ. Раздраженные этимъ, аѣиняне объявили Филиппу войну, но попрежнему остались неспособны къ какимъ-либо активнымъ дѣйствіямъ на халкидскихъ и ѳракійскихъ берегахъ. Они были даже настолько непредусмотрительны, что отвергли соглашеніе съ Олинъ. Филиппъ въ свою очередь предложилъ Олинъ свою дружбу, завоевалъ для него Потидею, принадлежавшую Аѣинамъ, а самъ добился свободнаго прохода во ѳракію. Здѣсь онъ занялъ рядъ новыхъ приморскихъ пунктовъ, Абдеру и Маронію, и у подножія Пангейской горы основалъ новый городъ Филиппи (353 г.). ѳракійскіе лѣса доставили ему матеріалъ для

постройки флота. Выстроенные Филиппомъ корабли были не военные и не торговые, а разбойничьи, главнымъ же ихъ занятіемъ сдѣлалось нападенія на аѣинскія торговые суда.

Очень важнымъ пріобрѣтеніемъ Филиппа былъ захватъ пангейскихъ рудниковъ, сдѣлавшій Македонію первой финансовой силой Греции. Въ свою очередь македонскій царь поднялъ производительность рудниковъ на небывалую до тѣхъ поръ высоту, направивши на разработку ихъ массы зависимыхъ людей, которыя онъ захватывалъ въ грабительскихъ походахъ противъ своихъ дикихъ сосѣдей. При помощи усиленной добычи золота Филиппъ реформировалъ македонскую монетную систему: онъ ввелъ золотую валюту, и его золотые статеры, филиппеи, скоро получили ходъ въ греческихъ областяхъ. Они стали вытѣснять знаменитые персидскіе дарейки, до тѣхъ поръ всюду распространенные въ Греции. Благодаря этому, македонскій царь получилъ возможность играть ту финансовую роль въ греческомъ мірѣ, которая въ первой половинѣ IV вѣка принадлежала царю персидскому. Для того, чтобы получить доступъ къ рынку греческихъ военныхъ наемниковъ, Филиппъ сталъ дѣлать то же, что раньше персидскій царь, т.-е. подкупать правящіе въ греческихъ городахъ группы пенсіями и субвенціями³. Большія денежные средства дали Филиппу возможность воспользоваться всеми крупными военными изобрѣтеніями IV вѣка. Онъ завелъ осадную артиллерию въ стилъ Діонисія сиракузскаго, вооружилъ фалангу длинными копыями Ификратовыхъ пелтастовъ и сталъ примѣнять тактику натиска глубокимъ строемъ пѣхоты, составлявшую секретъ успѣховъ Эпаминонда.

Среди усложненій войны на сѣверѣ открылось междоусобіе въ Средней Греции, которое доставило Филиппу новыя выгоды. Эиванцы требовали отъ своихъ вассаловъ, фокидянъ, большого штрафа за отказъ идти въ Пелопоннесъ; подкупленный Эивами совѣтъ амфиктионовъ въ Дельфахъ утвердилъ штрафъ своимъ религіознымъ авторитетомъ и поручилъ эиванцамъ и эссалийцамъ взыскать съ фокидянъ установленную сумму. Въ этомъ безвыходномъ положеніи фокидянамъ осталось только захватить сокровища Дельфійскаго храма; они вооружились и набрали большое количество наемниковъ. Началась «священная война» (356 г.).

Собственно говоря, для того времени терминъ этотъ звучалъ лицемѣріемъ. Храмовыя сокровища давно уже забирались на военные нужды, и примѣръ тому показали аѣиняне, вынужденные во время Пелопоннеской войны всѣ вклады, которыми обладала богиня-покровительница города. Въ очень широкомъ размѣрѣ воспользовались храмовымъ золотомъ Олимпій аркадяне во время походовъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, и при-

Тѣмъ съ одобренія тѣхъ же еиванцевъ, которые теперь жестоко осуждали фокидянъ за поступокъ, совершенно равносильный. Захватъ фокидянами Дельфійской казны отличался, пожалуй, только тѣмъ отъ предшествующихъ секуляризацій, что далъ возможность на короткій срокъ выдвинуться области, очень бѣдной и третьестепенной по значенію. До тѣхъ поръ въ Греціи никогда еще не появлялось такого крупнаго наемническаго войска. Никогда такъ быстро не мобилизовались богатства, получившіяся отъ благочестивыхъ вкладовъ; солдаты спускали легко доставшееся золото, часто въ непосредственномъ видѣ драгоценностей, и въ Эссалии множество людей стали щеголять въ украшеніяхъ, добытыхъ изъ Дельфійской ризницы.

Фокидяне сначала имѣли успѣхъ, побивая и эссалийцевъ, и еиванцевъ; аѳиняне стали на ихъ сторону и прислали эскадру, которая крейсировала у Фермопилъ, не позволяя врагамъ Фокиды запереть проходъ и обезпечивая фокидянамъ свободное движеніе въ Эссалию. Тогда еиванцы обратились къ помощи Филиппа. Македонскій царь вступилъ съ большимъ войскомъ въ Эссалию и разбилъ фокидянъ въ рѣшительномъ сраженіи близъ морского берега: 3.000 захваченныхъ въ плѣнъ «святотатцевъ» онъ велѣлъ бросить въ море, а тѣло убитаго ихъ вождя Ономарха пригвоздитъ ко кресту. Затѣмъ Филиппъ захватилъ Феры и гавань этого города у Пагасейскаго залива. Но когда онъ попытался пройти черезъ Фермопилы въ Среднюю Грецію, аѳинская эскадра высадила десантъ и загородила проходъ (352). Македонскій царь ограничился оккупацией Эссалии.

Возникновеніе македонской партіи въ Аѳинахъ. Аѳиняне могли бы оказать фокидянамъ болѣе существенную помощь, такъ какъ ихъ силы освободились по заключеніи мира съ союзниками, а между тѣмъ дѣло шло объ утвержденіи Филиппа у южнаго выхода Эссалии, совсѣмъ близко къ линіи постоянныхъ сношеній Аѳинъ и къ зависимой отъ нихъ Эвбеѣ. Колеблющаяся и непослѣдовательная внѣшняя политика Аѳинъ объясняется установившимися къ этому времени внутренними отношеніями. Подъ конецъ союзнической войны, какъ мы видѣли, одержала верхъ консервативная партія, и съ 355 года начинается финансовое управленіе ея талантливаго вождя Эвбула, продолжавшееся до 339 года. Эвбулъ былъ человѣкъ безусловно честный и неподкупный и пользовался огромнымъ довѣріемъ въ Аѳинахъ; его спеціальностью было веденіе процессовъ по утайкамъ и финансовымъ злоупотребленіямъ, гдѣ онъ неизмѣнно выступалъ въ качествѣ стража и охранителя общественныхъ суммъ. Очень угодный имущимъ классамъ, которыхъ онъ избавлялъ отъ прямыхъ налоговъ, Эвбулъ обезпечилъ своей финансовой политикѣ прочную поддержку массы системой усиленныхъ раздачъ. Но

именно благодаря этому значительная часть бюджета была забронирована, и расходы на войну терпѣли ущербъ. Демосъ, удовлетворенный, не требовалъ энергичнаго веденія далекихъ предпріятій. Война свелась къ высылкѣ флотилій, къ мелкимъ незначимымъ дѣйствіямъ. Единственной важной операціей было закрытіе Фермопилъ, но она осталась безъ продолженія.

Постепенно вокругъ Эвбула начинаетъ собираться группа, составившая потомъ македонскую партію въ Аѳинахъ. Въ цѣли ея входило не столько веденіе борьбы съ Филиппомъ, сколько заключеніе съ нимъ выгоднаго соглашенія для того, чтобы открыть аѳинской торговлѣ доступъ въ Македонію. Среди слагавшейся партіи скоро выдѣлился Эсхинъ, который началъ карьеру свою въ качествѣ секретаря у Эвбула и своимъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ составлялъ потомъ серьезный противовѣсъ Демосѳену. У эвбуловцевъ имѣлся и военный дѣятель: это былъ Фокіонъ, второе изданіе Никіа, настоящей типъ медлителя и организатора отступленій, проповѣдникъ сокращенія военныхъ задачъ, ликвидаціи державной политики и сближенія съ большой военной силой, сложившейся на сѣверѣ. Всѣ эти дѣятели, финансистъ, ораторъ и стратегъ, при своихъ симпатіяхъ къ Македоніи, должны были, однако, силою вещей принять наслѣдство войны съ нею; отсюда колебанія между продолженіемъ старой политики и противодѣйствіемъ ей.

Филиппъ извлекъ всѣ возможные выгоды изъ вялости и противорѣчивой политики своего главнаго врага. Слѣдомъ за оккупацией Эссалии онъ двинулся на востокъ и принялся систематически тѣснить Олиноъ, который остался изолированной греческой общиной на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря.

Первыя политическія выступленія Демосѳена. Ко времени еракійскихъ операцій Филиппа въ 351 году относится начало политической дѣятельности Демосѳена (род. въ 384 г.), будущаго вождя и организатора антимакедонской партіи. Демосѳенъ, сынъ богатаго оружейника, рано осиротѣвшій и обманутый своими опекунами, долженъ былъ пробивать себѣ дорогу личнымъ талантомъ и трудомъ. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, онъ приобрѣлъ большую извѣстность защитой своего иска къ опекунамъ о возвращеніи растратеннаго наслѣдства; онъ зарабатывалъ потомъ много своими адвокатскими рѣчами въ частныхъ процессахъ въ качествѣ *συνήγορος*, т.-е. защитника (аѳинская практика IV вѣка стала допускать такихъ адвокатовъ въ помощь истцу или подсудимому, тогда какъ въ V вѣкѣ защищаться приходилось всякому лично). Демосѳенъ рано почувствовалъ влеченіе къ политической аренѣ, и въ этомъ отношеніи онъ—настоящій сынъ демократическихъ Аѳинъ.

Сохранилось воспоминание из его отроческих лѣтъ, какъ онъ настойчиво, страстно стремился попасть на знаменитый (первый) процессъ Каллистрата, чтобы послушать великаго мастера публичной рѣчи, какъ при содѣйствіи друзей юношѣ удалось проникнуть въ судъ и какъ, совершенно очарованный искусствомъ оратора, онъ твердо рѣшилъ отдаться политической карьерѣ ⁴. Враги Демосоена любили смѣяться надъ его неспособностью къ свободной импровизаціи, противопоставляли ему, въ качествѣ оратора божьей милостью, развязнаго и никогда не смущавшагося Демада, иронизировали, что рѣчь его «отдаетъ масломъ ночной лампы», т.-е. слишкомъ кропотливо выработана и подготовлена. Демосоевъ, правда, подолгу и усердно готовился къ своимъ рѣчамъ, но не потому только, что долженъ былъ побѣждать природныя недостатки; его трудъ связанъ былъ съ изученіемъ технической стороны всякаго дѣла; во всѣхъ финансовыхъ и военно-административныхъ вопросахъ онъ всегда оказывался превосходно освѣдомленнымъ. Въ его рѣчахъ горячій патриотизмъ, сильный подъемъ республиканскихъ чувствъ соединяется съ неизмѣнной основательностью практическихъ предложеній, продуманныхъ во всѣхъ подробностяхъ. Демосоевъ представлялъ собою еще одну славную традицію аѳинскаго политическаго гения: въ его глазахъ демократія—закономѣрная форма правленія, наиболѣе близкая къ политическому идеалу, и онъ умѣлъ выразить это юридическое сознание въ простыхъ и благородныхъ терминахъ. Какъ бы въ видѣ отвѣта высококомѣрной интеллигенціи, противопологавшей народу «порядочныхъ людей» (*καλοὶ καγαθοὶ*), Демосоевъ выдвигалъ «красоту народолюбія» (*καλῶς καὶ δημοτικῶς*—говорить онъ объ идеяхъ одного изъ своихъ предшественниковъ) ⁵.

Въ рѣчи, которую традиція назвала первой филиппикой, Демосоевъ рѣзко выговариваетъ народу его безпечность, его привычку къ праздному любопытству и его увѣренность, что дѣла устроятся сами собою. Такое поведение немислимо передъ лицомъ врага, подобнаго Филиппу, искуснаго и неотступнаго. Демосоевъ указывалъ на крайнюю важность халкидскаго театра войны; по его мнѣнію, во Фракіи должно постоянно находиться аѳинское войско, четверть котораго обязательно набирается изъ аѳинскихъ гражданъ; служба гражданъ представлялась оратору самымъ существеннымъ политическимъ условіемъ: они должны составить какъ бы корпусъ непрерывнаго надзора за наемниками.

Когда Филиппъ плотнѣе надвинулся на Олинѣ, Демосоевъ удвоилъ свои усилія: въ знаменитыхъ олинскихъ рѣчахъ онъ настаиваетъ на необходимости энергической борьбы съ Филиппомъ въ Халкидикѣ. Демосоевъ заявляетъ себя великимъ поклонникомъ прежней державной мощи Аѳинъ; родной городъ представляется ему опорой греческой сво-

боды, естественнымъ союзникомъ и другомъ всѣхъ демократій. Филиппъ—большая сила; но въ его положеніи есть серьезныя опасности; его власть построена на обманѣ и клятвопреступленіяхъ; въ Македоніи много недовольныхъ, а пресловутая его дружина—компанія развратниковъ. Какъ всегда у Демосоена, и въ олинскихъ рѣчахъ, дѣловая сторона освѣщена великолѣпно. Экспедиція на помощь Олиноу невозможна безъ рѣшительной реформы аѳинскихъ финансовъ; ораторъ нападаетъ на эвбуловскій бюджетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на укоренившійся въ Аѳинахъ предразсудокъ жертвовать всѣмъ ради отчисленій въ праздничную кассу; безъ сомнѣнія, граждане имѣютъ право на полученія изъ общественныхъ суммъ, но въ критическое время *θεωρικὰ* должны быть превращены въ *στρατιωτικὰ*, иначе конецъ политическому значенію Аѳинъ. Изъ той постановки, которую даетъ вопросу Демосоевъ, видно, что Эвбулъ загорючилъ кассу теориковъ гарантіей неприкосновеннаго конституціоннаго закона; позднѣйшій толкователь рѣчей Демосоена увѣряетъ, что за предложеніе отѣмны театральнѣ выдачи грозила смертная казнь. Какъ бы то ни было, Демосоевъ долженъ былъ дѣйствовать съ особенной осторожностью; онъ предлагалъ образовать специальную законодательную комиссію для выработки проекта реформы праздничной кассы и примѣненія ея на военныя нужды.

Олинскія рѣчи создали большую популярность Демосоеву. Правящая партія вынуждена была сдѣлать уступки оппозиціи: въ Халкидику одну за другой отправили три экспедиціи. Но помощь была недостаточна, часть десанта отозвали для операцій на ближней къ Аѳинамъ Эвбей, и Олинѣ спасти не удалось. Филиппъ сначала изолировалъ городъ, привлеки подкупомъ на свою сторону рядъ сосѣднихъ съ нимъ мелкихъ общинъ, наконецъ, взялъ самый Олинѣ измѣной одного изъ его стратеговъ. Олинѣ подвергся разрушенію, его населеніе было вырѣзано или продано въ рабство (348 г.). Халкидика перешла въ руки Македоніи, и Филиппъ приобрѣлъ господство надъ всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Эгейскаго моря, отъ Херсонеса и до Малійскаго залива у Фермопилъ. Эти успѣхи македонскаго царя были не только грозны сами по себѣ; они развязывали ему руки для дѣйствій на двухъ крайнихъ фронтахъ, очень важныхъ для Аѳинъ: въ священной войнѣ у Фермопилскаго прохода и на Херсонесѣ у Геллеспонта, гдѣ находились укрѣпленныя позиціи Аѳинъ, охранявшія пути торговли съ Черноморьемъ.

Заключеніе мира между Аѳинами и Филиппомъ. Въ виду этихъ трудныхъ обстоятельствъ между аѳинскими партіями состоялось соглашеніе, и всѣ рѣшили добиваться мира съ Филиппомъ. Мотивы были, вѣроятно, очень различны: группа Эвбула стремилась къ возобновле-

нію мирной торговли у оракійскихъ и македонскихъ береговъ; Демосеенъ и его друзья спѣшили спасти послѣднія владѣнія Аѳинъ; передъ ними, можетъ быть, носилась мысль воспользоваться замиреніемъ для того, чтобы организовать потомъ широкій общегреческій военный союзъ противъ Македоніи. Такъ или иначе, по предложенію эвбуловца Филократа, состоялось избраніе коалиціоннаго посольства, въ которомъ, кромѣ инициатора, участвовали Эсхинъ и Демосеенъ (346 г.).

Исторія такъ назыв. Филократова мира составляетъ какъ бы первый актъ трагедіи погибающей аѳинской республики. Въ ходѣ переговоровъ, очень продолжительныхъ, рѣзко выступаетъ неравенство въ положеніи сторонъ. У македонскаго царя все ведется въ замкнутой придворной обстановкѣ, гдѣ аѳинскіе послы не имѣли возможности наблюдать враждебную страну, въ закулисныхъ бесѣдахъ, которыя позволяли Филиппу оказывать воздѣйствіе на болѣе податливыхъ делегатовъ, въ свою очередь удаленныхъ отъ народнаго контроля; въ Аѳинахъ— открыто и громко, въ шумныхъ дебатахъ, среди которыхъ македонянамъ не трудно было, уловляя отѣнки общественнаго мнѣнія аѳинской публики, учестъ силу и слабость партій и получить весь нужный матеріалъ для дальнѣйшихъ своихъ интригъ.

Аѳинскій народъ довѣрилъ свои интересы комиссіи 10, отправившейся въ Пеллу, а между тѣмъ здѣсь состоялось первое сближеніе Филиппа съ эвбуловской партіей. Филократъ увезъ изъ Македоніи богатые подарки царя, возможно, что подкупленъ былъ Филиппомъ и Эсхинъ, разсыпавшійся по возвращеніи въ похвалахъ любезности и великодушію македонскаго царя. Аѳинская миссія привезла весьма неопредѣленные предложенія Филиппа, а послѣ нея вскорѣ прибыли въ Аѳины македонскіе послы, Антипатръ и Парменіонъ, для заключенія окончательнаго договора; они имѣли, напротивъ, очень твердыя инструкціи, а провести требованія Филиппа передъ лицомъ самолюбиваго и чувствительнаго къ своему достоинству демоса взялись вновь пріобрѣтенные аѳинскіе друзья царя ⁶.

Въ Аѳинахъ по старому обычаю крупныя вопросы дипломатіи должны были подвергнуться всенародному обсужденію. Въ собраніяхъ присутствовали и принимали участіе македонскіе послы. Демосеенъ предложилъ раздѣлить программу дѣла между двумя собраніями экклесіи. Въ первомъ былъ доложенъ проектъ совѣта, согласный съ предложеніемъ Филократа: миръ устанавливается на основѣ наличныхъ владѣній (ἡ ἔχουσι). Оппозиція тотчасъ же выдвинула неприемлемые пункты: отказъ Аѳинъ отъ Амфиполя и устраненіе изъ мирнаго договора фокидянъ, которыхъ аѳиняне поддерживали за все время священной войны. Ораторы, враждебные правящей партіи, между ними Демосеенъ, на-

стаивали на томъ, что съ принятіемъ этихъ условій миръ становится позоромъ для Аѳинъ. Въмѣсто формулы ἡ ἔχουσι, по ихъ мнѣнію, должна быть принята другая: τὰ ἐκείων, т.-е. обѣ стороны получаютъ то, что онѣ считаютъ своими законными владѣніями. Наиболѣе радикальные изъ оппозиціонныхъ ораторовъ заявляли, что лучше война до послѣдней крайности, указывали на Пропилеи, какъ знакъ былой славы, напоминали про Саламинъ, заклинали граждагъ могилами предковъ.

Большинство собранія, повидимому, склонялось на сторону оппозиціи. Но на другой день настроеніе перемѣнилось. Македонскіе послы заявили, что они не имѣютъ полномочія измѣнить пунктъ относительно фокидянъ. Филократъ и его партія успѣшили увѣрить народъ, что въ этой формальности нѣтъ нужды, такъ какъ у царя самыя лучшія намѣренія, и что онъ не замедлитъ исполнить желанія аѳинянъ. Затѣмъ Эсхинъ нарисовалъ всѣ ужасы войны, которая должна будетъ разразиться при неуступчивости аѳинянъ, а Эвбулъ въ заключеніе поставилъ рѣзкую альтернативу: «или идите въ Пирей (т.-е. на корабли), платите прямыя налоги, обращайтесь театральныя деньги на военныя нужды, или соглашайтесь на мирныя условія, которыя вамъ предлагаютъ». Въ этой обстановкѣ, похожей на разыгранную пьесу съ распредѣленіемъ ролей между македонянами и ихъ аѳинскими сторонниками, былъ принятъ договоръ; оставалось еще закрѣпить его присягой царя, т.-е. отправить для ратификаціи въ Пеллу.

Филиппъ превосходно воспользовался проволочками дѣла. Не дожидаясь аѳинскихъ пословъ, онъ напалъ на союзника Аѳинъ, оракійскаго царя Керсobleпта, во владѣніяхъ котораго находились крѣпости, занятыя аѳинянами для охраны Геллеспонта. Демосеенъ настаивалъ на скорѣйшемъ отправленіи втораго посольства, чтобы Филиппъ до скрѣпленія договора не успѣлъ сдѣлать новыхъ завоеваній; притомъ онъ требовалъ, чтобы послы ѣхали прямо во Фракію, на мѣсто военныхъ дѣйствій. Его коллеги, напротивъ, намѣренно тянули дѣло, наконецъ, отправились въ Пеллу; здѣсь они стали дожидаться возвращенія Филиппа изъ его оракійскаго похода. Послѣдствія не замедлили сказаться. Филиппъ заставилъ Керсobleпта капитулировать и занялъ важныя крѣпости на оракійскомъ берегу; о выдачѣ ихъ назадъ при скрѣпленіи договора онъ не хотѣлъ и слышать. Затѣмъ аѳинскіе делегаты, находясь въ Пеллѣ, могли наблюдать, какъ собиралось большое македонское войско для похода на Фермопилы.

Первые успѣхи Филиппа въ Средней Греціи. Вождь фокидскихъ наемниковъ, Фалекъ, лишенный поддержки аѳинской эскадры, истощивъ денежныя средства, захваченныя въ свое время въ Дельфахъ, вынужденъ былъ теперь сдаться Филиппу и уйти со своими наемниками.

Македонскій царь прошелъ Ѳермопилы и прочно занялъ входы въ Среднюю Грецію своими отрядами.

Священная война была окончена. Къ лицемѣрнымъ мотивамъ ея прибавилось теперь злоупотребленіе религіознымъ авторитетомъ стариннаго собранія амфиктіоновъ, призваннаго беречь божій миръ и обращеннаго въ жестокое судилище. Ѳессалійцы и ѳиванцы, одолѣвшіе Фокиду при помощи Филиппа, отдали ему два голоса въ амфиктіоніи, отнятые у фокидянъ; затѣмъ въ новомъ составѣ съ участіемъ Филиппа собраніе амфиктіоновъ выключило изъ союза Спарту за поддержку фокидянъ и отняло у Аѳинъ право преимущественнаго опроса Пифійской предсказательницы. Предсѣдательство на пифійскихъ играхъ было отдано Филиппу. Далѣе слѣдовали чисто-политическія постановленія, неслыханныя вообще въ практикѣ амфиктіоніи и немислимые раньше при томъ равновѣсін силъ, которое болѣе или менѣе существовало въ Греціи. Три города Беотіи, Орхомень, Коронея, Корсиа, которые стояли за фокидянъ, были отданы въ полное распоряженіе ѳиванцевъ: амфиктіоны отдали приказъ сломать ихъ стѣны и продать гражданъ въ рабство. Сами «святотатцы» фокидяне были наказаны съ жестокостью безпримѣрной. Всѣ города Фокиды осуждались на полное разрушеніе; жителей принудили расселиться по маленькимъ деревнямъ, не болѣе 50 домовъ въ каждой. Имъ запрещалось употребленіе лошадей и оружія; они превращались въ своего рода крѣпостныхъ храма, осужденные на уплату тяжелаго налога въ счетъ захваченнаго ими Дельфійскаго сокровища. Когда нѣсколько лѣтъ спустя Дельфы посѣтилъ Демосоецъ, онъ увидалъ въ Фокидѣ картину раздирательнаго бѣдствія, сломанные дома, разрушенныя стѣны, отсутствіе здоровыхъ мужчинъ; встрѣчались только старики, женщины и дѣти въ жалкихъ лохмотьяхъ ⁷. Очень характерно, что это новое международное право, свирѣпостью превосходившее самыя злыя рѣшенія прежнихъ побѣдителей, вошло въ жизнь вмѣстѣ съ появленіемъ македонянъ на почвѣ Греціи.

Манифестъ македонской партіи въ Аѳинахъ съ призывомъ къ великой восточной войнѣ. Заключеніе мира съ Филиппомъ повело къ рѣзкому раздѣленію партій въ Аѳинахъ и въ остальной Греціи; теперь все яснѣе стали опредѣляться интересы, дѣлавшіе людей противниками и сторонниками Македоніи. Между тѣмъ, какъ первые нашли себѣ блестящую защиту и благородныя формы выраженія въ рѣчахъ Демосоена, вторые своеобразно идеализированы въ брошюрѣ почти 90-лѣтняго Исократы, появившейся въ свѣтъ какъ разъ въ моментъ заключенія Филократова мира.

Статья Исократы написана въ видѣ открытаго письма къ Филиппу. Она повторяетъ общую идею «Панегиріка», составленнаго почти за

35 лѣтъ до того; надо предпринять большой національный походъ на востокъ для разрушенія персидскаго господства. Но авторъ считаетъ данный моментъ гораздо болѣе благоприятнымъ для этой цѣли. Тогда въ 380 г. персидская держава стояла прочно и даже царь предписывалъ грекамъ свою волю; теперь громадное государство совершенно распатано отдѣленіемъ Египта, возстаніями на Кипрѣ, въ Финикіи и въ другихъ областяхъ; съ другой стороны, у грековъ теперь естественный вождь въ лицѣ македонскаго царя, находящійся въ условіяхъ исключительно благоприятныхъ; онъ стоитъ выше партій, выше враждующихъ общинъ; онъ какъ бы призванъ примирить крупнѣйшія силы Греціи, Аѳины, Спарту, Ѳивы и Аргосъ, которыя иначе не могутъ между собою столковаться. Затѣмъ слѣдуютъ необычайно льстивые комплименты македонскому царю: какъ потомокъ величайшаго національнаго героя грековъ, Геракла, и прославленнаго основателя македонской монархіи, Карана (т.-е. владыки), онъ самой судьбой предназначенъ къ дѣлу національнаго объединенія Греціи и спасенія ея культуры. За неумѣренными похвалами властителю Македоніи Исократъ не забываетъ, однако, опредѣлить тѣ условія, при которыхъ республиканская Греція согласна будетъ подчиниться его гегемоніи. Съ греками надо обращаться мягко и гуманно. «Твой предокъ, грекъ по происхожденію, понималъ, что греки не переносятъ монархическаго образа правленія, а другіе народы, напротивъ, не могутъ обходиться безъ подчиненія династіи, и вотъ онъ установилъ свою единоличную власть надъ иноплеменниками, македонянами; но и эта монархія не похожа на деспотизмъ». Исократъ различаетъ ясно три культурныя градации, которыя должны будутъ остаться и послѣ завоеванія; онъ такъ выражаетъ міровую миссію македонскаго царя: «мое мнѣніе—ты долженъ принести пользу грекамъ, для македонянъ быть истиннымъ монархомъ, надъ варварами, какъ массой, численно преобладающей, быть повелителемъ. Если ты сдѣлаешь это, всѣ будутъ тебѣ обязаны величайшей благодарностью, греки за тѣ благодѣянія, которыя ты имъ окажешь, македоняне за то, что будешь надъ ними закономѣрнымъ государемъ, а не самодержцемъ (*βασιλικῶς ἀλλὰ μὴ τυραννικῶς αὐτῶν ἐπιστατῆς*), весь же остальной родъ человѣческій за то, что, освободившись при твоей помощи отъ варварскаго деспотизма, люди будутъ осчастливлены эллинской культурой» ⁸.

У Исократы—отчетливая военная и социальная программа и откровенно выражены весьма реальные мотивы. Завоеваніе не должно идти далѣе «естественныхъ границъ греческаго міра» (*ἔσους τῆς τῶν Ἑλλήνων χῶρας*), а эти границы очерчены походами Геракла, побѣдившаго властителей *береговъ* на трехъ материкахъ и поставившаго въ видѣ пре-

дѣловъ такъ наз. Геракловы столбы. Великая задача македонскаго вождя будетъ исполнена, если онъ пріобрѣтетъ Малоазійскій полуостровъ до линіи, соединяющей Синопу съ Киликіей. Присоединенную область необходимо будетъ закрѣпить рядомъ вновь основанныхъ крѣпостей и военныхъ колоній, а матеріаломъ для ихъ заполнения послужатъ бродячіе элементы Греціи, которые сейчасъ лишены необходимаго пропитанія и разрушаютъ все, что имъ встрѣчается на пути.

Затѣмъ слѣдуютъ замѣчательныя слова, которыя сразу рисуютъ социальную физиогномію сторонниковъ Македоніи. «Если мы не остановимъ накопленія бродячихъ людей соответствующей организаціей, то незамѣтно число ихъ такъ возрастетъ, что они станутъ страшны грекамъ столько же, какъ и варварамъ. А мы продолжаемъ быть безпечны въ этомъ отношеніи и не замѣчаемъ, какъ растетъ страхъ и опасность для общества. Тебѣ, какъ человѣку возвышеннаго образа мыслей, эллинофилу (φιλέλλητος), и болѣе дальновидному, чѣмъ другіе, предстоитъ примѣнить эти массы людей противъ варваровъ, отнять территорію въ размѣрѣ, только что сказанномъ, извлечь скитальцевъ изъ бѣды, которую они сами терпятъ и которую причиняютъ другимъ, соединить ихъ въ колоніи и поставить ихъ на границѣ Греціи въ качествѣ защиты для насъ всѣхъ. Если ты сдѣлаешь это, то не только доставишь имъ благополучіе, но и насъ всѣхъ обеспечишь покоемъ»⁹.

Общее положеніе въ Греціи. Статья Исократъ превосходно освѣщаетъ социальное положеніе греческихъ общинъ ко времени водворенія Филиппа въ Дельфахъ. Независимо отъ подкупа, сильно работавшаго въ пользу македонскаго царя, значительныя группы греческаго общества тянулись къ его онегѣ добровольно. Вездѣ олигархіи, изъ страха передъ пролетаріатомъ вынужденныя нанимать отряды наемниковъ, дрожали передъ кондотьерами, которые въ свою очередь готовы были всегда захватить цитадель города и разыграть роль тиранновъ. Если мы вѣрно понимаемъ Исократъ, состоятельные классы греческаго общества испытывали желаніе избавиться отъ всѣхъ этихъ маленькихъ охранителей и замѣнить ихъ однимъ крупнымъ патрономъ, который воссоединитъ притомъ раздробленные контингенты наемниковъ и бродячихъ людей и уведетъ ихъ далеко отъ греческой родины, гдѣ спокойно заживутъ всѣ имущіе и порядочные люди. Греческая олигархія считала себя въ свою очередь полезной Филиппу, а потому льстила себя идилическими надеждами на любезность съ его стороны; греки вѣдь не какіе-нибудь варвары, имъ надо оставить автономію, съ ними должно быть мягкое обращеніе, т.-е., иными словами, власть останется у высшихъ классовъ.

Македонскій царь прекрасно оцѣнилъ положеніе своихъ естественныхъ союзниковъ. Въ годы, слѣдующіе за Филократовымъ миромъ,

онъ неустанно вмѣшивается во всѣ самые мелочные споры партій въ греческихъ общинахъ и неизмѣнно поддерживаетъ группы капиталистовъ противъ демократіи. Въ Пелопоннесѣ онъ подаетъ помощь элейской олигархіи и поощряетъ ее учинить кровавое побойще надъ своими противниками. Въ Эвбеѣ онъ оказываетъ услуги династическимъ семействамъ городовъ Эретрии и Оресса; когда же демократы этихъ городовъ ушли въ сосѣдній Портмосъ и укрѣпились тамъ, Филиппъ прислалъ отрядъ, который взялъ Портмосъ и разрушилъ его стѣны; затѣмъ послѣдовали массовыя казни демократовъ. Демосеенъ однажды охарактеризовалъ всю эту компанію сторонниковъ Македоніи такими словами: «самые видные люди въ городахъ, удостоенные главныхъ общественныхъ должностей, оказались жалкими измѣнниками, продавшими свою собственную свободу, по своей охотѣ избравшими рабство, льстиво увѣрявшими Филиппа въ своей дружбѣ и нѣжномъ расположеніи»¹⁰. Интересно, что въ тѣхъ общинахъ, куда не могла достать рука македонскаго царя, на островахъ Хиосѣ, Косѣ, Родосѣ, олигархіи поддерживалъ тоже посторонній властитель, Идріей, сатрапъ Каріи.

Филиппъ наглядно показалъ своей политикой въ Фессаліи, что сѣверныя варвары несутъ гибель греческимъ формамъ автономнаго управленія. Его призвали въ Фессалію олигархическія семейства, въ томъ числѣ старинный родъ Алевадовъ, который для спасенія отъ демократіи всегда обращался къ посторонней помощи. Послѣ окончанія священной войны Филиппъ, вознаграждая услуги своихъ союзниковъ, установилъ въ фессалійскихъ городахъ декадархіи, т.-е. правленія замкнутыхъ комитетовъ изъ десяти лицъ, совершенно такія же, какія учреждалъ Лисандръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе безцеремонно обращался онъ со своими вассалами. Въ Пагасахъ, гавани большого города Феръ, Филиппъ сталъ заирать таможенную пошлину. Когда по этому поводу въ самихъ Ферахъ поднялось недовольство противъ македонянъ, онъ рѣшилъ обратить Фессалію въ своего рода сатрапію на персидскій манеръ. Обширная страна была раздѣлена на тетрархіи, т.-е. четыре намѣстничества; въ трехъ изъ нихъ были назначены намѣстниками представители дома Алевадовъ; аристократы древняго рода оказались вполне подходящими для новой бюрократической роли.

Паденіе автономіи и республиканизма въ Греціи стоитъ въ тѣсной связи съ уходомъ массы людей изъ метрополиі въ качествѣ колонистовъ и военныхъ. Особенно много эмигрантовъ отвлекла Сицилія въ годы, слѣдующіе за Филократовымъ миромъ.

Возрожденіе республики въ Сициліи. Сильное движеніе колонистовъ на западъ заисхло отъ своеобразныхъ настроеній Коринфа, о внутренней жизни котораго мы, къ сожалѣнію, такъ мало знаемъ.

Этотъ городъ, создавшій столько колоній, всегда живо интересовался судьбой своихъ дочерей, и болѣе всего самой знаменитой изъ нихъ, Сиракузами. Въ симпатіяхъ Коринѳа къ своимъ колоніямъ неизмѣнно замѣчается одна опредѣленная политическая черта, видимо, отвѣчавшая какому-то интимному направленію въ жизни метрополи. Коринѳъ настойчиво поддерживалъ конституціонныя республиканскія партіи и былъ враждебенъ тиранніи. Въ 414—413 гг. Коринѳъ помогъ сиракузской республикѣ въ ея борьбѣ противъ Аѳинъ; при выступленіи Діонисія, Коринѳъ сталъ на сторону его враговъ и рѣзко разошелся со Спартой, благоволившей тиранну. Новый случай помочь сиракузскимъ республиканцамъ открылся послѣ того, какъ наслѣдники Діонисія Старшаго, его сынъ Діонисій младшій, его зять Діонъ и другіе вожди военныхъ отрядовъ, перессорились между собою и наполнили Сицилію ужасами междоусобной войны и кровавыми расправами своихъ чужеземныхъ наемниковъ. Бѣда еще увеличилась отъ того, что въ гражданскія смуты вмѣшались карфагеняне, занявшіе своимъ флотомъ большую сиракузскую гавань. Коринѳъ отправилъ въ Сиракузы все, что могъ, денежные средства, корабли, греческіе отряды наемниковъ, нѣсколько офицеровъ и администраторовъ, между ними человѣка исключительной честности и стойкости—Тимолеона.

Исторія восьмилѣтняго (344—336) командованія и управленія Тимолеона въ Сициліи звучитъ какой-то прекрасной республиканской легендой, которую судьба точно нарочно помѣстила подъ угасающей зарей греческой свободы. Тимoleonъ, замѣчательный стратегъ быстрого натиска и внезапныхъ нападѣній, неизмѣнно счастливый во всѣхъ битвахъ, по общему убѣжденію, любимецъ боговъ, съ ничтожными силами проникъ въ Сицилію, сумѣлъ разбить тиранна Гикета, занимавшаго Сиракузы, и вынудить Діонисія II въ выдачѣ Ортигии, неприступнаго замка тиранновъ, стоявшаго среди сиракузской гавани, послѣ чего сынъ страшнаго владыки Сициліи былъ отправленъ въ ссылку въ Коринѳъ, гдѣ и жилъ на поученіе юношества, какъ живой образчикъ падшаго тиранна. Затѣмъ Тимoleonъ заставилъ карфагенянина Магона отступить со своимъ большимъ флотомъ отъ Сиракузъ и разбилъ въ большой битвѣ у рѣки Кримеса въ западной Сициліи крупную армію, вновь высаженную карфагенянами. Съ Карфагеномъ состоялось соглашеніе, и сферы вліянія пунійскаго и греческаго были вновь разграничены приблизительно по линіи, опредѣлившейся при Діонисіи. Тимoleonъ не ограничился внѣшними побѣдами въ пользу греческаго элемента на островѣ. Всюду въ сицилійскихъ городахъ онъ свергалъ тиранновъ и восстанавливалъ демократическія республики. Въ Сиракузахъ гражданство возвратилось къ демократической конституціи 410 года,

установленной законодательствомъ Діокла; въ качествѣ символическаго дѣйствія, которое знаменовало уничтоженіе тиранніи, разрушили крѣпостной замокъ на Ортигии и застроили мѣсто, гдѣ стояли казармы наемниковъ, великолѣпнымъ новымъ зданіемъ судебныхъ установлений. Наконецъ, коринѳская миссія занялась восстановленіемъ хозяйственной жизни въ греческой Сициліи, сильно разстроенной за 60 лѣтъ борьбы съ Карфагеномъ, управленія тиранновъ и господства ихъ наемниковъ. Населеніе въ сельскихъ территоріяхъ сильно пошло на убыль сравнительно съ V вѣкомъ. Упроченная Тимoleonомъ сиракузская республика обратилась, черезъ посредство Коринѳа, съ призывомъ ко всему греческому міру, предлагая направить новыхъ поселенцевъ въ Сицилію. На это приглашеніе откликнулось очень много народа, по словамъ біографіи Тимолеона, до 60.000. Значительная часть ихъ прошла черезъ Коринѳъ и была перевезена на коринѳскихъ корабляхъ, такъ что метрополія извлекла хорошую выгоду изъ этой новой массовой колонизаціи¹¹.

Біографія Тимолеона (въ обработкѣ Плутарха) рассказываетъ только чудесные подвиги своего героя, къ числу которыхъ принадлежит и прибытіе громадной волны колонистовъ, привлеченныхъ его именемъ и славой его справедливости, но, къ сожалѣнію, она совершенно пренебрегаетъ дѣловой обстановкой, не указывая почти никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о характерѣ новыхъ поселеній, о распредѣленіи земли между колонистами, о ихъ хозяйственномъ и владѣльческомъ положеніи и т. п. Мы не можемъ, однако, не остановиться на самомъ фактѣ массоваго переселенія изъ европейской Греціи и должны попытаться дать ему хозяйственное истолкованіе.

Плутархъ говоритъ, что часть колонистовъ получила участки изъ неподѣленной земли (*ἀδιάρητος*), а вообще сиракузяне обѣщали новопоселенцамъ дать землю «на равныхъ и справедливыхъ условіяхъ». Если перевести эти морально-соціалистическіе термины на экономическій языкъ, то, повидимому, это значитъ, что много земли скопилось въ рукахъ новаго республиканскаго правительства изъ конфискацій, а раздавать ихъ предполагалось небольшими «крестьянскими» участками хозяевамъ, лично работающимъ на землѣ. Отобранныя земли, вѣроятно, по преимуществу были имѣніями тиранновъ, ихъ присныхъ и окружающихъ ихъ наемниковъ, судя по тому, что дѣло Тимолеона состояло, главнымъ образомъ, въ низверженіи прежняго режима. Опять-таки вѣроятно, что на этихъ земляхъ, составлявшихъ крупныя хозяйства, работали свободные батраки или рабы. Вступленіе новыхъ колонистовъ означало полную переѣмку соціальной картины въ деревнѣ, вытѣсненіе прежняго рабочаго состава, можетъ быть, уже значитель-

но порѣдѣваго во время междоусобій, и появленіе мелкихъ самостоятельныхъ владѣльцевъ, лично хозяйничавшихъ на землѣ; надо еще прибавить, что новопоселенцы представляли колонизацію гражданскую въ отличіе отъ прежней военной, менѣе пригодной для интенсивной работы. При такомъ измѣненіи соціальной основы становится понятно возвращеніе республиканскаго строя въ сицилійскихъ общинахъ.

Объединеніе и обезлюдненіе Греціи. Тотъ же самый фактъ, если мы правильно его установили, освѣщаетъ хозяйственную картину европейской Греціи, которая доставила значительную часть поселенцевъ въ Сицилію. Колонисты, выселявшіеся на зовъ сиракузянъ, были у себя на родинѣ также, безъ сомнѣнія, деревенскими жителями; горожанъ едва ли удалось привлечь раздачей земли. Уходя изъ метрополи, они уступали мѣсто какой-то другой организаціи хозяйства и работы; ихъ удаленіе означало или гибель мелкихъ хозяйствъ, мелкихъ арендъ, или замѣну свободнаго труда рабскимъ, или вытѣсненіе интенсивной формы обработки болѣе грубыми видами хозяйства, напр., скотоводствомъ. Такъ или иначе, ихъ переселеніе было однимъ изъ симптомовъ объединенія греческой метрополи.

Другимъ знакомъ того же явленія быть массовый уходъ грековъ на службу въ ряды персидскаго войска, а также на помощь сражавшимся противъ него мятежникамъ. Въ Египтѣ претендентъ Нектанебъ съ успѣхомъ отразилъ нападеніе царя Артаксеркса III Охоса, при чемъ главной защитой отдѣливавшагося Египта были греческіе наемники подъ начальствомъ афинянина Діофанта и спартаца Ламія. Въ свою очередь Охосъ одержалъ верхъ надъ инсургентами Кипра, при помощи греческихъ наемниковъ, которыхъ ему доставилъ карійскій властитель Идріей, преемникъ Мавсола, съ острововъ, отпавшихъ отъ морскаго афинскаго союза. Греки играли немалую роль также въ подавленіи финикійскаго возстанія. Нектанебъ прислалъ на помощь Сидону отрядъ греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ родосца Ментора. Но вмѣсто того, чтобы защищать финикійскій городъ, Менторъ нашелъ болѣе выгоднымъ вступитъ въ соглашеніе съ персидскимъ царемъ и выдалъ ему городъ. Сидонцы, видя неминуемую бѣду и зная страшную мстительность Артаксеркса, уничтожили корабли, чтобы никто не могъ убѣжать, заперлись въ своихъ домахъ и зажгли ихъ; весь Сидонъ со своимъ сокровищами сгорѣлъ наподобіе громаднаго костра¹². Послѣ этого Менторъ вошелъ въ большое довѣріе къ царю. Онъ и еще персъ Вагоасъ были поставлены во главѣ арміи, которую Артаксерксъ вновь направилъ на Египетъ. Цѣлый корпусъ ея, въ 10.000 человекъ, состоялъ изъ грековъ; присланныхъ малоазійскими городами, а, кромѣ того, Аргосомъ и Фивами; Афины и Спарта отказались слѣдовать при-

глашенію царя. Нектанебъ выставилъ еще большее количество греческихъ наемниковъ, но въ остальномъ его войско было слабѣе, и онъ долженъ былъ уйти на югъ въ Эѳіопію. За великія услуги Менторъ былъ награжденъ 100 талантами, большой долей египетской добычи, а сверхъ всего онъ получилъ въ управленіе сатрапію малоазійскаго берега. Счастливый кондотьеръ, сдѣлавшійся администраторомъ, продолжалъ свои обычные подвиги; онъ нанялъ вновь отрядъ греческихъ наемниковъ, нагрянулъ съ ними на богатаго владѣтеля Атарнея противъ Лесбоса, грека Гермія, и завладѣлъ его сокровищами.

Этотъ массовый уходъ мужчинъ въ самомъ крѣпкомъ возрастѣ означалъ сильный упадокъ заработковъ въ Греціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще ниже, еще безнадежнѣе падала производительность страны. Тѣ изъ наемниковъ, которые возвращались домой, уже не увеличивали капитала страны; они быстро проѣдали свои награды и, не имѣя охоты къ труду, обращались въ тѣхъ бродягъ, которые, по словамъ Исократы, такъ пугали имущіе классы Греціи.

Организація борьбы съ Македоніей. Если Филиппъ встрѣтилъ нѣкоторыя препятствія на пути своихъ успѣховъ, если онъ не командовалъ надъ всею Греціей уже въ 345 году, то причиной было образованіе въ Аѳинахъ сильной антимакедонской партіи, а ея организація составляла въ значительной мѣрѣ дѣло Демосѳена. Напряженно слѣдилъ ораторъ аѳинской оппозиціи за многочисленными частностями угрожающей политики Македоніи. Въ неравной борьбѣ, которую приходилось вести противъ македонскаго царя, онъ ясно сознавалъ недостатки своего положенія; лишенный военныхъ талантовъ, всего только политико-дипломатическій совѣтчикъ полуразрушенной общины, къ которой едва можно было притянуть немногихъ слабыхъ союзниковъ, онъ имѣлъ дѣло съ вождемъ огромныхъ сосредоточенныхъ силъ, безусловно подчиненныхъ центру, съ дальновиднымъ политикомъ, который въ то же время былъ выдающимся стратегомъ. Въ этомъ труднѣйшемъ положеніи Демосѳенъ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ: неустанно открывалъ глаза народу на происки сторонниковъ Македоніи, преслѣдовалъ ихъ процессами, въ большихъ рѣчахъ развивалъ широкіе планы борьбы, замѣчательные своей реальной опредѣленностью и дѣловитостью, силочивалъ разрозненные элементы оппозиціи, проповѣдовалъ идею общегреческаго союза на защиту свободы и въ своихъ постоянныхъ поѣздкахъ, въ своей корреспонденціи, старался привлечь другія общины къ національно-демократическому дѣлу. Если соглашаться судить политика не по его успѣхамъ, а по степени его изобрѣтательности, находчивости и напряженности энергіи, то Демосѳенъ слѣдуетъ признать однимъ изъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей Греціи.

Что представляла собою среда, въ которой пришлось дѣйствовать Демосоену? Въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно возвращается къ характеристикѣ аѳинской публики. Судя по нимъ, аѳиняне далеко не тотъ народъ, о которомъ Фукидидъ сказалъ, что они ни себѣ, ни другимъ не даютъ покоя. Демосоенъ приводитъ обидное мнѣніе своихъ противниковъ о политической распущенности и легкомысліи аѳинскаго народа, но въ глубинѣ души согласенъ съ нимъ: «демосъ—масса людей, не отвѣтственная за свои поступки и не заслуживающая довѣрія; она точно вѣтеръ на морѣ въ своихъ случайныхъ порывахъ; (въ собраніи) одинъ подойдетъ, другой уйдетъ, никому нѣтъ заботы объ общемъ дѣлѣ и никто о немъ не помнитъ»¹³. Самъ Демосоенъ сравнилъ однажды аѳинянъ съ одержимыми морской болѣзью. Кажется, какъ будто у нихъ осталась только одна старая привычка—критиковать всѣ предложенія политическихъ вождей и всѣ дѣйствія военныхъ стратеговъ, но эта черта тоже выродилась, обратилась въ мелочную придирчивость и шумливость. Легко возбудимый, демосъ постоянно забываетъ изъ-за пустяковъ о существенномъ.

Безъ сомнѣнія, въ рѣчахъ Демосоена много гнѣвнаго обличенія и злой сатиры, которая никогда не обходится безъ преувеличенія. Если бы данная Демосоеномъ характеристика народа была буквально правдой, онъ самъ не могъ бы имѣть ни малѣйшаго успѣха въ Аѳинахъ. Вѣдь нѣтъ оратора, нѣтъ лектора безъ вдохновляющей его аудиторіи. А Демосоенъ могъ гордиться тѣмъ, что онъ завоевалъ своей убѣжденной рѣчью множество новыхъ сторонниковъ, что республиканское настроеніе, померкшее было къ концу безнадежной первой войны съ Филиппомъ, вновь проснулось послѣ Филократава мира и завоевало широкіе круги аѳинскаго общества. Только при этомъ условіи Демосоенъ могъ стать организаторомъ антимакедонской и вмѣстѣ съ тѣмъ демократической партіи, послѣдней въ аѳинской исторіи. Въ рядахъ этой партіи сошлись люди различныхъ профессій и темпераментовъ, консерваторы въ родѣ Ликурга, великаго поклонника спартанства, благочестиваго наслѣдника древняго жреческаго рода Этеобутадовъ, служившаго въ храмѣ аѳинскаго святого патрона Эрехоэя, и радикалы, между которыми въ свою очередь имѣлись такія противоположности, какъ угловатый непримиримый Гегесиппъ, и блестящій свѣтскій адвокатъ, фривольный Гиперидъ, защитникъ и другъ гетеры Фрины. До отправки перваго посольства въ Пеллу въ 347 году Демосоенъ и его единомышленники должны были исключительно ограничиваться оппозиціей. Со времени Филократава мира партія усиливается, преслѣдуетъ своихъ противниковъ процессами, завладѣваетъ направленіемъ виѣшней политики, доводитъ до разрыва съ Филиппомъ и въ моментъ рѣшительнаго столкно-

венія въ 339 году низвергаетъ Эвбула и другихъ сторонниковъ Македоніи.

Въ этомъ подъемѣ воинственности участвовали, конечно, матеріальныя интересы. Что касается высшихъ слоевъ гражданства, утвердившихся у власти съ 355 года, среди нихъ надо, вѣроятно, различить двѣ группы, которыя, соответственно географическимъ районамъ своихъ сношеній, держались дружбы или вражды къ Македоніи. Если македонская партія состояла преимущественно изъ промышленниковъ, судовладельцевъ и купцовъ, имѣвшихъ дѣло съ Халкидикой, Македоніей и Тессаліей, уже успѣвшихъ приладиться къ факту военного господства большой сѣверной державы, то противники ихъ набирались, надо думать, главнымъ образомъ, изъ круговъ, заинтересованныхъ торговлей съ Геллеспонтомъ и Черноморьемъ. Послѣднимъ было труднѣе отказаться отъ традицій державной политики Аѳинъ, тѣмъ болѣе, что расширеніе македонской монархіи въ сторону проливовъ составляло фактъ неожиданный, который вначалѣ почти нельзя было предполагать. Зато, когда послѣ Филократава мира у Филиппа развязались руки, и онъ началъ продвигаться по Тракіи къ Геллеспону, соответствующіе общественные слои Аѳинъ не могли не придти въ большое безпокойство, а, слѣд., быстро должна была вырасти ихъ воинственность. Демосоену оставалось только организовать это возбужденіе въ систематическій отпоръ политикѣ Филиппа. Горячность агитаціи самого Демосоена объясняется еще въ значительной мѣрѣ его происхожденіемъ изъ цеха оружейниковъ; съ уничтоженіемъ самостоятельности Аѳинъ этотъ промыселъ, остатокъ воинственной силы державы, долженъ былъ неминуемо придти въ упадокъ.

Однако не могло быть и рѣчи о возвратѣ прежнихъ настроеній даже въ томъ видѣ, какъ они сказались въ эпоху Конона и Эрасмбула. Для этого не хватало самаго главнаго—увлеченія войной широкихъ круговъ гражданства: въ Атикѣ не было болѣе многочисленнаго гопплитства, привыкшаго чуть не каждый годъ выступать въ поле; не было и тѣхъ подвижныхъ оетовъ, которые въ V вѣкѣ проводили значительную часть жизни въ маневрахъ, въ воинственныхъ выѣздахъ. Послѣ Анталкидова мира въ Аѳинахъ не имѣлось постоянного военнаго флота. Эскадры, которыя приходилось организовать для военныхъ кампаній со времени образованія втораго морского союза, составляли явленіе переходящее, а вмѣстѣ съ тѣмъ заполнялись преимущественно людьми наемной службы. Бѣдная часть гражданства не упражнялась въ морскомъ дѣлѣ и утрачивала постепенно охоту къ дальнимъ экспедиціямъ. Аѳиняне, обитавшіе, по словамъ автора статьи «о доходахъ», въ пупѣ земли, привыкли видѣть у себя массу пріѣзжихъ, а не отправляться къ

нимъ за тридцать земель. Оратору партіи вооруженнаго сопротивленія надо было считаться съ этимъ измѣнившимся настроеніемъ массы народа.

Уже въ 345 году въ такъ наз. второй филиппикѣ, произнесенной по поводу пріѣзда въ Аѳины депутаціи отъ пелопоннесцевъ, Демосѳенъ ставитъ общій національно-политическій вопросъ во всей его широтѣ. Дѣло идетъ о самомъ дорогомъ достояніи греческаго народа, о его свободѣ; македонскій царь хочетъ завоевать и подчинить Грецію, а вовсе не установить въ ней справедливый миръ; Филиппъ хорошо понимаетъ, что аѳиняны нельзя взять ни выгодой, ни пріятностью обращенія, потому что во всемъ своимъ традиціямъ Аѳины не способны предать общее право греческаго міра; отсюда его усилія опрокинуть вліяніе аѳинскаго народа.

Борьба Демосѳеновской партіи противъ македонскаго давленія прежде всего выразилась въ рядѣ процессовъ, поднятыхъ демократическими вождями противъ друзей и вассаловъ Филиппа. Демосѳенъ поставилъ цѣлью вскрыть всю сѣть интригъ, сопровождавшихъ заключеніе Филократава мира и обнаружить истинныя намѣренія македонской партіи въ Аѳинахъ. Первый натискъ, обвиненіе самого Филократа въ подкупѣ, увѣнчался успѣхомъ; увѣренный въ приговорѣ, обвиняемый поспѣшилъ уйти въ изгнаніе. Общественное мнѣніе стало поворачиваться противъ дѣятелей македонской партіи; заговорили громко, что въ Пеллѣ они продали интересы Аѳинъ. Какъ парочно, въ это время арестовали нѣкоего Антифонта, заподозрѣннаго въ намѣреніи поджечь доки въ Пирѣѣ. Теперь Демосѳенъ рѣшился привлечь къ суду самаго талантливаго изъ своихъ противниковъ, Эсхина; обвинитель требовалъ казни за измѣну интересамъ народа. Во всей Греціи съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за единственнымъ въ своемъ родѣ турниромъ двухъ знаменитѣйшихъ ораторовъ. Около Эсхина сгруппировались всѣ сторонники македонской партіи съ Эвбуломъ во главѣ, и ему удалось ускользнуть отъ осужденія, хотя и при ничтожномъ перевѣсѣ голосовъ; онъ спасся только тѣмъ, что увѣрялъ присяжныхъ въ своемъ горячемъ искреннемъ патріотизмѣ, остерегаясь говорить о симпатіяхъ къ Филиппу. Хотя Демосѳенъ потерялъ неудачу, но важно было то, что въ сущности процессъ о «лженосольствѣ» служилъ пересмотромъ Филократава мира и обнаружилъ, какъ много въ Аѳинахъ недовольныхъ договоромъ (343 г.).

Встревоженный возрастаніемъ враждебной ему оппозиціи, Филиппъ рѣшилъ придти на помощь своимъ аѳинскимъ друзьямъ и попробовалъ самъ вмѣшаться въ дебаты аѳинскихъ собраній; онъ отправилъ въ Аѳины съ дипломатической миссіей византіяца Пивона, платоника, быв-

шаго раньше на аѳинской службѣ, но ушедшаго, согласно вѣскамъ своей школы, къ монарху. Филиппъ рассчитывалъ поразить аѳинскую публику талантомъ своего собственнаго придворнаго оратора. Самъ македонскій царь, однако, вовсе не захотѣлъ слушать аѳинское краснорѣчіе, когда въ Пеллу пріѣхалъ демосѳеновецъ Гегесиппъ съ предложеніемъ пересмотрѣть условія мира 346 года и замѣнить $\alpha \epsilon \chi \rho \omega \sigma \tau \eta$ формулой $\tau \alpha \epsilon \lambda \upsilon \tau \omega \nu$, т.-е. признать за Аѳинами Амфиполь и Потидею.

Скоро усиливающееся вліяніе Демосѳеновской партіи начинаетъ сказываться и во внѣшней политикѣ. Въ Мегарѣ олигархи вошли въ тайное соглашеніе съ Филиппомъ, и одинъ изъ нихъ подступилъ съ македонскимъ отрядомъ къ городу; но аѳиняне успѣли предупредить его, помогши Мегарѣ возстановить укрѣпленія гавани Нисеи и Длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ гавань съ городомъ. Другой болѣе важный случай помѣшать Филиппу представился на западной окраинѣ Греціи. Въ свое время элейская олигархія купила дружбу Македоніи уступкой ряда приморскихъ городовъ, основанныхъ Элидой на южномъ берегу Эпира. Филиппъ поспѣшилъ посадить царемъ въ Эпирѣ своего деверя Александра; затѣмъ онъ предпринялъ походъ къ берегамъ Ионійскаго моря, съ цѣлью захватить Амбракію и Акарнанію, что угрожало торговой линіи, соединявшей Аѳины и Коринѳъ съ западомъ. Но и эта попытка македонскаго царя не удалась: торговые общины Левкады и Амбракіи насторожились, заключили оборонительный союзъ съ Аѳинами, и Филиппъ отступился отъ затѣяннаго предпріятія.

Разрывъ Аѳинъ съ Филиппомъ. Въ 342 году Филиппъ располагалъ гегемоніей надъ большей частью Греціи; Фессалія и Фокида составляли его провинціи, Беотія и Этолія были съ нимъ въ дружбѣ, во всѣхъ эвбейскихъ городахъ, кромѣ Халкиды, сидѣли его вассалы, въ Пелопоннесѣ на его сторонѣ были прежніе союзники еиванцевъ, Элида, Аркадія, Аргосъ. Независимость сохранили только Аѳины, Спарта и Коринѳъ, Халкида и Эвбея и нѣкоторыя западныя области и общины, Ахайя, Акарнанія, Амбракія, Коркира. Территорія независимой Греціи была гораздо меньше, чѣмъ въ 481 году, когда греки собирались дать отпоръ персамъ; къ тому же ея общины были теперь слабѣе людьми и гораздо менѣе воинственны. Филиппъ вовсе не считался со Спартой и Коринѳомъ, но Аѳины представляли для него все еще опасную силу, тѣмъ болѣе, что на морѣ онъ не могъ помѣяться съ ихъ флотомъ. Его цѣлью было теперь завоевать проливы и обширную Фракію, принадлежавшую къ проливамъ, для того, чтобы открыть себѣ путь къ большому походу на востокъ, составлявшему *idée fixe* македонской политики. Въ проливахъ можно было опасаться столкновенія съ мореходной республикой. Но Филиппъ съ большой увѣренностью рассчитывалъ

на переѣну настроенія въ Аѳинахъ послѣ крушенія морского союза въ 355 году, на крайнее нерасположеніе аѳинянъ къ войнѣ, на неповоротливость государственнаго механизма Аѳинъ; онъ надѣялся добиться своего, не вызвавъ войны съ ними.

Казалось, онъ не ошибался. Цѣлый годъ прошелъ въ войнѣ Македоніи съ оракійскимъ царствомъ Одрисовъ, лежавшимъ по обѣ стороны Балканъ, а въ Греціи никто не тронулся; страннымъ образомъ независимые греки не нашли возможнымъ прислать оракійцамъ на помощь своихъ инструкторовъ, хотя столько греческихъ кондотьеровъ уходило во всѣ страны, прилегавшія къ Средиземному морю. Но расчеты Филиппа сорвались, благодаря дерзкой самостоятельности второстепеннаго аѳинскаго командира Діопейѳа, посланнаго съ клерухами занять важный для Аѳинъ Херсонесъ. Аѳиняне не дали Діопейѳу ни копейки денегъ, а онъ встрѣтилъ препятствія при водвореніи отправленныхъ съ нимъ колонистовъ; между прочимъ ему мѣшалъ городъ Кардія, которому Филиппъ помогъ присылкой военнаго отряда. Діопейѳъ напаялъ на свой страхъ солдатъ и для вознагражденія ихъ сначала сталъ собирать «добровольную» дань съ торговыхъ кораблей, проходившихъ проливами, а потомъ пограбилъ владѣнія Филиппа у Пропонтиды. Македонскій царь прислалъ въ Аѳины жалобу по поводу такого нарушенія мира, и требовалъ въ угрожающемъ тонѣ удовлетворенія. Македонская партія, желая во что бы то ни стало избѣгнуть войны, послѣшила пойти ему навстрѣчу и заявила о необходимости отозванія Діопейѳа и наказанія его. Демосѳену удалось повернуть дѣло въ другое русло; тутъ обнаружили результаты его предшествующей агитации. Двѣ изъ сохранившихся рѣчей этого времени, «о херсонесскихъ дѣлахъ» и третья филиппика, отражаютъ настроеніе аѳинскаго общества наканунѣ паденія независимости и ярко рисуютъ манеру послѣдняго аѳинскаго демагога.

Демосѳенъ постоянно вспоминаетъ объ энергіи старыхъ Аѳинъ и на этомъ фонѣ подвергаетъ рѣзкой критикѣ непонятное растерянное поведеніе современныхъ аѳинянъ. Что это за способъ обереганія проливовъ, съ которыми, однако, связана жизнь Аѳинъ? У Филиппа всюду постоянныя войска, онъ можетъ въ любое время незамѣтно начать нападеніе, гдѣ захочетъ, мы же вмѣшиваемся только, когда налицо кричащее нарушеніе, а для того, чтобы собраться въ походъ, нужны долги приготовленія; врагъ все это видитъ и успѣваетъ принять мѣры, такъ что мы всегда опаздываемъ. Необходимо, чтобы и аѳиняне въ угрожаемыхъ мѣстахъ держали постоянно вооруженныя силы. Затѣмъ, гдѣ у народа послѣдовательность? «Мы не хотимъ ни платить налоговъ, ни лично нести военную службу, а въ то же время не отказываемся отъ

полученія государственныхъ выдачъ (теориковъ); мы не даемъ Діопейѳу нужныхъ средствъ и осуждаемъ, когда онъ ихъ добываетъ самъ, мы ко всему придираемся, все спрашиваемъ, откуда онъ добылъ, да что онъ собирается еще дѣлать и т. п.; при такомъ настроеніи мы не хотимъ сами входить въ дѣла, на словахъ мы одобряемъ тѣхъ, кто говоритъ о поддержаніи достоинства державы, а на дѣлѣ присоединяемся къ ихъ противникамъ»¹⁴.

Рѣзкія нападенія на демосъ у Демосѳена чередуются съ попытками воодушевить аѳинянъ къ великому дѣлу борьбы за свое и за общегреческое дѣло, и тутъ онъ готовъ льстить самолюбію народа. По его словамъ, все, что въ Греціи осталось независимаго, съ трепетомъ сердца взираетъ на Аѳины. Филиппъ ненавидитъ эту общину и болѣе всего ея свободное устройство. Онъ знаетъ хорошо, что, если ему удалось всюду въ другихъ мѣстахъ достигнуть господства, его могущество все же непрочно, пока Аѳины остаются свободной общиной; вѣдь если съ нимъ приключится неудача, какъ это всегда возможно въ человѣческомъ мѣрѣ, всѣ, кого онъ сейчасъ подчинилъ, кинутся подъ защиту Аѳинъ въ надеждѣ найти въ нихъ помощь възстановленію свободы¹⁵. Съ горечью признается Демосѳенъ, что прежнее свободолюбіе грековъ почти исчезло; все, что было дорого независимому гордому гражданству, теперь «распродано на рынкѣ». Греція при смерти больна, она растлѣвается мелкой завистью, взаимнымъ злорадствомъ. Поразительно, что прежде находили нестерпимымъ подчиняться Аѳинамъ или Спартѣ, хотя это были истые сыны Эллады. Теперь же никто и не думаетъ возмущаться господствомъ Филиппа, между тѣмъ какъ онъ даже не грекъ, а варваръ худшаго сорта, негодный македонянинъ¹⁶. Демосѳенъ напоминаетъ, что еще не поздно очнуться. «Пока корабль въ цѣлости, всѣ отъ мала до велика, и матросы, и кормчіе, и остальной экипажъ, должны ревностно исполнять свое дѣло и зорко глядѣть, чтобы отъ чьей-либо небрежности или злой воли не опрокинулось судно; когда же волны начнутъ заливать борта, всѣ усилія напрасны. Мы, аѳиняне, еще цѣлы, въ обладаніи крупнѣйшаго города, богатыхъ средствъ, мы пользуемся наилучшей славой»¹⁷. Демосѳенъ настаиваетъ на устройствѣ союза независимыхъ общинъ. Не слѣдуетъ дожидаться, пока Филиппъ приведетъ войска въ Грецію; у него много силъ, въ открытомъ полѣ онъ безусловно одолѣетъ. Надо нападать на слабыя мѣста обширнаго фронта его владѣній; надо воспользоваться загорѣвшимися у Геллеспонта спорами и послать туда подкрѣпленія.

Третья филиппика—послѣдняя большая политическая рѣчь, сохранившаяся потомству. Болѣе позднія рѣчи Демосѳена, дошедшія до насъ, относятся къ частнымъ процессамъ или касаются вопросовъ второсте-

пенныхъ; остальные свѣдѣнія объ эпохѣ крайне обрывочны. Моментъ самой напряженной дѣятельности антимакедонской партіи, организація борьбы съ Филиппомъ, рисуется намъ въ довольно неясныхъ чертахъ. Съ 340 года партія Демосоена удается заключить рядъ важныхъ договоровъ. Византія, Хиосъ, Родосъ, бывшіе члены второго морского союза, опять почувствовали необходимость сближенія съ Аѳинами для обереганія своихъ торговыхъ интересовъ отъ Македоніи. Очень важно было устройство союза съ независимыми общинами Средней Греціи и Пелопоннеса, съ Халкидой на Эвбеѣ, Мегарой, Коринѳомъ, Ахайей, Акарнаніей; союзники составили финансовый фондъ для поддержанія военнаго флота въ 100 быстроходныхъ кораблей и сухопутнаго войска въ 10.000 пѣхотинцевъ и 1.000 всадниковъ. Еще одинъ успѣхъ выпалъ на долю Аѳинъ: изъ Эретрії и другихъ городовъ Эвбеи удалось изгнать тиранновъ, державшихся помощью Филиппа, и большой островъ присоединился къ союзу противъ македонскаго царя. Только въ одномъ аѳиняне потерпѣли неудачу: персидскій царь Артаксерксъ Охосъ, недавно восторжествовавшій надъ возстаніями провинцій, рѣзко отказалъ въ субсидіи, негодую на то, что аѳиняне не помогли ему при подавленіи египетскаго мятежа. Въ смыслѣ настроенія въ Греціи характерно, что на олимпійскихъ играхъ 340 года упоминаніе имени Филиппа было встрѣчено шиканьемъ и криками негодованія.

Война въ проливахъ и управленіе Демосоена. Не вполне ясно, почему Филиппъ не принималъ никакихъ мѣръ въ Средней Греціи и избѣгалъ прямого разрыва съ Аѳинами. Можетъ быть, онъ рассчитывалъ на своихъ друзей въ республикѣ, переоцѣнивалъ ихъ вліяніе, можетъ быть, его слишкомъ отвлекали еракійскія дѣла. Такъ или иначе, въ 340 году онъ пошелъ не въ Грецію, а къ Геллеспонту и Пропонтидѣ, чтобы овладѣть проливами. Движеніе Филиппа съ войскомъ по аѳинской территоріи въ Херсонесѣ послужило для Демосоена и Гегесиппа поводомъ заговорить о нарушеніи мира. Когда Гегесиппу крикнули въ собраніи: «ты хочешь вызвать войну», онъ отвѣтилъ: «да, не только войну, но близкую смерть, траурныя платья, публичныя погребенія и могильныя рѣчи, если вы хотите бросить шутки, освободить грековъ и вернуть первенство, созданное отцами нашими». Аѳиняне бросить въ море плиту съ текстомъ Филократова договора и начали снаряжать свой военный флотъ.

Но они не сразу появились у проливовъ. Филиппъ тѣмъ временемъ осадилъ важный Перинѳъ у Пропонтиды, мѣсто переправы въ Азію. Осада велась по всѣмъ правиламъ новаго артиллерійскаго искусства, основаннаго Діонисіемъ, и Перинѳу грозилъ неминуемый конецъ, если бы не подали неожиданно помощи ближніе персидскіе сатрапы. Филиппъ

бросился тогда на осаду Византіи. Ему, однако, не удалось обложить городъ, такъ какъ подѣхали аѳинскіе корабли. Аѳиняне вмѣстѣ съ византійцами разбили македонскій флотъ и прогнали его изъ Босфора въ Черное море. Филиппъ долженъ былъ отступить отъ Византіи, Аѳины же открыли себѣ свободный путь хлѣбоснабженія. Стало ясно, что съ приморскими городами сладить невозможно, пока аѳиняне сохраняютъ господство на морѣ; непосредственно сразиться съ ихъ флотомъ Филиппъ не рѣшался. Между тѣмъ Македонія сильно терпѣла отъ блокады ея береговъ аѳинскими кораблями. Оставался одинъ выходъ—разгромить Аѳины и союзныя съ ними общины съ суши.

Между тѣмъ вожди антимакедонской партіи въ Аѳинахъ вытѣснили эвбуловцевъ изъ правительственныхъ должностей. Въ 339 г. Демосоевъ становится главнымъ начальникомъ морского дѣла (*ἐπιστάτης τοῦ ναυτικῶς*). Немного позднѣе Ликургъ замѣнилъ Эмбула въ качествѣ управителя финансовъ. Последняя должность получаетъ теперь своеобразное обозначеніе—*ἐ ἐπι τῆ διοικήσει*. Въ строгѣ кончающейся республики замѣтны характерныя перемѣны: и Демосоевъ, и Ликургъ являются каждый въ своемъ вѣдомствѣ администраторами единоличными; они правятъ безъ коллегъ. Для должности управителя финансовъ даже нѣтъ ограниченія годовымъ срокомъ; Ликургъ выбранъ на пятилѣтіе, а по прошествіи такового получаетъ возможность выдвинуть въ качествѣ своего преемника близкое ему лицо и остаться позади него фактическимъ руководителемъ дѣлъ, при чемъ его администрація продолжается до 326 года. Нельзя не отмѣтить, что въ то же самое время выдвинулся въ качествѣ важнаго политическаго органа Ареопагъ. Вспоминая по этому поводу Ареопагитикъ Исократъ (см. выше, стр. 517), невольно думаешь, что старый публицистъ точно уловилъ моментъ и своей статьей, какъ манифестомъ, открылъ эпоху возрожденія стараго консервативнаго органа, отодвинутаго въ свое время и почти упраздненнаго радикальной демократіей. Ареопагъ кассируетъ политическіе выборы, направляетъ въ качествѣ судебной палаты политическіе процессы, изъ чего можно заключить, что демократическіе суды пришли въ упадокъ. Характерныя черты аѳинской демократіи блекнутъ и слабѣютъ.

Демосоевъ провелъ очень важную реформу въ морскомъ бюджетѣ. Со времени послѣдней войны съ союзниками (357 г.) для снаряженія военныхъ кораблей существовали такъ наз. симморіи, т.-е. финансовыя компаніи изъ состоятельныхъ людей съ круговой порукой. Во главѣ симморій стояли 300 богатѣйшихъ лицъ, которые ввели обложение всѣхъ плательщиковъ въ равной долѣ, т.-е. къ своей собственной выгодѣ, уплачивая гораздо меньшій процентъ своего дохода сравнитель-

по съ людьми средняго состоянія. Этотъ кругъ 300, господство которыхъ совпало съ сокращеніемъ Аонія на степень кантона, составляла главную опору Эвбула. Побѣда антимакедонской партіи означала нѣкоторый возвратъ къ традиціямъ старой державной политики Аонія. Она была, однако, неосуществима при условіи правленія финансовой олигархіи. Поэтому Демосеенъ, несмотря на сильнѣйшее сопротивление Трехсотъ, провелъ перемѣну въ смыслѣ пропорціональнаго обложенія. Главная тяжесть морского бюджета была переложена на богатыхъ, средній классъ получилъ извѣстное облегченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширился доходъ государства; одновременно Демосеену удалось приостановить выдачи на театръ, чего онъ давно добивался. Аонины сдѣлали опять величайшее финансовое напряженіе, на какое только была способна община.

Херонейская битва и Коринѳскій договоръ. Филиппъ легко нашелъ поводъ для вооруженнаго выступленія въ Средней Греціи. Въ совѣтѣ дельфійскихъ амфиктіоновъ его аоніскіе друзья вызвали нарочно скандалъ, создали ссору съ ближайшими сосѣдями Дельфъ, жителями Амфиссы, и совѣтъ обратился къ Филиппу, какъ обычному вершителю «священныхъ войнъ». Македонскій царь немедленно появился, но вмѣсто того, чтобы пойти на Амфиссу, занялъ въ Фокидѣ Элатею близъ беотійской границы и укрѣпился здѣсь лагеремъ; передъ нимъ разстлался открытый путь въ равнину Беотіи и дальше къ Аоніамъ. Филиппъ предложилъ оиванцамъ неприкосновенность за пропускъ черезъ ихъ территорію.

Сохранился рассказъ Демосеена о томъ впечатлѣніи, которое вызвали въ Аоніахъ первая вѣсти. Дѣло было къ вечеру, пританы немедленно зажгли сигнальные огни, чтобы извѣстить сельское населеніе объ опасности и вызвать его въ городъ. На другой день съ ранняго утра народъ собрался на Пниксѣ. Церемоніймейстеръ экклесіи нѣсколько разъ приглашалъ ораторовъ на кафедру. Долго никто не рѣшался говорить; наконецъ, выступилъ Демосеенъ; онъ предложилъ немедленно заключить тѣсный союзъ съ Оивами и двинуться всѣмъ ополченіемъ на соединеніе съ оиванцами. Отправившись въ числѣ делегатовъ въ Оивы, онъ энергично убѣждалъ оиванцевъ не довѣрять Филиппу; съ гибелью аоніской свободы придетъ конецъ и Оивамъ. Въ виду крайней опасности состоялся союзъ двухъ сильнѣйшихъ общинъ тогдашней Греціи; аоніане взяли на себя $\frac{2}{3}$ расходовъ, верховное начальство на сушѣ было передано Оивамъ. Къ коалиціи примкнули завербованные уже раньше въ союзъ съ Аоніями Эвбея, Акарнанія, Коринѳъ, Мегара, Ахайя и Коркира.

Союзники заняли сначала выгодное положеніе, закрывая Филиппу

горные проходы у Парнасса, ведущіе къ Коринѳскому заливу и къ Беотіи. Хитрыми маневрами македонскій царь вызвалъ ихъ къ отступленію и прорвался на равнину у Херонеи, гдѣ могъ свободно развернуть свои превосходныя силы. Лѣтомъ 338 года произошла знаменитая битва, которую принято считать концомъ независимой Греціи. Мы въ правѣ присоединить къ Херонеѣ еще двѣ большія и ожесточенныя битвы, составляющія завершеніе гибели республиканской Греціи, Мегалополь въ 330 г. и ѳессалійскіе бои въ 322 г. въ такъ наз. Ламійской войнѣ. Въ этихъ сраженіяхъ точно оживаетъ въ послѣдній разъ старая неукротимая раса, окончательно сходящая съ исторической сцены.

При Херонеѣ въ греческомъ войскѣ ополченія преобладали надъ наемниками. Демосеенъ сражался въ качествѣ простого голлита; на его щитѣ была надпись: ἀγαθῆ τύχη, на счастье. Бились съ обѣихъ сторонъ долго и упорно, оиванская священная дружина полегла вся до единаго человѣка. Аоніское крыло сначала имѣло успѣхъ; исходъ битвы рѣшилъ сынъ Филиппа, Александръ, разбившій оиванцевъ, послѣ чего македоняне сокрушили и аоніанъ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ себя повелъ Филиппъ непосредственно послѣ битвы; по-варварски онъ напился пьянымъ и прошелся въ плясовой среди труповъ убитыхъ, повторяя въ тактъ: «Демосеенъ, сынъ Демосеена, сказалъ слѣдующее». Въ основѣ этого анекдота лежитъ убѣжденіе грековъ, что Филиппъ считалъ Демосеена опаснѣйшимъ врагомъ своимъ и организаторомъ всего антимакедонскаго движенія. Передавая эту сцену, Плутархъ добавляетъ: «когда у него прошелъ хмель, онъ ужаснулся мысли о мастерствѣ (δεινότητι) и мощи оратора, который въ теченіе немногихъ часовъ своей рѣчи достигъ того, что царю пришлось защищать не только свое царствованіе, но и самую жизнь»¹⁸.

Греческія ополченія уже не въ силахъ были собраться для новаго сопротивленія и разошлись по домамъ. Филиппъ находился въ трехъ дняхъ пути отъ Аонія. Вѣсть о Херонеѣ заставила нѣсколько богатыхъ людей изъ числа македонской партіи бѣжать на острова. Зато антимакедонская партія предложила свой планъ защиты до послѣдней крайности: вооружить всѣхъ гражданъ до 60-лѣтняго возраста; перевезти женщинъ и дѣтей, а также священные предметы культа и сокровища въ Пирей, куда долженъ отправиться и совѣтъ 500, чтобы стать во главѣ военныхъ силъ. Гиперидъ настаивалъ на томъ, чтобы дать всѣмъ метойкамъ, которые присоединятся къ ополченію, гражданскія права, освободить рабовъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ лаврійскихъ рудникахъ, и, наконецъ, амнистировать и возстановить въ гражданскомъ званіи всѣхъ осужденныхъ на лишеніе правъ несо-

стоятельныхъ должниковъ государства и эмигрантовъ. При помощи всѣхъ этихъ средствъ предполагалось собрать армию въ 150.000 человекъ. Предложеніе Гиперида интересно въ томъ отношеніи, что оно иллюстрируетъ постоянство политическаго воображенія у определенныхъ партій. На Пирей въ качествѣ послѣдняго оплота указывалъ въ свое время основатель радикальной партіи Фемистоклъ; освобожденіе рабовъ и принятіе ихъ въ ополченіе частью осуществила радикальная демократія въ самые критическіе моменты Аонигъ, при нашествіи Ксеркса и передъ битвой при Аргинусахъ. Но въ 338 году соотвѣтствующія предложенія радикаловъ не прошли: не удалось также поставить во главѣ военныхъ силъ непримиримаго Харидема; большинство высказалось за умѣреннаго Фокіона, сторонника соглашенія съ Филиппомъ. Только Ликургъ сумѣлъ осуществить какія-то финансовыя чудеса; зажиточные люди собрали въ своей средѣ заемъ, который былъ переданъ Ликургу подъ его личный кредитъ; составила сумма въ 650 талантовъ для снаряженія кораблей и укрѣпленія городскихъ стѣнъ.

Съ Фивами Филиппъ расправился сурово: разстроилъ беотійскій союзъ, уничтожилъ фиванскую демократію, просуществовавшую 40 лѣтъ (съ 379 г.), поставилъ въ Кадмеѣ македонскій гарнизонъ и вызвалъ изгнанниковъ-олигарховъ, которые немедленно учинили въ городѣ рѣзню. Аѳины онъ не хотѣлъ доводить до крайности. Черезъ одного изъ плѣнниковъ, взятыхъ при Херонеѣ, оратора Демада, македонскій царь завелъ переговоры и предложилъ слѣдующія условія. Аѳины сохраняютъ свою автономію и неприкосновенность территоріи Аттики, но уступаютъ острова и Херсонесъ, т.-е. обладаніе проливами и остатки морского союза 377 г., при чемъ распускается союзный конгрессъ. Аѳинамъ предоставлено будетъ присоединиться къ новому союзу, который Филиппъ предполагаетъ учредить въ Грецію. Демадъ, обильно снабженный средствами отъ царя, добился полнаго успѣха, и миръ былъ заключенъ на сообщенныхъ при его посредствѣ условіяхъ. Аѳиняне смирились, приняли Филиппа въ число почетныхъ гражданъ и поставили ему на большой площади статую.

Демадовъ миръ обезпечилъ Филиппу безпрепятственное движеніе на Истмъ и въ Пелопоннесъ; онъ занялъ Халкиду на Эвбеѣ, вступилъ послѣдовательно въ Мегару и Коринѣ, подчинилъ приморскіе города Арголиды, прошелъ по Аркадіи и опустошилъ Лаконію такъ, что и спартацы должны были просить мира. Всюду побѣда Македоніи сопровождалась вступленіемъ новой монархической символики. Въ Олимпіи построили Филиппеонъ, гдѣ красовались статуи Филиппа, его родителей, его жены и сына, изготовленные изъ слоновой кости. Въ 337 г. Филиппъ созвалъ въ Коринѣ собраніе представителей всѣхъ грече-

скихъ общинъ, кромѣ Спарты, отказавшейся принять участіе. Коринѣскій конгрессъ установилъ общегреческій миръ при обычномъ провозглашеніи автономіи. Международное право греческихъ общинъ было сформулировано съ особенной обстоятельностью; не только гарантировалась неприкосновенность территоріи, но и точно описывались ея границы для каждой отдѣльной общины. Воспрещались всякія усобицы и объявлялась полная свобода торговаго мореплаванія; ни одинъ городъ не долженъ задерживать чужіе корабли или принуждать ихъ къ выгрузкѣ у себя. Особенно выразительны и реалистичны были условія, касавшіяся внутреннихъ порядковъ въ общинахъ. Всѣмъ членамъ союза обезпечено сохраненіе существующей конституціи и обѣщано «не допускать ни конфискаціи движимости, ни передѣловъ земли, ни уничтоженія долговыхъ обязательствъ, ни освобожденія рабовъ, ни вообще какого-либо подобнаго акта путемъ революціи» (ἐπι νεωτέριστάς) ¹⁹. Между греками и македонскимъ царемъ устанавливается вѣчный союзъ и дружба; на этой основѣ поднимется походъ на персовъ въ отмщеніе за совершенныя ими въ Элладѣ святотатства; верховное начальство (гегемонія) на сушѣ и на морѣ передается царю Филиппу. Каждая община ставитъ определенный контингентъ солдатъ и кораблей. Грекамъ воспрещается служить гдѣ-либо вопреки интересамъ македонскаго царя; кто провинится противъ Македоніи, изгоняется навѣки со всѣмъ своимъ родомъ и лишается имущества. Судить нарушителей будетъ совѣтъ дельфійскихъ амфиктіоновъ.

Въ коринѣскомъ договорѣ двѣ благозвучныя формулы, провозглашеніе автономіи и призывъ къ священной національной войнѣ, едва прикрываютъ фактъ подчиненія грековъ Македоніи. Параграфъ, воспрещающій служить противъ македонскаго царя, обезпечивалъ Филиппу монополію въ распоряженіи военными силами Греціи. Послѣдовательное проведеніе автономіи съ отмѣной всѣхъ союзовъ и объединеній лишало грековъ возможности организовать какое-либо сопротивление Македоніи и завершало раздробленіе Греціи. Но всего важнѣе были для судьбы республикъ параграфы, опредѣлявшіе внутренній строй общинъ. Надо вспомнить, что Македонія всюду поддерживала олигархическіе клубы и династіи. Эти вѣрные союзники Филиппа продали ему теперь исключительное право пользоваться военными силами греческихъ общинъ, взаменъ чего получили его содѣйствіе противъ революціи и гарантію спокойнаго обладанія капиталами. Коринѣскій договоръ 337 г. какъ нельзя болѣе отчетливо формулируетъ соціально-охранительную роль монархіи.

Связь между консервативно-капиталистическими силами общества и монархіей отразилась и въ государственно-правовой теоріи грековъ. Въ

Политикъ Аристотеля мы находимъ оригинальныя выраженія о монархїи. Аристотель противопоставляетъ, съ одной стороны, тираннїю въ качествѣ революціонной диктатуры и наслѣдственную монархїю—съ другой. Тираннїя выходитъ изъ демократическаго возстанія, изъ соціальнаго переворота. Тиранны—демагоги, ведущіе массу противъ аристократїи. «Монархїя, напротивъ, создана ради поддержки высшихъ классовъ (τοὺς ἐπιεικέσι) противъ народа». Немного далѣе Аристотель говоритъ: «царь—естественный охранитель интересовъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы владѣтели имуществъ (οἱ κεκτημένοι τὰς οὐσίαις) ни въ чемъ не терпѣли ущерба, а масса не была притѣсняема»²⁰. Среди формулъ Аристотеля, обыкновенно отвлеченныхъ и сухихъ, эта характеристика монархїи выдѣляется своею конкретностью. Дѣло идетъ о чемъ-то близкомъ, хорошо знакомомъ. Да иначе нельзя и объяснить эти выраженія; гдѣ же въ прошломъ Аристотель нашелъ примѣръ такой монархїи? Все приводитъ насъ къ заключенію, что теоретикъ государственнаго права захотѣлъ ввести въ свой трактатъ результаты новаго, недавняго, и для Греціи пока единичнаго наблюденія.

Воцареніе Александра и катастрофа Фивъ. Вскорѣ послѣ заключенія коринфскаго договора, весной 336 г. Филиппъ былъ убитъ въ Пеллѣ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Покушеніе на царя стояло въ связи со скандалами, которые происходили въ его семьѣ. Филиппъ рѣшилъ взять себѣ вторую жену изъ знатнаго македонскаго рода Атталидовъ и явно собирался отодвинуть первую жену, эпитротку Олимпїаду, что угрожало также положенію ея сына Александра. Убійца изъ числа приверженцевъ Атталидовъ дѣйствовалъ по личнымъ мотивамъ, но ускорилъ разрѣшеніе династическаго вопроса. Македонская аристократія и особенно главные командиры войска поспѣшили признать царемъ 20-лѣтняго Александра, а онъ немедленно произвелъ кровавую расправу надъ своими противниками, предоставивъ своей матери растерзать соперницу съ ея ребенкомъ и отдѣлавшись самъ отъ лишней родни съ отцовской стороны. Воцареніе его было настоящимъ дворцовымъ переворотомъ во вкусѣ обычныхъ вступленій персидскихъ властителей. Александра принято изображать благородной натурой, горячимъ, воспрїимчивымъ юношей, проникнутымъ гуманными началами эллизма, лишь подъ впечатлѣніемъ опьяняющихъ успѣховъ на Востокъ склонившимся къ деспотическимъ привычкамъ. Въ дѣйствительности онъ отъ природы и съ самаго начала былъ жестокимъ варваромъ, какъ сказали бы греки, ни въ чемъ не отличавшимся отъ отца и другихъ македонянъ, вообще глубоко чуждыхъ греческому быту и культурѣ. Онъ скоро далъ въ этомъ отношеніи наглядные уроки грекамъ.

Смерть Филиппа была встрѣчена въ Греціи съ чувствомъ облег-

ченія. Демосѳенъ, только что потерявшій единственную дочь, снялъ семейный трауръ и появился публично въ бѣлой праздничной одеждѣ, предлагая гражданамъ совершить благодарственную жертву и послать привѣтствіе убійцѣ Филиппа. Ликургъ притянулъ на судъ Ареопага Автолика, одного изъ богатыхъ аѳинянъ, бѣжавшихъ послѣ Херонейской битвы; въ своей рѣчи онъ представилъ это бѣгство въ видѣ величайшаго преступленія противъ родины и сказалъ, что никогда еще не было передъ судьями въ Аѳинахъ процесса болѣе важнаго; обвиняемый былъ осужденъ на смертную казнь. Александръ немедленно появился въ Средней Греціи и прошелъ въ Коринѳъ; здѣсь делегаты общинъ псевторили обѣщаніе, данное его отцу—идти общими силами на завоеваніе востока, но скоро Александра отвлекли фракійскія дѣла; на время онъ какъ бы исчезъ за Балканами и даже распространилось извѣстіе о его гибели. Въ Греціи зашевелились противники македонянъ; особенно энергично поднялись ѳиванцы, которые возстановили беотарховъ и осадили македонскій гарнизонъ въ Кадмеѣ. Не успѣли они подумать о томъ, чтобы загородить Ѳермопилы, какъ Александръ уже проникъ въ Среднюю Грецію и подступилъ къ стѣнамъ Фивъ. Послѣ ожесточеннаго боя, въ которомъ ѳиванское ополченіе обнаружило отчаянную храбрость, македоняне загнали противника въ городъ, ворвались вслѣдъ за нимъ и учинили страшную рѣзню, проникая въ дома и храмы, куда забились женщины и дѣти. Александръ велѣлъ разрушить Фивы въ букввальномъ смыслѣ слова; демонстративно пощадили только домъ, гдѣ жилъ Пиндаръ, за то, что онъ въ свое время прославлялъ македонскихъ царей. Въ расправѣ надъ ѳиванцами принимали участіе ихъ смертельные враги-сосѣди, во-первыхъ, ѳокидяне, а затѣмъ беотїйцы, жители Ѳеспїи и Платей: сказалось явленіе, слишкомъ обычное въ греческихъ усобицахъ. Александръ составилъ изъ нихъ судилище надъ ѳиванскими плѣнниками; пылая злобой и угрожая македонскому царю, судьи опредѣлили продать въ рабство всѣхъ оставшихся въ живыхъ, разыскать всѣхъ бѣглецовъ, укрывшихся въ греческихъ городахъ, и раздѣлить ѳиванскую территорію между ближайшими кантонами.

Много ѳиванскихъ бѣглецовъ приняла у себя Аѳины. Александръ потребовалъ ихъ изгнанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдачи главныхъ дѣятелей антимакедонской партїи, Ликурга, Демосѳена и стратега Харидема, извѣстнаго своей непримиримой враждой къ Македонїи. Партїя Демосѳена пользовалась, однако, такимъ влияніемъ, что народъ не согласился ихъ выдать. При посредничествѣ Ѳокїона отстояли Демосѳена и Ликурга, а Харидемъ уѣхалъ ко двору вновь воцарившагося Дарїя III Кодомана.

Между прочимъ мы много слышимъ о дружбѣ Александра съ уче-

ными и философами. Въ Афины переселяется Аристотель, уроженецъ Стагира на еракійскомъ берегу, ученикъ Платона, бывший наставникъ Александра въ наукахъ. Ученый энциклопедическихъ знаній, Аристотель открываетъ въ Афинахъ высшую школу; впоследствии Александръ ведетъ со своимъ учителемъ переписку и посылаетъ ему съ востока коллекцію диковинокъ. Затѣмъ передаются разные анекдоты, о томъ, какъ другой ученикъ Платона, Ксенократъ, получилъ въ подарокъ отъ Александра 50 талантовъ, изъ которыхъ скромный философъ взялъ себѣ только 30 минъ; о томъ, какъ будущій завоеватель міра милостиво бесѣдовалъ съ оборванцемъ «собакой» Діогеномъ, грѣвшимся на солнцѣ около своей легендарной бочки. Какъ объяснить это сближеніе между интеллигентными кругами Греціи и варварской монархіей? Что реальнаго въ основаніи анекдота о Діогенѣ?

Къ сожалѣнію, до насъ дошли только классическія произведенія Платона и Аристотеля, двухъ представителей аристократическаго и бюрократическаго теченія въ интеллигенціи: влеченіе этой школы къ Македоніи понятно послѣ того, что мы знаемъ объ отношеніи Платона къ сицилійской монархіи. Все же, что касается жизни и ученія киниковъ, исчезло. А между тѣмъ они составляли немаловажную долю тогдашняго общества; ихъ кружки со времени смерти Сократа, вѣроятно, значительно разрослись. Эти «граждане міра», или, скромнѣе говоря, секты монашествующихъ, уклонявшіеся отъ налоговъ и повинностей, составляли балластъ для греческихъ кантоновъ, и безъ того оскудѣвшихъ и стѣсненныхъ политическими и военными условіями IV вѣка. Вести съ сектантами борьбу посредствомъ судебныхъ процессовъ, какъ республиканцы въ свое время попробовали въ дѣлѣ Сократа, представлялось теперь безнадежнымъ. Для того, чтобы насильно забирать ихъ въ ряды солдатъ, какъ дѣлали потомъ въ римской имперіи и въ Византіи, у общинныхъ властей не хватало матеріальныхъ средствъ. Этотъ пассивный элементъ, какъ тяжелая гиря давившій небольшіе механизмы греческихъ городовъ, былъ своеобразнымъ союзникомъ надвигавшейся монархіи, поскольку онъ парализовалъ силу сопротивленія независимыхъ общинъ.

Походъ Александра на востокъ и его греческіе противники. Вскорѣ послѣ своего воцаренія Александръ отправилъ передовые отряды подъ начальствомъ Парменіона на завоеваніе Малой Азіи. Государство Ахменидовъ къ этому времени значительно ослабѣло. Непрерывныя возстанія въ Египтѣ, Вавилонѣ, Малой Азіи не только уменьшили воинскую силу самихъ иранцевъ, но сопровождались также истребленіемъ мѣстныхъ военныхъ элементовъ, которые составляли въ эпоху Ксеркса значительную часть персидской арміи. Отсюда возрастающее значеніе

грековъ, поступавшихъ на службу къ великому царю. Коринескій договоръ, однако, сильно отразился на движеніи наемниковъ въ Азію. Вѣроятно, обязательство не отпускать греческихъ воиновъ на востокъ, которое приняли на себя олигархія, вошедшія въ союзъ съ Филипомъ, было хорошо оплачиваемо македонскимъ царемъ и давало возможность правящимъ въ городахъ династіямъ удерживать дома свободные военные элементы. Вслѣдствіе этого Дарій III уже не могъ собрать при себѣ такого количества греческихъ воителей, какъ его предшественникъ Артаксерксъ III Охосъ.

Персидское правительство все же приняло тѣ мѣры, какія были въ его распоряженіи. Греческому командиру Мемнону, брату того Ментора, который спасъ державу при Артаксерксѣ, было поручено дѣйствовать съ небольшимъ греческимъ отрядомъ противъ Парменіона, и онъ скоро вытѣснилъ македонянъ изъ Малой Азіи. Одновременно Дарій вошелъ въ сношенія съ европейскими греками и отправилъ имъ субсидіи. Деньги официально взяли только спартанцы; афиняне не рѣшились на такой открытый шагъ; но частнымъ образомъ Демосеенъ принялъ на свое имя 300 талантовъ и вступилъ такъ же, какъ Ликургъ, въ переписку съ царскимъ намѣстникомъ Лидіи; впоследствии, къ своему большому торжеству, Александръ нашелъ въ Сардахъ расписку Демосеена въ полученіи персидскихъ денегъ²¹. Афинскій эмигрантъ Харидемъ предложилъ Дарію свой планъ борьбы противъ Македоніи; онъ настаивалъ на томъ, чтобы царь не отправлялся лично съ главными силами навстрѣчу врагу; должно двинуть на передній фронтъ около 100.000 и составить эту армію на $\frac{1}{3}$ изъ греческихъ наемниковъ; предполагалъ выступить самъ во главѣ такого войска, афинянинъ обѣщаль полный успѣхъ персамъ.

Весною 334 года Александръ двинулся черезъ Геллеспонтъ въ Азію. Его войско состояло изъ 35.000 солдатъ, среди которыхъ македоняне составляли немного болѣе трети, столько же было грековъ, ополченцевъ, выставленныхъ союзными общинами, и наемниковъ; остальную часть образовали варварскіе полки Иллиріи и Фракіи. Предпріятіе Александра было плохо финансировано и въ этомъ отношеніи отличалось рѣзко отъ организаціи Ксерксова похода, напоминая скорѣе разбойничьи экспедиціи Деркилида и Агесилая, которые также рассчитывали исключительно на запасы и сокровища покоряемыхъ странъ. Другой слабой стороной македонскаго нападенія былъ флотъ, значительно уступавшій вражескому. Имѣя въ виду эти недостатки противника, Мемнонъ предлагалъ уклониться отъ сраженія съ македонянами въ открытомъ полѣ и опустошить страну, чтобы затруднить Александру движеніе въ глубь Азіи; тѣмъ временемъ должно открыть дѣйствія на морѣ, отрѣ-

зять вторгнувшуюся армію отъ европейской базы и перенести войну въ Македонію.

Дарій не послушался ни Харидема, ни Мемнона; на встрѣчу Александру была послана иранская конница, которую онъ разсѣялъ у р. Граника; эта побѣда повела къ гибели 20-тысячнаго корпуса греческихъ наемниковъ, оставшихся безъ прикрытія и внезапно наступившихъ Александромъ. Путь въ глубину Малой Азіи былъ открытъ македонянамъ; но Александръ не рѣшился двинуться впередъ, такъ какъ Мемнону, котораго Дарій сдѣлалъ главнокомандующимъ въ Малой Азіи, удалось осуществить вторую половину своего плана и выступить съ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ; можно было опасаться соединенія съ нимъ многихъ общинъ европейской Греціи, едва выносившихъ господство Македоніи. Александръ вынужденъ былъ идти западнымъ берегомъ Малой Азіи и завоевывать одинъ за другимъ приморскіе города, чтобы отнять опору у персидскаго флота. Особенно упорное сопротивленіе онъ встрѣтилъ въ Галикарнасѣ, гдѣ сильно укрѣпились самъ Мемнонъ и два аоніскихъ эмигранта, Эфіальтъ и Фрасибулъ. Лишь смерть Эфіальта вынудила Мемнона отступить и предоставить Александру послѣдній оплотъ на западномъ берегу Малой Азіи. Мемнонъ занялъ послѣ этого Хиосъ и Лесбосъ и завелъ сношенія съ европейскими греками. Но Александру удивительно везло на гибели своихъ самыхъ опасныхъ противниковъ; весною 333 года Мемнона не стало, а съ его смертью все предпріятіе персовъ на морѣ разстроилось. Не считаясь болѣе съ ничтожными преемниками греческаго командира, Александръ двинулся впередъ по малоазійскому плоскогорію на выходъ къ равнинамъ Сиріи. Отвергая предостереженія Харидема, царь персидскій посѣдшилъ ему навстрѣчу съ цѣлью добиться рѣшенія въ большой сухопутной битвѣ. Когда разгорячившійся аоніанинъ съ привычной независимостью заявилъ въ царскомъ совѣтѣ, что азіатскія войска ничего не стоятъ по сравненію съ греческими, Дарій притронулся къ его поясу; приближенные немедленно вывели Харидема и задушили его.

Въ битвѣ при Иссъ (осенью 333 года) Александръ разсѣялъ большія силы, собранныя Даріемъ; корпусъ греческихъ наемниковъ сражался превосходно и даже потѣснилъ лѣвое крыло македонянъ, но былъ увлеченъ въ общее пораженіе; лишь часть его успѣла спастись въ Египетъ. Александръ все еще не могъ рѣшиться на движеніе въ центральную область державы, пока море оставалось въ обладаніи противника. Въ расчетѣ отвлечь отъ береговъ Греціи главныя морскія силы персовъ онъ напалъ на финикійскій Тиръ. Немедленно къ нему присоединились киликійскія и кипрскія суда, до тѣхъ поръ стоявшія въ Эгейскомъ морѣ. Финикія оказалась похожей на Грецію, страной автоном-

ныхъ городскихъ кантоновъ, жившихъ несогласно между собою. Сидонъ, Арадъ и Библь, изъ вражды къ единоплеменному Тиру, отдались Александру. Исчезновеніе персидскаго флота изъ Эгейскаго моря и паденіе послѣ долгой осады Тира рѣшило участь Египта; оставшіеся во флангѣ, лишеныя поддержки, египетскіе намѣстники сдали богатѣйшую провинцію державы безъ боя.

Дальнѣйшій ходъ большого македонскаго завоеванія востока не можетъ насъ здѣсь занимать. Мы коснемся только судьбы грековъ, находившихся на персидской службѣ, и отношеній въ самой европейской Греціи. Большинство служившихъ персидскому царю греческихъ наемниковъ погибло въ бояхъ, часть бѣжала въ Грецію, лишь очень немногіе перешли къ Александру. Еще во время послѣдняго сраженія при Арбелахъ (331) греческіе наемники составляли гвардію, окружавшую Дарія и представителей персидской знати. Удѣлѣнные отъ пораженія греки бѣжали вмѣстѣ съ царемъ въ отдаленныя провинціи на востокъ; когда Дарія убили одинъ изъ сатраповъ, греки укрылись съ персомъ Артабазомъ въ Гиркани (у юго-восточнаго угла Каспійскаго моря). Артабазъ явился къ Александру и предложилъ условія капитуляціи. Но македонскій царь, милостиво принявши перса, потребовалъ безусловной сдачи грековъ. Изъ сдавшихся 1.500 человекъ онъ отпустилъ на волю гражданъ Синопы, какъ общины, не входившей въ составъ Греціи, а также тѣхъ солдатъ, которые поступили на персидскую службу до заключенія Коринфскаго договора. Двухъ офицеровъ, одного спартанца, другого аоніанина, Александръ велѣлъ арестовать; третій, аоніанинъ, случайно носившій провиденціальное имя Демократа, покончилъ съ собою самъ, увѣренный въ томъ, что пощады ему отъ македонянъ не будетъ²².

Катастрофа Спарты и колебанія Аоніи. Всюду отношенія между македонянами и греками были болѣе, чѣмъ холодны; кажется, какъ будто греки чувствовали къ македонянамъ болѣе вражды, чѣмъ къ персамъ. Александръ отпустилъ греческихъ наемниковъ, служившихъ ему, видимо, вовсе не желая дѣлиться съ ними несмѣтной добычей, которая ему досталась. Въ самой Греціи лишь очень немногіе, въ родѣ Эхина, восторгались успѣхами Александра и быстрой гибелью персидской державы, когда-то столь страшнаго грекамъ. Огромное большинство еще не вполне истребленной независимой расы враждебно смотрѣло на завоеваніе востока, сознавая, что, съ исчезновеніемъ противника Македонія завершается гибель Греціи.

Около времени битвы при Арбелахъ въ Пелопоннесѣ началось возстаніе, во главѣ котораго стоялъ спартанскій царь Агисъ. Онъ собралъ наемниковъ, бѣжавшихъ изъ Азіи послѣ пораженія Дарія при Иссъ,

а также ополченія пелопоннесскихъ общинъ и осадилъ городъ Мегалополь въ Аркадіи, единственный оплотъ Македоніи на южномъ полуостровѣ. Въ Аѳинахъ Демосѳенъ высказался за присоединеніе къ Спартѣ и особенно настаивалъ на снаряженіи морскихъ силъ для блокады Македоніи. Но Демадъ, который въ это время заправлялъ кассой оеориковъ, разстроилъ дѣло, заявивши народу: «деньги у меня есть; я вамъ приготовилъ каждому по полмигѣ къ празднику возліаній; но если вы хотите истратить ихъ на другую дѣль, платите за участіе въ праздникѣ изъ собственнаго кармана». Демосъ, давно уже утратившій былую воинственность, не устоялъ и отказался отъ всякихъ снаряженій. Между тѣмъ Антипатръ, оставленный Александромъ въ качествѣ регента Македоніи, быстро собралъ силы, вдвое большія сравнительно съ арміей Агиса, и напалъ на него близъ Мегалополя. Произошла упорная битва, въ которой погибли послѣдніе остатки горделивой спартанской аристократіи. Агисъ, раненый въ ногу и подхваченный на руки отступающими солдатами, приказалъ имъ обернуться къ врагу и, унавъ на колѣно, со щитомъ и копьемъ въ рукѣ, встрѣтилъ смерть, какъ подобало спартанцу (330 г.)²³. Старую Спарту можно считать уничтоженной въ бою при Мегалополѣ.

Аѳины рѣзко ощущали паденіе своей морской силы. Развивавшіеся въ брошюрахъ 50-хъ гг. расчеты банкировъ и купцовъ на торговый подъемъ, при сокращеніи военной мощи, не оправдались. Аѳинскій транзитъ долженъ былъ уступить первенство Родосу и вновь основанной Александріи въ Египтѣ. Но городъ былъ задѣтъ еще гораздо болѣе непосредственно; съ потерей владѣній у проливовъ, съ переходомъ Египта въ руки македонскаго царя, Аѳины не могли обезпечить себѣ правильной доставки хлѣба. Намѣстникъ Египта Клеоменъ скупалъ предназначавшійся для Греціи хлѣбъ и диктовалъ метрополиі дѣны; въ Аѳинахъ онѣ поднимались по временамъ втрое, вчетверо выше обычныхъ. Въ 326 году аѳиняне спаслись отъ дороговизны только благодаря своимъ старымъ торговымъ связямъ съ черноморскими князьями и съ купцами малоазійскихъ городовъ; «благодѣтелей народа» почтили постановкой статуй на большой рыночной площади.

Во время индійскаго похода Александра македонскій казначей Гарпалъ, управлявшій въ Вавилонѣ вновь награбленными сокровищами, измѣнилъ царю, бѣжалъ съ казною въ Грецію и предложилъ свои услуги Аѳинамъ (324 г.). На этотъ разъ Демосѳенъ не рѣшился на измѣну Македоніи. Гарпала съ его 5.000 талантовъ и отрядомъ въ 6.000 наемниковъ не пустили въ Пирей. Онъ отвезъ солдатъ на мысъ Тенаръ въ Пелопоннесъ, гдѣ былъ постоянный лагерь напимавшихся на службу воителей, и вновь обратился къ аѳинянамъ, при чемъ успѣлъ

раздать деньги направо и налѣво. Когда Гарпала впустили въ Аѳины, появились чиновники Александра съ требованіемъ его выдачи. Демосѳенъ предложилъ не выдавать Гарпала, но взять его подъ стражу и потребовать депозита всей захваченной у него суммы, а также взврата денегъ, взятыхъ у него гражданами.

Скоро пришлось, однако, совѣмъ смириться. Вернувшись изъ Индіи, Александръ прислалъ европейскимъ грекамъ два требованія, которыя показывали, что онъ безусловно не хочетъ считаться съ республиканскими и автономными формами Греціи. Одно заключалось въ томъ, чтобы его признали богомъ и включили въ число олимпійцевъ въ качествѣ тринадцатаго; въ этомъ отношеніи персидскіе владыки были куда скромнѣе и приличнѣе зарвавшагося македонянина, хотя имъ также хорошо была извѣстна старинная восточная лесть обоже- ствленія правителей. Другое состояло въ объявленіи общей амнистіи и принудительномъ возвратѣ всѣхъ политическихъ изгнанниковъ, удаленныхъ изъ греческихъ общинъ²⁴. Въмѣстѣ съ прибытіемъ этой массы людей, обязанныхъ Македоніи, греческія общины въ сущности предавались анархіи; одновременно воспрещались всякіе конгрессы и съѣзды союзныхъ городовъ. Сначала въ Аѳинахъ поднялся протестъ; республиканецъ-пуританинъ Ликургъ, человѣкъ благочестивый, заявилъ весьма зло, что если прежде очищались передъ вступленіемъ въ святилище, то теперь, со введеніемъ новаго божества, придется очищаться, выходя изъ храма. Однако положеніе Аѳинъ было такъ шатко, что даже Демосѳенъ посовѣтовалъ уступить Александру. Спарта, окончателно смирившаяся послѣ Мегалополя, заявила: «если Александръ хочетъ быть богомъ, пусть будетъ богомъ».

Колѣбанія Демосѳена въ дѣлѣ Гарпала повели къ тому, что его самого обвинили въ утайкѣ денегъ, будто бы взятыхъ у македонскаго казначея. Среди обвинителей выступилъ старый другъ Демосѳена, Гиперидъ. Демосѳенъ былъ осужденъ на большой штрафъ и, такъ какъ у него не было средствъ заплатить сумму, посаженъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ въ Пелопоннесъ.

Ламійская война и катастрофа Аѳинъ. Въ 323 г. Александръ умеръ отъ лихорадки, и огромное, наскоро сколоченное государство стало распадаться. Въ Греціи поднялось все, что еще сохранило независимость послѣ Хероней и Мегалополя. Родосцы выгнали македонскій гарнизонъ; на Хиосѣ демагогъ Теокрытъ, остроумный и ѣдкій противникъ македонянъ, заставилъ бѣжать историка Теопомпа, возвращеннаго по милости Александра. Демосѳена съ почетомъ вернули въ Аѳины, на встрѣчу ему вышло все гражданство со жрецами и архонтами во главѣ. У возстанія оказался талантливый вождь въ лицѣ аѳинянина Леосѳена,

который сумѣлъ собрать остатки бѣжавшихъ изъ Азіи греческихъ наемниковъ и организовать ихъ въ большомъ лагерѣ на Тенарѣ; къ нимъ присоединились ополченія аоннянъ, этолійцевъ и мелкихъ эссалийскихъ племенъ; поднялась большая часть пелопоннесцевъ, только въ Коринѣ удержался македонскій гарнизонъ.

Леосеенъ выработалъ стратегическій планъ въ соотвѣтствіи съ характеромъ своего пестраго войска; онъ зналъ, что греческіе отряды не выдержатъ долгой войны, начнутъ расходиться по домамъ, и слѣшлль встрѣтить врага за Фермопилами, чтобы добиться рѣшительнаго успѣха до его вступленія въ Среднюю Грецію. Походъ Леосеена начался при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Антипатръ подошелъ съ большими силами, но Леосеенъ разбилъ его въ южной Эссалии, и македоняне едва спаслись въ укрѣпленной Ламіи (отсюда названіе войны). Антипатръ уже готовъ былъ предложить грекамъ выгодныя условія мира, какъ внезапно въ небольшой стычкѣ былъ убитъ Леосеенъ. Осада Ламіи затянулась, а новый командиръ Антифилъ не сумѣлъ удержать въ цѣлости армию греческихъ наемниковъ и ополченцевъ. Сбылись опасенія Леосеена: какъ во всѣхъ греческихъ походахъ, отряды стали одинъ за другимъ расходиться по домамъ. Между тѣмъ македоняне стянули въ Эссалию значительныя силы; Антипатръ высвободился изъ Ламіи и открылъ себѣ свободный путь черезъ Фермопилы; съ моря македонскій флотъ блокировалъ Грецію. Подъ конецъ въ полѣ остались только аоняне и этолійцы. Стѣсненные до крайности, они просили у Антипатра мира. Изъ Аоніи отправились послами Демадъ, Фокионъ и новый дѣятель консервативной партіи, Деметрій изъ Фалера, а также платоникъ Ксенократъ.

Антипатръ потребовалъ выдачи Гиперіда и Демосеена и уничтоженія демократіи. Введена была конституція ценза; всѣ тѣ, чье имущество не превышало 2.000 драхмъ, выключались отъ политическихъ правъ. По словамъ Діодора, требованію ценза удовлетворяли 9.000 гражданъ. Побѣдитель гарантировалъ имъ спокойное обладаніе имуществомъ и для охраны ихъ отъ массы остальныхъ 12.000, признанныхъ элементомъ безпокойнымъ и революціоннымъ, поставилъ въ Мунихіи македонскій гарнизонъ. Антипатръ распорядился даже выселить значительную часть аонискаго пролетаріата въ колоніи, отведенныя во Фракіи²⁵. Аоніи получили, наконецъ, подъ давленіемъ Македоніи, тотъ строй, который пытались установить 30 тиранновъ и о которомъ мечтали круги богатыхъ гражданъ, начиная съ эпохи Каллистрата. Демосеенъ не пережилъ гибели демократіи. Онъ вынужденъ былъ бѣжать, но когда македонскіе сыщики достигли его въ Калавріи, на берегу Арголиды, онъ принялъ ядъ, который постоянно носилъ съ собою (въ 322 году).

Херонея, Мегалополь и Ламія составляютъ послѣдовательно моменты гибели самыхъ крупныхъ республикъ Греціи. Въ этихъ катастрофахъ обнаруживается еще разъ наглядно характеръ греческой народности и условія кантональнаго быта общинъ. Греки проявили большое упорство въ сопротивленіи варварской монархіи, но дѣйствовали врозь и не сумѣли сплотиться для этой борьбы. Союзу Аоніи и Фивъ въ 338 году осталась чуждой Спарта, при Мегалополѣ въ 330 г. у Спарты не было помощи Аоніи. Врагъ выигралъ на автономіи грековъ, которая къ концу ихъ независимаго существованія стала въ еще большей степени обособленною общинъ другъ отъ друга. Наравнѣ съ тремя неудачными войнами 338, 330 и 322 гг. такой же катастрофой старо-греческихъ элементовъ является и вынужденная аониска реформа 322 года, поскольку она уничтожила знаменитую конституцію, служившую въ теченіе болѣе полутора вѣка опорой и образцомъ для демократій во всемъ греческомъ мірѣ. Незадолго до этого фактическаго крушенія республиканскихъ началъ вышло теоретическое сочиненіе, которое составляетъ какъ бы могильный памятникъ греческой общинной жизни. Это—Политика Аристотеля.

Научный институтъ Аристотеля. Ровесникъ Демосеена, умершій въ одинъ годъ съ нимъ, Аристотель родился въ Стагирѣ на Халкидскомъ полуостровѣ и былъ сыномъ Никомаха, придворнаго врача македонскаго царя Аминты. Въ 367 г. семнадцати лѣтъ Аристотель пріѣхалъ въ Аѳины и вступилъ въ Академію Платона, гдѣ учился и работалъ около 20 лѣтъ. Безъ сомнѣнія, самый даровитый и знающій изъ учениковъ Платона, онъ, однако, сильно разошелся съ учителемъ въ общихъ воззрѣніяхъ на задачи школы, при чемъ привлекъ на свою сторону еще нѣсколькихъ выдающихся платониковъ, между ними молодого Теофраста (род. въ 372 г.), который сдѣлался его продолжателемъ. Повидимому, въ Академіи произошелъ расколъ между собственно философами, т.-е. богословами, и теоретиками чисто-научнаго направленія, во главѣ которыхъ сталъ Аристотель. По смерти Платона въ 347 году Академія избрала ему преемникомъ Спевсиппа, и Аристотель, оскорбленный этимъ выборомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Ксенократомъ ко двору малоазійскаго династа Гермія въ Атарнеѣ; отсюда они оба отправились къ Филиппу въ Пеллу, гдѣ Аристотель, продолжая придворную службу своего отца, сталъ преподавать науки молодому принцу Александру.

Вскорѣ послѣ воцаренія послѣдняго, въ 335 г. Аристотель, которому совсѣмъ нечего было дѣлать въ варварской средѣ Македоніи, вернулся въ Аѳины и открылъ здѣсь свою школу въ кулуарахъ гимнастическаго помѣщенія имени Аполлона Ликейскаго; его ученики, перипатетики, собиравшіеся въ *περίπατος*, крытой галлерей гимназіи, образо-

вали кружокъ, который имѣлъ свой уставъ (*νόμος συμποτικὸς*), завелъ библиотечку и натуралистическую коллекцію; эти формы научнаго института послужили потомъ образцомъ для большого университета въ египетской Александріи. Повидимому, основной задачей ученаго кружка, во главѣ котораго стоялъ Аристотель, было собрать научно проверенный матеріалъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и обработать его для большой систематической Энциклопедіи. Руководитель предполагалъ ко всякой большой группѣ конкретныхъ фактовъ и свѣдѣній дать теоретическую сводную и объяснительную статью или книгу, содержаніе которой онъ предварительно излагалъ своимъ ученикамъ въ рядѣ лекцій.

Такъ слѣдуетъ, можетъ быть, понимать отношеніе между Политикой Аристотеля, теоретическимъ курсомъ государственнаго права, и Политіями, т.-е. описаніями институцій греческихъ, а также нѣкоторыхъ иноплеменныхъ (напр., карагенскаго) государствъ и общинъ. Изъ Политій, которыхъ, по одному извѣстію, было всего 158, до насъ дошла Аѳинская. Она состоитъ изъ двухъ частей, исторической и систематической, къ которымъ подходятъ греческіе термины *κτίσις* и *πολιτεία*: первая (гл. 1—41) изображаетъ развитіе аѳинскаго государственнаго строя (почему-то прерывающееся на событіяхъ 403 года), а вторая (гл. 42—63)—дѣйствовавшую во времена Аристотеля конституцію Аѳинъ. Политику считаютъ составленной между 336 и 332 годами, Аѳинскую Политію—не ранѣе 329 года ²⁶.

Со смертью Александра въ 323 г., когда въ Аѳинахъ началось возстаніе противъ Македоніи, положеніе Аристотеля, какъ человѣка, близкаго ко двору македонскихъ царей, стало непрочное; онъ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ на о. Эвбею, гдѣ на слѣдующій годъ скончался.

Соціально-политическія воззрѣнія Аристотеля. Несмотря на свою до извѣстной степени наследственную службу у македонскихъ царей, Аристотель совѣмъ не принадлежитъ душою монархіи. Но и его отношеніе къ греческой республиканской жизни есть скорѣе ученая симпатія, основанная на традиціяхъ, чѣмъ прямое политическое убѣжденіе. По сравненію съ Платономъ Аристотель представляетъ дальнѣйшій шагъ въ уклоненіи интеллигенціи отъ политики. Платонъ живетъ среди борьбы; горячо и пристрастно онъ оспариваетъ ненавистныя, но еще не сломленныя государственныя формы. Читая Аристотеля, точно чувствуешь по обширному политическому кладбищу или по музею, въ которомъ ученый изслѣдователь собралъ результаты своихъ долгихъ, старательныхъ археологическихъ раскопокъ. Аристотель, конечно, имѣетъ опредѣленные соціальныя вкусы, но, какъ человѣкъ необыкновенно мягкій и гуманный, онъ высказываетъ ихъ въ самой умѣренной формѣ, по возможности съ какими-нибудь успокоительными ограниченіями; го-

речи и озлобленія, которыя не въ силахъ удержать всегда кипящей Платонъ, у Аристотеля нѣтъ и помину.

Въ соціальныхъ симпатіяхъ Аристотеля наиболѣе замѣтно его увлеченіе серединнымъ состояніемъ гражданскаго быта (*μεσότης*). По его мнѣнію, люди, которые небогаты, но и не бѣдны, составляютъ самый спокойный элементъ въ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами могутъ себя считать наиболѣе обезпеченными. «Они не стремятся къ чужому добру, какъ бѣдняки, а другіе люди не посягаютъ на то, что этимъ среднимъ принадлежитъ; съ другой стороны, они не походятъ и на бѣдняковъ, которые стремятся къ имуществу богатыхъ. И такъ какъ никто на нихъ и они ни на кого не злоумышляютъ, то и жизнь ихъ протекаетъ безопасно» ²⁷. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ среднезажиточныхъ мало, гдѣ преобладаютъ двѣ крайности, есть всегда опасность переворота. Напротивъ, гдѣ имѣется многочисленный средній слой, политическая жизнь получаетъ устоячивость.

Идеализація средняго класса опирается на опредѣленныя традиціи. Аристотелю извѣстны предшественники его теорій; недаромъ Ферамена, организатора партіи умѣреннаго зажиточнаго гражданства, онъ считаетъ однимъ изъ умѣннѣйшихъ политиковъ Аѳинъ. Но къ исторически обоснованному взгляду присоединяется еще что-то личное, интимное. Изображая «среднихъ гражданъ», Аристотель не говоритъ о ихъ профессіяхъ, но зато рисуетъ складъ характера людей своего круга, т.-е. интеллигенціи; очевидно, соціально-хозяйственный уровень, обозначаемый терминомъ *μεσότης*, есть именно то, что нужно ученому, преподавателю; при условіи срединнаго быта наилучше устраиваются *τὰ τῶν φιλοσόφων πρόμακτα*, какъ выразился Писократъ. Понятія, можно сказать, предразсудки той же среды отражаются еще въ одномъ своеобразномъ отбѣнкѣ соціальныхъ характеристикъ у Аристотеля. Онъ очень пренебрежительно высказывается о классѣ ремесленниковъ и объ ихъ работѣ ²⁸. Этотъ видъ труда, по его мнѣнію, принижаетъ человеческую личность и тѣмъ, что исполняется за плату, и тѣмъ, что отнимаетъ досугъ, необходимый для развитія интеллектуальныхъ силъ человѣка; поэтому Аристотелю кажется, что ремесленники не могутъ быть активными гражданами. «Идеальное государство не дастъ ремесленнику гражданскихъ правъ» ²⁹.

Аристотель чуждъ всякаго увлеченія коммунистическими теоріями. Общій тонъ его соціальныхъ воззрѣній—умѣренно консервативный. Онъ не раздѣляетъ взглядовъ тѣхъ просвѣтителей, которые, во имя естественнаго права, требовали уничтоженія рабства. Въ его глазахъ люди отъ природы раздѣлены на рабовъ, осужденныхъ подчиняться, и свободныхъ, призванныхъ господствовать; но онъ желалъ бы возможнаго

облегченія рабской участи и возможно частыхъ освобожденій. Ко всему Аристотель относится съ мягкимъ оптимизмомъ. Благодушно онъ вѣрить, что государство существуетъ для того, чтобы воспитывать гражданъ къ добродѣтели, и что только добродѣтельные люди способны править государствомъ; тутъ же сквозитъ признаніе, что самому автору непонятно политическое честолюбіе и желаніе властвовать. Аристотелю воплѣ чужды страхи Платона, всюду усматривающаго своеволие и порчу нравовъ; оттого у него нѣтъ ничего похожего на систему карательныхъ мѣръ для спасенія общества. Онъ говоритъ объ однихъ воспитательныхъ и предохранительныхъ средствахъ, имѣя въ виду особенно чуткій, нѣжный возрастъ дѣтей и молодежи; такъ, напр., онъ признаетъ нежелательнымъ посѣщеніе театра юношами до 16 лѣтъ. Но ему не приходитъ и въ голову предлагать какія-либо мѣры стѣсненія и цензуры въ отношеніи взрослыхъ. О смертной казни, на которую такъ щедръ Платонъ, у Аристотеля нѣтъ ни звука: вѣроятно, онъ осуждалъ ее.

Аристотель, какъ изслѣдователь въ области государственнаго права. Ученый громадной эрудиціи, благожелательный, нѣсколько наивный въ житейскихъ дѣлахъ, совершенно лишенный честолюбія, Аристотель редактируетъ работы по описанію государственнаго строя и развиваетъ въ своемъ курсѣ общія положенія государственной науки. По всему складу своего характера онъ не склоненъ понимать политику, какъ «трагическую пьесу высокаго стиля». Удаленный отъ партійной борьбы и отъ политическихъ принциповъ, онъ воплѣ способенъ трактовать государственныя формы археологически на манеръ музейныхъ коллекцій, или натуралистически, какъ энтомологъ перебираетъ собраніе бабочекъ и жуковъ, а ботаникъ—свой гербарій, составленный за долгіе годы. Передъ нимъ громадный подборъ всевозможныхъ фактовъ политическаго быта разныхъ временъ и со всѣхъ концовъ доступнаго тогда міра. Они старательно собраны, зарегистрированы, раздѣлены по ящичкамъ и снабжены ярлычками; быстро и легко достаетъ коллекціонеръ нужные примѣры и иллюстраціи, но передъ читателемъ они проходятъ въ качествѣ засушенныхъ экземпляровъ.

Иногда систематика достигаетъ необыкновенной тщательности, но въ то же время поражаетъ своей полной бесполезностью. Такое впечатлѣніе производитъ подсчетъ разнообразныхъ способовъ избранія должностныхъ лицъ въ греческихъ общинахъ: когда по выбору, когда по жребію, когда изъ всего гражданства, когда изъ нѣкоторой части его и т. д.³⁰ Аристотель насчитываетъ 27 случаевъ, а новоевропейскій издатель Политики, Зуземиль, увлекаемый обстоятельностью древняго автора, помогаетъ усвоить распредѣленіе его категорій посредствомъ

особой наглядной таблицы. Получается что-то въ родѣ Линнеевой системы раздѣленія цвѣтковь по числу тычинокъ, лепестковъ и т. д. Но такъ какъ у Аристотеля въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ ни одного названія, всѣ упоминаемые выборы какъ бы оставлены внѣ пространства и времени, и, слѣд., способы избранія должностныхъ не мотивируются никакими реальными условіями, то читатель долженъ остаться въ полномъ недоумѣніи: для чего, собственно, потраченъ трудъ, и какой смыслъ обстоятельныхъ перечисленій и сопровождающей ихъ таблицы?

Въ энциклопедически воспитанномъ умѣ Аристотеля есть еще одинъ дефектъ: благодаря полному отсутствію фантазіи, ученый не способенъ вдохновляться явленіями одной научной области для объясненія фактовъ, относящихся къ другой, иначе говоря, лишенъ возможности дѣлать широкія и плодотворныя аналогіи. Но такъ какъ онъ считаетъ сравненія необходимыми съ методологической точки зрѣнія и тянется къ установленію ихъ во что бы ни стало, то получаютъ курьезы, только лишній разъ обнаруживающіе недостатокъ у него воображенія. Читателю Политики приходится, напр., встрѣтиться съ такимъ приѣмомъ объясненія. Аристотель считаетъ возможнымъ свести всѣ государственныя формы на два главные типа, олигархическій и демократическій. Подыскивая подтвержденія для своего двойственнаго раздѣла, онъ неожиданно приводитъ двѣ аналогіи, одну изъ области метеорологіи, другую изъ теоріи музыки. Съ одной стороны, всѣ вѣтры могутъ быть сведены на два главныхъ теченія воздуха, сѣверный и южный, такъ какъ западный вѣтеръ близокъ къ сѣверному, восточный—къ южному. Съ другой стороны, на двѣ группы могутъ быть подѣлены всѣ музыкальныя тональности: «мы склонны сопоставлять олигархическія формы правленія, съ присущимъ имъ деспотическимъ характеромъ, съ болѣе напряженнымъ (мажорнымъ) тономъ, а демократію, съ ея болѣе свободнымъ характеромъ,—съ ослабленнымъ (минорнымъ) тономъ»³¹.

Самый блестящій отдѣлъ Политики, гдѣ ученый критическій умъ Аристотеля развертываетъ во всей силѣ,—вторая книга, дающая обзоръ проектовъ идеальнаго государства, выставленныхъ въ греческой литературѣ. Здѣсь авторъ при изложеніи теоріи мастерски выдѣляетъ ихъ характерныя черты, а также остроумно указываетъ ихъ слабыя стороны. При всемъ уваженіи къ своимъ учителямъ, Платону и Сократу, Аристотель нисколько не сомнѣвается обозначить «стражей» Платоновской Политіи бездѣльниками. Раздѣленіе людей на расу господъ и расу рабочихъ его совѣмъ не трогаетъ и не кажется ему осуществленіемъ идеальнаго справедливаго порядка. Онъ видитъ въ проектѣ Платона только попытку устроить безпечальную аристократію и разбирается въ реальныхъ условіяхъ, при которыхъ осуществимъ такой строй.

«Едва ли возможно не считаться съ тѣмъ, что для только что указанной массы (гражданъ, способныхъ владѣть оружіемъ) потребуется пространство земли, въ родѣ занимаемаго Вавилономъ или другимъ какимъ-либо огромнымъ городомъ; только при такомъ условіи пять тысячъ ничего не дѣлающихъ людей, да еще, сверхъ того, принадлежащая къ нимъ безчисленная толпа женщинъ и прислуги, могла бы получить пропитаніе. Конечно (при созданіи проекта идеальнаго государства), можно предполагать по своему желанію (все, что угодно), но и въ этихъ предположеніяхъ должно все-таки не выставлять завѣдомо невыполнимаго»³². Трудно сдѣлать болѣе злое замѣчаніе по поводу мечты Платона, и нельзя быстрѣе свести воздушный замокъ Политіи на почву земныхъ несовершенствъ, которымъ она дала лишь благозвучныя имена.

Разбирая аграрный социализмъ Платона въ Законахъ, а также коммунистическій проектъ Фалея халкедонскаго, Аристотель опять дѣлаетъ остроумныя замѣчанія о томъ, что бесполезно равнять земельную собственность, разъ всѣ остальные социальныя условія остаются неизмѣнными; по его мнѣнію, если законъ опредѣлитъ максимумъ земельного владѣнія и не регулируетъ числа дѣторожденій, то очень скоро произойдетъ полное нарушеніе установленнаго имущественнаго равенства. Между прочимъ Аристотель выставляетъ слѣдующее политико-моральное соображеніе по поводу вѣры коммунистовъ въ оздоровленіе общества. Если реформаторы считаютъ равеніе имуществъ радикальнымъ лѣкарствомъ, способнымъ устранить всякую борьбу партій и всѣ поводы къ возстаніямъ, то они слишкомъ односторонне судятъ о мотивахъ политическихъ несогласій. Не надо думать, что съ успокоеніемъ неимущихъ и безземельныхъ, съ надѣленіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ устранится опасность революцій. Перевороты возникаютъ не только вслѣдствіе нужды низшихъ классовъ, но также вслѣдствіе честолюбія людей, пользующихся достаткомъ (*χαρίευντες*). И даже послѣдній мотивъ едва ли не сильнѣйшій изъ всѣхъ; тиранномъ никто еще не сдѣлался изъ-за того, что ему было холодно и голодно; величайшія преступленія совершаются вовсе не отъ бѣдности, а скорѣе отъ ненасытной жадности людей, у которыхъ уже много богатства³³.

Система государственнаго права у Аристотеля. Въ первой книгѣ Политики Аристотель, примыкая къ социально-оптимистической теоріи Протагора, даетъ знаменитое опредѣленіе человѣка, какъ существа политическаго (*ζῷον πολιτικόν*), т.-е. естественно призваннаго къ государственному быту, какъ единственно для себя возможной формѣ существованія³⁴. Это разсужденіе о природѣ политической жизни, а также интересныя замѣчанія Аристотеля во второй книгѣ, гдѣ ему приходится разсчитываться съ ближайшими предшественниками по госу-

дарственно-правовымъ теоріямъ и гдѣ онъ даетъ характеристики социальнаго строенія греческихъ общинъ, заставляють ожидать въ дальнѣйшемъ столь же конкретнаго анализа политическихъ формъ. Однако послѣдующія книги приносятъ въ этомъ отношеніи разочарованіе. Эрудиція автора очень велика, его логическій анализъ ясенъ и отчетливъ, его системы тщательно разработаны, но не хватаетъ самаго главнаго, чего ожидаешь въ трактатѣ по государственному праву: политическаго чутья и пониманія. Оттого, хотя у Аристотеля собрано въ Политикѣ огромное количество примѣровъ со всѣхъ концовъ греческаго міра, но тѣмъ не менѣе у насъ не получается ничего похожего на зеркало политической жизни Греціи; передъ нами груда матеріала, но не зданіе.

Философія здѣсь служитъ плохую службу наукъ. Аристотель, отдавая дань діалектической школѣ, въ которой воспитался, загораживаетъ себѣ путь изученія постановкой цѣлаго ряда общихъ и бессодержательныхъ вопросовъ, напр.: «при какихъ обстоятельствахъ должно утверждать, что государство осталось тѣмъ же самымъ или не тѣмъ же самымъ, но инымъ?»³⁵. Или еще: «должно ли добродѣтель хорошаго человѣка и годнаго гражданина признавать тождественной или не тождественной?»³⁶. Мы невольно вспоминаемъ по этому поводу образчики тѣхъ разговоровъ Сократа, приводимыхъ Ксенофонтомъ и Платономъ, гдѣ великій мастеръ софистическаго спора показывалъ фокусы чисто-словоборческаго искусства. Эти школьныя упражненія перешли и въ трактатъ Аристотеля. Діалектическая манера сказалась и въ томъ опредѣленіи нормальныхъ политическихъ формъ и отклоненій, которое въ теченіе долгихъ вѣковъ составляло чуть ли не главную славу Аристотеля и считалось цвѣтомъ политической мудрости грековъ.

Аристотель различаетъ двѣ группы, и въ каждой изъ нихъ три формы. Къ первой группѣ правильныхъ формъ (*δρθαί πολιτεῖαι*) онъ относитъ монархію, аристократію и политію (т.-е. умѣренную демократію); ко второй группѣ, отклоненій или искаженныхъ формъ (*ἡμαρτημέναι*, или *παρεκβάσεις*), онъ относитъ тираннію, олигархію и охлократію. Различіе двухъ группъ основано на моральномъ принципѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ правомъ: «когда одинъ ли человѣкъ, или немногіе, или большинство правятъ, руководясь общественной пользой, естественно, такія формы государственнаго устроенія суть формы правильныя, а тѣ формы, при которыхъ имѣются въ виду личные интересы или одного лица, или немногихъ, или большинства, суть отклоненія отъ правильныхъ»³⁷. Различеніе трехъ формъ сначала обосновывается на чисто-аритметическомъ принципѣ: правленіе одного, правленіе немногихъ, правленіе большинства. Немного дальше Аристотель спохватывается, не случайный ли онъ ввелъ признакъ

дѣленія; вдругъ бы оказалось гдѣ-либо количественное преобладаніе зажиточныхъ, развѣ можно было бы назвать такой строй демократіей? Или допустить, что гдѣ-либо правила бы бѣдные, составляя меньшинство, развѣ это была бы олигархія? И авторъ спѣшитъ исправить свое опредѣленіе; количественный признакъ—случайность; форма правленія выясняется изъ соціального состава преобладающей группы; подъ олигархіей надо разумѣть господство зажиточныхъ, подъ демократіей—господство неимущихъ³⁸.

Въ результатѣ мы имѣемъ три принципа для различенія формъ: моральный, количественный и классовый; между ними, разумѣется, нельзя устроить никакого примиренія, но авторъ не смущается отъ того, что у него получился такой монстръ. Неловкая система—явный продуктъ діалектики, самоувѣренно замкнувшейся отъ всякихъ традицій государственной-правовой школы. Если бы Аристотель болѣе довѣрился рѣчамъ политическихъ ораторовъ, присмотрѣлся бы къ терминологіи Фукидида или памфлетистовъ конца V вѣка (съ которыми онъ былъ знакомъ), онъ бы нашелъ тамъ совсѣмъ другіе оттѣнки для различенія политическихъ конституцій.

Ученый, однако, въ Аристотелѣ сильнѣе философа, и по временамъ, разбираясь въ деталяхъ, онъ даетъ нѣчто гораздо лучшее, чѣмъ общія опредѣленія. Такъ, напр., очень интересно изслѣдованіе о различныхъ видахъ монархіи: Аристотель отмѣчаетъ ея патріархальный или героическій типъ, самодержавную монархію варварскихъ народовъ, наследственную стратегію въ Спартѣ, эвменетію, или выборную монархію посредниковъ въ борьбѣ классовъ. Не менѣе интересенъ анализъ различныхъ видовъ демократіи; Аристотель отмѣчаетъ, что въ извѣстныхъ демократіяхъ господствуетъ законъ, въ другихъ же верховную силу имѣютъ народныя псефизмы³⁹, т.-е. подходит вплотную къ различенію народныхъ республикъ съ основными законами и безъ таковыхъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователь не даетъ этому важному опредѣленію никакого дальнѣйшаго хода; оно остается у него задвинутымъ въ массѣ мелочей. Любопытно, что при обработкѣ исторіи афинской конституціи (въ Афинской Политіи) Аристотель не примѣнилъ своихъ теоретическихъ категорій; онъ забылъ отмѣтить характерную черту реставраціи 403 г., состоявшую въ томъ, что постановленія народа были подчинены (основнымъ) законамъ, и опредѣлившую переходъ республики къ новой конституціонной формѣ.

Полная отчужденность Аристотеля отъ политики была причиною того, что нѣкоторые важныя явленія греческой государственной жизни совсѣмъ не нашли мѣста въ его теоретическомъ сочиненіи. Такъ, напр., онъ совершенно игнорируетъ федеральное право грековъ; о союзахъ

общинъ нѣтъ ни одного слова. Далѣе онъ обходитъ молчаніемъ такой крупный политическій фактъ, какъ образованіе афинской державы со всѣми его послѣдствіями для внутренняго быта общины.

Аристотель и Афины. Великій энциклопедистъ всѣми обстоятельствами своей жизни былъ поставленъ въ невыгодное отношеніе къ демократіи. Его учителемъ былъ злѣйшій врагъ народопрямства; самъ онъ и многіе его товарищи разошлись на службу къ династамъ и тираннамъ. При основаніи своей собственной школы въ старомъ демократическомъ центрѣ онъ нашелъ народную республику уже въ состояніи онѣмнѣнія, близкаго къ смерти. Наконецъ, въ его характерѣ отсутствовалъ тотъ элементъ, который можно назвать политической жилкой. Но тѣмъ не менѣе у Аристотеля есть тяготѣніе къ Афинамъ и къ демократическимъ традиціямъ города, ставшаго «школой Эллады». Согласно консервативнымъ взглядамъ ученаго, эти симпатіи сближаютъ его лишь съ опредѣленными теченіями политической мысли Афинъ и болѣе всего со школой Исократы. Нельзя не замѣтить, что въ теоретическомъ курсѣ своемъ при оцѣнкѣ нормальныхъ политическихъ формъ Аристотель отдаетъ предпочтеніе политіи, т.-е. устройству, въ которомъ разумно смѣшаны аристократическія и народныя черты. Между тѣмъ невольно спросишь себя, гдѣ же Аристотель видѣлъ политію? Онъ не приводитъ ни одного примѣра политіи, и пришлось бы признать описаніе этой формы за идеальный портретъ безъ оригинала, если не предположить, что Аристотель разумѣлъ подъ политіей именно Афины въ эпоху солоно-клисеновскую, которая представлялась Исократу и другимъ консерваторамъ IV вѣка временемъ наилучшаго умѣренно-демократическаго порядка. Въ свою очередь о томъ, какъ рисовалъ себя Аристотель идеальную эпоху Афинъ, даетъ понятіе исторической очеркъ въ Афинской Политіи.

Надо признать, что Афинская Политія Аристотеля—произведеніе слабое какъ въ исторической, такъ и въ систематической своей части. Мы уже имѣли не разъ случай разбираться въ недостаткахъ перваго отдѣла Политіи. Велѣдствіе враждебнаго отношенія къ великой эпохѣ афинской державы, Аристотель лишь бѣгло проходитъ достовѣрный V вѣкъ и сосредоточиваетъ все вниманіе на проблематичныхъ явленіяхъ VI вѣка. Онъ забываетъ отмѣтить самую существенную черту въ политической эволюціи Афинъ, которая состояла въ томъ, что съ 477 года кантонъ превратился въ державу. Онъ не останавливается на важнѣйшей конституціонной перемѣнѣ 462 года, сводя весь демократическій переворотъ къ катастрофѣ почтеннаго въ его глазахъ Ареопага, который будто бы спасъ Афины отъ Ксеркса. обстоятельно разсказавши о неудавшихся замыслахъ и проектахъ олигарховъ 411 года, онъ по-

томъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о замѣчательномъ конституціонномъ строителствѣ реставраторовъ демократіи въ 403 году. Наконецъ, его историческій очеркъ ни въ какомъ смыслѣ не подводитъ читателя къ систематической части Политіи. Исторія прерывается на 403 г., а дѣйствующая конституція описана въ томъ видѣ, какой она приблизительно имѣла въ 330 году. Историческій очеркъ идетъ по своимъ руководящимъ линиямъ, которыя въ систематической части отброшены, въ немъ разсматриваются партійныя программы и движеніе политическихъ принциповъ и не выдѣлены важнѣйшіе моменты въ судьбѣ тѣхъ учреждений, которыя потомъ изображаются въ своемъ дѣйствіи и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Въ свою очередь въ систематической части у насъ нѣтъ характеристики дѣйствующей конституціи, а есть только тщательное описаніе отдѣльныхъ учреждений безъ малѣйшей попытки опредѣлить общія политическія начала, на которыхъ была построена жизнь афинской общины, даже безъ особенной заботы о соблюденіи перспективы, о выдѣленіи на первое мѣсто болѣе важныхъ политическихъ моментовъ.

Систематическая часть начинается съ опредѣленія состава активнаго гражданства и объясненія порядка принятія новыхъ гражданъ; сюда примыкаетъ характеристика военной службы подрастающихъ гражданъ. Далѣе замѣчаніемъ о порядкѣ выборовъ (посредствомъ жребія или голосованія) вводится обширный отдѣлъ (гл. 43—49) о дѣятельности совѣта 500. Среди этого описанія какъ бы случайно, при перечисленіи распорядительныхъ функций совѣта, говорится о созывѣ очередныхъ народныхъ собраній; читатель не подозреваетъ, что рѣчь зашла о верховномъ органѣ въ республикѣ. Дальше опять идетъ описаніе различныхъ функций совѣта, и опять мимоходомъ сообщается, что совѣтъ прежде (безъ точнаго указанія хронологіи) имѣлъ право осужденія гражданъ на смерть, но утратилъ его въ пользу народныхъ судовъ. Аристотель сообщаетъ, что народное собраніе можетъ постановлять рѣшенія лишь по вопросамъ, предварительно обсуждавшимся въ совѣтѣ, но забываетъ упомянуть, что всѣ мнѣнія совѣта получаютъ силу только по утвержденіи ихъ народнымъ собраніемъ. Отдѣлъ о дѣятельности совѣта заканчивается замѣчаніемъ, недопустимымъ по своей политической наивности: «вообще, чтобы сказать коротко, совѣтъ править въ большинствѣ дѣлъ вмѣстѣ съ другими властями» (συνδικραεῖ δὲ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀρχαῖς) ⁴⁰.

Въ остальныхъ главахъ описанія (50—63) рѣчь идетъ о должностныхъ лицахъ, и притомъ авторъ сначала перебираетъ назначаемыхъ по жребію, такъ какъ они далеко преобладаютъ количествомъ. Благодаря выдѣленію этого случайнаго признака опять и въ описаніи ма-

гистратуры нѣтъ перспективы: о стратегахъ, самой крупной должности, говорится подъ конецъ и безъ малѣйшаго намека на ихъ перевѣсъ надъ остальными ἀρχαῖς. Забывши упомянуть о цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ обстоятельствъ въ государственномъ строѣ, авторъ, однако, находитъ мѣсто для картинной подробности о клейменіи лошадей, негодныхъ къ военнымъ упражненіямъ ⁴¹.

Ничто такъ краснорѣчиво не говоритъ о паденіи политическаго интереса въ когда-то живомъ центрѣ демократіи, какъ указанная особенность описательныхъ и теоретическихъ работъ Аристотеля по государственному праву. Намъ остается только благодарить судьбу за то, что учреждения погибающей великой республики нашли въ его лицѣ столь добросовѣстнаго и благожелательнаго изслѣдователя. Хотя въ цѣломъ Аристотель уже не могъ усвоить гениальное твореніе афинской государственной школы, начавшейся съ Клисоена и завершившейся авторами основныхъ законовъ 403 года, но все, что ему удалось замѣтить, онъ тщательно записалъ и сохранилъ для потомства.

¹ Діодоръ XII, 34. ² Тамъ же XIII, 103. ³ Тамъ же XVI, 8. ⁴ Плут. Демосо. 5. ⁵ Рѣчь Демосоена противъ Эвбулида 31. ⁶ Исторія заключенія мира съ Филиппомъ выясняется изъ рѣчей Демосоена и Эсхина въ большомъ процессѣ 343 г. о „лжепосольствѣ“. ⁷ Рѣчь Демосоена о лжепосольствѣ 65. ⁸ Исократъ. Филиппъ 65. ⁹ Тамъ же 50. ¹⁰ Демосо. о лжепос. 259. ¹¹ Плут. Тимолеонъ 23. ¹² Діод. XVI, 4. ¹³ Демосо. о лжепос. 135. ¹⁴ Демосо. о херсонесск. дѣл. 21—23. ¹⁵ Тамъ же 38. ¹⁶ Демосо. третья филиппика 30. ¹⁷ Тамъ же 70. ¹⁸ Плут. Демосо. 20. ¹⁹ (Приписываемая Демосоену) рѣчь о договорѣ съ Александромъ 15. ²⁰ Аристот. Политика V, 8 1310b. ²¹ Плут. Демосо. 20. ²² Аррианъ Анабазисъ Александра III, 21, 23, 24. ²³ Діод. XVII, 63. ²⁴ О требованіи возврата эмигрантовъ мы знаемъ изъ Діод. XVIII, 8. Одновременное прибитіе указа Александра о признаніи его богомъ предполагаетъ Arn. Schäfer Demosthenes u. seine Zeit 2 Ausg. Leipzig 1885—87 III, 312, 559. ²⁵ Діод. XVIII 18. ²⁶ Проф. В. Бузескуль Введеніе въ исторію Греціи, Петроградъ 1915, стр. 141 слѣд. Его же Лейпцигская Политика Аристотеля, Харьковъ 1895. Проф. С. А. Жебелевъ, Переводъ Политики Аристотеля, Спб. 1911, со статьей: Греческая политическая литература и „Политика“ Аристотеля. Последующія цитаты изъ Политики даны по переводу проф. Жебелева. ²⁷ Арист. Политика IV, 9, 1295b. ²⁸ Тамъ же VIII, 2, 1337a. ²⁹ Тамъ же III, 3, 1277b. ³⁰ Тамъ же IV, 12, 1298b—1300a. ³¹ Тамъ же IV, 3, 1290a. ³² Тамъ же II, 3, 1265a. ³³ Тамъ же II, 4, 1266b—1267a. ³⁴ Тамъ же I, 1, 1253a. ³⁵ Тамъ же III, 1, 1276a. ³⁶ Тамъ же III, 12, 1288b. ³⁷ Тамъ же III, 5, 1279a. ³⁸ Тамъ же 1279b. ³⁹ Тамъ же IV, 3, 1292a. ⁴⁰ Арист. Афин. пол. 49. ⁴¹ Тамъ же.